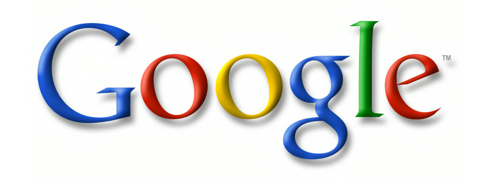
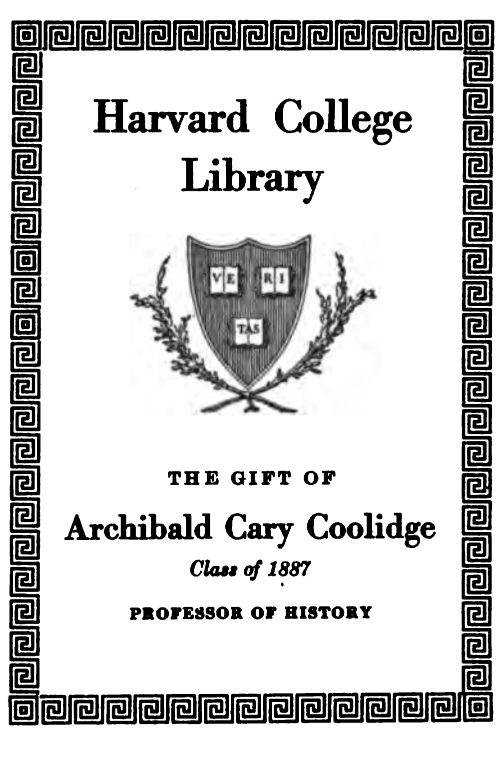

VE
RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIV

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

Съ портрета принадлежащаго Н. И. Путилову.

дозв. ценз. спб., 26 марта 1886 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXIV

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

стр.

Василій Никитичъ Татищевъ 5

Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». Статья II. (Окончаніе). **М. И. Сухомлинова** 14

Свадебный бунтъ. Историческая повѣсть. (1705 г.). Гл. XVIII—XXXVII. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса.** 41, 276, 522

Воспоминанія. Гл. IV—VI. (Продолженіе). **Графа В. А. Соллогуба** 79, 312, 552

Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **К. В. Заиковскаго** 112

Академическій университетъ въ XVIII вѣкѣ. **А. К. Бороздина.** 120

Литературная дѣятельность И. С. Аксакова. **Д. Д. Языкова.** 134

Могила Гоголя 140

Иллюстрація: Видъ могилы Гоголя.

Поморъ-философъ. **П. С. Усова** 145

Иллюстраціи: Андрей Денисовъ.—Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.—Старообрядческая Лексинская пустынь въ XVIII столѣтіи.

Бѣлая дама. **Е. П. Карновича** 161

Иллюстраціи: Анна Сидовъ.—Графиня Агнеса Орламюнде.—Надгробный камень надъ прахомъ графини Орламюнде.

Одинъ изъ друзей человѣчества. **В—а** 186

Иллюстрація: Портретъ Валентина Гаюи.

Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка. Гл. III. (Окончаніе). **В. Р. Зотова** 193

Иллюстраціи: Вербовщики, приводящіе въ рекрутское бюро захваченную ими жертву.—Драка въ игорномъ домѣ.—Современное гостепріимство, или дружеская партія въ высшемъ обществѣ.—Дѣлежка добычи.—Леди Арчеръ у позорнаго столба.—

F
S.r.

СТР

Мистрисъ Конканонъ у позорнаго столба. — Верховный судья, наказывающій леди Бокингамъ и другихъ «дочерей фаро». — Боковыя ложи Дрюриленскаго театра. — Джонъ Кембль въ роли «Гамлета». — Джонъ Кембль въ роли «Лира». — Первая танцовщица Гимаръ. — Финальное па балета «Кора и Алонзо». — Балетные танцы на Королевскомъ театрѣ. — Судебное измѣреніе узаконенной длины юбокъ. — Уличная музыка въ Лондонѣ 1799 года. — «Чудовище», наносившее раны женщинамъ. — Ричардъ Гомфрейсъ, дающій уроки боксированія. — Какъ содержать сумасшедшихъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ. (Опытъ характеристики). **С. Ѳ. Платонова** 265

Иллюстрація: Портретъ царя Алексѣя Михайловича.

Болгарія и Восточная Румелія послѣ Берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Гл. I—III. **П. А. Матвѣева.** 329, 567

Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. **Н. В. Сорокина.** 360, 628

Иллюстраціи: Видъ озера Иссыкъ-Куля (на высотѣ 5,400 ф.). — Перевалъ Алабашъ-бель (высшая точка). — Видъ озера Сонъ-Куля (на высотѣ 9,400 ф.). Древнія могилы въ долинѣ рѣки Асу.

Первый русскій репортеръ. (Историческая справка). **А. П. Мальшинскаго** 387

Крестьянинъ-археологъ. **В. З.** 392

Поморскій реформаторъ. **П. С. Усова** 401

Иллюстрація: Портретъ Гавріила Иларіоновича Скочкова.

Борщаговка, мѣсто казни Кочубея 409

Иллюстрація: Мѣстечко Борщаговка въ Кіевской губерніи (гдѣ были казнены Кочубей и Искра).

Любительскіе спектакли во Франціи въ XVIII вѣкѣ 412

Иллюстраціи: Портретъ маркизы Помпадуръ. — Портретъ графа д'Артуа.

Восточный вопросъ въ 1839—1841 годахъ. **А. Н. Молчанова.** 431

Датскій археологъ **В. Т.** 444

Голода въ Россіи. Историческій очеркъ **В. Н. Щепкина** . . 489

Геральдическій туманъ. (Замѣтки о родовыхъ прозвищахъ). **Н. С. Лѣскова** 598

Никитскій монастырь **А. А. Титова** 614

Иллюстраціи: Никитскій монастырь. — Столпъ преподобнаго Никиты. — Бывшій монастырь, нынѣ церковь св. Петра и Павла, въ Ярославлѣ, построенная въ 1691 году. — Часовня близь Никитскаго монастыря въ память заключенія мира переяславцевъ съ суздальцами. — Портикъ-часовня близь Переяславля.

Область отрозненной личности. (По поводу 50-тилѣтія «Ревизора»). **О. Ѳ. Миллера** 656

Общность нѣкоторыхъ всемірныхъ обычаевъ. **А. И. Савельева** . 669

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Н. И. Костомарова. Спб. 1885. **Д. Л. Мордовцева.** — Сочиненія Корнелія Тацита, русскій переводъ

съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ. В. И. Модестова. Т. I. Спб. 1886. **А. К.**—Исторія родовъ русскаго дворянства. Составилъ П. Н. Петровъ. Т. I. Спб. 1886. **В—а.**—Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб. 1886. **И. Н. Божерянова.**—Русскимъ дѣтямъ. Разсказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности. Выпускъ I. (Отъ начала славянской письменности до татарщины). Составилъ Невзоровъ. Казань. 1885. **И. Б—а.**—Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора трагедіи, составилъ Е. Воскресенскій. Изданіе 2-е. Ярославль. 1886. **В. З.**—Архивъ князя Воронцова. Книга XXXII. Москва. 1886. **Е. Г.**—Внѣшняя политика Наполеона III. Публичныя лекціи Г. Е. Аѳанасьева. Одесса. 1886. **В. З.**—Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Томъ II. Ермоловское время. Вып. 1-й. Спб. 1886. **В. П.**—Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV вѣка. Издалъ по рукописи С.-Петербургской публичной библіотеки графъ А. Бобринской. Спб. 1886. **Е. Г.**—Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекція В. Бузескула. Харьковъ. 1886. **В. З.**—Записки императорскаго русскаго археологическаго Общества. Т. I. (Новой серіи). Спб. 1886. **Е. Г.**—Исторія Россіи. Народное изданіе, съ портретами императорскаго дома. Составилъ В. А. Абаза. 1885. **И. Б—а.** — Разсказы про Суворова. А. Петрушевскаго. Съ портретомъ. Спб. 1886. **В. П.**—Иллюстрованный календарь Общества имени Михаила Качковскаго, на годъ простый 1886. Составилъ О. А. Мончаловскій. Львовъ. 1885. **М. И. Городецкаго.** — Календарь Рязанской губерніи на 1886 годъ. Изданіе рязанскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціею А. В. Селиванова. Рязань. 1886. **Н. Д—скаго.** — Архивъ адмирала П. В. Чичагова. Выпускъ первый. Спб. 1885. **К. Н. В.**—Адамъ Кисель, воевода кіевскій. 1580—1653 г. Историко-біографическій очеркъ съ портретомъ Киселя. И. П. Новицкаго. Кіевъ. 1885. **Д. Л. Мордовцева.** — Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Рудольфа Гнейста, переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1885. **В. З.** — Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Варшава. 1885. **М. И. Городецкаго.** — Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Древніе акты XVI—XVIII столѣтія, собранные и изданные секретаремъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Л. Б. Вейнбергомъ. Вып. IV, V и VI. Воронежъ. 1886. **Н. Д—скаго.**—Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собралъ И. С. Ремезовъ. Спб. 1886. Съ четырьмя портретами. **В—а.**—Календарь Вятской губерніи на 1886 годъ. Вятка. 1886. **Н. Д—скаго.** — Язвы Петербурга. Опытъ историко-статистическаго изслѣдованія. Вл. Михневича. Спб. 1886. **В. З.**—Цвѣтаевъ, Дм. Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. М. 1886. **И. Ш.** — Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеобщая исторія. Пособіе для учителей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Виноградовъ, преподаватель Вяземской гимназіи. Вязьма. 1886. **И. Б.** — Альбомъ рисунковъ русскихъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка (близъ Мстеры). 1886. **Е. Г.** — Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со 2-го изданія, пересмотрѣннаго и перерабо-

стр.

таннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ второй. Исторія эллинскаго народа. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1886. **А. К.** — Очерки и разсказы изъ всеобщй исторіи. Д. Иловайскаго. Часть вторая. Средніе вѣка. Выпускъ первый. Москва. 1886. **В. З.** — В. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Москва. 1886. **Р. И.** — «Витебская Старина». Томъ IV. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885. **А. Б.** — Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II, составилъ А. П. Сафоновъ. Спб. 1886. О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II. Историческій разсказъ для народнаго чтенія. А. Шумахера. Спб. 1886. **В—а.** — Указатель къ изданіямъ императорскаго русскаго географическаго Общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 годъ. Спб. 1886. **И. Ш.** . . . . 222, 447, 679.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 245, 468, 689.

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Къ біографіи томскаго губернатора Хвостова. Сообщено **А. Н. Величковымъ.** — 2) Послѣдняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году. **П. К. Мартьянова** . . . . 477, 698.

СМѢСЬ:

Двадцатипятилѣтіе крестьянской реформы. — Торжественный актъ университета. — Торжественное засѣданіе славянскаго Общества. — Общество любителей древней письменности. — Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной академіи въ 1885 году. — Церковное древлехранилище. — Десятилѣтіе «Новаго Времени». — Самаркандскія надписи. — Столѣтній юбилей Араго. — Коммиссія для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. — Славянское Общество. — Археологическое Общество. — Храненіе старинныхъ памятниковъ въ Смоленскѣ. — Памятникъ Ермаку. — Раскопки въ Египтѣ. — Открытіе памятника Александру II въ Кишиневѣ. — Полувѣковой юбилей «Ревизора». — Двухсотлѣтняя годовщина рожденія Татищева. — Столѣтняя годовщина рожденія Шиллинга. — Двадцатипятилѣтіе комитета грамотности. — Некрологи: Б. В. Кёне; П. А. Лавровскаго; П. К. Щебальскаго; А. Л. Дювернуа; П. И. Карашевича; М. Я. фонъ-деръ-Вейде; Юліана Шмидта; Н. И. Свѣдѣнцева; І. Б. Залѣскаго . . . . 254, 479, 709.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) По поводу изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго». **П. К. Мартьянова.** — 2) Къ «Воспоминаніямъ» графа Соллогуба. **Алексѣя Карасева.** — 3) Къ «Воспоминаніямъ» г. Заиковскаго. **В. А. Шумилова.** — 4) Письмо въ редакцію. **Вл. Бузескула** . . . . 262, 486, 717.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Василія Никитича Татищева.** — 2) Портретъ **графа В. А. Соллогуба.** — 3) **Мои темницы.** Воспоминанія Сильвіо Пелико да Салуццо. Переводъ съ итальянскаго. Гл. I—XLVIII. (Съ 10 рисунками).

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

ДЕВЯТНАДЦАТАГО апрѣля, исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева. Къ этому юбилею академія наукъ предполагаетъ издать полное собраніе сочиненій его, разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ; въ самый день юбилея, состоится публичное засѣданіе академіи, посвященное памяти Татищева; по всей вѣроятности, къ этому чествованію «отца русской исторіи», какъ называетъ Татищева одинъ почтенный ученый, присоединятся разныя наши историческія Общества [1]). Историческій журналъ не можетъ остаться въ сторонѣ при этомъ торжествѣ, и поэтому считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ нѣкоторыя данныя, характеризующія личность Татищева, и сказать нѣсколько словъ о значеніи его какъ историка.

Татищевъ родился 19-го апрѣля 1686 года. О его дѣтствѣ и юности намъ ничего неизвѣстно, не знаемъ мы также, какое онъ получилъ воспитаніе; вѣроятно, его ученіе не шло дальше простой азбуки, и тотъ громадный запасъ свѣдѣній, начитанность, съ которыми онъ является передъ нами въ своихъ сочиненіяхъ, пріобрѣтены имъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Въ 1704 году, Татищевъ поступилъ на службу въ артиллерію; онъ принималъ участіе въ шведской войнѣ, былъ въ Полтавскомъ сраженіи, ходилъ на Прутъ. Въ 1714 и 1717 годахъ, онъ ѣздилъ за границу въ Германію, и уже въ это время сталъ выдаваться своими историческими и археологиче-

---

[1]) Казанское Общество археологіи, исторіи и этнографіи уже въ прошломъ году издало вновь «Духовную» Татищева.

скими познаніями; Петръ Великій поручилъ ему осмотрѣть икону Страшнаго Суда, находившуюся въ Данцигѣ, писанную, по мѣстному преданію, славянскимъ апостоломъ св. Меѳодіемъ,—Татищевъ не подтвердилъ этого преданія, и икона осталась въ Данцигѣ, хотя Петръ и хотѣлъ прежде дать за нее очень большія деньги. Въ 1720 году, Татищевъ былъ назначенъ въ Сибирь на уральскіе горные заводы, которые ему было поручено привести въ лучшее состояніе; кромѣ того, онъ долженъ былъ стараться объ отысканіи новыхъ рудъ и учреждать новые заводы. Въ 1724 году, мы видимъ его уже въ Швеціи, куда онъ посланъ былъ съ нѣсколькими молодыми людьми, для обученія ихъ горному дѣлу. По возвращеніи въ Россію, онъ получилъ назначеніе управлять монетнымъ дѣломъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ съ особеннымъ усердіемъ предался своимъ научнымъ занятіямъ, но обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ императрицы Анны Ивановны, выдвинули Татищева на поприще политической дѣятельности. Онъ составлялъ извѣстное прошеніе дворянства объ отмѣнѣ ограничительныхъ условій, принятыхъ императрицею подъ вліяніемъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Въ 1734 году, онъ снова былъ назначенъ на уральскіе горные заводы, гдѣ принесъ много пользы и заводамъ, и краю; при немъ число заводовъ возросло до 40, и онъ еще предполагалъ открыть 36 новыхъ, устроивалъ школы, упорядочивалъ администрацію. Но къ нему не благоволилъ Биронъ, имѣвшій корыстные виды на уральскіе заводы, и Татищеву пришлось оставить свое мѣсто. Ему поручено было улаженіе разныхъ смутъ, поднявшихся среди башкиръ Оренбургскаго края. Въ 1739 году, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для суда по обвиненіямъ во взяточничествѣ и былъ даже одно время заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. При императрицѣ Елисаветѣ, онъ былъ освобожденъ отъ суда, назначенъ въ коммиссію по устройству быта калмыковъ, затѣмъ астраханскимъ губернаторомъ. Съ 1745 года, онъ былъ устраненъ отъ служебной дѣятельности, попалъ снова подъ судъ и умеръ въ 1750 году въ подмосковномъ селѣ своемъ Болдинѣ. Наканунѣ своей смерти онъ получилъ указъ императрицы, что найденъ невиннымъ, и орденъ св. Александра Невскаго.

Дѣятельность Татищева можетъ показаться изумительною по своей многосторонности. Но надо вспомнить, что Татищевъ былъ одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», а Петръ создавалъ людей, не только «давалъ имъ тѣла», какъ говорили въ прошломъ столѣтіи, но давалъ имъ и душу, и какую душу! Онъ предоставлялъ широкое поле личной иниціативѣ каждаго изъ своихъ птенцовъ. Прекрасную характеристику ихъ дѣятельности находимъ мы у К. Н. Бестужева-Рюмина: «Пришлось брать на себя много дѣлъ и притомъ учиться дѣлу при самомъ дѣлѣ, а не готовиться къ нему долгими годами: случалось нерѣдко, что самое дѣло представлялось

неожиданно, когда уже начато было другое, ибо оказывалось, что это другое не можетъ быть сдѣлано безъ перваго; приходилось переходить къ другому дѣлу, вновь учиться и зорко оглядываться по сторонамъ, не усложнится ли и это какимъ нибудь вновь открывшимся обстоятельствомъ. Все приходилось начинать сначала: приходилось и изучить новыя для Россіи науки и при свѣтѣ этихъ наукъ изучать и самую Русскую землю, которая до тѣхъ поръ еще не была предметомъ изученія, а только знакома была по непосредственному практическому наблюденію: знали то, что было на поверхности, и часто отъ незнакомства съ наукою пропускали безъ вниманія то, что могло оказаться драгоцѣннымъ. Трудную школу проходили дѣятели петровской эпохи, но выносили они изъ этой школы упорство въ трудѣ и умѣніе всѣмъ пользоваться и, быстро соображая, примѣнять все пріобрѣтенное къ дѣйствительности» [1]). Таковъ былъ и Татищевъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, подробнѣе остановиться на его дѣятельности въ качествѣ начальника горныхъ заводовъ, управляющаго Оренбургскимъ краемъ и астраханскаго губернатора, но она имѣла чрезвычайно большое значеніе. Не смотря на всѣ достоинства трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. А. Попова, было бы весьма желательно появленіе новаго труда, спеціально посвященнаго этимъ вопросамъ; обильный и почти совсѣмъ нетронутый матеріалъ для этого можно найдти въ архивѣ горнаго департамента.

Мы не будемъ разбирать многочисленныхъ сочиненій Татищева, касающихся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, а обратимся прямо къ главному его труду, носящему заглавіе: «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная». Тридцать лѣтъ неусыпнаго труда, какъ мы сейчасъ увидимъ, не фраза въ устахъ Татищева, не красное словцо. Первоначально онъ занимался изученіемъ русской географіи. Мысль объ этихъ занятіяхъ была ему внушена его начальникомъ, президентомъ бергъ-коллегіи графомъ Брюсомъ. Географію Татищевъ понималъ очень широко; въ составъ ея входили не только чисто географическія свѣдѣнія, но и историческія, археологическія, юридическія, этнографическія. Сперва исторія являлась у него прикладнымъ предметомъ къ географіи, но затѣмъ она заняла первое мѣсто. Онъ былъ первымъ русскимъ ученымъ, который обратилъ на нее вниманіе. Ему пришлось начать съ простаго сбора матеріаловъ и ограничиться ихъ сводомъ. Подготовительныя работы Татищева свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ его трудолюбіи, наблюдательности, широкомъ пониманіи дѣла. Онъ два раза составлялъ обширныя библіотеки сочиненій философскихъ, историческихъ, географическихъ; пользовался би-

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Віографіи и характеристики, стр. 4.

бліотекою князя Д. М. Голицына, въ которой было много рукописныхъ матеріаловъ. Онъ усердно и отовсюду собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрья, старинныя ландкарты; а во время частыхъ странствій своихъ изъ одного конца Россіи въ другой по обязанностямъ службы, не опускалъ ни одного удобнаго случая научиться чему нибудь. Такъ онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разносчиковъ; читаетъ у князя Д. М. Голицына письмо царя Михаила Ѳеодоровича къ Ѳедору Шереметеву, у князя А. М. Черкасскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ князю И. Бор. Черкасскому; разъѣзжая по Уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; черезъ оренбургскаго ассессора Рычкова разспрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ, и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваши, черемисы толкуютъ ему свои собственныя имена; о томъ же разспрашиваетъ онъ вогуловъ черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меѳодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулѣ, Пронѣ и посылаетъ съ тою же цѣлью офицеровъ и геодезистовъ; жиды показываютъ ему свои библіи въ сверткахъ; по всему восточному краю Россіи у него было разбросано немало крестниковъ изъ инородцевъ, которымъ онъ давалъ русскія прозвища вмѣсто собственныхъ именъ и которые иногда навѣщали его и вели съ нимъ разговоры о своемъ бытѣ, и т. д. [1]).

Нѣкоторые изъ источниковъ Татищевской исторіи утеряны, вслѣдствіе чего заподозрѣвалась истинность иныхъ его извѣстій; Татищевъ обвинялся даже въ недобросовѣстности. Особенно скептическому отношенію подвергался отрывокъ изъ такъ называемой Іоакимовской лѣтописи. Шлецеръ назвалъ Іоакимовскую лѣтопись «бреднями», а автора ея «сѣвернымъ грѣшникомъ»; Карамзинъ назвалъ отрывокъ «шуткою, вымыслами». Первый выступилъ въ защиту Татищева противъ такихъ авторитетовъ Бутковъ, затѣмъ изслѣдованія С. М. Соловьева, П. А. Лавровскаго, Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина сдѣлали окончательно невозможнымъ упрекъ Татищеву въ недобросовѣстности, и, напротивъ, извѣстія его признаются очень важными; такъ, напримѣръ, еще недавно г. Линниченко указалъ, что только Татищевскій трудъ даетъ возможность возстановить истинный смыслъ нѣкоторыхъ событій, невѣрно

---

[1]) Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 431—435.

разсказанныхъ польскими хроникерами. Такому же заподозрѣванію, какъ Іоакимовская лѣтопись, подвергались нѣкоторыя другія мѣста Татищевской исторіи, но также неосновательно.

Какъ же смотрѣлъ Татищевъ на исторію? Что считалъ онъ ея предметомъ? Какія ставилъ ей цѣли? Какія требованія предъявлялъ къ историку? Исторія, по его мнѣнію, занимается не только человѣческими дѣлами, она изучаетъ также и приключенія естественныя и чрезъестественныя. «Нѣтъ такого приключенія,—говоритъ онъ,—чтобъ не могло дѣяніемъ назваться, ибо ничто само собою и безъ причины или внѣшняго дѣйствія приключится не можетъ; причины же всякому приключенію разныя яко отъ человѣка». Цѣли исторіи морально-утилитарныя: она есть учительница жизни, какъ собраніе примѣровъ, она необходима и богослову, и юристу, и медику, и философу, и политику. «Многіе великіе государи,— говоритъ Татищевъ,—есть ли не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобы ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ прилежать показали». Одни требуютъ отъ историка только начитанности, памяти и разсудка, другіе полнаго философскаго образованія, но первое, по мнѣнію Татищева, «скудно», второе «избыточественно», онъ находитъ, что историку нужны начитанность, здравый смыслъ, логика и реторика, главнѣйшимъ же требованіемъ считаетъ справедливость сказаній и отверженіе басенъ; такимъ образомъ онъ требуетъ отъ историка того, что въ наше время называется прагматизмомъ.

Но Татищеву не удалось вполнѣ обработать критически русскую исторію; только первый томъ его исторіи представляетъ собою научный трактатъ, а въ слѣдующихъ четырехъ томахъ мы находимъ лишь полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, снабженный подстрочными примѣчаніями. Эти примѣчанія весьма цѣнны, въ нихъ рельефно выступаетъ критическій талантъ историка. Сводя въ текстѣ различныя извѣстія, онъ указываетъ въ примѣчаніяхъ, откуда ихъ беретъ; подробно разбираетъ вопросы хронологическіе. Особенно интересны его замѣчанія о возможности, историческомъ значеніи и смыслѣ описываемыхъ событій. Въ примѣчаніяхъ обнаруживаются богословскія, философскія, политическія и историческія его убѣжденія. Наконецъ, эти примѣчанія могутъ служить матеріаломъ для его біографіи и для исторіи его времени.

Философскія воззрѣнія Татищева не были самостоятельны; на нихъ отразилось вліяніе школы Христіана Вольфа, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказался и скептицизмъ, заимствованный у Беля и Гоббеса. Его критеріемъ является часто здравый смыслъ. Это направленіе обнаружилось въ немъ еще въ молодости; весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее его воспоминаніе: «Въ 1714 году, ѣдучи изъ Германіи чрезъ Польшу, въ Украйнѣ я заѣхалъ въ Лубны къ

фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то не правда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ; я просилъ его, чтобы позволилъ мнѣ ту бабу видѣть и ее къ покаянію увѣщать, по которому онъ послалъ со мной адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ къ оной бабѣ, спрашивалъ я ее прилежно, чтобъ она истину сказала, на что она то же, что и въ разспросахъ, утверждала. Я требовалъ у ней утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: ниткѣ, которую въ рукахъ держалъ, чтобъ, не дотрогиваясь, велѣла порваться, или горѣвшей свѣчѣ погаснуть, или бъ въ окошко, которое я открылъ, велѣла бъ воробью влетѣть, обѣщавъ ей за то не только свободу, но и награжденіе, но она отъ всего отреклась. Потомъ я ее увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала: на оное она сказала, что лучше хочетъ умереть, нежели, отпершись, еще пытанной быть, и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, очарованіе ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ; что и достовѣрно утвердила, по которому оная въ монастырь подъ началъ сослана». Если мы припомнимъ, что въ то время вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ было общимъ явленіемъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, что въ Германіи послѣдняя вѣдьма сожжена въ 1749 году, то приведенный разсказъ Татищева служитъ для насъ яркимъ свидѣтельствомъ, на сколько онъ опередилъ свой вѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него мы узнаемъ о раннемъ развитіи въ Татищевѣ скептицизма и философіи здраваго смысла.

Такой складъ философскихъ убѣжденій Татищева не могъ не отразиться на его взглядахъ на религію и церковь. Боязнь дьявола, волшебство, ворожеи, колдуны, всякія суевѣрія подвергаются язвительнымъ его насмѣшкамъ. Но онъ идетъ и далѣе: критически относится къ внѣшнему пониманію религіи и обрядовой сторонѣ. Сильно достается отъ него католикамъ и папѣ. Въ «Духовной» своей онъ говоритъ о католикахъ, что они такъ далеки отъ православія, что «едва можетъ ли кто ихъ за христіанъ почитать». Весьма часто встрѣчаемъ мы отъ него параллель между католицизмомъ и ламаизмомъ: «Восточный идолъ Далайлама, — говоритъ онъ: — мню, болѣе для вымана у народа денегъ, нежели для обученія къ благочестивому житію, къ безсмертности души вымыслилъ чистительный огонь, которому и западный папа яко въ прочихъ вымыслахъ, тако и въ семъ послѣдовалъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ выражается: «Папа вселенскую церковь вѣрно поправляетъ. Сказаніе сіе есть самохвальное по вкусу папистовъ. Равно сего тангуты Далайламу за всеобщаго міру священника и

Бога почитаютъ; но я мню—обоимъ многаго не достаетъ». Какъ ни оригинальна эта параллель, но въ ней есть много вѣрнаго и мѣткаго. Взгляды Татищева на православное духовенство также иногда отрицательны; онъ смѣется надъ поведеніемъ нѣкоторыхъ патріарховъ и митрополитовъ, сильно возстаетъ противъ накопленія богатствъ и земельныхъ имуществъ духовенствомъ, которое употребляетъ ихъ «на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, и народу безполезныя», считаетъ подложными уставы о десятинахъ. Эти взгляды Татищева сказываются въ его критическихъ пріемахъ; онъ очень недовѣрчиво относится къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ духовными писателями: митрополита Макарія обвиняетъ, что онъ внесъ въ Степенную книгу «нѣколико недоказательныхъ обстоятельствъ». Не довѣряетъ онъ Никоновскому списку лѣтописи: «Видится особливо,—замѣчаетъ онъ,—Никонъ, самъ пречерня велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что по уничтоженію власти духовной въ другихъ спискахъ находятся, въ немъ выкинуты или перемѣнены, и новымъ порядкомъ вписаны; напримѣръ, гдѣ въ прочихъ написано: «посла князь, или повелѣ князь митрополиту или епископу», тутъ онъ написалъ: «и моли князь отца своего митрополита или епископа». Интересенъ, между прочимъ, отзывъ Татищева объ идолопоклонникахъ; онъ старается ихъ защищать отъ нападокъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, доказываетъ, что у язычниковъ существуетъ понятіе о единствѣ божества и о вѣчности души.

Политическія воззрѣнія Татищева высказаны были имъ въ извѣстномъ прошеніи дворянства императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ о возстановленіи самодержавія, которое пытались ограничить верховники; тѣ же взгляды повторяются Татищевымъ въ другихъ его сочиненіяхъ, съ ними встрѣчаемся мы и въ его «Исторіи». Онъ указываетъ три формы правленія: демократію, аристократію и монархію. Демократія можетъ существовать въ городахъ и малыхъ областяхъ, аристократія хороша въ государствахъ большихъ, которыя достаточно ограждены естественнымъ своимъ положеніемъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, въ которыхъ высоко народное просвѣщеніе; монархія необходима въ великихъ областяхъ съ открытыми границами, гдѣ народъ «ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится». Россія принадлежитъ къ послѣднему разряду государствъ, поэтому самою естественною формой правленія является въ ней самодержавіе. Затѣмъ въ «Исторіи» Татищева мы находимъ и другое политическое разсужденіе о порядкѣ престолонаслѣдія; здѣсь онъ является приверженцемъ Петровскаго указа, что «государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому заблагоразсудитъ», можетъ не стѣсняться правами первородства. Это свое по-

ложеніе онъ подкрѣпляетъ историческими примѣрами и ссылками на священное писаніе.

Таковы въ общихъ чертахъ философскія и политическія воззрѣнія, высказываемыя Татищевымъ въ его «Исторіи Россійской». Татищевъ касался всѣхъ этихъ вопросовъ и въ другихъ сочиненіяхъ, носящихъ уже публицистическій характеръ. Особенно интересны тѣ его труды, въ которыхъ онъ отстаиваетъ науку отъ различныхъ на нее нападокъ, преимущественно со стороны духовныхъ лицъ; въ этомъ отношеніи очень замѣчателенъ «Разговоръ о пользѣ наукъ», подробно изложенный К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его монографіи о Татищевѣ [1]). Кромѣ «Исторіи Россійской», Татищеву принадлежитъ довольно много сочиненій, служившихъ какъ бы подготовкой къ этому главному его труду; они до сихъ поръ еще не утратили своего научнаго значенія, таковы: словари историческій и географическій, примѣчанія къ «Русской Правдѣ», къ судебнику Іоанна Грознаго и къ дополнительнымъ къ нему указамъ и др.

Въ заключеніе нашей статьи упомянемъ о тѣхъ превратностяхъ судьбы, которыя пришлось испытать «Исторіи» Татищева. Уже въ 1739 году, когда Татищевъ въ первый разъ привезъ въ Петербургъ свою «Исторію», она была встрѣчена различными замѣчаніями и нареканіями: одни считали дерзостью критическій разборъ старинныхъ лѣтописей, другіе нападали на сочиненіе Татищева съ философской стороны. Онъ долженъ былъ поѣхать къ новгородскому архіепископу Амвросію и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ своемъ трудѣ, по его указаніямъ. Одно время онъ предполагалъ издать свою «Исторію» за границей, черезъ знакомаго англичанина Гануэя велъ переговоры съ лондонскимъ королевскимъ обществомъ, но этотъ замыселъ не могъ осуществиться, по недостатку переводчиковъ. «Исторія» была издана только при Екатеринѣ, и то не цѣликомъ: въ 1769—1774 году были напечатаны первые три тома при Московскомъ университетѣ, въ 1784 году въ Петербургѣ изданъ четвертый томъ, пятаго тома не могли найдти, и уже въ 1843 году Погодинъ случайно открылъ его въ своихъ рукописяхъ, а въ 1848 году онъ изданъ московскимъ Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ.

Еще болѣе пришлось претерпѣть «Исторіи» со стороны ученой критики. Мы уже указывали на нѣкоторыя неосновательныя нападки. Теперь научная репутація Татищева можетъ считаться окончательно возстановленной. С. М. Соловьевъ опредѣляетъ значеніе Татищева такимъ образомъ: «Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія,

---

[1]) Біографіи и характеристики, стр. 99—140.

снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для дальнѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіей. Кто посвятилъ себя научнымъ ислѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ великія заслуги Татищева, какъ перваго указателя; не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны... Татищеву на ряду съ Ломоносовымъ принадлежитъ самое почетное мѣсто въ исторіи русской науки, какъ науки въ эпоху начальныхъ трудовъ». К. Н. Бестужевъ-Рюминъ также сравниваетъ Татищева съ Ломоносовымъ, говоритъ, что названіе «первый русскій университетъ», данное Пушкинымъ Ломоносову, можетъ быть въ значительной степени примѣнено и къ Татищеву, первоначальнику русской исторической науки.

Н. А. ПОЛЕВОЙ И ЕГО ЖУРНАЛЪ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“ [1].

СЪ ПОЯВЛЕНІЕМЪ Уварова во главѣ министерства народнаго просвѣщенія настали для Полеваго особенно тяжелые дни. Уваровъ представилъ докладъ о запрещеніи «Телеграфа», но государь не изъявилъ на это согласія, и «Телеграфъ» просуществовалъ еще нѣсколько времени, пока новый докладъ не увѣнчался желаемымъ успѣхомъ.

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» была помѣщена, въ отдѣлѣ критики, статья о сочиненіи Вальтеръ-Скотта: «Жизнь Наполеона Бонапарте». Въ статьѣ этой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Вальтеръ-Скоттъ представляетъ насъ истинными варварами, безпрестанно честитъ именемъ скиѳовъ, съ которыми у насъ нѣтъ никакого родства, ни кровнаго, ни духовнаго, и нисколько не раскрываетъ причинъ одушевленія нашего въ 1812 году. Нельзя не сказать кстати, что какой бы ни отмежевали мы участокъ простительному незнанію иностранца, но въ семъ случаѣ историкъ Наполеона совершенно несносенъ. Какъ не знать ему, что въ Россіи живутъ не варвары, похожіе на скиѳовъ, а люди, во многихъ отношеніяхъ столько же образованные, какъ и соотечественники историка? Онъ самъ видалъ русскихъ, былъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ дружественныхъ отношеніяхъ; онъ могъ судить по нимъ, и еще болѣе по вліянію Россіи на дѣла Европы и по внѣшнимъ отношеніямъ ея, что мы давно вышли изъ варварскаго состоянія. Обык-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 503.

новенно въ этомъ случаѣ иностранцы указываютъ на крестьянъ нашихъ, которые, правду сказать, находятся еще въ грубой корѣ; но развѣ шотландскіе или французскіе мужики лучше нашихъ? Они также не знаютъ ни грамоты, ни закона, также дико, не по-человѣчески живутъ, и ломаютъ свой языкъ не хуже подмосковнаго мужика. Массы народныя есть вездѣ. За исключеніемъ религіознаго чувства и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, онѣ повсюду одинаковы, и служатъ въ кораблѣ государственномъ вмѣсто балласта, который, по волѣ управляющихъ движущимся тѣломъ этого корабля, переносится въ трюмъ, составляетъ иногда товаръ, иногда запасъ военный или общежительный, и въ случаѣ нужды выкидывается за бортъ. Онъ существенная принадлежность корабля; но кто рѣшится судить по немъ объ искусствѣ и образованности корабельныхъ начальниковъ? Вальтеръ-Скоттъ, однакожъ, судилъ о насъ такимъ образомъ. Онъ только видѣлъ въ насъ варваровъ, и не сказалъ почти ничего о состояніи духа народнаго въ Россіи 1812 года. А какой важный предметъ для разсмотрѣнія представлялся ему! Онъ увидѣлъ бы необычайное явленіе совершеннаго спокойствія, увѣренности, можно сказать, неподвижности нашей при великихъ событіяхъ. Никогда и ни въ какомъ государствѣ, при чужеземномъ нашествіи, народъ не оказывалъ такой довѣренности къ властямъ. Французы были уже въ сердцѣ Россіи, а мы даже не знали, что̀ дѣлается въ нашихъ арміяхъ. Французы были уже въ Москвѣ, а мы и не безпокоились объ этомъ. Конечно, разстройство вещественное было велико; многія дѣла и сношенія прекратились, но никто не почиталъ потери столицы гибельною для государства; всѣ, напротивъ, были въ какой-то увѣренности, что нашествіе Наполеона есть мимоидущая буря, послѣ которой все приметъ прежній видъ. Говорятъ объ ожесточеніи крестьянъ, о народной войнѣ, но ничего этого не было. Можетъ быть, на всемъ пространствѣ пути французовъ, и съ окрестностями Москвы, гдѣ прожили они довольно долго, нѣсколько десятковъ, и едва ли сотенъ мужиковъ, оказали сопротивленіе фуражирамъ и мародерамъ, но развѣ это значитъ народная война? Русскіе дворяне и купцы сдѣлали великія пожертвованія, но не прежде, какъ при воззваніи своего монарха. Изъ Москвы бѣжали, въ Петербургѣ готовились къ бѣгству, но сопротивленія народнаго не было нигдѣ. Какъ же было не замѣтить такого необычайнаго явленія и не отдать всей справедливости безсмертнымъ мужамъ, спасителямъ Россіи: Александру, мужественному, непоколебимому противнику западнаго исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю-де-Толли? Кто могъ остановить державную волю Александра, если бы онъ рѣшился уступить Наполеону при началѣ кампаніи, или въ первые мѣсяцы оной, при видѣ страшной грозы, готовой упасть и потомъ упавшей на его имперію? Но какъ при объявленіи войны, такъ и въ минуты величайшихъ

опасностей, Александръ былъ и остался героемъ, достойнымъ сыномъ и царемъ Россіи. Барклай-де-Толли, который умѣлъ спасти армію и затруднилъ, изумилъ Наполеона своею системою медленія вслѣдствіе глубокаго разсчета,—Барклай-де-Толли былъ другимъ хранителемъ Россіи. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великаго подвига, который оттого и оцѣнивается многими не такъ, какъ бы надлежало. Но исторія будетъ справедливѣе современниковъ: она отдастъ каждому законный участокъ славы.

«Сожженіе Москвы представлено Вальтеръ-Скоттомъ такъ, что не поймете, кто былъ виною онаго? Правительство, народъ или французы? Онъ не знаетъ даже того акта, который былъ напечатанъ въ Москвѣ, на французскомъ и русскомъ языкахъ, по приказанію Наполеона, и въ которомъ означены имена поджигателей. Этотъ важный историческій актъ былъ повторенъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ того времени, и послѣ него нельзя сомнѣваться, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ самихъ русскихъ [1]). Остается рѣшить: дѣйствительно ли необходимо было сжечь столицу для пораженія непріятеля? Вальтеръ-Скоттъ, по примѣру многихъ, разсуждавшихъ объ этомъ безпримѣрномъ событіи, находитъ, что пожаръ московскій былъ губителенъ для Наполеона. Какъ русскій, любящій славу своего отечества, я готовъ согласиться, что подвигъ былъ изумителенъ своимъ величіемъ, но, признаюсь, не вижу никакой опредѣленной цѣли для него.

«Но какія слѣдствія вообще имѣлъ Наполеоновъ походъ на Россію? Вотъ главный вопросъ, который долженъ былъ разрѣшить историкъ, описавъ сію бѣдственную для повелителя Франціи кампанію. Онъ даже и не упоминаетъ о нравственномъ ея дѣйствіи. Повторяя то же, что говорилъ онъ при началѣ описанія оной, Вальтеръ-Скоттъ осуждаетъ Наполеона за несправедливость, за высокомѣріе, за ошибки противъ разсчетливости политической и противъ военнаго искусства. Онъ не видитъ рѣзкой грани, которою Провидѣніе означило сей періодъ въ исторіи Наполеона и, прибавимъ, цѣлаго міра.

«Слѣдствія похода въ Россію были безчисленны. Гибель арміи Наполеона еще не была гибелью его самого. Потерявъ полмилліона войскъ, всю артиллерію и безчисленное множество всякихъ запасовъ, онъ мановеніемъ своей воли, какъ бы чародѣйствомъ, вновь воздвигъ армію въ триста тысячъ человѣкъ, снабженную всѣмъ не хуже его большой арміи, исчезнувшей въ Россіи. Но уже мысль объ освобожденіи сверкнула въ умахъ народовъ. Пруссія, можетъ быть, обольщенная неслыханною гибелью арміи Наполеоновой, не-

---

[1]) Русскій переводъ напечатанъ въ «Телеграфѣ», 1829 года, въ № 24-мъ, стр. 392 — 409.

медленно соединилась съ Россіею и, сдѣлавъ этотъ смѣлый шагъ, должна была употребить противъ врага всѣ свои силы, ибо возвратиться къ прежнему было невозможно: гибель ожидала ее при новомъ успѣхѣ Наполеона. Примѣръ столь значительной державы былъ чрезвычайно важенъ. Онъ увлекъ многихъ, робкихъ и слабыхъ, благоразумныхъ и осторожныхъ, которые также, возставъ противъ Наполеона, уже не могли положить оружія, вслѣдствіе самаго простаго разсчета. Таково было отношеніе правительствъ европейскихъ къ Наполеону послѣ 1812 года. Отношенія народовъ были еще рѣшительнѣе. При мысли о свободѣ отечества, каждый житель Германіи былъ готовъ принести на жертву все: жизнь, спокойствіе, достояніе. Въ такой борьбѣ успѣхъ не могъ быть на сторонѣ Наполеона, и его блистательные успѣхи, которыми ознаменовалось начало кампаніи 1813 года, не вели ни къ чему» [1]).

Въ статьѣ «Телеграфа», и въ особенности въ приведенномъ отрывкѣ, Уваровъ «усмотрѣлъ самые неосновательные и предосудительные толки», вслѣдствіе чего и представилъ государю докладъ слѣдующаго содержанія: [2]).

«Въ бытность мою въ прошедшемъ году въ Москвѣ, какъ извѣстно вашему императорскому величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ съ сужденіями и превратными, и вредными. Поставивъ московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій. Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ того времени тонъ сихъ журналовъ смягчился и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей 9-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» статью, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на исторію Наполеона», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самые неосновательные и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки и злонамѣренные ироническіе намеки,

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1833, № 9, май. Взглядъ на исторію Наполеона, стр. 137—141. Именно на эти страницы, какъ на самыя предосудительныя, Уваровъ указываетъ въ отношеніи своемъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа, 27 сентября 1833 года, № 1,105.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1833 года, № 696 (147,358).

какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками.

«Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою, долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, если бъ не былъ уже вовсе уволенъ отъ службы.

«Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства, и слѣдовательно, что по всей справедливости журналъ «Телеграфъ» подлежитъ запрещенію.

«Представляя вашему императорскому величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимой для нѣкотораго обузданія такъ называемаго духа времени, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего разрѣшенія».

На докладѣ Уварова написано государемъ: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же—въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно, самъ себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобъ вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его». Князь С. М. Голицынъ пытался защитить если не Полоtaго, то Двигубскаго, доказывая, что злосчастная статья «хотя и преисполнена нелѣпыхъ вздоровъ и толковъ, но не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго и злонамѣреннаго. Статью сію я читалъ, и съ многими благонамѣренными и знающими особами разсуждалъ; но въ оной ничего не найдено, чтобы пропустившему оную цензору могло навлечь нареканіе, а кольми паче удаленіе». Но ходатайство князя С. М. Голицына не измѣнило участи обвиняемаго.

Попытка Уварова запретить журналъ Полеваго оказалась преждевременною; но, тѣмъ не менѣе, дни «Московскаго Телеграфа» были уже сочтены. Уваровъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ положеніемъ, которое создано было для него неподатливымъ журналистомъ. Какъ главный начальникъ цензурнаго вѣдомства, Уваровъ получалъ, по поводу статей «Телеграфа», прямыя и косвенныя указанія на распущенность цензуры, т. е. другими словами на плохое исполненіе своихъ обязанностей. Подобныя замѣчанія оскорбляли и раздражали Уварова. Чтобы положить конецъ имъ, Уваровъ сталъ собирать матеріалы для обвинительнаго акта, и, наученный опытомъ, заботился какъ о качествѣ ихъ, такъ и о количествѣ. Работа шла успѣшно, и надо было выбрать удобную минуту, чтобы употребить въ дѣло собранный матеріалъ. Случай скоро представился.

Роковымъ для Полеваго событіемъ была статья его о драмѣ Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». Драма эта поставлена была на сценѣ съ особенною торжественностью; присутствовать на ея представленіи и восхищаться ея красотами служило какъ бы вывѣскою благонамѣренности. На это сдѣланъ былъ Полевому весьма прозрачный намекъ со стороны «вліятельной особы», совѣты которой были равносильны приказанію. Подъ ея вліяніемъ Полевой немедленно послалъ въ Москву распоряженіе вырѣзать изъ журнала статью, написанную совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ требовалось. Но распоряженіе пришло уже поздно, и только въ нѣкоторыхъ экземплярахъ выпущена опальная статья, вслѣдствіе чего непосредственно за страницею 498 слѣдуетъ въ нихъ 507 страница.

Статья Полеваго знакомитъ съ критическими пріемами автора и съ тогдашними литературными требованіями; въ ней сдѣлано нѣсколько сближеній съ произведеніями другихъ писателей и т. п. Всю статью, въ ея цѣлости, надо имѣть въ виду для того, чтобы судить о главной основѣ обвиненія, а также для вѣрной оцѣнки отзыва, даннаго самимъ Полевымъ по поводу своего разбора драмы Кукольника. По всѣмъ этимъ соображеніямъ приводимъ лебединую пѣсню Полеваго, въ томъ видѣ, въ какомъ она послужила обвинительнымъ актомъ [1]).

««Рука Всевышняго отечество спасла». Драма изъ отечественной исторіи, въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. Соч. Н. К. (Писана въ октябрѣ 1832 года). Спб. 1834 г. Въ т. Х. Гинце, 141 стр. in — 8.

«Изъ увѣдомленія о сочиненіи г. Кукольника: Торквато Тассо («Тел.», 1833 г., № XVI, стр. 564), и изъ статьи о сей драмѣ, какую помѣщаемъ мы въ № 3-мъ и 4-мъ «Тел.» сего года, можно видѣть, съ какимъ участіемъ и вниманіемъ смотримъ мы на это несомнѣнное доказательство поэтическихъ дарованій г. К. Не смѣя по первому опыту его предвѣщать въ немъ великаго поэта, не смѣя предвѣщать этого и по отрывку изъ Джюліо Мости («Сынъ Отеч.», 1834 г., № 2), хотя сей отрывокъ превосходенъ, скажемъ, что, напротивъ, новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ. Никакъ не ожидали мы, чтобы поэтъ, написавшій въ 1830 году Тасса, въ 1832 году позволилъ себѣ написать—но этого мало: въ 1834 году издать такую драму, какова новая драма г. Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла»! Какъ можно столь мало щадить себя, столь мало думать о собственномъ своемъ достоинствѣ! Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Это сказалъ человѣкъ, весьма опытный въ славѣ. Объяснимся.

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1834 г., № 3, февраль, стр. 498—506.

«Мы уже говорили когда-то въ «Телеграфѣ» о томъ, что, по нашему мнѣнію, изъ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ невозможно создать драмы, ибо тутъ не было драмы въ дѣйствительности. Романъ и драма заключались въ событіяхъ до 1612 года. Мининъ и 1612 годъ — это гимнъ, ода, пропѣтые экспромптомъ русскою душою въ нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ умный иностранецъ, разговаривая о русской исторіи, сказалъ: «У васъ была своя Орлеанская дѣва: это вашъ Мининъ». Сказано остроумно, и, всего болѣе, справедливо. Рядъ великихъ событій, отъ появленія самозванца до паденія Шуйскаго, совершился; дѣла были доведены до послѣднихъ крайностей. На пеплѣ Москвы надобно было сойтись въ послѣдній бой Россіи и Польшѣ. Толпа измѣнниковъ и ничтожныхъ вождей стояла близъ Московскаго Кремля. Мужественный Хоткевичъ съ послѣдними силами шелъ къ Москвѣ. Кому пасть: Россіи? Польшѣ? — Польшѣ! — изрекъ Всемогущій, — и духъ Божій вдохновляетъ мѣщанина Минина, какъ нѣкогда вдохновилъ крестьянку Іоанну д'Аркъ. По гласу Минина сошлась нестройная толпа мужиковъ и, ведомая вѣрою въ лицѣ Аврамія Палицына и русскимъ духомъ въ лицѣ Козьмы Минина, пришла къ Москвѣ. Хоткевичъ разбитъ, и Русь спасена. Опять начинается послѣ сего рядъ новыхъ событій, совершенно чуждыхъ подвигу Минина. Мининъ мгновенно сходитъ съ своего поприща, и не только онъ, но и Палицынъ, и Пожарскій, и Трубецкой. Въ 1618 году, поляки снова стоятъ подъ Москвою, и какъ событій съ 1612 года, такъ и самаго избранія Михаила на царство, нисколько не должно сливать съ исторіею о подвигѣ Минина и Пожарскаго.

«Великое зрѣлище сего подвига издавна воспламеняло воображеніе нашихъ писателей. Херасковъ, Крюковской, Глинка сочиняли изъ него драмы. Озеровъ также принимался за сей предметъ [1]). «Можетъ быть, великое дарованіе и придумало бы завязку и развязку для драмы о Мининѣ», — скажутъ намъ. «Вѣдь Шиллеръ сочинилъ же Орлеанскую дѣву?». Но замѣчаете ли вы, въ чемъ состоитъ Шиллерово сочиненіе? Въ немъ подвигъ Іоанны составляетъ только эпизодъ: вымышленная любовь Іоанны къ Ліонелю, король, Агнеса Сорель, герцогъ Филиппъ и королева-мать составляютъ собственно всю сущность. Оттого многіе находятъ, и весьма справедливо, что, написавъ прекрасную драму, Шиллеръ собственно унизилъ Орлеанскую дѣву. Такъ можете вы создать драму о Мининѣ, прибавивъ въ нее небывалаго и сосредоточивъ главный интересъ не на освобожденіи Москвы, а на любви, или на чемъ угодно другомъ. Необходимость этого видѣли Херасковъ, Глинка и Крюковской. Торжественныя сцены на пло-

[1]) Въ бумагахъ Озерова было найдено начало трагедіи: Пожарскій.

щади нижегородской, въ селѣ Пожарахъ, въ Ярославлѣ, на Волкушѣ, на Дѣвичьемъ полѣ и за Москвою-рѣкою, картина битвы, картина избранія Михаила — всѣ сіи сцены величественны; но это мгновенія, и если драматическій писатель рѣшится только изъ нихъ составить свое сочиненіе, то онъ непремѣнно впадетъ въ театральную декламацію и удалится отъ истины. Это необходимо. Великія картины, видѣнныя нами въ событіяхъ нашего времени, и новѣйшія понятія объ исторіи доказали намъ, что историческія торжественныя мгновенія приготовляются издалека, и въ этихъ-то приготовленіяхъ заключена жизнь исторіи и жизнь поэзіи, а не въ окончательныхъ картинахъ, гдѣ люди, большею частію, молчатъ, образуя собой только великолѣпное зрѣлище, подобно группамъ балетнымъ. Заставивъ ихъ разглагольствовать, вы погубите величіе и простоту истины. Неужели вы думаете, что Минину стоило только кликнуть кличъ на нижегородской площади, и потомъ подраться съ Хоткевичемъ подъ Москвою? Страшная ошибка!召 Мининъ, безспорно, великъ и въ этихъ случаяхъ; но если хотите понять все величіе его подвига, то сообразите первую тайную его думу при тогдашнемъ отчаянномъ положеніи Россіи, его скрытные переговоры съ Пожарскимъ, и заботы его, чтобы нестройныя толпы свои и храбраго, но безпечнаго Пожарскаго довести до Москвы, прокормить ихъ, наградить жалованьемъ, безпрерывно, между тѣмъ, поборая крамолы. Обставьте все это Аврааміемъ, Трубецкимъ, изображеніемъ Польши и Хоткевича — вотъ гдѣ вы узнаете Минина и правду событій! Но все это невозможно для сцены, и едва ли годится для романа. Итакъ, если нѣтъ основанія для драмы, ни въ этомъ, ни въ торжественныхъ сценахъ,— освобожденія Москвы въ 1612 году не должно передѣлывать въ драму, ибо вы должны будете или декламаторствовать, или изображать что нибудь постороннее, какую нибудь любовь, и т. п.

«Трагедія Хераскова держалась, такимъ образомъ, вся на нелѣпой, вымышленной любви сестры Пожарскаго къ сыну польскаго гетмана. Мининъ, Пожарскій, Трубецкой являлись только говорить монологи; другія лица приходили толковать безъ толку; народъ собирался кричать: ура, и пѣть хоръ при концѣ трагедіи. Крюковской основалъ свою трагедію на умыслѣ Заруцкаго, который захватываетъ жену и сына Пожарскаго. Борьба героя съ самимъ собою, борьба, состоящая въ томъ: чѣмъ пожертвовать—отечествомъ, или женою и сыномъ? Вотъ все, въ чемъ заключалась драма Крюковскаго. Остальное состоитъ въ ней изъ громкихъ монологовъ, пальбы, сраженія и ненужныхъ вставокъ. Глинка взялъ предметомъ своей драмы сборы Минина въ Нижнемъ Новгородѣ, но ввелъ въ это любовь сына его къ дочери Заруцкаго.

«Г-нъ К. нисколько не подвинулся далѣе трехъ предшественниковъ въ сей драмѣ. Вся разница въ томъ, что, по вольности ро-

антизма, онъ переноситъ дѣйствіе повсюду, и что въ его драмѣ собрано вдругъ десять дѣйствій, когда нѣтъ притомъ ни одного основнаго, на чемъ держалось бы единство драмы.

«Противъ исторической истины, безспорно, позволяются поэтамъ отступленія, даже и такія, какія позволилъ себѣ г. К.; но поэтъ долженъ выкупить у насъ эту свободу тѣмъ, чтобы употребить уступки исторіи въ пользу поэзіи.

«Отступленія отъ исторіи въ драмѣ г. К. безмѣрны и несообразны ни съ чѣмъ: онъ позволяетъ себѣ представить Заруцкаго и Марину подъ Москвою въ сношеніяхъ съ Пожарскимъ; Трубецкаго дѣлаетъ горячимъ, ревностнымъ сыномъ отечества, жертвующимъ ему своею гордостью; сближаетъ въ одно время смерть патріарха Ермогена и прибытіе Пожарскаго подъ Москву; Марину сводитъ съума, и для эффекта сцены заставляетъ ее бродить по русскому стану въ видѣ какой-то леди Макбетъ! Пожарскій представляется притомъ главнымъ орудіемъ всѣхъ дѣйствій; народъ избираетъ его въ цари. Словомъ, мы не постигаемъ, для чего драма г. К. названа заимствованною изъ отечественной исторіи! Тутъ нисколько и ничего нѣтъ историческаго ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ.

«Къ чему же послужили г. К. романтическая свобода и такія страшныя измѣненія исторіи? Къ тому, чтобы изобразить нѣсколько театральныхъ сценъ. Въ этомъ нельзя отказать г. Кукольнику: такія сцены у него есть; но это самое послѣднее достоинство драмы, и подобные эффекты найдете въ каждой мелодрамѣ. Не того требуемъ мы отъ истиннаго поэта: требуемъ поэтическаго созданія, истинной драмы. Мы слышали, что сочиненіе г. К. заслужило въ Петербургѣ много рукоплесканій на сценѣ. Но рукоплесканія зрителей не должны приводить въ заблужденіе автора. Каждое слово, близкое русской душѣ, каждая картина, хоть немного напоминающая родное, могутъ возбуждать громкіе плески. Димитрій Донской Озерова — эта рѣшительная ошибка дарованія сильнаго; Пожарскій Крюковскаго, гдѣ нѣтъ и тѣни драмы, обѣ сіи пьесы, въ свой чередъ, заставляли зрителей рукоплескать. И какъ часто, даже нынѣ, сильный стихъ Озерова, или Крюковскаго:

> Кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно;

или:

> Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ
> Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ —

заставляютъ зрителей хлопать. Я помню представленіе Димитрія Донскаго и Пожарскаго въ Москвѣ, въ 1812 году. Надобно было слышать, какой страшный громъ рукоплесканій раздавался тогда при стихѣ:

> И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!

«Когда Пожарскій произносилъ:

Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!

«Ура! сливалось тогда съ оглушающимъ крикомъ: Charmant! Браво! Многіе изъ зрителей плакали отъ умиленія. Тогда же играли драму Глинки: Мининъ, — и стѣны театра дрожали отъ плеска и крика, при словахъ Минина:

Богъ силъ! предшествуй намъ, правь нашими рядами,
Дай всѣмъ намъ умереть отечества сынами!

«Наши старики сказываютъ, что также нѣкогда встрѣчали они рукоплесканіями трагедію Хераскова.—Счастливыхъ, сильныхъ стиховъ въ драмѣ г. К. довольно, хотя вообще стихосложеніе въ ней очень неровно. Мы думаемъ, это происходитъ отъ того, что драма въ сущности своей не выдерживаетъ никакой критики. Подробности являются изъ основанія, а стихи изъ подробностей, и если основаніе плохо, то и все бываетъ неловко, несвязно и натянуто.

«Почитаемъ ненужнымъ излагать и разбирать подробно новую драму г. К. О ней довольно писали въ петербургскихъ журналахъ, увѣряя, что г. К. «первый представилъ намъ драму истинно народную, русскую, дюжую, плечистую». Преувеличенная, и притомъ такая странная похвала, что недовѣрчивому писателю всего легче почесть ее за тонкую насмѣшку! Вѣроятно, дюжую, плечистую драму г. Кукольника не замедлятъ дать на московскомъ театрѣ, и, вѣроятно, она пойдетъ послѣ того заурядъ съ Пожарскимъ Крюковскаго, хотя, по времени и по отношеніямъ, Крюковскому надобно отдать преимущество передъ его послѣдователемъ и соперникомъ».

Статья Полеваго, напечатана въ первой февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ), а въ двадцатыхъ числахъ марта Полевой вызванъ былъ въ Петербургъ. Цѣль вызова состояла въ объясненіяхъ по поводу критики на драму Кукольника и по поводу направленія «Московскаго Телеграфа» вообще.

Суть обвиненія за критическую статью о драмѣ Кукольника заключалась въ словахъ Полеваго: «Новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ», которымъ придали весьма предосудительный смыслъ. На требованіе объясненія Полевой отвѣчалъ письмомъ на имя графа Бенкендорфа:

«Сіятельный графъ,

«Милостивый государь.

«Въ исполненіе объявленной мнѣ высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библіографической статьи о трагедіи «Рука Всевышняго отечество спасла», что сія трагедія «опечалила рецензента», и проч., чего теперь, не

имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу,— симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не видавъ ея на сценѣ, и говорилъ о ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ созданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: «Торквато Тассъ», исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ «Тасса», его новая трагедія казалось мнѣ,—повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи—прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только словами, но и дѣйствіемъ; что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жребью, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что есть для меня святаго и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрителей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою не болѣе...

«Съ истиннымъ, глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю пребыть

«вашего сіятельства,
«милостиваго государя,
«покорнѣйшій слуга
«Николай Полевой».

«Марта 31-го дня. 1834 года.
С.-Петербургъ».

Объясненіе, данное Полевымъ, признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Такъ можно заключить, во-первыхъ, изъ того, что какъ только оно было представлено, Полевой возвращенъ въ Москву; а главнымъ образомъ изъ того, что и впослѣдствіи, когда въ вѣдомствѣ графа Бенкендорфа заходила рѣчь о Полевомъ, обыкновенно припоминалось, что, хотя статья его и вызвала гнѣвъ, но объясненіемъ своимъ Полевой доказалъ, что онъ не одобрялъ драмы Кукольника исключительно въ литературномъ, а отнюдь не въ какомъ либо другомъ отношеніи.

Благонамѣренность своего направленія вообще Полевому пришлось отстаивать передъ графомъ Бенкендорфомъ и Уваровымъ, который, по словамъ Полеваго, и былъ главнымъ обвинителемъ. При этомъ Полеваго особенно смущала тетрадь, которая была въ рукахъ Уварова и съ которою онъ постоянно справлялся. Тетрадь эта имѣетъ своего рода историческое значеніе: она состоитъ изъ выписокъ изъ «Телеграфа» и различныхъ сочиненій Полеваго; выписки эти, какъ говоритъ Пушкинъ, ведены Бруновымъ по совѣту Блудова [1]).

На основаніи матеріаловъ, выбранныхъ изъ сочиненій самого Полеваго, Уваровъ представилъ слѣдующій обвинительный актъ [2]):

«Давно уже и постоянно «Московскій Телеграфъ» наполняется возвѣщеніями о необходимости преобразованій и похвалою революціямъ. Весьма многое, что появляется въ злонамѣренныхъ французскихъ журналахъ, «Телеграфъ» старается передавать русскимъ читателямъ съ похвалою. Революціонное направленіе мыслей, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается въ семъ журналѣ, котораго тысячи экземпляровъ расходятся по Россіи, и по неслыханной дерзости, съ какою пишутся статьи, въономъ помѣщаемыя, читаются съ жаднымъ любопытствомъ. Время отъ времени встрѣчаются въ «Телеграфѣ» похвалы правительству, но тѣмъ гнуснѣе лицемѣріе: вредное направленіе мыслей въ «Телеграфѣ», столь опасное для молодыхъ умовъ, можно доказать множествомъ примѣровъ.

«Приступая къ симъ доказательствамъ, спросимъ: что, если бы среди обширной столицы кто нибудь вышелъ на площадь и сталъ провозглашать предъ толпою народа о необходимости революцій, о неосужденіи всеобщности революцій; что явленія нидерландской революціи прекрасны, что Россія, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всякомъ случаѣ выигрывала предъ Польшею; что еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые намъ, и то же, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылаетъ въ Сибирь по 25 тысячъ человѣкъ на желѣзномъ канатѣ; что французы теперь равны одинъ другому, и что во Франціи теперь все ведетъ ко всему.

«Представимъ толпу слушателей умножающеюся, а человѣкъ продолжаетъ проповѣдывать: что разбойничество происходитъ отъ излишка силъ души; что Стенька Разинъ и Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы въ борьбѣ дикой независимости съ силами Россіи; что отъ разбойничьихъ пѣсенъ

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, 1834 года, № 102 (130,353).

дрожитъ русская душа и сильно бьется русское сердце; что сами русскіе произошли отъ разбойниковъ, назвавшихъ себя Русью; что братоубійцы достойны сожалѣнія, а не проклятія; что Мономахова корона и скипетръ принадлежатъ къ большимъ сказкамъ; что русскихъ пора будить отъ пошлой растительной бездѣйственности; что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный, и что природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

«Можетъ быть, назвали бы такого человѣка сумасброднымъ (если не злонамѣреннымъ), но, вѣроятно, не позволили бы ему провозглашать долѣе на площади, гдѣ слова его могли бы возбудить разные толки. Однако жъ, именно есть такой провозглашатель, и на площади столь обширной, какъ Россія, не предъ толпой поселянъ, а предъ тысячами тѣхъ, которые владѣютъ поселянами, предъ тысячами молодыхъ людей, и безъ того уже легко заражаемыхъ французскимъ вольнодумствомъ. Все вышесказанное не произнесено на вѣтеръ, а напечатано для современниковъ и потомства въ тысячахъ экземпляровъ «Телеграфа» и «Исторіи русскаго народа». Прилагаются выписки съ указаніями страницъ, составляющія только самую малую часть того, что можно и должно замѣтить.

1831, № 1, стр. 78. «Тотъ не долженъ и думать объ изданіи литературнаго журнала въ наше время, кто полагаетъ, что его дѣломъ будетъ сборъ занимательныхъ статеекъ. Журналъ долженъ составлять нѣчто цѣлое, полное; онъ долженъ имѣть въ себѣ душу, которую можно назвать его цѣлью. Иначе ваше собраніе непремѣнно подвергнется равнодушію публики. Не указывайте на людей, живущихъ въ обществѣ безъ цѣли, а иногда и безъ души. Это рядовые, пользующіеся чужимъ умомъ, слѣдующіе чужому направленію. Журналистъ въ своемъ кругу долженъ быть колонновожатымъ: куда же заведетъ онъ свой курпусъ, не зная дороги, ибо дорогу знаютъ тогда только, когда извѣстна цѣль пути. Изъ Москвы не доѣдемъ и до Серпухова, если пустимся
1831, № 1, стр. 82. въ какую попало заставу. Возбуждать дѣятельность въ умахъ и будить ихъ отъ этой пошлой растительной бездѣйственности, которая составляетъ величайшій недостатокъ большей части русскихъ. Вотъ условія, налагаемыя современностію на русскаго журналиста! отъ исполненія ихъ зависитъ успѣхъ его предпріятія...

NB. И въ томъ же № (стр. 32) говорится, что не должно осуждать общности революціи, что она есть слѣдствіе прежнихъ вѣковъ, что иначе должно осудить ходъ и успѣхи новаго образованія, утверждать рѣшительную неподвижность... и пр.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга. Будущность Франціи рѣшена, во всемъ, что касается внутренней ея самобытности. Но какъ мало извѣстна, какъ не-

рѣшительна для Европы будущность взаимныхъ внѣшнихъ отношеній одного государства къ другому. Давно ли мы видѣли сильныя доказательства этому? смѣлая рѣшительность, одно сраженіе, и три—четыре форсированныхъ марша разрушили всѣ разсчеты, желанія, предвѣдѣнія записныхъ европейскихъ дипломатовъ. Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, узнать, чего кто желаетъ, чего кто боится, и кто что говоритъ...

«Когда хотятъ огромнымъ рычагомъ пошевелить громаду, тяжелую и твердую въ основаніи, то прежде всего ищутъ точку опоры, въ которой бы можно было утвердить рычагъ. 1830, № 18, стр. 284.

«Если въ головы народа полуобразованнаго западаетъ новая мысль, то она западаетъ глубоко, бываетъ единою и единственною пищею, снѣдью вседневною. Хорошо перевариваютъ сіи головы такую мысль, проникаются ею, и вскорѣ дѣлается она идеею положительною, чувствомъ глубокимъ, вѣрованіемъ. Все сіе сбылось съ основаніями карбонарства. 1830, № 19, стр. 462.

«Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнію на предметы, и число избранныхъ уже довольно велико. 1831, стр. 381.

(О Махіавелѣ). «Позоримъ память (его) для того, можетъ быть, чтобъ примѣръ и творенія Махіавеля не возрождали благороднаго стремленія ко всему тому, что составляетъ честь, славу и законную свободу отечества. Никогда не встрѣчаете вы у него ложнаго мнѣнія, потому только утверждаемаго имъ, что онъ можетъ облечь его въ блестящее выраженіе, можетъ поддержать его остроумнымъ софизмомъ. Читая творенія Махіавеля, чувствуете, что его оживляла душа, подобная душамъ тѣхъ гордыхъ патриціевъ, которые при исполненіи общественныхъ обязанностей забывали самыя драгоцѣнныя связи сердца, и пр. 1828, № 6, стр. 203.

«Во времена революцій всегда являются такіе геніи, искатели приключеній, которые, свободно шагая на политической сценѣ, безъ всякаго страха отваживаютъ все, даже славу свою. 1831.

«Это люди, поклявшіеся местью за отчизну, уже погибшую. Они хотятъ возстановить ее: имъ нѣтъ помощниковъ; они знаютъ это и боятся слабости своей; можетъ быть, готовы отчаяться, ибо поднимаютъ бремя не по силамъ человѣческимъ. Но ихъ связываетъ клятва, и тщетные борцы противъ судебъ провидѣнія—они гибнутъ потому, что хотятъ невозможнаго; они платятъ за это 1834, № 1, стр. 171. Въ статьѣ о романѣ Загоскина.

самою своею добродѣтелью; погибшіе для настоящаго и будущаго, они невольно вовлекаются въ преступленія. Но откажемъ ли имъ въ участіи, въ состраданіи?

1833, № 18, стр. 243. Въ статьѣ Марлинскаго о клятвѣ при гробѣ Господнемъ. «Жалѣю о тѣхъ, которые не постигаютъ или не хотятъ обнять мысль самоотверженія, проявленной на двѣ грани въ клятвѣ; но убѣжденъ я, скоро настанетъ время, что отдадутъ справедливость Полевому, равно за его исторію и повѣсти; что публика не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, но подастъ ее ему безъ перчатки и скажетъ отъ сердца спасибо!

«Замѣчу, что мы стоимъ на брани съ жизнію, мы должны завоевывать равно свое будущее и свое минувшее. И не обязаны ли мы потому благодарностію тѣмъ людямъ, которые безплатно, съ усиліями, источающими жизнь, отрываютъ родную сторону изъ-подъ снѣговъ равнодушія. Таковъ Полевой, такъ изображаетъ онъ Русь, не умствуя лукаво, но чувствуя глубоко и сердцемъ угадывая таинственные гіероглифы характеровъ, бывшихъ непонятными даже тѣмъ, кои носили ихъ на челѣ.

1834, № 1, стр. 179. «О современникахъ.

«Будьте только выше ихъ и дѣлайте съ ними, что хотите. Они выслушиваютъ брань на все, что украшаетъ и возноситъ вѣкъ; будутъ смѣяться даже надъ самими собою.

1834, № 2, стр. 255. «Воля человѣка непобѣдима, если только онъ обратитъ силу и волю свою на дѣйствіе, внутри и внѣ себя все равно, ибо тогда природа становится частію его самого, субъектомъ его объекта.

«О равенствѣ и свободѣ.

1833, № 1, стр. 35 и 36. «Изъ народа возсталъ сначала черный человѣкъ, законовѣдецъ, возсталъ противъ пурпура папской одежды и противоположилъ право праву.

«Купецъ оставилъ потомъ свою мрачную лавку, и ударилъ въ вѣчевой колоколъ, загородивъ рыцарю тѣсную улицу своей общины. Рабъ барона феодальнаго, какъ животное ползавшій на четверенькахъ по своему полю, сталъ на ноги, и съ дикимъ смѣхомъ поразилъ подъ беззащитною бронею уравнительнымъ ядромъ своего гордаго феодалиста и его могучаго коня. Воля побѣдила, правосудіе побѣдило. Міръ фатализма сокрушился. Даже ѳеократическая сила отреклась отъ своихъ правъ...

Стр. 37. «Онъ (человѣкъ) возвысился къ Богочеловѣку, откровенію неба, Богу духу, не различающему между сынами своими никого и всѣмъ отверзающему равное счастіе въ обществѣ, равную вѣру въ религіи, равное лоно отеческой любви за гробомъ.

«Настали крестовые походы. Это было народное великое движеніе. И каждое великое движеніе народное, какова бы ни была его цѣль и причина, всегда (въ прежнія времена) испаряло изъ послѣдней осадки своей независимость ума. Вотъ начинается бурный періодъ жакистовъ, прагистовъ, лигистовъ. Владычество колеблется, единство разваливается. 1833, № 13, стр. 14.

«Короли поневолѣ должны были подтверждать права и свободу ихъ. 2 т., Ист. Р. Н., стр. 66.

(Здѣсь помѣщенъ анекдотъ, что) «какая-то баба сказала женѣ Пугачева: эка ты дура матушка царица». 1831, № 5, стр. 148.

(Анекдотъ, что) «одинъ поэтъ чрезвычайно польстилъ одному римскому императору похвальною надписью, но когда по умерщвленіи императора упрекали поэта въ лести, то онъ оправдался тѣмъ, что слово, употребленное имъ, двузначительно и можетъ быть истолковано: «всегда будетъ дуракомъ». № 4, стр. 70.

«Въ статьѣ: Изученіе новыхъ твореній Гете, помѣщено слѣдующее: 1834, № 1, стр. 7 и 8.

«Владѣнія императора. Тронная зала. Среди толпы придворныхъ императоръ всходитъ на тронъ и спрашиваетъ, гдѣ дуракъ его? Ему сказываютъ, что онъ упалъ на лѣстницѣ, но вмѣсто его явился какой-то другой, пресмѣшной и презабавный: это Мефистофель. Императоръ принимаетъ его на мѣсто прежняго и ставитъ подлѣ себя. Обращаясь къ министрамъ, онъ говоритъ, что собралъ дворъ свой веселиться; но если непремѣнно хотятъ они мучить его дѣлами, то пусть говорятъ, что имъ надобно. И вотъ, одинъ за другимъ, они описываютъ ему бѣдствія государства, неповиновеніе войскъ, недостатокъ во всемъ, возмущенія и прочее. Императоръ, подумавъ, обращается къ новому своему дураку и спрашиваетъ: не знаешь ли и ты какого нибудь бѣдствія?—Никакого!—отвѣчаетъ Мефистофель.—И что можетъ быть среди блеска и силы, окружающихъ тебя? Деньги надобны вамъ? Въ землѣ много скрыто ихъ... Императоръ короче спрашиваетъ у дурака: — Гдѣ жъ деньги?— Въ землѣ,—отвѣчаетъ Мефистофель.

«Императоръ самъ хочетъ приняться за работу, но астрологъ, внушаемый какъ и прежде Мефистофелемъ, совѣтуетъ ему сначала повеселиться. Императоръ велитъ начинать увеселенія. Мефистофель остается одинъ и говоритъ:—Глупцы никогда не думаютъ, какъ соединяется заслуга и счастье... Стр. 9.

«Не сама Францiя, но вся Европа назвала французскою химіею то движеніе, которое Францiя начала толчкомъ столь сильнымъ и направленіемъ столь умнымъ. 1831, № 1, стр. 22.

«Франція долженствовала сдѣлаться и сдѣлалась мѣстомъ того безмѣрнаго, вѣковаго событія, которое цѣлый міръ назвалъ и цѣлые вѣка будутъ называть французскою революціею. Безъ сомнѣнія, сей переворотъ былъ французскій, но, бывши французскимъ, онъ былъ столько же и европейскій.

«Надобно было вспыхнуть революціи XVIII вѣка, революціи, всеобщей. Не будь сей переворотъ всеобщимъ, онъ не достигъ бы своей цѣли, ибо всѣ частныя революціи уже были и прошли и всѣ онѣ вели ко всеобщей революціи: вотъ необходимость характера революціи XVIII вѣка.

1833, № 11, стр. 357. «Эшафодъ на площади революціи равно звалъ къ себѣ короля и королеву! Народъ съ одинакимъ торжествомъ показывалъ голову принцессы Ламбаль и головы Фулона и Бертье... Съ этимъ равенствомъ казни всюду соединялось равенство мужества.

1828, № 17, стр. 72. «Напоминаніе объ ужасахъ революціи есть доказательство весьма слабое. Зло есть средство блага въ мірѣ. (Сія мысль весьма часто повторяется изд. „Телеграфа"). См. 13 стр. II-го т. Ист. Р. Н.

1831, № 16, стр. 464. «Лафаетъ, самый честный, самый основательный человѣкъ во французскомъ королевствѣ, чистѣйшій изъ патріотовъ, благороднѣйшій изъ гражданъ, хотя онъ вмѣстѣ съ Мирабо, Сіесомъ, Баррасомъ, Баррером и множествомъ другихъ былъ однимъ изъ главныхъ двигателей революціи.

1831, № 1, стр. 32. «Разсмотрите безпристрастно начало и слѣдствія французской революціи и потомъ не осуждайте общности ея, или осудите вѣкъ, который она представляла; не осуждайте и вѣка, или осудите вмѣстѣ съ нимъ и XVII вѣкъ, ибо XVIII вѣкъ былъ только продолженіемъ семнадцатаго; не осуждайте и XVII, или осудите вмѣстѣ съ нимъ XVI, приготовившій его; наконецъ, не осуждайте и XVI вѣка, или предайтесь среднимъ временамъ, осудите ходъ и успѣхи новаго общественнаго образованія, утверждайте рѣшительную неподвижность и пр.

1831, № 6, стр. 166. «Во Франціи совершился переворотъ великій, но этотъ переворотъ былъ совершенно въ народномъ духѣ. Франція сама желала его. Французы въ своихъ постановленіяхъ осуществили часть того, что XVIII вѣкъ изложилъ въ своихъ книгахъ. Теорія одной эпохи осуществляется слѣдующею эпохою, но духъ все тотъ же. Французы сдѣлались старѣе 50-ю годами—вотъ все.

№ 18, 1830, стр. 278. «Европа, изумленная сими подвигами, стала съ изумленіемъ подлѣ Франціи, уже низложенной, но еще кипящей революціею и силою. 1831 — 50 =1781.

1830, № 18, стр. 279. «Надобно, чтобы народы взаимно обглядывали другъ друга.

1831, № 1, стр. 79. «И все преобразилось! и преобразованіе сіе существуетъ не въ воображеніи, не въ фантазіяхъ, какъ думаютъ глупые люди и глупые журналы. Доказательствомъ существенности его есть постоянный успѣхъ новаго направленія. Оно объяло всѣ отрасли познаній...

1830, № 15, стр. 361. «Французская революція разрушила все это общественное зданіе; она, такъ сказать, срыла его до тла.

«Съ перемѣною обстоятельствъ во Франціи, сдѣлались французы равны одинъ другому; они могутъ пользоваться правами каждый лично; у нихъ есть обязанности къ государству. Всѣ почтенныя занятія уважаются; всѣ ведутъ ко всему... честолюбіе обязано предъявлять свои права и доказывать ихъ предъ всѣми, и проч.

«При столь новомъ состояніи дѣлъ и умовъ во Франціи, такъ называвшійся прежде большой свѣтъ спустилъ флагъ. Онъ скончался какъ монархія великаго короля... Людовика XIV.

1830, № 15, стр. 361. «Мы видѣли, какъ исчезъ этотъ большой свѣтъ со своими сумасбродными запрещеніями и безнравственными вольностями, со своими вздорными приличіями и заказными нравственными законами, со своими волокитами, завоевателями и судопроизводствомъ старыхъ бабъ.

NB. Сія статья писана послѣ переворота во Франціи въ 1830 г. и помѣщена въ „Тел." съ замѣчаніемъ, что изъ нея читатели увидятъ, на какой высокой степени находится нынѣ во Франціи литературная критика.

1831, № 1, стр. 5, 6, 7. «Въ статьѣ: Историческое обозрѣніе XVIII столѣтія, говорится о необходимости первой революціи новѣйшихъ временъ быть революціею религіозною. Безъ сомнѣнія, сія революція имѣла свои предваренія, свои подготовленія, такъ, какъ бываетъ это при всѣхъ великихъ событіяхъ; что «въ XVI вѣкѣ революція совершилась въ Германіи»; что «XVII вѣкъ былъ еще болѣе XVI революціонный»; что «въ другой половинѣ XVII вѣка еще революція, продолженіе прежней, давшее только ей новый образъ политической революціи; что двѣ революціи наполняютъ исторію XVI и XVII столѣтій, но та и другая были революціи частныя; что революція религіозная, казалось, не заключала въ себѣ ничего политическаго; что надобно было англійской революціи возникнуть изъ реформаціи, чтобы всѣ примѣтили направленіе предшествовавшей революціи. Тогда узнали, что прежняя революція была не исключительно религіозная, ибо основаніе оной произвело потомъ политическую революцію; что основаніе второй произвело уже революцію религіозную; что такимъ образомъ революція протестантская и революція англійская не перешли за предѣлы назначенія—огромные,

830, № 18, стр. 241. но ограниченные... Если бы Польша сама не была колеблема въ основаніи избирательнымъ правленіемъ, аристократіею и вліяніемъ католицизма, она успѣла бы покорить казаковъ совершенно, не смотря на отчаянную ихъ борьбу и хитрую политику Россіи, которая видѣла свою пользу, разжигала раздоры и смуты, и выигрывала во всякомъ случаѣ.

1830, № 17, стр. 85. (О жителяхъ сѣверной части Россіи, Приволжья и Придонья). «Они въ отношеніи къ намъ то же, что колонисты и цыганы,—наши, но не мы.—Мы обрусили ихъ аристократовъ, помаленьку устранили мѣстныя права, ввели свои законы, удалили строптивыхъ, сами перемѣшались съ простолюдинами, туземцами, но за всѣмъ тѣмъ обрусить туземцевъ не успѣли, такъ же какъ татаръ, бурятъ и самоѣдовъ. Они наши, но не мы.

1830, стр. 246. «Еще Разумовскій согрѣвалъ въ душѣ тайную мысль о свободѣ Малороссіи.

1830, № 17, стр. 96. «Россія окружила ихъ (казаковъ) отвсюду и требовала повиновенія общему порядку дѣлъ. Началась борьба казацкой, дикой независимости съ политическимъ могуществомъ исполина. Разинъ, Булавинъ, Пугачовъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830. «Подъ рукою живописца искуснаго Малороссія представитъ картину самую занимательную, самую живописную. Никакая швейцарская, никакая нидерландская революція не покажетъ намъ явленій столь дикихъ, столь прекрасныхъ!

Статьи изд. „Тел." въ альманахѣ „Денница", 1830, стр. 279. «Двадцать и двадцать пять тысячъ человѣкъ ежегодно идутъ изъ Россіи въ Сибирь на желѣзномъ канатѣ, но ихъ и не видно въ Сибири.

„М. Т.", 1830, стр. 243. «Малороссіянъ временъ Наливайки и Хмельницкаго не должно представлять себѣ людьми, похожими на жителей Парижа, которые съ трехцвѣтною кокардою на шляпахъ брали Бастилію въ 1789 году и Лувръ въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюрненгальскомъ полѣ.

«(Далѣе Россія представляется измѣнившею обѣщаніямъ, даннымъ казакамъ и Хмельницкому).

«Въ извѣстіи о превосходныхъ замѣчаніяхъ на польскую революцію, переведенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и напечатанныхъ особою книгою, «Телеграфъ» ограничилъ свое замѣчаніе о книгѣ и объ авторѣ сими, по духу «М. Т.», едва ли не ироническими строками: «Онъ указываетъ, наконецъ, на зло революціи, объясняетъ начало и зачинщиковъ польской революціи и заключаетъ благими совѣ- NB. Участь поляковъ тогда еще не была рѣшена.

тами соотечественникамъ своимъ. Горе не внемлющимъ». И только.

1830, № 16, стр. 567. (О Москвѣ) — «что она была доселѣ въ мнѣніи многихъ городомъ бояръ русскихъ, но что въ ней могущественно и сильно среднее сословіе, имѣющее 5,000 фабрикъ», и проч.

Новъ 16 №, 1831, стр. 464, можно сообразить съ симъ похвалы Лафаету (Лелевель былъ также превозносимъ въ «Телеграфѣ»).

Марлинскаго отзывы, въ «Телеграфѣ» помѣщаемые.

1834, № 2, стр. 229. «Съ тѣхъ поръ, какъ брата полюбилъ я русскаго солдата: это самое безропотное животное въ самой тяжкой долѣ.

1833, № 18, стр. 217. «Характеръ самозванца (въ ром. Булгарина) не выдержанъ, а государственные люди его черезчуръ просты и трусливы: имъ ли быть совѣтниками или врагами царей, главами заговорщиковъ, виновниками переворотовъ?

1833, № 16, стр. 89. «Францiя побыла республикою, побыла имперiей, революцiя перекипятила ее до млада въ кровавомъ котлѣ своемъ.

Стр. 93. «Русскій баринъ искони отличался необыкновенною уступчивостью своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостью чужихъ... за бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бы она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ — онъ грудью полѣзъ въ нѣмцы.

1833, № 15, стр. 405. «Она (исторія) буянила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ князи изъ грязи, но народы послѣ тяжкаго похмѣлья забывали вчерашнія кровавыя попойки.

1833, № 15, стр. 405. «Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, слушать славу, курить славу, утираться славой, топтать ее подошвами. Да-съ, исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна, какъ Обріева собака, она воровка, какъ сорока-воровка, она смѣла, какъ русскій солдатъ, она безстыдна, какъ блинница.

№ 16, стр. 533. «Въ стѣнахъ всѣхъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое смышленое народонаселеніе, которое породило такъ называемое среднее сословіе. Не имѣя пяди земли, оно завладѣло силами и произведеніями природы, наняло труды человѣка, отдало въ наемъ свои способности... родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи, понимающемъ себѣ цѣну, и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею.

Стр. 554. «Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Латы распались въ прахъ.

1833, № 18, стр. 245. (О комедіи «Горе отъ ума). «Наконецъ, она не скользитъ среди публики какъ тать, какъ запрещенный товаръ безъ клейма, какъ умный мѣщанинъ среди надутыхъ аристократовъ.

«О нравственности въ литературѣ.

«Великіе писатели не дѣлали поэтическихъ сочиненій своихъ сборниками избранныхъ примѣровъ нравственности, добродѣтели и высокихъ изреченій. Самыя знаменитыя Медеино я и Гораціево умереть суть болѣе выраженія высокой гордости и дикаго патріотизма, нежели высокой нравственности.

1830, № 15. «Тотъ, кто назоветъ Донъ-Жуана, Фауста, сочиненіемъ неправственнымъ, вовсе не понимаетъ теоріи изящныхъ искусствъ, хочетъ нагую Венеру Медицейскую одѣть въ капотъ и пр. Никогда не нападая на поэтовъ русскихъ съ обвиненіемъ въ безнравственности, «Телеграфъ» всегда упрекалъ ихъ и будетъ упрекать въ недостаткѣ, слабости и проч.

1834, № 4, стр. 651. «Романъ есть самъ себѣ цѣль, какъ всякое произведеніе изящное... Если вы хотите поучать, то для этого есть проповѣди, есть науки; въ поэзіи же должно быть свободное развитіе творческой мысли. Тамъ нѣтъ мѣста никакимъ постороннимъ цѣлямъ.

1834, № 4, стр. 653. «Тотъ клевещетъ на Провидѣніе, кто не видитъ блага въ каждомъ событіи; въ томъ нѣтъ никакого религіознаго чувства, кто подумаетъ, что Провидѣніе допускаетъ злодѣянія, измѣны и пороки, не имѣя высокой, часто непостижимой для насъ нравственной цѣли. Сердце человѣческое въ чистотѣ невинности угадываетъ это, и потому-то можетъ съ наслажденіемъ видѣть въ произведеніяхъ изящнаго изображеніе бѣдствій, пороковъ, злодѣяній: за ними скрывается мысль о Непостижимомъ, Который все ведетъ къ благой цѣли.

1833, № 19, стр. 403. «Ужасное заключено въ природѣ человѣческой: надобно же иногда выпускать его на волю!

Стр. 410. «Что же браните вы во французскихъ романахъ? Сильныя ощущенія? Но неужели вамъ неизвѣстно, что слезливые романы съ ихъ сладенькими, легонькими чувствами, надѣлали гораздо болѣе вреда, нежели самые отчаянные романы Карровъ, Сю и Гюго.

(О французскихъ романахъ).

Стр. 406. «При такомъ страшномъ развитіи всѣхъ способностей,

Изъ „Телеграфѣ“ же 1833, № 19, стр. 25, сказано: „Особенно нужна осторожность въ мнѣні-

ума, души и силъ нравственныхъ и тѣлесныхъ, какихъ созданій хотите вы отъ искусства? Разумѣется, сообразныхъ съ состояніемъ, съ направленіемъ человѣка... направленіе это необходимо; вотъ единственное его оправданіе. Оно не умышленное, а необходимое зло.

Стр. 407.

«О разбоѣ и убійствѣ.

«Разинъ, Пугачевъ были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы.

1830, № 17, стр. 136. «Невѣроятное положеніе общества! Грабежъ, приведенный въ какія-то правила! Разбойники съ особыми понятіями о чести, о добрѣ, и въ обществѣ благоустроенномъ! Все это заставляетъ ужасаться, но такое презрѣніе опасностей, такая расточительность жизни, не есть ли излишекъ силъ души?

1831, № 3, стр. 384. «Тогда всѣ такъ думали: пѣсни Стеньки Разина, богатство поэзіи въ самыхъ простонародныхъ пѣсняхъ, почли бы нестерпимымъ мужичествомъ, и то, отъ чего теперь дрожитъ наша русская душа, сильно бьется наше русское сердце, конечно, заставило бы носикъ не одной красавицы 1800 года вздернуться съ негодованіемъ.

1834, № 2, стр. 334. (Приложена картинка убійства Агамемнона Клитемнестрою). О живописцѣ говорится: «Онъ представилъ царя царей, въ сладостномъ спокойствіи спящаго подлѣ трофеевъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Троѣ. Клитемнестра, побуждаемая Эгистомъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ, который долженъ поразить ея супруга. Но все показываетъ, какъ трудно совершить ей злодѣяніе. Нельзя не отдать должной хвалы художнику, но въ картинѣ его вообще господствуетъ какая-то принужденность, неизбѣжное свойство произведеній классическихъ. Сверхъ того, намъ кажется, что лицо Эгиста не должно выражать смущенія, страха, а въ немъ выражены эти чувства, и что всего страннѣе, то же самое видно и въ лицѣ Клитемнестры. Физіогномія Эгиста, напротивъ, должна бы носить на себѣ отпечатокъ смѣлости злодѣянія: онъ мужчина и рабъ, желающій погубить своего властителя, чтобы потомъ вступить въ его права.

Стр. 335.

...ахъ основныхъ, общихъ, сосредоточивающихъ въ одномъ центрѣ цѣлый кругъ частныхъ понятій; ибо такія мнѣнія богаты, а иногда неистощимы послѣдствіями. Безчисленность происшествій человѣческихъ, какъ значительныхъ, такъ и маловажныхъ, не исключая самыхъ великихъ, имѣетъ началомъ небольшое число основныхъ мнѣній, такова ихъ важность! Слѣдовательно, все, что можетъ вести къ нимъ, требуетъ величайшей осмотрительности».

Въ III т. И. Р. Н., стр. 107. .... «неловкое злодѣйство Святослава... При словахъ: не думалъ защищать вдовы и дѣтей Романовыхъ, находится примѣчаніе:

Стр. 258, 3 т. «Королева была зарѣзана во дворцѣ. Убійца нашелъ защитниковъ.

Т. 1-й. (О убійствѣ Оскольда и Дира): «Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертью Оскольда и Дира».

Тамъ же. (О братоубійцѣ Святополкѣ): «Если незаконное рожденіе и свирѣпый нравъ были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія.

М. Т., №17, 1833, стр. 45. «Если мошенникъ мастеръ своего дѣла, если это человѣкъ съ дарованіемъ, то онъ можетъ отъ 15 до 50 лѣтъ жить плодомъ своихъ хищеній, и никогда кривая рука скелета, называемаго правосудіемъ, не протянется схватить его. Въ Лондонѣ увидите людей, которые впродолженіе 40 лѣтъ не знали никакого занятія, кромѣ воровства, и благодаря своей ловкости, а, можетъ быть, и совѣтамъ нѣкоторыхъ скромныхъ и дорого купленныхъ чиновниковъ, никогда не попадались въ силки законнаго обвиненія.

М. Т., 1833, №18, стр. 220. «Отзывъ въ «Телеграфѣ» Марлинскаго о Полевомъ.

«Онъ (Полевой) вызывалъ на неумытный судъ недостойныхъ изъ толпы прославленныхъ, и обрывалъ съ нихъ незаслуженное сіяніе лучъ по лучу; за то съ горячностію прозелита сдувалъ онъ черную пыль клеветы съ чела праведниковъ, брошенную на нихъ пристрастіемъ современниковъ или ошибками позднѣйшихъ историковъ.

Изъ „Ист. Р. Н.", т. 2, стр. 358. (Владиміръ Мономахъ). «Вся вина падаетъ на Мономаха: его ненависть... его честолюбіе и жадность руководствовали отвратительною политикою современниковъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ—совѣстію, честію, благомъ народовъ, и тайными ковами хотѣлъ только поддерживать несчастное правило, что сильнѣйшій всегда правъ.

Т. 3, стр. 69. (Андрей Боголюбскій). «Болѣе молился онъ, нежели правилъ княжествомъ; давалъ свободу вельможамъ грабить, утѣснять народъ, торговать правосудіемъ.

Т. 4, стр. 123. (Александръ Невскій).

«Сія небольшая побѣда доставила Александру названіе Невскаго. Память народная сохраняѐтъ иногда, по странному своеволію, воспоминаніе о дѣлахъ самыхъ ничтожныхъ, забывая большее.

Стр. 188. «Двѣнадцатилѣтнее правленіе Александра прошло все въ умилостивленіи монголовъ покорностію и укрощеніи остатковъ прежняго духа русской крамолы и удалой буйности, самовластіемъ, даже своеволіемъ и жестокостію.

Стр. 187. «Сильнѣйшее смятеніе взволновало Новгородъ въ слѣдущемъ году... Александръ употребилъ свирѣпыя средства: надобно было купить жизнь за честь.

Т. 4, стр. 284, 285. (Михаилъ Тверской). «Поступки Михаила показываютъ, до чего унижаетъ человѣка рабство и до

чего доводитъ честолюбіе. Приведеніе на отчизну монголовъ (?), утѣсненіе новгородцевъ, вѣроломство послѣ договора — всѣ сіи событія очернили для потомства память Михаила, и пр.

Стр. 288. «Къ несчастью Михаила, Кончака умерла въ Твери. Говорили, что она была отравлена... дѣло темное; но если это обвиненіе было справедливо, Михаилъ впослѣдствіи дорого заплатилъ за свое злодѣйство. ?

Т. 1, стр. 253, 254. (Святополкъ). «Въ борьбѣ двухъ братьевъ Святополкъ является едва ли не правѣе Ярослава... Не можемъ не замѣтить въ Святополкѣ ума, дѣятельности, храбрости. Онъ умѣлъ обольщать народъ, умѣлъ сражаться, находить союзниковъ и средства, и если незаконное рожденіе и свирѣпый нравъ были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія. Праведники.

Стр. 255. «Карамзинъ называетъ дѣла его гнуснымъ коварствомъ, а жизнь гнусною. Вотъ что значитъ неудачное злодѣйство! Побѣди Святополкъ, тогда и его злодѣянія, также какъ убійства при Олегѣ и Владимірѣ, историки извинили бы государственною необходимостію.

Т. 1, стр. 104. «Олегъ, убійца храбрыхъ кіевскихъ владѣтелей, виновнѣе ли грабителя невинныхъ обитателей Греціи? Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертію Аскольда и Дира.

„И. Р. Н.", т. 4. стр. 185. (Лѣтопись) Пушкинская прибавляетъ къ описанію бѣдствія Андреева: «Андрей вздума съ своими бояры бѣгати, неже царю служити». Но это укоризненное слово человѣка, закоснѣлаго въ рабствѣ, показываетъ намъ только благородную, пылкую душу Андрея.

Т. 3, стр. 206. «Всеволодъ отличался жестокою, своекорыстною политикою, пользовался слабостію другихъ, и горделиво, холодно губилъ, робко уступая при первомъ отпорѣ... хитрая настойчивость, съ какою двадцать лѣтъ удушалъ онъ вольную жизнь Новгорода,—могло ль все это имѣть цѣлію счастіе Руси?..

«...тѣснилъ Новгородъ, забывая, что сими стѣсненіями убиваетъ жизнь Новгорода: онъ не смѣлъ отважною рукою сломить его, но и не выпускалъ изъ рукъ, томя, ослабляя и пр.

Т. 1, стр. 275. «Оказывая такія заслуги князьямъ кіевскимъ, Новгородъ требовалъ отъ нихъ только независимости; получалъ ее и умѣлъ ее сохранять.

237. «Здѣсь являются первые слѣды народной вольности, сдѣлавшей впослѣдствіи Новгородъ сильнымъ и могущественнымъ.

Ложныя понятія о мнимомъ благосостояніи мятежнаго Новгорода, разсѣваемыя въ „И. Р. Н.".

Т.3, стр.60. .(О разбитіи новгородцами войска князей сказано): «Памятный день униженія гордой силы, не уважившей слабыхъ, сильныхъ единодушіемъ независимости.

Т.2, стр.66. «Ничего, кромѣ свободы, не требовалъ Новгородъ. Вторая половина XII и начало XIII вѣка были самою блестящею эпохою независимости и силы Новгорода.

Т. 2, стр. 6. «Вольный новгородецъ, ограничивъ власть князя, свергая его по первой прихоти, кланялся ему и пр.

Т.3, стр.14. «Жизнію народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Новгородъ бѣдствовалъ отъ междоусобій. Итакъ, нужно ли было говорить столько о свободѣ мятежнаго города, какъ будто бы источникѣ могущества и благоденствія!

1828, № 21, стр. 13. «Природа, мать всѣхъ вещей, есть безсмертная ночь, есть то единство, посредствомъ котораго вещи существуютъ въ самихъ себѣ.

1831, № 2, стр. 241. «Нельзя не согласиться, что Магометъ былъ человѣкъ истинно вдохновенный.

„И. Р. Н.“, т. 2, стр. 126. «Въ русскую церковь внесены праздники, непризнанные греческою церковью, напримѣръ, праздникъ перенесенія мощей Чудотворца Николая.

Сія ложь опровергнута г. Руссовымъ.

„И. Р. Н.“, т. 2. ...«выдуманы большія сказки: старинную греческой работы царскую утварь, корону, скипетръ, державу, цѣпь и образъ назвали Мономаховыми.

1830, № 14. (Въ разсмотрѣніи отчета по министерству финансовъ).

«Правительство говоритъ, что сдѣлало; но судить, но пояснять для насъ оно не можетъ, ибо въ семъ случаѣ оно сдѣлалось бы судьею въ собственномъ дѣлѣ; обнародованіемъ свѣдѣній оно вызываетъ насъ на подобные труды».

Предисл. къ кл. при гр. Господ. XV. «Мы должны помогать правительству, создавая русскую промышленность, русское воспитаніе, русскую литературу, словомъ: внутреннее образованіе».

XV. «Проявленіе вещественнаго и невещественнаго богатства зависитъ именно отъ насъ, частныхъ и честныхъ людей».

Итакъ, правительство не можетъ пояснять своихъ дѣйствій, а только „М. Т.“ считаетъ себя вправѣ пояснять ихъ правительству!!

21 марта 1834 года, сдѣлано было распоряженіе о вызовѣ Полеваго въ Петербургъ; 31-го марта, Полевой написалъ объясненіе по поводу статьи о драмѣ Кукольника; 1-го апрѣля, дано было приказаніе о возвращеніи Полеваго въ Москву, а 3-го апрѣля того же 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить дальнѣйшее изданіе журнала «Московскій Телеграфъ».

Запрещеніе «Телеграфа» подало поводъ къ нѣкотораго рода опасеніямъ. Въ Петербургѣ желали имѣть точныя свѣ-

дѣнія о томъ, какое впечатлѣніе въ различныхъ кругахъ московскаго общества произвели неожиданный вызовъ Полеваго и послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе его журнала. Весьма любопытны извѣстія, доставленныя изъ Москвы. Графу Бенкендорфу писали:

«По отъѣздѣ Полеваго многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Неожиданное, скорое возвращеніе Полеваго удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что̀ породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И, какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріи самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ, ибо таковымъ сочиненіемъ внушается народу о силѣ соединеиія. А потому заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства. Причемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру. И что издатель «Телескопа» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ; но сего какъ будто бы не замѣчаютъ».

Время изданія «Телеграфа» было для Полеваго блестящею порою его литературной дѣятельности. Съ прекращеніемъ «Телеграфа» всѣ попытки Полеваго выйдти на прежнюю дорогу доказывали только, что «время его прошло безвозвратно», какъ утверждали даже его почитатели.

Печально, въ тяжкой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями, доживалъ онъ свои послѣдніе дни. Смерть этого замѣчательнаго человѣка снова вызвала къ нему общее сочувствіе, выразившееся какъ въ признаніи его литературныхъ заслугъ, такъ и въ сочувствіи къ судьбѣ его осиротѣлаго семейства, оставшагося безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Адмиралъ Рикордъ сказалъ о смерти Полеваго: «Лучше умерло бы двадцать человѣкъ нашихъ братьевъ генераловъ. Государь однимъ приказомъ могъ бы пополнить убылыя мѣста, но назначенія такихъ людей, какъ Полевой, дѣлаются свыше»[1]).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 г., томъ IX, стр. 213.

Булгаринъ предлагалъ даже открыть народную подписку. Съ обычными своими пріемами и выходками онъ писалъ генералу Дубельту:

«Добрѣйшій и благороднѣйшій
«отецъ-командиръ
«Леонтій Васильевичъ!

«Когда надобно сдѣлать кому зло, каждый говоритъ, что это по его части, а когда надобно дѣлать добро, всѣ говорятъ: не по моей части. Только одно Третье Отдѣленіе — общая маменька: если не въ силахъ сдѣлать добро, то утѣшитъ. И то благодѣяніе!

«Умеръ литературный врагъ мой, Николай Полевой. Не хотѣлъ онъ, чтобъ Россія любила меня и раскупала мои сочиненія, и вредилъ мнѣ, сколько могъ, въ своемъ кругу, втеченіе двадцати четырехъ лѣтъ... Но вотъ его нѣтъ, а семейство—девять человѣкъ дѣтей, жена, старая няня — безъ куска хлѣба. Полевой былъ полезный и дѣятельный литераторъ, любимый народомъ, потому что вышелъ изъ среды его... Если бъ семьѣ дать пенсію, а намъ позволить объявить народную подписку на уплату долговъ и обезпеченіе малолѣтнихъ, было бы чудесное и великое дѣло! Сочиненій его издавать нельзя въ пользу семейства, ибо всѣ они законтрактованы книгопродавцами».

Лучшимъ доказательствомъ сочувствія къ Полевому въ литературномъ мірѣ служитъ брошюра Бѣлинскаго: «Николай Алексѣевичъ Полевой», написанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, понесенной русскою литературою. О заслугахъ Полеваго, преимущественно о его журнальной дѣятельности, Бѣлинскій говоритъ съ увлеченіемъ, съ восторгомъ. Онъ сопоставляетъ имя Полеваго съ именами замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы и науки. По словамъ Бѣлинскаго, три человѣка «имѣли сильное вліяніе на русскую литературу въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были — Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой... Безъ всякаго преувеличенія можно сказать положительно, что «Московскій Телеграфъ» былъ рѣшительно лучшимъ журналомъ въ Россіи отъ начала журналистики... Заслуги Полеваго такъ велики, что при мысли о нихъ, нѣтъ ни охоты, ни силы распространяться о его ошибкахъ» и т. п.[1]).

М. И. Сухомлиновъ.

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго, 1846 г., стр. 7—8, 50, 52 и др.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ[1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XVIII.

ВЪ САМОМЪ началѣ Стрѣлецкой слободы ближе къ каменному городу и кремлю стоялъ просторный каменный домъ, съ деревянными кругомъ постройками.

Прежній владѣлецъ дома, теперь давно покойникъ, былъ стрѣлецкій сотникъ по имени Еремѣй Сковородинъ. Онъ какъ-то вдругъ разжился послѣ одного изъ походовъ, еще въ началѣ царствованія царя Алексѣя. Говорили въ городѣ, что будто бы въ числѣ военной добычи сотнику досталась кадушка съ червонцами. Такъ или иначе, но Еремѣй Сковородинъ послѣ похода отстроился и перешелъ изъ простой избы въ большія палаты. Но этого мало. Слухъ о кадушкѣ золота возникъ потому, что Сковородинъ купилъ подъ городомъ землю, завелъ огороды и баштаны, гдѣ сталъ разводить всякое «произростаніе»—овощи и фрукты, а дыни и арбузы появились сотнями... Эти огороды стали вскорѣ приносить очень большой доходъ. Сковородинъ сталъ отправлять обозы, чуть не маленькіе караваны своихъ произведеній. Дыни его пошли даже

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 545.

въ Москву, гдѣ стали славиться ароматомъ, и бояре первопрестольной угощались дивными пахучими дынями, именовавшимися ужъ не просто астраханскими, а получившими въ шутку имя: «Сковородскія вонючки». Имя стрѣльца стало «знаемо» на Москвѣ.

Богатый и почитаемый въ городѣ Сковородинъ женился, когда имѣлъ уже полъ-ста лѣтъ на плечахъ, на молоденькой и хорошенькой калмычкѣ, купленной имъ за десять рублей на базарѣ себѣ въ услуженье. Лукавый попуталъ пожилаго стрѣльца. Онъ божился, что никогда не женится, все неподходящи, неказисты, бѣдны да худорожи были для него всѣ городскія невѣсты. А тутъ послѣ всякаго бракованія обвѣнчался съ калмычкой, конечно, послѣ предварительнаго крещенія ея и наименованія христіанскимъ именемъ Авдотьи. По батюшкѣ стали величать молодую стрѣльчиху Борисовной, по имени ея воспріемника отъ купели, какъ было въ обычаѣ. Шутники же прозвали Сковородину Авдотьей Базаровной.

Стрѣлецъ прожилъ съ женой счастливо лѣтъ двадцать пять и прижилъ многое множество дѣтей, болѣе полуторы дюжины, и умеръ уже лѣтъ восьмидесяти отъ роду.

Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что всѣ рожденныя Авдотьей Базаровной дѣти — были дѣвочки, всѣ плохаго здоровья, и почти всѣ умирали на пятилѣтнемъ возростѣ. Шутники, коихъ много водилось въ Астрахани, увѣряли, что дѣвочки стрѣльчихи «чумятся», какъ лягавые щенки на первыхъ мѣсяцахъ, и не выносятъ этой прирожденной и неизбѣжной чумы.

Изъ всѣхъ дѣвочекъ теперь оставалось у вдовы Сковородиной всего пять дѣвицъ. Всѣ они были, конечно, дѣвицы на возростѣ и невѣсты, но выдавать ихъ замужъ стрѣльчиха не спѣшила, все откладывала и выжидала. А чего? Никому было невѣдомо!

На это было у вдовы двѣ причины. Съ одной стороны, она не хотѣла выдавать приданаго, т. е. отдѣлить часть баштановъ и садовъ въ пользованіе зятя съ будущей семьей, а сдѣлать это была обязана завѣщаніемъ покойника. Съ другой стороны, стрѣльчиха-калмычка, когда-то по своему очень красивая и шустрая на видъ, теперь располнѣла и облѣнилась до невозможности. Вдова, которой было теперь менѣе пятидесяти лѣтъ, была сѣда какъ лунь и выглядывала женщиной лѣтъ семидесяти.

— Точь въ точь нашъ воевода Тимоѳей Ивановичъ!—говорили про вдову знакомые.

Отъ скупости стрѣльчихи произошло то, что ея дочери сидѣли въ дѣвкахъ и чуть съ ума не спятили отъ ежечасныхъ воздыханій по женихамъ.

Всѣ постоянные разговоры, бесѣды и шептанье сестрицъ Сковородиныхъ между собой и съ мамками сводились къ одной мечтѣ: «женихъ и вѣнецъ»! Всѣ они относились къ матери крайне враждебно, бранились съ ней, грубили и даже въ глаза звали ее тоже

Авдотьей Базаровной. Не разъ каждая изъ нихъ бывала и наказана за грубость розгами.

Впрочемъ, прозвище это уже уцѣлѣло теперь только у враговъ стрѣльчихи, вообще же въ городѣ она была извѣстна исключительно подъ краткимъ именемъ «Сковородихи».

Такъ какъ женщины и дѣвицы въ общество не показывались, сидѣли дома или выходили погулять тоже промежъ своего женскаго пола, то гостей мужчинъ у вдовы, конечно, не бывало никогда, за исключеніемъ родственниковъ или близкихъ друзей попокойнаго мужа. Въ числѣ этихъ друзей былъ прежде и ватажникъ Климъ Ананьевъ, но теперь приключившійся ударъ заставилъ его прекратить посѣщенья хорошихъ знакомыхъ. Варюша, видавшаяся прежде съ дѣвицами Сковородинами и даже очень подружившаяся съ младшей изъ сестеръ,—послѣ своей попытки на самоубійство, тоже перестала видаться съ подругами. Сковородиха объявила, что не позволитъ дочерямъ сноситься «съ дѣвкой утопкой», боясь, что дурной примѣръ Варюши заразитъ и ея дочерей.

— Ну, вдругъ и мои учнутъ бѣгать топиться! — говорила она своей любимицѣ Айканкѣ, родомъ тоже калмычкѣ, но не крещенной.

— Твои дѣвицы и такъ бѣшеныя собаки и потому воды должны бояться,—отвѣтствовала злючая Айканка, прямо и искренно.

Эта калмычка, первый совѣтникъ хозяйки, главный заправитель въ домѣ, гроза дѣвицъ и всѣхъ домочадцевъ Сковородихи, появилась въ домѣ тотчасъ послѣ смерти стрѣльца. Старая лѣтъ 70, сѣдая и лохматая, злая до нельзя, даже стучавшаяся иногда отъ гнѣва и злобы головой объ стѣну — Айканка поѣдомъ ѣла всѣхъ дочерей Сковородихи и ея мамокъ.

Но сама вдова обожала свою калмычку, какъ свою землячку, и тайкомъ отъ дочерей говорила съ ней на родномъ нарѣчіи, вспоминала родимую сторону, откуда была выкрадена и уведена на продажу въ рабство.

Пять дочерей, уцѣлѣвшихъ у богатой Сковородихи отъ полуторы дюжины, были всѣ, кромѣ одной самой послѣдней, очень нехороши собой. Всѣ онѣ были болѣзненныя, хилыя, да къ тому же отъ тоскливаго ожиданья выйдти замужъ за кого бы то ни было всѣ глядѣли уныло, сонно, оживлялись только въ минуты раздраженія и досады, обозленныя въ чемъ нибудь вѣдьмой Айканкой.

Дѣвицъ звали: Марья, Павла, Александра, Глафира и Дарья. Но Сковородиха звала всегда дочерей схожими уменьшительными именами: Машенька, Пашенька, Сашенька, Глашенька и Дашенька. Первой Машенькѣ было уже лѣтъ подъ тридцать, и она была самая умная, но и самая злая изъ всѣхъ, такъ какъ наиболѣе натерпѣлась и наиболѣе наждалась жениха. При этомъ у Машеньки врядъ ли выпадала одна недѣля, чтобы у нея не отдувалась щека

и не болѣлъ зубъ или глазъ. И вѣки вѣчные ходила она подвязанная съ опухолью на щекѣ отъ зубной боли или отъ ячменя. Изрѣдка она рѣшалась и выдергивала больной зубъ у знахаря-армянина, лѣчившаго всячески всю Астрахань. Но за то особенно досаждали ей эти проклятые ячмени. Только что одинъ большущій ячмень,—багровый до черноты и вострый какъ гвоздь,—пройдетъ, какъ на другомъ глазу, а то и рядомъ на томъ же — другой полѣзетъ рости. И три четверти своей жизни проходила Машенька либо кривая съ тряпкой на глазу, либо косорожая съ тряпкой на щекѣ.

Зубы, женихи и ячмени, ячмени, женихи и зубы—за все время дѣвичества были тремя заботами Машеньки, но уничтожить ячмени, предотвратить флюсы и пріобрѣсти мужа ей, какъ кладъ, не давалось.

Вторая дочь Сковородихи, Пашенька, была недурна лицемъ, чрезвычайно тихая, ангельски добрая сердцемъ, но за то горбатая почти съ рожденья. Она менѣе всѣхъ сестеръ мечтала о замужествѣ, а между тѣмъ про нее-то чаще всего говорили молодцы при встрѣчѣ на улицѣ.

— Экая добрѣющая и ласковая съ лица. Обидно только, что изуродована мамкой.

У третьей—Сашеньки—была тоже хворость и диковинная. Самъ знахарь-армянинъ, призванный однажды на совѣтъ, подивился... Сашенька была на видъ здоровая дѣвица, румяная, даже неособенно худа тѣломъ, но у нея постоянно раза два въ году ломались кости. При всякомъ черезчуръ сильномъ движеніи и паче того при паденіи, у Сашеньки то рука, то нога хрястнетъ, и пополамъ!.. Разъ даже шея у нея попортилась, а голова, свернувшись, долго была на боку, и прозвище «Сашки-кривошейки» такъ за ней и осталось, хотя теперь голова и шея были снова на мѣстѣ. Хворость эту тщательно въ домѣ скрывали всѣ, чтобы не порочить дѣвицу.

Сашенькѣ, однако, было всего мудренѣе замужъ выйдти. Какого бы тихаго, ласковаго и скромнаго мужа ни послала ей судьба, а по неволѣ, всетаки, про него пошла бы тотчасъ худая слава, что онъ, видно, шибко жену бьетъ, коли все кости у нея ломаются.

Четвертая—Глашенька—была дѣвица очень недурная, на одни глаза, и совсѣмъ не подходящая невѣста для другихъ. Глашенька была огромнаго роста, чуть не косая сажень въ плечахъ, съ здоровенными ногами и руками. Если у ея сестры Сашеньки легко ломались члены, то у нея ни ноги, ни руки, казалось, ломомъ бы не перешибить. Но и эту здоровенную дѣвицу не миновала общая участь семьи Сковородиныхъ. Она тоже страдала и подчасъ сильно отъ какой-то хворости, о которой всѣ въ домѣ ужъ совсѣмъ упорно молчали. Когда, кто случалось, заговаривалъ между собой о недугѣ Глашеньки, то она дралась и съ сестрами, и съ мамушками, и съ домочадцами. А при ея дородствѣ и силѣ отъ ея

колотушекъ бывало всякому накладно. Что собственно за хворость была у Глашеньки, сказать было бы очень трудно.

Злюка Айканка постоянно уговаривала свою барыню Авдотью Борисовну — никогда Глашеньку ни за кого замужъ не выдавать, изъ опасенія на счетъ собственной особы и собственной сохранности отъ зятя.

— Вѣрно тебѣ сказываю, мать моя, — говорила семидесятилѣтняя Айканка пятидесятилѣтней Сковородихѣ, изъ уваженія къ ея состоянію величая ее матерью. — Не засватывай и не выдавай ты Глашеньку ни за кого. Какой бы честной человѣкъ ее за себя ни взялъ, онъ послѣ вѣнца придетъ къ тебѣ и тебя за Глашеньку отдуетъ. Всякое другое мужчина спуститъ женѣ, а эдакую причину не спуститъ. За обманъ и подложное бракосочетаніе къ воеводѣ тебя потянетъ. А не то и того хуже — исколотитъ тебя до полусмерти: не надувай, молъ, товаромъ.

Наконецъ, пятая и послѣдняя дочь стрѣльчихи, Дашенька, которой было всего 15 лѣтъ, — была какъ отметный соболь въ семьѣ Сковородихи: умница и красавица, бойкая и вострая словами, глазами, ухватками.

— Вьюнъ-Дашка! — говорили про нее. Иногда просто звали: нашъ вьюнъ!

Дашенька была любимицей и у матери, и у сестеръ, и у всѣхъ въ домѣ. Даже злая Айканка съ ней не грызлась, и эту вѣдьму Дашенька умѣла обезоружить или лаской или въ минуты вспышки острымъ словечкомъ-смѣшнымъ и необиднымъ. Злые языки, не зная, чѣмъ попрекнуть хорошенькую дочку Сковородихи, подшучивали на счетъ времени ея рожденья. Дашенька родилась уже послѣ смерти стараго стрѣльца Еремѣя, да еще въ день годоваго поминовенья покойнаго. Лицемъ же Дашенька была совсѣмъ вылитый соборный дьяконъ Митрофанъ, красавецъ писанный и извѣстный въ городѣ этой своей красотой столько же, сколько и жадностью къ деньгамъ. Отецъ дьяконъ часто навѣдывался къ Сковородихѣ послѣ похоронъ стараго стрѣльца, чтобы утѣшить вдову. Но этотъ утѣшитель немного только пережилъ самого стрѣльца и умеръ за столомъ, объѣвшись на какихъ-то поминкахъ. Иначе бы у Сковородихи, по увѣренію злоязычныхъ астраханцевъ, ея недруговъ, было бы теперь много еще такихъ хорошенькихъ Дашенекъ.

Дашенька была первой пріятельницей Варюши Ананьевой, и прежде подруги видались часто. Со времени роковаго бѣгства Варюши изъ дому и всего происшествія, дѣвушки видѣлись всего одинъ разъ.

Поступокъ Варюши имѣлъ, однако, на Дашеньку большое вліяніе. Она не убѣжала, но стала еще смѣлѣе съ матерью. Она заявила теперь, что черезъ годъ будетъ замужемъ или тайкомъ продастся въ караванъ и уйдетъ въ неволю.

Дашенька не мечтала о женихахъ, какъ ея сестры, желая вообще получить какъ онѣ кого ни на есть въ мужья. Вьюнъ-Дашка была уже влюблена, но никто этого не зналъ. Даже самъ молодецъ, ей полюбившійся, ничего не вѣдалъ.

Бѣлокуренькой какъ ленъ, лохматенькой какъ болонка и бѣленькой какъ снѣгъ, дѣвушкѣ приглянулся одинъ молодецъ, черный какъ смоль, съ угольными глазами и не русскаго, а азіатскаго происхожденія....

XIX.

Новые пріятели Партановъ и Барчуковъ, очутившись на свободѣ, стали подумывать, какъ пристроиться. Не только ловкій Лучка, но и менѣе смѣлый московскій стрѣлецкій сынъ надѣялись, что воевода забудетъ про то условіе, на которомъ отпустилъ ихъ на свободу. Барчукову было нетрудно найдти себѣ тотчасъ мѣсто. Онъ пользовался хорошей славой въ городѣ и многіе знали, что если бы не его исторія сватовства за дочь богатаго ватажника, то онъ теперь былъ бы попрежнему главнымъ заправителемъ въ большомъ торговомъ дѣлѣ Ананьева.

Партанову было, конечно, гораздо мудренѣе найдти себѣ занятіе. Его слава въ Астрахани была совершенно иная, слава дурашнаго парня, который недѣлю цѣлую золотой человѣкъ, а тамъ вдругъ придетъ запой, и онъ исколотитъ чуть не до смерти своего же хозяина съ домочадцами.

Пріютившій у себя бѣжавшихъ, чудной посадскій человѣкъ Грохъ взялся помочь обоимъ, въ особенности Барчукову, и черезъ нѣсколько дней москвичъ былъ уже, по рекомендаціи Носова, въ услуженіи у нѣмца Гроднера. Сомнительный германецъ уже давно лишился помощника, такъ сказать, правой руки въ лицѣ одного такого же подозрительнаго германца, какъ и онъ самъ. Помощникъ этотъ былъ убитъ по пути въ Черный Яръ напавшими разбойниками, и смерть его,—справедливо или напрасно,—свалили на того же извѣстнаго душегуба Шелудяка. Гроднеръ долго пріискивалъ себѣ подходящую личность, но не находилъ. Ручательство Носова и собственный проницательный взглядъ сердцевѣда побудили его согласиться принять къ себѣ Барчукова.

— Дѣло будетъ не мудреное,—сказалъ новый хозяинъ, нанимая парня:—отвозить да привозить деньги, да держать языкъ за зубами о томъ, что дѣлаешь, чтобы не подстерегли и не убили ради ограбленія. Да, кромѣ того, вообще помалкивать и не болтать о моихъ дѣлахъ.

Барчуковъ, конечно, обѣщался исполнять свою должность усердно. Жалованье было сравнительно очень большое, а иноземецъ на видъ степенный, тихій и, вѣроятно, честный и справедливый въ раз-

счетѣ. Думать было нечего. Черезъ два дня Барчуковъ уже жилъ въ домѣ новаго хозяина.

Осипъ Осиповичъ Гроднеръ былъ собственно полунѣмецъ, полуеврей, уроженецъ королевства Польскаго, слѣдовательно, и полуполякъ. Кто изъ трехъ преобладалъ въ немъ, трудно было сказать. Въ аккуратности веденія своихъ дѣлъ онъ былъ чистокровный нѣмецъ, въ умѣніи быстро нажиться, вездѣ найдти себѣ большое или маленькое дѣло для оборота, въ умѣньѣ ловко увернуться, нигдѣ не попасть въ просакъ и вездѣ постоянно, ежедневно, чуть не ежечасно зашибать деньгу, обличало въ немъ истаго жида. По страстной любви къ мѣсту своего рожденія, куда онъ надѣялся снова и вскорѣ вернуться, чтобы успокоиться отъ дѣлъ на старости лѣтъ, и по искреннему религіозному чувству, какъ ревностный католикъ носившій на груди чуть ли не полтора десятка разныхъ ладонокъ, образковъ, это былъ полякъ.

Осипа Осиповича всѣ знали въ Астрахани, не имѣли причины не уважать, но уважали какъ-то нехотя и положительно не долюбливали. Очень немногіе догадывались, что онъ жидъ, и это спасло его, такъ какъ въ городѣ не любили израильскихъ сыновъ. Являвшіеся сюда евреи не уживались, да и дѣла ихъ шли сравнительно плохо, такъ какъ въ народонаселеніи были у нихъ соперники и враги—армяне. Гроднеръ съумѣлъ устроиться въ Астрахани. Незамѣтно изъ маленькаго и бѣднаго жидка безъ единаго пріятеля и даже безъ пристанища, въ десять лѣтъ онъ съумѣлъ сдѣлаться домовладѣльцемъ и займодавцемъ многихъ торговыхъ людей изъ православныхъ и инородцевъ. Выдача денегъ въ займы подъ залогъ товаровъ и въ ростъ была отчасти новинкой въ Астрахани, Гроднеромъ введенной.

Сначала нуждающіеся въ наличныхъ деньгахъ люди относились къ Гроднеру подозрительно или же глядѣли какъ на дурня, неизвѣстно зачѣмъ дающаго свои деньги на чужое дѣло. Но понемножку Гроднеръ пріучилъ обывателей пользоваться его помощью и даже понять всю взаимную отъ нея выгоду и пользу.

Въ то время, когда Барчуковъ замѣстилъ у сомнительнаго нѣмца его убитаго приказчика, дѣла Гроднера процвѣтали и очень немногимъ было извѣстно, откуда у него много денегъ. Именно о своемъ источникѣ дохода и молчалъ, на сколько можно, Гроднеръ и строго заказалъ молчать новому приказчику, Барчукову. Оказалось на дѣлѣ, что около полуторы дюжины астраханскихъ кабаковъ были почти собственностью Гроднера, если не формально, то въ дѣйствительности.

Если въ этихъ кабакахъ были собственники хозяева изъ православныхъ и мѣстныхъ обывателей, то всѣ были въ долгу у Гроднера, а доходы шли прямо въ его руки. Впрочемъ, одна треть всѣхъ этихъ питейныхъ домовъ была даже съ самаго сначала открыта на

деньги Гроднера. Люди, задолжавшіе ему, подавали въ приказную избу заявленіе, получали разрѣшеніе и начинали вести дѣло на удивленіе обывателей и пріятелей, знавшихъ ихъ разстроенныя дѣла.

Разумѣется, Гроднеръ чуялъ, что со дня на день воевода узнаетъ, что онъ собственникъ множества питейныхъ домовъ, но что же изъ этого? Если есть законъ, воспрещающій жиду торговать виномъ, такъ его и тамъ въ столицѣ не исполняютъ. Все будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія добраго Тимоѳея Ивановича.

Однако, за послѣднее время Гроднеръ былъ почему-то сумраченъ, чаще объѣзжалъ свои кабаки, часто толкался въ народѣ, прислушивался и самъ не могъ уяснить себѣ своей боязни. Чудилось ему—вотъ не нынче, завтра разразится какая либо буря, и отъ этой бури прежде всего, конечно, погибнетъ источникъ его благосостоянія. Никто въ городѣ отъ воеводы и митрополита до послѣдняго приказчика въ каравансераяхъ, гдѣ были склады всякаго товара, ничего не замѣчалъ новаго и зловѣщаго въ Астрахани. А Осипъ Осиповичъ уже тревожно теребилъ свою черную какъ смоль бородку, свои крѣпко завивающіеся на головѣ волосы и упрямыя букли на вискахъ. Букли эти онъ, конечно, не дѣлалъ, не пристраивалъ, а, напротивъ, всячески уничтожалъ, приглаживалъ и примазывалъ, но онѣ, по волѣ тайныхъ силъ природы, завивались въ пейсы сами собой.

Гроднеръ начиналъ все чаще подумывать, что пора распутать свои дѣла, сбыть съ рукъ всѣ кабаки и, собравъ деньги, ѣхать на родину. Тамъ дикихъ стихійныхъ силъ въ народонаселеніи нѣтъ, и не можетъ какъ здѣсь вдругъ налетѣть ураганъ и разнести цѣлый городъ или цѣлый уѣздъ.

Съ перваго же дня найма новаго приказчика Гроднеръ сталъ совѣщаться съ умнымъ и степеннымъ Барчуковымъ и, наконецъ, повѣдалъ ему искренно свое желаніе.

— Кабы нашелъ я человѣка, который бы взялъ мое дѣло себѣ и помогъ мнѣ собрать мои алтыны, то я сдалъ бы охотно все и уѣхалъ домой.

— Вотъ я женюся на богатой купчихѣ и возьму ваше дѣло,— шутилъ Барчуковъ.

Если самъ Гроднеръ не могъ найдти такого покупщика, то Барчуковъ, конечно, и подавно не могъ помочь ему. Среди торговыхъ людей Астрахани были дѣльцы всякаго рода, знатоки и искусники въ торговлѣ на всѣ лады и въ разныхъ промыслахъ и производствахъ. Найдти же такого, который бы счелъ дѣло Гроднера выгоднымъ и вѣрнымъ, было трудно. Какъ это вино продавать? Съ такимъ непокладнымъ товаромъ возиться?

Барчуковъ въ одну недѣлю смекнулъ, однако, что дѣло его хозяина, быть можетъ, выгоднѣе многихъ другихъ торговыхъ дѣлъ, что если бы взяться за это дѣло съ деньгами, напримѣръ, ватаж-

ника Ананьева, то никакіе учуги, никакія сельди, бѣлуги и осетры не принесутъ тѣхъ же барышей.

Барчуковъ былъ собственно доволенъ своимъ занятіемъ. Онъ постоянно долженъ былъ объѣзжать питейные дома хозяина, смотрѣть, чтобы тамъ не плутовали, считать деньги и брать выручку. Онъ привозилъ хозяину, или же отвозилъ, иногда довольно крупныя суммы въ сотни рублей, кому нибудь изъ астраханскихъ жителей.

Однажды, пришлось ему отвести пятьдесятъ рублей тому же своему освободителю, подьяку Копылову. Подьякъ узналъ тотчасъ же молодца, принялъ деньги, сосчиталъ и усмѣхнулся лукаво.

— На хорошее мѣсто угодилъ, ты, парень,—сказалъ подьякъ.— Разживайся въ приказчикахъ у Осипа Осиповича,—примолвилъ онъ.—Самъ столько же денегъ загребай и насъ тогда не забывай. Вспомни одолженіе и отплати. Сидѣть бы тебѣ теперь въ ямѣ.

На вопросъ Барчукова, какъ ему быть съ рѣшеніемъ воеводы на счетъ поимки Шелудяка, — Копыловъ отвѣчалъ кратко:

— Да наплюй!

Въ свободное отъ порученій и занятій время Барчуковъ навѣдывался въ ту улицу, гдѣ пребывали ежечасно и ежеминутно всѣ его помыслы и мечты. Онъ отправлялся, большею частью, въ сумерки или поздно вечеромъ поглядѣть и постоять недалеко отъ дома Ананьева, увидать хотя издали и среди мрака ночи въ освѣщенномъ окнѣ фигуру Варюши. Идти внутрь двора и дерзко пролѣзать снова въ домъ и въ горницу хозяйской дочери Барчуковъ уже не рѣшался; онъ зналъ теперь, что это, по закону, если не государскому, то по закону собственнаго издѣлія Тимоѳея Ивановича, считалось великимъ преступленіемъ. А избави Богъ опять попасть въ яму.

Барчуковъ до сихъ поръ навѣрно не зналъ, какъ и за что освободилъ его Копыловъ. Онъ, конечно, подозрѣвалъ, что Варюша выкупила его, переславъ съ Настасьей подьяку тѣ деньги, которыя тайкомъ отъ отца могла скопить. Но, однажды случайно пойманный новымъ хозяиномъ близь дома Ананьева, Барчуковъ послѣ искренней бесѣды съ Гроднеромъ сказалъ причину, побуждающую его стоять истуканомъ около дома ватажника, и вдругъ узналъ отъ него же всю истину. Деньги, около двадцати пяти рублей, были заняты Варюшей для спѣшнаго дѣла у того же Осипа Осиповича съ тѣмъ, чтобы возвратить по смерти Ананьева не болѣе, не менѣе какъ сто рублей.

— Пойми, малый, — говорилъ Гроднеръ: — проживи ватажникъ еще десять лѣтъ, пропали мои деньги совсѣмъ. Ну, а на мое счастье умри онъ въ скорости, получу хорошій барышъ.

— Охъ, кабы онъ померъ,—воскликнулъ въ отвѣтъ Барчуковъ:— такъ я бы, хозяинъ, отъ радости всѣ двѣсти отдалъ бы тебѣ самъ.

Почти ежедневно отправляяся Барчуковъ поглядѣть на окна возлюбленной или встрѣтить ненарокомъ и перетолковать украдкой съ Настасьей, передать два—три слова привѣта ея боярышнѣ. Почти тоже каждый день ходилъ онъ и къ новому знакомому Носову, котораго очень полюбилъ и уважалъ. У Гроха онъ часто видался съ новымъ пріятелемъ Лучкой, котораго теперь, благодаря совмѣстному сидѣнью въ ямѣ, искренно любилъ. Это былъ чуть ли не первый его пріятель въ жизни.

Партановъ былъ все еще безъ мѣста. Онъ далъ себѣ зарокъ больше не пить и не буянить. Яма и его будто отрезвила. Но, не смотря на это, пристроиться онъ, всетаки, никакъ не могъ, ибо его клятвѣ и божбѣ ни капли вина въ ротъ не брать никто во всемъ городѣ повѣрить не хотѣлъ и не могъ. Даже самъ онъ сначала будто не вѣрилъ и удивлялся своей продолжительной трезвости, но въ то же время ясно чувствовалъ, что теперь совершенно измѣнитъ свое поведеніе. Увѣщанія Носова и Барчукова и отчасти воспоминаніе о смрадной ямѣ привели Партанова къ искреннему и твердому убѣжденію, что, покуда онъ будетъ запивать, никакого толку изъ его существованія не выйдетъ. А ему все еще что-то жаждалось. И умный малый, всетаки, самъ не понималъ, что это было нѣчто имѣющее именованіе у людей и просто зовется честолюбіемъ.

Однажды, спустя недѣлю, Барчуковъ снова пошелъ въ улицу, гдѣ былъ домъ ватажника, и среди сумерокъ снова повстрѣчался съ Настасьей. Вѣсти были плохія. Варвара Климовна велѣла передать ему, что отецъ какъ будто опять затѣваетъ что-то съ своимъ пріятелемъ Затыломъ Иванычемъ. Новокрещенный татаринъ снова часто бываетъ у хозяина въ гостяхъ. Въ чемъ проходитъ ихъ долгое сидѣніе по вечерамъ и перешептыванье, ни Варюша, никто изъ домочадцевъ знать не могъ.

Барчуковъ унылый вернулся къ своему хозяину. Вечеромъ онъ отправился къ Носову, повстрѣчался тамъ съ пріятелемъ Лучкой и на разспросы о своей чрезвычайной унылости отвѣтилъ Партанову, что ему нужно съ нимъ перетолковать.

Пріятели пошли вмѣстѣ отъ Носова и на этотъ разъ, забравшись въ маленькую горницу дома Гроднера, гдѣ жилъ Барчуковъ, до полуночи совѣщались. Барчуковъ подробно, вполнѣ откровенно передалъ пріятелю, что его возлюбленная, о которой онъ прежде намекалъ, не кто иная какъ дочь Ананьева, и кончилъ послѣднимъ извѣстіемъ о новыхъ козняхъ перекрестя Бодукчеева.

— Дѣло дрянь, — рѣшилъ Партановъ: — опять что нибудь затѣваютъ. Тутъ одно спасеніе, Степушка, идти мнѣ наняться къ Затылу Ивановичу, влѣзть ему въ душу, узнать все, что онъ собирается творить, и усердно раздѣлывать всѣ его дѣла.

— Да онъ тебя тоже не возьметъ, — сказалъ Барчуковъ.

— Возьметъ, братецъ ты мой, вѣрно возьметъ. Я къ нему безъ жалованья буду проситься, а за первый запой штрафъ съ себя въ его пользу положу. Онъ жаденъ на деньги — страсть.

— Господь съ тобой! за что же ты изъ-за моего дѣла пойдешь въ наймиты безъ жалованья? Нѣтъ, это я не могу... рѣшительно произнесъ Барчуковъ.

— А помнишь ты, какъ вели меня стрѣльцы, — отозвался Партановъ: — да ты мнѣ горсть алтынъ въ руку шлепнулъ? Помнишь ли ты мою божбу тогдашнюю тебѣ услужить? А что, съ тѣхъ поръ сдѣлалъ я что нибудь? Напротивъ того, ты, братецъ мой, помогъ мнѣ изъ ямы выбраться и мнѣ услужилъ. Вотъ теперь мой чередъ. Завтра иду наниматься къ твоему Затылу.

— Ладно, согласенъ, — заявилъ Барчуковъ: — но ты будешь брать съ меня половину положеннаго мнѣ моимъ хозяиномъ.

— Зачѣмъ? Мнѣ деньги нынѣ не нужны! Я не пью.

— Безъ сего условья я не согласенъ.

— Ладно, — рѣшилъ Партановъ: — все это тамъ видно будетъ. Коли будетъ за что, вѣстимо, возьму. А коли удастся намъ похерить Затыла, схоронить самого ватажника и отпраздновать твою свадьбу, то тогда, Степанъ, помни—я у тебя главный приказчикъ по всѣмъ учугамъ буду, надъ всѣми ватагами.

XX.

Дѣйствительно, черезъ два дня Партановъ былъ уже въ наймитахъ у новокрещеннаго князя Бодукчеева.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ князь Бодукчеевъ былъ, такъ сказать, притчей во языцѣхъ во всемъ городѣ. На глазахъ всѣхъ случилось внезапное и удивительное превращеніе бѣднаго и невзрачнаго татарина въ богатаго князя и важнаго астраханскаго обывателя. Жившій давно въ городѣ ногайскій татаринъ, Затылъ Гильдей, вдругъ получилъ отъ умершаго въ ногайскихъ степяхъ дяди наслѣдство, состоящее изъ нѣсколькихъ тысячъ овецъ. Онъ съѣздилъ къ себѣ на родину, продалъ все наслѣдство, а съ деньгами вернулся снова въ Астрахань, гдѣ уже привыкъ, обжился и гдѣ собирался стать именитымъ русскимъ гражданиномъ.

Совершенно несообразныя вещи осуществились просто. Мѣсяца три назадъ, на Святой недѣлѣ, Затылъ Гильдей крестился въ православіе, объявился изъ рода князей ногайскихъ Бодукчеи и поэтому сталъ именоваться иначе, былъ князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ. Еще недавно ходившій въ мечеть татаринъ, теперь въ качествѣ русскаго князя сталъ вдругъ старостой Никольской церкви.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже посватался за богатую приданницу ватажника Ананьева и былъ принятъ отцемъ.

Если бы не отчаянная дѣвица Варвара Климовна, не бѣсъ-дѣвка, предпочитавшая утопиться, чѣмъ выходить за новокрещенца замужъ, то князь Бодукчеевъ былъ бы теперь наслѣдникомъ всѣхъ учуговъ Ананьева. Неудача не смутила князя. Онъ надѣялся съ упорствомъ, потихоньку добиться своего, лишь бы только не умеръ отъ втораго удара самъ Ананьевъ. Тогда съ сиротой и ея опекунами, конечно, не сладишь. Но проживи ватажникъ еще хоть годъ, — дѣло потихоньку уладится.

Единственно, что не удавалось князю, бѣсило его, и съ чѣмъ онъ никакъ не могъ совладать, такъ какъ всѣ его старанія разбивались объ упрямство человѣческое, — было другое дѣло, для всѣхъ пустое, но для него важное. Богъ вѣсть почему, для князя оно было «кровное дѣло», за удачу онъ большія бы деньги заплатилъ, а постороннему человѣку показалось бы это дѣло даже смѣшнымъ. Князя Бодукчеева изъ себя выводило, что вся Астрахань не звала его княземъ Макаромъ Ивановичемъ, а постарому, не ради шутки и не ради даже насмѣшки, звала: «Затылъ Иванычъ». Какъ это произошло — никто не зналъ, но всякому отъ мала до велика, отъ богатыхъ купцовъ и посадскихъ до властителей городскихъ и до послѣдняго мальчугана, всѣмъ будто казалось, что «какой же это князь Бодукчеевъ, Макаръ Ивановичъ? Эти имена совсѣмъ и не подходящи. Онъ Затылъ Ивановичъ»!

Когда новый перекресть нанялъ себѣ за грошъ новаго работника для личныхъ послугъ, то онъ, конечно, не подозрѣвалъ, какая бѣда въ лицѣ Лучки входила къ нему въ домъ. Если бы могъ знать Затылъ Ивановичъ, что этотъ проныра Лучка первый пріятель его соперника Барчукова, то не только прогналъ бы его, а съ помощью денегъ и дружескихъ отношеній съ Ржевскимъ и Пожарскимъ не преминулъ бы упрятать этого Лучку обратно въ ту же яму. Князь даже имя Барчукова равнодушно слышать не могъ.

По счастію, Затылъ Иванычъ былъ хотя хитеръ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, но невообразимо глупъ во многихъ другихъ. Лучка съумѣлъ такъ быстро влѣзть въ душу своего хозяина, котораго разъ сто и болѣе въ день величалъ «сіятельствомъ», что черезъ нѣсколько времени прислужникъ хозяйничалъ въ душѣ хозяина пуще, чѣмъ въ его горницахъ. Лучка все зналъ, даже то, что сдѣлалъ Затылъ Ивановичъ десять лѣтъ назадъ и что собирался сдѣлать завтра.

Затылъ Ивановичъ скоро привыкъ пальцемъ не двинуть, не спросясь у Лучки, безъ его совѣта и указанія. Конечно, умный и хитрый Лучка съ самаго начала повелъ дѣло чрезвычайно тонко. Первые его совѣты хозяину были дѣйствительно разумны и въ его пользу. Видя удачу и успѣхъ, Затылъ Ивановичъ увѣровалъ въ Лучку также быстро, какъ увѣровалъ въ христіанскаго Бога. Даже болѣе... Лучкѣ вполнѣ довѣрялъ онъ, признавалъ и чувствовалъ, что парень умница и пролазъ-молодецъ.

Что же касалось до новаго своего Бога, христіанскаго Господа, то Затылъ Ивановичъ еще относился къ нему съ большимъ сомнѣніемъ и очень подозрительно.

Князь принялъ христіанство ради общественнаго положенія. Прежде безъ денегъ ему незачѣмъ было креститься. Татаринъ онъ, или русскій, все одно, былъ бы приписанъ въ приказной избѣ къ разряду вольныхъ или гулящихъ людей. Теперь же, получивъ наслѣдство, онъ какъ князь Бодукчеевъ, православнаго вѣроисповѣданія, былъ записанъ въ первый разрядъ въ числѣ самыхъ именитыхъ гражданъ Астрахани. Выборъ его въ церковные старосты окончательно упрочилъ его общественное положеніе.

Но тайно отъ всѣхъ ногайскій татаринъ оставался въ душѣ магометаниномъ, какъ и многіе, даже большинство новокрещенныхъ въ православіе. Затылъ Ивановичъ, быть можетъ, шелъ далѣе всѣхъ. Въ иной день утромъ онъ стоялъ два, три часа за службой въ церкви, продавалъ и ставилъ самъ свѣчи къ иконамъ съ десяткомъ земныхъ поклоновъ, собиралъ деньги на благолѣпіе церкви, но въ сумерки при закатѣ солнца тотъ же усердный прихожанинъ сидѣлъ на особый ладъ у себя въ маленькой горницѣ, запершись на замокъ. Онъ сидѣлъ не на лавкѣ, а на коврикѣ, на полу, поджавъ подъ себя ноги, и молился Богу, тому же самому, которому молился всю жизнь.

Православный христіанинъ и церковный староста Никольской церкви попросту въ этой горницѣ творилъ намазъ! Мысль, что это грѣхъ и вѣроотступничество отъ вновь принятой религіи ни на мгновеніе не приходила на умъ перекрестю. Мысль, что за это можно было отвѣтить, попасть въ ту же яму подъ судной избой, про которую онъ часто слыхалъ, конечно, приходила въ голову новаго князя Бодукчеева. За то же онъ тщательно и запирался на замокъ.

Перестать молиться такъ, на коврикѣ, на отцовъ и дѣдовъ ладъ, своему Богу, съ которымъ онъ былъ давно связанъ душой, къ которому онъ не могъ относиться также подозрительно, какъ къ христіанскому Богу, князь Бодукчеевъ не имѣлъ возможности.

Онъ переживалъ теперь особенно важные дни своей жизни. Онъ сватался за дѣвушку красавицу и приданницу, которая дѣйствительно ему крѣпко нравилась, онъ готовъ былъ бы взять ее за собя въ иныя минуты даже безъ приданаго. Въ такое время нужна помощь свыше. Смущенное сердце невольно проситъ съ небесъ заступничества и покровительства.

Какъ же въ трудныя мгновенія обращаться къ новому знакомому, котораго только что встрѣтилъ и совсѣмъ не знаешь! Понятно, побѣжишь за совѣтомъ и помощью къ старому другу. Какъ же теперь было ногайскому татарину обращаться за помощью къ своему новому Богу, который положительно ничѣмъ еще не дока-

залъ ему ни своего къ нему расположенія и вниманія, ни своего всемогущества.

Затылъ Ивановичъ иногда, впрочемъ, подумывалъ, что, если бы онъ женился на Варюшѣ, то современемъ ему, можетъ быть, легче будетъ молиться христіанскому Богу. Да тогда и не придется очень Богу молиться, и все равно — тому или другому. Когда все устроится, ему ни Аллаха, ни Бога не нужно будетъ. Но теперь, въ эти рѣшительные, роковые дни, когда онъ орудуетъ на всѣ лады, когда ему и Ананьевъ, и Лучка помогаютъ всячески, чтобы свертѣть дѣло и повѣнчаться съ Варварой Климовной, теперь немыслимо бросать Аллаха и обращаться къ христіанскому Господу.

Черезъ недѣлю послѣ своего поступленія къ Затылу Ивановичу, Лучка, конечно, уже сталъ главнымъ руководителемъ въ завѣтномъ и сердечномъ предпріятіи своего сіятельнаго хозяина. Не только Партановъ бывалъ въ домѣ Ананьева, видался и бесѣдовалъ съ Настасьей и съ самой Варварой Климовной, но онъ сталъ любимцемъ самого Ананьева, какъ довѣренное лицо его пріятеля, князя Бодукчеева. Такимъ образомъ Лучка былъ свой человѣкъ, чтобы лазить въ душу Затыла Ивановича, и свой человѣкъ въ домѣ Ананьева, чтобы ладить и устраивать совсѣмъ не то, что поручалъ ему пѐрекресть.

Барчуковъ видалъ, конечно, Партанова тайкомъ и часто изумлялся ловкости друга. Самъ чортъ, казалось, не могъ такъ все перепутать въ путанномъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно видѣть и хорошо знать, гдѣ какой конецъ, и гдѣ начало, и гдѣ всякій завязанный узелокъ всякой нитки.

— Вотъ въ этихъ самыхъ путахъ, которыми, сказываешь ты, я всѣхъ перепуталъ, — говорилъ Лучка пріятелю: — я всѣхъ ихъ, какъ въ сѣтяхъ, на берегъ и вытащу. А на берегу на этомъ, которая рыба подохнетъ, которую я назадъ въ рѣчку заброшу, а которую въ бадью спущу. Климъ Егоровичъ, вѣстимое дѣло, у меня подохнетъ; ну, а Затыла Ивановича, прости, голубчикъ, на погибель я не дамъ. Совѣсть моя мнѣ запретъ кладетъ. Его я обратно въ рѣчку заброшу. Будетъ онъ у насъ, хоть и безъ Варюши, но живъ и невредимъ. Пускай отъ срама къ себѣ, въ ногайскія степи, уѣзжаетъ. Впрочемъ, я его хочу поженить на одной приданницѣ старой, но тоже богатой.

XXI.

Въ тѣ же самые дни въ домѣ Сковородихи, на Стрѣлецкой слободѣ, явился, однажды, молодецъ, франтовато одѣтый, а съ нимъ пожилая женщина, довольно извѣстная въ Астрахани. Она была главная устроительница судебъ обывателей, т. е. сваха. Впрочемъ,

никакія бракосочетанія, крестины и даже похороны не обходились безъ нея. Всюду она была свой человѣкъ.

Не разъ бывала она у Сковородихи, но тщетно усовѣщивала скупую, тучную и лѣнивую стрѣльчиху справить хоть одну свадьбу, хотя бы старшей дочери Марьи.

Хозяйка отдыхала на постели, когда дѣвка доложила о прибытіи Платониды Парамоновны Соскиной, и Сковородиха сразу разгнѣвалась при этомъ имени.

— Опять сватать! Гони ее со двора! — приказала Авдотья Борисовна.

Дѣвка пошла, но чрезъ минуту вернулась и объяснила, что сваха сказала: «Не пойдетъ со двора».

— Какъ не пойдетъ? — удивилась стрѣльчиха.

Дѣвка повторила то же самое.

— Она говоритъ, скажи сударынѣ Авдотьѣ Борисовнѣ, что я не пойду со двора, и вотъ такъ до ночи и буду здѣсь на крылечкѣ сидѣть. А ночью оба умастимся тутъ и спать до утра.

— Кто оба?

— А съ ней парень такой пригожій, да прыткій. Ужъ примѣривался на крыльцѣ, куда ночью головой ложиться—къ дому, или къ улицѣ.

— Что? Что? Что?... — повторила Сковородиха, пуча глаза на дѣвку.

— Точно такъ-съ. Прыткій... Сказалъ Платонидѣ Парамоновнѣ при мнѣ... Не тужи, говоритъ, голубушка. Не дастъ Сковородиха одной дѣвицы волей, я ихъ всѣхъ пять сграблю за разъ и продамъ въ гаремъ къ султану турецкому.

— Стой. Не смѣй! Не пужай! Стой!—заорала Сковородиха, подымаясь и садясь на постели.

Она едва переводила духъ, хотѣла сказать еще что-то, но не могла и замахала руками.

— Айканку... Айканку зови.

Главный совѣтникъ хозяйки былъ, между тѣмъ, уже давно на улицѣ и бесѣдовалъ со свахой и съ молодцомъ. Молодецъ успѣлъ уже сказать что-то Айканкѣ на ухо, и старая какъ-то видимо смутилась. А молодецъ въ подтвержденіе своихъ словъ началъ креститься. Айканка развела руками и выговорила:

— Подождите, пойду къ ней.

И торопливо пошла калмычка въ домъ.

— Иду! Иду! — отозвалась она, встрѣтивъ посланную за ней дѣвку.

— Ступай... Гони сваху... Дѣлай, что хочешь... — заявила Сковородиха любимицѣ. — Проси честью уйдти, а не пойдетъ, созови рабочихъ съ метлами. Я у себя въ домѣ хозяйка. Она съ мужчиной на крыльцѣ спать собирается. Будь благодѣтельницей...

Но далѣе Сковородиха говорить не могла. Весь запасъ силъ ея тучнаго тѣла былъ истраченъ, и, махнувъ отчаянно рукой на Айканку, она снова легла на подушки.

— Нельзя гнать! И-и! нельзя. Такое дѣло. Нельзя,—отозвалась Айканка.

— Какъ нельзя? — жалобно и тихо спросила стрѣльчиха.

— Такое дѣло. Важнѣющее.

— Сватовство опять?

— Да, сватовство. Только особое, удивительное. За дочку сватается князь...

— Какой князь?

Айканка развела руками, а Сковородиха вдругъ опять сѣла на постели... Она даже почувствовала себя вдругъ на столько свѣжей и бодрой, что готова была хоть на улицу выйдти, гдѣ не была уже три недѣли, откладывая безпокойство всякій день «до завтрева».

— Какой князь? — повторила Сковородиха.

— Такой ужъ... Княжескаго рода.

— Какъ звать-то?

— Нешто она скажетъ? Нешто можно такъ брякнуть—прямо? Позови да и перетолкуй.

— За которую дочь сватается?

— Опять не знаю. Не сказала...

Сковородиха задумалась.

— Ну, что же ты?

— Боюся, Айканушка.

— Чего?

— Не знаю.

— Чего же бояться? Радоваться надо—князь.

— Страшно. Эдакого я не ждала. Это, почитай, еще хуже, чѣмъ кто изъ нашего состоянія. Въ бѣду бы намъ не влѣзть.

— Ну, я пойду ее въ горницу звать!—рѣшила Айканка повелительно. — А ты вставай.

— Нѣтъ. Ни за какіе тебѣ пряники! А ужъ если нельзя ее прогнать, то ты впусти и сама съ ней обо всемъ и перетолкуй.

— Ну, хорошо. Такъ и быть... Эдакъ, поди, и впрямь будетъ лучше. Лежи себѣ.

Айканка двинулась уходить.

— Стой. А молодецъ зачѣмъ съ ней? — воскликнула Сковородиха.

— Тоже сватъ, стало быть.

— Смотри, Айканка. Бѣды бы не вышло какой. Нешто парнямъ пристало въ сватахъ быть!

Айканка впустила въ домъ Платониду Соскину и невѣдомаго молодца и усадила въ первой горницѣ на почетномъ мѣстѣ.

Въ домѣ же, во всѣхъ другихъ горницахъ, казалось, происходило столпотвореніе вавилонское. Или же можно было подумать, что пришелъ день и часъ свѣтопреставленія и что оно, по волѣ Божьей, началось на землѣ, съ Стрѣлецкой слободы и съ дома Сковородихи.

Дѣвицы-сестрицы, болѣзныя Машенька и Сашенька, горбатая Пашенька, великанъ Глашенька и красавица вьюнъ-Дашенька, узнавали отъ дѣвки, кто въ домѣ появился и съ какой цѣлью.

— Князь! Князь! Князь!—повторяли и пѣли дѣвицы, и каждая сопровождала свое припѣваніе чѣмъ могла.

Красавица Дашенька прыгала козой и вертѣлась турманомъ. Машенька стащила повязку съ глаза, гдѣ начинался у нея снова большой, быть можетъ, семисотый ячмень, и, помахивая тряпкой, выступала какъ въ хороводѣ.

Горбатая Пашенька только хихикала и, качаясь на лавкѣ, ногами выколачивала на полу дробь.

Огромная Глашенька ураганомъ сновала изъ одной горницы въ другую и полъ стоналъ подъ ея ступнями.

Одна Сашенька радостно растаращила глаза и изъ боязни двинуться, чтобы не сломать себѣ чего въ тѣлѣ, безъ умолку тараторила, разспрашивала сестеръ и, не получая отвѣта, запѣвала на всѣ лады.

— Князь-князинька-князечикъ-князекъ-князюшка-князище!

Между тѣмъ, въ главной горницѣ шла бесѣда важная, чопорная, тихая, причемъ сваха таинственно и многозначительно не отвѣчала на самые необходимые для разъясненія вопросы Айканки. Парень молодецъ тоже не молчалъ, но, не зная обычаевъ сватовства, дѣйствовалъ проще, «безъ подходовъ и отводовъ, безъ киваній и виляній», какъ обыкновенно вели между собой рѣчь свахи и сваты при исполненіи своихъ трудныхъ и щекотливыхъ обязанностей.

— Чего тутъ, Платонида Парамоновна! зачѣмъ скрытничать!— постоянно прибавлялъ молодецъ, франтовато одѣтый, поджигая сваху на бо́льшую откровенность.

— Нельзя, сударь, Лукьянъ Партанычъ, — отзывалась сваха.

— Да не Партанычъ... тебѣ говорятъ... Не Партанычъ! Святаго Партана нѣтъ, — постоянно поправлялъ парень сваху.

Молодецъ, явившійся въ домъ Сковородихи, былъ, конечно, Лучка Партановъ, но на этотъ разъ шибко разодѣтый, примазанный деревяннымъ масломъ и даже съ масляными отъ удовольствія глазами. Точь въ точь Васька-котъ, только-что наѣвшійся до отвалу мышами.

Лучка и Соскина явились сватать отъ имени князя Бодукчеева одну изъ дочерей стрѣльчихи и собрались сюда не сразу. Партановъ уже три дня совѣщался съ Соскиной по этому дѣлу. Сначала сваха, знавшая порядки, наотрѣзъ отказывалась идти, не перего-

воривъ съ самимъ княземъ и даже не повидавшись съ нимъ. Но за три дня молодецъ уломалъ и убѣдилъ опытную сваху и своими красными рѣчами, и своей божбой, въ которой перебралъ всѣхъ святыхъ отцовъ и угодниковъ Божіихъ, даже помянулъ младенцевъ, царемъ Иродомъ избіенныхъ, и всѣхъ мучениковъ, въ озерѣ Анаѳунскомъ потопленныхъ...

Онъ говорилъ, что князь Затылъ Иванычъ совѣстился самъ заговорить со свахой, заочно со стыда горитъ, умоляетъ сваху это дѣло обдѣлать и обѣщаетъ ей сто рублей.

На второй день сваха колебалась.

— Какъ же Варюша-то Ананьева?—спросила она Лучку.

— Плевать ему теперь на нее, если она его не хочетъ и срамоту на него напустила, предпочла ему чуть не дно морское, Каспицкое.

На третій день сваха была побѣждена краснорѣчіемъ Партанова и, не видавъ Затыла Иваныча, собралась съ Лучкою вмѣстѣ къ Сковородихѣ.

— Одна не пойду!—заявила она.—А ужъ идти отъ твоего жениха потайнаго, такъ обоимъ вмѣстѣ.

Лучка ничего противъ этого не имѣлъ и весело собрался, весело вымазался масломъ. Очевидно, на его улицѣ праздникъ былъ! Сваха объясняла его радость привязанностью къ своему хозяину, а то и барышами.

— Можетъ, князь Бодукчеевъ и ему сто рублей обѣщалъ за хлопоты,—думала Соскина.

Одно только обстоятельство продолжало смущать сваху. Лучка увѣрялъ ее, что князю изъ всѣхъ дочерей Сковородихи пуще другихъ полюбилась не красавица Дашенька, не умница Машенька, не кроткая и ласковая Пашенька, хотя бы и горбатая, а верзило, лѣшій-дѣвка Глашенька.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвала Соскина.

— Что жъ?.. Скусъ такой!—отвѣчалъ Лучка.

— Она жъ хуже всѣхъ!

— На наши глаза. А у него свои — ногайскіе...

— Да и объёмиста гораздо...

— Объёмистая и по мнѣ лучше худотѣлой!

— Ужъ больно тяжела не въ мѣру!

— Ее ему не носить.

— Сказываютъ, вѣсу въ ней до семи пудовъ.

— Вотъ эвто самое на его скусъ княжескій и пришлось. Говоритъ, мяса много.

— Да вѣдь ему же ее не ѣсть!

— Не наше, Парамоновна, это дѣло!—рѣшалъ Лучка.—Наше дѣло сосватать, запись смастерить, отступное опредѣлить и сва-

дебку чрезъ недѣльки три сыграть, денежки за хлопоты получить... и пьянымъ съ радости напиться.

И вотъ Лучка Партановъ и сваха Соскина появились въ домѣ Сковородихи.

Сначала все пошло на ладъ. Айканка, смотрѣвшая на дѣло замужества дѣвицъ стрѣльчихи совсѣмъ иначе, нежели она сама, рада была нежданному порученію и случаю «втюрить» Авдотью Борисовну въ свадебное дѣло, да такъ, чтобы она ужъ не могла потомъ на попятный дворъ. Айканка, послѣ цѣлаго ряда условныхъ «виляній» свахи, поблагодарила за честь и спросила, кто таковъ этотъ князь.

— Князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ.

— За что такая милость къ намъ, то-ись?.. Авдотья Борисовна простая стрѣлецкая вдова...

— Да дыни и арбузы у нея княжескіе, за которые деньги горой отсыпаютъ! — прямо бухнулъ Лучка.

— Ну, какъ же... Нешто изъ-за мошны... заявила сваха, отрицая корыстолюбіе Затыла Ивановича, котораго ни разу близко въ глаза не видала.

— Что жъ! Это правда — матка! — отвѣтила Айканка. — И я такъ это дѣло смекаю. Онъ князь и съ достаткомъ. А тутъ, всетаки, за невѣстушкой еще приполучить можно... А на которую же изъ нашихъ дѣвицъ онъ доброжелательство свое обратилъ?

— На Глафиру Еремѣевну, — сказала сваха какъ-то все еще неувѣреннымъ голосомъ.

Айканка, дотолѣ улыбавшаяся, вдругъ насупилась, съежилась и выглянула изъ подлобья.

— Что же такъ? — воскликнулъ Лучка, не удержавшись.

— Ну, этого я... На это я вамъ никакого отвѣта дать не могу.

— Почему?

— Да такъ ужъ...

— Такъ подите, спросите Авдотью Борисовну.

— И она тоже въ этомъ затруднится... Если бъ другую вотъ какую... Любую... Хоть бы вотъ самую молодую и изъ себя видную, Дашеньку. Ну, то бъ хорошо... Я бы и сама согласье за мать дала... А Глашеньку — иное дѣло. Тутъ и сама Авдотья Борисовна побоится.

— Чего?

— Да такъ ужъ...

— Она же на возростѣ...

— Да... Извѣстно... Только тутъ... Совсѣмъ дѣло не подходящее! — даже грустно проговорила Айканка, видя, что все дѣло разстроивается.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — воскликнулъ Лучка. — Ну, а если другую какую? — прибавилъ онъ вдругъ. — Тогда бы ничего?..

— Другую съ нашимъ удовольствіемъ.

— Отвѣчаете вы, что другую Авдотья Борисовна отдастъ за князя?

— Вѣстимо. Честь ей великая—дочь княгиней величать.

— Ладно. Я съ нимъ перетолкую и завтра у васъ опять буду.

— Да неужто же онъ за одинъ день перемѣнитъ свои мысли? — спросила сваха.

— Отчего же... Да, можетъ... Можетъ, и я ошибся, ей-Богу!—выговорилъ вдругъ Лучка жалобно, какъ бы прося прощенія.—И тебѣ, Платонида Парамоновна, показалось дѣло неподходящимъ. И вотъ ей тоже, управляющихѣ, кажется дѣло негоднымъ и непокладнымъ. Я лучше справлюсь, и завтра мы опять придемъ.

— Чудно. Ей-Богу, чудно... Чудишь ты, Лукьянъ Партанычъ!— вымолвила сваха подозрительно.

— Да не Партанычъ! Тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ... выговорилъ Лучка, но вдругъ сообразилъ и отрѣзалъ:

— Вѣдь вотъ ты, Парамоновна, путаешь. Зовешь меня Партанычемъ. Отчего же было мнѣ не спутаться, когда всѣхъ дѣвицъ Авдотьи Борисовны зовутъ пріятели и сродственники сходственно. Мнѣ князь могъ тоже такъ то сказать: и Сашенька, и Машенька, и Дашенька... А мнѣ почудилось: Глашенька.

— Это вотъ вѣрно! И отдамъ я руку на отсѣченіе, что ты спуталъ!—воскликнула Соскина.

— Князь тебѣ, сударь мой, либо Машеньку, либо Дашеньку называлъ,—сказала Айканка.

— Завтра будемъ опять и все дѣло повершимъ. Только вотъ что, родная моя. Князь безъ записи не хочетъ. Чтобы не было семи пятницъ на одной недѣлѣ у вашей Авдотьи Борисовны! Она вѣдь баба крѣпкая, всѣмъ это вѣдомо. Князь и боится срама.

— Да вѣдь вѣнчанье не отложится на годъ, либо два?.. Вѣдь вѣнчаться будутъ много черезъ мѣсяцъ... замѣтила Айканка.

— Все равно. Свадьба черезъ мѣсяцъ, а то и скорѣе. А запись—записью!

— Ну, что жъ—его воля. Мы не перечимъ.

— Авдотья Борисовна на это пойдетъ?

— Пойдетъ... Но вѣдь и князь тоже долженъ заручку дать...

— Князь опредѣлилъ отступнаго тысячу карбованцевъ съ своей стороны! —бухнулъ Лучка.

— О-о!.. ахнула Айканка.

— Да, вотъ мы какъ!—вскрикнулъ Лучка.—Стало быть, намъ-то на попятный дворъ будетъ идти накладно.

Гости простились со старой калмычкой и ушли, обѣщаясь явиться на другой день.

— Ну, ужъ сватовство!—качала головой всю дорогу Соскина.— Вотъ что значитъ заглазно со свахой переговариваться. Спутали дѣвокъ. Вотъ тебѣ, парень, первый блинъ да комомъ!

— Какой комъ, да кому! Иному иной комъ — какъ разъ по брюху!—загадочно усмѣхнулся Лучка.

XXII.

Нѣчто, что чуялъ шестымъ человѣческимъ чувствомъ, предугадывалъ и мысленно себѣ самому предсказывалъ пройдоха-жидъ астраханскій Осипъ Осиповичъ Гроднеръ, дѣйствительно невидимкой стояло надъ Астраханью. Оно, какъ легкій туманъ или облако пыли, пробиралось во всѣ улицы и закоулки, во всѣ дома, избы и хижины. Что̀ это было,—опредѣлить и назвать было трудно.

Въ бумагахъ, приходившихъ изъ столицы въ Астрахань или отправляемыхъ отсюда къ главнымъ властителямъ россійскимъ, это нѣчто обозначалось «колебаніемъ умовъ». Въ Астрахани это колебаніе случалось часто и приходило вдругъ безъ всякаго видимаго повода, какъ иная хворость, какъ цынга, гніючка или чума.

Было одно время, что у астраханцевъ, почти у всѣхъ, у десятаго человѣка, кровь носомъ шла. Какъ пришла эта чудная хворость, никто не зналъ и объяснить не могъ. Правда, жарища стояла тогда нестерпимая, да вѣдь не отъ солнца же таковое можетъ приключаться.

Какъ зачиналась на этой дальней полумагометанской россійской окраинѣ смута народная, объяснить никто не могъ. Теперь по слободамъ астраханскимъ, которыхъ было много, въ томъ числѣ нѣмецкая, мѣстожительство всѣхъ иноземцевъ, татарская, инородческая, калмыцкая, армянская и другія, повсюду стали рыскать всякіе слухи, одинъ другаго диковиннѣе. Наконецъ, прошелъ слухъ, отъ котораго встрепенулся весь городъ. Царь собирался прислать въ Астрахань къ са̀мому Петрову дню своего любимца Меньшикова, чтобы отобрать у всѣхъ ватажниковъ ихъ учуги и продать ихъ за большую сумму денегъ сосѣдямъ и врагамъ, калмыцкимъ ханамъ, а на эти деньги вести войну со шведами.

Отобрать учуги у астраханцевъ и отдать весь рыбный промыселъ на Волгѣ въ руки вѣковыхъ враговъ калмыковъ, это, конечно, было дѣяніе, долженствовавшее разрушить городъ Астрахань. Этому дѣянію равнялось бы только развѣ приказаніе на половину вырѣзать, на половину разогнать по свѣту Божьему всѣхъ астраханцевъ. Учуги и ватаги—это была основа, краеугольный камень, на которомъ зиждилось процвѣтаніе города и всего края. Хитеръ и ловокъ былъ тотъ, кто могъ такой слухъ пустить. Этотъ слухъ хваталъ за сердце всѣ ватаги рабочихъ — тысячи четыре

человѣкъ. И хваталъ каждаго за сердце покрѣпче, чѣмъ когда-то вѣсть о брадобритіи бояръ и сановниковъ.

А Петровъ день былъ не за горами.

Тотчасъ послѣ распространенія этого слуха по городу, въ кремлѣ, на квартирѣ воеводы, а потомъ на архіерейскомъ дворѣ, въ горницахъ митрополита Сампсона было совѣщаніе властей. У стараго владыки, тугаго на соображеніе и тяжелаго на подъемъ отъ старости, собрались власти: воевода и поддьякъ Копыловъ, его правая рука, полковникъ Пожарскій, умница строитель Троицкаго монастыря, безъ совѣта котораго не обходились, законникъ посадскій Кисельниковъ и все тѣ же первые тузы астраханскіе. Рѣшено было, какъ когда-то по поводу исправленія креста на колокольнѣ, объявить всенародно на площадяхъ и базарахъ, а равно въ каравансераяхъ, и притомъ на четырехъ языкахъ: русскомъ, армянскомъ, персидскомъ и турецкомъ, что слухъ объ указѣ на счетъ учуговъ есть сугубое преступное измышленіе праздныхъ языковъ.

— Поможетъ—хорошо,—заявилъ воевода:—а не поможетъ, что же тутъ дѣлать! Все же таки, покуда ни одного учуга не тронули и не отобрали, никакого волненія не будетъ.

— Это колебаніе уже которое на моей памяти,—заговорилъ митрополитъ:—поболтаютъ и перестанутъ.

Порѣшенное, однако, на 29-е іюня, въ царскій день, всенародное объявленіе и опроверженіе слуха не было властями приведено въ исполненіе. Оно будто попало въ долгій ящикъ и все откладывалось изо дня въ день. И удивительно! Поручено оно было дѣятельному, какъ ртуть, человѣку—полковнику Пожарскому. Но на этотъ разъ Никита Григорьевичъ все медлилъ и все собирался, но его никто и не понукалъ. Изрѣдка только Георгій Дашковъ спрашивалъ при свиданіи:

— Что же, государь мой, на счетъ опроверженія и успокоенія умовъ? Что медлите?

— Написано, — отвѣчалъ Пожарскій: — переводимъ. Шутка развѣ—на три языка перевести! Перевели вотъ мнѣ на персидскій языкъ два армянина, хотѣлъ было посылать уже подьячихъ на базаръ и въ Девлетовъ каравансерай, анъ вдругъ оказывается, что все мнѣ тѣ армяне наврали. Такую черти ахинею вывели, что, если бы ее прочесть, такъ сами бы мы произвели сугубое колебаніе умовъ. Въ этомъ дѣлѣ спѣшить не надо.

Такъ или иначе, но Пожарскій отдѣлывался разными выдумками и медлилъ. И только одна Агаѳья Марковна знала, почему медлитъ кремлевскій начальникъ. Онъ начиналъ надѣяться на очищеніе мѣста воеводы.

Въ это же время въ Шипиловой слободѣ, около Никольской церкви, въ домѣ, который еще недавно продавался, но продажа котораго разстроилась, происходило тоже что-то необычное. У до-

мохозяина, по прозвищу Грохъ, даже ночью бывалъ всякій народъ. Будь это въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ городѣ, при другихъ властяхъ, то, конечно, какой нибудь начальникъ уже прислалъ бы сюда съ полдюжины стрѣльцовъ навѣдаться, въ чемъ дѣло, что за базаръ такой, что за толкотня. Но въ Астрахани некому было обращать вниманіе на то, что въ домѣ, гдѣ царила всегда тишина, вдругъ толчется всякій людъ, гулящій и подозрительный. Обыватели диву дались, а власти и не вѣдали.

Другая диковина тоже бросалась въ глаза. Всегда мрачный и угрюмый Грохъ не былъ скученъ, глаза его блестѣли, лицо румянилось, не разъ за день улыбалось. Всякій бы въ народѣ подумалъ: что за притча?

Носовъ уже не собирался покидать Астрахань. Нѣчто, чего онъ давно желалъ, также какъ и полковникъ Пожарскій, т. е. смутныхъ дней,—начинало какъ бы сбываться. Не кто иной какъ Носовъ былъ тайнымъ сочинителемъ и распространителемъ послѣдняго слуха, хитраго и ловкаго, объ учугахъ. Ему пришло на умъ выдумать этотъ указъ государя, который долженъ былъ поразить астраханцевъ въ самое сердце.

То, что безъ причины назрѣвало въ Астрахани, усилилось подъ вліяніемъ новаго слуха объ учугахъ и ихъ продажѣ калмыцкимъ ханамъ.

Какъ только Носовъ почуялъ, что въ Астрахани замѣтно обрисовывается волненіе, онъ сталъ все чаще выходить изъ дому, видаться со всякимъ народомъ и всякій людъ принимать у себя.

Дня за три до Петрова дня въ домѣ Носова, но не въ подвалѣ, какъ прежде, а на верху, въ свѣтлой горницѣ, собрались почти тѣ же лица, что̀ были у него однажды за нѣсколько времени предъ тѣмъ. У Носова сидѣли и бесѣдовали Партановъ, Барчуковъ, Колосъ и совершенно выздоровѣвшій разстрига Костинъ. Но, помимо этихъ лицъ, было еще человѣка два, три изъ стрѣльцовъ и изъ посадскихъ, и одинъ изъ нихъ очень извѣстный и уважаемый въ городѣ стрѣлецъ Быковъ.

Въ то же время внизу, въ подвалѣ, сидѣлъ, укрываясь отъ властей въ домѣ Гроха, его странный пріятель, разбойникъ Шелудякъ. Душегубъ этотъ не самъ явился въ Астрахань и бросилъ свои дѣла у себя на дому, т. е. на большой дорогѣ подъ Красноярскомъ. Грохъ посылалъ за нимъ и вызвалъ его въ городъ, давъ знать, что въ немъ будетъ нужда.

Собесѣдники въ домѣ Носова толковали все о томъ же, о слухахъ, о мудреныхъ порядкахъ, заводимыхъ молодымъ царемъ, о трудномъ житьѣ, о колебаніи умовъ и т. д. Но видно было, что нѣкоторые изъ нихъ, вновь сошедшіеся и познакомившіеся въ домѣ Носова, еще стѣсняются, не довѣряютъ вполнѣ другъ другу. Стрѣлецъ Быковъ, съ замѣчательно суровымъ и упорнымъ взглядомъ,

молчалъ больше всѣхъ, а между тѣмъ, казалось, что если бы стрѣлецкій десятскій заговорилъ вдругъ, то рѣчь была бы покрѣпче всѣхъ другихъ рѣчей. Про него говорили въ Астрахани, что у стараго десятскаго только два слова, а вмѣсто третьяго уже бердышъ идетъ въ дѣло. Диковина заключалась только въ томъ, что этотъ бердышъ, долго вѣрно служившій властямъ астраханскимъ, теперь вдругъ обернулся и готовъ былъ служить тѣмъ, кого рубилъ.

Старика десятскаго изъ стрѣлецкаго войска сразило то, что случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Москвѣ, а теперь готовилось и въ Астрахани — уничтоженіе стрѣлецкаго войска. Сбрить бороду, надѣть нѣмецкій кафтанъ и изъ стрѣльца сдѣлаться какимъ-то огороднымъ чучелой, какимъ-то «ундеромъ», какъ сказызывали, Быковъ не могъ. Оставаться хладнокровнымъ зрителемъ и смириться старикъ тоже не могъ.

И вотъ эти трудныя времена, эти мудреные порядки привели старика-стрѣльца въ домъ Носова и заставили бесѣдовать съ разнымъ народомъ, въ числѣ которыхъ былъ и пьяница-буянъ Лучка, и подозрительный посадскій Колосъ, и другіе, на которыхъ стрѣлецъ давно привыкъ коситься.

Единственное, на что стрѣлецъ еще не рѣшался, это говорить при всѣхъ. Съ Носовымъ онъ былъ откровененъ, и рѣчь его была дѣйствительно крѣпка, удивляла и восхищала Носова. Такой человѣкъ, какъ стрѣлецъ Быковъ, въ случаѣ какого нибудь народнаго дѣйства былъ бы дорогимъ человѣкомъ, былъ бы правою рукой того, кто все дѣло поведетъ. Даже болѣе. Пожалуй, этотъ стрѣлецъ станетъ коноводомъ всего и самъ заведетъ себѣ другихъ въ качествѣ правыхъ рукъ. Носовъ видѣлъ уже въ стрѣльцѣ соперника.

Поздно вечеромъ, когда всѣ разошлись, Носовъ задержалъ только двухъ молодцовъ-пріятелей и своего друга посадскаго, сказавъ кратко:

— Обождите вы и ты тоже, Колосъ. Надо намъ перетолковать промежъ себя. А ты, Костинъ, сходи-ка внизъ да приведи сюда моего гостя, что̀ сидитъ въ подвалѣ. Знаешь, въ томъ самомъ, гдѣ когда-то вы трое, бѣжавъ изъ ямы, укрылись.

— А коли увидятъ его въ окошко?—произнесъ разстрига.

— Кто увидитъ?

— Ну, хоть кто изъ кремлевскихъ. Рыло-то Шелудяка всякая собака въ городѣ знаетъ.

— Небось, теперь уже спятъ всѣ. Да мы отъ окошка-то подалѣ сядемъ, — отозвался Носовъ.

Разстрига ушелъ за разбойникомъ.

Колосъ, смущенный этимъ обывателемъ въ домѣ друга, обратился къ Носову съ вопросомъ:

— На кой прахъ душегуба у себя держать? Да и потомъ чудно. Я еще вчера слышалъ, что онъ опять въ Красноярскѣ проявился и лихо грабитъ на дорогахъ. Вотъ какъ врутъ. Тамъ на его голову всѣхъ убитыхъ валятъ, а онъ тутъ въ подвалѣ у тебя сидитъ.

И Колосъ разсмѣялся.

Между тѣмъ Барчуковъ и Партановъ, узнавъ, что Шелудякъ находился въ домѣ Гроха, невольно переглянулись и невольно усмѣхнулись. Обоимъ показалось смѣшнымъ, что условіе, на которомъ ихъ воевода выпустилъ изъ ямы, можно было теперь исполнить. Можно было созвать тотчасъ народъ, связать душегуба и свести въ воеводское правленіе. И Богъ знаетъ, сдѣлали ли бы они это, или нѣтъ, нѣсколько дней тому назадъ. Быть можетъ, при новой угрозѣ воеводы, ради собственной свободы, они бы и рѣшились схватить и передать въ руки правосудія свирѣпаго человѣкоубійцу, но теперь времена уже были другія. Теперь этотъ разбойникъ, вызванный Грохомъ въ городъ ради нужды въ немъ, былъ въ полной безопасности. Да и сами молодцы не боялись воеводы и ямы по той причинѣ, что въ городѣ чѣмъ-то пахнуло. А случись это нѣчто, то въ ямѣ подъ судной избой никого не останется. Всѣхъ выпуститъ народъ, и ничего не подѣлаютъ тогда Тимоѳей Ивановичъ или его поддьякъ.

Поглядѣвши другъ другу въ глаза довольно пристально и долго, Партановъ и Барчуковъ начали хохотать. Они будто перемолвились, потому что каждый зналъ, что другой думаетъ.

— Чего вы?—обратился къ нимъ удивленный Носовъ.

Молодцы откровенно признались, что заставило ихъ разсмѣяться.

— Ну,—покачалъ головой Носовъ:—не говорите, братцы. Взять, связать и вести къ воеводѣ Шелудяка дѣло не такое легкое, какъ думаете. Хоть кликните вотъ всю улицу. Врядъ что можно подѣлать. А если бы и свели вы его въ концѣ концовъ къ Тимоѳею Ивановичу, то здѣсь у меня въ дому кровь человѣческая рѣкой бы полилась по всей лѣстницѣ на крыльцо и на улицу. Покойниковъ десятка съ два, три оказалось бы во всѣхъ горницахъ. Да, вы, братцы, не знаете, что́ такое Шелудякъ. Я иной разъ думаю да соображаю: чѣмъ же онъ на томъ свѣтѣ будетъ? Чѣмъ онъ будетъ послѣ суда Божьяго праведнаго и отвѣта на этомъ судѣ? Чѣмъ онъ станетъ? Коли пойдетъ его душа въ адъ, а это вѣрно, то вѣдь, право, грѣшить не хочу, а правду сказываю,—Носовъ усмѣхнулся:— вѣдь отъ него и чертямъ въ аду тошно будетъ. Онъ какъ придетъ, то прости Господи, самого сатану попробуетъ ухлопать.

XXIII.

Въ горницу вслѣдъ за маленькимъ Костинымъ вошелъ, какъ-то странно передвигая громадными ногами, почти на цыпочкахъ, покачиваясь неуклюже, какъ медвѣдь, громадный красноярскій душегубъ. Узнавъ тотчасъ своихъ товарищей по бѣгству изъ ямы, Барчукова и Партанова, Шелудякъ только чуть-чуть бровями повелъ.

— Что тебѣ? — проговорилъ онъ, останавливаясь на порогѣ и обращаясь къ хозяину.

— Иди, небось, — отозвался Носовъ.

— Иди?—вопросительно повторилъ разбойникъ.—Я пойду, только чуръ. Диковинно мнѣ немножко. Статься не можетъ, чтобы ты, Грохъ, въ котораго я вѣрю пуще, чѣмъ въ Господа Бога, чтобы ты, честнОй человѣкъ, крѣпкій человѣкъ въ своемъ словѣ, да чтобы могъ ты вдругъ меня... Пустое, и вѣрить не хочу. Но, все же таки, скажу напередъ: я не одинъ, а съ пріятелемъ...

Шелудякъ полѣзъ за пазуху и вытащилъ огромный ножъ, но не простой, а, очевидно, такой, который смастерилъ изъ осколка турецкаго ятагана.

— Что ты, Христосъ съ тобой!—проговорилъ Носовъ, удивляясь. Шелудякъ оттопырилъ руку съ ножемъ и произнесъ:

— Ты меня, Грохъ, знаешь. А вотъ этотъ благопріятель не токмо людей, не токмо дерево, а желѣзо насквозь беретъ. Ну, и даромъ я себя, вѣстимо, не дамъ.

— Да что ты шалый, право шалый. Али очумѣлъ? Чего ты ножемъ-то тычешь, кого пугаешь? И что у тебя въ головѣ-то застряло? Спрячь ножище, да отойди, а то и впрямь кто изъ прохожихъ въ окошко рожу твою признаетъ, да и ножище-то увидитъ. Спрячь, говорю.

— Спрятать можно, пазуха недалеко, — однозвучно произнесъ Шелудякъ.

— Да что съ тобой, объясни прежде,—сказалъ Носовъ.—Позвалъ я тебя на бесѣду, а ты пришелъ и городить началъ. Чортъ тебя знаетъ, что у тебя въ головѣ прыгаетъ!

— А то у меня, Грохъ, прыгаетъ, что вотъ эти два молодца,— онъ указалъ на Лучку и Барчукова, — должны свое житіе моей головой купить. Они гуляютъ и будутъ гулять, коли я сидѣть буду. А не сяду я, то ихъ на мое мѣсто посадятъ. Нешто ты думаешь, что я этого не знаю?

Разумѣется, Носовъ и оба молодца стали клясться и божиться разбойнику, что хотя дѣйствительно имъ приказано поймать и представить его въ воеводское правленіе, но что они и на умѣ не имѣютъ исполнять приказаніе Ржевскаго.

Шелудякъ повѣрилъ и успокоился.

Когда всѣ усѣлись въ углу горницы, Барчуковъ невольно обратился къ разбойнику:

— Кто же тебѣ сказалъ, какъ ты узналъ про воеводово условіе? Вѣдь мы съ Лучкой, почитай, никому этого не сказывали, а ты былъ подъ Красноярскомъ.

— Дурни вы, ей-Богу!—усмѣхнулся Шелудякъ.—Да я тамъ, на большой дорогѣ больше знаю, чѣмъ самъ вашъ Тимоѳей Ивановичъ у себя въ канцеляріи. Иначе мнѣ и не жить. У меня свои вѣстовщики, которые чуть не каждый день скачутъ ко мнѣ изъ Астрахани и всякій день мнѣ докладываютъ. Это я здѣсь для васъ такимъ мужикомъ, разбойникомъ, острожникомъ, а вѣдь тамъ-то, у себя дома, я почище твоего воеводы. У меня свои подьяки и дьяки и всякіе прислужники и рабы. Навѣдайся-ка ко мнѣ въ шайку, такъ увидишь, что̀ я тамъ изъ себя изображаю. Что твой ханъ хивинскій или индѣйскій! Не знать намъ эдакаго распоряженія Тимоѳея Ивановича, когда я знаю все, что у него въ бумагахъ прописано къ государю. Что завтра прописано будетъ — и то знаю. Мои сподручники тоже властители. Одно только имъ не по плечу: выпустить меня изъ ямы, если я въ нее попаду. А докладывать мнѣ объ всемъ ихъ должность. Все что творится въ судной избѣ, въ приказной, въ воеводствѣ, на митрополичьемъ дворѣ, во всѣхъ повытіяхъ Астрахани, все, что сказываетъ и болтаетъ народъ во всѣхъ кабакахъ и на всѣхъ базарахъ,—все, это мнѣ вѣдомо лучше, чѣмъ вамъ здѣсь, въ городѣ. А бываетъ, кто изъ богатыхъ людей съ Астрахани въ дорогу собирается и чаетъ меня миновать, то я не токмо знаю время, въ которое онъ выѣдетъ и со сколькими провожатыми ѣдетъ и какъ оруженъ, но знаю даже, сколько рублевъ и алтынъ въ какомъ карманѣ у него зашито. Эхъ, вы дурни, дурни, одно слово вамъ сказалъ бы я, да только... Ну, васъ!..

Шелудякъ махнулъ рукой въ заключеніе своей длинной исповѣди и отвернулся.

— Слушай, Шелудякъ,—сказалъ Носовъ:—ты на меня во гнѣвѣ, зачѣмъ я тебя изъ-подъ Красноярска вызвалъ... Ну, вотъ тебѣ всѣ они скажутъ, что я не вру. У насъ, въ городѣ, зачинается колебаніе. Стало быть, надо намъ напередъ все передумать... Кому что дѣлать. Колосъ, скажи ему...

Колосъ, оглянувшись на всѣхъ, разсказалъ, что у нихъ съ Грохомъ уже собрана своя команда... И если что приключится, то не надо зѣвать... Пуще всего у нихъ надежда на Шелудяка, что онъ первый шагъ сдѣлаетъ, не жалѣя себя...

— Можно ль на тебя разсчетъ имѣть?—прибавилъ Колосъ.

— Вѣстимо. Грохъ знаетъ!—отозвался разбойникъ.

— Такъ я всѣмъ и передамъ, что ты при очевидцахъ вотъ обѣщался... Ты первый, а мы за тобой.

Шелудякъ сталъ подробно выспрашивать Колоса, на какихъ людей они разсчитываютъ. Посадскій отвѣчалъ.

— Ничего не будетъ! — рѣшилъ разбойникъ. — Вы, что малые ребята, утѣшаетесь пряникомъ медовымъ.

Поднялся споръ, въ которомъ Шелудякъ, Костинъ и Барчуковъ доказывали, что никакой смуты не будетъ въ городѣ, а Партановъ, Колосъ и хозяинъ стояли на своемъ, что «надо ждать колебанія».

Горячая бесѣда затянулась далеко за полночь. Наконецъ, всѣ встали и начали прощаться.

Когда Колосъ ушелъ домой, а Шелудякъ и разстрига отправились къ себѣ въ низъ, два молодца пріятеля остались одни съ хозяиномъ, повидимому, умышленно и по уговору.

— Ну, мнѣ, — сказалъ Барчуковъ: — нужно съ тобой по дѣлу нѣмцеву перетолковать. Вотъ что, Грохъ.

— Какое такое дѣло? — удивился Носовъ.

— Ты, Грохъ, и не чаешь?

— Вѣстимо, не чаю.

— А дѣло важное.

— Да у меня съ твоимъ Гроднеромъ никакихъ дѣловъ не бывало и быть не можетъ.

— Не бывало. А можетъ теперь и будетъ! — сказалъ Барчуковъ.

— Никогда не будетъ! — рѣзко отвѣтилъ Носовъ. — Онъ... ты знаешь ли, кто онъ таковъ, твой хозяинъ? Онъ христопродавецъ.

— Сказываютъ! — смущаясь, отозвался Барчуковъ и даже потупился. — Я было ужъ и уходить отъ него изъ-за этой причины собрался, да теперь не могу. Пріищу мѣсто, тотчасъ уйду.

— Я не къ тому говорю. Живи у него. Что жъ? Деньги его тѣ же наши астраханскія, а не тѣ, что̀ Іуда за Христа получилъ... А вотъ я о томъ, что дѣловъ у меня съ нимъ нѣту и не будетъ.

— Мнѣ, все жъ таки, надо его посылку исполнить и тебѣ его мысли передать.

— Что такое?

— У него, вѣдомо ли тебѣ, нѣтъ ли... не знаю. У него болѣе дюжины кабаковъ городскихъ на откупу иль въ долгу, что ли?

— Ну... Мнѣ-то что жъ?

— И деньги большія чистоганомъ я ему собираю и вожу каждый, то-ись, вечеръ. Много денегъ.

— Ну!.. нетерпѣливо вскрикнулъ Носовъ.

— Онъ хочетъ, вишь, уѣзжать совсѣмъ изъ Астрахани и дѣло свое другому кому уступить. Развязаться съ нимъ совсѣмъ за отступное...

— И тебя ко мнѣ послалъ?

— Да.

— Попалъ пальцемъ въ небо.

— Что же?

— Ничего. Вотъ что! Гляди!

Носовъ плюнулъ и отвернулся сердито отъ Барчукова. Молодецъ даже не понималъ, почему Грохъ такъ гнѣвно принялъ это предложеніе его хозяина жида.

— Ты будто въ обидѣ, Грохъ? — сказалъ онъ.

— А то въ почетѣ, что ли?

— Что жъ тутъ такого? Срамнаго-то?

— Ну, братецъ мой, это дѣло... Пояснять тебѣ—это долгонько и не стоитъ.

— Такъ мнѣ ему и передать отказъ? И въ разсчеты ты входить не будешь? Какіе барыши, что и какъ? Наотрѣзъ отказываешься?

— И говорить болѣе не хочу, слышь.

— Что жъ! Ладно... Я вѣдь... Мнѣ вѣдь все это не къ сердцу. Мое дѣло сторона.

Наступила пауза.

— Вы покончили? — спросилъ Лучка, ухмыляясь. — Сторговались... Шабашъ. Могу я про свое теперь рѣчь начать.

— Начинай. Авось твое не такое лядащее и поганое, — вымолвилъ Носовъ, сердито улыбаясь.

— Ну, слушай, Грохъ. И ты, Степушка, слушай. Буду я васъ спрашивать, вы отвѣчайте. А тамъ я вамъ выкладу свое задуманное и затаенное. Дурно—дурнемъ назовите. Ладно—похвалите. Коли не годно, я опять буду мыслями раскидывать и, можетъ, что̀ другое надумаю умнѣе. А коли теперешнее годно, то, не откладывая дѣла и не покладая рукъ, возьмемся дружно и ахнемъ.

— Что? На Бахчисарай походъ и погромъ, что ль, надумалъ? — пошутилъ Носовъ.

— Нѣтъ, не на Бахчисарай, а на другой городъ, поближе Бахчисарая.

— Какой же такой?

— Астрахань.

— А-а... странно произнесъ Носовъ.

Наступило молчаніе.

Носовъ глядѣлъ въ глаза Партанова, и умный огневой взглядъ посадскаго будто говорилъ: «Старо, братъ, не новое надумалъ. Я вотъ давно думаю и разное надумываю. Да что толку-то! Теперь вотъ что-то есть, само назрѣло... А гляди — ничего опять не будетъ».

— Что же ты надумалъ? — спросилъ Носовъ, опустивъ глаза въ полъ.

— Какъ смутить городъ и душу въ смутѣ отвести,—мрачно и такимъ глухимъ голосомъ произнесъ Партановъ... что даже Бар-

чуковъ пристальнѣе глянулъ на пріятеля, чтобы убѣдиться, Лучка ли это такимъ голосомъ заговорилъ вдругъ.

— Сказывай! Послушаемъ!—однозвучно и не подымая глазъ, проговорилъ Носовъ, но въ голосѣ его зазвенѣло что-то... Будто на душѣ буря поднялась, а онъ сдавилъ, стиснулъ ее въ себѣ и затушилъ.

— Можетъ быть, смута народная у насъ, въ Астрахани, аль нѣтъ? Я спрашиваю. Ты отвѣчай! — сказалъ Лучка.

— Можетъ. Бывали. И не разъ бывали.

— Отъ какихъ причинъ?

— Отъ всякихъ. Не стерпя обидъ властительскихъ, поднимался людъ... А то разъ было за царевну Софью Алексѣевну стоять собрались. А то разъ за вѣру старую... Да это все... глазамъ отводъ былъ.

— А? Глазамъ отводъ... Вотъ я тоже тебѣ и мыслилъ сказать. Зачиналось дѣло ради Маланьи, а кончилось объ аладьяхъ. Становились за вѣру истинную, а ставши, то бишь ахнувши на утѣснителей, ради сей вѣры, храмы Божьи допрежде всего разграбляли, благо тамъ ризы и рухлядь серебряная завсегда водится. Такъ говорю?

— Такъ.

— Стало быть, отводъ глазамъ нуженъ или колѣно какое, финтъ. Надумай, что только позабористѣе да похитрѣе. Зацѣпку дай, чтобы начать.

— Да, если заручиться чѣмъ, эдакимъ. Вѣстимо. Я помню прошлый бунтъ. Совсѣмъ было, со стороны глядя, несообразица, а тамъ...

— И я его помню, Грохъ. А ты вотъ слушай. Есть у тебя молодцы, что ахнутъ первые, только бы имъ эту заручку выискать да въ руки дать?.. Есть такіе?

— Есть.

— Много ль?

Носовъ молчалъ, потомъ вздохнулъ и выговорилъ:

— Полтораста наберется.

— Немного, Грохъ.

— Захочу — триста будетъ. Коли дѣло вѣрное, т. е. заручка крѣпкая, то за триста я отвѣчаю. Да стрѣлецъ Быковъ отвѣтитъ за сотни двѣ, да Шелудякъ приведетъ изъ-подъ Красноярска съ двѣ дюжины такихъ молодцевъ, что одни весь кремль разнесутъ въ одинъ день.

— Ладно. Да вотъ мы съ Барчуковымъ двѣсти человѣкъ или хоть сотню найдемъ и приведемъ.

— Я?.. удивился Барчуковъ. — Откуда?

— А изъ ямы... Только отопри двери, сами выполохнутъ на свѣтъ Божій погулять.

— Да безъ нихъ николи и не обходится, безъ острожныхъ — замѣтилъ Носовъ. — Все это такъ, но все это сто разовъ мы выкладывали и изъ пустаго въ порожнее переливали. А вотъ ты самую суть-то повѣдай.

— А суть самая... Вотъ. Я надумалъ финтъ. Я пущу въ народѣ слухъ, вы поможете, тоже пустите его же, третьи тоже—все его же...

— Ну? — удивился Носовъ.

— Ну, и смутимъ народъ.

— Да что ты ошалѣлъ, что ль! — грозно выпрямляясь, выговорилъ Носовъ.

— Погоди, Грохъ... Я вѣдь не совсѣмъ дуракъ. Ты думаешь на этомъ и конецъ?

— Ну?!

— Такъ я не дуракъ. Мало ль слуховъ было и будетъ въ Астрахани. А я такой слухъ надумалъ пустить, чтобы всякій человѣкъ, коему этотъ слухъ ближе рубахи, да въ видѣ указа царскаго добраться въ скорости долженъ, чтобы тотъ человѣкъ не медля дѣйствовать въ свое спасеніе началъ. Понялъ ты? Во свое спасеніе. Не обжидая, вѣрно ли, нѣтъ ли сказываютъ въ городѣ. Ну, вотъ смута и будетъ. А ты пользуйся. Заручка есть, и вали!

— Скажи, Лучка. Ты махонькой, что ли? Ну, вотъ я, каюсь тебѣ, я распустилъ про учуги, что ихъ повелятъ отобрать и продавать ханамъ калмыцкимъ. Много мутились и не одни ватажники! А вышло что?

— А что же выйдти могло? Умница ты, Грохъ, а недоумокъ, стало быть. Что жъ было ватажникамъ дѣлать? Самимъ, что ли, учуги скорѣе калмыкамъ продавать?

— Вѣрно! — отозвался Носовъ. — Ну, а брадобритье, платье нѣмецкое?

— Да все то же. Мутились, но ждали, не самимъ же бриться тотчасъ, не дождавшись указу.

— Да, но обрились-то многіе... Не однѣ власти да знатные люди, — обрились всякіе малодушные люди, ради опаски... Мы вотъ посадскіе да купцы только въ сторонѣ остались. Шумѣли дворяне, а обрились...

— Ну, а мой слухъ таковъ, что, какъ его кто прослышитъ, то тутъ же и надуритъ. Смута и бунтъ. А ты пользуйся. А надумалъ я его, ради вотъ друга пріятеля! — показалъ Лучка на Барчукова. — Пуще всего ему помочь...

— Какой слухъ? — спросили оба, удивляясь.

— Нѣтъ, покуда не скажу. Еще дай облюбовать да поузластѣе завязать и запутать узлы-то... Чтобы мертвые узлы были!

— Ладно. Когда же скажешь? — спросилъ Носовъ.

— Черезъ дня три. А ты покуда послушайся моего сказу, будь милостивъ. Не порти дѣло.

— Сказывай.

— Бери кабаки у жида.

— Чего-о? Че-го?! — вскрикнулъ Носовъ.

— Недоумокъ! Пойми! Коли ты въ ту самую ночь, что̀ я смуту сдѣлаю моимъ финтомъ, выпустишь пять сотенъ человѣкъ да учнешь ихъ всѣхъ даромъ виномъ поить да съ ними еще двѣ — три тысячи перепьются. Что будетъ?

— Это три тысячи животовъ на мой счетъ залить виномъ. У меня и денегъ не хватитъ.

— Нѣтъ, ты токмо начни даромъ угощенье сотенъ двухъ въ своихъ кабакахъ, а ужъ тысячи-то сами тогда разнесутъ всѣ остальные. Я же поведу на это и науськаю.

Носовъ долго молчалъ, потомъ провелъ руками по блѣдному лицу и произнесъ:

— Ладно. Но все дѣло въ финтѣ. Какой? Получу коли въ него вѣру—ладно тогда.

— Чрезъ два дня обоимъ все здѣсь же выкладу,—самоувѣренно произнесъ Портановъ и поднялся уходить.

XXIV.

Молодецъ, который еще недавно бывалъ пьянъ по цѣлой недѣлѣ и буянилъ на улицахъ города, теперь почти не спалъ и даже не ѣлъ. Всегда веселое лицо было озабочено, задумчиво, почти также мрачно, какъ у извѣстнаго бирюка Гроха. Тайныя заботы Партанова, однако, не мѣшали ему дѣйствовать. Почти ежедневно бывалъ онъ, по порученію своего князя Бодукчеева, у ватажника, пользовался почти полной довѣренностью Ананьева, видался запросто и бесѣдовалъ, какъ свой человѣкъ, съ красавицей Варюшей. Ватажникъ былъ убѣжденъ, что Лучка усовѣщиваетъ дѣвушку согласиться на сватовство Затыла Ивановича. Варюша съ удовольствіемъ принимала Лучку и подолгу говаривала съ нимъ. Ананьевъ поэтому могъ надѣяться, что дочь начинаетъ смотрѣть на Затыла Ивановича другими глазами.

На дѣлѣ, конечно, бесѣды ловкаго парня съ дѣвушкой были не только не въ пользу новокрещеннаго татарина, а прямо во вредъ ему. Лучка обдѣлывалъ дѣла своего пріятеля Барчукова. На счастіе Лучки, онъ нашелъ въ Варюшѣ дѣвушку изъ числа тѣхъ, которыхъ молва народная именуетъ «отчаянными». Чтобы отдѣлаться навсегда отъ назойливаго жениха-татарина, отъ упрямца отца и соединить свою судьбу съ Барчуковымъ, нужно было немало силы воли, отваги, даже дерзости совсѣмъ не дѣвичьей. Нужно было

согласиться и быть готовой на все, что предлагалъ теперь Партановъ. Другая дѣвушка испугалась бы, помертвѣла бы отъ страха, слыша то, въ чемъ долженъ былъ сознаваться Партановъ. Варюша не испугалась и говорила:

— Вы только стройте да ладьте, а я дѣла не испорчу. А съумѣю ли извернуться? Что же, я впередъ скажу. Что съумѣю — сдѣлаю. А коли убьютъ въ сумятицѣ? Что же, я и такъ бѣгала топиться.

И Партановъ, глядя на дѣвушку, невольно думалъ:

— Ну, кабы всѣ дѣвицы были эдакія, такъ парни бы, пожалуй, жениться перестали.

Дерзкій Лучка удивлялся Варюшѣ, но въ то же время ему чудилось, что дѣвицы такія не должны быть, что онъ на мѣстѣ Барчукова побоялся бы на такой жениться. Партановъ, конечно, долженъ былъ разсказать Варюшѣ объ ихъ затѣѣ, о смутѣ, которую они готовятъ. Но, какъ именно придется имъ воспользоваться смутой, чтобы ей обвѣнчаться съ Барчуковымъ,—Лучка впередъ опредѣлить и объяснить не могъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Партановъ уже два раза побывалъ сватомъ въ домѣ Сковородихи, но уже безъ свахи. Сначала старая Айканка, какъ и сама Сковородиха, очень удивились и недовѣрчиво отнеслись къ молодцу-свату, явившемуся безъ знаменитой Платониды Парамоновны. Но ловкій Лучка скоро съумѣлъ уничтожить въ нихъ всякое подозрѣніе и совершенно ихъ расположить въ свою пользу.

Явившись на другой день послѣ того, что онъ приходилъ со свахой, Лучка объяснилъ той же Айканкѣ, что онъ дѣйствительно ошибся. Князь Макаръ Ивановичъ указалъ ему свататься къ старшей, Марьѣ Еремѣевнѣ. Айканка сходила къ своей довѣрительницѣ и вынесла Лучкѣ отвѣтъ, что Авдотья Борисовна подумаетъ и черезъ недѣлю отвѣтъ дастъ. Лучка, какъ стоялъ среди горницы, такъ и заоралъ во все горло:

— Чего черезъ недѣлю? Да что вы здѣсь, ошалѣлыя дуры, что ли? Сейчасъ мнѣ отвѣтъ приноси.

Не только Айканка, но даже хозяйка, изъ своей комнаты услыхавъ крикъ, перетрухнула. Сестрицы тоже перепугались.

— Не пойду изъ этой горницы, покуда ты мнѣ не объявишь, что Авдотья Борисовна согласна въ этомъ же мѣсяцѣ, хоть бы даже чрезъ десять дней, свадьбу играть.

Этой дерзостью, а пуще всего крикомъ, Лучка добился того, что старая Айканка вынесла ему черезъ четверть часа отвѣтъ, что Сковородиха очень благодаритъ и согласна. Затѣмъ она вывела къ Лучкѣ Марью Еремѣевну, и Машенька, пунцовая отъ счастья, но, всетаки, подвязанная какъ всегда ради ячменя, объяснила, что она перечить волѣ своей матери не будетъ.

Было положено, что черезъ день Партановъ явится въ домъ составить запись, обычный договоръ между женихомъ и матерью невѣсты, съ отступнымъ для обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней Затылъ Ивановичъ, самъ того не подозрѣвая, былъ опутанъ своимъ новымъ наймитомъ Лучкой и попался въ сѣти.

Изрѣдка Партановъ смущался, тревожился и про себя, и вслухъ повторялъ:

— Выгоритъ ли?

И прибавлялъ:

— Авось выгоритъ! Кабы въ простые дни, вѣстимо, самъ бы въ яму угодилъ опять, а въ эдакіе дни, какіе мы подстроимъ, всякое съ рукъ сойдетъ.

Пріятель Лучки тоже былъ дѣятеленъ. Занятій было немало. Гроднеръ переуступалъ всѣ свои права, все свое торговое дѣло посадскому Носову. Надо было исполнить нѣсколько формальностей, надо было побывать въ разныхъ избахъ—приказной, судной и другихъ. Разъ двадцать пришлось побывать у разныхъ поддьяковъ и повытчиковъ. Все это приходилось пройдти не ради необходимости и не ради дѣла, а для того, чтобы всякая изъ властительскихъ піявокъ могла, въ свой чередъ, пососать немножко, если не крови, то мошну обѣихъ сторонъ, сорвать нѣсколько грошей, алтынъ, а то и гривенъ то съ еврея, то съ посадскаго.

Черезъ нѣсколько дней хлопотъ, Осипъ Осиповичъ, довольный и счастливый, собравъ почти всѣ деньги съ своихъ должниковъ, выѣхалъ изъ Астрахани. Но онъ не былъ на столько наивенъ, чтобы ѣхать черезъ степи на Царицынъ, или на Саратовъ съ карманомъ, переполненнымъ деньгами. Еврей предпочелъ сѣсть на небольшой купеческій корабль и двинуться въ Персію. Путь черезъ Тегеранъ въ Польшу былъ не совсѣмъ кратчайшимъ путемъ, но жидъ разсчелъ, что лучше пространствовать цѣлый годъ, чтобы добраться до родины неограбленнымъ и неубитымъ.

Яковъ Носовъ, сдѣлавшись вдругъ владѣльцемъ полуторы дюжины городскихъ кабаковъ, взявъ на себя разные счеты и даже долги нѣкоторыхъ должниковъ еврея, ходилъ не такой мрачный, какъ всегда, но сильно озабоченный. Онъ поставилъ ребромъ если не послѣдній грошъ, то большую долю своего состоянія. Прежде онъ хотѣлъ бросить Астрахань и уходить со всей семьей, но и при деньгахъ. Теперь же цѣлое громадное зданіе, но построенное на пескѣ, т. е. мечты о смутѣ народной, среди которой онъ достигнетъ давно желанной и глубоко затаенной цѣли, легко могло рухнуть. Гроху пришлось бы тогда бѣжать изъ города и идти по міру съ сумой или того хуже—садиться нищимъ въ яму, безъ возможности подкупить своихъ судей и палачей. Носову, однако, не жаль было ни капли себя самого.

— Годикъ пожить, покататься, какъ сыръ въ маслѣ, и помереть,—думалъ онъ:—чѣмъ вѣкъ вѣковать въ своемъ неказрачномъ шесткѣ, какъ сверчку какому.

Носову было жаль жены и дѣтей. Онъ чувствовалъ, что жертвуетъ ими ради своего страннаго честолюбія. Но дѣло было сдѣлано. Носовъ былъ хозяиномъ лучшихъ кабаковъ города, а Барчуковъ его главнымъ надсмотрщикомъ и приказчикомъ.

Не смотря на то, что запасы вина, сбитня и татарской бузы были довольно большіе у еврея, Носовъ съ Барчуковымъ хлопотали и закупали все вино, которое могли найдти. Буза варилась на дворѣ Носова.

— Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ,—мрачно повторялъ Носовъ.—Или пропаду, или потрафится дѣло, такъ что я все свое верну изъ государевой казны.

Еще разъ собрались на совѣтъ къ Носову согласники и снова перетолковали, что̀ каждому дѣлать въ случаѣ какого либо колебанія въ городѣ. Конечно, большинство изъ согласниковъ, въ томъ числѣ стрѣлецъ Быковъ, разстрига Костинъ и даже пріятель Гроха, посадскій Колосъ, не знали всего, что подготовили пріятели и коноводы — Грохъ, Барчуковъ и Лучка.

Они не подозрѣвали, что Лучка—главный сочинитель будущаго колебанія умовъ. Они удивлялись несказанно, что Носовъ, еще недавно собиравшійся покидать Астрахань, вдругъ взялся за такое невѣрное и для него неподходящее дѣло: торговать виномъ въ кабакахъ. До нихъ достигъ слухъ, что Носовъ скупаетъ повсюду вино, платя дороже настоящей цѣны, и многіе дивились и рѣшали, что Грохъ, должно быть, совсѣмъ не такой умница, какъ прежде полагалось.

Сойдясь, однажды, поздно вечеромъ, три согласника — Лучка, Грохъ и Барчуковъ, долго совѣщались. Лучка подробно передалъ пріятелямъ задуманный имъ финтъ и все, что они должны дѣлать, каждый съ своей стороны.

— Неглупо, малый. Очень даже неглупо! Ловко надумано! — говорилъ Носовъ оживившись и весело.—Да ничего впередъ не узнаешь. Бываетъ, клюетъ рыба въ водѣ зря, только успѣвай таскать, а бываетъ, просидишь трое сутокъ и даже травы никакой не вытащишь.

— Все дѣло въ томъ, какъ взяться,—отвѣчалъ Лучка:—да какъ орудовать. Ты вотъ взгляни, что я буду творить. Что ни слово скажу, что ни рукой махну,—будетъ какъ въ сказкѣ. Ты будешь только ротъ розѣвать. Вотъ тебѣ Богъ! Я не хвастунъ и не болтунъ, ты знаешь, Грохъ. А я отсюда вижу, какъ все наладится и какое происхожденіе всего будетъ. Вѣдь у меня въ уговорѣ даже дѣвки: вотъ его нарѣченная Варвара Ананьева, да всѣ дочери Сковородихи. Я уже и у Ананьева, и у стрѣльчихи пріятель, со всѣми

перетолковалъ, да съ каждымъ врозь. Да еще у меня есть одна лихая баба, по прозвищу Тють.

— Знаю ее,—разсмѣялся Носовъ.—Гулящая, а умница...

— Ну, вотъ эта Тють обѣщаетъ мнѣ такихъ дѣловъ надѣлать въ толпѣ, что чертямъ въ аду завидно станетъ.

— Бабы всякому дѣлу помѣха,—произнесъ, помолчавъ, Носовъ.

— Нѣтъ, Грохъ, въ какомъ дѣлѣ, а въ моемъ финтѣ въ бабѣ-то вся сила. Безъ нея и финтъ мой ни на что негоденъ. Только одно скажу, надо намъ вотъ... Хоть вотъ намъ троимъ зарокъ дать, а не то клятву дать.

— Какую?

— А такую, страшнѣющую, передъ Господомъ Богомъ поклясться именемъ его святымъ — вотъ что!

— Да въ чемъ поклясться-то?—вступился Барчуковъ.

— А въ томъ, Степушка, чтобы не жалѣть себя. Такъ прямо скажу, даже клятву дать на смерть идти. Тогда дѣло выгоритъ, а будемъ беречься мы, ничего не наладится.

— Спасибо за это слово,—проговорилъ Грохъ.—Ты мои слова сказалъ. Это мои мысли.

Носовъ поднялся, взялъ скамейку, перенесъ ее въ уголъ, взлѣзъ и сцѣпилъ со стѣны большой образъ Богоматери Неопалимой Купины.

Молчаливо, тихо, съ тревожно воодушевленнымъ лицомъ и даже тяжело переводя дыханiе, посадскiй Носовъ поставилъ образъ на столъ, прислонивъ его къ ларцу, въ которомъ Барчуковъ приносилъ ему ежедневную выручку.

— Вотъ, православные,—проговорилъ Носовъ, обращаясь къ двумъ прiятелямъ: — вотъ глядите...

Голосъ Носова оборвался. Внутреннее волненiе не давало ему говорить. Видно было, что посадскiй много думалъ о томъ, на что рѣшается, и хорошо знаетъ, зачѣмъ и на какое дѣло идетъ теперь, хорошо видитъ и заранѣе будто переживаетъ все то, чѣмъ это дѣло можетъ окончиться.

— Становись, братцы, на колѣни, помолимся.

И всѣ трое опустились на землю передъ иконой. Лицо Лучки оживилось, онъ сталъ креститься радостно, чуть не весело. Барчуковъ наоборотъ смутился, вспыхнулъ, глаза его стали влажны.

Грохъ первый поднялся на ноги и произнесъ:

— Даю я клятву передъ симъ образомъ Пречистой Матери Господней, не жалѣючи себя, пострадать за вѣру православную, порядки дѣдовы и не жалѣть гонителей и утѣснителей земли православной. Сносить мнѣ мою голову только въ случаѣ, если она сама на плечахъ останется, а я ее уберегать не стану.

Носовъ троекратно приложился къ иконѣ и отошелъ. Лицо его стало блѣднѣе.

— А моя клятва, — проговорилъ Партановъ: — тоже не жалѣть себя. Моя жизнь алтына не стоитъ и ничего у меня нѣтъ. Только молю Бога, чтобы убили, казнили, а не замучивали на дыбѣ.

Партановъ приложился къ образу и обернулся къ Барчукову.

— Тебѣ, Степушка, пуще всего мудрена сія клятва. У тебя сердце хорошее, да духу мало. А помыселъ о зазнобѣ, о своей любушкѣ, совсѣмъ изъ тебя духъ этотъ вышибаетъ. Такъ вспомни ты теперь мои слова: пойдешь ты, не жалѣючи себя, на самую смерть, то можешь добиться всего тобой желаннаго. Будетъ Ананьева твоей женой, будешь ты ватажникъ богатый и знатный. А станешь ты торговаться со страхами разными, прощенія у всякаго пугалы просить, то головы своей, всетаки, не сносишь иль попадешь опять въ яму и въ каторгу. А Варюша твоя либо утопится, либо еще того хуже для тебя — обвѣнчается съ какимъ ни на есть астраханцемъ и заживетъ, припѣваючи да дѣтей наживаючи. А ты вотъ какъ, парень: поклянись достать Варюшу или помереть. Поклянись, что коли надо двѣ дюжины человѣкъ задушить, зарубить, всего себя человѣчьей кровью выпачкать, да любушку свою руками схватить, то и на эдакое ты готовъ.

Партановъ замолчалъ и пристально смотрѣлъ въ лицо Барчукову. Московскій стрѣлецкій сынъ слушалъ пріятеля внимательно, лицо его измѣнилось, дыханіе стало тяжелѣе, въ немъ совершалась какая-то едва видимая борьба. Носовъ, глядя на парня, только теперь понялъ, что для Барчукова была всѣхъ нужнѣе клятва и цѣлованіе иконы. Онъ только будто теперь уразумѣлъ все и готовился съ душевною тревогой на то, къ чему они двое съ Лучкой были и прежде готовы.

— А обойдется твое дѣло безъ кровопролитія — и слава Богу! Тебѣ же лучше! — прибавилъ Лучка, какъ бы успокоивая друга.

— Да, — глухо произнесъ Барчуковъ. — Да, — прибавилъ онъ крѣпче. — Да, Лучка, вѣрно сказываешь, вѣрно, родимый! — и Барчуковъ нервно перекрестился. — Каюсь, смущался я, бросался я мыслями изъ стороны въ сторону, то къ вамъ, то подалѣ отъ васъ, съ разными страхами торговался, какъ ты сказываешь, ну, а теперь конецъ. Вѣстимо! Мнѣ на этомъ свѣтѣ съ Варюшей быть, а коли безъ нея, то лучше на томъ свѣтѣ. И отвоюю я ее, братцы, увидите какъ лихо! Собаки не тронулъ по сю пору, а теперь на всякое убивство пойду и въ томъ клятву даю.

Барчуковъ перекрестился и вздрагивающими губами приложился къ иконѣ.

— Ну, вотъ! — произнесъ Грохъ и оживился. — Доброе дѣло, — прибавилъ онъ: — авось Матерь Божія насъ и помилуетъ. Только вотъ что, ребята. Я всякія примѣты примѣчаю. Такъ за всю жизнь мою поступалъ. Приключилось намъ клятву давать на образѣ Неопалимой Купины. Такъ вотъ что. Пообѣщаемся ради сего, что вся-

ческое будемъ творить, а поджигать ради грабежа не будемъ и жечь никому не дадимъ. Чтобы нигдѣ не загоралось въ Астрахани! И безъ пожаровъ все потрафится, коли на то воля Божья. А зажжемъ — накажи насъ люто Матерь Божья!!

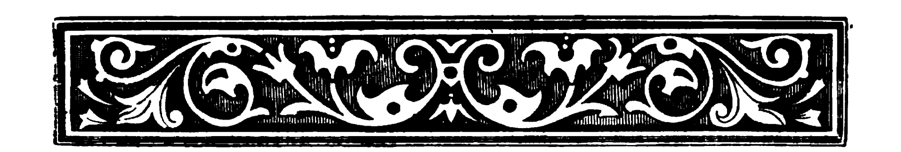
Грохъ снова приложился къ иконѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ уже былъ одинъ и нацѣплялъ образъ на мѣсто. Лучка и Барчуковъ разошлись по домамъ взволнованные: Партановъ — тревожно веселый, а его пріятель — смущенный. Барчуковъ мысленно молился и надѣялся, что, благодаря ловко задуманному финту, все дѣло его, т. е. женитьба на Варюшѣ, обойдется и «такъ», безъ преступленія.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА [1].

IV.

Высшее петербургское общество сороковыхъ годовъ.—Н. Д. Кологривова и ея пріемы.—Случай съ графомъ Чернышевымъ.—Графиня А. К. Воронцова-Дашкова и ея балы.—Князь Юсуповъ.—Графъ М. Ю. Віельгорскій и его жена, рожденная герцогиня Биронъ.—Великая княжна Ольга Николаевна.—Моя женитьба на С. М. Віельгорской.—Эксцентрическая выходка тещи.—Характеристика М. Ю. Віельгорскаго.—Его разсѣянность.—Е. М. Хитрово, рожденная Кутузова.—Забавный анекдотъ.—Эпиграмма Пушкина.—Мужъ и жена Панаевы.—Некрасовъ.—Графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ.—Герценъ.—Мое стихотвореніе, переведенное на французскій языкъ Лермонтовымъ.—Пріемы Карамзиныхъ.—Князь П. А. Вяземскій.—Анекдотъ о князѣ А. Ѳ. Орловѣ.—Князь В. Ѳ. Одоевскій.—Его химическіе обѣды.—Странный разсказъ Гоголя.—А. К. Демидова и ея сестра.—Забавный случай съ Демидовой.—Маленькое происшествіе въ Гельсингфорсѣ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Выходка великаго князя Михаила Павловича.—Графъ Ланжеронъ.—Анекдоты о немъ.—Нравы того времени.—Дуель двухъ пріятелей.—Еще разсказъ о графѣ Ланжеронѣ.—Оригинальный генералъ-амфитріонъ.—Мое поступленіе на службу.—Прикомандированіе меня къ тверскому губернатору графу Толстому.—Знакомство съ Бакунинымъ.—Щекотливое порученіе.—Гоголевскій городничій.—Несчастный калмыкъ.—Таинственный домъ.—Хлыстовскій обрядъ.—Арестъ хлыстовскаго сборища.—Слѣдствіе.—Мое волокитство и непріятная мистификація.—Забавный случай на водахъ.

ИТАКЪ, по выходѣ моемъ изъ университета, я пріѣхалъ сначала на дачу къ роднымъ, въ Павловскъ, гдѣ засталъ, какъ и всегда, патріархальный обиходъ жизни бабушки, семью тетки Васильчиковой и т. д. Отецъ желалъ, чтобы я до серьёзнаго поступленія на службу побывалъ въ большомъ свѣтѣ настоящемъ, такъ какъ до сихъ поръ мои выѣзды ограничивались кружкомъ семейнымъ и близкихъ знакомыхъ. Въ то время, то есть въ тридцатыхъ годахъ, петербургскій большой свѣтъ былъ настоящимъ большимъ свѣтомъ. Русская знать, еще не обѣднѣвшая, держалась сановито и строго чуждалась

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 574.

наводнившихъ ее впослѣдствіи всякаго рода проходимцевъ. Ко всѣмъ и каждому соблюдалась вѣжливость самая утонченная, гостепріимство самое широкое. Торгашество почиталось позоромъ, всякій поступокъ, могущій подать поводъ къ истолкованіямъ ложнымъ, возбуждалъ порицаніе самое строгое. Хотя безпредѣльно преданный и зависимый отъ двора, «большой свѣтъ» въ то же время съумѣлъ сохранить нѣкоторую независимость. Всѣмъ старожиламъ извѣстенъ слѣдующій весьма характеризующій общество того времени случай: въ Петербургѣ втеченіе многихъ и многихъ лѣтъ проживала чета Кологривовыхъ; мужъ, неглупый, добрый и любезный, не выходилъ ничѣмъ, впрочемъ, изъ общаго уровня свѣтскихъ людей, но жена его Наталья Дмитріевна была одна изъ умнѣйшихъ и въ то же время оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Не имѣя ни большаго состоянія, ни знатнаго происхожденія (ея родные, сколько мнѣ помнится, средней руки помѣщики, жили въ провинціи), не получивъ даже блестящаго образованія, она своимъ здравымъ и яснымъ умомъ, своей безукоризненной добродѣтелью, своимъ справедливымъ, хотя иногда и немного рѣзкимъ, сужденіемъ составила себѣ выдающееся положеніе въ свѣтѣ. Весь Петербургъ толпился, именно толпился, въ ея гостиной, и она принадлежала къ тому избранному числу старушекъ, мнѣніе которыхъ составляетъ авторитетъ. Насъ съ братомъ дѣтьми иногда водили къ ней, и мы присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Боже мой, что это былъ за туалетъ! Не даромъ Наталья Дмитріевна слыла за одну изъ безобразнѣйшихъ женщинъ въ Россіи — она вполнѣ оправдывала эту репутацію. Маленькаго роста, толстая, горбатая, вся перекривленная, со множествомъ бородавокъ на буромъ лицѣ, съ горбатымъ, кривымъ носомъ, она торжественно возсѣдала передъ своимъ зеркаломъ и тщательно съ помощью своихъ горничныхъ расчесывала свои короткіе сѣдые волосы; потомъ она напяливала себѣ на голову нѣчто среднее между чепцомъ и платочкомъ, и проворно своими пальцами, тоже кривыми, завязывала бантъ, концы котораго какъ рога торчали на ея темени. Облачившись въ неизмѣнный лѣтомъ и зимою коричневый шелковый капотъ и натянувъ на плечи черную бархатную мантилью, она, оглянувъ себя въ зеркалѣ, поворачивалась къ намъ и пресерьёзно насъ спрашивала: «Что, хороша я еще»? И мы, и горничныя Натальи Дмитріевны разсыпались, разумѣется, въ восторженныхъ похвалахъ. У Кологривовой, какъ я уже сказалъ выше, бывалъ весь Петербургъ, но Петербургъ избранный, такъ что даже люди, занимавшіе іерархически очень высокія должности, не всегда были допускаемы въ ея гостиную, если за ними водились худо скрываемые грѣхи. Однажды, графъ Чернышевъ, тогдашній военный министръ, не будучи знакомымъ съ Кологривовой, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и безъ доклада вошелъ въ гостиную, переполненную посѣтителями. Наталья Дми-

тріевна не отвѣтила на его поклонъ, позвонила и, грозно глянувъ на вошедшаго слугу, громко проговорила своимъ басистымъ голосомъ: «Спроси швейцара, съ какихъ поръ онъ пускаетъ ко мнѣ лакеевъ?». Сановникъ едва унесъ ноги, а на другой день весь именитый Петербургъ перебывалъ у Натальи Дмитріевны. Надо сказать, что графъ Чернышевъ только благодаря сдѣланной имъ карьерѣ былъ «выносимъ» въ свѣтѣ; а о немъ самомъ, его происхожденіи, ходили самые непривлекательные слухи. Кромѣ Нарышкиныхъ, о которыхъ я уже подробно разсказывалъ, во главѣ петербургскаго свѣта стояли слѣдующія семейства: князь и княгиня Барятинскіе, по знатности рода, богатству, связямъ, занимали первенствующее положеніе; князь и княгиня Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, графъ и графиня Строгоновы, графъ и графиня Віельгорскіе,—о нихъ я поговорю потомъ подробно, такъ какъ въ 1840 году я женился на ихъ дочерѣ, моей первой женѣ.

Самымъ блестящимъ, самымъ моднымъ и привлекательнымъ домомъ въ Петербургѣ былъ въ то время домъ графа Ивана Воронцова-Дашкова, благодаря очаровательности его молодой жены, прелестной графини Александры Кирилловны. Я былъ съ нею въ родствѣ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и потому запросто ежедневно бывалъ у нея. Много случалось встрѣчать мнѣ на моемъ вѣку женщинъ гораздо болѣе красивыхъ, можетъ быть, даже болѣе умныхъ, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновеннымъ остроуміемъ, но никогда не встрѣтилъ я ни въ одной изъ нихъ такого соединенія самаго тонкаго вкуса, изящества, граціи, съ такой неподдѣльной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живымъ ключемъ билась въ ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружащее. Много женщинъ впослѣдствіи пытались ей подражать, но ни одна изъ нихъ не могла казаться тѣмъ, чѣмъ та была въ дѣйствительности. Каждую зиму Воронцовы давали балъ, который дворъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Весь цвѣтъ петербургскаго свѣта приглашался на этотъ балъ, составлявшій всегда, такъ сказать, происшествіе въ свѣтской жизни столицы. Въ день, или, скорѣе, въ вечеръ, торжества домъ—дворецъ Воронцовыхъ-Дашковыхъ представлялъ великолѣпное зрѣлище; на каждой ступени роскошной лѣстницы стояло по два ливрейныхъ лакея внизу въ бѣлыхъ кафтанахъ—ливрея Дашковыхъ, на второй половинѣ лѣстницы въ красныхъ кафтанахъ—ливрея Воронцовыхъ. Къ десяти часамъ всѣ съѣзжались и размѣщались въ ожиданіи высокихъ гостей въ двухъ первыхъ залахъ. Когда приходила вѣсть, что государь и императрица выѣхали изъ дворца, мажордомъ Воронцова,—итальянецъ, кажется, звали его Риччи (его зналъ весь Петербургъ),—въ черномъ бархатномъ фракѣ, короткихъ бархатныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ, со шпагой съ боку и треуголкой подъ локтемъ, проворно спускался съ лѣст-

ницы и становился въ сопровожденіи двухъ дворецкихъ у подъѣзда; графъ Воронцовъ помѣщался на первой ступени лѣстницы, графиня ожидала на первой площадкѣ. Императрица, опираясь на локоть графа Воронцова поднималась на лѣстницу. Государь слѣдовалъ за нею; императрица съ свойственной ей благосклонностью обращалась къ присутствующимъ и открывала балъ, шествуя полонезъ съ хозяиномъ. Мажордомъ Риччи ни на секунду не покидалъ императрицы, всегда стоя на нѣсколько шаговъ позади ея, а во время танцевъ держась въ дверяхъ танцовальной залы. Ужинъ императрицы сервировался на отдѣльномъ небольшомъ столѣ на посудѣ изъ чистаго золота; императрица ужинала одна; государь, по обыкновенію, прохаживался между столами и садился, гдѣ ему было угодно.

Балы князя Юсупова, который также по своему огромному богатству занималъ видное положеніе въ свѣтѣ, отличались тѣмъ же великолѣпіемъ, но не имѣли того оттѣнка врожденнаго щегольства и барства, которымъ отличались пріемы графа Воронцова-Дашкова. Скаредность Юсуповыхъ легендарна. Я однажды слышалъ слѣдующее распоряженіе Юсупова [1]). Государь и императрица удостоили въ тотъ вечеръ балъ Юсупова своимъ присутствіемъ; проводивъ высокихъ гостей до танцовальной залы, Юсуповъ вышелъ на лѣстницу и крикнулъ одному изъ дворецкихъ: «Дать выѣздному ихъ величествъ два стакана чаю, а кучеру одинъ». Жена Юсупова, рожденная Нарышкина, была очень хороша собой и привѣтлива; послѣ кончины князя она вышла замужъ за француза и навсегда поселилась во Франціи.

Пріемы Віельгорскихъ имѣли совершенно другой отпечатокъ; у нихъ рѣдко танцовали, но почти каждую недѣлю на половинѣ самого графа, то есть въ его отдѣльномъ помѣщеніи, устраивались концерты, въ которыхъ принимали участіе всѣ находившіяся въ то время въ Петербургѣ знаменитости. Графъ Михаилъ Юрьевичь Віельгорскій былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ любимыхъ русскихъ меценатовъ; все этому въ немъ способствовало; большое состояніе, огромныя связи, высокое, такъ сказать, совершенно выходящее изъ ряда общаго, положеніе, которое онъ занималъ при дворѣ, тонкое пониманіе искусства, наконецъ, его блестящее и вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьёзное образованіе и самый добрый и простой нравъ. Совершеннымъ противорѣчіемъ ему являлась его жена, рожденная герцогиня Луиза Биронъ. Это была женщина гордости недоступной, странно какъ-то сочетавшейся съ самымъ искреннимъ христіанскимъ уничиженіемъ,—мнѣ случалось быть свидѣтелемъ выходокъ самаго необычнаго высокомѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать при сценахъ, въ которыхъ она являлась женщиной

[1]) Отца теперяшняго князя.

самой трогательной доброты. Дѣтей своихъ она боготворила; у нея ихъ было пятеро; три дочери: старшая Апполина Михайловна, вышедшая замужъ за Веневитинова, вторая — Софья Михайловна, на которой я женился 13-го ноября 1840 года, третья—Анна Михайловна, кажется, единственная женщина, въ которую влюбленъ былъ Гоголь, — вышла замужъ за князя Шаховскаго, но недолго съ нимъ жила, и, наконецъ, два сына, оба умершіе въ молодыхъ лѣтахъ. Графъ Віельгорскій женился на родной сестрѣ своей первой жены, и потому свадьба ихъ навлекла на нихъ въ первое время неудовольствіе двора и большаго свѣта. Дѣло было тотчасъ послѣ Вѣнскаго конгресса, въ то время какъ императоръ Александръ I и весь дворъ былъ проникнутъ самымъ строгимъ мистицизмомъ. Тесть мой съ Луизой Карловной уѣхалъ въ свое курское помѣстье Луизино, гдѣ прожилъ съ своей женою нѣсколько лѣтъ; потомъ они возвратились въ Петербургъ, гдѣ снова заняли то высокое положеніе, на которое по связямъ и рожденію имѣли право. Старшій сынъ ихъ воспитывался съ наслѣдникомъ, впослѣдствіи государемъ Александромъ II, а дочери ежедневно проводили по нѣсколько часовъ съ великими княжнами и сохранили съ ними на всю жизнь самыя близкія, самыя дружескія отношенія. Когда свадьба моя съ моей первой женою была объявлена, великая княжна Ольга Николаевна, потомъ королева виртембергская, тотчасъ же пріѣхала поздравить свою пріятельницу; я находился въ то время у Віельгорскихъ; великая княжна благосклонно со мной поздоровалась, потомъ вышла въ другую комнату и увела съ собою мою невѣсту. «Онъ написалъ нѣсколько хорошенькихъ разсказовъ,—сказала великая княжна:—онъ, говорятъ, уменъ и собою недуренъ, но зачѣмъ на немъ этотъ красный жилетъ»? Надо сказать, что на сколько впослѣдствіи я славился небрежностью своей одежды, на столько тогда я щеголялъ, и этотъ красный жилетъ казался мнѣ тогда верхомъ изящнаго вкуса. Свадьба наша совершилась съ необыкновенною пышностью въ Малой церкви Зимняго дворца; насъ вѣнчалъ отецъ Бажановъ, и государь Николай Павловичъ соизволилъ быть посаженнымъ отцемъ; весь дворъ затѣмъ присутствовалъ на вечерѣ у Віельгорскихъ. Теща моя, всегда эксцентрическая, выкинула штуку при этомъ, о которой я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Для жены моей и меня въ домѣ моего тестя была приготовлена квартира, которая, разумѣется, сообщалась внутреннимъ ходомъ съ аппартаментомъ родителей моей жены. Теща моя была до болѣзни строптива на счетъ нравственности и, предвидя, что ея двумъ дочерямъ дѣвушкамъ, — младшей изъ нихъ Аннѣ едва минулъ тринадцатый годъ, — прійдется, можетъ быть, меня видѣть иногда не совершенно одѣтымъ, вотъ что придумала: приданое жены моей было верхомъ роскоши и моды, и такъ какъ въ тѣ времена еще строго придерживались

патріархальныхъ обычаевъ, для меня были заказаны двѣ дюжины тончайшихъ батистовыхъ рубашекъ и великолѣпный атласный халатъ; халатъ этотъ въ день нашей свадьбы былъ по обычаю выставленъ въ брачной комнатѣ и, когда гости стали разъѣзжаться, моя теща туда отправилась, надѣла на себя этотъ халатъ и стала прогуливаться по комнатамъ, чтобы глаза ея дочерей привыкли къ этому убійственному, по ея мнѣнію, зрѣлищу. Дочерей своихъ она, не смотря на роскошь ихъ окружающую, одѣвала чрезвычайно просто, такъ просто, что императрица Александра Ѳеодоровна, славившаяся своимъ изящнымъ щегольствомъ и вкусомъ, не однажды упрекала графиню Віельгорскую въ излишней простотѣ одежды ея дочерей; графиня почтительно присѣдала, но не измѣняла своихъ правилъ. Графъ Віельгорскій, какъ я уже сказалъ, ни въ чемъ не походилъ на свою супругу; это былъ типъ «барина, добраго малаго», умѣвшаго необыкновенно искусно соединить въ себѣ самаго тонкаго царедворца съ человѣкомъ, любившимъ и пользовавшимся не только всѣмъ хорошимъ, но и всѣмъ грѣшнымъ. Столъ его славился въ тѣ времена, когда въ Петербургѣ трудно было удивить хорошимъ обѣдомъ. Его всегда приглашали пріятели, когда какой нибудь изъ нихъ пробовалъ повара, или какое нибудь необыкновенное кушанье или вино и т. д.; сужденіе его составляло авторитетъ и всегда было чистосердечно — нерѣдко даже безжалостно; такъ, однажды, на одномъ большомъ обѣдѣ у Бутурлиныхъ, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ онъ находитъ вино будто бы 1827 года»?—«Не знаю, вино ли ваше 1827 года, но масло навѣрное»!—отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Віельгорскій. Онъ былъ разсѣянности баснословной; однажды, пригласивъ къ себѣ на огромный обѣдъ весь находившійся въ то время въ Петербургѣ дипломатическій корпусъ, онъ совершенно позабылъ объ этомъ и отправился обѣдать въ клубъ; возвратясь, по обыкновенію, очень поздно домой, онъ узналъ о своей оплошности и на другой день отправился, разумѣется, извиняться передъ своими озадаченными гостями, которые наканунѣ въ звѣздахъ и лентахъ явились въ назначенный часъ и никого не застали дома; всѣ знали его разсѣянность, всѣ любили его и потому со смѣхомъ ему простили, одинъ баварскій посланникъ не могъ переварить неумышленной обиды, и съ тѣхъ поръ къ Віельгорскому ни ногой. Братъ моего тестя, графъ Матвѣй Юрьевичъ, далеко былъ не схожъ характеромъ съ своимъ братомъ; онъ былъ также человѣкъ очень ученый, умный и добрый, но гораздо сдержаннѣе и серьёзнѣе своего брата; его неудавшаяся свадьба съ графиней Строгоновой осталась навсегда загадкой для всѣхъ близко знавшихъ его людей. Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться моднымъ словомъ, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рож-

денью не принадлежали къ петербургской знати, но доблестное положеніе, которое занялъ въ исторіи Россіи фельдмаршалъ, выдвинуло ихъ на первое мѣсто; у Кутузова было пять дочерей: старшая, вышедшая за Матвѣя Толстаго, вторая за мужемъ сперва за графомъ Тизенгаузеномъ, отъ котораго имѣла двухъ дочерей: извѣстную красавицу графиню Фикельмонтъ, жену австрійскаго посла при россійскомъ дворѣ, и фрейлину графиню Екатерину Ѳеодоровну Тизенгаузенъ — потомъ камерфрейлину, вышедшую за Хитрово; третья въ замужествѣ за Опочининымъ, четвертая за татарскимъ или грузинскимъ княземъ Кудашевымъ и пятая за другимъ Хитрово. Самой изъ нихъ извѣстной и самой привлекательной была, разумѣется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имѣла сонмище поклонниковъ, хотя молва никогда и никого не могла назвать избранникомъ, что въ тѣ времена была большая рѣдкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала въ высшей степени свѣтскостью, привѣтливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встрѣчается въ настоящихъ большихъ барыняхъ. Въ ея салонѣ, кромѣ представителей большаго свѣта, ежедневно можно было встрѣтить Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго и двухъ, трехъ другихъ тогдашнихъ модныхъ литераторовъ. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала слѣдующій анекдотъ. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала въ кровати и принимала избранныхъ посѣтителей у себя въ спальнѣ; когда гость допускался къ ней, то, поздоровавшись съ хозяйкой, онъ, разумѣется, намѣревался сѣсть; г-жа Хитрово останавливала его: — «Нѣтъ, не садитесь на это кресло, это Пушкина, — говорила она: — нѣтъ, не на диванъ — это мѣсто Жуковскаго, нѣтъ, не на этотъ стулъ — это стулъ Гоголя — садитесь ко мнѣ на кровать: это мѣсто всѣхъ! («Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde). У Елизаветы Михайловны были знаменитые своей красотой плечи; она по модѣ того времени часто ихъ показывала, и даже сильно ихъ показывала; по этому поводу Пушкинъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

Лиза смолоду была
Лизой миленькой,
Лиза смолоду слыла
Лизой голенькой.
Но, увы! пора прошла,
Наша Лиза отцвѣла,
Не попрежнему мила,
Но попрежнему гола!

Съ именемъ второй дочери Елизаветы Михайловны, графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ, связывается въ моей памяти обстоятельство, имѣвшее потомъ большое значеніе. Въ сороковыхъ годахъ (я уже не однажды просилъ благосклонныхъ читателей не пенять на меня за числа, на которыя я страшно безтолковъ) я часто посѣщалъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ чету Панаевыхъ; романы Панаева тогда усердно читались, а жена его была одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ Петербургѣ; немалой приманкой также для посѣтителей дома Панаевыхъ служило почти постоянное въ немъ присутствіе знаменитаго потомъ народнаго поэта Некрасова. Въ то время Некрасовъ еще далеко не пользовался той извѣстностью и популярностью, которую пріобрѣлъ впослѣдствіи, но и тогда уже его своеобразный талантъ имѣлъ много почитателей. Итакъ я посѣщалъ довольно часто Панаевыхъ и однажды вечеромъ послѣ пріятнаго обѣда былъ осажденъ слѣдующей просьбой со стороны г-жи Панаевой:

— Графъ, — сказала мнѣ хорошенькая хозяйка: — вы знаетесь съ такими важными людьми, у васъ такія большія связи, сдѣлайте доброе дѣло — помогите одному совершенно невинно политически пострадавшему молодому человѣку.

— Да, онъ заслуживаетъ сострадания, — въ свою очередь, замѣтилъ Панаевъ.

— И вниманія, — прибавилъ Некрасовъ: — потому что человѣкъ онъ не дюжинный.

И они съ большимъ жаромъ разсказали мнѣ исторію этого невинно пострадавшаго, — исторію, о которой я уже, впрочемъ, слышалъ много. Возвращаясь домой, я сообразилъ, что путемъ обыкновеннаго заступничества ничего нельзя будетъ добиться; но я зналъ неисчерпаемую доброту императрицы Александры Ѳеодоровны и потому рѣшился обратиться лично къ ней черезъ одну изъ болѣе приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ; выборъ мой палъ на графиню Тизенгаузенъ, которую императрица особенно любила и отличала. Екатерина Ѳедоровна Тизенгаузенъ съ свойственной ей добротой и обязательностью согласилась ходатайствовать передъ императрицей о нашемъ protégé. Государь Николай Павловичъ, неуклонный въ своихъ рѣшеніяхъ, часто уступалъ, однако, просьбамъ императрицы; но на этотъ разъ отказалъ наотрѣзъ; нѣсколько разъ императрица возобновляла объ этомъ разговоръ и всегда получала одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ»; но, наконецъ, согласился и точно «pro memoria» проговорилъ:

— Хорошо, но за послѣдствія не отвѣчаю.

Молодому человѣку былъ выданъ заграничный паспортъ, и онъ отправился въ Лондонъ. Звали его Александръ Ивановичъ Герценъ.

Елизавета Михайловна Хитрово вдохновила мое первое стихотвореніе; оно, какъ и другіе мои стихи, увы, не отличается особеннымъ талантомъ, но замѣчательно тѣмъ, что его исправлялъ и перевелъ на французскій языкъ Лермонтовъ.

Самой остроумной и ученой гостиной въ Петербургѣ была, разумѣется, гостиная г-жи Карамзиной, вдовы извѣстнаго историка; здѣсь уже царствовалъ элементъ чисто литературный, хотя и бывало также много людей свѣтскихъ. Все, что было извѣстнаго и талантливаго въ столицѣ, каждый вечеръ собиралось у Карамзиныхъ; пріемы отличались самой радушной простотой; дамы пріѣзжали въ простыхъ платьяхъ, на мужчинахъ фраки были цвѣтные, и то потому, что тогда другой одежды не носили. Но, не смотря на это, пріемы эти носили отпечатокъ самаго тонкаго вкуса, самой высокопробной добропорядочности. Совсѣмъ иными являлись пріемы князя Петра Вяземскаго, тоже тогда моднаго стихотворца, которые, не смотря на аристократичность самого хозяина, представлялись чѣмъ-то въ родѣ толкучаго рынка. Князь Вяземскій, человѣкъ остроумный и любезный, имѣлъ слабость принимать у себя всѣхъ и каждаго. Рядомъ съ графомъ, потомъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, тогда всесильнымъ сановникомъ и любимцемъ императора, на диванѣ возсѣдала въ допотопномъ чепцѣ какая нибудь мелкопомѣстная помѣщица изъ Сызранскаго уѣзда; подлѣ воркующей о послѣдней аріи итальянской примадонны, свѣтской красавицы, егозилъ какой нибудь армяшка, чуть ли не торгующій лабазнымъ товаромъ въ Тифлисѣ. Имя князя Орлова пришлось мнѣ подъ перо, и при этомъ я припомнилъ анекдотъ, слышанный мною недавно отъ одного изъ близко знавшихъ его людей.

Всѣмъ извѣстно, что князь Орловъ былъ едва ли не самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ императора Николая I. Но въ старости умъ его ослабѣлъ, память ему измѣнила, и онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству; тѣмъ не менѣе всѣ относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, и проживающіе въ провинціи его бывшіе знакомые или подчиненные считали, бывая въ Петербургѣ, своею обязанностью его посѣтить. Однажды, къ князю Орлову явился варшавскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Абрамовичъ, человѣкъ очень раздражительный и нервный. Князь Орловъ принялъ его радушно и тотчасъ же освѣдомился о томъ, что дѣлаетъ его старый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство,—съ изумленіемъ отвѣтилъ Абрамовичъ:—вотъ уже пять лѣтъ тому назадъ какъ фельдмаршалъ Паскевичъ умеръ!!

— Онъ умеръ,—горестно замѣтилъ Орловъ (онъ, разумѣется, сто разъ слышалъ о кончинѣ Паскевича): — какъ жаль! Какая потеря для государства!

Абрамовичъ перемѣнилъ разговоръ, но Орловъ нѣсколько разъ прерывалъ его, освѣдомляясь о здоровьѣ своего пріятеля Паскевича. Наконецъ, когда Орловъ, еще разъ устремивъ въ потолокъ свой помутившійся взоръ, промолвилъ:

— Вотъ вы изъ Варшавы теперь пріѣхали, генералъ; скажите-ка мнѣ, что дѣлаетъ мой добрый пріятель фельдмаршалъ князь Паскевичъ?

— Ваше сіятельство, онъ васъ ожидаетъ! — съ горячностью вскрикнулъ Абрамовичъ, всталъ, раскланялся и ушелъ вонъ.

У добрѣйшаго и сердечнаго князя Одоевскаго также часто собирались по вечерамъ; но эти пріемы опять имѣли другой отпечатокъ. Князь Одоевскій былъ едва ли не самый скромный человѣкъ, какого мнѣ случалось встрѣтить на моемъ вѣку; про него мой пріятель графъ Фредро говорилъ, «что онъ тогда пойметъ и оцѣнитъ русское дворянство, когда князь Одоевскій убѣдится, что его имя гораздо болѣе означаетъ въ русской исторіи, чѣмъ имя графа Клейнмихеля». Одоевскій былъ дѣйствительно послѣдній представитель самаго древняго рода въ Россіи; но это было, что называется, его послѣдней заботой; весь погруженный въ свои сочиненія, онъ употреблялъ свой досугъ на изученіе химіи, и эта страсть къ естественнымъ наукамъ очень накладно отзывалась на его пріятеляхъ: онъ разъ въ мѣсяцъ приглашалъ насъ къ себѣ на обѣдъ, и мы уже заранѣе страдали желудкомъ; на этихъ обѣдахъ подавались къ кушаньямъ какіе-то придуманные самымъ хозяиномъ химическіе соусы, до того отвратительные, что даже теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, у меня скребетъ на сердцѣ при одномъ воспоминаніи о нихъ. Одоевскій не обладалъ большимъ талантомъ, но его сочиненія проникнуты той безконечной добротой и благонамѣренностью, которая была основой его характера. Онъ отличался еще тою особенностью, что самымъ невиннымъ образомъ и совершенно чистосердечно и безъ всякой задней мысли разсказывалъ дамамъ самыя неприличныя вещи; въ этомъ онъ совершенно не походилъ на Гоголя, который имѣлъ даръ разсказывать самые соленые анекдоты, не вызывая гнѣва со стороны своихъ слушательницъ, тогда какъ бѣднаго Одоевскаго прерывали съ негодованіемъ. Между тѣмъ Гоголь всегда грѣшилъ преднамѣренно, тогда какъ князь Одоевскій, какъ я уже сказалъ, былъ въ самомъ дѣлѣ невиннѣе агнца. Я уже имѣлъ случай сказать, что теща моя, графиня Віельгорская, была строптива до болѣзненности. Вѣкъ мнѣ не забыть, какъ однажды я присутствовалъ при одномъ разсказѣ, переданномъ ей Гоголемъ. Высоко-талантливый писатель уже начиналъ страдать тѣми припадками меланхоліи и затемнѣніемъ памяти, которые были грустными предшественниками его кончины. Онъ былъ съ Віельгорскими и мною въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и потому видѣлись мы каждый день, если случай сводилъ насъ быть въ одномъ и

томъ же городѣ. Такъ и случилось въ Москвѣ, гдѣ я былъ проѣздомъ и гдѣ также въ то время находилась графиня Віельгорская. Гоголь проживалъ тогда у графа Толстаго и былъ погруженъ въ тотъ совершенный мистицизмъ, которымъ ознаменовались послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ грустенъ, тупо глядѣлъ на все окружающее, его потускнѣвшій взоръ, слова утратили свою неумолимую мѣткость и тонкія губы какъ-то угрюмо сжались. Графиня Віельгорская старалась, какъ могла, развеселить Николая Васильевича, но не успѣвала въ этомъ; вдругъ блѣдное лицо писателя оживилось, на губахъ опять заиграла та всѣмъ намъ извѣстная лукавая улыбочка и въ потухающихъ глазахъ засвѣтился прежній огонекъ.

— Да, графиня,—началъ онъ своимъ рѣзкимъ голоскомъ:—вы вотъ говорите про правила, про убѣжденія, про совѣсть,—графиня Віельгорская въ эту минуту говорила совершенно объ иномъ, но, разумѣется, никто изъ насъ не сталъ его оспаривать:—а я вамъ доложу, что въ Россіи вы вездѣ встрѣтите правила, разумѣется, сохраняя размѣры. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—продолжалъ Гоголь, и лицо его какъ-то все сморщилось отъ худо скрываемаго удовольствія:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я засидѣлся вечеромъ у пріятеля, гдѣ насъ собралось человѣкъ шесть, охотниковъ покалякать. Когда мы поднялись, часы пробили три удара; собесѣдники наши разбрелись по домамъ, а меня, такъ какъ въ тотъ вечеръ я былъ не совсѣмъ здоровъ, хозяинъ взялся проводить домой. Пошли мы тихо по улицѣ, разговаривая; ночь стояла чудесная, теплая, безлунная, сухая и на востокѣ уже начинала бѣлѣть заря—дѣло было въ началѣ августа. Вдругъ пріятель мой остановился посреди улицы и сталъ упорно глядѣть на довольно большой, но неказистый и даже, сколько можно было судить при слабомъ освѣщеніи начинавшейся зари, довольно грязный домъ. Мѣсто это, хотя человѣкъ онъ былъ и женатый, видно, было ему знакомое, потому что онъ съ удивленіемъ пробормоталъ:—«Да зачѣмъ же это ставни закрыты и темно такъ?.. Простите Николай Васильевичъ,—обратился онъ ко мнѣ:—но подождите меня, я хочу узнать»... И онъ быстро перешелъ улицу и прильнулъ къ низенькому, ярко освѣщенному окну, какъ-то криво выглядывающему изъ-подъ воротъ дома съ мрачно замкнутыми ставнями. Я тоже, заинтересованный, подошелъ къ окну (читатели не забыли, что разсказываетъ Гоголь). Странная картина мнѣ представилась: въ довольно большой и опрятной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ и яркими занавѣсками у оконъ, въ углу, передъ большимъ кіотомъ образовъ, стоялъ налой, покрытый потертой парчей; передъ налоемъ высокій дородный и уже немолодой священникъ, въ темномъ подрясникѣ, совершалъ службу, повидимому, молебствіе; худой, заспанный дьячекъ вяло, повидимому, подтягивалъ ему. Позади священника нѣсколько вправо

стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женщина, на видъ лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, одѣтая въ яркое зеленое шелковое платье и съ чепцомъ, украшеннымъ пестрыми лентами на головѣ; она держалась сановито и грозно, изрѣдка поглядывая вокругъ себя; за нею, большей частью, на колѣняхъ, расположилось пятнадцать или двадцать женщинъ, въ красныхъ, желтыхъ и розовыхъ платьяхъ, съ цвѣтами и перьями, въ завитыхъ волосахъ; ихъ щеки рдѣли такимъ неприроднымъ румянцемъ, ихъ наружность такъ мало соотвѣтствовала совершаемому въ ихъ присутствіи обряду, что я невольно расхохотался и посмотрѣлъ на моего пріятеля; онъ только пожалъ плечами и еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ уставился на окно. Вдругъ, калитка подлѣ воротъ съ шумомъ растворилась и на порогѣ показалась толстая женщина, лицомъ очень похожая на ту, которая въ комнатѣ такъ важно присутствовала на служеніи:

— А, Прасковья Степановна, здравствуйте! — вскричалъ мой пріятель, поспѣшно подходя къ ней и дружески потрясая ея жирную руку: — что это у васъ происходитъ?

— А вотъ, — забасила толстуха: — сестра съ барышнями на Нижегородскую ярмарку собирается, такъ пообѣщалась для добраго почина молебенъ отслужить.

— Такъ вотъ графиня, — прибавилъ уже отъ себя Гоголь: — что же говорить о правилахъ и обычаяхъ у насъ въ Россіи?

Можно себѣ представить, съ какимъ взрывомъ хохота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ изумленіемъ мы выслушали разсказъ Гоголя; надо было уже дѣйствительно быть очень больнымъ, чтобы въ присутствіи цѣлаго общества разсказать графинѣ Віельгорской подобный анекдотецъ.

Описывая петербургскіе салоны того времени, нельзя не упомянуть объ Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, женѣ Павла Демидова, брата знаменитаго Анатоля, князя Санъ-Донато. Но, тогда какъ Анатоль Демидовъ проживалъ почти всегда въ Парижѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконецъ, своей женитьбой на хорошенькой принцессѣ Матильдѣ Бонапартъ, — Павелъ Демидовъ жилъ постоянно въ Петербургѣ въ своемъ великолѣпномъ домѣ и принималъ всю столицу. Не однимъ своимъ огромнымъ богатствомъ, котораго въ тѣ времена было недостаточно, чтобы втесаться въ большой петербургскій свѣтъ, но своимъ просвѣщеннымъ поощреніемъ искусствамъ и наукамъ, своею широкою благотворительностью, Демидовы пріобрѣли себѣ, что французы называютъ «droit de cité». Аврора Карловна Демидова, финляндская уроженка, считалась и была на самомъ дѣлѣ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ; многіе предпочитали ей ея сестру, графиню Мусину-Пушкину, ту графиню Эмилію, о которой влюбленный въ нее Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе:

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія, и т. д.

Трудно было рѣшить, кому изъ обѣихъ сестеръ слѣдовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть можетъ, еще обаятельнѣе своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнѣе и строже. Посреди роскоши, ее окружающей, она оставалась, на сколько это было возможно, проста; мнѣ часто случалось встрѣчать ее на большихъ балахъ въ одноцвѣтномъ гладкомъ платьѣ, съ тоненькой цѣпочкой, украшавшей ея великолѣпную шею и грудь; правда, на этой цѣпочкѣ висѣлъ знаменитый Демидовскій бриліантъ-солитеръ, купленный, кажется, за милліонъ рублей ассигнаціями. Аврора Карловна Демидова разсказала мнѣ однажды очень смѣшной случай изъ ея жизни; возвращаясь домой, она озябла, и ей захотѣлось пройдтись нѣсколько пѣшкомъ; она отправила карету и лакея домой, а сама направилась по тротуару Невскаго къ своему дому; дѣло было зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ, наступили уже тѣ убійственныя петербургскія сумерки, которыя втеченіе четырехъ мѣсяцевъ отравляютъ жизнь обитателямъ столицы; но Демидова шла не спѣша, съ удовольствіемъ вдыхая морозный воздухъ; вдругъ къ ней подлетѣлъ какой-то франтъ и, предварительно расшаркавшись, попросилъ у нея позволенія проводить ее домой; онъ не замѣтилъ ни царственной представительности молодой женщины, ни ея богатаго наряда, и только какъ истый нахалъ воспользовался тѣмъ, что она одна и упускать такого случая не слѣдуетъ. Демидова съ улыбкой наклонила голову, какъ бы соглашаясь на это предложеніе, франтъ пошелъ съ нею рядомъ и заегозилъ, засыпая ее вопросами. Аврора Карловна изрѣдка отвѣчала на его разспросы, ускоряя шаги, благо домъ ея былъ невдалекѣ.

Приблизившись къ дому, она остановилась у подъѣзда и позвонила.

— Вы здѣсь живете?!—изумленно вскрикнулъ провожавшій ее господинъ.

Швейцаръ и цѣлая толпа офиціантовъ въ роскошныхъ ливреяхъ кинулись навстрѣчу хозяйкѣ.

— Да, здѣсь,—улыбаясь, отвѣтила Демидова.

— Ахъ, извините!—забормоталъ нахалъ:—я ошибся... я не зналъ вовсе...

— Куда же вы?—спросила его насмѣшливо Аврора Карловна, видя, что онъ собирается улизнуть:—я хочу представить васъ моему мужу!

— Нѣтъ-съ, извините, благодарствуйте, извините... залепеталъ франтъ, опрометью спускаясь со ступенекъ крыльца.

Лѣто Демидовы, большею частью, проводили въ Финляндіи, въ окрестностяхъ Гельсингфорса, куда также пріѣзжала прелестная графиня Пушкина. За ними туда собиралось довольно большое и

очень изысканное общество; образъ жизни былъ чисто дачный, съ тѣмъ оттѣнкомъ щегольства и моды, который всюду за собою заносятъ свѣтскіе люди. Я два лѣта сряду провелъ въ Финляндіи и былъ одинъ разъ героемъ одного маленькаго происшествія, которому придали гораздо болѣе значенія, чѣмъ оно въ сущности имѣло. Насъ собралось на берегу моря общество, человѣкъ въ двадцать мужчинъ и женщинъ, вокругъ бесѣдки, въ которой нѣсколько музыкантовъ въ потѣ лица пилили, безжалостно искажая, какую-то Беллиніевскую мелодію; вдругъ шагахъ въ двадцати отъ нашего кружка боязливо задребезжала какая-то струна, и три, четыре дѣтскихъ голоска вполголоса затянули какое-то подобіе цыганской пѣсни. Ретивый будочникъ кинулся было на нихъ за то, что они дерзнули забрести въ такое избранное общество, но я поспѣшно всталъ съ своего мѣста и воспротивился строгому намѣренію полицейскаго чина, ввернувъ ему въ ладонь добродушнѣйшимъ образомъ серебряный рубль; онъ почтительно отретировался, а я, шалости ради, сталъ рядомъ съ маленькими пѣвцами и началъ имъ вторить; голосъ у меня былъ тогда хорошій, я себя чувствовалъ, что называется, «въ ударѣ» и черезъ нѣсколько минутъ запѣлъ уже настоящимъ голосомъ во всю грудь; дѣти испуганно кое-какъ мнѣ вторили, а мои собесѣдники сначала разсмѣялись моей выходкѣ, потомъ стали насъ слушать. Окончивъ пѣніе, я взялъ шапку одного изъ мальчиковъ и сталъ очень серьёзно обходить слушателей.

— Ну, господа,—сказалъ я имъ:—вы надо мною потѣшились, теперь извольте платить.

Нечего и прибавлять, что въ шапку посыпались серебряные рубли и что бѣдныя дѣти чуть не обмерли при видѣ этого, точно съ неба спавшаго имъ, богатства, они до того растерялись, что, никого не поблагодаривъ, опрометью кинулись убѣгать домой.

Въ одной изъ боковыхъ залъ Демидовскаго дворца мнѣ часто случалось видѣть наслѣдника Демидовскаго, или, скорѣе, Демидовскихъ богатствъ, тогда красиваго отрока, вослѣдствіи извѣстнаго Павла Павловича Демидова; онъ былъ окруженъ сотнями разныхъ дорогихъ и ухищренныхъ игрушекъ и уже тогда казался всѣмъ пресыщеннымъ не по лѣтамъ. Аврора Карловна страстно его любила, очень занималась его воспитаніемъ и даже, кажется, на сколько это было возможно, была съ нимъ строга. Овдовѣвъ послѣ Демидова, она вышла замужъ за Андрея Карамзина, сына извѣстнаго историка, убитаго подъ Севастополемъ. Графиня Мусина-Пушкина умерла еще молодою—точно старость не посмѣла коснуться ея лучезарной красоты; за то я видѣлъ не такъ давно Аврору Карловну, и она даже старушкой остается прекрасна.

Въ Михайловскомъ дворцѣ, въ тѣ времена, пріемы не отличались тою эстетичностью, которою они отличались потомъ; не имѣли они также и того политическаго характера, который имъ придала

великая княгиня Елена Павловна, занявшая такое могущественное положеніе не только по одному своему сану, но и по своему просвѣщенному уму, по своимъ глубоко-человѣчнымъ убѣжденіямъ и, наконецъ, самому тонкому и самому широкому пониманію искусства. Въ то время она была прелестная принцесса въ полномъ разцвѣтѣ царственной красоты, обожаемая супруга и молодая мать. Великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза гвардіи и всего, что въ Петербургѣ носило мундиръ, былъ въ семейномъ быту и съ приближенными къ себѣ лицами не только добръ и обходителенъ, но даже веселъ до шалости. Весь Петербургъ смѣялся въ свое время маленькой выходкѣ великаго князя, получившей, благодаря стеченію самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, очень комическую сторону. Каждое лѣто въ Петергофѣ дается праздникъ съ фейерверками, иллюминаціями и разными другими затѣями; при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, этому празднику придавался особенно торжественный характеръ. Великій князь Михаилъ Павловичъ на этотъ день назначался генералъ-губернаторомъ Петергофа; я его видѣлъ въ этой должности; грозный, нахмуренный, съ треуголкой, надвинутой на самыя брови, онъ, заложивъ руки за спину, сердито расхаживалъ между толпами гуляющихъ; онъ, казалось, болѣе чѣмъ когда олицетворялъ свой девизъ: «государь долженъ миловать, а я карать». Но этотъ грозный видъ не мѣшалъ ему даже и тутъ по временамъ предаваться своей страсти щекотать огромный животъ толстаго К., жандармскаго офицера; злополучный капитанъ уже привыкъ къ этой шуткѣ и подобострастно мычалъ всякій разъ, когда великому князю приходила фантазія его пощекотать. Итакъ, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, великій князь шелъ по ярко освѣщенной аллеѣ, вдругъ, подъ какимъ-то очень блистательнымъ вензелемъ, онъ увидѣлъ К. и тотчасъ же туда направился; онъ сталъ къ нему спиной и, чтобы его движеніе было менѣе замѣтно волнами двигающемуся народу, изъ-подъ фалдъ своего мундира сталъ осторожно протягивать руку къ туго обтянутому въ суконные панталоны животу К.; случилось, что рядомъ съ К. стояла необычайно толстая купчиха; какъ только К. завидѣлъ подходившаго къ нему великаго князя, онъ быстро шепнулъ своей сосѣдкѣ: «Матушка, это великій князь Михаилъ Павловичъ, онъ очень любитъ щекотать толстыхъ дамъ; видно, вы ему понравились, такъ смотрите же осторожнѣе!» — Вдругъ великій князь почувствовалъ подъ своей рукой что-то мягкое, колыхающееся, шелковистое; онъ быстро обернулся; передъ нимъ, вся млѣя и улыбаясь во весь ротъ, низко присѣдала купчиха: августѣйшая рука вмѣсто К., прогуливалась по ея необъятному животу!..

Великій князь Михаилъ Павловичъ очень любилъ дѣлать каламбуры; въ этомъ съ нимъ состязались многіе царедворцы; болѣе другихъ отличался въ этомъ искусствѣ французъ графъ Андре де

Ланжеронъ. Я его живо помню, и съ его именемъ связывается самое отрадное мое воспоминаніе, такъ какъ много позже въ его старомъ домѣ, у его старушки-вдовы, въ свое время красавицы, я встрѣтилъ позднее счастье моей жизни[1]). Это былъ еще необыкновенно моложавый и стройный старикъ, лѣтъ семидесяти, представлявшій собою олицетвореніе щегольскаго, теперь безслѣдно исчезнувшаго, типа большаго барина-француза восемнадцатаго вѣка. Въ первую свою молодость онъ храбро дрался за освобожденіе Америки, потомъ, вернувшись на родину, во Францію, онъ былъ съ Лафайетомъ одинъ изъ первыхъ депутатовъ des Etats Generaux; но вихремъ нагрянула великая революція, и онъ со многими своими соотечественниками бѣжалъ въ Россію—это пристанище всѣхъ тогдашнихъ эмигрантовъ. Его знатное имя, блестящее образованіе, красивая наружность и тонкій умъ выдвинули его скоро впередъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ противъ Франціи, какъ, увы, всѣ эмигранты, извиняя себѣ тѣмъ, что они дрались не противъ своей родины, а противъ узурпатора. Въ 1814 году, онъ при осадѣ Парижа взялъ укрѣпленную возвышенность Монмартръ и получилъ за это высшій россійскій орденъ — Андреевскую ленту. Въ 1815 году, онъ замѣстилъ герцога Ришельё въ званіи новороссійскаго генералъ-губернатора. Тутъ, благодаря своей необычайной разсѣянности и весьма плохому знанію русскаго языка, онъ подалъ поводъ къ очень смѣшнымъ случаямъ. Однажды, объѣзжая ввѣренный ему край, онъ увидалъ, что скакавшій впереди его адъютантъ, подъѣхавъ къ станціи, стрѣлой вылетѣлъ изъ перекладной, бросился на смотрителя и приколотилъ его; Ланжеронъ, подскакавшій тоже въ эту минуту къ станціи, также выскочилъ изъ своей коляски и принялся тузить несчастнаго смотрителя. Потомъ онъ быстро обернулся къ своему адъютанту и добродушно спросилъ его:

— Ah ça, mon cher, pourquoi avons nous battus cet homme?!

Онъ себѣ вообразилъ, что это было въ обычаяхъ края, которымъ онъ управлялъ. Разсказываютъ, что онъ потерялъ расположеніе императора Александра I тѣмъ, что по пріѣздѣ государя въ Одессу онъ по разсѣянности заперъ его на ключъ въ своемъ кабинетѣ, такъ какъ въ Одессѣ дворца не было и государь останавливался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Въ 1823 году, Ланжерона замѣнилъ въ Одессѣ графъ, потомъ свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; самъ же Ланжеронъ со своей женою переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ занималъ видное положеніе при дворѣ и въ свѣтѣ; всякій вечеръ, его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то въ Михайловскомъ дворцѣ,

---

[1]) Графъ В. А. Сологубъ вторично былъ женатъ на внучкѣ графа Ланжерона.

гдѣ онъ наперерывъ острилъ съ хозяиномъ, то въ салонѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиныхъ; вездѣ онъ былъ свой человѣкъ, вездѣ его любили за его утонченную вѣжливость, рыцарскій характеръ и хотя и неглубокій, но мѣткій и веселый умъ. Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, котораго онъ состоялъ членомъ, онъ часто прерывалъ какого нибудь говорящаго члена восклицаніемъ: «Quelle betise!».

Его сослуживецъ съ негодованіемъ обращался къ нему съ вопросомъ:

— Что значитъ эта дерзость?

— А вы думаете, я о вашей рѣчи?—добродушно отвѣчалъ Ланжеронъ:—нѣтъ, я ее совсѣмъ не слушалъ, а вотъ я сегодня собираюсь вечеромъ въ Михайловскій дворецъ, такъ хотѣлъ приготовить два-три каламбура для великаго князя, только что-то очень глупо выходитъ!

Въ 1828 году, во время турецкой войны, Ланжеронъ состоялъ главнокомандующимъ въ Придунайскихъ княжествахъ; однажды, послѣ довольно жаркаго дѣла, совсѣмъ въ сумерки, въ кабинетъ къ нему врывается плотно закутанная въ черный плащъ и съ густымъ вуалемъ на лицѣ какая-то незнакомая ему дама, бросается ему на шею и шопотомъ начинаетъ говорить ему, что она его обожаетъ и убѣжала, пока мужа нѣтъ дома, чтобы, во-первыхъ, съ нимъ повидаться, во-вторыхъ, напомнить ему, чтобы онъ не забылъ попросить главнокомандующаго о томъ, что вчера было между ними условлено. Ланжеронъ тотчасъ же сообразилъ, что дама ошибается, принимаетъ его, вѣроятно, за одного изъ его подчиненныхъ, но, какъ истый волокита, не разувѣрилъ свою посѣтительницу, а, напротивъ, очень успѣшно розыгралъ роль счастливаго любовника; какъ и слѣдовало ожидать, все разъяснилось на другой же день, но отъ этого Ланжеронъ вовсе не омрачился и, встрѣтивъ, черезъ нѣсколько дней спустя, на балѣ свою посѣтительницу, которая оказалась одной изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Валахіи, онъ любезно подошелъ къ ней и съ самой утонченной любезностью сказалъ ей, что онъ передалъ главнокомандующему ея порученіе и что тотъ въ ея полномъ распоряженіи. Дама осталась очень довольна, но адъютантъ, говорятъ, подалъ въ отставку. Такъ какъ воспоминанія не романъ и въ нихъ допускается нѣкоторая игривость, я позволю себѣ разсказать одинъ слышанный мною лѣтъ сорокъ тому назадъ анекдотъ, который мнѣ почему-то вспомнился при описаніи похожденій Ланжерона. Въ столицѣ проживалъ, тоже уже давно, одинъ очень важный сановникъ, имѣвшій, какъ и многіе его собраты, большую склонность къ женскому полу. Лѣто вельможа проводилъ на одномъ изъ модныхъ петербургскихъ острововъ, гдѣ имѣлъ великолѣпную собственную дачу, примыкавшую къ Большой или Малой Невѣ, уже не помню; на противо-

положной сторонѣ, на рѣкѣ, были устроены женскія купальни; эти купальни посѣщались женами мелкихъ чиновниковъ, купчихами, богатыми мѣщанками и т. п. Сановникъ, какъ я уже сказалъ, былъ и любитель, и знатокъ, и потому въ одной изъ бесѣдокъ своего сада устроилъ нѣчто въ родѣ обсерваціоннаго пункта, который ежедневно усердно посѣщалъ; въ одинъ особенно жаркій день, часовъ около четырехъ по полудни, онъ по обыкновенію направился въ свою бесѣдку и, взявшись за бинокль, навелъ его на купальню. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ восторга и выронилъ изъ рукъ бинокль.

— Батюшка!—закричалъ онъ, обращаясь къ стоявшему подлѣ него приближенному человѣку, повѣренному всѣхъ его проказъ:— ступайте сейчасъ въ купальню, разузнайте, кто эта красавица, вотъ возьмите и посмотрите въ бинокль, вотъ эта высокая, съ великолѣпной черной косой, что стоитъ сюда спиной... разузнайте, кто она, и непремѣнно, слышите, непремѣнно, пригласите ее ко мнѣ!..

Уже много разъ случалось, что если какая нибудь изъ видѣнныхъ имъ въ купальнѣ дамъ ему особенно нравилась, онъ поручалъ этому своему наперснику пригласить ее къ себѣ на чашку чая... и до сихъ поръ не встрѣчалъ жестокихъ, но никогда ни одной онъ не пожелалъ видѣть съ такимъ жаромъ. Наперсникъ, въ свою очередь, взялся за бинокль и, пристально поглядѣвъ въ него, обратился къ своему начальнику:

— Ваше... — позволилъ онъ себѣ замѣтить: — не будетъ ли ошибки... вѣдь въ лицо ее совсѣмъ не видать, вѣдь она вся задомъ сюда стоитъ, можетъ, она и нехороша совсѣмъ?..

— Что вы, любезнѣйшій, что вы! — замахалъ на него руками вельможа: — развѣ возможно, чтобы съ такой... спиной была некрасивая женщина! Вы посмотрите, что у нея за коса!

— Волосы, оно точно...—согласился наперсникъ, опять направляя бинокль.

— Ну, вотъ видите, любезнѣйшій, ступайте же, ступайте скорѣе, я жить не буду, пока вы не вернетесь! — вскричалъ сановникъ.

Повѣренный нѣжныхъ тайнъ ушелъ и вернулся часа черезъ полтора, совершенно сконфуженный.

— Ну, что, что, прійдетъ?—завидя его, нетерпѣливо закричалъ въ саду ожидавшій его сановникъ.

— Не соглашается, ваше...—уныло сказалъ наперсникъ.

Сановникъ страшно разсердился и разразился ругательствами.

— Тутъ маленькое недоразумѣніе, — сконфуженно проговорилъ наперсникъ.

— Что такое? эта дама?.. — нетерпѣливо перебилъ его начальникъ.

— Эта дама не дама—это протодіаконъ N—й церкви!.. ваше...— заръвалъ начальника Меркурій въ зеленомъ мундирѣ.

Въ тѣ времена волокитство не было удальствомъ, модой и ухарствомъ, какъ теперь; оно еще было наслажденіемъ, но наслажденіемъ, которое скрывали, на сколько это было возможно. Красотѣ служили, можетъ быть, еще съ большимъ жаромъ, и златокудрая богиня царствовала, но на всѣ эти грѣхи точно натягивался вуаль изъ легкой дымки, такъ что видѣть можно было, но различить было трудно. Компрометировать женщину считалось стыдомъ, разсказывать о своихъ похожденіяхъ съ свѣтскими дамами въ клубахъ и въ ресторанахъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ теперь, да и грѣха таить нечего, и у насъ тоже случается, почиталось позоромъ. Разъ мнѣ случилось быть секундантомъ при случаѣ, закончившемся и плачевно, и смѣшно; дѣло было тотчасъ послѣ выхода моего изъ университета. Клубная жизнь вовсе не была тогда распространена, и мы, свѣтскіе юноши, большею частью, собирались, чтобы покалякать и посмѣяться на квартирѣ одного изъ насъ; денегъ даже самымъ богатымъ изъ насъ родные давали мало, такъ что по ресторанамъ шляться тоже мы не могли, а такъ какъ почти всѣ мы жили съ родителями, то для большей свободы мы сходились на квартирѣ у X.; онъ былъ независимѣе насъ, жилъ совершенно одинъ и имѣлъ большое состояніе; онъ былъ родомъ изъ К. губерніи и по семьѣ не принадлежалъ къ большому свѣту; но онъ былъ уменъ, достаточно потогдашнему образованъ, ловокъ и съумѣлъ втереться въ нашъ кружокъ, что̀, какъ я уже говорилъ, было въ то время гораздо труднѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, мы собрались однажды у этого X.; насъ было человѣкъ шесть, всѣ одинъ другаго моложе и впечатлительнѣе; заговорили о женщинахъ, вдругъ хозяинъ развалился на турецкомъ диванѣ, какъ-то особенно молодцовато сталъ раскуривать свою трубку и принялся намъ разсказывать о своихъ любовныхъ похожденіяхъ съ княгиней Z., одной изъ самыхъ красивыхъ и модныхъ женщинъ въ Петербургѣ. Сначала мы слушали его съ недоумѣніемъ, потомъ одинъ изъ моихъ товарищей вскочилъ и внѣ себя закричалъ:

— Это неслыханная подлость такъ отзываться о свѣтской женщинѣ!..

— Послушай, однако...— выпрямляясь, перебилъ его хозяинъ.

— Да, да,— ближе еще подступая къ нему, кричалъ Д. (мой товарищъ):— и человѣкъ **такъ** говорящій о женщинѣ не только наглецъ, онъ негодяй.

X. зарычалъ, вскочилъ съ своего мѣста, швырнулъ въ сторону трубку и съ приподнятыми кулаками кинулся на Д.; мы бросились ихъ разнимать и развели по разнымъ комнатамъ.

— Стрѣляться сейчасъ, сію минуту! черезъ платокъ!— съ пѣной у рта кричалъ X.

— Вы будете стрѣляться, разумѣется,—заговорилъ я, въ свою очередь:—но не сейчасъ и не черезъ платокъ; обида не на столько для этого важна.

Д., разумѣется, сейчасъ же ушелъ отъ X., а мы, четыре секунданта, ушли ко мнѣ, гдѣ и разсудили объ условіяхъ предстоящаго поединка; рѣшено было между нами ѣхать въ окрестности Царскаго Села на другой день—я съ другимъ моимъ пріятелемъ и Д., котораго я былъ секундантомъ, а X. съ двумя другими; такъ и вышло; они дрались, и X. былъ довольно опасно раненъ въ лѣвую ляжку. Дня черезъ три я пришелъ, всетаки, къ X. навѣстить его; онъ лежалъ весь блѣдный съ туго забинтованной ногой; увидавъ меня, онъ нѣсколько сконфузился и протянулъ мнѣ руку.

— Вотъ вамъ урокъ,—сказалъ я ему, указывая на его раненую ногу:—разсказывать о вашихъ побѣдахъ.

— Ахъ, ужъ не говорите,—жалобно промолвилъ онъ:—тѣмъ болѣе, что тутъ не было ни слова правды!

— Какъ! что вы говорите?—закричалъ я.

— Да, разумѣется,—все также продолжалъ хозяинъ:—никогда у меня не было никакихъ такихъ похожденій съ свѣтскими дамами, а княгиню Z. я даже въ глаза никогда не видалъ!

Разсказывая о Ланжеронѣ, я еще припомнилъ о немъ одинъ случай, возбудившій въ свое время взрывъ хохота; я уже сказалъ, что онъ былъ баснословно разсѣянъ и имѣлъ также привычку размышлять вслухъ; у него ежедневно, какъ это водилось въ старину, обѣдало человѣкъ двадцать, между тѣмъ, состояніе его было небольшое, содержаніе тоже, онъ, какъ генералъ-губернаторъ, получалъ неособенно значительное, и потому это вынужденное гостепріимство казалось ему накладнымъ, и вотъ однажды гости его за столомъ услыхали слѣдующее его размышленіе:

— Il n'y a pas à dire,—заговорилъ онъ самъ себѣ:—il faudra que je demande à l'Empereur des «столовые», car quand on a, comme moi, un tas de canailles à nourrir tous les jours!..

Можно себѣ представить, какъ вкусенъ и пріятенъ показался гостямъ конецъ обѣда!

Не могу назвать сановника, который еще до сихъ поръ здравствуетъ, но мнѣ самому случилось быть гостемъ, тому назадъ лѣтъ тридцать, на одномъ обѣдѣ, гдѣ хозяинъ отличился почти также, какъ и Ланжеронъ, съ тою только разницей, что послѣдній дѣлалъ это въ простотѣ своей души, тогда какъ тотъ преднамѣренно оскорбилъ своихъ приглашенныхъ. Итакъ я присутствовалъ на этомъ обѣдѣ; хозяинъ, настоящій генералъ, служака николаевскихъ временъ, сидѣлъ, разумѣется, во главѣ стола на первомъ мѣстѣ; я вовсе не потому, что имѣлъ дурную привычку пачкать бумагу, а потому, что носилъ камеръ-юнкерскій мундиръ, сидѣлъ по правую руку хозяина; надо сказать, что въ тѣ отдален-

ныя времена я имѣлъ честь быть не только моднымъ писателемъ, но даже считался писателемъ вреднаго направленія, и потому хозяинъ съ самаго начала обѣда отечески, но строго, замѣтилъ мнѣ, что «Тарантасъ» (Боже мой! тогда еще говорили о «Тарантасѣ»), разумѣется, остроумное произведеніе, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ есть вещи очень... того... неумѣстныя...

Я выслушалъ, какъ и подобаетъ, нетерпѣливо, но покорно, а впрочемъ, больше занимался ѣдой; послѣ порядочнаго супа съ кореньями, подали на доскѣ, обернутой скатертью, классическую стерлядь. — «Вотъ, — замѣтилъ хозяинъ, грозно указывая глазами на рыбу и сердито поглаживая свои до окаменѣлости нафабренные усы: — вотъ я этой дряни и въ ротъ никогда не беру, а посмотрите — мошенникъ мой поваръ рублей десять поставитъ мнѣ на счетъ»...

Но, увлекаясь и разбрасываясь своими воспоминаніями, я прерываю нить по порядку своихъ разсказовъ, а, между тѣмъ, по выходѣ моемъ изъ университета и протанцовавъ зиму въ Петербургѣ, я поступилъ на службу и былъ съ перваго же года своего служенія отечеству свидѣтелемъ многаго интереснаго. Карьеру свою я началъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но остался тамъ недолго и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда меня направили въ городъ Тверь, гдѣ я и былъ прикомандированъ къ особѣ губернатора, графа Толстаго, извѣстнаго своею тѣсною дружбой съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. И Толстой, и жена его были люди добрѣйшіе и очень образованные, и только и грѣшили тѣмъ, что ужъ до ханжества были набожны. Тутъ, въ Твери, я сошелся близко съ человѣкомъ, который потомъ былъ призванъ къ широкой дѣятельности — съ Михаиломъ Бакунинымъ. Эти воспоминанія не что иное какъ разсказы старика, имѣвшаго случай многое видѣть на своемъ вѣку и знаться съ людьми или замѣчательными, или интересными; слѣдственно тутъ и помину не можетъ быть о политическихъ воззрѣніяхъ, или какой либо тенденціозности, и потому я скажу только то, что знаю о Бакунинѣ въ то время, такъ какъ потомъ я никогда не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться. Это былъ еще очень молодой, умный и впечатлительный малый, съ добрымъ сердцемъ и бѣдовой головой. Онъ жилъ у своихъ родителей, людей очень добрыхъ и радушныхъ, но совершенно старосвѣтскихъ помѣщиковъ; понятно, что въ такомъ кругу воображеніе Михаила Бакунина работало гораздо болѣе, чѣмъ если бы онъ находился въ другомъ положеніи. Я еще былъ въ Твери, когда онъ бѣжалъ, покинувъ родительскій домъ; живо помню и отчаяніе, и недоумѣніе его отца: старикъ просто не понималъ, почему его Миша, которому такъ тепло было дома, ихъ такъ своевольно и неожиданно покинулъ?..

Въ Твери я въ первый разъ въ жизни производилъ слѣдствіе, и это случилось при такихъ изъ ряда выходящихъ обстоятель-

ствахъ, что, я думаю, разсказъ объ этомъ можетъ имѣть интересъ для читателей. Однажды, графъ Толстой позвалъ меня въ свой кабинетъ и объявилъ, что поручаетъ мнѣ разслѣдовать одно очень важное и щекотливое дѣло...

— Тутъ вопросъ о раскольникахъ,—началъ мой набожный начальникъ: — тутъ дѣло надо будетъ повести очень осторожно; поѣзжайте, присмотритесь, все разузнайте и потомъ уже начните слѣдствіе.

Я выѣхалъ изъ Твери въ тотъ же вечеръ и на другое утро прибылъ на мѣсто своего назначенія въ городокъ X., Тверской губерніи. Я тотчасъ же отправился къ городничему, чисто Гоголевскому типу. Онъ видимо меня не ожидалъ. Хотя время было еще раннее, онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ и очень оживленно понтировалъ; вокругъ него толпилось человѣкъ десять добрыхъ пріятелей, а стоявшая на сосѣднемъ столѣ разнообразная закуска и почтенное количество пустыхъ графиновъ и бутылокъ свидѣтельствовали, что и за картами пріятели не теряли времени. Когда я себя назвалъ, городничій поспѣшно всталъ и пригласилъ меня за нимъ послѣдовать въ сосѣднюю комнату. Русскій человѣкъ владѣетъ даромъ необыкновенно скоро отрезвляться; не прошло и двухъ минутъ, какъ разстегнутый сюртукъ городничаго, изъ-подъ котораго ярко алѣла новая канаусовая рубашка, замѣнился туго застегнутымъ на всѣ пуговицы мундиромъ, а веселое возбужденіе лица замѣнилось тѣмъ особеннымъ выраженіемъ заискивающей почтительности, съ которою въ тѣ времена обходились захолустные дѣятели съ болѣе или менѣе блестящими петербургскими чиновниками. Въ короткихъ словахъ я ему объяснилъ, въ чемъ состояло возложенное на меня порученіе, и просилъ его, какъ это и было его обязанностью, мнѣ во всемъ содѣйствовать. Человѣкъ онъ былъ и свѣдущій, и толковый, зналъ отлично подвѣдомственный ему городъ во всѣхъ его закоулкахъ и потому обѣщалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ устроить дѣло такъ, чтобы я могъ невидимкой присутствовать на одномъ важномъ сборищѣ раскольниковъ. Остановился я въ единственной гостинницѣ X., разумѣется, скорѣе смахивающей на постоялый дворъ. Послѣ разговора моего съ городничимъ я туда отправился и послѣ плохаго ранняго обѣда улегся спать, такъ какъ сильно наморился, проѣздивъ всю ночь по большому морозу. Часу въ шестомъ наступили уже сумерки — ко мнѣ постучался городничій: — «Вставайте, ваше сіятельство! — сказалъ онъ мнѣ: — намъ нужно пораньше туда пробраться, пока тамъ еще никого нѣтъ». Въ пять минутъ я одѣлся и вышелъ съ городничимъ на крыльцо; мы сѣли въ просторныя крытыя дрожки, и пара до ожирѣнія выкормленныхъ вятокъ понесла насъ по широкимъ улицамъ города, еще не оскверненнымъ фонарями. Проѣхавъ двѣ-три улицы, мы повернули въ глухой переулокъ. Передъ огромными запертыми воротами, вдѣланными въ

высокую точно крѣпостную каменную стѣну, кучеръ остановилъ своихъ лошадей; городничій проворно выскочилъ изъ дрожекъ, попросивъ меня не выходить изъ экипажа, пока намъ не отворятъ; онъ подошелъ къ воротамъ и какимъ-то особеннымъ манеромъ постучался въ нихъ; внутри во дворѣ послышался скрипъ сапоговъ по замерзшей землѣ, потомъ уже у самыхъ воротъ раздался слабый кашель; городничій тоже въ отвѣтъ кашлянулъ; тотчасъ же низенькая кривая калитка, лѣпившаяся подлѣ гигантскихъ воротъ, тихо отворилась и на ея порогѣ показалась голова такая диковинная, такая страшная, какой мнѣ уже впослѣдствіи никогда не случалось видѣть. Это была круглая какъ шаръ голова, покрытая густыми сѣрыми волосами, торчавшими на ней какъ щетина; лицо плоское, желтое какъ лимонъ, съ широкимъ приплюснутымъ носомъ, огромными отвислыми губами и маленькими кверху, къ вискамъ, приподнятыми глазками, поразило меня своимъ выраженіемъ; въ немъ, въ этомъ лицѣ, была самая противорѣчивая смѣсь какого-то застарѣлаго страха съ самою звѣрскою кровожадною злостью. На этомъ человѣкѣ, не смотря на сильный морозъ, была надѣта длинная, бѣлая, очень чистая полотняная рубаха и какіе-то полосатые штаны, а на плечахъ, въ накидку, болталась малороссійская свитка изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна. Онъ, къ крайнему моему удивленію (я тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ дрожекъ и тоже подошелъ къ калиткѣ), сталъ объясняться съ городничимъ знаками.

— Онъ нѣмой, — промолвилъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взглядъ городничій: — раскольники вырѣзали ему языкъ!..

И пока мы проходили огромный дворъ, направляясь къ небольшому крылечку, передъ которымъ тускло горѣлъ красноватый фонарь, городничій въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію этого несчастнаго. Человѣкъ этотъ былъ родомъ калмыкъ; раскольники изъ Астрахани его украли, когда онъ былъ еще ребенкомъ; когда онъ выросъ и выучился читать и писать, раскольники попытались обратить его въ ихъ вѣру; сначала онъ было поддался на это, но потомъ рѣшительно воспротивился и два раза сряду убѣгалъ; оба раза его настигали, жестоко наказали, а когда онъ вздумалъ бѣжать въ третій разъ, то его мучители уже не удовольствовались розгами и вырѣзали ему языкъ! Легко себѣ представить, какою ненавистью запылалъ онъ къ своимъ притѣснителямъ и тутъ же поклялся во что бы то ни стало отмстить имъ. Долго нѣмому не представлялся этотъ случай; тѣмъ временемъ съ юга онъ попалъ въ Тверскую губернію, весь измаялся, постарѣлъ, посѣдѣлъ... И вдругъ этотъ злобно и страстно ожидаемый случай явился! Однажды, подъ вечеръ его позвали къ городничему и тутъ стали его допрашивать: «правда ли, что онъ находится въ услуженіи у купцовъ или мѣщанъ, которые принадлежатъ къ разряду самыхъ ярыхъ раскольниковъ»? Калмыкъ себѣ потребовалъ перо, бу-

маги и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ описалъ все и выдалъ житье-бытье своихъ хозяевъ. Городничій, однако же, ему не довѣрился, но послѣдствія доказали, что онъ во всемъ сказалъ правду. И вотъ теперь, предшествуемые этимъ самымъ калмыкомъ, мы пришли, осторожно ступая по мерзлой землѣ, къ крылечку и вступили въ выходившія на него сѣни; нѣмой и тутъ шелъ передъ нами, боязливо озираясь, хотя, повидимому, въ флигелькѣ, куда онъ привелъ насъ, никого еще не было. Изъ сѣней мы, какъ были въ шубахъ и шапкахъ, прошли въ огромную комнату, выбѣленную мѣломъ и вокругъ стѣнъ которой стояли широкія дубовыя лавки; въ углу на столѣ, покрытомъ расшитой цвѣтами бѣлой скатертью, стояли два массивные серебряные шандала; въ нихъ горѣли толстыя восковыя свѣчи; на столѣ лежало старинное распятіе, а надъ столомъ висѣлъ обдѣланный въ богатую золоченную ризу, на которой сверкали великолѣпные бриллiанты, образъ съ потемнѣвшимъ ликомъ святаго. Изъ этой комнаты калмыкъ провелъ насъ въ другую, къ ней примыкавшую горницу, маленькую, темную и душную; въ комнаткѣ стояло два табурета, обитые полинялымъ голубымъ штофомъ—позолота также уже видимо давно сошла съ ножекъ. Калмыкъ намъ помогъ снять шубы, которыя за неимѣніемъ вѣшалки бросилъ въ уголъ на полъ и указалъ намъ на табуреты, приглашая насъ сѣсть; потомъ онъ затушилъ горѣвшую свѣчу и вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ въ совершенной темнотѣ. Въ дверяхъ, противъ которыхъ мы сидѣли, ярко обозначались двѣ широкія щели; городничій объяснилъ мнѣ, что сквозь нихъ мы должны были наблюдать засѣданіе, или, скорѣе, какъ оно послѣ оказалось, священнодѣйствіе раскольниковъ. Минутъ черезъ десять послѣ того, какъ вышелъ отъ насъ нѣмой, въ большую комнату, въ которую мы глядѣли сквозь щели, вошелъ огромнаго роста, совершенно уже сѣдой, старикъ, одѣтый зажиточнымъ мѣщаниномъ; большой золотой крестъ на толстой цѣпочкѣ низко висѣлъ у него на груди. Онъ подошелъ къ иконѣ, сталъ набожно постарообрядчески креститься, потомъ совершилъ три земныхъ поклона и сѣлъ на лавку недалеко отъ стола. За нимъ толпой стали собираться другіе люди, мужчины и женщины; всѣ они совершали тѣ же земные поклоны, потомъ поворачивались къ старику (онъ держался необыкновенно важно), низко ему кланялись и также разсаживались на лавкѣ вокругъ стѣны. Между тѣмъ, въ комнату внесли огромную серебряную чашу, нѣчто въ родѣ купели, наполнили ее водой и поставили посреди комнаты. Надо замѣтить, что всѣ люди, находившіеся въ комнатѣ, были очень хорошо и даже богато одѣты; на женщинахъ, молодыхъ и старыхъ, на головахъ были повязаны низко надвинутые на лобъ шелковые платки. Когда горница наполнилась, старикъ всталъ со своего мѣста и громко спросилъ: «Всѣ ли православно въ Бога вѣрующіе въ Х. въ сборѣ»?

Присутствующіе моментально встали.—«Всѣ отче»,—отвѣтили они въ одинъ голосъ.—«Такъ приступимъ, благословясь»,—произнесъ торжественно старикъ, поднимаясь со своего мѣста. Онъ повернулся на три стороны, сдѣлалъ крестное знаменіе, потомъ повернулся къ образу и опять послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія досталъ у себя изъ-подъ полы довольно объемистый темный кожаный молитвенникъ и сталъ громко читать молитвы. Слушатели громко и не крестясь повторяли за нимъ слова. Это продолжалось съ полчаса; затѣмъ старикъ опять сталъ на колѣни—и за нимъ опустилась также и вся толпа; онъ всталъ—и всѣ снова поднялись за нимъ; тогда онъ приблизился къ купели и началъ совершать какое-то таинство; бросалъ туда принесенную ему человѣкомъ, повидимому, исполнявшимъ при немъ должность служки, на большой серебряной тарелкѣ соль, обкуривалъ вокругъ ладономъ, дѣлалъ какіе-то кабалистическіе жесты. Наконецъ, онъ кончилъ, передалъ кадило въ руку своего прислужника и проговорилъ, обращаясь къ толпѣ: «Съ Божьяго благословенья».—«Аминь!»—отвѣтили присутствующіе. Мужчины отошли направо, женщины—налѣво, и средина комнаты стала совершенно свободна. Старикъ все стоялъ подлѣ чаши и читалъ свои молитвы. Вдругъ двери, выходящія въ глубину залы, раскрылись, и два тоже уже довольно древніе старика ввели оттуда лѣтъ шестнадцати дѣвушку красоты поразительной и совершенно голую; ея длинные волосы, черные какъ воронье крыло, были заплетены въ двѣ толстыя косы и низко падали, почти къ самымъ колѣнямъ. Она подходила къ купели съ опущенными глазами, но прелестное лицо не выражало смущенія. Идя посреди своихъ двухъ спутниковъ, она живо напоминала библейскую Сусанну. Когда она приблизилась къ чашѣ, важный старикъ поставилъ ей нѣсколько вопросовъ, на которые она отвѣчала твердо, но все не поднимая глазъ; тогда онъ взялъ лежавшую на перекладинѣ подъ чашей плетку, обмокнулъ ее въ воду и принялся крестообразно брызгать ею на обнаженное тѣло дѣвушки; потомъ онъ обкурилъ ее ладономъ и вслѣдъ затѣмъ, опять обмокнувъ плетку, довольно сильно ударилъ ее по спинѣ. За нимъ другія женщины и мужчины, тоже предварительно обмокнувъ въ воду плетку, ударяли ею дѣвушку. Мало-по-малу, обрядъ этотъ обратился въ истязаніе; удары все чаще бороздили тѣло несчастной жертвы; сначала она только слабо охала, потомъ вздохи ея превратились въ вопль, длинныя красныя полосы выступили на бѣлоснѣжномъ тѣлѣ дѣвушки и на лѣвомъ плечѣ показалась кровь... Съ самаго начала церемоніи во мнѣ закипало негодованіе, но тутъ я не выдержалъ, вскочилъ со своего мѣста и рванулъ за двери... Городничій тоже всталъ.

— Что вы дѣлаете, ваше сіятельство? Помилуйте! Живыми отсюда не выйдемъ! Пойдемте скорѣе, а я ужъ распорядился!...

И, наскоро напяливая на себя шубу, онъ потащилъ меня къ дверямъ уже другаго выхода, на который намъ указалъ, уходя, калмыкъ. Мы почти бѣгомъ прошли опять тотъ длинный дворъ и черезъ пять минутъ уже прискакали домой, откуда городничій тотчасъ отправилъ уже стоявшихъ на-готовѣ городовыхъ и жандармовъ. Черезъ нѣсколько минутъ городовые и жандармы окружили домъ и захватили всѣхъ тамъ находящихся, кромѣ главнаго стараго раскольника, который неизвѣстно какимъ путемъ скрылся; истязаемую дѣвушку освободили,—она едва дышала; калмыка тоже выпустили на волю и въ видѣ милости сослали его по этапу въ сосѣднюю губернію; но онъ недолго пользовался своей свободой—мѣсяца два спустя его нашли на окраинѣ большой дороги съ перерѣзаннымъ горломъ. Мнѣ нечего, разумѣется, говорить, что тогда о теперешнемъ гласномъ судѣ не было и помину; слѣдствія длились годами и допросы совершались самымъ первобытнымъ образомъ. Однако, дѣло о тверскихъ раскольникахъ двинулось довольно скоро; я присутствовалъ на всѣхъ допросахъ и однажды отличился на одномъ изъ нихъ самымъ неприличнымъ образомъ. Насъ находилось человѣкъ пять въ довольно тѣсной комнатѣ, въ квартирѣ забубеннаго городничаго, который, скажу между прочимъ, мастерски повелъ все это дѣло; къ допросу по одиночкѣ приводили подсудимыхъ, они, запуганные, лепетали какія-то несвязныя слова. Но вотъ въ комнату ввели здоровеннаго русаго дѣтину, лѣтъ тридцати; его завитая мелкими кольцами огромная голова съ широкимъ затылкомъ, его лицо красивое, правильное, съ нависшимъ бѣлымъ лбомъ, даже его походка, твердая и тяжелая,—все показывало въ немъ упрямство, стойкость необыкновенную. Я вглядѣлся въ него и вспомнилъ, что на происходившей церемоніи онъ билъ юную жертву съ особеннымъ остервенѣніемъ. Мнѣ почему-то стало вдругъ противно его лицо, густая рыжая бородка, которую онъ самодовольно поглаживалъ своей пухлой рукой съ серебряными и золотыми кольцами на каждомъ пальцѣ, весь его спокойный видъ.

— Да ты не очень-то ломайся!—нетерпѣливо вскрикнулъ я.— Что ты точно на свадьбу пришелъ!

Онъ глянулъ на меня и чуть усмѣхнулся.

— Да чему ты смѣешься, дуракъ?—уже съ сердцемъ спросилъ я его.

— Молодъ ты очень, баринъ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

Я вскочилъ съ своего мѣста и внѣ себя отъ гнѣва замахнулся и далъ ему пощечину... Онъ отступилъ отъ меня на шагъ и низко, въ поясъ, мнѣ поклонился.

— Спасибо тебѣ, баринъ,—промолвилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ, и не насмѣшка, и даже не упрекъ мнѣ послышался въ немъ, а только грусть:—спасибо тебѣ, что ты меня обидѣлъ понапрасну, намъ, въ нашемъ удѣлѣ, ко всему нужно привыкать...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много разъ приходилось мнѣ укорять себя во многомъ, но никогда такою краской не загорались мои щеки, какъ въ ту минуту, и мнѣ лучше бы хотѣлось провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять обидчикомъ передъ этимъ мужикомъ, передъ этимъ фанатикомъ, передъ этимъ варваромъ!

Слѣдствіе это въ скоромъ времени перешло въ другія руки, но я еще остался въ Твери нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время со мною приключился случай, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Въ то время я сильно ухаживалъ за женою одного сосѣдняго помѣщика, очень хорошенькой женщиной; всѣ мы, золотая тверская молодежь, за ней волочились, но я пользовался тѣмъ преимуществомъ, что зналъ главныхъ представителей тогдашней русской литературы, къ которымъ нашъ общій «предметъ» имѣлъ особенное, тѣмъ менѣе объяснимое влеченіе, что никто изъ дѣятелей русской словесности не былъ ему лично знакомъ; однако, всякій разъ, что я подходилъ къ моей красавицѣ съ намѣреніемъ и желаніемъ завести нѣжный разговоръ, она опрокидывала на спинку кресла свою прелестную головку и томнымъ голосомъ говорила мнѣ: «Ахъ, графъ, говорите мнѣ о Пушкинѣ!» Я въ сотый разъ съ восторгомъ начиналъ говорить о великомъ поэтѣ, всегда и на всю жизнь мою представлявшемся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ полубога, но обыкновенно, истощивъ запасъ свѣдѣній объ образѣ жизни, семьѣ и работѣ Пушкина, я потихоньку снова возвращался къ вопросу, интересующему меня въ это время, то есть къ разглагольствованіямъ о моей «страстной» любви; но красавица снова прерывала мои увѣренія восклицаніями: «Ахъ, говорите мнѣ о Гоголѣ (который начиналъ тогда входить въ моду), или о Жуковскомъ, или о Полевомъ» и т. д. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прошла весна, наступило лѣто, и я начиналъ тяготиться этой ролью трубадура платонической любви, для которой, по своей натурѣ и тогдашнимъ своимъ лѣтамъ, вовсе не былъ созданъ, какъ вдругъ, возвратясь домой поздно вечеромъ (впродолженіе котораго я раза три и, признаться сказать, довольно нехотя принимался разсказывать своей страсти о Мицкевичѣ, котораго я отроду никогда не видѣлъ), — итакъ, возвратясь домой, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ запечатанный конвертъ, при видѣ котораго во мнѣ шевельнулось сердце... На немъ не было почтоваго штемпеля?... «Отъ кого письмо?»—спросилъ я своего вѣрнаго Тита Ларіоновича.

— Да вотъ то-то я не знаю, ваше сіятельство, — отвѣтилъ мнѣ старый камердинеръ: — принесла его какая-то затрапезная дѣвка, а кто она эта дѣвка, и сказать не захотѣла, только говоритъ, непремѣнно, говоритъ, графу передайте, — а дѣвка, по всему видно, дрянь дѣвка, гулящая дѣвка, ужъ на что и меня стараго... и онъ сердито сплюнулъ въ сторону и съ подозрительнымъ укоромъ на

меня посмотрѣлъ. Сердце еще сильнѣе забилось у меня въ груди... «Неужели она»?—подумалъ я, срывая бураго цвѣта толстую сургучевую печать, на которой не было ни герба, ни даже буквы, и я прочелъ слѣдующія слова, написанныя мелкимъ некрасивымъ почеркомъ:

«Да, я хочу, я согласна погибнуть съ вами, для васъ; но куда уйдти? на край земли? отъ всѣхъ этихъ людей? — Приходите завтра въ девять часовъ вечера за городъ, въ поле, теперь тамъ такъ чудно колосится рожь! Приготовьте коляску, лошадей, замаскированныхъ людей и уѣдемъ, умчимся далеко, далеко»!! Подписи, разумѣется, не стояло. Но я зналъ, чувствовалъ, что это она— она со своимъ романическимъ воображеніемъ все это придумала. Я не спалъ всю ночь, строя въ головѣ самые радужные планы. О коляскѣ, лошадяхъ и замаскированныхъ людяхъ я не задумывался, во-первыхъ, потому, что у меня въ карманѣ находилось всего 38 руб. ассигнаціями, а, во-вторыхъ, потому, что какъ я ни былъ молодъ, я зналъ, что дѣло обойдется прекрасно, безъ коляски и въ особенности безъ замаскированныхъ людей. Слѣдующій день я провелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ большомъ волненіи и часа за полтора раньше назначеннаго мнѣ въ письмѣ времени уже находился за городомъ. Весь день былъ дождливый, пасмурный, но такъ какъ дѣло происходило въ первой половинѣ іюля мѣсяца, то было еще, разумѣется, совершенно свѣтло. Я сталъ осматриваться вокругъ, желая разглядѣть то мѣсто, гдѣ «такъ чудно колосится рожь»; дѣйствительно вдали я увидѣлъ огромное поле, вплоть заросшее высокой рожью, которая широкими волнами колыхалась подъ легкимъ, но довольно свѣжимъ вѣтеркомъ. Я направился туда, выбралъ на краю поля открытое мѣсто, откуда мнѣ виднѣлась вся окрестность, сѣлъ на камень и сталъ ждать. Понемногу начинало смеркаться; тучи еще ниже сгущались надъ моей головой, по временамъ даже дождикъ накрапывалъ, мнѣ становилось холодно, скучно и даже страшно, тяжелая тишина воцарялась кругомъ, и только едва я могъ различать издали слабо мерцавшіе городскіе огни. Я вставалъ, ходилъ по дорогѣ, поминутно смотрѣлъ на часы и внутренно посылалъ свою всегдашнюю довѣрчивость въ самыя непріятныя мѣста: «И дернула меня нелегкая,— думалъ я:—повѣрить ей и прійдти сюда, я ее не дождусь; или она испугается темноты вечера, или просто захотѣла она посмѣяться надо мной». Я забылъ сказать, что часа за два передъ тѣмъ, что я отправился за городъ, я, идя по улицѣ, встрѣтилъ свою «пассію»; она шла въ сопровожденіи одного своего стараго родственника, очень мило меня привѣтствовала и пролепетала мнѣ что-то о Гречѣ; въ ту минуту я восторгался внутренно ея самообладанію, но теперь оно показалось мнѣ съ ея стороны злой насмѣшкой. Въ послѣдній разъ взглянувъ на часы, я съ трудомъ могъ разглядѣть

при наступившей темнотѣ, что стрѣлка показывала половину десятаго; я уже досадливо собирался шагать назадъ домой, какъ вдругъ въ направленіи шлагбаума мнѣ показались два огненныя пятна, довольно быстро приближавшіяся, и до меня донесся дребезжащій и глухой стукъ колесъ; мало-по-малу я начиналъ различать громоздскій обликъ экипажа, но не двигался съ мѣста — я ждалъ, чтобы рыдванъ миновалъ меня, а такъ какъ я стоялъ на дорогѣ и опасался, чтобы сидящіе въ немъ люди, паче чаянія, не узнали меня, что̀ повлекло бы къ сильнымъ сплетнямъ, то собирался уже войдти въ рожь очень высокую въ томъ мѣстѣ и на минуту скрыться отъ ихъ глазъ, какъ вдругъ экипажъ, не доѣхавъ отъ меня шаговъ на триста, остановился; изъ него, я уже ясно теперь видѣлъ, вылѣзло двое людей. Я не могъ разсмотрѣть ихъ, такъ какъ они были закутаны въ длинные плащи, были ли это мужчины или женщины, — и быстро пошли по дорогѣ, впередъ, ко мнѣ; я, разсчитывая на то, что въ темнотѣ они меня не замѣтятъ, сталъ пробираться въ рожь; но я не сдѣлалъ и пяти шаговъ, какъ одинъ изъ подходившихъ ко мнѣ людей закричалъ: — «Графъ Сологубъ! Гдѣ вы? Отзовитесь! мы васъ ищемъ, мы за вами пріѣхали!» — Я чуть не крикнулъ отъ изумленія. Что это означало? они отъ нея? но можетъ быть, воры они! Это тоже не вѣроятно, или, можетъ быть, мужъ?.. Во всякомъ случаѣ мое любопытство осилило осторожность, и я, выбравшись изъ ржи, пошелъ имъ навстрѣчу; въ ихъ фигурахъ мнѣ показалось что-то знакомое, но они такъ плотно были закутаны въ плащи, падавшіе имъ до самыхъ пятъ, что скорѣе походили на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей; на головахъ у обоихъ были надѣты огромные капюшоны, а лица ихъ скрывали маски. «Вотъ оно, — подумалъ я: — коляска, лошади и эти замаскированные люди, но что все это значитъ»?..

— Вы получили вчера письмо, приглашавшее васъ явиться сюда въ девять часовъ вечера?» — спросилъ одинъ изъ интриговавшихъ меня людей.

— Д-да, — отвѣтилъ я нерѣшительно: — но какимъ образомъ вамъ это̀ извѣстно?

— Особа, написавшая вамъ, сообразила, — продолжалъ мой странный собесѣдникъ: — что вамъ было бы очень трудно въ такое короткое время все приготовить...

— Да... дѣйствительно... — отвѣтилъ я все также нерѣшительно, невольно притомъ вспомнивъ о моихъ тридцати восьми рубляхъ.

— Такъ-съ, вотъ потому-то эта особа и прислала насъ за вами; пожалуйте, поѣдемте, васъ ждутъ...

— Но позвольте... — началъ я.

— Вы боитесь? — послышался мнѣ изъ-за маски насмѣшливый голосъ.

— Я нисколько не боюсь, но я васъ совершенно не знаю, и все это мнѣ представляется очень необыкновеннымъ; а впрочемъ, у меня лишняго времени много... поѣдемъ.

Я махнулъ рукой и быстро пошелъ по направленію къ коляскѣ; мы сѣли въ экипажъ, я одинъ позади, мои спутники на переднемъ мѣстѣ. Когда рыдванъ, дребезжа старыми колесами, тронулся, сидѣвшій противъ меня незнакомецъ вынулъ изъ кармана большой фуляровый платокъ, бинтообразно сложилъ его и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Извините меня, графъ, но мнѣ приходится попросить у васъ позволенія завязать вамъ глаза!

Я засмѣялся и подался впередъ, наклоняя голову; все это становилось очень забавно. Мы продолжали молча путь и скоро въѣхали въ городъ; я это почувствовалъ по нестерпимымъ толчкамъ того подобія шоссе, по которому мы ѣхали. Коляска наша повернула влѣво, потомъ вправо и, наконецъ, съ грохотомъ въѣхала въ какой-то дворъ. Мои спутники проворно изъ нея выскочили и подъ руки, какъ престарѣлаго архіерея, ввели меня на крыльцо; тутъ, въ передней, съ меня сняли повязку и пригласили войдти въ гостиную; комната эта показалась мнѣ очень неврачной; маленькая старомодная лампа скупо освѣщала старую, изодранную мебель, окна, не завѣшенныя занавѣсками, были наглухо закрыты почернѣлыми ставнями, на голыхъ стѣнахъ также никакого убранства; вся эта обстановка представлялась бѣдной и грязной. «Странное мѣсто для нѣжнаго свиданія», — подумалъ я, осматриваясь; мнѣ опять становилось и досадно на себя, и даже совѣстно своей вѣчной оплошности; между тѣмъ мои спутники, вышедшіе было изъ комнаты, снова возвратились и подошли къ столу; я съ непріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ, что у каждаго изъ нихъ въ рукахъ находился пистолетъ.

— Милостивый государь, — проговорилъ одинъ изъ нихъ; я сидѣлъ у стола и поднялся съ своего мѣста, признаюсь, съ нѣкоторою поспѣшностью; я уже рѣшительно не понималъ въ чемъ дѣло: — мы васъ привезли сюда не для красныхъ словъ; или вы сейчасъ намъ подпишите вексель въ 100,000 рублей ассигнаціями, или мы вынуждены будемъ прибѣгнуть вотъ къ этимъ игрушкамъ...

И онъ небрежно повертѣлъ въ рукѣ пистолетъ. Я въ первую минуту, признаюсь, оторопѣлъ; встрѣтить дуло пистолета вмѣсто ожидаемыхъ прелестныхъ устъ довольно непріятно. Но я скоро пришелъ въ себя и съ поднятыми кулаками бросился на говорившаго человѣка.

— Негодяи! — внѣ себя закричалъ я: — такъ вотъ это что?! Вы просто воры и разбойники! — и я все протягивалъ руки, силясь сорвать маску съ этого мерзавца; но онъ съ помощью товарища оттолкнулъ меня и все также спокойно сказалъ:

— Перестаньте, не кричите и не ругайтесь, это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Вы въ нашей власти и никто не придетъ къ вамъ на помощь; а лучше садитесь-ка да пишите вексель; мы знаемъ, что ваши родители богаты и могутъ заплатить эту сумму.

— Да вѣдь не можете же вы такъ меня убить? Вѣдь вы за это отвѣчать будете!

— Это ужъ наше дѣло,—услышалъ я невозмутимый отвѣтъ.

Я бросился на стулъ и закрылъ себѣ лицо руками; въ эту минуту я рѣшительно не могъ ничего сообразить; вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался гомерическій смѣхъ, я отнялъ руки отъ лица и увидѣлъ передъ собою обоихъ моихъ разбойниковъ; они сняли маски, сбросили съ головы капюшоны, и я узналъ въ нихъ двоихъ своихъ тверскихъ товарищей, одинъ изъ нихъ былъ также мой сослуживецъ.

— Ахъ! ты, дуралей, дуралей, — засмѣялись они: — мы знали, что ты довѣрчивъ какъ ребенокъ и мечтателенъ какъ уѣздная барышня, но, всетаки, сомнѣвались, что ты поддашься на удочку! И въ двухъ словахъ они разсказали, какъ, замѣтивъ, что г-жа N... со мною кокетничаетъ и что я, повидимому, очень ею увлеченъ, они вздумали сыграть со мною эту штуку, придавъ ей романтическій оттѣнокъ, и этимъ возбудить мое любопытство. Они просто хотѣли привезти меня на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, но, дорогой замѣтивъ, что я остаюсь совершенно спокоенъ, имъ вдругъ захотѣлось меня напугать, въ чемъ они, сознаюсь, до нѣкоторой степени успѣли... Я ихъ, какъ слѣдовало ожидать, порядочно обругалъ, а, впрочемъ, отъ души самъ смѣялся своей глупости. Мы всѣ отправились ужинать и осушили за здоровье красавицы, вѣроятно, въ это время почивавшей безмятежнымъ сномъ, нѣсколько добрыхъ бутылокъ вина.

Такихъ «пассажей», какъ приведенный мною случай, я могу насчитать десятки въ моей жизни, но едва ли не самымъ смѣшнымъ и самымъ непредвидѣннымъ изъ нихъ былъ слѣдующій. Мнѣ приходится, какъ я уже это дѣлалъ не однажды, отступить впередъ, но на этотъ разъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я былъ съ женою [1]) на водахъ въ Германіи, и вокругъ нея какъ всегда увивалось сонмище поклонниковъ; я къ этому такъ привыкъ, что не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія, оставляя только за собою право выпроваживать тѣхъ изъ нихъ, которые мнѣ ужъ слишкомъ наскучаютъ. Такъ какъ моя жена почти на сорокъ лѣтъ меня моложе, то, разумѣется, очень часто ее принимаютъ за мою дочь. Надо сказать, что, гдѣ бы я ни былъ, ко мнѣ каждое утро являются русскіе или иностранные собраты изъ той категоріи, что французы обзываютъ «des fruits secs», или промотавшіеся соотчичи,

[1]) Вторая жена графа Сологуба.

или просто разнаго рода авантюристы, чающіе какой нибудь добычи. Съ свойственной мнѣ довѣрчивостью, я часто попадался съ этими людьми въ просакъ или зарывался обѣщаніями, которыхъ потомъ не могъ сдержать, наживалъ себѣ, какъ всегда, сотни враговъ и т. д. Но со дня моей второй женидьбы многое въ моей жизни измѣнилось. Жена моя одарена рѣдкимъ умомъ и необыкновенной, часто безпощадной прозорливостью узнавать людей; она открыла мнѣ глаза на счетъ многихъ моихъ «друзей» и всегда во-время останавливала меня отъ какой нибудь глупости. Итакъ, мы были въ Германіи на водахъ, и однажды утромъ, отпивъ свои три стакана, я вернулся домой и, закуривъ сигару, погрузился въ чтеніе утреннихъ газетъ; камердинеръ вошелъ въ комнату и подалъ мнѣ визитную карточку.

— Что такое? — спросила изъ-за двери моя жена.

— Не знаю, господинъ какой-то проситъ меня принять его, — отвѣтилъ я.

— Ты о немъ слышалъ? — спросила опять жена.

— Понятія о немъ не имѣю.

— И ты его примешь?

— Да, скуки ради; кто знаетъ, онъ, можетъ быть, работаетъ по тюремному вопросу...

— Хорошо, я одѣваюсь, не могу прійдти, но оставь дверь открытой, я хочу слышать, — сказала мнѣ жена.

Черезъ минуту ко мнѣ вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, статный и красивый; онъ казался не только смущенъ, но имѣлъ видъ растерянный; я всталъ ему навстрѣчу.

— Простите меня, графъ, — началъ онъ несмѣлымъ голосомъ: — что, не будучи вамъ представленнымъ...

— Сдѣлайте одолженіе... садитесь, — отвѣтилъ я ему и самъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Простите въ особенности мою смѣлось, — все также смущенно продолжалъ молодой человѣкъ; онъ правильно объяснялся пофранцузски, хотя съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ: — но дѣло идетъ о счастьѣ всей моей жизни; моя семья пользуется въ Англіи большимъ уваженіемъ; у моихъ родителей значительное состояніе, я самъ уже владѣю довольно большимъ, лично мнѣ принадлежащимъ имуществомъ, мнѣ двадцать семь лѣтъ, я окончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ...

— Но, позвольте, — перебилъ я его: — я не вижу, къ чему собственно вы все это изволите мнѣ говорить?

— Я страстно влюбленъ въ вашу дочь и имѣю честь просить у васъ ея руки! — отвѣтилъ мнѣ юноша.

За дверью мнѣ послышался хохотъ жены, и я самъ едва удерживалъ улыбку...

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ вамъ отвѣтить отказомъ, милостивый государь, — проговорилъ я, вставая.

— Но вы можете навести обо мнѣ справки въ англійскомъ посольствѣ, въ Парижѣ, въ Англіи, вездѣ! — отчаянно лепеталъ молодой человѣкъ.

— Не въ томъ дѣло, — все также удерживаясь отъ смѣха, отвѣтилъ я: — но особа, къ которой вы сватаетесь, — моя жена!! Вы видите, что...

Но англичанинъ не далъ мнѣ договорить; какъ ошпаренный, онъ отскочилъ отъ меня и опрометью, даже не простившись со мною, выскочилъ изъ комнаты. По всему вѣроятію, онъ уѣхалъ въ тотъ же день, такъ какъ потомъ мы его уже болѣе не встрѣчали.

Графъ В. Соллогубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

I.

Въ 1843 году, наша кадетская лагерная жизнь подъ Петергофомъ была омрачена печальнымъ событіемъ, случившимся въ Александріи и имѣвшимъ весьма горестныя послѣдствія для нѣкоторыхъ выпускныхъ кадетовъ Московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ. Это событіе, прекрасно характеризующее императора Николая Павловича, я и хочу разсказать здѣсь.

Извѣстно, что императоръ Николай любилъ кадетовъ и относился къ нимъ неизмѣнно, какъ отецъ къ дѣтямъ. Не было дня, чтобы государь, если онъ только былъ въ Петергофѣ, не побывалъ въ нашемъ лагерѣ, хотя на короткое время.

Всегда ласковый разговоръ, шутки, подходящія къ возросту юношей и дѣтей, теплое, мягкое обращеніе государя, вселили въ кадетахъ самую искреннюю привязанность къ незабвенному монарху, котораго мы ожидали въ лагерѣ ежедневно съ нетерпѣніемъ, какъ самаго дорогаго гостя. Расположеніе и снисходительность государя къ кадетамъ выразились, между прочимъ, въ томъ, что намъ было разрѣшено, въ воскресные и праздничные дни, гулять въ Александріи безъ всякаго надзора.

Государь жилъ въ небольшомъ двухэтажномъ дворцѣ, куда допускались только самыя близкія лица. Собственно же дворцовый штатъ въ Александріи былъ весьма ограниченъ: дежурная фрей-

лина, какой-то статскій совѣтникъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, котораго обязанность состояла, кажется, только въ томъ, чтобы сидѣть на дворцовой террасѣ и ничего не дѣлать, пять-шесть камеръ-лакеевъ, лейбъ-кучеръ, нѣсколько рейткнехтовъ, вотъ и все.

Здѣсь будетъ кстати разсказать одинъ эпизодъ, вслѣдствіе котораго нашъ статскій совѣтникъ вышелъ изъ своей обычной апатіи, и напустился на кадетовъ, на сколько была къ этому способна его добрая натура.

Нѣсколько воспитанниковъ разныхъ корпусовъ, подстрекаемые любопытствомъ, вздумали прогуляться по царскимъ покоямъ нижняго этажа дворца, предполагая, не знаю почему, что тамъ никого не было. Какъ ни убѣждалъ ихъ добрѣйшій статскій совѣтникъ не ходить туда, они не обратили никакого вниманія на воркотню старика, вошли въ переднюю и такимъ образомъ, переходя изъ комнаты въ комнату, очутились въ кабинетѣ государя. Не успѣли они еще опомниться отъ испуга, что уже слишкомъ далеко зашли, какъ входитъ государь. Кадеты наши обезумѣли отъ страха; но государь, всегда милостивый и снисходительный къ дѣтскимъ увлеченіямъ, надралъ шутя уши шалунамъ и сказалъ:—«Вы здѣсь лишніе гости». Этимъ отеческимъ выговоромъ и отдѣлались смѣльчаки.

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, въ половинѣ іюля мѣсяца, воспитанники по обыкновенію отправились гулять въ Петергофскій садъ и Александрію. Выпускные кадеты Московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ, въ числѣ 14 человѣкъ, пронесли водку въ такъ называвшуюся гирляндовую бесѣдку императрицы Александры Ѳедоровны.

Послѣ порядочной выпивки, молодежь пришла въ то состояніе, про которое говорится: «пьяному море по колѣно»; говоръ и смѣхъ дѣлались все шумнѣе и шумнѣе.

Въ это время государь съ августѣйшей семьей собирался ѣхать изъ Александріи, кажется, на дачу великой княгини Маріи Николаевны.

Одинъ изъ лейбъ-казаковъ государыни, услышавъ необыкновенный шумъ въ бесѣдкѣ, бѣгомъ направился къ ней и, увидѣвъ тамъ кадетовъ въ слишкомъ веселомъ настроеніи духа и валявшіяся около нихъ на полу бутылки, предупредилъ, что государь изволитъ сейчасъ ѣхать, и началъ убѣждать скорѣе разойдтись и прибрать бутылки; но кадеты не обратили вниманія на слова добраго человѣка, повидимому, желавшаго спасти увлекшуюся молодежь. Тогда казакъ уже настоятельно потребовалъ, чтобы они разошлись, и, вѣроятно, выйдя изъ терпѣнія, быть можетъ, выразился слишкомъ рѣзко. На это одинъ изъ кадетовъ Московскаго корпуса, предназначенный къ выпуску въ гарнизонъ, широкоплечій К., подъ

вліяніемъ полнаго опьяненія, недолго думая, бросилъ въ казака бутылкой, которая разсѣкла ему лобъ, у самаго глаза. Казакъ, получивъ ударъ, началъ кричать; крикъ его былъ услышанъ государемъ, который ускореннымъ шагомъ направился къ мѣсту происшествія, но кадеты, увидѣвъ, что дѣло плохо, еще до прихода государя разбѣжались, кто въ дверь, а кто черезъ гирляндовыя стѣны, причемъ, конечно, испортили бесѣдку.

Два товарища моихъ и я, нисколько не подозрѣвая случившагося сидѣли у взморья и любовались Петербургомъ съ блестящимъ куполомъ Исаакія, Кронштадтомъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, Стрѣльной... какъ вдругъ слышимъ бьютъ тревогу.

Вполнѣ увѣренные, что государь, пріѣхавъ въ лагерь, приказалъ собрать кадетовъ, какъ это нерѣдко случалось, мы пустились бѣжать по направленію къ лагерю, мимо Александрійскаго дворца. Но представьте наше смущеніе, когда у самаго дворца, на площадкѣ, мы почти наткнулись на государя, расхаживавшаго взадъ и впередъ, блѣднаго, съ сверкающими отъ гнѣва глазами. Мы сняли фуражки и вытянулись въ струнку.

— Чего вы стоите! — грозно сказалъ намъ государь: — развѣ не слышите: бьютъ тревогу,—маршъ бѣгомъ!

Мы побѣжали, или, вѣрнѣе, полетѣли, какъ будто какая-то невидимая сила подталкивала насъ. Едва не задохнувшись, прибѣжали мы въ лагерь, и только что стали на свои мѣста, какъ видимъ—скачетъ государь верхомъ, въ сопровожденіи одного только рейткнехта. Подъѣхавъ къ фронту, государь, не поздоровавшись съ кадетами, объѣхалъ шагомъ весь отрядъ, пристально всматриваясь въ каждаго изъ насъ, потомъ, отъѣхавъ, сталъ противъ середины 1-го и 2-го кадетскихъ полковъ и своимъ громкимъ, гармоническимъ голосомъ спросилъ:

— Кто изъ васъ пьянствовалъ въ бесѣдкѣ? — Впередъ!

Видя, что никто изъ виновныхъ не выходитъ, государь изволилъ еще разъ повторить вопросъ, но и на этотъ разъ никто не вышелъ. Тогда государь, обратившись къ начальнику кадетскаго отряда, генералъ-лейтенанту барону Шлипенбаху [1]), какъ-то неопредѣленно сказалъ:

— Если черезъ три дня виновные не отыщутся, я на васъ лямки надѣну. — Затѣмъ онъ повернулъ лошадь и уѣхалъ обратно во дворецъ.

Трудно себѣ представить, что перечувствовалъ каждый изъ насъ по отъѣздѣ государя, не говоря уже о виновникахъ справедливаго гнѣва царя и отрядномъ начальникѣ, который стоялъ на мѣстѣ, словно пораженный громомъ, не имѣя силъ выговорить ни

---

[1]) Директоръ 1-го кадетскаго корпуса, впослѣдствіи инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, окончившій жизнь самоубійствомъ.

одного слова; только нѣсколько слезинокъ, спустившихся на сѣдые усы генерала, свидѣтельствовали, чтò переживалъ онъ въ эти тяжкія для него минуты.

Насъ продержали въ строю еще съ полчаса; ротные командиры и офицеры, желая открыть виновныхъ, допытывались разными хитрыми уловками, составлявшими тогда какъ бы принадлежность многихъ корпусныхъ офицеровъ, которые, не обладая ни душевными, ни нравственными качествами, не могли внушить воспитанникамъ инаго чувства, кромѣ боязни и отвращенія къ нимъ, и не столько служили, сколько прислуживались начальству, шпіоня и наушничая; но, по какому-то необъяснимому чуду, виновные не были открыты ими, ни по наружному виду, ни по запаху вина.

На другой день нашъ начальникъ отряда, оправившись, на сколько это было возможно, съ небольшимъ образомъ въ рукахъ, кажется, Спасителя, обходилъ кадетскія палатки, убѣждая виновныхъ сознаться и давая передъ образомъ клятву ходатайствовать у милосерднаго монарха о прощеніи.

Угрызеніе ли совѣсти, что при запирательствѣ могутъ пострадать невинные, или боязнь, что рано или поздно откроется, кто совершилъ проступокъ, и тогда виновные навлекутъ на себя еще болѣе тяжкое наказаніе,—всѣ 14 человѣкъ сознались, что они пріобрѣли водку у какого-то продавца, у воротъ, ведущихъ въ Александрію, и пили ее въ бесѣдкѣ; болѣе же этого показанія, кажется, отъ нихъ ничего не добились.

Говорили и, можетъ быть, не безъ основанія, что высочайшій приказъ о производствѣ нашемъ былъ уже подписанъ государемъ и лежалъ въ его кабинетѣ, но что послѣ событія въ Александріи государь уничтожилъ эту бумагу. Затѣмъ распространился слухъ, что выпускъ отложатъ до будущаго года.

Страшное уныніе овладѣло нами, выпускными; одна мысль, что придется еще годъ пробыть въ корпусныхъ стѣнахъ, приводила насъ въ отчаяніе. Наступилъ конецъ іюля, а о производствѣ нѣтъ и помину, такъ что мы должны были покориться своей судьбѣ и перестали уже мечтать объ эполетахъ въ этомъ году.

Наконецъ, на сколько могу припомнить, 3-го или 4-го августа, съ ужасной тоской въ сердцѣ, выступили мы изъ лагеря въ Петербургъ, но должны были, по высочайшей волѣ, присутствовать на парадѣ въ Ропшѣ, по случаю освященія знаменъ полковъ Гренадерскаго корпуса.

Въ Ропшу мы пришли уже ночью, которая, отъ пасмурнаго неба, была темна, какъ говорится, «хоть глазъ выколи». Подходимъ къ дворцовымъ аллеямъ, освѣщеннымъ фонарями, видимъ множество столовъ, около нихъ суетящуюся дворцовую прислугу; наконецъ, видимъ государя, выходящаго изъ аллеи, въ сопровожденіи, кажется, гофмаршала графа Шувалова.

Его величество, не поздоровавшись съ отрядомъ, приказалъ составить ружья и вести кадетовъ въ аллеи; тамъ мы нашли холодный, вкусный ужинъ, состоявшій изъ дичи, чая, масла, булокъ и т. п.

Поужинавъ, кадеты расположились бивуакомъ вокругъ дворца. Едва мы улеглись, какъ пошелъ дождь; нѣженки, которыхъ оказалось немало, вздумали устроить себѣ шалаши; кстати и аллеи подъ рукой, — пошла дружная рубка деревьевъ тесаками.

Государь, услышавъ удары и догадавшись въ чемъ дѣло, вышелъ изъ дворца, страшно разгнѣвался и накричалъ на дежурнаго по отряду штабъ-офицера; но этимъ и окончилось его неудовольствіе.

На другой день, послѣ чая съ разными дворцовыми печеніями, отрядъ нашъ выстроили напротивъ взводовъ полковъ Гренадерскаго корпуса.

Едва успѣли выровнять насъ, какъ государь вышелъ изъ дворца, обошелъ нашъ фронтъ съ праваго фланга, поздоровался съ корпусами, исключая дворянскаго полка и 2-го кадетскаго корпуса; потомъ обошелъ взводы полковъ, и затѣмъ совершилось освященіе знаменъ.

По окончаніи парада мы прямо выступили въ Стрѣльну на ночлегъ, а на другой день на привалѣ у Краснаго Кабачка насъ ожидала радость, которую невозможно передать словами.

Генералъ-адъютантъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, прочелъ намъ высочайшій приказъ о производствѣ нашемъ въ офицеры. Дружное «ура!» восьмисотъ голосовъ было радостнымъ откликомъ счастливой молодежи.

Судьба же виновныхъ свершилась очень скоро: тринадцать человѣкъ отправлены въ армейскіе полки юнкерами и унтеръ-офицерами, а К., какъ болѣе виновный, рядовымъ въ сибирскій линейный баталіонъ.

Быть можетъ, за давностью времени, въ разсказъ мой вкрались нѣкоторыя ошибки, и онъ требуетъ пополненія, а потому желательно, чтобы кто либо изъ бывшихъ воспитанниковъ, современниковъ событія въ Александріи, исправилъ и дополнилъ недостающее.

II.

Въ началѣ сентября 1852 года, разнеслась молва, что императоръ Николай Павловичъ посѣтитъ Полтаву, а вскорѣ послѣ того получено было, къ общей радости, оффиціальное извѣстіе, что государь проѣздомъ въ Елисаветградъ, гдѣ назначенъ былъ высочайшій смотръ, осчастливитъ Полтаву своимъ присутствіемъ 17-го сентября.

Въ это время я былъ ротнымъ офицеромъ въ первой кадетской ротѣ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса, слѣдовательно,

въ старшемъ возростѣ. Рота помѣщалась въ бель-этажѣ, окна котораго съ западной стороны находились противъ генералъ-губернаторскаго дома, назначеннаго для пребыванія государя императора.

Въ день высочайшаго пріѣзда, котораго ожидали къ 10-ти часамъ вечера, я былъ дежурнымъ по ротѣ. Во время ужина воспитанниковъ, мною получено было приказаніе директора корпуса, отнюдь не позволять кадетамъ подходить къ окнамъ послѣ вечерней зори и уложить ихъ спать.

Какъ часто бываетъ, что приказаніе легче отдавать, чѣмъ его исполнить, я испыталъ это въ настоящемъ моемъ положеніи. Ожиданіе пріѣзда обожаемаго монарха, масса публики, запрудившей всю улицу до самаго подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома, — все это было достаточнымъ поводомъ для юношей безпрестанно подбѣгать къ окнамъ въ одномъ бѣльѣ. Но новое извѣстіе, что государь прибудетъ въ Полтаву не къ 10-ти, а къ 12-ти часамъ, слѣдовательно, двумя часами позже, помогло мнѣ угомонить своихъ молодцевъ и уложить ихъ спать, а самъ я усѣлся на окнѣ и сквозь дремоту смотрѣлъ на волнующуюся толпу.

Наконецъ, около 12-ти часовъ, раздался отдаленный гулъ со стороны харьковской дороги и, постепенно приближаясь, перешелъ въ ясный крикъ «ура!».

Кадеты мои, точно по сигналу, вскочили съ кроватей, и не успѣлъ я опомниться, какъ у оконъ образовались живыя пирамиды изъ сидящихъ одинъ на другомъ воспитанниковъ въ однѣхъ рубахахъ. Въ виду серьёзной отвѣтственности за безпорядокъ, который государь, вѣроятно, замѣтилъ бы, я, зная привязанность ко мнѣ кадетовъ, высказалъ имъ мои опасенія, и это такъ подѣйствовало на нихъ, что окна моментально опустѣли, да и въ пору: не успѣли еще воспитанники улечься по кроватямъ, какъ экипажъ его величества быстро примчался къ подъѣзду генералъ-губернаторскаго дома, и государь ускореннымъ шагомъ поднялся во внутренніе покои.

Государя сопровождали: великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, графъ А. Ѳ. Орловъ и престарѣлый прусскій фельдмаршалъ баронъ Врангель, какъ говорили, дальній родственникъ нашему директору корпуса, Егору Петровичу барону Врангелю, но, на сколько это вѣрно, не ручаюсь.

На другой день, въ 10 часовъ утра, на заднемъ плацу, такъ называемомъ, Кадетскомъ, государь смотрѣлъ кадетскій баталіонъ, при стеченіи многочисленной публики; казалось, сюда собралось все, что въ состояніи было двигаться, чтобы насмотрѣться на истинно чарующее величіе незабвеннаго царя.

Оставшись вполнѣ доволенъ фронтовымъ образованіемъ кадетовъ, ихъ бодрымъ и веселымъ видомъ, государь благодарилъ директора корпуса, баталіоннаго командира и всѣхъ офицеровъ, причемъ

первыхъ двухъ удостоилъ пожатіемъ руки и приглашеніемъ къ высочайшему обѣденному столу въ сюртукахъ. Потомъ, подойдя ближе къ баталіону, государь поблагодарилъ кадетовъ словами: «Спасибо, дѣти, вы меня порадовали».

По окончаніи смотра, его величество во главѣ баталіона, передъ знаменнымъ взводомъ, парадировалъ до зданія корпуса.

Разставшись съ кадетами, которыхъ развели по ротамъ, государь посѣтилъ корпусный лазаретъ. Здѣсь съ отеческою заботливостью разспрашивалъ малѣйшія подробности о ходѣ болѣзни трудно больныхъ воспитанниковъ, прочитывалъ латинскія надписи на дощечкахъ и съ глубокимъ участіемъ, въ милостивыхъ словахъ утѣшалъ страждущихъ, ободряя ихъ надеждой скораго выздоровленія. Казалось, одинъ ясный, участливый взглядъ государя сообщалъ бодрость и надежду упавшимъ духомъ.

Изъ лазарета государь прошелъ въ корпусную аптеку, смежную съ лазаретомъ, и, осмотрѣвъ ее, спросилъ, вполнѣ ли она соотвѣтствуетъ своему назначенію. Изъ аптеки поднялся въ помѣщеніе кадетскихъ ротъ. Воспитанники, выстроенные по кроватямъ въ спальняхъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидали опять увидѣть любимаго царя и самые слабые изъ нихъ по фронту и тѣлосложенію, воодушевленные присутствіемъ государя, выглядѣли молодцами.

Первою ближайшею отъ лазарета была неранжированная рота— меньшій возростъ; поэтому государь изволилъ посѣтить ее прежде другихъ ротъ.

При видѣ ли малолѣтнихъ дѣтей, недавно поступившихъ въ заведеніе, или вслѣдствіе всегдашняго милостиваго попеченія о дѣтяхъ бѣдныхъ дворянъ, не имѣющихъ средствъ дать воспитаніе сыновьямъ своимъ, государь неожиданно обратился къ директору корпуса съ словами:

— Врангель! мнѣ желательно открыть здѣсь пятую роту, помѣщеніе есть—генералъ-губернаторскій домъ; только надо подумать, какъ это лучше устроить.

Затѣмъ, посѣтивъ остальныя роты, государь оставилъ корпусъ.

Въ день отъѣзда государя, 19-го сентября, его величеству угодно было къ пяти часамъ по полудни собрать кадетовъ въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Дорожный экипажъ уже стоялъ у подъѣзда. Замѣчу, что зала, для провинціальнаго зданія довольно обширная, не могла вмѣстить въ себѣ сколько нибудь свободно цѣлый баталіонъ кадетовъ съ офицерами и прочими лицами, присутствовавшими при отъѣздѣ государя.

Едва построили кадетовъ тѣсными рядами, какъ его величество въ сопровожденіи великихъ князей и графа Орлова вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ залу въ сюртукѣ безъ эполетъ и, окинувъ присутствующихъ величественнымъ взглядомъ, привѣтствовалъ ка-

детовъ. Затѣмъ, пробираясь съ трудомъ между сплоченной массой воспитанниковъ, государь ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, обращаясь къ директору корпуса съ словами:

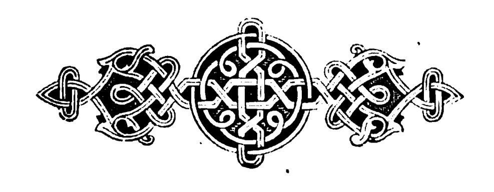
— Я осмотрѣлъ зданіе. Здѣсь, въ бельэтажѣ, можно свободно помѣстить пятую роту, а тамъ, наверху, устроить квартиры ротному командиру и офицерамъ, сдѣлавъ надлежащія приспособленія. Я надѣюсь, что ты, получивъ объ открытіи роты распоряженіе, устроишь все какъ слѣдуетъ, кажется, все... Когда фельдмаршалъ поправится (по пріѣздѣ въ Полтаву заболѣвшій), пріѣзжай съ нимъ вмѣстѣ въ Елисаветградъ.

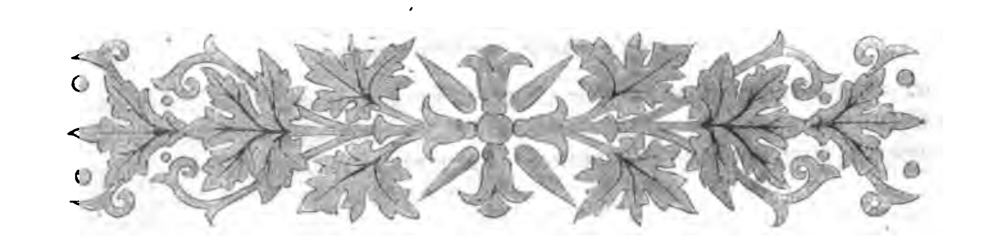
Затѣмъ государь сказалъ:

— Пора! Прощайте, господа, прощайте, дѣти! Дай Богъ свидѣться опять... но не знаю,—и, сдѣлавъ общій поклонъ, спустился къ подъѣзду, сѣлъ въ экипажъ и, съ словами «съ Богомъ», быстро умчался.

Послѣднія прощальныя слова государя навели на всѣхъ безотчетную грусть, хотя, вѣроятно, ни одному изъ присутствовавшихъ не пришло на мысль, что государь, полный жизни и необыкновенно крѣпкаго сложенія, такъ скоро перейдетъ въ вѣчность и что многіе изъ насъ имѣли счастіе въ послѣдній разъ видѣть незабвеннаго монарха.

К. Заиковскій.

АКАДЕМИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Исторія русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ привлекала вниманіе многихъ изслѣдователей; мы имѣемъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ по этому предмету, постоянно открываются и обнародываются новые матеріалы, и разработка ихъ выясняетъ много новыхъ сторонъ просвѣтительнаго движенія, составляющаго главную сущность русской исторіи XVIII вѣка. Но есть еще немало пробѣловъ, и къ числу ихъ надо отнести исторію перваго русскаго университета, существовавшаго въ Петербургѣ при академіи наукъ съ 1725 года почти до конца прошлаго столѣтія. Наши свѣдѣнія о немъ до сихъ поръ были весьма неполны и отрывочны, вслѣдствіе чего важный вкладъ въ науку составляетъ появившееся въ концѣ прошлаго года, сперва въ видѣ приложенія къ тому LI-му «Записокъ императорской академіи наукъ», а затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, новое изслѣдованіе графа Д. А. Толстаго: «Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи». Авторъ, пользуясь рукописными документами архива академіи наукъ, представилъ полный и обстоятельный обзоръ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ этому университету и указалъ, какимъ образомъ онѣ примѣнялись; но онъ, къ сожалѣнію, мало коснулся внутренней жизни университета и быта студентовъ; поэтому, при составленіи настоящаго очерка, мы считали необходимымъ пополнить данныя, сообщаемыя гр. Толстымъ, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ и пособій: изъ недавно изданныхъ «Матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ», изъ капитальныхъ тру-

довъ академиковъ Пекарскаго: «Исторія академіи наукъ», и Сухомлинова: «Исторія россійской академіи», и изъ «Матеріаловъ для біографіи Ломоносова», собранныхъ академикомъ Билярскимъ.

11-го января 1721 года, извѣстный нѣмецкій философъ, Христіанъ Вольфъ, писалъ лейбъ-медику Петра Великаго, Лаврентію Блюментросту: «Его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить академію наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ...». Спустя три года послѣ этого письма, 24-го января 1724 года, Блюментростъ представилъ Петру довольно полный и обстоятельный планъ устройства въ Россіи высшаго ученаго учрежденія—академіи наукъ и при ней университета и гимназіи. «Къ распложенію наукъ и художествъ,—говорится въ этомъ проектѣ,—употребляется обычайно два образа зданія: первый образъ называется универзитетъ, второй — академія, и соціететъ художествъ и наукъ. Универзитетъ есть собраніе ученыхъ людей, которые наукамъ высокимъ, яко: ѳеологіи и юрисъ пруденціи, медицины и философіи, сирѣчь до какого состоянія оныя нынѣ дошли, младыхъ людей обучаютъ. Академія же есть собраніе ученыхъ и искусныхъ людей, которые не токмо сіи науки въ своемъ родѣ, въ томъ градусѣ, въ которомъ оныя нынѣ обрѣтаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты оныя совершить и умножить тщатся, а объ ученіи протчихъ никакого попеченія не имѣютъ». Блюментростъ указываетъ, что университетъ и академія во всѣхъ государствахъ представляютъ собою совершенно независимыя другъ отъ друга учрежденія, и это возможно тамъ, потому что много ученыхъ людей, но въ Россіи наука только что начинаетъ зарождаться, и поэтому здѣсь нужны другія средства для ея развитія и распространенія. Заведеніе одной академіи можетъ принести пользу прогрессу самой науки, но для распространенія знаній въ народѣ не имѣетъ никакого значенія; устроивать университетъ, въ которомъ преподаются высшія науки, тоже не стоитъ, потому что нѣтъ низшей школы, къ нему подготовляющей. Для Россіи нужно совершенно особенное учрежденіе, должно быть «заведено собраніе самолутчихъ ученыхъ людей», которые могли бы:

«1) Науки производить и совершить, однакожде тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ:

«2) Младыхъ людей (ежели которые изъ оныхъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобъ они

«3) Нѣкоторыхъ людей при себѣ обучили, которые бъ младыхъ людей первымъ рудиментамъ (основательствамъ) всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Такимъ образомъ, русская академія должна совмѣщать въ себѣ и академію, и университетъ, и гимназію. Университетъ будетъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго; на послѣднемъ читаются науки математическія и гуманныя, т. е. элоквенція, древности и исторія. Члены академіи и профессора университета, конечно, должны быть набраны за границей. На содержаніе вновь учреждаемой академіи Петръ приказалъ ассигновать 24,912 руб. изъ доходовъ съ городовъ Нарвы: Дерпта, Пернова и Аренсбурга.

При Петрѣ проекты не залеживались безъ движенія, всякое дѣло скоро дѣлалось, тѣмъ менѣе можно было ожидать медленности въ такомъ предпріятіи, какъ учрежденіе академіи, которая являлась завершеніемъ просвѣтительной дѣятельности императора. Тотчасъ же начаты были переговоры съ разными иностранными учеными, которыхъ приглашали въ новую академію. Переговоры сильно затянулись, ученые нѣмцы боялись ѣхать въ Россію, измышляя всякія затрудненія; ведшій съ ними переговоры графъ Головкинъ писалъ: «Иногда о томъ, иногда о другомъ оспорятъ, одному мѣшаетъ дальняя ѣзда, одному—студеный климатъ, другому—фамилія (т. е. семейство)», такъ что ему постоянно приходилось требовать новыхъ инструкцій. Нѣмцы отчаянно торговались изъ-за жалованія; согласившись на извѣстное вознагражденіе, вдругъ находили его недостаточнымъ, просили прибавокъ, предъявляли иногда совершенно невозможныя требованія, какъ, напримѣръ, Христіанъ Вольфъ, пожелавшій получить, кромѣ жалованья, еще 20,000 руб. впередъ (послѣ такой «рѣдковидной претензіи» было рѣшено «ничего главнаго ему не сообщать»). Все это сердило русскихъ уполномоченныхъ: графа Головкина и князя Куракина, которымъ было поручено это дѣло, огорчало самого Петра. Однако, все же переговоры мало-по-малу двигались, съ нѣкоторыми учеными уже были заключены контракты, и они готовились пріѣхать въ Петербургъ, но Петру не суждено было довершить свое начинаніе: 28-го января 1725 года онъ скончался.

Въ іюнѣ пріѣхалъ первый изъ приглашенныхъ академиковъ Мартини; это былъ весьма незамѣчательный ученый, какъ это, напримѣръ, можно заключить по первому его сообщенію, что онъ нашелъ «perpetuum mobile». Къ ноябрю съѣхались остальные академики, и 24-го ноября 1725 года состоялось первое публичное засѣданіе, въ которомъ профессоръ Бильфингеръ произнесъ похвальное слово основателю академіи, Петру I, и ея покровительницѣ Екатеринѣ I и затѣмъ прочелъ докладъ о магнетизмѣ. 14-го января 1726 года, было напечатано объявленіе о порядкѣ академическихъ занятій, о составѣ академіи. Президентомъ назначенъ былъ Блюментростъ, изъ членовъ наиболѣе выдающихся были: математики Германъ, Даніилъ Бернулли, Николай Бернули, историкъ Байеръ,

ботаникъ Буксбаумъ, астрономъ Делиль. По указаніямъ академиковъ, были вызваны нѣкоторые извѣстные имъ студенты, и сдѣланы ихъ адъюнктами, изъ нихъ наиболѣе прославились впослѣдствіи: естествоиспытатель Гмелинъ и математикъ Леонардъ Эйлеръ.

Согласно проекту Блюментроста, всѣ эти академики должны были быть профессорами новаго университета. Но университета не было, потому что не было студентовъ; первое время профессора сами ходили другъ къ другу на лекціи, выписано было нѣсколько студентовъ изъ-за границы, но учащихъ было болѣе, чѣмъ учащихся: при 17 профессорахъ было 8 студентовъ. Первымъ русскимъ студентомъ былъ Филиппъ Анохинъ; графъ Д. А. Толстой полагаетъ, что Анохинъ вовсе не былъ подготовленъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, но это не совсѣмъ вѣрно: Анохинъ учился въ славяно-латинской академіи, а затѣмъ ѣздилъ въ Германію, гдѣ также «обучался свободнымъ наукамъ».

По недостатку слушателей лекціи были обращены въ публичныя. «Когда сдѣлалось явнымъ,—говоритъ Миллеръ:—что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8-го и 14-го марта 1727 года было объявлено въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи, съ экспериментами. Эти эксперименты Бильфингера, для коихъ выписаны были инструменты, еще кое-какъ шли въ началѣ, но нѣсколько недѣль спустя прошла къ нимъ охота публики. Что же касается до анатомическихъ демонстрацій, то любителей ихъ нашлось весьма немного». Въ академію некому было поступать, потому что подготовительной школы не было. Оттого иногда посылали въ академію учиться всему, даже такимъ наукамъ, которыя вовсе не читались въ академическомъ университетѣ; такъ военная коллегія прислала одного недоросля, чтобы обучить его фортификаціи; недолго думая, его отдали на выучку академическому архитектору, вѣроятно, потому, что этотъ преподавалъ въ академической гимназіи математику.

Въ 1731 году, въ университетѣ не было ни одного слушателя. Это обстоятельство побудило сенатъ запросить академію, сколько нужно студентовъ, чтобы профессора могли читать лекціи? Совѣтникъ Шумахеръ отвѣчалъ, что необходимо 75 человѣкъ. Вмѣсто этого сенатъ, въ декабрѣ 1732 года, прислалъ 12 человѣкъ изъ славяно-латинской академіи, но не для университета, а для подготовленія въ камчатскую экспедицію; въ ихъ числѣ былъ извѣстный путешественникъ, будущій академикъ Крашенинниковъ. Въ 1736 году, изъ Заиконоспасской академіи было прислано 10 человѣкъ, изъ нихъ двое, Ломоносовъ и Виноградовъ, отправлены за границу. Въ 1738 году, найдено было, что нѣкоторые ученики гимназіи въ состояніи слушать профессорскія лекціи, поэтому сдѣлано было распоряженіе о возобновленіи курсовъ въ университетѣ. Въ 1740

году, сенатъ прислалъ 8 учениковъ изъ Заиконоспасской академіи. Въ 1742 году, всѣхъ студентовъ было 12.

Но и съ этими немногими слушателями профессора не занимались какъ слѣдуетъ. Въ октябрѣ 1744 года, студенты Протасовъ и Котельниковъ представили въ академію такой рапортъ: «Въ исполненіе послѣдовавшаго 18-го октября приказанія канцеляріи академіи наукъ, отправились мы къ профессору Вейтбрехту и заявили ему, что мы присланы къ нему канцеляріею, для слушанія лекцій по анатоміи; на что онъ намъ отвѣчалъ, что онъ профессоръ не анатоміи и медицины, поэтому не обязанъ преподавать эту науку; если же академія наукъ пожелаетъ заключить съ нимъ на этотъ предметъ новый контрактъ, то онъ согласенъ преподавать анатомію и въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ поэтому соотвѣтствующее представленіе академіи». Случай съ Вейтбрехтомъ былъ не единичный, профессора вообще уклонялись отъ чтенія лекцій, которое отнимало у нихъ время отъ чисто академическихъ занятій и представлялось крайне стѣснительнымъ. Такимъ образомъ въ университетѣ не оказывалось ни профессоровъ, ни студентовъ.

Поправить дѣло долженъ былъ академическій регламентъ 1747 года. Академики были раздѣлены на двѣ категоріи: освобожденныхъ отъ преподаванія и профессоровъ. Для пополненія университета студентами учреждены казеннокоштныя вакансіи. «Надлежитъ,—сказано въ 37 статьѣ регламента,—выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ; а чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ, и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ академію художествъ». Предполагалось посылать на университетскія лекціи воспитанниковъ кадетскаго корпуса, «дабы профессора никогда не были праздны и тѣмъ не отговаривались, что у нихъ нѣтъ учениковъ». Доступъ въ университетъ былъ открытъ для лицъ всѣхъ сословій, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Даны нѣкоторыя служебныя преимущества лицамъ, оканчивающимъ университетъ.

На основаніи приведенной выше 37 статьи регламента для выбора студентовъ были посланы въ Александро-Невскую семинарію профессора Фишеръ и Броунъ и адъюнктъ Тепловъ, а въ славяно-греко-латинскую академію и въ новгородскую семинарію профессоръ Третьяковскій. Духовенство вообще неособенно охотно давало учениковъ академіи, семинаристы были нужны ему самому, и на этотъ разъ петербургскій архіепископъ Ѳеодосій отпустилъ изъ Александро-Невской семинаріи только 4-хъ человѣкъ, между ко-

торыми былъ извѣстный впослѣдствіи академикъ Румовскій; такимъ образомъ, вмѣсто 30, какъ предполагалось по регламенту, набрано было только 24 студента. Кромѣ того, по рекомендаціи Ломоносова, былъ принятъ Иванъ Барковъ (впослѣдствіи довольно извѣстный эротическій поэтъ) «за острое понятіе и порядочное знаніе латинскаго языка».

Ректоромъ университета былъ назначенъ исторіографъ Миллеръ, а инспекторомъ Фишеръ. 18-го апрѣля 1748 года, предположено было начать чтеціе лекцій, но это не состоялось, «какъ для худаго проходу черезъ рѣку, такъ и за невзятіемъ остальныхъ изъ Невской семинаріи студентовъ». Въ маѣ, приказано было профессору Третьяковскому начать лекціи «о штилѣ и чистотѣ латинскаго языка», и Крузіусу толковать классическихъ авторовъ и читать исторію литературы, но очень скоро лекціи Третьяковскаго были прекращены, чтобы дать возможность студентамъ заниматься новыми иностранными языками, а Крузіусъ отставленъ «за весьма худые и предосудительные къ академіи поступки».

Академическимъ регламентомъ было предоставлено президенту академіи дать уставъ для университета. Тогдашній президентъ графъ К. Г. Разумовскій поручилъ составленіе устава Миллеру, но оказалось невозможнымъ составлять уставъ для почти несуществующаго университета, и въ 1750 году была сочинена временная инструкція, или «учрежденіе объ университетѣ». Это собственно дисциплинарныя правила для профессоровъ и студентовъ. О профессорахъ сказано въ статьѣ 25-й: «Понеже съ удивленіемъ извѣщаюсь, что нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ на лекціи свои безъ важныхъ причинъ либо вовсе не приходятъ, либо и приходятъ, да поздно, то за необходимую нужду почтено на такихъ лѣностныхъ положить штрафъ вычетомъ изъ жалованья, а именно за часъ вычитать дневное жалованье по окладу». О взысканіяхъ со студентовъ говорится въ 6-й статьѣ; весьма интересны поступки, предусмотрѣнные этой статьей, а также характерны и наказанія: «Имѣть ректору университета смотрѣніе за ученіемъ и поступками казенныхъ студентовъ, и смотрѣть, чтобы они добропорядочно жили, также и въ наукахъ по-надлежащему упражнялись бы. Ежели кто изъ нихъ въ чемъ провинится, то, по разсмотрѣніи дѣла, приказать ему штрафовать, а въ штрафованіи поступать такъ: 1) Ежели кто ослушаніе главной командѣ академической сдѣлаетъ, или какое либо непочтеніе, о такихъ ему немедленно репортовать въ канцелярію, дабы не упущено было съ ними поступить по указу, а до резолюціи отдать подъ караулъ. 2) Ежели противъ ректора и его адъюнкта, то за ректора на двѣ недѣли въ карцеръ, на хлѣбъ и на воду, а за адъюнкта на недѣлю. 3) Ежели профессоровъ и учителей, то за профессора на недѣлю въ карцеръ, а за учителей на три дни. 4) Ежели обидятъ товарищей, или другаго кого сло-

вомъ, то въ карцеръ на день, а рукою, то въ канцелярію репортовать. 5) Ежели напьется пьянъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за другой—на двѣ, за третій въ канцелярію репортовать. 6) Ежели безъ вѣдома ректорскаго, или его адъюнкта, съ двора кто сойдетъ, то за первый разъ, по разсужденію ректорскому, посадить въ карцеръ, за другой вдвое, за третій репортовать. 7) Ежели дома не ночуетъ, то за первый разъ на недѣлю въ карцеръ, за второй вдвое, за третій репортовать. 8) Ежели не придетъ на лекціи, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на недѣлю, за второй на двѣ, за третій на три, и такъ далѣе. 9) Ежели заданнаго уроку не выучитъ, то за первый разъ въ сѣрый кафтанъ на день, за другой—на два, за третій—на три и такъ далѣе. 10) Ежели въ кражѣ приличится, то репортовать въ канцелярію, а до резолюціи подъ караулъ отдать. 11) Чего ради при университетѣ имѣть нарочно сдѣланныхъ пять сѣрыхъ кафтановъ, и смотрѣть, чтобы штрафованные въ сѣрыхъ кафтанахъ також де лекцій публичныхъ никакихъ не пропускали». Въ ордерѣ ректору гимназіи сказано: «Никакихъ бы между студентами ссоръ, несогласій, также рѣзвости, крику и шуму не происходило. Вина горячаго и прочаго подобнаго въ квартирѣ не держать, и табаку не курить. Въ карты и другія игры на деньги отнюдь никогда бъ играть не дерзали. Постороннихъ пришлыхъ мужеска полу ни на одну ночь, а женска полу ни на одну минуту пущать крайне запрещается, а въ противномъ случаѣ таковыхъ брать черезъ солдатъ и объявлять въ канцелярію. Посылать кустосовъ (т. е. сторожей) осматривать, нѣтъ ли у студентовъ постороннихъ людей, не происходитъ ли пьянства или какой зерни, дракъ, ссоръ и шуму» и т. д.

Круты были эти наказанія; они могутъ даже показаться странными, но они подходили къ нравамъ тогдашнихъ студентовъ: «по Сенькѣ и шапка». Въ университетѣ были люди, совсѣмъ не имѣвшіе никакого отношенія къ наукѣ, откровенно признававшіеся въ своей неспособности; такъ, напримѣръ, одинъ великовозрастный студентъ писалъ ректору: «Много времени почти безъ всякой пользы препроводилъ, понеже натуральной остроты къ наукамъ не имѣю; совершенно знаю, что никакой пользы въ наукахъ академіи принесть не могу, хотя десять лѣтъ въ студентахъ проживу, только время безполезно потеряю». Въ домѣ общежитія студенты вели себя очень буйно, такъ что инспекторъ Фишеръ доносилъ, что «ихъ безъ великаго принужденія усмирить невозможно», и просилъ прислать въ свое распоряженіе шесть или восемь человѣкъ солдатъ. Особенно развито было пьянство, отъ котораго гибли иногда весьма даровитые люди; напримѣръ, Софроновъ все время пребыванія въ университетѣ считался очень талантливымъ студентомъ, по окончаніи курса, тотчасъ же былъ сдѣланъ адъюнктомъ, но за «пребезмѣрное пьянство» исключенъ изъ адъюнктовъ. Случались иногда

такіе факты, что взысканія, установленныя въ инструкціи, оказывались недостаточными, и начальство университетское изобрѣтало наказанія чрезвычайныя. Въ протоколѣ 23-го марта 1751 года внесено слѣдующее: «Его высокографское сіятельство академіи наукъ президентъ, слушавъ поданнаго въ канцелярію академіи наукъ отъ профессора и университета ректора г-на Крашенинникова репорта, которымъ представлено: сего мѣсяца 10-го числа, видѣлъ онъ нѣкоторыхъ студентовъ во время службы Божіей, шатающихся по улицамъ, которые изъ университета въ церковь отпущены были, за что приказалъ онъ посадить ихъ въ карцеръ, и изъ того числа Иванъ Барковъ ушелъ изъ университета безъ позволенія, пришелъ къ нему, Крашенинникову, въ домъ, съ крайнею наглостію и невѣжествомъ, учинилъ ему прегрубые и предосадные выговоры съ угрозами, будто онъ его напрасно штрафуетъ, а, наконецъ, сказавъ, что онъ радъ сидѣть въ карцерѣ, токмо онъ писать на него будетъ, и, хлопнувъ дверью такъ, что она отворилась настежъ, ушелъ; и, тою наглостію не удовлетворившись, бѣгалъ онъ по нѣкоторымъ изъ г-дъ профессоровъ и клеветалъ на него, г-на профессора, и на своихъ товарищей. И ежели сей поступокъ отпущенъ ему будетъ безъ штрафа, то другимъ подастся поводъ къ бо̀льшимъ наглостямъ, а карцеръ и сѣрый кафтанъ, чѣмъ они штрафуются, нимало ихъ отъ того не удерживаетъ. И въ разсужденіи онаго представленія, что оные студенты отъ такого штрафа сажаніемъ въ карцеръ и надѣваніемъ сѣраго кафтана нимало отъ худыхъ поступокъ воздерживаются, (президентъ) изволилъ приказать: показаннаго студента Баркова за такую учиненную имъ продерзость, въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ студентовъ, высѣчь розгами; да и впредь, ежели кто изъ оныхъ студентовъ явится въ такихъ же худыхъ поступкахъ, оныхъ по тому жъ наказывать розгами, кто бы какого возраста ни былъ. О наказаніи же помянутаго студента Баркова къ вышеписанному г-ну профессору Крашенинникову послать ордеръ, въ которомъ написать, чтобъ онъ впредь о являющихся въ продерзостяхъ, достойныхъ таковому наказанію, студентахъ, представлялъ канцеляріи, отколѣ о учиненіи того наказанія посылать ордеры, а безъ вѣдома канцеляріи никого тѣмъ штрафомъ не наказывать». Въ протоколѣ 23-го сентября 1752 года, говорится слѣдующее: «Профессоръ г. Крашенинниковъ репортомъ представилъ: сего де сентября 16-го числа, объявлено ему отъ адъюнкта г. Модераха, что съ 14-го на 15-е число, въ ночи, происходила драка между студентами Полидорскимъ и Охтенскимъ, которые, какъ думать можно, были пьяны; однако, начинатель ссоры былъ Полидорскій, для того, что Охтенскаго уже соннаго по щекѣ ударилъ; а понеже ему, профессору, о такихъ случаяхъ велѣно доносить канцеляріи письменно, а при томъ онъ проситъ, чтобъ Полидорскаго изъ университета вывесть для того, что онъ ни на какія лекціи

не ходитъ, токмо худымъ житіемъ своимъ другихъ портитъ. А которые студенты часто въ пьянствѣ и въ другихъ порокахъ приличатся, то, по его мнѣнію, чувствительнѣе будетъ наказаніе, ежели у нихъ мундиры и епанчи отбираны будутъ до исправленія. А чѣмъ будутъ они въ платьѣ недостаточнѣе, тѣмъ уповательно скорѣе исправятся, ибо примѣчено имъ, что карцеръ не доволенъ къ ихъ исправленію. И ежели оное канцелярія апробуетъ, то бъ дать ему о томъ указъ, или ордеръ. И по тому онаго профессора репорту канцелярія академіи наукъ опредѣлила: студента Полидорскаго, который находится въ географическомъ департаментѣ, изъ университета вывесть, и впредь его туда ни подъ какимъ видомъ не допущать, а что онъ въ такихъ худыхъ проступкахъ явился, за то у него убавить жалованья. Что жъ касается до поступокъ съ прочими студентами, оныхъ профессору Крашенинникову, по разсмотрѣнію ихъ винъ, въ силу опредѣленія президента, наказывать розгами, карцеромъ, такожъ, какъ онъ представилъ, отбирать у нихъ мундиры и епанчи». Впослѣдствіи было выдумано еще новое наказаніе: студентовъ переводили въ гимназію, чѣмъ уменьшалось ихъ жалованье, но они обязаны были слушать лекціи университетскія. Но суровыя мѣры не всегда поощрялись, высказывались и болѣе мягкіе взгляды; такъ президентъ графъ К. Г. Разумовскій писалъ Шумахеру: «О студентахъ и ихъ наукахъ какъ возможно прилагать извольте тщаніе, понеже сіе учрежденіе есть наилучшій плодъ трудовъ академическихъ. Когда не будутъ профессоры изъ нихъ, то могутъ быть изъ нихъ добрые и искусные переводчики, или учители первыхъ классовъ латинскаго языка. Что же до ихъ шалостей касается въ житіи, въ томъ, разсуждая ихъ молодыя лѣта, не вовсе надлежитъ отчаяваться, а стараться сколько возможно о ихъ исправленіи, когда уже немалый коштъ и время на нихъ потеряно».

Тѣмъ взглядомъ, что студенты представляютъ собой «наилучшій плодъ трудовъ академическихъ», объясняется немало хорошихъ сторонъ, присущихъ тогдашней университетской жизни. Начальство постоянно заботилось о томъ, чтобы положеніе студента въ обществѣ сдѣлать почетнымъ, и одной изъ мѣръ къ возвышенію значенія студентовъ было установленіе для нихъ мундира; форменная ихъ одежда состояла изъ зеленаго кафтана, шпаги, гам, бургской шляпы, и, кромѣ того, давался имъ «кошелекъ на волосы»-необходимая принадлежность туалета тогдашнихъ щеголей. Обида-нанесенная студенту, считалась обидой всей профессорской корпораціи. Тотъ же самый профессоръ Крашенинниковъ, который требовалъ для студентовъ суровыхъ наказаній, представилъ въ канцелярію академическую, когда было нанесено оскорбленіе нѣкоторымъ студентамъ, слѣдующій рапортъ: «Февраля 4-го дня, въ ночное время, приходилъ лѣкарь Елачичъ въ студентскіе покои, и ру-

галъ ихъ всякою непотребною бранью, называя, между прочимъ, каналіями, бестіями и попами за то, что они, играя на скрипицѣ, пьянымъ шумомъ его безпокоятъ, а по осмотру Барсова, который сеніоромъ (старшимъ) въ университетѣ, тамъ пьяныхъ не было, а былъ въ томъ покоѣ рисовальный ученикъ Рыковъ, который обучаетъ ихъ на скрипицѣ, у котораго оный лѣкарь, выхватя скрипицу, разбилъ о его голову на мелкія части, а оная скрипица была его, Барсова, и дана двѣнадцать рублей. Такія наглыя поступки г. лѣкаря не столько обиженнымъ студентамъ, сколько намъ, коимъ они поручены въ смотрѣніе, чувствительны и огорчительны. Самому бы его ученику или цирульнику несносно было, если бы онъ, г. лѣкарь, отважился безпокоить его въ его квартирѣ во время неуказное, а съ такими людьми, каковы студенты, по крайней мѣрѣ, для одного сего честнаго имени, поступать такимъ образомъ предосудительно. Не было бы бѣднѣе студентскаго состоянія, если бы всякому, каковъ г. лѣкарь, вольно было поступать съ ними объявленнымъ образомъ. Чего ради канцелярію покорнѣйше прошу о удовольствіи за учиненную намъ обиду и о возвращеніи двѣнадцати рублевъ за разбитую имъ скрипицу студента Барсова, также и о запрещеніи и о удержаніи его, г. Елачича, впредь отъ такихъ недозволенныхъ поступокъ, особливо же, что оныя могутъ быть причиною худыхъ слѣдствій и безвинному нашему нареканію въ слабости команды и несмотрѣніи».

Къ занятіямъ студенты поощрялись разными отличіями и наградами: лучшіе изъ студентовъ получали разрѣшеніе присутствовать на профессорскихъ собраніяхъ, «сидѣть за стульями и разговорами профессоровъ пользоваться»; обнаружившіе на экзаменахъ успѣхи въ наукахъ награждались книгами, на которыхъ дѣлались нравоучительныя надписи, что президентъ «надѣется, желаетъ и повелѣваетъ», чтобы награждаемый продолжалъ хорошо учиться. За награды принято было благодарить письменно, сохранилась даже благодарность въ стихахъ:

«Когда бы мой былъ духъ съ желаніемъ согласный,
То бъ скоро весь Парнасъ подвигнулъ я прекрасный,
Чтобъ пѣніемъ твоихъ украсить тѣмъ похвалъ,
Не годенъ къ коимъ умъ и силъ достатокъ малъ...
Твоими музы здѣсь щедротами цвѣтутъ,
Твоею ободренъ ихъ ревностію трудъ,
Довольство оныхъ ты всегда усугубляешь
И къ счастью дверь своимъ раченьемъ отверзаешь,
Невѣжество теперь блѣднѣетъ предъ тобой,
Отвсюду сладостный приходитъ намъ покой,
Тебя прославятъ всѣ и будущіе роды,
Что милость равно льешь, какъ море воды».

Академическое начальство думало не только объ умственномъ и нравственномъ развитіи студентовъ, оно хотѣло сообщить имъ даже извѣстный свѣтскій лоскъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ его взглядъ на танцы: въ росписаніи ученыхъ занятій танцы упоминаются, какъ предметъ обязательный для всѣхъ воспитанниковъ. Въ свидѣтельствѣ объ успѣхахъ студента Румовскаго отмѣчено, какъ важное обстоятельство: «танцуетъ всѣхъ лучше, въ поступкахъ хорошъ». Ломоносовъ находилъ нужнымъ одного изъ лучшихъ своихъ слушателей Поповскаго помѣстить такимъ образомъ, чтобы онъ, «съ хорошими людьми обращаясь, привыкъ къ пристойному обращенію, ибо между студентами, которые пристойнаго воспитанія не имѣли, и для своей давней фамиліарности не безъ грубостей поступаютъ, учтивыхъ поступковъ научиться нельзя». Академикъ Фишеръ весьма пространно доказывалъ, что необходимо нанять танцмейстера, «который училъ бы комплиментамъ и показывалъ своимъ ученикамъ, какъ весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться».

Весьма важною и хорошею стороной тогдашей университетской жизни была свобода въ отношеніяхъ между профессорами и студентами: студенты прямо высказывали начальству свои общія желанія, не стѣсняясь, заявляли о тягости для нихъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ профессорами; начальство, въ свою очередь, задумывая какое нибудь измѣненіе въ студенческомъ быту, спрашивало мнѣнія самихъ студентовъ о своемъ предположеніи. Такъ, напримѣръ, въ 1748 году, явилось предположеніе принять студентовъ на полное казенное содержаніе; спросили студентовъ, согласны ли они на это, и они представили слѣдующій весьма интересный по своей откровенности отзывъ: «Милостивое сіе и благоусмотрительное о насъ канцелеріи попеченіе не столько академіи и намъ будетъ въ пользу, сколько тѣмъ, которые трактиръ оный (т. е. общежительную столовую) намъ представлять и содержать будутъ, понеже не столько намъ иногда приготовлено, сколько въ расходъ написано и канцеляріи представлено будетъ, откуда какъ академіи мало пользы воспослѣдовать должно, такъ и намъ иногда безъ обиды и безъ помѣшательства въ наукахъ нашихъ обойтиться не можетъ. Итакъ, предложивъ сіи по мнѣнію нашему резоны, всепокорнѣйше просимъ, дабы канцелярія сего не полагала за препятствіе, что якобы должно намъ будетъ въ такомъ случаѣ самимъ на рынокъ, для покупокъ, которыя къ пропитанію надлежатъ безвременно бродить, что весьма нечестно и званію нашему неприлично, а потомъ и для лекцій не способно. Того ради мы, какъ и по сіе время чинить не дерзали, такъ и чтобъ впредь сего не чинить, подпискою себя обязать одолжаемся, но для исправленія такихъ нуждъ истопники, намъ отъ канцеляріи опредѣленые, будутъ послушны, какъ и до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ справляли». Такова была въ

общихъ чертахъ жизнь студентовъ академическаго университета.

Обратимся къ исторіи университета. Послѣ Миллера съ 1750 по 1755 годъ ректоромъ былъ Крашенинниковъ, затѣмъ три года управлялъ университетомъ адъюнктъ Модерахъ и въ 1758 году былъ назначенъ ректоромъ Ломоносовъ. Ему поручилъ президентъ составить уставъ для университета; представленный Ломоносовымъ проектъ былъ отданъ на разсмотрѣніе профессорамъ Миллеру, Фишеру, Броуну и Модераху, но, не ожидая утвержденія устава, Ломоносовъ, съ разрѣшенія президента, сталъ его вводить. До насъ этотъ регламентъ, къ сожалѣнію, не дошелъ, и мы можемъ о немъ судить лишь по нѣкоторымъ замѣчаніямъ Фишера, возражавшаго противъ допущенія въ число студентовъ лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ, и находившаго ненужнымъ увеличеніе числа студентовъ, на чемъ настаивалъ Ломоносовъ. Ломоносовъ возражалъ Фишеру съ сильнымъ раздраженіемъ: «Во-первыхъ, удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущены на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ. Не вспомнилъ того, что они въ Римѣ не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ отцами ихъ за однимъ столомъ сидѣли, съ государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность. Сихъ и нынѣшнихъ примѣровъ видно знать онъ не хотѣлъ... Во-вторыхъ, шестьдесятъ гимназистовъ и тридцать студентовъ почитаетъ за излишнюю казнѣ тягость, а паче всего спрашиваетъ: куда ихъ дѣвать? Его ли о томъ попеченіе? Ему велѣно было смотрѣть регламентъ, а не штатъ. Его ли дѣло располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать, куда дѣвать студентовъ и гимназистовъ? О томъ есть кому имѣть и безъ него попеченіе. Мы знаемъ и безъ него, куда въ другихъ государствахъ такихъ людей употребляютъ, и также куда ихъ въ Россіи употребить можно».

При составленіи университетскаго регламента, Ломоносовъ хотѣлъ выхлопотать различныя привиллегіи для профессоровъ и студентовъ, разныя служебныя права, и думалъ придать особенную торжественность введенію регламента; университетъ какъ бы вновь открывался, должна была произойдти такъ называемая инавгурація. Порядокъ инавгураціи былъ слѣдующій: «Пріуготовленіе: 1) публичный гимназической экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты, 2) экзаменъ въ градусы (т. е. на ученыя степени), 3) избраніе проректора и относящіеся сюда диспуты и рѣчи, 4) программа, 5) расположеніе мѣстъ. Дѣйствіе: 1) обѣдня съ концертомъ и проповѣдью, 2) чтеніе привиллегій, 3) благодарный молебенъ съ пальбою и музыкою, 4) рѣчь бла-

годарственная ея императорскому величеству, 5) назначеніе проректора и декановъ, 6) произвожденіе въ градусы, 7) обѣды съ пальбою и музыкою. Слѣдствіе: 1) напечатаніе всего дѣйствія, 2) поздравленіе на домахъ, 3) разсылка копій съ привиллегій и протчаго по всѣмъ университетамъ».

Ломоносовъ былъ такъ увѣренъ, что всѣ его проекты будутъ приняты и исполнены, что началъ уже сочинять похвальное слово Елисаветѣ Петровнѣ, которое думалъ произнести при открытіи университета. Сохранился конспектъ этой рѣчи. Въ началѣ онъ прославляетъ императрицу за то, что она «печется увеличить благородство въ благородныхъ, ибо что есть благороднѣе, какъ преимущество отъ дворянства, возвышенное и крашенное основательнымъ ученіемъ?» Государыня обѣщаетъ «снабдить благородствомъ неблагородныхъ и тѣмъ отворить входъ къ благополучію дарованіямъ природнымъ» (намекъ на открытіе университета для внесенныхъ въ подушный окладъ). Далѣе опровергается неосновательное мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что некуда дѣвать студентовъ; Ломоносовъ указываетъ, какъ много въ Россіи дѣла для людей ученыхъ и образованныхъ. Въ заключеніе рѣчи предполагалось представить блестящую картину будущаго могущества и славы Россіи, въ которой процвѣтаютъ мирно разныя высокія науки. Въ конспектѣ этой рѣчи во всей силѣ сказались широкій ученый идеализмъ Ломоносова и его пламенная любовь къ отечеству. Вообще всѣ эти приготовленія къ торжественному открытію университета врядъ ли заслуживаютъ къ себѣ ироническое отношеніе, которое, между прочимъ, встрѣчается въ монографіи гр. Д. А. Толстаго. Открытіе университета дѣло незаурядное, въ особенности важнымъ оно должно было представляться Ломоносову, вся жизнь котораго была посвящена возвеличенію русской науки; незадолго передъ тѣмъ онъ открывалъ университетъ въ Москвѣ, теперь ему предстояло преобразовать университетъ Петербургскій, — русская наука торжествовала, и немудрено было Ломоносову увлечься и въ этомъ увлеченіи подпасть какимъ нибудь заблужденіямъ, но порицать его не совсѣмъ справедливо; напротивъ это увлеченіе скорѣе заслуживаетъ уваженія, такъ какъ оно исходило изъ глубоко-патріотическихъ побужденій...

Но Ломоносову не суждено было осуществить свои предположенія, умерла императрица Елисавета, и его проектъ былъ оставленъ. Вскорѣ онъ самъ умеръ. Послѣ него ректоромъ былъ назначенъ профессоръ Броунъ и введены правила, составленныя извѣстнымъ врагомъ Ломоносова, Таубертомъ. Съ этого времени и до конца столѣтія въ академическихъ протоколахъ нѣтъ никакихъ распоряженій объ университетѣ, ни распредѣленія профессорскихъ лекцій. Вступивъ въ должность директора академіи, княгиня Дашкова нашла въ университетѣ только двухъ студентовъ, и то та-

кихъ, прибавляетъ она, которые ничего не могли перевести съ иностранныхъ языковъ, даже съ нѣмецкаго. Она сама принялась учить, какъ можно заключить изъ перваго ея распоряженія. «Въ ея сіятельства приказаніи», написано въ протоколѣ 30 января 1783 года: «Изъ студентовъ приказать, чтобъ понедѣльно одинъ при мнѣ дежурилъ, чтобъ я чрезъ то могла узнать каждаго способности и поведеніе. Должность на первый случай имъ объявляется нижеслѣдующая: являться ко мнѣ въ 8 часовъ поутру, и быть упражнену въ письмѣ, или переводѣ, какъ я прикажу; до 2-хъ часовъ пополудни, да отъ 4-хъ часовъ до 7 приказанные мною ордера разсылать съ вѣстовымъ, и пещись, донесены ли оные въ слѣдующія къ исполненію по онымъ руки. Съ ордеровъ копіи въ то же самое время вносить въ мою канцелярію, а до учрежденія оной, ко мнѣ самой». Этимъ и ограничились всѣ мѣры, принятыя княгиней относительно университета и студентовъ. Въ концѣ директорства княгини Дашковой въ университетѣ осталось всего три студента. Университетъ угасъ... Справедливо мнѣніе Болтина: «Начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежднаго основанія». Но какъ ни несовершененъ былъ этотъ университетъ, у котораго не было почвы въ подготовительной школѣ, нельзя не помянуть его добрымъ словомъ, его заслуга русской наукѣ неоспорима: изъ него вышло немало очень замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ, въ числѣ членовъ россійской академіи много было его питомцевъ, онъ же далъ первыхъ и очень хорошихъ профессоровъ Московскому университету, который былъ, да и теперь остается, однимъ изъ первыхъ хранителей и двигателей русскаго просвѣщенія.

А. Вороздинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И. С. АКСАКОВА.

... «Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей
Могу прибѣжище свободнѣе и краше
Найдти въ природѣ русской и простой»...

Ив. Аксаковъ.

НЕОЖИДАННАЯ кончина Ивана Сергѣевича Аксакова уже успѣла вызвать множество газетныхъ статей съ оцѣнкою публицистической дѣятельности покойнаго и рядъ некрологовъ, въ которыхъ описывались самые главные факты изъ его недолгой жизни. Но въ современной періодической печати, можетъ быть, по недостатку необходимыхъ свѣдѣній или по краткости срока, еще не появилось ни одной статьи съ полными и вѣрными указаніями на постепенное развитіе литературной дѣятельности Аксакова. Такія-то библіографическія извѣстія, на основаніи давно собранныхъ нами матеріаловъ, мы и предлагаемъ въ настоящее время, какъ дань признательности къ памяти замѣчательнаго русскаго писателя.

Первымъ печатнымъ трудомъ И. С. Аксакова оказывается стихотвореніе: «Христофоръ Колумбъ съ пріятелями»; оно появилось въ «Москвитянинѣ» (1845 г., ч. I, стр. 63) съ подписью: «И. А». Конечно, подобная передача историческаго факта въ стихотворной рамкѣ не могла обратить особеннаго вниманія тогдашнихъ критиковъ,—тѣмъ не менѣе, молодой поэтъ, послѣ литературнаго дебюта, усиленно продолжалъ отдаваться своей музѣ: въ томъ же году онъ послалъ П. А. Плетневу уже цѣлую тетрадь сво-

ихъ стихотвореній и просилъ отдать ихъ на просмотръ въ петербургскую цензуру; черезъ годъ Плетневъ возвратилъ рукопись, всю испещренную поправками тогдашняго цензора Очкина [1]). Изъ этой тетради отецъ поэта, извѣстный авторъ «Семейной хроники», отправилъ нѣсколько стихотвореній къ Гоголю и получилъ отъ него изъ Рима (23-го марта 1846 года) слѣдующій любопытный отвѣтъ: «Благодарю васъ много за присылку стиховъ Ивана Сергѣевича. Въ нихъ много таланта, особенно въ первомъ, т. е. въ стихахъ, начинающихся такъ: «Среди удобныхъ и лѣнивыхъ, упорно медленныхъ трудовъ». Я удивляюсь только, почему они лучше послѣднихъ, тогда какъ бы слѣдовало быть послѣднимъ лучше первыхъ: человѣкъ долженъ идти впередъ» [2]). Можетъ быть, такой одобрительный отзывъ автора «Ревизора» заставилъ И. С. продолжать свою поэтическую дѣятельность: въ то время молодой поэтъ выступилъ уже съ нѣсколькими стихотворными трудами въ двухъ книгахъ «Московскаго литературнаго и ученаго сборника» (М., 1846 и 1847 гг.). Въ этомъ изданіи славянофильскаго кружка, ему принадлежали небольшіе стихи, подъ заглавіемъ: «Andante» и «Смотри, толпа людей нахмурившись стоитъ», а въ особомъ приложеніи ко второму тому «Сборника»—«Зимняя дорога» (Licentia poëtica), драматическія сцены въ стихахъ и прозѣ. Послѣднее произведеніе, тогда же изданное отдѣльною брошюрой (М., 1846 г., 32 стр.) и оцѣненное въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1847 г., т. 50, кн. 2, отд. VI, стр. 91—92), представлялось наиболѣе любопытнымъ явленіемъ: оно въ яркихъ, смѣлыхъ для того времени краскахъ обрисовывало незавидный бытъ простаго русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ, точно дорогое ожерелье, блестѣло чудными строфами, какъ, напримѣръ: «Люблю я зимній, красный день...», «Мы любимъ жить чужимъ умомъ...», «Кто слезы льетъ, простерши руки...», «Глядитъ онъ, мраченъ и угрюмъ...», «Съ юныхъ лѣтъ въ тебѣ бывало все раздумью отдано» и мн. друг. Но, вслѣдъ за появленіемъ названнаго труда, въ дѣятельности Аксакова наступаетъ пятилѣтній промежутокъ. Онъ окончился въ 1852 году, когда, подъ редакціей И. С., вышелъ первый томъ «Московскаго Сборника» (М., 1852 года, 427 стр.). На его страницахъ самъ редакторъ помѣстилъ «Нѣсколько словъ о Гоголѣ», небольшое стихотвореніе: «Могучимъ юности призывамъ правдивый выслушай отвѣтъ...» и отрывки изъ очерка въ стихахъ, подъ названіемъ: «Бродяга». Совсѣмъ нѣтъ нужды объяснять высокія достоинства этой послѣдней работы; остается только спросить: кто изъ русскихъ образованныхъ людей, если не по «Сборнику», то по любой учебной христоматіи,

[1]) «Русск. Архивъ», 1877 г., кн. 12, стр. 365 и 372.
[2]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, Спб., 1856 г., т. II, стр. 58.

не зналъ изъ упомянутаго «очерка» слѣдующихъ талантливыхъ отрывковъ: «Сіялъ безоблаченъ сводъ неба голубой»... «Жаръ свалилъ; повѣяла прохлада»... «Всходила ль луна на просторъ голубой»... «Прямая дорога, большая дорога»... «День вечерѣлъ; косая тѣнь ложилась низко и широко»...

За выходомъ названнаго «Московскаго Сборника», снова на три года обрывается литературная дѣятельность Аксакова, и только съ началомъ новаго царствованія она получаетъ болѣе полное развитіе. Прежде всего И. С. принимаетъ живое участіе въ журналѣ «Русская Бесѣда» (1856—1860 г.). Тамъ онъ печатаетъ новыя произведенія своей музы и, какъ самъ называетъ, «стихотворенія прежняго періода», въ слѣдующемъ порядкѣ: «Не дай душѣ твоей забыть»... «Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ», «Добро бъ мечты, добро бы страсти»... (1856 г., кн. 1), «Отвѣтъ А. С. Хомякову» (1857 г., кн. 1), «На 1858 годъ» (1858 г., кн. 1), «Зачѣмъ душа твоя смирна», «Отдыхъ», «Моимъ друзьямъ», «Опять тоска, опять раздоръ» (1859 г., кн. 5), «Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово»... (кн. 6), «На встрѣчу вѣщаго пророка» (1860 г., кн. 1). Эти-то стихотворенія тогда же вызвали изъ-подъ пера гр. А. К. Толстаго извѣстное «Посланіе И. С. Аксакову» (Русск. Бесѣда, 1859 г., кн. 2, стр. 6—7),—то посланіе, въ которомъ авторъ сдѣлалъ такое мѣткое признаніе:

...«Всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ»...

Одновременно съ перечисленными стихотвореніями стали появляться и первые публицистическіе труды Аксакова. Такъ, на страницахъ «Русской Бесѣды», помѣстились двѣ статьи: «Украинскія ярмарки» и «О ремесленномъ союзѣ въ Ярославской губерніи» (1858 г., кн. 2); на листахъ «Московскихъ Вѣдомостей» показалась интересная «Замѣтка на статью кн. Черкасскаго: Нѣкоторыя общія черты будущаго сельскаго управленія» (1858 г., № 130); наконецъ, отдѣльно вышло «Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ» (Спб., 1858 г., 383 стр.), удостоенное Демидовской преміи и большой Константиновской медали. Этого мало: вмѣстѣ съ поэзіей и публицистикой И. С. умѣлъ совмѣстить и хлопотливыя обязанности редактора. Онъ втеченіе двухъ лѣтъ (1858—1859 г.) неоффиціально редактировалъ «Русскую Бесѣду», а въ 1859 году основалъ свой первый публицистическій органъ—еженедѣльную газету: «Парусъ», куда, по объясненіямъ издателя, «главнымъ образомъ должны были войдти статьи, касающіяся вопросовъ современной русской дѣйствительности въ народной общественной жизни, и различныя извѣстія изъ губерній и славянскихъ

земель». Но едва редакція выпустила второй нумеръ, какъ газета была пріостановлена за «обозрѣніе событій» и стихи самого издателя.

Неудача перваго журнальнаго предпріятія не охладила И. С. Аксакова. Съ осени 1861 года онъ уже задумалъ издавать новую еженедѣльную газету: «День», по слѣдующей программѣ: 1) московская лѣтопись; 2) отдѣлъ литературный; 3) областныя вѣсти и корреспонденціи; 4) отдѣлъ славянскій; 5) обозрѣніе русской журналистики и разборъ замѣчательныхъ книгъ; 6) смѣсь. Первый нумеръ этой газеты вышелъ 15-го октября 1861 года. Затѣмъ изданіе безъ перерыва шло до іюля слѣдующаго года, когда тридцать четвертый выпускъ вызвалъ временную пріостановку. Только съ октября 1862 года снова появился «День» и уже — употребимъ сравненіе — «безъ затмѣній продолжалъ свѣтить» до 1866 года. Во все время изданія самъ редакторъ, кромѣ замѣчательныхъ статей о «польскомъ вопросѣ» и «славянскихъ дѣлахъ», помѣстилъ въ своей газетѣ большое количество публицистическихъ трудовъ, изъ которыхъ особенно выдались слѣдующіе: «О цензѣ» (1862 г., № 19), «Два голоса изъ Бѣлоруссіи о Западной Руси» (№ 20), «О преобразованіи цензуры» (№ 25 и 26), «О Кириллѣ и Меѳодіи» (№ 29), «По поводу проектируемыхъ законовъ о книгопечатаніи» (№ 32 и 34), «По поводу адреса 300 польскихъ помѣщиковъ къ русскому правительству о включеніи въ составъ Польши: Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи» (№ 40), «Договоръ Порты съ Черногоріей» (№№ 41, 43 и 44), «О судебной реформѣ» (№ 42 и 44) и «По поводу заявленія московскихъ студентовъ» (1863 г., № 23). При такой горячей, неустанной работѣ для газеты, издатель «Дня» еще нашелъ досугъ напечатать статью подъ заглавіемъ: «11-е мая 1862 года въ Москвѣ» (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, М., 1865 г.), а также редактировать «Семейную хронику» своего отца[1]), первый томъ «Полнаго собранія сочиненій» своего брата К. С. Аксакова (М., 1861 г.) и первую часть «Полнаго собранія сочиненій» А. С. Хомякова. (М., 1861 г.).

Подобная же оживленная дѣятельность Аксакова обнаружилась даже и послѣ прекращенія «Дня». Едва прошелъ 1866 годъ, когда И. С. напечаталъ только «Краткую записку о странникахъ или бѣгунахъ» (Русск. Архивъ, 1866 г., кн. 3), какъ онъ предпринялъ редактированіе двухъ ежедневныхъ газетъ, сначала «Москвы», а потомъ «Москвича» (1868—1868 г.). Но эти періодическія изданія существовали слишкомъ недолго и прекратились

---

[1]) Это — третье изданіе (М., 1862 г.). Два же первыя изданія (М., 1856 и 1859 г.) выпущены самимъ С. Т. Аксаковымъ.

не по винѣ редактора или по недостатку подписчиковъ... Послѣ того болѣе десяти лѣтъ Аксаковъ не выступалъ на журнальную арену, какъ самостоятельный издатель, но продолжалъ являться въ русской печати со своими трудами. Въ это время онъ, главнымъ образомъ, участвовалъ въ «Русскомъ Архивѣ». Тамъ съ его именемъ помѣщены слѣдующія статьи или сообщенія:

«Письмо къ издателю о славянофилахъ» (1873 г., кн. 2).

«Два письма кн. А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову о литературѣ и театрѣ». (Тамъ же).

«Неизданное стихотвореніе графини Е. П. Ростопчиной, 1856 года, во время коронаціи» (1874 г., кн. 1).

«Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ», біографическая статья (1874 г., кн. 10 и отдѣльною брошюрой: М., 1874 г.).

«Жалоба крестьянъ Тамбовскаго намѣстничества Екатеринѣ Второй» (1875 г., книга 3).

«Стихотвореніе А. П. Елагиной» (1877 г., кн. 2).

«Өедоръ Васильевичъ Чижовъ», воспоминанія (1878 г., кн. 2).

Тогда же, одновременно съ участіемъ въ «Русскомъ Архивѣ», И. С. проявилъ необыкновенно энергическую дѣятельность въ славянскомъ благотворительномъ Обществѣ: кромѣ сбора пожертвованій на помощь славянамъ и заботъ о добровольцахъ, онъ и своимъ живымъ словомъ успѣлъ возбудить въ русскомъ обществѣ бо́льшее вниманіе къ положенію дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Всѣмъ, конечно, еще памятна его знаменитая рѣчь относительно восточнаго вопроса, произнесенная въ октябрѣ 1876 года. Эта рѣчь тогда же появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но въ болѣе полномъ видѣ, на сколько намъ извѣстно, напечатана на англійскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Condenset Speech of mr. Ivan Aksakoff» (London, 1877).

Наконецъ, послѣднія шесть лѣтъ (съ 1880 по январь 1886 года) И. С. Аксаковъ отмѣтилъ прекрасною «Рѣчью при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину» (Русск. Арх., 1880 г., кн. 2) и изданіемъ газеты «Русь». Этотъ предсмертный органъ Аксакова, начатый изданіемъ 15-го ноября 1880 года, безъ всякихъ замедленій выходилъ до 1-го марта 1885 года, затѣмъ, по случаю болѣзни редактора, онъ не выпускался до прошлаго августа, а вовобновленный съ осени, прекратился вмѣстѣ съ жизнью своего основателя... На страницахъ своей новой газеты И. С. попрежнему выступилъ и какъ замѣчательный публицистъ, и какъ симпатичный русскій поэтъ. Если о первомъ его талантѣ ярко свидѣтельствуютъ, конечно, незабытыя статьи: «По поводу 1-го марта 1881 года», «О собраніи свѣдущихъ людей», «О Кохановской коммиссіи», «О послѣднихъ событіяхъ въ Сербіи и Болгаріи», то о второмъ его дарованіи, привлекательномъ и свѣжемъ по чувству, ясно говорятъ такія стихотворенія, какъ, напримѣръ: «Варварино»

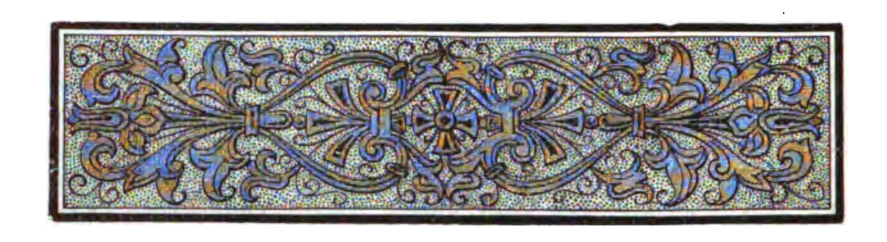
и «29-е ноября 1878 года» (1880 г., № 4). «Ночь» (1884 г., № 1) и мног. друг.

Изъ представленной библіографической замѣтки нетрудно убѣдиться, что покойный И. С. наиболѣе составилъ себѣ почетное имя, какъ публицистъ и поэтъ. Поэтому намъ кажется необходимымъ для образованныхъ читателей и вполнѣ достойнымъ памяти Аксакова появленіе «Сборника» съ его публицистическими статьями и всѣми стихотвореніями: вѣдь въ нихъ слышны, по словамъ уже названнаго поэта:

«..... гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ»....

Дмитрій Языковъ.

МОГИЛА ГОГОЛЯ.

Въ ТЕКУЩЕМЪ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнится пятидесятилѣтняя годовщина постановки на сцену лучшей русской комедіи послѣ «Горя отъ ума» — «Ревизора». Нашъ постоянный сотрудникъ Д. Д. Языковъ обѣщалъ доставить намъ, по этому поводу, статью подъ заглавіемъ: «Ревизоръ на сценѣ и въ литературѣ», но, къ сожалѣнію, статья его, потребовавшая многочисленныхъ справокъ, не могла быть окончена ко времени выхода апрѣльской книжки «Историческаго Вѣстника» и появится въ майской книжкѣ. Вслѣдствіе этого, мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ напоминаніемъ объ авторѣ «Ревизора».

Со смерти Гоголя прошло тридцать четыре года, — срокъ достаточный для того, чтобы собраться съ силами и воздать должное великому писателю. А между тѣмъ, на памятникъ ему собрано до сихъ поръ всего только тринадцать тысячъ! Грустно становится за общество, относящееся съ такимъ равнодушіемъ къ людямъ, которые составляютъ гордость нашей родины и имя которыхъ должно быть незабвенно въ памяти каждаго истинно-русскаго человѣка. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, хоть то, что теперь мы умѣемъ хоронить нашихъ выдающихся писателей и никто намъ не мѣшаетъ описывать ихъ похороны во всѣхъ подробностяхъ. Не такъ было тридцать четыре года тому назадъ. О смерти и похоронахъ великаго русскаго юмориста въ газетахъ того времени сохранились только короткіе оффиціальные отзывы. Да оно и не могло быть иначе, если за нѣсколько теплыхъ словъ о безвре-

менной утратѣ писателя, — Тургенева посадили на гауптвахту. Только спустя нѣсколько лѣтъ, стали появляться извѣстія о послѣднихъ дняхъ Гоголя. На похоронахъ его было много народу, но похороны эти были, всетаки, оффиціальныя. Тѣло его, какъ почетнаго члена Московскаго университета, было перенесено въ университетскую церковь. Хоронили его въ воскресенье, 24-го февраля 1852 года, на второй недѣлѣ поста, въ присутствіи московскаго градоначальника, попечителя учебнаго округа и другихъ оффиціальныхъ лицъ. Профессора университета вынесли гробъ изъ церкви; студенты несли его до самаго Данилова монастыря. Въ народѣ говорили, что писатель умеръ отъ того, что не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ, другіе утверждали, что онъ преднамѣренно уморилъ себя голодомъ; иные толковали, что онъ давно уже былъ помѣшанъ. Слухи эти проникли и въ печать. Что послѣдніе годы своей жизни онъ находился въ ненормальномъ положеніи, это доказываютъ свѣдѣнія, сохранившіяся о немъ у его друзей. Думаемъ, что нелишнимъ будетъ если мы сгруппируемъ эти свѣдѣнія, разсѣянныя въ воспоминаніяхъ его современниковъ и, можетъ быть, не всѣмъ извѣстныя.

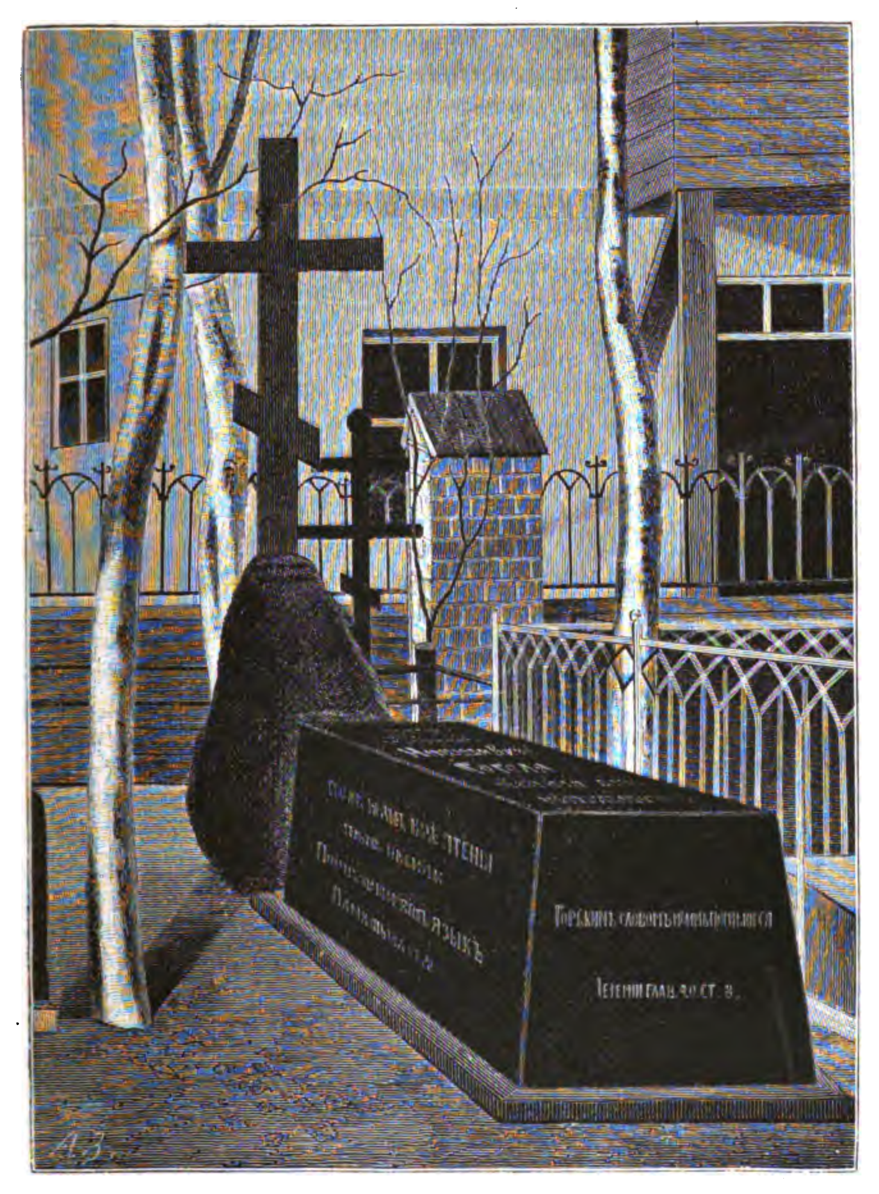
Переворотъ въ настроеніи Гоголя произошелъ въ 1845 году. Желая поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ, государь назначилъ ему пенсію по тысячѣ рублей въ годъ, втеченіе трехъ лѣтъ. Гоголь отправился путешествовать по Европѣ, въ Россіи перенесъ жестокую болѣзнь и сталъ собираться въ Іерусалимъ. Публика ждала отъ него второй части «Мертвыхъ душъ», а онъ преподнесъ ей «Переписку съ друзьями». Онъ называлъ ее «дѣломъ жизни», почитатели его таланта отвернулись отъ него, «рѣзко отозвались о его книгѣ». Это поразило самолюбиваго автора, и на зло тѣмъ, кто восхищался его произведеніями, онъ самъ сталъ унижать ихъ. Вернувшись въ Москву изъ Іерусалима, онъ велъ жизнь нелюдима и, являясь въ кругу старыхъ пріятелей, обыкновенно молчалъ и не принималъ участія въ разговорахъ. Чаще всего онъ бывалъ у Аксаковыхъ. Когда ему случалось говорить, онъ выражался не съ прежнимъ юморомъ и добродушіемъ, а принималъ догматическій тонъ проповѣдника, исполненнаго къ самому себѣ глубокаго уваженія. Въ началѣ 1852 года, онъ еще не думалъ о своей смерти, былъ совершенно здоровъ и говорилъ, что чувствуетъ только слабость физическихъ силъ, какъ самъ говорилъ Бодянскому, за девять дней до масляницы. Въ это время его сильно поразила смерть женщины, къ которой онъ былъ сильно привязанъ—жены Хомякова, сестры поэта Языкова. Она умерла, прохворавъ всего нѣсколько дней, и Гоголь почувствовалъ, что самъ боленъ тою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его: именно, что на него «нашелъ страхъ смерти», какъ онъ признавался своему духовнику. Тотъ успокоилъ его, сколько могъ, но Гоголь явился къ нему во вторникъ на масля-

ницѣ и объявилъ, что говѣетъ на этой недѣлѣ, что это такъ нужно. Уже нѣсколько дней питался онъ одной просвирою, уклоняясь подъ разными предлогами отъ болѣе сытной пищи. Со дня смерти Хомяковой онъ проводилъ всѣ ночи въ молитвѣ, безъ сна. Въ четвергъ на масляницѣ исповѣдывался и причащался. Въ ночь съ пятницы на субботу онъ разбудилъ своего слугу Семена, сказалъ ему, что слышалъ голоса, говорившіе, что онъ умретъ и послалъ Семена—просить священника соборовать масломъ умирающаго. Священникъ нашелъ его въ болѣе спокойномъ духѣ. Гоголь отложилъ соборованіе и утромъ поѣхалъ къ Хомякову утѣшать его въ потерѣ жены. Всю первую недѣлю поста онъ ходилъ въ церковь. Но въ понедѣльникъ онъ пригласилъ къ себѣ графа Толстаго, у котораго жилъ, и просилъ принять на сохраненіе бумаги съ тѣмъ, чтобы по смерти отвезти ихъ къ одному духовному лицу и просить совѣта, что напечатать и что оставить въ рукописи. Графъ Толстой отказался принять бумаги, чтобы не показать больному, что считаетъ его положеніе безнадежнымъ. Этотъ отказъ имѣлъ ужасныя послѣдствія. Подъ вліяніемъ фанатическихъ мыслей, Гоголь счелъ свои произведенія вредными для ближнихъ. Въ ночь на вторникъ, въ три часа, разбудилъ онъ Семена и велѣлъ ему идти за нимъ въ кабинетъ, а самъ зажегъ свѣчу и надѣлъ теплый плащъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую онъ проходилъ, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ онъ велѣлъ открыть трубу, взялъ изъ портфеля бумаги, велѣлъ свернуть ихъ въ трубку, завязать тесемкой и положить въ каминъ, потомъ самъ зажегъ бумаги, крестясь и читая молитву, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Потомъ онъ горько заплакалъ и, вернувшись въ спальню, легъ въ постель, продолжая плакать. На другой день онъ объявилъ Толстому о томъ, что сдѣлалъ, раскаявался, жалѣлъ, что отъ него не взяли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа. Съ тѣхъ поръ онъ впалъ въ мрачное уныніе, не принималъ къ себѣ друзей, и тѣхъ, кого допускалъ на нѣсколько минутъ, просилъ поскорѣе удалиться. На всѣ убѣжденія—принять лекарства, отвѣчалъ, что они ему не помогутъ. Такъ прошла первая недѣля поста и половина второй. Онъ все молчалъ, молился, не принималъ пищи, но писалъ хотя и дрожащимъ почеркомъ евангельскіе тексты и молитвы. Въ понедѣльникъ второй недѣли онъ причастился, держа въ рукѣ свѣчу и плача; во вторникъ ему было легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой нервической горячки, и утромъ въ четвергъ 21-го февраля его не стало...

Таковъ былъ, безъ всякихъ легендъ и преувеличеній, конецъ нашего великаго писателя. Такимъ путемъ пришелъ онъ на 44 году къ безвременной могилѣ.

Московскій художникъ Василій Александровичъ Евдокимовъ-Розанцовъ любезно передалъ въ наше распоряженіе сдѣланный имъ

рисунокъ могилы Гоголя. Воспроизводя этотъ рисунокъ въ точной копіи, присоединяемъ къ нему и описаніе могилы, сообщенное намъ также г. Розанцовымъ.

Могила Гоголя.

Въ Москвѣ, въ стѣнахъ Данилова монастыря, войдя монастырскими воротами и взявъ налѣво, между церковію св. Даніила и кельями, находится могила Н. В. Гоголя.

На могилѣ памятникъ (какъ видно изъ предлагаемаго рисунка) отличается большою простотою и отсутствіемъ ненужныхъ украшеній; но онъ нелишенъ нѣкоторой величественности, какъ бы характеризуя тѣмъ духъ, почивающаго здѣсь, великаго писателя.

Памятникъ состоитъ изъ двухъ частей:

1) Стоящій въ возглавіи самородокъ—камень, въ которомъ водруженъ большой мѣдный крестъ. На камнѣ надпись славянскими буквами:

„Ей гряди Господи Іисусе!

Апокалипс. гл. КВ, ст. К."

2) Черная мраморная плита, лежащая на базисѣ изъ сѣраго гранита. На ней гражданскими буквами высѣчены надписи, на верхней лицевой сторонѣ:

«Здѣсь
Погребено тѣло
Николая Васильевича
Гоголя.
Родился 19 марта 1809 года.
Скончался 21 февраля 1852 года».

На малой сторонѣ плиты, обращенной къ зрителю:

«Горькимъ словомъ моимъ посмѣются.
Іереміи глав. 20, ст. 8».

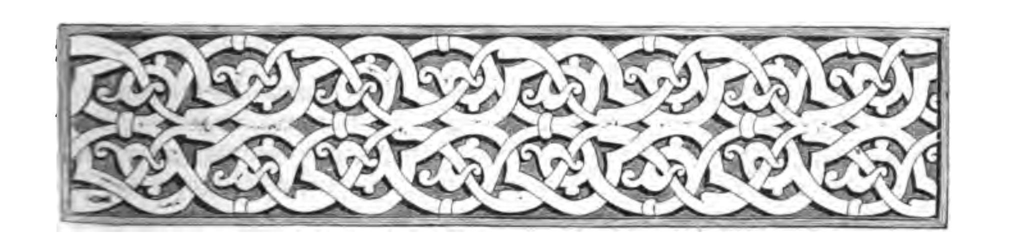
На большой боковой сторонѣ плиты къ зрителю:

«Мужъ разумивый престолъ чувствія.
Притчей гл. 12, ст. 23.
«Правда возвышаетъ языкъ.
Притчей гл. 14, ст. 34».

На большой боковой сторонѣ плиты, скрытой отъ зрителя (къ рѣшеткѣ):

«Истиннымъ же оуста исполнить смѣха,
о устнѣ же ихъ исповѣданія.
Іова гл. 8, ст. 21».

ПОМОРЪ-ФИЛОСОФЪ.

ОСМАТРИВАЯ, въ мартѣ 1885 года, собраніе славяно-русскихъ рукописей [1]) Андрея Александровича Титова, въ Ростовѣ (Ярославской губерніи), я невольно остановился передъ изображеніемъ масляными красками почтеннаго старца, представленнаго на полотнѣ въ простой избѣ съ необыкновенною обстановкою.

— Кто это?—спросилъ я у моего руководителя.

— Прочтите подпись подъ портретомъ.

«Се мудрый философъ и правой вѣры членъ:
Андрей Денисовъ сей отвѣтами почтенъ».

— Знаменитый основатель Поморской обители на рѣкѣ Выгѣ, составитель «Поморскихъ» отвѣтовъ на вопросы іеромонаха Неофита?

— Такъ точно. Обратившее на себя ваше вниманіе, изображеніе Андрея Денисова составляетъ точную копію съ подобной же

---

[1]) Въ этомъ собраніи, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, насчитывается въ настоящее время болѣе 3,000 рукописей. Въ двухъ первыхъ выпускахъ (1881 и 1884) «Охраннаго каталога славяно-русскихъ лѣтописей А. А. Титова» перечислены, съ краткими указаніями, 1,680 рукописей. Это собраніе, на которое г. Титовымъ употреблено немало труда и за которое переплачено имъ много денегъ, хранится для большей безопасности въ кладовой, подъ сводами, въ стѣнѣ Ростовскаго кремля, нанимаемой г. Титовымъ. Въ 1885 году, ученый іеромонахъ Троицко-Сергіевой лавры, Леонидъ, приступилъ къ подробному описанію собранія рукописей г. Титова. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ его рукописей находится знаменитый «Греко-славяно-россійскій словарь» Епифанія Славинецкаго, дидаскала XVII вѣка, бывшаго справщикомъ книгъ Печатнаго Двора. Рукопись эта тщательнаго письма, близкаго къ печатному, едва ли не писана самимъ Епифаніемъ на 1320 листахъ, каждый листъ въ два столбца крайне убористаго, мелкаго почерка.

картины, полученной изъ одного поморскаго скита. Подлинникъ исполненъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Почти у каждаго поморца можно найдти въ домѣ подобное изображеніе, которое почитается ими какъ икона. Хотя поморцы пишутъ Андрея Денисова безъ вѣнца, но имѣютъ къ нему особенное почтеніе, а нѣкоторые изъ нихъ почитаютъ его даже за святаго и молятся на его изображеніе.

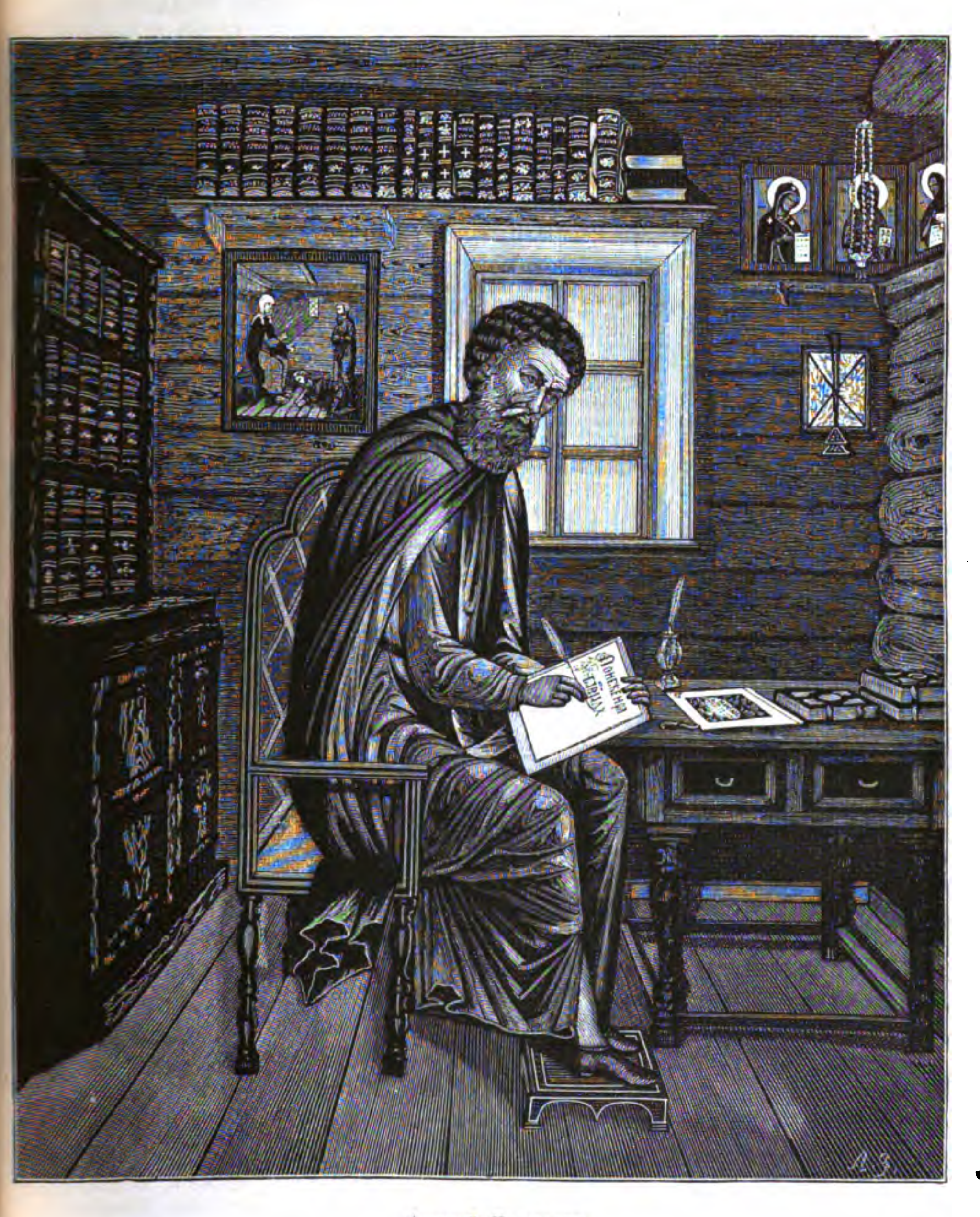
Краткія свѣдѣнія объ Андреѣ Денисовѣ можно найдти въ словарѣ митрополита Евгенія (изданія Погодина, 1845 г.), въ «Историческомъ словарѣ старовѣрческой школы Павла Онуфріева Любопытнаго» («собраннаго» имъ въ Петербургѣ, въ 1828—1829 г.) и въ сдѣлавшейся нынѣ довольно рѣдкою книгѣ, имѣющей слѣдующее длинное заглавіе: «Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сошествія Святаго Духа, что̀ на Большо̀й Охотѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ» [1]). Сверхъ того, А. А. Титовъ далъ мнѣ, для пополненія біографическихъ данныхъ объ Андреѣ Денисовѣ, находящуюся въ его собраніи рукопись подъ № 2,489, автора-поморца, написавшаго «Житіе и жизнь премудраго древняго благочестія учителя, блаженнаго отца Андрея Діонисіевича, иже тридо подвижнѣ написа за древнее святое благочестіе преславныя книги отвѣтвенныя, едину противъ нижегородскаго епископа Питирима, другую же противъ вопросовъ присланнаго отъ синода іеромонаха Неофита» [2]).

Андрей Денисовъ хотя и родился, по словамъ митрополита Евгенія, въ селѣ Повѣнцѣ (нынѣ городѣ) Олонецкой губерніи, отъ простолюдина Діонисія, однако послѣдній происходилъ изъ рода князей Мышецкихъ, какъ свидѣтельствуютъ: Павелъ Любопытный, протоіерей Іоанновъ и неизвѣстный авторъ поморской рукописи. Во время смутъ, терзавшихъ Россію въ самомъ началѣ семнадцатаго столѣтія, особенно во времена самозванцевъ, многіе достаточные, именитые люди побросали свои родныя мѣста и скрывались, гдѣ только могли. Въ числѣ ихъ оказался одинъ изъ новгородскихъ помѣщиковъ, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій, который, при царѣ Василіи Шуйскомъ, оставивъ свои вотчины, ушелъ въ Заонежскую поморскую область, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ, скрылся тамъ и умеръ въ монашествѣ, въ «лѣсожитель-

---

[1]) Изданіе третье (С.-Петербургъ, при императорской Академіи Наукъ 1799 года), съ нѣсколькими гравированными изображеніями поморцевъ, поповщинскихъ чернецовъ, черницъ и проч. Протоіерей Іоанновъ, до соединенія съ православною церковью, принадлежалъ, по его словамъ, къ безпоповщинѣ.

[2]) Въ библіотекѣ графа Уварова, въ Порѣчьѣ, имѣется тотъ же самый списокъ объ Андреѣ Денисовѣ, но исполненный ранѣе даннаго мнѣ А. А. Титовымъ. Въ послѣднемъ спискѣ 410 страницъ убористаго письма.

Андрей Денисовъ.

Съ стариннаго портрета масляными красками, принадлежащаго А. А. Титову.

номъ сельцѣ, называемомъ Пудожская Гора». Главною причиною бѣгства князя Бориса Мышецкаго было нежеланіе его цѣловать «крестъ за чужеземныхъ кралей». Сынъ его, князь Иванъ Борисовичъ, былъ первоначально священникомъ, а скончался инокомъ подъ именемъ Іоны. Дѣти его, Порфирій (священникъ) и Евстахій, поселились уже въ селѣ Повѣнцѣ, бывшемъ тогда убогимъ еще мѣстомъ жительства. Сынъ Порфирія, Яковъ, не смотря на свое княжеское происхожденіе, воспитавъ своихъ дѣтей Прокофія и Діонисія въ невѣжествѣ, сдѣлалъ изъ нихъ какъ бы крестьянъ. У Прокофія былъ сынъ Петръ, а у Діонисія сыновья Андрей и Семенъ. По воспитанію и образу жизни Діонисія, митрополитъ Евгеній и назвалъ отца Андрея Денисова простолюдиномъ. Въ нихъ выродилась одна отрасль стариннаго дома князей Мышецкихъ, потому что почти одновременно на Олонцѣ былъ воеводою князь Терентій Васильевичъ Мышецкій. Вообще вымираніе многочисленнаго рода князей Мышецкихъ совершилось преимущественно переходомъ ихъ въ мелкопомѣстные дворяне, въ однодворцы, крестьяне.

Выходъ князей Мышецкихъ изъ новгородскихъ своихъ вотчинъ и поселеніе ихъ въ пустынномъ, лѣсистомъ Олонецкомъ краѣ, гдѣ они дѣлались священниками и иноками, а потомки ихъ учителями и распространителями раскола, не составляетъ единичнаго или исключительнаго факта въ исторіи нашего дворянства. Изъ смоленскихъ вотчинъ, напримѣръ, бѣжали въ заволжскіе лѣса нынѣшняго Семеновскаго уѣзда Салтыковы и Потемкины и основали тамъ свой скитъ, отъ котораго нынѣ остались только двѣнадцать надгробныхъ камней, на урочищѣ, прозванномъ «Смольяны». Въ XVIII столѣтіи, въ Комаровскомъ скиту, въ томъ же уѣздѣ, княжною Болховскою была основана обитель Бояркина, названная такъ потому, что была основана боярынею и первоначально состояла только изъ боярышенъ. Въ Оленевскомъ скиту одна обитель была основана родственницею св. Филиппа митрополита, Анфисою Колычевою. Галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, со своею племянницею, Ѳедосьею Ѳедоровною Сухониною, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, основали на рѣкѣ Козленецъ Улангерскій скитъ [1]). Всѣ эти скиты были старообрядческіе.

Діонисій, женатый на Марьѣ, жилъ у Повѣнца, на берегу Онежскаго озера и скончался въ глубокой старости, девяноста лѣтъ отъ роду. Митрополитъ Евгеній относитъ рожденіе его сына Андрея къ 1675 году, а Павелъ Любопытный къ 1674 году. Это было время скопленія въ архангельскихъ и олонецкихъ лѣсахъ непокорныхъ раскольниковъ, которые скрывались въ нихъ отшельниками въ пустынныхъ мѣстахъ, или соединялись вмѣстѣ на жительство въ скиты. Авторъ поморской рукописи называетъ родите-

---

[1]) См. «Въ лѣсахъ», Андрея Печерскаго, ч. II, стр. 5.

лей Андрея Денисова «честными», а самого Діонисія «благоразумнымъ мужемъ». Родители и воспитали своего сына «не только бо млекомъ елико молитвами, не только хлѣбомъ, елико молебными прошеніями». Крестилъ Андрея отецъ Игнатій Соловецкій, подвизавшійся въ то время близъ Повѣнца. По словамъ поморскаго лѣтописца, Игнатій Соловецкій крестилъ «первѣе блаженнаго Андрея, послѣди же и родителя его кpести», такъ какъ «Господь Богъ не допустилъ, чтобы такой свѣтильникъ и церковный учитель, да и родители его были бы лишены древлеправославнаго благовѣрія». Велеумный Андрей,—повѣствуетъ далѣе лѣтописецъ—росъ тѣломъ, преуспѣвалъ мудростью, имѣлъ нравъ добрый и житіе его было украшено добродѣтелью; воздерживался присно отъ дѣтскихъ глумленій, оставался благоразумнымъ и въ повиновеніи родителямъ. Андрей увлекался къ книжному ученію, почему родители и дали ему въ поученіе святыя книги. Дѣйствительно мальчикъ оказался разумнымъ и острымъ не по лѣтамъ. Онъ день и ночь проводилъ надъ данными ему книгами, такъ что пяти лѣтъ отъ роду зналъ «всѣ книги до конца читать и писать».

Подъ вліяніемъ среды, окружавшей Андрея Денисова въ его родительскомъ домѣ, преисполненной ненависти и злобы къ порядкамъ, исходившимъ изъ Москвы, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о ссылкѣ епископа Павла Коломенскаго въ Палеостровскій монастырь, о разгромѣ гнѣзда раскола въ Соловецкомъ монастырѣ, о добровольномъ самосожженіи въ Заонежскомъ краю нѣсколькихъ тысячъ людей, не желавшихъ покориться никоновскимъ новшествамъ,— нѣтъ ничего удивительнаго, что, одаренный отъ природы недюжинными дарованіями, молодой Андрей Денисовъ, при своемъ меланхолическомъ и угрюмомъ характерѣ, предпочелъ уйдти въ олонецкіе лѣса и посвятить себя отшельнической жизни. Намѣреніе свое онъ исполнилъ, въ декабрѣ 1692 года, слѣдовательно на восемнадцатомъ году жизни, для чего и ушелъ изъ дома отца съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Бѣлоутовымъ. Всю зиму они бродили по лѣсамъ, а весною, избравъ мѣсто между двумя озерами, Тагомъ и Бѣлымъ, устроили себѣ тамъ келію при одномъ ручьѣ. Оставленіе Андреемъ Денисовымъ родительскаго дома и удаленіе его въ пустынножительство еще болѣе сблизило его съ отшельниками, уединившимися въ олонецкихъ лѣсахъ. Особенно обратилъ на него вниманіе Даніилъ Викуличъ, бывшій до тридцатилѣтняго своего возроста дьячкомъ въ Шунскомъ и другихъ новгородскихъ погостахъ. Послѣ своего пребыванія на Поморьѣ, въ Архангельской губерніи, Даніилъ Викуличъ, по совѣту соловецкихъ и иныхъ старцевъ и отшельниковъ, основалъ, въ 1684 году, на рѣкѣ Выгѣ Боровскую пустынь. Въ эту пустынь Даніилъ Викуличъ и переманилъ Андрея Денисова. Ихъ соединеніе имѣло послѣдствіемъ тѣснѣйшее сближеніе съ другими пустынниками, жив-

шими на Выгѣ, Захаріемъ и наиболѣе всѣми уважаемымъ въ то время отцомъ Корниліемъ, изъ Ниловой пустыни, который побудилъ ихъ всѣхъ поселиться въ одномъ мѣстѣ для общежитія. По словамъ поморскаго лѣтописца, «отпуская ихъ, святый старецъ (т. е. Корнилій) глаголалъ: къ Даніилу, ты да будешъ собранному тобою стаду щедрый отецъ и настоятель; Андрею же рѣче: ты буди имъ судія и учитель». Это общежитіе учреждено было, въ 1695 году, въ осень послѣ Покрова Богородицы. Такимъ образомъ[1]) основался знаменитый у поморцевъ Выгорѣцкій скитъ для мужчинъ и женщинъ. Побывавши, между тѣмъ, въ родительскомъ домѣ, Андрей Денисовъ сманилъ къ иноческой жизни двадцатилѣтнюю сестру свою, Соломонію, которая умерла въ 1735 году настоятельницею женскаго скита на рѣкѣ Лексѣ, основаннаго ея братомъ въ 1705 году, въ двадцати верстахъ отъ Выгорѣцкаго или Выговскаго скита, гдѣ мужскія и женскія кельи были раздѣлены только деревянною стѣною. Отецъ Андрея, Діонисій, узнавъ объ уходѣ дочери, сильно разгнѣвался на сына, но въ 1697 году не только примирился съ нимъ, но и переселился къ нему, въ монастырь, на жительство съ женою и со всѣми дѣтьми. Въ этомъ же году, въ Выговскій скитъ пришелъ изъ Соловецкаго монастыря монахъ Пафнутій, который началъ постригать мужчинъ и женщинъ въ монашество, устроилъ надлежащимъ образомъ весь монастырскій чинъ и завелъ школы для обученія, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, чтенію, пѣнію и письму. До отдѣленія женскаго скита отъ мужскаго, въ 1706 году [2]), въ Выговскомъ монастырѣ жило до 150 иноковъ и инокинь, сверхъ другихъ людей, поселившихся около отшельниковъ.

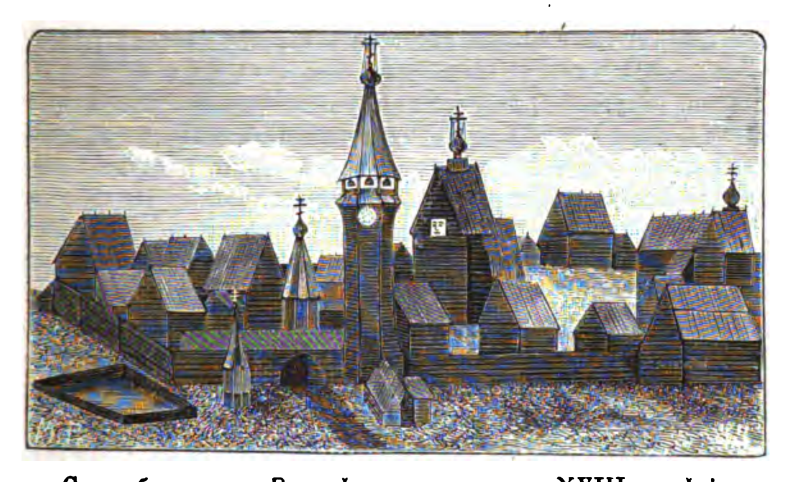
Важнымъ событіемъ въ исторіи Выговскаго скита, упрочившимъ его существованіе, было посѣщеніе его императоромъ Петромъ Великимъ, въ 1702 году. Бывая на Петровскихъ заводахъ въ Олонецкомъ краѣ, императоръ заѣхалъ въ Выговскій скитъ, разрѣшилъ его жителямъ свободно исповѣдывать свою вѣру, но только приказалъ приписать ихъ къ работамъ на Повѣнецкихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, которые тогда имъ созидались. Почему же выговскимъ поморцамъ императоръ Петръ оказалъ подобное снисхожденіе, когда съ его же вѣдома епископъ Питиримъ огнемъ и мечемъ уничтожалъ расколъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ? Поморцы объясняютъ это недоумѣніе связями Андрея Денисова не только съ вельможами, бывшими близкими ко двору, но и покровительствомъ, которое ему при дворѣ оказывали, по его происхож-

---

[1]) Въ 800 верстахъ отъ Новгорода, въ 40 верстахъ къ востоку отъ Онежскаго озера, при впаденіи рѣчки Сосновки въ рѣку Выгъ.

[2]) По поморскому лѣтописцу; по митрополиту Евгенію въ 1705 году, въ которомъ году скончался Діонисій, отецъ Андрея.

денію отъ князей Мышецкихъ. Сверхъ того, по ихъ словамъ, Андрей Денисовъ былъ лично извѣстенъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, которая вела съ нимъ переписку, такъ что въ Выгорѣцкомъ монастырѣ [1]) сохранялись ея собственноручныя къ нему письма. Но такія сношенія одного изъ настоятелей Выгорѣцкаго монастыря съ царевною, бывшею уже въ опалѣ при его посѣщеніи императоромъ Петромъ, скорѣе имѣли бы совершенно иной результатъ для монастыря, чѣмъ то благоволеніе или снисхожденіе, которое оказано ему было государемъ. Скорѣе можно предполагать, что Петръ Великій, любившій умныхъ русскихъ людей, къ какому сословію они ни принадлежали бы, увлеченъ былъ своими бесѣдами съ развитымъ и начитаннымъ Андреемъ Денисовымъ [2]). Несомнѣненъ, однако,

Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

тотъ историческій фактъ, что Андрей Денисовъ толковалъ псалтирь царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, причемъ присутствовала обыкновенно ея дочь, Анна Іоанновна, которая и вспомнила объ Андреѣ Денисовѣ, когда сдѣлалась императрицею. Митрополитъ Евгеній слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его нравственную сторону: «Одаренный отъ природы проницательнымъ умомъ и способностью слова и пріобрѣвъ прилежнымъ чтеніемъ книгъ обширныя свѣдѣнія въ древностяхъ россійской церкви, онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ только знанія правилъ грамматики, логики и рито-

[1]) См. «Полное историческое извѣстіе», протоіерея Іоаннова, стр. 115.

[2]) Начальникъ олонецкихъ горныхъ заводовъ, Гейнингъ, былъ также благосклонно расположенъ къ Выгорѣцкому монастырю и, по его ходатайству передъ Петромъ I, Даніилъ Викуличъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи.

рики. Но въ Москвѣ и въ Кіевѣ онъ нашелъ себѣ учителей въ этихъ наукахъ и самъ сталъ сочинять и говорить въ скитахъ краснорѣчивыя поученія. Послѣ чтенія въ собраніи бесѣдъ св. отцовъ, онъ присовокуплялъ иногда и свои сладкорѣчивыя словоученія. Онъ выучилъ этимъ наукамъ брата своего Симеона, уставщика (экклесіарха) Петра Прокофьева и другихъ, которые всѣ помогали ему въ сочиненіи расколоучительныхъ тетрадокъ, разсылавшихся къ единомышленникамъ по всей Россіи».

Гораздо восторженнѣе отзывается объ Андреѣ Денисовѣ Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ. Онъ говоритъ, что это былъ «поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твердаго духа и дивной памяти, примѣрной добродѣтели, первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украситель церковнаго благолѣпія, славный писатель и строгій дѣятель нравственности, первый и единственный побѣдитель бывшей бури и лютаго никоніасма, твердый признатель вѣчности брачнаго бытія въ Христовой [1]) церкви. Онъ, будучи знатный политикъ, былъ собесѣдникъ царскаго двора и высокихъ особъ іерархіи и другъ великихъ вельможъ; писатель Діаконовыхъ отвѣтовъ противъ Питирима, нижегородскаго епископа. Славный мужъ во всѣхъ концахъ Христовой церкви и знаменитый въ отличномъ кругѣ внѣшнихъ особъ, просвѣтившій благочестіемъ многія страны и обезсмертившійся своими доблестями во всей пространной Россіи, управляя славно своею киновіею непрерывно двадцать семь лѣтъ». Эльпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, признавая Андрея Денисова глубокимъ знатокомъ археологіи, намѣренъ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, на слѣдующемъ археологическомъ съѣздѣ, прочитать свой докладъ «Объ Андреѣ Денисовѣ, первомъ археологѣ Россіи».

По отдѣленіи женскаго скита отъ мужскаго, главнымъ начальникомъ и наставникомъ надъ обоими скитами сталъ Даніилъ Викуличъ, а помощникомъ его былъ Андрей Денисовъ, который преимущественно занимался хозяйственными дѣлами монастыря. Ихъ обоихъ, впрочемъ, было принято называть настоятелями. Заботъ о хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, объ его устройствѣ и снабженіи всѣмъ необходимымъ, было въ первые годы немало. Инокамъ и инокинямъ приходилось жить очень скудно. Иконъ и книгъ въ часовнѣ скита было мало, колоколовъ вовсе не было, такъ что къ службамъ звонили, или, вѣрнѣе, били въ доску. Дороги въ скитъ не было, такъ что ходили въ него на лыжахъ съ карежами. Годами хлѣба на монастырскихъ пашняхъ не поспѣвали отъ раннихъ заморозковъ, такъ что въ пропитаніи самомъ необходимомъ нуждались. Въ иной день, пообѣдавъ, монашествующіе не знали, бу-

---

[1]) У Павла Любопытнаго подъ словами «Христовой» церкви слѣдуетъ понимать «поморской» церкви.

дутъ ли ужинать, и часто дѣйствительно оставались безъ ужина. Въ одинъ изъ такихъ недородныхъ годовъ, для устраненія угрожавшаго голода, монахи устроили на рѣкѣ Выгѣ, въ шести верстахъ отъ своей обители, мельницу съ толчеею, на которой стали сѣчь ржаную солому и толочь ее на муку. Изъ подобной соломенной муки, примѣшивая ее къ ржаному раствору, они пекли себѣ хлѣбъ, но какъ онъ не держался въ караваѣ, то помеломъ его пахали изъ печи въ бураки и короба. Такая нужда заставила искать себѣ хлѣба по другимъ мѣстамъ. Вслѣдствіе того Андрей Денисовъ посланъ былъ съ людьми на Волгу, въ Нижній, на промыселъ хлѣба, потому что тамъ въ то время ржаной хлѣбъ былъ до того дешевъ, что за четверть платили двѣ гривны. Добрые люди помогли Андрею Денисову; часть хлѣба была имъ куплена для монастыря, а частью онъ былъ пожертвованъ ему доброхотами. По словамъ поморскаго лѣтописца, въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго столѣтій, путь для перевозки хлѣба съ Волги на сѣверный берегъ Онежскаго озера былъ слѣдующій: водою хлѣбъ привезенъ былъ въ Бадоги, оттуда на Вытегру [1]), изъ Вытегры въ Пигматку, причемъ лѣтомъ хлѣбъ шелъ водою на суднѣ. Изъ Пигматки въ монастырь монахи переносили рожь на своихъ спинахъ.

Неоднократныя поѣздки Андрея Денисова по главнымъ городамъ Россіи, по дѣламъ своего монастыря, увеличили количество пожертвованій, доставили ему знакомство и связи, и послужили къ обогащенію его ума новыми знаніями. На этихъ поѣздкахъ онъ и выучился въ Москвѣ и Кіевѣ грамматикѣ, логикѣ и риторикѣ. Онъ покупалъ чрезъ своихъ монаховъ хлѣбъ на данныя ему купцами деньги въ низовыхъ городахъ, по Волгѣ, доставлялъ его въ Петербургъ, и барышами отъ этого торговаго оборота обогащалъ свой монастырь. Честность его операцій внушала къ нему всеобщее довѣріе. Посѣщая разные города для сбора подаяній, Андрей Денисовъ покупалъ старинныя книги, рукописи, иконы, осматривалъ старопечатныя книги, если не могъ ихъ пріобрѣсти, а также осматривалъ кресты, чудотворныя иконы, мощи и ихъ перстосложенія, собирая такимъ образомъ какъ можно болѣе матеріала для доказательства правоты своего ученія. Ѣздилъ онъ также по разнымъ монастырямъ. Отъ подобныхъ поѣздокъ Выгорѣцкій монастырь

---

[1]) Въ то время на Вытегрѣ стала усиливаться хлѣбная торговля и судопромышленность. Во время шведской войны, Петръ I прислалъ на Вытегру мастеровъ, чтобы строили суда по новому образцу, которыя могли бы ходить съ припасами въ море къ войскамъ. Въ Петербургъ хлѣбъ съ Волги шелъ тогда чрезъ Вытегру. Жители Выгорѣцкой обители также строили суда по новому образцу, данному Петромъ I, и продавали ихъ, или промышляли на нихъ доставкою товаровъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ они извлекали немалую отъ того для себя пользу.

богатѣлъ и усиливался. Прежней скудости въ немъ уже не было. Монахи и монахини не только не питались хлѣбомъ изъ соломенной муки, но уже располагали въ своихъ обителяхъ скотными и конными дворами. Въ скиту находились искусные иконописцы, книгописцы, пѣвцы, знатоки древняго устава церковнаго и богатое собраніе старыхъ письменныхъ и печатныхъ, церковныхъ, учительскихъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, церковныхъ утварей и прочихъ древностей [1]). Естественнымъ послѣдствіемъ такой обстановки Выгорѣцкаго скита было то, что онъ сдѣлался могущественнымъ центромъ раскола не для одного Олонецкаго и Поморскаго края, но и для остальной Россіи.

Такъ какъ Петръ I неоднократно пріѣзжалъ на Олонецкіе заводы, для осмотра производившагося тамъ изготовленія разнаго оружія и снарядовъ, то настоятели Выгорѣцкаго монастыря, Даніилъ и Андрей, по совѣту съ остальною братіею, а равно съ выборными и съ Суземскимъ старостою, каждый разъ отправляли къ царю своихъ посланныхъ съ письмами и разными подношеніями. Эти подношенія состояли въ живыхъ оленяхъ и разнаго рода птицахъ. Иногда вмѣсто живыхъ подносили застрѣленныхъ. Однажды выговцы поднесли императору въ подарокъ пару рослыхъ быковъ. Петръ I милостиво принималъ отъ посланныхъ означенные подарки и вслухъ всѣмъ окружавшимъ его читалъ письма, присланныя изъ монастыря. «Въ то время, — пишетъ поморскій лѣтописецъ, — немало было съ разныхъ сторонъ клеветъ на Выгорѣцкую обитель, но императоръ не внималъ имъ».

Но, не смотря на такое милостивое отношеніе Петра I къ Выговскому монастырю, который воспользовался его благосклонностью и выстроилъ свои «постоялые хоромы и амбары» на Петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ, высшая духовная власть съ неудовольствіемъ взирала на возроставшее на сѣверѣ значеніе этого центра раскола. Случай къ выраженію этой неблагосклонности вскорѣ представился. Въ 1715 году, въ первой трети декабря, въ Новгородъ пріѣхалъ братъ Андрея Денисова, Симеонъ, по дѣламъ своего монастыря. Главная цѣль его поѣздки заключалась въ пріобрѣтеніи для монастыря великихъ Миней Четіихъ Макарьевскихъ. Хотя Симеонъ Денисовъ былъ снабженъ законнымъ паспортомъ, но его арестовали какъ лжеучителя и доставили къ тогдашнему новгородскому митрополиту Іову, которой приказалъ его законать въ желѣзо и посадить въ тюрьму. Симеонъ Денисовъ просидѣлъ четыре года въ

[1]) Протоіерей Іоанновъ пишетъ, что онъ видѣлъ у безпоповцевъ много книгъ, подписанныхъ собственными руками благочестивыхъ особъ царской фамиліи, царевенъ, князей и княгинь, архіереевъ и патріарховъ, изъ древнихъ россійскихъ архипастырей; также много иконъ, крестовъ напрестольныхъ, старинныхъ евангелій съ надписями лѣтъ, богатой утвари, сдѣланной царскимъ иждивеніемъ или богатыхъ благочестивыхъ бояръ.

заточеніи въ архіерейскомъ домѣ. «И великимъ томленіемъ мучиша страдальца и коварными вопросами о древнемъ благочестіи того испытоваша. А како той исповѣдникъ древнецерковное благочестіе защищаше, свидѣтель тому есть не ложенъ, премудрое его сочиненіе, поданное ему, митрополиту Іову», — пишетъ поморскій лѣтописецъ.

Вѣсть о заключеніи подъ стражу Симеона Денисова вызвала сильную горесть въ Выгорѣцкомъ монастырѣ. Особенно печалилась сестра его, Соломонія, которая воспитала Симеона, оставшагося малолѣтнимъ послѣ смерти матери. «И убо заповѣда постъ по всѣмъ скитонаселеніямъ, уставиша на всякъ день по 300 поклоновъ полагати». Андрей Денисовъ отправился въ Петербургъ хлопотать у вельможъ объ освобожденіи его брата. Вѣроятно, дѣйствительно, у него были большія связи, если, по словамъ поморскаго лѣтописца, самъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ поѣхалъ въ Новгородъ просить за Симеона Денисова, но «коварствомъ рѣченнаго митрополита Іова прелукованъ бысть князь». Меньшиковъ возвратился въ Петербургъ и разсказалъ своей женѣ о неуспѣхѣ своей поѣздки. Княгиня Меньшикова, зная хитрость, употребленную митрополитомъ, отвѣчала своему мужу: «Дивлюсь я вашей великокняжеской свѣтлости, яко съ коликою свѣтлостью отъ царскаго величества осіяннаго тебѣ князя гнилоносый чернецъ, оболгавъ бѣднаго узника, яко бы твоей свѣтлости ругателя и твое сіятельство скотиною нарекшаго». Не успѣвъ добиться освобожденія брата при помощи Меньшикова, Андрей Денисовъ обратился къ «высокопревосходительному господину ландрихтеру Якову Никитичу Корсакову» и убѣдилъ его своимъ краснорѣчіемъ помочь ему въ бѣдѣ. Корсаковъ добился, что митрополитъ Іовъ со своимъ узникомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и что, во время шествія на пиръ, императоръ Петръ, увидѣвъ въ преддверіи палаты узника, спросилъ у него, кто онъ, откуда и какого званія. Симеонъ Денисовъ подробно разсказалъ обстоятельства своей жизни и «крестнымъ двуперстнымъ знаменіемъ показа себя быти древлецерковнаго благочестія ревнителя непреклонна. Самодержецъ же, похваливъ крестное знаменіе, рѣче: добре креститися». Затѣмъ у государя произошелъ разговоръ съ Симеономъ Денисовымъ о числѣ просфоръ, употребляемыхъ при божественной литургіи. За столомъ митрополитъ Іовъ обратился къ государю съ слѣдующими словами: «прикажи, государь, сего раскольника сжечь», но Петръ I ему отвѣчалъ: «прежде надлежитъ книги старыя истребить, тогда и сего юношу сжечь». Императоръ прибавилъ, что его безъ вины нельзя осудить, что несвѣдущему, ради своего стыда не слѣдуетъ вдаваться съ нимъ въ разсужденія, и не дозволилъ митрополиту мучить узника, хотя и не лишилъ права продолжать ему свои увѣщанія. Такимъ образомъ всѣ попытки Андрея Денисова освободить своего брата,

чрезъ сильныхъ тогда людей, не имѣли успѣха, и только послѣ смерти митрополита Іова Симеонъ былъ выданъ за деньги стражею его единовѣрцамъ и водою достигъ Выговскаго монастыря, проведя въ заточеніи около четырехъ лѣтъ.

Святѣйшій синодъ со своей стороны не могъ принять другой мѣры противъ Выгорѣцкаго центра старовѣрцевъ[1]), кромѣ отправки къ нимъ отеческаго увѣщанія, на что и послѣдовало согласіе императора Петра I, 22-го апрѣля 1722 года. Съ этою цѣлью на Олонецкіе Петровскіе заводы посланъ былъ іеромонахъ Неофитъ, свѣдущій въ церковныхъ правилахъ. Ему дана была инструкція, состоявшая въ 17-ти пунктахъ. Со своей стороны, Неофитъ написалъ 106 вопросовъ о правовѣріи и передалъ ихъ чрезъ олонецкаго ландрата главнымъ наставникамъ Выгорѣцкаго монастыря. Когда тамъ узнали объ этой правительственной мѣрѣ, то во всѣхъ пустынножительствахъ предписаны были постъ и молитва, чтобы Господь Богъ помогъ имъ соблюсти свое благочестіе и на разглагольствіе съ іеромонахомъ Неофитомъ, на которое они потребованы были указомъ, «непостыднымъ явитися». На вопросы велѣно было написать отвѣты и съ ними явиться на разглагольствіе, въ концѣ декабря того же года; въ случаѣ же несоставленія отвѣтовъ или неприбытія на разглагольствіе, старовѣрцы должны были подлежать гражданской казни или покориться православной церкви.

Писать отвѣты на 106 вопросовъ принялъ на себя Андрей Денисовъ. Ему помогали братъ его, Симеонъ, и Трифонъ Петровъ. По словамъ поморскаго лѣтописца, Андрей Денисовъ писалъ преимущественно эти отвѣты въ Лексинскомъ скитѣ, куда онъ часто любилъ удаляться, предпочитая тамошнее уединеніе и безмолвіе. Тутъ же съ нимъ случилось и несчастіе. Однажды, онъ написалъ много «о святомъ трисоставномъ крестѣ и свидѣтельствомъ изъ священнаго писанія оное позлати». Затѣмъ онъ сталъ молиться и во время своихъ молитвъ вздремнулъ надъ тѣмъ, что написалъ. Вдругъ онъ проснулся отъ густаго дыма, наполнившаго его келію, и увидѣлъ, что отъ всего написаннаго осталась только пригорѣлая бумага, совершенно истлѣвшая. Отвѣты Андрея Денисова извѣстны подъ названіемъ «пустынножительскихъ», «выгорѣцкихъ», «олонецкихъ», «поморскихъ» и считаются у безпоповцевъ классическою книгою. Братъ его, Симеонъ, сверхъ того, написалъ два историческія сочиненія: одно о взятіи Соловецкаго монастыря при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и о убіеніи бывшихъ тамъ «мучениковъ» (т. е. мятежниковъ противъ царской власти), а другое «о страдальческой кончинѣ собратій своихъ, отъ Аввакума происшедшихъ», казненныхъ за бунты и мятежи.

---

[1]) Павелъ Любопытный и поморскій лѣписисецъ называютъ безпоповцевъ старовѣрами и старовѣрцами, а поповщинцевъ старообрядцами.

Андрей Денисовъ скончался 1-го марта 1730 года, на 56-мъ году жизни. По разсказу поморскаго лѣтописца, смерть ему была предсказана одною юродивою, Ириною, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей Денисовъ, незадолго передъ своею кончиною, находился въ Лексинскомъ женскомъ монастырѣ и бесѣдовалъ тамъ «съ нѣкоторыми благоизбранными постницами о цѣломудренномъ постническомъ пребываніи». Затѣмъ, онъ поникъ головою и сказалъ: «А все у меня не выходитъ изъ головы скорое пресѣченіе жизни, въ такой юности преставившагося государя Втораго Петра Алексѣевича». Услышавъ эти слова, повѣнецкая юродивая Ирина, имѣвшая обыкновеніе часто бывать въ келіи настоятеля, сказала:

Старообрядческая Лексинская пустынь въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкаго современнаго иконописнаго рисунка, находящагося въ собраніи П. Я. Дашкова.

«намъ, отче, тебя жаль», а потомъ вторично: «намъ тебя жаль». Андрей Денисовъ, помолчавъ немного, причемъ лицо его приняло горестное выраженіе, отвѣчалъ ей: «О свѣтъ, Ирина, ты мнѣ предвѣщаешь смерть, а я еще имѣю намѣреніе, если Богъ благословитъ, по разлитіи нынѣшнихъ весеннихъ водъ, ѣхать въ Москву, гдѣ меня ждутъ для нѣкоторыхъ благословныхъ случаевъ. А ты мнѣ смерть предвѣщаешь!» Ирина, прослезившись, въ третій разъ ему сказала: «намъ, отче, тебя жаль». Послѣ этихъ словъ, Ирина вышла изъ кельи настоятеля.

Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Андрей Денисовъ скончался отъ апоплексическаго удара. Въ поморской рукописи болѣзнь его описана иначе. На третьей недѣлѣ великаго поста, въ четвергъ, послѣ обѣдни, онъ опасно занемогъ, такъ что въ пятницу и субботу страдалъ сильною головною болью. При наступленіи вечерней

службы, вся братія отправилась на богослуженіе въ соборный молитвенный храмъ, а при Денисовѣ остался только келейникъ Іоаннъ Герасимовъ. Андрей Денисовъ лежалъ въ «великой скорби», но вдругъ всталъ съ своего одра и, зажгя своими руками двѣ свѣчи, поставилъ одну передъ образомъ Всемилостивѣйшаго Спаса, а другую передъ иконою Пречистыя Его Матери, и, помолясь передъ ними, сказалъ Іоанну Герасимову, чтобы онъ поскорѣе кого нибудь послалъ за его сестрою Соломоніею. Онъ хотѣлъ еще кое-что сказать, но келейникъ уже не могъ разобрать сказаннаго ему. Къ умирающему собралась вскорѣ вся монастырская братья, пришли Симеонъ и Соломонія. Но Андрей Денисовъ, узнавъ ихъ и облобызавъ брата, ничего уже не могъ говорить и только крестился и смотрѣлъ на иконы. Въ три часа по полудни онъ скончался.

Павелъ Любопытный въ своемъ словарѣ перечисляетъ 119 сочиненій, принадлежащихъ перу Андрея Денисова, и присовокупляетъ къ тому слѣдующую ихъ характеристику: «Были его и другія изящныя творенія, ограждающія церковь Христову отъ лютости міра, никоніазма и поражающія враговъ и супостатовъ благочестія. Были прекрасныя посланія къ мѣстнымъ пастырямъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи Христова стада и благолѣпіи церкви. Тоже были его посланія занимательныя, живыя, любопытствомъ и краснорѣчіемъ дышущія къ царскимъ лицамъ, великимъ вельможамъ и архипастырямъ внѣшней церкви, никоніанамъ. Впрочемъ, къ сожалѣнію ученыхъ, всѣ они погибли то отъ лютости пожаровъ, то отъ грубаго невѣжества, то отъ тиранизма». По словамъ митрополита Евгенія, Андрей Денисовъ, въ похвалу экклесіарху Петру Прокофьеву, умершему въ 1719 году, написалъ надгробное слово, въ которомъ описалъ всю исторію олонецкихъ раскольничьихъ монастырей и главныхъ ихъ заводчиковъ. Петръ Прокофьевъ былъ также славнымъ писателемъ. Онъ собралъ двѣнадцать книгъ мѣсячныхъ миней, составленныхъ изъ разныхъ поученій и жизнеописаній своихъ единомышленниковъ, которые ежедневно читались и читаются въ скитахъ.

Поморскій лѣтописецъ утверждаетъ, что Андрей Денисовъ зналъ въ совершенствѣ не только пустынный постническій уставъ, но также торговый, приказный, воинскій. Когда онъ бесѣдовалъ съ иноками о постническомъ уставѣ, о благоговѣйныхъ предметахъ, то онъ являлся имъ совершеннымъ инокомъ. Если же онъ разсуждалъ о купеческихъ дѣлахъ съ торговыми людьми, то онъ представлялся имъ не иначе, какъ опытнымъ, знающимъ купцомъ. Также точно Андрей Денисовъ, съ полнымъ знаніемъ предмета, могъ говорить съ приказными о приказныхъ дѣлахъ, съ земледѣльцами о земледѣліи. Бесѣдуя съ премудрыми учителями о премудрыхъ дѣлахъ, онъ имъ являлся не иначе, какъ мудрымъ ученымъ. Такія же глубокія познанія онъ высказывалъ и въ воинскихъ уста-

вахъ, когда рѣчь касалась о нихъ въ разговорахъ съ военноначальниками. Подобныя всестороннія знанія его привлекали къ нему многихъ сторонниковъ, увеличивали его связи. Епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ[1]), славный риторъ своего времени, неоднократно собственноручными письмами приглашалъ къ себѣ на собесѣдованія Андрея Денисова. Онъ сдѣлался извѣстенъ не только во всей Россіи, но и въ заграничныхъ государствахъ, куда проникали въ то время его сочиненія. Петрозаводскіе ландраты много разъ имѣли съ нимъ пространныя сужденія о политическихъ, гражданскихъ дѣлахъ и всегда удивлялись глубинѣ его познаній и здравому природному уму. Одинъ изъ нихъ, восхищенный однажды его сужденіями, воскликнулъ: «Если бы ты, Андрей Діонисьевичъ, былъ согласенъ съ великороссійскою церковью, то надлежало бы быть тебѣ патріархомъ».

Андрей Денисовъ былъ средняго роста, худощавъ; волосы на головѣ и на бородѣ были русые, кудрявые, украшенные небольшою сѣдиною; борода у него была круглая, подобная бородѣ Іоанна Златоустаго (выраженіе поморскаго лѣтописца); глаза были свѣтлые; брови приподнятые, носъ продолговатый, немного горбатый. Это описаніе его совершенно сходно съ представленнымъ его изображеніемъ. Художникъ нарисовалъ Андрея Денисова за письменнымъ простымъ столомъ, пишущимъ одно изъ своихъ краснорѣчивыхъ посланій, которыя читались съ увлеченіемъ его единовѣрцами. Положеніе, данное фигурѣ Андрея Денисова, одежда его, занятіе представляютъ кое-что сходное съ изображеніемъ евангелистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это сдѣлано художникомъ не безъ цѣли. Въ правомъ углу божница съ иконами; подъ нею лѣстовка. Книги на полкѣ, въ шкафу, на столѣ, свидѣтельствуютъ, что хотя мы видимъ передъ собою небольшую комнату, просто убранную, въ бревенчатомъ домѣ, однако въ этомъ скромномъ помѣщеніи хозяинъ оказывается мужъ начитанный, съ умомъ просвѣщеннымъ, владѣющій краснорѣчивымъ перомъ. Кресло, въ которомъ сидитъ Андрей Денисовъ, деревянная скамья подъ его ногами, одѣтыми въ тонкіе башмаки, дополняютъ собою обстановку, вѣрную картину которой взялся представить художникъ, чтобы воскрешать въ памяти послѣдователей поморскаго учителя память о немъ. На стѣнѣ у окна виситъ картина, изображающая епископа Павла Коломенскаго, передъ которымъ находятся протопопы Аввакумъ и Иванъ Нероновъ. И эта картина оказывается необходимою принадлежностью комнаты Андрея Денисова, въ которой онъ работалъ надъ своими многочисленными сочиненіями. Андрей Денисовъ питалъ глубокое уваженіе къ Павлу Коломенскому, которое и выразилъ слѣдующими словами въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Былъ онъ у насъ яко

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ сильнымъ покровителемъ Андрея Денисова.

нѣкій Моисей и Ааронъ, посланный Божіимъ изволеніемъ на утвержденіе новаго Израиля, то есть беззлобливыхъ и богобоязливыхъ поморскихъ людей, идѣже, нѣкое время пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая ихъ жити въ святоотеческомъ благочестіи и нововышедшихъ уставовъ никоновыхъ блюстися наказуя» [1]).

Подобный выдающійся дѣятель, какъ Андрей Денисовъ, родившійся среди олонецкихъ лѣсовъ и всю жизнь дѣйствовавшій въ этомъ пустынномъ краѣ, обязанъ своимъ вліяніемъ на умы оторгшихся отъ православной церкви не столько своей безупречной жизни, сколько своимъ сочиненіямъ, которыя повсюду распространяли его мысли, его поученія, его наставленія. Они создали еще при его жизни такой ореолъ около его имени, который донынѣ заставляетъ поморцевъ чтить его память и имѣть его изображенія въ своихъ помѣщеніяхъ [2]).

Пав. Усовъ.

[1]) Выговская пустынь находится въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, въ 72 верстахъ отъ Повѣнца. Въ 1857 году, соборная молельня этой пустыни принята была въ вѣдѣніе православной церкви и обращена въ церковь Успенія Пресвятой Богородицы, а на мѣсто трапезы, составлявшей часть соборной часовни, устроенъ придѣлъ во имя св. Троицы.

[2]) Портретъ Андрея Денисова, посланный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Петрозаводска Эльпид. Васил. Барсовымъ ректору Кіевской духовной академіи, архимандриту Филарету (въ послѣдствіи бывшему рижскимъ преосвященнымъ), далъ послѣднему мысль основать при академіи историческій музей. Мысль эта была осуществлена, и означенный музей принадлежитъ нынѣ къ числу наилучшихъ учрежденій этого рода.

БѢЛАЯ ДАМА[1]).

I.

НЫНѢШНЯЯ столица Германской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ столица королевства Прусскаго — Берлинъ не былъ издревле достояніемъ Гогенцолернскаго дома, такъ какъ эта нѣкогда славянская селитьба была первоначально завоевана саксонскими герцогами. Послѣ же пресѣченія такъ называемой асканійской линіи саксонскаго дома, Берлинъ, какъ оказывается по новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, былъ «вольнымъ городомъ», т. е. республиканскою городскою общиною, состоявшей подъ верховнымъ покровительствомъ римско-нѣмецкихъ императоровъ изъ австрійско-габсбургскаго дома. Въ виду этого, нынѣшніе обитатели Берлина задаютъ вопросъ, какимъ же образомъ предки ихъ, бывшіе прежде вольными, самоуправлявшимися гражданами, обратились въ вѣрноподанныхъ свѣтлѣйшаго Гогенцолернскаго дома, который съ первоначальной, весьма скромной степени маркграфовъ бранденбургскихъ перешелъ на степень герцоговъ прусскихъ, потомъ курфюрстовъ бранденбургскихъ, далѣе королей прусскихъ и, наконецъ, императоровъ германскихъ и въ которомъ появилась впервые «Бѣлая Дама».

---

[1]) Статья эта была передана намъ покойнымъ Е. П. Карновичемъ, по возвращеніи его изъ-за границы, въ октябрѣ прошлаго года, за нѣсколько дней до кончины. Случайное замедленіе въ полученіи гравюръ, выписанныхъ изъ-за границы, лишило насъ возможности напечатать статью раньше. *Ред.*

Разсказъ о постепенномъ возвышенiи Гогенцолернскаго или Бранденбургскаго дома не будетъ предметомъ настоящей нашей статьи, но одна изъ ступеней такого возвышенiя тѣсно связана съ разсказами о «Бѣлой Дамѣ», о недавнемъ появленiи которой въ стариномъ берлинскомъ «бургѣ», жилищѣ курфюрстовъ бранденбургскихъ, говорили газеты.

Въ Берлинѣ, какъ въ городѣ, входившемъ въ составъ Ганзейскаго союза, прiобрѣли особенное значенiе торговые и промышленные люди, преимущественно купцы суконной гильдiи. Эти люди, хлопотавшiе только о своихъ денежныхъ выгодахъ, мало заботились о политическомъ устройствѣ своей родины, и этимъ обстоятельствомъ пожелалъ воспользоваться одинъ изъ предковъ Гогенцолернскаго дома, курфюрстъ бранденбургскiй Фридрихъ I. Въ 1412 году, онъ, въ качествѣ государя той области, въ которой находился Берлинъ, вздумалъ было торжественно пожаловать въ этотъ городъ, но берлинцы заперли передъ нимъ ворота и не допустили его войдти въ городъ. Мало того, когда преемникъ Фридриха I захотѣлъ построить себѣ дворецъ, или, по-старинному, «бургъ», въ Берлинѣ или въ пригородѣ его Кёльнѣ-Стариномъ, славянскомъ урочищѣ, называвшемся Гольмъ, т. е. Холмъ,—то мѣстные жители не разрѣшили ему такой постройки въ городской чертѣ ни Берлина, ни Кёльна, а только позволили его свѣтлости поселиться на берегу рѣки Шпрее, занявъ ту полосу земли, которая считалась не принадлежащей ни тому, ни другому городу. Курфюрстъ былъ, однако, себѣ на умѣ. Онъ не отказался отъ такого ограничительнаго предложенiя и на указанномъ ему мѣстѣ построилъ въ 1452 году «бургъ», въ которомъ нынѣ преимущественно обитаетъ таинственная «Бѣлая Дама».

«Бургъ» былъ возведенъ по образцу тогдашнихъ зàмковъ, которые, сверхъ того, что были жилищами владѣтельныхъ особъ, служили еще надежными крѣпостями и военнымъ оплотомъ какъ противъ внѣшнихъ враговъ, такъ равно и противъ мятежныхъ подданныхъ. Поселившись въ «бургѣ», въ промежуткѣ между Кёльномъ и Берлиномъ, и обзаведясь тамъ служилыми людьми, курфюрстъ Фридрихъ II, достаточно увѣренный въ своей безопасности и полагаясь на свою вооруженную силу, началъ мало-по-малу давать чувствовать своимъ сосѣдямъ-горожанамъ свое надъ ними господство. Обстоятельства благопрiятствовали утвержденiю власти курфюрста. Въ ту пору въ Берлинѣ, какъ въ вольномъ городѣ, спорили между собою жители о преобладанiи въ городскихъ дѣлахъ, и враждовавшiя между собою стороны начали обращаться къ сильному сосѣду съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ. Курфюрстъ въ этомъ случаѣ не давалъ маху. Первоначально онъ вмѣшивался въ городскiя дѣла только по призыву самихъ жителей Берлина и Кёльна, а потомъ началъ постепенно распоряжаться уже безъ всякаго приглашенiя и, наконецъ, дошелъ до того, что сталъ притя-

гивать къ своему суду и тѣхъ горожанъ, которыхъ признавалъ виновными по своему собственному усмотрѣнію, или которые казались ему подозрительными. Короче сказать, засѣвъ въ своемъ «бургѣ», курфюрстъ Фридрихъ II сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ обоихъ сливавшихся между собою городовъ подъ однимъ общимъ для нихъ названіемъ—Берлинъ, который утратилъ постепенно всѣ свои привиллегіи и доходы, а всѣ улицы и площади были объявлены собственностью курфюрста, а не города, что̀ существовало до 1878 года.

Между тѣмъ, постройки «бурга» расширялись, но пока никакихъ разсказовъ о являвшихся въ немъ привидѣніяхъ въ народной молвѣ не ходило, хотя мрачный и сурово-глядѣвшій «бургъ» располагалъ къ такому вѣрованію, но этому отчасти препятствовала новизна его постройки, такъ какъ вообще разнаго рода нечистая сила, по народному суевѣрію, не тотчасъ заводится въ новомъ строеніи, а только со временемъ. Притомъ «бургъ» долженъ былъ наводить на берлинцевъ болѣе осязаемый страхъ, нежели смутные разсказы о привидѣніяхъ, такъ какъ берлинцы поняли, что въ «бургѣ» засѣли такіе грозные владыки, которые съумѣютъ расправиться съ вольнолюбивыми горожанами, и потому появленіе суроваго курфюрста на берлинскихъ улицахъ, даже среди бѣлаго дня, нагоняло на жителей большій ужасъ, нежели тотъ, какой могло бы нагнать на нихъ появленіе «Бѣлой дамы» среди ночнаго мрака. Не даромъ берлинцы прозвали Фридриха II «Желѣзный Зубъ», такъ какъ попасть ему на зубъ было гораздо опаснѣе, нежели встрѣтиться съ привидѣніемъ въ видѣ «Бѣлой Дамы».

II.

Отвластвовали послѣ Фридриха II въ Берлинѣ преемники его, курфюрсты бранденбургскіе: Альбертъ, прозванный и Ахиллесомъ, и Уллисомъ; Іоганъ, прозванный Цицерономъ; послѣ него были слѣдомъ одинъ за другимъ два Іоакима, первый и второй, а преемникомъ этого послѣдняго былъ Іоганъ-Георгъ. Ко временамъ этихъ курфюрстовъ относится и первое появленіе въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы». Оба они проживали въ обители своихъ предковъ въ «бургѣ», гдѣ пока все обстояло благополучно до курфюрста Іогана-Георга. Никакихъ призраковъ и привидѣній въ прежнюю пору въ «бургѣ» не появлялось. Домовой тамъ не шалилъ и велъ себя такъ смирно, что даже не возился ни на чердакѣ, ни за печкой.

Курфюрсту Фридриху II, для постройки «бурга», отведено было мѣсто на сѣверной оконечности такъ называемаго Вердера, вблизи Стараго-Кёльна. Оно занимало пространство отъ монастыря доминикановъ, находившагося на нынѣшней дворцовой площади, до Длиннаго моста, оттуда шло вдоль Шпрее до старинной городской стѣны,

а отсюда, захватывая въ своей чертѣ и стѣнныя башни, и лачужки, стоявшія по берегу Шпрее, шло до монастырской ограды (гдѣ нынѣ Брудеръ-Штрассе) и до городскаго кладбища, и примыкало къ нынѣшнему Лустгартену. До постройки «бурга» курфюрстъ Фридрихъ II проживалъ временно въ «высокомъ» давно уже не существующемъ домѣ, гдѣ, на время своихъ пріѣздовъ въ Берлинъ, останавливались ландсгерры, т. е. члены дворянскихъ сеймовъ.

Трудно сказать, на сколько измѣнился внѣшній видъ и внутреннее расположеніе бурга втеченіе слишкомъ четырехвѣковаго его существованія. Въ настоящее же время его окрестности и онъ самъ представляютъ такую картину.

Если, пройдя Королевскую улицу и войдя на Королевскій мостъ, взглянуть съ него направо, по теченію рѣки Шпрее, то на лѣвомъ берегу этой рѣки бросится въ глаза своеобразное, старинное зданіе, съ приземистымъ фасадомъ, въ нѣсколько этажей. Надъ этимъ зданіемъ возвышается невысокая башня съ покатистой, заостренной вверху крышей, называемой «Земною Шапкой». Къ этому зданію присоединены боковыя позднѣйшія, разновременныя пристройки. Всѣ эти старинныя постройки, какъ и самый «бургъ», по ихъ архитектурѣ далеко не соотвѣтствуютъ своими главными фасадами находящимся вблизи зданіямъ, построеннымъ во вкусѣ «ренессансъ» и обращеннымъ главными фасадами на Дворцовую площадь и на Лустгартенъ. Отъ «бурга», особенно при сравненіи его съ новѣйшими, такъ сказать, веселыми зданіями, вѣетъ таинственною стариною. Исторія Пруссіи тѣсно связана съ исторіею «бурга», который, при своей мрачности, можетъ считаться весьма подходящимъ жилищемъ для привидѣній разнаго рода.

Не смотря на суровость «бурга», въ немъ и послѣ того, какъ совершалось событіе, вызывающее появленіе въ его залахъ «Бѣлой Дамы», члены фамиліи гогенцолерновъ не очень скучно проводили время, и «бургъ», судя по гравюрѣ 1592 года, принималъ порою очень нарядный, а вмѣстѣ съ тѣмъ веселый и оживленный видъ, такъ что, взглянувъ на него въ это время, нельзя было предполагать, что въ немъ вздумало поселиться какое нибудь страшное привидѣніе. Въ это время изъ небольшихъ квадратныхъ его оконъ выглядывало порою множество молоденькихъ дамъ и дѣвицъ, и при взглядѣ на нихъ никому не могла прійдти мысль о загробныхъ призракахъ. Выглядывавшія изъ оконъ «бурга» живыя женскія существа были придворныя дамы и знатныя дѣвицы, собиравшіяся въ «бургъ», чтобы посмотрѣть съ его балконовъ и изъ его оконъ на происходившій передъ нимъ рыцарскій турниръ. Большіе балконы бурга, украшенные гербами областей, принадлежавшихъ курфюрстамъ бранденбургскимъ, были наполнены дамами, а внизу, вдоль внѣшней стѣны «бурга», стояли плотной толпою пышно-разодѣтые царедворцы и дворяне.

На площади передъ бургомъ устраивалось конское ристалище, въ которомъ, при игрѣ на трубахъ и при битіи въ литавры, участвовали и облеченные въ тяжелые желѣзные доспѣхи воины, и одѣтые въ легкій испанскій, тогда самый модный, костюмъ молодые и ловкіе кавалеры, снимавшіе турнирными копьями на всемъ скаку вѣнки, надѣтые на шею юношей, убѣгавшихъ отъ преслѣдовавшихъ ихъ всадниковъ. Участвовали въ этомъ ристалищѣ и молодыя дѣвушки, одѣтыя нимфами и ѣхавшія, сидя верхомъ, подамски, на волахъ.

Тотъ годъ, въ который происходило одно изъ такихъ пышныхъ празднествъ, сталъ замѣчателенъ тѣмъ, что подъ этимъ годомъ упоминается въ первый разъ о появленіи въ бургѣ «Бѣлой Дамы».

III.

О разныхъ замогильныхъ привидѣніяхъ существуетъ не только множество преданій, перешедшихъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ насъ вѣковъ, но и письменныя извѣстія, подкрѣпляемыя нерѣдко свидѣтельствомъ очевидцевъ. Между преданіями и извѣстіями о привидѣніяхъ занимаютъ весьма видное мѣсто разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы». Изъ многихъ же другихъ, повидимому, наиболѣе достовѣрныхъ извѣстій, въ особенности замѣчательно извѣстіе о видѣніи шведскаго короля Карла X, въ залѣ собранія государственныхъ чиновъ, находящейся въ Риттерсгольмскомъ дворцѣ, въ Стокгольмѣ. Дѣйствительность этого страннаго явленія засвидѣтельствована актомъ, хранящимся въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

Другимъ также замѣчательнымъ явленіемъ было, по преданію, видѣнное многими свидѣтелями появленіе императрицы Анны Ивановны ночью, въ тронной залѣ прежняго Зимняго дворца въ Петербургѣ, за годъ до ея кончины. По другому же разсказу, внесенному въ «Записки» короля французскаго Людовика XVIII, видѣніе это относится ко времени императрицы Екатерины II, которой будто бы пришлось увидѣть самое себя, сидящею на тронѣ, при какомъ-то странномъ зеленоватомъ освѣщеніи всей залы, тоже въ прежнемъ Зимнемъ дворцѣ. Къ этому добавляютъ, что и Анна, и Екатерина приказали находившимся въ залѣ караульнымъ солдатамъ стрѣлять въ привидѣніе. Отъ сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ ружей залпа разлетѣлись въ дребезги и оконныя стекла, и зеркала, причемъ привидѣніе медленно сошло съ трона и, проходя мимо Анны или Екатерины, погрозило и той и другой пальцемъ и затѣмъ изчезло безшумно и безслѣдно, а зала мгновенно погрузилась въ непроницаемый мракъ. Во время правленія принцессы Анны Леопольдовны, въ Петербургѣ ходила молва, будто въ соборѣ Петропавловской крѣпости встаетъ по ночамъ изъ могилы Петръ I

и требуетъ, чтобы русскій престолъ былъ отданъ его дочери Елисаветѣ. Причина распространенія такой молвы весьма понятна, такъ какъ въ то время готовился тайно династическій переворотъ въ пользу цесаревны Елисаветы.

Императоръ Павелъ Петровичъ самъ разсказывалъ, что, бывши еще великимъ княземъ, онъ вздумалъ, однажды, въ лунную ночь прогуляться по Петербургу, и во время этой прогулки видѣлъ шедшій съ нимъ о бокъ призракъ Петра Великаго, но сопутствовавшіе ему нѣкоторые особы его свиты, между которыми, какъ кажется, находился Куракинъ, не видѣли призрака, на который указывалъ имъ великій князь.

Сохранилось извѣстіе, что императору Наполеону I, передъ важнѣйшими событіями въ его жизни, являлся какой-то «красный человѣкъ», который, между прочимъ, пришелъ къ нему и наканунѣ роковаго его похода въ Россію.

Если въ настоящее время, когда даже среди ученыхъ естествоиспытателей оказываются спириты, настаивающіе такъ упорно на возможности появленія умершихъ съ того свѣта и на матеріализаціи духа, то, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ прежнее время такое вѣрованіе было еще въ бо́льшемъ ходу, и вопросомъ о появленіи мертвецовъ занимались немало и извѣстные ученые. Такъ Лафатеръ, какъ кажется, предокъ извѣстнаго физіономиста того же имени, издалъ въ 1570 году, въ Цюрихѣ, сочиненіе подъ заглавіемъ «De spectris lecoribus etc.», а Лелойе издалъ, въ 1586 году, обширный трактатъ подъ заглавіемъ «Les spectres se montrants aux hommes», и, наконецъ, позднѣйшее сочиненіе о пришельцахъ съ того свѣта, о странныхъ призракахъ и о привидѣніяхъ было издано въ эпоху самаго сильнаго невѣрія, въ 1750 году, въ Парижѣ: въ этомъ году появилось обширное, написанное съ ученой точки зрѣнія, изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Traité des apparitions»; авторомъ его былъ нѣкто Лангле Дюфренуа.

IV.

Появленіе «Бѣлой Дамы» — «Weisse Frau», «La Dame Blanche», было всегда исключительною принадлежностью дворцовъ владѣтельныхъ особъ и считалось предвѣстіемъ кончины кого либо изъ нихъ. Кончина такихъ особъ могла имѣть важное политическое значеніе. Поэтому подобнаго рода призракъ считался всегда привидѣніемъ аристократическимъ. Такъ какъ въ прежнее время существовало въ Германіи множество мелкихъ владѣтельныхъ родовъ—графскихъ, княжескихъ, герцогскихъ и даже баронскихъ, то каждый такой родъ хотѣлъ поднять свое значеніе увѣреніемъ о существованіи въ его семействѣ призрака «Бѣлой Дамы». Такими разсказами, какъ полагали, возвышалось понятіе о знатности того или

другаго рода, такъ какъ «Weisse Frau» не зачѣмъ было безпокоить себя для извѣщенія о предстоящей кончинѣ какихъ нибудь Миллеровъ, Шульцовъ или Шмидтовъ. Замогильная дама могла заботиться только о членахъ владѣтельныхъ фамилій, и такъ какъ въ Германіи, какъ мы уже сказали, такихъ фамилій было множество, то ни въ одной странѣ не слышатся столь часто разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы». Почти въ каждомъ старинномъ замкѣ переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому преданіе о существованіи такого зловѣщаго призрака. Повидимому, наиболѣе достовѣрные разсказы о появленіи «Бѣлой Дамы» можно слышать въ Бер-

Анна Сидовъ.

Съ оригинальнаго рисунка, находящагося въ охотничьемъ замкѣ Грюневальдъ.

линѣ, Байретѣ, въ Карслруэ, въ Анспахѣ, Клеве, Дармштадтѣ и Альтенбургѣ.

Обыкновенно, съ разсказами о появленіи «Бѣлой Дамы» связывается какая нибудь молва романическаго содержанія, причемъ, какъ поводъ къ ея появленію, выставляется чаще всего жестокость или ревность ея супруга, приведшая неповинную жертву къ насильственной смерти.

Хотя въ Германіи развелись «Бѣлыя Дамы» преимущественно, но по ходячей молвѣ онѣ являются порою и въ другихъ странахъ. Такъ разсказы объ ихъ появленіи можно слышать въ разныхъ мѣстахъ Богеміи, а также въ Лондонѣ и въ Копенгагенѣ.

Ходитъ также молва, что въ бывшемъ королевскомъ замкѣ, въ Варшавѣ, является по временамъ таинственный призракъ, въ видѣ

какой-то дамы. Неизвѣстно, впрочемъ, кого она изображаетъ собою. Живы и теперь тѣ лица, которымъ привелось увидѣть этотъ таинственный призракъ, когда они были еще дѣтьми и пріѣхали однажды къ князю Паскевичу, чтобы быть въ дворцовой церкви у всенощной. По окончаніи богослуженія, когда гости-малолѣтки, возвращаясь въ жилыя комнаты зáмка, проходили черезъ слабо освѣщенную тронную залу, они съ ужасомъ увидѣли призракъ таинственной дамы, появившейся съ того свѣта, и живо помнятъ тотъ переполохъ, какой произвело появленіе этого призрака. Такое убѣжденіе въ дѣйствительности явленія вполнѣ понятно, если только принять въ соображеніе возростъ свидѣтелей и подготовку ихъ воображенія. Ходитъ также молва,—за достовѣрность которой мы, разумѣется, не ручаемся,—будто бы и намѣстника князя М. Д. Горчакова посѣтила однажды таинственная незнакомка въ его кабинетѣ, гдѣ онъ позднею ночью слушалъ чтеніе какого-то французскаго романа. Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, былъ очень близорукъ и разсѣянъ, и съ перваго раза онъ не увидѣлъ, но только какъ будто ощутилъ присутствіе въ его кабинетѣ загадочной гостьи. Когда князь пристально, сквозь очки, взглянулъ на двери, то оказалось, что тамъ стоитъ какая-то дама. Князь, отличавшійся всегда вѣжливостью къ представительницамъ прекраснаго пола, поспѣшилъ вскочить съ креселъ и почтительно поклониться запоздавшей посѣтительницѣ, которая, въ свою очередь, ему сдѣлала глубокій реверансъ.

Въ головѣ князя-намѣстника быстро мелькнула мысль, что, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Варшавѣ, къ нему могла проникнуть если не какая нибудь рѣшительная польская патріотка, чтобы покуситься на его жизнь, то, вѣроятно, могла пробиться какая нибудь настойчивая просительница.

Князь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы подойдти къ вошедшей неслышными шагами дамѣ и освѣдомиться о причинѣ ея неурочнаго прихода, и притомъ безъ всякаго предварительнаго о себѣ доклада, но каковъ былъ его ужасъ, когда посѣтительница вдругъ изчезла, и, по словамъ самого князя, онъ только почувствовалъ одуряющій могильный и трупный запахъ.

Въ зáмкѣ поднялась сильная тревога, начались осмотры, разспросы, повѣрка часовыхъ, но все это не привело ни къ какимъ разъясненіямъ таинственнаго явленія. Оказалось, что никто никого посторонняго не видалъ и ничего особеннаго не слыхалъ; всѣ караульные были на своихъ мѣстахъ, не спали и не дремали, но неусыпно бодрствовали, какъ это приличествуетъ военной стражѣ, поставленной на такомъ важномъ посту, каковымъ должно было быть жилище царскаго намѣстника. За что купили, за то и продаемъ,—скажемъ мы въ заключеніе по русской поговоркѣ.

V.

«Бѣлая Дама» во многихъ случаяхъ оказывалась покровительницею любовныхъ похожденій. Нельзя сказать, чтобы представительницы прекраснаго пола въ нѣкоторыхъ германскихъ владѣтельныхъ и высокихъ фамиліяхъ отличались, особенно въ прежнія времена, большимъ цѣломудріемъ. Напротивъ, хроники нѣмецкихъ дворцовъ и зàмковъ могли бы быть наполнены разсказами о любовныхъ похожденіяхъ высокопоставленныхъ дамъ и дѣвицъ. Мрачные переходы и длинные корридоры этихъ обширныхъ зданій,—изъ которыхъ надъ иными пронеслось уже нѣсколько столѣтій,—при дороговизнѣ въ прежнюю пору освѣтительныхъ матеріаловъ, освѣщались ночью весьма слабо, и это способствовало тайнымъ, заранѣе условленнымъ свиданіямъ въ глухую ночь, когда мракъ и темнота нагоняетъ суевѣрный страхъ даже на людей самаго неробкаго десятка. Если бы во дворцѣ или зàмкѣ замѣчено было, что въ неурочный часъ промелькнула гдѣ нибудь тѣнь, то появленіе такой тѣни могло быть легко приписано появленію «Бѣлой Дамы», и дозорные въ ужасѣ бѣжали бы отъ такого страшнаго призрака, не рѣшившись дознаться, кто именно прогуливается въ ночномъ мракѣ. Такая проявлявшаяся всюду трусость всего болѣе обезпечивала безопасность ночныхъ свиданій между влюбленными.

Нѣчто подобное случилось еще весьма недавно въ Германіи, въ одной изъ второстепенныхъ владѣтельныхъ фамилій. Представители этой фамиліи жили въ зàмкѣ, въ которомъ, какъ издавна ходила молва, появлялась время отъ времени «Бѣлая Дама». Въ томъ же зàмкѣ проживала съ своими почтенными родителями и принцесса, легкомысленную головку которой вскружилъ одинъ юный, красивый баронъ, состоявшій въ чинѣ поручика. Этого поручика, по его просьбѣ, очень часто наряжали въ караулъ въ зàмокъ, и онъ, пользуясь этимъ, устроилъ ночныя свиданія съ влюбившейся въ него принцессой. Слишкомъ тихій шопотъ, робкое дыханіе и неслышные шаги влюбленныхъ обращали эти существа, кипѣвшія жизнію, въ какіе-то призраки. Свиданія происходили нѣсколько разъ вполнѣ благополучно въ одномъ изъ длинныхъ и слабо освѣщенныхъ корридоровъ зàмка. Въ этотъ корридоръ выходили двери изъ аппартаментовъ принцессы и ея гофмейстерины. Однажды ночью, когда гофмейстеринѣ что-то не спалось, ей послышался въ корридорѣ шопотъ, робкое дыханіе и даже почудился звукъ смѣлаго поцѣлуя. Быстро эта почтенная и любопытная дама растворила, дверь, и — о, ужасъ!—передъ ней явился призракъ «Бѣлой Дамы». Гофмейстерина только успѣла дико взвизгнуть и безъ чувствъ грохнулась на полъ, сильно ударившись въ него вслѣдствіе своей грузности.

Между тѣмъ призракъ, приведшій гофмейстерину въ ужасъ, порхнулъ по корридору, вбѣжалъ въ дверь, быстро, но осторожно затворилъ ее за собою, и принцесса, сбрасывая съ себя торопливо бѣлую кофточку и бѣлую юбочку, спѣшила улечься на свое дѣвическое ложе и притворилась спящею.

Караулъ въ зàмкѣ оказался чрезвычайно бдительнымъ, такъ какъ, одновременно съ ужасающимъ крикомъ гофмейстерины, въ корридорѣ послышались громкіе, быстрые шаги, и раздался, дрожавшій отъ страха мужской голосъ, усердно оравшій: «Weisse Frau!» Голосъ этотъ принадлежалъ молодому караульному офицеру. Во всемъ зàмкѣ поднялся страшный переполохъ. Подъ сводами корридоровъ слышался одинъ только тревожный крикъ: «Weisse Frau! Weisse Frau!» Поручикъ заявившій недавно свою беззавѣтную храбрость въ войнѣ противъ пруссаковъ, съ которыми не поладилъ его повелитель, казалось, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и съ прерывающимся дыханіемъ утверждалъ, клялся и божился, что онъ былъ до такой степени испуганъ привидѣніемъ, что, пропросто-на-просто, далъ при видѣ его такую постыдную тягу, какой онъ никогда въ жизни не позволилъ бы себѣ передъ самымъ многочисленнымъ и безпредѣльно-отважнымъ непріятелемъ.

До нѣкоторой степени поручикъ, баронъ Р., былъ правъ, такъ какъ внезапное появленіе гофмейстерины поразило его такимъ ужасомъ, какого онъ, по всей, вѣроятности, не изведалъ бы даже при дѣйствительномъ появленіи «Бѣлой Дамы». Какъ ни извинялъ влюбленный свой суевѣрный страхъ, но, всетаки, онъ за оказанную имъ трусость былъ на нѣсколько дней посаженъ подъ арестъ. Слѣдствіе о появленіи въ зàмкѣ привидѣнія было произведено весьма тщательно. Участіе въ немъ принимали и оберъ-гофмаршалъ, и оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ, и егермейстеръ, и шталмейстеръ, и другіе придворные чины, при пособіи военнаго и гражданскаго начальства и судебныхъ властей, и всѣ розыски и допросы привели къ тому заключенію, что появленіе «Бѣлой Дамы» въ корридорѣ зàмка не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что оно еще разъ,— и притомъ въ данномъ случаѣ вполнѣ убѣдительно,—подтверждаетъ издавна существующее въ свѣтлѣйшемъ домѣ преданіе. Въ особенности при этомъ имѣли вѣсъ показанія упавшей почти замертво гофмейстерины, а также убѣжавшаго со страха предъ привидѣніемъ поручика, испытанная храбрость котораго была извѣстна каждому, и, слѣдовательно,—говорили и въ зàмкѣ, и въ публикѣ,— должна же быть чрезвычайно важная, нешуточная причина, если такой храбрецъ оказался трусомъ. О возможности появленія принцессы въ видѣ «Бѣлой Дамы», разумѣется, никто не могъ подумать.

Сама же принцесса, когда ей утромъ сказали о появленіи вблизи ея привидѣнія, съ испугомъ и изумленіемъ открыла свой ротикъ, на который, однако, пробивалась сдерживаемая ею съ трудомъ ве-

селая улыбка. Затѣмъ, какъ будто придя въ себя, она отозвалась, что въ эту ночь спала такъ крѣпко, что ровно ничего не слыхала, что̀ происходило въ корридорѣ. Поручикъ, въ свою очередь, тайкомъ подсмѣивался, хотя и говорилъ всюду, что ужасное явленіе, очевидцемъ котораго ему привелось быть, до такой степени разстроило его прежде столь крѣпкіе нервы, что ему необходимо уѣхать изъ города и пожить на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ.

Спустя нѣкоторое время, страшная политическая буря, вслѣдствіе нашествія пруссаковъ, разразилась надъ семействомъ принцессы, а нѣсколько позднѣе баронъ сдѣлался морганатическимъ супругомъ «Бѣлой Дамы», обратившейся, какъ и слѣдовало ей быть, въ принцессу Р.

Появленіе «Бѣлыхъ Дамъ» относитъ народное повѣрье къ разнымъ причинамъ. Одною изъ такихъ причинъ бываетъ, какъ думаютъ, совершонное ею какое нибудь страшное злодѣйство, какъ, напримѣръ, убійство мужа, сестры, брата или дѣтей, за что̀ преступница и бываетъ осуждена бродить по землѣ до тѣхъ поръ, пока Господь Богъ проститъ ее и избавитъ душу ея отъ мытарства. Иногда въ «Бѣлую Даму» обращается, послѣ смерти, какая нибудь страдалица, или вовсе неповинная, или совершившая только какой нибудь легкій грѣшокъ, за который, однако, привелось ей поплатиться жизнію. Мучительная же смерть ея осталась тайною для всѣхъ, кромѣ ея убійцъ. Предана она была погребенію безъ совершенія надъ нею христіанскаго обряда, а потому душа ея, въ видѣ призрака, ходитъ около того мѣста, гдѣ было сокрыто ея тѣло. Ходитъ же она въ ожиданіи, что добрые люди отъищутъ ея прахъ и похоронятъ ея останки, совершивъ надъ ними заупокойную молитву.

Сохраняется, между прочимъ, извѣстіе, что въ Богеміи Перта Розенбергъ обратилась въ «Бѣлую Даму» по слѣдующей причинѣ. Она собирала всю жизнь деньги съ тѣмъ, чтобы за эти деньги, какъ за церковный вкладъ, были совершаемы послѣ ея смерти заупокойныя о ней поминовенія. Между тѣмъ, накопленныя съ этой цѣлію деньги были украдены, а потому душа этой женщины, жившей еще въ XV столѣтіи, хотя и праведная, донынѣ не обрѣла желаемаго успокоенія. Дама эта ходитъ по за̀мку Нейгаузу въ Богеміи, имѣя въ рукахъ связку ключей, изъ-подъ которыхъ были украдены скопленныя ею деньги.

Но разсказъ объ этой «дамѣ», появляющейся и въ Берлинѣ, въ «бургѣ», передается въ переиначенномъ видѣ. По этому разсказу, маркграфъ бранденбургскій Іоакимъ II имѣлъ дочь, по имени Софію, которая вышла замужъ за богемскаго оберъ-бургграфа Вильгельма Розенберга и скончалась, спустя три года послѣ своей свадьбы. Послѣ смерти она, по неизвѣстной причинѣ, сдѣлалась «Бѣлою Да-

мою», появляющеюся въ разныхъ богемскихъ зàмкахъ и извѣстною подъ именемъ Перты Розенбергъ. По народной молвѣ, она быстро ходитъ по зàмкамъ, отпирая запертыя двери имѣющимися при ней ключами. Если кто при встрѣчѣ ей поклонится, то она ласково отвѣтитъ тоже поклономъ, старымъ же женщинамъ она сама кланяется первая и идетъ далѣе. Если же кто нибудь поклонится ей съ усмѣшкой, то лицо ея принимаетъ гнѣвное выраженіе, и она бросаетъ въ такого встрѣчнаго камнемъ, или тѣмъ, что попадетъ подъ руку. По преданію, она въ особенности любила послѣдняго своего потомка, Петра Розенберга, и когда няня его засыпала ночью, то «Бѣлая Дама» качала его колыбель или брала на руки и носила по комнатѣ, нѣжно убаюкивая его. Однажды, когда малютка остался въ своей комнатѣ одинъ, явилась «Бѣлая Дама» и показала ему въ стѣнѣ то мѣсто, черезъ которое она исчезаетъ. Когда же Петръ Розенбергъ выросъ и сдѣлался владѣльцемъ зàмка, то онъ приказалъ, въ 1611 году, разломать въ этомъ мѣстѣ стѣну и тамъ нашелъ несмѣтныя сокровища, изъ которыхъ онъ далъ императору Рудольфу 100,000 гульденовъ для веденія войны съ курфюрстомъ баварскимъ. Эта «Бѣлая Дама» Перта, или Прехта, не только не считается зловѣщею предвѣстницею, но, напротивъ, ее считаютъ чрезвычайно благосклонною къ Гогенцолернскому дому.

Кромѣ этой «Бѣлой Дамы», родственной Гогенцолернскому дому, причисляются къ нему еще три «Бѣлыя Дамы», а именно: графиня Лейнингенъ и Кунигунда Болгарская, и Анна Сидовъ. По разсказу одной хроники графиня Лейнингенъ жила въ XVI вѣкѣ при дворѣ курфюрста Іоакима I и хотѣла, чтобы онъ женился на ней. Курфюрстъ, какъ надобно заключить изъ разсказа одного хроникера, былъ человѣкъ сладострастный: графиня угощала его какимъ-то напиткомъ, который будто бы ускорилъ его смерть, а графиня лишена была за это загробнаго покоя.

Что же касается Кунигунды Болгарской, то она была женою могущественнаго короля богемскаго Оттокара II, а сестра ея была замужемъ за маркграфомъ бранденбургскимъ, непримиримымъ врагомъ императора Рудольфа Габсбургскаго, родоначальника австрійской династіи. Такъ какъ впослѣдствіи по такому родству маркграфъ Іоакимъ I сдѣлался опекуномъ сына Оттокара II Венцеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правителемъ Богеміи, которой онъ надѣлалъ многа зла, то Кунигунда, родомъ Болгарская принцесса, и стала тревожить Гогенцолерновъ въ Берлинѣ, въ «бургѣ», и въ другихъ обитаемыхъ ими жилищахъ.

VI.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ иностранныхъ газетахъ сообщалось, что въ Берлинѣ, въ «бургѣ», — о которомъ мы уже

подробно говорили — видѣли призракъ «Бѣлой Дамы». Видѣли ее тамъ весьма немногіе, такъ какъ въ «бургѣ» издавна уже не живутъ представители Гогенцолернскаго дома, и, слѣдовательно, это обиталище не отличается многолюдствомъ.

Послѣ того, какъ въ 1701 году, одинъ изъ курфюрстовъ бранденбургскихъ, Фридрихъ, принялъ титулъ короля прусскаго, прежній «бургъ» казался гогенцолернамъ тѣснымъ и недостойнымъ быть

Графиня Агнеса Орламюнде.

Съ портрета, находящагося въ Байретскомъ замкѣ подъ названіемъ „черно-бѣлая дама".

королевскимъ жилищемъ. Тогда король Фридрихъ I началъ строить нынѣшній королевскій дворецъ въ новомъ вкусѣ, и по окончаніи его постройки гогенцолерны покинули давнишнее свое гнѣздо, свитое ихъ предкомъ еще въ XV столѣтіи на берегу Шпрее. Неизвѣстно навѣрное, но можетъ статься, что появившійся въ «бургѣ» грозный призракъ повыжилъ ихъ изъ древняго жилища ихъ предковъ. Впрочемъ, въ настоящее время и «новый» построенный за сто восемьдесятъ лѣтъ дворецъ остается пустымъ, такъ какъ императоръ Вильгельмъ никогда въ немъ не жилъ, а помѣстился онъ на постоянное житье въ своемъ собственномъ домѣ, на Unter-den-Linden,

не будучи даже еще наслѣднымъ принцемъ. Залы же королевскаго дворца наполняются теперь только во дни баловъ или какихъ нибудь особыхъ торжествъ и празднествъ, а въ покинутомъ королевской семьей «бургѣ» предоставлена «Бѣлой Дамѣ» полная свобода бродить по его вѣчно-пустымъ заламъ.

Достовѣрность появленія въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію со стороны берлинцевъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ изъ нихъ скептиковъ. Да и отъ чего же не вѣрить имъ въ возможность такого явленія, если берлинцы еще весьма недавно вѣрили, — да и теперь дѣлаютъ видъ, будто вѣрятъ,—въ другое еще болѣе невѣроятное чудо. По народной молвѣ, бронзовая статуя, такъ называемаго «Великаго курфюрста» наканунѣ каждаго новаго года соскакиваетъ со своего пьедестала, и тогда этотъ «мѣдный всадникъ» несется по Берлину, осматривая, все ли обстоитъ, какъ слѣдуетъ, въ его стольномъ градѣ. Въ разное время находились среди жителей Берлина такія лица, которыя подъ клятвою утверждали, что они сами не только видѣли мчавшагося на конѣ «Великаго курфюрста», но и весьма отчетливо слышали въ ночной тишинѣ звонкіе удары копытъ его бронзоваго коня о камни мостовой.

Что касается бѣлаго призрака, появляющагося въ «бургѣ», то оказывается, что при его неосязаемости онъ способенъ иногда и говорить. Такъ сохранилось извѣстіе, что «Бѣлая Дама» при одномъ изъ своихъ появленій, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ 1628 года, сказала смотрѣвшимъ на нее людямъ: «я жду суда», и, что̀ въ особенности замѣчательно, слова эти она произнесла не понѣмецки, а по-латыни.

Появленіе въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» считается зловѣщимъ предзнаменованіемъ, такъ какъ замѣчено, что обыкновенно является она передъ смертію одного изъ членовъ Гогенцолернскаго дома и преимущественно передъ смертію такого его члена, который находится еще въ дѣтскомъ возростѣ. Такимъ предзнаменованіемъ объясняется и бѣлая одежда таинственнаго привидѣнія, потому что въ прежнее время, въ Пруссіи,—какъ и во многихъ другихъ германскихъ государствахъ,—траурнымъ придворнымъ цвѣтомъ считался не черный, а бѣлый, и, слѣдовательно, одѣтая въ одеждѣ этого цвѣта женщина является въ трауpѣ.

Одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ самое происхожденіе «Бѣлой Дамы», преимущественно въ Берлинѣ, объясняетъ тѣмъ, что остававшіяся послѣ бранденбургскихъ курфюрстовъ вдовы, при погребеніи ихъ мужей, шли въ похоронной процессіи въ бѣлой одеждѣ, съ высокимъ бѣлымъ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, и съ лицемъ, закрытымъ бѣлою вуалью, и такимъ образомъ появленіе «Бѣлой Дамы» совпадало всегда со смертію государя. Подобная одежда была принята и во Франціи для овдовѣвшихъ королевъ,

почему вдовы французскихъ королей и назывались «Dame Blanche», и это названіе обращалось въ собственное ихъ имя, отъ чего во Франціи и встрѣчается немало королевъ, носившихъ имя Blanche—бѣлая, въ замѣнъ крестнаго ихъ имени.

Не говоря о неоднократныхъ появленіяхъ въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» въ предшедствовавшіе два вѣка, мы скажемъ, что она являлась нѣсколько разъ и въ текущемъ столѣтіи. Видѣла ее прислуга, жившая въ «бургѣ», стоявшій тамъ военный караулъ и мастеровые, занимавшіеся разною работою. Когда нѣкоторые, болѣе отважные, люди пытались преслѣдовать ее, то она внезапно исчезала. «Бѣлая Дама» появлялась, въ 1840 году, незадолго передъ смертію короля Фридриха-Вильгельма III; слѣдующее затѣмъ ея появленіе предшествовало смерти его преемника. Видѣли ее и въ 1879 году передъ смертію малолѣтняго принца Вольдемара, сына нынѣшняго наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма.

По народной молвѣ, въ «бургѣ» въ видѣ «Бѣлой Дамы» является блуждающая душа Анны Сидовъ, извѣстной подъ именемъ «прекрасной литейщицы». Вотъ ея печальная исторія.

Съ 1535 по 1571 годъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ былъ Іоакимъ II. Государь этотъ чрезмѣрно любилъ роскошь, пышность и великолѣпіе. Прежде всего онъ пожелалъ перестроить и заново отдѣлать устарѣлый уже «бургъ» и обратить его изъ укрѣпленнаго замка въ настоящій дворецъ. Въ 1538 году, знаменитый въ свое время архитекторъ Каспаръ Тейсъ началъ постройку новаго дворца, но постройка эта не была доведена до конца при жизни курфюрста Іоакима. При возведеніи этого дворца, составлявшаго, впрочемъ, собственно только пристройку къ древнему «бургу», Іоакимъ задался мыслію выстроить такую великолѣпную залу, которая была бы и которая, дѣйствительно, сдѣлалась предметомъ удивленія его современниковъ. Съ постройкою этой залы и связана исторія Анны Сидовъ. Для отдѣлки новой залы нужны были разные художники, которыхъ курфюрстъ Іоакимъ вызывалъ изъ разныхъ странъ Европы въ Берлинъ, и между этими художниками вызванъ былъ имъ изъ Бургундіи литейщикъ Матіасъ Дитрихъ, котораго курфюрстъ пожаловалъ капитаномъ артиллеріи. Дитрихъ, проживая въ Берлинѣ, прославился въ особенности отливкою памятника курфюрсту Іогану, прозванному Цицерономъ. Памятникъ этотъ находится нынѣ въ Берлинѣ, въ соборной церкви, стоящей близъ «бурга».

Если въ Берлинѣ Дитрихъ прославился своими художественными произведеніями, то жена его, рожденная Анна Сидовъ, прославилась еще болѣе красотою. Весь Берлинъ постоянно твердилъ объ этой чудной красавицѣ, и курфюрстъ Іоакимъ, большой любитель всего изящнаго, прельстился прекрасной Анной. Курфюрстъ Іоакимъ былъ женатъ два раза: сперва на Магдалинѣ, герцогинѣ

саксонской, а потомъ на Гедвигѣ, королевнѣ польской. Отъ послѣдняго брака онъ имѣлъ четырехъ дѣтей. Курфюрстина Гедвига, находясь однажды съ мужемъ въ охотничьемъ замкѣ Гримницѣ, идя по лѣстницѣ, какъ-то оступилась и упала въ нижній этажъ, гдѣ наткнулась на оленьи рога и такъ сильно себя поранила, что потомъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1553 году, ходила на костыляхъ. Вслѣдствіе неизлечимой ея болѣзни, курфюрстъ считалъ себя свободнымъ отъ супружескихъ обязанностей и потому сильно пріударилъ за прекрасной литейщицей, мужъ которой въ 1560 году умеръ, и она, оставшись молоденькой вдовой, поддалась искушенію со стороны курфюрста и стала съ нимъ жить какъ бы съ законнымъ супругомъ.

Іоакимъ безъ ума любилъ Анну и какъ на словахъ, такъ равно и въ письменномъ завѣщаніи просилъ своего сына и будущаго преемника Іогана-Георга, чтобъ онъ, Іоганъ, взялъ Анну Сидовъ и ея дѣтей подъ свою особенную защиту. У Анны отъ курфюрста были: дочь Магдалина, получившая фамилію графини фонъ-Арненбургъ, и сынъ, который, какъ надобно полагать, умеръ еще ребенкомъ. Еще при жизни курфюрста, сынъ и наслѣдникъ его Георгъ, въ іюлѣ 1561 года, далъ Аннѣ уцѣлѣвшую донынѣ въ подлинникѣ подписку въ томъ, что онъ, по смерти своего отца, сохранитъ за нею все ея богатство. Плохо, однако, исполнилъ Георгъ завѣщаніе своего родителя и свое письменное обѣщаніе, данное Аннѣ. Положимъ, что нельзя было надѣяться на щедрость со стороны новаго курфюрста, такъ какъ онъ, въ противоположность своему отцу, былъ порядочный скряга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было и ожидать, чтобъ онъ такъ жестоко поступилъ съ оставленною на его попеченіи беззащитною женщиною. Неизвѣстны тѣ причины и обстоятельства, которыя ожесточили Георга противъ Анны. Какъ бы то ни было, но лишь только, послѣ смерти его отца, верховная власть перешла въ его руки, онъ тотчасъ засадилъ Анну въ Шпандаускую крѣпость, гдѣ и держалъ ее до конца ея жизни въ самомъ строгомъ и тѣсномъ заключеніи. По другому преданію, онъ приказалъ утопить ее въ озерѣ, надъ которымъ донынѣ еще стоитъ замокъ Грюневальдъ, гдѣ и донынѣ показываютъ мѣсто, откуда несчастная женщина была брошена въ воду.

Народъ со злобою отнесся къ такому поступку курфюрста, тѣмъ болѣе, что ходила молва, будто онъ клятвенно обѣщалъ умирающему своему отцу свято исполнить его послѣднюю волю. Въ поступкѣ Георга увидѣли не только жестокость, но и вѣроломство, и въ народѣ укоренилось вѣрованіе, что неповинная ни въ чемъ Анна Сидовъ явилась въ первый разъ, въ видѣ «Бѣлой Дамы», наканунѣ смерти своего гонителя, а потомъ стала являться передъ смертію его потомковъ, какъ бы мстя имъ за тѣ преслѣдованія, какія пришлось испытать ей отъ одного изъ ихъ прародителей.

VII.

Года два тому назадъ въ Берлинѣ умеръ графъ Штильфридъ-Алькантара. Онъ былъ ветхій старецъ, такъ какъ семью годами раньше родился императора Вильгельма, который чрезвычайно любилъ и уважалъ его. Штильфридъ не занималъ видной государственной должности, но возился только съ гербами, титулами и родословными, такъ какъ онъ состоялъ въ должности королевскаго герольдмейстера. Былъ онъ, однако, не только приближеннымъ человѣкомъ къ императору, но и личнымъ другомъ Вильгельма, который любилъ бесѣдовать съ нимъ и пользоваться его обширными свѣдѣніями по исторіи и въ особенности по части нѣмецкой археологіи. Штильфридъ, между прочимъ, написалъ и издалъ «Исторію свѣтлѣйшаго Гогенцолернскаго дома» и въ этомъ историческо-генеалогическомъ трудѣ коснулся вопроса и о «Бѣлой Дамѣ».

Собравъ всевозможныя о ней свѣдѣнія — лѣтописныя извѣстія и народныя преданія, и, конечно, не утверждая, но и не отвергая дѣйствительности появленія знаменитаго призрака, Штильфридъ взглянулъ на вопросъ о «Бѣлой Дамѣ» исключительно съ точки зрѣнія историка, равнодушнаго къ дѣйствительному или мнимому существованію призрака, и сталъ разыскивать только ту причину, которую, по народному повѣрію, олицетворяетъ собою это грозное для Гогенцолерновъ привидѣніе, появившееся издавна въ древнемъ жилищѣ ихъ предковъ.

Не отвергая, что привидѣніе, являющееся нынѣ въ «бургѣ», представляетъ собою «прекрасную литейщицу» Анну Сидовъ, Штильфридъ подъискалъ еще и другой являвшійся нѣкогда призракъ, имѣвшій самыя близкія отношенія къ Гогенцолернскому дому, но такой призракъ, о появленіи котораго давно уже замолкли всякіе слухи. Въ добавокъ къ этому, Штильфридъ пришелъ къ тому заключенію, что «Бѣлая Дама» составляла первоначально родовую принадлежность исключительно одного рода гогенцолернскаго, и что именно въ подражаніе гогенцолернской «Бѣлой Дамѣ» стали являться въ другихъ владѣтельныхъ нѣмецкихъ фамиліяхъ разсказы о появленіи такихъ же призраковъ.

Не довольствуясь одною только Анною Сидовъ, Штильфридъ-Алькантара забрался въ болѣе отдаленную отъ насъ глубь вѣковъ и подыскалъ тамъ, какъ мы сказали, еще другую «Бѣлую Даму», которая была первообразомъ другихъ «Бѣлыхъ Дамъ». Дама эта была вдовствующая графиня Кунигунда фонъ-Орламиндъ, которая почувствовала неодолимую страсть къ прозванному недаромъ «Красавцемъ», Альбрехту, бургграфу Нюренбергскому, происходившему изъ Гогенцолернскаго дома. У этой, должно быть, очень влюбчивой

графини было, однако, двое незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ ею во время ея вдовства. Бургграфу очень желательно было вступить въ бракъ съ этой очаровательной вѣтренницей, но онъ не рѣшался на это, имѣя въ виду, что незаконныя дѣти Кунигунды будутъ пятнами на его супружеской чести. Когда началось сватовство, то бургграфъ, имѣвшій охоту иногда покропать вирши, отправилъ своей невѣстѣ слѣдующее двустишіе:

«Der Frau von Orlamünd
Schaden vier Augen und zwei Kind»—

т. е. графинѣ фонъ-Орламиндъ вредятъ четыре глаза и двое дѣтей. Подъ словами «четыре глаза» бургграфъ-стихоплетъ разумѣлъ своихъ родителей, которые препятствовали желаемому Альбрехтомъ браку, тѣмъ болѣе, что они въ это время собирались женить его на болѣе подходящей для него невѣстѣ—графинѣ Геннебергъ. Стихотвореніе бургграфа имѣло, однако, по употребленному въ немъ иносказанію, роковыя послѣдствія. Не смекнувъ, что «четыре глаза» должны быть замѣнены словами: «отецъ и мать», и имѣя въ виду, что у двухъ ея малютокъ были тоже, въ сложности, четыре глаза, графиня отнесла такое образное выраженіе только къ своимъ дѣтямъ. Такъ какъ, по ея мнѣнію, лишь эти малютки препятствовали ея браку съ бургграфомъ, то она и рѣшилась умертвить ихъ. Умертвила же она своихъ дѣтокъ, воткнувъ имъ въ затылокъ длинныя иглы. Тогда разгнѣванный такимъ злодѣйствомъ Кунигунды, и притомъ злодѣйствомъ совершенно безполезнымъ, бургграфъ приказалъ казнить ее, а Господь, въ свою очередь, лишилъ ее загробнаго покоя.

Пустившись въ историческіе поиски, графъ Штильфридъ отыскалъ и могильный памятникъ графини Кунигунды, находящійся въ прежнемъ монастырѣ, а нынѣ въ приходской церкви близъ Нюренберга, извѣстной подъ названіемъ «Небеснаго Престола». На памятникѣ этомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Anno MCCCLI obiit Domina Cunigondis de Orlamund, fundationis hujus abatissa in Coeli Throno»,
т. е. въ 1351 году скончалась госпожа Кунигунда Орламиндская, аббатисса этой обители во имя «Небеснаго Престола». Надпись надъ памятникомъ графини Кунигунды опровергаетъ, однако, лучше всего разсказъ объ ея казни за вымышленное дѣтоубійство,—разсказъ, внесенный въ послѣдующее время въ монастырскую хронику.

На могильномъ камнѣ графиня представлена въ «монашеской одеждѣ» ордена цистеріанокъ, которая должна была быть бѣлаго цвѣта, и, какъ надобно полагать, такая одежда и дала поводъ причислить графиню Кунигунду къ «Бѣлымъ Дамамъ».

Преданіе о Кунигундѣ было нѣсколько переиначено въ преданіи о третьей «Бѣлой Дамѣ», имѣющей тоже ближайшее отноше-

ніе къ Гогенцолернскому дому. По этому преданію, жила, — неизвѣстно, впрочемъ, въ какое именно время, — какая-то графиня Агнеса, бывшая любовницей маркграфа Бранденбургскаго, отъ котораго она имѣла двухъ сыновей. Когда маркграфъ овдовѣлъ, то графиня Агнеса была увѣрена, что онъ женится на ней, но маркграфъ отказался отъ брака съ нею, ссылаясь на то, что бракъ этотъ былъ бы без-

Надгробный камень надъ прахомъ графини Орламюнде.

честіемъ для его рода, такъ какъ у Агнесы было двое незаконныхъ дѣтей, хотя и родившихся отъ самого бурграфа. Тогда Агнеса отравила своихъ дѣтей, и за это преступленіе маркграфъ приказалъ ее замуровать живую въ стѣнахъ «бурга».

По другому разсказу, графиня Агнеса, желая выйдти замужъ не за маркграфа бранденбургскаго, а за герцога пармскаго, и полагая, что бывшія у нея, отъ связи съ маркграфомъ, двѣ дочери могутъ препятствовать ея браку съ герцогомъ, умертвила обѣихъ дѣ-

вушекъ. Хотя это преступленіе и не было вовсе обнаружено, или, быть можетъ, и обнаруженное осталось безнаказаннымъ, но Господь проклялъ дѣтоубійцу и осудилъ ее скитаться въ видѣ замогильнаго призрака.

VIII.

Кромѣ недавняго появленія одной влюбленной принцессы въ видѣ «Бѣлой Дамы», о которомъ мы говорили, были еще и другія появленія «Бѣлыхъ Дамъ» собственно въ семействѣ гогенцолерновъ, и появленія эти не имѣли ни малѣйшей романической окраски, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были сильно поколебать правдивость разсказовъ о появленіи «Бѣлыхъ Дамъ».

Въ герцогствѣ Аншпахскомъ, принадлежащемъ гогенцолернамъ, стали въ давнюю еще пору ходить слухи, что въ тамошнихъ зàмкахъ Байретѣ и Плессенбургѣ появляется «Бѣлая Дама». Въ 1540 году, безстрашный маркграфъ Альбрехтъ рѣшился лично провѣрить справедливость этихъ слуховъ и сталъ проводить ночи въ одной изъ громадныхъ залъ плессенбургскаго зàмка, поджидая грознаго привидѣнія. Однажды, въ самую полночь, отворились двери этой залы, и въ нихъ показался громадный призракъ, одѣтый въ бѣломъ. Альбрехтъ тотчасъ же подскочилъ къ нему и, схвативъ его за шею своими сильными руками, подтащилъ къ лѣстницѣ и оттуда изо всей силы сбросилъ его внизъ головою. На крикъ маркграфа сбѣжалась прислуга со свѣчами и увидѣла на послѣдней площадкѣ лѣстницы съ проломленною головою канцлера Христофора Штраза, при которомъ былъ найденъ тщательно отточенный кинжалъ. Въ жилищѣ же канцлера было отыскано письмо, изъ котораго было видно, что этотъ самый высокій сановникъ, сговорясь съ епископомъ Бамбергскимъ, хотѣлъ тайно извести маркграфа.

Въ 1598 году, «Бѣлая Дама» появилась въ первый разъ, какъ мы говорили, въ «бургѣ», въ Берлинѣ, не задолго передъ смертію курфюрста Іогана-Георга. Появленіе ея повторилось здѣсь 1-го декабря 1619 года, за двадцать три дня передъ смертію курфюрста Іогана-Сигизмунда. Разсказывали, что привидѣніе имѣло грозный и мертвенный видъ. Самъ курфюрстъ былъ свидѣтелемъ появленія «Бѣлой Дамы» и со страху тотчасъ же убѣжалъ изъ «бурга» въ домъ своего камердинера Антона Фрейтага, гдѣ онъ и умеръ. Полагаютъ, что привидѣніе было на этотъ разъ подстроено католическимъ духовенствомъ, которое враждовало съ гогенцолернами за ихъ переходъ въ лютеранство.

Въ 1651 году, «Бѣлая Дама» появилась прусскому оберъ-шталмейстеру Бургсдорфу въ то время, когда онъ, пришедши въ «бургъ» къ курфюрсту, поднимался на лѣстницу. Разсказывали, что нѣсколько дней тому назадъ «Бѣлую Даму» видѣли днемъ въ собор-

ной церкви, у алтаря, подъ которымъ находилась усыпальница курфюрстовъ. Слушая разсказы о такомъ появленіи, Бургсдорфъ повторялъ нѣсколько разъ въ шутку: «хотѣлъ бы я посмотрѣть въ лицо этой старухѣ». «Когда, однажды, вечеромъ,—такъ разсказывалъ самъ Бургсдорфъ: — я уложилъ въ постель свѣтлѣйшаго курфюрста, то вдругъ, при выходѣ на лѣстницу, появившаяся передо мной «Бѣлая Дама» громко сказала: «Ахъ ты, негодный старикашка! Развѣ мало ты пролилъ крови, или еще хочешь проливать ее?». У оскорбленнаго привидѣніемъ старикашки нашлась, однако, большая сила. Онъ такъ толкнулъ съ лѣстницы «Бѣлую Даму», что у ней лопнула кофта и затрещали ребра, но дальнѣйшихъ послѣдствій никакихъ не было. Услышавъ шумъ, курфюрстъ послалъ на лѣстницу со свѣчею своего камеръ-пажа посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Оказалось, однако, что «Бѣлая Дама» исчезла безслѣдно, а ровно черезъ годъ Бургсдорфъ умеръ, раскаявшись въ томъ, что позволилъ себѣ такъ грубо обойдтись съ явившимся передъ нимъ привидѣніемъ.

О позднѣйшихъ появленіяхъ въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» сохранились слѣдующія извѣстія.

IX.

Въ 1667 году, какъ сообщилъ придворный проповѣдникъ Бергіусъ, курфюрстина Луиза-Генріетта, войдя въ свою комнату, увидѣла, что за письменнымъ столомъ сидитъ какая-то дама, одѣтая въ бѣлое атласное платье, съ головою, причесанною по тогдашней модѣ. Курфюрстина подошла къ дамѣ, которая, вставъ съ креселъ, кивнула курфюрстинѣ головой и вдругъ исчезла. Вскорѣ послѣ того Луиза-Генріетта скончалась. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что о такомъ видѣніи проповѣдникъ сталъ разсказывать только послѣ смерти курфюрстины. Но молчаніе его едва ли можетъ возбудить въ данномъ случаѣ сомнѣніе на счетъ правдоподобности разсказа, такъ какъ при жизни курфюрстины, онъ, вѣроятно, не хотѣлъ никому разсказывать, чтобъ не потревожить ея семейства.

Впослѣдствіи, при появленіи «Бѣлой Дамы» въ «бургѣ» стали замѣчать перемѣну въ ея прежнемъ нарядѣ, а именно, что иногда она являлась въ черныхъ перчаткахъ и въ башмакахъ съ черными передками. По поводу такихъ разсказовъ объ особенностяхъ въ туалетѣ «Бѣлой Дамы», одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ высказалъ догадку, что «Бѣлая Дама» должна считаться предвѣстницею несчастья только тогда, когда она является въ черныхъ перчаткахъ и въ башмакахъ съ черными передками. Если же она является во всемъ бѣломъ, то ее слѣдуетъ считать хорошею вѣстницею. Такое истолкованіе было принято, и, разумѣется, тѣмъ, для кого появленіе «Бѣлой Дамы» могло считаться зловѣщимъ, разсказывали, чтобъ под-

бодрить ихъ, что хотя она и появилась, дѣйствительно, но на этотъ разъ во всемъ бѣломъ, безъ черныхъ перчатокъ и безъ черныхъ башмаковъ.

Чрезвычайно странный былъ случай появленія «Бѣлой Дамы» первому прусскому королю Фридриху I, умершему 25-го февраля 1713 года. За нѣсколько недѣль до его смерти къ нему явилась «Бѣлая Дама» въ самомъ ужасномъ видѣ: волосы ея были растрепаны, а руки облиты кровью. Она предстала передъ королемъ въ то время, когда онъ, несовсѣмъ здоровый, задремалъ, сидя въ креслѣ. Отъ происшедшаго около него шума, онъ встрепенулся и пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ передъ собою «Бѣлую Даму» и притомъ съ окровавленными руками. Испугъ такъ сильно подѣйствовалъ на него, что онъ впалъ въ горячку и тотчасъ же слегъ въ постель, съ которой уже не всталъ. Король безпрестанно въ бреду повторялъ: «я видѣлъ «Бѣлую Даму», это значитъ, что я вскорѣ умру». Предсказаніе его сбылось.

Между тѣмъ, дѣйствительное появленіе передъ королемъ «Бѣлой Дамы» объясняется такимъ образомъ. Жена его, королева Софія-Луиза, подвергалась по временамъ сильнымъ припадкамъ сумасшествія. Окружавшія ее придворныя дамы не присмотрѣли за нею, какъ слѣдуетъ, и она, при наступившемъ съ нею припадкѣ, побѣжала въ комнату короля и, ударившись при этомъ о стеклянную дверь, порѣзала себѣ руки. Явилась же она предъ задремавшимъ своимъ мужемъ въ видѣ «Бѣлой Дамы» потому, что была въ ночномъ бѣломъ капотѣ. Хотя все это тотчасъ же объяснилось, но, тѣмъ не менѣе, король не могъ прійдти въ себя и умеръ, повторяя, что онъ видѣлъ вѣстницу своей смерти—«Бѣлую Даму». Случилось это уже не въ «бургѣ», а въ новомъ дворцѣ, построенномъ Фридрихомъ I.

Въ царствованіе короля Фридриха-Вильгельма I появлялась «Бѣлая Дама» два раза, но оба раза была поймана караульными солдатами. Первый разъ оказалось, что «Бѣлая Дама» была поваренкомъ, и король приказалъ высѣчь этого шутника, а потомъ выставить на публичное посмѣяніе въ придуманномъ шалуномъ женскомъ нарядѣ. Другой разъ былъ, въ видѣ «Бѣлой Дамы», пойманъ какой-то солдатъ, котораго король приказалъ посадить на деревяннаго осла, также въ уборѣ «Бѣлой Дамы». Главнымъ основаніемъ повѣрья о появленіи въ «бургѣ» «Бѣлой Дамы» служило то, что въ одной изъ трубъ, устроенныхъ тамъ для тяги воздуха, былъ найденъ человѣческій остовъ, который король приказалъ похоронить на кладбищѣ, бывшемъ при придворной церкви. Это распоряженіе подало поводъ разглашать, будто найденный остовъ былъ остатокъ какой-то царственной особы.

Въ текущемъ столѣтіи были въ особенности замѣчательны появленія «Бѣлой Дамы» въ старинномъ гогенцолернскомъ замкѣ, въ

Байретѣ; въ новомъ же Байретскомъ зàмкѣ она не показывалась ни разу. При этомъ «Бѣлая Дама» была выразительницею той патріотической ненависти, которую нѣмцы питали въ то время къ французамъ. Появлялась же она въ томъ мрачномъ костюмѣ, въ какомъ она изображена на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ. Рисунокъ этотъ снятъ со стариннаго портрета, находящагося въ Байрейтскомъ зàмкѣ.

Когда, въ 1806 году, при открытіи похода противъ Германіи, французская армія стала производить въ Пруссіи разныя безчинства, «Бѣлая», или, теперь вѣрнѣе сказать, «Мрачная Дама» начала появляться въ древнемъ Байретскомъ зàмкѣ, и многіе изъ останавливавшихся въ немъ французскихъ генераловъ были не только напуганы, но и оскорблены ею.

При проходѣ, въ 1809 году, французской арміею черезъ Байретъ, въ тамошнемъ зàмкѣ расположился на стоянку начальствовавшій надъ дивизіею генералъ д'Еспань. Ночью ординарецъ генерала былъ пробужденъ страшнымъ шумомъ въ той комнатѣ, которая служила спальнею для генерала. Вбѣжавшій въ эту комнату, ординарецъ нашелъ своего генерала лежащимъ на полу подъ опрокинутою кроватью, и такъ какъ съ вечера генералъ принялъ слабительное, то оно подѣйствовало на него очень быстро, вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма отъ испуга. Пришедшій въ себя генералъ разсказалъ, что онъ видѣлъ «Черно-Бѣлую Даму», нарядъ которой онъ описалъ съ большими подробностями. Вошедшая въ спальню генерала неслышными шагами «Таинственная Дама» погрозила ему пальцемъ, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ страха, онъ какою-то невидимою силою былъ отброшенъ на средину комнаты и здѣсь очутился подъ опрокинутою подъ нимъ постелью. Генералъ тотчасъ же оставилъ мѣсто такого страшнаго ночлега и перебрался въ дворцовую пристройку, носившую названіе «Фантазія».

По приказанію генерала, былъ тотчасъ же произведенъ въ зàмкѣ сáмый тщательный розыскъ французскими офицерами; подъ ихъ присмотромъ отдирали обивку стѣнъ и приподнимали половицы, старались найдти, нѣтъ ли какихъ нибудь потаенныхъ ходовъ, но всѣ эти розыски были напрасны, и вскорѣ разсказъ о страшномъ, а отчасти и забавномъ приключеніи съ генераломъ распространился во всей французской арміи. Самъ же генералъ д'Еспань въ появленіи ночнаго привидѣнія увидѣлъ предвѣстіе своей близкой смерти, которая, дѣйствительно, вскорѣ постигла его, такъ какъ въ томъ же году, 21-го мая, онъ былъ убитъ въ сраженіи съ австрійцами при Асцернѣ.

X.

Когда 14-го мая 1812 года, Наполеонъ, во время своего похода въ Россію, пріѣхалъ въ первый разъ въ Байретъ, то онъ жилъ здѣсь въ новомъ зàмкѣ, такъ какъ передъ его пріѣздомъ былъ посланъ изъ Ашафенбурга курьеръ съ увѣдомленіемъ, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ занять тѣ покои, въ которыхъ появляется «Бѣлая Дама». Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы никого не допускать въ аппартаменты, предназначенные для императора. По прибытіи же въ Байретъ, Наполеонъ прежде всего спросилъ графа Мюнстера, исполнены ли въ точности приказанія, данныя относительно императорскаго помѣщенія? Проведя въ зàмкѣ ночь, императоръ утромъ выѣхалъ изъ Байрейта въ мрачномъ и грустномъ настроеніи, повторяя нѣсколько разъ: «Ce maudit château», т. е. «этотъ проклятый зàмокъ», и заявилъ окружавшимъ его лицамъ, что онъ въ другой разъ ни за что не остановится въ этомъ зàмкѣ. Чтò именно здѣсь случилось съ императоромъ, неизвѣстно, но было видно, что ночлегъ и въ новомъ зàмкѣ сильно разстроилъ его.

2-го августа 1813 года, Наполеонъ снова пріѣхалъ въ Байрейтъ, но ни за что не хотѣлъ остановиться здѣсь и уѣхалъ на ночлегъ въ зàмокъ Плауэнъ.

Съ 1822 года, «Бѣлая Дама» перестала появляться въ Байретѣ. Прекращеніе ея появленій совпало со смертію тамошняго замкòваго каштеляна Шлюттера, родомъ пруссака, заклятаго врага французовъ. Въ оставшемся послѣ него имуществѣ нашли костюмъ «Черно-Бѣлой Дамы», напугавшей въ этомъ костюмѣ за десять лѣтъ передъ этимъ сперва храбраго генерала д'Еспань, а вскорѣ послѣ того, какъ надобно полагать, и самого Наполеона.

Съ 1790 по 1812 годъ, «Бѣлая Дама» нѣсколько разъ наводила ужасъ въ берлинскомъ «бургѣ». Но когда послѣ ея появленія были произведены въ «бургѣ» тщательные поиски, то одинъ разъ тамъ нашли пудрмантель, а въ другой разъ, въ такъ называемой «Зеленой Шиппъ» бѣлую гардину. По дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что въ одной изъ башенъ «бурга» призракъ «Бѣлой Дамы» воспроизводится отраженіемъ рѣки Шпрее, освѣщенной блескомъ луны.

«Бѣлая Дама» появлялась въ «бургѣ» нѣсколько разъ втеченіе сороковыхъ годовъ, столь прискорбныхъ для гогенцолерновъ. Въ 1850 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, появилась она, но уже не въ «бургѣ», а въ швейцарской комнатѣ королевскаго дворца. Здѣсь окликнули ее караульные солдаты, и она дала тягу, испугавшись, повидимому, гораздо болѣе сама солдатъ, нежели испугала ихъ своимъ появле-

ніемъ. и съ невѣроятной быстротою понеслась внизъ по лѣстницѣ, такъ что задержать ее не было никакой возможности.

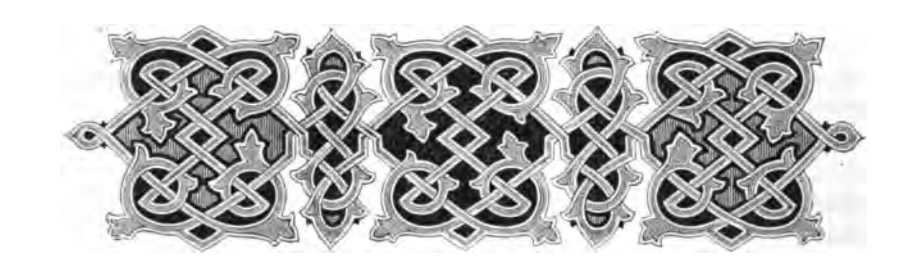
Нѣсколько позднѣе, одинъ унтеръ-офицеръ, бывшій въ дворцовомъ караулѣ, самымъ настойчивымъ образомъ увѣрялъ своихъ товарищей, что онъ видѣлъ «Бѣлую Даму», и, по тщательнымъ розыскамъ, оказалось, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ этотъ грозный призракъ, но только во образѣ безобидной старушки, проживавшей въ «бургѣ» и иногда гулявшей на чистомъ воздухѣ ночью по двору замка, въ бѣломъ капотѣ.

Въ одномъ старинномъ стихотвореніи «Бѣлая Дама», появляющаяся въ «бургѣ», описана такъ:

«Въ бѣлой одеждѣ и въ бѣломъ монашескомъ покрывалѣ проходитъ она въ полночь по бургу. Посинѣлыя руки сложены неподвижно на ея впалой груди, глаза тусклые, какъ у мертвеца, опущены долу...».

Е. Карновичъ.

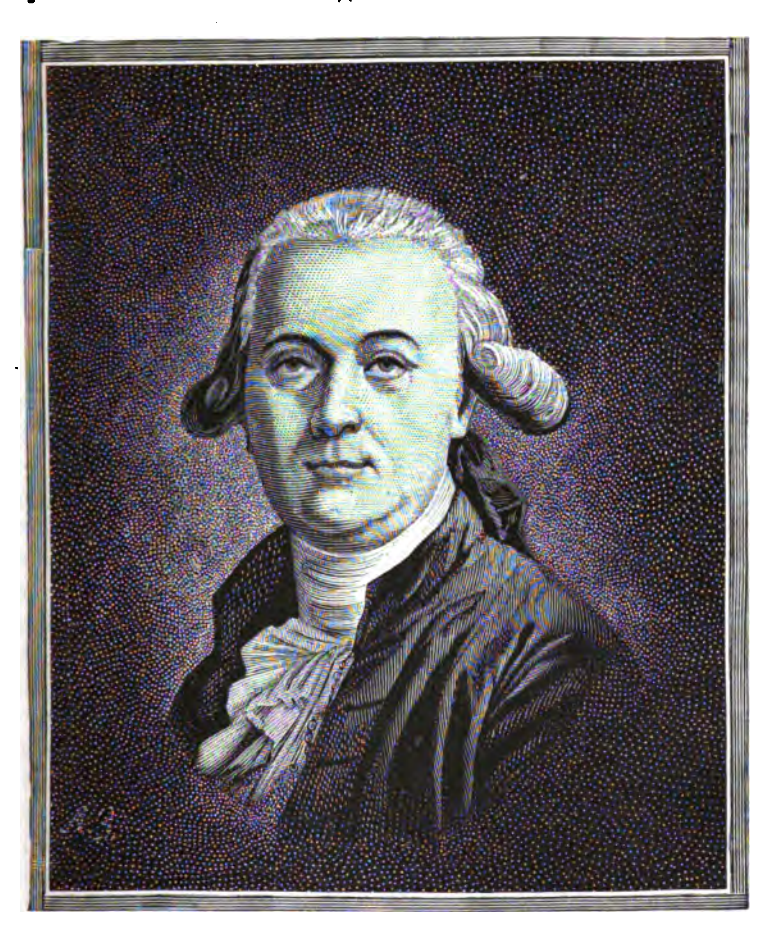

ОДИНЪ ИЗЪ ДРУЗЕЙ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

КОНЕЦЪ прошлаго столѣтія, на который сыпалось столько упрековъ въ безсердечіи, жестокости, отсутствіи гуманности, сдѣлалъ, однако же, для страдальцевъ и обиженныхъ природою гораздо больше, чѣмъ эпохи, славящіяся своею филантропіею. Если въ началѣ XVIII вѣка на несчастныхъ, лишенныхъ одного изъ главныхъ чувствъ или даровъ природы, на нѣмыхъ, слѣпыхъ, глухихъ и помѣшанныхъ, смотрѣли какъ на паріевъ, отверженцевъ человѣчества, въ концѣ этого вѣка ученые и филантропы признали ихъ своими братьями, перестали чуждаться ихъ и не только облегчили ихъ матеріальное положеніе, но придумывали различныя системы — развить ихъ умственныя и нравственныя способности. Учреждались убѣжища для калѣкъ, воспитательные дома, улучшалась метода леченія умалишенныхъ, и если знаменитый изобрѣтатель способа обученія глухонѣмыхъ, аббатъ де Л'Эпе умиралъ въ первый годъ французской революціи, въ то же почти время развился и прочно утвердился «институтъ слѣпыхъ», основанный Валентиномъ Гаюи, у насъ почти неизвѣстнымъ, но принесшимъ не меньше пользы человѣчеству, такъ какъ найдти способъ къ развитію слѣпыхъ было гораздо труднѣе, чѣмъ содѣйствовать обученію глухонѣмыхъ. Объ этомъ-то истинномъ другѣ человѣчества, теперь, къ сожалѣнію, забытомъ въ Россіи даже тѣми, кто пользуется плодами его изобрѣтательности и усилій расширить духовный міръ несчастныхъ, лишенныхъ возможности видѣть міръ физическій, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», редакція котораго получила очень рѣдкій гравированный портретъ этого тру-

женика на пользу общую. Прилагая снимокъ съ этого портрета къ настоящей книжкѣ нашего журнала, мы заимствуемъ біографическія свѣдѣнія о Валентинѣ Гаюи изъ любопытной статьи нашего извѣстнаго окулиста А. И. Скребицкаго объ этомъ дѣятелѣ, помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Наблюдателя», журнала уже нѣсколько лѣтъ издаваемаго А. П. Пятковскимъ.

Валентинъ Гаюи.

Съ весьма рѣдкаго гравированнаго портрета.

Въ маѣ 1884 года, парижскій «Институтъ слѣпыхъ» праздновалъ столѣтнюю годовщину своего основанія Валентиномъ Гаюи, сыномъ бѣднаго деревенскаго ткача (род. 13-го ноября 1745 года, въ деревнѣ Saint-Just, въ департаментѣ Сены и Оазы), выдѣлившагося вмѣстѣ со своимъ братомъ изъ малообразованной крестьянской среды. Но въ то время, какъ братъ его, Рене-Жюстъ, сдѣлался знаменитымъ минералогомъ, Валентинъ, бывшій уже королевскимъ секретаремъ и пере-

водчикомъ (secretaire-interprète du roi), увлеченный успѣхомъ аббата Л'Эпе въ обученіи глухонѣмыхъ, задумалъ открыть пути къ образованію и другимъ обездоленнымъ природою несчастливцамъ—слѣпымъ. Онъ придумалъ систему обученія ихъ чтенію, письму, ариѳметикѣ, музыкѣ и разнымъ ремесламъ. Академія наукъ признала его методъ раціональнымъ и практическимъ. Гаюи основалъ на свои собственныя, скромныя средства, затѣмъ, съ помощью человѣколюбиваго общества, содержалъ «Мастерскую слѣпыхъ-рабочихъ» (Atelier d'aveugles-travailleurs). Людовикъ XVI, видя успѣхъ этого учрежденія, открылъ первый казенный институтъ для слѣпыхъ на 30 человѣкъ. Число это возросло вчетверо. Но смутная пора, наступившая для Франціи, подорвавшая ея финансы, уничтожившая монархію, поколебала благосостояніе и этого учрежденія. Окончательно уничтожилъ его министръ Шапталь, во время консульства, находившій, что для слѣпыхъ достаточно богадѣльни, а школа и мастерская имъ вовсе не нужна. Эта блестящая мысль одного изъ возстановителей порядка и основъ лишила возможности Гаюи трудиться на пользу несчастныхъ и приводила его въ отчаяніе. Но извѣстность его и результаты его благотворныхъ трудовъ проникли за предѣлы Франціи, и въ 1803 году онъ получилъ, черезъ посредство генералъ-маіора Хитрово, приглашеніе императора Александра I пріѣхать въ Россію и основать въ Петербургѣ институтъ для слѣпыхъ. Одинадцать лѣтъ пробылъ Гаюи въ сѣверной столицѣ, и объ этомъ пребываніи его у насъ г. Скребицкій составилъ свою статью по скуднымъ и съ трудомъ отысканнымъ архивнымъ источникамъ. Разсказъ автора о томъ, съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться другъ человѣчества во время своихъ невольныхъ сношеній съ чиновничьимъ міромъ, въ Россіи, въ высшей степени любопытенъ и поучителенъ [1]).

Начать съ того, что въ самомъ институтѣ для слѣпыхъ не сохранилось ровно никакихъ свѣдѣній объ его основателѣ. Только въ департаментѣ народнаго просвѣщенія нашлось дѣло объ учрежденіи этого института, «веденное невѣждой чиновникомъ, не умѣвшимъ соблюсти даже простой хронологической послѣдовательности въ сборѣ матеріала». Немудрено, что по такимъ источникамъ трудно было представить полный очеркъ дѣятельности у насъ Гаюи, да и то, что̀ мы узнаемъ, относится больше къ внѣшней, форменной сторонѣ дѣла, подтверждающей въ сотый разъ всю нецеремонность канцелярскаго отношенія ко всякому живому и полезному дѣлу. Изъ одинадцати лѣтъ—за шесть не нашлось въ архивахъ ни одного документа, за три года—по одному, и только за два года имѣются обстоятельныя свѣдѣнія. Самое дѣло о приглашеніи Гаюи въ Пе-

---

[1]) Монографія эта, подъ заглавіемъ: «В. Гаюи въ Петербургѣ», появилась и отдѣльной брошюрой, съ портретомъ В. Гаюи.

тербургъ тянулось три года. Въ августѣ 1803 года, онъ представилъ въ столицу проектъ института и только въ сентябрѣ 1806 года пріѣхалъ сюда, по окончаніи переговоровъ, поминутно замедлявшихся, конечно, не отъ условій, предлагаемыхъ безкорыстнымъ филантропомъ и принятыхъ безъ возраженій нашимъ правительствомъ. Пока оно раздумывало и собиралось, Гаюи, проѣздомъ черезъ Берлинъ, куда его также приглашали академія наукъ и король, изложилъ свой планъ обученія слѣпыхъ Августу Цейне, и тотъ уже въ 1806 году открылъ училище для слѣпыхъ, послужившее разсадникомъ всѣхъ подобныхъ учрежденій въ Пруссіи. У насъ Гаюи, прежде всего, просилъ разрѣшенія представиться Александру I со своимъ ученикомъ-слѣпцомъ, который наглядно показалъ бы всѣ преимущества методы его обученія. Гаюи, однако же, уѣхалъ изъ Россіи, не удостоившись чести быть принятымъ императоромъ, который съ такою предупредительностью и настойчивостью вызывалъ его въ Петербургъ. Вмѣсто того, съ первыхъ же почти дней пребыванія его въ нашей столицѣ, возникаютъ разныя дрязги, обусловленныя, главнымъ образомъ, неисполненіемъ со стороны нашихъ властей условій ученаго, принятыхъ правительствомъ. Прежде всего онъ не получилъ денегъ, слѣдующихъ ему за путевыя издержки, наемъ квартиры и т. п. Все это, конечно, было ему выдано, но послѣ многихъ проволочекъ и нескончаемыхъ формальностей. Министръ просвѣщенія, графъ Завадовскій, давъ обѣщаніе ученому изучить его систему, «не удосужился втеченіе трехъ мѣсяцевъ хоть поверхностно ознакомиться съ спеціальностью человѣка, встрѣчаемаго съ любопытствомъ всею Европою». Гаюи проситъ, чтобы ему присылали слѣпыхъ дѣтей, ему отвѣчаютъ изумительною фразою, что «въ Россіи нѣтъ слѣпыхъ!». Онъ находитъ въ Смольной богадѣльнѣ болѣе сотни слѣпыхъ обоего пола. Онъ проситъ позволить ему, подъ всевозможнымъ контролемъ, начать обученіе двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ. Ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ обратиться съ прошеніемъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, затѣмъ его отправляютъ къ гражданскому губернатору. Тотъ обѣщаетъ разсмотрѣть прошеніе «въ первый свободный часъ». Часъ этотъ длится нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣятельный Гаюи жалуется, что онъ восемь мѣсяцевъ проводитъ безъ всякаго дѣла. Наконецъ, въ августѣ 1807 года, утверждается примѣрный штатъ института слѣпыхъ на 15 человѣкъ.

Затѣмъ, съ разныхъ сторонъ начались обычныя вмѣшательства всякихъ начальствъ въ дѣло, устраиваемое Валентиномъ Гаюи. Каждый департаментскій чиновникъ старался доказать, что и онъ тоже — власть, имѣющая право дѣлать запросы и указанія человѣку, о дѣятельности котораго онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Начались урѣзыванія и оттягиванія суммъ, обѣщанныхъ Гаюи по первоначальному условію съ нимъ. Между министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія возникла переписка по дѣламъ института. Въ 1808 году, назначена была его ревизія. Директоръ гимназіи, которому она была поручена, сталъ дѣлать разныя придирки, хотя на него самого сыпались жалобы за неплатежъ денегъ по подрядамъ и поставкамъ въ гимназію. Личность эта, баронъ Дольстъ, отданный вскорѣ по высочайшему повелѣнію, за злоупотребленія, подъ уголовный судъ, является вершителемъ судьбы Гаюи. Помощникомъ къ нему опредѣлили негодяя и пьяницу Бушуева, и онъ началъ писать доносы на своего руководителя. Тотъ доводилъ нѣсколько разъ до свѣдѣнія Мартынова, Новосильцева, Вронченки, Тургенева о поступкахъ Бушуева. Тургеневъ откровенно отвѣчалъ, что начальству извѣстно о пьянствѣ Бушуева, но что, тѣмъ не менѣе, сдѣлать ничего нельзя, такъ какъ онъ назначенъ г. министромъ и пользуется его расположеніемъ. Учителей, рекомендуемыхъ самимъ Гаюи, находили неподходящими къ исправленію своихъ обязанностей. И въ средѣ враждебно настроенныхъ противъ него личностей, въ положеніи тяжеломъ, почти невыносимомъ, Гаюи оставался, однако, больше десяти лѣтъ, считая, что онъ, всетаки, приноситъ посильную пользу несчастнымъ слѣпцамъ. За эти десять лѣтъ г. Скребицкій не нашелъ никакихъ документовъ о томъ, что перенесъ филантропъ, но, судя по первымъ шагамъ его въ Петербургѣ на поприщѣ служенія человѣчеству, можно представить себѣ, какъ относилось къ нему чиновничество. Нахальство послѣдняго дошло до того, что оно, вычетами изъ жалованья Гаюи покрывало свое собственное содержаніе, объясняя этотъ поступокъ тѣмъ, что если бы служащіе не пользовались такими вычетами, то не было бы возможности удовлетворить прочихъ «чиновниковъ» института жалованіемъ, по крайней мѣрѣ, по 4 мѣсяца ежегодно! Такимъ образомъ захвачено было у Гаюи болѣе 5,000 рублей.. Гаюи былъ легитимистъ, не любилъ Наполеона и не могъ питать особеннаго желанія вернуться на родину при императорскомъ правленіи. Но, когда во Францію вернулись Бурбоны, Гаюи, въ 1817 году, чувствуя упадокъ силъ, просилъ объ увольненіи. Ему было уже за 70 лѣтъ. Формальности по выдачѣ паспорта отсюда не позволили ему поѣхать во Францію дешевѣйшимъ морскимъ путемъ, а между тѣмъ, онъ изъ Россіи не вывезъ ничего и даже, живя въ ней, уплачивалъ изъ своего скромнаго жалованья долги, сдѣланные имъ еще въ Парижѣ, при началѣ управленія Наполеона, приказавшаго закрыть институтъ слѣпыхъ, учрежденный Гаюи. Г. Скребицкій отыскалъ еще документы, доказывающіе, что, во время своего пребыванія въ Россіи, филантропъ представлялъ правительству изобрѣтенную имъ новую систему телеграфовъ. Какіе были результаты опытовъ этой системы, — осталось, однако, неизвѣстнымъ. Онъ умеръ въ 1822 году, 77-ми лѣтъ. Памятникъ ему на кладбищѣ отца Лашеза воздвигнутъ на средства его слѣпыхъ уче-

никовъ. «И на родинѣ, и на чужбинѣ Гаюи оставался при жизни непонятымъ, неоцѣненнымъ по достоинству», — прибавляетъ г. Скребицкій. Въ 1861 году, воздвигли ему прекрасную статую на дворѣ института слѣпыхъ, возстановленнаго при Людовикѣ XVIII.

Чтобы оцѣнить вполнѣ заслугу Гаюи, обратившаго вниманіе Европы на положеніе слѣпыхъ, взглянемъ на этотъ вопросъ хотя только по отношенію къ нашему отечеству. Прошло восемьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ великому филантропу отвѣчали, что «въ Россіи нѣтъ слѣпыхъ». Но вотъ тотъ же авторъ, который составилъ, по архивнымъ источникамъ, любопытную монографію этого друга человѣчества, на съѣздѣ русскихъ врачей въ 1885 году прочелъ рефератъ «о распространенности слѣпоты и распредѣленіи слѣпыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи». И что же говорится въ этомъ рефератѣ, появившемся отдѣльною брошюрою? А. И. Скребицкій прямо утверждаетъ, что слѣпота достигла у насъ неслыханныхъ размѣровъ, между тѣмъ, какъ оффиціальная статистика никогда не касалась этого предмета. Только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появились первыя свѣдѣнія о слѣпыхъ, собранныя частными лицами по Лифляндіи. Матеріалы эти, подвергнутые разработкѣ въ Дерптѣ, показали, что въ одной Лифляндской губерніи 2,806 слѣпыхъ на оба глаза. Затѣмъ, черезъ 20 лѣтъ по Кіевской губерніи нашли 4,220 слѣпыхъ, то есть 1 слѣпаго на 508 зрячихъ. Были еще свѣдѣнія и по губерніямъ Казанской и Полтавской, но всѣ они далеко неполны. Наконецъ, доктору Скребицкому пришла счастливая мысль искать отвѣта на этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ, въ матеріалѣ, несомнѣнно оффиціальномъ, но до сихъ поръ нетронутомъ, въ отчетахъ присутствій по воинской повинности за пять лѣтъ, 1879—1883 годъ, по 63-мъ губерніямъ. И эти цифры, касаясь только однихъ мужчинъ призывнаго возроста (21 годъ), поражаютъ своею чудовищностью: на 1.388,760 осмотрѣнныхъ юношей — 13,686 слѣпыхъ и еще, кромѣ 6,287 человѣкъ съ разными глазными недостатками, до 9,059 человѣкъ съ ослабленною на половину остротою зрѣнія! Отношеніе слѣпыхъ къ зрячимъ, по поламъ и по возрастамъ, даже вовсе не разработано. На Западѣ отношеніе слѣпцовъ — мужчинъ къ женщинамъ — 53 : 47. Одинъ слѣпой въ Даніи приходится на 1,429 зрячихъ, въ Саксоніи на 1,406, въ Швеціи на 1,241, въ Бельгіи на 1,232, во Франціи на 1,178, въ Австріи на 1,102, въ Англіи и Ирландіи на 1,015, въ Венгріи на 750, въ Россіи в среднемъ выводѣ по 63 губерніямъ—въ возрастѣ новобранцевъ 1 слѣпой приходится на 101 зрячаго! Это ли не грандіозная цифра! И между тѣмъ, въ нашихъ пріютахъ, богадѣльняхъ и училищахъ для слѣпыхъ, содержимыхъ въ разныхъ городахъ и въ Петербургѣ, на средства разныхъ обществъ, призрѣвается не болѣе 400 человѣкъ, а съ Польшею и Финляндіей всего 532 слѣпыхъ...

Существуетъ у насъ съ 1881 года и Попечительство о слѣпыхъ, открывшее свою дѣятельность съ готовымъ, при его основаніи, капиталомъ въ 216,400 руб. и успѣвшее въ короткое время собрать, въ недѣлю о слѣпомъ (ежегодно до 70,000 руб.), болѣе полумилліона рублей [1]). Устроило оно нѣсколько мелкихъ заведеній, частію содержимыхъ имъ вполнѣ, частію получающихъ субсидіи отъ него. Но во всѣхъ этихъ заведеніяхъ насчитывается не болѣе 104 человѣкъ изъ общаго числа 400 призрѣваемыхъ разными обществами русскихъ слѣпцовъ... О дѣятельности его, кромѣ публикацій о торжествахъ при перемѣщеніи его заведеній изъ одного дома въ другой и хвалебныхъ отчетовъ о благихъ его намѣреніяхъ, на дѣлѣ видимъ очень мало. По крайней мѣрѣ, нѣтъ соотвѣтствія между полученными средствами и сдѣланнымъ...

Гдѣ нужны знаніе и преданность дѣлу, тамъ Совѣтъ этого Попечительства оказывается, не смотря на свои крупныя средства, несостоятельнымъ. Въ этихъ случаяхъ частныя лица показываютъ ему примѣръ, достойный подражанія. Мы имѣли случай видѣть на дняхъ прекрасную, первую по времени появленія въ Россіи, типографскую новинку — «Сборникъ статей» для чтенія слѣпыхъ, шрифтомъ Брайля. Она составлена, собственноручно набрана и отпечатана дѣвицею Анною Адлеръ въ Москвѣ. Кромѣ того, книга эта, которой порадуются семьи, въ средѣ которыхъ находятся слѣпые, издана на собственныя средства г-жи Адлеръ. Продажная цѣна ея, конечно, покроетъ только часть затратъ.

Но какъ ни почтенны подобные труды, нельзя надѣяться, что усиліямъ частныхъ лицъ удастся облегчить несчастіе такого громаднаго числа лишившихся зрѣнія, какъ мы видѣли изъ изложеннаго выше.

Не ясно ли, что и общество, и государство должно оказать всевозможное содѣйствіе къ огражденію зла, пустившаго такіе глубокіе корни въ Россіи. Съѣздъ русскихъ врачей, соглашаясь вполнѣ съ сдѣланнымъ докторомъ Скребицкимъ предложеніемъ, призналъ настоятельною необходимостью изученіе ближайшихъ причинъ частаго заболѣванія органовъ зрѣнія въ массахъ сельскаго и рабочаго населенія, и изъисканіе средствъ для отвращенія этого зла. Но все это только — pia desideria, которыя повліяютъ на уменьшеніе у насъ слѣпоты въ отдаленномъ будущемъ, для нынѣ же прозябающихъ русскихъ слѣпцовъ почти ничего не сдѣлано—сравнительно съ ихъ числомъ и собираемыми для этой цѣли средствами. Валентины Гаюи, рѣдкіе и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вовсе не находятъ у насъ и въ концѣ его достойныхъ преемниковъ...

В—ъ.

---

[1]) Точная цифра неизвѣстна, такъ какъ съ конца 1883 г., когда Совѣтъ располагалъ уже 489,368 р., онъ не публикуетъ отчетовъ о собранныхъ суммахъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛИИ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО ВѢКА[1].

III.

Англійская армія и принудительная вербовка. — Сцены изъ дѣйствительной жизни и изъ романа Смоллета. — Флотъ и матросы. — Недостатокъ въ солдатахъ. — Богатые призы. — Уличные безпорядки. — Продажа военныхъ должностей и правительственныхъ мѣстъ. — Введеніе телеграфа. — Налоги и неурожаи. — Почта и гостиницы. — Картежная игра. — Леди-шулера. — Театры и артисты. — Опера и балетъ. — Война противъ короткихъ юбокъ. — Танцорка Гимаръ. — Маскарады и музыка. — Полиція и воры. — Вильямсъ Ренвикъ. — Обращеніе съ арестантами и переселенцами. — Боксъ и боксеры. — Страсть къ пари. — Продажа женъ. — Лицемѣріе англичанъ и ихъ семейная жизнь.

Мы упоминали уже въ первой статьѣ нашего очерка, что въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія англійская армія пополнялась преимущественно принудительною вербовкою. При этой системѣ спаиванія и насильственнаго захвата всякаго сброда, надо удивляться, какъ эти солдаты поневолѣ, съ которыми и въ строю обращались самымъ варварскимъ образомъ, дрались храбро и не бунтовали противъ своихъ начальниковъ-мучителей. На кораблѣ, во время плаванія матросы могли еще переносить жестокое обращеніе съ ними, зная, что, по прибытіи въ гавань или во время стоянки въ портовыхъ городахъ своего отечества, имъ будетъ дана полная свобода гулять и пьянствовать. Не смотря на законъ, безу-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 432.

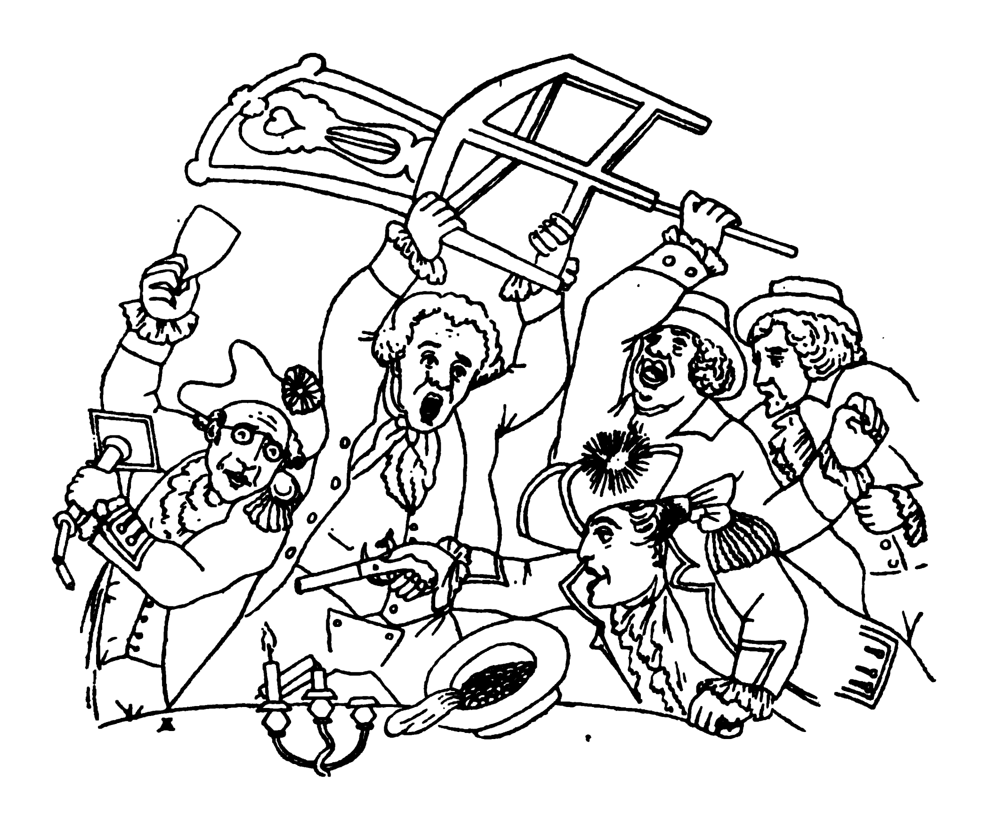
словно запрещающій пребываніе женщинъ на военномъ суднѣ, когда фрегатъ «Ройяль-Джорджъ» долженъ былъ выйдти въ море, на немъ, во время внезапнаго обыска, было найдено 200 женщинъ, которыхъ пришлось силою отправлять на берегъ. Въ романѣ Смоллета «Родерикъ Рандомъ» переданъ разсказъ, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, человѣкъ интеллигентный, гуляя по верфи, близь Тоуэра, былъ схваченъ толпой вербовщиковъ, защищаясь отъ нихъ, раненъ въ голову и въ щеку, но приведенъ на корабль, гдѣ получилъ нѣсколько десятковъ ударовъ пинками «за возмущеніе»

Вербовщики, приводящіе въ рекрутское бюро захваченную ими жертву.

и связанный брошенъ на палубу. Чувствуя, что кровь льется по лицу его изъ глубокой раны, бѣднякъ попросилъ одного матроса достать платокъ изъ кармана его кафтана и перевязать ему голову. Тотъ исполнилъ просьбу связаннаго, вынулъ его платокъ, но взялъ себѣ и тутъ же продалъ какой-то бабѣ, а когда раненый пожаловался на это наглое воровство проходившему мичману, прося сдѣлать ему перевязку, иначе онъ изойдетъ кровью, тотъ выплюнулъ ему въ лицо табачную жвачку со словами: «Такъ тебѣ и надо: околѣвай, поганый бунтовщикъ!» И такая сцена не фантазія автора, а картина съ натуры. Чаще всего захватывали матросовъ съ купеческихъ кораблей, какъ болѣе опытныхъ «для королевской службы», и нерѣдко такіе корабли, уже нагруженные то-

варами, не могли выйдти въ море, такъ какъ экипажъ ихъ былъ завербованъ въ королевскій флотъ. Газеты того времени наполнены описаніемъ подобныхъ захватовъ, производившихся чаще всего въ Лондонѣ, раза по два въ мѣсяцъ. И это нисколько не возмущало тогдашнюю печать, очень добродушно сообщавшую: «Въ три послѣдніе дня на Темзѣ захвачено пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ» («Times», отъ 9-го марта 1795 г.), «вербовка въ эту ночь была очень

Драка въ игорномъ домѣ.

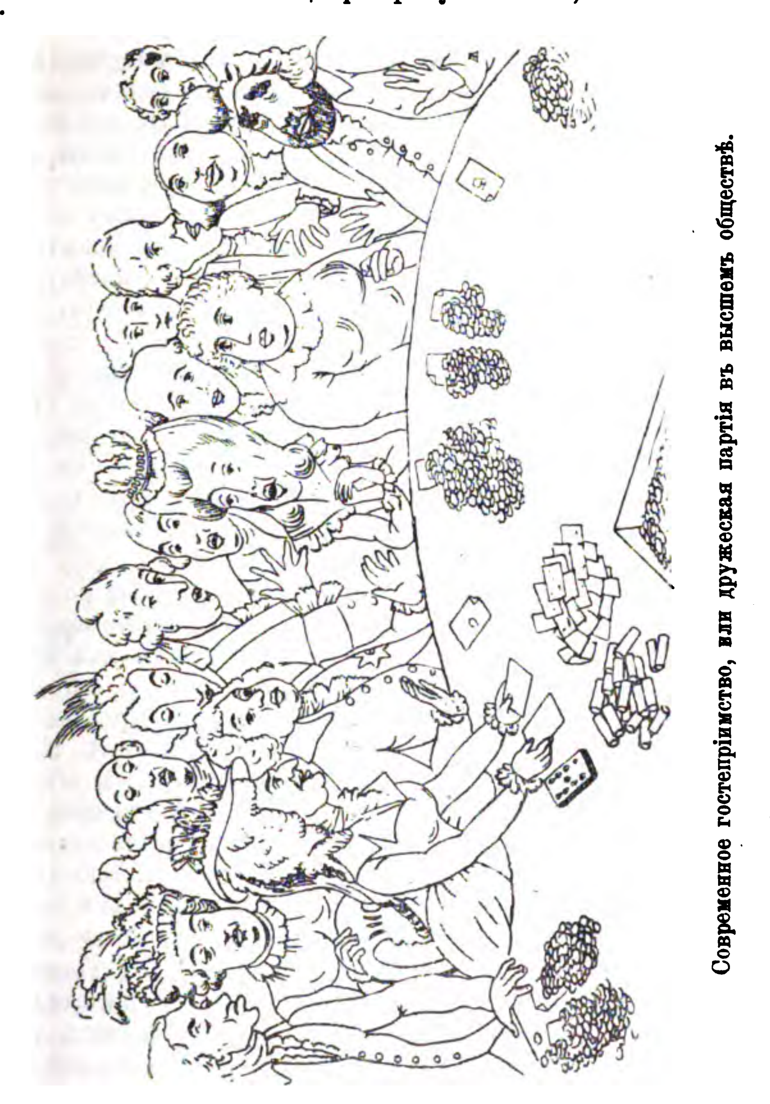
велика: взяты матросы со всѣхъ торговыхъ судовъ, не исключая отправлявшихся въ Восточную Индію» («Times», 27-го марта) и пр. Изрѣдка «Times» поднимаетъ вопросъ: полезны ли будутъ для службы солдаты, завербованные такими средствами? и предлагаетъ учредить комитеты для изысканія болѣе гуманныхъ способовъ пополненія арміи и флота. Только присяжные, когда дѣла о бунтѣ доходили до суда, не боялись обвинить лейтенантовъ въ умышленномъ убійствѣ новобранцевъ. Но, большею частью, съ бунтовщиками расправлялись, не прибѣгая къ суду. Такъ, когда въ гавани взбун-

13*

товался экипажъ 74-хъ-пушечнаго фрегата «Куллоденъ», не хотѣвшаго отправляться, по назначенію, въ Вест-Индію, лорды адмиралтейства приказали кораблямъ: «Ройяль-Джорджъ» въ 110 пушекъ и «Королева» въ 98, стать по бортамъ возмутившагося фрегата и потопить его выстрѣлами, если онъ не будетъ повиноваться приказаніямъ правительства. Экипажу было дано полчаса на размышленіе, и черезъ двадцать минутъ онъ покорился. 12 зачинщиковъ, возбуждавшихъ къ неповиновенію, были повѣшены. Это происходило въ 1794 году, а въ 1795 году на всѣ купеческія суда, стоявшія въ англійскихъ гаваняхъ, было наложено амбарго и съ нихъ взято 20 тысячъ матросовъ для пополненія королевскаго флота, терявшаго множество матросовъ въ войнѣ съ Франціею.

До какой степени былъ великъ недостатокъ въ солдатахъ, видно изъ того, что судьи присуждали преступниковъ, вмѣсто заключенія въ тюрьму, къ отдачѣ въ солдаты. Такъ, одному каменьщику, укравшему скамейку, оцѣненную въ девять пенсовъ, судьи предложили въ наказаніе на выборъ — службу въ морскихъ или сухопутныхъ защитникахъ отечества, и когда онъ отказался отъ того и другого, силою сдали его въ солдаты. Одинъ изъ членовъ палаты общинъ донесъ парламенту о незаконномъ рѣшеніи суда, но жалоба его оставлена безъ послѣдствій. Тяжелая морская служба вознаграждалась по временамъ призами, полученными при захватѣ непріятельскихъ судовъ. Такъ, при взятіи испанскаго корабля Сант-Яго, изъ приза въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ каждый капитанъ получилъ на свою долю 13,920 фунтовъ стерлинговъ, каждый лейтенантъ 910, мичманъ 612, боцманъ 140, простой матросъ 26 фунтовъ. Церковные приходы и разныя учрежденія собирали деньги и вербовали людей на службу отечеству, по крайней мѣрѣ, по найму, а не насиліемъ. Предлагали даже каторжникамъ, присужденнымъ къ ссылкѣ въ колоніи, вступить въ армію. Но въ то время, когда иные изъ взятыхъ насильно въ солдаты рубили себѣ пальцы, чтобы сдѣлаться неспособными къ военной службѣ, во флотѣ добровольно служило нѣсколько женщинъ, поступившихъ въ мужскомъ костюмѣ на корабли, за своими возлюбленными. Онѣ не только исполняли всѣ тяжелыя обязанности матросской службы, но и храбро дрались съ непріятелемъ. Народъ, понятно, не могъ относиться иначе какъ съ враждебными чувствами къ насильственной вербовкѣ, и она была не разъ причиною кровавыхъ сценъ и серьёзныхъ возмущеній. Такъ, въ августѣ 1794 года, въ рекрутское депо, помѣщавшееся въ самомъ людномъ мѣстѣ Лондона, на углу Чаринг-Кросса, вербовщики притащили связаннаго молодого человѣка, на глазахъ толпы, которую онъ напрасно умолялъ освободить его. Что съ нимъ сдѣлали въ домѣ — неизвѣстно (обыкновенно, послѣ сильныхъ побоевъ приковывали къ стѣнѣ, загнувъ руки за спину и связавъ ноги); но часа черезъ два этотъ молодой человѣкъ съ связанными назадъ

руками выбросился изъ окна верхняго этажа на мостовую и разбился. Тогда толпа пришла въ ярость, ворвалась въ домъ, все тамъ перебила и уничтожила, побросала въ выбитыя окна всю мебель и начала разносить сосѣдніе дома. Только прибытіе сильнаго отряда войскъ положило конецъ разгрому. «Times», описывая это со-

Современное гостепріимство, или дружеская партія въ высшемъ обществѣ.

бытіе, видитъ въ немъ подстрекательство якобитовъ и революціонеровъ. Но пять человѣкъ, захваченные войсками и отданные подъ судъ, объявлены присяжными — невиновными. Попытки къ разрушенію домовъ въ Лондонѣ повторялись нѣсколько разъ, и въ сентябрѣ того же года трое зачинщиковъ были повѣшены.

Не меньше насильственной вербовки возбуждалъ въ народѣ негодованіе обычай, знакомый и русскимъ: давать въ колыбели чинъ сержанта сыновьямъ лордовъ, получавшимъ затѣмъ послѣдующіе военные чины еще на школьной скамейкѣ. Четырнадцати лѣтъ такіе господчики были уже капитанами и, поступая въ полкъ, относились съ наглостью и пренебреженіемъ не только къ старымъ заслуженнымъ солдатамъ, но и къ офицерамъ, которые, хотя въ меньшихъ чинахъ, не разъ проливали кровь на поляхъ сраженій. Герцогъ Іоркскій въ приказѣ по арміи постановилъ, что капитанъ на дѣйствительной службѣ не можетъ быть моложе 12-ти лѣтъ, а полковникъ — 18-ти. Съ плѣнными обращались грубо и жестоко, что́ и не могло быть иначе, такъ какъ обращеніе съ самими солдатами было варварское. За то и они, дорвавшись до возможности погулять на свободѣ, передавались самому скотскому пьянству и распутству, выдѣлывая при этомъ всевозможныя дурачества. Высшіе чины въ арміи пріобрѣтались не военными заслугами или долговременною службою, а покупкою; но пріобрѣтеніе полка за деньги было по карману только богатымъ лордамъ. Продавались въ арміи даже мѣста священниковъ. И все это находили если не законнымъ, то естественнымъ, даже такіе государственные умы, какъ Питтъ, Фоксъ или Боркъ. Сравнивъ то время съ нынѣшнимъ, только самобытники-ретрограды могутъ не признать прогрессивнаго движенія нашего вѣка въ либеральномъ направленіи.

Продавались въ Англіи, впрочемъ, не однѣ военныя должности, но и гражданскія. Въ газетахъ появлялись подобныя объявленія: «Ищутъ правительственнаго мѣста. Двѣ или три тысячи фунтовъ стерлинговъ и даже болѣе предлагается джентльмену, который доставитъ мѣсто въ какомъ либо правительственномъ учрежденіи съ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ предлагаемой суммѣ. Комисіонеровъ и посредниковъ просятъ не являться: адресъ такой-то». Или вотъ объявленіе еще откровеннѣе: «Правительственное мѣсто. Предлагаютъ свободное выгодное мѣсто въ правительственномъ учрежденіи, жалованье сто фунтовъ и другіе доходы. Впослѣдствіи имѣется въ виду повышеніе. Джентльменъ, располагающій 500 фунтовъ, можетъ вступить въ переговоры, безъ посредства комисіонеровъ, доставивъ свой адресъ въ кофейню Батсона» («Times», отъ 15-го апрѣля 1793 г.). Въ 1798 году, та же газета печатала уже прямо: «Продается постоянное мѣсто въ государственномъ учрежденіи; занятія въ присутствіи 2—3 часа, легкія и пріятныя, доступныя всякому за незначительное вознагражденіе». Иногда разнымъ джентльменамъ и леди, доставляющимъ подобныя мѣста, предлагаютъ сохранить въ тайнѣ всѣ переговоры, но, большею частью, обходятся и безъ этого условія. Въ это же время возникли въ парламентѣ горячія пренія по поводу злоупотребленія чиновниками безплатной розсылки по почтѣ разнаго рода частныхъ писемъ и

посылокъ подъ печатью казенныхъ учрежденій. За почтовую пересылку плата взималась тогда по разстояніямъ, и даровыя незаконныя отправленія частной кореспонденціи наносили большой ущербъ казнѣ. Въ 1794 году, введенъ въ употребленіе телеграфъ, конечно, оптическій, считавшійся настоящимъ чудомъ. Въ газетахъ онъ назывался долгое время «видимою кореспонденціею» и считался послѣднимъ словомъ науки. Изобрѣтенный во Франціи, онъ былъ значительно усовершенствованъ англичанами. Мода украсила вскорѣ же дамскія шляпки маленькими телеграфами съ вертящимися крыльями.

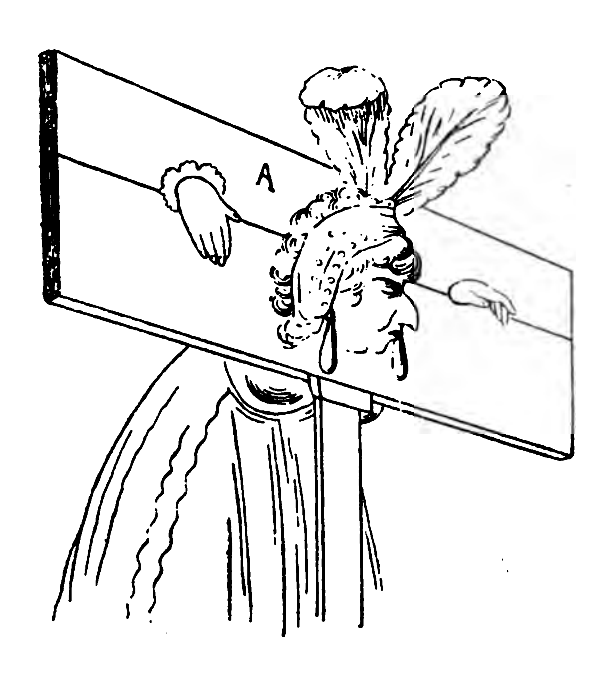
Дѣлежка добычи.

Война съ Франціей требовала постоянныхъ расходовъ, и Питтъ, увеличившій въ 1798 году прямые налоги на 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, ввелъ въ томъ же году подоходный налогъ, начиная съ суммы въ 60 фунтовъ. Ни одинъ налогъ не возбуждалъ такого неудовольствія въ народѣ, сильно страдавшемъ къ тому же отъ неурожаевъ. Въ 1795—1796 годахъ былъ такой недостатокъ въ мукѣ, что многіе полки отказались отъ употребленія пудры для своихъ волосъ. Парламентъ назначилъ премію въ тысячу фунтовъ тому, кто соберетъ со своихъ полей большее количество картофеля, какъ лучшаго хлѣбнаго суррогата. Владѣтелямъ обширныхъ парковъ предлагалось, въ видѣ патріотическаго подвига, засѣять ихъ

картофелемъ, чтобы замѣнить имъ недостатокъ хлѣба. Вмѣстѣ съ цѣной на муку поднялись цѣны и на мясо, и городскія управленія напрасно старались объ ихъ пониженіи. Чтобы подать примѣръ экономіи, король приказалъ къ своему столу печь хлѣбъ пополамъ изъ муки пшеничной и ржаной, одинаково какъ для всей королевской семьи, такъ и для прислуги. Въ другихъ домахъ хлѣбъ пекли изъ крупичатой муки пополамъ съ картофелемъ. Альдермены строго смотрѣли за узаконеннымъ вѣсомъ хлѣба и штрафовали пекарей, обвѣшивавшихъ покупателей. Строго наказывались также скупщики хлѣба и подмѣшивавшіе въ муку разные суррогаты. Лимоны продавались по пяти пенсовъ за штуку. Но если народъ меньше ѣлъ въ эти годы, то пилъ онъ попрежнему, если не больше. Въ одномъ Лондонѣ съ окрестностями продано въ годъ элю, портеру и джину на 2.312,000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ выпитаго въ 5,204-хъ тавернахъ и трактирахъ на 975,000 фунтовъ. А сколько еще выпито иностранныхъ винъ, коньяку, рому и т. п.! Вмѣстѣ съ съѣстными припасами поднялись цѣны и на каменный уголь.

Дороги въ Англіи, даже почтовыя, были въ плохомъ состояніи и полны выбоинъ; мостовая—плохая даже въ Лондонѣ, гдѣ на улицу иначе нельзя было выйдти какъ въ сапогахъ, чтобы не запачкаться въ грязи. Для избѣжанія этого, прогулки обыкновенно дѣлали верхомъ и ѣзда на лошади, прежде чѣмъ превратиться въ спортъ, была простою необходимостью, единственнымъ удобнымъ средствомъ сообщенія. Въ Лондонѣ нелегко было найдти свободныхъ почтовыхъ лошадей, особенно въ воскресенье. Прогулки въ окрестности совершались въ общественныхъ экипажахъ. Въ Гринвичъ ходилъ огромный десятиколесный омнибусъ для 24-хъ пассажировъ внутри и до 9-ти снаружи. Почтовыя и частныя кареты нерѣдко ломались и опрокидывались и число несчастныхъ случаевъ на почтовыхъ дорогахъ было не менѣе, чѣмъ теперь на улицахъ. Въ трактирахъ и гостиницахъ съ посѣтителей драли не меньше нынѣшняго. Въ нихъ свирѣпствовала тайная картежная игра, открыто господствовавшая и въ частныхъ домахъ всѣхъ классовъ англійскаго общества. Лица, принадлежащія къ высшему кругу, какъ леди Арчеръ и Бокингамшейръ, стояли въ главѣ игорныхъ домовъ. Газеты не стѣснялись называть ихъ по именамъ и подсмѣиваться надъ ихъ румянами и косметиками; модными играми были—фаро и бреланъ. Жертвами этихъ азартныхъ игръ была молодежь, которую завлекали въ эти притоны, спаивали подъ видомъ дароваго угощенья и потомъ объигрывали навѣрняка. Очистивъ ихъ карманы, разрѣшали играть въ долгъ, но когда онъ достигалъ крупной цифры, заставляли въ другой комнатѣ писать векселя, приглашая къ этому нерѣдко подъ дуломъ пистолета. Онъ являлся по временамъ при карточныхъ столахъ какъ средство защиты или

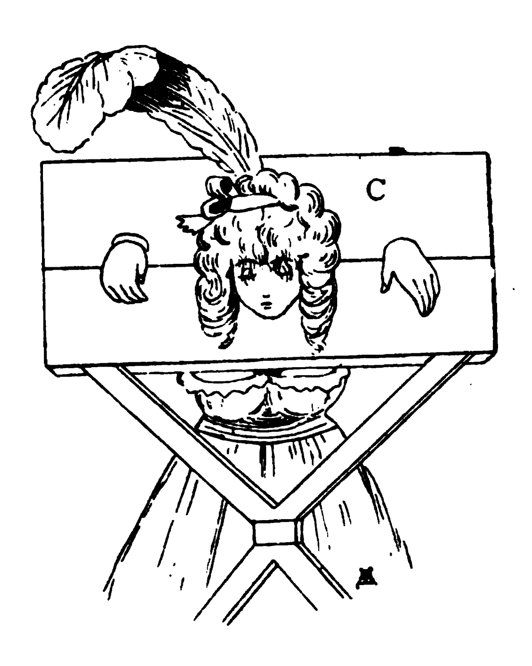
возмездія, когда какой нибудь горячій игрокъ ловилъ на мѣстѣ неопытныхъ или черезчуръ нецеремонныхъ шулеровъ. Грубые пріемы наказывались также грубо, но такая развязка могла произойдти только въ притонѣ низшаго разряда и была немыслима въ высшемъ кругу, гдѣ шулерничали высокопоставленныя особы и дамы. Даровитый карикатуристъ Джильрай, о которомъ мы упоминали въ первой статьѣ, оставилъ нѣсколько бойкихъ рисунковъ, напоминающихъ Гогарта и относящихся къ 1796 году. Мы помѣ-

Леди Арчеръ у позорнаго столба.

щаемъ пять очерковъ, изъ которыхъ два первые сняты съ натуры, а три послѣднихъ, къ сожалѣнію, только фантазія художника. На карикатурѣ «Современное гостепріимство» изображена партія игры въ фàро въ высшемъ обществѣ. Къ сожалѣнію, изъ 16-ти лицъ, сидящихъ за картами, мы знаемъ портреты только четырехъ: на лѣвой сторонѣ, передъ большою грудою банковыхъ билетовъ и свертковъ съ золотомъ, леди Арчеръ вскрываетъ валета—главную карту въ фàро, вѣроятно, не въ первый разъ, потому что всѣ присутствующіе выражаютъ изумленіе при необыкновенномъ счастьѣ хозяйки. Сидящій подлѣ нея принцъ Валлійскій только разводитъ руками;

нѣсколько далѣе неизвѣстная дама складываетъ руки отъ удивленія, проигравъ огромный кушъ, поставленный на карту. Подлѣ нея леди Бокингамшейръ, игравшая на двѣ карты, также изумленно смотритъ на хозяйку. Наконецъ, въ правомъ углу Фоксъ съ сѣдѣющей бородой повторяетъ жестъ принца Валлійскаго, поднимая глаза къ небу. Слѣдующая карикатура представляетъ «Дѣлежъ добычи». Двѣ уже извѣстныя леди спорятъ между собою, сидя за столомъ, на которомъ, кромѣ денегъ и банковыхъ билетовъ, лежитъ какой-то орденъ и шпага, вѣроятно, осыпанные драгоцѣнными кам-

Мистрисъ Конканонъ у позорнаго столба.

нями. Третья дама леди Эджкомбъ разсматриваетъ въ лорнетъ вексель, оставленной однимъ изъ проигравшихся. Четвертая неизвѣстная дама, сложа руки, слушаетъ споръ, даже не взглянувъ на лежащую передъ ней груду золота и ассигнацій. На слѣдующихъ двухъ рисункахъ художникъ помѣстилъ у позорнаго столба двухъ изъ высокопоставленныхъ «дочерей фаро», какъ ихъ называли въ Лондонѣ: леди Арчеръ и мистрисъ Конканонъ. Къ сожалѣнію, это наказаніе онѣ вынесли только въ карикатурѣ, а не въ дѣйствительности, хотя по закону, за обманъ въ игрѣ виновные присуждались къ нѣсколькимъ ударамъ розгами или плетью «по обнаженному тѣлу», смотря по цифрѣ мошенническаго выигрыша, и

Джильрай, на отдѣльной карикатурѣ, представилъ верховнаго судью съ «закономъ противъ обмана въ игрѣ», наказывающимъ леди Бокингамшейръ, привязанную къ телѣгѣ съ ярлыкомъ: «берегитесь дочерей фаро». Двѣ другія подруги леди — Арчеръ и Конканонъ стоятъ вдали у позорнаго столба, просунувъ, какъ это предписывалось, голову и руки въ отверстіе доски у столба, охраняемаго констеблемъ. Хорошо хоть и то, что печать и сатира могли клеймить подобныхъ женщинъ, которымъ законъ позволялъ безнаказанно совершать преступленія, потому только, что онѣ занимали высокое

Верховный судья, наказывающій леди Бокингамъ и другихъ «дочерей фаро».

положеніе въ обществѣ. За то простые люди ссылались по закону на семь лѣтъ въ Ботани-бей даже за честную игру, если только ихъ заставали за нею въ воскресенье. Истинно англійское правосудіе!

Послѣ игры, въ Англіи болѣе всего была распространена страсть къ театру. Спорта, какъ мы уже упоминали, въ то время еще не существовало. Въ Лондонѣ было 12 театровъ, кромѣ концертныхъ залъ. Актеры были хорошіе. Съ огромнымъ успѣхомъ началъ свое сценическое поприще Соэттъ, но, страдая запоемъ, окончательно спился и умеръ въ 1805 году. Мѣсто его занялъ Джонъ Кембль,

лучшій трагическій актеръ послѣ Гаррика. Предназначавшійся къ священническому званію, онъ бѣжалъ изъ духовнаго училища въ труппу странствующихъ комедіантовъ, гдѣ впервые развилось его дарованіе. Послѣ дебюта въ «Гамлетѣ» на Дрюриленскомъ театрѣ, онъ оставался на сценѣ до 1817 года и умеръ въ 1823 году, 66-ти лѣтъ. Въ 1788 году онъ сдѣлался директоромъ Дрюриленскаго театра (мы представляемъ видъ двухъ боковыхъ ложъ его) и аранжировалъ для него нѣсколько пьесъ стараго репертуара. Его собственные драматическіе опыты незначительны. Но какъ трагическій актеръ онъ долгое время не имѣлъ соперниковъ. Лучшія роли его были—Гамлета и Лира. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ въ этихъ роляхъ, въ костюмахъ того времени. Датскій принцъ во французскомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ лентой черезъ плечо, бросающій книгу послѣ знаменитаго монолога «быть или не быть»; Лиръ, въ фантастической куцавейкѣ, произносящій свое обращеніе къ бурѣ и вѣтрамъ,—въ наше время нарушили бы всякую сценическую иллюзію, но въ концѣ прошлаго вѣка ни публика, ни критика не требовали отъ театра исторической правды и довольствовались психическою правдою и исполненіемъ ролей по принятымъ традиціямъ. Переворотъ въ сценическомъ искусствѣ въ Англіи произвелъ Эдмундъ Кинъ, да и то не вполнѣ. Но онъ началъ играть въ Лондонѣ только въ 1814 году и умеръ 46-ти лѣтъ отъ невоздержной жизни. Въ 1787 году, на сценѣ появился въ послѣдній разъ въ свой бенефисъ, въ роли Шейлока, девяностолѣтній актеръ Маклинъ, когда-то тоже славившійся въ шекспировскихъ роляхъ, но въ этотъ спектакль перепутавшій отъ старости свою роль и попросившій у публики снисхожденія и позволенія окончить за него пьесу — его товарищу. Маклинъ жилъ еще восемь лѣтъ послѣ этого представленія. Баллистеръ былъ въ одно время хорошимъ трагическимъ и комическимъ актеромъ. Лучшимъ комикомъ былъ Квикъ, дожившій до 83 лѣтъ. Англичане, впрочемъ, всегда восхищались больше клоунами, чѣмъ серьезными актерами. Изъ актрисъ славились — мистрисъ Джорданъ (Доротея Бландъ), любовница герцога Кларанскаго, впослѣдствіи Вильгельма IV. Живя съ нимъ до 1811 года, она прижила десять дѣтей, и тогда какъ законныхъ наслѣдниковъ у него не оказалось, то англійскій престолъ перешелъ послѣ него къ племянницѣ его Викторіи, дочери герцога Кентскаго. Сара Сиддонсъ была первою трагическою актрисою втеченіе сорока лѣтъ (1775—1816) и жила еще 15 лѣтъ по оставленіи сцены, на которой вотъ уже 70 лѣтъ не было актрисы, равной Сиддонсъ по таланту. Хорошая актриса была миссъ Фарренъ. Высокая и худощавая донельзя, она составляла совершенную противоположность со своимъ возлюбленнымъ, лордомъ Дерби, толстымъ, съ огромной головой и короткими ногами. Превосходно исполняя роли королевъ и знатныхъ дамъ, она, однако, скоро оста-

вила сцену, выйдя замужъ въ 1796 году. Театральные нравы какъ за кулисами, такъ и въ зрительной залѣ были тѣ же что и теперь. Актеры грызлись между собою изъ-за ролей, актрисы изъ-за знатныхъ обожателей. Мистрисъ Джорданъ постоянно анонсировалась

Боковыя ложи Дрюриленскаго театра.

больною, какъ только Саррѣ Сиддонсъ хлопали больше, чѣмъ ей. Между зрителями зачастую являлись подкутившіе джентльмены, прерывавшіе представленіе и которыхъ надо было выводить изъ театра съ помощью полиціи. Споры въ партерѣ нерѣдко оканчи-

вались аплодисментами по щекамъ сосѣдей. Жалованье было небольшое. Сиддонсъ получала шесть фунтовъ въ недѣлю (меньше трехъ тысячъ рублей въ годъ). Въ ложахъ знатныя особы дѣлали визиты другъ другу, причемъ подавались разныя лакомства и угощенія. Любимыми пьесами были мелодрамы, въ родѣ «Дезертера», «Смуглеровъ», «Женщины въ маскѣ». Шекспира давали не часто, но такъ какъ англичане гордились этимъ писателемъ, то одинъ изъ плохихъ драматуровъ Эйрландъ, въ 1796 году поставилъ на Дрю-

Джонъ Кембль въ роли «Гамлета».

риленскомъ театрѣ будто бы вновь случайно открытую трагедію Шекспира «Вортигернъ и Равенна». Шериданъ повѣрилъ этой грубой поддѣлкѣ, тогда какъ Кембль не охотно игралъ Вортигерна и въ концѣ трагедіи съ такимъ комическимъ выраженіемъ произнесъ стихъ: «Вѣдь это все поддѣлка и обманъ»!—что публика расхохоталась и трагедія провалилась, чего она, впрочемъ, заслуживала. Эйрландъ признался потомъ, что онъ самъ сочинилъ эту пьесу.

Опера и балетъ привлекали публику не меньше драматическихъ представленій. Знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ было меньше, чѣмъ такихъ же актеровъ. Въ 1784 году пріѣхала въ Лондонъ, уже 34 лѣтъ, Елисавета Марà, рожденная Штеллингъ. Она сначала играла

на скрипкѣ въ Германіи, потомъ, выработавъ недурной голосъ, сдѣлалась оперной пѣвицей при дворѣ Фридриха II. Впродолженіе 18-ти лѣтъ, она была любимицею лондонской публики, но въ 1802 году уѣхала въ Россію, гдѣ остатками своего голоса заработала небольшую сумму, на которую и купила домъ въ Москвѣ. Но во время пожара 1812 года, домъ этотъ сгорѣлъ, и она, потерявъ все, что имѣла, переселилась въ Ревель, гдѣ жила въ бѣдности помощью старыхъ друзей. Въ 1819 году, она вздумала пріѣхать въ Лондонъ и дать концертъ — на 70-мъ году. Это была послѣдняя, печальная

Джонъ Кембль въ роли Лира.

попытка, послѣ которой она поспѣшила вернуться въ Ревель, гдѣ умерла въ 1833 году, 84-хъ лѣтъ. Судьба другой оперной звѣзды, мистриссъ Кроучъ была романическая. Въ 1780 году, она дебютировала въ Лондонѣ какъ драматическая актриса подъ своимъ дѣвическимъ именемъ Филлипсъ. Ей было всего 17 лѣтъ и успѣха она не имѣла. Тогда она уѣхала въ Ирландію, гдѣ въ нее влюбился молодой человѣкъ, схваченный однажды въ театрѣ въ то время, когда намѣревался выстрѣлить въ нее изъ пистолета. Онъ объявилъ, что рѣшился убить сначала ее, потомъ себя за то, что она не отвѣчала на его любовь. Его принудили покинуть островъ. Потомъ ее полюбилъ сынъ богатѣйшаго ландлорда Ирландіи и хотѣлъ на

ней жениться. Они стояли уже передъ алтаремъ, когда католическій патеръ, узнавъ имя жениха, сбиравшагося сдѣлать своей женою актрису, отказался вѣнчать ихъ. Напрасно обращалась влюб-

Первая танцовщица — Гимаръ.

ленная пара и къ другимъ священникамъ. Встрѣчая вездѣ отказъ, они рѣшились бѣжать въ Шотландію, гдѣ ихъ не знали, да и попы были сговорчивы. Но не дремали и отцы влюбленныхъ и накрыли ихъ въ ту минуту какъ они садились на корабль. Затѣмъ послѣ-

довала вѣчная разлука и миссъ Филлипсъ, черезъ нѣсколько времени, вышла съ горя за лейтенанта Кроуча, красиваго собой, но гуляку и мота. Бракъ не могъ быть счастливъ при такихъ условіяхъ. Супруги разошлись, она поступила пѣвицею на сцену и

Финальное па балета «Кора и Алонзо».

умерла 42 лѣтъ. Изъ пѣвцовъ ни одинъ не пользовался европейскою извѣстностью. Нѣкоторые были вмѣстѣ съ тѣмъ и оперными композиторами, какъ Келли, Арнольдъ, Линлей. На сколько англичане понимаютъ музыку, видно изъ того, что «Донъ-Жуанъ» Мо-

царта, данный въ Лондонѣ въ 1794 году, былъ ошиканъ и игранъ всего одинъ разъ. Надо сказать, однако, что на этомъ представленіи были и защитники оперы, подравшіеся даже въ партерѣ съ ея противниками, а двое даже дрались на другой день на дуэли изъ-за «Донъ-Жуана».

Балетъ также имѣлъ своихъ поклонниковъ. Ихъ было немало у первой танцовщицы Гимаръ, пріѣхавшей изъ Парижа. Особенный фуроръ производила она въ балетѣ «Нисетта». Она была нехороша собой и очень худощава, но танцовала съ изумительною легкостью и граціею. Это признавали и враги ея, изобразившіе ее въ карикатурѣ только за то, что она была француженка, а революціонная Франція была въ войнѣ съ вѣрноподданной Англіей, распѣвавшей въ то время, при всякомъ удобномъ случаѣ: «God save the king». Подъ музыку этого гимна танцовали даже въ 1793 году, въ балетѣ «Кора и Алонзо» вставное pas de trois. Современный рисунокъ изображаетъ это па, исполнявшееся француженкой Паризо, некрасивой англичанкой по имени миссъ Роза и танцоромъ Дидло, перешедшимъ потомъ на петербургскую сцену въ званіи балетмейстера. Сюжетомъ балета «Кора и Алонзо, или дѣва солнца», поставленнаго Дидло и въ Петербургѣ, было покореніе Перу предводителемъ испанцевъ Пизарро, другъ котораго Алонзо влюбляется въ жрицу храма солнца. Костюмы танцорокъ и въ то время отличались откровенностью, что̀ видно изъ нашихъ рисунковъ. Второй изъ нихъ представляетъ балетные танцы на королевскомъ театрѣ, а именно па съ гирляндой, возбуждавшее особенный фуроръ. Противъ такого балетнаго «разоблаченія», въ 1798 году, епископъ Дургамскій произнесъ въ парламентѣ громовую рѣчь, проповѣдуя крестовый походъ противъ слишкомъ короткихъ и прозрачныхъ юбокъ танцовщицъ; прелатъ видѣлъ въ нихъ даже политическую интригу и утверждалъ, что французская Директорія, видя невозможность побѣдить Англію оружіемъ, задумала испортить ея нравственность и съ этой цѣлью послала на островъ своихъ танцорокъ. Епископъ утверждалъ, что такихъ неприличныхъ танцевъ, какіе исполнялись на королевскомъ театрѣ, не видали не только въ Парижѣ, но даже въ древнихъ Аѳинахъ и Римѣ. Рѣчь прелата оканчивалась предложеніемъ — подать адресъ королю съ просьбою, чтобы онъ приказалъ выслать изъ Англіи всѣхъ танцорокъ, разрушающихъ нравственность и религію и несомнѣнно подкупленныхъ Франціею. Другой высоконравственный членъ парламента предложилъ, чтобы юбки танцорокъ были не короче узаконенной длины, принятой для юбокъ въ полку шотландскихъ горцевъ, и чтобы судебные пристава провѣряли эту длину. Оба эти билля, конечно, не прошли въ парламентѣ, но послужили предметомъ множества карикатуръ. На одной изъ нихъ былъ изображенъ епископъ Дургамскій, прогоняющій со сцены пастырскимъ жезломъ танцорокъ, прикрытыхъ только

частями епископскаго облаченія — льняными рукавами и передниками. Другая карикатура Джильрая изображаетъ лицо судебнаго вѣдомства, явившееся съ аршиномъ въ рукахъ провѣрять законную длину юбки, снятой танцоркой, но засматривающееся не на юбку, а на ея обладательницу. Но и походъ противъ юбокъ не имѣлъ успѣха, какъ и походъ противъ иностранныхъ танцорокъ. Двухъ французскихъ танцоровъ, правда, выслали въ это время, но не по нравственнымъ, а по политичискимъ причинамъ, за то, что

Балетные танцы на Королевскомъ театрѣ.

онѣ, «выдѣлывая на сценѣ антраша, за кулисами пропагандировали не стѣсняясь крайнія, революціонныя идеи». Должна была также оставить Лондонъ и знаменитая Гимаръ, но потому, что не имѣла успѣха. Не смотря на несомнѣнный хореграфическій талантъ, этому «скелету грацій», какъ называли въ Парижѣ Гимаръ, за ея худощавость, было уже 53 года, когда она явилась въ Лондонѣ. Парижскую сцену она оставила уже семь лѣтъ тому назадъ, и тогда же вышла замужъ за танцора и писателя Депрео, не смотря на свои похожденія, о которыхъ говорили не только Парижъ и Франція,

но и модные кружки всей Европы. Ея связь съ принцемъ Субизъ, потомъ съ епископомъ Орлеанскимъ, наконецъ, съ банкиромъ Лабордомъ не была ни для кого тайною. Ея балы и вечера въ блистательномъ отелѣ Сенжерменскаго предмѣстья и на пантенской виллѣ изумляли сумасшедшею роскошью. На двухъ театрахъ, вы-

Судебное измѣреніе узаконенной длины юбокъ.

строенныхъ ею, давались не только балеты, но и пьесы модныхъ авторовъ, какъ Кармонтеля и Колле. Когда Людовикъ XV далъ ей пенсію въ полторы тысячи франковъ (жалованья она получала всего 1,200), она передала патентъ на полученіе этой пенсіи своему лакею, должность котораго состояла въ сниманіи щипцами нагара со свѣчей. Лѣтъ двадцать Гимаръ тратила громадныя суммы, но съ годами число обожателей, поддерживавшихъ ея безумную рос-

конъ, значительно сократилось, и танцорка должна была жить гораздо скромнѣе. Она продала свою виллу и разыграла парижскій отель въ лотерею. Людовикъ XVI увеличилъ ея пенсію до 6,000 ливровъ, управленіе театра Большой оперы назначило ей ежегодно такую же сумму. Но всего этого было, конечно, мало для женщины,

Уличная музыка въ Лондонѣ 1799 года.

привыкшей бросать деньги безъ разсчета, — и она явилась въ Лондонъ пожинать лавры и гинеи. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, она вскорѣ, однако же, вернулась въ Парижъ, гдѣ прожила еще 20 лѣтъ и умерла всѣми забытая на 73 году.

Маскарады были введены въ Англіи еще Генрихомъ VIII, но никогда не были въ такой модѣ, какъ въ концѣ XVIII вѣка. Они

давались въ Оперномъ театрѣ; за входъ платили по гинеѣ, но за эту плату подавали и ужинъ съ виномъ. Самый употребительный костюмъ въ маскарадахъ былъ матросскій. Принцъ Валлійскій любилъ являться въ маскарадахъ въ женскомъ платьѣ. Публики собиралось до трехъ тысячъ. Были маскарады и въ частныхъ домахъ, куда избранная публика допускалась хотя и за деньги, но по рекомендаціи. Таковъ былъ на Сого-скверѣ домъ мистриссъ Корнелисъ, гдѣ собиралось высшее общество, бывала королевская фамилія. Хозяйка давала также балы, вечера и концерты, нѣсколько разъ прогорала, то банкрутилась, то снова открывала свой салонъ, присоединяла къ нему то «школу краснорѣчія», гдѣ какой-то польскій карликъ читалъ лекціи о возвышенныхъ предметахъ, то «академію наукъ и искусствъ съ читальной залой», то «совѣщательный кабинетъ», гдѣ допускались къ преніямъ по различнымъ предметамъ люди обоего пола, то даже «дамскій тиръ», въ которомъ прекрасный полъ упражнялся въ стрѣльбѣ. Все это не спасло, однако, предпріимчивую Корнелисъ отъ раззоренія, и она умерла въ 1797 году въ долговой тюрьмѣ. Не смотря на то, что англичане считались всегда анти-музыкальнымъ народомъ, они усердно посѣщали всякіе концерты, стараясь опровергнуть несправедливое мнѣніе о ихъ немузыкальности. Охотнѣе всего слушали квартеты скрипки, віолончели, флейты и фортепьяно, начинавшаго входить во всеобщее употребленіе. Уличные музыканты собирали также толпы зрителей. Карикатура 1799 года представляетъ трехъ музыкантшъ, играющихъ на серинетѣ, трубѣ и тарелкахъ. Очень нравились также низшему классу маріонетки, называвшіяся тогда «андронидами». Были по временамъ и картинныя выставки, но ими публика занималась очень мало, почему и въ газетахъ встрѣчается объ нихъ мало свѣдѣній. Но всего меньше тогдашніе органы печати сообщаютъ извѣстій о литературѣ, а между тѣмъ, въ 1796 году «Times» сообщаетъ, что въ каталогѣ послѣднихъ лѣтъ однихъ произведеній, написанныхъ дамами, вышло 4,073. Только о смерти Гиббона сочувственно отозвались газеты того времени.

Мы говорили уже о торговомъ кризисѣ и частныхъ банкротствахъ этого времени. Недостатокъ въ звонкой монетѣ былъ такъ великъ, что Англія была наводнена фальшивыми деньгами. Полиція не могла открыть виновниковъ этой фабрикаціи. Да и что̀ за полиція была въ то время въ Лондонѣ, не говоря уже о другихъ городахъ! Даже ее вовсе не было видно; ночью полисмены выходили съ длинной палкой, фонаремъ и трещоткой и ходили въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ то время, какъ воры работали въ другомъ мѣстѣ. Не смотря на строгость англійскихъ законовъ, наказывающихъ смертью за малѣйшее воровство (вѣшали за кражу куръ и часовъ), число покражъ въ Лондонѣ было огромное.

Весною 1790 года, въ столицѣ распространился слухъ, чтò какое-то чудовище нападало ночью на женщинъ и поражало ихъ ударами кинжала. Въ короткое время, четыре женщины, имена

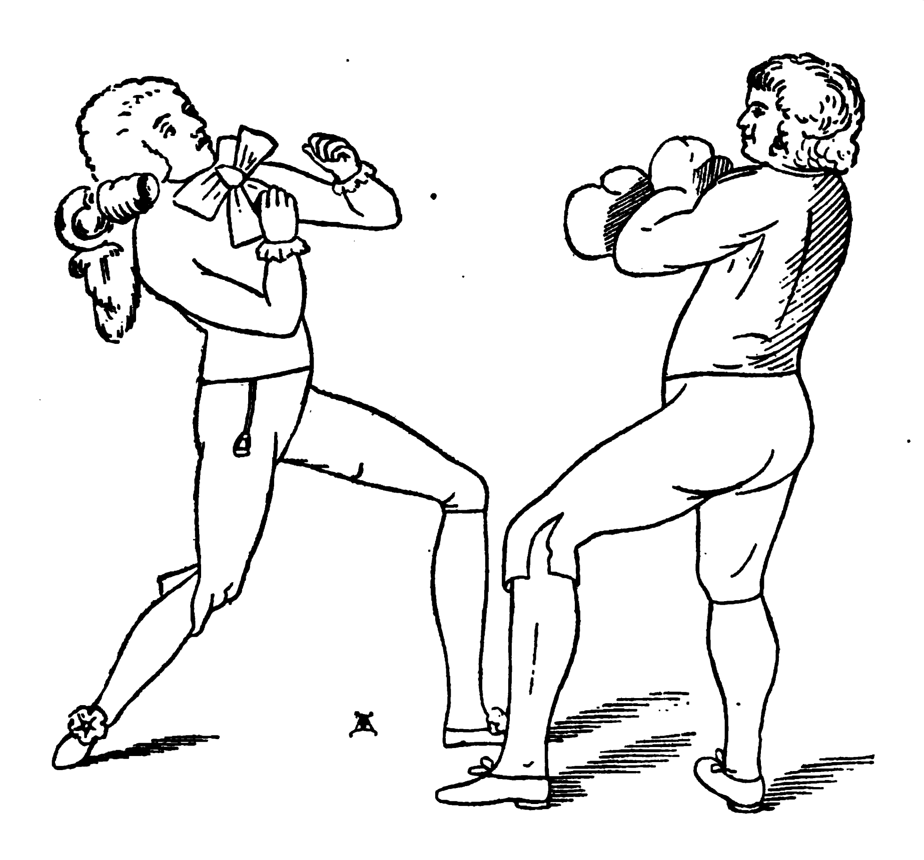
«Чудовище», наносившее раны женщинамъ.

которыхъ назывались въ газетахъ, были ранены въ бедро, въ бокъ, въ животъ. Полиція приняла мѣры для поимки чудовища, обѣщая награду въ тысячу рублей тому, кто откроетъ его. Въ объ-

явленіи перечислены примѣты преступника: средняго роста, лѣтъ тридцати, худощавый, лицо блѣдное, въ небольшихъ оспинахъ, хорошо одѣтъ. Слѣдствіемъ этого объявленія было то, что къ жертвамъ «чудовища», какъ его называли, прибавились еще двѣ женщины, потомъ число ихъ значительно увеличилось, и полиція заявила, что чудовищъ должно быть нѣсколько. Въ концертахъ пѣли пѣсенки, относящіяся къ этому случаю, на улицахъ начали забирать людей по подозрѣнію. Мошенники воспользовались этимъ и, ограбивъ кого нибудь, на крики его о помощи начинали также кричать: это — чудовище! онъ хотѣлъ убить женщину! И потомъ набрасывались на несчастнаго, избивали его до полусмерти. Случалось, что къ богатому джентльмену на улицѣ подходила дама, говорила, что она ранена чудовищемъ, и просила помочь ей нанять карету. Услужливый кавалеръ, конечно, не отказывалъ, помогалъ ей сѣсть въ экипажъ, и когда она исчезала, убѣждался, что и у него исчезли кошелекъ, часы или бумажникъ. Злодѣй былъ найденъ случайно. Одна изъ жертвъ его, миссъ Портеръ, проходя по улицѣ со своимъ знакомымъ, встрѣтила человѣка, ранившаго ее, и закричала: это онъ, это убійца! Онъ былъ схваченъ, и еще четыре женщины узнали въ немъ лицо, нанесшее имъ раны. Онъ не сознавался. Слѣдствіе обнаружило, что это уроженецъ Валлиса Ренвикъ Вильямсъ, бывшій танцоръ, потомъ писецъ въ судѣ, разгульнаго поведенія, не имѣвшій средствъ къ жизни. На судѣ семь женщинъ признали въ немъ убійцу. Присяжные вынесли ему обвинительный приговоръ, но судъ не согласился съ ними и послѣ кассаціи и вторичнаго разбора дѣла Ренвикъ былъ присужденъ только къ семилѣтнему заключенію въ Ньюгетъ и уплатѣ значительной пени. А между тѣмъ, въ то же время были приговорены къ смерти трое за кражу овецъ и одинъ за кражу четырехъ телятъ. Крали также немало труповъ съ кладбищъ для продажи ихъ въ анатомическіе театры.

Въ 1793 году, изъ Ньюгетской тюрьмы выпустили человѣка, просидѣвшаго въ ней 15 лѣтъ за кражу 45-ти шилинговъ. Содержащихся въ тюрьмѣ за долги кормили такъ плохо, что они взывали въ газетахъ къ общественной благотворительности. Должники, сидѣвшіе въ Ньюгетской тюрьмѣ, напечатали въ «Times» 1792 года благодарность леди Тейлоръ, приславшей имъ полтораста фунтовъ говядины, 66 сыру, сахару, 20 мѣшковъ угля—«все отличнаго качества». Тутъ же иронически благодарятъ и лорда-мэра столицы за великодушное пожертвованіе имъ одной гинеи, которую заключенные раздѣлили между собою, причемъ на каждаго пришлось по два пенса. И еще, на основаніи одного изъ странныхъ старыхъ законовъ, какихъ немало въ Англіи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ за долги обязаны были уплачивать по шиллингу въ недѣлю смотрителю флота. По другому закону, посаженные въ тюрьму за неплатежъ по-

винностей должны были, по выпускѣ изъ тюрьмы, платить за свое содержаніе въ ней. Къ самымъ употребительнымъ наказаніямъ въ тюрьмѣ принадлежалъ тяжелый желѣзный ошейникъ, надѣваемый на шею. Съ такимъ украшеніемъ ходили, впрочемъ, не одни арестанты. На хозяина большого ткацкаго заведенія въ Ламбетѣ рабочіе принесли жалобу, что они за ничтожную вину по мѣсяцу носятъ тяжелые ошейники, запирающіеся на затылкѣ

Ричардъ Гомфрейсъ, дающій уроки боксированія.

огромнымъ висячимъ замкомъ. Если просвѣщенные мореплаватели обходились такъ съ свободными рабочими, чего же можно было ожидать отъ обращенія съ осужденными закономъ? Такъ газеты приводятъ примѣры возмутительнаго отношенія къ ссылаемымъ въ Ботани-бей. По дорогѣ въ колонію и на мѣстѣ поселенія съ ними обходились безчеловѣчно и, не говоря уже о томъ, что смотрители надъ ссыльными обкрадывали ихъ безъ милосердія, кормя чѣмъ попало и пользуясь ихъ трудами, но имѣли право наказы-

вать ихъ плетьми, назначая отъ 500 до 1,000 ударовъ. Если такъ обращались со своими братьями по крови и христіанами, что же должны были переносить черные невольники? Ихъ положительно не считали за людей, и «Times», разсказывая, какъ одна леди бѣжала отъ своего мужа съ чернымъ слугою его, недоумѣваетъ, какъ объяснить этотъ поступокъ. У леди было двое дѣтей отъ лорда, которыхъ она захватила съ собою, вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Но бѣглецовъ вскорѣ же поймали и лордъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ отъ жены дѣтей и все имущество, а ей самой предоставилъ идти куда угодно. Сообщника ея, стрѣлявшаго въ преслѣдователей, отправили въ ссылку, за стрѣльбу ли, не причинившую никому вреда, или за увозъ леди, которая, однако, не увезена?—газета не сообщаетъ. Она возстаетъ, однако, противъ постановленнаго, въ то время, приговора къ повѣшенію какого-то бѣдняка, укравшаго бычка на Смитфильдскомъ рынкѣ, и къ двумѣсячному заключенію въ тюрьму еврея, купившаго на томъ же рынкѣ шляпу, безъ штемпеля на подкладкѣ, доказывающаго, что за шляпу уплачена пошлина, установленная закономъ. Газета жалуется также на непомѣрно-огромное число адвокатовъ въ Англіи, которые, для того, чтобы существовать, вчиняютъ всевозможные иски и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы начать процессъ. Въ 1796 году, въ Ньюгетской тюрьмѣ накрытъ одинъ изъ заключенныхъ Полленъ, занимавшійся, вѣроятно, отъ скуки фабрикаціей фальшивой монеты. У него найдены всѣ необходимыя для этого машины и инструменты и болѣе чѣмъ на сотню фунтовъ прекрасно поддѣланныхъ шиллинговъ, кромѣ другихъ монетъ.

Процвѣталъ также и любимый англичанами боксъ, которому покровительствовалъ принцъ Валлійскій, державшій огромныя пари за знаменитыхъ бойцовъ на кулакахъ. Въ этомъ пріятномъ занятіи упражнялись и джентльмены, изъ которыхъ иные, какъ Ричардъ Гомфрейсъ, давали уроки лордамъ въ искусствѣ сворачивать скулы противнику. Между знаменитыми боксерами были кучера, пивовары, жестянники, портные и даже одинъ еврей. Случались и дуэли — чаще всего между офицерами. Два капитана, обмѣнявшись въ оперѣ изъ-за мѣста затрещинами, на другое утро сочли нужнымъ обмѣняться пулями въ Гайдпаркѣ. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ въ плечо. Дуэли, по крайней мѣрѣ, не служили предметомъ пари, какъ боксированіе. Но газеты упоминаютъ и о такихъ пари, которымъ вѣрится съ трудомъ. Такъ лордъ Барриморъ бился объ закладъ съ герцогомъ Бедфордскимъ, что съѣстъ живаго котенка. «Times», говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что это не единственное пари и что въ Кильдарѣ одинъ ирландецъ съѣлъ полуживую лисицу, подстрѣленную на охотѣ. Правда, прибавляетъ газета, ирландецъ былъ идіотъ и полусумасшедшій. Но онъ, все-таки, жилъ на свободѣ, тогда какъ сумасшедшихъ въ то время

сажали на цѣпь, приковывая ихъ къ стѣнѣ длинною цѣпью, позволявшею несчастнымъ ложиться на солому и сидѣть у той же стѣны. Ихъ оставляли босыми и едва покрытыми одеждой, даже женщинъ, какъ видно на современномъ рисункѣ. Еще объ одномъ пари разсказываетъ «Times» 1795 года. Маленькій и худенькій джентльменъ бился объ закладъ, что пронесетъ на спинѣ стараго и необыкновенно толстаго лорда Чальконделя на извѣстномъ про-

Какъ содержатъ сумасшедшихъ.

странствѣ по главной улицѣ Брайтона. Присутствовать на пари приглашены были знакомые лорды и леди. Когда всѣ собрались въ назначенное мѣсто, джентльменъ потребовалъ, чтобы лордъ раздѣлся.—Какъ раздѣться!—возразилъ лордъ:—да вѣдь тутъ дамы, и къ тому же я могу простудиться! —Мнѣ-то что за дѣло!—былъ отвѣтъ:—я держалъ пари, что пронесу васъ, а не ваше платье. Раздѣвайтесь до рубашки включительно, или платите пари».—Лордъ, не желая показаться in puris naturalibus, долженъ былъ признать, что проигралъ пари.

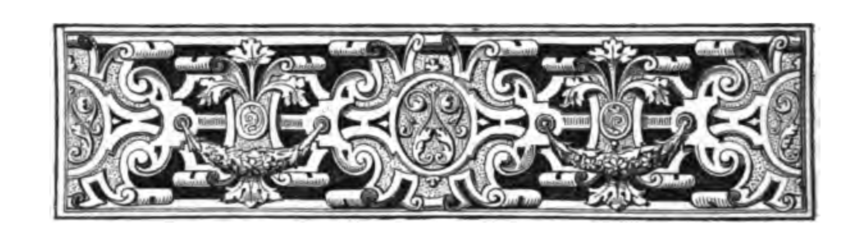
Какъ велика была торговля Англіи, видно изъ того, что въ одномъ 1796 году, движеніе судовъ въ лондонской гавани доходило до 13,500 кораблей съ грузомъ въ 670 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Въ томъ же году, въ столицѣ Англіи, на балахъ первый разъ начали танцовать вальсъ, очень понравившійся дамамъ, потому что,—какъ замѣчаетъ «Times»,—танцоры крѣпко прижимали и обнимали ихъ во время круженья. Но въ слѣдующемъ году вошло въ Англіи употребленіе опіума, конечно, въ высшемъ кругу и болѣе всего между женщинами. Французскихъ плѣнниковъ въ этомъ году было въ Англіи уже 23,600, тогда какъ англичанъ во Франціи взято 4,000. Французы получали ежедневно фунтъ хлѣба и полфунта мяса съ небольшимъ количествомъ зелени. Конечно, этого немного, но англійскіе бѣдняки были бы счастливы, если бы могли всякій день получать столько же.

Англичане не хотятъ сознаться, что обычай продавать своихъ женъ постоянно практиковался въ низшихъ слояхъ общества. Но если газеты нашего времени сообщали о случаяхъ подобной дикой продажи въ 1862, 1870, 1881 и даже въ 1882 году (два случая), то можно ли удивляться, что въ концѣ прошлаго вѣка англійскіе рабочіе и ремесленники вывозили своихъ женъ на Смитфильдскій рынокъ съ веревкой на шеѣ и предлагали желающему за дешевую цѣну. «Times» 1797 года приводитъ даже справочныя цѣны на рынкѣ этому товару и говоритъ, что онъ продавался отъ полгинеи до трехъ съ половиною. Вообще съ этимъ товаромъ твердо и курсъ на него поднимается, — прибавляетъ газета, въ то же время сокрушаясь, что не положенъ конецъ такому постыдному порядку вещей, унижающему человѣчество. Что такой торгъ унижаетъ прежде всего правительство, газета не прибавляетъ, хотя тутъ же приводитъ фактъ, что при продажѣ мѣдникомъ своей жены скорняку всего за 6 шиллинговъ, сборщикъ податей взялъ 4 шиллинга пошлины за утвержденіе этой продажи. Подобное взиманіе казенныхъ пошлинъ съ такого товара не казалось нисколько страннымъ органу печати, удивляющемуся въ то же время, что капитанъ британской службы привезъ на кораблѣ, пришедшемъ изъ Смирны, турецкому посланнику въ Лондонъ красавицу черкешенку, присланную султаномъ въ подарокъ его сіятельству. Посланникъ горячо благодарилъ капитана за особенную сохранность, съ какою этотъ живой подарокъ былъ привезенъ изъ Турціи,—замѣчаетъ газета. Но женщина, по понятіямъ мусульманъ, дѣйствительно товаръ, могущій быть предметомъ сдѣлокъ всякаго рода, а жены-то свободныхъ христіанъ-англичанъ по какимъ же нравственнымъ законамъ продавались на рынкахъ? Вообще лицемѣріе этой націи торгашей и эгоистовъ выражается не только въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, но и къ своимъ семьямъ. Если общественная жизнь Англіи поражаетъ наблюдателя ненор-

мальными явленіями, то жизнь семейная представляетъ еще болѣе неприглядные факты. По наружности въ ней все, конечно, очень прилично, но что дѣлается въ нѣдрахъ ея,—объ этомъ рѣдко получаются достовѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ англичанинъ не допускаетъ посторонихъ проникнуть въ святилище своего «home». Кое-что объ этой жизни поразсказали Максъ о'Рейлли, графъ Василій и другіе нескромные хроникеры нашего времени, но близкое знакомство съ семейной жизнью Англіи представило бы не менѣе интересныхъ фактовъ, какъ и изученіе ея общественной жизни, и мы намѣрены сдѣлать очеркъ ея на основаніи новаго, только что появившагося въ нынѣшнемъ году сочиненія того же автора «Разсвѣтъ XIX столѣтія въ Англіи». Какъ и въ разобранномъ нами трудѣ Джонъ Аштонъ обращаетъ больше вниманія и въ новомъ сочиненіи на соціальное положеніе своего отечества. Но и среди чисто общественныхъ явленій встрѣчаются факты, ярко освѣщающіе домашнюю жизнь англичанъ. Эти факты мы постараемся изучить какъ можно тщательнѣе, считая ихъ далеко не безъинтересными для объясненія внѣшнихъ отношеній націи, явившейся, особенно въ наше время, такимъ упорнымъ противникомъ нашего отечества и грозящей сдѣлаться нашимъ явнымъ врагомъ, можетъ быть, въ весьма недалекомъ будущемъ...

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Холуй. Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія. Н. И. Костомарова. Спб. 1885.

ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ и въ обществѣ давно сложилось убѣжденіе, что на сколько талантливъ былъ покойный Н. И. Костомаровъ какъ историкъ, на столько же онъ недостаточно талантливымъ выступалъ въ качествѣ беллетриста.

Но намъ кажется, что убѣжденіе это — плодъ поверхностнаго отношенія къ тому, что разумѣютъ и литература, и общество подъ беллетристическими произведеніями признаннаго всѣми художника-автора «Стеньки Разина» «Богдана Хмельницкаго», «Мазепы» и цѣлаго рода безсмертныхъ трудовъ покойнаго историка.

Надѣемся, мы лучше будемъ поняты, если установимъ на Костомарова ту точку зрѣнія, что какъ въ историческихъ своихъ работахъ, такъ и въ беллетристическихъ онъ всегда и неизмѣнно оставался историкомъ—вѣрнымъ служителемъ фактовъ, документальности, исторической правды. Въ пользу этой, священной для него, исторической правды, въ пользу историческої и бытовой точности—точности духа и колорита времени, онъ невольно жертвовалъ художественнымъ творчествомъ, вымысломъ романиста. А что же за романъ, что за художественность безъ свободнаго вымысла, какъ понималъ это и одинъ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ художниковъ, покойный Тургеневъ. Всѣ беллетристическія произведенія Костомарова—«Сынъ», «Кудеяръ», «Черниговка» и стоящее въ заголовкѣ этой замѣтки — «Холуй», въ которыхъ критика видитъ недостатокъ художественности,— на сколько они выше своею историческою правдою, знаніемъ духа эпохи и ея языка и вѣрностью бытовыхъ чертъ,—на сколько они выше многихъ считаемыхъ художественными и талантливыми псевдо-историческихъ романовъ! Мы не го-

воримъ уже о какихъ нибудь прежнихъ романистахъ съ ихъ слащавою рѣчью—рѣчью XIX вѣка, влагаемою въ уста героевъ XVII, съ ихъ фальшивыми описаніями, съ ихъ невѣжественнымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ; мы не говоримъ о какихъ нибудь жалкихъ «Стрѣльцахъ» Мосальскаго и иныхъ имъ подобныхъ; но сколько же, подобно Мосальскому, грѣшатъ противъ исторической и бытовой правды и колоритности и современные якобы талантливые историческіе романисты.

Повторяемъ, Костомаровъ и историческимъ романомъ хотѣлъ учить читателя и давать ему въ пищу только полезныя и точныя историческія знанія. Онъ и въ этихъ работахъ слѣдовалъ требованіямъ самой добросовѣстной точности, которая была его девизомъ, иной разъ даже до крайностей. Когда онъ слышалъ, напримѣръ, выраженіе: «Какъ много интереснаго видѣла эта комната!»—онъ сейчасъ возражалъ: «Комната не можетъ видѣть!—у нея нѣтъ глазъ». Когда онъ бывало затруднялся передать въ исторической повѣсти какой либо фактъ, котораго онъ не находилъ въ документахъ, и сожалѣлъ, что не увѣренъ въ этомъ фактѣ, ему говорили: «Вы теперь не историкъ, а романистъ; а романистъ долженъ все знать». Но онъ, всетаки, не рѣшался признать фактъ, котораго не находилъ въ исторіи. Оттого его беллетристическія произведенія и страдаютъ отсутствіемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, свободнаго художественнаго творчества.

«Холуй»—чрезвычайно характерная и поучительная страничка изъ историческо-бытовой русской жизни временъ самовластія того, кого Пушкинъ охарактеризовалъ словами:

«И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ».

Въ это время, какъ извѣстно, особенно усердно практиковались системы застѣнка и пытокъ, передъ которыми всѣ были равны—и вельможный князь, и «холуй».

«Холуй» написанъ Костомаровымъ въ 1877 году и около этого же времени напечатанъ былъ въ фельетонахъ «Новаго Времени», но только, по желанію редакціи, подъ названіемъ «Холопъ». Теперь онъ вышелъ особымъ изданіемъ и подъ кличкою, какую далъ ему авторъ, имѣя на то основательныя причины.

Герой повѣсти Васька былъ «холуемъ» у вельможной княгини Анны Петровны Долгорукой, и его злоключенія, доведшія и его до застѣнка, и его вельможную госпожу, которую хозяинъ застѣнка, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, не постѣснялся «посѣчь» въ своемъ кабинетѣ,—составляютъ канву повѣсти. Злоключенія и застѣнокъ привели бѣднаго Ваську къ безвременной кончинѣ, а для «сѣченной» госпожи его были источникомъ благополучія: за то, что ее высѣкли, Меньшиковъ пожаловалъ ей 30,000 р., чтобъ уплатить долги кутилы-сынка.

Кромѣ достоинствъ, представляемыхъ бытовыми сторонами повѣсти, въ ней прекрасно очерчены нѣкоторыя историческія личности, какъ, напримѣръ, бывшій любимецъ Петра—Макаровъ, довольно загадочная личность.

Д. Мордовцевъ.

Сочиненія Корнелія Тацита, русскій переводъ съ примѣчаніями и со статьей о Тацитѣ и его сочиненіяхъ В. И. Модестова. Томъ I. Спб. 1886.

Корнелію Тациту посчастливилось у насъ сравнительно съ другими римскими классиками: кромѣ переводовъ, сдѣланныхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія [1],—въ это время, какъ извѣстно, у насъ были переведены всѣ главные классики, большею частію, съ оригиналовъ, и многіе съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и усердіемъ; даже нашъ вѣкъ, весьма incuriosa classicorum, обратилъ на него серьезное вниманіе: въ 1858 году, Алексѣй Кронебергъ издалъ такой изящный переводъ Анналовъ Тацита, что въ дни юности автора этихъ строкъ, благодаря его переводу и извѣстной книгѣ Кудрявцева: Римскія женщины по Тациту, Тацитъ былъ популярнѣйшій на Руси классикъ. Авторъ хорошо помнитъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкоторые неопытные юноши, дома готовившіеся въ университетъ, занимались латынью такимъ оригинальнымъ, но крайне непедагогичнымъ способомъ: отзубривъ съ грѣхомъ пополамъ коротенькую грамматику Якова Смирнова, или «составленную по Кюнеру», они пріобрѣтали Кронеберговскій переводъ, вмѣстѣ съ стереотипомъ Анналовъ и, ничтоже сумняся, начинали «изучать» Тацита фраза за фразой. И нельзя сказать, что результаты всегда выходили плачевные!

Г. Модестовъ, одинъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ классицизма и одинъ изъ очень немногихъ (чуть ли не изъ 2-хъ) представителей этой нынѣ столь высоко поставленной отрасли филологіи, удостоивающихъ спускаться съ высотъ философіи падежей и критики текста до уровня пониманія публики, занимается Тацитомъ болѣе 20 лѣтъ: еще въ 1864 году онъ защищалъ магистерскую диссертацію «Тацитъ и его сочинненія», надѣлавшую въ свое время сравнительно много шума. Теперь онъ приступаетъ къ полному переводу его сочиненій и приступаетъ такъ, что этотъ приступъ равняется не половинѣ, а девяти десятымъ дѣла; второй и послѣдній томъ, обѣщанный г. Модестовымъ черезъ годъ, будетъ заключать въ себѣ только Анналы, Кронеберговскій переводъ которыхъ, если не ошибаемся, еще существуетъ въ продажѣ, и подозрительный Разговоръ объ ораторахъ, безъ котораго публика легко можетъ обойдтись.

Статья о Тацитѣ, предпосланная переводу, очень кратка, но желающіе могутъ легко пополнить свои свѣдѣнія объ авторѣ по выше указанной диссертаціи г. Модестова или по соотвѣтствующей главѣ его «Исторіи римской литературы». Центръ тяжести книги не въ этой статьѣ и не въ небольшихъ, но довольно тщательно составленныхъ реальныхъ примѣчаніяхъ, а въ переводѣ Агриколы и Исторій, на современный русскій языкъ еще не переведенныхъ (переводъ г. Клеванова по причинамъ, весьма понятнымъ для всѣхъ знающихъ дѣло, мы не можемъ принимать въ разсчетъ).

Всякаго хорошаго классика для печати переводить трудно, а Тацита, вслѣдствіе его полунатуральнаго, полуискусственнаго лаконизма, труднѣе,

---

[1]) Ихъ перечень, вполнѣ согласный съ Смирдинскимъ каталогомъ, читатель найдетъ на II стр. предисловія г. Модестова.

чѣмъ кого бы то ни было. Переводчикъ нашего времени не можетъ поступать такъ съ оригиналомъ, какъ поступали, напр., въ Италіи въ XIV вѣкѣ, когда переводчикъ скорѣе пересказывалъ, чѣмъ переводилъ и безъ угрызенія совѣсти позволялъ себѣ вставлять въ классика свои собственныя «умныя мысли». Переводчикъ нашего времени долженъ не только рабски слѣдовать смыслу текста, но и долженъ стараться, по возможности, передать тонъ и стиль оригинала, а въ то же время онъ обязанъ оставаться вѣрнымъ синтаксису и духу роднаго языка. Требованія относительно вѣрности тексту именно Тацита наглядно выразилъ какой-то нѣмецъ въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, который хотѣлъ добиться или добился — не помню хорошенько — того, чтобъ въ его переводѣ было ровно столько же словъ, сколько въ оригиналѣ. Требованія относительно чистоты и изящества роднаго языка равны тѣмъ, которыя предъявляются ко всякому литературному произведенію, а они немалы. Такимъ образомъ переводчикъ постоянно долженъ маневрировать между Сциллой и Харибдой; въ каждой фразѣ ему предстоитъ опасность или слишкомъ удалиться отъ текста, или оскорбить плавность родной литературной рѣчи. Есть нѣкоторые облегчающіе пріемы, не всѣми, впрочемъ, допускаемые. Такъ, напримѣръ, иные переводчики, передавъ извѣстный терминъ или часть фразы свободно, въ скобкахъ или въ выноскѣ приводятъ соотвѣтствующее мѣсто текста съ буквальнымъ переводомъ или объясненіемъ. Студенты на письменныхъ экзаменахъ прибѣгаютъ обыкновенно къ пріему, сходному съ этимъ: въ затруднительныхъ мѣстахъ они даютъ два перевода: вольный и литературный и въ скобкахъ буквальный. Если приходится имѣть дѣло съ Тацитомъ, въ скобкахъ, главнымъ образомъ, ставятся слова, которыми надобно дополнить лаконизмъ и отрывистость его рѣчи; безъ такихъ дополненій почти нѣтъ человѣческихъ силъ сдѣлать легкопонятнымъ переводъ Тацита.

Проф. Модестовъ обратился именно къ этому пріему, и въ виду непреодолимой почти трудности задачи никто не вправѣ осудить его за это. Но, по нашему мнѣнію, переводчикъ при такомъ способѣ долженъ былъ бы употреблять два рода скобокъ: одинъ для своихъ вставокъ, другой для тѣхъ мѣстъ Тацита, которыя по законамъ русской интерпункціи, слѣдовало заключить въ скобки. Иначе малоопытный читатель можетъ оказаться въ затрудненіи, какъ въ данномъ случаѣ понимать скобки.

Увѣрять «съ серьезнымъ видомъ знатока», что переводъ такого спеціалиста по Тациту, какъ г. Модестовъ, въ общемъ вполнѣ удовлетворителенъ относительно вѣрности тексту и что языкъ перевода, сдѣланнаго такимъ опытнымъ литераторомъ, въ общемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, было бы по малой мѣрѣ излишне. Мы только позволимъ себѣ предложить нѣсколько частныхъ замѣчаній, чтобы показать, что отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ почтенному труду г. Модестова, въ надеждѣ, что нѣкоторыми изъ нихъ онъ воспользуется при 2-мъ изданіи, котораго отъ души желаемъ полезной его книгѣ.

Въ VII гл. Агриколы hostiliter не совсѣмъ удачно переведено словами на непріятельскій манеръ.

Тамъ же вставку «по отношенію къ матери», при выраженіи: ad solemnia pietatis («для исполненія священнаго долга»), было бы удобнѣе замѣнить болѣе разъясняющими словами: для погребенія матери.

Тамъ же licentia, по нашему мнѣнію, не есть распутство, какъ переводитъ г. Модестовъ, а только произволъ.

Въ гл. XI: formido лучше было бы перевести робость, чѣмъ «страхъ въ устраненіи ихъ» (опасностей).

Въ концѣ гл. XII неудачно порусски: «Я скорѣе думаю, что жемчугу недостаетъ въ хорошемъ природномъ качествѣ, чѣмъ намъ въ корыстолюбіи». И т. д.

Въ заключеніе одно общее замѣчаніе типографскаго характера: переводы классиковъ отпугиваютъ русскихъ читателей внѣшней формой, такъ сказать, компактностью своихъ небольшихъ главъ, лишенныхъ въ серединѣ красныхъ строкъ. А. Кронебергъ поступилъ очень умно, сохранивъ дѣленіе на главы (они необходимы для справокъ и цитатъ), но внутри ихъ начиная съ красной строки всякую чужую рѣчь и продолженіе разсказа, за нею слѣдующее; книга получила видъ книги съ разговорами и читается легче. Мы совѣтовали бы то же и г. Модестову.

А. К.

Исторія родовъ русскаго дворянства. Составилъ П. Н. Петровъ. Томъ I. Спб. 1886.

Книгоиздательство Германа Гоппе, еще при жизни основателя этой фирмы, по случаю столѣтней годовщины дворянской грамоты, данной Екатериною II, заявило о томъ, что готовитъ къ печати исторію русскихъ дворянскихъ родовъ. Изданіе это, являющееся теперь въ свѣтъ, стоило несомнѣнно большихъ трудовъ и изысканій, хотя матеріалъ для него былъ подготовленъ въ замѣткахъ о родословіи многихъ фамилій, помѣщавшихся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ «Всемірной Иллюстраціи» вмѣстѣ съ гербами этихъ родовъ. Рисунки эти и родословныя вошли въ изданную нынѣ книгу въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ происхожденія. Хронологическая преемственность и систематическая классификація этихъ родовъ придаютъ еще больше значенія труду г. Петрова, заслуживающему полнаго вниманія и необходимаго для всякаго, занимающагося изслѣдованіями по русской исторіи. Это не родословная книга, въ родѣ изданной «Русской Стариною», перечисляющая всѣхъ лицъ, одного рода, безъ указаній на ихъ значеніе. «Исторія дворянскихъ родовъ», приводя ихъ происхожденіе и развитіе каждой вѣтви, говоритъ только о выдающихся членахъ этихъ фамилій и представляетъ такимъ образомъ факты, характеризующіе историческія событія и опредѣляющіе большее или меньшее значеніе отдѣльныхъ родовъ. Исторія родственныхъ или враждебныхъ отношеній между этими родами рисуетъ намъ положеніе партій въ данную эпоху, напримѣръ, придворной партіи въ періодъ Московскаго государства, и объясняетъ многое въ ходѣ событій того времени. Наше мѣстничество было основано на взаимныхъ отношеніяхъ родовитыхъ фамилій и уничтожено было потому, что московскіе цари видѣли необходимость, для государственныхъ и личныхъ цѣлей, обходить эти выродившіяся фамиліи и прибѣгать къ услугамъ новыхъ не именитыхъ, но даровитыхъ людей. Эта же причина заставила ввести и инородческій элементъ въ составъ русскаго служилаго дворянства. Значеніе своего дѣйствительно важнаго труда авторъ старается объяснить въ предисловіи, но дѣлаетъ это такимъ же тяжелымъ языкомъ, какимъ написаны всѣ его изслѣдованія. По его мнѣнію,

въ нашей исторіи недостаточно выяснены родовыя права князей Рюрикова рода и этотъ недостатокъ препятствовалъ разъясненію многихъ событій древняго періода. Эту простую мысль авторъ выражаетъ слѣдующей кудреватой и дубоватой фразой: «Поставивъ изслѣдованіе родовыхъ отношеній на принадлежащее ему по праву первое мѣсто, въ основѣ разработки отечественной исторіи уясняется прямо самый существенный тормазъ, удерживающій мысль историка передъ сплошною цѣпью безвыходныхъ препятствій». Или, напримѣръ, неужели въ духѣ русскаго языка составлена слѣдующая фраза: «Возбудить подобныя стремленія въ наше время относительно холодности ко всему, что трогаетъ душу путемъ любознательности, обращая ее на прошлыя судьбы отечества, многіе назовутъ, можетъ быть, иллюзіями». И такимъ неудобочитаемымъ языкомъ написана вся книга, хотя генеалогическія и біографическія данныя нисколько не требуютъ вычурнаго изложенія. Интересъ и польза ихъ несомнѣнны, хотя авторъ напрасно видитъ въ историческихъ родахъ только «хранилища указаній подвиговъ своихъ представителей, гдѣ дворяне идутъ объ руку съ князьями въ жертвованіи собою и всѣмъ, что было имъ дорого, во славу и на пользу отечества». Какъ будто князья и дворяне никогда и не дѣйствовали въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ! Видѣть въ исторіи всѣхъ дворянскихъ родовъ только одни подвиги во славу отечества—также странно, какъ представлять себѣ всеобщую исторію картиною однихъ прекрасныхъ событій.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ недостатковъ книги г. Петрова, она составлена чрезвычайно тщательно и добросовѣстно. Начинается она изслѣдованіемъ Рюрикова рода, природныхъ князей и происходящихъ отъ нихъ дворянъ. Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи «Степенной» и «Бархатной» книги, о басняхъ въ нашихъ родословіяхъ въ родѣ басни о Рюрикѣ, помѣщенной въ Бархатной книгѣ, о потомствѣ Михаила Черниговскаго, Владиміра Мономаха, князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ. Во второй части изслѣдуется знать инородческая въ Россіи, князья литовскіе, монгольскіе, грузинскіе и др.; въ третьей—дворянство жалованное, князья и графы, въ четвертой русское нетитулованное дворянство. Всего разсказана исторія 339 фамилій и помѣщены 32 родословныя таблицы, 150 гербовъ, кромѣ гербовъ территорій, три вида государственной печати и государственнаго знамени, алфавитный перечень всѣхъ 339 прозваній. Изданіе въ типографскомъ отношеніи роскошное—400 страницъ листоваго формата. Къ сожалѣнію, указано немало опечатокъ и поправокъ и, конечно, найдется еще много неуказанныхъ. По цѣнѣ книга недоступна для небогатыхъ людей. Въ такомъ изданіи она и не можетъ стоить дешевле, но принесла бы гораздо больше пользы, если бы, кромѣ роскошныхъ экземпляровъ, была напечатана еще въ обыкновенномъ форматѣ, безъ гербовъ, на простой бумагѣ. Подобныя книги нужны всякому, занимающемуся русскою исторіею; но не всякій можетъ заплатить за книгу 12 рублей.

В—ъ.

Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб. 1886.

Подъ этимъ заглавіемъ музыкальный магазинъ Битнера напечаталъ въ Лейпцигѣ 225 біографій, составленныхъ профессоромъ Петербургской консер-

ваторіи А. И. Рубцомъ. Нѣтъ надобности говорить, что отсутствіе подобнаго изданія въ русской литературѣ давно ощущалось среди лицъ, занимающихся музыкою, и потому крайне жаль, что составитель лексикона черезчуръ небрежно отнесся къ своей задачѣ и, кромѣ неряшливости въ составленіи біографій, въ которыхъ невѣрно даже названы многія имена и отчества, надѣлалъ немало пропусковъ. Такъ, напримѣръ, называя композиторовъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи: Галуппи и Кавоса, г. Рубецъ ни слова не говоритъ, что у насъ были:

Арайя, Францискъ. Написалъ «Споръ любви и ревности», къ 26 апрѣля 1736 года, т. е. къ коронаціи Анны Іоанновны, а въ 1737 году сочинилъ «Aliasace», первую итальянскую оперу, розыгранную въ Петербургѣ. Сочиненная же имъ въ 1755 году опера «Цефалъ и Прокрисъ» составила эпоху русской сцены: это была первая опера, написанная на русскомъ языкѣ и исполненная русскими пѣвцами.

Бюланъ, Антонъ. Имъ написана музыка къ прологу «Счастливая Россія, или 25-тилѣтній юбилей», соч. М. М. Хераскова, данному на сценѣ 28 іюня 1787 года.

Дарсисъ (François-Joseph). Родился въ Парижѣ въ 1756 году, музыкальное образованіе получилъ у Гретри. Первыя его музыкальныя произведенія были «Fausse peur» и «Le Bal masqué», которыя обѣщали ему славу, но его любовь къ женщинамъ довела Дарсиса до того, что полиція посовѣтывала ему оставить Парижъ. Онъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ по пріѣздѣ своемъ написалъ музыку къ оперетѣ «Приказчикъ» (1778), игранной на московскомъ театрѣ, но послѣ этого въ скоромъ времени дрался на дуэли съ однимъ офицеромъ и былъ убитъ.

Каноби, Карлъ, итальянецъ, былъ скрипачемъ въ Петербургѣ съ 1790 года. Изъ его сочиненій извѣстно: Six duos pour flute et violon, Paris, 1780. Въ 1794 году, онъ вмѣстѣ съ Сарти и Пашкевичемъ (имени котораго нѣтъ въ лексиконѣ, равно какъ Мартини, итальянскаго композитора, написавшаго съ Пашкевичемъ, русскимъ камеръ-музыкантомъ Екатерины, музыку къ многимъ ея піесамъ) сочинилъ музыку къ написанному императрицею представленію «Олегово правленіе».

Чимароза, Доминикъ, родился въ Неаполѣ въ 1755 году, † въ Венеціи 11 января 1801 года. Онъ въ царствованіе императрицы Екатерины II былъ въ Петербургѣ капельмейстеромъ итальянской оперы.

Пропущены также имена: Паэзіелло, Даніеля Штейбельта, Ивана Яковлевича Миллера, Θедора Евстафьевича Шольца, который еще въ 1819 году составилъ проектъ заведенія въ Москвѣ музыкальной консерваторіи и съ этою цѣлью открылъ въ 1830 году въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, безплатное преподаваніе генералъ-баса и композиціи, но смерть остановила его предпріятіе. Біографіи этихъ музыкантовъ напечатаны въ «Справочномъ энциклопедическомъ словарѣ», изданномъ подъ редакціею Старчевскаго.

Среди фамилій актеровъ мы не нашли: Якова Степановича Воробьева, родился въ 1766 † 7 іюня 1809 года, учился пѣнію у извѣстнаго капельмейстера Мартини и итальянскаго актера Маркети. Выпущенъ на сцену изъ театральной школы въ 1787 году. Онъ прекрасно зналъ музыку и итальянскій языкъ и былъ впослѣдствіи инспекторомъ оперной труппы. Дочь его, Елена Яковлевна, была оперною актрисою и потомъ вышла замужъ за Ивана Ивановича Сосницкаго. Имени ея нѣтъ въ лексиконѣ, также какъ нѣтъ

Ивана Даниловича Гуляева, пѣвца—преемника Я. С. Воробьева, ни Жозефины Фодоръ, знаменитой оперной пѣвицы петербургскаго театра, въ честь которой были выбиты медали въ Италіи (см. ихъ описаніе въ соч. Иверсена: «Медали въ честь русскихъ государственныхъ людей и частныхъ лицъ»); ни Елизаветы Семеновны Сандуновой, урожденной Урановой; ни русской же пѣвицы Лилѣевой, Александры Ивановны, бывшей замужемъ за музыкантомъ Латышевымъ.

Въ біографіи Виктора Матвѣевича (отчество котораго вовсе не сказано) Кажинскаго не говорится, что онъ совершилъ артистическое путешествіе вмѣстѣ съ А. Ѳ. Львовымъ по Германіи и сѣверной Италіи, гдѣ подружился съ первѣйшими артистами и композиторами, какъ-то: Спонтини, Мейерберомъ, Липинскимъ, графинею Росси, Давидомъ и др. Замѣтки объ этомъ путешествіи были изданы имъ на польскомъ языкѣ въ 1845 году въ С.-Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году переведены на русскій языкъ и помѣщены въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Пантеонѣ русскаго театра». Онъ занимался также составленіемъ «Исторіи драматической музыки въ Италіи», съ самаго ея начала до нашихъ временъ, отрывки которой были напечатаны тоже въ «Библіотекѣ».

Ничего не сказано и объ Иванѣ Алексѣевичѣ Рупинѣ, крѣпостномъ музыкантѣ шталмейстера П. И. Юшкова, извѣстнаго любителя и покровителя искусствъ, потратившаго на свои домашніе хоры и оркестры огромное состояніе. Сначала Рупинъ былъ обученъ церковному пѣнію, а потомъ онъ занимался у перваго тогдашняго учителя пѣнія въ Петербургѣ Мускети, у котораго Рупинъ бралъ уроки ежедневно втеченіе 2-хъ лѣтъ, и за каждый урокъ платилось по 25-ти руб. ассигнаціями. Этотъ учитель переименовалъ его изъ Рупина въ Рупини, ради того, чтобы русская фамилія не возбуждала предубѣжденія къ прекрасному пѣвцу. По окончаніи занятій у Мускети, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ всѣ его успѣхи ограничивались церковнымъ пѣніемъ. Получивъ послѣ вольную, Рупинъ хотѣлъ поступить на оперную сцену, но это ему не удалось. Тогда подъ руководствомъ талантливаго капельмейстера русскаго театра Жучковскаго (фамиліи его опять нѣтъ въ лексиконѣ) онъ выучился правиламъ гармоніи и контрапункта. Имя Рупина скоро сдѣлалось извѣстно, его пѣніе считалось образцовымъ, и онъ сдѣлался первымъ и лучшимъ учителемъ пѣнія. Онъ замѣчательно хорошо пѣлъ народныя пѣсни и впослѣдствіи слышанные и заученные имъ родные напѣвы мастерски положилъ на ноты. Въ 1831 году, издалъ Рупинъ первую свою тетрадь «Русскихъ пѣсенъ», которая была посвящена императрицѣ. Необыкновенный успѣхъ перваго изданія побудилъ Рупина продолжать свой трудъ; въ 1833 году, появилась вторая его тетрадь, а въ 1836 году—и третья. Кромѣ «русскихъ народныхъ пѣсенъ», Рупинъ самъ создалъ до 50-ти пѣсенъ и романсовъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались совершенно народными и поются до сихъ поръ. Такова его пѣсня: «Вотъ мчится тройка удалая». Умеръ Рупинъ 22 марта 1850 года, на 70 году своей жизни. Подъ его руководствомъ образовались таланты: Степанова, Надежды Самойловой и покойнаго Петрова, манера пѣнія котораго ясно говорила за методу его учителя.

Этихъ указаній, сдѣланныхъ нами и далеко, однако, неполныхъ, достаточно, чтобы видѣть большіе недостатки маленькаго лексикона г. Рубца.

И. Божеряновъ.

Русскимъ дѣтямъ. Разсказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности. Выпускъ I. (Отъ начала славянской письменности до татарщины). Составилъ Невзоровъ. Казань. 1885.

Мы думаемъ, что будемъ совершенно справедливы, если скажемъ, что едва ли въ какомъ нибудь царствѣ на бѣломъ свѣтѣ такъ много издается, для обученія дѣтей и юношей, различныхъ учебниковъ, пособій, руководствъ, вспомогательныхъ для классовъ чтеній, какъ у насъ, а между тѣмъ отъ преподавателей только и слышишь, что нѣтъ хорошихъ учебниковъ, что волей-неволей приходится учить по запискамъ. Чѣмъ объяснить всю эту безурядицу, весь этотъ рядъ непонятныхъ явленій въ школьномъ мірѣ? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ нашихъ учебниковъ, мы скажемъ, что причина упомянутаго явленія прежде всего должна заключаться въ неясномъ пониманіи педагогами тѣхъ требованій по отношенію къ знаніямъ дѣтей и юношей, которыя должны отвѣчать цѣли учебныхъ заведеній, возрасту дѣтей и степени ихъ умственнаго развитія. Это старый и давнишній нашъ грѣхъ, проистекающій изъ шаткихъ, не установившихся взглядовъ на дѣло обученія юношества, вслѣдствіе чего всякій учебникъ, всякое учебное пособіе преслѣдуетъ свои цѣли и задачи. Одинъ авторъ назначаетъ, положимъ, для маленькихъ дѣтей такое руководство, которое другой преподаватель считаетъ совершенно непригоднымъ для упомянутаго возраста; короче сказать: сколько учебниковъ, столько мнѣній о способахъ передачи тѣхъ или иныхъ знаній. Общихъ, твердо выработанныхъ взглядовъ на цѣль обученія, на способы передачи знаній не имѣется. Бываютъ даже и такіе примѣры, что учебники, болѣе или менѣе отвѣчающіе своему назначенію, бракуются, какъ негодные, именно потому только, что не удовлетворяютъ личнымъ взглядамъ учителей на дѣло преподаванія извѣстнаго предмета,—учителей, которымъ предложено заниматься по этимъ учебникамъ. Но въ томъ-то и бѣда, что дѣло не въ личныхъ взглядахъ, а въ тѣхъ строго выработанныхъ правилахъ дидактики, въ тѣхъ основательныхъ и глубоко сознанныхъ существенныхъ педагогическо-дидактическихъ положеніяхъ, на которыхъ строится всякое разумное преподаваніе. Стоитъ послушать наши различныя педагогическія конференціи, чтобы вполнѣ убѣдиться, до какого неслыханнаго разнообразія мнѣній, взглядовъ, положеній доходятъ наши гг. педагоги, да не въ частностяхъ, не въ мелочахъ, а въ самыхъ существенныхъ педагогическихъ истинахъ, такъ что самъ себѣ не можешь рѣшить, служатъ ли всѣ члены конференціи одному дѣлу, или разнымъ. Подтвержденіемъ нашихъ словъ о безурядицѣ, царствующей въ школьномъ мірѣ, по отношенію къ учебникамъ и учебнымъ пособіямъ, служитъ очень недавнее постановленіе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, какимъ образомъ, при какихъ условіяхъ преподаватели могутъ вводить учебники или замѣнять ихъ другими, ибо замѣна однихъ учебниковъ другими приняла размѣры, ни съ чѣмъ не согласные и ничѣмъ не оправдываемые, т. е. ясно значитъ: всякій учитель въ данномъ случаѣ руководился лишь личнымъ мнѣніемъ о достоинствахъ или недостаткахъ того или другаго учебнаго руководства.

Если бы мѣсто и время позволили намъ, то мы привели бы живыя доказательства въ пользу того, до какой степени учебники, напримѣръ, нѣмецкіе и швейцарскіе отвѣчаютъ требованіямъ, которыя нѣмцы и швейцарцы предъявляютъ по отношенію обученія дѣтей и юношей. Но, говоримъ прямо,

не считаемъ себя въ правѣ, помимо недостатка времени и мѣста, касаться вопроса чисто педагогическаго, столь далекаго отъ задачи журнала историческаго.

Обращаясь къ разсматриваемому нами труду г. Невзорова, считаемъ нужнымъ высказать, что все выше нами изложенное имѣетъ, до извѣстной степени, отношеніе и къ этому труду. Авторъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ желалъ дать въ руки дѣтей такую книгу, которая служила бы переходною ступенью отъ учебника къ серьёзному чтенію. Мы думаемъ, что г. Невзоровъ въ данномъ случаѣ также руководился своими личными педагогическими воззрѣніями, не принявъ въ соображеніе общихъ, существенныхъ педагогическихъ требованій и положеній. Если бы онъ шире взглянулъ на дѣло, то, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ вопросу: чѣмъ оправдывается его желаніе дать юношѣ, прошедшему, положимъ, въ гимназіи, полный курсъ исторіи словесности, какой-то посредствующій курсъ, который служилъ бы ступенью къ дальнѣйшему серьёзному ознакомленію съ упомянутымъ предметомъ? Если существуетъ потребность въ подобномъ посредствующемъ курсѣ для исторіи словесности, то почему не составлять такихъ посредствующихъ, переходныхъ учебниковъ для всѣхъ остальныхъ наукъ? Намъ кажется, что мы задаемъ вопросъ логичный. Г. Невзоровъ возразитъ намъ, что его книга не учебникъ. Прекрасно, пусть его трудъ будетъ учебнымъ пособіемъ, но вѣдь отъ названія существо дѣла нисколько не измѣняется, и упомянутый вопросъ нашъ остается въ своей силѣ. Мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что если среднее учебное заведеніе, а именно гимназія, достигаетъ своего педагогическаго назначенія, то она своими системами обученія непремѣнно дастъ воспитанникамъ полную возможность продолжать занятія серьёзно. Иной гимназической подготовки и понять нельзя. Цѣль гимназіи дать такую основательную подготовку юношѣ, чтобы онъ, безъ усилій, могъ продолжать научныя факультетскія занятія. Къ чему же, послѣ этого, всѣ подготовительныя учебныя пособія, о которыхъ говоритъ г. Невзоровъ? Затѣмъ необходимо высказать еще слѣдующее. Разсказы и очерки г. Невзорова составлены такимъ образомъ, что они никакъ не удовлетворятъ ученика, прошедшаго полный курсъ словесности, не удовлетворятъ именно потому, что ученикъ гораздо полнѣе и серьёзнѣе знаетъ этотъ предметъ, чѣмъ онъ изложенъ въ упомянутомъ трудѣ г. Невзорова. Само собой понятно, что мы предполагаемъ, что означенный предметъ былъ пройденъ съ учениками вполнѣ обстоятельно. Если же исторія словесности занимала въ учебномъ курсѣ послѣднее мѣсто, то книга г. Невзорова, во всякомъ случаѣ, не дастъ ученику, по своей краткости, положительныхъ и основательныхъ знаній. Наконецъ, если эта книга не отвѣчаетъ требованіямъ взрослаго ученика, прошедшаго полный курсъ исторіи словесности, то она, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть полезна, какъ книга для чтенія, для 12 или 13-тилѣтняго ученика или ученицы того же возраста, ибо выше ихъ пониманья.

Вотъ наше мнѣніе по отношенію самой задачи труда г. Невзорова, что же касается ея исполненія, то любовь автора къ дѣлу, его основательныя знанія исторіи словесности не могутъ подлежать сомнѣнію, но желаніе кратко, сжато передать историческіе факты почти всегда неизбѣжно ведетъ къ тому, что иныя историческія событія представляются не въ надлежащемъ, невѣрномъ свѣтѣ и именно вслѣдствіе стремленія автора быть краткимъ и въ изложеніи сжатымъ. Напримѣръ, можетъ ли что ни-

будь объяснить ученику такая фраза: «Князь Владиміръ задумалъ изъ идолопоклонника стать христіаниномъ: противно стало его русской душѣ молиться камнямъ и деревамъ, и взыскалъ онъ Бога истиннаго»? Повторяемъ: объясняютъ ли что нибудь подчеркнутыя нами слова и какое значеніе можетъ имѣть въ данномъ случаѣ русская душа, побудившая Владиміра принять христіанство? Принятіе Владиміромъ христіанства составляетъ великое историческое явленіе, объясняемое многими причинами, которымъ, при составленіи учебника или учебнаго пособія, приходится посвятить не нѣсколько строкъ, а нѣсколько страницъ. Монастыри народились у насъ попреимуществу въ періодъ удѣловъ, когда дѣйствительно люди тихіе, кроткіе готовы были бѣжать на край свѣта отъ вѣчныхъ усобицъ, соединенныхъ съ пожарами, убійствами, со всѣми ужасами братоубійственной войны. Такимъ образомъ монастырь дѣйствительно являлся спасеніемъ, гдѣ люди впечатлительные, кроткіе духомъ находили покой и спасеніе отъ страшныхъ бѣдствій усобицъ. Между тѣмъ, г. Невзоровъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, говоритъ только, что люди шли въ монастыри и пустыни, спасаясь отъ соблазновъ и искушеній. Встрѣчаются въ книгѣ г. Невзорова лишь намеки на истинныя причины того или другаго историческаго явленія, но дѣло не въ намекахъ, безслѣдно проходящихъ для читателя, а въ ясныхъ и вполнѣ согласныхъ съ исторической правдой объясненіяхъ, что̀ попреимуществу важно въ книгахъ, назначаемыхъ для серьёзнаго чтенія. Сильная, необыкновенно воспріимчивая природа князя Владиміра обрисована авторомъ блѣдно, слабо. Крутое перерожденіе этого князя, который, съ принятіемъ христіанства, является совершенно другимъ человѣкомъ, не подлежитъ, съ исторической точки зрѣнія, ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ перерождаться могутъ только сильныя, выходящія изъ ряда по душевнымъ свойствамъ, натуры; но, къ сожалѣнію, не такимъ рисуется Владиміръ подъ перомъ автора разсматриваемой нами книги. Для насъ остается неразрѣшеннымъ также вопросъ, почему г. Невзоровъ не привелъ ни одной былины объ этомъ князѣ Красномъ Солнышкѣ, между тѣмъ какъ приводитъ стихотворенія графа Толстаго, Сурикова и другихъ, описывающихъ, напримѣръ, пиры князя Владиміра. Совершенно не понимаемъ подобнаго игнорированія лучшихъ перловъ нашей народной поэзіи.

Не выяснены въ трудѣ г. Невзорова надлежащимъ образомъ языческія вѣрованія славянъ. По поводу духовнаго завѣщанія Владиміра Мономаха, который говоритъ о лѣни, какъ природномъ недостаткѣ русскаго человѣка, излагается въ трудѣ нами разсматриваемомъ, такъ сказать, исторія нашей лѣни, причемъ говорится о хандрѣ и приводятся стихи Лермонтова, въ которыхъ великій поэтъ, по словамъ г. Невзорова, мрачно смотритъ на будущность русскаго народа:

Печально я гляжу на наше поколѣнье,
Его грядущее — иль пусто, иль темно.

Главная причина такой невеселой будущности русскаго поколѣнія, по объясненію поэта, есть та, что

Въ бездѣйствіи состарится оно.

Въ данномъ случаѣ авторъ взялся за вопросъ не совсѣмъ легко разрѣшимый, но онъ справляется съ нимъ на одной страничкѣ, нѣсколькими строками, которыя, конечно, ровно ничего не разрѣшаютъ, т. е. ни причины нашей лѣни, хандры, ни причины печальной будущности нашего поколѣнія.

Кромѣ фразъ, мы ничего не находимъ у г. Невзорова по настоящему вопросу, но спрашивается: какую пользу извлекутъ юноши изъ этихъ фразъ, столь нежелательныхъ по педагогическимъ требованіямъ?

Если бы нашъ совѣтъ могъ имѣть какое нибудь значеніе въ глазахъ г. Невзорова, то мы отъ души посовѣтовали бы ему оставить составленіе своихъ выпусковъ, а приступить къ составленію полнаго курса исторіи словесности, для чего, сколько можемъ судить по настоящему его труду, онъ владѣетъ всѣми данными: знаніемъ дѣла и любовью къ своему предмету.

Въ полномъ курсѣ исторіи литературы, въ которомъ сказались бы и знаніе дѣла, и любовь къ предмету, и честное отношеніе къ вопросамъ историческимъ, и, наконецъ, живое изложеніе, дѣйствительно чувствуется настоятельная потребность.

И. В—ъ.

Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора трагедіи, составилъ Е. Воскресенскій. Изданіе 2-е. Ярославль. 1886.

«Опытъ» г. Воскресенскаго составленъ съ педагогическою цѣлью, какъ предметъ изученія драмы «въ средней школѣ». Лучшая пьеса въ русской литературѣ служитъ автору основаніемъ и при изученіи теоріи драмы, и для разъясненія противоположности между французскимъ псевдо-классицизмомъ и свободно-художественною драмою Шекспира, и, наконецъ, какъ поэтическая иллюстрація исторіи Карамзина, во всѣхъ этихъ случаяхъ наводя учащихся на множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и задачъ. Называя далѣе въ короткомъ предисловіи опытъ свой «ученымъ пособіемъ», авторъ говоритъ, что онъ пытается дать отвѣты на нѣкоторые, поставленные выше вопросы, не разсчитывая на полноту и законченность и нерѣдко пользуясь уже готовыми критическими мнѣніями извѣстныхъ педагоговъ. Не понимаемъ, для чего г. Воскресенскій съузилъ такъ свою задачу. Мы не привыкли къ такой скромности со стороны нашихъ критиковъ, обыкновенно захватывающихъ своими «опытами» чуть не всѣ міровые вопросы и рѣшающихъ авторитетно и безповоротно всѣ спорные пункты. Разборъ г. Воскресенскаго интересенъ далеко не для однихъ учащихся и для «средней школы», для которой онъ и непригоденъ по широтѣ критическихъ мнѣній и богатству цитатъ такихъ писателей, съ какими знакомы не всѣ и высшія школы. «Опытъ» даетъ совершенно достаточные отвѣты на всѣ вопросы, относящіеся къ теоріи драмы древней, французской, шекспировской и пушкинской, а готовыя сужденія извѣстныхъ критиковъ вполнѣ подтверждаютъ выводъ автора, уже черезчуръ скромно относящагося къ своему труду, заслуживающему вниманія историковъ литературы, а не однихъ преподавателей. Брошюра г. Воскресенскаго вполнѣ исчерпываетъ свой предметъ, хоть она и не велика по объему: изъ 69-ти страницъ, впрочемъ, очень убористаго шрифта, 17 посвящены теоріи драмы, остальные разбору «Бориса Годунова». Не со всѣми мнѣніями автора можно согласиться, но всѣ они показываютъ въ немъ и основательное знаніе своего предмета, и добросовѣстное отношеніе къ нему. Такъ, нельзя согласиться съ авторомъ, что «историкъ не въ правѣ стараться разгадать побужденія дѣйствующихъ лицъ, если у него нѣтъ положительныхъ данныхъ»; дѣлать это можетъ только поэтъ. Но положительность исто-

рическихъ данныхъ понятіе относительное, зависящее отъ того, каковы источники этихъ данныхъ. И почему же поэтъ можетъ основаться на психическихъ, нравственныхъ сторонахъ человѣка, а историкъ не можетъ? Геттнеръ, а за нимъ и нѣкоторые русскіе критики требовали даже, чтобы историческая трагедія не вставляла ничего чуждаго исторіи въ свое содержаніе, но г. Воскресенскій справедливо отвергаетъ это крайнее сужденіе и принимаетъ болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе Аристотеля о драмѣ и исторіи. «Исказить историческій характеръ, придавать ему ложную идеализацію—поэтъ не имѣетъ права»,—говоритъ г. Воскресенскій, подтвердивъ подобное же мнѣніе Лессинга. Ну, а Донъ-Карлосъ Шиллера развѣ вѣренъ исторіи? а сколько еще другихъ историческихъ лицъ у него идеализированы, не говоря уже о томъ, что поэтъ позволялъ себѣ измѣнять даже такія событія, какъ смерть Жанны д'Аркъ. Къ чему также ограничивать рамки древней русской драмы только царствованіемъ Ивана Грознаго, какъ дѣлаетъ г. Воскресенскій. Вѣдь «Псковитянка» Мея гораздо выше по драматичности положенія его «Царской Невѣсты». Развѣ эпохи татарщины, удѣльной, вѣчевой, даже варяжской Руси не даютъ сюжетовъ для драмы?

Драму Пушкина г. Воскресенскій разбираетъ сцена за сценой, дѣлая по временамъ отступленія для оцѣнки того или другаго характера. Онъ прочелъ все, что написано объ этомъ предметѣ, и приводитъ много цитатъ Анненкова, Бѣлинскаго, Стоюнина, Водовозова, Галахова, Аверкіева, даже г. Незеленаго. Въ концѣ брошюры авторъ приходитъ къ заключенію, что, судя по новымъ источникамъ, по болѣе строгому отношенію къ свидѣтельству лѣтописей, даже по осторожнымъ выводамъ Соловьева, Борисъ Годуновъ Карамзина и Пушкина—лицо не историческое. Не лучшее ли это доказательство того, что хорошая историческая драма должна быть основана не на историческомъ, а на психическомъ развитіи характеровъ?..

В. З.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXXII. Москва. 1886.

Въ тридцать второй книгѣ «Архива князя Воронцова» мы находимъ продолженіе тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, о которыхъ въ свое время не разъ уже говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ: письма государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова къ любимцу императрицы Елисаветы Петровны, Ивану Ивановичу Шувалову, обнимающія періодъ времени съ января 1755 года по мартъ 1766 года (стр. 3—69); краткій очеркъ жизни графа С. Р. Воронцова, писанный вскорѣ послѣ его смерти какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ (стр. 71—76); письма графа С. Р. Воронцова къ брату его Александру Романовичу, съ марта 1760 года по 1785 годъ (стр. 79—206), наибольшая часть этихъ писемъ (съ 18-го до 47-го) относится ко времени турецкой войны (1769—1774), въ которой графъ С. Р. Воронцовъ принималъ значительное участіе, будучи близокъ къ фельдмаршалу графу Румянцову, и относительно которой въ этихъ письмахъ есть чрезвычайно интересныя подробности, такъ сказать, закулисной жизни боевой арміи. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ Дмитрія Петровича Бутурлина къ дѣтямъ его, графамъ Семену и Александру Воронцовымъ, съ 1780 по 1821 годъ. Какъ извѣстно, графъ Д. П. Бутурлинъ, въ

царствованіе императора Александра I, былъ директоромъ императорскаго Эрмитажа. Онъ родился въ 1763 году и умеръ въ 1829 году во Флоренціи, гдѣ имѣлъ дворецъ съ православной церковью и гдѣ потомство его старшаго сына живетъ и въ настоящее время. Это былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, страстный библіофилъ, знатокъ и покровитель искусствъ, человѣкъ необыкновенно добродушный, живой и остроумный, что̀ и отразилось вполнѣ въ его задушевныхъ письмахъ къ дядьямъ, которыхъ онъ искренно любилъ. Въ письмахъ его, захватывающихъ конецъ царствованія Екатерины II и обнимающихъ царствованіе Павла I и Александра I, можно найдти замѣчательныя характеристики общества и отдѣльныхъ личностей того времени, писанныя блестящимъ французскимъ языкомъ, съ искрами самого неподкупнаго и незлобиваго остроумія. Къ царствованію Александра I относятся также письма графа А. Р. Воронцова изъ Москвы и изъ помѣстья его Матреннно къ племяннику, князю Михаилу Семеновичу Воронцову, съ 1803 по 1805 годъ (стр. 463—491). Наконецъ, въ послѣдней части разбираемаго тома находимъ письмо графа А. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородку, писанное 3-го февраля 1787 года изъ Воронежа по вопросу о каменномъ углѣ, и тотъ же вопросъ трактуется въ письмахъ Николая Александровича Львова къ графамъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ въ періодъ времени съ 1784 по 1799 годъ.

Не входя въ историческую критику всего выше изложеннаго матеріала, возможную лишь при составленіи всѣхъ томовъ изданія, по которымъ разсѣяны данныя, относящіяся къ однимъ и тѣмъ же лицамъ и событіямъ, мы представили лишь описательную библіографію вышедшаго тома. Прибавимъ къ этому, что, какъ и въ предъидущихъ томахъ, интересующіеся отечественной исторіей найдутъ въ этой новой книгѣ «Архива» богатый запасъ данныхъ по самымъ различнымъ областямъ историческаго вѣдѣнія. Здѣсь попрежнему, конечно, преобладаетъ дипломатика, на поприщѣ которой семья графовъ Воронцовыхъ такъ много поработала, но и помимо этого вышедшая книга раскрываетъ передъ нами самыя любопытныя подробности бытовой и умственной жизни нашего высшаго общества второй половины прошлаго вѣка и начала нынѣшняго.

Е. Г.

Внѣшняя политика Наполеона III. Публичныя лекціи Г. Е. Аѳанасьева. Одесса. 1886.

Три лекціи, составившія предметъ вышедшей нынѣ брошюры, читаны были г. Аѳанасьевымъ въ пользу одесскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Вмѣсто предисловія авторъ перечисляетъ 17 источниковъ, служившихъ ему для составленія лекцій, и между этими источниками встрѣчаются сочиненія весьма сомнительнаго достоинства, въ родѣ книги прусскаго шпіона Мединга (Григорія Самарова), пустѣйшей брошюры Луи Наполеона «Des idées Napoléoniennes» и др. Авторъ указываетъ также для чего-то на «Севастопольскіе разсказы» Л. Толстаго, не имѣющіе никакого отношенія къ внѣшней политикѣ императора-авантюриста. Характеристика его, впрочемъ, довольно вѣрно оцѣнена въ первой лекціи, предметомъ которой вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ бонапартизмъ и крымская война, хотя причины ея изложены не вполнѣ и недостаточно выяснены. Во второй лекціи разсмотрѣнъ итальян-

скій вопросъ и австро-прусская война. Война за освобожденіе Италіи изложена вполнѣ согласно съ историческими данными, только причину войны авторъ напрасно видитъ въ симпатіи Наполеона къ Италіи. Никакихъ симпатій не могъ онъ чувствовать къ странѣ, пославшей въ Парижъ Орсини со своими бомбами, и только боязнь дальнѣйшихъ покушеній мадзинистовъ да обѣщаніе уступки Ниццы и Савойи, въ соединеніи съ необходимостью занимать французовъ блескомъ внѣшнихъ событій, чтобы они не кричали о внутреннемъ растлѣніи имперіи, побудили Наполеона объявить войну Австріи. Заключеніе позорнаго мира въ Цюрихѣ также напрасно приписывается чувствительности Наполеона при видѣ жертвъ Сольферинскаго сраженія и опасенію, что Пруссія вступится за Австрію. Но вѣдь не мѣшала же Пруссія дальнѣйшему объединенію Италіи, совершившемуся уже безъ содѣйствія Франціи, ни присоединенію Тосканы, Пармы, Модены и Романьи, ни завоеванію Неаполя Гарибальди. Пруссія, напротивъ, была очень рада, что Австрія, вытѣсненная съ Апенинскаго полуострова, начала съ тѣхъ поръ искать вознагражденія за свои потери на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣдь еще въ 1863 году Пальмерстонъ противился созванію европейскаго конгресса, говоря, что на немъ Австрія непремѣнно потребуетъ себѣ Боснію и Герцеговину. О мексиканской экспедиціи говорится нѣсколько строкъ, а между тѣмъ она представляетъ очень важную сторону нелогичной внѣшней политики Наполеона. Эта нелогичность высказалась яснѣе всего въ согласіи его, послѣ двукратнаго свиданія съ Бисмаркомъ въ 1865 году, на союзъ Италіи съ Пруссіей при готовящемся столкновеніи послѣдней державы съ Австріею. Мы не знаемъ, правда, что Бисмаркъ обѣщалъ ему за нейтралитетъ Франціи въ предстоящей войнѣ, но странно было повѣрить, что объединеніе Германіи, къ которому стремилась Пруссія, будетъ полезно для Франціи, когда Наполеонъ всѣми силами мѣшалъ итальянскому объединенію. Послѣ пораженія Австріи и исключенія ея изъ германскаго союза, Бисмаркъ наотрѣзъ отказалъ въ требованіяхъ для Франціи границъ 1814 года и прервалъ переговоры о присоединеніи къ ней Бельгіи и Люксембурга. Война съ Пруссіей, очевидно, ставилась такимъ образомъ на очередь, и къ ней долженъ былъ прибѣгнуть Наполеонъ для поддержанія своего падающаго престижа. Она разсказана въ третьей лекціи, гдѣ приводится также любопытная попытка Наполеона купить Люксембургъ у голландскаго короля Вильгельма III за 10 милліоновъ франковъ, съ уплатою милліона его фавориткѣ, г-жѣ Мюзаръ, за то, что она склонила короля къ этой продажѣ. Дипломатическая сторона франко-прусской войны разсказана подробно и обстоятельно. Брошюра оканчивается оцѣнкою политики Наполеона III. Здѣсь авторъ говоритъ, что политика Наполеона стремилась къ переустройству европейскихъ государствъ на основахъ національности. Но въ дѣйствительности онъ не стремился ни къ чему другому, какъ къ сохраненію власти, захваченной имъ обманомъ, измѣною присягѣ и убійствами. Вѣдь самъ же г. Аѳанасьевъ говоритъ, что у него не было ни политической мысли, ни твердаго характера, ни способностей полководца, и что его слава тонкаго политика была въ сущности недоразумѣніе. Кавуръ и Бисмаркъ понимали, что императоръ молчитъ не потому, что желаетъ скрыть свой политическій планъ, а потому, что у него нѣтъ никакого плана. Признавая главнымъ явленіемъ нашего времени развитіе убѣжденія, что внѣ національнаго единства не можетъ быть единства политическаго, авторъ находитъ, что взглядъ на необходимость національнаго единства, какъ

условія единства государственнаго, можетъ повести при своемъ крайнемъ развитіи къ плачевнымъ послѣдствіямъ, возбудивъ національный фанатизмъ. Авторъ, однако, не изслѣдуетъ этотъ важный вопросъ, и мы также не можемъ остановиться на немъ при оцѣнкѣ сочиненія, во всякомъ случаѣ заслуживающаго вниманія публики.

В. З.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Томъ II. Ермоловское время. Вып. 1-й. Спб. 1886.

Въ свое время, по выходѣ выпусковъ труда г. Потта, вошедшихъ въ составъ перваго тома, мы имѣли уже случай говорить о значительномъ интересѣ и большой занимательности въ чтеніи собранныхъ подъ этимъ заглавіемъ легендъ и сказаній, связанныхъ между собою исторіею завоеванія Кавказа. Второй томъ посвященъ авторомъ Ермоловскому времени и будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ. Первый, нынѣ вышедшій, занимается дѣятельностью знаменитаго генерала въ Чечнѣ, второй будетъ заключать въ себѣ эпизоды, касающіеся завоеванія Дагестана, третій—захватитъ дѣйствія въ Прикубанской области и Кабардѣ, и, наконецъ, четвертый будетъ отданъ дѣйствіямъ въ Закавказьѣ и персидской войнѣ 1826—1828 годовъ. Личность Ермолова одна изъ интереснѣйшихъ личностей въ галлереѣ русскихъ военноначальниковъ, и потому все, что бы ни было написано для освѣщенія характера и дѣйствій этого человѣка, конечно, заслужитъ живой интересъ у каждаго русскаго читателя.

Въ этомъ отношеніи и второй томъ «Кавказской войны» г. В. Потто обѣщаетъ быть весьма поучительнымъ и интереснымъ. Въ лежащемъ передъ нами первомъ выпускѣ, мы находимъ довольно обстоятельную (относительно хронологіи событій) біографію А. П. Ермолова, за которою слѣдуетъ описаніе его посольства въ Персію. Остальные очерки посвящены Чечнѣ и дѣйствіямъ Ермолова въ лѣсахъ и горахъ этого края.

Сравнительно съ очерками перваго тома, разсказы, посвященные Ермолову во время его чеченскихъ походовъ, показались намъ нѣсколько блѣдными. Въ этихъ разсказахъ какъ будто не все сказано, что бы можно было и слѣдовало сказать. Особенно это замѣтно на очеркахъ «Два типа» и «Плѣнъ Швецова». Въ первомъ разсказѣ авторъ рисуетъ намъ фигуры русскаго казака Чернова и чеченскаго джигита Бей-Булата, изъ которыхъ и тотъ и другой въ сущности были большими разбойниками. И Черновъ, и Бей-Булатъ пользовались, повидимому, нѣкоторымъ вліяніемъ на Ермолова и не всегда обращали это вліяніе на пользу русскихъ. Въ разсказѣ «Плѣнъ Швецова», мы хотя и видимъ энергію Ермолова въ сношеніяхъ съ горскими ханами, но въ концѣ-концовъ онъ, всетаки, выкупилъ Швецова за деньги, между тѣмъ, есть собственноручные приказы Ермолова къ народамъ Чечни и Дагестана такого грознаго характера и такой силы, что у этихъ народовъ не могла зародиться и мысль о какихъ бы то ни было договорахъ съ русскимъ правительствомъ по обмѣну или выкупу плѣнныхъ. Впрочемъ, объ этихъ приказахъ мы, вѣроятно, узнаемъ изъ послѣдующихъ выпусковъ второго тома «Кавказской войны» г. Потто.

Въ числѣ трагическихъ эпизодовъ, ознаменовавшихъ похожденіе Ермолова въ Чечнѣ, укажемъ на Герзель-Аулъ, въ которомъ вѣроломно были убиты два славные русскіе генерала, Грековъ и Лисаневичъ. Описаніемъ похода Ермолова на Кумыкскую плоскость для покоренія чеченцевъ за гибель этихъ генераловъ и оканчивается этотъ первый выпускъ. Но вотъ именно здѣсь-то мы и встрѣчаемъ довольно необъяснимую странность въ распоряженіяхъ Ермолова. Въ чеченскомъ мятежѣ едва ли не главнѣйшую роль игралъ Бей-Булатъ, между тѣмъ, когда Бей-Булатъ былъ убитъ въ горахъ Салатъ-Гиреемъ, по обычаю кровомщенія, и этотъ Салатъ-Гирей самъ явился объявить русскимъ властямъ о случившемся, то Ермоловъ приказалъ судить его, какъ простаго убійцу и приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь.

Такая справедливость, которая русскому человѣку должна показаться чрезмѣрною, въ разсказахъ г. Потто не мотивируется и не объясняется ничѣмъ. Это тѣмъ болѣе странно, что пристрастіе Ермолова къ вѣроломному Бей-Булату, сдѣлавшему неисчислимое зло русскимъ и нѣсколько разъ обманывавшему довѣріе самого главнокомандующаго, ясно свѣтитъ изъ всей послѣдовательности собранныхъ г. Потто разсказовъ. Были же вѣрно къ такому пристрастію какія либо причины... пусть это было даже суевѣріе (къ которому склонны всѣ люди, постоянно пытающіе свою судьбу и къ числу которыхъ безспорно принадлежалъ Ермоловъ), но и эту причину слѣдовало бы освѣтить ярче, нежели это сдѣлано въ книгѣ г. Потто.

В. П.

Jeu d'amour. Французская гадальная книга XV вѣка. Издалъ по рукописи С.-Петербургской публичной библіотеки графъ А. Бобринской. Спб. 1886.

Памятникъ средневѣковой литературы, заглавіе котораго мы выписали, дошелъ до нашего времени въ единственной рукописи, сохранившейся въ Петербургской публичной библіотекѣ; сюда она перешла въ концѣ прошлаго вѣка изъ собранія извѣстнаго польскаго магната Дубровскаго, получившаго ее, въ свою очередь, изъ библіотеки С.-Жерменскаго монастыря, куда ее пожертвовалъ герцогъ де-Куасленъ (Coislin). Имя автора рукописи неизвѣстно, а написана она, по заключенію издателя, въ сѣверо-восточной Франціи, въ Пикардіи. Заключающаяся въ рукописи французская гадальная книга содержитъ въ себѣ двѣсти тридцать два краткихъ стихотворенія любовнаго содержанія, причемъ во главѣ каждаго изъ этихъ стихотвореній начертаны игральныя кости, въ томъ видѣ, какъ онѣ изображены въ текстѣ рукописи. Изъ содержанія нѣкоторыхъ строфъ видно, что для гаданій по подобной книгѣ собиралось цѣлое общество, и каждый бросалъ на столъ кости и прочитывалъ строфу, соотвѣтствующую сочетанію полученныхъ очковъ. Издатель безусловно точно воспроизвелъ рукопись, предложивъ съ своей стороны нѣкоторыя измѣненія и поправки, которыя требовались либо смысломъ, либо соблюденіемъ орѳографіи и стихосложенія. Кромѣ того, издатель снабдилъ текстъ обстоятельнымъ предисловіемъ, фототипическимъ снимкомъ страницы рукописи, словаремъ старо-французскихъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, и статьей «Объ игральныхъ костяхъ въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка», въ которой сказалось солидное знакомство автора съ обширной литературой предмета.

Въ общемъ, небольшая книга графа А. Бобринскаго представляетъ значительный вкладъ въ нашу научную литературу, не лишена общаго интереса, но особенное значеніе имѣетъ для западныхъ изслѣдователей, которымъ даетъ въ руки любопытный памятникъ, бывшій до сихъ поръ мало доступнымъ даже для самыхъ выдающихся въ Европѣ знатоковъ старо-французской литературы.

Е. Г.

Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Лекція В. Бузескула. Харьковъ. 1886.

Богатство нѣмецкой исторической литературы не подлежитъ сомнѣнію, хотя нельзя безусловно согласиться съ г. Бузескуломъ, что эта исторіографія имѣетъ наиболѣе универсальный характеръ, и что «нигдѣ историческія изслѣдованія не отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ». Именно этого-то разнообразія и не достаетъ нѣмецкимъ историкамъ, обращающимъ преимущественное вниманіе на прошлое своего отечества; даже въ разработкѣ всемірной исторіи германскому племени отводится всегда преобладающее мѣсто. Даже знаменитое изданіе старинныхъ памятниковъ нѣмецкой исторіи «Monumenta Germaniae», первый томъ котораго вышелъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, начинается съ документовъ карловингской эпохи и только въ послѣднее время появились лѣтописцы предыдущаго періода Іорданъ, Григорій Турскій, Павелъ-Дьяконъ, лонгобардской и меровингской эпохи. Такой сборникъ какъ «Византійскіе историки» и г. Бузескулъ признаетъ неудовлетворительнымъ, не смотря на то, что онъ выходилъ подъ редакціей Нибура. Но что касается собственно нѣмецкихъ источниковъ, тутъ богатство ихъ дѣйствительно замѣчательно, и одинъ перечень того, что издано объ эпохѣ среднихъ вѣковъ, приводимый авторомъ, поражаетъ если не количествомъ, такъ какъ авторъ многое пропускаетъ,—то качествомъ документовъ. Разбирая ихъ, авторъ останавливается только на новѣйшихъ, начиная съ Феликса Дана и его «Германскихъ королей» (1861—1870 г.). Съ этимъ историкомъ, считающимъ королевскую власть исконною принадлежностью германскихъ племенъ, не согласенъ Зибель, доказывающій, что власть эта—явленіе позднѣйшее, возникшее исключительно подъ вліяніемъ Рима. Затѣмъ авторъ говоритъ о трудахъ Вайца, опровергавшаго теорію раздачи королями своихъ земель дружинникамъ въ бенефиціи, возникшія только въ VIII вѣкѣ; о сочиненіяхъ Арнольда, Гизебрехта и множествѣ другихъ нѣмцевъ, между которыми только двое—Грегоровіусъ и Вегеле написали хорошую исторію Рима въ средніе вѣка, но потому, что эта исторія находится въ тѣсной связи съ германской. Въ подтвержденіе своего мнѣнія объ универсальномъ характерѣ исторіографіи въ Германіи, авторъ называетъ нѣсколько нѣмецкихъ сочиненій объ Англіи, Швеціи и Даніи, но вѣдь и между англійскими историческими книгами немало такихъ, которыя относятся и не къ одной Англіи. Сочиненія о крестовыхъ походахъ не могутъ служить доказательствомъ универсальности, такъ какъ походы эти были общеевропейскимъ явленіемъ, а исторія Византіи разработана новѣйшими трудами гг. Васильевскаго, Успенскаго и др.—не хуже, чѣмъ Герцбергомъ, Гиршемъ и Краузе (о послѣднемъ профессоръ Ламанскій отозвался особенно рѣзко), и сочиненіе англичанина Финлея о Византіи гораздо выше нѣмецкихъ, что̀ признаетъ и г. Бузескулъ.

Брошюру свою онъ оканчиваетъ разборомъ «Всемірной исторіи» Ранке и радуется тому, что въ Европѣ гегемонія принадлежитъ теперь Германіи, сильной не только своею арміею, но и своимъ развитымъ самосознаніемъ и своею наукою. Но мы знаемъ, какую роль играетъ наука и самосознаніе тамъ, гдѣ владычествуетъ милитаризмъ, и потому не можемъ раздѣлять радости г. Бузескула.

В. З.

Записки императорскаго русскаго археологическаго Общества. Томъ I (новой серіи). Спб. 1886.

Вышедшій томъ «Записокъ императорскаго русскаго археологическаго Общества» представляетъ значительный интересъ для лицъ, занимающихся изученіемъ древностей. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ «Замѣтка о древней Климентовской церкви близъ Старой Ладоги», Д. А. Сабанѣева, съ приложеніемъ любопытныхъ снимковъ съ осколковъ фресковой живописи. Слѣдующая затѣмъ статья Н. П. Ильинскаго «Мортка въ XVIII в.», написанная на основаніи изученія авторомъ архива князей Куракиныхъ, съ цѣлью уясненія степени цѣнности монеты, носившей имя мортки и составлявшей $^1/_{24}$ алтына. Статья Д. Ѳ. Кобеко «О шертной грамотѣ ногайскаго князя Измаила» представляетъ критику изслѣдованія архимандрита Леонида о томъ же предметѣ. Извѣстный нумизматъ Д. И. Прозоровскій помѣстилъ въ разбираемомъ томѣ обширное изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Хронологія, провѣренная по античнымъ медалямъ». Статьи А. Иванова «Греческое рукописное евангеліе, находящееся въ библіотекѣ Таврической духовной семинаріи» и «Греческій рукописный апостолъ, принадлежащій Предтеченской церкви въ Керчи» даютъ полное знакомство съ внѣшней стороной этихъ памятниковъ письменности XI в. и представляютъ богатый матеріалъ для исторіи церковнаго богослуженія. Наконецъ, «Письма А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго и А. Ѳ. Гильфердинга къ архимандриту Леониду» заключаютъ въ себѣ интересныя подробности изъ жизни нашихъ извѣстныхъ палеографовъ.

Кромѣ того, въ протоколахъ Общества, занимающихъ значительную долю книги, помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ сообщеній, какъ, напримѣръ, Н. Е. Бранденбурга—о работахъ по изслѣдованію Ладожской крѣпости, А. В. Прахова — о трудахъ Стефана, графа И. И. Толстаго—о трудѣ Ю. Б. Иверсена «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей», Л. Н. Майкова—о трудахъ Н. М. Мартьянова, И. В. Помяловскаго — объ изслѣдованіяхъ В. В. Латышева, Гаркави — статья, посвященная памяти И. П. Лерха, съ приложеніемъ подробнаго перечня трудовъ этого ученаго, и нѣкоторыя другія статьи.

Томъ снабженъ прекрасно составленнымъ именнымъ указателемъ, который въ значительной мѣрѣ облегчаетъ пользованіе книгой.

Е. Г.

Исторія Россіи. Народное изданіе, съ портретами императорскаго дома. Составилъ В. А. Абаза. 1885.

Просмотрѣвъ трудъ г. Абазы (а трудъ этотъ, замѣтимъ кстати, просматривается скоро и безъ особенныхъ усилій), мы не могли рѣшить недоумѣнія, порожденнаго въ насъ замѣткой на оберткѣ, что книга автора есть «народ-

ное изданіе». Какъ понять эту замѣтку? По всей вѣроятности, слѣдуетъ понять такъ, что г. Абаза назначаетъ свою брошюру для народнаго чтенія. Но въ такомъ случаѣ мы впадаемъ въ новое недоумѣніе: какимъ же образомъ назначать для народа книгу, въ которой ни языкъ, ни содержаніе, ни малѣйшимъ образомъ, положительно ничѣмъ, не указываютъ на подобное ея назначеніе? Трудъ г. Абазы — есть краткій конспектъ учебника для школъ, въ которыхъ проходится исторія родной земли для выполненія предписанной програмы, чтобы ученикъ, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, могъ бы сказать, что первый князь на Руси былъ Рюрикъ, что князь Владиміръ крестился самъ и крестилъ своихъ подданныхъ, что князь Святославъ отличался храбростью и ѣлъ конину. Мы полагаемъ, что если пишутъ исторію родной земли для народа, то необходимо помнить, что послѣдній не въ силахъ многаго усвоить безъ надлежащихъ объясненій, не въ силахъ усвоить духа историческихъ событій, если эти событія не будутъ нарисованы ярко, рельефно. Въ «Исторіи Россіи» г. Абазы изложеніе ведется такимъ образомъ, что простому человѣку трудно усвоить смыслъ, существо содержанія. Мы не будемъ распространяться въ своихъ доказательствахъ, сохраняя увѣренность, что достаточно и одного примѣра. Подъ рубрикой: просвѣщеніе, театръ, литература — читаемъ: «Необходимость научныхъ знаній дѣлалась въ Московскомъ государствѣ ощутительнѣе со дня на день, и уже Борисъ Годуновъ задумывалъ русскіе университеты». Или: «Творчество Петра началось съ его дѣтскихъ лѣтъ».

Можно привести много выписокъ еще болѣе характерныхъ, но мы считаемъ это совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ глазахъ «Исторія Россіи» г. Абазы не имѣетъ никакого значенія и распространяться о ней не стоитъ.

И. В—ъ.

Разсказы про Суворова. А. Петрушевскаго. Съ портретомъ. Спб. 1886.

Г. Петрушевскій, обогатившій русскую исторію прекрасной монографіей о Суворовѣ, въ настоящее время является съ небольшой, но просто и правдиво разсказанной, исторіей о томъ же полководцѣ, въ тонѣ разсказовъ для солдатъ и народа. Но не слѣдуетъ думать, что авторъ этимъ сочиненіемъ хотѣлъ еще болѣе распространить и дополнить тотъ «ходячій анекдотъ», въ который давно превратили Суворова его многочисленные біографы, составлявшіе свои біографіи не для народа, а для потѣхи народной. Совсѣмъ напротивъ. Г. Петрушевскій говоритъ, что его книжка могла бы выйдти гораздо полнѣе, если бы онъ захотѣлъ идти по широкому пути легендарныхъ вымысловъ, протоpенному его многочисленными предшественниками. Но онъ хотѣлъ дать народу и русскому солдату въ руки краткую, но вѣрную исторію одного изъ величайшихъ русскихъ людей и знаменитѣйшаго нашего полководца. Эта задача весьма хорошо достигнута лежащей передъ нами книжкой. Правда, изложеніе ея, всетаки, нѣсколько суховато и серьёзно, но едва ли послѣднее повредитъ ей въ глазахъ тѣхъ читателей, для которыхъ она назначена. Мнѣніе о необходимости говорить съ людьми впервые грамотными непремѣнно шуточками да прибауточками едва ли на самомъ дѣлѣ вѣрно. Въ этихъ книгахъ, конечно, надо писать русскимъ языкомъ, безъ ино-

странныхъ словъ, незнакомыхъ народу, но ихъ надо писать серьёзно, потому что именно между лицами, въ первый разъ еще (въ своей семьѣ, разумѣется) пріобщившимися къ грамотнымъ, уваженіе къ книгѣ поддерживается ея серьёзностью. Въ этомъ отношеніи, новая книга г. Петрушевскаго о Суворовѣ можетъ разсчитывать на весьма прочный успѣхъ, и правдою и поучительностью своего предмета несомнѣнно принесетъ русскому воину большую пользу.

В. П.

Иллюстрованный календарь Общества имени Михаила Качковскаго, на годъ простый 1886. Составилъ О. А. Мончаловскій. Львовъ. 1885.

Въ Россіи весьма мало интересуются Галиціей, а многимъ изъ русскихъ людей даже неизвѣстно, что подъ скипетромъ Австрійской монархіи находится болѣе трехъ милліоновъ жителей, принадлежащихъ къ русской народности и исповѣдующихъ русскую вѣру. Правда, мы, русскіе, слыхали о «галичанахъ», въ особенности послѣ того, какъ въ нашихъ газетахъ говорили о Наумовичѣ, Площанскомъ и другихъ жертвахъ польской нетерпимости, но эти галичане, по понятію многихъ, какіе-то «русины». Мы почти совсѣмъ забыли о древнемъ Галицкомъ княжествѣ, обратившемся въ австрійскую провинцію, въ которой господствуютъ поляки и іезуиты, а, между тѣмъ, этотъ забытый нами русскій уголокъ не отрываетъ своей исторической духовной связи съ русскимъ народомъ и при всякомъ случаѣ — тѣмъ или другимъ путемъ — выражаетъ свою принадлежность къ великой русской семьѣ.

Однимъ изъ доказательствъ такого отношенія къ Россіи со стороны мало извѣстныхъ намъ «русиновъ» служитъ вышедшій во Львовѣ «Илюстрованный календарь» на 1886 годъ, изданный мѣстнымъ патріотическимъ обществомъ имени Михаила Качковскаго [1]). Эта маленькая книжечка въ въ пять съ небольшимъ листовъ, съ первой своей страницы до послѣдней, выражаетъ близкое родство галицкаго народа съ русскимъ. Первая календарная страница — «Русская лѣтопись» начинается со времени вступленія Рюрика на русское княженіе и составленія св. Кирилломъ славянской азбуки. Въ «Уставѣ церковномъ», напечатанномъ церковно-славянскими литерами, возстановляется порядокъ богослуженія православной церкви. «Часть поучительная» состоитъ изъ краткихъ статей: «Крещеніе Руси», «Препод. Несторъ, русскій лѣтописецъ», «Городъ Москва», «Царь-колоколъ», «Церковь Василія Блаженнаго», «Битва при Куликовомъ полѣ» и т. п. Соотвѣтственные рисунки, весьма, впрочемъ, скромные по выполненію, поясняютъ текстъ. Даже «Часть забавная» открывается русской сказкой объ Ильѣ Муромцѣ.

Календарь составленъ на мѣстномъ нарѣчіи, весьма близкомъ къ великорусскому, и отпечатанъ, такъ называемымъ, гражданскимъ шрифтомъ (за исключеніемъ церковнаго устава). Нужно замѣтить, что этотъ «москев-

---

[1]) Извѣстный галицкій патріотъ и благотворитель, скончавшійся въ Кронштадтѣ, во время путешествія его въ Россію, 20 августа 1869 года.

скій»,—какъ называютъ его поляки,—шрифтъ допущенъ въ Галиціи въ весьма недавнее время, именно послѣ введенія въ Австріи конституціи 1861 года, а до того времени мало появлявшіяся тамъ русскія книги иначе не дозволялось печатать, какъ только церковно-славянскимъ шрифтомъ.

Привѣтствуя изданіе столь симпатичной для насъ русской книжечки, не можемъ, по поводу ея выхода, не упомянуть объ одномъ замѣчательномъ историческомъ явленіи, подробное изслѣдованіе котораго было бы такъ интересно встрѣтить въ печати. Дѣло въ томъ, что такой же народъ, какъ галичане, исповѣдывавшій еще такъ недавно ту же уніатскую вѣру, живетъ въ границахъ Русскаго царства. Извѣстно, что Холмскій край, входившій нѣкогда въ составъ Володиміро-Галицкаго княжества и при раздѣлѣ Польши доставшійся Россіи, въ историко-этнографическомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ Галиціи. И что же встрѣтило православіе въ Забужной Руси, когда ей было суждено возсоединиться (въ 1875 году) съ вѣрою предковъ? Уніатское духовенство, употребляя въ общежитіи языкъ польскій и считая себя, въ большинствѣ его членовъ, поляками, ничѣмъ не отличалось отъ польскихъ католическихъ ксендзовъ; холмская уніатская семинарія (до 1865 г.) была устроена на католическій ладъ и преподаваніе въ ней происходило на польскомъ и латинскомъ языкахъ; церкви по внѣшнему и внутреннему строю своему были тѣ же костелы—съ боковыми алтарями, органами и т. п.; богослуженіе совершалось хотя на славянскомъ языкѣ, но въ такомъ искаженномъ видѣ, что никто не призналъ бы въ немъ богослуженія восточной церкви. Народъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Люблинской губерніи считалъ еще себя русскимъ, въ другихъ же мѣстахъ простолюдины называли себя уніатами, чтобы не сказаться русскими, или просто поляками. И это все произошло въ Россіи, произошло въ то время, когда въ Галиціи ревниво охранялись и русскій языкъ, и русскіе народные обычаи, и православная обрядность, когда въ этой древне-русской землѣ господствовала чуждая власть...

М. Городецкій.

Календарь Рязанской губерніи на 1886 годъ. Изданіе рязанскаго губернскаго статистическаго комитета. Сост. подъ редакціею А. В. Селиванова. Рязань. 1886.

Календарь Рязанской губерніи вступаетъ уже въ четвертый годъ существованія. Въ первые два года (1883—1884) онъ давалъ почти исключительно одни только справочныя по губерніи свѣдѣнія, теперь же программа его расширяется и объемъ съ каждымъ годомъ увеличивается, въ календарѣ помѣщаются уже не одни только святцы, свѣдѣнія о почтовыхъ трактахъ, становыхъ квартирахъ, мѣстныхъ ярмаркахъ и пр., но и масса другихъ свѣдѣній, статистическихъ и историческихъ, имѣющихъ интересъ не только для однихъ мѣстныхъ жителей.

Въ послѣднемъ выпускѣ рязанскаго «Календаря» мы находимъ, между прочимъ, статьи — по статистикѣ: «Статистическое обозрѣніе пожаровъ въ Рязанской губерніи за 1884 годъ», «Статистическій очеркъ питейной торговли въ Рязанской губерніи за 1883 годъ», «Движеніе населенія въ губерніи», «Сводъ разныхъ статистическихъ свѣдѣній по губерніи» и т. д.; по исторіи: очень полно и добросовѣстно составленный «Хронологическій указатель замѣча-

тельныхъ въ Рязанской губерніи событій» и подробное «Историческое описаніе Солотчинскаго Рязанскаго монастыря». Солотчинскій монастырь основанъ былъ еще въ 1390 году рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ,— тѣмъ самымъ Олегомъ, который отказался прійдти на помощь къ великому князю московскому Дмитрію Ивановичу (прoв. Донскимъ), когда этотъ послѣдній готовился идти противъ Мамая. Основавъ Солотчинскій монастырь, князь Олегъ принялъ въ немъ иноческій чинъ съ именемъ Іоны, но при этомъ не сложилъ съ себя и княжескаго сана, и жилъ попеременно то въ Рязани, занимаясь свѣтскими дѣлами управленія, то уединялся въ Солотчинскій монастырь, гдѣ надѣвалъ на себя иноческую рясу и проводилъ время въ богомоленіяхъ и постничествѣ. Какъ самъ князь—инокъ, такъ и всѣ послѣдующіе рязанскіе князья, до самаго уничтоженія Рязанскаго княжества (1520 г.) щедро надѣляли Солотчинскій монастырь движимыми и недвижимыми имуществами, такъ что въ 1678 году, по писцовымъ книгамъ, за монастыремъ числилось 37 деревень съ 787 дворами и съ 4,066 душами мужескаго пола, а въ 1748 году количество душъ возросло до 5,432; земли же во всѣхъ монастырскихъ селеніяхъ значилось 25 тысячъ четвертей, или около 40 тысячъ десятинъ, да еще, кромѣ того, лѣсу въ монастырскомъ владѣніи состояло— въ длину 28 верстъ и въ ширину 12 верстъ. Изъ прежнихъ архимандритовъ, управлявшихъ монастыремъ, особенно замѣчательны два: Игнатій Шангинъ (1688 — 1697) и Софроній Лихудъ (1723 — 1729). Архимандритъ Игнатій былъ впослѣдствіи епископомъ тамбовскимъ и игралъ замѣтную роль въ исторіи нашего раскола. По опредѣленію Московскаго собора въ 1699 году, онъ посланъ былъ въ заточеніе «за соучастіе съ раскольниками и за сопротивленіе указамъ царя Петра Алексѣевича о пожертвованіяхъ съ церквей на пользу отечества». Софронію Лихуду Солотчинская архимандрія была дана «въ вознагражденіе достохвальныхъ и достополезныхъ его трудовъ при обученіи россійскаго юношества».

Изъ «Хронологическаго указателя важнѣйшихъ событій» въ губерніи мы узнаемъ, что первая попытка историческаго описанія Рязанскаго края была сдѣлана еще въ 1793 году архимандритомъ Іеронимомъ, выпустившимъ тогда въ свѣтъ свои «Рязанскія достопамятности». Черезъ 29 лѣтъ послѣ этого, въ 1822 году, явилось уже полное «Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи», составленное Воздвиженскимъ, а въ 1858 году вышла въ свѣтъ извѣстная «Исторія Рязанскаго княжества» профессора Иловайскаго и т. д. Этотъ «Хронологическій указатель» замѣчательныхъ событій, совершившихся въ губерніи, составляетъ, кажется, новость въ нашихъ мѣстныхъ провинціальныхъ календаряхъ. Въ виду научнаго и практическаго интереса, какой имѣютъ подобные указатели, нельзя не пожелать, чтобы и другіе статистическіе губернскіе комитеты послѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру рязанцевъ и дали бы по возможности детальные перечни историческихъ событій, каждый по своей губерніи.

Н. Д—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Произведенія русскаго искусства въ англійскихъ музеяхъ. — Исторія Желтухинскихъ золотыхъ розсыпей. — Англійскіе переводы русскихъ беллетристовъ. — Русская политика въ 1867—1870 годахъ съ французской точки зрѣнія. — Письма Карамзина въ переводѣ Легреля. — Неизвѣстная Турція. — Нѣмецкій духъ въ пословицахъ. — Французы въ Китаѣ. — Мирные революціонеры. — Многотомная исторія одного полустолѣтія. — Новое сочиненіе о Лессингѣ. — Датскій либералъ. — Радикальный министръ и писатель Англіи. — Египетскіе походы англичанъ. — Океанія при Кромвелѣ и въ наше время.

РУССКАЯ литература, русское искусство, русская жизнь продолжаютъ интересовать иностранцевъ. Въ Лондонѣ вышла книга, имѣющая значеніе не для однихъ художниковъ: «Русское искусство и художественныя произведенія въ Россіи: руководство для снимковъ въ южно-кенсингтонскомъ музеѣ» (Russian art and art objects in Russia: a handbook to reproductions in the south Kensington museum). Составилъ эту книгу Маскелль на основаніи свѣдѣній офиціальной комисіи, изслѣдовавшей русскія художественныя произведенія и постановившей снять копіи съ нѣкоторыхъ изъ нихъ для помѣщенія въ лондонскомъ музеѣ. Маскелль откровенно признается, что лично съ этими произведеніями онъ вовсе незнакомъ и въ своей книгѣ слѣдуетъ только указаніямъ комисіи. Не смотря на это, книга, всетаки, весьма полезна не только какъ путеводитель, знакомящій съ русскими произведеніями въ кенсингтонскомъ музеѣ, но и какъ указатель предметовъ, не вошедшихъ въ составъ его и разсѣянныхъ по дворцамъ, церквамъ и частнымъ колекціямъ въ Россіи. Маскелль не знаетъ и не видѣлъ многихъ замѣчательныхъ вещей, но въ его «руководствѣ» можно найдти много любопытныхъ данныхъ и послѣ роскошнаго, но слабаго въ археологическомъ отношеніи сочиненія Віоле ле Дюка «L'art en Russie» и вышедшей въ 1877 году книги Линаса «Les origines de l'orfévrerie cloisonnée»,

Вмѣстѣ съ русскими произведеніями авторъ говоритъ и о такихъ, которыя только найдены въ Россіи, какъ греко-скиѳскія и византійскія древности. Онъ описываетъ и нашъ Керченскій музей, и доисторическія сибирскія вещи, добытыя при раскопкахъ. Есть тутъ свѣдѣнія и о послѣднихъ находкахъ золотыхъ вещей въ Новочеркасскѣ, о славянскихъ, даже визиготскихъ коллекціяхъ, найденныхъ въ Толедо, объ итальянскомъ оружіи царско-сельскаго музея. Въ особой главѣ говорится объ англійской серебряной посудѣ, найденной въ Россіи, о ювелирныхъ предметахъ, сохраняющихся тамъ же, но выдѣланныхъ въ Германіи, Голландіи, Португаліи и другихъ странахъ, чтò придаетъ уже слишкомъ широкое примѣненіе термину «художественныя произведенія въ Россіи». Болѣе трети перечисленныхъ авторомъ предметовъ — русскіе только по названію. Лучше всего обработаны въ книгѣ отдѣлы доисторическій, антикварный и московское золотыхъ дѣлъ мастерство.

— Русская жизнь, хотя и на далекихъ окраинахъ, послужила предметомъ любопытнаго и обширнаго изслѣдованія въ журналѣ «Revue française de l'étranger et des colonies». Наши періодическіе органы, озабоченные тѣмъ, что замышляютъ князь Бисмаркъ и князь Баттенбергъ, сообщили только краткія и отрывочныя телеграфическія свѣдѣнія о колонизаторскомъ движеніи по границамъ Сибири и Китая, имѣющемъ большое значеніе, но иностранцы обратили на него особое вниманіе, и вотъ какія подробности, пройденныя молчаніемъ нашими газетами, передаетъ, очевидно, близко знакомый съ этимъ дѣломъ. Еще въ 1884 году, бѣглые казаки, въ долинѣ, отдѣляющей на Амурѣ китайскія владѣнія отъ русскихъ, нашли золотоносныя розсыпи въ мѣстности, названной Желтухою и лежащей противъ русскаго поселка Игнатчино, на разстояніи отъ Благовѣщенска верстъ 700. Пробраться туда можно только зимою, когда морозъ скуетъ всѣ болота и трясины. Не смотря на совершенное бездорожье, на мѣстѣ пріисковъ скоро образовалось обширное поселеніе изъ лётныхъ,—какъ въ Сибири называютъ бѣжавшихъ съ каторги,—изъ якутовъ, остяковъ, корейцевъ. Но въ этомъ сбродѣ разноплеменныхъ бродягъ преобладалъ въ значительной степени русскій элементъ, устроившій жизнь на Желтухѣ на общинномъ и артельномъ началѣ. Къ началу нынѣшняго года было тамъ уже до 10,000 русскихъ поселенцевъ и до 6,000 китайцевъ, прослышавшихъ тогда о богатыхъ пріискахъ и явившихся ихъ эксплоатировать на томъ основаніи, что мѣстность находится въ ихъ владѣніяхъ. Это соперничество двухъ расъ, разжигаемое сотнею поселившихся тутъ же сѣверо-американцевъ, болѣе интелигентныхъ, но и болѣе распущенныхъ, не разъ вело къ крупнымъ столкновеніямъ, нерѣдко оканчивавшимся кровавыми сценами и жестокимъ самосудомъ. Этою свободною общиною, раздѣленною на 732 артели, управляли 12 выборныхъ старостъ, не работавшихъ на пріискахъ, но наблюдавшихъ за порядкомъ и получавшихъ за это въ мѣсяцъ по 200 рублей. Старосты эти избирались изъ торговцевъ золотомъ или съѣстными припасами и кабатчиковъ. Главою старостъ былъ венгерскій словакъ Карлъ Ивановичъ. Онъ имѣлъ право присуждать къ смерти, но отличался строгою справедливостью. Не смотря на дикіе нравы поселенцевъ, между ними были всего три случая убійства, но къ смертной казни приговаривали нерѣдко, такъ какъ только страхъ ея могъ удерживать въ повиновеніи разнузданную орду. Смерть назначалась за воровство и разбой, за шулерство въ игрѣ, за обвѣшиваніе и фальсификацію золотого песку, такъ какъ вся добыча его дѣлилась пòровну между рабочими. За оба эти преступ-

ленія былъ повѣшенъ одинъ русскій; жида забили до смерти палками за то, что онъ сочинилъ подложную телеграмму объ отправленіи въ Желтуху казачьяго полка для разогнанія поселенцевъ. Цѣль его при этомъ была та, чтобы, напугавъ владѣльцевъ золотоносныхъ участковъ близкимъ разореніемъ, пріобрѣсти дешево эти участки. Палочному наказанію подвергали за пьянство на работахъ, за драки съ товарищами, сопровождаемыя членовредительствомъ, за тайный приводъ на пріиски женщинъ, такъ какъ по уставу этого новаго казачества женщинамъ не позволялось быть на пріискахъ. Онѣ жили въ молоканской деревнѣ по ту сторону Амура и туда ѣздили золотопромышленники, по окончаніи работъ. За менѣе тяжкіе проступки: неповиновеніе, ссоры и т. п., назначались штрафы отъ 1 до 10-ти золотниковъ песку. Исполнителями приговоровъ были сами же старосты. Китайцы на Желтухѣ жили отдѣльно и управлялись особо. Ивановичъ основалъ двѣ больницы. Въ поселкѣ было пять гостинницъ очень грязныхъ, съ кроватями полными клоповъ. Въ 22-хъ кабакахъ, гдѣ продавались и съѣстные припасы, по вечерамъ играла русско-китайская музыка. Жизнь была вообще не дорога, такъ какъ за правильными цѣнами наблюдали старосты; только водка стоила недешево. Добывая до 6-ти рублей въ день, рабочій не-пьяница проживалъ не больше двухъ. Монетою служилъ золотой песокъ. За стаканъ водки, объемомъ съ четверть бутылки, платилась щепотка песку, сколько его можно захватить между большимъ и указательнымъ пальцемъ. При малѣйшемъ обманѣ, кабатчика раскладывали на его же лавкѣ и тутъ же били толстыми прутьями. Золотоносный песокъ лежитъ на глубинѣ отъ 2-хъ до 7-ми аршинъ, подъ песчаной глиною, на слоѣ голубой глины, но добывается только зимою, когда золотоносная толща промерзаетъ; лѣтомъ она залита водою. Прорытіе водосточнаго канала много помогло бы разработкѣ золота, но оно добывается самыми первобытными способами, безъ всякихъ машинъ и новѣйшихъ приспособленій. Песокъ просѣваютъ простыми грохотами и грубыми рѣшетками, и между тѣмъ изо ста пудовъ песку получалось 7 фунтовъ золота. Въ горахъ, окружающихъ Желтуху, отрогахъ Яблоннаго хребта, — несомнѣнно много золота. Мандарины и чиновники давно точили зубы на эти пріиски, и, по жалобамъ китайцевъ, пріискъ былъ разоренъ въ январѣ нынѣшняго года, а поселенцы разогнаны казаками. Французскій журналъ не передаетъ подробностей этого разоренія.

— Легреллъ перевелъ на французскій языкъ «Грозу» Островскаго (L'orage) и Викторъ Дереле «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго (Le crime et le chatiment). Иностранныя періодическія изданія очень хвалятъ и пьесу, и романъ. Въ драмѣ Островскаго поражаетъ изображеніе «темнаго царства», купеческаго міра, съ его дикими взглядами на жизнь, непонятнаго для насъ, французовъ, говоритъ «Le Livre», удивляющійся созданію типа Катерины. Романъ приводитъ въ восторгъ въ особенности англичанъ, и «Athenaeum», знакомый только съ «Мертвымъ домомъ», переведеннымъ подъ названіемъ «Десять лѣтъ уголовной кары» (Ten years penal servitude), говоритъ, что впечатлѣніе, производимое «Преступленіемъ и наказаніемъ», гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ при описаніи убійства Монтегю Тигга и агоніи Іоны Чодлевитта у Диккенса: оно не только поражаетъ, но «пожираетъ» читателя (devouring). «О такомъ реализмѣ никогда и не снилась Зола и его школѣ». Авторъ самъ переживаетъ со своимъ героемъ всѣ его ощущенія на шестистахъ страницахъ романа, и анализировать всѣ его подробности значило бы

написать психическій и уголовно-юридическій трактатъ. Не смотря на изображеніе грязныхъ характеровъ и преступныхъ чувствъ, цѣль романа благотворна и полезна. Это глубокій анализъ нигилизма не политическаго, но нравственнаго.

— Любопытна и по отношенію къ Россіи историческая брошюра Ротана, появившаяся сначала въ Revue des deux mondes: «Франція и Пруссія отъ 1867 по 1870 годъ» (La France et la Prusse de 1867 à 1870). Авторъ написалъ нѣсколько политическихъ сочиненій, возбудившихъ много шума, и былъ высланъ пруссаками изъ Альзаса за непочтительные отзывы о нѣмцахъ. Онъ большой патріотъ, но черезчуръ пристрастный къ своей родинѣ, какъ большинство французовъ, обвиняющій другія націи въ своихъ собственныхъ промахахъ и неудачахъ. Такъ и въ исторіи трехъ годовъ, предшествовавшихъ франко-прусской войнѣ, онъ обвиняетъ и Россію въ непрямодушной политикѣ по отношенію къ Франціи. «Journal de St-Pétersburg» вынужденъ былъ опровергнуть несправедливыя обвиненія Ротана, заслуживающія вниманія потому, что они рисуютъ направленіе нѣкоторыхъ классовъ французскаго общества и лучше всего объясняютъ: возможенъ ли союзъ между современной Франціей и Россіей, о которомъ мечтаютъ иные политики, возлагающіе радужныя надежды на всякіе союзы. О Пруссіи Ротанъ отзывается, конечно, въ самомъ враждебномъ тонѣ, но и о Россіи сужденія его отличаются крайнею непослѣдовательностью. Такъ онъ обвиняетъ Россію въ томъ, что она не приняла сторону Наполеона III въ его столкновеніи съ Пруссіей, хотя самъ же замѣчаетъ, что русскій императоръ, воспитанный въ ненависти къ Франціи своею матерью, дочерью королевы Луизы, и своимъ дядею, королемъ Вильгельмомъ, съумѣвшимъ совсѣмъ подчинить его своей волѣ, ничѣмъ болѣе не руководствовался, какъ чувствомъ досады, возбужденнымъ въ немъ Крымскою войною и польскимъ возстаніемъ. И, однако же, онъ, все-таки, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1867 году, и это одно уже могло служить доказательствомъ желанія сохранить дружественныя отношенія. А между тѣмъ, кàкъ встрѣтили его въ Парижѣ? Покушеніемъ въ Булонскомъ лѣсу и неприличною выходкою въ Palais de Justice. Да и можно ли было въ чемъ нибудь сочувствовать нелѣпой политикѣ Наполеона III? Горчаковъ, котораго Ротанъ называетъ маріонеткою, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, кàкъ приверженецъ союза съ Франціей и противникъ австрійской политики Нессельроде. А Наполеонъ дѣлалъ всевозможные промахи, чтобы разстроить этотъ союзъ, выставлялъ себя защитникомъ Польши, заявлялъ претензіи то на лѣвый берегъ Рейна, то на Люксембургъ, старался тайными интригами уничтожить вліяніе Россіи въ Константинополѣ, не смотря на то, что на случай распаденія Турціи между Горчаковымъ и Тувенелемъ былъ составленъ проектъ условія о признаніи федераціи балканскихъ народностей и провозглашеніи Константинополя вольнымъ городомъ и резиденціей федеральнаго правительства. И вмѣсто того, чтобы искать расположенія Россіи, Наполеонъ обратился къ Австріи, послѣ того какъ спокойно допустилъ разбить ее при Садовѣ, а Пруссію оскорбилъ грубымъ вмѣшательствомъ въ вопросѣ о кандидатурѣ принца Гогенцолернскаго на испанскій престолъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Ротанъ не хочетъ видѣть ошибокъ Франціи, а причину ея изолированнаго положенія видитъ въ «черныхъ замыслахъ» Россіи. Вотъ ужъ истинно—сваливанье съ больной головы на здоровую!..

— Въ то время, когда нѣкоторые изъ русскихъ критиковъ находили из-

явившимъ предпринятое г. Суворинымъ новое изданіе «Писемъ русскаго путешественника», появившееся въ прошломъ году, французы находятъ интереснымъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ сочиненіемъ нашего историка. Знатокъ русской литературы А. Легрелль издалъ книгу «Путешествіе Карамзина по Франціи» (Karamzine. Voyage en France. 1789—1790). Подобный же переводъ писемъ, относящихся къ Франціи, сдѣланъ былъ еще въ 1867 году Порошинымъ, но г. Легрелль совершенно справедливо находитъ этотъ переводъ тяжелымъ, неполнымъ, мѣстами искаженнымъ и потому взялъ на себя трудъ второго перевода. Французскіе критики находятъ письма эти весьма занимательными, вѣрно изображающими жизнь различныхъ классовъ общества, взволнованную наступающею революціонною бурею. «Карамзинъ, говорятъ они, вполнѣ симпатизировалъ Франціи и энциклопедистамъ, но не революціи, которой онъ не понялъ, видя только однѣ темныя стороны ея». Впрочемъ, и Легрелль относится къ ней не весьма симпатично, судя по примѣчаніямъ, которыми обильно снабженъ его во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный переводъ.

— Событія въ Болгаріи, гдѣ князь Батенбергскій, обманывавшій Россію изъявленіями покорности и преданности, вдругъ объявилъ, что не хочетъ исполнять договора, утвержденнаго всею Европою, обращаютъ вниманіе на эту страну, о которой говоритъ Леонъ Гюгонне въ своей книгѣ «Неизвѣстная Турція. Румелія, Болгарія, Македонія, Албанія» (La Turquie inconnue. Bulgarie, Macédonie, Albanie). Авторъ былъ газетнымъ корреспондентомъ во время войны 1877 года и на мѣстѣ познакомился съ описываемыми имъ странами. Это описаніе дышетъ правдой, хотя въ немъ немного новаго: тѣ же сцены ужасовъ, повторявшіяся въ каждой войнѣ: истребленіе ни въ чемъ неповинныхъ жителей, повѣшеніе мнимыхъ шпіоновъ. Самого Гюгонне приняли за шпіона, засадили въ тюрьму, таскали по судамъ и если не повѣсили, то потому только, что онъ французъ. Глупость турецкаго управленія равняется только его двоедушію, — говоритъ авторъ. На линіи желѣзной дорогѣ, въ Ускюбѣ, служилъ русскій машинистъ. Передъ началомъ войны его отставили, на это еще была основательная причина, но затѣмъ вмѣсто того, чтобы отправить его въ Салоники, откуда онъ могъ вернуться на родину, его послали подъ стражей въ Адріанополь; тамъ его заковали, бросили въ тюрьму и приговорили къ повѣшенію — за что?— вѣдаетъ одинъ Аллахъ. По счастью, бѣдняка увидѣлъ одинъ нѣмецъ, знавшій его въ лицо, и обратился къ своему консулу, защищавшему во время войны русскихъ подданныхъ. Тотъ потребовалъ освобожденія ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Консулу нагло отвѣчали, что никакихъ русскихъ нѣтъ въ числѣ осужденныхъ, но консулъ былъ настойчивъ, самъ отправился въ тюрьму, отыскалъ бѣдняка и спасъ въ то время, когда ему надѣвали веревку на шею. Изъ Софіи въ Салоники везли 1,500 раненыхъ, но въ такихъ удобныхъ экипажахъ и съ такимъ комфортомъ, что пріѣхало только 120 человѣкъ, остальные умерли въ дорогѣ. Авторъ разсказываетъ множество подобныхъ случаевъ, и книга его возбуждаетъ интересъ, не смотря на то, что говоритъ о событіяхъ, случившихся 9 лѣтъ назадъ.

— Учитель французскаго языка въ русской гимназіи, въ Динабургѣ, Пьеръ Пёжо, напечаталъ въ Парижѣ «Нѣмецкій духъ въ языкѣ и пословицахъ, объясненный 1,200 пословицами» (L'esprit allemand d'après la langue et les proverbes avec plus de 1,200 proverbes). Авторъ старается объ-

яснить характеръ нѣмецкой націи ея языкомъ и пословицами, изъ которыхъ многія, конечно, были извѣстны во Франціи до перевода г. Пёжо. Не смотря на то, что ихъ называютъ народною мудростью, нельзя основывать сужденіе о народѣ на пословицахъ, часто не зная, къ тому же, и ихъ историческаго происхожденія. Филаретъ Шаль назвалъ французскій языкъ склоннымъ къ анализу, «довѣрчивымъ языкомъ». Пёжо называетъ нѣмецкій языкъ—недовѣрчивымъ. На какомъ основаніи? Дѣлать выводъ, что нѣмцы не знаютъ деликатности, потому что у нихъ въ языкѣ нѣтъ этого слова,— пріемъ нѣсколько странный. Нѣмецкія пословицы доказываютъ любовь націи къ семьѣ и своему отечеству, излишнюю гордость и въ то же время послушаніе, почти рабское всякимъ властямъ. Таковы выводы автора, извлеченные имъ изъ духа нѣмецкаго языка.

— Графъ д'Эриссонъ, написавшій любопытные мемуары о послѣднихъ годахъ второй имперіи, издалъ «Журналъ переводчика въ Китаѣ» (Journal d'un interpète en Chine). Этотъ эпизодъ императорской политики, хотя окончившійся и не такъ постыдно, какъ Мексиканская экспедиція, не принесъ, однако, Франціи никакой пользы и не сдѣлалъ Серединную имперію ни сговорчивѣе, ни доступнѣе для европейцевъ. Но авторъ сообщаетъ много новаго объ этой войнѣ. Такъ онъ приписываетъ причину войны обѣщанію, данному Наполеономъ III Англіи, еще въ Крымскую кампанію, помочь британскому флоту — дать хорошій урокъ зазнавшимся китайцамъ. Французское войско было, по выраженію автора, простою кошкою, таскавшею изъ печи каштаны для англичанъ... «Но если намъ суждено играть такую роль, прибавляетъ д'Эриссонъ, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, на будущее время, чтобы и намъ доставалась хоть часть каштановъ». Авторъ говоритъ и о другихъ войнахъ Луи—Наполеона и подтверждаетъ, между прочимъ, что итальянскую войну онъ началъ единственно изъ страха передъ новымъ покушеніемъ Орсини и передъ кинжалами своихъ прежнихъ друзей, итальянскихъ заговорщиковъ.

— Подъ названіемъ, очевидно, разсчитывающимъ завлечь читателей, «Наши революціонеры» (Nos révolutionnaires) Филибертъ Одебрандъ представилъ рядъ интересныхъ біографій... вы думаете: Рошфора, Рауля Риго, членовъ коммуны, если не террористовъ 93 года. Ничуть не бывало! авторъ называетъ революціонерами — Тьера, Гизо, Ламартина, Дюверже де-Горанна, Клемана Лорье, даже короля Луи-Филиппа и принцевъ Орлеанскихъ. Все это очень скромные революціонеры, изъ ряда которыхъ выдаются развѣ Мишле и Кавеньякъ, первый—смѣлостью своихъ историческихъ парадоксовъ второй — безчеловѣчностью, съ какою онъ подавилъ іюньское возстаніе 1848 года. Всѣ остальные типы, выведенные авторомъ, не болѣе какъ революціонеры на розовой водѣ, по французской поговоркѣ. Это не мѣшаетъ, однако, тому, что біографіи ихъ читаются съ интересомъ.

— У нѣмцевъ выходятъ чрезвычайно длинныя исторіи, посвященныя сравнительно весьма краткому періоду времени. Такова исторія Отто Клопса «Паденіе дома Стюартовъ и наслѣдованіе Ганноверскаго дома въ Великобританіи и Ирландіи въ связи съ европейскими событіями 1660 — 1714 годовъ» (Der Fall des Hauses Stuart und die Succession des Hauses Hannover in Grossbritannien und Irland in Zusamnenhange der europäischen Angelegenheiten von 1660—1714). Уже нѣсколько лѣтъ тянутся томы этой интересной, но слишкомъ обширной по объему исторіи. Въ нынѣшнемъ году вышли XI и XII томы, обнимающіе всего четыре года

отъ 1704 до 1707 годъ. Остается еще тома четыре. Такимъ образомъ изъ періода въ 54 года на каждый томъ приходится почти 3½ года, хотя паденіе Стюартовъ вовсе не такое міровое событіе, какъ, напримѣръ, паденіе Римской имперіи, разсказанное Гиббономъ въ семи томахъ. Политическій штандпунктъ Клопса давно уже выяснился: историкъ прежде всего ультрамонтанъ, принадлежитъ къ вельфской партіи, потомъ противникъ Гогенцолерновъ, наконецъ, партизанъ Австріи, и не смотря на все это, исторія его, все-таки, интересна, хотя бы уже и потому, что теперь рѣдко кто пишетъ въ такомъ духѣ, и исторіи въ прусскомъ и протестантскомъ духѣ уже такъ пріѣлись, что любопытно встрѣтить книгу съ совершенно противоположнымъ характеромъ, придающимъ событіямъ другое освѣщеніе, иногда болѣе правильное съ точки зрѣнія эпохи, изображаемой авторомъ. Къ тому же, сужденія противниковъ общепринятаго мнѣнія всегда необходимо знать для вѣрной оцѣнки историческихъ событій. Кромѣ того, если мы въ подобномъ сочиненіи, находимъ, напримѣръ, похвалы прусскому королю или порицаніе поступковъ папы, то можемъ быть совершенно увѣренными, что тотъ и другой дѣйствительно заслуживаютъ похвалу или порицаніе. Клопсъ приводитъ много любопытныхъ документовъ изъ ватиканскаго архива, который ему, какъ благонамѣренному католику, былъ доступнѣе, чѣмъ протестантскимъ историкамъ. Подвиги герцога Марльбороу, уже черезчуръ ими возвеличенные, оцѣнены Клопсомъ гораздо вѣрнѣе, также какъ поступки знаменитаго венгерскаго патріота Ракочи, въ дѣйствіяхъ котораго было больше эгоизма, чѣмъ патріотизма. Вообще исторія венгерскаго возстанія разработана имъ вполнѣ добросовѣстно, также какъ исторія соединенія Шотландіи съ Англіей, въ 1707 году, представляющаго много важныхъ данныхъ для настоящаго времени, когда Гладстонъ готовится устроить на тѣхъ же основаніяхъ соединеніе Ирландіи съ Англіею. Удастся ли это министерству виговъ въ концѣ XIX вѣка, какъ удалось такому же министерству первое соединеніе въ началѣ XVIII вѣка, покажетъ ближайшее будущее.

— Обширныя изслѣдованія посвящаютъ нѣмцы и своимъ писателямъ. Такъ въ нынѣшнемъ году вышелъ второй томъ «Лессинга, исторіи его жизни и его сочиненій» (Lessing, Geschichte seines Lebens und seiner Schriften), профессора Эриха Шмидта. Первый томъ этого замѣчательнаго труда вышелъ два года тому назадъ; въ появившемся нынѣ томѣ разобрана дѣятельность писателя отъ изданія «Лаокоона» до переселенія въ Вольфенбюттель. Въ эту эпоху Лессингъ является замѣчательнымъ археологомъ, классическимъ филологомъ, объясняющимъ Аристотеля, и знатокомъ сцены въ своей Эмиліи Галотти, подробно разработанной Шмидтомъ, представившимъ также вѣрную оцѣнку драматургіи XVIII вѣка. Сочиненіе Шмидта, когда оно будетъ окончено, представитъ лучшую критическую біографію великаго нѣмецкаго писателя.

— На нѣмецкомъ языкѣ вышелъ переводъ біографіи Гольберга, написанной Георгомъ Брандесомъ, еще въ 1884 году, по поводу празднованія двухсотлѣтняго дня рожденія знаменитаго датскаго писателя въ 1684 году. Книга Брандеса носитъ названіе: «Ludvig Holberg. En Festskrift af Georg Brandes». По-нѣмецки она названа: «Лудвигъ Гольбергъ и его современники» (Ludvig Holberg und seine Zeitgenossen). Жизнь этого человѣка, опередившаго свой вѣкъ, смѣлаго борца за свободу мысли и вѣротерпимость, чрезвычайно интересна. Сынъ полковника, онъ спасся отъ воен-

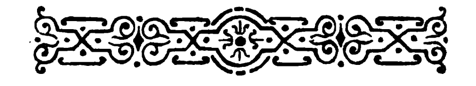
ной службы въ Копенгагенскій университетъ, былъ домашнимъ учителемъ, бѣдствовалъ въ Голландіи, добывалъ хлѣбъ въ Оксфордѣ, игрою на флейтѣ, въ Копенгагенѣ читалъ курсъ литературы, привлекавшій массы слушателей, но не принесшій ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ, также какъ и его первый историческій трудъ «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ». Зато «Подвиги Христіана IV и Фридриха III» доставили ему званіе профессора Копенгагенскаго университета и субсидію правительства для четырехлѣтняго путешествія по Европѣ. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и Римѣ, а вернувшись на родину, началъ писать сочиненія богословскія, философскія и юридическія, читалъ лекціи метафизики и риторики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, издалъ сатирическую поэму «Петръ Паарсъ», за которую Гольберга обвинили въ кощунствѣ, клеветѣ на религію, университетъ и законы. За это книгу слѣдовало сжечь, а автора приговорить къ смертной казни. По счастью, у него нашлись защитники и убѣдили короля прочесть поэму, которая и найдена была не болѣе какъ забавной шуткой. Вслѣдъ за тѣмъ Гольбергъ написалъ семь комедій (одна изъ нихъ «Донъ Ранудо-де-Калибрадосъ» въ передѣлкѣ П. Каратыгина играна и на нашей сценѣ) и нѣсколько историческихъ сочиненій: «Жизнь героевъ и героинь», «Исторія Даніи», «Исторія евреевъ», «Исторія церкви» и др. Но вѣнцомъ его сатирическаго таланта явилось «Подземное путешествіе Нильса Клима». За свои литературные труды онъ получилъ званіе барона, сдѣланъ былъ директоромъ театра, но вскорѣ отказался отъ всѣхъ занятій и умеръ скупымъ мизантропомъ, ненавистникомъ женщинъ. Георгъ Брандесъ превосходно очертилъ жизнь и значеніе этого страннаго человѣка и высокоталантливаго писателя.

— Вышелъ первый томъ новаго изданія сочиненій новаго министра Гладстоновскаго кабинета, Джона Морлея (The collected Works of John Morley). Этотъ глава демократической партіи соединяетъ въ себѣ обширное политическое образованіе съ высокимъ литературнымъ талантомъ. Ему нѣтъ еще 50-ти лѣтъ и не было еще 30-ти, когда онъ былъ уже редакторомъ Fortnightly Review, основаннаго другомъ его Льюисомъ. Потомъ онъ основалъ лучшій радикальный органъ «Pall Mall Gazette». Съ 1878 года, онъ издаетъ замѣчательныя характеристики англійскихъ писателей «English men of letters». Въ первомъ нынѣ вышедшемъ томѣ собранія его сочиненій помѣщена монографія о Вольтерѣ, изъ которой отрывки являлись и въ нашихъ журналахъ. Но вполнѣ русская публика ознакомилась съ писателемъ въ прекрасныхъ переводахъ г. Невѣдомскаго послѣдующихъ сочиненій Морлея «Руссо», «Дидро и энциклопедисты» (оцѣнкѣ этого послѣдняго труда «Историческій Вѣстникъ» посвятилъ отдѣльную статью въ 1884 году). Въ Вольтерѣ Морлей видитъ родоначальника конституціонныхъ идей, такъ какъ въ Руссо — крайнихъ идей конвента и коммуны, и потому отдаетъ предпочтеніе Вольтеру. Въ его біографіи онъ также безпристрастно относится и къ Фридриху II, слишкомъ унижаемому Маколеемъ и слишкомъ превозносимому Карлейлемъ. Морлей видитъ въ Пруссіи Фридриха II проявленіе новаго типа монархіи, отличающейся терпимостью и гуманностью, не смотря на ея деспотическія формы, присущія понятіямъ той эпохи. Ни французская, ни австрійская монархія того времени, при узкомъ, личномъ деспотизмѣ ихъ властителей, не могли возвыситься до типа Прусскаго государства, которому Фридрихъ II придалъ своеобразно-либеральный характеръ. Сочиненія писателя, доставившія ему министерскій постъ, опровергаютъ мнѣніе Бисмарка,

что писатели вообще—натуры неспособныя къ серьезному дѣлу и не исполнившія своего призванія (die ihren Beruf verfehlt haben).

— Чарльзъ Ройль написалъ два тома о «Египетскихъ походахъ 1882—1885 года и о событіяхъ, которыя привели къ этимъ походамъ» (The Egyptian campaigns 1882 to 1885 and the events, which led to them). Исторія вмѣшательства Англіи въ дѣла Египта составитъ любопытную страницу во всеобщей исторіи нашего вѣка. Авторъ смотритъ, конечно, на двуличную англійскую политику, на возмутительное бомбардированіе Александріи съ англійской точки зрѣнія и оправдываетъ всѣ поступки своихъ соотечественниковъ, кромѣ, однако же, стратегическихъ промаховъ неумѣлаго генерала Грагама и другихъ плохихъ начальниковъ отрядовъ, самонадѣянныхъ какъ всѣ англичане и потому губившихъ много солдатъ отъ излишней увѣренности, что дикарямъ никогда не удастся одолѣть благоустроенную армію. Почти весь второй томъ посвященъ храброму Гордону, передъ которымъ авторъ преклоняется, не говоря, однако, кто же виноватъ въ томъ, что въ Хартумъ не были своевременно посланы подкрѣпленія и генералъ былъ оставленъ на жертву мятежникамъ, а его отечество даже не подумало отмстить за погибель единственнаго стойкаго и даровитаго англійскаго военачальника.

— Извѣстный англійскій историкъ Джемсъ Фроудъ, авторъ 12-ти-томной исторіи Англіи, издалъ замѣчательное сочиненіе «Океанія, или Англія и ея колоніи» (Oceana, or England and her colonies). Это полная интереса картина распространенія англійскаго могущества во всѣхъ частяхъ свѣта и отношеній метрополіи къ своимъ колоніямъ. Извѣстно, что подъ тѣмъ же названіемъ «Океанія» Гаррингтонъ представилъ Кромвелю отчетъ о состояніи англійскихъ колоній въ то время. Чтобы видѣть всю разницу тогдашняго положенія дѣлъ, въ сравненіи съ нынѣшнимъ, надо вспомнить, что въ началѣ второй половины XVII вѣка могущественнѣйшей колоніальной державою была Испанія, Канада принадлежала французамъ; незначительныя англійскія поселенія по берегу Атлантическаго океана представляли только зародыши сѣверо-американскихъ штатовъ, да и между ними Нью-Іоркъ принадлежалъ голландцамъ, которые владѣли также всею южною Африкою и мысомъ Доброй Надежды; Австралія и Новая Зеландія были совершенно неизвѣстны, и Англія владѣла только вест-индскими островами, между которыми Ямайка была только что завоевана. А чѣмъ съ тѣхъ поръ завладѣли англичане! Совершилось то, что Гаррингтонъ писалъ Кромвелю: океанъ не раздѣляетъ теперь англійскихъ владѣній, а служитъ для нихъ соединительнымъ звеномъ. Фроудъ настаиваетъ на томъ, чтобы представители колоній приняли участіе въ управленіи дѣлами ихъ общаго отечества и заняли мѣсто въ государственномъ совѣтѣ Великобританіи. Только такимъ путемъ можетъ быть сохранена связь отдаленныхъ колоній съ ихъ метрополіей и поддержано могущество Англійской имперіи. Иначе отпаденіе Австраліи, а можетъ быть, и другихъ владѣній соединеннаго королевства, неизбѣжно. Книга Фроуда не говоритъ, однако, какимъ путемъ можно достигнуть объединенія всѣхъ владѣній Англіи въ виду ихъ многоразличныхъ интересовъ.

СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе крестьянской реформы отпраздновано было 19-го февраля, какъ пишутъ «Зарѣ», съ подобающей торжественностью въ аудиторіи народныхъ чтеній въ Одессѣ. Празднество назначено было вечеромъ, въ 6½ часовъ, чтобы дать возможность рабочему люду присутствовать въ аудиторіи. Аудиторія была украшена разноцвѣтными флагами, гербами, транспарантами. Всѣ стѣны были декорированы. По обѣ стороны экрана были поставлены большіе портреты царя-освободителя Александра II и нынѣ царствующаго государя. Въ началѣ торжества членами коммиссіи народныхъ чтеній были розданы литографированные портреты покойнаго государя. Внизу портрета напечатано стихотвореніе Майкова, написанное по поводу 19-го февраля 1861 года. Портретовъ было роздано 1,000—по числу присутствующихъ. Затѣмъ оркестръ Модлинскаго полка совмѣстно съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ гимнъ «Боже Царя храни» и «Коль славенъ». Хоръ пѣвчихъ отдѣльно исполнилъ нѣсколько концертныхъ произведеній, а оркестръ нѣсколько пьесъ. Послѣ музыкальнаго отдѣленія, одинъ изъ распорядителей празднества прочелъ брошюру о царствованіи Александра II, изъ которой народъ могъ ознакомиться какъ съ крестьянской реформой, такъ и съ другими реформами прошлаго царствованія (судебной, воинской и проч.). Празднество закончилось показаніемъ туманныхъ картинъ, подъ оркестръ музыки.

Торжественный актъ университета. 8-го февраля въ большомъ актовомъ залѣ Петербургскаго университета, при многочисленномъ собраніи студентовъ и постороннихъ лицъ, происходилъ торжественный актъ, первый послѣ введенія новаго университетскаго устава, въ присутствіи ректора И. Е. Андреевскаго, профессоровъ Владиславлева, Бутлерова, Фаминцына, Менделѣева, Меньшуткина, Овсянникова, Бекетова, Градовскаго, Лебедева, Горчакова, Таганцева и др., бывшаго профессора Рѣдкина, академика Бычкова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Актъ открылся чтеніемъ профессоромъ Васильевскимъ годоваго отчета. Послѣ прочтенія слова о значеніи для науки и общества скон-

чавшихся почетныхъ 6-ти членовъ университета: И. И. Захарова, Н. И. Костомарова, Н. В. Калачева, какъ ученаго и учредителя археологическаго института, академика Гельмерсена, какъ геолога, астронома Клаузена и преосвященнаго Порфирія, какъ ученаго путешественника по Синаю, Аѳону и другимъ мѣстамъ и извѣстнаго собирателя рукописей, г. Васильевскій перечислилъ слѣдующихъ избранныхъ новыхъ почетныхъ членовъ университета: академикъ М. И Сухомлиновъ, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, предсѣдатель московскаго Общества древностей И. Е. Забѣлинъ, члены государственнаго совѣта Головнинъ и баронъ Николаи и принцъ А. П. Ольденбургскій. Наличный составъ учащихъ и учащихся представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: ординарныхъ профессоровъ 41, экстраординарныхъ 20, приватъ-доцентовъ 41; поступило вновь 638 слушателей. Всего студентовъ 2,280, кромѣ того, 146 постороннихъ, итого всѣхъ 2,426 слушателей. Окончило курсъ наукъ 212 человѣкъ. По факультетамъ такъ: 252 на истор.-филолог., 968 на физ.-матем., 981 на юридическомъ и 79 на восточномъ. Послѣ чтенія г. Васильевскаго, прочелъ рѣчь спеціальнаго содержанія «объ образованіи коры» профессоръ Воейковъ и послѣ него И. Е. Андреевскій, изъ года въ годъ привѣтствующій студентовъ на ихъ годовомъ научномъ празднествѣ провозглашеніемъ молодыхъ ученыхъ, удостоившихся наградъ. Актъ закончился пѣніемъ гимна.

Торжественное засѣданіе славянскаго Общества. 15-го февраля, въ залѣ городской думы происходило торжественное собраніе петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества. Громадная зала оказалась мала, сотни лицъ стояли въ проходахъ и у входа. Имя покойнаго И. С. Аксакова собрало такую массу, все засѣданіе главнымъ образомъ было посвящено чествованію его памяти. Собраніе открыто было товарищемъ предсѣдателя г. Васильчиковымъ, заявившимъ, что ему приходится открывать засѣданіе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по такъ безвременно погибшемъ другѣ и гражданинѣ. Затѣмъ секретаремъ Общества былъ прочитанъ годовой отчетъ о дѣятельности славянскаго Общества и послѣ него начались рѣчи. Въ собраніи присутствовали высокопоставленныя лица, три оратора говорили о покойномъ: профессоръ Ламанскій представилъ біографію И. С. Аксакова, указалъ на его труды какъ поэта, художника, публициста и трибуна, г. Бестужевъ-Рюминъ выяснилъ его значеніе какъ борца за славянскую и русскую идею (самъ ораторъ за болѣзнію не былъ въ собраніи и за него читали его рѣчь). Профессоръ Миллеръ посвятилъ свою рѣчь выясненію публицистической дѣятельности Аксакова, какъ защитника свободы мысли и слова и какъ истинно русскаго патріота. Рѣчи вызвали шумные восторги. Рѣчь г. Ламанскаго богата цитатами изъ сочиненій и записокъ покойнаго. Профессоръ раздѣлилъ литературную дѣятельность Аксакова на 2 періода: съ 1843 по 1860 годъ и второй до 1886 годъ. Въ первомъ Аксаковъ былъ поэтъ и художникъ, во второмъ публицистъ, общественный дѣятель. Эта вторая половина началась со времени окончательнаго поселенія его въ Москвѣ. Она болѣе извѣстна, чѣмъ первая половина, здѣсь Аксаковъ-публицистъ заставилъ почти позабыть объ Аксаковѣ-поэтѣ. Между тѣмъ какъ труды его въ этой области даютъ ему право на мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Вначалѣ Аксаковъ былъ на государственной службѣ. Въ собственноручной автобіографической запискѣ покойнаго, между прочимъ, говорится, что онъ никакимъ награжденіямъ знаками отличія не подвергался. Его литературная дѣятельность до самой могилы шла не безъ препятствій. Да и въ самой его жизни было немало тернія. Въ 1848 году (черезъ 6 лѣтъ по выпускѣ изъ училища) онъ былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ выпущенъ. Затѣмъ на службѣ въ провинціи, по доносу губернатора, сообщившему, что поэтъ читаетъ знакомымъ какую-то поэму (это было извѣстное художественное произведеніе «Бродяга»), потребовали отъ него рукопись. Онъ переслалъ въ Петербургъ съ свойственной ему правдивостью всю ру-

копись. Здѣсь, конечно, ничего не нашли въ поэмѣ и возвратили ее, но сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что «занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства». Аксаковъ вышелъ тогда въ отставку. И въ дальнѣйшей литературной дѣятельности ему приходилось терпѣть немало. Его русскія убѣжденія не могли быть понятны бюрократіи. Его рукописи арестовывались, его обязывали подпискою, уже когда онъ былъ въ Москвѣ, посылать свои произведенія для цензуры не въ мѣстные комитеты, а въ главное управленіе по дѣламъ печати. Наконецъ, его лишили права когда бы то ни было быть издателемъ или редакторомъ журнала. Полицейскій надзоръ за нимъ былъ усиленъ. Хотѣлъ онъ ѣхать кругомъ свѣта, III-е отдѣленіе не позволило. Тогда онъ принялъ порученіе отъ географическаго Общества. Крымская война побудила его вступить въ серпуховскую дружину въ ополченіе. По окончаніи ея, когда онъ сталъ издавать журналъ «Парусъ», тотъ былъ запрещенъ на третьемъ нумерѣ и далѣе, какъ извѣстно, все шло въ этомъ родѣ. Въ первомъ періодѣ дѣятельности своей это былъ поэтъ, сатирикъ, соціологъ, въ концѣ его онъ уже приготовлялся быть редакторомъ, но только во второмъ періодѣ развился вполнѣ его талантъ журналиста, публициста и трибуна. Послѣ прекрасной рѣчи о берлинскомъ трактатѣ, Аксаковъ долженъ былъ надолго замолчать, а бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ преслѣдовали всякое проявленіе его русской мысли, выражавшей всегда истинно русскія чувства съ неутомимой и достойной лучшаго примѣненія энергіей. Въ эти 10 лѣтъ молчанія народились въ обществѣ самыя вздорныя идеи нигилизма. Удалились отъ дѣлъ Милютинъ, Черкасскій, Ю. Самаринъ. Ложныя либеральныя стремленія вмѣстѣ съ нигилистическими бреднями бродили въ обществѣ и разрѣшились катастрофой. Дѣятелями были въ это время люди, для которыхъ русская мысль, русское чувство были непонятны, хотя нѣкоторые и носили славныя русскія фамиліи, но въ душѣ не принадлежали ни къ какой національности. Пошлость и умственная ничтожность этихъ дѣятелей была ясна для Аксакова; онъ указывалъ на трагическія ея послѣдствія, предостерегалъ. До послѣдней минуты онъ былъ на стражѣ интересовъ русской земли и славянства.

Не менѣе значительна была рѣчь О. Ѳ. Миллера. Профессоръ объяснилъ литературныя воззрѣнія покойнаго. Онъ ясно, словами Аксакова, показалъ значеніе печати въ жизни и развитіи общества. Печать разумѣется свободная, ибо слово свободно. Враги Аксакова клеветали на него или нарочно, или не понимая высоты его идеала. Всю жизнь до могилы приходилось ему проводить въ борьбѣ. Онъ отзывался на всякое явленіе въ жизни горячо и честно. Будучи русскимъ, онъ признавалъ одну правду для всѣхъ національностей. Это выяснилось въ его полемикѣ съ «Моск. Вѣд.» по польскому вопросу. Но русскіе интересы онъ не приносилъ въ жертву чужимъ. Онъ не могъ выносить униженія нашего передъ Европой, униженія государственнаго достоинства нашей дипломатіи, ея трусости при храбрости и доблести народа. Онъ видѣлъ, что это происходитъ оттого, что «общество», тотъ слой, который долженъ быть между царемъ и землей, что это общество какъ-то чуждо русскому духу, что оно не патріотично, что въ немъ надо развить и воспитать національное чувство. А между тѣмъ, это общество въ лицѣ властныхъ людей не разъ упрекало въ недостаткѣ патріотизма его, Аксакова! Это было еще недавно, и онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что истинный патріотизмъ гражданина состоитъ въ томъ, чтобы честно служить родинѣ, умѣть высказывать правду, хотя бы и горькую, а истинный патріотизмъ правительства въ томъ, чтобы умѣть выслушивать ее. Ошибочно думать, что патріотизмъ заключается въ подобострастномъ молчаніи, и слова государя у гроба Аксакова показали всему міру, что русскій царь признавалъ въ немъ истиннаго патріота...

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ собраніи Общества г. Кибальчичъ представилъ рукопись XVIII вѣка «О зачатіи и рожденіи царя Петра I-го»; писана она въ Петербургѣ. При этомъ было сообщено, что масса старыхъ памятниковъ изъ южно-русскихъ церквей попадаетъ въ руки евреевъ, которые сбываютъ эту русскую старину за границу; изъ такихъ скупателей русской старины всего больше извѣстенъ въ Кіевѣ еврей Хаимъ Ильчовскій. Кромѣ того, тѣмъ же докладчикомъ были представлены вниманію членовъ Общества шесть каменныхъ стрѣлъ и одна кремневая; многимъ изъ членовъ эти памятники показались сомнительными. Г. Савваитовъ къ замѣчанію г. Кибальчича о расхищеніи памятниковъ южно-русской старины прибавилъ, что само духовенство виновато въ томъ. Г. Владиміровъ сообщилъ нѣсколько сказаній византійскаго происхожденія, сдѣлавшихся на Руси народнымъ достояніемъ. Это «Хожденіе и кончина св. Николая», «Чудо св. Николая съ царемъ Синагрипомъ» и «Повѣсть объ Аѳанасьѣ и Еленѣ». Г. Красницкій сообщилъ свѣдѣнія объ иконѣ Божіей Матери Андроника, принадлежащей нынѣ Постникову, и другой иконѣ, представленной ея владѣльцемъ, Власопуло, Николаю I. Любопытна исторія этой иконы. Власопуло желалъ постоянно получать отъ императора денежное вознагражденіе за эту икону. Эти постоянныя требованія вынудили Николая I предложить Власопуло или назначить опредѣленную цѣну этой иконы, или взять ее обратно. За смертію императора дѣло было пріостановлено. При Александрѣ Николаевичѣ, икона была вытребована въ 1877 году изъ Зимняго дворца кредиторомъ Власопула, Ѳеодоровымъ, который продалъ ее Сивохину за 17,000 руб. Ѳеодоровъ поставилъ ее въ Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ; оттуда Сивохинъ черезъ полицію вытребовалъ ее и переслалъ въ Вышній Волочекъ. Д. Ѳ. Кобеко сдѣлалъ дополненіе къ замѣчаніямъ, высказаннымъ въ прошедшемъ засѣданіи, объ «Описаніи Іерусалима» патріарха Хрисанѳа. Г. Кобеко привелъ догадку, что славянскій переводъ этого описанія сдѣланъ не Барсовымъ, а другимъ лицомъ — быть можетъ, тѣмъ же Симеономъ, который перевелъ «Поученіе» Хрисанѳа, и въ то же время обратилъ вниманіе на то, что славянскій переводъ, доставленный Обществу архимандритомъ Леонидомъ, сравнительно съ греческимъ подлинникомъ, очень кратокъ.

Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной академіи въ 1885 году. Недавно исполнилось 13 лѣтъ со времени учрежденія церковно-археологическаго Общества и музея при Кіевской духовной академіи. За все это время въ церковно-археологическій музей поступило 17,394 №№ предметовъ, изъ коихъ 1,825 №№ поступило въ прошломъ 1885 году. Важнѣйшими въ археологическомъ отношеніи пожертвованіями въ церковно-археологическій музей были въ 1885 году: коллекція древнихъ восточныхъ иконъ синайскихъ, іерусалимскихъ и аѳонскихъ, изъ 42 №№, и 76 таблицъ фотографическихъ снимковъ съ произведеній книжной живописи (миньятюръ) у латинянъ, грековъ, болгаръ, сербовъ, сиріанъ и арабовъ съ V по XVIII вѣкъ, завѣщанные покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ), и коллекція изъ 28 таблицъ акварельныхъ снимковъ съ фресокъ, открытыхъ во Владимірскомъ каѳедральномъ соборѣ въ 1882 году, пожертвованная г. оберъ-прокуроромъ св. синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Между иконами порфиріевской коллекціи есть весьма рѣдкія и замѣчательныя, напримѣръ, икона св. Константина и Елены VI-го вѣка, писанная восковыми красками, мозаическая икона св. Николая IX-го вѣка и др. Изъ другихъ предметовъ возбуждали особенный интересъ публики: глиняная египетская статуетка, съ надписью «Озирисъ Сутимесъ, блаженный», найденная въ окрестностяхъ г. Батурина, Черниговской губ., въ землѣ, и казацкое знамя на шелковой матеріи, XVIII-го вѣка, полученное изъ села Сенчанскихъ Скоробогатокъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Церковно-археологическій музей былъ открываемъ по воскресеньямъ, съ 12-ти до 2-хъ часовъ по полудни.

Въ составѣ Общества, къ концу 1885 года, числились: покровитель Общества, его императорское высочество, великій князь Владиміръ Александровичъ, попечитель Общества митрополитъ кіевскій Платонъ, председатель, 25 почетныхъ членовъ, 88 дѣйствительныхъ и 39 членовъ — корреспондентовъ. Втеченіе 1885 года было 8 собраній церковно-археологическаго Общества, на которыхъ, кромѣ рѣшенія и заслушанія текущихъ дѣлъ, предложено было 12 рефератовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «О найденной близь г. Батурина, Черниговской губерніи, египетской статуеткѣ и о параллельныхъ явленіяхъ въ древне-египетской и народной русской литературахъ», «О предметахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ села Луневки, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, на мѣстѣ нахожденія древнихъ серебряныхъ римскихъ монетъ II—III-хъ вѣковъ», «Описаніе древнихъ восточныхъ иконъ, завѣщанныхъ церковно-археологическому Обществу покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ», «О результатахъ раскопокъ на усадьбѣ Кіевской Трехсвятительской церкви», «О рукописной Кормчей XV-го вѣка, пріобрѣтенной отъ священника села Васильевки, Полтавскаго уѣзда, Н. И. Рассошинскаго» и др. По нѣкоторымъ вопросамъ составлялись Обществомъ особыя коммиссіи или давались членамъ особыя порученія. Такъ, напр., въ январѣ 1885 года образована была особая коммиссія для наблюденія за выемкою земли на усадьбѣ Кіевской Трехсвятительской церкви и могущими встрѣтиться археологическими находками. Два члена пересмотрѣли свыше 35 пудовъ мѣдной монеты, вышедшей изъ обращенія, въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ, и выбрали для церковно-археологическаго музея нужные экземпляры. Два члена занимались опредѣленіемъ монетъ, приведеніемъ въ болѣе строгій порядокъ нумизматическихъ коллекцій музея и описаніемъ ихъ. Почетный членъ общества, графъ М. Вл. Толстой, принималъ участіе въ занятіяхъ предварительнаго комитета въ Москвѣ по устройству VII-го археологическаго съѣзда въ г. Ярославлѣ.

Постоянныхъ денежныхъ средствъ Общество не имѣетъ никакихъ. Но изъ разныхъ случайныхъ поступленій и пожертвованій, путемъ крайней бережливости, образовался маленькій фондъ Общества и музея, къ концу 1885 года простиравшійся свыше 2,200 р. Въ основаніе этого фонда положены были 500 р. серебромъ, единовременно пожалованные церковно-археологическому Обществу августѣйшимъ покровителемъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Церковное древлехранилище. Въ Нижнемъ Новгородѣ, при тамошней духовной семинаріи учреждается «церковное древлехранилище» для собранія и храненія древнихъ церковно-историческихъ памятниковъ Нижегородской епархіи. Цѣль новаго учрежденія—лучшее сбереженіе старопечатныхъ церковно-богослужебныхъ и другихъ церковно-славянскихъ книгъ и рукописей, древнихъ иконъ, церковной утвари и другихъ памятниковъ, служащихъ къ уясненію религіознаго быта мѣстности Нижегородской епархіи. Новое учрежденіе можетъ доставить большую пользу вообще для церковно-исторической науки и послужитъ пособіемъ для изученія русской церковной старины. Комитетъ нижегородскаго древлехранилища, по уставу новаго учрежденія, приглашаетъ всѣхъ любителей и ревнителей сохраненія древнихъ церковно-историческихъ памятниковъ принять на себя трудъ сообщать древлехранилищу свѣдѣнія о памятникахъ старины.

Десятилѣтіе «Новаго Времени». Исторія нашей журналистики еще ожидаетъ своихъ изслѣдователей, хотя мы вступили уже во второе столѣтіе со времени ея существованія на Руси. Въ началѣ царствованія Екатерины II наша періодическая печать достигла значительной степени развитія; но также быстро совершилось и паденіе ея въ концѣ этого царствованія, когда журналы, книги и отдѣльныя лица, какъ Новиковъ, Радищевъ и много другихъ, расплачивались за переворотъ, совершившійся во Франціи. О царствованіи

Павла I уже не говоримъ, но и съ эпохи благодушнаго Александра I, когда литература была окончательно закрѣпощена цензурой, черезъ все правленіе Николая I до царствованія Александра II, исторія нашей печати можетъ называться мартирологомъ русской литературы, въ которой всѣ выдающіяся произведенія являлись на свѣтъ, только благодаря монаршей благосклонности и вопреки желаній и мыслей цензуры. По исторіи періодической печати у насъ имѣются только два сочиненія: обзоръ русской журналистики эпохи Александра I и тридцатыхъ годовъ—А. П. Пятковскаго, печатавшійся въ «Современникѣ» пятидесятыхъ годовъ, да обзоръ журналовъ въ царствованіе Николая I — г. Весина, весьма неполный и поверхностный. А между тѣмъ исторія эта очень интересна и представляетъ замѣчательную иллюстрацію къ нашимъ общественнымъ и правительственнымъ стремленіямъ. Измѣненія и перипетіи, какимъ подвергались даже отдѣльныя періодическія изданія, заслуживаютъ вниманія. Такъ газета «Новое Время», основанная, въ 1868 году, гг. Киркоромъ и Юматовымъ для поддержанія помѣщичьихъ и польскихъ тенденцій, переходя постепенно черезъ руки разныхъ редакторовъ, въ февралѣ 1876 года, поступила отъ г. Трубникова къ нынѣшнему ея издателю А. С. Суворину съ 1,500 подписчиковъ, а черезъ десять лѣтъ число ихъ увеличилось почти въ двадцать разъ, такъ какъ, въ 1885 году, газета выпустила болѣе 12-ти милліоновъ листовъ. Успѣхъ этотъ доказываетъ, что газета удовлетворяетъ требованіямъ читателей, и сотрудники ея по истеченіи перваго десятилѣтія вздумали отпраздновать этотъ день, въ своемъ кругу, причемъ главнымъ лицомъ праздника былъ, конечно, тотъ, кто своими трудами и дарованіями довелъ «Новое Время» до его блестящаго положенія. Подобные праздники происходили и въ прежнее время: такъ «Голосъ» справлялъ десятилѣтіе и двадцатилѣтіе своего существованія, а за 15 лѣтъ отдалъ подробный отчетъ, въ отдѣльной книгѣ о своей журнальной дѣятельности. Въ брошюрѣ, изданной по случаю юбилея «Новаго Времени», подъ заглавіемъ: «На память о десятилѣтіи Новаго Времени», и напечатанной со всевозможною типографскою роскошью въ собственной типографіи газеты, помѣщены любопытныя статистическія данныя, относящіяся, впрочемъ, только къ внѣшней исторіи газеты, а также фотографическіе снимки съ разныхъ нумеровъ, машинъ, наружнаго зданія типографіи, портретъ А. С. Суворина и пр. Въ брошюрѣ этой, не поступавшей въ продажу, разсказаны всѣ улучшенія, сдѣланныя въ послѣднее время въ типографіи, гдѣ работаютъ 70 человѣкъ, и почти всѣ чернорабочіе пользуются безплатнымъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Съ 1884 года, открыта при типографіи на средства издателя общеобразовательная школа для наборщиковъ, гдѣ 32 ученика получаютъ элементарное и техническое образованіе по программѣ болѣе обширной, чѣмъ въ городскихъ училищахъ, пользуясь безплатно всѣми учебными пособіями. Брошюра представляетъ также любопытныя цифры суммъ по изданію газеты. За десять лѣтъ сумма эта составляетъ 3.848,106 рублей; по отдѣльнымъ статьямъ за послѣднія семь лѣтъ (за первые три года, когда соиздателемъ газеты былъ В. И. Лихачевъ, нѣтъ подробныхъ отчетовъ) расходы доходили по типографіи до 520,458 руб., за бумагу 905,419 руб., пересылку по почтѣ 272,132 руб., фальцовку 132,260 руб., гонорара сотрудникамъ 1.059,781 руб. Брошюра оканчивается «скорбною лѣтописью», изъ которой видно, что въ первый же мѣсяцъ существованія газеты на 17-мъ нумерѣ ея министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ уже розничную продажу; запрещеніе повторилось въ ноябрѣ того же года и въ слѣдующемъ году, тогда же объявлено и первое предостереженіе; въ 1878 году, новое запрещеніе розничной продажи, въ 1879—новое первое предостереженіе (прежнія были сняты, что не разъ практиковалось въ прошлое царствованіе по поводу разныхъ событій, какъ заключеніе мира и т. п.) и новое запрещеніе розничной продажи «за нарушеніе одного изъ многочисленныхъ циркуляровъ главнаго управленія

написать психическій и уголовно-юридическій трактатъ. Не смотря на изображеніе грязныхъ характеровъ и преступныхъ чувствъ, цѣль романа благотворна и полезна. Это глубокій анализъ нигилизма не политическаго, но нравственнаго.

— Любопытна и по отношенію къ Россіи историческая брошюра Ротана, появившаяся сначала въ Revue des deux mondes: «Францiя и Пруссія отъ 1867 по 1870 годъ» (La France et la Prusse de 1867 à 1870). Авторъ написалъ нѣсколько политическихъ сочиненій, возбудившихъ много шума, и былъ высланъ пруссаками изъ Альзаса за непочтительные отзывы о нѣмцахъ. Онъ большой патріотъ, но черезчуръ пристрастный къ своей родинѣ, какъ большинство французовъ, обвиняющій другія націи въ своихъ собственныхъ промахахъ и неудачахъ. Такъ и въ исторіи трехъ годовъ, предшествовавшихъ франко-прусской войнѣ, онъ обвиняетъ и Россію въ непрямодушной политикѣ по отношенію къ Франціи. «Journal de St-Pétersburg» вынужденъ былъ опровергнуть несправедливыя обвиненія Ротана, заслуживающія вниманія потому, что они рисуютъ направленіе нѣкоторыхъ классовъ французскаго общества и лучше всего объясняютъ: возможенъ ли союзъ между современной Франціей и Россіей, о которомъ мечтаютъ иные политики, возлагающіе радужныя надежды на всякіе союзы. О Пруссіи Ротанъ отзывается, конечно, въ самомъ враждебномъ тонѣ, но и о Россіи сужденія его отличаются крайнею непослѣдовательностью. Такъ онъ обвиняетъ Россію въ томъ, что она не приняла сторону Наполеона III въ его столкновеніи съ Пруссіей, хотя самъ же замѣчаетъ, что русскій императоръ, воспитанный въ ненависти къ Франціи своею матерью, дочерью королевы Луизы, и своимъ дядею, королемъ Вильгельмомъ, съумѣвшимъ совсѣмъ подчинить его своей волѣ, ничѣмъ болѣе не руководствовался, какъ чувствомъ досады, возбужденнымъ въ немъ Крымскою войною и польскимъ возстаніемъ. И, однако же, онъ, всетаки, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1867 году, и это одно уже могло служить доказательствомъ желанія сохранить дружественныя отношенія. А между тѣмъ, какъ встрѣтили его въ Парижѣ? Покушеніемъ въ Булонскомъ лѣсу и неприличною выходкою въ Palais de Justice. Да и можно ли было въ чемъ нибудь сочувствовать нелѣпой политикѣ Наполеона III? Горчаковъ, котораго Ротанъ называетъ маріонеткою, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ приверженецъ союза съ Франціей и противникъ австрійской политики Нессельроде. А Наполеонъ дѣлалъ всевозможные промахи, чтобы разстроить этотъ союзъ, выставлялъ себя защитникомъ Польши, заявлялъ претензіи то на лѣвый берегъ Рейна, то на Люксембургъ, старался тайными интригами уничтожить вліяніе Россіи въ Константинополѣ, не смотря на то, что на случай распаденія Турціи между Горчаковымъ и Тувенелемъ былъ составленъ проектъ условія о признаніи федераціи балканскихъ народностей и провозглашеніи Константинополя вольнымъ городомъ и резиденціей федеральнаго правительства. И вмѣсто того, чтобы искать расположенія Россіи, Наполеонъ обратился къ Австріи, послѣ того какъ спокойно допустилъ разбить ее при Садовѣ, а Пруссію оскорбилъ грубымъ вмѣшательствомъ въ вопросѣ о кандидатурѣ принца Гогенцолернскаго на испанскій престолъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Ротанъ не хочетъ видѣть ошибокъ Франціи, а причину ея изолированнаго положенія видитъ въ «черныхъ замыслахъ» Россіи. Вотъ ужъ истинно—сваливанье съ больной головы на здоровую!..

— Въ то время, когда нѣкоторые изъ русскихъ критиковъ находили из-

лишнимъ предпринятое г. Суворинымъ новое изданіе «Писемъ русскаго путешественника», появившееся въ прошломъ году, французы находятъ интереснымъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ сочиненіемъ нашего историка. Знатокъ русской литературы А. Легреллъ издалъ книгу «Путешествіе Карамзина по Франціи» (Karamzine. Voyage en France. 1789—1790). Подобный же переводъ писемъ, относящихся къ Франціи, сдѣланъ былъ еще въ 1867 году Порошинымъ, но г. Легреллъ совершенно справедливо находитъ этотъ переводъ тяжелымъ, неполнымъ, мѣстами искаженнымъ и потому взялъ на себя трудъ второго перевода. Французскіе критики находятъ письма эти весьма занимательными, вѣрно изображающими жизнь различныхъ классовъ общества, взволнованную наступающею революціонною бурею. «Карамзинъ, говорятъ они, вполнѣ симпатизировалъ Франціи и энциклопедистамъ, но не революціи, которой онъ не понялъ, видя только однѣ темныя стороны ея». Впрочемъ, и Легреллъ относится къ ней не весьма симпатично, судя по примѣчаніямъ, которыми обильно снабженъ его во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный переводъ.

— Событія въ Болгаріи, гдѣ князь Батенбергскій, обманывавшій Россію изъявленіями покорности и преданности, вдругъ объявилъ, что не хочетъ исполнять договора, утвержденнаго всею Европою, обращаютъ вниманіе на эту страну, о которой говоритъ Леонъ Гюгонне въ своей книгѣ «Неизвѣстная Турція. Румелія, Болгарія, Македонія, Албанія» (La Turquie inconnue. Bulgarie, Macédonie, Albanie). Авторъ былъ газетнымъ корреспондентомъ во время войны 1877 года и на мѣстѣ познакомился съ описываемыми имъ странами. Это описаніе дышетъ правдой, хотя въ немъ немного новаго: тѣ же сцены ужасовъ, повторявшіяся въ каждой войнѣ: истребленіе ни въ чемъ неповинныхъ жителей, повѣшеніе мнимыхъ шпіоновъ. Самого Гюгонне приняли за шпіона, засадили въ тюрьму, таскали по судамъ и если не повѣсили, то потому только, что онъ французъ. Глупость турецкаго управленія равняется только его двоедушію, — говоритъ авторъ. На линіи желѣзной дорогѣ, въ Ускюбѣ, служилъ русскій машинистъ. Передъ началомъ войны его отставили, на это еще была основательная причина, но затѣмъ вмѣсто того, чтобы отправить его въ Салоники, откуда онъ могъ вернуться на родину, его послали подъ стражей въ Аріанополь; тамъ его заковали, бросили въ тюрьму и приговорили къ повѣшенію — за что?— вѣдаетъ одинъ Аллахъ. По счастью, бѣдняка увидѣлъ одинъ нѣмецъ, знавшій его въ лицо, и обратился къ своему консулу, защищавшему во время войны русскихъ подданныхъ. Тотъ потребовалъ освобожденія ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Консулу нагло отвѣчали, что никакихъ русскихъ нѣтъ въ числѣ осужденныхъ, но консулъ былъ настойчивъ, самъ отправился въ тюрьму, отыскалъ бѣдняка и спасъ въ то время, когда ему надѣвали веревку на шею. Изъ Софіи въ Салоники везли 1,500 раненыхъ, но въ такихъ удобныхъ экипажахъ и съ такимъ комфортомъ, что пріѣхало только 120 человѣкъ, остальные умерли въ дорогѣ. Авторъ разсказываетъ множество подобныхъ случаевъ, и книга его возбуждаетъ интересъ, не смотря на то, что говоритъ о событіяхъ, случившихся 9 лѣтъ назадъ.

— Учитель французскаго языка въ русской гимназіи, въ Динабургѣ, Пьеръ Пёжо, напечаталъ въ Парижѣ «Нѣмецкій духъ въ языкѣ и пословицахъ, объясненный 1,200 пословицами» (L'esprit allemand d'après la langue et les proverbes avec plus de 1,200 proverbes). Авторъ старается объ-

былъ ректоромъ Варшавскаго университета съ 1869 по 1873 годъ и попечителемъ Оренбургскаго, а затѣмъ Одесскаго учебныхъ округовъ. Лавровскій извѣстенъ многими учеными сочиненіями: «О Ломоносовѣ» (1855), «Кириллъ и Меѳодій», славяне или греки (1868 г.), «Изслѣдованіе о миѳическихъ вѣрованіяхъ славянъ» (1862), «Житіе царя Лазаря» (1860), «Воспоминаніе о Ганкѣ и Шафарикѣ» (1861), «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской» (1856), «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (1852), «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго» (1869), «Русско-сербскій словарь» (1880) и др.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

По поводу изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго».

«Въ Историческомъ Вѣстникѣ», по мѣрѣ выхода въ свѣтъ томовъ изданія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго», помѣщался разборъ этихъ томовъ и сдѣланы нѣкоторыя указанія по поводу замѣченныхъ неточностей, вкравшихся при разборѣ такого громаднаго матеріала, какъ бумаги покойнаго писателя, поэта, критика, мемуариста и философа. Нынѣ, съ окончаніемъ этого прекраснаго изданія, я считаю долгомъ указать на небольшіе недосмотры, вкравшіеся въ томъ именно томѣ, гдѣ собраны поэтическія произведенія князя Вяземскаго. Нѣкоторыя стихотворенія покойнаго поэта, при незначительномъ ихъ измѣненіи, помѣщены особо, подъ различными названіями, или подъ другими датами. Привожу для примѣра:

Напечатано подъ датой 1820 г., стр. 200.

CVIII.

Къ красавицѣ уединенной.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей;
Какъ пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Повторено подъ датой 1822 года, стр. 271.

CL.

Въ альбомъ к. А. П. Т.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Иль пѣснью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мертвыя пустынный соловей,
Какъ драгоцѣнный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ насъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣетъ здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Подъ датой 1821 года, стр. 248.

CXXXVIII.

Эпиграммы.

1.

Безстыдный лжецъ, презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разсѣваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Геростратъ другой,
Безстыдствомъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю о имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣвца,—
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Подъ датой 1823 года, стр. 299.

CLXII.

Замѣтки.

3.

Надменный нуль, пигмей, крикунъ картавый,
Ты на меня задорно лѣзешь въ бой!
Тутъ есть резонъ: какъ Эростратъ другой,
Безславьемъ ты добиться хочешь славы!
Но тщетенъ трудъ: я мстительнымъ стихомъ
Не объявлю объ имени твоемъ.
Язви меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣвца,—
Хочу скорѣй я претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Подъ датой 1821 года, стр. 249.

CXXXVIII.

Эпиграммы.

7.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глаза, улыбка, видъ!
Живой Памфилъ! одна бѣда не говоритъ—
Но тѣмъ живѣе сходство!

Подъ датой 1823 года, стр. 302.

CLXV.

Къ портрету молчаливаго.

Въ портретѣ семъ блеститъ искусства превосходство.
Вотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ,—
Ну, только что не говоритъ,
И тѣмъ живѣе сходство.

Очевидно, это варьянты, и ихъ слѣдовало помѣстить или въ выноскахъ, или въ примѣчаніяхъ къ этому тому. Во всякомъ случаѣ, при слѣдующемъ

изданіи, необходимо пересмотрѣть болѣе тщательно поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго и сохранить только тѣ, за которыми будетъ признана окончательная редакція. Мѣра эта тѣмъ болѣе желательна, что, кромѣ приведенныхъ выше, есть еще нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ только что оконченномъ изданіи вдвойнѣ.

П. Мартьяновъ.

Къ «Воспоминаніямъ» графа Сологуба.

Считаю необходимымъ просить васъ исправить примѣчаніе, сдѣланное графомъ Сологубомъ въ 2 главѣ его «Воспоминаній», напечатанныхъ въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника».

Почтенный авторъ пишетъ, что одинъ казакъ-старожилъ, говоря ему въ Новочеркасскѣ о посѣщеніи, въ 1852 году, Донской области покойнымъ императоромъ Александромъ II, въ бытность его наслѣдникомъ престола, замѣтилъ:

— «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи; вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы наши видали царя Петра III (Пугачева?), мы больше царей не видали у себя!» — «Это,—прибавляетъ графъ Сологубъ,— доказываетъ, какъ еще смутно въ народѣ того края мнѣніе о самозванцѣ».

Прежде всего, покойный императоръ Александръ Николаевичъ, въ бытность наслѣдникомъ, два раза посѣтилъ Донской край: въ 1837 году, вмѣстѣ съ императоромъ Николаемъ I, который въ это время вручилъ ему знаки атаманскаго достоинства и ввелъ его въ войсковой кругъ, и въ 1850 году. Въ 1852 году онъ ни въ Донской области, ни въ Новочеркасскѣ не былъ. Далѣе. Странно, что казакъ-старожилъ, да еще, какъ видно, и новочеркасскій, могъ забыть нѣсколько однородныхъ и даже болѣе замѣтныхъ событій. Въ 1825 году, посѣтилъ Донской край императоръ Александръ I, которому въ Новочеркасскѣ, предъ его пріѣздомъ, воздвигнуто двѣ, капитальной постройки, тріумфальныхъ арки на противоположныхъ концахъ города, сохранившіяся до сего времени. Прошелъ незамѣченнымъ для новочеркасскаго старожила и пріѣздъ на Донъ императора Николая I съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ октябрѣ 1837 года; въ ту пору, со всего Дона, было собрано въ Новочеркасскѣ нѣсколько десятковъ казачьихъ полковъ, которымъ государь дѣлалъ смотръ. Кромѣ того, императору въ то же время представлялись казачьи депутаціи если не отъ всѣхъ, то отъ большинства станицъ Донской земли.

Сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы не придать никакой цѣны словамъ старожила, выразившаго, по замѣчанію графа Сологуба, мнѣніе жителей Дона о самозванцѣ Пугачевѣ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что Емельянъ Пугачевъ, сравнительно, мало занимаетъ мѣста въ донскихъ народныхъ преданіяхъ, такъ какъ вся историческая дѣятельность его прошла на Волгѣ и Уралѣ, гдѣ онъ, если можно такъ выразиться, несравненно популярнѣе, или, лучше сказать, извѣстнѣе, чѣмъ на Дону. Здѣсь сохранились о немъ преданія не первоначальныя, а скорѣе позаимствованныя съ Поволжья. Самозванческая дѣятельность его на Дону почти не проявлялась, и не будь онъ донской казакъ Зимовейской станицы, здѣшнія преданія о немъ были бы также смутны, какъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыхъ не коснулась его агитаторская работа.

Алексѣй Карасевъ.

ГРАФЪ В. А. СОЛЛОГУБЪ.

Съ литографіи Мюллера въ Карлсруэ, 1843 года.

Дозв. ценз. Спб., 24 Апрѣля 1886 г.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

(Опытъ характеристики).

ЛИЧНОСТИ царя Алексѣя Михайловича писано не разъ. Издано много его писемъ и бумагъ, составлена біографія (Хмыровымъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 года), даны характеристики (С. М. Соловьевымъ въ XII т. «Исторіи Россіи» и И. Е. Забѣлинымъ въ «Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи»). Но изображеніе личности допускаетъ бо́льшія варьяціи, чѣмъ изображеніе факта. За характеристиками Соловьева и Забѣлина могутъ послѣдовать новыя, основанныя на томъ же матеріалѣ, но дающія иныя точки зрѣнія и новую оцѣнку личности. Болѣе совершенная разработка эпохи дастъ и болѣе вѣрное представленіе о ея дѣятелѣ. Послѣднее слово о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, конечно, еще не сказано и не скоро будетъ сказано. Поэтому мы думаемъ, что представляемый нами очеркъ написанъ не на устарѣлую тему.

Реформа русской жизни, съ такою быстротой и рѣзкостью проведенная Петромъ Великимъ, надолго заслонила отъ взглядовъ потомства до-Петровскую Русь. То, что было до Петра, для многихъ представлялось лишеннымъ всякаго историческаго интереса, и многимъ казалось [1]), что только дѣлами Петра начиналась историческая жизнь въ Россіи. Титаническая личность царя-преобразова-

[1]) Напр., Бѣлинскому, въ его статьѣ по поводу Котошихина (Соч. т. IV).

теля, съ его безпримѣрной энергіей, громадными душевными силами и замѣчательнымъ разнообразіемъ дѣятельности затмевала собой его предшественниковъ—московскихъ государей XVII вѣка, величавыхъ и спокойныхъ, закрытыхъ отъ глазъ толпы строго размѣреннымъ чиномъ московской придворной жизни. Для многихъ послѣдующихъ поколѣній время Петра представлялось эпохой, оторванной отъ всей предыдущей исторіи, а личность Петра — одиноко стоящей въ ряду русскихъ монарховъ XVII вѣка по стремленіямъ и дѣятельности.

Но мало-по-малу воззрѣнія мѣнялись. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская наука дошла до убѣжденія, что до-Петровское время и реформа Петра тѣсно связаны между собой, что втеченіе XVII вѣка «обозначились явно новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія» [1]). Изученіе XVII вѣка получило особенный интересъ именно съ точки зрѣнія подготовленія къ реформѣ. Стало ясно, что самъ преобразователь Петръ воспитался въ понятіяхъ не совсѣмъ противоположныхъ его дѣятельности, что онъ имѣлъ на своемъ пути предшественниковъ. Пристальный взглядъ изслѣдователя уже въ половинѣ XVII вѣка найдетъ слѣды двухъ теченій въ культурной жизни нашихъ предковъ: сыщетъ новаторовъ, какъ извѣстный бояринъ Матвѣевъ, и стародумовъ, какъ первые расколоучители; сыщетъ такихъ беззавѣтныхъ поклонниковъ просвѣщенія, какъ Ѳ. М. Ртищевъ, и противниковъ этого самаго просвѣщенія, говорящихъ, что въ греческой и латинской грамотѣ «еретичество есть». Кіевская и греческая наука, принесенная въ Москву въ XVII вѣкѣ учеными монахами, жизнь людной «нѣмецкой» колоніи въ Москвѣ, торговля и дипломатическія сношенія съ Западомъ, военныя и иныя заимствованія у иностранцевъ,—все это очень затрогивало москвичей, широкой струей вносило иноземное вліяніе въ московскую жизнь, настойчиво будило культурный вопросъ и порождало опредѣленныхъ сторонниковъ и противниковъ новшествъ. Нельзя никакъ сказать, что передъ эпохою Петра Московское государство было въ состояніи спокойной, самодовольной косности. Цѣлое поколѣніе людей, предшествовавшее Петру, выросло и прожило среди борьбы старыхъ понятій съ новыми вѣяніями, которыя были еще слабы, но съ каждой минутой крѣпли. Вопросъ объ образованіи и о заимствованіяхъ съ Запада родился раньше Петра: онъ стоялъ уже опредѣленно при его отцѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Безусловно справедливо замѣчаніе С. М. Соловьева, что ходъ преобразованія, при особенностяхъ русской жизни, долженъ былъ зависѣть отъ личности государя и начаться его иниціативой. Если

[1]) Сочиненія С. М. Соловьева, I, 84.

пылкая, энергичная личность Петра сдѣлала его реформу быстрымъ и рѣзкимъ переворотомъ, если впечатлѣнія его дѣтства, бурнаго и не вполнѣ счастливаго, отразились крайностями въ нѣкоторыхъ мѣрахъ Петра, то личностью Алексѣя Михайловича, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять многія особенности его эпохи. Поэтому личность царя Алексѣя, дающая очень интересный матеріалъ для психологическаго этюда, представляетъ для насъ не одинъ психологическій интересъ. Царь Алексѣй, какъ образованный человѣкъ своего времени, стоялъ лицомъ къ лицу со всѣми вопросами, трогавшими тогдашнее общество; онъ шелъ навстрѣчу новшествамъ, вводилъ ихъ въ свою частную жизнь и въ то же время оставался въ высшей степени православнымъ и въ высшей степени московскимъ человѣкомъ. И новаторы, и старыхъ воззрѣній люди могли считать его своимъ, но въ сущности царь Алексѣй не принадлежалъ всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: онъ стоялъ въ серединѣ всѣхъ движеній въ московскомъ обществѣ, но самъ не двигался ни въ какую сторону. Отчасти, быть можетъ, поэтому въ его царствованіе культурный вопросъ не нашелъ своего разрѣшенія, хотя уже чувствовалась близость и необходимость реформы.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ вполнѣ противоположны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ той иниціативы, какая отличаетъ характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, спокойной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна мирной и мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать въ себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возроста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возроста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бор. Ив. Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтирь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти лѣтъ стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь «нѣмецкаго дѣла», были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя, словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка—«нѣмецкіе печатные листы», т. е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обу-

ченіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодаго царя: онъ замѣнилъ ему отца. Дальнѣйшіе годы жизни Алексѣя Михайловича дали ему много впечатлѣній, много опыта. Занятія государственными дѣлами, необычныя волненія 1648 года, путешествіе въ 1654—1655 годахъ за границы государства, въ сторону, завоеванную у поляковъ, близость къ одному изъ крупнѣйшихъ людей вѣка—Никону,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, образовало въ немъ цѣльный и стройный характеръ. Царь возмужалъ и изъ мальчика, доступнаго всякому вліянію, сталъ человѣкомъ очень опредѣленнымъ, съ оригинальной умственной и нравственной физіономіей.

Современники очень любили царя Алексѣя. Самая наружность царя очень говорила въ его пользу. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта, взглядъ этихъ глазъ никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, окаймленное русой бородой, было добродушно-привѣтливо и въ то же время серьёзно и важно, а полная, даже черезчуръ полная фигура его сохраняла всегда чинную и важную осанку. Но царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: не личная гордость создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана; этимъ сознаніемъ царь былъ полонъ.

Симпатичная наружность отражала такую же симпатичную душу. Современники иностранцы, независимые отъ царя Алексѣя люди (Коллинсъ, Рейтенфельсъ, Лизекъ), въ одинъ голосъ говорятъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что это былъ рѣдкій монархъ и человѣкъ: «такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». «Гораздо тихимъ» зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ «Уложеніе сокольничья пути», т. е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ оффиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и

откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, на сколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная

Царь Алексѣй Михайловичъ.

душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ любимомъ его монастырѣ. Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ буйства простаго монаха: «до слезъ стало; видитъ Чудотворецъ, что во

мглѣ хожу»,—пишетъ онъ монаху по поводу его поведенія. Отъ своей впечатлительности царь Алексѣй могъ легко вспылить, могъ браниться по совершенно пустому дѣлу. Но гнѣвъ его также скоро уходилъ, какъ легко приходилъ. Являлось раскаяніе, и, по своей добротѣ, царь не зналъ, какъ мириться съ тѣмъ, кого обидѣлъ. Онъ безъ мѣры ласкалъ старика Родіона Стрѣшнева, послѣ того какъ въ запальчивости обидѣлъ его не одними только словами. Тестя своего Милославскаго государь однажды собственноручно «смирилъ» за неумѣстное и грубое хвастовство; но какъ ни сильно на этотъ разъ вспыхнулъ «гораздо тихій» царь, его дальнѣйшія отношенія къ Милославскому не измѣнились, и ссора прошла безслѣдно. Даже въ такой крупной размолвкѣ, какая была у царя съ Никономъ, послѣ удаленія Никона изъ Москвы въ 1658 году, Алексѣй Михайловичъ старается установить съ патріархомъ такія отношенія, которыя бы не напоминали о ссорѣ: онъ забываетъ свою обиду и засылаетъ къ Никону съ лаской «спросить о здоровьѣ»: ему просто непріятно имѣть врага или казаться чьимъ нибудь врагомъ.

Доброта царя съ другой стороны вызывала постоянное благотвореніе: при дворцѣ всегда жили убогіе «старики богомольцы» и «Христа-ради-юродивые»; отъ имени царя раздавалась щедрая милостыня, и по праздникамъ дѣлались обильные «кормы»; Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, подавалъ тамъ милостыню «несчастнымъ» и нерѣдко освобождалъ преступниковъ отъ наказаній. Онъ не могъ равнодушно видѣть страданій другихъ, всегда утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе, чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо царя къ князю Одоевскому по поводу смерти его сына,—письмо, полное самыхъ теплыхъ дружескихъ утѣшеній, на какія способенъ только глубоко добрый человѣкъ.

Эта доброта Алексѣя Михайловича постоянной и неизмѣнной чертой добродушія отражалась на лицѣ и на внѣшнемъ обращеніи царя; она сказывалась и въ ласковой рѣчи, и въ свѣтлой беззлобной шуткѣ, которую очень любилъ царь Алексѣй. Добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ отношеніи къ людямъ: онъ могъ иногда казаться безхарактернымъ человѣкомъ. Отлично понимая людей, видя всѣ ихъ недостатки, онъ просто по добротѣ душевной терпѣлъ ихъ около себя, какъ, напримѣръ, уже помянутаго нами Милославскаго, много разъ скомпрометированную личность. Добродушіе царя Алексѣя помогало ему легко смотрѣть на рѣзкія выходки извѣстнаго Ордина-Нащокина, талантливаго дипломата и администратора, но тяжелаго и обидчиваго человѣка. Властолюбивый Никонъ пользовался большимъ вліяніемъ на государя, и добродушный Алексѣй Михайловичъ оказывалъ этому вліянію только пассивное сопротивленіе. Лишь изрѣдка, въ мимолетномъ порывѣ гнѣва, царь сердился

на Никона и тогда въ глаза называлъ его «мужикомъ» и «глупымъ человѣкомъ». Стать независимо отъ Никона царю долго мѣшалъ недостатокъ характера, но что царь Алексѣй былъ не безхарактерный человѣкъ, это показываетъ судьба того же Никона. Разъ лишивъ его своей симпатіи, Алексѣй Михайловичъ уже никогда не поддавался обаянію своего стараго авторитета, хотя много разъ случай создавалъ къ этому поводъ.

Такова была природа царя: живая, впечатлительная и мягкая въ высшей степени. Любовь къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны въ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьёзныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ непохожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержаніемъ. Высказывался онъ чрезвычайно легко, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе развило въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обряду и поэтому очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и вы-

сокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ, и пріятнымъ, и полезнымъ. Однако, при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; дѣло только въ томъ, что его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло несомнѣнно дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое нами письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно добрый и деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія и способность нравственно оцѣнить свое положеніе и обязанности сказывается въ царѣ Алексѣѣ и тогда, когда онъ былъ душеприказчикомъ патріарха Іосифа и не рѣшался ничего ни взять, ни купить себѣ изъ вещей патріарха. Его очень прельщала серебряная посуда покойнаго, но онъ «воздержался», и писалъ объ этомъ Никону, что онъ ничего не хочетъ покупать. «Не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно: а се какой я буду прикащикъ — самому мнѣ (вещи) имать, а деньги мнѣ платить себѣ же». Такая нравственная щекотливость — замѣчательное явленіе для того вѣка.

За то не стѣснялся царь Алексѣй Михайловичъ, если ему случалось кого нибудь не утѣшать, а наставлять и бранить. Тогда онъ въ своихъ посланіяхъ имѣлъ обычай очень пространно доказывать вину, показывать, противъ чего именно и на сколько сильно погрѣшилъ виновный. Рѣчь царя въ этихъ случаяхъ была строгой нравственной сентенціей, подчасъ довольно рѣзкой, но всегда

доказательной. Въ такихъ посланіяхъ особенно ярко сказывается, какъ много и основательно царь размышлялъ. Въ его умѣ были на столько ясны всѣ его философско-нравственныя воззрѣнія, что всякій частный случай онъ легко подводилъ подъ общія нравственныя понятія и безъ труда оцѣнивалъ его съ точки зрѣнія своего міросозерцанія. Трудно, конечно, возстановить это міросозерцаніе. Оно отдѣльными мыслями, иногда простыми намеками сквозитъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Возьмемъ нѣкоторые примѣры. Выходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ, напримѣръ, ясное понятіе о значеніи своей власти въ государствѣ, какъ власти, исходящей отъ Бога и назначенной для того, чтобы «разсуждать людей въ правду» и «безпомощнымъ помогать». Въ одномъ изъ писемъ къ Одоевскому царь размышляетъ, «какъ жить мнѣ государю и вамъ боярамъ», и пишетъ: Богомъ и государю, и боярамъ даровано «люди... разсудити въ правду, всѣмъ равно». И роль боярства при государѣ, такимъ образомъ, царь Алексѣй объясняетъ по своему. Вотъ и другой примѣръ: во время путешествія Никона за мощами митрополита Филиппа въ Соловки въ 1652 году Никонъ принуждалъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей держать себя помонашески. Государь унималъ религіозное рвеніе Никона на томъ основаніи, что «никого де (онъ) силою не заставитъ Богу вѣровать».

При постоянномъ религіозномъ настроеніи, при постоянной вдумчивости была въ царѣ Алексѣѣ Милайловичѣ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности и многое въ немъ объясняющая: онъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника, кромѣ обычнаго удовольствія охоты, соколиная потѣха удовлетворяла въ Алексѣѣ Михайловичѣ и чувству красоты. Въ своемъ Сокольничьемъ уложеніи онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ различныхъ охотничьихъ птицъ, о красотѣ птичьяго лета и боя, о внѣшнемъ изяществѣ сокольниковъ. Ясно, что для него занятіе охотой составляло высокое эстетическое наслажденіе. То же чувство красоты заставляло его увлекаться внѣшнимъ благолѣпіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ. Внѣшность всякаго рода торжествъ и церемоній всегда занимала царя именно съ этой точки зрѣнія. Большой эстетическій вкусъ его сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ — обычный типъ великорусскаго пейзажа — такъ соотвѣтствуетъ характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключала удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комидійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя»,—пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ:—«будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». Такимъ образомъ въ глазахъ Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и этотъ взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по его мнѣнію, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ Одоевскаго не плакать о смерти сына: «Нельзя, что (бъ) не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно,—да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать». Но если жизнь—не тяжелое, мрачное испытаніе, то она и не сплошное наслажденіе для царя Алексѣя: цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ; въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь говоритъ своимъ сокольникамъ: «правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ». Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него, всетаки, только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, «чинъ». «Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна,—никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ». Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича—залогъ успѣха во всемъ: «безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье»,—говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, и кругомъ все было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя строгій аскетизмъ съ чистыми и мирными наслажденіями.

Такова была личность Алексѣя Михайловича, богаче всего одаренная сердцемъ, бѣднѣе—твердой волею. Казалось бы, что его царствованіе должно было быть мирнымъ и тихимъ временемъ для Московскаго государства, а между тѣмъ теченіе историческо жизни поста-й

вило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри, и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная,— все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и, всетаки, бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣла справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на должной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство,—для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи, во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродушная и важная личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ руководитъ работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ полнымъ пониманіемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного быстраго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякое дѣло онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе ему настойчиво ставитъ жизнь; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой иниціативы, какой отличался Петръ. Тѣмъ не менѣе крупный умъ царя Алексѣя былъ видѣнъ не только его современникамъ, но и современникамъ эпохи Петра. Не даромъ въ самую пору преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгоруковъ равнялъ дѣла Алексѣя съ дѣлами Петра и говорилъ Петру: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ».

С. Платоновъ.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ[1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XXV.

ПРОШЛО нѣсколько дней. Благодаря іюльскимъ жарамъ и раскаленной окрестности отъ палящаго солнца, въ городѣ было тише обыкновеннаго. Большинство обывателей вылѣзало изъ домовъ только въ сумерки. Одна необходимость заставляла людей двигаться среди дня въ городѣ, какъ въ кремлѣ, такъ и на разныхъ слободахъ. Только въ инородческой слободѣ, гдѣ проживали хивинцы, бухарцы и всякіе азіаты, бывало движеніе какъ зарядъ. Видно, азіатамъ жарища и духота были не почемъ. Они хвастались, что у нихъ на родной сторонѣ развѣ эдакъ солнце-то печетъ и жаритъ. Птица, сказывали, на лету жареная падаетъ,— коли подходящая, такъ прямо въ ротъ клади.

Наступилъ праздникъ, весело справляемый всегда по всей Руси— Ильинъ день. Въ Астрахани, какъ вездѣ на Руси, ждали въ этотъ день, что Илья пророкъ прокатится на своихъ коняхъ по небу, загрохочетъ его колесница и полымя изъ-подъ колесъ ея упадетъ съ неба на землю, а за ней и вода небесная польется, чтобы бла-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 41.

годатно освѣжить заморенныхъ астраханскихъ обывателей. На этотъ разъ солнце поднялось, взошло на небо, пекло и жарило, какъ всякій день, и ни единаго облачка не видѣлось нигдѣ, ни единаго раската грома не слыхать было даже вдали, хоть бы за 100—200 верстъ.

За то легкіе раскаты инаго грома чуть-чуть загремѣли рано утромъ. Нежданно загудѣлъ народъ на томъ самомъ людномъ и богатомъ базарѣ, къ которому примыкало два каравансерая, хивинскій и персидскій. Скоро гулъ разнесся по городу, по всѣмъ слободамъ.

Поддьякъ Копыловъ привелъ утромъ на базаръ чтецовъ приказныхъ, и они на четырехъ разныхъ языкахъ прочли что-то въ народѣ. Ровно мѣсяцъ прособирался Пожарскій съ своимъ объявленьемъ.

Ближайшіе ряды въ толпѣ слышали въ чемъ дѣло, остальные ничего не слыхали. Изъ четырехъ чтеній только одно могло быть понятно, такъ какъ сдѣлано было знакомымъ подьячимъ приказной избы и на своемъ россійскомъ языкѣ. Остальныя три чтенія невѣдомыхъ инородцевъ были — что тебѣ собачій лай. Они были сдѣланы, очевидно, для инородцевъ и иностранцевъ астраханскихъ. Но и изъ русскаго чтенія или оповѣщенія только ближайшіе коечто намотали себѣ на усъ, да и то, оказалось, по-своему. Вся же громада, всѣ стоявшіе вдалекѣ отъ чтецовъ, только переспрашивали у слышавшихъ:

— Что чтутъ? Что за повѣщеніе?..

Въ первыхъ рядахъ, увѣдомленные изъ кремля заранѣе и тайно, стояли всѣ тѣ молодцы, что̀ часто посѣщали домъ Носова. Самъ Грохъ ближе всѣхъ подвинулся къ чтецамъ, и тутъ же были кругомъ съ разныхъ сторонъ: Барчуковъ, Лучка, стрѣлецъ Быковъ, Колосъ и многіе другіе согласники.

Поддьякъ Копыловъ и чтецы, сдѣлавъ указанное имъ начальствомъ, пошли восвояси, въ кремль. Конечно, ихъ по дорогѣ останавливали и разспрашивали:

— Скажи на милость, о чемъ такое вы чтили?

Но поддьякъ отвѣчалъ только руганью или крѣпкой прибауткой.

— Глухому попъ двухъ обѣденъ не служитъ, — говорили сами опрашивавшіе и не получившіе отвѣта, какъ бы сами себя упрекая въ томъ, что проморгали объявленіе начальства. Что же дѣлать? Надо было идти спрашивать тѣхъ, кто слышалъ и кому вѣдомо оповѣщеніе.

Составилось на базарѣ нѣсколько кучекъ, и въ этихъ кучкахъ нѣсколько человѣкъ, извѣстныхъ за хорошихъ и мирныхъ граждáнъ городскихъ, объясняли любопытнымъ, въ чемъ состояло «опубликованіе». А состояло оно въ слѣдующемъ.

Царь уѣхалъ въ Нѣмецію жениться и оставилъ своимъ намѣстникомъ надъ православнымъ государствомъ своего главнаго любимца Данилу Меньшикова и указалъ ему, за отсутствіемъ его царскимъ, произвести по всей Россіи передѣлъ: раздѣлить матушку Русь на четыре части и въ каждой особаго царька или хана посадить. Эти царьки Данилой Меньшиковымъ уже избраны въ Москвѣ и въ соборахъ мѵромъ помазаны и на власть посажены! А имена ихъ были оповѣщены. Перваго звать Архидронъ, втораго Протодронъ, третьяго Мендронъ, а четвертаго просто Дронъ. Всѣ они четверо бояре именитые, свейскаго происхожденія, съ усами, но безъ бородъ, носятъ косы на манеръ индѣйцевъ или китайцевъ, одѣваются же побабьи, въ юбки. Нравомъ они всѣ строгіе, а пуще всѣхъ злючъ Дронъ, чисто кровопивецъ. Вотъ онъ-то ужъ и началъ править той четвертой частью матушки Россіи, къ которой и Астрахань съ городами приписана.

— О-о-охъ! — стономъ стояло въ рядахъ слушающихъ.

Маловѣрные люди отъ одного разсказчика, отъ одной кучки перебѣгали къ другой, опрашивали вновь, отъ кучки Колоса бѣжали къ кучкѣ Носова, отъ Носова къ третьей, гдѣ пояснялъ публикованіе ловкій Партановъ, или всѣмъ знаемый и всѣми уважаемый стрѣлецъ Быковъ. И повсюду слышали они то же самое опубликованіе начальства. Точка въ точку говорили одно и то же всѣ пояснители.

— Ну, что жъ! Пущай дѣлятъ Русскую землю! Эка важность!..

Но это было вѣдь не все... Молнія полыснула въ народъ отъ «пустяковины», отъ перваго распоряженія этихъ четырехъ царьковъ. А по государеву же указу, самими царьками всенародно объявлялось, что семь лѣтъ не дозволяется свадебъ играть и русскихъ дѣвокъ замужъ выдавать. А всѣхъ россійскихъ дѣвицъ, кромѣ боярскихъ, какъ-то: стрѣлецкихъ, посадскихъ, купеческихъ или какихъ прочихъ, — не иначе выдавать какъ за нѣмцевъ. А въ тѣ мѣста россійскія, гдѣ нѣмцевъ недочетъ или совсѣмъ въ наличности они не имѣются, — въ тѣ мѣста царь указалъ, якобы какой провіантъ, доставлять нѣмцевъ на подводахъ. Первый караванъ такихъ нѣмцевъ уже идетъ. На пути въ Астрахань везутъ на подводахъ болѣе сотни всякихъ нѣмцевъ и молодыхъ, и старыхъ, и большихъ, и махонькихъ. Съ ними ѣдетъ секретарь, два свейскихъ попа и везутъ свои вѣнцы свадебные, треугольные, чухонскіе. Какъ обозъ въ Астрахань придетъ, такъ сейчасъ всѣхъ дѣвицъ астраханскихъ, какія найдутся съ четырнадцати и до 35-тилѣтняго возроста включительно, тѣ свейскіе попы повѣнчаютъ съ нѣмцами. А секретарь все это на бумагу письменами положитъ, учиняя симъ свадебную крѣпость для врученія кому слѣдъ по начальству, во избѣжаніе какого обмана. Вѣнчать будутъ, вѣстимо, не въ храмахъ православныхъ, а тутъ на базарной площади, при

чемъ въ этихъ самыхъ треугольныхъ вѣнцахъ будутъ брачущихся водить вокругъ корыта, со свинымъ толокномъ. А бракъ сей, конечно, будетъ почитаться святъ и ненарушимъ во вѣки вѣковъ. А кто будетъ перечить изъ родителей, тѣхъ брать и въ яму сажать. Нѣмцы, предназначаемые для астраханскихъ дѣвицъ, надо полагать по разсчету времени, уже доѣхали до Царицына. Черезъ недѣлю, Богъ дастъ, будутъ они въ Астрахани...

Какъ бы шибко въ этотъ день Илья пророкъ ни прокатился по небу, никогда колесница его не загрохотала бы такъ, какъ рявкнулъ, ошалѣвъ отъ этого оповѣщенія, и безъ того дикій, а теперь совсѣмъ одичалый народъ. Все съ базара разсыпалось по городу и засновало изъ дома въ домъ. Пуще всего шумѣли, шарахались и кричали въ тѣхъ домахъ, гдѣ были дѣвицы невѣсты. Такіе домы, какъ домъ Сковородихи, стонали, ходуномъ ходили.

— Что жъ тутъ дѣлать? Мати Божія! Господь Вседержитель! Что жъ тутъ дѣлать? — было на всѣхъ устахъ.

Новые царьки и дѣлежъ матушки Россіи на четыре части—это все дѣло постороннее, да и мало любопытное... Это что за важность! Пускай себѣ правитъ какой Архидронъ или просто Дронъ. Пожалуй, хуже и не будетъ! Всего перепробовали уже, ничѣмъ не напугаешь. Прикажутъ уши рѣзать—будутъ рѣзать и себѣ, и своимъ домочадцамъ. Разъ обрѣзалъ, смотришь, живо и попривыкъ, сдается даже, будто безъ ушей много ловчѣе и повадливѣе. Таковъ русскій человѣкъ—добронравный и податливый. Но отдать родимое дѣтище, дочь, за какого-то нѣмца, котораго везутъ на подводахъ, имѣть въ домѣ на всю жизнь зятемъ какое-то чудище, вѣнчать своего ребенка на базарѣ, водя вокругъ свинячьяго толокна вмѣсто аналоя въ храмѣ Божьемъ!

Да что же это такое!?

Стоялъ свѣтъ, будетъ стоять, а эдакого не было и не будетъ! Право, эдакъ и свѣтъ-то не устоитъ. Скоро его преставленіе учинится.

Сказываютъ, что нѣмцы эти на видъ очень страшны. У малыхъ дѣтей отъ нихъ родимчикъ дѣлается, а у старыхъ людей съ напугу ноги отнимаются. Отъ всякаго такого нѣмца на пятьдесятъ верстъ кругомъ запахъ стоитъ, смрадъ. Почитай, какъ какой гарью пахнетъ, на подобіе какъ отъ паленой свиньи. Каково эдакого-то мужа получить или эдакого зятя! Что же тутъ дѣлать? Развѣ руки на себя накладывать? Больше дѣлать нечего.

Какъ легкій шопотъ среди кричащихъ голосовъ раздавались усовѣщеванія нѣкоторыхъ умниковъ, обзываемыхъ маловѣрами.

— Не можетъ статься. Мало что врутъ!—говорили маловѣры робко.

— Да развѣ это слухъ?—былъ отвѣтъ.—Это не слухъ какой, вѣдь это чтено было, публикованіе о томъ было подьякомъ. Вонъ онъ недалеко въ кремлѣ. Пойди да опроси.

Маловѣры не шли, конечно, къ поддьяку, зная, что онъ выгонитъ всѣхъ, пришедшихъ за разъясненіемъ, въ три шеи, а то и въ холодную посадитъ.

Къ вечеру Ильина дня не было дома, въ которомъ бы не знали о новомъ провіантѣ, слѣдующемъ изъ столицы по пути въ Астрахань, также какъ и въ другіе города.

Въ тотъ же вечеръ во многихъ домахъ нѣкоторыя крѣпкія головы додумались, наконецъ, до того, что дѣлать. Было одно только спасеніе: скорѣе разыскать для всякой дочери какого ни на есть жениха, хоть даже изъ неподходящихъ, да только русскаго и православнаго, и поскорѣе повѣнчать! Не будутъ же потомъ разводить и, всетаки, съ нѣмцемъ на базарѣ вокругъ корыта водить. Да объ этомъ ничего и публиковано не было. Сказано—всѣхъ дѣвицъ вѣнчать, и которая ужъ замужемъ, той не тронутъ. Нельзя же отнимать жену отъ мужа. А вѣнчать дѣвицъ до привоза нѣмцевъ запрета нѣтъ, о томъ читано ничего не было.

Если было смущеніе и шумъ во всѣхъ домахъ, гдѣ были дочери невѣсты, то въ нѣкоторыхъ за то сами дѣвицы бѣсились и затѣмъ всю ночь въ безсонницѣ радостной метались на постеляхъ. Такъ было въ домѣ Сковородихи.

Пять дѣвицъ-сестрицъ ликовали. Онѣ давно были увѣрены, что тучная и лѣнивая родительница заѣстъ ихъ вѣкъ и не выдастъ никогда ни за кого замужъ. На счетъ Машеньки, недавно просватанной за князя Бодукчеева, Сковородиха тоже уже готова была идти на попятный дворъ. А чего же лучше, важнѣе и именитѣе такого жениха?

Теперь же, благодаря неожиданному публикованію на базарѣ, пять сестрицъ крѣпко надѣялись, что не пройдетъ пяти дней, какъ мать отдастъ ихъ за кого ни на есть, лишь бы только выдать за русскаго, а не за такихъ зятьевъ, отъ которыхъ палёной свиньей пахнетъ.

Даже середи ночи во многихъ домахъ двигались: очевидно, не спалось хозяевамъ.

Много слуховъ и вѣстей, много и указовъ молодаго царя пережила Астрахань, а такого смятенія не проявлялось еще никогда.

Вся сила послѣдняго громоваго удара была въ томъ, что невольное исполненіе обывателями новаго указа—было не за горами. А съ другой стороны можно было и избѣжать его исполненія. Все дѣло въ спѣхѣ, въ ловкости.

— Обернись живо. Не зѣвай. И все, слава Богу, будетъ. Нѣмцы-то ѣдутъ, недалече... Да вѣдь обвѣнчаться тоже одинъ часъ нуженъ!

Объяви чтецы на базарѣ, что нѣмцевъ пришлютъ де въ городъ осенью или зимой, обыватели немного погорланили бы, пошвырялись и успокоились до времени. А то бы помаленечку и привыкли къ новости — имѣть зятемъ нѣмца. А тутъ не то!... Тутъ вдругъ,

сразу ахнула вѣсть! Подумать даже некогда. А зѣвать нельзя. Пройдетъ дня три, четыре, и прибудутъ женишки царскіе въ гости. И милости просимъ на свадьбу толоконную!...

XXVI.

Понятно, что у Сковородихи домъ вверхъ дномъ... Стрѣльчиха опалѣла отъ перепуга. Глашенька была одна изъ всѣхъ дочерей спокойна, разсуждая, что уже лучше выйдти замужъ за нѣмца, чѣмъ ни за кого. Она, благодаря увѣреніямъ маменьки и Айканки, была убѣждена, что ей за астраханца выходить замужъ совсѣмъ нельзя. А нѣмецъ иное дѣло! Тутъ все съ рукъ сойдетъ! Всѣ остальныя сестрицы ликовали, что въ виду «такой ужасти» мать рѣшится немедленно всѣхъ ихъ перевѣнчать.

— Воздай Господь царю сторицею за эдакій указъ!—молились онѣ. Дѣйствительно, Сковородиха совѣщалась съ Айканкой на счетъ того, какъ имъ быть. Найдти заразъ четырехъ жениховъ было довольно мудрено. Спасибо еще, что князь Бодукчеевъ беретъ за себя одну. Старая Айканка бралась дѣло какъ нибудь уладить, надѣясь на то, что у каждой изъ дѣвицъ есть хорошее приданое.

— Только ты не раздумывай, мать моя, и коли найду я жениховъ, то не пяться назадъ.

— Гдѣ пятиться, помилуй Богъ.

— А то вѣдь ты сейчасъ на попятный, у тебя семь пятницъ на одной недѣлѣ.

— Нѣтъ, Айканка, не тѣ обстоятельства, гдѣ уже теперь. Сдѣлай милость,—умоляла стрѣльчиха.—Надо скорѣе дѣло обдѣлывать. Шутка ли, если мы запоздаемъ, да будетъ у меня столько зятьевъ нѣмцевъ. И одинъ-то, сказываютъ, нестерпимъ, и съ одного запаха его захвораешь. Каково же мнѣ будетъ отъ четырехъ?

Не смотря на свою увѣренность, Сковородиха, всетаки, тайно надѣялась, что царскій указъ будетъ еще, гляди, и отмѣненъ. Нѣмцы хотя и ѣдутъ, да, можетъ быть, и не пріѣдутъ. Все это, гляди, и обойдется, можно будетъ женихамъ и отказать.

Айканка, разумѣется, догадывалась, что лѣнивая стрѣльчиха, поручавшая ей немедленно найдти четырехъ жениховъ, можетъ вдругъ насрамить; тогда ее, Айканку, не одинъ, такъ другой, повстрѣчавъ гдѣ нибудь въ переулкѣ, и отдуетъ за облыжное сватовство.

Но на счастье дѣвицъ на утро у нихъ явился Партановъ и привелъ съ собой приказнаго писца. Онъ заявилъ, что пришелъ писать «рядную запись». Сковородиха, дѣлать нечего, вышла въ большую горницу, гдѣ принимала всегда гостей. Съ ней же пришла и Айканка.

Писецъ, человѣкъ лѣтъ уже за пятьдесятъ, маленькій, говорливый и въ дѣлѣ своемъ шустрый, живой, всѣхъ опросилъ и сѣлъ строчить перомъ. Приходилось написать двѣ бумаги. Одна, по названію «рядная запись», была написана для Сковородихи. По этому документу стрѣльчиха обязывалась выдать такого-то числа, мѣсяца и года свою дочь Марью замужъ, съ придачей за ней опредѣленнаго имущества, «рухляди, казны и иждивенія». Въ случаѣ же отказа должна была уплатить крупную неустойку.

За этой бумагой приказный провозился довольно долго, такъ что Партановъ успѣлъ переговорить съ Сковородихой, понравиться ей, влѣзть ей въ душу, но за то перепугать ее окончательно подробнымъ описаніемъ нѣмцевъ. Онъ, по его словамъ, бывалъ на границѣ Нѣмеціи, хотя и недолго, но, всетаки, былъ, и это племя хорошо разглядѣлъ.

— Удивительныя твари, Авдотья Борисовна! — пояснялъ онъ Сковородихѣ, подробно рисуя нѣмца такими красками, что самъ чортъ около него показался бы ангеломъ Господнимъ.

Партановъ, однако, прибавлялъ отъ себя въ утѣшеніе вдовы, что выдать дочь замужъ за нѣмца вовсе уже не такъ худо. Для него, увѣрялъ онъ, совершенно непонятно, почему такъ переполошился народъ. Что за важность! Вѣстимо, дѣти отъ нихъ пойдутъ во всякой семьѣ православной не настоящія, а всякій-то ребенокъ новорожденный будетъ смахивать малость самую на каракатицу.

— Да что за лихъ! — прибавлялъ Партановъ: — вѣдь и каракатица — все тварь Божья.

Разумѣется, не смотря на лукавыя увѣренія молодца, что бѣды никакой нѣтъ, стрѣльчиха была теперь перепугана не на животъ, а на смерть. Мысленно она рѣшила въ тотъ же день бѣжать сама по городу розыскивать жениховъ дочерямъ и выдавать ихъ за кого бы то ни было, хоть за инородцевъ некрещенныхъ. Отъ нихъ, по крайности, тоже младенцы родятся, а не каракатицы.

Немудрено, что Сковородиха, боявшаяся всякаго документа, съ удовольствіемъ поставила крестъ подъ «рядной записью» и вздохнула съ облегченіемъ. Хоть одну-то дочь изъ пяти съ плечъ долой!

Другая бумага, которую написалъ приказный, была гораздо короче. По этому документу князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ обязывался въ мѣсячный срокъ времени жениться на дочери стрѣлецкой вдовы Авдотьи, Борисовой дочери, Сковородиной, именованной во святомъ крещеніи Марьей. Въ случаѣ же отказа съ его стороны, безвѣстнаго отсутствія, или какого инаго злоумышленнаго въ ущербъ стрѣлецкой вдовѣ поступленія, князь Бодукчеевъ обязывался уплатить немедленно «неустойныхъ денегъ» три тысячи рублей. Даже самъ приказный вздохнулъ и за ухомъ почесалъ. За всю жизнь свою онъ эдакого куша не прописывалъ въ документѣ. Шутка ли три тысячи! Оно на сказку смахивало. Или же этотъ

князь Бодукчеевъ съума спятилъ, или же шибко врѣзался въ дѣвицу. Уже не разберешь. На этой бумагѣ Партановъ расписался самъ, объяснивъ, что «по безграмотству въ россійской грамотѣ за князя Макара Иванова сына Бодукчеева руку приложилъ». А бумагу за симъ скрѣпилъ: «приказной избы писарь Чумаковъ».

— Ну, вотъ теперь и слава Богу,—весело рѣшилъ Партановъ:— все и готово. Честь имѣю поздравить!—обратился онъ къ стрѣльчихѣ.

— Эхъ, родимый, съ чѣмъ поздравлять? — невольно вырвалось у вдовы: — у меня на рукахъ еще четыре! А обозъ-то, сказываешь ты, верстъ уже за сто. — И Сковородиха заплакала. Партановъ изъ жалости предложилъ вдовѣ помочь ей розыскать тотчасъ четырехъ молодцовъ.

— Медлить нельзя, Авдотья Борисовна,—сказалъ онъ:—кто же ихъ знаетъ! Нынче на зарѣ какъ будто почудилось мнѣ паленымъ чѣмъ запахло, гарью, то ись, а отъ нихъ случается и далече пахнетъ. Коли вѣтеръ съ ихъ стороны, такъ, можетъ быть, до города и донесло. Я тебѣ ради вашего вдовьяго сиротства помогу и живо все обдѣлаю.

— Вотъ, вотъ,—заохала стрѣльчиха:—родимый, помоги. За что же дѣвкамъ пропадать!

— Да, вѣстимо... Да и вамъ, опять, что хорошаго въ домѣ каракатицъ разводить!...

— Ради Создателя!...—уже выла вдова:—помоги...

— Ужъ будьте спокойны. Обѣщался, такъ слово сдержу. Завтра у насъ четверка жениховъ будетъ. Только вотъ что, Авдотья Борисовна. Ты ужъ меня прости и не гнѣвайся, а есть у меня маленькая загвоздочка въ этомъ дѣлѣ, предложу я тебѣ маленькій уговорецъ.

— Денегъ, что ли, за хлопоты? Изволь, сколько положишь,— расходилась Сковородима.

— Нѣту, какія деньги. На что онѣ мнѣ, я денегъ не люблю.

— Вотъ какъ!

— Да, такъ. Отъ денегъ, матушка, всякая бѣда, всякій лихъ приходитъ. А мой уговорецъ тотъ: коли хочешь ты, чтобы я тебѣ жениховъ искалъ для дочерей, то покажи ихъ мнѣ.

— То ись какъ же это?..

— Да, такъ, покажи. Выведи всѣхъ, да и покажи.

— Нешто это можно, самъ ты знаешь. Нехорошо. Кабы ты намъ сродственникъ, а то совсѣмъ чужой человѣкъ. Какъ же я сramиться-то буду?

— Да вѣдь времена-то другія, Авдотья Борисовна. Бѣда виситъ надъ головой, гдѣ же тутъ справлять разные обычаи и разсуждать, что приличествуетъ, что нѣтъ. А какъ же я буду сватать ихъ, въ глаза ни одной не видавши? Нешто это возможно?

Сковородиха помолчала и отозвалась, наконецъ:

— Воля твоя. А какъ же это, негодно! Ты лучше ужотка пойди, погуляй вотъ по нашей слободѣ, а я ихъ всѣхъ выпущу тоже на дворѣ. Ты ихъ всѣхъ и поглядишь.

— Нѣтъ, сударушка, эдакъ нельзя,— отрѣзалъ Лучка:— на это согласія моего не даю. Что толку, что я ихъ увижу на улицѣ всѣхъ пять рядкомъ, да пройду мимо. А ты ихъ мнѣ сейчасъ выведи, всѣхъ по одной, всякую по имени назови, а я уже ее тутъ поразспрошу. Знамо дѣло, не о важномъ о чемъ, а такъ шуточками. Вотъ, когда я съ ними спознакомлюсь, то я тебѣ буду сейчасъ первостатейнымъ сватомъ и въ день, либо много въ два дня четырехъ лихихъ жениховъ выищу.

Сковородиха молчала.

— Ну, какъ знаешь. Прощенья просимъ...

И Партановъ взялся за шапку.

— Стой, стой,—заволновалась Сковородиха:—мы же не татары: въ чадрахъ да въ покрывалахъ дѣвицъ не водимъ. На улицѣ ихъ все равно всякій въ рожу видѣть можетъ. Отпусти вотъ приказную строку. Я тебѣ всѣхъ дочерей, такъ и быть, покажу.

— Ну, вотъ умница, Авдотья Борисовна. Какъ толково разсудила! Ты, крючекъ судейскій, уходи, — обратился Партановъ къ приказному.

По требованію Лучки, Сковородиха вызвала всѣхъ пять дочерей одну за другой, начиная со старшей. Лучка ласково обошелся со всякой, невольно дивясь, какъ онѣ были всѣ на разное лицо и на разный ладъ.

Болѣе другихъ въ началѣ ему понравилась горбатая Пашенька своимъ милымъ личикомъ, ласковыми глазами и кроткой улыбочкой.

— Не будь этихъ глазокъ, никто бы не взялъ ее за себя, а съ ними жениха найдти можно,—подумалъ Лучка.

Пуще всѣхъ удивился молодецъ Глашенькѣ, за которую онъ съ дуру, не спросясь броду, сватался надняхъ отъ князя.

— Ну, дѣвка!—подумалъ онъ:—экій лѣшій! Акула какъ есть. Для этой нужно бы пару мужей. Одного мало.

Когда подъ конецъ появилась въ горницѣ пятая дочь стрѣльчихи, Дашенька, Партановъ мысленно ахнулъ и пересталъ шутить и на словахъ, и мысленно. Его даже будто кольнуло что-то. Почудилось ему, что онъ видалъ Дашеньку, почудилось, что не только видалъ, а увидавши разъ, какъ-то съ годъ тому назадъ, онъ потомъ ее во снѣ видѣлъ. И чѣмъ болѣе Лучка вспоминалъ, тѣмъ болѣе смущался. Мало того, что видѣлъ онъ ее въ соборѣ, а послѣ того и во снѣ, онъ вспомнилъ теперь, что даже собирался было справиться, кто такая его прелестница. Но тогда на него запой нашелъ! Пилъ онъ недѣлю, просидѣлъ другую недѣлю въ холодной, все изъ головы и выскочило. А вдругъ оказывается, что ви-

дѣнная имъ прелестница и въ соборѣ, и во снѣ — младшая дочь той же Сковородихи.

Пристально впился глазами Лучка въ красавицу Дашеньку и самъ не зналъ, что сказать ей. На умѣ и на сердцѣ у него все какъ-то запрыгало и перепуталось. Больно хороша! Шутки шутить не хочется, глупость какую сморозить не охота, а то, что просится на языкъ, на языкѣ не ладится, никакъ не выговоришь. Засопѣлъ Лучка усиленно и вздохнулъ.

— Красавица ты, — вымолвилъ онъ виновато.

И хоть въ этомъ словѣ не было ничего, да, должно быть, было что нибудь особенное въ голосѣ красиваго молодца, или въ его взглядѣ, но смѣлая и бойкая дѣвушка вспыхнула вся и заалѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Видалъ я тебя гдѣ-то? — проговорилъ Лучка.

— Въ соборѣ, — отозвалась Дашенька.

— Вотъ, вотъ, — воскликнулъ Лучка: — такъ ты тоже помнишь?

— Помню, — отозвалась Дашенька, потупившись.

— Помнишь, — проговорилъ Лучка, какъ будто говоря про себя: — такъ вотъ какое дѣло. Стало, и ты меня запримѣтила. Дѣло не спроста.

Партановъ помолчалъ нѣсколько мгновеній.

Всѣ трое — Сковородиха, Дашенька и молодецъ, стояли среди горницы. Лучка лицомъ, а женщины спиной къ окошку, выходившему во дворъ стрѣльчихи. И вдругъ Лучка замахалъ руками и заоралъ благимъ матомъ:

— Свѣты мои, хозяйка, бѣда, горишь! Гляди-ка, горитъ на дворѣ-то!

Сковородиха задохнулась и чуть не грянулась отъ перепуга объ полъ. Лучка поддержалъ тучную хозяйку и, поддерживая, потянулъ къ дверямъ.

— Бѣги скорѣе, распорядись! Долго ли весь дворъ спалить! Ахъ Господи! Господи! Горитъ! Скорѣе воды! Горитъ! Кричи людей!..

И, не то поддерживая, не то подталкивая, Лучка въ одно мгновеніе высунулъ хозяйку въ двери, и Сковородиха, помолодѣвшая отъ опасности, рысью пустилась по корридору, крича:

— Горимъ! Горимъ!

Дашенька бросилась было бѣжать за матерью, но Лучка въ мгновеніе ока захлопнулъ передъ ней дверь. Началъ онъ было отстранять дѣвушку отъ этой двери, да какъ-то нечаянно обхватилъ, обнялъ, да и разцѣловалъ.

— Шибко горитъ, страшнѣющій пожаръ, да не во дворѣ, красавица моя, а тутъ у меня на сердцѣ. Пущай ихъ тушатъ пустое мѣсто. А ты говори скорѣе: пойдешь ты за меня?

Дашенька хотя и была прытка, а отъ всего, съ быстротой молніи совершившагося, онѣмѣла.

— Скорѣе говори, моя радость... Ты одна мнѣ на всю Астрахань полюбилась... И давно, давно...

Лучка снова обнялъ дѣвушку и снова цѣловалъ.

— Полно. Полно... шептала Дашенька, потерявшись.

— Коли запомнила, что̀ въ соборѣ видѣла, такъ, стало, приглянулся я тебѣ. Говори скорѣе. Пойдешь, что ли?

— Боюсь,—проговорила, наконецъ, Дашенька, со слезами на глазахъ.

— Чего?

— Боюсь. Ты буянъ, на тебя запой находитъ.

— Какъ ты знаешь?

— Знаю. Я про тебя много чего знаю! Опрашивала, разузнавала.

— Вотъ какъ!—удивился Лучка.

— Ты мнѣ долго въ мысляхъ любъ былъ. А потомъ я о тебѣ побожилась не думать, потому что, что ни недѣля, ты чего нибудь да начудесишь. А вотъ уже какъ ты недавно отколотилъ начальство на улицѣ, да попалъ въ яму, я поревѣла, да и плюнула на тебя.

— Не ври, не судьба тебѣ плевать на меня. Вишь, какъ потрафилось. Не даромъ свидѣлись, да и времена лихія. Что же лучше— за нѣмца или за какого на спѣхъ сыисканнаго жениха выходить? А запой я клятву дамъ бросить, буянить во вѣкъ не буду. Дамъ тебѣ въ руки кнутъ, а то дубину. Какъ я за вино, такъ ты меня по макушкѣ али по спинѣ. Скажи скорѣе, пойдешь за меня?

Въ корридорѣ уже шумѣла вся семья Сковородихи, и Дашенька успѣла милому и суженому отвѣтить только губами на щекѣ, а Лучка, не дожидаясь вдовы, выскочилъ въ другія двери.

XXVII.

Проволновавшись весь день и всю ночь, Лучка рѣшился... признать Да̀шеньку своей суженой. На утро онъ былъ снова у стрѣльчихи.

— Гдѣ же ты пожаръ видѣлъ?—встрѣтила его вся семья.

— Что тамъ пожаръ? Богъ съ нимъ! Не загорѣлось, ну, и слава Богу. Нешто можно эдакъ? Эхъ вы, бабы, бабы! Развѣ можно тужить, что пожара нѣтъ? Ну, и слава Богу, что нѣтъ.

Озадаченная Сковородиха вытаращила глаза. Дѣйствительно, какъ же это попрекать парня, что не горитъ ничто. Слава тебѣ, Господи, что не горитъ.

— А ты вотъ что, Авдотья Борисовна,—началъ Партановъ:—слышала ты, живучи на своей слободѣ стрѣлецкой, что былъ такой въ городѣ Астрахани атаманъ княжескаго киргизскаго рода Дондукъ-Такій?

Сковородиха задумалась и затрясла головой, но Айканка старалась вспомнить.

— Аманатъ Дондукъ-Такій!—повторилъ Лучка.

— Былъ, былъ! Помню хорошо!—воскликнула Айканка:—лихой такой, изъ себя пригожій. Еще мальчуганомъ былъ привезенъ и и озорникъ былъ отчаянный. Онъ меня разъ около хивинскаго каравансерая,—дѣло въ дождикъ было,—мокрой хворостиною отстегалъ.

— Что ты!—проговорилъ Партановъ, улыбаясь.

— Ей Богу, какъ теперь помню. Я шла на именины, а онъ, подлецъ, вѣточку отъ тополя въ мокрой лужѣ намочилъ да хлысть меня. Всю выпачкалъ. Не больно, да грязно уже очень. Вернулась я домой на себя непохожа. Теперь помню... Онъ это былъ... аманатъ-Такіевъ.

— Ну, вотъ, вотъ, должно, онъ и былъ,—рѣшила стрѣльчиха:—они, аманаты, всѣ головорѣзы.

— Ну, такъ вотъ что, Авдотья Борисовна,—заговорилъ Лучка:—коли этотъ самый аманатъ киргизскій, да окажется вдругъ—пріѣхалъ въ Астрахань и находится уже въ истинномъ христіанствѣ, съ званьемъ князя,—отдашь ты за него дочь Дашеньку? Вотъ эту бѣлянку...

Всѣ изумленно молчали и переводили глаза съ молодца на Дашеньку, а съ нея опять на Партанова.

— Что же молчишь?

— Какъ же это при дѣвицѣ-дочери, да отвѣтъ давать?—заговорила Сковородиха.

— Эхъ, родная моя, сказывалъ я тебѣ еще вчера, времена теперь не тѣ, спѣшныя времена. Вѣдь покуда мы болтаемъ, нѣмцы верстъ десять, пятнадцать проѣхали, еще ближе къ городу ѣдутъ.

— Охъ,—вздохнула Сковородиха... Охъ, правда...

— Ну, такъ отвѣчай.

— Отчего же не отдать? Даже очень бы отдала.

— Этотъ князь будетъ почище Бодукчеева,—выговорилъ Лучка.—Только одна бѣда, не знаю, какъ ты посмотришь на это дѣло. Вѣнчаться-то онъ будетъ подъ другимъ именемъ, а уже княжество свое и именованіе справитъ послѣ вѣнца.

— Ну, ужъ это я не разсужу,—отозвалась стрѣльчиха.—Даже и понять тутъ нельзя ничего.

— Ну, ладно. Это я тебѣ послѣ растолкую. Такъ ты свое согласіе даешь? А этому князю Дондукъ-Такію я сейчасъ дошлю гонца. Онъ тутъ подъ Астраханью недалече. Такъ вотъ, стало, у тебя уже двѣ дочери—невѣсты.

— Ну, и слава Богу. А еще-то трехъ, голубчикъ...

— Трехъ-то молодцевъ легче будетъ найдти.

Партановъ оживился чрезвычайно и только теперь замѣтилъ,

что Дашенька стоитъ, перемѣнившись въ лицѣ, тревожно и во всѣ глаза смотритъ на него.

— Какъ же это?—думалось ей:—вчера вотъ глазъ на глазъ въ этой же горницѣ онъ цѣловалъ ее и одно говорилъ, а теперь уже другое... какого-то князя выискалъ.—Дашенька была не честолюбива и предпочла бы простаго вольнаго человѣка, приписаннаго къ городу, каковъ былъ для нея Лучка, чѣмъ какого нибудь киргизскаго князя, который, можетъ быть, немного лучше нѣмца. Нѣмцы, сказываютъ, желты очень, а киргизы страсть какъ черны. Ужъ не знаешь, что хуже.

Партановъ поглядѣлъ на дѣвушку и вдругъ заговорилъ:

— Этотъ самый бывшій князь киргизскій, что̀ застрялъ въ городѣ аманатомъ, невыкупленный родичами,—крестился и потомъ бывалъ часто въ соборѣ. Видалъ тамъ дѣвицу одну, плѣнился ею шибко, да не зналъ, гдѣ она живетъ. И только вотъ недавно узналъ, кто такая его красавица. Узналъ къ тому же, что и онъ ей понравился. Поняли вы, аль нѣтъ?—Но никто ничего не понялъ, кромѣ Дашеньки, которая опять зарумянилась отъ счастья.

— Ну, а покуда прощенья просимъ. Побѣгу въ городъ разузнавать, гдѣ вамъ трехъ молодцевъ выискать.—И Партановъ совершенно счастливый отъ страннаго оборота въ его судьбѣ, весело отправился съ розыскомъ: гдѣ есть подходящіе для трехъ дѣвицъ Сковородихи молодцы зятья.

Но покуда Лучка свой розыскъ творилъ, въ домѣ Сковородихи дѣло его рукъ чуть-чуть не раздѣлалось. У стрѣлецкой вдовы сидѣлъ въ гостяхъ давнишній ея знакомый, родственникъ покойнаго соборнаго дьякона Митрофана, покинувшій духовное званіе и пристроившійся на службу въ отдѣленіе городскаго соляного правленія. Нечихаренко, Апполонъ Спиридоновичъ по имени и отчеству, былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, блѣдный, тощій и худой. Все у него было длинно—и ноги, и руки, и лицо, и носъ. Точно будто при рожденіи взяла его мамка за голову и за ноги да и вытянула, а потомъ валькомъ выкатала... У Апполона Нечихаренко было даже въ мѣстѣ его служенія прозвище, которое, спасибо, не всему еще городу было извѣстно. Начальство и товарищи звали его: «глиста».

Нечихаренко былъ человѣкъ степенный, трезвый, разумный и могъ разсудить всякія дѣла, какія бы то ни было—и гражданскія, и государскія, и торговыя. Притомъ онъ былъ человѣкъ любезный и услужливый, готовый одолжить всякаго.

Узнавъ, что въ городѣ стоитъ дымъ коромысломъ отъ перевраннаго публикованія, сдѣланнаго на базарѣ, Нечихаренко вспомнилъ про свою добрую знакомую стрѣльчиху, у которой пять дѣвицъ невѣстъ, и явился успокоить ее. Онъ бывалъ нечасто, но

сидѣлъ подолгу и, самъ того не зная, имѣлъ въ качествѣ родственника дьякона Митрофана большое вліяніе на Сковородиху.

Разумѣется, теперь первымъ словомъ ошалѣвшей отъ сумятицы и отъ всякаго передвиженія стрѣльчихи было: Обозъ! Нѣмцы! Женихи!

— Слышалъ? Знаешь?—встрѣтила она Нечихаренко.

— Полно, Авдотья Борисовна. Стыдно-ста. И у васъ то же самое,—сталъ смѣяться Нечихаренко.—Я вотъ за этимъ собственно и пришелъ. Всталъ по утру, да говорю себѣ: дай, я пойду къ моей препочтеннѣйшей Авдотьѣ Борисовнѣ. Небось, и у ней въ домѣ колебаніе. Дай, пойду успокою. Но вотъ и пришелъ.

— Какъ по-твоему? Нешто все—одно колебаніе?

— Самыя, матушки, завирацкія враки. Никакого такого указа не было, нѣтъ и не будетъ.

— Да ужъ везутъ, везутъ на подводахъ...

— Никого не везутъ. Все враки.

И Нечихаренко убѣдительно и краснорѣчиво, очень разумно, втеченіе получаса времени, совершенно успокоилъ Сковородиху. Другъ и пріятель доказалъ вдовѣ, что не только слухъ про нѣмцевъ вранье голое и пущенъ какимъ нибудь затѣйникомъ, ради противныхъ властямъ цѣлей, но даже растолковалъ стрѣльчихѣ, что и про самую породу нѣмцевъ все враки.

— Нѣмцы такіе же люди, какъ и мы,—объяснилъ онъ ей.—Есть изъ нихъ и лядащіе, а есть и красавцы писанные—красивѣе много татаръ или индѣйцевъ.

Нечихаренко подробно описалъ, какъ онъ жилъ цѣлыхъ полгода въ городѣ Ригѣ среди настоящихъ нѣмцевъ и нѣмокъ и какіе тамъ есть красавцы и молодцы. Конечно, среди этой бесѣды и разъясненій Нечихаренкѣ пришлось раза три побожиться и поклясться, дабы заставить стрѣльчиху повѣрить. Но, тѣмъ не менѣе, когда онъ собрался уходить, Сковородиха была совершенно спокойна и даже немножко озлобилась и на Партанова, и на Айканку, какъ они смѣли напужать ее зря и тѣмъ лишить сна, пищи и покоя души.

Нечихаренко ушелъ, обѣщаясь на другой день зайдти вновь и принести на счетъ дурацкаго слуха отвѣтъ самого воеводы Ржевскаго.

— Ну, и слава Богу, слава Богу,—проводила его Сковородиха. Оставшись одна, стрѣльчиха задумалась и заохала опять:—Ахъ Создатель! И какъ это я, баба умная, эдакому глупству повѣрила? И везутъ-то на подводахъ! И паленой-то свиньей пахнетъ! И вокругъ-то корыта съ толокномъ вѣнчать! Ахъ ты, Господи! Какая слѣпота на умнаго человѣка найдти можетъ. А все этотъ пролазъ, этотъ поганецъ... Парташкинъ этотъ. Ну, погоди же, зубоскалъ...

И прежде всѣхъ стрѣльчиха взялась за свою Айканку...

Но не одна стрѣлецкая вдова попалась на удочку...

Въ то же время въ домѣ ватажника Ананьева происходило то же самое, только шуму было меньше; бѣгать и охать было некому. Климъ Егоровичъ бѣгать не могъ, но тревожно ходилъ изъ горницы въ горницу, а то выходилъ и въ огородъ. Варюша сидѣла у себя, вздыхала и кручинилась, когда отецъ заходилъ къ ней. Но едва онъ выйдетъ, дѣвушка усмѣхалась, трясла головой, а то и просто смѣялась. Она знала еще заранѣе, кто нѣмцевъ привезетъ на словахъ въ Астрахань въ качествѣ царскихъ жениховъ.

Къ ней еще съ вечера забѣжалъ на минуту Лучка, разсказалъ про свой финтъ, прибавивъ, что надумалъ его ради ея и друга Барчукова. Нуженъ этотъ финтъ, чтобы смутить народъ, а смута нужна для другаго важнѣющаго дѣла. Но только въ данномъ случаѣ Лучка выбралъ такой финтъ, чтобы можно было однимъ камушкомъ двухъ воробьевъ зашибить—и дѣло государское справить, и Барчукова женить на Варюшѣ. Какъ все это произойдетъ, какимъ образомъ отецъ согласится на ея бракъ съ Барчуковымъ, перестанетъ мечтать о своемъ Затылѣ Ивановичѣ, Варюша, конечно, не знала и догадаться не могла.

— Ужъ будь спокойна, все наладится. Я за все отвѣчаю,—сказалъ Лучка такимъ голосомъ, что Варюша повѣрила ему.

Въ полдень Ильина дня явился на дворъ дома Барчуковъ и спросилъ хозяина. Климъ Егоровичъ, увидавши молодца, сразу озлился, и сразу языкъ, пришибленный хворостью, прилипъ къ гортани.

— Прости меня, Климъ Егоровичъ,—заговорилъ Барчуковъ.— Хочешь, я въ ноги поклонюсь?

— Не прощу. Ты мнѣ бѣльмомъ на глазу,—заговорилъ Ананьевъ.—Отъ тебя у меня дочь бѣгала топиться, отъ тебя расшибло меня всего. Гляди, гдѣ что. Глаза, ротъ—не съищешь съ разу. Все отъ тебя, дьяволово сѣмя. Проклятъ тотъ день, въ который я тебя въ домъ свой впустилъ. Уходи прочь отсюда.

Барчуковъ сталъ на колѣни, но Ананьевъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Прости, Климъ Егоровичъ. Времена, вишь, какія... Россію всю подѣлили и порвали на части. Дронъ правитъ... Самъ посуди, что и съ тобой можетъ приключиться. Вѣдь нѣмцевъ, слышь, везутъ. Отдавай дочь скорѣе замужъ. За что ее губишь?

— И отдамъ, разбойникъ ты эдакій, да только не за тебя. Отдамъ, какъ сказывалъ, за князя Макара Ивановича. Настою я на своемъ. Не дамъ дѣвкѣ ортачиться, озорничать. А убѣжитъ опять топиться, пущай утопится. Туда ей и дорога!

— Послушай, Климъ Егоровичъ, въ бѣду ты попадешь. Князь твой не женится на Варюшѣ, вѣрно тебѣ я сказываю. Не можетъ Затылъ Ивановичъ, или Макаръ, что ли, по-твоему, Ивановичъ, же-

нiться на Варюшѣ. Соберешь ты дочь подъ вѣнецъ, а тутъ, послѣ оглашенія въ церкви, какъ разъ какая помѣха выйдетъ. Макара Ивановича попъ вѣнчать не будетъ, а нѣмцевъ въ ту пору подвезутъ. И шабашъ, пропала твоя Варюша.

— Что ты мнѣ, дьяволъ, турусы на колесахъ разводишь?—воскликнулъ Ананьевъ.

— Не турусы, Климъ Егоровичъ, вотъ тебѣ Богъ святъ.

— Молчи. Не родился еще тотъ человѣкъ, который мнѣ будетъ зубы заговаривать. Помѣха! Попъ не будетъ вѣнчать! Заплачу я, отвалю денегъ чистоганомъ какому ни есть попу, онъ мнѣ осетра съ бѣлугой обвѣнчаетъ. Пошелъ со двора, говорю. Чтобы не видали тебя, подлеца, глаза мои. Уходи.

— Ладно. Помни только, Климъ Егоровичъ, когда все свалится на тебя, придавитъ тебя бѣда бѣдовая, посылай на дворъ къ посадскому Носову за мной. Я тамъ живу. Мигомъ прибѣгу.

— Провались ты сквозь землю!—внѣ себя выговорилъ Ананьевъ, наступая на парня.—Уходи, не то велю дубьемъ гнать.

Барчуковъ, улыбаясь, двинулся со двора, но, оглянувшись разъ на домъ, увидалъ въ окнѣ Варюшу. Мгновенно они переглянулись издали и объяснились не то глазами, не то знаками. Ничего посторонній не примѣтилъ бы, да и не было ничего, со стороны судя. А между тѣмъ Барчуковъ понялъ и узналъ лишній разъ, что Варюша весела и довольна, шибко надѣется на счастливый исходъ всѣхъ обстоятельствъ, попрежнему, конечно, думаетъ о немъ и ни на кого не промѣняетъ. Да и много чего успѣла наговорить Варюша, стоя у окошка и только одинъ разъ взглянувъ на него черезъ весь дворъ и только чуть-чуть двинувъ руками.

Должно быть, у влюбленныхъ языкъ свой, чудной, особаго рода. Одинъ пальцемъ двинетъ, а другой въ этомъ цѣлую рѣчь найдетъ, услышитъ и пойметъ. А рѣчь эта понятнѣе, вѣрнѣе и пуще за сердце хватаетъ, глубже въ душу западаетъ, чѣмъ иная обыденная рѣчь, хотя и красно языкомъ выраженная.

Барчуковъ ушелъ со двора Ананьева совершенно довольный и веселый, какъ если бы ватажникъ простилъ его или если бы онъ просидѣлъ цѣлую ночь съ возлюбленной.

Между тѣмъ Ананьевъ взволновался еще болѣе. Онъ вѣрилъ въ публикованіе, о которомъ ему донесли. Онъ былъ изъ числа тѣхъ астраханцевъ, которые наиболѣе легко поддавались всякимъ слухамъ. За послѣднее время ватажникъ былъ немало напуганъ слухомъ о продажѣ учуговъ калмыкамъ. Это повело бы къ его полнѣйшему раззоренію.

Извѣстіе о нѣмцахъ было совершенно невѣроятно и неправдоподобно. Но развѣ эдакій указъ невозможенъ послѣ предъидущаго слуха о насильственномъ отобраніи торговаго дѣла изъ рукъ собственниковъ? Ужъ если можно у всякаго ватажника отнять его

учуги, переходящіе изъ рода въ родъ, какъ имущество, то, конечно, еще того легче и даже удобоисполнимѣе взять дѣвку и повѣнчать ее съ нѣмцемъ. Ананьевъ тѣмъ болѣе вѣрилъ скорому прибытію подводъ съ нѣмцами, что видѣлъ въ этомъ простую прихоть царскую, какъ бритье бородъ. Онъ зналъ отлично, что все остальное вздоръ. Ничѣмъ нѣмцы не хуже русскихъ. Видалъ и онъ самъ въ Астрахани за свою жизнь человѣкъ пять нѣмцевъ. Былъ одинъ просто красавецъ. Наконецъ, Ананьевъ зналъ, что въ новомъ городѣ Санктъ-Петербургѣ много у царя выписано изъ заморскихъ земель нѣмцевъ, за которыхъ онъ выдаетъ замужъ разныхъ дѣвицъ изъ боярскихъ родовъ, да и самъ, какъ сказываютъ, не прочь повѣнчаться съ нѣмкой.

Разумѣется, Климу Егоровичу, всетаки, не хотѣлось имѣть зятемъ нѣмца, хоть бы и красавца. Да еще вдобавокъ какой попадется случайно изъ этого обоза! Тутъ выбирать не будутъ, а какой по жребію выпадетъ! Совсѣмъ дрянное дѣло.

XXVIII.

Въ это время въ Астрахани былъ человѣкъ, который волновался больше всѣхъ, посадскій Кисельниковъ. Его раздразнила, взбѣсила и изъ себя выводила «дурья дурь» астраханцевъ. Цѣлыхъ два дня ходилъ и ѣздилъ онъ изъ дома въ домъ, перебывалъ почти у всѣхъ своихъ знакомыхъ. Всюду находилъ онъ волненіе, перепугъ и сборы выдавать дочерей, свояченицъ и родственницъ поскорѣе замужъ за кого бы то ни было. И повсюду Кисельниковъ горячо и краснорѣчиво разглагольствовалъ, убѣждалъ не глупить, усовѣщевая за разумъ взяться и толково разъясняя дурь.

Умный и дѣятельный Кисельниковъ добровольно взялъ на себя роль, которая принадлежала бы по праву воеводѣ или Пожарскому. И слово его вскорѣ подѣйствовало. Около полудня перваго дня многіе отцы и матери швырялись, какъ полупомѣшанные, и собирали дочерей замужъ чуть не на слѣдующее утро за мало-мальски подходящаго молодца. Къ вечеру они успокоились, благодаря убѣжденіямъ Кисельникова, и бросили свои хлопоты. За то повсюду на другой день всѣ поминали имя Кисельникова и говорили:

— Спасибо, умный человѣкъ вступился, надоумилъ, вранье базарное растолковалъ. А то бы и въ самомъ дѣлѣ съ дуру куръ насмѣшили бы только.

Однако, когда Кисельникова спрашивали на счетъ его собственнаго образа дѣйствій относительно дочери, то посадскій отдѣлывался двусмысленными отвѣтами.

— Да ты свою дочку-то не спѣшишь выдавать? — говорилъ одинъ.

— За свою дочь не опасаешься?—спрашивалъ другой.

— Ты какъ на счетъ свой дочушки?—заручался третій.

Но Кисельниковъ на эти вопросы не отвѣчалъ прямо и хитро отдѣлывался объясненіемъ, что нѣмцевъ никакихъ не везутъ, стало быть, и бояться нечего. Онъ не могъ отвѣчать прямо, что не выдастъ дочь ни за кого.

Наканунѣ того дня, когда съ базара разбѣжалось по городу перевранное оповѣщеніе поддьяка Копылова, въ домъ Кисельникова явилась полковничиха Пожарская, чтобы окончить дѣло о сватовствѣ своего родственника, офицера Палаузова. Полковничиха объявила, что ихъ племянника неожиданно указомъ изъ столицы велѣно тотчасъ же перемѣстить на хорошую должность въ Царицынѣ и что черезъ нѣсколько дней онъ долженъ уже быть въ пути. Такъ какъ черезъ годъ или два Палаузовъ надѣялся снова имѣть должность въ Астрахани, но, конечно, высшую, то полковничиха и пріѣхала прямо спросить Кисельниковыхъ согласны ли они отдать свою дочь замужъ за офицера.

Разумѣется, въ домѣ посадскихъ радость была неописанная. Бракъ офицера съ купеческой дочерью былъ случай рѣдкій. Кисельниковы тотчасъ согласились на все, даже на то, чтобы вѣнчать молодыхъ немедленно. И вотъ теперь этотъ случай, хотя явился на счастіе Кисельникова, приключился какъ на грѣхъ въ минуту смуты въ городѣ.

Выходило такъ, что Кисельниковъ, громко кричавшій и бранившійся по поводу желанія многихъ скорѣе вѣнчать своихъ дѣвицъ, самъ собирался сдѣлать то же самое, хотя совершенно независимо отъ обоза съ нѣмцами.

И, чтобы не смущать обывателей, онъ ни слова не говорилъ о своихъ приготовленіяхъ къ свадьбѣ дочери. Если бы знали, что у него свадебные сборы, то, конечно, никто бы не повѣрилъ ему и его рѣчамъ.

Въ то же время были и другія лица, немало хлопотавшія и немало сбивавшія съ толку успокоенныхъ Кисельниковымъ людей. Яковъ Носовъ выдавалъ замужъ свою родственницу и спѣшилъ найдти ей мужа, обѣщая хорошее приданое. Носовъ не говорилъ прямо, что боится слуха, а объяснялъ двусмысленно.

Кто ихъ знаетъ въ столицѣ! Не разъ много такихъ диковинныхъ бывало указовъ. Теперь, можетъ, никакихъ нѣмцевъ и не везутъ! Глядишь, черезъ полгода что либо эдакое и прикажутъ. Все лучше загодя.

Однако, на третій день по утру, поддьякъ Копыловъ снова явился на базаръ и прочелъ увѣщаніе жителямъ прекратить «колебаніе умовъ и пустопорожніе пересуды праздныхъ языковъ», грозя въ противномъ случаѣ, что власти «примутъ подлежащія къ истребленію сей противности мѣры».

Виновникомъ этого новаго объявленія на базарной площади былъ опять Георгій Дашковъ. Онъ въ первый же день нелѣпыхъ толковъ отправился къ воеводѣ и настоялъ на томъ, что нужно немедленно успокоить народъ. Онъ заставилъ лѣниваго Ржевскаго при себѣ же составить увѣщательное къ жителямъ посланіе. Послѣдствіемъ этихъ настояній Дашкова и явилось новое оповѣщеніе или опроверженіе Копылова на базарѣ.

Но совѣтъ разумнаго Дашкова, принятый во вниманіе воеводой, оказался очень неразумнымъ шагомъ.

Такова была Астрахань и ея обыватели!!

Въ день, когда Копыловъ объявилъ будущія начальственныя строгости по отношенію къ успокоившимся уже обывателямъ, эти снова встревожились, ибо все поняли и растолковали по-своему. На этотъ разъ ни Партановъ, ни Носовъ, ни Быковъ, никто на базарѣ не присутствовалъ. Ни одинъ изъ нихъ умышленно не переврал чтенія подьячаго. Всѣ астраханцы съумѣли сами понять все навыворотъ. Молва народная разнесла съ базара по городу новую вѣсть, что никто не имѣетъ права безъ разрѣшенія воеводскаго правленія выдать дочь замужъ за кого бы то ни было. Астраханцы на этотъ разъ уже не смутились, а обозлились, и каждый подумалъ или сказалъ:

— Ну, это шалишь, братъ, воевода. Это твой указъ, а не царскій. И плевать на него...

Смущеніе жителей прошло вскорѣ и перешло въ толки о правѣ воеводы Тимоѳея Ивановича вмѣшиваться въ брачныя статьи... Даже и въ такомъ шаломъ домѣ, какъ семья стрѣльчихи, все было тихо. Казалось, всѣ съ разу перестали вѣрить въ то, что всѣхъ недавно лишало разума отъ перепуга.

Но вдругъ раздалась вѣсть, которая была какъ ударъ грома. Всѣмъ знаемый и всѣми уважаемый Кисельниковъ тайно отъ всѣхъ собираетъ дочь замужъ и выдаетъ ее за офицера Палаузова. Все уже готово, и черезъ день будетъ вѣнчанье въ соборѣ. Смятеніе отъ этого извѣстія превзошло всякій ураганъ въ степи или смерчъ на морѣ... Разумѣется, никогда никакое новое публикованіе Копылова не произвело бы того же содома въ городѣ.

— Стало быть, обозъ съ нѣмцами идетъ!..

Человѣкъ двадцать знакомыхъ и пріятелей Кисельникова и Пожарскаго бросились къ нимъ за вѣстями. Оказалось дѣло сущей правдой. И напрасно Кисельниковъ и его жена, напрасно самъ женихъ и его родственники Пожарскіе, и у себя и въ домѣ невѣсты, старались изъ всѣхъ силъ объяснить встревоженнымъ людямъ, что свадьба эта не имѣетъ ничего общаго со слухомъ объ обозѣ...

— Такъ зачѣмъ же вы въ такомъ благомъ дѣлѣ таились!..

— Зачѣмъ такъ спѣшите съ вѣнчаньемъ!

— Нѣтъ, ужъ простите, дозвольте вѣрить глазамъ, а не ушамъ!

— Нѣтъ, голубчики, не на такихъ олуховъ напали.

Вотъ что отвѣчали усовѣщенные Кисельниковымъ, еще наканунѣ, знакомые. И по всѣмъ домамъ тотчасъ же снова принялись всѣ за сборы свадебные, причемъ ругали и разносили на части плута безсовѣстнаго, разбойника, душегуба, предателя Кисельникова.

И снова въ нѣсколько часовъ полгорода было на ногахъ, повсюду зашевелились, повсюду только и слышалось, что о вѣнчаніи, приданомъ и женихахъ.

— Нѣтъ! Каковъ Іуда Искаріотъ—Кисельниковъ!—припѣвали повсюду.

Вмѣстѣ съ этимъ стало вдругъ извѣстно въ городѣ, что какой-то пріѣзжій изъ Казани купецъ, остановившійся въ домѣ Гроха, обогналъ по дорогѣ большущій обозъ и говоритъ, что видѣлъ собственными глазами везомыхъ нѣмцевъ. Черезъ дня три они непремѣнно должны быть уже въ Астрахани. Многіе изъ обывателей узнали одновременно, что въ кремлѣ уже заготовляютъ помѣщеніе для ожидаемаго на подводахъ провіанта. Приказные увѣряли, что будто тò—для муки, но обыватели, хитро ухмыляясь, отвѣчали:

— Хороша мука! это та мука, которая паленой свининой пахнетъ, которая въ наши зятья да шурины попасть норовитъ. Ладно!.. У насъ въ городѣ чрезъ два дня не только дѣвокъ, ни одной вдовы не найдешь!..

Слухъ о свадьбѣ въ домѣ Кисельникова, достигнувъ до успокоившагося ватажника Клима Егоровича, перепугалъ его не менѣе другихъ. На этотъ разъ Ананьевъ рѣшился болѣе не ждать, а отправиться за свѣдѣніями къ самому воеводѣ.

Ржевскій принялъ ватажника радушно и сталъ ему объяснять, что Астрахань такая стала «скотина-вралиха», что ее слѣдовало бы испепелить или, по меньшей мѣрѣ, всѣхъ обывателей передрать розгами.

— Что ни день,—говоритъ Ржевскій:—то языкомъ нагадятъ, какую нибудь пакость выдумаютъ. Просто бѣда здѣсь. Если эдакъ пойдетъ, я буду проситься на воеводство въ другой городъ. Ужъ очень хлопотно. За это время чтò заботъ и хлопотъ было. Писали мы всякіе увѣщательные листы и грамоты, переводили мы ихъ на разные языки земные, читали на базарахъ. Просто соснуть некогда было. Эдакъ нельзя! Это не воеводство, это мытарство.

Бесѣда не совсѣмъ клеилась между ватажникомъ и воеводой. Ананьевъ главнымъ образомъ пришелъ просить воеводу разъяснить ему насущные вопросы: везутъ нѣмцевъ или не везутъ? и былъ ли Droновъ указъ отъ государя насчетъ браковъ съ нѣмцами втеченіе семи лѣтъ? или никакого указа и никакихъ нѣмцевъ никогда не было и не будетъ послано?

— Все это—одно злоумышленіе!—горячился Ржевскій. И снова воевода, не отвѣчая прямо на вопросъ, горько жаловался на свои хлопоты и на вралей астраханцевъ. Не видя конца этому объясненію, глупый ватажникъ вдругъ сообразилъ и додумался до хитрости.

— Вотъ что, Тимоѳей Ивановичъ, сдѣлай милость, давай съ тобой объ закладъ биться. Ты говоришь — нѣмцевъ не везутъ и указа такого не было, а я говорю — везутъ. Давай съ тобой объ закладъ биться на полъ-тыщи рублей.

Ржевскій ротъ разинулъ и ничего не понималъ.

— Какъ то-ись, какой закладъ?

Ананьевъ объяснилъ толковѣе и яснѣе.

— Побьемся объ закладъ,—прибавилъ онъ.—Коли нѣмцевъ никакихъ не привезутъ, я тебѣ отдамъ полъ-тыщи рублевъ. Коли привезутъ, ты мнѣ плати полъ-тыщи.

— Что ты, Богъ съ тобой! Да съ какихъ же это я безумныхъ глазъ, — объявилъ воевода: — такими деньгами буду шутить?

— Да какъ же, помилуй, Тимоѳей Ивановичъ. У меня дочь, — уже отчаянно заговорилъ Ананьевъ:—я къ тебѣ за совѣтомъ пришелъ, отъ тебя по чести, по пріятельству, по долгу христіанскому, узнать навѣрно, пропадать моей дочери, или нѣтъ? Узнать пришелъ, выдавать ли мнѣ ее за кого, не дожидаючись вашихъ питерскихъ нѣмцевъ? А ты мнѣ въ отвѣтъ, что это все однѣ враки.

— Ну, такъ что жъ? — вопросилъ Ржевскій.

— Ну, вотъ я, чтобы увѣровать и покой себѣ пріобрѣсти, и надумалъ объ закладъ биться. Что мнѣ деньги? Я заплачу, коли проиграю. За то я спокой получу. А ты вотъ усовѣщевать-то всѣхъ усовѣщевалъ, вралями всѣхъ прозывалъ, а какъ пошло теперь дѣло на закладъ, такъ не хочешь.

— Да съ какого же я лѣшаго,—закричалъ вдругъ воевода:—буду объ закладъ биться въ такихъ дѣлахъ, которыя отъ меня не зависятъ. Ну, а завтра случись—придетъ такой указъ, вѣнчать всѣхъ дѣвокъ здѣшнихъ съ персидами и хивинцами? Что я воевода, такъ я нешто по-твоему долженъ знать, что тамъ въ столицѣ Меньшиковъ или какой другой придумаетъ? Ты, Климъ Егоровичъ, въ своемъ ли умѣ, или тебѣ разумъ вмѣстѣ съ рожей кондрашка расшибъ?

— Зачѣмъ... Помилуй Богъ. Что ты!..

— Такъ ты махонькій, коли эдакое баловство предлагаешь?

— Не махонькій, — растерялся какъ-то ватажникъ. — Я не махонькій... А только самъ ты посуди, Тимоѳей Ивановичъ... Какъ же это? — Ананьевъ развелъ руками и совсѣмъ всѣ мысли свои растерялъ.

— Какъ не махонькій?—кричалъ Ржевскій будто обидясь.—Я съ тобой буду въ пятьсотъ рублей поручительствовать за другаго? А, ну, какъ въ самомъ дѣлѣ указъ-то на пути? Ну, какъ

нѣмцы-то въ Питерѣ уже снаряжаются? Что тогда? Скажи-ка, а? Мнѣ тогда деньги тебѣ платить?

— Да я вотъ про то и сказываю,—воскликнулъ Ананьевъ:—я и сказываю! Стало биться, ты и не можешь... Ручаться не можешь!

— За какого лѣшаго?—заоралъ воевода, побагровѣвъ не отъ гнѣва, а отъ усилія.

— Да вѣдь ты говоришь... робѣлъ ватажникъ.

— Ничего я не говорю, ты пришелъ говорить.

— Стало, вотъ правда и выходитъ! Стало, въ городѣ не врутъ! Нѣмцы уже, можетъ быть, ѣдутъ,—жалостливо заговорилъ Ананьевъ.

— Да я-то, отчаянный ты человѣкъ, я-то почемъ знаю? Пятьсотъ рублевъ, закладъ! Ей-Богу, махонькій!—уже хрипѣлъ Ржевскій.—Поручись я за такіе указы государя, которыхъ у меня нѣтъ, которые еще на пути или же въ столицѣ пишутся. Вѣдь ты очумѣлъ, Климъ Егоровичъ. Да, можетъ быть, завтра мнѣ самому прикажутъ на козѣ жениться, а тебя за киргиза замужъ выдать?!...

— Ну, вотъ мнѣ больше ничего и не надо,—съ азартомъ вдругъ проговорилъ Ананьевъ.—Стало, ты биться боишься, стало, это правда. Ну, вотъ я мою дѣвку завтра и обвѣнчаю, хоть съ кѣмъ ни попало,—съ батракомъ изъ моей ватаги; все же онъ православный...

— И вѣнчай,—разсердился Ржевскій:—самъ хоть ризу вздѣнь...

— Зачѣмъ мнѣ ризу вздѣвать? Священникъ обвѣнчаетъ! А то вы, люди властные, краснобайствовать и нашего брата усовѣщевать умѣете... Вотъ на базарѣ усовѣщеваніе читали! А пришелъ я къ тебѣ по христіанству спросить, ты другое заговорилъ.

— Какое другое?

— А что нѣмцы ѣдутъ сюда на подводахъ...

— Враки, я этого не говорилъ.

— Да объ закладъ ты не бьешься?

— О Господи!—простоналъ уже Ржевскій.—Да пойми ты, баранья твоя голова, нешто я могу отвѣчать за указы, которые еще на пути? Ну, да что съ тобой толковать. Прощай!..

— А не надо мѣшать вѣнчать. Не надо сбивать людей съ толку,—обидчиво заговорилъ Ананьевъ.—Мало развѣ насъ собралось! Давно бы успѣли безъ спѣха дѣвокъ выдать, а твои же люди насъ всѣхъ усовѣщевали. Нѣтъ, ужъ завтра я и самъ да и пріятелямъ закажу: скорѣе до грѣха—въ храмъ Божій!—И Ананьевъ взялся за шапку.

— Сдѣлай милость, никто васъ не держитъ. Вѣнчайтесь.

— Ну, счастливо оставаться. Прости, воевода...

— Перевѣнчайтесь хоть всѣ—и холостые, и женатые!—уже въ догонку, злобно крикнулъ Ржевскій.

XXIX.

Ананьевъ вернулся домой, тотчасъ отнялъ отъ работы человѣкъ десять батраковъ, которые чинили рыболовныя принадлежности, и разослалъ ихъ по разнымъ знакомымъ и пріятелямъ объявить, что на утро онъ выдаетъ дочь замужъ.

Слухъ вѣренъ, вѣрнѣе де смерти, самъ воевода Ржевскій подтвердилъ ему, ватажнику!

Затѣмъ Ананьевъ пошелъ къ дочери и разсказалъ ей про свое посѣщеніе воеводы. Варюша, видимо, повѣрила всему и испугалась.

— Да, ужъ если воевода не хочетъ объ закладъ биться, то, стало, вѣрно,—сказала она.

— Что же теперь дѣлать?—спросилъ Ананьевъ:—за князя Бодукчеева ты не хочешь, упрямишься, а другаго нешто сыщемъ въ одинъ день? А спѣшить надо. Всѣ заспѣшатъ. Вѣнчать надо послѣзавтра, въ пятницу, вѣдь суббота—день не вѣнчальный, до воскресенья далеко. Какъ бы не опоздать. Въ воскресенье нѣмцы, поди, уже въ городѣ будутъ.

И, къ удивленью Ананьева, дочь объявила, что обстоятельства такъ перемѣнились, что она готова выходить за князя Бодукчеева.

— Ужъ лучше онъ,—сказала Варюша:—чѣмъ желтый да вонючій нѣмецъ. Только дѣлай поскорѣе. Послѣзавтра утромъ и вѣнчаться. Мнѣ сказывали, всѣ послѣзавтра утромъ вѣнчаются. Настасья у многихъ была. Почитай, во всѣхъ домахъ всѣ сборы къ пятницѣ. Партановъ былъ, сказывалъ, что у Сковородиной стрѣльчихи всѣ пять дочерей вѣнчаются. Только поскорѣе, батюшка.

Ананьевъ, радостный и счастливый, возблагодарилъ судьбу за то, что она послала нѣмцевъ, безъ которыхъ его Варюша никогда бы не согласилась идти за его князя. Не смотря на свою хворость, Ананьевъ быстро задвигался и началъ хлопотать. Прежде всего онъ послалъ за любимцемъ князя, Лучкой. Онъ могъ бы и самъ отправиться къ Макару Ивановичу, но хотѣлъ соблюсти приличіе.

Вызванный Лучка запоздалъ сильно и явился только въ сумерки. Ананьевъ уже начиналъ волноваться.

— Что же ты пропадалъ?—воскликнулъ онъ:—время не терпитъ. Я тебя ждалъ, чтобы ты, какъ по обычаю слѣдуетъ, шелъ къ своему князю заявить, что Варюша согласна, и что мы можемъ тотчасъ и свадьбу сыграть. Такой спѣхъ, авось, будетъ ему необиденъ. Онъ же понимаетъ, отъ какихъ дѣловъ и причинъ мы спѣшить должны.

Партановъ ничего не отвѣчалъ, какъ-то задумчиво взглянулъ и переминался на мѣстѣ.

— Что съ тобой?—спросилъ Ананьевъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Лучка.

— Такъ бѣги скорѣе. Вѣдь скоро ночь на дворѣ.

— Побѣжать-то, я побѣгу, Климъ Егоровичъ, только...

— Что?

— Да такъ. Дѣло-то не ладно.

— Что не ладно?—испугался Ананьевъ.

— Нехорошо. Не долженъ бы я тебѣ этого говорить, потому онъ мнѣ хозяинъ, князь, то-ись. А только что изъ любви къ тебѣ и Варварѣ Климовнѣ. Я долженъ васъ предупредить. Ты дѣвицу свою погубишь.

— Какъ погубишь?

— Да время-то уже позднее, а послѣзавтра надо вѣнчать.

— Ну, я то же сказываю.

— Ну, а коли князю нельзя будетъ вѣнчаться?

— Почему нельзя? Варюша не упрямится.

— Знаю, немало я усовѣщевалъ, пора ей и согласиться,— отвѣчалъ Партановъ:—не въ томъ сила, а князь-то нашъ плутуетъ.

— Какъ плутуетъ? Что ты съума спятилъ?

— Одно время, Климъ Егоровичъ, самъ думалъ, что спятилъ, ей-Богу! Вѣдь князь-то за двухъ сватается.

— Какъ за двухъ?

— Да такъ. Вотъ на твоей дѣвицѣ собирается жениться, и въ другомъ мѣстѣ не только собирается, а и «рядную запись» написалъ съ отступнымъ.

— Что ты! Да ты врешь! Ты морочишь! Что ты! Да не можетъ быть такого!—залепеталъ Ананьевъ и невольно опустился на стулъ. Даже ноги у него подкосились.

— Вѣрно тебѣ говорю, Климъ Егоровичъ. Но больше я тебѣ ничего не скажу. Только берегись. Пріѣдете вы вотъ когда въ церковь, если только князь соберется, то не вышло бы какого замѣшательства и препятствія отъ родителевъ той невѣсты, у которыхъ «рядная» въ рукахъ. Въ другое время оно ничего, вернулись бы домой. Срамъ только одинъ. А теперь время другое. Онъ-то жениться на второй, можетъ, отдумаетъ и вовсе не женится. А время-то ты упустишь, а нѣмцевъ-то подвезутъ.

— Да что же это такое? Совсѣмъ меня уморить, что ли, собрались?—проговорилъ Ананьевъ едва слышно.—Да ты все врешь, не повѣрю я.

— Ну, какъ знаешь. А я по чистой совѣсти за твою ласковость тебя упредить!—сказалъ Партановъ обидчиво.

— Врешь, не повѣрю!—заоралъ Ананьевъ и поднялся, чтобы отправляться къ князю:—какіе ужъ тутъ обычаи справлять, тутъ ужъ не обычаевъ! Сейчасъ къ нему. Врешь ты все, не повѣрю.

— Такъ-то лучше, Климъ Егоровичъ. Спокойнѣе будетъ. Поѣзжай. Можетъ быть, это такъ мнѣ все померещилось. Только скажу тебѣ, что похоже все на обманъ...

Ананьевъ собрался къ князю Бодукчееву, а Партановъ бросился въ Стрѣлецкую слободу.

— Ну, надо ковать желѣзо съ двухъ сторонъ, въ два молота!— смѣясь, повторялъ онъ.

Въ домѣ Сковородихи было шумно. Всѣ двигались, шумѣли и собирались, точно будто вся семья должна была пуститься въ путь. Всѣ пять дѣвицъ были веселы, веселѣе и счастливѣе, чѣмъ когда либо. Онѣ мысленно благословляли судьбу и молились за здоровье царя Петра Алексѣевича, за то, что онъ надумалъ пугнуть астраханцевъ и ихъ мать обозомъ съ нѣмцами.

Женихи уже были пріисканы для всѣхъ ловкимъ молодцомъ Партановымъ. Одинъ былъ найденъ самой вдовой. Женихи уже побывали въ домѣ стрѣльчихи, кромѣ двухъ, которыхъ Сковородиха тщетно ждала. Одинъ не ѣхалъ Богъ вѣсть почему, а другой еще не пріѣзжалъ въ Астрахань, но долженъ былъ явиться къ вечеру.

Первый, князь Бодукчеевъ, по словамъ Партанова, все собирается и смущается, но пріѣдетъ непремѣнно. А князь Дондукъ-Такіевъ, за котораго онъ просваталъ красавицу Дашеньку, если и опоздаетъ, то по утру передъ тѣмъ, что ѣхать въ церковь, будетъ непремѣнно на лицо. Партановъ клялся Сковородихѣ, что за Такіева отвѣчаетъ головой. Что понравится онъ всѣмъ, нѣтъ и сомнѣнія—молодецъ, красавецъ и умница!

Сковородиха успокоилась тѣмъ болѣе, что сама Дашенька говорила теперь, что она этого князя Такіева, бывшаго аманата, знаетъ, видала, что онъ ей нравится, и что она за него пойдетъ съ превеликимъ удовольствіемъ. Дашенька, разумѣется, уже теперь знала, кто этотъ князь Дондукъ-Такіевъ.

Въ ту минуту, когда Ананьевъ пріѣхалъ къ князю Затылу Ивановичу, рѣшившись не соблюдать приличій при свадебныхъ сборахъ, Лучка явился какъ помѣшанный въ домъ Сковородихи.

— Авдотья Борисовна,—закричалъ онъ, появившись какъ изъ-подъ земли:—бѣда, срамота, надувательство, разбой!

Стрѣльчиха перепугалась на смерть.

— Давай мнѣ сейчасъ Айканку, посылай сейчасъ въ кремль, проси сюда кого ни на есть изъ приказныхъ.

И не сразу, съ трудомъ разъяснилъ Партановъ стрѣльчихѣ, что князь Бодукчеевъ уже посватался и собирается жениться на дочери Ананьева. Сковородиха была поражена какъ громомъ.

— Что тутъ дѣлать!—проговорила она наконецъ.

— Дѣло простое, Авдотья Борисовна. Сейчасъ же мы снарядимъ къ нему Айканку и еще кого ни на есть изъ твоихъ родственниковъ или пріятелей объявить князю, что ты этого надувательства не потерпишь и требуешь отступнаго по рядной записи— всего три тысячи.

И тотчасъ же было рѣшено дѣйствовать. На счастіе Лучки въ домѣ появился одинъ изъ жениховъ, Аполлонъ Нечихаренко, за котораго уже была просватана хорошенькая и кроткая Пашенька. Она уже давно нравилась Нечихаренко, не смотря на то, что была горбатая. Степенный Аполлонъ Спиридоновичъ давно уже разглядѣлъ и оцѣнилъ прелестную душу въ изуродованномъ случайно тѣлѣ второй дочери Сковородихи.

Тотчасъ же чиновникъ, хотя и соляного правленія, а вмѣстѣ съ нимъ и старая Айканка, въ качествѣ довѣреннаго лица Сковородихи, отправились на домъ къ князю Макару Ивановичу Бодукчееву, а Лучка послалъ въ кремль за приказнымъ, чтобы узнать, какъ дѣйствовать.

Чепуха, которая произошла въ домѣ новокрещеннаго татарина, такъ и осталась навсегда не вполнѣ выясненною. Четыре человѣка: Ананьевъ, Затылъ Ивановичъ, Нечихаренко и Айканка, перепутались совсѣмъ, приняли другъ друга за полоумныхъ и переругались на смерть. Князь Бодукчеевъ изъ кожи лѣзъ отъ клеветы, на него пущенной. Айканка чуть не кусалась за оскорбленіе ея благодѣтельницы, стрѣлецкой вдовы. Ананьевъ былъ глубоко обиженъ дѣйствіями князя Бодукчеева и его облыжнымъ сватовствомъ. Нечихаренко, какъ человѣкъ степенный и порядочный, былъ тоже всей душой возмущенъ поступкомъ Затыла Ивановича и грозился судной избой.

— Не даромъ ты князь изъ пѐрекрестей татарскихъ! — говорилъ онъ.

— Не смѣй меня вѣрой корить, соляная крыса! — отзывался князь.

— За эдакое въ яму сажать надо! — вопила Айканка.

— Грѣхъ, князь. Грѣхъ. Обманулся я въ тебѣ! — жалобился Ананьевъ.

Путаница произошла полная. Ругань была такая, что всѣ сосѣди собрались, опасаясь кровопролитія. Окончилось все тѣмъ, что Нечихаренко явился обратно въ домъ Сковородихи и заявилъ ей, что онъ, въ качествѣ будущаго зятя ея, беретъ все дѣло на себя и сейчасъ же отправится въ воеводское правленіе и обратится съ просьбой къ самому Копылову. Нечихаренко разъяснилъ вдовѣ, что дѣло это безъ вниманія оставлять нельзя! Пускай князь Бодукчеевъ женится или платитъ отступное. Рѣшить же дѣло надо тотчасъ, чтобы непремѣнно можно было вѣнчать дочь или съ Затыломъ Ивановичемъ, или съ кѣмъ другимъ.

Ананьевъ вернулся домой ни живъ, ни мертвъ. Князь Бодукчеевъ клялся и божился, что онъ жертва какого-то мошенничества Лучки и что все это распутается. Вѣдь не можетъ же онъ отвѣчать за то, что отъ его имени, но заглазно, безъ его вѣдома, было писано въ домѣ Сковородихи.

— Разъяснится все, — повторялъ Ананьевъ: — разъяснится. Да когда? Когда всѣ нѣмцы уже даже перевѣнчаны будутъ.

Климъ Егоровичъ почти вѣрилъ въ правоту князя. Онъ видѣлъ его изумленное лицо, его ужасъ, когда къ нему появился Нечихаренко съ какой-то старой вѣдьмой. Онъ слышалъ его искренній голосъ, когда онъ усовѣщевалъ нахаловъ и разспрашивалъ про тѣ докуементы, кототорые писались у Сковородихи.

— Но легче ли отъ этого? — повторялъ Ананьевъ. — Когда дѣло-то распутается? Тягаться нужно. Двѣ, три недѣли, а то и три мѣсяца пройдетъ, а тутъ нужно сейчасъ вѣнчаться.

Уплатить тотчасъ «неустойныя деньги», страшный кушъ въ три тысячи, князь, конечно, не хотѣлъ и предлагалъ это сдѣлать будущему тестю, чтобы просто и быстро поправить все дѣло. Ананьевъ отказался наотрѣзъ и разсудилъ резонно.

— Денегъ не столько жаль, сколько дѣло неподходящее. Ты не хочешь платить, за что же я-то буду тебя откупать? Дѣло не чисто.

Ананьевъ былъ пораженъ и надломленъ неожиданностью. Вмѣсто того, чтобы хлопотать, бѣжать опять въ воеводское правленіе разыскивать какого нибудь приказнаго и разъяснить дѣло, онъ легъ на постель.

Черезъ часъ его поднялъ голосъ Лучки въ домѣ. Климъ Егоровичъ вскочилъ, почти побѣжалъ къ молодцу и закидалъ его вопросами и упреками. Партановъ былъ совершенно спокоенъ и даже обиженъ.

— Ничего я не намошенничалъ и никого я не боюсь, — отозвался наконецъ Лучка. — Приказано мнѣ было отъ хозяина идти сватать ему Сковородихину дочь, за которой богатое приданое, и приказано было писать «рядную запись». Я все это и сдѣлалъ. Тебѣ я о томъ не сказывалъ потому, что мнѣ былъ приказъ отъ хозяина держать языкъ за зубами. Да какой же батракъ будетъ своего хозяина выдавать и обманывать?

Лучка красно и толково росписалъ Ананьеву, какой оказывается Затылъ Ивановичъ пройдоха и мошенникъ. Платить отступнаго три тысячи онъ, конечно, не станетъ. У него всѣхъ денегъ-то было пять или семь тысячъ. Женится онъ, по всей вѣроятности, завтра по утру на просватанной ему Марьѣ Еремѣевнѣ, а ужъ Варюшѣ Ананьевой надо выходить за нѣмца.

— Что ты! — заоралъ Ананьевъ. — Очумѣлъ, что ли? Да я ее лучше съ козломъ повѣнчаю, чѣмъ съ нѣмцемъ.

— Теперь времена не тѣ, Климъ Егоровичъ, — отозвался Партановъ. — Ты знаешь ли, вотъ есть у меня пріятель, посадскій человѣкъ, звать его Колосъ. Ну, знаешь его? Ну, такъ вотъ этотъ самый Колосъ день цѣлый ужъ бѣгаетъ по городу, жениха разыскиваетъ своей дочери и ничего найдти не можетъ.

— Чего?

— Ни единаго, говорю, нѣтъ жениха во всемъ городѣ, всѣхъ не только разобрали, а чуть на части не разодрали.

Наступила пауза.

Ананьевъ стоялъ, разиня ротъ и выпуча глаза на Лучку.

— Что ты врешь!

— Да что же, Климъ Егоровичъ, ступай вотъ самъ, да и разыскивай. Если ты единаго молодца мало-мальски некаряваго и непьянаго разыщешь, то я тебѣ вотъ хоть правую руку на отсѣченіе отдаю. А то хочешь, я къ тебѣ Колоса пришлю. Онъ дома сидитъ, высуня языкъ. Всѣ мышиныя норки руками ощупалъ, нигдѣ, то-ись, ни одного жениха. Шутка ли, сколько дѣвицъ и вдовъ замужъ собрались разомъ. Вѣдь эдакъ, поди, въ храмахъ мѣстовъ не хватитъ.

— Врешь, врешь, врешь! — прокричалъ Ананьевъ и бросился внизъ кликнуть своихъ рабочихъ.

Варюша, выбѣжавъ къ Партанову въ ту же минуту, закидала его вопросами. Лучка ее успокоилъ.

— Полно, касатка. Ничего не бойся. На нашей улицѣ начинается праздникъ. И даже безъ всякой бѣды, тихо и мирно выйдешь ты за Барчукова. Князь не можетъ съ тобой вѣнчаться. Если поѣдетъ въ храмъ, то приказный объявитъ попу Сковородихину «рядную запись». И никакой попъ князя Затыла, покуда онъ не уплатитъ неустойныхъ денегъ, ни съ кѣмъ вѣнчать, кромѣ Марьи Еремѣевны, не станетъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ!

XXX.

Миновала ночь, наступилъ день... послѣдній для сборовъ! На утро слѣдующаго дня надо было уже вѣнчаться, потому что за нимъ слѣдовала суббота... А въ воскресенье нѣмцы уже будутъ на мѣстѣ.

Во всемъ городѣ, всюду, гдѣ были дѣвицы, шли усиленныя приготовленья къ свадьбамъ, пеклись пироги, заготовлялось вино, мылись полы, и вообще дома приводились въ праздничный видъ. Дружекъ только достать было мудрено.

— Летѣлъ, — сказывали въ шутку, — одинъ комаръ, и тотъ въ женихи ко вдовѣ попалъ. Но пуще всего шумѣли, всетаки, въ одномъ домѣ на Стрѣлецкой слободѣ. Домъ Сковородихи ходуномъ ходилъ. Шутка ли, пять невѣстъ собрать и пять свадебъ сыграть.

Сковородиха отчаявалась только по отношенію къ двумъ зятьямъ князьямъ. Одинъ ужъ надулъ!...

Будущій мужъ Пашеньки, Аполлонъ Спиридонычъ, хлопоталъ безъ устали, чтобы наказать князя Бодукчеева за его неслыханный поступокъ, но понемногу разумный Нечихаренко убѣдился, что дѣло что-то не ладно, даже совсѣмъ нечистое дѣло.

Побывавъ у дьяка Копылова и справившись въ приказной избѣ у одного пріятеля, ходока по части законовъ, Нечихаренко самъ собственными глазами прочелъ кой-что въ уложенной грамотѣ, что его образумило.

Во-первыхъ, оказывалось, что Партановъ не имѣлъ права дѣлать отъ имени князя Бодукчеева, да еще заглазно, никакихъ записей и никакихъ договоровъ съ отступнымъ, а тѣмъ паче расписываться за князя по его безграмотству и въ его отсутствіи. Все это былъ обманъ, но не княжескій, а Лучкинъ... Партановъ, а не Затылъ Ивановичъ, тутъ намошенничалъ!

Но главное, что узналъ Нечихаренко, было существованіе новаго указа государева, еще 3-го апрѣля 1702 года, уничтожающаго и запрещающаго строжайше писать всякія «рядныя записи» съ отступнымъ и безъ онаго.

Слѣдовательно, обычай, въ силу котораго родители порядной записи обязывались быть готовыми къ извѣстному сроку или заплатить неустойку часто раззорительную, былъ строго запрещенъ теперь закономъ.

Нечихаренко, добросовѣстный и дѣятельный, сначала вознегодовалъ на Партанова, а затѣмъ прямо отправился къ воеводѣ съ жалобой.

Ржевскій былъ на своемъ заднемъ маленькомъ дворѣ, гдѣ процвѣтали, гуляли и кушали его любимцы-птицы всѣхъ породъ, наименованій и возростовъ. Воевода былъ въ очень добромъ настроеніи духа. У него послѣ погибели еще трехъ птенцовъ изъ выводка чапуры, всѣ остальные чапурята уже подросли, окрѣпли, даже ожирѣли и приводили его въ восхищеніе своими яркими перышками и своей дикой жадностью на кормъ.

Ржевскій принялъ Нечихаренко и, узнавъ, что его хорошій знакомый, сто разъ наказанный и сидѣвшій въ ямѣ за буйство, Лучка Партановъ, теперь намошенничалъ,—не удивился.

— Такое произвелъ переплетеніе обстоятельствъ,—заявилъ Нечихаренко:—что надо судомъ и допросомъ дѣло это развязать.

— Ну, а я, братецъ мой, это дѣло вотъ... Гляди... руками разведу... Гэй... Карташка!... крикнулъ воевода.

Появился тотъ же картавый калмыкъ, который когда-то водилъ Барчукова къ Копылову на свиданіе.

— Прикажи двумъ стрѣльцамъ идти по городу розыскать и тотчасъ привести мнѣ сюда двухъ парней Партанова и Барчукова, что̀ я освободилъ изъ ямы.

— Двухъ мало... Лазвѣ два стлѣльца могутъ лазыскать двухъ палней?... отозвался калмыкъ.—Я пликазу̀ десятокъ стлѣльцовъ отлядить по всѣмъ слободамъ.

— Вѣрно, Карташка. Молодецъ! Ну, живо!..

Ржевскій объяснилъ Нечихаренко, что, такъ какъ онъ отпу-

сказъ обоихъ молодцовъ съ условіемъ привести разбойника Шелудяка, а они сего уговора не исполнили, то онъ ихъ обоихъ въ яму и засадитъ обратно.

— Я люблю, чтобы мое слово было свято, — сказалъ Тимоѳей Ивановичъ.—Приказалъ разыскать разбойника — ну, и ищи и приводи мнѣ. Не исполнили уговора—садись сами въ яму.

Нечихаренко ушелъ довольный, что распуталъ дѣло, но, когда онъ доложилъ обо всемъ Сковородихѣ, то стрѣльчиха пришла въ бѣшенство на будущаго зятя и объяснила: во-первыхъ, она полюбила Лучку, какъ сына роднаго, второе, Лучка женихъ ея Дашеньки, такъ какъ сейчасъ онъ-то и оказался бывшимъ аманатомъ княжескаго киргизскаго рода, и послѣ свадьбы справитъ себѣ свое званіе и именованіе, а, въ-третьихъ, князь Бодукчеевъ уже прислалъ сказать, что готовъ жениться на ея дочери, если ее повидаетъ и она ему понравится, потому что оказывается, что Варварѣ-то отъ ея любезнаго чрезъ полъ-года ужъ родить...

— Все-то ты набалванилъ, голубчикъ,—сердилась Сковородиха.— Вотъ кабы ты не путался не въ свое дѣло, не брался приказныя и судейскія дѣла разбирать, вѣдалъ бы свою соль да соляные законы, — такъ все бы и лучше было...

Между тѣмъ стрѣльцы разсыпались во всѣ стороны изъ воеводскаго правленія и уже появились на всѣхъ слободахъ, разыскивая двухъ молодцевъ. Найдти ихъ было вообще немудрено, а оказалось на дѣлѣ еще легче. Барчуковъ былъ уже извѣстенъ, какъ главный приказчикъ посадскаго Якова Матвѣевича Носова, живущій у него въ домѣ. Когда же одинъ стрѣлецъ спросилъ про Барчукова, то онъ оказался на лицо, а у него же въ горницѣ сидѣлъ зашедшій къ нему пріятель Партановъ.

Стрѣлецъ потребовалъ обоихъ къ воеводѣ.

Оба молодца тотчасъ зашумѣли. Вокругъ двора собрался народъ.

— Зачѣмъ? Что такое?—спросилъ пришедшій на шумъ Носовъ.

— За нами, вишь!—оралъ Партановъ.—Сажать въ яму! Нѣтъ, дудки. Я лучше утоплюсь, пойду. Только... послѣзавтра!.. А завтра надо обождать, поглядѣть. Кто еще кого послѣзавтра-то будетъ судить, да въ яму сажать? Можетъ быть, не Тимоѳей Ивановичъ Лучку, а Лукьянъ Партановъ толстаго Тимошку.

— Молчи! цыцъ! Не смѣй брехать!—грозно крикнулъ Носовъ, прислушиваясь къ озлобленнымъ рѣчамъ Партанова, обращеннымъ къ толпѣ.

Носовъ велѣлъ обоимъ молодцамъ и стрѣльцу войдти къ себѣ въ домъ.

— Сейчасъ тамъ все дѣло разъяснится у насъ! — сказалъ онъ.

Чрезъ полчаса чуть не вся Шипилова слобода глаза протирала отъ изумленья.

Изъ дома Носова вышли и двинулись въ кремль стрѣлецъ, а

за нимъ Барчуковъ и Партановъ, ведущіе связаннаго по рукамъ великана-разбойника, всѣмъ извѣстнаго и страшнаго Шелудяка.

— Что за притча!? Какъ? Гдѣ? Когда?—слышались возгласы.

Оказалось со словъ самого Носова, что молодцы-парни приказъ воеводы исполнили точно, еще наканунѣ словили заглянувшаго въ городъ ради разбоя Шелудяка и заперли въ подвалѣ Носова. А теперь, какъ разъ, когда воевода ихъ требуетъ, они и готовы съ подарочкомъ въ рукахъ.

— Воистину молодцы! — говорили на слободѣ всѣ толпившіеся около дома Носова.

Почти то же сказалъ и воевода Тимоѳей Ивановичъ, когда узналъ отъ прибѣжавшаго повытчика, что въ его прихожей воеводскаго правленія появились его знакомые парни, а съ ними извѣстный по всѣмъ городамъ Астраханскаго воеводства страшный душегубъ и головорѣзъ.

Воевода побоялся выйдти къ Шелудяку. Не ровенъ часъ! Бывали примѣры! Лучше было отъ такихъ тварей держаться властямъ подалѣе.

Ржевскій приказалъ отвести Шелудяка въ яму, но на этотъ разъ приковать въ кандалахъ къ стѣнѣ, чтобы онъ не ушелъ снова уже въ который-то разъ. Партанову и Барчукову воевода велѣлъ сказать, что слово его свято.

— Вольная волюшка на всѣ четыре сторонушки, но быть на чеку и снова не попасться въ какомъ преступленіи законовъ.

Парни радостно побѣжали изъ кремля заняться скорѣе своими дѣлами.

— Время много съ этимъ лѣшимъ потеряли, — говорилъ Партановъ.

— А ну, какъ Шелудякъ совсѣмъ сѣлъ, нами выданный?—говорилъ Барчуковъ.

— Коли совсѣмъ, то, право, нехудо,—отозвался Лучка.—Онъ вѣдь душегубъ лютый. Будь не Тимоѳей Иванычъ у насъ, его бы давно ужъ разсудили и казнили. Небось, Степа, если онъ дался вести себя, а Носовъ тоже не перечилъ, то, стало быть, оба шибко надѣются, что завтра все наше дѣло выгоритъ. Ты какъ полагаешь?

— Да что мнѣ, Лучка! По сущей правдѣ сказать, мнѣ эта ваша затѣя не по душѣ. Пропадете вы всѣ! Да мнѣ и не до того. Мнѣ лишь бы Варюшу отъ Ананьева да отъ Затыла высвободить. А тамъ хоть турка, либо хивинцы прійди войной, то мнѣ наплевать на все. Захвачу Варюшу, да и поминай какъ звали, на утекъ пущусь.

— Получишь, вѣрно тебѣ сказываю. Бѣги туда и зачинай съ Ананьевымъ канитель, а я пришлю Колоса и самъ пріиду. Въ часъ времени все сварганимъ. Прости покуда.

Партановъ свернулъ направо въ Стрѣлецкую слободу, а Барчуковъ продолжалъ путь по направленію къ дому ватажника Ананьева.

Партановъ, явившись къ Сковородихѣ, былъ встрѣченъ какъ родной человѣкъ, пропадавшій долго безъ вѣсти. Авдотья Борисовна радостно ахнула и руками всплеснула.

— Лукьянъ мой.... Слава тебѣ, Господи.

Всѣ сестрицы обрадовались новому другу и свату, а Дашенька вся пунцовая заплакала отъ счастья. На что ужъ злюка, старая вѣдьма Айканка—и та ухмыльнулась. Всѣ онѣ были убѣждены, что Партановъ сидитъ уже въ ямѣ.

Даже самъ виновникъ всей бѣды Нечихаренко, сидѣвшій какъ виноватый, тоже обрадовался.

Нескоро, однако, Партановъ съумѣлъ объяснить всѣмъ, что въ часъ или полтора времени онъ успѣлъ съ Барчуковымъ исполнить требованіе воеводы, т. е. поймалъ разбойника Шелудяка, душегубствующаго подъ Краснымъ Яромъ за сотни верстъ, представилъ въ воеводское правленіе и въ яму за мѣсто себя посадилъ.

— Ну, тамъ какъ да что, да какимъ чудомъ, то долго разсказывать. А вотъ я чистъ и на свободѣ! — сказалъ весело Лучка и прибавилъ досадливо: — и не будь Аполлонъ Спиридонычъ нареченный у Павлы Еремѣевны, то освидѣтельствовалъ бы я теперь всѣ у него ребра, на мѣстѣ всѣ, аль не хватаетъ какого.

XXXI.

Климъ Егоровичъ былъ внѣ себя отъ злобы. Мало того, что его Затылъ поганый надулъ, а еще прислалъ ему сказать, что имѣетъ отъ вѣрнаго человѣка извѣстіе, что его дочь беременна, и потому отказывается отъ нея наотрѣзъ.

А вѣрный человѣкъ была сама Варюша. Татаринъ не могъ своимъ умомъ дойдти до того, что бываютъ случаи, когда дѣвица сама на себя клевещетъ безъ пощады.

Дѣло на счетъ свадьбы съ княземъ сразу провалилось окончательно въ преисподнюю. Варюша плакалась и причитала, сидя у себя или преслѣдуя отца по горницамъ.

— Быть мнѣ за нѣмцемъ! Одинъ-то былъ женихъ князь Макаръ Ивановичъ—и того теперь нѣту. Есть Степанъ Барчуковъ, такъ его, вишь, не надо, нехорошъ. Вотъ завтра поутру за желтаго нѣмца и выходи. И будетъ въ домѣ смрадъ и всякая гадость. И утоплюсь я черезъ недѣлю опять. И ужъ совсѣмъ.

Климъ Егоровичъ уже посылалъ Настасью и самаго умнаго изъ своихъ батраковъ Ефима въ четыре мѣста, и все на счетъ жениха для дочери—какого ни на есть, лишь бы только былъ не женатъ, а холостъ.

Вотъ времена какія пришли!

Посылалъ Ананьевъ къ одному молодому посадскому Казакову; тотъ было сначала согласился прійдти переговорить, но вдругъ узналъ что-то, и на попятный дворъ. Прислалъ сказать, что не можетъ. А сказывали сосѣди, побывалъ будто у него Барчуковъ и погрозился—просто ножемъ....

Послалъ Ананьевъ къ холостому человѣку, чиновнику, новому своему знакомому, который былъ очень неказистъ, да гдѣ ужъ въ это время разсуждать... къ Аполлону Спиридоновичу Нечихаренко! Оказалось, что женится на одной изъ дочерей Сковородихи. Сбѣгалъ батракъ къ посадскому Санкину. Этотъ заявилъ, что душой бы радъ идти въ зятья къ Ананьеву, да не можетъ вообще жениться...

— Не про меня это дѣло писано,—сказалъ онъ:—и на свѣтѣ Божьемъ благоустроено. Такая причина есть... Такъ и доложите Климу отъ меня Егорычу!

Поволновавшись и побродивъ въ смущеніи по двору, Ананьевъ послалъ Настасью къ одному стрѣлецкому сыну, молодому и богатому, который когда-то даже сватался за Варюшу. Молодецъ, по имени Быковъ, родственникъ старика стрѣльца Быкова, бывавшаго на сходкахъ Носова, былъ одинокъ, тихаго и скромнаго нрава.

— Славный зятекъ бы вышелъ изъ него!—возмечталъ Ананьевъ, покуда Настасья бѣгала въ Стрѣлецкую слободу предложить безъ околичностей повѣнчаться съ Варюшей на слѣдующее же утро.

Но вернулась женщина во дворъ съ невеселымъ лицомъ и доложила хозяину, что Быковъ завтра вѣнчается съ родственницей Носова.

— Ахъ ты, Господи! Да что жъ это такое! — воскликнулъ Ананьевъ.—Что жъ намъ дѣлать?

— Трудно нонѣ, Климъ Егорычъ, найдти слободнаго молодца,— заявила Настасья.—Чего другаго, а этого добра нѣтъ совсѣмъ. Всѣхъ, кто были, расхватали, какъ бываетъ — первыя дыни на базарѣ народъ рветъ изъ рукъ. Кто еще по утру слободенъ былъ, теперь уже засватанъ...

— Не ври!

— Зачѣмъ? Песъ вретъ... Я правду...

— Не ври. Захочу—найду... Говорю, найду. Бѣги къ Чернову, что̀ живетъ у Красныхъ воротъ, и проси отъ меня... Скажи также... Все то же... Скажи, по нынѣшнимъ тошнымъ временамъ безъ всякаго чествованія прямо прошу взять Варюшу, чтобъ завтра по утру вѣнчаться... Да онъ, чай, знаетъ, самъ пойметъ... Теперь эдакой засылкой никого не удивишь...

— Вѣстимо, Климъ Егорычъ... Эдакъ-то вотъ, какъ я... думаешь ты, не бѣгаютъ? Я много эдакихъ-то видѣла.

— Кого, дура?

— А бѣгаютъ какъ я, жениховъ тоже выспрашиваютъ... Да нѣтути. Говорю, утромъ еще были, а теперь ни синь-пороха нѣтъ, то-ись, жениховъ!

— Бѣги, дура, къ Чернову. Коли изъявитъ согласье, зови тотчасъ ко мнѣ.

На этотъ разъ Ананьевъ сѣлъ на крылечко дома и ожидалъ возвращенья Настасьи съ нетерпѣньемъ. Откажется или тоже ужъ женится на комъ Черновъ! И пиши пропало. Нѣтъ больше никого!

Чрезъ полчаса на дворѣ Ананьева появился молодецъ, и Ананьевъ, вставъ, замахалъ кулаками ему навстрѣчу.

— Не смѣй подходить... Пошелъ со двора!—закричалъ ватажникъ внѣ себя.

Это былъ, конечно, Степанъ Барчуковъ.

— Тебѣ я... А-ахъ ты!.. А-ахъ... И отъ гнѣва языкъ Ананьева окостенѣлъ и присталъ къ небу...

— Климъ Егорычъ! Побойся Бога! Положи гнѣвъ на милость!.. заговорилъ Барчуковъ, приближаясь.

— Я тебя... тебя... Уходи... залепеталъ Ананьевъ, но не могъ говорить. Онъ сѣлъ снова на ступеняхъ крыльца, но спиной къ молодцу.

— Что я тебѣ сдѣлалъ? Былъ твоимъ главнымъ ставленникомъ— дѣло велъ честно и велъ хорошо... Былъ ты доволенъ. Жилъ я подъ чужимъ именемъ. Ну, теперь выправилъ свой законный видъ. Полюбила меня Варюша, а я ее... Бѣгала она топиться... Такъ опять же не я ее посылалъ... Прихворнулось тебѣ отъ того—я опять не причина. Богъ дастъ, все у тебя пройдетъ. Будь милостивъ, отдай мнѣ Варюшу... И какъ бы мы зажили хорошехонько! Какъ я тебя уважать бы сталъ... пуще родного сына тебѣ былъ бы, Климъ Егорычъ...

Ананьевъ, отвернувшись, молчалъ.

— Климъ Егорычъ... Времена лихія... Послѣзавтра всякая дѣвка незамужняя будетъ ужъ пропащая. Нѣмцевъ видѣли, уже сказываютъ—близехонько. Одинъ молодецъ сказывалъ на базарѣ: видѣлъ ихъ, обогналъ обозъ... Барчуковъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Сказываетъ, сидятъ на телѣгахъ кучами... Спинами вмѣстѣ, а длинныя ноги болтаются изъ телѣгъ и чуть по землѣ не волочатся... Сидятъ они, хрюкаютъ и табакъ жуютъ.

— Цыцъ! Проклятый!—заоралъ вдругъ Ананьевъ... Что ты поешь?.. Баба я, что ли, какая? Не видалъ я, не знаю развѣ, что такое нѣмецъ? Почище да много показистѣе, братъ, тебя всякій нѣмецъ. Даромъ что ты москвичъ.

Барчуковъ хотѣлъ отвѣчать, но въ эту минуту въ дворъ вбѣжалъ посадскій Колосъ.

— Здорово... крикнулъ онъ... Я не къ тебѣ, Климъ Егорычъ... А вотъ увидѣлъ его... Къ тебѣ я, парень.

— Что ты?—отозвался Барчуковъ нѣсколько неровнымъ голосомъ.

— Дѣло. Вотъ какое дѣло. Будь отецъ родной. Женись на сестренкѣ моей...

— Что ты?.. Богъ съ тобой!..

— Парень... Богъ тебя не оставитъ. Помоги!—вопилъ Колосъ какъ-то неестественно, визгливо, стараясь что-то изобразить, не то страхъ, не то горесть...

— Не могу я...

— Ты холостъ... Что тебѣ стоитъ? Я весь городъ обѣгалъ. Ни то-исъ тебѣ хочь бы хромаго аль горбатаго какого Господь послалъ! Всѣ женятся. Всѣ—отказъ! Что жъ сестренкѣ-то погибать, стало быть? Будь отецъ родной. Гляди вотъ...

И Колосъ бултыхнулся въ ноги Барчукова.

— Да полно. Чего валяешься? Какъ же можно... Развѣ это такое дѣло?.. Что ты!—говорилъ Барчуковъ.

— Времена такія. Знаю... Диковинныя времена. Завтра ввечеру пропадетъ дѣвка. Женись...

Ананьевъ молча глядѣлъ на обоихъ и тяжело дышалъ... Онъ собирался уже разспросить Колоса о чемъ-то, когда увидѣлъ въ воротахъ Настасью.

— Ну?!—поднялся онъ...

Настасья замахала руками.

— Женихъ тоже?.. Чей?—робко хотя крикливо выговорилъ Ананьевъ.

— Нѣту! Какой женихъ!

— Слободенъ? Согласенъ?... Слава Богу!

— Нѣту, Климъ Егорычъ. Дай передохнуть. О-охъ! Дай ты мнѣ... О-охъ!

— Говори, проклятая баба! Побью!

— Ужъ побили! Чего? Ужъ побили!

— Кого? Дурафья!

— Меня. Да Черновъ твой. Я сунулась по твоему указу. Онъ меня палкой.

— За что?

— А знай, говоритъ, и помни. Не бѣгай къ женатымъ людямъ свахой чумной.

— Женатъ онъ нешто? Онъ?!—воскликнулъ Ананьевъ.

— Женатъ. Ужъ полгода женатъ....

Ватажникъ развелъ руками и молча опустился на ступени крыльца, но вдругъ его будто кольнуло что въ бокъ. Онъ растаращилъ глаза на Барчукова и Колоса.

— Прощай, Климъ Егорычъ. Не поминай лихомъ,—говорилъ Барчуковъ, кланяясь.—Господь—и тотъ прощаетъ грѣхи лютые грѣшникамъ. А ты вотъ выше Бога стать хочешь. Ну, и таланъ тебѣ.

Исполать тебѣ во всѣхъ дѣлахъ. Прощай. Я вотъ человѣка изъ бѣды выручу... Женюсь на его сестренкѣ. Мнѣ коли не Варюша, то все равно съ кѣмъ ни вѣнчай попъ... Хоть съ козой, какъ сказывается.

— Прости,—проговорилъ Ананьевъ глухо.

— Счастливо оставаться!—сказалъ Колосъ, кланяясь ватажнику.—Ты, Климъ Егорычъ, тоже о своей подумалъ, я чаю? Назавтра? То-то, почтеннѣйшій! Вѣдь послѣдній день—завтра. А то пропадетъ дѣвка твоя... хоть и богатая. Ну, прости...

И оба, Барчуковъ и Колосъ, двинулись со двора.

— Придется силой брать! Въ сумятицу!—прошепталъ Барчуковъ Колосу.

Ананьевъ не выдержалъ и заоралъ.

— Стой!..

— Чего тебѣ?—быстро обернулся парень, и сердце дрогнуло въ немъ.

— Стой!—повторилъ Ананьевъ и какъ-то, совсѣмъ растерявшись, глупо глядѣлъ своимъ однимъ глазомъ. Колосъ невольно усмѣхнулся.

— Вотъ ужъ пришибленный и впрямь!—подумалъ онъ.

— Провъ!.. Куликовъ!.. Или какъ тамъ по-новому?—заговорилъ Ананьевъ.

— Степанъ я, а не Провъ,—заговорилъ парень радостно:—московскій стрѣлецкій сынъ Степанъ Барчуковъ.

— Бери Варюшу!—выпалилъ Ананьевъ.

— Климъ Егорычъ!—закричалъ внѣ себя Барчуковъ, кидаясь къ ватажнику.

— Зови Варюшу, Настасья...

— Чего звать? Вотъ она...

Изъ-за дверей, спиной къ которымъ сидѣлъ Ананьевъ, выпорхнула Варюша и кинулась цѣловать отца... Барчуковъ бросился въ ноги ватажника.

— Вотъ и Богу слава!—воскликнула Настасья. — Давно бы начать съ конца.

— Нѣтъ, ты у меня съизнова начнешь сначала... съ волненьемъ проговорилъ Ананьевъ, смягчившись сердцемъ... Подь, бѣгай и сзывай всѣхъ на свадьбу.

— И гостей не найдешь, Климъ Егоровичъ!—разсмѣялся Барчуковъ... И гости-то всѣ разобраны... Вѣдь въ городѣ-то, сказываютъ, болѣ сотни свадебъ... Мы и одни попируемъ. Времена не такія... лихія...

— Типунъ тебѣ на языкъ!—воскликнула Варюша.—Кабы не эти времена... что̀ бы было съ нами!..

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА[1].

V.

Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Отношенія къ Пушкину. — Ложное положеніе Пушкина въ петербургскомъ обществѣ. — Дантесъ. — Подметныя письма. — Я предлагаю себя Пушкину въ секунданты. — Порученіе Пушкина мнѣ условиться относительно дуэли съ д'Аршіакомъ. — Мое объясненіе съ д'Аршіакомъ. — Отказъ Пушкина отъ дуэли, вслѣдствіе рѣшенія Дантеса жениться на его свояченицѣ.— Мой отъѣздъ въ Харьковъ.—Кончина Пушкина.—Встрѣча съ Дантесомъ.—Лермонтовъ. — Гоголь и мои отношенія къ нему. — Послѣднее свиданіе съ нимъ въ 1850 году.—Параллель между Пушкинымъ и Гоголемъ. — Моя служба въ Харьковѣ.— Графъ А. Г. Строгановъ. — Григорій Строгановъ. — Легендарная попойка. — Характеристика графа А. Г. Строганова. — Княгиня Кочубей. — Образъ ея жизни въ Диканькѣ.—Комическая сцена въ церкви.—Графъ Головкинъ.—Его волокитство.—Анекдоты о Потемкинѣ.

Я ОСТАВАЛСЯ въ Твери до осени, потомъ, по желанію матушки, ѣздилъ въ Никольское, откуда поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ мнѣ пришлось быть и свидѣтелемъ и актеромъ драмы, окончившейся смертью великаго Пушкина. Я уже говорилъ, что мы съ Пушкинымъ были въ очень дружескихъ отношеніяхъ и что онъ особенно ко мнѣ благоволилъ. Онъ поощрялъ мои первые литературные опыты, давалъ мнѣ совѣты, читалъ свои стихи и былъ чрезвычайно ко мнѣ благосклоненъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали тамъ сайки, потомъ, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 79.

сайки свѣтскимъ разряженнымъ щеголямъ, которые бѣгали отъ насъ съ ужасомъ. Вечеромъ мы встрѣчались у Карамзиныхъ, у Вяземскихъ, у князя Одоевскаго и на свѣтскихъ балахъ. Не могу простить себя, что не записывалъ каждый день, что отъ него слышалъ. Отношенія его къ Дентесу были уже весьма недружелюбныя. Однажды на вечерѣ у князя Вяземскаго онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портрéтъ Генриха V.

— Посмотрите на эти черты,—воскликнулъ тотчасъ Дантесъ:— похожи ли онѣ на г. Пушкина?

Размѣнъ невѣжливостей остался безъ послѣдствія. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму, и вдругъ зальется звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказывая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно бы было еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: — Карету Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя! — Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротниками, подражая, быть можетъ, невольно Байроновскому джентельменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе, про-

возглашая съ свойственной этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, исписался, что̀ было совершенная ложь, но ложь, всетаки, обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственной ему сокрушительной ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его, «Современникъ», шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, на сколько можетъ быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видѣлъ въ Дантесѣ не серьёзнаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.

Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала:

— Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо, съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?

Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: «Александру Сергѣичу Пушкину». Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго много гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:

— Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой.

Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, голландскимъ посланникомъ, барономъ Гекерномъ. Я продолжалъ затѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. S'il vous faut un troisième, ou un second,—сказалъ я ему:—disposez de moi.—Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ впослѣдствіи, когда имя мое, болѣе чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходившимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою русскихъ писателей какъ бы въ предвѣдѣніи, что и для моей скромной доли немало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ:

— Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка (опять-таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности.

Все это было говорено пофранцузски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я, между тѣмъ, оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь.

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б....... наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разу-

вѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ скороговоркой:

— Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь.

Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ.—«Я человѣкъ честный,— отвѣчалъ онъ:—и надѣюсь скоро это доказать».—Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ по неволѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, метель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ всю ночь не спалъ, что онъ хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой

свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухнедѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъименнаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, чтò онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти, или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что если бы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ.

— Вотъ положеніе дѣла, — сказалъ д'Аршіакъ. — Вчера кончился двухнедѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе.

Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью, и самъ скоро умеръ насильственною смертью на охотѣ. Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, чтò я и требовать, и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги я написалъ пофранцузски къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ

какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ее Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ:

— Я согласенъ. Пошлите.

Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей своячееницѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».

— Этого достаточно,—сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами:

— Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться какъ братья.

Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.

— Съ моей стороны, — продолжалъ я: — я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ.

— Напрасно,— воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. — Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ.

Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.

— Впрочемъ, — добавилъ онъ: — я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ.

— Больше мнѣ и не нужно,—подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.

— У него, кажется, грудь, болитъ,—говорилъ онъ:—того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее.

— А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія?

— Хорошо.—(Онъ былъ въ это время какъ-то желчно веселъ).

— Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней:—вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако, я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ.

Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте».

Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря, я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ моего отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь по кончинѣ жены весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтренный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣ-

сколько казарменной непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой.

— Le pédicure prétend,—прибавилъ онъ:—que votre cor est plus beau que celui de ma femme [1]).

Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ [2]). Письмо, впрочемъ, было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца,—многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе, и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

29 января слѣдующаго (1837) года Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты. Я понялъ, что Пушкинъ не выдержалъ и послалъ письмо къ старику Гекерну; понялъ, почему, боясь новыхъ примирителей, онъ выбралъ себѣ секунданта почти уже на мѣстѣ поединка; я понялъ тоже, что такъ было угодно Провидѣнію, чтобъ Пушкинъ погибъ, и что онъ самъ увлекался къ смерти силою почти сверхъестественною и, такъ сказать, осязательною. 25 лѣтъ спустя, я встрѣтился въ Парижѣ съ Дантесомъ-Гекерномъ, нынѣшнимъ французскимъ сенаторомъ. Онъ спросилъ меня. «Вы ли это были?» — Я отвѣчалъ: Тотъ самый.— «Знаете ли,—продолжалъ онъ:—когда фельдъегерь довезъ меня до границы, онъ вручилъ мнѣ отъ государя запечатанный пакетъ съ документами моей несчастной исторіи. Этотъ пакетъ у меня въ столѣ лежитъ и теперь запечатанный. Я не имѣлъ духа его распечатать».

И такъ документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, написанный поддѣльной рукою. Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе!

Смерть Пушкина возвѣстила Россіи о появленіи новаго поэта— Лермонтова. Съ Лермонтовымъ я сблизился у Карамзиныхъ и былъ въ одно время съ нимъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ». Свѣтское его значеніе я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти «Большой свѣтъ», написанной по заказу

---

[1]) Т. е. мозольщикъ увѣряетъ, что у васъ мозоль лучше, чѣмъ у моей жены. Игра французскими словами cor—мозоль и corps—тѣло.

[2]) C'est vous probablement qui lui dictiez les pauvrétés qu'il venait debiter... il debite des calembourgs de corps de garde, — слова Пушкина въ письмѣ къ барону Гекерну-отцу.

великой княгини Маріи Николаевны. Вообще все, что̀ я писалъ, было по случаю, по заказу,—для бенефисовъ, для альбомовъ и т. п. «Тарантасъ» былъ написанъ текстомъ къ рисункамъ князя Гагарина, «Аптекарша» — подаркомъ Смирдину. Я всегда считалъ и считаю себя не литераторомъ ex professo, а любителемъ, прикомандированнымъ къ русской литературѣ по поводу дружескихъ сношеній. Впрочемъ, и Лермонтовъ, не смотря на громадное его дарованіе, почиталъ себя не чѣмъ инымъ, какъ любителемъ, и, такъ сказать, шалилъ литературой. Смерть Лермонтова, по моему убѣжденію, была не меньшею утратою для русской словесности, чѣмъ смерть Пушкина и Гоголя. Въ немъ высказывались съ каждымъ днемъ новые залоги необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснѣе, пластичнѣе, языкъ самобытнѣе. Онъ росъ по часамъ, началъ учиться, читать, сравнивать. Въ немъ слѣдуетъ оплакивать не столько того, котораго мы знаемъ, сколько того, котораго мы могли бы знать. Послѣднее наше свиданіе мнѣ очень памятно. Это было въ 1841 году: онъ уѣзжалъ на Кавказъ и пріѣхалъ ко мнѣ проститься.—«Однако жъ,—сказалъ онъ мнѣ:—я чувствую, что во мнѣ дѣйствительно есть талантъ. Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку, и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ».—Онъ уѣхалъ въ ночь. Вскорѣ онъ былъ убитъ, а я поѣхалъ за границу, гдѣ жилъ цѣлый годъ съ Гоголемъ, сперва въ Баденъ-Баденѣ, потомъ въ Ниццѣ. Талантъ Гоголя въ то время осмыслился, окрѣпнулъ, но прежняя струя творчества уже не била въ немъ съ привычною живостью. Прежде геній руководилъ имъ, тогда онъ уже хотѣлъ руководить геніемъ. Прежде ему невольно писалось, потомъ онъ хотѣлъ писать и какъ Гёте смѣшалъ свою личность съ независимымъ отъ его личности вдохновеніемъ. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: — «Пишите, поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ, и принуждайте себя писать».—«Да что жъ дѣлать, — возражалъ я: — если не пишется!» — «Ничего... возьмите перо и пишите: сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется и такъ далѣе, наконецъ, надоѣстъ и напишется».—Самъ же онъ такъ писалъ и былъ всегда недоволенъ, потому что ожидалъ отъ себя чего-то необыкновеннаго. Я видѣлъ, какъ этотъ бойкій, свѣтлый умъ постепенно туманился въ порывахъ къ недостижимой цѣли.

Какъ тревожны были мои отношенія къ Пушкину, такъ же покойны были отношенія мои къ Гоголю. Онъ чуждался и бѣгалъ свѣта, и, кажется, однажды во всю жизнь свою надѣлъ черный фракъ, и то чужой, когда великая княгиня Марія Николаевна пригласила его въ Римѣ къ себѣ. Застѣнчивость Гоголя простиралась до странности. Онъ не робѣлъ передъ посторонними, а тяготился ими. Какъ только являлся гость, Гоголь исчезалъ изъ ком-

наты. Впрочемъ, онъ иногда еще бывалъ веселъ, читалъ по вечерамъ свои произведенія, всегда прежнія, и представлялъ, между прочимъ, въ лицахъ нѣжинскихъ своихъ учителей съ такой комической силой, что присутствующіе надрывались со смѣха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрамъ онъ читалъ Іоанна Златоуста, потомъ писалъ и рвалъ все написанное, ходилъ очень много, былъ иногда простъ до величія, иногда причудливъ до ребячества. Я сохранилъ отъ этого времени много писемъ и документовъ, любопытныхъ для опредѣленія его психической болѣзни. Гоголя я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1850 году, когда я ѣхалъ на Кавказъ. Онъ пришолъ со мной проститься и началъ говорить такъ сбивчиво, такъ отвлеченно, такъ неясно, что я ужаснулся, смѣшался и сказалъ ему что-то про самобытность Москвы. Тутъ лице Гоголя прояснилось, искра прежняго веселья сверкнула въ его глазахъ, и онъ разсказалъ мнѣ погоголевски одинъ въ высшей степени забавный и типичный анекдотъ, которымъ, къ сожалѣнію, я съ моими читательницами подѣлиться не могу. Но тотчасъ же послѣ анекдота онъ снова опечалился, запутался въ несвязной рѣчи, и я понялъ, что онъ погибъ. Онъ страдалъ долго, страдалъ душевно, отъ своей неловкости, отъ своего мнимаго безобразія, отъ своей застѣнчивости, отъ безнадежной любви, отъ своего безсилія передъ ожиданіями русской грамотной публики, избравшей его своимъ кумиромъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ въ религіи спокойствія и не всегда находилъ; онъ изнемогалъ подъ силой своего призванія, принявшаго въ его глазахъ размѣры громадные, томился тѣмъ, что не причастенъ къ радостямъ всѣмъ доступнымъ, и, изнывая между болѣзненнымъ смиреніемъ и болѣзненной, несвойственной ему по природѣ гордостью, умеръ отъ борьбы внутренней, такъ, какъ Пушкинъ умеръ отъ борьбы внѣшней. Оба шли разными путями, но оба пришли къ одной цѣли, къ конечному душевному сокрушенію и къ преждевременной смерти. Пушкинъ не выдержалъ своего мнимаго униженія, Гоголь не выдержалъ своего настоящаго величія. Пушкинъ не устоялъ противъ своихъ враговъ, Гоголь не устоялъ противъ своихъ поклонниковъ. Оба не были подготовлены современнымъ имъ общественнымъ духовнымъ развитіемъ къ твердой стойкости передъ жизненными искушеніями. Оба не нашли вокругъ себя настоящей точки опоры, общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ. Настоящимъ художникамъ нѣтъ еще мѣста, нѣтъ еще обширной сферы въ русской жизни. И Пушкинъ, и Гоголь, и Лермонтовъ, и Глинка, и Брюловъ были жертвами этой горькой истины. Тамъ, гдѣ жизнь еще ищетъ своихъ требованій, тамъ искусству неловко, тамъ художникъ становится мученикомъ другихъ и самого себя.

Послѣ кончины почти всѣхъ моихъ учителей, товарищей и пріятелей, я отошелъ отъ литературнаго поприща, какъ покидаютъ домъ, нѣкогда оживленный любимыми собесѣдниками и вдругъ опустошенный рукою всесокрушающей смерти. Я отошелъ въ сторону, но унесъ съ собой свои воспоминанія, и уже привычную любовь къ русскому слову, и твердую увѣренность въ его прекрасной будущности. Свѣтильникъ, зажженный великими людьми, не можетъ угаснуть. Его обережетъ народный здравый смыслъ. Его оживятъ новые таланты. Дай Богъ, чтобъ они не были новыми жертвами; дай Богъ, чтобъ истинное просвѣщеніе не оставалось утонченною потребностью нѣкоторыхъ личностей, а разлилось потокомъ по всему нашему отечеству.

Я уже сказалъ, что въ декабрѣ 1836 года уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ назначенъ былъ состоять чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ графѣ Строгановѣ. Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, мой новый начальникъ, хотя не одаренный способностями государственными, былъ, однако же, человѣкъ недюжинный. Онъ игралъ видную роль по своей служебной карьерѣ, и потому я подробно поговорю о немъ. По рожденію, связямъ и воспитанію, онъ принадлежалъ къ самому знатному петербургскому кругу. Съ женою своею, рожденною княжною Кочубей, онъ имѣлъ трехъ дѣтей: двухъ дочерей—одна изъ нихъ, Маріанна, олицетворяла собою красоту, грацію, женственность — и сына Григорія Александровича; его дочери обѣ умерли молодыми дѣвушками, зато сыну удалось порядочно нашумѣть на своемъ вѣку. Я всегда находился съ Григоріемъ Строгановымъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и могу сказать, что рѣдко на своемъ вѣку встрѣчалъ человѣка такого благороднаго и добраго. Онъ представлялъ собою олицетвореніе того, что французы называютъ «un viveur», но въ самомъ изящномъ смыслѣ. Всегда готовый волочиться за женщинами и кутить, онъ въ то же время всегда былъ готовъ оказать услугу товарищу, помочь бѣдняку, утѣшить страждущаго... Въ Россіи трудно кого нибудь удивить способностью осушить почтенное количество бутылокъ, но едва ли кто нибудь могъ въ этомъ случаѣ перещеголять Григорія Строганова. Его попойки сдѣлались въ Россіи легендарными; опишу одну изъ нихъ, разсказанную мнѣ самимъ Григоріемъ Александровичемъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, по дѣламъ службы Строгановъ отправился въ Прибалтійскія провинціи и пріѣхалъ,—уже не помню теперь хорошенько,—въ Ревель или Ригу,—словомъ въ большой городъ, гдѣ члены тамошняго клуба устроили ему обѣдъ. Какъ только Строгановъ вошелъ въ залу, члены встрѣтили его самымъ радушнымъ образомъ и повели въ столовую, гдѣ усадили, разумѣется, на первое мѣсто и стали его угощать.

— Любезный графъ,—обратился къ Строганову предсѣдатель пирушки:—мы знаемъ, что въ Россіи никто такъ богатырски не

пьетъ, какъ вы, и потому мы предлагаемъ вамъ выпить съ каждымъ изъ насъ по бокалу за ваше здоровье; насъ семнадцать человѣкъ, слѣдственно...

— Съ удовольствіемъ, — невозмутимо отвѣтилъ Григорій Александровичъ; онъ зналъ, что противъ него между его хозяевами произошло нѣчто въ родѣ маленькаго заговора съ цѣлью его напоить, и потому приготовился къ бою:—съ удовольствіемъ, я готовъ съ каждымъ изъ васъ выпить по бокалу шампанскаго!

Онъ всталъ. Всѣ поднялись за нимъ. Строгановъ чокался съ каждымъ изъ своихъ «сотрапезниковъ» и до дна осушалъ свой бокалъ; стоявшій позади его оффиціантъ немедленно снова наполнялъ его бокалъ, и Строгановъ снова чокался. Когда этотъ обрядъ окончился, всѣ усѣлись на свои мѣста и принялись обѣдать.

— Господа!—въ свою очередь, заговорилъ Строгановъ; онъ былъ, что называется, «какъ ни въ чемъ не бывало»:—я исполнилъ ваше желаніе; теперь позвольте мнѣ сдѣлать вамъ маленькое предложеніе.

— Согласны, заранѣе согласны!—загудѣли расходившіеся бароны.

— Я выпилъ, какъ вы изволили это видѣть, семнадцать бокаловъ; теперь я предлагаю вамъ слѣдующее: каждый изъ насъ долженъ выпить по семнадцати бутылокъ шампанскаго?..

Бароны нѣсколько опѣшили, но согласились; разумѣется, за третьей бутылкой половина изъ нихъ уже лежала подъ столомъ; остальные же если и бормотали что-то еще о «привиллегіяхъ», но такъ безтолково, что Строгановъ махнулъ на нихъ, что называется, рукой, надѣлъ фуражку и ушелъ.

Начальникъ мой, Александръ Григорьевичъ, отличался, какъ и братъ его, извѣстный всему Петербургу, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, сухимъ и даже рѣзкимъ видомъ, въ душѣ же онъ былъ человѣкъ и добрый и благонамѣренный, хотя не отличался тою благотворительностью, какою славился въ Петербургѣ его братъ Сергѣй Григорьевичъ; между мной и графомъ Строгановымъ существовали странныя отношенія; утромъ, когда я являлся къ нему по службѣ, онъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и принималъ меня чисто поначальнически; онъ никогда не подавалъ мнѣ руки, и я стоя докладывалъ ему о возложенныхъ на меня имъ порученіяхъ или выслушивалъ его приказанія; затѣмъ я откланивался и уходилъ; но по возвращеніи домой человѣкъ докладывалъ мнѣ, что отъ генералъ-губернатора приходилъ курьеръ съ приглашеніемъ на обѣдъ. Когда я являлся на приглашеніе, я точно встрѣчалъ совершенно другаго человѣка; съ ласковой улыбкой на совершенно измѣнившемся лицѣ, съ протянутой рукой, Строгановъ шелъ мнѣ навстрѣчу, не только любезно, но, можно сказать, товарищески разговаривая со мною обо всемъ; послѣ обѣда, куря, мы вдвоемъ играли на билліардѣ часовъ до одиннадцати вечера; затѣмъ я уходилъ, но на слѣдующій день утромъ опять заставалъ своего начальника такимъ же ледянисто-сухимъ какъ всегда. Эти отношенія,

во-первыхъ, обрисовываютъ характеръ Строганова, во-вторыхъ, даютъ понятіе о существовавшихъ тогда отношеніяхъ между начальниками и подчиненными. Во время исполненія служебныхъ обязанностей начальникъ всегда оставался холоденъ, но если подчиненный принадлежалъ къ одному съ нимъ обществу, то въ обыденной жизни онъ становился любезнѣе, разумѣется, не въ такой рѣзкой формѣ, какъ это дѣлалъ Строгановъ. Лѣто семья Строганова проживала въ Диканькѣ (я уже сказалъ выше, что графъ былъ женатъ на княжнѣ Кочубей), и я часто туда ѣзжалъ. Я не стану описывать Диканьку, ея знаменитый дворецъ, паркъ и такъ далѣе; обо всемъ этомъ столько разъ было говорено; но опишу обыденную въ ней жизнь, какою я её тогда видѣлъ. Состояніемъ старуха княгиня Кочубей владѣла такимъ огромнымъ, что даже по ея кончинѣ каждый изъ ея четырехъ сыновей еще оказался очень богатымъ человѣкомъ. Мы находились не то что въ родствѣ, а въ свойствѣ съ Кочубеями, такъ какъ моя родная тетка, сестра моей матери, была замужемъ за роднымъ братомъ княгини Кочубей—Васильчиковымъ. Этимъ и объясняется, что старуха княгиня всегда относилась ко мнѣ благосклонно—другаго выраженія я употребить не могу, такъ какъ княгиня Кочубей держалась царицей; впрочемъ, не она одна—въ тѣ времена многія изъ знатныхъ дамъ новопожалованныхъ родовъ (такъ какъ ужъ и тогда настоящіе, древніе, княжескіе и боярскіе русскіе роды почти всѣ обѣднѣли и размножились) любили у себя въ помѣстьяхъ, какъ говорятъ французы, «jouer à la reine». На эктеніяхъ вслѣдъ за императорской фамиліей и именемъ мѣстнаго архіерея, священникъ молился за княгиню со чадами и объ опочившемъ князѣ. По этому поводу я однажды былъ свидѣтелемъ смѣшной, но нѣсколько безобразной сцены; священникъ во время обѣдни, на эктеніи, ошибся и вмѣсто того, чтобы помолиться «о здравіи» княгини Кочубей, онъ помянулъ её «за упокой». Она, разумѣется, какъ всегда, находилась въ церкви, и можно себѣ представить какое непріятное впечатлѣніе эта ошибка произвела на женщину, уже старую и необыкновенно чванную. Что же касается Строганова, то онъ просто разсвирѣпѣлъ. Едва обѣдня окончилась, онъ вбѣжалъ въ алтарь и бросился на священника; этотъ обмеръ отъ страха и выбѣжалъ въ боковую дверь вонъ изъ церкви; Строгановъ схватилъ стоявшую въ углу трость священника и бросился его догонять. Никогда мнѣ не забыть, какъ священникъ, подбирая рукой полы своей добротной шелковой рясы, отчаянно перескакивалъ клумбы и плетни, а за нимъ Строгановъ въ генеральскомъ мундирѣ гнался, потрясая тростью и приговаривая: «не уйдешь такой, сякой, не уйдешь».

На пріемахъ, обѣдахъ и даже тогда, когда, кромѣ семьи и домочадцевъ, никого не было,—правда, это случалось очень рѣдко,—всѣ въ ожиданіи княгини собирались въ одну изъ гостинныхъ, и только за нѣсколько минутъ она появлялась въ сопровожденіи двухъ-трехъ

приживалокъ; это нѣсколько смахивало на выходъ, но не казалось смѣшнымъ, во-первыхъ, потому, что княгиня Кочубей дѣйствительно выглядывала настоящей барыней, во-вторыхъ, потому, что роскошь Диканьки этому соотвѣтствовала.

Въ Харьковѣ я часто бывалъ у графа Головкина, женатаго на родной сестрѣ моей бабки, графини Сологубъ-Нарышкиной. Я ему доводился внучатнымъ племянникомъ, и онъ всегда необыкновенно ласково со мною обращался. Онъ изображалъ собою воплощеніе типа большихъ баръ XVIII-го столѣтія. Большаго роста, тучный, съ огромнымъ гладко выбритымъ лицомъ и густыми сѣдыми волосами, зачесанными по модѣ императрицы Екатерины II, онъ всегда былъ одѣтъ изысканно, хотя по-старинному, носилъ чулки и башмаки съ необыкновенно красивыми пряжками; когда онъ входилъ въ комнату, покачиваясь и опираясь на трость съ драгоцѣннымъ набалдашникомъ, то распространялъ очень сильный и пріятный запахъ «Bouquet à la Maréchale», коимъ были пропитаны всѣ его одежды; къ каждому изъ своихъ гостей (онъ почти ни у кого не бывалъ), по-старинному, онъ обращался съ любезнымъ привѣтствіемъ; во всемъ онъ соблюдалъ обычаи прошлаго и даже волочился за женщинами, вѣроятно, впрочемъ, безобидно, такъ какъ въ ту пору (въ 1837 году) ему уже минуло за семьдесятъ. Во время моего пребыванія въ Харьковѣ предметомъ его старческой страсти была жена губернскаго архитектора, хорошенькая г-жа Меновская. Ежедневно она передъ обѣдомъ держалась съ прочими гостями въ пріемной въ ожиданіи выхода хозяина; когда въ дверяхъ показывалась высокая фигура Головкина, Меновская первая подходила къ нему и, граціозно передъ нимъ присѣдая, подавала ему табакерку, наполненную тончайшимъ испанскимъ табакомъ; старикъ нѣжно принималъ изъ прекрасныхъ рукъ свою табакерку. Щеголевато, какъ истый маркизъ двора Людовика XV-го, концами пальцевъ подносилъ къ своему благородному носу щепотку табаку, съ наслажденіемъ её втягивалъ, ногтями стряхивалъ пылинки табаку, упавшія на кружева жабо, потомъ обращался къ красивой полькѣ и, влюбленно на нее глядя, ежедневно произносилъ одну и ту же фразу:—«Trop gracieuse chère Madame, et de plus en plus jolie!»

Отъ Головкина я слышалъ много интересныхъ разсказовъ о выдающихся личностяхъ конца прошлаго вѣка и въ особенности о Потемкинѣ, котораго онъ хорошо помнилъ и близко зналъ. Между прочимъ, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее явленіе изъ жизни знаменитаго свѣтлѣйшаго, кажется, мало извѣстное. Во время втораго турецкаго похода Потемкинъ, который, какъ извѣстно, очень любилъ женщинъ, влюбился въ жену одного изъ своихъ приближенныхъ офицеровъ, княгиню Долгорукую. При его тогдашнемъ могуществѣ, громадномъ богатствѣ и, кромѣ всего этого, его обаятельной личности, онъ только затруднялся тѣмъ, что французы на-

зываютъ «l'embarras du choix», но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ отпоръ непредвидѣнный; княгиня Долгорукая гордо отвергла исканія великолѣпнаго князя Тавриды, потому что горячо любила своего мужа. Какъ и слѣдовало ожидать, сопротивленіе еще болѣе разожгло страсть Потемкина; все было пущено въ ходъ, чтобы ослѣпить, затуманить, очаровать молодую красавицу, но напрасно: она попрежнему оставалась непреклонна. Однажды, объѣзжая позиціи войскъ вокругъ осаждаемаго Очакова, Потемкинъ завидѣлъ издали любимый обликъ и подскакалъ къ княгинѣ Долгорукой. Молодая женщина какъ всегда обошлась съ нимъ съ холодной почтительностью и нехотя отвѣчала на любезности князя.

— Дайте мнѣ понюхать этотъ цвѣтокъ,—промолвилъ князь, указывая на подснѣжникъ, приколотый къ мантильѣ княгини Долгорукой.

Та нехотя подала ему цвѣтокъ; но въ то время, какъ Потемкинъ, перегнувшись на сѣдлѣ, протягивалъ руку, лошадь его рванула, и подснѣжникъ упалъ въ грязь..

— Вы мнѣ позволите, княгиня, возвратить вамъ такой же цвѣтокъ?—спросилъ фельдмаршалъ.

— Д-да,—нерѣшительно отвѣтила княгиня.

Потемкинъ ей поклонился, поднялъ лошадь въ галопъ и поскакалъ домой. Черезъ часъ послѣ этого фельдъегерь мчался въ Петербургъ съ личнымъ порученіемъ отъ фельдмаршала. Какъ извѣстно, Потемкинъ и жилъ, и воевалъ царемъ; на войнѣ его сопровождалъ обозъ въ сотни телѣгъ, вмѣщавшихъ въ себѣ самыя изысканныя явства, тончайшія вина, драгоцѣнную золотую и серебряную утварь, ковры, восточныя ткани и т. д. Между прочими его затѣями онъ приказалъ почти подъ стѣнами осаждаемаго города вырыть нѣчто въ родѣ подземнаго дворца съ огромной галлереей, могущей вмѣстить въ себѣ вереницу столовъ человѣкъ на сто. Къ назначенному дню все оказалось готовымъ; подземный чертогъ сіялъ позолотой и рдѣлъ роскошными тканями; съ утра князь разослалъ приглашенія на пиръ, но мѣсто пира оставалось неизвѣстнымъ почти для всѣхъ, и только нѣкоторые посвященные знали о великолѣпныхъ приготовленіяхъ. Кромѣ пышной обстановки, всюду окружавшей свѣтлѣйшаго, его всюду сопровождала многочисленная свита, составленная не только изъ лицъ, находящихся при немъ на службѣ, но и ихъ женъ и даже дамъ и кавалеровъ вовсе ему чужихъ, и потому, не въ ущербъ побѣдамъ, празднества смѣнялись празднествами. Но этотъ пиръ превзошелъ великолѣпіемъ и оригинальностью всѣ предшествовавшіе. Когда очарованные гости при пушечной пальбѣ вошли или скорѣе опустились въ подземное царство, Потемкинъ ихъ встрѣтилъ со своею обычною привѣтливостью, но казался озабоченнымъ. За ужиномъ княгиня Долгорукая сидѣла напротивъ хозяина; казалось, ея красота еще никогда не была такъ обаятельна, и свѣтлѣйшій не сводилъ съ нея глазъ, но, тѣмъ не

менѣе, безпокойство его и нетерпѣніе возростали съ каждой минутой. Но вотъ къ нему приблизился одинъ изъ дворецкихъ и, почтительно нагибаясь къ уху князя, прошепталъ нѣсколько словъ; лицо Потемкина просвѣтлѣло.

— А! наконецъ!—вскрикнулъ онъ:—я жду его съ утра; введите его сюда!

Черезъ минуту въ галлерею весь запыленный отъ долгой дороги вошелъ фельдъегерь и подалъ Потемкину маленькій бирюзоваго цвѣта экранъ; князь раскрылъ его и вынулъ изъ него удивительной работы бриллiантовый подснѣжникъ...

— Княгиня,—черезъ столъ подавая княгинѣ Долгорукой снова уложенный имъ въ экранъ подснѣжникъ, сказалъ Потемкинъ:—мѣсяцъ тому назадъ вы позволили мнѣ возвратить вамъ нечаянно уроненный мною въ грязь вашъ цвѣтокъ... Смѣю ли я надѣяться, что этотъ можетъ замѣнить тотъ?..

Княгиня Долгорукая взяла экранъ изъ рукъ Потемкина, полюбовалась игрой баснословныхъ камней, потомъ, возвращая свѣтлѣйшему экранъ, проговорила своимъ сдержаннымъ голосомъ:

— Князь, я согласилась отъ васъ принять такой же цвѣтокъ, какъ былъ мой, а не драгоцѣнный подарокъ; благодарю васъ за вашу обычную ко мнѣ любезность, но принять эту вещь я не могу!..

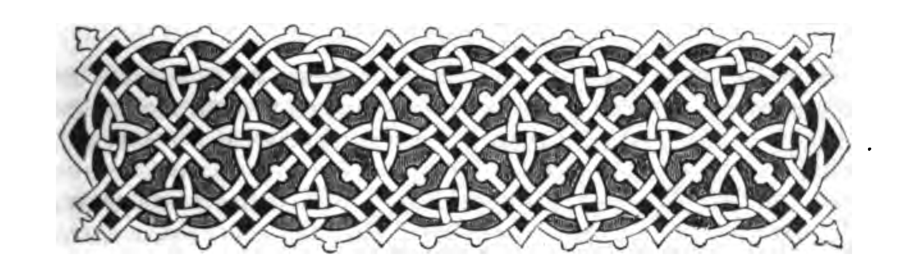
Потемкинъ измѣнился въ лицѣ и съ свойственною ему горячностью бросилъ подъ столъ, растопталъ каблукомъ, въ дребезги уничтожилъ злополучный подснѣжникъ...

Присутствующимъ стало «не по себѣ», князь во гнѣвѣ былъ тяжелъ; но Потемкинъ съ обычнымъ своимъ умомъ взялъ на себя свойственный ему видъ и съ улыбкой насилованной, но, всетаки, улыбкой, обратился къ княгинѣ Долгорукой, выражая только сожалѣніе, что труды петербургскихъ ювелировъ и нѣсколько тысячъ верстъ, проскаченныхъ въ ея честь, не заслужили ея вниманія. Пиръ долго еще продолжался, но съ этого вечера свѣтлѣйшій пересталъ ухаживать за княгиней Долгорукой: гордый любимецъ великой царицы не простилъ ей ея урока.

Графъ Головкинъ также любилъ разсказывать о балѣ, данномъ Потемкинымъ въ честь императрицы Екатерины въ Таврическомъ дворцѣ. Разумѣется, все, что могла придумать самая роскошная и пышная фантазія съ тѣмъ особеннымъ тонкимъ вкусомъ, какимъ отличались празднества при дворахъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, украшало дворецъ и примыкавшіе къ нему сады. Когда императрица, еще тогда прекрасная, прибыла на балъ, Потемкинъ встрѣтилъ ее на колѣняхъ; за нимъ на подушкѣ изъ голубаго атласа пажъ держалъ его шляпу—она до того была разукрашена бриллiантами, что въ рукахъ нести князю ее было тяжело.

Графъ В. Сологубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БОЛГАРІЯ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

(Историческій очеркъ).

I.

ДИПЛОМАТЫ берлинскаго конгресса раскололи на три части Цѣлокупную Болгарію Санъ-Стефанскаго трактата, образовавъ изъ сѣверной Болгаріи (Мизіи) почти независимое княжество, изъ южной—именно Ѳракіи, по Адріанопольскій вилаэтъ, автономную область, весьма неудачно окрещенную названіемъ Восточной Румеліи, а Македонію оставивъ попрежнему подъ властью турецкаго султана. Церковно-объединенная, въ видѣ самостоятельнаго экзархата, по султанскому фирману 1872 года, единая по своей исторіи и этнографическому составу населенія, Болгарія, какъ бездушный трупъ, была разрѣзана на куски. Такая операція in animi vili, произведенная надъ живымъ народомъ, такое открытое пренебреженіе къ ходу историческаго развитія, требованіямъ жизни и стремленіямъ пробудившагося народнаго сознанія, конечно, не могло пройдти безнаказанно для дѣла мирнаго развитія. Выбитое изъ естественной исторической колеи дальнѣйшее политическое развитіе болгарскаго народа подвергалось неизбѣжно великимъ опасностямъ въ будущемъ, дѣлая изъ несчастнаго Балканскаго полуострова игралище народныхъ страстей и дипломатическихъ интригъ. Въ концѣ XIX-го столѣтія, какъ и въ началѣ его, на пресловутомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, 1815 года, европейская

дипломатія обнаружила полное пренебреженіе къ законамъ историческаго развитія и новому мощному фактору политической европейской жизни — національному принципу. На третьемъ, по счету, великомъ европейскомъ конгрессѣ, текущаго столѣтія, дипломатія, во имя чисто отвлеченныхъ и совершенно фиктивныхъ интересовъ, игнорировала значеніе и силу національнаго принципа, который, по вѣрному замѣчанію одного французскаго публициста, «въ наши дни творитъ чудеса, возвращаетъ даръ слова нѣмымъ и призываетъ къ жизни мертвецовъ» [1]). Этотъ жизненный и могучій принципъ современной политической жизни былъ грубо попранъ на берлинскомъ конгрессѣ, и притомъ въ силу весьма шаткихъ и крайне призрачныхъ интересовъ и столь же легковѣсныхъ соображеній. Главный и самый ярый партизанъ разчлененія Болгаріи, маркизъ Салюсбюри, усердный сотрудникъ печальной памяти Биконсфильда, минувшей осенью, послѣ переворота, 6-го сентября, т. е. всего только 7 лѣтъ послѣ конгресса, въ качествѣ премьера и руководителя политики Forreing Office королевы, обратился скоропостижно въ самаго ретиваго адвоката «Цѣлокупной Болгаріи» и національнаго объединенія болгарскаго народа. Всякая ломка жизни, во имя отвлеченныхъ умоначертаній теоріи или доктрины, хотя бы проводимой въ жизнь высокопоставленными представителями великихъ европейскихъ державъ, есть дѣло, по существу своему, безусловно революціонное, неизбѣжно вносящее въ жизнь народовъ, подвергающихся такой операціи, элементы смуты и броженія.

Вся политическая исторія Европы въ XIX-мъ вѣкѣ непреложно подтверждаетъ эту истину. Вѣнскій конгрессъ, 1815 года, думалъ раздавить національныя стремленія итальянскаго народа. Регентъ европейскаго концерта того времени князь Меттернихъ напрягалъ всѣ усилія своего изобрѣтательнаго ума и всѣ средства дипломатической интриги, чтобы обратить Италію въ географическій терминъ. Апеннинскому полуострову былъ навязанъ его стараніями политическій порядокъ крайне искусственный, глубоко противный и враждебный народнымъ желаніямъ и историческому развитію. Европейская дипломатія, поддерживая этотъ порядокъ, думала затормозить въ Италіи пробужденіе національнаго духа и сознанія, подчинивъ дальнѣйшее историческое развитіе итальянскаго народа своимъ политическимъ комбинаціямъ и эгоистической политикѣ вѣнскаго кабинета.

Но задержанное усиліями дипломатіи національное движеніе въ Италіи не заглохло, а только получило революціонное направленіе, подкладку и окраску. Италія на нѣсколько десятковъ лѣтъ превра-

---

[1]) Anatole Leroy-Beaulieu: «La Boulgarie et les derniers evenements d'Orient» (Revue Politique et Litteraire, 23 №, 1885).

тилась въ зловѣщій очагъ революціонной пропаганды, тревожившій Европу непрерывными революціонными вспышками, представлявшими постоянную угрозу миру Европы. Въ концѣ концовъ жизнь одолѣла дипломатію! Италія объединилась подъ властью савойской династіи, выставившей на своемъ знамени національную идею Италіи. Апеннинскій полуостровъ, наконецъ, избавился отъ европейской опеки, въ 1870 году, когда занятіемъ Рима дѣло объединенія Италіи было закончено. Италія успокоилась и затихла, хотя страна до сихъ поръ еще не вполнѣ успѣла пережить и выбросить изъ своего политическаго организма тѣ зародыши смуты, которыя запали въ итальянскую почву въ это печальное время.

Берлинскій конгрессъ съигралъ совершенно аналогическую роль въ отношеніи Балканскаго полуострова. Вытѣсненная изъ Италіи войной 1859 года и событіями 1866 года, когда ей пришлось отказаться отъ Венеціанской области, выброшенная въ то же время, по Никольсбургскому миру, изъ германскаго союза, Австрія обратила взоры на Балканскій полуостровъ. По свойственному всѣмъ народамъ сѣвернаго и средняго климата тяготѣнію къ югу, имперія габсбурговъ перенесла объективъ своей политики съ Апеннинскаго полуострова на Балканскій.

Усерднымъ проповѣдникомъ и проводникомъ этой новой восточной политики Австро-Венгріи явился весьма даровитый и предпріимчивый молодой дипломатъ, баронъ Веніаминъ Каллай, теперешній намѣстникъ австрійскаго императора въ Босніи и Герцеговинѣ. Сербъ, по матери, но ярый мадьяръ, по отцу и воспитанію, Каллай, авторъ извѣстной «Исторіи Сербіи», весьма красно и бойко формулировалъ программу этой политики, въ своемъ извѣстномъ и надѣлавшемъ немало шума мемуарѣ — «О восточной задачѣ Австро-Венгріи», представленномъ имъ, въ 1879 году, въ Пештскую академію наукъ [1]).

Идеи Каллая о великой исторической миссіи, которую будто бы призвана играть мадьярская раса въ судьбахъ Балканскаго полуострова, были приняты весьма благосклонно при дворѣ Франца Іосифа. Авторъ мемуара не замедлилъ получить сначала портфель имперскаго министра финансовъ, а вслѣдъ за симъ и соединенное съ этимъ портфелемъ управленіе Босніей и Герцеговиной—этимъ форпостомъ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. По общепринятому мнѣнію, Каллай наиболѣе вѣроятный преемникъ Кальноки и будущій руководитель внѣшней политики вѣнскаго кабинета, когда пробьетъ часъ приведенія въ исполненіе давно заду-

[1]) Точное заглавіе этого мемуара слѣдующее: «Венгрія на рубежѣ Востока и Запада». (Ungarn an den Grenzen des Orientes und Occidents). Этотъ мемуаръ былъ написанъ помадьярски, но одновременно и самимъ же авторомъ переведенъ былъ и понѣмецки, а вслѣдъ за симъ явились его переводы на всѣхъ европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ русскаго.

манныхъ плановъ, а именно перемѣщенія политическаго центра Ostreich, въ буквальномъ переводѣ восточное государство, на востокъ, или, иначе говоря, на Балканскій полуостровъ. Хотя г. Каллай и не принималъ оффиціальнаго участія въ дебатахъ берлинскаго конгресса, но какъ близкій человѣкъ Андраши и Кароли, представителямъ Австро-Венгріи на конгрессѣ, онъ имѣлъ полную возможность дать практическое примѣненіе своимъ воззрѣніямъ на историческую миссію Австро-Венгріи на Востокѣ. Вдохновленные имъ дипломаты Вѣны и Пешта весьма успѣшно опутали на конгрессѣ Балканскій полуостровъ паутиной сложныхъ интригъ, конечная цѣль которыхъ подготовить совершенное подчиненіе этого полуострова Австро-Венгріи.

Такое направленіе австро-венгерской политики, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее желаніямъ и видамъ «честнаго маклера конгресса», властно руководившаго его рѣшеніями, конечно, получило полную апробацію и санкцію конгресса. Одушевленная восточными планами хитроумнаго мадьяра, австрійская политика не замедлила приступить къ постепенному ихъ осуществленію. На первое время Австрія занялась преимущественно сербами. Получивъ отъ конгресса право на окупацію Босніи и Герцеговины, австрійская дипломатія, сверхъ того, добилась сооруженія спеціальной перегородки между Черногоріей и Сербіей, въ видѣ подвластной султану полосы, раздѣляющей эти славянскія государства сербскаго корня. Въ виду такихъ результатовъ, достигнутыхъ вѣнскимъ кабинетомъ на конгрессѣ, австро-венгерская пресса громко ликовала и во всеуслышаніе хвалилась, что въ славянское тѣло на Балканскомъ полуостровѣ вбитъ весьма солидный и «надежный колъ». Хотя извѣстный нѣмецкій ученый профессоръ Блюнчли, въ своемъ этюдѣ о Берлинскомъ трактатѣ[1]), и замѣчаетъ довольно основательно, что ни одно изъ государствъ, заинтересованныхъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, не могло остаться вполнѣ довольно этимъ трактатомъ, но, очевидно, про Австрію этого нельзя сказать.

Правда, обстоятельства, при которыхъ пришлось окупировать Боснію и Герцеговину, были довольно тревожнаго свойства. Австрійскимъ культуртрегерамъ на Балканскомъ полуостровѣ, снабженнымъ масляничными вѣтвями отъ конгресса, пришлось вступить въ Боснію и Герцеговину не съ этими эмблемами мира, а со штыками въ рукахъ. Невѣжественные герцеговинцы и босняки слышать не хотѣли о благодѣяніяхъ нѣмецкой культуры, которую несла съ собой австрійская окупація, вслѣдствіе чего приходилось во имя культуры и цивилизаціи брать съ боя чуть ли не каждую де-

---

[1]) Revue de Droit International, за 1879 г. Le Congrés de Berlin etc.

ревню. Мѣстное населеніе смотрѣло на швабовъ, посланныхъ къ нимъ конгрессомъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ.

Но народное сопротивленіе было сломлено, хотя послѣ упорной борьбы и немалаго напряженія силъ. Австро-венгерскія войска, въ составѣ нѣсколькихъ корпусовъ, предводимыя генераломъ Филипповичемъ, наконецъ, одолѣли и разсѣяли какъ войска албанской лиги, такъ и четы герцеговинцевъ и босняковъ. Сераево было занято австрійцами, а вся окупированная область покрылась какъ щетиною австрійскими блокгаузами. Сербія, т. е. правители ея съ Миланомъ во главѣ, была куплена вѣнскимъ кабинетомъ, а австрійскій представитель при бѣлградскомъ дворѣ, графъ Робертъ Кевенгюллеръ, сдѣлался другомъ дома правителя Сербіи и властнымъ руководителемъ сербской политики.

Этотъ самый графъ Кевенгюллеръ, въ жилахъ котораго течетъ чешская кровь, роковой человѣкъ въ судьбѣ славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Состоя дипломатическимъ агентомъ при князѣ Александрѣ болгарскомъ и пользуясь большимъ вліяніемъ на этого послѣдняго, онъ приготовилъ прискорбный переворотъ 27-го апрѣля 1881 года, надѣлавшій немало вреда Болгаріи и значительно испортившій наши отношенія къ послѣдней [1]).

Въ качествѣ представителя своего кабинета въ Бѣлградѣ, Кевенгюллеръ былъ душой сближенія Сербіи съ Австріей, а послѣ переворота 6-го сентября въ Восточной Румеліи, весьма успѣшно подстрекалъ короля Милана къ войнѣ съ Болгаріей. Роль, которую Кевенгюллеръ игралъ при заключеніи перемирія между этими державами, слишкомъ еще свѣжа въ памяти нашихъ читателей, и мы объ ней здѣсь распространяться не будемъ. Вмѣшательство Австріи было облечено Кевенгюллеромъ въ такую форму, которая глубоко оскорбила какъ сербовъ, такъ и болгаръ и немало затруднила полное примиреніе этихъ братскихъ славянскихъ народовъ, столь нагло стравленныхъ лукавыми внушеніями вѣнской дипломатіи. Въ настоящее время графъ Кевенгюллеръ, сильно скомпрометировавшій себя въ глазахъ всего славянскаго населенія Балканскаго полуострова, какъ слышно, оставляетъ свой постъ въ Бѣлградѣ — онъ переводится въ Бухарестъ, вѣроятно, для того, чтобы изъ Румыніи мутить славянскія дѣла на полуостровѣ. Такимъ образомъ стараніями австрійской дипломатіи Балканскій полуостровъ былъ оцѣпленъ сѣтью хитро задуманныхъ интригъ, народныя страсти и вражда политическихъ партій распалена до точки кипѣнія; однимъ словомъ, сдѣлано было все возможное для успѣшнаго выполненія восточной программы мадьярскихъ политиковъ. Впрочемъ,

---

[1]) Кевенгюллеръ, собственно говоря, оставилъ Софію за нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, но когда «каша была заварена» и князь Александръ окончательно уже рѣшилъ въ умѣ свой первый пресловутый переворотъ.

одинъ изъ капитальныхъ пунктовъ этой програмы — вызвать въ 1881 году вооруженное столкновеніе между освобожденнымъ русской кровью болгарскимъ народомъ и молодымъ болгарскимъ войскомъ, состоявшимъ тогда подъ командой русскихъ офицеровъ,—не увѣнчался успѣхомъ.

Эта коварная комбинація австрійской дипломатіи, вполнѣ достойная наслѣдниковъ Меттерниха, разлетѣлась какъ дымъ, благодаря политическому такту и личному авторитету въ глазахъ болгарскаго народа нашего дипломатическаго представителя въ Софіи въ эти печальные дни, т. е. лѣтомъ 1881 года, М. А. Хитрово.

Оказавъ дѣятельную поддержку князю Александру, висѣвшему, послѣ переворота 27-го апрѣля, на волоскѣ, что было категорически предписано ему изъ Петербурга, г. Хитрово, пользуясь большимъ вліяніемъ среди болгаръ, съумѣлъ удержать опозицію отъ вооруженнаго открытаго возстанія противъ князя Александра Баттенберга, съ цѣлью низверженія его. Въ виду тогдашняго настроенія нашихъ высшихъ правительственныхъ сферъ и взглядовъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ на положеніе вещей въ Болгаріи, такое революціонное движеніе неминуемо привело бы къ самымъ прискорбнымъ результатамъ, а именно обращенію русскаго оружія противъ только что освобожденнаго нами болгарскаго народа.

Такого исхода переворота 27-го апрѣля усердно желала австрійская дипломатія: графъ Кевенгюллеръ и его друзья заранѣе потирали руки въ ожиданіи той минуты, когда русскимъ офицерамъ, состоявшимъ на болгарской службѣ, придется вести молодыхъ болгарскихъ солдатъ противъ возставшаго на князя болгарскаго народа.

Къ счастью для Россіи и Болгаріи, эта горькая чаша насъ миновала! Заслуги въ этомъ отношеніи М. А. Хитрово, своевременно разгадавшаго замыслы враговъ славянства и отклонившаго это роковое столкновеніе, до сихъ поръ не оцѣнены еще по достоинству!

Этотъ знаменательный и въ высшей степени характерный эпизодъ изъ новѣйшей исторіи Болгаріи у насъ, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ; наша печать, со словъ европейской прессы, привыкла повторять, что иниціатива переворота 27-го апрѣля исходила якобы изъ Петербурга, совершенно игнорируя ту роль, которую въ этомъ переворотѣ играла Австрія.

Нѣмецкая печать, конечно, лучше нашей знакомая съ закулисной стороной этого прискорбнаго переворота, разумѣется, не преминула лукаво свалить на русскую спину,—благо она широка,—вызванное этимъ переворотомъ неудовольствіе болгаръ.

Мы же, русскіе люди, по винѣ нашей дипломатіи, страдающей неизлѣчимой печато-болѣзней и охраняющей аки зеницу ока канцелярскую тайну нашихъ внѣшнихъ сношеній и все касающееся

нашей иностранной политики, хотя бы и въ явный ущербъ нашимъ политическимъ интересамъ, конечно, ровно ничего не сдѣлали, чтобы разсѣять эту прискорбную клевету.

Нѣсколько ниже я болѣе подробно и фактично изложу исторію этого перваго переворота князя Александра, который въ сущности для нашей дипломатіи былъ такимъ же сюрпризомъ, какъ и послѣдовавшій 6-го сентября прошлаго года. Въ болгарскихъ дѣлахъ и политическихъ смутахъ, волнующихъ страну послѣ берлинскаго конгресса, многое представляется загадочнымъ, пока мы не обратимъ вниманія на внѣшнія закулисныя пружины, узелъ которыхъ надо искать въ Вѣнѣ.

II.

Берлинскій конгрессъ весьма откровенно выразилъ тенденцію европейскихъ державъ, домогавшихся передачи на разсмотрѣніе сего европейскаго ареопага нашего мирнаго трактата съ Портой,—по словамъ одного, изъ засѣдавшихъ на немъ дипломатовъ, она заключалась въ томъ, чтобы «a tout prix mêttre des bâtons dans les roues» всему тому, что сдѣлала Россія на Балканскомъ полуостровѣ, во время и послѣ войны. Правда, въ силу необходимости, Европа допустила временную оккупацію Болгаріи нашимъ войскомъ и наше гражданское управленіе этой страной, въ лицѣ императорскаго коммиссара, какъ то было постановлено въ Санъ-Стефано, но при этомъ, конечно, конгрессъ не преминулъ самымъ категорическимъ образомъ ограничить срокъ этого временнаго, переходнаго положенія.

Въ одно изъ первыхъ же засѣданій конгресса, именно 24-го іюня 1878 года, представитель Австро-Венгріи, графъ Андраши, заявилъ, что VIII статья Санъ-Стефанскаго договора внушаетъ ему нѣкоторыя опасенія (inspire certaines apprehensions). Это безпокойство руководителя политики союзной намъ Австріи было имъ мотировано тѣмъ обстоятельствомъ, что означенная статья обязываетъ Порту очистить Болгарію и срыть въ ней крѣпости, предоставляя Россіи право занимать своими войсками эту страну впредь до полнаго образованія земскаго болгарскаго войска въ достаточномъ количествѣ для охраны порядка, безопасности и спокойствія [1]).

Дѣло конгресса,—инсинуировалъ графъ Андраши,—можетъ увѣнчаться успѣхомъ и оправдать внушенныя имъ всей Европѣ надежды, лишь подъ условіемъ скорѣйшаго перехода отъ положенія вещей, созданнаго войной, къ совершенно мирному порядку вещей, столь нетерпѣливо всѣми ожидаемому. Поднеся намъ такую пилюлю,

---

[1]) См. протоколъ конгресса, подъ № 5, въ издаваемомъ нашимъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie, за 1878 г.

австро-венгерскій дипломатъ поспѣшилъ подсластить ее слѣдующей, довольно двусмысленной оговоркой, что онъ де вполнѣ довѣряетъ добросовѣстности Россіи, которая, конечно, не будетъ искать поводовъ для затягиванія своей окупаціи, поэтому онъ, равно какъ, по всей вѣроятности, и представители другихъ державъ, не будутъ въ принципѣ возражать противъ оставленія въ Болгаріи, на нѣкоторое время, русскаго окупаціоннаго корпуса, для поддержанія на первое время порядка. Но ему представляется крайне неудобнымъ ставить время такой окупаціи въ зависимость отъ такихъ неопредѣленныхъ условій, каковы полная организація мѣстнаго земскаго войска и водвореніе новаго гражданскаго управленія, а тѣмъ паче продолжать эту окупацію на два года.

Общественное мнѣніе Европы не можетъ успокоиться,—объяснялъ онъ конгрессу,—пока войска одной изъ воевавшихъ державъ останутся на чужой территоріи, ибо при такомъ положеніи, собственно говоря, нельзя считать войну оконченной, и такимъ образомъ вызванный войной, въ Европѣ, кризисъ затянется, причиняя тѣмъ существенный вредъ общеевропейскимъ интересамъ, кредита и торговли, къ явному ущербу и тѣхъ европейскихъ державъ, которыя не принимали непосредственнаго участія въ войнѣ. Въ виду этихъ соображеній, вѣнскій кабинетъ предложилъ конгрессу, въ измѣненіе VII и VIII статей Санъ-Стефановскаго договора, постановить слѣдующее:

1) Срокъ занятія Болгаріи русскимъ императорскимъ войскомъ ограничивается шестью мѣсяцами;

2) Русское правительство обязывается, въ два или въ три мѣсяца, послѣ этого срока, провести свои войска черезъ Румынію и совершенно очистить эту область (l'evacution complette de cette principauté);

3) Буде же, вопреки ожиданіямъ, по истеченіи указаннаго шестимѣсячнаго срока русской окупаціи, великія европейскія державы признаютъ необходимымъ присутствіе въ Болгаріи вспомогательнаго иностраннаго корпуса, для поддержаніи въ ней порядка, то эта задача будетъ возложена на союзный европейской корпусъ, въ количествѣ 15 тысячъ человѣкъ, образованный изъ войскъ всѣхъ европейскихъ державъ, распоряженіе которымъ будетъ отдано въ руки особой международной коммиссіи, а издержки на содержаніе котораго должны пасть на Болгарію.

Хотя это предложеніе графъ Андраши, противъ котораго энергично возсталъ нашъ представитель графъ П. А. Шуваловъ [1]), под-

[1]) Князь Горчаковъ въ этомъ засѣданіи, по болѣзни, не присутствовалъ. Нашъ престарѣлый канцлеръ, огорченный ходомъ дѣлъ на конгрессѣ и не имѣя силъ и возможности измѣнить его, по-своему, т. е. совершенно постарчески, выражалъ свой протестъ, а именно онъ заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди

державный въ этомъ случаѣ самимъ княземъ Бисмаркомъ, и не было въ цѣлости принято конгрессомъ, а именно австрійской проектъ международной окупаціи отклоненъ, но, тѣмъ не менѣе, намъ пришлось поступиться первоначальнымъ срокомъ окупаціи, на чтò, впрочемъ, далъ свое согласіе и нашъ представитель, а именно вмѣсто **двухлѣтней окупаціи Болгаріи**, установленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, VIII статья Берлинскаго трактата ограничила время русскаго управленія Болгаріей **всего 9 мѣсяцами**, со дня обмѣны ратификацій этого трактата. Это постановленіе конгресса нанесло тяжелый ударъ дѣлу организаціи Болгаріи, съ которымъ приходилось крайне спѣшить, а среди болгарскаго населенія по ту и эту сторону Балканъ вызвало сильнѣйшую тревогу и общія опасенія за будущее страны и сохраненіе въ ней тишины и порядка. Русское гражданское управленіе въ Болгаріи начало свою дѣятельность въ этомъ освобожденномъ нами отъ пятивѣковаго турецкаго рабства краѣ вслѣдъ за переходомъ нашей арміи черезъ Дунай. Состоявшій при главнокомандующемъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи, князь В. А. Черкасскій, слѣдуя за арміей, въ ея быстромъ движеніи впередъ, въ первый періодъ кампаніи, съ свойственной ему энергіей и практическимъ взглядомъ на вещи, такъ сказать, на лету походныхъ маршей, вводилъ новую администрацію, въ замѣнъ

стоялъ щекотливый вопросъ для нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому пріему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданій конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Послѣ сдѣланныхъ нами серьезныхъ уступокъ требованіямъ Европы въ болгарскомъ вопросѣ, князь Горчаковъ снова появился въ засѣданіяхъ конгресса и принялъ опять участіе въ его дебатахъ. Въ засѣданіяхъ 26-го іюня, онъ произнесъ весьма эфектную рѣчь, въ которой краснорѣчиво изобразилъ великое миролюбіе и готовность къ соглашенію, обнаруженныя въ этомъ случаѣ Россіей, **не на словахъ, а на дѣлѣ**. При этомъ онъ взволнованнымъ голосомъ прибавилъ, что, какъ ни велико это чувство, одушевляющее государя великой націи, оно имѣетъ свои предѣлы, исключающіе всякое посягательство со стороны какой бы то ни было державы переполнить ихъ чрезмѣрными притязаніями. Въ заключеніе своей рѣчи,— гласитъ протоколъ этого засѣданія *),— его свѣтлость (кн. Горчаковъ) повторилъ, что онъ рѣшительно устраняетъ всякую мысль о такихъ рѣшеніяхъ конгресса, которыя могли бы вызвать строгое осужденіе современниковъ и исторіи. Любопытенъ отвѣтъ лорда Биконсфильда на эту платоническую рѣчь Горчакова, въ которой прежде всего сказалось старческое безсиліе и желаніе отвести душу красивыми фразами, которыми мастерски владѣлъ нашъ маститый дипломатъ. Разсыпавшись въ любезностяхъ, подъ которыми звучитъ довольно ясно ироническая нота, практичный дипломатъ коварнаго Альбіона сказалъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ появленіе кн. Горчакова въ настоящемъ засѣданіи конгресса и съ радостью видитъ въ краснорѣчивой рѣчи, произнесенной его свѣтлостью, несомнѣнный и счастливый знакъ вождѣлѣннаго возстановленія его

---

*) См. протоколъ № 7 засѣданій конгресса. Ibidem.

убѣгавшихъ турецкихъ властей. Эта трудная и, казалось, почти невозможная задача была выполнена княземъ Черкасскимъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

14-го іюня было взято Систово, а 24-го іюня главная квартира и гражданское управленіе уже были въ Тырновѣ, гдѣ сейчасъ же былъ назначенъ русскій губернаторъ генералъ Домантовичъ и вступили въ дѣйствіе, учрежденныя нашимъ гражданскимъ управленіемъ, власти.

Существенная задача, представившаяся на первыхъ же порахъ гражданскому управленію, была весьма вѣрно указана въ первыхъ же распоряженіяхъ и инструкціяхъ князя Черкасскаго, какъ только мы вступили на болгарскую почву. Она заключалась въ томъ, чтобы занимаемыя нами области не оставались ни на минуту безъ всякаго управленія въ анархическомъ состояніи. Это было безусловно необходимо, въ виду возбужденія народныхъ страстей, племеннаго и религіознаго фанатизма и ненависти среди мѣстнаго населенія.

Свѣтлый государственный умъ покойнаго князя Черкасскаго сразу оцѣнилъ и опредѣлилъ условія положенія и требованія жизни, поставивъ наше гражданское управленіе на надлежащую точку съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Не задаваясь совершенно празднымъ, въ ту минуту, теоретическимъ вопросомъ о наилучшихъ основаніяхъ для будущей организаціи края, сурово

здоровья. Рѣчь эта, выражающая желаніе миролюбиваго соглашенія между представителями державъ на конгрессѣ, которымъ они, впрочемъ, всегда были воодушевлены, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что это общее чувство раздѣляется и кн. Горчаковымъ. Отнынѣ единодушное стремленіе къ мирному соглашенію всѣхъ дипломатовъ конгресса слѣдуетъ признать установившимся фактомъ и пожелать, чтобы работы конгресса продолжались въ томъ же духѣ, ибо это настроеніе еще необходимо сохранить для успѣшнаго завершенія задачи конгресса—водворенія мира въ Европѣ.

Если мы припомнимъ, что этотъ злѣйшій врагъ Россіи на конгрессѣ подчеркнулъ и старательно отмѣтилъ въ словахъ Горчакова заявленіе о миролюбіи Россіи и ея желанія соглашенія съ Европой какъ разъ наканунѣ дебатовъ о Босніи и Герцеговинѣ, вопросъ о судьбѣ которыхъ былъ поставленъ на очередь въ томъ же засѣданіи конгресса,—то соль и ехидство отвѣта Виконсфильда станутъ понятны.

Отсутствіе Горчакова по болѣзни во время преній по болгарскому вопросу нѣсколько встревожило нашихъ друзей, въ родѣ Биконсфильда — опасались, что каверзное отношеніе къ намъ Австріи при разрѣшеніи этого вопроса переполнило мѣру нашего долготерпѣнія и пошатнуло наши отношенія и довѣріе къ этой державѣ. Думали, что, извѣрившись въ австрійскую дружбу, кн. Горчаковъ, по примѣру Андраши, выскажетъ съ своей стороны нѣкоторыя сомнѣнія относительно пригодности въ видахъ поддержанія мира на Балканскомъ полуостровѣ окупаціи этихъ областей австрійскимъ войскомъ. Но этого не случилось, и во время отчаянныхъ протестовъ противъ австрійской окупаціи турецкихъ уполномоченныхъ, Горчаковъ сначала молчалъ, а наконецъ сказалъ нѣсколько словъ, поддерживая притязанія Австріи на занятіе Босніи и Герцеговины.

и даже нѣсколько деспотически устраняя всякаго рода разсужденія и соображенія по этому предмету, «какъ доктринерскѣе пустословіе», онъ направилъ все свое вниманіе, всю свою желѣзную волю, не знавшую препятствій и не допускавшую противорѣчій, къ безотлагательному созданію новаго порядка управленія, хотя бы самаго простаго и несложнаго. Выполняя эту насущную задачу, онъ взялся за нее необыкновенно разумно и толково, а именно принявъ за основаніе ту безусловно вѣрную мысль, что на первое время вполнѣ достаточно возстановить самые необходимые органы прежняго управленія, только улучшивъ ихъ и передавъ въ другія руки.

Слѣдуя его инструкціямъ, наше гражданское управленіе обратило особое вниманіе на широкую организацію мѣстнаго самоуправленія. Сельскимъ и городскимъ обществамъ и населеніямъ отдѣльныхъ округовъ было предоставлено полное самоуправленіе, въ видѣ совѣтовъ, состоявшихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Съ этой цѣлью были возстановлены въ селахъ совѣты старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казахъ) учреждены городскіе и управительные совѣты, въ составъ которыхъ, въ качествѣ почетныхъ членовъ, были включены представители всѣхъ вѣроисповѣданій.

Этимъ совѣтамъ было предоставлено завѣдованіе всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за раскладкой и сборомъ налоговъ. Административно-полицейская власть на первое время была сосредоточена въ рукахъ русскихъ должностныхъ лицъ изъ военныхъ, во главѣ ея были поставлены въ санджакахъ губернаторы (мутесарифы), а въ округахъ, или околіяхъ, военные окружные начальники; послѣдніе обыкновенно, по-старому, назывались каймакамами.

Границы санджаковъ и околій, на сколько это было возможно, были оставлены прежнія, т. е. существовавшія при турецкомъ правительствѣ.

Однимъ словомъ, всякая ненужная бюрократическая ломка созданнаго жизнью и привычнаго населенію порядка, во имя кабинетныхъ бюрократическихъ соображеній, была безусловно устранена.

Хотя должности губернаторовъ были на первое время замѣщены русскими людьми, но къ нимъ въ помощь были приданы вице-губернаторы изъ болгаръ, а должности окружныхъ начальниковъ, въ виду условій военнаго времени, были замѣщены спеціально вызванными княземъ Черкасскимъ, по рекомендаціи полковыхъ командировъ, офицерами, съ которыми князь всегда знакомился лично прежде ихъ назначенія въ должности [1]). По его мысли, администра-

[1]) Одинъ русскій публицистъ (Е. Утинъ), наслушавшійся діатрибъ провіантскихъ чиновниковъ и кое-кого изъ болгаръ противъ князя Черкасскаго, жестоко осуждалъ послѣдняго за военную окраску нашего гражданскаго управленія. Но

тивный персоналъ изъ болгаръ долженъ былъ подготовиться къ предстоявшей ему дѣятельности постепенно, втеченіе двухъ лѣтъ.

Всѣ болѣе или менѣе крупные дѣятели прошлаго и настоящаго Болгаріи, при князѣ Черкасскомъ, прошли черезъ должности вице-губернаторовъ и пріобрѣли такимъ образомъ извѣстный административный навыкъ; одни изъ нихъ, каковы, напримѣръ, Драганъ Цанковъ, Петко Каравеловъ, Бурмовъ и т. д.—попали потомъ въ министры и даже премьеры, другіе были затерты борьбой партій и по старости лѣтъ, какъ, напримѣръ, Геровъ, сошли съ политическаго поприща.

Для приведенія въ исполненіе распоряженій административной власти въ качествѣ исполнительнаго органа была учреждена вольнонаемная изъ мѣстныхъ жителей полицейская стража, въ такомъ составѣ, что на каждую тысячу душъ населенія приходилось 4 стражара, изъ которыхъ трое должны были быть конные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была организована и судебная часть. Въ этомъ отношеніи князь Черкасскій также поступилъ весьма практично и здраво, не предрѣшая вопроса о той или другой формѣ судебной организаціи и процесса, а заботясь прежде всего, чтобы дать населенію судъ скорый и близкій и притомъ доступный пониманію мѣстныхъ жителей. Онъ взялъ, что было подъ рукой готоваго для выполненія этой цѣли, т. е. обратилъ особое вниманіе на развитіе и упорядоченіе института судебныхъ совѣтовъ, или такъ называемыхъ меджилисовъ, предоставивъ, однако, губернаторамъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войною и враждой между мѣстнымъ населеніемъ различныхъ національностей, право изъятія изъ производства мѣстныхъ судовъ всякаго дѣла, когда губернаторъ признаетъ такую мѣру необходимой, въ интересахъ поддержанія въ краѣ спокойствія и порядка (см. «Главныя основанія гражданскаго управленія», изданныя княземъ Черкасскимъ 7-го іюля 1877 года, въ Систовѣ, во 2 вып. его оффиціальныхъ распоряженій).

Рамки настоящей статьи, къ сожалѣнію, лишаютъ меня возможности подробнѣе остановиться на перечнѣ и характеристикѣ всѣхъ мѣропріятій князя Черкасскаго по части гражданскаго управленія Болгаріей, а также его плановъ и предположеній о будущей организаціи Болгаріи,—вопросъ, который серьёзно занималъ князя Черкасскаго среди неотложныхъ заботъ текущей злобы дня, казалось бы, долженствовавшихъ совершенно поглотить все его вниманіе. Изданные по его распоряженію «Матеріалы для изученія Болгаріи

подобнаго рода обвиненіе, по своей очевидной неосновательности, не заслуживаетъ даже опроверженія. Участіе военнаго элемента на первое время въ нашемъ управленіи было такой неизбѣжной необходимостью, доказывать которую совершенно излишне.

и инструкціи» особо учрежденной юридической коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ С. И. Лукьянова [1]), занявшаго впослѣдствіи должность управляющаго судебнымъ отдѣломъ Болгаріи, при князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ, свидѣтельствуютъ о дальновидныхъ и широкихъ планахъ Черкасскаго въ отношеніи будущей организаціи Болгаріи.

Если бы всѣмъ этимъ предположеніямъ суждено было осуществиться, Болгарія получила бы формы правленія вполнѣ самобытныя, приноровленныя къ условіямъ болгарской жизни и степени развитія ея населенія; это было бы прочно и разумно построенное зданіе, на почвѣ серьёзнаго изученія условій народной жизни, а не сколокъ съ учрежденій другихъ государствъ, взятыхъ напрокатъ случайными составителями болгарской конституціи и румелійскаго органическаго статута.

Вообще вся дѣятельность князя Черкасскаго въ дѣлѣ гражданскаго управленія была проникнута строго послѣдовательнымъ проведеніемъ программы, изложенной въ извѣстной прокламаціи покойнаго государя императора, отъ 10-го іюня 1877 года, къ болгарскому народу, которая гласила, «что задача Россіи создавать, а не разрушать», въ силу чего, согласно заявленію этой прокламаціи, «по мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались вовнутрь страны, турецкія власти замѣнялись правильнымъ управленіемъ, къ дѣятельному участію въ которомъ немедленно были призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти».

Вслѣдствіе временнаго своего характера и другихъ болѣе неотложныхъ задачъ, наше гражданское управленіе почти не касалось частей духовной и учебной; въ этомъ отношеніи было признано необходимымъ только учредить для приготовленія переводчиковъ, въ Филиппополѣ, практическіе курсы русскаго языка для 40 стипендіатовъ и вольноприходящихъ, безъ ограниченія числа этихъ послѣднихъ. По части финансовой, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, наше гражданское управленіе, очевидно, должно было ограничиться лишь нѣкоторыми отдѣльными мѣропріятіями, предоставляя будущему систематическую организацію новаго финансоваго управленія.

Во всѣхъ округахъ вслѣдъ за введеніемъ гражданскаго управленія, возстановлено было дѣйствіе окружныхъ казначействъ и таможенъ, тамъ, гдѣ они были учреждены до нашего прихода. Въ видахъ сосредоточенія денежныхъ поступленій и веденія правильной по

---

[1]) Нынѣ сенаторъ и членъ коммиссіи по составленію нашего гражданскаго уложенія, считающійся спеціалистомъ по вопросамъ гражданскаго права. Юридическія познанія и знакомство съ Болгаріей, пріобрѣтенное С. И. Лукьяновымъ во время управленія князя Черкасскаго, внушали къ нему особое довѣріе князя Дондукова-Корсакова.

нимъ отчетности, составлены были правила о санджаковыхъ казначействахъ, по образцу русскихъ. На первое время эти казначейства были открыты въ Софіи, Филиппополѣ и Рущукѣ.

Зорко присматриваясь къ тому, что было годнаго и полезнаго для края при турецкомъ управленіи, князь Черкасскій обратилъ самое серьёзное вниманіе на изученіе устройства земледѣльческихъ кассъ, заведенныхъ въ Болгаріи Мидхатомъ-пашей. По этому предмету собраны были весьма интересные матеріалы, и князь Черкасскій предполагалъ дать широкое развитіе этимъ кассамъ. Существовавшая при турецкомъ правительствѣ система налоговъ, для измѣненія которой требовалось время и предварительное обстоятельное изслѣдованіе экономическаго быта страны, была оставлена въ силѣ; наше гражданское управленіе уничтожило только поголовную подать, такъ называемую бедель, которая взималась исключительно съ христіанскаго населенія, въ видѣ выкупа за освобожденіе отъ военной службы.

Кромѣ того, былъ сдѣланъ опытъ замѣны десятиннаго налога съ получаемыхъ продуктовъ поземельной денежной податью. Всѣ же прочіе виды податей, какъ-то: верги [1]), акцизъ и таможенныя подати, были оставлены на прежнемъ основаніи, причемъ, однако, была измѣнена откупная система взиманія этихъ налоговъ, крайне ненавистная, по сопровождавшимъ ее злоупотребленіямъ, мѣстному населенію.

Впрочемъ, до конца 1877 года гражданское управленіе въ виду бѣдствій и опустошеній, произведенныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя служили театромъ военныхъ дѣйствій, не признало возможнымъ приступить къ правильному сбору податей; не смотря на это, изъ таможенныхъ доходовъ, съ акциза и аренды казенныхъ имуществъ, а отчасти изъ поступленія податей, составилась въ 1877 году изрядная цифра доходовъ, именно до 400 тыс. рублей, которые и были обращены на содержаніе новой администраціи санджаковъ Тырновскаго, Тульчинскаго, Систовскаго и отчасти Рущукскаго.

Заключеніе мира, по предположеніямъ князя Черкасскаго, должно было открыть второй періодъ болѣе широкой и систематической дѣятельности по части организаціи гражданскаго управленія, но ему не суждено было осуществить это предположеніе.

Напряженная работа въ непривычномъ знойномъ климатѣ, постоянная душевная тревога и огорченія въ тяжелые дни нашихъ плевненскихъ неудачъ, непрерывная борьба съ окружавшими его интригами, сломили желѣзное здоровье князя Черкасскаго. Уже совсѣмъ больной, въ январѣ 1878 года, переправился онъ вслѣдъ за главной квартирой черезъ Балканы, продолжая черезъ силу свои обычные доклады великому князю, но здѣсь злой недугъ

---

[1]) Особый родъ подоходнаго налога, практикуемаго въ Турціи.

скоро совсѣмъ сложилъ его въ постель, и 19-го февраля, въ достопамятный день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, въ этомъ приморскомъ мѣстечкѣ, на берегахъ завѣтной Пропонтиды, въ виду Царьграда и св. Софіи, скончался этотъ доблестный сынъ Россіи, угасъ этотъ замѣчательный государственный умъ!

Дѣятельность князя Черкасскаго не ограничивалась устройствомъ лишь гражданскаго управленія, онъ много потрудился и по части организаціи учрежденій Краснаго Креста. Постоянно посѣщая госпитали и лазареты, онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвящалъ свои силы дѣлу человѣколюбія — облегченію положенія больныхъ и раненыхъ.

Кромѣ того, покойный Черкасскій съ первыхъ же дней кампаніи обратилъ серьёзное вниманіе на дѣло, которое не входило непосредственно въ кругъ его обязанностей, но которое впослѣдствіи могло бы быть для насъ весьма полезнымъ — приготовленіе и сохраненіе запасовъ для продовольствія арміи изъ урожая жатвы того года. Наша армія вступила въ Болгарію передъ самымъ началомъ уборки хлѣба; войско беззаботно топтало желтѣвшую подъ ногами обильную жатву на широко раскинувшихся передъ побѣдителями тучныхъ нивахъ Болгаріи. Въ эти дни всеобщихъ, въ нашей арміи, иллюзій и упоенія дымомъ побѣды, никто не хотѣлъ думать, что эта самая жатва, сиротливо колосившаяся на покинутыхъ жителями поляхъ, можетъ быть полезной для продовольствія войска во время зимней кампаніи, самая возможность которой никѣмъ не допускалась. Въ главной квартирѣ, въ чаяніи столь же быстрыхъ и легкихъ дальнѣйшихъ успѣховъ, полагали, что война неминуемо будетъ кончена къ началу осени, и, кажется, болѣе всего заботились какъ бы подогнать торжественную развязку кампаніи — заключеніе мира подъ стѣнами Константинополя, къ дню 30 августа. Одинъ только князь Черкасскій, какъ опытный хозяинъ, предусмотрительно занялся собраніемъ и сбереженіемъ этого богатаго источника для продовольствія арміи, беззаботно расточавшагося. Его распоряженія по части уборки и сбереженія жатвы въ то время не только не одобрялись, но даже громко порицались какъ одно изъ проявленій его мелочнаго деспотизма и педантизма, напрасно стѣснявшаго нашу армію и гражданское управленіе. Впослѣдствіи же, однако, этими запасами можно и должно было пользоваться, хотя собранные княземъ Черкасскимъ продукты на половину растаяли и погнили, проходя рядъ интендантскихъ мытарствъ и всевозможныхъ интригъ, вызванныхъ корыстолюбивыми соображеніями лицъ, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ продовольствія арміи [1]).

---

[1]) Довольно подробное изложеніе дѣятельности кн. Черкасскаго по части гражданскаго управленія Болгаріей находится въ любопытной статьѣ Д. И. Георгіевскаго, служившаго въ этомъ управленіи, напечатанной въ журналѣ «На-

Преемникъ Черкасскаго, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, призванный высочайшей волей изъ Кіева, гдѣ онъ во время войны занималъ должность генералъ-губернатора, на Балканскій полуостровъ для занятія поста императорскаго коммиссара, установленнаго согласно нашему мирному договору съ Портой для временнаго управленія Болгаріей, закончилъ дѣло гражданской и военной организаціи Болгаріи, поставилъ на ноги и пустилъ въ ходъ нами организованныя власти и созвалъ первое народное собраніе Болгаріи для разсмотрѣнія болгарской конституціи. Онъ же открылъ вслѣдъ затѣмъ, согласно этой конституціи, первое великое народное собраніе въ Тырновѣ, которое избрало, согласно желанію покойнаго государя императора, Александра Баттенберга наслѣдственнымъ княземъ освобожденной Болгаріи.

Имя князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, снискавшаго себѣ живѣйшія симпатіи болгарскаго народа, среди котораго онъ до сихъ поръ пользуется громкой популярностью, записано такимъ образомъ въ лѣтописи болгарской исторіи и тѣсно связано съ великимъ дѣломъ гражданскаго возрожденія болгарскаго народа.

Такимъ образомъ, привѣтливый, обходительный и въ высшей степени любезный преемникъ Черкасскаго какъ бы заслонилъ въ сознаніи многихъ изъ современниковъ суровую фигуру чиличанъ-човѣка [1]), какъ называли болгары учредителя и организатора сотворенной Россіей Болгаріи, который такъ много потрудился, по удачному выраженію одного нашего публициста [2]), «надъ основаніями, а не вѣнцомъ зданія».

Еще не настало время вполнѣ безпристрастной исторической

блюдатель», за 1882 годъ, въ №№ 9 и 10. Этому же предмету посвященъ трудъ профессора Одесскаго университета В. Палаузова, ѣздившаго, по приглашенію князя, въ Болгарію для участія въ работахъ юридической коммиссіи, образованной, по распоряженію Черкасскаго, при нашемъ гражданскомъ управленіи. Статья г. Палаузова, по происхожденію болгарина, подъ названіемъ «Очеркъ дѣятельности русскаго гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи» напечатана была въ «Журналѣ гражд. и угол. права», за 1880 г., книга 4-я. Обѣ эти статьи не даютъ, однако, надлежащей всесторонней характеристики организаторской дѣятельности покойнаго князя въ Болгаріи. Этотъ знаменательный и полный содержанія моментъ въ исторіи возрожденія Болгаріи еще ждетъ своего историка. Богатый матеріалъ по этому вопросу заключается въ распоряженіяхъ и инструкціяхъ, изданныхъ въ это время княземъ Черкасскимъ; они были обнародованы вмѣстѣ съ «Матеріалами для изученія Болгаріи». Въ высшей степени любопытна также переписка изъ Болгаріи покойнаго князя съ его московскими и петербургскими пріятелями, особенно интересны его письма изъ Болгаріи къ И. С. Аксакову, которыя, вѣроятно, сохранились въ бумагахъ нашего незабвеннаго и оплакиваемаго всѣмъ славянствомъ публициста.

[1]) Въ переводѣ порусски—стальнаго человѣка.

[2]) Князя А. И. Васильчикова, см. его статью въ «Новомъ Времени», за февраль 1878 года.

оцѣнки заслугъ этихъ двухъ дѣятелей, создавшихъ гражданское бытіе нами сотворенной страны, какъ сказалъ И. С. Аксаковъ про Болгарію; многіе необходимые для сего матеріалы пока еще не обнародованы и дѣятельность обоихъ ждетъ суда потомства, который, какъ замѣтилъ князь А. И. Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ по поводу смерти князя Черкасскаго, конечно, въ отношеніи къ нему «будетъ справедливѣе пересудовъ современниковъ». Продолжая дѣло Черкасскаго, его преемникъ не могъ вполнѣ послѣдовательно провести его программу по весьма многимъ причинамъ, и, между прочимъ, потому, что она еще не получила вполнѣ законченнаго внѣшняго выраженія, т. е. не была вполнѣ формулирована княземъ Черкасскимъ во всей своей цѣлости на бумагѣ, а едва только сложилась въ умѣ своего творца. Много указаній и ясныхъ намековъ свидѣтельствуютъ, что планъ организаціи Болгаріи окончательно созрѣлъ въ головѣ князя Черкасскаго, когда, 1-го января 1878 года, онъ пѣшкомъ перешелъ Балканы, слѣдуя за главной квартирой въ Казанлыкъ; но этотъ цѣнный плодъ долгихъ размышленій былъ внезапно унесенъ имъ въ преждевременную могилу [1]).

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ вступилъ въ управленіе гражданской частью въ Болгаріи [2]), когда враждебное отношеніе къ намъ Европы, таившееся и молчавшее во время войны, сказалось во всей силѣ, и дипломатія подняла бурю противъ заключеннаго нами съ Турціей трактата.

Такое вмѣшательство Европы и настроеніе нашихъ высшихъ дипломатическихъ сферъ, склонявшихся къ уступкамъ Европѣ, конечно, не могли остаться безъ вліянія на дѣятельность нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи, которое было въ значительной степени парализовано нашими колебаніями и чрезмѣрнымъ желаніямъ угодить Европѣ. Такимъ образомъ, точное осуществленіе программы Черкасскаго, т. е. созданіе въ Болгаріи самобытнаго гражданскаго строя, согласно условіямъ ея историческаго развитія и свойствамъ народнаго характера, въ смыслѣ и духѣ прочнаго сближенія съ Россіей и тѣсной съ ней солидарности,—уже представлялось весьма затруднительнымъ. Въ виду же постановленій берлинскаго конгресса, существенно измѣнившаго срокъ нашей окупаціи и предоставленное намъ время для окончательной организаціи граж-

---

[1]) Между прочимъ, извѣстно, что князь Черкасскій привезъ съ собой въ Санъ-Стефано проектъ учрежденія высшаго управленія Болгаріею, который онъ, однако, кажется не успѣлъ доложить великому князю въ послѣдній свой докладъ 18-го февраля, наканунѣ своей кончины (см. О послѣднихъ дняхъ его жизни, стр. 362, въ книгѣ: «Князь В. А. Черкасскій». Москва, 1879).

[2]) Князь А. М. Дондуковъ пріѣхалъ въ Болгарію только къ началу лѣта 1878 году; до его прибытія гражданскимъ управленіемъ завѣдовалъ директоръ канцеляціи Черкасскаго генералъ Анучинъ.

данскаго управленія Болгаріи, приходилось во что бы то ни стало спѣшить этимъ дѣломъ.

Къ тому же для нашего новаго императорскаго коммиссара возложенная на него задача была дѣломъ мало знакомымъ. Онъ не былъ къ нему подготовленъ своей предшествующей дѣятельностью. Князь А. М. Дондуковъ-Корсáковъ до назначеніи его на этотъ постъ, какъ извѣстно, никогда не занимался восточнымъ вопросомъ вообще, а болгарскимъ дѣломъ въ частности.

Поэтому, не имѣя особыхъ предварительно и самостоятельно выработанныхъ взглядовъ на дѣло организаціи Болгаріи, онъ охотно подчинялся въ этомъ вопросѣ сужденію лицъ, считавшихся спеціалистами, прислушивался къ мнѣніямъ и желаніямъ болгарской интеллигенціи, а въ заключеніе представилъ соображенія, выработанныя по этому вопросу его сотрудниками, въ Петербургъ, для окончательнаго разрѣшенія и направленія этого дѣла, сложивъ съ себя, такимъ образомъ, отвѣтственность за правильное разрѣшеніе этой задачи. Какъ извѣстно, проектъ органическаго статута для Болгаріи былъ представленъ имъ въ Петербургъ покойному государю, по распоряженію котораго и былъ разработанъ особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя С. Н. Урусова [1]).

Князь Дондуковъ-Корсаковъ вступилъ въ управленіе Болгаріей, когда мы согласились уже въ принципѣ предоставить европейскому конгрессу окончательное рѣшеніе болгарскаго вопроса и происходилъ оживленный обмѣнъ сношеній между кабинетами по вопросу о программѣ и предѣлахъ дѣятельности, а также мѣстѣ созванія конгресса. Поэтому князь, принявъ мѣры къ скорѣйшему составленію проекта органическаго статута для Болгаріи, обратилъ главнымъ образомъ свое вниманіе на организацію болгарскаго земскаго войска и устройство сельской и городской полиціи, которой предстояло охранять тишину и порядокъ въ странѣ, послѣ оставленія ея нами.

---

[1]) Г. Георгіевскій и Палаузовъ въ статьяхъ своихъ, вышецитированныхъ, почему-то игнорируютъ это обстоятельство и изображаютъ дѣло такъ, что проектъ болгарской конституціи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе тырновскаго собранія, былъ непосредственно выработанъ совѣтомъ при гражданскомъ управленіи. Оба указанные авторы совершенно умалчиваютъ о пересмотрѣ и передѣлкѣ этого проекта коммиссіей князя Урусова, состоявшей изъ товарища князя Урусова, по II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, статсъ-секретаря Бруна, вице-директора азіатскаго департамента дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мельникова и профессора государственнаго права Петербургскаго университета А. Д. Градовскаго; послѣдній, впрочемъ, подалъ особое мнѣніе, въ которомъ заявилъ, что, будучи весьма мало знакомъ съ бытомъ и положеніемъ Болгаріи, считаетъ себя совершенно не компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, какая форма правленія и организація требуются условіями народной жизни въ этой странѣ.

Берлинскій конгрессъ въ первыхъ же засѣданіяхъ своихъ въ началѣ іюня 1878 года установилъ разчлененіе Болгаріи Санъ-Стефанскаго трактата, въ силу чего двѣ губерніи, именно: Пловдивская и Сливненская, отходили изъ вѣдѣнія нашего гражданскаго управленія, выдѣляясь отъ Болгаріи для образованія особой автономной области, придуманной европейскими дипломатами. Организація послѣдней возлагалась на спеціальную международную коммиссію, на которую было возложено 18-ою статей берлинскаго трактата составленіе органическаго статута для Восточной Румеліи, а 19-ою статьей того же трактата этой коммиссіи предоставлялось завѣдованіе финансами сказанной области.

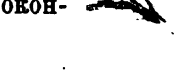
Въ виду этихъ постановленій конгресса, князь Дондуковъ-Корсаковъ обратилъ особое вниманіе на двѣ вышеуказанныя губерніи, отходившія отъ княжества, и принялъ самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы въ этомъ сравнительно позднѣе занятомъ нами краѣ новое гражданское управленіе получило достаточно самостоятельную постановку и было сколько возможно болѣе приспособлено къ положенію вещей, установленному конгрессомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ образованіи, собственно для Восточной Румеліи, особаго земскаго болгарскаго войска, въ составѣ 9 дружинъ пѣхоты и 2 сотенъ кавалеріи.

Послѣ этихъ приготовительныхъ распоряженій, нашъ императорскій коммиссаръ поручилъ управленіе Восточной Румеліей командиру 9-го корпуса, расположеннаго въ этой области, генералу А. Д. Столыпину, который и завѣдовалъ гражданскимъ управленіемъ Румеліи до ухода изъ нея нашихъ войскъ и вступленія въ должность, согласно органическому статуту Восточной Румеліи, султаномъ назначеннаго, автономнаго генералъ-губернатора Алеко-паши Богориди, принявшаго бразды правленія въ апрѣлѣ 1879 года.

Назначеніе генерала Столыпина временнымъ генералъ-губернаторомъ Южной Болгаріи обусловливалось его положеніемъ, какъ командира корпуса, и послѣдовало по личной волѣ государя императора.

Генералъ Столыпинъ, человѣкъ европейски образованный и владѣвшій европейскими языками, былъ признанъ лицомъ наиболѣе удовлетворявшимъ условіямъ для занятія этого поста [1]) въ виду тѣхъ отношеній, въ которыхъ было поставлено конгрессомъ наше гражданское управленіе, въ двухъ южныхъ губерніяхъ Болгаріи, къ европейской международной коммиссіи, назначенной для окончательной организаціи Восточной Румеліи.

[1]) М. Д. Скобелевъ, временно командовавшій 4-мъ корпусомъ, предназначеннымъ также для окупаціи Южной Болгаріи, по молодости и условіямъ военной жизни, не былъ признанъ подходящимъ для занятія этого поста.

Дѣйствительно, генералу Столыпину приходилось немало возиться съ несообразными претензіями европейскихъ дипломатовъ коммиссіи, которые сначала даже думали вообще подчинить нашу гражданскую администрацію Восточной Румеліи своему контролю, о чемъ французскій делегатъ баронъ Рингъ, опираясь на постановленіе Берлинскаго трактата, и сдѣлалъ торжественное письменное заявленіе въ первомъ же засѣданіи коммиссіи [1]).

Англійскій коммиссаръ, сэръ Друммондъ Вольфъ, стяжавшій послѣднее время довольно печальную извѣстность, въ качествѣ интимнаго агента маркиза Салюсбюри, своими неудачными миссіями въ Константинополѣ и Египетѣ, особенно надоѣдалъ нашему управленію своими запальчивыми требованіями и назойливымъ желаніемъ мѣшаться въ дѣла нашего управленія. Этотъ достопочтенный дипломатъ постоянно носился съ разными обвиненіями на русскую администрацію и ретиво ополчался противъ дѣйствій нашей власти въ Румеліи, оспаривая даже законность нашего гражданскаго управленія этой областью, такъ какъ, по его толкованію, конгрессъ предоставилъ Россіи лишь право военной окупаціи, а не гражданскаго управленія этой областью, которое, по его словамъ, принадлежало имъ, европейскимъ коммиссарамъ.

Генералъ Столыпинъ съ большимъ хладнокровіемъ и остроуміемъ переписывался съ коммиссіей, и уступилъ коммиссіи только то, что было ей категорически предоставлено 19-ою ст. Берлинскаго трактата, т. е. завѣдованіе финансовымъ управленіемъ Восточной Румеліи.

Самъ же кн. Дондуковъ-Корсаковъ, принявъ въ Филиппополѣ международную коммиссію и сдавъ управленіе Румеліей А. Д. Столыпину, въ половинѣ октября, 1878 года, съ своей канцеляріей и состоявшимъ при немъ гражданскимъ управленіемъ, переѣхалъ въ Софію, гдѣ его присутствіе представлялось крайне необходимымъ, въ виду сильнѣйшаго возбужденія умовъ въ Македоніи, вызваннаго рѣшеніями конгресса. Софія, по своему географическому положенію — именно по близости отъ Македоніи, была весьма удобнымъ пунктомъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ этой области, въ которой тогда стали проявляться тревожные признаки народнаго возбужденія, вызваннаго измѣненіемъ Санъ-Стефанскаго трактата. Революціонное движеніе въ Македоніи легко могло охватить все болгарское населеніе этой области и въ связи съ организовавшейся въ это время албанской лигой могло снова зажечь пламя на всемъ Балканскомъ полуостровѣ.

Среди этихъ заботъ политическаго свойства, сдерживая волненіе умовъ, охватившее македонскихъ болгаръ, устраивая положеніе болгарскихъ бѣженцовъ, стекавшихся въ княжество изъ областей,

[1]) См. протоколы коммиссіи въ англійской Синей книгѣ за 1879 годъ.

оставленныхъ подъ властью Порты, князь Дондуковъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для скорѣйшаго окончанія военной и гражданской организаціи княжества Болгарскаго.

Къ февралю мѣсяцу 1879 года, т. е. ко дню открытія перваго народнаго болгарскаго собранія въ Тырновѣ, въ итогѣ дѣятельности нашего управленія Болгаріей, въ дѣлѣ организаціи ея военной и гражданской части, имѣлись на лицо слѣдующіе результаты.

Для огражденія внутренняго порядка и внѣшней безопасности княжества Болгарскаго было образовано земское войско, состоявшее изъ 21 пѣшей дружины и 4-хъ конныхъ сотенъ, одной саперной строевой, одной саперной учебной роты и одной роты осадной артиллеріи. Впослѣдствіи было сформировано еще 6 дружинъ и 6 полевыхъ батарей, по 8 орудій въ каждой. Численность этого войска доходила до 25,000 человѣкъ, не считая русскихъ кадровъ. Эти послѣдніе состояли изъ 394 офицеровъ (въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ и 35 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія) и 2,700 нижнихъ чиновъ.

Военное обученіе войска шло весьма успѣшно, такъ какъ болгарское населеніе горячо сочувствовало образованію своего народнаго войска, а болгары, по отзывамъ нашихъ инструкторовъ, въ опытныхъ рукахъ представляютъ хорошій матеріалъ для боевой арміи, по свойствамъ своего характера, выносливости и привычкѣ къ труду. Въ Софіи было открыто военное училище для приготовленія офицеровъ въ постоянную болгарскую армію, въ которое было принято на первое время 250 молодыхъ болгаръ. Кромѣ того, 90 молодыхъ людей было послано въ Россію, въ Елисаветоградскую юнкерскую кавалерійскую школу, а 42 болгарина посланы для обученія въ школы: пиротехническую въ Петербургѣ и оружейную—въ Тулѣ. Воинская повинность сдѣлана была общеобязательной для всего населенія Болгаріи, отъ 20 до 30 лѣтъ, безъ различія вѣры и національности; срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ въ два года. Система отбыванія воинской повинности принята милиціонная-территоріальная. Она заключалась въ томъ, что каждый округъ долженъ былъ поставлять рекрутъ только въ свою дружину. Рекруты же со всей губерніи поступали для формированія конной сотни и батареи, и при томъ той же самой губерніи. Дружины были расположены въ центральныхъ пунктахъ округовъ, а сотни и батареи—въ такихъ же пунктахъ губерній. Дружины были сформированы въ составѣ 1,000 человѣкъ каждая, сотни—въ 150, а батареи—въ 250.

Призывъ 20 тысячъ новобранцевъ для сформированія болгарскаго войска былъ произведенъ втеченіе полумѣсяца и прошелъ весьма успѣшно. Поведеніе новобранцевъ въ городахъ, гдѣ ихъ скоплялось по нѣскольку тысячъ, не смотря на довольно слабый надзоръ за ними, было безупречно. Недоборъ призывныхъ былъ самый

ничтожный, и главной причиной его было уменьшеніе границъ княжества, широкія льготы по семейному положенію, строгій медицинской осмотръ и выбытіе нѣкоторой части молодежи на заработки за границу.

Наибольшій процентъ недобора призывныхъ палъ на Виддинскій санджакъ, что̀ зависѣло отъ занятія его сербами, крайне замѣдлившихъ очищеніе 3-хъ ближайшихъ округовъ этого санджака, не смотря на ратификацію трактата. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ приморскихъ округахъ Сливненской губерніи, именно тѣхъ, въ которыхъ преобладало греческое населеніе, также оказался недоборъ.

Зато болгарская молодежь Киркилисскаго округа Сливненской губерніи, отошедшая по трактату къ Турціи, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, заявила желаніе поступить на службу въ болгарское войско, что̀ и было имъ дозволено, но подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы они записывались охотниками и поступали по одиночкѣ, а не всѣ разомъ. Такой пріемъ ихъ въ болгарское войско устранялъ характеръ политической демонстраціи, которую дипломаты непремѣнно бы приписали этому стремленію болгарской молодежи, въ случаѣ коллективнаго ихъ поступленія въ болгарское войско.

Въ софійскую дружину были приняты охотниками многіе болгары изъ Джумайскаго округа, который также отходилъ отъ Восточной Румеліи къ Турціи.

Наше военное министерство для вооруженія болгарскаго войска, по числу 27 пѣшихъ дружинъ, отпустило 27 тысячъ винтовокъ системы Крынка, хотя только половина изъ нихъ оказалась годными для употребленія. Для исправленія остальныхъ, попортившихся во время войны, пришлось завести въ Болгаріи оружейныя мастерскія, которыхъ прежде въ Болгаріи и въ поминѣ не было.

Вещи и матеріалъ для боеваго снаряженія и обмундированія новобранцевъ были отпущены изъ нашихъ интендантскихъ вещевыхъ складовъ. При томъ, однако, возникли немаловажныя затрудненія, въ виду того обстоятельства, что въ нашихъ складахъ готовой одежды не было; поэтому новобранцамъ выдавались матеріалы на руки для изготовленія одежды ими самими, но въ ихъ средѣ почти вовсе не оказалось ни портныхъ, ни закройщиковъ.

Благодаря экономическимъ суммамъ, образовавшимся за время войны въ дружинахъ бывшаго болгарскаго ополченія, удалось выписать швейныя машины и поручить за извѣстную плату шитье обмундировальныхъ вещей частнымъ портнымъ и нашимъ войскамъ.

Для запаса болгарскаго войска, имѣвшаго образоваться въ ближайшемъ будущемъ, русское правительство предоставило болгарамъ всѣ ружья и орудія, взятыя у турокъ въ минувшую войну, различ-

ныхъ системъ и калибровъ, для исправленія которыхъ было проектировано устройство арсенала [1]).

Склады артиллеріи и разнаго оружія были намѣчены въ Разградѣ и Плевнѣ; наше управленіе остановилось на этихъ пунктахъ, какъ въ виду удобства развозки изъ нихъ оружія, такъ и принимая во вниманіе условія безопасности отъ внезапнаго захвата этихъ складовъ непріятелемъ, для чего требовалось удалить эти склады отъ границы.

При этомъ было также обращено серьёзное вниманіе на организацію военно-медицинской части: въ каждой губерніи были устроены лазареты, на 50 кроватей каждый, и школы для приготовленія фельдшеровъ изъ болгаръ.

Смотръ, произведенный 30 августа 1878 года, въ день тезоименитства покойнаго государя, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ 8 дружинамъ филиппопольскаго лагеря былъ блестящимъ доказательствомъ успѣшныхъ результатовъ обученія молодыхъ войскъ Южной Болгаріи, о чемъ могъ засвидѣтельствовать нашъ императорскій коммиссаръ передъ лицемъ населенія Южной Болгаріи, собравшагося огромными массами для поздравленія князя съ этимъ національнымъ праздникомъ всѣхъ болгаръ. Военная выправка, бодрый видъ, смѣлый, широкій шагъ, стройность и спокойствіе фронта молодаго болгарскаго войска изумили какъ самихъ болгаръ, такъ и европейскихъ дипломатическихъ агентовъ, присутствовавшихъ на этомъ смотру [2]).

Въ княжествѣ Болгарскомъ, гдѣ мы имѣли болѣе времени для обученія болгарскаго войска, организація послѣдняго шла еще успѣшнѣе и представила болѣе серьёзные результаты.

Въ гражданской администраціи края, прежде всего, были приняты безотлагательно необходимыя мѣры къ введенію въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя, по особымъ условіямъ прежняго военнаго времени, еще находились въ вѣдѣніи военныхъ властей, гражданскаго управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ были выработаны видоизмѣненія и дополненія первоначально изданныхъ положеній, вызванныя новыми условіями, въ которыя была поставлена Болгарія постановленіями конгресса.

Въ основаніе организаціи гражданскаго управленія Болгаріей, какъ я уже сказалъ выше, были положены начала децентрализаціи и самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія. Административныя дѣла въ селеніяхъ, околіяхъ (нахіяхъ), городахъ, окру-

---

[1]) При этомъ мы передали массу винтовокъ Снайдера, Пибоди, Мартини и друг. въ количествѣ 96 тыс. штукъ и, кромѣ того, 142 орудія полевой артиллеріи и 31 — крѣпостной осадной.

[2]) Въ разноцвѣтныхъ дипломатическихъ книгахъ парламентовъ всей Западной Европы находятся подробныя описанія этого смотра, произведшаго, повидимому, сильное впечатлѣніе на европейскихъ консуловъ въ Филиппополѣ.

гахъ и даже губерніяхъ, были сосредоточены въ рукахъ особыхъ совѣтовъ, состоявшихъ изъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ интересахъ поддержанія порядка и ради приданія болѣе правильнаго хода дѣйствіямъ администраціи, предѣлы вѣдомства городскихъ и окружныхъ совѣтовъ были точнѣе опредѣлены, городскимъ совѣтамъ было предоставлено лишь управленіе городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, а на окружные совѣты возложены, кромѣ завѣдованія земско-хозяйственными дѣлами округа, также и дѣла, сопряженныя съ интересами казны какъ въ округѣ, такъ и въ городѣ. Наше гражданское управленіе болѣе довѣрялось и полагалось на сельское населеніе, чѣмъ на городское, въ средѣ котораго преобладали такъ называемые чорбаджіи, глубоко испорченные турецкимъ управленіемъ.

Установленъ порядокъ изданія обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій, по соглашенію губернатора съ управительнымъ совѣтомъ и т. д.

Губернаторы, окружные начальники и всѣ вообще административныя лица не по выбору, а по назначенію, снабжены инструкціями, строго и точно опредѣлявшими кругъ ихъ правъ и обязанностей.

При этомъ обращено было особенное вниманіе на точное опредѣленіе обязанностей и круга дѣйствій полиціи, какъ чистоисполнительнаго органа власти и т. д.

Въ виду крайне печальнаго положенія тюремъ, были приняты возможныя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, и въ этихъ видахъ былъ составленъ и обнародованъ новый тюремный уставъ, которымъ надѣялись хотя отчасти исправить прежніе безпорядки и злоупотребленія.

Турецкія тюрьмы представляли изъ себя ужасные вертепы, смрадныя темницы, въ буквальномъ значеніи этого слова. О положеніи заключенныхъ въ этихъ темницахъ турецкія власти отнюдь не заботились, откровенно объясняя, что назначеніе тюрьмы причинять наиболѣе страданій заключеннымъ въ ней. Этой цѣли турецкія тюрьмы достигали вполнѣ.

Серьёзная тюремная реформа требовала значительныхъ матеріальныхъ средствъ и продолжительнаго времени; поэтому пришлось, конечно, на первое время удовольствоваться устраненіемъ произвольныхъ арестовъ и отдѣленіемъ тяжкихъ преступниковъ отъ заключенныхъ за маловажные проступки—такое распредѣленіе арестантовъ, по роду преступленій, совершенно игнорировалось при турецкомъ режимѣ.

Вслѣдъ за тюремнымъ уставомъ были изданы также уставы: медицинскій и больничный, и учреждены окружныя и губернскія больницы.

Особенное вниманіе было обращено на организацію судебной части, причемъ весьма полезными оказались матеріалы, собранные учрежденной, при самомъ началѣ дѣятельности нашего гражданскаго управленія, еще при князѣ Черкасскомъ, юридической коммиссіей.

Всѣ суды раздѣлены на сельскіе, въ качествѣ суда полюбовнаго, для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, затѣмъ суды общіе (окружные и губернскіе) и суды особенные (т. е., во-первыхъ, суды духовные, причемъ для мусульманскаго населенія, по дѣламъ гражданскимъ, былъ сохраненъ судъ кадіевъ, и, во-вторыхъ, суды административные.

Всѣ общіе суды, т. е. какъ окружные, такъ и губернскіе, были подчинены суду высшей инстанціи, одному на все княжество [1]). Для руководства судебныхъ учрежденій 24 августа 1878 года въ Филиппополѣ, были изданны «Временныя правила для устройства судебной части въ Болгаріи» [2]).

Гражданское судопроизводство, введенное этими правилами, по своимъ началамъ мало отличалось отъ русскаго гражданскаго процесса по уставу 20 ноября 1864 года; въ уголовномъ процессѣ были сдѣланы болѣе существенныя измѣненія въ виду мѣстныхъ условій. Институтъ присяжныхъ, между прочимъ, былъ устраненъ. При существовавшей среди населенія племенной и религіозной враждѣ, было признано невозможнымъ предоставить присяжнымъ постановлять рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ безапеляціонно и притомъ не мотивируя своихъ рѣшеній [3]).

Судебный персоналъ былъ избранъ исключительно изъ туземныхъ жителей, конечно, со включеніемъ въ число таковыхъ и тѣхъ болгаръ, которые учились въ Россіи и жили въ ней до войны. Многіе изъ болгаръ высказывали желаніе пригласить на первое время юристовъ изъ Россіи, для организаціи судебной части, но это предположеніе не получило надлежащаго исполненія по причинамъ, о которыхъ я здѣсь говорить не буду. Болгарское правительство, заступившее наше гражданское управленіе, не разъ впослѣдствіи возвращались къ этой мысли, и теперешній ярый

---

[1]) Этотъ высшій судъ, собственно для княжества, былъ учрежденъ нѣсколько позднѣе изданія Временныхъ Правилъ 24 августа 1878 г., а именно 25 сентября того же года.

[2]) Русскій подлинникъ этихъ Правилъ былъ напечатанъ тогда же въ Одессѣ, а одновременно съ нимъ былъ изданъ въ Филиппополѣ и оффиціальный болгарскій переводъ.

[3]) Болѣе подробное изложеніе и обстоятельную оцѣнку дѣятельности нашего гражданскаго управленія представляетъ вышеуказанная статья проф. Палаузова, написанная въ защиту того, что было сдѣлано нами по судебной части въ Болгаріи противъ слишкомъ строгой критики г. Соловьева, въ его статьѣ «Судебная реформа въ Болгаріи» (Юрид. Вѣстникъ, за 1878 г., т. 2), и глумленіи нѣкоторыхъ фельетонныхъ борзописцевъ, появившихся тогда въ «Голосѣ».

руссофобъ, извѣстный П. Каравеловъ, какъ только попалъ въ министры, неоднократно и весьма горячо выражалъ желаніе пригласить русскихъ юристовъ на болгарскую службу. Съ этой цѣлью онъ вступалъ въ переговоры и сношенія съ разными лицами и учрежденіями въ Петербургѣ и, если не ошибаюсь, въ Москвѣ.

Дѣйствительно, личный персоналъ, которымъ располагала Болгарія для организаціи судебной части, былъ крайне недостаточенъ. За немногими исключеніями, среди болгаръ, лица съ юридическимъ образованіемъ блистали своимъ отсутствіемъ. Людей, получившихъ медицинское и даже военное образованіе, было гораздо больше; особенный недостатокъ чувствовался въ замѣщеніи должностей по прокурорскому надзору. Въ княжествѣ старались замѣстить эти должности, какъ болгарами, учившимися въ Россіи, такъ и нѣкоторыми русскими, которые, впрочемъ, получили эти назначенія не отъ нашего гражданскаго управленія а отъ болгарскаго министерства. Въ Восточной Румеліи пригласили на прокурорскія должности чиновниковъ изъ Австріи, такъ называемыхъ чеховъ.

Я говорю—такъ называемыхъ чеховъ, потому что подъ этимъ флагомъ въ Восточную Румелію попало нѣсколько проходимцевъ, принадлежность которыхъ къ чешской національности была весьма проблематична; таковъ, напримѣръ, былъ товарищъ главнаго прокурора Восточной Румеліи д-ръ Хитиль, отъ котораго чехи торжественно отрекались, докторскаго диплома котораго, кажется, никто подлинно не видалъ и т. д.

Но наиболѣе труда и заботъ представила нашему гражданскому управленію организація финансовой части и народнаго кредита. При совершенномъ отсутствіи сколько нибудь надежныхъ статистическихъ данныхъ и краткости срока, оставленнаго въ распоряженіи нашего гражданскаго управленія конгрессомъ, нечего было и думать о радикальномъ преобразованіи существовавшей до нашего прихода системы налоговъ и податей. Очевидно, пришлось въ этомъ дѣлѣ безусловно послѣдовать системѣ Черкасскаго, т. е. принять за основаніе существовавшіе при туркахъ порядки, только упорядочивъ ихъ и очистивъ, по возможности, отъ наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій.

Еще передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Болгарію, 5-го іюня, въ Плоэштахъ, были изданы составленныя княземъ Черкасскимъ и высочайше утвержденныя правила главныхъ основаній казеннаго управленія, въ силу которыхъ 1) всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, были освобождены отъ уплаты подати за изъятіе отъ военной службы; 2) съ 1878 года отмѣнялось взиманіе такъ называемаго ошура, т. е. десятинной подати съ произведеній земли. Въ замѣнъ десятины съ этого года предписывалось взимать поземельную подать, какъ было сказано въ этихъ правилахъ, на правильныхъ основаніяхъ. При этомъ было указано, что въ виду исключитель-

ныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войной, въ текущемъ 1877 году десятина должна еще взиматься деньгами или натурой, смотря по требованіямъ для продовольствія войска.

20-го іюня, въ Зимницѣ послѣдовало высочайшее утвержденіе «Основаній для финансоваго управленія Болгаріей», въ силу которыхъ было сохранено существованіе въ «казахъ», т. е. округахъ, сборщиковъ податей, производившихъ пріемъ денегъ и расходы по управленію въ казахъ, а при каждомъ управленіи санджака учреждены временныя казначейства, по образцу нашихъ.

Оставляя временно, втеченіе 1877 года, взиманіе десятины, наше финансовое управленіе измѣнило порядокъ взиманія этой подати, ненанавистной населенію, т. е. отдачу этой подати на откупъ. Но такая перемѣна, сдѣланная съ весьма благимъ и понятнымъ намѣреніемъ удовлетворить желаніямъ населенія, вызвала большія затрудненія вслѣдствіе неудобства полученія этой подати деньгами. Посему въ Забалканской Болгаріи, именно въ губерніяхъ Сливненской и Пловдивской, уже было предписано брать десятину натурой, а въ Адріанопольскомъ вилаэтѣ, когда онъ былъ занятъ нашими войсками, пришлось возвратиться къ старому порядку, т. е. отдачѣ десятины на откупъ.

Въ губерніяхъ Сливненской и Пловдивской въ рукахъ нашего гражданскаго управленія скопились значительные запасы, образовавшіеся отъ сборовъ десятины натурой. Передача этихъ запасовъ интендантскому вѣдомству, вслѣдствіе существовавшихъ тогда въ немъ порядковъ, была признана невозможною.

Убѣдившись изъ опыта, что переломить эти порядки нелегко, князь Дондуковъ-Корсаковъ, подавленный массой разнообразныхъ заботъ, рѣшился продать гуртомъ десятинный сборъ въ зернѣ, хранившійся въ складахъ нашихъ окружныхъ начальниковъ, французскому негоціанту, нѣкоему Марешалю. Контрактъ съ этимъ левантинскимъ аферистомъ, заключенный, въ сентябрѣ 1878 года, нашимъ императорскимъ коммиссаромъ, вызвалъ немало нареканій.

Конечно, этотъ контрактъ нельзя признать удачной финансовой мѣрой, ибо г. Марешаль, получавшій хлѣбные продукты, которые онъ принималъ къ тому же отъ окружныхъ начальниковъ на безмѣнъ (въ контрактѣ не было условлено, на какихъ именно вѣсахъ слѣдуетъ производить пріемъ продуктовъ), т. е. при самомъ нагломъ обвѣшиваніи, продавалъ вслѣдъ за симъ ихъ же нашимъ интендантскимъ чиновникамъ, съ огромнымъ барышемъ[1]). Но въ оправданіе князя Дондукова-Корсакова слѣдуетъ сказать, что онъ

---

[1]) Такъ, по отзывамъ лицъ вполнѣ компетентныхъ, и въ томъ числѣ одного гвардейскаго офицера, занимавшаго должность окружнаго начальника въ Ямболи, Марешаль продавалъ за серебряный слишкомъ рубль то самое зерно, которое ему приходилось по франку на основаніи этого контракта.

рѣшился на эту, очевидно, невыгодную сдѣлку, опасаясь, что иначе, въ виду пререканій съ интендантствомъ, десятинный сборъ натурой можетъ совсѣмъ пропасть.

Намъ приходилось спѣшить ликвидаціей дѣлъ гражданскаго управленія, а, оставляя десятинный сборъ натурой въ складахъ, мы рисковали погноить его.

Въ заключеніе обзора распоряженій гражданскаго управленія по финансовой части замѣтимъ, что въ 1877 году для пяти губерній Сѣверной Болгаріи, а въ 1878 году для двухъ губерній Южной, т. е. Забалканской Болгаріи, были сложены накопившіяся за населеніемъ недоимки.

Кромѣ того, сборъ косвенныхъ налоговъ былъ до извѣстной степени упорядоченъ и установленъ на болѣе правильныхъ началахъ, причемъ особенное вниманіе было обращено на сборъ акциза съ табаку и вина, и съ этой цѣлью былъ изданъ новый акцизный уставъ. Благодаря этой мѣрѣ, акцизные сборы значительно возросли и составили весьма серьезный источникъ доходовъ въ бюджетѣ Болгаріи.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, слѣдуя примѣру своего предшественника, предписалъ финансовому управленію заняться пересмотромъ устава земледѣльческихъ кассъ, этого весьма разумнаго кредитнаго учрежденія, введеннаго въ дѣйствіе еще при турецкомъ правительствѣ, извѣстнымъ Митхадомъ-пашой. Этихъ кассъ было учреждено Митхадомъ-пашой въ Болгаріи всего 33 кассы, съ капиталомъ въ 10 милліоновъ франковъ; но наличность большаго числа этихъ кассъ была увезена бѣжавшими во время войны турками.

По распоряженіямъ князя Черкасскаго, энергически подтвержденнымъ его преемникомъ, наше гражданское управленіе приняло рядъ мѣръ къ возстановленію операціи этихъ кассъ и успѣло открыть къ введенію въ дѣйствіе болгарской конституціи 7 кассъ въ Софійской губерніи, 5—въ Тырновской, 2—въ Рущукской и 1—въ Варненской.

Наконецъ, таможенные сборы, весьма крупный источникъ доходовъ въ Болгаріи, находившіеся въ хаотическомъ состояніи при турецкомъ управленіи, получили новую, болѣе цѣлесообразную организацію и стали давать значительный доходъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, русское управленіе Болгаріею, не обременяя населенія новыми сборами, не смотря на опустошеніе и раззореніе страны, неизбѣжно слѣдующее за войной,—имѣло возможность не только пополнить текущіе расходы по гражданскому управленію, но и оставить запасный фондъ въ 14 милліоновъ франковъ, переданныхъ нами вновь организованному народному болгарскому правительству.

Ему же, кромѣ того, были переданы нашимъ гражданскимъ управленіемъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ безъ исключенія расхо-

дахъ казенныхъ болгарскихъ суммъ и проектъ государственной смѣты на 1879 годъ.

По этой смѣтѣ, доходовъ ожидалось къ поступленію 24 милліона франковъ, но болгарское народное собраніе нашло возможнымъ увеличить эту смѣту до 28 милліоновъ франковъ.

За недостаткомъ мѣста, я не касаюсь многихъ другихъ сторонъ многообразной дѣятельности нашего гражданскаго управленія, какъ, напримѣръ, по народному образованію, призрѣнію пострадавшихъ отъ войны жителей, устройству положенія такъ называемыхъ бѣженцовъ, которые, послѣ заключенія Берлинскаго трактата, массами прибывали изъ турецкихъ владѣній въ Болгарское княжество и которые направлялись преимущественно въ губерніи Пловдивскую и Сливненскую, губернаторы которыхъ, полковникъ Шепелевъ и болгаринъ русской службы г. Ивановъ, были буквально подавлены заботами объ устройствѣ участи этихъ несчастныхъ, не имѣвшихъ ни одежды, ни средствъ къ пропитанію, остававшихся безъ пищи, крова и одежды.

Въ концѣ сентября 1878 года, когда началось отступленіе нашихъ войскъ изъ Южной Ѳракіи, за ними хлынули толпы бѣженцовъ-христіанъ, которые, изъ страха турецкихъ репрессалій, бросая свои жилища и свое имущество, рѣшились послѣдовать за отступающимъ русскимъ войскомъ. Вслѣдъ за ними стали прибывать изъ Константинополя мусульмане, возвращавшіеся, въ виду заключенія мира, на мѣста прежняго своего жительства, жилище и поля которыхъ были отчасти захвачены болгарами. Это подало поводъ къ безконечнымъ и жесточайшимъ пререканіямъ этихъ мусульманъ, находившихъ горячихъ защитниковъ въ лицѣ дипломатическихъ представителей Европы, съ мѣстнымъ болгарскимъ населеніемъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ княжествѣ скопилось болѣе 50 тысячъ человѣкъ этого пришлаго, не имѣвшаго крова и средствъ къ пропитанію люда, попеченіе объ участи котораго легло всей тяжестью на наше гражданское управленіе.

Таковы были результаты нашего гражданскаго управленія, начавшагося въ пороховомъ дыму героической борьбы, поднятой русскимъ народомъ и государствомъ за дѣло освобожденія Болгаріи, которая, по энергическому выраженію покойнаго И. С. Аксакова, воистину «на русскихъ костяхъ стала».

Россія дала освобожденному ею болгарскому народу гражданское управленіе, способное управлять страной, организовала войско, способное охранять цѣлость и неприкосновенность территоріи отъ непріятельскаго вторженія и въ случаѣ надобности поддержать порядокъ и безопасность внутри страны; снабдила это войско кадрами, офицерами, оружіемъ и боевыми запасами, обмундировала его и надѣлила госпитальными принадлежностями и медикаментами, отдавъ

болгарамъ богатые остатки, находившіеся въ госпиталяхъ, лазаретахъ и складахъ Краснаго Креста и дѣйствовавшей арміи; кромѣ того, мы подарили Болгаріи дунайскую флотилію, взятую нами во время войны, и всѣ конскіе запасы и лишнихъ лошадей интендантскихъ транспортовъ, въ количествѣ 20,000 головъ.

Эти лошади русской породы были распредѣлены поровну между всѣми округами и послужили, при весеннихъ работахъ, великимъ подспорьемъ населенію, крайне нуждавшемуся въ рабочемъ скотѣ.

Затѣмъ, 10-го февраля 1879 года, россійскимъ коммиссаромъ княземъ Дондуковымъ было созвано первое собраніе болгарскихъ именитыхъ людей, въ древней столицы Болгарскаго царства, Тырновѣ, для разсмотрѣнія органическаго статута Болгарскаго княжества, а 17 апрѣля того же года собралось уже, на основаніи этой болгарской конституціи, второе великое народное собраніе для избранія князя болгарскаго.

Почти одновременно завершилась и новая организація Восточной Румеліи. 14 (26) апрѣля 1879 года послѣдовалъ султанскій фирманъ, утвердившій органическій статутъ Восточной Румеліи, составленный европейской международной коммиссіей, на основаніи XVIII статьи Берлинскаго трактата, для этой автономной области, отрѣзанной берлинскимъ конгрессомъ отъ княжества Болгарскаго.

Вмѣстѣ съ этимъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ, по правиламъ, установленнымъ XIII и XVII статьями того же трактата, т. е. по соглашенію съ великими державами, назначилъ христіанскаго генералъ-губернатора автономной области, на пять лѣтъ, избравъ, согласно съ желаніемъ Россіи, на этотъ постъ православнаго князя Вогоридеса, или Богориди, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Алеко-паши, бывшаго посла Высокой Порты при вѣнскомъ дворѣ. Выставленный Франціей кандидатъ на этотъ постъ Рустемъ-паша, католикъ, руку котораго держала и Австрія, былъ устраненъ.

Княземъ Болгаріи, согласно желанію покойнаго государя, былъ избранъ принцъ Александръ Батенбергъ, родной племянникъ нашего государя отъ морганатическаго брака принца Александра Гессенскаго съ знакомой петербургскому обществу, фрейлиной покойной императрицы, дѣвицей Гауке — сестрой извѣстнаго повстанца Босака, геройски погибшаго въ рядахъ гарибальдійцевъ подъ стѣнами Дижона въ 1869 году. Батенбергъ фигурировалъ тогда въ первой части извѣстнаго Готскаго Альманаха, но въ прошломъ году, согласно заключенію берлинскаго геральдическаго трибунала, былъ перенесенъ въ третью часть.

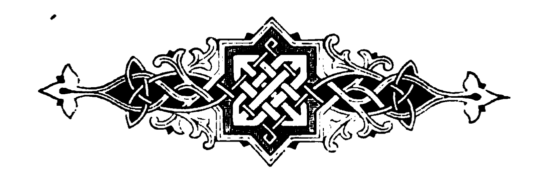
Болгары утѣшались, что послѣ жестокихъ разочарованій, постигшихъ на конгрессѣ ихъ національныя стремленія, по крайней мѣрѣ, оба управителя болгарскихъ областей носятъ имя великаго освободителя болгарскаго народа, царя Александра, и будутъ вмѣстѣ съ нимъ и Россіей праздновать торжественный день 30-го августа.

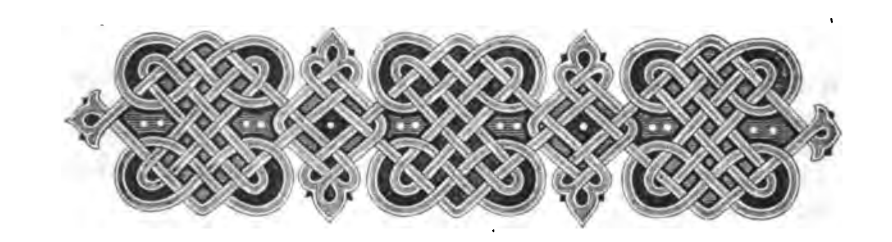
Кромѣ того, какъ было заявлено тогда въ нѣкоторыхъ органахъ болгарской печати, извѣстной гарантіей для дальнѣйшаго развитія и упроченія болгарскаго дѣла, должно служить то обстоятельство, что оба правителя Болгаріи пользовались расположеніемъ русскаго государя и считались его кандидатами.

Изложенію обстоятельствъ, сопровождавшихъ введеніе этого новаго конституціоннаго режима въ Сѣверной и Южной Болгаріи, будутъ посвящены слѣдующія за симъ главы нашего историческаго очерка.

П. Матвѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ГОРАХЪ И ДОЛИНАХЪ РУССКАГО ТЯНЬ-ШАНЯ.

ЕСЛИ ЧИТАТЕЛЬ потрудится взглянуть на рельефную карту Азіатскаго материка, то какъ разъ по срединѣ найдетъ гигантскій горный хребетъ Тенгри-Тагъ, составляющій часть длинной цѣпи возвышенности Тянь-Шаня. Упомянутая горная группа находится въ равныхъ разстояніяхъ отъ Чернаго моря на западѣ, Желтаго моря на востокѣ, Обской губы на сѣверѣ и Бенгальскаго залива на югѣ. Тенгри-Тагъ возвышается на срединѣ прямой линіи, которую можно провести отъ мыса Сѣверо-Восточнаго въ Сибири до мыса Коморина въ Индіи [1]).

Каждому, кромѣ того, извѣстно, что названіе «Тянь-Шань» означаетъ на китайскомъ языкѣ—Небесныя горы; нѣкоторые же китайскіе авторы даютъ ему кличку «Сюэ-Шань», т. е. Снѣговыя горы. Затѣмъ участки горнаго узла, каковы: Памиръ, Мустагъ и проч., можно перевести: первый—Крыша Міра, второй—Ледяныя горы.

Однимъ словомъ, уже эта одна терминологія указываетъ на то, что Тянь-Шань принадлежитъ къ одной изъ величайшихъ горныхъ системъ на всемъ земномъ шарѣ. И дѣйствительно, средняя высота магистральнаго хребта колеблется между 16,000 и 18,000 футовъ [2]), а отдѣльные пики, каковъ Ханъ-Тенгри въ Мустагѣ, достигаютъ 21,000 футовъ и выше.

---

[1]) Н. Маевъ. Топографическій очеркъ Туркестанскаго края («Турк. Ежегодникъ». Вып. 1-й. 1872. Стр. 16).

[2]) Л. Костенко. Туркестанскій край. 1880. Т. I. Стр. 24.

Понятно, что все сказанное выше и взятое вмѣстѣ давно уже интриговало пытливый умъ ученаго, и давно уже стремились путешественники проникнуть въ лабиринтъ запутанныхъ ущелій этого недоступнаго уголка земнаго шара.

Еще недавно о Тянь-Шанѣ существовали самыя смутныя и сбивчивыя представленія. Все извѣстное основывалось на весьма сомнительныхъ данныхъ, собранныхъ іезуитами во времена Цанъ-Луня, т. е. около 1757—1759 годовъ.

У Гумбольдта (1843 г.) мы встрѣчаемъ нѣсколько разспросныхъ свѣдѣній о маршрутахъ поперегъ Тянь-Шаня, но и это составило нѣчто новое, дополняющее показанія китайской географіи Туркестана, переведенной на русскій языкъ въ 1827 году отцомъ Іакинѳомъ (Бичуринымъ)[1]. Нечего, я думаю, прибавлять, что карты этой части Средней Азіи (какова, напримѣръ, карта Клапрота) отличались неточностью.

Только въ 1847 году, топографъ Нифантьевъ, бывшій за рѣкою Или, составилъ карту озера Иссыкъ-Куля (разспросную) и тѣхъ путей, которые ведутъ мимо его въ Кашгаръ и Угъ-Турпанъ.

Въ 1855 году, возникли наши Заилійскія колоніи, что̀ дало возможность въ слѣдующемъ же году (1856 г.) топографу Яновскому снять восточную часть Иссыкъ-Куля и прилежащихъ горныхъ мѣстъ. Но первымъ путешественникомъ, проникшимъ въ Алатаускія горы и въ Тянь-Шань и давшимъ основанія географіи Центральной Азіи, былъ, безъ сомнѣнія, Семеновъ (1856—1857).

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ путешественниковъ, съ опасностью жизни стремящихся вглубь долинъ Небесныхъ горъ. Таковы: гг. Захаровъ, Велихановъ, Голубевъ, Венюковъ, Полторацкій и Остенъ-Сакенъ.

Съ особенной быстротой двинулось изученіе Тянь-Шаня послѣ учрежденія Туркестанскаго округа въ 1867 году: гг. Краевскій, Буняковскій, Сѣверцевъ, Рейнталь, Каульбарсъ, Костенко и многіе другіе навсегда останутся извѣстными наукѣ по тѣмъ результатамъ, которые получены ими при изученіи географіи края.

Что касается до естественно-исторической части изслѣдованій, то и она въ настоящее время имѣетъ уже весьма много цѣнныхъ выводовъ. Вспомнимъ зоологическія изысканія, произведенныя гг. Сѣверцовымъ и Федченко, геологическія—Романовскимъ и Мушкетовымъ, ботаническія—Регелемъ. Особенно посчастливилось геологіи: профессоръ Мушкетовъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на изученія хребтовъ въ геологическомъ отношеніи, кромѣ опубликованныхъ краткихъ отчетовъ, готовитъ капитальный трудъ, разъясняющій, до нѣкоторой степени, какъ строеніе, такъ и появленіе Тянь-Шаня на земной поверхности.

---

[1]) Заимствую эти свѣдѣнія у Костенко (l. c., стр. 17).

Не смотря, однако, на то, что много затрачено уже трудовъ упомянутыми путешественниками, остается еще очень и очень много такихъ мѣстъ, гдѣ ни одинъ изъ европейцевъ не бывалъ никогда, гдѣ только кара-киргизъ карабкается на своей маленькой лошадкѣ и гдѣ лежатъ еще много сокровищъ, ждущихъ счастливаго ученаго, который бы сорвалъ съ нихъ таинственное покрывало неизвѣстности.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскаго, въ 1884 году и я получилъ возможность попытать счастья и также пройдти въ ущелья Тянь-Шаня. Мнѣ особенно пріятно было совершить такое путешествіе потому, что въ первыя двѣ поѣздки въ Среднюю Азію я познакомился только со степью и песками Сыръ и Аму-Дарьи и едва коснулся горной флоры въ Гиссарскомъ хребтѣ. Пополнить свои свѣдѣнія и сравнить степную флору съ горною для того, чтобы составить себѣ ясное общее представленіе о растительности Средней Азіи, казалось для меня весьма заманчивымъ.

Оставляя научный отчетъ до болѣе благопріятнаго времени, я позволю себѣ здѣсь подѣлиться вкратцѣ съ читающей публикой тѣми впечатлѣніями, которыя волной нахлынули на меня во время труднаго пути по горамъ и долинамъ русскаго Тянь-Шаня.

1-го іюня я отчалилъ на пароходѣ «Иванъ» отъ Казани съ тѣмъ, чтобы надолго покинуть свои привычки, разграфленную на клѣточки жизнь чиновника, извѣстный комфортъ и проч., и проч. Все это надо было забыть и пожить бивуачною жизнью, т. е. ѣсть не тогда, когда хочется, а когда можно, спать не тогда, когда клонитъ ко сну, а когда является къ тому возможность, пить—что попало, а заболѣешь—лѣчиться самому. Но меня такая перспектива нисколько не смущала, такъ какъ я могу считать себя привычнымъ къ подобнымъ лишеніямъ.

Не стану описывать подробно мой путь до Перми. Дорога слишкомъ извѣстна, да и переѣздъ совершился самымъ благопріятнымъ образомъ. Меня только крайне удивила оголенность береговъ Камы; когда я проѣзжалъ здѣсь въ 1882 году, отправляясь въ вогульскую экспедицію, зеленый боръ шумѣлъ по обѣимъ сторонамъ рѣки и спускался до самой воды по крутымъ и живописнымъ скатамъ. Теперь же отъ него осталось весьма немного. Хищническая порубка, стало быть, продолжается, не смотря на справедливые протесты печати и не внимая голосамъ спеціалистовъ.

Самъ городъ Пермь выигралъ со времени проведенія желѣзной дороги. Хорошенькіе дома и магазины появились тамъ, гдѣ ихъ не было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а вмѣсто деревяннаго сарая, гдѣ давались спектакли, выстроился весьма красивый театръ.

Быстро пролетѣли мы въ вагонѣ пространство до города Екатеринбурга и вдоволь налюбовались прелестными видами уральскихъ ущелій. Пересѣвъ въ тарантасъ, отправились дальше на Тюмень и 7-го іюня, подъ вечеръ, миновали тотъ четырехугольный столбъ, который стоитъ на границѣ Пермской и Тобольской губерній, т. е. между Европой и Азіей. Облупленная штукатурка, изломанная желѣзная крыша и безграмотныя надписи, покрывающія бока этого одинокаго обелиска, далеко неизящны.

На другой день со звономъ и грохотомъ тарантасъ нашъ подкатилъ прямо къ пристани Курбатова на рѣкѣ Тоболѣ, гдѣ стоялъ пароходъ «Сарапулецъ», на которомъ предстояло совершить длинное плаваніе до Семипалатинска. Пріятно было забраться въ чистую и теплую каюту, когда кругомъ свистѣлъ холодный вѣтеръ, брызгалъ мелкій дождь, а солнце ныряло въ низкихъ тяжелыхъ облакахъ.

Съ разсвѣтомъ тронулись въ путь. Плоскіе берега, пустынныя окрестности и сѣверная погода производили неособенно хорошее впечатлѣніе. Мутныя волны Тобола съ шумомъ плескались объ отмели, длинноногіе кулички перепархивали у самаго прибоя, да бѣлыя чайки съ крикомъ носились въ воздухѣ. Деревень почти не встрѣчалось въ первый день нашего путешествія. Останавливались и брали дрова прямо у берега; съ баржи, которую тащилъ пароходъ, сходили солдатики и, вооружась длинными палками, таскали громадныя полѣнья. На минуту пустынная мѣстность оживлялась. Пассажиры тоже выбирались на берегъ, слышался хохотъ, отрывокъ изъ какой нибудь шансонетки, звуки гармоники. Но вотъ раздался капитанскій свистокъ. Эхо прокатилось далеко по лугамъ и лѣсамъ, все засуетилось. Солдатики уходятъ опять на баржу, убираютъ мостки, чалки... Третій свистокъ—и пароходъ запыхтѣлъ, зашумѣли колеса, густой дымъ повалилъ изъ трубы, и мы двинулись далѣе. Снова берегъ погрузился въ молчаніе; гдѣ за пять минутъ была такая толкотня и шумъ, виднѣются разбросанныя полѣнья, обрывокъ веревки, пустая бутылка... Налетѣвшій вѣтеръ подхватилъ клочекъ синей бумаги и понесъ его куда-то далеко къ лѣсу.

Пассажиры скоро перезнакомились другъ съ другомъ, и время пошло скорѣе и не такъ томительно-скучно. Съ баржи часто пріѣзжалъ военный докторъ, любившій поиграть въ карты, составлялась пулька и затягивалась на всю ночь. Мнѣ приходилось удивляться такой страсти къ картамъ.

По вечерамъ задавались цѣлые концерты. Въ одномъ углу палубы еврей-канторъ густымъ басомъ распѣвалъ: «Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана», въ другомъ—нѣсколько евреекъ съ чувствомъ исполняли: «Я вновь предъ тобою стою очарованъ», а въ третьемъ—сѣдая женщина, бывшая актриса, недурно и съ нѣ-

которымъ шикомъ выводила разбитымъ голосомъ аріи изъ «Елены прекрасной» и «Почтальона».

10-го іюня, утромъ, на горизонтѣ засинѣлъ крутой берегъ и на немъ сверкнули кресты церквей города Тобольска.

Городъ живописенъ съ рѣки, но ужасенъ внутри, благодаря варварскимъ мостовымъ. Представьте себѣ бревна, положенныя вдоль и поперегъ улицъ, полусгнившія, со щелями и ямами, —и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ, на сколько удобно ѣздить по этимъ живымъ клавишамъ на тряскихъ долгушкахъ своеобразной конструкціи. Соръ, грязь и нечистота, цѣлая толпа евреевъ, оборванныхъ мальчишекъ и невзрачныхъ домовъ добавляютъ общую картину. Читатель, конечно, помнитъ, что здѣсь же стоитъ памятникъ Ермаку, покорителю Сибири, и виситъ сосланный колоколъ. На послѣднемъ славянскими буквами стоитъ слѣдующая надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія, въ 1593 году присланъ изъ города Углича въ Сибирь, въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ. Вѣсъ въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ».

Съ невольной улыбкой смотришь на этого изгнанника и вспоминаешь о добромъ старомъ времени, когда даже къ неодушевленнымъ предметамъ относились неособенно снисходительно.

Отъ Тобольска мы вошли въ рѣку Иртышъ. Берега его обрывисты, покрыты стройными елями; кое-гдѣ виднѣются закоптѣлые дома татарской деревеньки. Иногда откосы совершенно голы и сбѣгаютъ къ водѣ зелеными пологими скатами.

Я очень былъ доволенъ, что пассажиры, по большей части, сидѣли въ рубкѣ и на палубѣ, оставляя всю каюту 1-го класса въ мое распоряженіе. Вынимались книги, карты, и я прилаживался заниматься. Но часто это не удавалось, потому что въ ближней семейной каютѣ находилась громадная семья какого-то полицейскаго чиновника; дѣти шумѣли, дрались, родители расправлялись съ ослушниками, прибѣгая къ средству, давно уже оставленному, и поднимался такой гамъ, что читать было совершенно невозможно. Или старая нянюшка, обрадовавшись, что неспокойный какой нибудь питомецъ задремалъ, начинала свою заунывную колыбельную пѣсенку, и подъ «баюшки-баю» приходилось знакомиться съ путешествіемъ Каульбарса. Ничего не оставалось дѣлать какъ идти тоже на палубу.

Крутые берега Иртыша часто обваливаются; поэтому нѣтъ почти ни одной деревни, гдѣ бы нѣсколько хатъ не обрушилось. Часто приходилось видѣть, какъ половина избы торчитъ на крутизнѣ, остатки крыши нависли надъ волнами, плетень зацѣпился однимъ концомъ и держится на погнувшихся кольяхъ, покачиваясь отъ

вѣтра. А тамъ дальше по улицѣ, всетаки, живутъ и, повидимому, мало думаютъ о предстоящей неминуемой такой же катастрофѣ.

Не смотря на средину іюня, мы много терпѣли отъ холода и даже топили. 12-го, налетѣла черная туча, завылъ вѣтеръ, и буря разразилась дождемъ и градомъ, покрывшимъ палубу бѣлымъ слоемъ пальца въ два толщиной.

Рѣка необыкновенно извилиста и дѣлаетъ иногда такіе крутые повороты, что мы возвращаемся почти къ тому же мѣсту, отъ котораго за нѣсколько часовъ отъѣхали. Большія волны съ бѣлыми верхушками подбрасываютъ длинныя и тяжелыя бревна, укрѣпленныя на якоряхъ. Это гигантскіе поплавки для ловли осетровъ. Разбросанные вдоль береговъ въ значительномъ числѣ, такіе тяжелые куски дерева могутъ сильно повредить колесамъ парохода, если попадутъ въ нихъ. По счастію, рейсы здѣсь не частые, и мы только раза три встрѣтили буксирки съ нѣсколькими баржами, нагруженными всякой всячиной, да два пассажирскихъ парохода, идущіе изъ Омска и Семипалатинска.

Простоявъ ночь въ Омскѣ, который своими красивыми зданіями производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, двинулись дальше.

Однообразно текло время. Утромъ пили чай, въ полдень завтракали, потомъ обѣдали, спали, а вечеромъ выходили «на улицу», т. е. на палубу, гдѣ заводились безконечные споры и разговоры.

Особенно интересны были разсказы одного господина, давно служащаго въ Сибири. Такъ, напримѣръ, онъ передавалъ, что въ 60-хъ годахъ въ Восточную Сибирь отправляли цѣлые транспорты кошекъ, которыхъ тамъ въ то время не было. Случилось какъ-то, что самому разсказчику пришлось вести въ Николаевскъ партію солдатъ и партію кошекъ вмѣстѣ. Дорогой 24 штуки четыреногихъ пассажировъ погибло, а нѣсколько дней спустя одинъ солдатикъ, купаясь въ Амурѣ, утонулъ. Бѣдный офицеръ былъ въ горѣ отъ такого несчастья и въ ближайшемъ городѣ явился къ начальству, рапортуя о случившемся.

Начальство, услышавъ о смерти солдата, промолчало. — «Чего же подѣлаешь, воля Божья!» — и только; но, когда дѣло дошло до гибели кошекъ, оно страшно разсердилось.

— Милостивый государь, — заявило оно: — или извольте уплатить по три рубля серебромъ за кошку, или подъ судъ.

Конечно, офицеръ согласился на первое и долженъ былъ внести изъ своего скуднаго содержанія 72 рубля серебромъ.

Когда совсѣмъ темнѣло и на небѣ ярко свѣтила луна, снова начиналось пѣніе, разсказы принимали игривый оттѣнокъ, и одинъ изъ пассажировъ, прозванный Селадономъ, пускался въ разговоры съ жидовками, угощалъ ихъ орѣхами и любезничалъ отчаянно. Огненный хвостъ искръ, внезапно вылетавшій изъ трубы парохода,

иногда не кстати освѣщалъ Селадона, шепчущаго на ухо черноглазой дочери Израиля какой нибудь плоскій комплиментъ.

На лѣвомъ берегу Иртыша указали мнѣ на богатый Черноярскій поселокъ. Нѣсколько поодаль отъ строеній возвышалось 13 громадныхъ пирамидъ соли. Соль эта вывозится изъ Коряковскаго озера, имѣющаго 40 верстъ въ окружности; въ годъ добывается ея болѣе милліона пудовъ. Разработка самая примитивная: подъѣзжаютъ съ телѣгами и снимаютъ лопатами бѣлую кору, которою покрыта поверхность воды; существуетъ еще слой соли, лежащій на днѣ, но до него не дотрогиваются, такъ какъ безъ того добываемаго продукта хватаетъ на все.

Берега озера топки, а кругомъ на 100 верстъ будто бы нѣтъ никакой растительности. Прибавлю еще, что Коряковское озеро отстоитъ отъ Черноярскаго поселка всего въ 25 верстахъ.

Спустя нѣкоторое время, на высокомъ песчаномъ увалѣ показался городъ Павлодаръ. Скучнѣе его нельзя себѣ ничего представить. Плохая пристань съ покосившимся столбомъ, на которомъ виситъ разбитый фонарь, кучи сложенныхъ кожъ, ни одного кустика и вихри песка — вотъ что бросается въ глаза путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ этому жалкому городу. Низкія строенія уходятъ за пыльный бугоръ. Въ высокомъ берегѣ видны милліоны отверстій; изъ нихъ вылетаютъ быстрыя ласточки и съ звонкимъ щебетаніемъ мчатся надъ рѣкой, испуганныя пароходнымъ свисткомъ.

У пристани тѣснятся оборванные пѣшіе и конные казаки, киргизы, нѣсколько доморощенныхъ дрожекъ, годящихся въ кунсткамеру; все это собралось полюбопытствовать. А надъ нами раскинулось сѣрое раскаленное небо, немилосердно печетъ солнце. Густое облако пыли стоитъ надъ городомъ, еле разсмотришь крестъ одинокой церкви да луну единственной мечети.

Солнце садилось, когда мы ушли отъ этого негостепріимнаго (по виду) мѣста. Пахнуло свѣжестью, взошла луна.

Обычные концерты на нынѣшній вечеръ нѣсколько измѣнили свой характеръ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ пассажировъ на палубѣ находился одинъ дервишъ, который пѣшкомъ ходилъ въ Мекку и въ настоящее время возвращался назадъ, куда-то въ Среднюю Азію. Едва стемнѣло, онъ усѣлся, скрестивъ ноги, вынулъ изъ мѣшка особый инструментъ сипай [1]), и началъ пѣть нѣчто длинное, заунывное. Собрался народъ, воцарилось молчаніе. Пѣніе становилось, однако, все оживленнѣе, дервишъ повышалъ голосъ и,

[1]) Инструментъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ палочекъ, вилообразно расходящихся. Тамъ, гдѣ концы отходятъ другъ отъ друга, продѣто желѣзное кольцо, на которомъ виситъ множество мелкихъ колецъ. Во время пѣнія дервишъ потрясаетъ этими рогульками, подобно тамбурину.

наконецъ, дошелъ до неистовства — глаза засверкали, изъ груди вырывалось какое-то рычаніе дикаго звѣря. Можно было думать, что воспѣвается какой нибудь ужасный случай, но на самомъ дѣлѣ оказывалось, что пѣвецъ благодарилъ Аллаха за благополучное возвращеніе на родину.

Утомившись, дервишъ порылся опять въ мѣшкѣ, досталъ скорлупу кокосоваго орѣха, отдѣланнаго въ видѣ чаши, и сталъ собирать въ свою пользу съ внимательныхъ слушателей. Затѣмъ ушелъ на мѣсто, сосчиталъ деньги и, спрятавъ ихъ въ карманъ, растянулся совершенно удовлетворенный.

Между тѣмъ, мы все подвигались впередъ и впередъ. На зарѣ прошли мимо Семіярска, и когда я утромъ вышелъ на палубу, то ландшафтъ представлялъ собою уже нѣчто новое. Берега сдѣлались болѣе оживленными, на каждомъ шагу виднѣлись рощи, вдали зеленый лѣсъ; крутые откосы сбѣгали до самой рѣки и пестрѣли всѣми цвѣтами разнообразно-окрашенной глины; на различной высотѣ отъ воды пробивались обильные ключи и тонкими ручейками текли въ Иртышъ. Вотъ вдали показалась бѣлая часовня—то святой ключъ, безъ котораго, кажется, не обходится ни одинъ русскій городъ. Группы темной зелени близъ песчаныхъ холмовъ указывали мѣсто, гдѣ стоитъ Семипалатинскъ.

Еще полчаса—и пароходъ засвистѣлъ, началась суета: мы пріѣхали, пробывъ въ дорогѣ 12 дней!

Если окрестности Семипалатинска можно назвать довольно красивыми по той массѣ растеній, которыми онѣ изобилуютъ, то того же нельзя сказать о самомъ городѣ: отсутствіе деревьевъ, песокъ, глиняныя невзрачныя постройки—все это очень уныло и непривлекательно. Особенно интересно то, что въ русскомъ городѣ имѣется всего двѣ церкви и девять мечетей! Въѣздъ нашъ въ Семипалатинскъ нельзя также назвать счастливымъ; не успѣли пробраться сквозь густые кусты Казачьяго острова, какъ услышали набатъ. Черный дымъ густымъ столбомъ поднялся надъ зданіями, красное пламя огромными языками взвилось въ воздухѣ. Горѣлъ цѣлый кварталъ. Воду надо было везти на гору, пожарныя лошади измучились, и къ вечеру десятокъ домовъ лежалъ въ развалинахъ.

Ко всему этому жара стояла невыносимая, на солнцѣ термометръ показывалъ 43°, вѣтеръ буквально жегъ лицо.

Запасшись всѣми необходимыми съѣстными продуктами, и главное—тарантасомъ, вечеромъ 26-го іюня, я выѣхалъ на югъ, въ степь. Переправился черезъ Иртышъ на паромѣ особаго устройства, извѣстномъ въ Сибири подъ названіемъ «самолетъ», и очутился на безконечной плоскости, ровной скатертью уходящей въ даль. Только направо синѣли горы Сими-тау.

При голубоватомъ свѣтѣ луны можно было различать аулы киргизовъ, мазарки, зимовки кочевниковъ. Иногда обгоняли длинные

обозы переселенцевъ, идущихъ искать счастья въ краяхъ, гдѣ рѣки молочныя, а берега кисельные. Ночной вѣтерокъ нѣжно дулъ въ лицо и приносилъ душистый запахъ полыни. Свѣжесть воздуха была особенно чувствительна послѣ сорокаградусной жары, которую приходилось испытать днемъ.

Уже утромъ на слѣдующій день приблизились къ горамъ Джартасъ и вскорѣ налѣво увидѣли прихотливыя очертанія Аркатскихъ утесовъ съ необыкновенно красивыми вершинами. Затѣмъ снова раскинулась степь и потянулась до маленькаго и невзрачнаго Сергіополя.

Выжженная солнцемъ равнина желтѣла кругомъ. На горизонтѣ то и дѣло подымались темные вихри пыли. Пробѣжитъ въ сторонѣ заяцъ, испуганно подымутся крупныя дрохвы, киргизы верхомъ на коровахъ—вотъ что попадалось на дорогѣ. Едва зашло солнце, на насъ накинулись тучи комаровъ, которыхъ здѣсь чрезвычайно много, благодаря близкому сосѣдству озера Балхашъ. И дѣйствительно, на зарѣ съ высокаго холма блеснулъ этотъ громадный бассейнъ съ пустынными берегами.

Дорога пошла по высохшему дну его. Ряды песчаныхъ бархановъ, солончаки, кусты колючки, гребенщика и саксаула напомнили мнѣ берега Аральскаго моря и глубокіе барханы Кизылъ и Каракумовъ. Наконецъ, на горизонтѣ точно облака вырѣзались снѣжныя вершины далекихъ горъ Алатау,—цѣль нашего путешествія. Перемѣняемъ лошадей и мчимся далѣе. Вотъ и станція Абакумъ, расположившаяся у самаго предгорія. Сытая тройка еле тащитъ тарантасъ по крутой дорожкѣ, высѣченной въ каменныхъ утесахъ. Красиво громоздятся камни, покрытые разноцвѣтными лишайниками. Ручей шумитъ невидимый между кустами. Высоко надъ головой покрикиваютъ ястреба.

Перевалили черезъ хребетъ и выѣхали опять на равнину подъ жгучіе лучи солнца. А между тѣмъ надъ горами, влѣво, стоятъ тучи; видно, гдѣ льетъ дождь, гдѣ свирѣпствуетъ метель, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Дорога повернула вправо, но налетѣвшее облако успѣло сбрызнуть насъ и обдать благодатной влагой.

Еще нѣсколько станцій—и мы въ Копалѣ, съ хорошенькой чистой крѣпостью, опрятно содержимымъ валомъ и часовымъ. Горы подходятъ подъ самый городъ, выглядывающій вполнѣ азіатскимъ: маленькія лавки со всякимъ товаромъ, толпа всадниковъ на лошадяхъ и коровахъ, верблюды, нагруженные турсуками съ кумысомъ. На площади размѣстились въ кружокъ киргизы; они сидятъ на корточкахъ, держатъ въ поводу лошадей и о чемъ-то горячо толкуютъ; рогъ съ нюхательнымъ табакомъ обходитъ всѣхъ, и всякій не преминетъ насыпать на лодонь порядочную кучку и отправить ее въ ротъ. Въ сторонѣ стоятъ коровы; на нихъ къ сѣдламъ привязаны громадныя вязанки дровъ; толстый кочевникъ поглядываетъ

кругомъ, ожидая покупателей, и прилежно выдаиваетъ свою вьючную скотину—чрезвычайно удобно: она и дрова таскаетъ, и хозяина питаетъ.

Копалъ уже значительно приподнятъ надъ степью; онъ лежитъ на 3,900 футовъ выше уровня океана.

Далѣе на пути любовались рѣчкой Караталъ, которая есть не что иное, какъ рядъ водопадовъ: все русло завалено громадными камнями, между которыми вода съ ревомъ и пѣной пролагаетъ себѣ путь.

Вечеромъ достигли станціи Алтынъ-Эмелъ, съ которой идетъ дорога въ Кульджу. У самаго крыльца поставлена каменная баба, найденная гдѣ-то въ окрестностяхъ, и которая ничѣмъ не отличается отъ бабъ южной Россіи—та же грубая отдѣлка лица, также сложеныя руки на груди. Сама станція весьма чиста и опрятна; комната раздѣлена ширмами на двѣ части, стоитъ мягкій диванъ, стѣны обиты китайскими обоями, на окнахъ занавѣски. Даже свѣчу намъ подали стеариновую.

Степной характеръ мѣстности не измѣняется вплоть до рѣки Или. На берегу ея опять встрѣчаются песчаные барханы со свойственною имъ растительностью. Только кое-гдѣ изъ-подъ наносовъ выглядываютъ мощные красноватые утесы. Сама рѣка широка, бурлива; по срединѣ ея пробѣгаютъ длинныя и узкія песчаныя отмели.

Мостъ, о которомъ такъ много говорили, дѣйствительно хорошъ и открытъ незадолго до нашего пріѣзда, а именно 5-го іюня.

Подъ страшнымъ солнцепекомъ, въ густыхъ облакахъ удушающей соленой пыли и обдуваемые горячимъ вѣтромъ, въѣхали мы въ городъ Вѣрный.

Послѣ занятія русскими Заилійскаго края въ 1853 году, въ слѣдующемъ же (1854) году было заложено укрѣпленіе Вѣрное, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ средніе вѣка былъ городъ Алматы, т. е. Яблонный, извѣстный по своей торговлѣ и служившій станціею на пути слѣдованія каравановъ многихъ народовъ и, между прочимъ, генуэзскихъ купцовъ въ Китай. Укрѣпленіе явилось съ цѣлію упроченія русской власти надъ Большой Ордой и до сихъ поръ извѣстно между туземцами и многими русскими подъ названіемъ Алматы.

Городъ лежитъ на высотѣ 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря и построенъ на ровной мѣстности у самой подошвы Заилійскаго Алатау, вершины котораго рѣзко выдѣляются на голубомъ небѣ своими вѣчными снѣгами.

Я остановился въ единственной гостинницѣ Алихина. Хотя изъ оконъ номера, снабженнаго балкономъ, и развертывается красивая панорама горъ, но грязь и нечистота моего временнаго жилища отличались колоссальными размѣрами. Слуга-еврей, Ицка, до такой

степени былъ засаленъ и ходилъ до такой степени неряшливо, что могъ отбить всякій аппетитъ, когда подавалъ кушанья.

Улицы и базаръ отчасти напоминаютъ собою Ташкентъ: тѣ же арыки, тѣ же густые тальники и пирамидальные тополи. Особенно красивъ проспектъ генерала Колпаковскаго.

Прекрасный губернаторскій домъ, художественно построенный архитекторомъ Гурде, гораздо лучше Кауфмановскаго, а зданія гимназій и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ могли бы украсить любой губернскій городъ въ Европейской Россіи.

Существуютъ здѣсь два сада для гулянья публики; въ нихъ играютъ оркестры музыки. Что касается до такъ называемаго Казеннаго сада, то, принимая въ разсчетъ климатъ города Вѣрнаго, можно было бы ожидать отъ него большаго разнообразія цвѣтовъ и растеній вообще; кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, я не увидѣлъ ничего.

Загородная дача генералъ-губернатора, находящаяся въ ущельѣ горъ, въ 10 верстахъ отъ города, замѣчательно красива по своему мѣстоположенію.

По улицамъ то и дѣло скачутъ калмыки съ длинными женскими косами, киргизы важно покачиваются на верблюдахъ, китайцы, въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ и съ вѣеромъ въ рукахъ, возятъ двухколесныя телѣжки съ овощами. Прогремитъ пара офицерскихъ лошадокъ, разубранныхъ бляхами и бубенцами, или мягко прокатится большая коляска съ франтовато одѣтыми дамами на сытыхъ сѣрыхъ коняхъ.

Базаръ, какъ и вообще среднеазіатскіе базары, представляетъ невообразимый хаосъ: тутъ и ослы съ дровами и корзинами, и коровы, нагруженныя всякой всячиной, и лошади, везущія сразу двухъ киргизовъ. Крикъ, шумъ, гамъ. На высокихъ арбахъ зеленѣетъ цѣлый стогъ клевера. Разноцвѣтные, громадныхъ размѣровъ, зонтики защищаютъ отъ солнца таранчинцевъ съ цвѣтной капустой, урюками и абрикосами. Изрѣдка прошмыгнетъ бѣлый русскій солдатикъ въ розовыхъ чамбарахъ съ кулькомъ подъ мышкой.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ весьма оригинальную картину. Даже оборванные старики-нищіе, у которыхъ сквозь рубище проглядываетъ голое коричневое тѣло, живописны, а калмычки съ длинными черными косами, остроконечными шапочками, одѣтыя въ до невозможности грязныхъ и длинныхъ рубашкахъ, такъ и просятся на картину. На одной изъ улицъ можно встрѣтить даже кибитку съ цѣлымъ семействомъ киргизовъ; голыя дѣтишки бѣгаютъ и играютъ у арыка, лошади пасутся, ходятъ бараны и коровы, а сама хозяйка, спустивъ съ плечъ сорочку и спрятавъ въ тынъ голову, выставила на солнышко жирное лоснящееся тѣло и предается кейфу. Какъ видно, здѣсь ничѣмъ не стѣсняются.

Въ первый же день пріѣзда въ Вѣрный, сидя на балконѣ своего номера, я любовался картиной грозы въ горахъ. Точно декорація

стояли горы, окутанныя густыми облаками, а изъ ущелій гдѣ-то далеко вспыхивала ярко-красная молнія, и глухо отдавалось эхо далекаго грома.

Вѣрный съ своей оригинальной обстановкой и радушнымъ обществомъ до такой степени понравился мнѣ, что, когда наступила минута отъѣзда, когда лошади были закуплены, а джигиты наняты,— мнѣ не хотѣлось уѣзжать оттуда.

Но, дѣлать нечего, сѣлъ на лошадь, махнулъ своему проводнику, и маленькій караванъ тронулся въ путь.

Я имѣлъ уже случай говорить, почему горная страна, въ которую я направлялся, возбуждаетъ интересъ всякаго натуралиста. Теперь прибавлю, что вся мѣстность не представляетъ собою низменности съ высокими снѣжными горами, а, наоборотъ, вся эта область есть не что иное, какъ общее громадное поднятіе материка, а на колоссальномъ пьедесталѣ, въ свою очередь, проходитъ множество хребтовъ, или обособленныхъ (въ рѣдкихъ случаяхъ), или же сплетающихся въ запутанные лабиринты.

Который изъ этихъ хребтовъ есть главная ось поднятія,— сказать трудно, хотя теченіе рѣкъ и барометрическія указанія заставляютъ думать, что высшая часть находится въ странѣ верховьевъ рѣкъ Нарына (Сыръ-Дарьи) и Іирташа; въ этомъ-то мѣстѣ громоздятся ледники Акъ-Шійряка, дающіе начало множеству рѣкъ и рѣчекъ. Быть можетъ, впослѣдствіи, когда наши изслѣдованія Тянь-Шаня будутъ болѣе подробны, найдется и еще высшій пунктъ, но пока мы знаемъ только самую значительную террасу или сыртъ упомянутыхъ ледниковъ, смѣло подымающуюся на могучемъ каменномъ основаніи.

Уже невдалекѣ отъ Семипалатинска на югъ, хотя мѣстность и носитъ степной характеръ, она видимо начинаетъ приподыматься по мѣрѣ приближенія къ Алатау. Такъ барометръ показываетъ, что поселеніе Илійское лежитъ на 1,300 футовъ, а Вѣрный уже на 2,430 футовъ надъ поверхностью океана. Стало быть, Тянь-Шань не сразу выростаетъ на низменности, а постепенно вздуваетъ кору земную.

На громадной возвышенности, о которой мы говоримъ, разбросаны обширныя горныя равнины и нѣсколько значительныхъ водяныхъ бассейновъ. Послѣдніе въ видѣ озеръ держатся, окруженные горами какъ чаши, наполненныя водой. Таково громадное вoдовмѣстилище Иссыкъ-Куль, возвышающееся надъ поверхностью моря на 5,500 футовъ, Сонъ-Куль—расположенный на 9,400 футовъ и т. д. На сколько значительны эти горныя озера, видно уже изъ того, что первое имѣетъ 172½ версты въ длину, 56 верстъ въ ширину и площадь воды около 7,346 квадратн. верстъ; второе имѣетъ

26 верстъ въ длину, 16 верстъ въ ширину и площадь въ 236 квадратныхъ верстъ.

Селенія, расположенныя на Иссыкъ-Кулѣ, пользуются чисто горнымъ климатомъ—холодными ночами и не очень жаркими днями; но правильнѣе будетъ сказать, что перемѣна въ температурѣ воздуха совершенно зависитъ отъ того, подуетъ ли вѣтеръ съ снѣговыхъ горъ, или нѣтъ. Въ іюнѣ и іюлѣ послѣ заката солнца всѣ одѣваются въ теплую одежду, тогда какъ въ Ферганѣ и Ташкентѣ въ это самое время изнываютъ отъ жары.

То же самое можно сказать и о другихъ плоскихъ возвышенностяхъ, каковы горное плато съ озеромъ Сонъ-Кулемъ, Памиръ, или Крыша Міра и проч. Прибавимъ еще, что часто здѣсь на высокихъ мѣстахъ путешественникъ страдаетъ сильно отъ разрѣженнаго воздуха; изъ носа, горла и даже (какъ мнѣ разсказывали очевидцы) изъ ушей идетъ кровь, сердце учащенно бьется, человѣкъ задыхается, точно ему мало воздуха для дыханія, и, кромѣ того, наступаетъ самое отвратительное настроеніе духа.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что я хотѣлъ сказать читателю, не имѣющему ни времени, ни желанія познакомиться съ этимъ интереснымъ уголкомъ земнаго шара изъ спеціальныхъ сочиненій.

Перехожу къ описанію моего путешествія.

Первый день нашего пути изъ Вѣрнаго (10-го іюля) приходилось ѣхать все время по мѣстности, носящей степной характеръ; даже ковыль цѣлыми островами раскидывался въ далекомъ морѣ всевозможныхъ злаковъ. Степь эта уходила вдаль налѣво; направо подымался Алатау съ еловыми лѣсами на крутизнахъ и сверкали двѣ бѣлыя вершины Талгарской горы и Алматинскаго остраго пика; на другихъ—тоже виднѣлся снѣгъ, но пятнами, не составляя сплошнаго поля. Отъ этого кряжа (главнаго) спускаются зелеными волнами небольшія террасы съ мягкими очертаніями; верхушки ихъ закруглены и имѣютъ видъ куполовъ.

Профессоръ Мушкетовъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что породы, слагающія Тянь-Шань, весьма разнообразны, какъ по своему строенію, такъ и по времени образованія; слѣдовательно вся горная мѣстность образовалась неодновременно, а въ нѣсколько послѣдовательныхъ, смѣнявшихъ другъ друга періодовъ, впродолженіе нѣсколькихъ геологическихъ эпохъ.

Все это прекрасно можетъ видѣть путешественникъ, проходящій вдоль или поперегъ хребта. Даже издали есть возможность отличать кряжи различныхъ образованій, если только внимательно присмотрѣться къ нимъ.

Соображая все это и припоминая, что мнѣ приходилось наблюдать въ окрестностяхъ Вѣрнаго, я подвигался къ первому ночлегу, назначенному въ поселеніи таранчинцевъ Алексѣевкѣ. Нѣсколько

тысячъ этого трудолюбиваго народа ушло послѣ сдачи Кульджи и подъ руководствомъ выдающагося, по своему природному уму, Бушери-бека, расположилось на берегу рѣки Талгарки.

Трудно повѣрить, что все, что мнѣ пришлось увидѣть, возникло въ одинъ годъ, такъ какъ строиться они начали только съ лѣта 1883 года. Длинная улица, протянувшаяся на нѣсколько верстъ, и переулки застроились уже глиняными домиками, воздвигается мечеть, медрессе, у каждаго дома имѣется садъ, полный всякаго рода цвѣтовъ и овощей; на базарѣ, всегда многолюдномъ, идетъ дѣятельная торговля, въ углу его развѣвается оригинальное знамя надъ дунганскимъ трактиромъ; существуетъ даже баня и при ней китайская кухня. На главной улицѣ высоко въ воздухѣ стоитъ широкая бесѣдка, выстроенная въ китайскомъ вкусѣ, предназначенная, какъ мнѣ объясняли, для «музыки» (!).

У каждаго двора стоятъ колья тальника, покрытые молодыми вѣтками съ свѣжими листочками, а кое-гдѣ граціозно подымаются стройные пирамидальные тополи. Я не говорю уже о карагачахъ, этихъ деревьяхъ Средней Азіи, они попадаются на каждомъ шагу. Можно себѣ представить, какой видъ приметъ селеніе, когда черезъ пять, шесть лѣтъ названныя деревья разростутся. Прибавимъ къ этому, что мѣсто, выбранное таранчинцами, отличается крайне здоровымъ (пока) климатомъ, нынѣшнею зимою здѣсь не было ни одного случая дифтерита, свирѣпствовавшаго во всѣхъ ближайшихъ мѣстечкахъ и даже въ Вѣрномъ.

Когда я въѣхалъ на дворъ прямо къ Бушери, на крыльцѣ полуевропейскаго домика стоялъ красивый молодецъ среднихъ лѣтъ, въ бархатномъ халатѣ, босой и съ ребенкомъ на рукахъ. Это и былъ самъ вліятельный таранчинецъ.

Онъ гостепріимно принялъ меня, угостилъ превосходнымъ пивомъ, чаемъ и супомъ. Позже немного потребовалъ пѣвцовъ, и пришлось послушать неособенно красивую музыку, такъ какъ аккомпанементъ состоялъ изъ двухъ инструментовъ: ситеръ—нѣчто въ родѣ гитары съ тремя струнами (шелковыми) и верхней и нижней декой, сдѣланной изъ рыбьей кожи, и дутеръ—съ деревянной декой и двумя струнами.

Я радъ былъ, по правдѣ сказать, когда музыканты убрались, и явилась возможность побесѣдовать съ умнымъ таранчинцемъ.

По словамъ Бушери, многіе изъ его предковъ были царями, но являлись другіе претенденты, въ одну прекрасную ночь «рѣзали немножко» всѣхъ и дѣлались сами владѣтелями народа. Въ силу этого ненависть къ китайцамъ у таранчинцевъ превосходитъ всякое вѣроятіе.

— Пусть мой царь скажетъ, — говорилъ Бушери: — чтобы я черезъ два дня представилъ ему войско противъ поганыхъ китайцевъ— сейчасъ соберу 25,000 и впереди самъ пойду рѣзать немножко.

Разсказчикъ видимо волновался и горячился, вспоминая покинутую Кульджу. Онъ былъ на коронаціи въ Москвѣ и съ большимъ благоговѣніемъ передавалъ всѣ подробности милостиваго разговора съ нимъ государя императора.

— Я здѣсь хочу школы завести,—говорилъ Бушери:—чтобы народъ умнѣе былъ. Наши жены дуры, но потому, что мы ихъ дурами держимъ; когда учиться будутъ — умнѣе станутъ.

И все это говорилось не съ чужаго голоса, а въ силу убѣжденія.

Долго бесѣдовали мы, и уже далеко за полночь меня проводили въ комнату, украшенную китайскими картинами.

На другой день Бушери меня повелъ показывать все, что онъ строитъ, и обратилъ вниманіе мое на интересное нововведеніе на базарѣ, а именно: продается мясо отдѣльно безъ костей.

— Я хочу мясо купить, а мнѣ кости продаютъ; это нехорошо. Хочешь кости брать — бери отдѣльно, а обманывать народъ нехорошо,—толковалъ мнѣ замѣчательный человѣкъ.

Пока мы ходили и смотрѣли, сзади послышался трубный звукъ. Оглядываемся, а это — дувана (юродивый) трубитъ и коверкается прося денегъ на хлѣбъ.

Въ другомъ мѣстѣ собрался народъ. По срединѣ круга слушателей стоитъ старикъ и съ пѣною у рта выкрикиваетъ что-то скороговоркой. Всѣ слушаютъ. Оказывается, что это проповѣдникъ учитъ, какъ надо жить, и собираетъ за свое ученіе мелкую монету.

Затѣмъ Бушери повелъ меня познакомить съ своими женами. На отдѣльномъ дворѣ выстроенъ особый домикъ. Черезъ среднюю дверь мы вошли въ большую комнату, устланную коврами. Прямо стѣна загромождена сундуками всевозможныхъ величинъ, окованныхъ и неокованныхъ; на нихъ лежатъ шелковыя подушки—большія и маленькія; стѣна направо вся скрывается подъ множествомъ стѣнныхъ часовъ, изъ которыхъ ни одни не шли, маятники неподвижно висѣли; налѣво развѣшано оружіе, халаты и шапки. Свѣтъ падаетъ изъ оконъ, расположенныхъ высоко надъ дверью, такъ что бѣдныя затворницы никого увидѣть не могутъ.

Расположившись на коврѣ, Бушери позвалъ женъ. Вошли двѣ маленькія, хорошенькія женщины; одна 18 лѣтъ, по имени Гюль-Шараханъ, держала на рукахъ любимаго сына Батрахана, котораго я замѣтилъ вчера на рукахъ у отца, другая—16 лѣтъ, съ страннымъ именемъ Магимунеханымъ. Первая казалась уже поблекшею, вторая—въ полномъ разцвѣтѣ красоты; первая одѣта была въ высокую шапку и желтое шелковое платье, вторая — въ такой же шапкѣ, но вся въ розовомъ.

Надо замѣтить, что на послѣдней Бушери женился уже четыре года тому назадъ, т. е. когда ей было 12 лѣтъ.

Мы обмѣнялись любезностями; розовая жена скоро скрылась, побуждаемая выразительнымъ взглядомъ «передоваго» таранчинца; а осталась Гюль-Шараханъ.

Любимый ребенокъ, не замедлившій перебраться на руки къ отцу, имѣлъ правую сторону головы низко выстриженную, тогда какъ лѣвая покрывалась густыми черными и длинными волосами.

Когда я спросилъ о причинѣ такого обычая, то Бушери отвѣтилъ, что въ такомъ видѣ голова ребенка остается до четырехлѣтняго возроста, а затѣмъ волосы остригаютъ и вѣсятъ; сколько золотниковъ окажется въ нихъ, столько золота (по цѣнѣ) должно быть роздано бѣднымъ, которые будутъ молиться за здоровье маленькаго таранчинца.

Затѣмъ мы отправились опять въ мужской домъ, гдѣ подали дунганское кушанье «ланго». Оно готовится изъ рису, мяса, какихъ-то кореньевъ и всякой всячины и, что̀ удивительно, подается въ низенькомъ широкомъ сосудѣ, посреди котораго стоитъ труба съ угольями, какъ въ самоварѣ; самъ сосудъ раздѣляется перегородками на отдѣленія, гдѣ и варятся отдѣльно, но въ одно время, мясо, рисъ и пр.

Допустивши, что подобные сосуды, извѣстные на востокѣ съ глубокой древности, заимствованы русскими отъ азіатскихъ народовъ, окажется, что, по всей вѣроятности, и самоваръ не есть наше изобрѣтеніе. А мы-то гордимся!

Бушери подарилъ мнѣ свою фотографическую карточку, снятую въ Москвѣ, и пожелалъ счастливаго пути.

Изъ Алексѣевки я направился по старо-кульджинской дорогѣ и, проѣхавши верстъ 12 до большой глиняной мазарки (могилы), свернулъ прямой тропинкой на селеніе Иссыкъ. Мѣстность постепенно стала повышаться; у самыхъ горъ стоитъ казачій поселокъ, на берегу шумливой рѣчки, которая быстро стремится по камнямъ. Отъ Иссыка до слѣдующаго мѣстечка Тургеня считается также 12 верстъ. Темные сады его видны еще издали. Горизонтъ впереди упирается въ горный хребетъ, значительно опустившійся, пологій; въ томъ мѣстѣ находится тургельскій перевалъ, по которому мы должны были войдти въ горы.

Прибавлю еще, что отъ самаго Вѣрнаго земля обработывается довольно прилежно. Орошеніе производится арыками, а сѣютъ обыкновенно ячмень, пшеницу, клеверъ и просо.

Проѣхавши не болѣе версты отъ селенія, сразу мы очутились въ живописномъ ущельѣ. Тропинка вьется по берегу быстрой р. Тургени, надъ нами громоздятся скалы, кусты арги съ своею зеленью рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ откосовъ. Все выше и выше подымаются лошади, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ подъемовъ и спусковъ мы достигаемъ самаго высокаго перевала, имѣющаго 9,400 ф. вышины. Чудный видъ открывается отсюда; ущелья,

скалы, шумные потоки, причудливо нагроможденные камни, въ видѣ грибовъ колоссальныхъ размѣровъ, составляютъ прелестную панораму, которая разстилается у ногъ путешественника. Начали спускаться. Лошади скользятъ, мелкіе камни со звономъ сыпятся внизъ и исчезаютъ въ пропасти. Глубокій ровъ то выглянетъ изъ-за утеса, то опять спрячется; на днѣ его высокія ели кажутся маленькими деревцами; аулы киргизовъ—едва замѣтны, а пасущійся скотъ бѣлыми и темными точками.

Трудность пути заставила насъ остановиться близъ лѣса и рѣки Карачайле-Булакъ, разбить палатку и послать въ ближній аулъ за бараномъ на ужинъ. Но горы дали себя почувствовать. Покуда джигиты хлопотали объ устройствѣ ночлега, тучи надвинулись густою пеленою, заволокли даль и разразились ливнемъ, который продолжался вплоть до самой ночи. При этомъ температура упала до$+8°$R, и пришлось закутаться въ шубу.

Долго не могъ я заснуть въ эту первую ночь, проводимую въ горахъ. Треснетъ ли что нибудь въ лѣсу, крикнетъ ли ночная птица, или кто нибудь изъ джигитовъ застонетъ во снѣ,—я вскакивалъ и напряженно прислушивался. Въ открытую палатку виднѣлось темное небо съ яркими звѣздами, черная громада утесовъ, догоравшій костеръ, да сторожевой киргизъ, пасущій лошадей; онъ тоже озябъ, примостился къ огню и грѣетъ свои заскорузлыя руки. А холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ до костей. Рано утромъ выступили дальше, направляясь на рѣку Асы.

Цѣлый день пробирались между многочисленными стадами и караванами киргизовъ, которые перекочевывали въ долины со всѣмъ своимъ имуществомъ. Картина была весьма красива.

Длинная вереница верблюдовъ мѣрно шагаетъ по тропинкамъ; одни навьючены кибитками, другіе — кухней, третьи — мѣшками съ хозяйственными принадлежностями; на нѣкоторыхъ покачиваются большія корзины и выглядываютъ хорошенькія лица только что проснувшихся дѣтей или мордочки очень молодыхъ ягнятъ и телятъ. Киргизки верхомъ (помужски) на лошадяхъ тащатъ за веревку передняго верблюда. Кругомъ гарцуютъ дѣвушки; сѣдла ихъ разукрашены; преобладаетъ красный цвѣтъ; перетянутыя кушакомъ, въ синемъ халатѣ, со множествомъ длинныхъ разубранныхъ монетами косъ, онѣ чрезвычайно ловко управляютъ лошадью: то мчатся въ карьеръ по крутому спуску, то перепрыгиваютъ черезъ глубокія рытвины; съ раскраснѣвшимися щеками и смѣлымъ взглядомъ черныхъ глазъ, эти амазонки весьма эффектны. И какимъ здоровьемъ дышетъ ихъ загорѣлое лице, какъ естественъ румянецъ! Небольшая красивая голова или повязана краснымъ платкомъ, или скрывается подъ мѣховой шапочкой.

Слѣдомъ за женщинами идутъ киргизы, понукая стадо овецъ длинными палками. Часто старикъ, еле сидя на осѣдланной коровѣ,

занимается этимъ дѣломъ. Быки также нагружены дровами, турсуками съ кумысомъ, коврами... Киргизенокъ сидитъ поверхъ всего этого хлама и управляетъ веревкой, продѣтой въ ноздри; деревянное кольцо до крови раздираетъ ихъ, и бѣдное животное сопитъ и карабкается въ гору.

Случалось встрѣчать маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, лѣтъ по шести или семи, бойко сидящихъ на жеребятахъ, осѣдланныхъ въ нарядныя попоны.

И все это съ крикомъ, ревомъ, блеяніемъ, ржаніемъ и пѣснями идетъ и идетъ безъ конца.

Уже къ вечеру спустились мы въ долину Асы, но тропинка уперлась въ сухое русло рѣки, заваленное крупной галькой; только верстъ черезъ девять или десять начинаютъ попадаться сначала отдѣльные плесы, а затѣмъ какъ будто изъ земли выливается быстрая рѣка.

Слѣва впадаютъ въ долину нѣсколько ущельевъ, изъ которыхъ особенно живописно выглядитъ ущелье Кара-Арча, заросшее лѣсомъ.

На плоскихъ берегахъ Асы часто можно встрѣтить круглые большіе камни, расположенные на поверхности почвы въ видѣ правильныхъ круговъ. Это, по разсказамъ туземцевъ, могилы китайцевъ, прежнихъ владѣтелей края.

Въ одномъ мѣстѣ около такой могилы стояла, покосившись на сторону, каменная баба съ отбитымъ лицомъ.

Киргизскихъ мазарокъ всевозможныхъ величинъ и формъ попадается множество. Впрочемъ, кочевники устраиваютъ себѣ и другаго рода памятники, нагромождая надъ могилой камни въ видѣ пирамидальной кучи. Пирамиды надъ умершими дѣтьми отличаются меньшими размѣрами и тѣмъ, что на ихъ вершинѣ родители обыкновенно оставляютъ ту колыбель, въ которой спалъ покойникъ.

Выѣхавши въ долину Асы, мы были свидѣтелями грозы, розыгравшейся передъ нами въ горахъ. Темныя тучи пронизывались молніями во всѣхъ направленіяхъ, громъ непрерывными раскатами грохоталъ въ ущельяхъ. Пронесется туча въ сторону, и вся гора, надъ которой она стояла, оказывается бѣлою отъ града. Скоро всѣ вершины возвышенностей, растянувшихся по всему горизонту, оказались покрытыми какъ зимой бѣлымъ покровомъ.

Вѣтеръ перемѣнился, и на насъ пахнуло такимъ холодомъ, что пришлось прибѣгнуть къ теплому платью.

Ночевка въ этотъ день была на крутомъ берегу Асы, у самаго лѣса. Хотя изъ палатки открывался прелестный видъ на громадную равнину, по которой извивалась рѣчка, паслись стада, въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны были аулы, тѣмъ не менѣе мнѣ было не до видовъ. Всѣ признаки «горной» болѣзни начали проявляться во всей своей силѣ: показалась кровь изъ носа, сердцебіеніе усилилось до такой степени, что я невольно останавливался

на каждомъ шагу, учащеннымъ дыханіемъ не могъ вдоволь надышаться. Незначительное усиліе бросало въ потъ, силы слабѣли и, въ концѣ концовъ, напала тоска невыносимая, воображеніе рисовало самыя безотрадныя картины.

Ночью, ко всему описанному, прибавилась жестокая головная боль, не позволившая заснуть ни на минуту.

Къ довершенію непріятности передъ разсвѣтомъ въ аулахъ поднялся гамъ, лай собакъ и выстрѣлы—киргизы прогоняли волковъ, которые смѣло бросаются почти каждую ночь на стада овецъ и коровъ. Я очень былъ радъ, когда въ щель надъ головой блеснулъ блѣдный свѣтъ утренней зари и когда можно было заняться сборами въ путь. Со стоянки на Асы тропинка идетъ по ущелью на перевалъ Драмбасъ вдоль рѣки, русло которой наполнено громадными камнями. Выйдя изъ этой розсыпи галекъ, она круто поднимается на высокую куполообразную гору. Крутизна на столько значительна, что приходится ѣхать зигзагомъ до самаго верху, до высшей точки перевала. Одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей выбилась изъ силъ, остановилась и начала шататься. По счастью, съ нея быстро сняли тяжести, закрыли (по обычаю) морду шапкой и животное нѣсколько оправилось. На перевалѣ стоитъ большая куча камней; въ нее воткнуто множество палокъ, а на палкахъ прикрѣплены лоскутки разноцвѣтныхъ тканей, пучки конскихъ волосъ, брошены бараньи черепа и кости. Все это приношенія киргизовъ тому духу, который владѣетъ проходомъ, за счастливое окончаніе труднаго подъема.

Съ Драмбаса открывается чудная панорама; на горизонтѣ стоитъ мрачный Алатау, а отъ него внизъ сбѣгаютъ зеленыя предгорія. Еще нѣсколько спусковъ и менѣе значительныхъ подъемовъ—и мы достигли ущелья Кандыкъ-Тасъ. Отсюда разстилается широкая равнина съ характеромъ полынной степи и идетъ до самаго сухаго и значительнаго русла высохшей рѣки, имѣвшей когда-то много боковыхъ притоковъ. За высокимъ кряжемъ наносовъ вьется быстрая Дренишке. Въ одномъ мѣстѣ превосходно видно, какъ первая рѣка прорвала кряжъ и ринулась въ Дренишке; мѣсто для геолога весьма интересное. Берега покрыты зеленой травой, громадными зарослями азіатской крапивы и старыми тополями. Лѣвый берегъ крутъ, обрывистъ и представляетъ рѣзко обозначенные слои наносовъ. Когда мы подъѣзжали къ Дренишке, отъ воды поднялся мѣрными взмахами крыльевъ красивый черный аистъ. Туча ласточекъ носилась низко надъ землей.

Верстъ черезъ 15 добрались до ущелья, гдѣ Кара-Булакъ вливается въ Чиликъ и гдѣ существуетъ мостъ; рѣка (послѣдняя) до такой степени бурна и быстра, что бродъ въ этомъ мѣстѣ не существуетъ, волны легко могутъ перевернуть всадника съ лошадью.

Ущелье Чилика тѣмъ болѣе поражаетъ своей крутизной, что развертывается передъ путешественникомъ внезапно, — за десять шаговъ нельзя и ожидать, что степь вдругъ оборвется сразу и пересѣчется бурнымъ потокомъ.

Когда мы подъѣхали къ спуску, то глазамъ представилась слѣдующая картина: узкое ущелье, изгибаясь, уходило вправо и влѣво, стѣны его состоятъ изъ нагроможденныхъ камней громадныхъ размѣровъ, склонъ боковъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 45°; на днѣ глухо реветъ Чиликъ весь бѣлый какъ молоко, отъ пѣны; влѣво у громадной сѣрной глыбы прикрѣпленъ мостикъ изъ бревенъ и досокъ; одно бревно оторвалось и виситъ въ воздухѣ. Тропинка зигзагомъ извивается между камнями и поворачиваетъ иногда такъ круто, что лошади приходится на разстояніи одной сажени два раза перемѣнять направленіе. Часто эта тропинка маскируется колючимъ кустарникомъ или завалена мелкими круглыми гальками.

Таковъ спускъ къ Чилику. Не безъ нѣкоторой робости направилъ я лошадь на скатъ, отдаваясь вполнѣ благоразумію и осторожности животнаго. Медленно ступая, ощупывая ногами каждый камешекъ, пустился мой киргизскій конь по опасной дорогѣ. Часто приходилось совсѣмъ откидываться на сѣдлѣ назадъ и упираться въ стремена, принимая лежачее положеніе. Едва поскользнется нога лошади, едва вырвется изъ-подъ копыта камень и со звономъ полетитъ въ пропасть, ужъ думаешь, что и самъ летишь внизъ головою. Долго продолжается такая пытка. Но вотъ и мостикъ. Нѣсколько караульныхъ киргизовъ, живущихъ въ шалашѣ изъ сухихъ вѣтокъ, просятъ сойдти съ сѣдла и въ рукахъ провожаютъ лошадей по качающимся бревнамъ. А подъ ними рвется и мечется Чиликъ, обдаетъ брызгами и шумитъ такъ, что съ трудомъ можно разговаривать.

Оправивши вьюки и напившись холодной воды, начали снова подыматься по берегу прозрачнаго Кара-Булака. Подъемъ не такъ крутъ и опасенъ, а за нимъ опять холмистая степь съ выжженной травой. Только около водомоинъ зеленѣютъ кустарники и злаки. Вотъ и рѣка Мерке въ живописной долинѣ съ красивыми и стройными елями. Прозрачная вода съ тихимъ шумомъ струится по каменистому дну; видны разноцвѣтныя гальки, обрывки зеленой водоросли. Изрѣдка блеснетъ золотомъ отломокъ слюды и снова исчезнетъ, унесенный волной.

Потомъ слѣдуетъ опять длинная и высокая гора; на нее опять надо взбираться по ломаной линіи—иначе взъѣхать нѣтъ физической возможности. А тамъ снова холмистая степная мѣстность и крутой спускъ ко второй Мерке, которая еще живописнѣе первой. Амфитеатромъ подымаются со всѣхъ сторонъ горы, окружая широкую долину, покрытую сочной зеленой травой. Кое-гдѣ на утесахъ

стоятъ горделиво ели съ сѣрой корой, покрытой бородатымъ лишайникомъ, точно закутанныя въ плащъ.

Такъ какъ было уже поздно, то остановились на берегу рѣки, въ аулѣ. Пріѣздъ нашъ произвелъ переполохъ. Киргизы заметались въ разныя стороны: кто разводилъ огонь, кто тащилъ на закланіе барана, кто предлагалъ кумысу. Не больше какъ черезъ часъ появилась огромная грязная деревянная чашка, на которой лежалъ изрѣзанный на куски баранъ. О хлѣбѣ и соли киргизы имѣютъ весьма смутное понятіе, поэтому пришлось погрызть булки, захваченныя еще изъ Вѣрнаго и превратившіяся въ камень. Тутъ же подали намъ кусокъ мяса, поджареннаго на угольяхъ и растянутаго на тонкихъ палочкахъ; это кушанье весьма вкусно, когда чувствуешь волчій голодъ.

Закутавшись въ шубы, занялись мы ужиномъ. Термометръ показывалъ + 7° R.

Рано утромъ, на другой день, пока вьючили лошадей, къ рѣкѣ подошло большое стадо рябчиковъ. Ихъ своеобразное клохтанье возбудило въ нашемъ джигитѣ кровожадные инстинкты; онъ схватилъ ружье и ползкомъ направился въ кустарникъ. Вскорѣ послышался выстрѣлъ, и одна изъ молоденькихъ птицъ попала къ намъ въ торока. Мы были рады тому, что хоть на одинъ день имѣли возможность обойдтись безъ баранины. Затѣмъ, поднявшись долиною Мерке, верстъ черезъ 10 достигли роскошнаго ущелья, по которому невидимая шумитъ рѣка Кенгъ-Су. Отвѣсные сѣрые берега, усѣянные скалами самыхъ разнообразныхъ очертаній, прячутъ грохочущій потокъ. Старыя ели нависли надъ нимъ и покрываютъ скаты живописными группами. Только изрѣдка блеснетъ гдѣ нибудь между кустами вода и только изрѣдка увидишь ея русло. Однимъ словомъ, ущелье можетъ спорить съ любымъ прославленнымъ мѣстомъ въ Альпахъ. Только природа здѣсь дикая. Нѣтъ ни удобныхъ отелей, ни краснаго вина, ни любезныхъ гидовъ... Кромѣ рева воды, нѣтъ другихъ звуковъ, кромѣ плавающихъ въ воздухѣ орловъ — нѣтъ ничего живаго.

Проѣхавъ верстъ шесть по крутому косогору, выбрались на небольшую полянку, гдѣ кочевалъ аулъ. Мы напились чаю, перемѣнили лошадей и отправились далѣе. Путь лежалъ лѣсомъ, дорога подымалась все выше и выше на высокую и мрачную гору, острый гребень которой рѣзко выдѣлялся на голубомъ небѣ. Выѣхали изъ лѣса; тропинка пошла по голой вершинѣ; направо и налѣво въ глубокихъ пропастяхъ лежалъ снѣгъ; мы поднялись еще выше. Наконецъ, вотъ и вершина перевала Талбугаты въ 9,000 ф.

Рѣзкій и холодный вѣтеръ, гуляющій здѣсь на просторѣ, срывалъ шапку съ головы. Вдали передо мною тянулись ряды высокихъ холмовъ, за ними стѣной вздымался снѣговой хребетъ, лежащій уже по ту сторону озера Иссыкъ-Куля.

Спускъ съ перевала нетруденъ; скоро въѣзжаешь въ лѣсъ, пересѣкаешь въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣку, впадающую въ Тупъ, и, такимъ образомъ, попадаешь въ водную систему огромнаго озера, столь интереснаго, что ничего подобнаго не найдешь во всемъ Тянь-Шанѣ.

Остановившись у кара-киргизовъ въ кибиткѣ, я попросилъ джигита съѣздить въ табунъ и достать намъ лошадей назавтра. Черезъ полчаса онъ явился назадъ въ истерзанномъ видѣ и заявилъ, что табунщики избили его нагайкой, а товарища чуть не задушили. Дѣло становилось серьёзнымъ. Я предлагалъ своему хозяину посмотрѣть свое предписаніе отъ губернатора, написанное на двухъ языкахъ, въ доказательство того, что я вправѣ требовать вьючныхъ лошадей и провожатыхъ.

Хозяинъ мой утверждалъ, что табунъ «джокъ» (т. е. табуна нѣтъ), тогда какъ съ перевала онъ намъ былъ отлично видѣнъ.

Тогда я пригрозилъ, сказалъ, что пожалуюсь уѣздному начальству въ Караколѣ, а прежнимъ киргизамъ пообѣщалъ хорошій «склау» (т. е. на водку), если они меня доставятъ до города. На это послѣдовало полное согласіе, и я улегся подъ непосредственнымъ кровомъ. Ночью провожатые не спали, карауля нашъ табунъ вьючныхъ лошадей, а рано утромъ я сѣлъ на лошадь и не захотѣлъ напиться чая.

Явился хозяинъ съ лошадьми и просилъ оставить дѣло. Но надо было выдержать характеръ, и я, повторивъ еще разъ, что уѣздный начальникъ взыщетъ съ нихъ за обиду, уѣхалъ.

Не отошли мы и пяти верстъ, едва успѣли перейдти въ бродъ р. Тупъ, какъ пошолъ мелкій назойливый дождь, окрестность спряталась въ туманѣ, подулъ холодный вѣтеръ.

Джигитъ предложилъ остановиться въ аулѣ на половинѣ дороги и, принявъ мое молчаніе за знакъ согласія, ускакалъ въ сторону. Мы послѣдовали шагомъ за нимъ, но потеряли его изъ виду. Пришлось брать по тому направленію, по которому исчезъ киргизъ, и скоро добрались до крутаго обрыва; на днѣ его текла р. Дрергалакъ. Куда ѣхать? за дождемъ не видно было ничего вдали. Спустились внизъ, поднялись опять по скользкимъ откосамъ—никого нѣтъ. А дождь все барабанитъ по моему непромокаемому капюшону. Наконецъ, на горѣ показался всадникъ, то былъ джигитъ. Измокшіе до костей, мы ударили по лошадямъ и скоро нашли аулъ. Три изорванныя кибитки еле защищали отъ сырости и холода, разложенный костеръ дымилъ ужасно... Опять подали вареную баранину безъ соли и хлѣба. Въ дверь поналѣзло человѣкъ двадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Они съ завистью поглядывали на на насъ, когда мы ѣли, и, получивъ остатки мяса, мигомъ его уничтожили.

Вообще вездѣ, гдѣ мы ѣли баранину, нашу кибитку обступали жители аула и ждали подачки. Часто подымалась драка изъ-за

куска мяса и даже обглоданной кости. Разъ мой человѣкъ бросилъ кость худой и голодной сабакѣ, но едва бѣдный песъ кинулся за лакомымъ кускомъ, какъ получилъ ударъ въ бокъ: старая киргизка вырвала чуть не изъ пасти кость и съ наслажденіемъ начала ее уплетать, на сколько позволяли зубы.

Мнѣ потомъ объясняли, что киргизы рѣдко рѣжутъ барановъ для своей надобности лѣтомъ, а питаются въ это время молокомъ, болтушкой и лепешками. Понятно, что пріѣздъ русскаго «тюра» является прекраснымъ предлогомъ поѣсть любимаго кушанья, къ которому они привыкли съ малыхъ лѣтъ.

Между тѣмъ дождь пересталъ, мы немного осушились и, расплатившись съ крикливой и оборванной хозяйкой, вышли изъ кибитки. Синія горы были совсѣмъ близко, разорванныя облака, какъ клочья ваты, стлались низко-низко по ихъ бокамъ и скоплялись въ глубокихъ ущельяхъ и трещинахъ. Небо начало расчищаться, блеснуло даже солнце. Едва выѣхали на пригорокъ, какъ передъ нами открылся Караколъ. Оказывается, что мы отъ него были всего верстахъ въ пяти.

Бойко пошли наши лошади, шлепая по грязи, всѣ немного ободрились. Вотъ и городъ, маленькій, невзрачный, скрытый тальникомъ, орошаемый арыками. Тѣ же калмыки, тѣ же киргизы, всадники на лошадяхъ и быкахъ, стая злыхъ собакъ, съ яростью кидающихся на проѣзжаго.

Явился вопросъ: гдѣ остановиться? Джигитъ указалъ на какого-то Павла. Подъѣзжаемъ, посылаемъ человѣка просить гостепріимства и получаемъ отказъ; даже ворота не открылись, а сквозь щель сверкнули чьи-то любопытные глаза и... больше ничего.

Подъѣзжаемъ къ другому дому — то же. Я собирался уже разбить палатку среди улицы, какъ вдругъ блеснула мысль отправиться прямо къ уѣздному начальнику и просить его помощи. Дѣйствительно мнѣ не пришлось раскаяваться. Тотчасъ же пришелъ полицейскій, найденъ былъ пустой необитаемый домъ, явилась мебель, и мы водворились на квартиру.

Пріятно было отдохнуть подъ крышей и сознавать, что холодный вѣтеръ и дождь не будутъ уже здѣсь безпокоить.

Горячая рисовая каша и жареные цыплята, которыми угостила насъ добрая бабушка, показались чрезвычайно вкусными. Утоливъ голодъ, легли на складныя кровати и забыли всѣ невзгоды и непріятности.

Если самъ городокъ Караколъ не представляетъ собою ничего особеннаго, то окрестности его до такой степени интересны для натуралиста, что ѣздить сюда на нѣсколько дней или недѣль—значитъ осмотрѣть все слишкомъ бѣгло. Здѣсь надо пожить полгода или годъ, и только тогда можно сдѣлать что нибудь солидное.

Отдохнувши одинъ денекъ, я отправился прежде всего посѣтить горячіе цѣлебные ключи, находящіеся отъ города въ 15 верстахъ. Ровная дорога (колесная) ведетъ къ поселенію малороссовъ и оттуда въ ущелье рѣки Акъ-су, подымаясь на значительную высоту.

Громады сѣрыхъ скалъ стоятъ съ двухъ сторонъ отвѣсными стѣнами; надъ обрывомъ раскинулся еловый лѣсъ, а на днѣ его съ ревомъ и пѣной низвергается рѣка. Какъ разъ по срединѣ, точно вдѣланная въ рамку картина, виднѣется бѣлая вершина горы Акъ-су, вся заваленная снѣгомъ и скованная льдомъ.

По теченію рѣки имѣется нѣсколько мѣстъ съ теплыми ключами. Самый верхній (на правомъ берегу) обдѣланъ и превращенъ въ прекрасную ванну; по моимъ измѣреніямъ, онъ имѣетъ + 33° R., при температурѣ воздуха въ + 22° R. (въ тѣни); второй, также отдѣланный внизу (на лѣвомъ берегу), имѣетъ + 34° R. Кромѣ того, существуетъ много неразработанныхъ ручейковъ горячей воды, пробирающихся по камнямъ, а въ одномъ мѣстѣ изъ трещины постоянно льетъ теплый дождь. У ключей имѣются номера для больныхъ, довольно удобно построенные. Нижній ключъ (солдатскій) издаетъ слегка запахъ сѣры, а съ поверхности воды постоянно подымаются легкія облачка пара. Говорятъ, что въ ущельѣ еще верстъ 16 вверхъ существуетъ большой бассейнъ (необдѣланный) горячей воды въ + 40° R. Киргизы разсказываютъ даже, что одному изъ кочевниковъ надоѣло жить и онъ бросился въ бассейнъ, гдѣ моментально сварился. Но несравненно интереснѣе всякихъ ключей, по-моему, является громадное озеро или море Иссыкъ-Куль, о которомъ мы говорили раньше. Оно заключено, точно въ чашѣ, въ исполинской котловинѣ, образуемой развѣтвленіями Тянь-Шаня. Размѣры этой котловины гораздо больше, нежели размѣры озера, а именно: озеро имѣетъ въ длину 172½ версты, въ ширину 56 верстъ, тогда какъ длина котловины = 250 верстамъ, а ширина до 80 верстъ.

Цвѣтъ воды зеленый, аквамариновый; волны прозрачны, и въ тихую погоду дно видно на очень глубокихъ мѣстахъ; вкусъ горько-соленый, морской. Вотъ причины, почему туземцы называютъ это озеро моремъ.

Происхожденіе такого громаднаго водянаго бассейна весьма загадочно. Одни думаютъ, что онъ въ отдаленную геологическую эпоху составлялъ одно общее море вмѣстѣ съ Каспіемъ, Araломъ и Балхашомъ, но потомъ раздѣлился. Съ другой же стороны, въ виду того, что на берегу Иссыкъ-Куля находятъ и до сихъ поръ остатки посуды, кирпича и человѣческія кости, нѣкоторые допускаютъ, что озеро появилось на мѣстѣ громаднаго провала, подобно Мертвому морю. Съ послѣднимъ мнѣніемъ, однако, многіе геологи несогласны (Рамановскій).

Существуетъ легенда у киргизовъ, которая гласитъ слѣдующее.

Давно, очень давно, вмѣсто озера разстилалась огромная равнина, на которой кочевали народы со своими многочисленными стадами.

Въ одномъ мѣстѣ долины находился колодезь; вода изъ него вытекала съ такой силой, что каждый, приходившій съ ведрами, тотчасъ же спѣшилъ завалить отверстіе бассейна тяжелымъ камнемъ, какъ только сосуды были наполнены.

Въ это доброе время жили да были одна дѣвушка-красавица и молодой джигитъ, страстно въ нее влюбленный. Казалось бы, и свадьба могла состояться, если бы не родители, которые почему-то объ этомъ и слышать не хотѣли. Мало того, они запретили молодымъ людямъ даже видѣться. Но страсть не унималась. Однажды, дѣвушка назначила своему возлюбленному свиданіе у колодезя. Онъ, конечно, явился. Камень былъ отваленъ, ведра подставлены подъ струю воды, а молодые люди, тѣмъ временемъ, занялись разговоромъ. Долго ли, коротко ли они наслаждались, сказать трудно, но вдругъ послышался шумъ потока, и изъ отверстія колодца хлынула такая масса воды, что погубила влюбленную пару, разлилась по равнинѣ и потопила все, что встрѣтилось ей на пути.

Эта незатѣйливая фабула, какъ мнѣ кажется, доказываетъ, вопервыхъ, что происхожденіе ея весьма древне, а, во-вторыххъ, что дѣйствительно Иссыкъ-Куль произошелъ въ силу какой нибудь внезапной катастрофы. Въ настоящее время уровень моря понижается все больше и больше. Въ Караколѣ живетъ одинъ старикъ Ребяновъ, 85 лѣтъ, который рыбачитъ на озерѣ одиннадцать лѣтъ. Онъ лично показывалъ мнѣ мѣста, гдѣ за послѣднія 10 лѣтъ вода отошла, по крайней мѣрѣ, на 100 саж. Иссыкъ-куль долженъ считаться весьма глубокимъ. Берегъ его мѣстами обрывистъ и глубина дна достигаетъ 150 саж., въ другихъ мѣстахъ на версту можно пройдти совершенно свободно—до такой степени вода мелка; наконецъ, по рединѣ, говорятъ, и дна не достанешь [1]).

Море никогда не замерзаетъ; только заливчики покрываются тонкимъ слоемъ льда. Вслѣдствіе этого оно получило названіе покиргизски Иссыкъ-Куль, покитайски Же-хай, что̀ означаетъ теплое. У монголовъ и калмыковъ море это извѣстно подъ именемъ Темурту-норъ, что̀ значитъ—желѣзистое озеро, по причинѣ чернаго шлиха, покрывающаго дно и берега. Кара-киргизы, говорятъ, умѣютъ сваривать этотъ шлихъ и получать довольно порядочное желѣзо (?).

Рыба здѣсь водится въ большомъ количествѣ, но ею пользуются только одни русскіе. Берега покрыты дичью—утками, гусями и проч.

Зима на Иссыкъ-Кулѣ довольно суровая, снѣгъ хотя и выпадаетъ глубокій, но скоро сдувается сильными вѣтрами.

Благодаря любезности полковника В., я имѣлъ возможность посѣтить Иссыкъ-Куль не одинъ разъ. Онъ далъ намъ свою лодку, гребцовъ, пригласилъ старика Ребянова и самъ даже поѣхалъ на Кой-Сару, мѣстность, лежащую на юго-восточномъ берегу и инте-

---

[1]) И. А. Колпаковскій передавалъ мнѣ, что онъ опускалъ лотъ въ 285 саж., и дна достать не могъ.

ресную въ томъ отношеніи, что тамъ болѣе всего выбрасываются кости, кирпичи и всякая всячина.

Когда мы вышли изъ маленькой бухты, на берегу которой расположенъ лагерь линейнаго баталіона, все шло хорошо. Зеленыя волны съ легкимъ шумомъ ударяли въ бокъ лодки, и неумѣлые гребцы кое-какъ справлялись. Но мало-по-малу погода измѣнилась, подулъ вѣтеръ, небо нахмурилось, пошелъ дождь. Волненіе не давало идти скоро, и мы добрались до мыса, отдѣляющаго заливъ отъ открытаго моря, только черезъ четыре часа, не смотря на то, что считается здѣсь всего 10 верстъ.

Измученные вышли мы на берегъ и подъ предводительствомъ Ребянова пустились на Кой-Сары. Дѣйствительно, весь берегъ у прибоя загроможденъ человѣческими костями, битой посудой, кирпичами и раковинами. Глина, изъ которой сдѣлана посуда, совсѣмъ непохожа (въ отдѣлкѣ) на глину нынѣшнюю и отличается своею прочностью. Громадное количество человѣческихъ костей, какъ мнѣ, кажется, указываетъ дѣйствительно на внезапность катастрофы, хотя опредѣлить, въ чемъ состояла она, я не берусь. Если бъ вода постепенно отступала или наполняла бы котловину, то, понятно, и народъ уходилъ бы отъ нея. Здѣсь же на разстояніи трехъ аршинъ я могъ найдти 8 нижнихъ челюстей.

Ѣхать въ открытое море, чтобы осмотрѣть подводныя строенія, было немыслимо, по случаю поднявшагося волненія; возвращаться на лодкѣ—также, въ виду наступившихъ сумерекъ. Мы зашли въ ближній аулъ, взяли лошадей и вернулись въ лагерь уже поздно вечеромъ верхомъ.

Я выждалъ, когда погода установилась, и снова отправился верхомъ вмѣстѣ съ полковникомъ В. и нѣкоторыми другими офицерами на озеро. Впередъ, еще наканунѣ, была откомандирована на Кой-Сару парусная лодка. Дѣйствительно, мы собрались тамъ въ ясное солнечное утро, и хотя вода была прозрачна, но волненіе, всетаки, сильно. Не смотря на это, отчалили отъ плоскаго берега и ушли въ открытое море. Поднялась порядочная качка, волны хлестали иногда черезъ бортъ. Вдали чернѣла гряда какихъ-то камней, о которые съ шумомъ разбивался прибой. То были подводныя зданія, или, какъ здѣсь называютъ, стѣна крѣпости. Мы подъѣхали вплоть къ рифу, я вышелъ даже изъ лодки и сталъ на него; здѣсь не болѣе четверти глубиной. И, всетаки, долженъ высказаться, что никакихъ построекъ здѣсь не существуетъ, что рифъ есть не что иное, какъ край глиняной обрывистой террасы, которая выступаетъ въ настоящее время изъ-подъ воды въ силу того, что озеро становится болѣе мелкимъ.

Мнѣ кажется даже страннымъ допускать существованіе крѣпости и относить ее къ той эпохѣ, къ какой относятъ всѣ вещи, находимыя въ морѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось пріобрѣсти достаточно хорошихъ сосудовъ и другихъ предметовъ, выброшен-

ныхъ волнами на Кой-Сарѣ, и, кромѣ того, бронзовые молотокъ, ножъ, иглы и проч., вырытые тоже на берегу, но около селенія Преображенскаго, стоящаго на восточномъ краѣ моря. Если жители Иссыкъ-Куля, погибшіе при катастрофѣ, принадлежали къ бронзовому вѣку, то о крѣпости не можетъ быть и рѣчи. Къ тому же остатки древностей, по всей вѣроятности, относятся не къ одной эпохѣ, а къ нѣсколькимъ. Мнѣ говорили, будто монеты изъ озера были испанскія (?). Не правильнѣе ли будетъ заключить, что существовало нѣсколько геологическихъ переворотовъ (какихъ?—сказать трудно), послѣдствіемъ которыхъ была гибель нѣсколькихъ поколѣній? Тогда будетъ понятно несходство находокъ, тогда будетъ понятно, почему древности относятся и къ бронзовому вѣку, и къ болѣе позднимъ.

Что же касается до крѣпости и вообще подводныхъ построекъ, то существованіе ихъ слѣдуетъ отнести въ область фантазіи.

Налюбовавшись озеромъ, набравши нѣсколько мѣшковъ древностей, мы вернулись въ лагерь. Чудный вечеръ спустился на вершины Алатау, луна выплыла на безоблачное небо, вдали шумѣлъ морской прибой... Гдѣ-то на фисгармоникѣ играли отрывки изъ «Жизни за царя»...

Прошлись по маленькому садику и наткнулись еще на невиданное явленіе: подъ темной листвой кустарниковъ сверкалъ фосфорическій свѣтъ, точно голубоватые угольки разбросаны были повсюду... Можно было принять, что видишь передъ собою Иванова червячка, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто невзрачнаго «червячка» я увидѣлъ нѣжнаго зеленоватаго комара. Говорятъ, ихъ здѣсь весьма много; они не кусаютъ, летаютъ вначалѣ очень охотно, но не издаютъ свѣта; а потомъ садятся, становятся вялыми и начинаютъ изливать фосфорическое сіяніе. Въ это время комара легко брать руками.

Водятся такіе «свѣтляки», какъ ихъ здѣсь называютъ, по всему берегу моря Иссыкъ-Куля, и показываются только въ теплые вечера. Свѣтъ, выдѣляемый ими, не ограничивается однимъ какимъ нибудь мѣстомъ брюшка, а все тѣло ихъ въ темнотѣ кажется продолговатымъ зеленоватымъ огонькомъ, безразлично сверху и снизу. Я собралъ немного такихъ диковинокъ, распрощался съ любезными офицерами и отправился въ Караколъ, чтобы оттуда двинуться въ дальнѣйшій путь.

Ярко свѣтила луна, когда нашъ тарантасъ выѣхалъ изъ лагеря. Со всѣхъ сторонъ подымались и синѣли горы, сверкали ихъ снѣжныя верхушки. Тройка бойкихъ лошадокъ мчалась по ровной дорогѣ. Изъ тумана бѣжалъ къ намъ навстрѣчу уснувшій Караколъ.

Н. Сорокинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ РЕПОРТЕРЪ.

(Историческая справка).

ПЕРВАЯ русская газета была казенною, какъ и вся современная ей наша свѣтская печать и ея «гражданскій» шрифтъ. Вѣдомости, т. е. извѣстія, отпечатанныя во всеобщее свѣдѣніе въ формѣ листковъ или тетрадокъ, носившихъ названіе «курантовъ» [1]), выходили сначала въ Москвѣ, а потомъ въ обѣихъ столицахъ поперемѣнно и въ неопредѣленные сроки, единственно въ видахъ ознакомленія общества съ тѣми дѣйствіями правительства и его отношеніями къ иностраннымъ державамъ, которыя выставляли государственную власть, по ея мнѣнію, въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ. Было строжайше запрещено выносить соръ изъ избы не только въ силу довода: tel est notre plaisir, но и въ угоду лучшимъ и благонамѣреннѣйшимъ людямъ того времени. Посошкову, напримѣръ, не нравилась учрежденная еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича иностранная почта, и онъ предлагалъ въ письмѣ къ боярину Өедору Алексѣевичу Головину «загородить ту диру накрѣпко и отставить ее, дабы вѣсти не разносились». Обиднымъ казалось его національному самолюбію, если «что̀ (неладное) въ нашемъ государствѣ не здѣлается, то̀ во всѣ земли разнесется» [2]). И Петръ приказывалъ: «дабы никто дерзалъ изъ государства... кромѣ о сво-

---

[1]) Указъ о печатаніи курантовъ послѣдовалъ 16 декабря 1702 года. Полн. Собр. Зак., IV, № 1,921. Первый листъ вышелъ въ Москвѣ 2 января 1703 года.

[2]) Сочиненія Посошкова, изданіе Погодина, I, 273 и 274.

ихъ торгахъ и къ нимъ принадлежащихъ дѣлѣхъ, никогда же ни о малѣйшихъ дѣлѣхъ писать, еже кому не принадлежитъ, подъ потеряніемъ имѣнія и пожитковъ, и по изобрѣтеніи вины — наказаніемъ тѣла и живота, егда грамотки въ Ригѣ, Курляндіи или въ Пруссахъ распечатаются, и что заказанное въ нихъ найдется» [1]). При такихъ условіяхъ было немыслимо существованіе въ газетѣ отдѣловъ хроники и внутреннихъ корреспонденцій. Отмѣчая различные моменты въ движеніи общественной жизни, хотя бы только съ одной внѣшней ея стороны, занося въ хронику уличныя происшествія и событія дня, извѣщая всѣхъ и каждаго о происходящемъ или ожидаемомъ въ различныхъ мѣстностяхъ и въ средоточіи государственнаго управленія, газета прямо расширяла бы ту «диру», загородить которую усердно хлопоталъ Посошковъ. Но сторожевыя вѣхи оффиціальнаго дозора обыкновенно недолго удерживаютъ любопытныхъ отъ заглядыванія въ запретную область. Повременная печать, какъ показываетъ ея исторія, съ самыхъ пеленокъ обнаруживаетъ стремленіе проникнуть въ середину круга общественной дѣятельности и успѣваетъ въ этомъ какъ бы роковымъ образомъ, силою своей органической природы, не смотря ни на какія внѣшнія давленія. Такъ случилось и у насъ.

Директоръ петербургской типографіи Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, человѣкъ отсталыхъ понятій и съ такимъ необыкновеннымъ упорствомъ стремившійся просвѣщать народъ по старинѣ, что его не могли сломить ни многолѣтнія заключенія и ссылка, ни розыски въ застѣнкахъ, — этотъ человѣкъ находилъ, что казенная газета не должна довольствоваться выборками изъ иностранныхъ журналовъ да реляціями должностныхъ лицъ или правительственными объявленіями. И вотъ, 15 іюля 1719 года, онъ пишетъ къ кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову:

«Куранты печатаются, и первые до васъ, моего милостиваго, предъ симъ отправилъ по почтѣ, и при семъ оные жъ повторительно прилагаю и раболѣпно прошу, изволь ко мнѣ, мой государь, отписать: однѣ ль печатать чюжестранныя вѣдомости (т. е. извѣстія), которыя изъ курантовъ (т. е. газетъ) и присылаютъ изъ посольской канцеляріи, или сообщать со оными, и о своихъ публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно? И ежели позволитъ (царь), то извольте отписать до графа Ивана Алексѣевича (Мусина-Пушкина, тогдашняго главнаго начальника печати и монастырскаго приказа), чтобы въ сенатъ и въ коллегіи о томъ отъ себя писалъ, дабы о публичныхъ дѣлахъ въ типографію пріобщали, понеже по словеснымъ моимъ запросѣмъ ничего не успѣю» [2]).

---

[1]) Замѣтка, относящаяся къ 1716 году, въ каб. дѣлахъ, II.

[2]) Тамъ же, № 40.

Формальнымъ отвѣтомъ на это ходатайство былъ царскій указъ (послѣдовавшій, вѣроятно, немедленно же), о которомъ упоминается въ наказѣ, или «Подробномъ предписаніи о должностяхъ», иностранной коллегіи, составленномъ 11 апрѣля 1720 года. Въ этомъ наказѣ изложено:

«Понеже его ц—ское в—ство указалъ въ типографію давать вѣдомости (т. е. извѣстія) публичныя, такожъ и къ министрамъ о всемъ давать здѣшнемъ (т. е. относящемся до жизни и дѣятельности русскаго и въ частности мѣстнаго столичнаго общества), то къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Синявичъ, который тѣ вѣдомости, по данному ему образцу, сочинять и въ посылку къ министрамъ, и въ отданіе потребнаго въ печать исправлять и стараніе въ томъ прилагать имѣетъ. И когда изготовитъ показывать совѣтникамъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ».

Сдѣланныя мною поясненія я основываю на слѣдующихъ доводахъ. Если бы въ наказѣ рѣчь шла объ обнародованіи свѣдѣній изъ дѣлъ (какъ значится въ письмѣ Аврамова) въ канцелярскомъ смыслѣ слова, т. е. изъ дѣлъ, производившихся въ правительственныхъ установленіяхъ, то Синявичу, очевидно, было бы не о чемъ провѣдывать, да еще прилагать къ тому стараніе, стало быть, подъ выраженіями «вѣдомости публичныя» и «о всѣмъ здѣшнемъ» едва ли возможно разумѣть что либо иное, кромѣ новостей общественной жизни и столичныхъ происшествій. Съ другой стороны, иностранная коллегія потому именно и поручила провѣдываніе особому лицу, что требуемыя извѣстія не имѣли оффиціальнаго характера и могли быть добыты не путемъ сношеній съ присутственными мѣстами, а лишь непосредственными наблюденіями, и вообще частною дѣятельностью человѣка, вращавшагося въ обществѣ и способнаго выбрать и отмѣтить заслуживающее вниманія изъ всего имъ видѣннаго или слышаннаго. Но, чтобы въ куранты не проникло что либо недостаточно провѣренное, легкомысленное или неудобное для правительства, для этого поручалось посольскимъ совѣтникамъ предварительно просматривать составленныя вѣдомости, самому же составителю вмѣнялось въ обязанность очищать ихъ отъ всего «непотребнаго» для «отданія въ печать»; къ министрамъ вѣдомости посылались безъ исправленія, т. е. безъ утайки чего либо изъ собранныхъ извѣстій. Фактическимъ подтвержденіемъ небезосновательности сдѣланныхъ поясненій служитъ то обстоятельство, что еще до составленія наказа иностранной коллегіи, именно черезъ мѣсяцъ послѣ письма Аврамова къ кабинетъ-секретарю, въ курантахъ появляются довольно обстоятельныя и далеко не лишенныя общаго интереса свѣдѣнія объ успѣхахъ русской промышленности, между которыми находятся и провинціальныя извѣстія о техническихъ улучшеніяхъ заводскаго производства. Жалуемый ца-

ремъ за свою дѣловитость, Аврамовъ самъ интересовался подобными свѣдѣніями.

На короткихъ помочахъ казеннаго «образца», въ рукахъ цѣлой коллегіи нянекъ сталъ учиться ходить первый русскій репортеръ. Просматривая послѣ того куранты, легко убѣдиться, что помочи въ данномъ случаѣ равносильны тормазамъ. Былъ годъ (1724), втеченіе котораго въ курантахъ не помѣщено ни одного извѣстія, относящагося до Россіи. За предшествовавшій годъ внутреннимъ событіямъ посвящено лишь описаніе въѣзда въ Петербургъ персидскаго посла и церемоніала данной ему «отпускной аудіенціи», да въ нумерѣ, вышедшемъ въ Москвѣ 8 февраля, напечатано, что, по полученнымъ изъ Берлина свѣдѣніямъ, туда прибыли посланные царемъ «12 человѣкъ, вышиною въ 8 футовъ и 2 дюйма, которымъ быть въ большихъ гренадирахъ короля прусскаго». Зато отведено много мѣста перечню иностранныхъ сочиненій, составленныхъ въ памфлетическомъ духѣ на европейскія событія и противъ нѣкоторыхъ западныхъ правительствъ [1]). Не разъ встрѣчаются и географическія поясненія въ родѣ того, что «Лисбонъ стольный городъ королевства португальскаго, на р. Тажѣ, лежитъ онъ въ Европѣ».

Для плодотворности всякихъ изысканій необходима значительная доля самостоятельности въ трудѣ, а ею вовсе не пользовался Синявичъ. Она была у него отнята de jure и не могла быть удержана имъ фактически, такъ какъ главная отвѣтственность за обнародованіе тѣхъ или другихъ новостей падала на посольскихъ совѣтниковъ, которые, остерегаясь суроваго наказанія за оплошность, ревниво охраняли свое право предварительной цензуры и естественно были склонны вычеркивать изъ вѣдомостей все, что, по ихъ мнѣнію, могло подать поводъ къ неудовольствіямъ. Въ 1721 году, къ печатной гласности была приставлена еще новая нянька, въ лицѣ протектора типографій, архимандрита Гавріила Бужинскаго, менѣе всего расположеннаго давать волю занятіямъ суетою мірскою. Въ такой обстановкѣ складывались порядки болѣе стѣснительные, чѣмъ было нужно для того, чтобы всякія вѣсти оглашались не прежде, какъ пройдя канцелярское чистилище, и покуда они существовали, репортерское дѣло не могло развиться ни вширь, ни вглубь; тѣмъ не менѣе оно получило правительственную санкцію, признано полезнымъ въ принципѣ, наперекоръ господствовавшему предубѣжденію въ его несовмѣстимости съ національнымъ достоинствомъ.

За свой трудъ провѣдчика новостей и составителя письменныхъ о нихъ докладовъ, Синявичъ получалъ вознагражденіе, вѣроятно, одинаковое со всѣми другими посольскими переводчиками, къ числу

---

[1]) Перечень въ рукописи правленъ самимъ царемъ. Характеристичны нѣкоторыя поправки; напримѣръ: вмѣсто «царь московскій, вѣнчанный въ императора россійскаго», написано: «вѣнчаніе царя россійскаго въ императоры»; вмѣсто торговыхъ «головъ» (города Парижа) написано: «управителей»; вмѣсто римской «короны» поставлено «пурпуры».

которыхъ онъ принадлежалъ. Изъ просьбы его сослуживца, Бориса Волкова, поданной царю въ концѣ 1720 года [1]), видно, что окладнаго жалованья переводчикамъ полагалось 230 рублей въ годъ; кромѣ того, нѣкоторымъ выдавали квартирныя деньги и дѣлали «прибавки къ окладу по заслугѣ». На такое вознагражденіе сѣтовать не приходилось: его размѣръ соотвѣтствовалъ нарицательной цѣнности 307 рейхсталеровъ [2]) — суммѣ довольно скромной по-нынѣшнему, но тогдашняя ея вещная цѣнность, по крайней мѣрѣ, впятеро превосходила нынѣшнюю, если принять въ соображеніе, что четверть ржи стоила тогда дешевле рубля [3]).

Объ образѣ жизни, дальнѣйшей служебной карьерѣ и вообще о личности Якова Синявича мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; можно думать, однако, что его репортерская дѣятельность прекратилась съ упраздненіемъ, въ 1727 году, главной столичной типографіи, въ которой печатались куранты, и съ появленіемъ въ свѣтъ «С.-Петербургскихъ ученыхъ Вѣдомостей».

11 апрѣля текущаго года исполнилось 166 лѣтъ учрежденію русскаго репортерства, но едва ли можно насчитать болѣе четверти вѣка со времени постановки его на свободную почву, если не въ юридическомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственномъ отношеніи. Слѣдъ стараго казеннаго репортерства сохранился еще въ порядкѣ доставленія газетамъ полицейскихъ свѣдѣній объ увѣчьяхъ, насильственной смерти, пожарахъ, кражахъ и т. п. несчастій съ городскими жителями, но и здѣсь произошло существенное измѣненіе: означенныя свѣдѣнія уже не собираются непосредственно должностнымъ лицомъ, особо для того назначеннымъ, а лишь составляются имъ чисто канцелярскимъ способомъ, по донесеніямъ, поступающимъ въ центральное вѣдомство. Частное репортерство, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается у насъ какъ бы случайнымъ промысломъ и слабо организовано, а, казалось бы, пора ему проникнуться серьёзностью своей задачи вполнѣ добросовѣстнаго служенія обществу, и съ этою именно цѣлью, при поддержкѣ со стороны ежедневныхъ газетъ, организоваться на подобіе артели, съ нравственною гарантіей и контролемъ товарищей. Такая организація содѣйствовала бы и болѣе правильному распредѣленію занятій между отдѣльными тружениками, въ настоящее время нерѣдко предающимися излишествамъ соперничества во вредъ себѣ и въ ущербъ успѣхамъ, иногда же и достоинству гласности.

А. Малышинскій.

---

[1]) Подлинная просьба Волкова извлечена П. Пекарскимъ изъ бумагъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Изъ письма Шумахера къ Вольфу, во второй половинѣ 1722 года, видно, что 2,400 рублей равнялись тогда 3,200 рейхсталерамъ. (П. Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 35).

[3]) Въ концѣ XVII столѣтія она стоила въ Москвѣ всего 50 коп. (А. Г. Брикнеръ. Мѣдныя деньги въ Россіи).

КРЕСТЬЯНИНЪ-АРХЕОЛОГЪ.

Въ исторіи просвѣщенія каждаго народа, послѣ лицъ, заботящихся о развитіи своихъ соотечественниковъ, выдающаяся роль принадлежитъ лицамъ, выдвигающимся изъ среды самого народа и доказывающимъ, своими усиліями стать въ уровень съ образованнымъ классомъ, крѣпость народнаго духа и способность массоваго совершенствованія націи. Въ то же время, когда представители общественной дѣятельности руководятъ свыше этимъ усовершенствованіемъ, снизу, изъ темной массы, поднимаются, по временамъ, отдѣльныя личности, своимъ примѣромъ увлекающія своихъ собратій на широкій путь цивилизаціи. Это—такъ называемые самоучки, нерѣдко только въ силу самодѣятельности достигающіе блистательныхъ результатовъ на избранномъ ими поприщѣ, безъ всякой посторонней помощи и часто даже послѣ тяжелой борьбы съ окружающими ихъ обстоятельствами. Г. Ремезовъ въ своемъ изслѣдованіи о русскихъ самоучкахъ (см. разборъ этой книги въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи» этого номера) видитъ въ самоучкахъ «явленія ненормальныя, указывающія, въ свою очередь, на ненормальное состояніе современнаго имъ общества». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться безусловно. Самоучки являются и тамъ, гдѣ строго организованное школьное дѣло идетъ своимъ постепеннымъ путемъ. И тогда, среди лицъ, развивающихся систематически и въ направленіи, указанномъ педагогикой, возникаютъ астрономы, музыканты, поэты, художники. Если эти исключительныя явленія признать ненормальными, то они, всетаки, не доказываютъ ненормальнаго состоянія общества, обязаннаго въ системѣ обученія идти послѣдовательно, не обнимая

одновременно всѣхъ отраслей наукъ и искусствъ. Наконецъ, развѣ и въ интеллигентной средѣ не являются самоучки, обнаруживающіе вдругъ, по какимъ-то невѣдомымъ особенностямъ своего организма, стремленіе въ такую сферу знаній, которая до извѣстнаго времени была имъ совершенно чужда. Общество обыкновенно бываетъ не причемъ въ подобныхъ явленіяхъ. У насъ, тѣмъ болѣе, его нельзя строго винить за то, что оно мало содѣйствуетъ развитію самоучекъ и не даетъ имъ ходу. Давно ли и само оно вышло изъ зачаточнаго состоянія? Давно ли низшіе слои его получили право на образованіе, равное для всѣхъ сословій? Безъ лицъ, выдѣляющихся изъ общаго уровня своими трудами и дарованіями, своею самодѣятельностью и самопомощью, общество наше было бы еще ненормальнѣе...

Къ числу такихъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей въ области науки, вышедшихъ изъ простого званія, принадлежитъ и археологъ-самоучка Иванъ Александровичъ Голышевъ. «Историческому Вѣстнику» не разъ приходилось говорить объ его ученыхъ работахъ, и еще въ прошломъ году мы отдали отчетъ о его замѣчательномъ трудѣ «Мѣсто земнаго успокоенія и надгробный памятникъ князю Пожарскому и гробница Минина Сухорукаго въ Нижнемъ Новгородѣ». Въ нынѣшнемъ году завершилось двадцатипятилѣтіе ученой и полезной дѣятельности И. А. Голышева. Но, прежде чѣмъ перечислить его археологическіе и литературные труды, взглянемъ на то, какъ онъ достигъ, изъ крѣпостного званія, той почетной извѣстности, которая окружаетъ теперь его имя. Жизнь такого человѣка, несомнѣнно, интересна и поучительна. Матеріаломъ для статьи нашей послужатъ давнишнія сношенія редакціи «Историческаго Вѣстника» съ И. А. Голышевымъ, «Воспоминанія его» съ 1838 по 1878 годъ, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1879 года, и брошюра, обнимающая его двадцатипятилѣтнюю дѣятельность, съ 1861 по 1886 годъ.

Иванъ Александровичъ Голышевъ принадлежитъ къ старинному крестьянскому роду древней Суздальской области, нынѣшней Владимірской губерніи. Имена его предковъ, наслѣдственнымъ занятіемъ которыхъ было иконописаніе, упоминаются еще въ первой половинѣ XVII вѣка. Лучшимъ мастеромъ иконописи, особенно по финифти, въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ Козьма Голышевъ, жившій въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда. Сынъ его, Александръ, былъ извѣстенъ живописью масляными красками. Иванъ Александровичъ родился въ 1838 году и обучался въ приходскомъ училищѣ славянской азбукѣ, часослову и псалтырю. Этимъ и ограничивалось все образованіе. Не только не было помину о грамматикѣ и ариѳметикѣ, но ученикамъ весьма рѣдко приходилось слушать и разсказы изъ священнаго писанія. Дома мальчикъ учился рисованью у своего отца, прибѣгавшаго къ разнымъ занятіямъ,

чтобы только прокормить свою семью и пятерыхъ дѣтей: выдѣлкой мыла, духовъ, помады, фотографическими работами, продажею народныхъ книжекъ, раскрашиваніемъ картинокъ; въ послѣднемъ занятіи помогали ему четыре дочери. Сынъ былъ мальчикъ слабый, болѣзненный, страдалъ глазами и, не смотря на помощь, оказанную ему въ Москвѣ, лишился употребленія одного глаза еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Не смотря на это, мальчикъ 11-ти лѣтъ уже поступилъ въ ученье къ литографу въ Москвѣ, потомъ въ металографическое заведеніе, куда ходилъ всякій день за пять верстъ отъ своей квартиры. Въ школѣ съ учениками обращались грубо, да она и не давала диплома, который избавилъ бы отъ податного состоянія, а помѣщикъ Голышева, Викторъ Никитичъ Панинъ, не отпускалъ на волю своихъ крѣпостныхъ ни за какія деньги. Съ большимъ трудомъ, почти самоучкою, пятнадцатилѣтній мальчикъ сдѣлался, наконецъ, литографомъ, исполняя въ то же время въ Москвѣ торговыя порученія своего отца и занимаясь рисованіемъ съ натуры, физическими опытами, землемѣрными работами, собираніемъ насѣкомыхъ, даже перегонкою черезъ кубъ черемуховой и розовой воды и составленіемъ лекарствъ, безвозмездно раздаваемыхъ своимъ землякамъ-крестьянамъ, которые, однако, не любили молодого человѣка, ставшаго выше ихъ по самообразованію, и положили отдать его въ солдаты. Отецъ внесъ за него деньги, чтобы освободить его отъ рекрутчины, но вотчинное правленіе не захотѣло принять денегъ, желая проучить «московскаго школьника». Пришлось обратиться съ просьбою къ помѣщику. Отецъ съѣздилъ въ Петербургъ, привезъ Панину «Виды храмовъ села Мстеры» работы сына, и помѣщикъ милостиво разрѣшилъ принять деньги въ зачетъ рекрута. Голышевъ былъ спасенъ отъ красной шапки.

Изъ этого тяжелаго начала жизни видно, съ какими препятствіями долженъ былъ бороться молодой крестьянинъ, для того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Не легче было бы ему и продолжать трудиться, если бы не наступило новое царствованіе, внесшее новую жизнь въ невозможный строй государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Въ 1857 году, И. А. Голышевъ поселился въ Мстерѣ, чтобы открыть тамъ литографію. Разрѣшеніе было получено безъ затрудненій. Дѣло пошло на ладъ при такомъ руководителѣ, образовавшемъ рисовальщиковъ и печатниковъ. Пять ручныхъ станковъ выпускали ежедневно до трехъ тысячъ народныхъ картинъ, которыя потомъ раскрашивались молодыми дѣвушками изъ бѣдныхъ семей. Вводя женскій трудъ въ свое производство, И. А. доставлялъ этой работой хлѣбъ двумстамъ семействамъ. Редакторъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» К. Н. Тихонравовъ, проѣзжая черезъ Мстеру, познакомился съ молодымъ литографомъ, далъ ему нѣсколько работъ и, по его предложенію, Голышевъ былъ избранъ, въ 1861 году,

дѣйствительнымъ членомъ статистическаго комитета. Это былъ первый случай избранія въ члены крестьянина. Въ томъ же году онъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ комитета грамотности и вслѣдъ за тѣмъ напечаталъ свою первую статью во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», подъ заглавіемъ «Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества». Въ свободныхъ комнатахъ волостного правленія онъ открылъ воскресную школу для рисованія и библіотеку для чтенія. Число учениковъ доходило иногда до 60 человѣкъ. Въ комитетъ грамотности и въ географическое Общество Голышевъ началъ посылать разныя свѣдѣнія объ офеняхъ, книжной торговлѣ, иконописи и, въ 1862 году избранный членомъ-сотрудникомъ географическаго Общества, получилъ медаль за свои труды. Въ слѣдующемъ году, при проѣздѣ чрезъ городъ Владиміръ государя, Голышевъ лично поднесъ ему семь видовъ своей работы и получилъ за это золотые часы. Представлялся онъ государю въ дворянскомъ собраніи, куда провелъ его предводитель дворянства, хотя сначала «полицеймейстеръ просто отогналъ отъ подъѣзда да еще и выругался». Съ этого же времени художникъ началъ заниматься этнографіею, археологіею и изученіемъ промышленности, учился разбирать старинные акты и рукописи. Въ 1864 году, онъ выдѣлился изъ своего общества и купилъ небольшой участокъ земли близъ Мстеры, выстроилъ на немъ домъ, въ который перевелъ свою литографію и книжную торговлю. Вмѣстѣ съ нимъ переселился и его отецъ, котораго смѣстили съ должности волостнаго старшины, по враждѣ къ нему старообрядцевъ, но въ сущности потому, что онъ былъ человѣкъ тяжелаго характера, заводившій постоянные ссоры и кляузы. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству губернатора, И. А. получилъ за статистическіе труды серебряную медаль на шею, чему былъ очень радъ, такъ какъ она избавляла его отъ тѣлеснаго наказанія. «У насъ было много примѣровъ,—говоритъ И. А.,—что крестьяне, преслѣдуя кого либо изъ своихъ собратьевъ, пріискивали за нимъ какую нибудь вину, а затѣмъ, по приговору волостного суда, наказывали его розгами, чтобы окончательно опозорить и запятнать человѣка. Даже въ 1868 году, крестьянинъ Рязанской губерніи И. М. Горшковъ, молодой человѣкъ, губернскій и уѣздный земскій гласный, членъ ревизіонной комиссіи и комиссіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, писавшій много по народному образованію въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»,—по приговору волостного суда, претерпѣлъ позорное тѣлесное наказаніе». Грубымъ людямъ дана была власть позорить всякаго, кто выдѣлялся изъ ихъ среды. Самъ Голышевъ испытывалъ постоянныя придирки и отъ нихъ, и отъ уѣздныхъ властей: его, больного, въ холодную осень требовалъ въ свою канцелярію, за 22 версты, становой при-

ставъ, чтобы расписаться въ прочтенiи пустой бумаги. Это же благодѣтельное начальство заставило его закрыть воскресную школу и библiотеку: просуществовали онѣ всего пять лѣтъ.

Въ 1865 году, вышелъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ воспрещалась по недостаточности полицейскаго надзора выдача разрѣшенiй на производство книжной торговли и открытiе литографiи. Губернское правленiе, усматривая, что дозволенiе открыть литографiю Голышева дано было ему министромъ, не нашло основанiй запрещать продолженiе въ ней работъ, но не выдавало свидѣтельства на торговлю ими. Печатать было можно, а продавать отпечатанное — нельзя! Пришлось опять ѣхать въ Петербургъ, объяснять и просить не закрывать учрежденiй, приносившихъ пользу народу. Главное управленiе по дѣламъ печати потребовало поручительства извѣстныхъ лицъ въ благонадежности Голышева. Поручились, какъ всегда, по просьбѣ одного лица другiе, вовсе не знавшiе мстерскаго дѣятеля; онъ вернулся къ себѣ довольный тѣмъ, что спасъ свои заведенiя. Но тутъ начались ссоры и непрiятности съ отцомъ, завидовавшимъ успѣхамъ сына. Старикъ обиралъ деньги сына, ненавидѣлъ его, «часто дрался», сестры наговаривали на него, семейная жизнь сдѣлалась невыносимою, особенно, когда въ 1871 году И. А. было пожаловано званiе личнаго почетнаго гражданина. Пришлось прибѣгнуть къ суду, чтобы образумить старика-самодура. Мировой судья заставилъ его отказаться отъ самоуправства и оставить въ покоѣ сына, возвративъ И. А. всѣ захваченныя у него бумаги. Передъ смертью старикъ, однако, раскаялся и просилъ прощенiя у сына. Въ 1875 году, И. А. былъ избранъ губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ гласнымъ.

У И. А. нѣтъ дѣтей, и попытки его — образовать преемника и продолжателя его ученыхъ и общеполезныхъ трудовъ изъ родныхъ и близкихъ ему, остались напрасны. Главнымъ плодомъ его дѣятельности остается его сельская литографiя — заведенiе единственное въ своемъ родѣ, существующее уже почти тридцать лѣтъ, основанное еще во время помѣщичьяго права. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» 1886 года помѣщены любопытныя замѣтки г. Голышева о производствѣ книгъ и картинъ для народа и торговлѣ ими. Приводимъ нѣсколько главныхъ данныхъ изъ этой статьи, чтобы видѣть, съ какими препятствiями приходится бороться и на этомъ поприщѣ, не приносящемъ народу ничего, кромѣ прямой, осязательной пользы. На первыхъ же порахъ, при печатанiи рисунковъ изъ Апокалипсиса, встрѣтились обычныя цензурныя прiятности. Когда рисунки, пропущенные для печатанiя цензоромъ, были уже приготовлены къ выпуску въ свѣтъ, ихъ остановили, потому что митрополитъ Филаретъ, узнавъ объ изданiи картинъ пожелалъ ихъ просмотрѣть и, увидавъ, упрекалъ цензора за выданное позволенiе. Ри-

сунки на камняхъ, за которые были заплачены большія деньги, такъ и не были отпечатаны, хотя нѣкоторые и были одобрены съ поправками: «на нѣбѣ сдѣлать затмѣніе третьей части звѣздъ; измѣнить положеніе ангела такъ, чтобы онъ казался трубящимъ не кверху, а книзу» и пр. Впослѣдствіи рисунки эти были разрѣшены къ печати, и новый цензоръ сообщилъ, что запрещены они были по капризу Филарета. Раскраска картинъ упала со времени введенія въ эту отрасль промышленности хромолитографическаго способа, но для болѣе тщательныхъ литографій; простыя и теперь раскрашиваются отъ руки съ платою по рублю и по полтора за тысячу. Какъ ни низка эта плата, но въ недѣлю хорошая работница съ дѣвочкой помощницей заработываетъ до двухъ рублей—а это сумма не маленькая въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Литографское дѣло было, однако, нелегко вести: большинство населенія смотрѣло на него какъ на подозрительное новшество; обложено оно было тяжелой оброчной повинностью въ 143 рубля, не считая разныхъ другихъ подводныхъ, сторожевыхъ, дорожныхъ и другихъ сборовъ. Новый законъ о печати 6 апрѣля 1865 года ухудшилъ въ особенности положеніе офеней. Прежде они торговали свободно, теперь должны были имѣть удостовѣреніе о неподсудности и благонадежности отъ волостныхъ правленій, затѣмъ свидѣтельства отъ уѣзныхъ исправниковъ. Поэтому сначала офеней обирали въ правленіяхъ за написаніе прошеній и выдачу удостовѣреній, а затѣмъ обирали въ канцеляріяхъ исправниковъ. Свидѣтельства выдавались только на свой уѣздъ и на короткіе сроки, хотя въ законѣ не упоминалось ни о какихъ срокахъ. Юрьевскій исправникъ выдавалъ свидѣтельства только на три дня, а потомъ — бери новое и, разумѣется, плати снова. Да и была ли какая нибудь возможность для офеней, которые ходятъ по всей Россіи, брать особыя свидѣтельства въ каждомъ уѣздѣ! Законъ, сочиненный въ петербургскихъ канцеляріяхъ безъ малѣйшаго знанія мѣстныхъ потребностей, оказался, какъ и многіе подобные законы, совершенно непримѣнимымъ къ дѣлу, а между тѣмъ офени должны были или вовсе прекратить торговлю, или давать взятки за нарушеніе закона. Ходатайство владимірскаго земства въ 1876 году объ облегченіи книжной торговли офеней не было уважено, и ихъ продолжали обирать становые, старшины, старосты, сотскіе, десятскіе, писаря; съ учрежденіемъ урядниковъ поборы и преслѣдованія сдѣлались еще рьянѣе и усерднѣе. Въ 1881 году, «для облегченія офеней», имъ дозволено, вмѣсто прежнихъ свидѣтельствъ, имѣть свидѣтельство на право торговли отъ губернатора. А легко ли попасть къ губернатору? да и ему, всетаки, надо представить удостовѣреніе общества и становаго о благонадежности. А сколько придется споить водки всѣмъ писарямъ, старшинамъ, понятымъ, чтобы человѣка признали благонадежнымъ и благочестивымъ! Между тѣмъ коробейники,

большею частью, люди бѣдные, и развѣ гарантируетъ губернаторское свидѣтельство отъ распространенія запрещенныхъ изданій? Распространеніе полезныхъ изданій стѣсняютъ всякія формальности. Самъ Голышевъ въ 1865 году принялъ на себя комисіонерство по распродажѣ синодальныхъ изданій, но долженъ былъ отказаться отъ этой попытки. Даже евангеліе въ библейскомъ депо продавалось гораздо дешевле, чѣмъ въ синодальной типографіи, не говоря уже о разрѣшеніяхъ, дозволеніяхъ, перепискѣ съ разными начальствами и т. п.

Въ настоящее время мстерская литографія имѣетъ до 130 камней, на которыхъ изображено до 300 картинъ. Въ годъ печатается 30,000 картинъ на портретной бумагѣ, 350,000 на простой, 150,000 на писчей (самый низшій сортъ) и 20,000 гадательныхъ таблицъ и сонниковъ. Въ послѣднее время это производство сильно подрывается хромолитографіями, печатаемыми машиннымъ способомъ. Съ 1878 года явились и заграничныя хромолитографіи, лучше и дешевле русскихъ. Вообще существованіе деревенской мстерской литографіи, хотя и просуществовавшей уже 25 лѣтъ, далеко незавидное по сознанію ея основателя: приноситъ она самый умѣренный прибытокъ, требуетъ непосредственнаго, личнаго труда и прилежанія, «да къ тому еще полнѣйшаго подчиненія невозможнымъ надзорамъ и формальностямъ. Сколько блюстителей за печатнымъ дѣломъ и книжной торговлей! Мѣстныя власти—въ лицѣ волостнаго правленія, отъ старшины до урядника, десятскаго и сотскаго, наѣзжія—отъ исправника до становаго и губернаторскаго чиновника, цензурные комитеты, торговая депутація, казенная палата, земство, слѣдящее, не увеличивается ли производство для обложенія его бо̀льшимъ сборомъ, наконецъ, полиція, которая обязана представить вѣдомости по установленной формѣ». Книжная и картинная торговля Голышевыхъ существуетъ съ 1844 года.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о литературныхъ и ученыхъ трудахъ И. А. Голышева. Втеченіе своей 25-тилѣтней дѣятельности онъ помѣстилъ во владимірскихъ изданіяхъ: губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, «Трудахъ» и «Ежегодникѣ» статистическаго комитета 480 статей по части исторіи, археологіи, этнографіи, статистики и по современнымъ вопросамъ. Въ числѣ этихъ статей обнародовано нѣсколько старинныхъ актовъ, остававшихся неизвѣстными. Въ то же время, изъ своей литографіи и на свои средства, онъ выпустилъ нѣсколько изданій съ археологическими рисунками, снимками, видами и т. п. Изданія эти слѣдующія: «Древности Богоявленской церкви XVII вѣка въ слободѣ Мстерѣ» (1870, съ 20-ю древними рисунками), «Атласъ рисунковъ старинныхъ пряничныхъ досокъ» (1874, 20 лист.), «Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву» (1877, 20 лист.), «Памятники деревянныхъ церковныхъ сооруженій Владимірской губерніи» (1879, 21 лист.), «Альбомъ рус-

скихъ древностей Владимірской губерніи» (1883, 40 лист.), «Памятники русской старины Владимірской губерніи» (1883, 20 лист.), «Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 годовъ» (1885, съ 30 лист. хромолитографическихъ рисунковъ, орнаментовъ, бордюръ и пр.). Кромѣ того, онъ составилъ и издалъ 18 книгъ и брошюръ, большею частью, археологическаго содержанія, съ рисунками: какъ «Богоявленская слобода Мстера» (1865), «Серапіонова пустынь» (1869), «Лубочныя старинныя картинки» (1870), «Миѳическія изображенія 12-ти лихорадокъ» (1871), «Древняя неуза, или амулетъ XIII вѣка» (1876), «Новыя пріобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзьбы на деревѣ» (1877), «Мѣсто упокоенія князя Пожарскаго» (1885). Почти во всѣ наши музеи и древлехранилища И. А. Голышевымъ принесено въ даръ, кромѣ его изданій, много любопытныхъ старинныхъ предметовъ, картинъ, рукописей и т. п. На всѣ археологическія выставки и съѣзды онъ доставлялъ много рѣдкихъ вещей. Теперь онъ состоитъ членомъ московскаго археологическаго Общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, также духовнаго просвѣщенія — въ Москвѣ и членомъ сотрудникомъ петербургскаго археологическаго института. Статьи его и рефераты читались въ собраніяхъ ученыхъ обществъ, печатались въ «Голосѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Русской Старинѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ»; отзывы объ нихъ являлись во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ 1884 году, онъ получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Кромѣ многихъ цѣнныхъ подарковъ августѣйшихъ лицъ, ордена св. Станислава, онъ получилъ въ 1880 году большую серебряную медаль отъ петербургскаго археологическаго Общества «за ученые труды по археологіи». Вотъ какой отзывъ представилъ графъ А. С. Уваровъ археологическому Обществу объ И. А. Голышевѣ: «Онъ относится вполнѣ добросовѣстно въ издаваемымъ имъ памятникамъ, приводя всѣ свѣдѣнія, какія только существуютъ объ нихъ. Польза, приносимая имъ русской археологіи, несомнѣнна».

Таковъ этотъ бывшій крѣпостной самоучка, достигшій тяжелымъ, упорнымъ трудомъ знанія, извѣстности, почета. Чего это ему стоило, — свидѣтельствуетъ его автобіографія: фактовъ въ ней немного, но они наводятъ на невеселыя размышленія. И его безъискусственныя замѣтки, какъ книга г. Ремезова, какъ исторія всѣхъ нашихъ самоучекъ, доказываютъ, что имъ нелегко живется. Семья, односельцы не прощаютъ имъ превосходства ихъ надъ толпою, стремленія выйдти изъ уровня обыденныхъ понятій, рутинныхъ взглядовъ; общество относится къ нимъ съ недовѣрчивостью, интеллигенція съ обидной снисходительностью, власти, большею частью, съ полнымъ равнодушіемъ. И. А. Голышеву посчастливилось встрѣтить людей оцѣнившихъ, ободрявшихъ его. Но не будь и этого, во всѣхъ невзгодахъ жизни утѣшеніемъ ему служила наука, жажда

знанія, просвѣщенія. Она одна даетъ силу самоучкамъ — побѣждать всѣ препятствія, мирить ихъ съ людьми, съ сословными предразсудками. И наука не забудетъ именъ своихъ безкорыстныхъ, даровитыхъ дѣятелей, къ какимъ бы классамъ общества они ни принадлежали. Между ними Иванъ Александровичъ Голышевъ займетъ почетное мѣсто.

В. З.

ПОМОРСКІЙ РЕФОРМАТОРЪ.

Исторія раскола въ Россіи представляетъ немало лицъ, оставившихъ послѣ себя видный слѣдъ своего ума, своей начитанности, своей сильной проповѣди въ пользу предначертанной цѣли. Борьба между различными толками отпавшихъ отъ господствующей церкви порождала подобные свѣтлые умы, озарявшіе то темное царство, среди котораго имъ приходилось дѣйствовать. Къ подобнымъ выдающимся личностямъ нашего раскола принадлежитъ Гавріилъ Иларіоновичъ Скочковъ. Изъ числа безпоповцевъ, онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о томъ, что православное священство не утратило своей благодати, а таинство брака и православная хиротонія своей священной силы. Такимъ образомъ Скочковъ болѣе другихъ безпоповцевъ приближался къ православію. О Скочковѣ кстати вспомнить въ настоящее время, когда среди раскольниковъ, принадлежащихъ къ Преображенскому кладбищу (въ Москвѣ), происходитъ упорная борьба по вопросу о брачной жизни. Подобная борьба у нихъ не прекращается издавна. Когда въ концѣ восемнадцатаго столѣтія возникли ожесточенныя пренія у преображенцевъ съ поморцами о введеніи брачной жизни, то Скочковъ явился своего рода реформаторомъ, такъ какъ оказался въ числѣ пріемлющихъ бракъ и отдѣлившихся отъ Ковылинскаго толка.

Свѣдѣнія о жизни Скочкова довольно скудны [1]). Онъ родился, въ 1745 году, 18-го марта, въ городѣ Зарайскѣ, былъ купцомъ въ

---

[1]) См. «Историческій Словарь» Павла Любопытнаго (изданія Н. И. Попова), стр. 91 — 96, и въ «Чтеніяхъ московскаго Общества любителей исторіи», 1869 года (т. III, стр. 13 — 186).

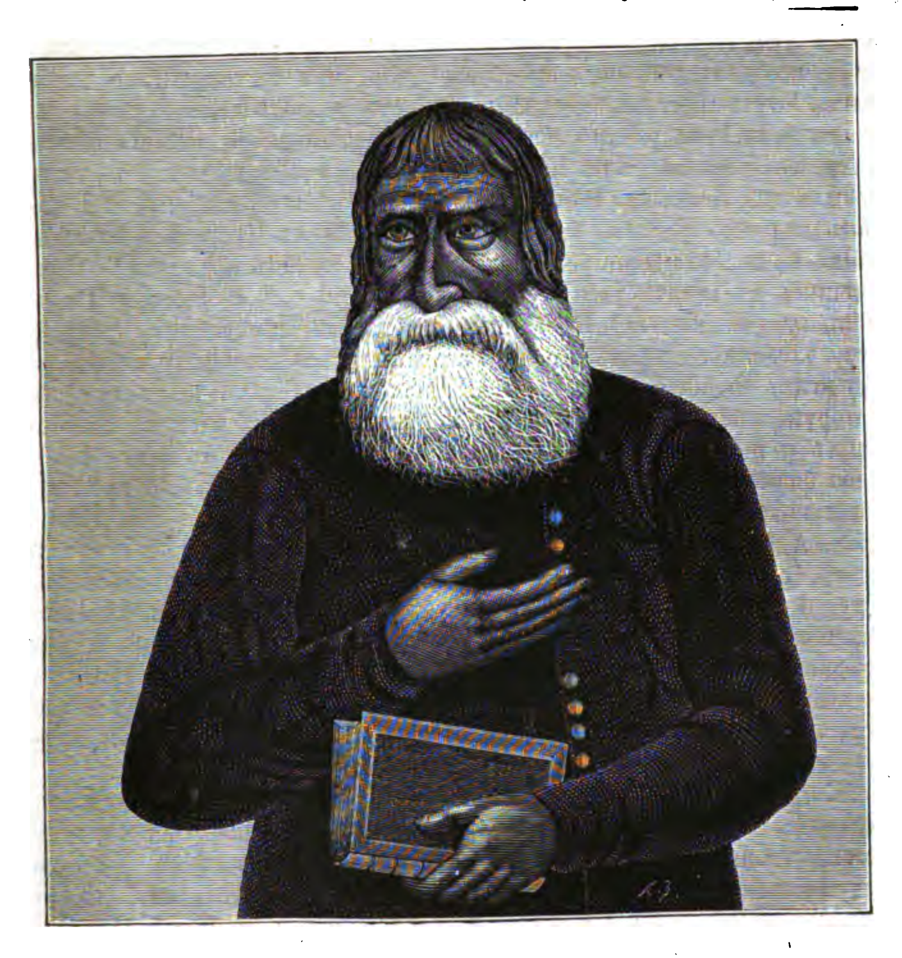
Москвѣ и скончался въ этомъ городѣ мѣщаниномъ 15-го августа 1821 году, на 77 году жизни. По словамъ Павла Любопытнаго, «онъ былъ росту средняго, остовомъ широковатъ, лицемъ бѣлъ и круглъ, браду имѣлъ окладистую, кругловатую и нѣсколько рыжую, украшенную сѣдинами».

Скочковъ былъ первоначально истымъ ѳеодосѣевцемъ. Послѣ долгаго усидчиваго труда, онъ дошелъ своимъ умомъ до ложности ученія ѳеодосѣевцевъ о безбрачіи и отдѣлился отъ нихъ. Образовавшееся около того времени съ Москвѣ, такъ называемое «монинское согласіе» дало Скочкову возможность примкнуть къ нему. Это согласіе возникло въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. Во время моровой язвы 1771 года, когда у правительства было много заботъ и надзоръ надъ старообрядцами и послѣдователями разныхъ толковъ ослабѣлъ, то въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Преображенскимъ кладбищемъ безпоповцевъ и рогожскимъ поповскимъ согласіемъ, возникла и Покровская монинская часовня поморскаго согласія. Основателемъ часовни былъ московскій купецъ Василій Емельяновъ. Онъ былъ прежде однимъ изъ главныхъ членовъ преображенской ѳеодосѣевской общины, но отдѣлился отъ нихъ вслѣдствіе разногласія съ ѳеодосѣевцами по вопросамъ относительно моленія за царя и брачной жизни. Емельяновъ, разошедшись съ ѳеодосѣевцами, составилъ въ Москвѣ отдѣльное общество поморцевъ изъ 50 человѣкъ. На значительныя добровольныя ихъ пожертвованія сооружена была молельня поморскаго согласія, въ Лефортовской части, въ приходѣ св. Ирины, по Покровской улицѣ; необходимые для молельни земля и домъ были куплены на имя московскаго купца Василья Ѳеодоровича Монина, родственника Емельянова и ведшаго исковыя дѣла, преимущественно поручаемыя ему старообрядцами. По имени Монина эта поморская община названа была «монинскимъ согласіемъ», а самая молельня, по нахожденію на Покровской улицѣ, «Покровскою». При молельнѣ, по примѣру Преображенскаго кладбища, было построено громадное зданіе для призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ. Первымъ настоятелемъ Покровской поморской молельни былъ Василій Емельяновъ, скончавшійся, 68 лѣтъ, въ 1797 году. Монинъ былъ у него помощникомъ, а въ послѣдствіи самъ былъ настоятелемъ. Послѣ Василія Емельянова былъ настоятелемъ, до начала девятнадцатаго столѣтія, его братъ Алексѣй.

Главныя начала ученія покровскаго поморскаго согласія состояли въ слѣдующемъ: «Женившіеся не согрѣшаютъ; бракъ чистъ; ложе не скверно и не блазненно. Подобаетъ молиться за предержащія власти». Вообще Покровская молельня съ самаго своего основанія преимущественно руководилась правилами, принятыми Выговскимъ общежитіемъ.

Василій Емельяновъ преимущественно привлекалъ въ свое согласіе ѳеодосѣевцевъ Преображенскаго кладбища, особенно новоже-

новъ, отвергаемыхъ отъ общей братской молитвы ученіемъ Ильи Ковылина. Поэтому для принадлежащихъ къ монинскому согласію становилось необходимымъ брачное сожительство съ благословенія родителей и поморскихъ наставниковъ, а равномѣрно было обязательно моленіе за царя. Вслѣдствіе такого перехода преображенцевъ въ Покровскую поморскую общину, между послѣднею и Прео-

Гавріилъ Илларіоновичъ Скочковъ.

браженскимъ кладбищемъ возникла непримиримая вражда. Монинская община уступала преображенской числомъ своихъ прихожанъ, но брала надъ нею перевѣсъ въ томъ отношеніи, что въ ея менѣе многолюдной средѣ находились наиболѣе сильные и вліятельные люди изъ старообрядцевъ. Покровская поморская община распространила свое вліяніе и ученіе и за предѣлы Москвы. Иногородныя ея согласія находились: въ Вологдѣ подъ управленіемъ куп-

цовъ Кокоревыхъ, въ Рыбинскѣ подъ завѣдованіемъ богатаго мѣстнаго купца Θедора Тюменева, въ Саратовѣ же подъ руководствомъ купца Алексѣя Казанова, имѣвшаго значительное вліяніе не въ одной Саратовской губерніи.

Къ числу наиболѣе вліятельныхъ и ревностныхъ прихожанъ монинской молельни принадлежалъ и тогдашній московскій купецъ Гавріилъ Илларіоновичъ Скочковъ. Первоначальное свое обученіе онъ получилъ у одного духовнаго лица. Это обученіе положило основаніе его дальнѣйшему самообразованію, при помощи прирожденныхъ ему талантовъ. Отдѣлившись отъ θеодосѣевцевъ, Скочковъ сталъ ревностно распространять ученіе монинскаго согласія о бракахъ, совершаемыхъ въ Покровской поморской молельнѣ. Онъ установилъ для этихъ браковъ правила съ молебнымъ пѣніемъ и написалъ для того уставъ, канонъ и епитимейникъ (уставъ о взысканіяхъ за несоблюденіе установленныхъ въ общинѣ правилъ) [1]. Сдѣлавшись въ послѣдствіи настоятелемъ Покровской часовни, Скочковъ сталъ прилагать особенныя заботы къ внутреннему устройству часовни и стараться объ образованіи у нея солиднаго капитала. Въ этихъ видахъ онъ завелъ при молельнѣ «брачную книгу», въ которую вносились имена всѣхъ повѣнчанныхъ въ часовнѣ московскихъ и иногородныхъ старообрядцевъ. За вписаніе въ книгу чьего либо брака установлена была плата, именно не менѣе 10 руб., но богатые платили до 1,000 руб. «Брачную книгу» велъ зять Скочкова, Адріанъ Сергѣевъ (Озерскій), извѣстный въ поморской средѣ поэтъ, скончавшійся въ 1847 году, также бывшій θеодосѣевецъ. Другой зять Скочкова, Захаръ Θедоровъ Бронинъ, по порученію Скочкова, писалъ иконы, какъ для самой молельни, такъ и для продажи частнымъ лицамъ. Деньги, выручавшіяся отъ продажи иконъ и отъ записи въ «брачную книгу», составляли общественное достояніе Покровской поморской часовни. Скочковъ совершалъ служеніе въ молельнѣ и былъ духовнымъ отцомъ ея прихожанъ.

Когда наступилъ знаменитый 1812 годъ, то число прихожанъ Покровской часовни дошло до 4,000 лицъ, принадлежавшихъ преимущественно къ тогдашнимъ богачамъ-старообрядцамъ. Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, Скочковъ вывезъ изъ нея капиталы, книги, иконы и проч., составлявшіе собственность Покровской часовни, въ разныя мѣста Астраханской, Саратовской, Костромской, Ярославской губерніи, но самъ со своими зятьями остался въ Москвѣ для защиты бѣдныхъ и больныхъ, находившихся на призрѣніи при часовнѣ и для попеченія о нихъ. Между тѣмъ, какъ

---

[1]) Составленные Скочковымъ: уставъ или правила для прихожанъ монинской часовни; уставъ брачный; канонъ во время брака; епитимейникъ; свидѣтельство о бракѣ, напечатаны на стр. 10, 29, 46, 58, 21, т. III, 1869 года, въ «Чтеніяхъ московскаго Общества любителей».

преображенцы вступили въ сношенія съ французами, поморцы Покровской часовни сторонились отъ враговъ всѣми возможными способами. Когда, въ 1813 году, покровскіе поморцы стали возвращаться на московское пепелище, они были встрѣчены и привѣтствуемы Скочковымъ. Такъ какъ Покровская часовня была уничтожена пожаромъ въ тяжкую годину Отечественной войны, то прихожане ея внесли богатыя пожертвованія на ея возобновленіе. Они дали возможность Скочкову выстроить новую каменную часовню въ два яруса и украсить ее богаче и лучше прежняго. Прихожанъ у Покровской часовни числилось въ это время 4,250 лицъ; призрѣваемыхъ при ней было болѣе ста человѣкъ.

Взявъ къ себѣ въ помощники московскаго мѣщанина Антипа Андреева (родомъ изъ Владиміра), Скочковъ отправился въ поѣздку по Россіи, причемъ посѣщалъ общины и обители своихъ единовѣрцевъ, изучалъ правила и порядки ихъ общежитія, и предостерегалъ ихъ болѣе всего отъ соблазна ученіемъ ѳеодосѣевцевъ. Послѣдствіемъ этой поѣздки, предпринятой съ цѣлью упроченія ученія поморской Покровской часовни, было сочиненіе, написанное Скочковымъ, въ 1818 году, подъ заглавіемъ «О мнѣніяхъ ѳеодосѣевцевъ Преображенскаго кладбища и о различіи ихъ ученія отъ ученія Покровской часовни». Во время отсутствія Скочкова, Покровскою часовнею успѣшно завѣдовалъ его помощникъ, Антипъ Андреевъ, увеличившій ея денежныя средства, между прочимъ, усиленіемъ торговли при ней книгами, писанными преимущественно иногородными. Поэтому, послѣ смерти Скочкова въ 1821 году, настоятелемъ часовни сдѣланъ былъ Андреевъ, при которомъ, въ 1827 году, число прихожанъ ея дошло до 7,000 лицъ, а число призрѣваемыхъ до 200 человѣкъ. Причиною такого преуспѣянія Покровской поморской общины было съ одной стороны миролюбіе и порядочная жизнь ея членовъ и наставниковъ, а съ другой стороны отсутствіе стѣсненія отъ полицейскихъ властей Москвы. Эти власти выхлопотали даже у подлежащаго начальства признаніе законными браковъ, которые совершались въ Покровской часовнѣ и вносились въ заведенную въ ней «брачную книгу», но подъ условіемъ, чтобы иногородные старообрядцы не имѣли права вѣнчаться въ этой молельнѣ.

Но со смертью Скочкова угасла та нравственная сила, которая съумѣла довести покровскую поморщину до ея наибольшаго преуспѣянія и доставила ей вышеозначенное преимущественное положеніе, признанное за нею правительствомъ въ дѣлѣ раскольничьихъ браковъ. Значеніе и власть Скочкова въ поморской средѣ были столь значительны, что колебали вліяніе даже Ильи Ковылина среди безпоповцевъ Преображенскаго кладбища. Когда Скочковъ отдѣлился отъ ѳеодосѣевцевъ, то онъ сдѣлался такимъ умнымъ, ожесточеннымъ карателемъ Ковылина и его послѣдователей, что, не смотря на все

свое тогдашнее могущество, Ковылинъ нерѣдко говаривалъ съ горечью: «Нѣтъ у меня злѣе и опаснѣе врага Гаврюшки Скочкова». Ковылинъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что, съ отпаденіемъ Скочкова отъ Ковылинскаго безбрачнаго толка, преображенская община стала рѣдѣть съ каждымъ днемъ, потому что болѣе развитые и здравомыслящіе люди послѣдовали за Скочковымъ въ его новопоморское согласіе, принявшее въ основное ученіе, какъ священное таинство, брачную жизнь. Только эти первоначальные послѣдователи Емельянова и Скочкова, вмѣстѣ съ основателями Покровской часовни, и могутъ быть въ строгомъ смыслѣ называемы «монинцами», потому что впослѣдствіи, особенно при попустительствѣ и слабости Антипа Андреева, въ составъ монинской общины поступали изъ старопоморской общины многіе закоренѣлые раскольники, которые своими пагубными нововведеніями были причиною закрытія и распаденія Покровской молельни.

Поводомъ къ ея закрытію послужило нарушеніе ея попечителями правительственнаго предписанія о невѣнчаніи въ Покровской часовнѣ иногородныхъ старообрядцевъ. Попечители, не смотря на запрещеніе, вѣнчали послѣднихъ, но за увеличенную плату за запись въ «брачную книгу», установленную только для столичныхъ (московскихъ) старообрядцевъ. Одинъ приходскій священникъ донесъ по начальству, что въ Покровской часовнѣ обвѣнчана была богатая старообрядческая чета изъ Владимірской губерніи. Началось слѣдствіе, которое выяснило, что Антипъ Андреевъ, вопреки поморскимъ установленіямъ, положившимъ основаніе монинскаго согласія, отмѣнилъ молитву за царя и не признавалъ болѣе браковъ, совершаемыхъ православною церковью. Поэтому послѣдовало распоряженіе правительства объ упраздненіи Покровской молельни и о передачѣ земли съ зданіями наслѣдникамъ Монина, на имя котораго совершена была купчая крѣпость еще въ прошломъ столѣтіи. Подобный исходъ возбудилъ естественно ссоры и пререканія между послѣдователями Покровской молельни, которые распались на нѣсколько мелкихъ партій и толковъ. Въ томъ числѣ образовались три морозовскіе толка.

Павелъ Любопытный въ своемъ старовѣрческомъ словарѣ перечислилъ 32 сочиненія Скочкова, ему извѣстныя, присовокупивъ, что во время занятія Москвы французами погибли многія еще другія его творенія. Онъ писалъ и стихотворенія. Таковы: псальма въ стихахъ «Богъ творецъ всесиленъ» противъ бракоборства ѳеодосѣевцевъ; стихотворенія подъ животворящій крестъ Христовъ, подъ портреты Даніила Викулина, Андрея и Симеона Денисовыхъ, строителей и настоятелей Выгорѣцкаго скита (въ Олонецкой губерніи); критическія стихотворенія на модный и несовмѣстный покрой платья старовѣрческихъ церквей и о нерадѣніи и глупости поморской церкви въ Москвѣ, на пріобрѣтеніе общественнаго дома ради богослуженія и прибѣжища христіанъ и проч.

Въ старообрядческой средѣ Г. И. Скочковъ, по своему уму, природнымъ способностямъ, усвоенному себѣ образованію, былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Павелъ Любопытный, знавшій его лично, характеризируетъ его слѣдующими словами: «Онъ былъ поморской церкви ревностный пастырь и знатный учитель сей столицы (Москвы). Мужъ благочестивый и ученый, славный писатель прозою и стихами о разныхъ и многихъ предметахъ въ защиту и утвержденіе Христовой (поморской) церкви и обличеніе враговъ ея; громкій побѣдитель ѳеодосіанскихъ заблужденій нѣтовщинскаго скопища. Онъ былъ знатный критикъ и обличитель церкви россійскихъ уніатовъ, любитель благочестія и красоты церковной; не разъ ревностно обличавшій нарушителей и противниковъ онаго. Мужъ былъ строгой жизни, красота (своей поморской) церкви и оградитель отъ враговъ ея оплотомъ мудрости своей. Тщательный пастырь въ назиданіи Христовой (поморской) церкви и рѣдкій въ подвигахъ евангельскаго благочестія; примѣрный мужъ вѣры, твердаго духа и ревности по благочестію. Его краснорѣчіе, острота ума и твердость началъ въ предметахъ поражали противниковъ истины, озаряли несмысленныхъ и утверждали православныхъ (т. е. поморянъ); онъ ими не разъ удивлялъ многихъ и плѣнилъ ихъ въ свое послушаніе. Москва, Выгорѣція, Нижній-городъ, Чугуевъ и прочія значительныя мѣста всегда взирали на его доблести со вниманіемъ и осыпали его лаврами похвалъ. Грубые ѳеодосіанцы, филиппоны и злобная никоновщина, не терпя сей славы и блесковъ его, покушались не разъ повергать на него свои злобныя и ядовитыя стрѣлы хульныхъ словъ и нечестивыхъ нареканій; но онъ, будучи христіанскій философъ, все злохуліе презрѣвъ, сносилъ великодушно и ожидалъ ихъ, наполняя его дарованія. Въ московскомъ кругѣ ученыхъ удостоивали всегда его быть почти первымъ лицемъ въ церковныхъ совѣтахъ и начертаніи въ оныхъ правилъ. Онъ былъ вспыльчивъ, строгъ въ церковныхъ обстоятельствахъ, чистаго сердца и незлобливъ, часто притомъ открывалъ благородное честолюбіе, чтимость своего сана, стоизмъ своей чести и хладнокровность къ состраданію ближнихъ».

Прилагаемый къ этой статьѣ портретъ Скочкова снятъ съ его изображенія масляными красками, находящагося въ библіотекѣ А. А. Титова, въ Ростовѣ (Ярославской губерніи). Это изображеніе составляетъ точную копію съ портрета Скочкова, находящагося въ одномъ поморскомъ скитѣ, гдѣ ему оказывается особенное почитаніе и уваженіе. Надпись на портретѣ въ немногихъ словахъ характеризуетъ Скочкова, а именно:

«Москвы, святаго града, житель,
Піитъ, витія, богословъ,
Поморцевъ ревностный учитель,
Наставникъ Гавріилъ Скочковъ».

Это коротенькое стихотвореніе должно принадлежать перу Адріана Сергѣева (Озерскаго), зятя Скочкова, также замѣчательной, просвѣщенной личности среди старообрядческаго міра того времени. Предположеніе это основано на томъ, что подъ портретомъ Скочкова же, помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ московскаго Общества», также написаны стихи, «сочиненные Адріаномъ Сергѣевымъ» (Озерскимъ) слѣдующаго содержанія:

«Спасительна ума, прёмудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесъ, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ».

Черты Скочкова на обоихъ портретахъ одинаковы, но портретъ, приложенный къ «Чтеніямъ» инаго образца, отъ помѣщеннаго въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». По тому мѣсту, откуда копія съ портрета Скочкова попала въ библіотеку А. А. Титова, необходимо отдать преимущество этому изображенію реформатора поморскаго согласія. Другихъ портретовъ Скочкова, сколько извѣстно, не появлялось въ печати, хотя, весьма вѣроятно, они существуютъ въ поморскихъ скитахъ и семьяхъ, даже, можетъ быть, съ риѳмованными подписями Адріана Сергѣева инаго содержанія, чѣмъ двѣ вышеприведенныя.

Поэтическое дарованіе Адріана Сергѣева не было единственнымъ явленіемъ высшей степени образованія семьи Скочкова въ старообрядческой средѣ. Дочь его, Евдокія Гавриловна Бронина, скончавшаяся въ Москвѣ, на 76 году жизни, въ 1862 году, по свидѣтельству Н. И. Попова, основательно знала классическіе языки, преимущественно греческій, а равно и богословіе и вообще отличалась образованіемъ, рѣдкимъ въ раскольничьемъ мірѣ. Е. Г. Бронина написала нѣсколько статей противъ раскола, особенно противъ ученій, господствующихъ на Преображенскомъ кладбищѣ, въ которыхъ раскрыла многія тайны старообрядческаго общества. Она также принадлежала къ числу прихожанъ монинской молельни, но, послѣ оффиціальнаго ея закрытія, перешла, въ 1843 году, въ единовѣріе.

Пав. Усовъ.

БОРЩАГОВКА, МѢСТО КАЗНИ КОЧУБЕЯ.

Въ НѢСКОЛЬКИХЪ верстахъ отъ Бѣлой Церкви, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, на склонѣ праваго, возвышеннаго берега рѣки Роси, лежатъ, въ разстояніи двухъ верстъ одно отъ другаго, два села: Кошевое и Борщаговка, изъ которыхъ послѣднее замѣчательно тѣмъ, что въ немъ совершилась, въ 1708 году, казнь Кочубея и Искры.

Съ восточной и западной стороны Кошеваго существуютъ до сихъ поръ остатки окоповъ укрѣпленнаго стана (лагерь, или кошъ) гетмана Мазепы. Мѣстность между Борщаговкою и Кошевымъ возвышенная и ровная; на половинѣ разстоянія, на западъ отъ Кошеваго, виднѣются двѣ небольшія насыпи, и та изъ нихъ, которая ближе къ рѣкѣ, означаетъ мѣсто, гдѣ казнены Кочубей и Искра. Возвышенность, гдѣ совершилась казнь, превращена теперь въ пахотное поле, и вокругъ нея нѣтъ ни кустарника, ни лѣса. На мѣстѣ казни въ очень еще недавнее время стоялъ высокій деревянный крестъ.

Борщаговка принадлежала тогда князьямъ Вишневецкимъ, а Кошевое шляхтичу Островскому.

Кочубей и Искра, выданные, по приказанію царя, Мазепѣ, были привезены въ Борщаговку 11-го іюля и содержались въ хатѣ, близь рѣки Роси, на усадьбѣ священника, гдѣ теперь его кузница. 14-го іюля, рано утромъ, несчастные были выведены передъ собраніе всего войска и стекшагося съ разныхъ мѣстъ народа. Прочитаны были ихъ вины и затѣмъ обоихъ подвели къ плахѣ и

Мѣстечко Борщаговка въ Кіевской губерніи (гдѣ были казнены Кочубей и Искра).

Съ современнаго рисунка, грав. А. И. Зубчаниновъ.

отрубили головы. Тѣла ихъ лежали выставленными на позоръ впродолженіе всей литургіи, по окончаніи которой ихъ положили въ гробы и повезли въ Кіевъ. Тамъ они были погребены въ Кіево-Печерской лаврѣ, близь трапезной церкви, гдѣ можно видѣть надъ ними каменныя плиты съ истершейся отъ времени надписью, сложенною, конечно, уже послѣ измѣны Мазепы и гласящею слѣдующее:

«Кто еси мимо грядущій о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи!
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
За правду и вѣрность къ монарсѣ нашу
Страданія и смерти испіймо чашу.
Злуданіемъ Мазепы всевѣчно правы,
Посѣчены зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матере Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный».

ЛЮБИТЕЛЬСКІЕ СПЕКТАКЛИ ВО ФРАНЦІИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Въ XVIII вѣкѣ, французская государственная жизнь подъ управленіемъ Бурбоновъ представляла печальную картину. Франція страдала отъ послѣдствій деспотической политики Людовика XIV и его непрерывныхъ войнъ. Дворянство было деморализовано, и королевство, еще недавно покрытое славою, годъ отъ году теряло часть своего авторитета. Государство подвергалось опасности извнѣ и народъ изнемогалъ подъ тяжестью налоговъ. За то жизнь высшаго общества была легка и пріятна. Не имѣя почти никакихъ обязанностей, никакого серьёзнаго дѣла, дворяне пользовались многими привиллегіями, хотя и лишились прежняго политическаго значенія. Всѣ выгодныя высшія должности были въ ихъ рукахъ. Правда, образъ жизни дворянства ввелъ его въ долги, но король осыпалъ его своими милостями, раздавалъ синекуры и пенсіи раззорившимся и выгодныя духовныя должности младшимъ сыновьямъ аристократическихъ фамилій, не имѣвшимъ права на наслѣдство, но не желавшимъ трудиться. Неудивительно послѣ этого, что вся знать толпилась въ пріемныхъ Версаля.

Рядомъ съ аристократіей образовалась отдѣльная каста судей. Мѣста переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ и остальное имущество. Отъ этого, съ теченіемъ времени, явилась особая судейская аристократія, въ составъ которой входили многіе знатные и разбогатѣвшіе роды. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія сборщики податей и финансовые спекуляторы, которые быстро

пріобрѣтали громадныя суммы на счетъ государства и часто также быстро проживали безъ труда пріобрѣтенное состояніе. Они усердно подражали аристократамъ, вели самую распущенную жизнь и считали своею обязанностью разыгрывать меценатовъ, хотя ничего не понимали въ литературѣ и искусствахъ. Возростающее благосостояніе буржуазіи и образованіе, распространившееся въ ней, хотя и не уничтожили различія между слоями общества, но уменьшили пропасть, раздѣлявшую ихъ. Разница въ нравахъ и воззрѣніяхъ на жизнь почти сгладилась. Жизнь принимали слегка, смыслили мало въ политикѣ и чувствовали себя отлично подъ гнетомъ легкаго деспотизма. Каждый могъ свободно думать, писать и даже говорить, но не слишкомъ громко. Лишь изрѣдка предавали сожженію какую нибудь книгу, или сажали въ Бастилію какого нибудь писателя за слишкомъ рѣзкія мнѣнія. Отъ времени до времени король напоминалъ своимъ подданнымъ о своей неограниченной власти, и тогда разсылались извѣстныя «lettres de cachets», по которымъ немедленно удаляли изъ общества неблагонадежныхъ лицъ. Еще рѣже, чѣмъ деспотизмъ, проявлялся религіозный фанатизмъ. Онъ вдругъ, какъ молнія, поражалъ отдѣльныя личности. Пытали и колесовали 70-тилѣтняго старика Каласа за то, что онъ будто бы повѣсилъ своего сына, человѣка крѣпкаго и сильнаго, за переходъ въ католичество. Точно также и 70-тилѣтній Ла-Барръ былъ подвергнутъ пыткѣ и потомъ обезглавленъ, трупъ его сожженъ и пепелъ развѣянъ за то, что онъ въ Аббевилѣ пѣлъ противорелигіозныя пѣсни и не снялъ шапки передъ процессіею капуциновъ. Но это были исключенія, и только черезчуръ нервные люди, въ родѣ Вольтера, приходили отъ нихъ въ негодованіе. Въ общемъ же жилось пріятно и весело. Нравы были легки. Бракъ не стѣснялъ никого. Имъ открыто не пренебрегали, но большинство видѣло въ немъ только формальность, необходимую для соблюденія интересовъ наслѣдства. Нѣкоторымъ это сначала не понравилось, но имъ пришлось покориться, чтобы не казаться смѣшными. За то обязанности, налагаемыя свободными отношеніями, исполнялись строже; на эти отношенія смотрѣли какъ на законный союзъ, и общество признавало ихъ.

Сильное распространеніе стиля рококо хорошо характеризуетъ эту эпоху. Въ архитектурѣ зданій, въ украшеніяхъ комнатъ и мебели, въ мелкихъ бездѣлушкахъ, все было кругло и удобно и во всемъ старательно избѣгали острыхъ угловъ, прямолинейныхъ очертаній. Духъ вѣка выразился и въ костюмахъ, въ которыхъ преобладали нѣжные цвѣта. Большіе парики исчезли; волосы стали пудрить и сзади спускали ихъ локонами, оставляя лобъ открытымъ. Пудра придавала особое изящество очертаніямъ лица, и глаза казались отъ нея больше. Остроуміе, особенно въ эпиграммѣ, которою такъ хорошо владѣютъ французы, никогда не было такъ раз-

вито, какъ въ то время. Оно господствовало въ салонахъ, а салоны управляли Франціею. Благодаря остроумію, Вольтеръ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ современниковъ; поэтому и писатели, составившіе себѣ имя, были приняты во всѣхъ кругахъ общества, даже въ высшихъ. Недружелюбно встрѣчали только тѣхъ, кто приносилъ съ собою скуку. Казалось, у всѣхъ была только одна цѣль въ жизни — веселиться. Жизнь была одною обширною комедіею. Костюмы были маскарадные. Пудра, скрывавшая настоящій цвѣтъ волосъ, мушки, служившія украшеніемъ, — все это напоминало веселое переодѣванье. Семейная жизнь въ высшихъ кругахъ была комедіей; комедіей же была государственная жизнь, которая, въ дѣйствительности, никого не интересовала. А чѣмъ же была война, если позволяли себѣ такую шутку, какъ при Росбахѣ?

Неудивительно, что театръ игралъ важную роль въ жизни высшаго французскаго общества прошлаго столѣтія. Во время политическаго приниженія народъ обыкновенно обращаетъ много вниманія на театръ. И не любовь къ искусству, а любопытство является причиною этого интереса. Это явленіе наблюдалось еще въ древности. Римскіе императоры успокоивали населеніе столицы грандіозными зрѣлищами, битвами гладіаторовъ и морскими побоищами. Въ Византіи партіи цирка нѣсколько разъ разростались до такой степени, что угрожали опасностью государству. До этого во Франціи не доходило. Но, такъ какъ образованные классы лишены были всякаго вліянія на общественныя дѣла, то они и посвятили все свое вниманіе театру. И, всетаки, во Франціи было мало театровъ, которые заслуживали бы вниманія. Требованіямъ искусства удовлетворяли только «Comédie française» и парижская опера. Театры въ провинціи, даже въ большихъ городахъ, не заслуживаютъ никакого вниманія. Въ Парижѣ два названные театра пользовались такими привиллегіями, что рядомъ съ ними не могли существовать другіе театры. «Французская комедія» одна имѣла право давать пьесы умершихъ писателей, чѣмъ за ней закрѣплялся весь классическій репертуаръ. Только этотъ театръ могъ давать драмы, и, чтобы устранить всякое соперничество, маленькіе театры подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ. Такъ, напримѣръ, театръ «Variété» не могъ давать пьесъ больше, чѣмъ въ 3 акта; другой театръ долженъ былъ давать исключительно итальянскія оперы во французскомъ переводѣ; третій—только пьесы съ благополучной развязкой; въ четвертомъ—сцена была отдѣлена отъ зрительной залы газовой завѣсой, за которой играли актеры, и т. д. Произволъ царствовалъ здѣсь, какъ вездѣ, и окончился только послѣ революціи 1789 года. Такимъ образомъ, все вниманіе общества впродолженіе всего столѣтія было сосредоточено на покровительствуемыхъ королемъ «Comédie française» и оперѣ. Но этихъ театровъ было недостаточно, и вслѣдствіе этого появился цѣлый рядъ любительскихъ театровъ.

выйдти на сцену—такъ согласовалось со вкусами общества. Это давало возможность удовлетворить мелкое самолюбіе, блеснуть своимъ талантомъ, красотой, граціей. Скучающіе франты нашли себѣ занятіе, не требовавшее серьезнаго труда, а репетиціи пред-

Маркиза Помпадуръ.

ставляли отличные случаи завязывать всевозможныя интриги. Къ этому присоединилось своеобразное очарованіе сцены, возбужденіе, производимое спектаклями, и скоро эта мода распространилась по всей Франціи. Играли вездѣ: при дворѣ, въ замкахъ герцоговъ и

графовъ, въ салонахъ судей и откупщиковъ, въ домахъ зажиточныхъ буржуа. Герцогини открыто выступали на сцену; даже духовенство не стыдилось показывать свое искусство, и, наконецъ, на сценѣ появилась сама королева. Мы приведемъ особенно выдающіеся примѣры этой маніи къ сценическимъ зрѣлищамъ и укажемъ, какъ эта мода развилась и распространилась. Не обративъ вниманія на эту черту, нельзя имѣть яснаго понятія о характерѣ XVIII вѣка во Франціи.

I.

Мрачно было при дворѣ Людовика XIV въ началѣ XVIII столѣтія. Король состарѣлся, сдѣлался ханжей, строгій этикетъ и суровое благочестіе смѣнили въ Версалѣ прежніе блестящіе пиры. Скука царила въ королевскомъ дворцѣ. Дошло до того, что старый король спрашивалъ у своихъ придворныхъ объясненія, отчего они не бываютъ въ церкви. Такимъ образомъ, на дворѣ лежалъ отпечатокъ благочестія, и дамы старались заслужить милость короля, являясь ко всенощной въ его капеллу каждый разъ, когда были увѣрены, что будетъ и король. Тогда онѣ ставили передъ собою маленькія восковыя свѣчи, чтобы удобнѣе читать свои молитвенники и... чтобы король скорѣе узналъ ихъ. Только отдѣльныя личности рѣшались на оппозицію, по крайней мѣрѣ, открытую. Но тамъ, куда не могъ проникнуть глазъ короля и его шпіоновъ, жизнь была далеко не такъ безупречна. Въ Тамплѣ, старинномъ зданіи рыцарей Храма, жили въ то время принцы Вандомъ. Одинъ изъ нихъ былъ маршаломъ, другой — великимъ пріоромъ Мальтійскаго ордена. Оба вели предосудительную жизнь и собрали вокругъ себя общество легкомысленныхъ людей, признававшихъ высшей философіей—наслажденіе жизнью, а легкомысліе и скептицизмъ—лучшими благами. Общество, собиравшееся въ Тамплѣ, состояло изъ высокопоставленныхъ лицъ, писателей, остроумныхъ аббатовъ, необъяснимымъ образомъ соединявшихъ умственное распутство съ способностью наслаждаться литературой.

Другаго рода оппозицію противъ ханжества двора позволяла себѣ герцогиня дю-Менъ. Утомленная скучною жизнью въ Версалѣ, она составила себѣ собственный дворъ, при которомъ жилось довольно весело. Анна-Луиза-Бенедикта Бурбонъ, принцесса Конде, вышла въ 1692 году за Людовика Бурбона и герцога дю-Менъ. Герцогъ былъ незаконный сынъ короля и Монтеспанъ. Онъ былъ воспитанъ маркизой Ментенонъ, тогда еще вдовою Скарронъ, былъ уменъ, интригантъ и нѣсколько вульгаренъ. Но онъ былъ любимцемъ короля, и голова его была полна самыхъ смѣлыхъ плановъ. Онъ женился на принцессѣ королевской крови, былъ самъ сдѣланъ

принцемъ крови, и такъ какъ король потерялъ своего сына, внука и правнука, то дю-Менъ разсчитывалъ достигнуть по смерти отца регентства, а, можетъ быть, и большаго. Только въ своемъ собственномъ домѣ онъ не имѣлъ никакого значенія. Герцогиня находила, что унизила себя своимъ бракомъ и довольно часто вымѣщала свое недовольство на своемъ супругѣ. Она была властолюбива и умна, желала, чтобы ее считали покровительницей искусствъ, но покровительствовала только тѣмъ писателямъ, которые умѣли ей льстить. Но и такихъ было немало. Своей эмблемой она выбрала улей, вокругъ котораго летаетъ рой пчелъ, а надписью взяла стихъ Тассо: «Piccolo si, ma fa pur gravi le ferite» (хоть и мала, но наноситъ тяжелыя раны). Постоянно скучая и постоянно въ погонѣ за новыми удовольствіями, она основала орденъ пчелъ, который должны были носить ея гости и который подавалъ поводъ къ развлеченіямъ. Герцогъ купилъ въ 1700 году у маркиза Сеинелей, сына министра Кольбера, прекрасный замокъ Со за 900,000 ливровъ и сдѣлалъ его настоящей царской резиденціей. Со отлично подходилъ къ намѣреніямъ герцогини. Къ югу отъ Парижа и достаточно близко отъ Версаля, чтобы поддерживать оживленныя сношенія съ дворомъ, онъ былъ, всетаки, на столько далеко отъ резиденціи короля, что герцогиня могла жить по своему вкусу. Она давала блестящіе праздники, на которые приглашалось самое избранное общество: членовъ королевскаго дома и самой высшей аристократіи, извѣстнѣйшихъ поэтовъ и академиковъ. Между ея гостями были писатели Детушъ, Шолье и Фонтенель, которые наперерывъ старались оживить своимъ умомъ кружокъ герцогини. Къ ихъ числу принадлежалъ также Ла-Моттъ-Гударъ, который первый во Франціи поднялъ бурю противъ классической трагедіи и хотѣлъ исправить и сдѣлать изящнѣе Гомера, передѣлывая и на половину сокращая его. Желаннымъ гостемъ былъ также драматическій писатель Жене. Въ послѣдствіи къ ея обществу присоединился и Вольтеръ, писавшій трагедіи для театра герцогини и самъ игравшій въ нихъ.

Но душою общества былъ Малезіе, которому было поручено управленіе праздниками. Онъ былъ прежде воспитателемъ герцога, заслужилъ его расположеніе и остался при немъ. Неистощимый на выдумки для развлеченія герцогини, онъ иногда самъ посмѣивался надъ собою и сравнивалъ себя съ каторжникомъ, осужденнымъ на галеры. Нечего говорить, что герцогиня была окружена прекрасными знатными дамами. Но замѣчательно то, что важную роль между ними играла служанка, дѣвица Лоне. Сначала ее не замѣчали, но скоро она выказала столько ума и остроумія, что сдѣлалась выдающимся лицомъ въ Со. Впослѣдствіи, уже болѣе 50-ти лѣтъ отъ роду, она вышла замужъ за одного изъ офицеровъ герцога, барона Сталь, но не покинула службы при герцогинѣ. Мемуары, которые

она писала, принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ этого рода въ прошломъ столѣтіи. Въ кружкѣ въ Со скоро пришли къ мысли давать театральныя представленія. Спектакли устраивали на дачѣ и для начала дали комедію Мольера «Le médecin malgré lui» (Врачъ по неволѣ). Скоро герцогиня пожелала сама выступить на сценѣ. Разумѣется, она вызвала самыя шумныя одобренія и потому продолжала играть. Наконецъ, аплодисменты ея гостей перестали ее удовлетворять, и она приказала пускать въ театральный залъ и постороннихъ. Игра сдѣлалась ея страстью. Играли въ Шатене, въ Кланьи, герцогскомъ замкѣ близъ Со, играли въ самомъ Со и давали не только комедіи, но и трагедіи. Давали классическій репертуаръ и новѣйшія пьесы. Герцогиня обладала изумительной разносторонностью: она играла то ловкую субретку, то героиню Расина и разъ даже—Ифигенію въ трагедіи Еврипида. Давались также оперы и балеты, для чего выписывали изъ Парижа пѣвцовъ, танцовщиковъ и музыкантовъ.

Но особенно замѣчательны въ Со были такъ называемыя «les grandes nuits» (большіе ночные праздники). Герцогинѣ пришла мысль устраивать каждыя двѣ недѣли оригинальный праздникъ. Выбирался король и королева, которые должны были устраивать эти праздники, и они изощряли всю свою изобрѣтательность и остроуміе, чтобы придумать что нибудь новое и оригинальное. Спектакли, аллегорическія представленія, фейерверки, лотереи и всевозможныя игры входили въ составъ увеселеній, и можно себѣ представить, какія суммы расточались при этомъ. Герцогъ Сен-Симонъ съ горечью отзывается въ своихъ мемуарахъ о жизни въ Со. «Уже давно герцогиня не обращала вниманія ни на короля, ни на герцога Конде (своего отца), которому пришлось бы плохо, если бъ онъ позволилъ себѣ какое нибудь замѣчаніе. Даже король чувствовалъ свое безсиліе въ этомъ случаѣ, и одобрялъ поведеніе герцога дю-Менъ. При малѣйшемъ замѣчаніи герцогу приходилось выслушивать упреки въ низкомъ происхожденіи, и дѣло часто доходило до того, что ему приходилось опасаться за свою голову. Онъ рѣшился оставить герцогиню жить по ея желанію и позволить ей раззорять себя фейерверками, балами и спектаклями. Герцогиня сама принимала участіе въ спектакляхъ и почти каждый день играла передъ многочисленной публикой въ Кланьи, великолѣпномъ замкѣ, выстроенномъ для Монтеспанъ и оставленномъ ею герцогу дю-Менъ».

Въ другомъ мѣстѣ герцогъ Сен-Симонъ рисуетъ герцогскую чету еще болѣе сильными красками. «Съ изобрѣтательностью демона вредилъ герцогъ кому только могъ. Онъ никогда не сдѣлалъ никому никакого добра. Онъ былъ высокомѣренъ и фальшивъ, постоянно интриговалъ и хитрилъ. Но если хотѣлъ, то могъ заинтересовать и очаровать. Онъ былъ трусомъ и именно поэтому

былъ опасенъ. Къ тому же онъ находился подъ вліяніемъ женщины такого же характера. Герцогиня была умна, но вскружила себѣ голову чтеніемъ романовъ. Она такъ отдалась своей страсти, что много лѣтъ публично играла на сценѣ. Она была смѣла, предпріимчива, страстна. Она признавала только ту страсть, которая владѣла ею, и подчиняла ей все. Ее возмущали благоразуміе и осторожность ея супруга и казались ей трусостью. Онъ оставался

Графъ д'Артуа.

покорнымъ и ласковымъ, а она обращалась съ нимъ какъ съ собакой».

Блестяще и роскошно обставленная, театральная жизнь въ Со, однако, сильно напоминала распутную и полную интригъ жизнь настоящихъ актеровъ. Этотъ вѣчный карнавалъ сразу прекратился, когда скончался Людовикъ XIV. Дю-Менъ попробовалъ играть политическую роль, такъ какъ завѣщаніе покойнаго монарха давало ему большую власть. Началась короткая, но сильная борьба между

нимъ и герцогомъ Орлеанскимъ, имѣвшимъ права на регентство, какъ глава младшей линіи. Парламентъ призналъ завѣщаніе Людовика XIV недѣйствительнымъ, и герцогъ остался въ тѣни. Однако, онъ не хотѣлъ признать свое дѣло потеряннымъ и вступилъ въ тайные переговоры съ испанскимъ посланникомъ. Герцогиня была въ заговорѣ и отдалась ему со свойственной ей страстью. Наконецъ, регентъ приказалъ ихъ арестовать и заключить герцога въ маленькую крѣпость Дуленсъ въ Пикардіи. Герцогиню отвезли въ Дижонъ и тамъ заперли въ замкѣ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ получили они разрѣшеніе вернуться въ Со, и тогда снова началась прежняя жизнь. Разумѣется, многіе изъ старыхъ друзей уже умерли, но на ихъ мѣсто явились новые, и любительскіе спектакли давались то въ Со, то въ Анэ, гдѣ герцогиня тоже имѣла замокъ. Къ ея знаменитѣйшимъ гостямъ этого времени принадлежалъ Вольтеръ, часто бывавшій невыносимымъ, но всегда умѣвшій очаровать герцогиню своимъ блестящимъ умомъ. Разъ онъ два мѣсяца скрывался въ ея замкѣ, чтобы своимъ отсутствіемъ заставить забыть свою выходку въ Версалѣ. Онъ воспользовался пребываніемъ въ Со, чтобы написать для герцогини нѣкоторые изъ своихъ остроумныхъ и дерзкихъ романовъ. Когда герцогиня опасно захворала въ 1752 году, Вольтеръ писалъ изъ Берлина герцогу де-Тибувиль: «Склоняюсь къ стопамъ герцогини дю-Менъ. Она будетъ любить театръ до своего послѣдняго издыханья. Въ случаѣ опасности я бы совѣтовалъ вмѣсто елеосвященія сыграть ей какую нибудь пьесу. Какъ проживешь, такъ и умрешь». Герцогиня скончалась черезъ мѣсяцъ, на 78-мъ году.

Но Вольтеръ не имѣлъ права смѣяться надъ страстью къ театру своей покровительницы, такъ какъ самъ не могъ обойдтись безъ театра и былъ недоволенъ, когда не могъ играть самъ. Когда его «Англійскія письма» были сожжены рукою палача, онъ удалился въ Сирей, замокъ его друга, маркизы де-Шателе. Замокъ этотъ лежалъ на лотарингской границѣ. Маркиза сопровождала его. Первымъ его дѣломъ по пріѣздѣ было устроить физическій кабинетъ и театръ. Онъ изучалъ Ньютона и писалъ пьесы, занимался философіей и увлекался игрою трагедій и комедій, которыя самъ писалъ. Маркиза тоже принимала участіе въ спектакляхъ, хотя не любила поэзіи и имѣла чисто математическій умъ. Когда впослѣдствіи Вольтеръ поселился въ Швейцаріи, первымъ поводомъ къ столкновеніямъ съ педантически строгими властями Женевы и Лозанны послужилъ театръ. Вольтеръ началъ съ того, что сталъ читать передъ избранной публикой въ «Delices», своей дачѣ близъ Женевы, свои произведенія съ распредѣленными ролями. Скоро онъ пошелъ дальше и организовалъ настоящія представленія. Когда давали его «Заиру», изъ Парижа пріѣхалъ извѣстный актеръ Лекенъ и игралъ султана, а Вольтеръ взялъ роль Лузиньяна. Благочести-

вая Женева содрогнулась, и консисторія пришла въ волненіе. Незадолго до его пріѣзда осудили одного танцмейстера, который разыгралъ съ любителями трагедію «Смерть Цезаря» и танцовалъ, переодѣтый крестьянкою. Другой разъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ разыграли въ частномъ домѣ, безъ костюмовъ и декорацій, «Поліевкта» Корнеля. Пасторы изъ консисторіи нашли это развлеченіе неприличнымъ. Столкновеніе не замедлило произойдти, и скоро Вольтеръ почувствовалъ себя дурно въ землѣ кальвинистовъ, которые считали театральныя представленія грѣховными, поэтому онъ удалился изъ городка, но ровно на столько, чтобы не находиться подъ властью женевской консисторіи. Онъ купилъ имѣніе Ферней, лежавшее на французской границѣ, жилъ тамъ какъ помѣщикъ и злилъ своихъ женевскихъ сосѣдей.

Во французскомъ мѣстечкѣ Турней, лежавшемъ едва въ получасѣ ходьбы отъ Женевы, былъ построенъ театръ и постоянно давались спектакли. Вольтеръ и его племянница г-жа Денизъ принадлежали къ числу артистовъ. Репертуаръ состоялъ изъ произведеній Вольтера. Женевская публика стремилась въ Турней и наполняла небольшой зрительный залъ. Это было местью Вольтера. «Кальвинъ никакъ не подозрѣвалъ, что католики будутъ когда нибудь до слезъ трогать его послѣдователей»,—писалъ онъ своему другу д'Аржанталю. Иногда на спектакли являлись проѣзжіе иностранцы, что̀ всегда доставляло большую радость Вольтеру. Приглашеніе къ столу радушнаго хозяина замка въ этихъ случаяхъ цѣнилось еще больше, чѣмъ самъ спектакль. Между актерами Вольтера явился въ 1760 году даже герцогъ Вилларсъ, губернаторъ Прованса. Онъ считалъ себя превосходнымъ артистомъ, но игралъ передъ небольшимъ числомъ приглашенныхъ.—«Вы играли, какъ герцогъ и перъ»,—сказалъ ему Вольтеръ съ восторгомъ; но въ этомъ комплиментѣ скрывалась насмѣшка.

Мода на театральныя представленія не ограничилась замками дворянства и дачами богатой буржуазіи, а проникла и ко двору Людовика XV. Съ 1745 года тамъ царила почти оффиціально маркиза Помпадуръ, урожденная Пуассонъ, въ супружествѣ д'Этіоль. Она играла роль не только благодаря своей красотѣ, но еще болѣе благодаря своему умѣнью обращаться съ королемъ, развлекать его, постоянно предлагать ему что нибудь новое. Въ этомъ и заключалась причина продолжительности ея вліянія. Людовикъ XV былъ самый безпечный изъ Бурбоновъ. Минута неудовольствія могла быть опасна для фаворитки, и потому она пользовалась всѣми средствами, чтобы занять своего повелителя. Поэтому и любительскіе спектакли были ей какъ нельзя болѣе кстати. Прежде она съ большимъ успѣхомъ играла на сценѣ. Теперь она вспомнила свои успѣхи, чтобы оживить короля. Въ драматическомъ талантѣ, юморѣ и граціи у нея не было недостатка, и она могла постоянно являться въ благопріятномъ свѣтѣ

передъ королемъ. Едва составивъ этотъ планъ, она принялась приводить его въ исполненіе. Въ Версалѣ большая лѣстница посланниковъ вела въ такъ называемую «малую галлерею», черезъ которую была прямая дорога въ покои короля. Въ этой-то галлереѣ была устроена маленькая сцена, и между придворными выбраны самые талантливые въ составъ труппы. Приглашены были герцогъ де-Шартръ, сынъ герцога Орлеанскаго, герцоги Ниверну, Дюра и пр. Точно также выбраны были многія знатныя дамы, но такъ, чтобы онѣ не могли затмить Помпадуръ. Герцогъ Ла-Вальеръ былъ директоромъ труппы, имѣвшей свой уставъ, какъ и всякая другая. Король охотно далъ свое согласіе на эти представленія и только оставилъ за собою право выбирать приглашенныхъ. Вначалѣ онъ былъ очень остороженъ на разрѣшенія присутствовать на спектакляхъ, но впослѣдствіи сталъ снисходительнѣе, и доступъ на нихъ сдѣлался гораздо легче. Должно быть, маркиза желала заслужить восторгъ болѣе многочисленной публики. Но, всетаки, быть приглашеннымъ на спектакли въ «Petits Cabinets», а тѣмъ болѣе участвовать въ нихъ хотя бы въ самой незначительной роли, считалось знакомъ чрезвычайной милости. Вѣдь этимъ приближались къ маркизѣ, источнику всякихъ милостей. Точно также композиторы и поэты добивались, чтобы ихъ произведенія играли передъ королемъ, и старались заслужить его одобреніе. Въ доброе старое время не надо было держать экзаменовъ, чтобы получить государственное мѣсто. Ложонъ, авторъ одного либретто, давшаго маркизѣ возможность вызвать всеобщій восторгъ, получилъ въ награду важное мѣсто въ Шампани.

Представленія при дворѣ начались въ 1747 году, и какъ прежде герцогиня дю-Менъ, такъ теперь маркиза Помпадуръ блистала въ трагедіи, комедіи и оперѣ. Разумѣется, она бралась только за благодарныя роли, но и талантъ у нея былъ великъ. Она любила умственный трудъ, и потому ее восхваляли всѣ первоклассные писатели прошлаго вѣка, съ Вольтеромъ во главѣ. Вольтера не любили ни король, ни королевское семейство; но онъ съумѣлъ пріобрѣсти благосклонность маркизы. Чтобы обратить на него благосклонное вниманіе короля, она дала его комедію «L'enfant prodigue», за что̀ Вольтеръ прислалъ ей льстивое и вмѣстѣ дерзкое стихотвореніе, въ которомъ говорилъ:

«И такъ вы соединяете въ себѣ всѣ искусства, всѣ таланты, чтобы нравиться; Помпадуръ! вы украшеніе двора, Парнаса и Цитеры. Очарованіе всѣхъ глазъ, сокровище одного лишь смертнаго! Да будетъ ваша любовь вѣчна и да будетъ ваша жизнь рядомъ торжествъ, а жизнь Людовика — рядомъ удачъ. Живите оба безъ враговъ и сохраните оба ваши побѣды».

Объ этомъ стихотвореніи узнали при дворѣ, и оно вызвало неудовольствіе королевы и ея партіи. И король былъ недоволенъ, но

не тѣмъ, что Вольтеръ оскорбилъ королеву, а тѣмъ, что его поставили на одну доску съ маркизой. Вольтеръ долженъ былъ знать, что написать это стихотвореніе было опасно, но если дѣло шло о какой нибудь остротѣ, то онъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Съ Помпадуръ онъ, всетаки, остался въ дружескихъ отношеніяхъ. Театральныя представленія въ Версалѣ шли между тѣмъ своимъ чередомъ. Весною они обыкновенно прекращались, а осенью возобновлялись. Уже въ 1748 году пришлось расширить театръ, потому что публика сдѣлалась многочисленнѣе. Сцена была устроена на площадкѣ парадной лѣстницы и захватывала часть самой лѣсницы. Вслѣдствіе этого пришлось устроить сцену такъ, чтобъ ее можно было снять въ нѣсколько часовъ. На большой сценѣ было и больше роскоши. Помпадуръ танцовала съ герцогами и герцогинями въ балетахъ, имѣвшихъ тогда другой характеръ, чѣмъ теперь. Король, дофинъ съ супругою, дочь короля, присутствовали на этихъ представленіяхъ, и даже королева принуждена была видѣть иногда тріумфы маркизы. Въ одинъ годъ это частное удовольствіе короля стоило около полумилліона.

Когда же объ этомъ въ Парижѣ заговорили слишкомъ громко, маркиза построила третій театръ въ Бельвю, въ болѣе уединенной мѣстности. Это было время, когда казна была такъ пуста, что придворные чины не получали жалованья. Помпадуръ, разумѣется, должна была продолжать, какъ начала, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ. Но часто ей самой становилась противна эта пустая жизнь, это постоянное круженье. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были изданы 90 писемъ Помпадуръ къ разнымъ лицамъ. Въ письмѣ къ графинѣ Лютцельбургъ (1749 г.) маркиза говоритъ: «Жизнь, которую я веду, поистинѣ ужасна. Я едва могу урвать свободную минуту: репетиціи и спектакли, 2 раза въ недѣлю — поѣздки то въ «Petit Château», то въ «La Muette». Тяжелыя обязанности, королева, дофинъ, дофина... судите сами, могу ли я вздохнуть свободно. Жалѣйте меня, а не жалуйтесь на меня». Въ ея рукахъ были соединены всѣ нити управленія. «Я утомлена посѣщеніями и, всетаки, должна написать писемъ съ шестьдесятъ». Чтобы отдохнуть, она устраивала себѣ маленькіе эрмитажи, куда уѣзжала, разумѣется, не совсѣмъ одна. О такомъ эрмитажѣ около Версаля, писала маркиза графинѣ Лютцельбургъ (въ 1749 г.): «Въ немъ 8 саженъ длины и 5 ширины. Представьте себѣ, какъ это хорошо! Но я здѣсь одна, или съ королемъ и въ совсѣмъ маленькомъ обществѣ, и я счастлива». И, всетаки, этотъ маленькій шале стоилъ почти триста тысячъ. «Чѣмъ старше я становлюсь,—пишетъ она своему брату,—тѣмъ больше становлюсь философомъ. Не смотря на счастье жить съ королемъ,—что̀ меня во всемъ утѣшаетъ, — я нахожу вездѣ столько низости, глупости и всего дурнаго, чему

подвержено бѣдное человѣчество». Рядомъ съ этими мизантропическими замѣчаніями постоянно встрѣчаются восторженныя похвалы королю, какъ лучшему изъ монарховъ. Маркиза, разумѣется, знала, что почтовое управленіе, для развлеченія ея царственнаго любовника, доставляетъ ему выписки изъ интересной почему либо корреспонденціи его подданныхъ. Театральныя представленія труппы Помпадуръ окончились весною 1753 г. Сама маркиза пользовалась вліяніемъ при дворѣ до своей смерти въ 1764 году.

II.

Страсть къ театру, мимоманія, какъ ее называли, господствовала во Франціи все XVIII-е столѣтіе съ почти непонятною для насъ силою. Какъ играли въ Со у герцогини дю-Менъ и въ Версалѣ подъ управленіемъ маркизы Помпадуръ, такъ по всей Франціи составлялись любительскія труппы, которыя сдѣлали театральныя представленія почти своею спеціальностью. Главное различіе отъ актеровъ по ремеслу состояло въ томъ, что любители не стремились къ достиженію матеріальныхъ выгодъ. Скоро сталъ немыслимъ хоть немного значительный праздникъ безъ театральныхъ представленій. Въ каждомъ замкѣ, въ каждой знатной семьѣ, непремѣнно былъ устроенъ домашній театръ, и всѣ, желающіе жить на широкую ногу, спѣшили устроить любительскій театръ. Эта мода все болѣе распространялась. «Это просто невѣроятная манія,— говоритъ Башомонъ въ своихъ мемуарахъ (1770 г.),—даже каждый мелкій владѣлецъ хочетъ устроить на своей маленькой дачѣ сцену и имѣть труппу». Не довольствовались отдѣльными представленіями, а старались организовать постоянныя общества. Веселая жизнь высшаго общества во Франціи должна была еще болѣе оживиться, когда пріѣхала изъ Австріи веселая и любящая удовольствія дофина. Пятнадцатилѣтняя дочь Маріи-Терезіи сочеталась бракомъ съ дофиномъ, внукомъ Людовика XV, въ 1770 году. Какъ австрійку, ее сначала встрѣтили недружелюбно, и даже самъ дофинъ долгое время былъ съ нею болѣе чѣмъ холоденъ и сдержанъ. Ея мать съ большимъ безпокойствомъ отпускала ее на чужбину. Она знала характеръ своей дочери, благородный, но легкомысленный.

Положеніе дофины стало еще хуже, когда братья короля, графы Провансъ и Артуа, женились на сардинскихъ принцессахъ. Скоро графиня Артуа сдѣлалась матерью, а Марія-Антуанетта оставалась бездѣтною. Доходило до столкновеній, и велика была любовь къ театру, если она могла соединить трехъ принцессъ, не расположенныхъ другъ къ другу. Разумѣется, представленія должны были оставаться въ глубокой тайнѣ, потому что иначе

были бы строго осуждены. Объ этомъ говоритъ г-жа Кампанъ въ своихъ мемуарахъ. «Единственнымъ зрителемъ былъ дофинъ; три принцессы, два брата дофина и отецъ и сынъ Кампанъ составляли труппу. Это развлеченіе держалось въ такой тайнѣ, какъ будто было дѣломъ государственной важности: опасались осужденія старшихъ принцессъ и не сомнѣвались, что король запретитъ это удовольствіе. Выбрали комнату на антресоляхъ, куда не заходила прислуга; что-то въ родѣ сцены устроено было такъ, что всегда можно было и снять, и спрятать въ шкапъ. Графъ Прованскій зналъ всегда хорошо свою роль; графъ д'Артуа зналъ хуже, но игралъ хорошо. Принцессы играли дурно, кромѣ дофины, которая передавала нѣкоторыя роли изящно и съ чувствомъ. Дофинъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ этимъ представленіямъ, хохоталъ надъ исполненіемъ ролей и со времени этихъ спектаклей замѣтили, что онъ сталъ менѣе застѣнчивъ и сталъ находить удовольствіе въ обществѣ своей супруги».

Г-жа Кампанъ, бывшая до своего поступленія къ Маріи-Антуанеттѣ лектрисою дочерей Людовика XV, говоритъ, что узнала эти подробности гораздо позже. Если только не предположить ошибки въ ея разсказахъ, то эти маленькія представленія могли даваться только отъ января до мая 1774 года: графъ д'Артуа женился въ декабрѣ 1773 года, а 10-го мая слѣдующаго года скончался Людовикъ XV.

Марія-Антуанетта вступила на престолъ, но король былъ попрежнему холоденъ и держался далеко отъ нея. Говорили о близкомъ разводѣ. Вдругъ ихъ отношенія измѣнились, и Марія-Антуанетта сдѣлалась царицею двора, модъ и удовольствій. На сколько она слѣдовала своимъ капризамъ, видно, между прочимъ, изъ высокихъ, какъ башни, прическъ, мѣшавшихъ дамамъ сѣсть въ карету. Напрасно Марія-Терезія выражала свое неудовольствіе: «Вы знаете, я всегда была того мнѣнія, что слѣдовать модѣ надо очень осторожно, но никогда не утрировать ее. Молоденькая, хорошенькая королева не нуждается въ такомъ глупомъ украшеніи» (письмо 1775 г.). Въ другомъ письмѣ она предостерегаетъ королеву отъ азартной игры, которую вели уже давно въ Версалѣ, и отъ расточительности, въ особенности, когда казна пуста. Для своихъ частныхъ расходовъ Марія-Антуанетта имѣла 300,000 ливровъ въ годъ; но и этой суммы ей было мало. Въ 1785 году, счеты за одинъ ея туалетъ доходили до 258,000 ливровъ; при этомъ не надо забывать, что въ концѣ прошлаго столѣтія деньги были втрое дороже, чѣмъ теперь. Королева освободилась также отъ тяжелаго этикета, который стѣснялъ всякое веселье, не смотря на то, что подавала такимъ образомъ поводъ къ сплетнямъ. Любовь ея къ театру тоже оживилась, такъ какъ теперь ей нечего было бояться серьёзнаго

сопротивленія. Всѣ стремленія тогдашняго общества были направлены къ театру: маскарады сдѣлались явленіемъ обыденнымъ. Когда великій князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ со своею супругою въ 1782 году во Францію, герцогиня Бурбонская дала ему великолѣпный праздникъ въ Шантильи и приняла его во главѣ общества въ аллегорическихъ костюмахъ. Одѣтая наядой, она проводила великаго князя на выволоченной гондолѣ по большому каналу Шантильи на островъ любви. Интимные костюмированные вечера королевы бывали обыкновенно въ Маломъ Тріанонѣ. Между прочимъ, она разъ устроила ярмарку, на которой сама продавала въ лавкѣ кофе и лимонадъ. Вообще она очень любила Тріанонъ; получивъ этотъ замокъ, гдѣ прежде жила Дюбарри, въ подарокъ отъ своего супруга при восшествіи на престолъ, она жила въ немъ отъ времени до времени, какъ простая владѣтельница замка. Когда она являлась въ залу, дамы не должны были вставать, а мужчины должны были продолжать свои партіи на билліардѣ или въ триктракъ. Согласно съ этимъ и костюмы были просты. «Костюмъ принцессъ состоялъ изъ бѣлаго платья, тюлевой косынки и соломенной шляпки, говоритъ г-жа Кампанъ. Лучшимъ удовольствіемъ королевы было посѣщать мастерскія, удить рыбу, смотрѣть, какъ доятъ коровъ и съ каждымъ годомъ она выказывала все большее отвращеніе къ пышнымъ поѣздкамъ въ Марли. За идеей жить въ Тріанонѣ безъ этикета слѣдовала фантазія играть на театрѣ, что̀ въ то время дѣлали во всѣхъ замкахъ страны». Г-жа Кампанъ могла бы сказать и больше. Братъ короля имѣлъ свой театръ; играли въ Тамплѣ у принца Конти, у герцогини Бурбонской въ Шантильи. Герцогъ Орлеанскій имѣлъ театръ въ замкѣ Баньоле, и былъ неподражаемъ въ роляхъ крестьянъ. Можно сосоставить громадный списокъ домашнихъ театровъ, устроенныхъ въ аристократическихъ домахъ въ Парижскомъ округѣ. Въ 1782 году, раззорился принцъ Гемене, что̀ вызвало много толковъ и имѣло послѣдствіемъ его удаленіе отъ двора. Первымъ дѣломъ принцессы по пріѣздѣ въ свое имѣніе было составить театральную труппу. Часто случалось, что аристократическій кружокъ нанималъ общественное зданіе и давалъ тамъ спектакли. Даже самыя важныя судебныя лица принимали дѣятельное участіе въ этомъ увеселеніи. Президентъ парижскаго парламента, Ламуаньонъ, давалъ спектакли въ своей виллѣ, въ Бавилье, и самъ принималъ въ нихъ участіе. Великій хранитель печати (министръ юстиціи) Мироменилъ съ особеннымъ юморомъ передавалъ комическія роли.

Игра на театрѣ совершенно серьезно вошла въ составъ курса образованія. Кармонтель писалъ пьесы для домашнихъ спектаклей для взрослыхъ, а г-жа Жанлисъ писала дѣтскія пьесы. Даже въ духовенство проникла эта страсть. Одинъ бернардинскій монахъ въ Брессе писалъ поэту Колле, автору комедіи «Охота Ген-

риха IV», что онъ и его товарищи готовятся играть его произведеніе, конечно, «въ тайнѣ отъ фанатиковъ».

Удивительно ли послѣ этого, что и королевѣ пришла охота доказать свой драматическій талантъ. Людовикъ XVI былъ любителемъ шутокъ и пародій. Въ Шуази, куда часто переѣзжалъ дворъ, бывало иногда по два спектакля въ день: большая опера, французская или итальянская комедія шла въ обыкновенные часы, а въ 11 часовъ возвращались въ театральный залъ смотрѣть пародіи. Въ маломъ Тріанонѣ тоже былъ построенъ въ 1779 году театръ, въ которомъ играли иногда артисты «Comédie française». На этой же сценѣ выступила въ первый разъ въ 1780 году и Марія-Антуанетта въ комедіи Седена «La gageure imprévue» и въ комической оперѣ «Le roi et le fermier», текстъ которой принадлежалъ тоже Седену, а музыка была написана Монсиньи. Кромѣ королевы, играла также принцесса Елисавета и графъ д'Артуа, графиня Полиньякъ, герцогиня де-Гише, графы Адемаръ и Водрель. Зрителями были король, графъ и графиня Прованскіе и графиня д'Артуа. Но, чтобы не подавить увлеченія играющихъ видомъ пустой залы, были допущены лектрисы, камерфрау и ихъ дочери и сестры. При исполненіи оперeты много было смѣха надъ пѣніемъ графа Адемара, у котораго когда-то былъ хорошій голосъ, но тогда уже пропалъ. Королева увѣряла, шутя, что никакая злость не нашла бы, что критиковать въ выборѣ такого любовника. Людовикъ XVI отъ души смѣялся на представленіи, интересовался всѣмъ, ходилъ въ антракты на сцену и присутствовалъ на репетиціяхъ. Но посланникъ Маріи-Терезіи былъ недоволенъ тѣмъ что королева играла на сценѣ, это ясно видно изъ его писемъ къ императрицѣ. Онъ боялся непріятныхъ послѣдствій, недоразумѣній и оскорбленій. Его только утѣшала мысль, что этотъ новый капризъ не будетъ продолжителенъ и во всякомъ случаѣ прекратитъ азартную игру при дворѣ. Какъ онъ предвидѣлъ, въ непріятностяхъ не было недостатка. Преувеличенныя похвалы, которыми осыпали царственныхъ актеровъ, вскружили имъ голову. Они вообразили, что играютъ дѣйствительно замѣчательно, и были недовольны тѣмъ, что ими не могла восхищаться болѣе многочисленная публика. Поэтому число приглашенныхъ стало постепенно увеличиваться. Офицеры лейбъ-гвардіи, шталмейстеры короля и его братьевъ тоже были допущены на представленія. Придворнымъ стали давать закрытыя ложи, и нѣкоторыя дамы получили приглашеніе. Посланникъ, бывшій въ числѣ приглашенныхъ, говоритъ черезъ нѣсколько времени послѣ постановки оперы Руссо «Le devin du village», что у королевы хорошо обработанный голосъ. Вскорѣ скончалась Марія-Терезія, и трауръ принудилъ прекратить эти представленія, а затѣмъ рожденіе дофина помѣшало возобновить спектакли, такъ полюбившіеся королевѣ. Только въ

1780 году могла она снова открыть представленія. На этотъ разъ приглашенная публика была очень многочисленна и осыпала высокихъ артистовъ шумными одобреніями, а втихомолку зло критиковала ихъ. «La reine a royalement mal joué» (королева королевски дурно играла),—говорили про Марію-Антуанетту, и появилось множество анекдотовъ, одинъ злѣе другаго. Такъ говорили, что послѣ конца одного спектакля королева подошла къ рампѣ и просила гвардейскихъ офицеровъ о снисхожденіи къ ея искусству. Затѣмъ разсказывали, что въ одинъ вечеръ раздался рѣзкій свистъ изъ одной ложи. Полицейскій бросился въ эту ложу, чтобы задержать дерзкаго, но испуганно отступилъ: тамъ оказался король, захотѣвшій подразнить королеву.

Между тѣмъ Марія-Антуанетта усердно отдалась театральному дѣлу. Она была и директоромъ, и режиссеромъ своей труппы и обращала вниманіе даже на самыя мелкія детали. Театральныя представленія продолжались до 1785 года, когда онѣ закончились «Севильскимъ цирульникомъ» Бомарше. Этотъ писатель, самъ того не подозрѣвая, сдѣлался однимъ изъ подготовителей революціи. Онъ со свойственнымъ ему остроуміемъ задѣвалъ въ своихъ комедіяхъ правительство и насмѣхался надъ аристократіей. Хотя онъ самъ пріобрѣлъ дворянство, но, всетаки, подвинулъ буржуазію на рѣшительную борьбу съ аристократіей. «Севильскій цирульникъ» появился въ 1775 году, за 9 лѣтъ до «Свадьбы Фигаро». Первое представленіе было неудачно. Но неудача всегда возбуждала Бомарше. Онъ втайнѣ въ однѣ сутки передѣлалъ свое произведеніе, сократилъ его, сдѣлалъ изъ 5 растянутыхъ актовъ 4 съ быстро развивающимся дѣйствіемъ и обратилъ свое пораженіе въ побѣду. На первое представленіе публика пришла съ большими ожиданіями и удалилась разочарованной. Въ слѣдующій вечеръ толпа пришла, надѣясь на скандалъ, и увидѣла веселую и забавную комедію. Уже въ «Севильскомъ цирульникѣ» были выходки противъ аристократіи. Въ самомъ началѣ Фигаро спрашиваетъ графа Альмавиву, много ли господъ онъ знаетъ, которые годились бы въ лакеи? Онъ нападаетъ на министровъ, которые лишили его должности за то, что онъ былъ одного мнѣнія съ прессою; бранитъ критиковъ, потому что они раскритиковали его драматическое произведеніе. Но, дѣйствительно, революціонерною пьесою была «Свадьба Фигаро». Она была окончена въ 1781 году и принята «Comédie française». Слава объ ней распространилась до ея появленія на сценѣ. Говорили, что въ ней никто не пощаженъ. Король сталъ безпокоиться, онъ потребовалъ рукопись пьесы, и г-жа Кампанъ читала ее въ присутствіи короля и королевы. «Я начала читать,—разсказываетъ она. Король часто прерывалъ меня критическими замѣчаніями. При чтеніи монолога Фигаро, въ которомъ онъ задѣваетъ различныя части государственнаго управленія, и именно въ томъ

мѣстѣ, гдѣ говорится о государственныхъ тюрьмахъ, король живо всталъ и сказалъ: «Это отвратительно и не должно быть играно. Нужно было бы разрушить Бастилію, чтобы эта пьеса не была опасна» — «Значитъ, эту пьесу не будутъ давать?» — спросила королева. — «Разумѣется, нѣтъ, — отвѣтилъ король — можете быть въ этомъ увѣрены». Хотя Людовикъ XVI наложилъ свое veto на пьесу, но всѣ надѣялись современемъ получить позволеніе поставить ее, что̀ дѣйствительно и случилось. Бомарше употребилъ все свое дипломатическое искусство, чтобы получить разрѣшеніе. Онъ пріобрѣлъ покровительство королевы и графа д'Артуа. Вездѣ только и говорили, что о запрещенной пьесѣ, и всѣ хотѣли ее знать. Какъ прежде Мольеръ читалъ въ высшемъ обществѣ своего «Тартюфа», когда онъ не былъ допущенъ на сцену, такъ теперь приглашали Бомарше читать его комедію. Онъ читалъ ее у принцессы Ламбаль, передъ Павломъ Петровичемъ и, наконецъ, графъ Водрель выхлопоталъ разрѣшеніе съиграть эту пьесу на своей виллѣ Женневилье. Но ему большаго труда стоило получить согласіе не только короля, но и самого автора. Бомарше заставлялъ себя долго упрашивать, чтобы своимъ сопротивленіемъ еще усилить усердіе друзей Фигаро. Онъ устроилъ такъ, что пьеса, направленная противъ знатныхъ кружковъ и двора, въ нихъ-то и нашла самыхъ ревностныхъ защитниковъ.

Лѣтомъ 1785 года, вся Франція была возбуждена извѣстною исторіей съ ожерельемъ. Злоупотребили именемъ королевы, чтобы украсть у одного ювелира брилліантовое колье почти въ два милліона цѣною. Дѣло вышло на свѣжую воду, и кардиналъ Роганъ, замѣшанный въ этомъ темномъ дѣлѣ, былъ заключенъ въ тюрьму. Клеветѣ была открыта широкая дорога, и королева особенно низко упала въ общественномъ мнѣніи. Она была невинна, но о ней думали все самое худшее. Хотѣла ли она показать чистоту своей совѣсти тѣмъ, что не перемѣнила своего прежняго образа жизни? Хотѣла ли она пренебречь общественнымъ мнѣніемъ? Черезъ четыре дня послѣ заключенія кардинала, въ Тріанонѣ давали «Севильскаго цирульника». Королева играла Розину, графъ д'Артуа— Фигаро, графъ Водрель—Альмавиву. Это было то же, что играть съ огнемъ. Развѣ это не было насмѣшкой надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, когда принцъ крови въ костюмѣ Фигаро объявлялъ, что считаетъ себя счастливымъ, если его забудетъ знатный господинъ? «Онъ уже дѣлаетъ намъ благодѣяніе, если не причиняетъ зла». Тотъ, кто говорилъ эти слова и весело повторялъ злыя выходки Фигаро, былъ принцъ, 40 лѣтъ спустя вступившій на французскій престолъ подъ именемъ Карла. Онъ подалъ поводъ къ іюльской революціи своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ правамъ народа и былъ причиною паденія Бурбоновъ.

Представленіемъ «Севильскаго цирульника» заключилась театральная дѣятельность королевы. Она переѣхала вскорѣ въ Сен-Клу, и постоянная забота о состояніи государства омрачила веселый, легкомысленный характеръ королевы. Революція разгорѣлась. Марія-Антуанетта пала одною изъ ея благороднѣйшихъ жертвъ и своимъ поведеніемъ въ послѣднее время искупила всѣ ошибки своихъ счастливыхъ годовъ.

Мода на театръ достигла своего апогея. Если представить себѣ, до какой степени распространилась эта манія, то лучше понимаешь, отчего Ж. Ж. Руссо такъ рѣшительно возстаетъ противъ театра. Срасть къ театру была главнымъ симптомомъ болѣзни, охватившей тогдашнее общество и состоявшей въ отвращеніи къ семейной жизни. Въ сущности всѣ постоянно играли роль, и самъ Руссо всю свою жизнь дѣлалъ то же самое. Онъ возсталъ противъ новѣйшей цивилизаціи и противъ всѣхъ искусствъ. Спеціально противъ театра онъ выражается въ «Lettre sur les spectacles», въ которомъ одинаково осуждаетъ театръ, драматическую поэзію и искусство. Мы не будемъ приводить діатрибъ Руссо. Скажемъ только, что онъ обвиняетъ театръ въ томъ, что онъ изнѣживаетъ характеръ, слишкомъ растрогиваетъ зрителей и помогаетъ утвердиться господству женщинъ, въ чемъ Руссо видитъ большое несчастье.

На этотъ разъ нападеніе было неудачно. Хотя Руссо былъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ учителемъ, пророкомъ революціи, хотя онъ потрясъ всѣ основы стараго общества, но не могъ побѣдить страсти къ театру. Когда король погибъ и многія аристократическія фамиліи эмигрировали, а другія погибли на эшафотѣ, любительскіе спектакли прекратились. Но народная любовь къ театру не остыла даже въ самое тяжелое время террора. Въ страшные сентябрскіе дни 1792 году, когда кровь лилась рѣкою и дикія толпы убійцъ разрушали тюрьмы, чтобы губить аристократовъ, въ Фейде—театрѣ (прежняя комическая опера) давали идиллическую оперу «Дѣтская любовь» Димонтье, и театръ былъ постоянно полонъ. Многіе, днемъ равнодушно смотрѣвшіе, какъ погибали тѣ, кого они называли врагами отечества, проливали слезы вечеромъ въ театрѣ. Рядомъ съ идилліями давали пьесы самыя вульгарныя и слабыя, какъ «Послѣдній изъ королей» Сильвена Марешаль, которую давали черезъ 3 дня послѣ казни королевы на театрѣ республики. Въ этой пьесѣ были выведены всѣ европейскіе государи вмѣстѣ съ папою на пустынномъ островѣ. Они дерутся, ссорятся изъ-за куска хлѣба, и, наконецъ, земля поглощаетъ ихъ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ 1839—1841 ГОДАХЪ.

КАРЛЪ Гревилль былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и дорогихъ для исторіи людей, которые великодушно заботятся о потомствѣ, безкорыстно внося въ свой дневникъ всѣ событія дня. Втеченіе сорока двухъ лѣтъ, почти безъ перерыва хотя бы на одну недѣлю, покойный Гревилль велъ свои мемуары, не заботясь о другомъ порядкѣ повѣствованія, кромѣ хронологическаго. Составилось такимъ образомъ матеріала для семи почтенныхъ томовъ. Прощаясь съ этимъ міромъ, авторъ мемуаровъ передалъ ихъ своему другу и современнику г. Риву, также близко знакомому политическихъ и международныхъ сферъ. Послѣдній исполнилъ завѣщаніе покойнаго. Первая часть мемуаровъ Гревилля въ трехъ томахъ, дневникъ за время отъ 1818 по 1837 годъ, вышла въ свѣтъ еще въ 1874 году. Въ октябрѣ 1885 года появилось еще три тома — журналъ Гревилля за время отъ 1837 по 1852 годъ [1]. Печатаніе ихъ было подвергнуто сильному сомнѣнію, ибо мемуары уже разсказываютъ о дѣяніяхъ и словахъ нынѣ царствующей королевы Викторіи. Но г. Ривъ, выпустивъ въ свѣтъ три тома, оправдывалъ свой поступокъ нѣсколькими прецедентами: онъ указалъ, что сама королева отдала всѣ письма покойнаго супруга для опубликованія, что мемуары Пальмерстона и недавно вышедшія книги «Journal of Lord Ellenborough» и автобіографія Мельмсбюри говорятъ также о политикѣ и людяхъ современныхъ королевѣ. Наконецъ, въ настоящемъ году, по желанію королевы

---

[1] The Greville Memoirs. Second part, in tree volumes. A journal of the reign of Queen Victoria, from 1837—1852. London. 1885.

Викторіи, всѣ письма самыя домашнія и интимныя ея покойной дочери Алисы также сдѣлались достояніемъ публики.

Англійская пресса встрѣтила появленіе мемуаровъ Гревилля, какъ въ 1874 году, такъ и нынѣ, съ единогласнымъ признаніемъ ихъ дорогимъ вкладомъ въ исторію. Авторъ этого дневника былъ замѣчательный человѣкъ по общительности и умѣнью дружить: двери всего фешенебельнаго и политическаго Лондона были отворены для него, вездѣ и для всѣхъ онъ былъ пріятель и полезный гость. Такимъ образомъ, Гревилль былъ словно фокусъ, въ которомъ сливались всѣ свѣдѣнія и вопросы дня. Ихъ-то акуратно и притомъ въ высшей степени объективно покойный авторъ заносилъ въ свой дневникъ.

Для англичанъ мемуары Гревилля драгоцѣнны по массѣ подробностей о закулисной сторонѣ борьбы партій и внутри ихъ, т. е. о той жизни, которая даетъ странѣ и законодательство, и войны, и миръ. Я же, въ качествѣ русскаго человѣка, конечно, не могъ прельститься этой стороной дневника и выбралъ изъ него нѣкоторыя подробности о восточномъ вопросѣ въ 1840 году, потому что восточный вопросъ попреимуществу нашъ вопросъ и потому еще, что тамъ участвовала Россія, а главнаго дѣятеля этого года, лорда Пальмерстона, не игнорируетъ и русская исторія.

Разсказывая факты согласно свѣдѣніямъ, заключающимся въ мемуарахъ, позволяю себѣ напомнить читателю общую схему событій 1839—1841 года по восточному вопросу.

Мехмедъ-Али велъ инсуррекціонную войну съ султаномъ еще съ 1831 года. Его войска были уже однажды за шесть переходовъ отъ Царьграда, обезсиленнаго дурной администраціей и возстаніемъ грековъ. Султанъ Махмудъ обратился тогда за помощью къ Россіи, которая и прислала для спасенія Турціи свои войска и свой флотъ. Дѣло окончилось договоромъ между Портой и Мехмедъ-Али, получившимъ въ придачу къ Египту всю Сирію, а Турція, лишенная этой богатой провинціи, теряла цѣлую треть своего могущества. Султанъ Махмудъ, однако, не помирился съ этимъ положеніемъ и объявилъ новый походъ противъ Мехмедъ-Али. Россія захотѣла на этотъ разъ идти рука объ руку съ Европой; по мысли Пальмерстона, Англія, Пруссія, Австрія и Россія вошли въ соглашеніе, обезпечивающее неприкосновенность территоріи султана; Франція же взяла сторону Мехмедъ-Али. Союзный флотъ и дипломатія четырехъ договорившихся державъ возвратили Сирію султану, возстановивъ прежнюю силу Турціи, а Египту дали династію вице-королей. Нынѣшній хедивъ Тевфикъ-паша приходится правнукомъ Мехмедъ-Али.

I.

Съ русской стороны—баронъ Бруновъ, съ австрійской—Меттернихъ, съ англійской — Пальмерстонъ и съ французской — Гизо и Тьеръ—вотъ сколько историческихъ именъ принимали въ эти годы дѣятельное участіе въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ деталей восточнаго вопроса.

Баронъ Бруновъ былъ присланъ въ Лондонъ Николаемъ I еще въ 1839 году; тогда же на вечерѣ у члена британскаго кабинета лорда Голланда авторъ мемуаровъ увидѣлъ впервые барона Брунова, познакомился съ нимъ и пришелъ къ убѣжденію, что это «very able man», т. е. очень способный человѣкъ. Баронъ сказалъ Гревиллю: «По желенію императора я пріѣхалъ узнать, что можно устроить по части восточнаго вопроса, и убѣждаюсь, что это очень тяжелая миссія!» — Баронъ Бруновъ былъ въ гостяхъ у Голланда вмѣстѣ съ сыномъ графа Нессельроде, министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи. Поѣздка русскаго представителя въ 1839 году въ Лондонъ окончилась полной неудачей: британскій кабинетъ категорически отказался отъ вмѣшательства въ распрю Мехмедъ-Али съ султаномъ. Но въ слѣдующемъ году Бруновъ снова пріѣхалъ и вошелъ въ соглашеніе съ Англіей, извѣстное подъ названіемъ трактата 15 іюля 1840 года. Идею этого трактата Гревилль приписываетъ желанію императора Николая поссорить западныя государства, ибо Франція была исключена изъ числа договорившихся четырехъ державъ—Россіи, Англіи, Пруссіи и Австріи. Двѣ послѣднія играли второстепенную роль, Пальмерстонъ же, руководившій тогда политикой Великобританіи, пошелъ на обидную для Франціи сдѣлку, желая отомстить послѣдней за недавнія свои неудачи въ вопросѣ объ испанскихъ дѣлахъ. Баронъ Бруновъ служилъ послѣ этого русскимъ представителемъ въ Лондонѣ около 35 лѣтъ сряду, выйдя же въ отставку, получилъ право остаться въ Англіи навсегда. Неудивительно поэтому, что о русскомъ дипломатѣ вспоминаютъ очень рѣдко, хотя о Россіи въ цитируемой части ихъ говорится чуть не на каждой страницѣ.

За то есть много матеріала въ дневникѣ о Гизо. Слѣдуя старому англійскому обычаю приступать къ политикѣ съ полнымъ зарядомъ въ желудкѣ ростбифа и шампанскаго, авторъ мемуаровъ познакомился и съ Гизо послѣ сытаго королевскаго обѣда, весной 1840 года, когда Тьеръ вступилъ въ роль парижскаго премьера при Луи-Филиппѣ, а Гизо явился въ Лондонъ представителемъ Франціи. «Онъ былъ въ восторгѣ и упоеніи отъ своего положенія,— смѣется авторъ надъ знаменитымъ французскимъ писателемъ и государственнымъ дѣятелемъ:—было весьма занимательно наблюдать, съ какимъ онъ страхомъ слѣдилъ, чтобъ кто нибудь по ошибкѣ

или преднамѣренно не укралъ у него первенства и на его радость, съ какой онъ взялъ подъ руку хозяйку дома (королеву), — радость, которая такъ живо рисовала и его неловкость, и непривычку къ своему высокому положенію». Въ Англіи посланники, какъ представители иностранныхъ высочайшихъ особъ, слѣдуютъ на придворныхъ церемоніяхъ впереди всѣхъ англичанъ и только министры-резиденты, въ качествѣ простыхъ дипломатическихъ агентовъ, идутъ позади британскихъ герцоговъ. Англія вообще страна мельчайшихъ и строжайшихъ этикетовъ; въ ней и до сей поры образованіе человѣка измѣряется умѣньемъ ѣсть рыбу вилкой, при дворѣ же церемоніи стоятъ почти наравнѣ съ религіознымъ культомъ. И потому понятно, съ какимъ ужасомъ говоритъ авторъ мемуаровъ о слѣдующемъ «gaucherie» Гизо. Однажды королева Викторія пригласила его сѣсть за обѣдомъ рядомъ съ ней; на другой разъ церемоніймейстеръ двора предлагаетъ Гизо взять подъ руку бельгійскую королеву и потомъ занять мѣсто гдѣ заблагоразсудится; Гизо вспыхнулъ и гнѣвно отвѣтилъ:—«Мое мѣсто возлѣ великобританской королевы»! Церемоніймейстеръ перепугался и пошелъ съ докладомъ къ Викторіи, которая, для устраненія поводовъ къ неудовольствію, исполнила и на этотъ разъ желаніе Гизо.

Совсѣмъ не такой храбростью, однако, отличался этотъ знаменитый мужъ въ политикѣ. Франція, изолированная на Востокѣ трактатомъ 15 іюля и подстрекаемая анти-монархической оппозиціей, была крайне раздражена. Бѣдный король, чувствуя непрочность своего престола, не смѣлъ рисковать еще и во внѣшнихъ вопросахъ. Надо было успокоить обиженную самолюбивую націю почетомъ извнѣ и заставить великія державы, оскорбившія Францію остракизмомъ, вновь принять ее въ сонмъ друзей и союзниковъ. Главнѣе и труднѣе всего было достичь этого въ Лондонѣ, ибо Россія далека, Пруссія и Австрія несамостоятельны, а всякая обида изъ-за Ламанша по сосѣдству имѣла всегда спеціальное свойство особенно сердить и оскорблять француза. Вотъ эта-то трудная роль и досталась на долю Гизо. Представителю Франціи нечѣмъ было ни похвастаться, ни пригрозить; въ отечествѣ порядокъ и тронъ висѣли на тонкой ниточкѣ, а между тѣмъ политикой Англіи завѣдывалъ талантъ и кремень въ образѣ столь знаменитаго даже въ русскихъ пѣсняхъ Пальмерстона. О такой камень разбилась бы и болѣе крѣпкая коса.

Въ дневникѣ Гревилля разсыпана масса мелочей, служащихъ интересной характеристикой этого дипломата. Будучи страстнымъ и краснорѣчивымъ публицистомъ, Пальмерстонъ оставался постояннымъ сотрудникомъ двухъ газетъ «Morning Chronicle» и «Observer», въ которыхъ не только проводилъ свои идеи по части международной политики, но частенько безъ церемоніи побивалъ перомъ сво-

ихъ собратій—виговъ и даже сотоварищей по кабинету. Порой выходили по этому поводу весьма потѣшныя сцены: Пальмерстонъ напишетъ горячую статью; всѣ знаютъ, что ея авторъ—«министръ иностранныхъ дѣлъ», и потому является вопросъ — не правительственная ли это статья? Министры (старички Мельбурнъ, Руссель etc.) въ страхѣ собираютъ кабинетъ, произносятъ въ немъ филиппики противъ «невоздержанной прессы» и потомъ увѣряютъ пословъ, что «правительство ровно ничего общаго не имѣетъ съ названными газетами». И въ политикѣ,—говоритъ авторъ мемуаровъ,— Пальмерстонъ слѣдовалъ извѣстному девизу Дантона: «de l'audace, encore de l'audce et toujours de l'audace» [1]). У себя дома съ товарищами онъ нисколько не церемонился. При вступленіи въ кабинетъ ему предлагали разные портфели, боясь отдать въ столь горячія руки огонь политики. Но Пальмерстонъ категорически отказался отъ всѣхъ торговлей и земледѣлій, требуя для себя одного лишь поста министра иностранныхъ дѣлъ. Взявъ его и заручившись такими же смѣлыми помощниками, какъ онъ самъ—Понсонби въ Константинополѣ и Бульверомъ въ Парижѣ, Пальмерстонъ совѣтовался съ товарищами по министерству, лишь будучи вынужденъ на то вопросами ихъ о политикѣ, скрывалъ отъ кабинета то, что считалъ ненужнымъ открывать старичкамъ-коллегамъ, и случалось даже, что кой-какія свѣдѣнія передавалъ имъ не съ полной добросовѣстностью; наконецъ, еще чаще прибѣгалъ къ уловкамъ— соглашался на словахъ, а дѣла устроивалъ по-своему.

Гизо былъ тоже талантливый человѣкъ. Попробовавъ личные переговоры съ Пальмерстономъ, онъ скоро убѣдился, что англійскій политикъ очень любезенъ съ нимъ какъ джентльменомъ, но что отношенія его какъ «министра къ министру» хуже быть не могутъ. Тогда Гизо болѣе не безпокоитъ Пальмерстона и обращается съ хлопотами въ высшія сферы Лондона и двора, гдѣ онъ и составилъ обширный кругъ знакомства, массу друзей и сочувствующихъ Франціи. Всѣ находятъ, что Гизо «очень пріятный человѣкъ», и увлекаются его краснорѣчіемъ. Понимая, кого и чѣмъ вѣрнѣе пробрать, французскій дипломатъ напугиваетъ старичковъ кабинета возможностью войны такъ, что Мельбурнъ пишетъ Русселю: «я столь безпокоюсь, что не могу ни ѣсть, ни пить, ни спать», а бѣдный лордъ Голландъ, сердечный другъ Гизо и министръ, говоритъ своему секретарю за нѣсколько дней до смерти: «Эдгаръ, сирійскія дѣла слишкомъ тяжелы для моего здоровья. Мехмедъ-Али, убьетъ меня!»—Людей же сравнительно молодыхъ, какъ, напримѣръ, автора цитируемыхъ мемуаровъ, Гизо бралъ атакой дружбы, искренности и довѣрія. Онъ какъ будто никому не говорилъ и одного слова, ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись съ

[1]) Отваги, еще отваги и всегда отвага!

друзьями. Друзья же были люди богатые, знатные и вліятельные. По родству и пріятельству они знали все, что творится въ «святая святыхъ» кабинета, и передавали французскому другу то, что происходитъ за десятью замками внутренней британской политики. Они же по родству и богатству говорили устами Гизо тамъ, гдѣ послѣднему нельзя было быть или нельзя было говорить. Такимъ образомъ талантливый представитель Франціи, не смотря на безсиліе своей родины, не смотря на явное презрѣніе къ ней британскаго министра иностранныхъ дѣлъ и даже не смотря на великія способности этого министра, съумѣлъ быстро, менѣе чѣмъ въ годъ, составить въ Англіи изъ англичанъ «французскую» политическую партію, которая служила интересамъ Франціи больше, сильнѣе и существеннѣе, чѣмъ сама Франція, раздираемая на части республиканской оппозиціей и монархической реакціей.

Франція имѣла глупость послать Валевскаго для секретныхъ переговоровъ съ Мехмедъ-Али и султаномъ. Державы, подписавшія договоръ 15 іюля, обезпечивающій достояніе султана и приговаривающій бунтъ Мехмедъ-Али къ полной неудачѣ, разумѣется, сочли миссію Валевскаго интригой, направленной противъ нихъ. Пальмерстонъ угостилъ за это Францію такими сердитыми нотами, что даже британскій посланникъ въ Парижѣ лордъ Гренвилль собрался уйдти въ отставку. Что же дѣлали главы французской политики? Печать такъ гремѣла противъ Англіи, возбуждая національное самолюбіе и обижая англичанъ, что Гизо и Тьеръ, оба литераторы, рѣшили, что надо сдерживать прессу; Тьеръ изнемогалъ во внутренней борьбѣ, но вначалѣ куражился, а потомъ сталъ увѣрять Пальмерстона, что онъ ничего не имѣетъ противъ союзниковъ договора 15 іюля, что миссія Валевскаго не заключаетъ въ себѣ и тѣни враждебности etc. Наконецъ, Людовикъ-Филиппъ въ твердыхъ выраженіяхъ говорилъ о намѣреніи возстановить престижъ Франціи, а въ мягкихъ о необходимости во что бы то ни стало сохранить миръ... Гизо пробовалъ пугать Пальмерстона и Россіей. Вотъ Али-паша,—говорилъ онъ,—теперь стоитъ спокойно съ своей арміей, но если европейскія войска пойдутъ противъ него или даже высадятся въ Сирію, или, наконецъ, если Европа нападетъ на его флотъ, повредитъ его комерціи,—онъ двинется впередъ; тогда произойдетъ на востокѣ общая смута, и русскіе могутъ овладѣть Константинополемъ. «Not the slightest»—пустяки,—отвѣчалъ Пальмерстонъ:—Мехмедъ-Али сдастся, не слѣдуетъ только ожидать, что онъ сдастся по первому приглашенію, но дайте ему двѣ недѣли, и онъ кончитъ свою кампанію полнымъ подчиненіемъ!—Въ 1841 году, Гизо, уже будучи главой французскаго кабинета, снова вспоминаетъ объ этой угрозѣ и выражаетъ Пальмерстону желаніе Франціи вступить въ европейскій ареопагъ по восточному вопросу, «дабы предохранить Константинополь отъ чьего либо ис-

ключительнаго покровительства и вліянія». О возможности занятія Царьграда русскими войсками, пришедшими на помощь султану противъ возмутившагося паши, думали и въ Вѣнѣ. Но тамъ,—какъ доносилъ Лембъ, британскій посолъ,—Меттернихъ быстро разочаровался въ цѣлесообразности договора 15 іюля и началъ стараться о томъ, чтобъ скорѣе освободиться отъ него. Онъ говорилъ Лембу, что не можетъ быть и вопроса о принесеніи въ жертву для поддержки этого трактата хотя бы гинеи или одного солдата, прося британскаго посланника даже не напоминать о такомъ вопросѣ. Меттернихъ, по донесенію послѣдняго, рѣшилъ: избѣгать войны всѣми способами и нисколько не испугается, если названный договоръ рухнетъ и будетъ даже осмѣянъ. Пальмерстонъ прочелъ это донесеніе и сказалъ: «все идетъ такъ хорошо, какъ только возможно»... Разочаровать его было трудно. Что Франція только кричитъ и драться не посмѣетъ, онъ понималъ превосходно, и на страхи товарищей кабинета отвѣчалъ увѣреніемъ, что вся Европа противъ Франціи, и что у Пруссіи «200 тысячъ войска на Рейнѣ». Впослѣдствіи Меттернихъ написалъ даже ноту, въ которой, указывая на неуспѣхъ мѣръ, предпринятыхъ союзниками, предлагалъ было пригласить въ союзъ Францію, дабы воспользоваться ея вліяніемъ. Когда собралась въ Константинополѣ конференція пословъ, на которой полновластно главенствовалъ британскій посланникъ Понсонби и противъ Мехмедъ-Али была принята военная экспедиція, Меттернихъ испугался и крайне не одобрилъ этихъ крутыхъ мѣръ. Австрійскій посолъ въ Лондонѣ, Нейманъ, котораго авторъ мемуаровъ величаетъ a time-serving dog за лицемѣріе, говорилъ: «Молю Господа, чтобъ султанъ принялъ условія, предлагаемыя со стороны Мехмедъ-Али, ибо это освободитъ насъ отъ большихъ хлопотъ и непріятностей!» Наконецъ, впослѣдствіи Меттернихъ прямо предлагалъ Пальмерстону собрать обще-европейскій конгрессъ для рѣшенія недоразумѣній и сумятицы на востокѣ; на это предложеніе Пальмерстонъ отвѣтилъ, разумѣется, рѣшительнымъ отказомъ.

Не таково было отношеніе русскаго императора. Покойный Николай I выражалъ Блумфельду, британскому послу въ Петербургѣ, полное удовольствіе по поводу энергическихъ мѣръ союзниковъ противъ Мехмедъ-Али и говорилъ, что онъ крайне не расположенъ согласиться на новый союзъ, въ который вошла бы и Франція. Лордъ Руссель съ своей стороны былъ увѣренъ, что русскій царь желаетъ даже европейской окупаціи Египта, но не одобряетъ плановъ отнятія отъ Мехмедъ-Али его вассальскаго пашалыка. Наконецъ, когда струсившій кабинетъ приперъ Пальмерстона къ стѣнѣ и заставилъ пригласить представителей державъ, подписавшихъ договоръ 15 іюля, и предложить имъ принять въ свой сомнъ обиженную Францію,—баронъ Бруновъ, русскій посолъ, не смотря на немедленное согласіе Австріи и Пруссіи, заявилъ, что не можетъ отвѣтить, не

посовѣтовавшись съ государемъ, «что Англія вольна поступать какъ угодно, но онъ не скроетъ отъ него, Пальмерстона, что императоръ крайне оскорбится, если союзомъ будетъ что либо предпринято безъ его свѣдѣнія и согласія».

Пальмерстонъ очень ловко пользовался для своихъ цѣлей русской политикой. Онъ выставлялъ ее на видъ, высказывая всяческое уваженіе къ Россіи, когда нужно было охладить французоманію сотоварищей по кабинету. Такъ и въ разсказанномъ совѣщаніи съ послами, по увѣренію автора мемуаровъ, Пальмерстонъ согласился на него только потому, что предвидѣлъ русское возраженіе и боязнь русскаго посла сказать: да или нѣтъ, безъ спроса свыше, боязнь, откладывающую непріятное для Пальмерстона рѣшеніе вопроса въ долгій ящикъ. Когда же Россія не могла служить цѣлямъ и властолюбію британскаго министра, съ ней не церемонились. Такъ, напримѣръ, въ Константинополѣ русскій представитель попробовалъ было не согласиться съ предложеніемъ британскаго посла о немедленномъ низложеніи Мехмедъ-Али, но услышалъ въ отвѣтъ: «Англія беретъ на себя всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ»! И наоборотъ, когда королева Викторія присоединила свой голосъ къ общей просьбѣ кабинета не оскорблять болѣе Францію и не грозить европейскому миру войной, Пальмерстонъ, послалъ въ Константинополь приказъ «возстановить Мехмедъ-Али», даже поинтересовавшись узнать, согласна ли Россія на такую игру пашами и приговорами конференцій?

Кабинетъ былъ вполнѣ въ рукахъ талантливаго министра-публициста, обладавшаго притомъ женой, умѣвшей постоять за мужа даже въ самыхъ спеціальныхъ политическихъ вопросахъ. Авторъ мемуаровъ дважды упоминаетъ о леди Пальмерстонъ. Въ особенно горькіе моменты для французской политики, Гизо умѣлъ заводить своихъ англичанъ-пріятелей на самый высокій тонъ. Тогда они рвались оспоривать политику Пальмерстона, но не смѣли подъѣхать прямо къ нему: посредственности инстинктивно уважаютъ силу таланта. Въ этихъ случаяхъ удары пріятелей Гизо принимала на себя жена Пальмерстона, и французоманы, высказавъ ей всѣ свои опасенія, съ спокойной совѣстью принимались за сытные обѣды. Такъ, однажды, самъ Гревилль, желая помочь Тьеру и Гизо, вступилъ въ споръ съ леди-министершей, доказывая ей необходимость сближенія Англіи съ Франціей въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. «Леди Пальмерстонъ,—пишетъ авторъ воспоминаній,—говорила объ этомъ предложеніи съ крайней горячностью и негодованіемъ, доказывая, что оно никуда не годится и не стоитъ ни малѣйшаго вниманія, что и другія державы не захотятъ и слышать о немъ, если бы мы даже пожелали имъ навязать сближеніе съ Франціей, что мы, наконецъ, связаны трактатомъ и обязаны поступать лишь въ полномъ согласіи съ друзьями-союзниками и т. д.». Другой разъ къ посред-

ству супруги министра обратился его коллега по кабинету, тоже министръ, лордъ Кларендонъ. Онъ грозилъ ей возможностью отставки половины всего министерства, а она горячо и страстно убѣждала его тѣмъ же, въ чемъ увѣряла Гревилля.

II.

Въ мемуарахъ разбросано много фактовъ, доказывающихъ, что даже въ Англіи, родинѣ «либеральныхъ учрежденій» и парламента, иностранной политикой можетъ завладѣть министръ иностранныхъ дѣлъ и безнаказанно, вполнѣ деспотично, рискуя войнами, союзами и добрыми международными отношеніями отечества, вести эту политику по собственному вкусу, не справляясь не только съ убѣжденіями народа-избирателя, но даже мальтретируя помыслы и принципы товарищей по кабинету. Для этого министру надобно только имѣть блестящій языкъ и краснорѣчивое перо. Первымъ побѣждая коллегъ по министерству и парламентское большинство, вторымъ руководя общественное мнѣніе, и въ Англіи какъ вездѣ, и въ 1840 году, какъ теперь, можно довести націю до войны изъ-за Зюльфагара, до дружбы съ Австріей, до союза съ Турціей, до величайшей мудрости или глупости.

Подъ 22 сентября 1840 года, Гревилль заноситъ въ свой журналъ слѣдующую замѣтку: «Примѣръ веденія нашихъ дѣлъ и полной независимости у насъ министерства Пальмерстона весьма курьёзно обрисовался слѣдующимъ фактомъ. Въ прошлую среду былъ подписанъ протоколъ, въ которомъ четыре державы (Англія, Россія, Австрія и Пруссія) постановили о взаимномъ отказѣ отъ увеличенія своей территоріи на востокѣ. Свѣдѣніе о существованіи этого протокола одинъ изъ коллегъ Пальмерстона, лордъ Кларендонъ, получилъ отъ совершенно посторонняго министерству лица, слышавшаго о протоколѣ въ Сити (Китай-городѣ Лондона), а лордъ Голландъ, другой товарищъ по кабинету, узналъ объ этой новости отъ датскаго посланника Деделя; такимъ образомъ, оба эти министра не имѣли даже ни малѣйшаго понятія о протоколѣ, пока имъ не сообщили о немъ посторонція лица». Точно также, не поговоривъ и не посовѣтовавшись ни съ однимъ изъ товарищей кабинета, Пальмерстонъ категорически отказалъ отъ имени Англіи въ согласіи на предложеніе Меттерниха собрать конгресъ для урегулированія всѣхъ сумятицъ востока. Товарищи по службѣ, сочувствовавшіе политикѣ и энергіи Пальмерстона, слѣдовали примѣру своего главы, неособенно церемонились съ истиной, когда надо было убѣдить въ чемъ нибудь кабинетъ. «Однажды Пальмерстонъ,— повѣствуетъ Гревилль,—представилъ въ собраніе министровъ депешу Понсонби (британскаго посла въ Царьградѣ), извѣщавшую о низло-

женіи Мехмедъ-Али; онъ самъ прочелъ эту депешу вслухъ. Мельбурнъ спросилъ его, не было ли по этому поводу спора между посланниками въ Константинополѣ; Пальмерстонъ отвѣтилъ отрицательно. Между тѣмъ, на слѣдующій же день прибыли свѣдѣнія австрійскаго правительства, въ которыхъ заключалось подробное донесеніе о томъ, что Понсонби собралъ въ Константинополѣ пословъ въ своемъ дворцѣ и предложилъ немедленно низложить пашу; австрійскій уполномоченный не возражалъ, но русскій представитель не соглашался. Но его протестъ былъ обезоруженъ Понсонби, объявившимъ, что Англія беретъ на себя полную отвѣтственность за приведеніе въ исполненіе сентенціи о низложеніи. Обо всемъ этомъ не было упомянуто ни слова въ депешѣ Понсонби. Его ложный отчетъ,—прибавляетъ авторъ мемуаровъ,—возбудилъ, конечно, строгое порицаніе». Но Пальмерстонъ смотрѣлъ на своего константинопольскаго подчиненнаго иначе. Когда зашла рѣчь о миролюбивой конференціи въ Царьградѣ и кабинетъ пожелалъ отдѣлаться отъ Понсонби отправкой на конференцію особаго уполномоченнаго, лордъ Пальмерстонъ написалъ своимъ коллегамъ энергическое письмо, доказывая, что нѣтъ надобности ни въ особомъ представителѣ, ни въ отозваніи Понсонби, выставляя на видъ, какую небывалую до сей поры силу вліянія онъ доставилъ Англіи на востокѣ, сдѣлавъ то, что турки отдали и свой флотъ, и свою армію подъ команду англичанъ. «Понсонби, по словамъ Пальмерстона, вложилъ въ турокъ такой духъ рѣшимости, какого въ нихъ никто не предполагалъ, и заставилъ ихъ выказать такую дѣятельность, о которой никто не могъ и воображать»; этотъ же Понсонби, конечно, по приказу Пальмерстона, объявлялъ въ Константинополѣ о необходимости исполненія договора 15 іюля «à l'outrance»—до послѣдней буквы, объявлялъ о низложеніи поддерживаемаго Франціей Мехмедъ-Али, устроивалъ перевозку турецкихъ войскъ въ Сирію и способствовалъ бомбардировкѣ Бейрута какъ разъ въ то время, когда въ Лондонѣ министерское большинство, вдохновляемое ловкимъ Гизо, захлебывалось отъ страха войны и страстнаго желанія мира и союза съ Франціей.

Британское министерство было составлено, по обычаю и требованію парламентаризма, не изъ людей, связанныхъ взаимнымъ довѣріемъ и единствомъ принциповъ, а совсѣмъ по другому разсчету: члены парламента, располагающіе въ немъ большинствомъ голосовъ и подходящіе подъ чрезвычайно обширную и тягучую какъ гутаперча вывѣску одной изъ двухъ партій—виговъ или торіевъ, получаютъ портфели, руководитель партіи попадаетъ въ премьеры, и образуется кабинетъ якобы солидарныхъ между собой министровъ. Хорошо, когда лидеръ-глава партіи не состарѣлся до дряхлости,—тогда онъ, какъ представитель большинства изъ большинства въ парламентѣ, какъ признанный шефъ и привыкшій къ власти, бо-

лѣе или менѣе командуетъ кабинетомъ, согласуя или подчиняя своей волѣ разнообразіе взглядовъ въ министерствѣ. Но бѣда, когда лидеръ дожилъ до возроста, позволяющаго спать на засѣданіи кабинета: послѣдній непремѣнно обращается въ возъ, запряженный лебедемъ, ракомъ и щукой, попадая назадъ, въ воду или безоблачное пространство, смотря по тому, кто изъ запряженныхъ сильнѣе тянетъ. Именно въ такомъ положеніи былъ кабинетъ подъ премьерствомъ почтеннаго старца Мельбурна, въ которомъ участвовалъ Пальмерстонъ. Глава слишкомъ долго жилъ на свѣтѣ, а члены кабинета на столько были далеки другъ отъ друга, что когда одинъ изъ нихъ, гостепріимный лордъ Голландъ, умеръ, то другой министръ, лордъ Кларендонъ, писалъ автору мемуаровъ: «Что касается меня, то я нахожу эту потерю невознаградимой; Голландъ былъ единственное лицо въ кабинетѣ, къ которому я питалъ искреннюю симпатію; теперь во всѣхъ предстоящихъ великихъ вопросахъ я чувствую себя безсильнымъ, ибо при старушечьей старости Мельбурна, при безхарактерности Русселя и индифферентизмѣ прочихъ членовъ министерства, Пальмерстонъ сдѣлался болѣе всемогущимъ, чѣмъ когда либо».

Борьба такого кабинета съ столь сильнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Пальмерстонъ, конечно, полна самаго трогательнаго и уморительнаго комизма. Большинство министровъ, говоритъ Гревилль, полагали, что вопросы о войнѣ и мирѣ, подобно вопросамъ бюрократической рутины, принадлежали вѣдомству Пальмерстона и потому могли рѣшаться Пальмерстономъ независимо отъ кабинета. Руссель же и Мельбурнъ, возстановленные Гизо и его друзьями франкоманами, задумавъ, напримѣръ, поднять споръ противъ политики министра иностранныхъ дѣлъ, принимали всѣ предосторожности, чтобъ никто изъ коллегъ ихъ даже не догадался, что они хотятъ созвать кабинетъ въ засѣданіе и возбудить въ немъ споръ о международныхъ вопросахъ противъ Пальмерстона. Приглашенія въ совѣтъ разсылались неожиданно, собирая членовъ министерства на скорый срокъ, и мотивъ для созыва не только выдумывался, но даже распространялся нарочно, чтобы Пальмерстонъ не догадался о предстоящемъ ему спорѣ. Но за то и выходили эти засѣданія полными потѣхи. Вотъ какъ описываетъ ихъ Гревилль въ своемъ журналѣ отъ 29 сентября 1840 года: «Кабинетъ собрался въ понедѣльникъ послѣ полудня и продолжался до семи часовъ. Отчетъ о происходившемъ въ немъ крайне забавенъ, но въ то же время и крайне печаленъ. Можно было платить деньги за потѣху... Собрались, и такъ какъ всѣ предвидѣли впереди нѣкоторую непріятность, и всѣ трусы, то началось засѣданіе мертвой тишиной. Наконецъ, Мельбурнъ, желая увильнуть отъ спора и понимая, что надо сказать что нибудь, произнесъ: «Мы должны бы согласиться на счетъ отсрочки созванія парламента», но лордъ Джонъ (Руссель) перебилъ

премьера; «я полагаю,—возразилъ онъ,—что мы должны договориться не слѣдуетъ ли тотчасъ созвать парламентъ, ибо, смотря по настоящему ходу вещей, мы, кажется, легко можемъ очутиться въ войнѣ, и теперь самая пора разсмотрѣть внимательно столь серьёзное положеніе дѣлъ. Я былъ бы очень радъ услышать ваше мнѣніе по этому поводу?»—прибавилъ Джонъ Руссель, обращаясь къ Мельбурну. Никакого отвѣта, однако, отъ Мельбурна не послѣдовало, и наступила вторичная длинная пауза, прерванная чьимъ-то вопросомъ къ Пальмерстону:—«Какія у васъ имѣются новѣйшія извѣстія»?—Въ отвѣтъ на это Пальмерстонъ вынулъ изъ кармана цѣлый пукъ писемъ и донесеній отъ Понсонби, Гаджеса и другихъ, и началъ читать ихъ отъ доски до доски. Во время этой операціи Мельбурнъ заснулъ глубокимъ сномъ въ его мягкомъ креслѣ, и настала третья пауза»...

Выходили иногда изъ засѣданій кабинета и другіе столь же юмористическіе результаты. Однажды, напримѣръ, Пальмерстона заставили согласиться на нѣкоторые шаги по направленію къ миру и любви съ Франціей. Министръ, однако, выйдя изъ совѣта, немедленно написалъ двѣ статьи въ газеты—«Observer» и «Morning Chronicle», въ которыхъ выражалъ мнѣніе діаметрально противоположное рѣшеніямъ кабинета. Гизо перепугался, ударилъ въ набатъ по этому поводу, и коллеги Пальмерстона тотчасъ усѣлись за статью для «Таймса» въ самомъ либеральномъ духѣ и тонѣ. Газетные столбцы, такимъ образомъ, оказывались сильнѣе личнаго единодушія членовъ одного и того же министерства!

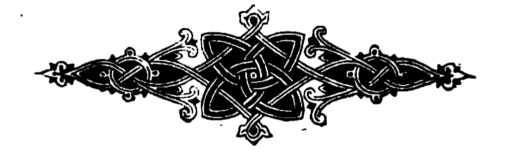
Королева Викторія принимала довольно дѣятельное участіе во всей этой министерской и политической передрягѣ, но скорѣе не въ качествѣ верховной власти, а женщины съ нѣжнымъ сердцемъ, умѣющей крѣпко любить своихъ близкихъ родственниковъ. «Королева,—напечатано въ мемуарахъ Гревилля про нынѣ благополучно царствующую Викторію,—все это время была въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи и страхѣ за своего Леопольда (бельгійскаго короля); устрашенная отвагой Пальмерстона и его докладами, она дрожала отъ мысли, что ея дядя может быть повергнутъ во всѣ трудности и непріятности войны между его племянницей и тестемъ (французскимъ королемъ)». Ея именемъ пользовались и министры для вразумленія упрямаго товарища. Такъ Мельбурнъ однажды отослалъ королевѣ проектъ Русселя о соглашеніи съ Франціей и ея записку объ этомъ проектѣ сдѣлалъ извѣстной кабинету и Пальмерстону. Наконецъ, королева же и рѣшила окончательно весь восточный вопросъ 1840 года. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ авторъ цитируемаго дневника, бывшій придворный чинъ, стоявшій довольно близко ко всѣмъ дворцовымъ дѣламъ и заботамъ: «Пальмерстонъ пріѣхалъ въ Виндзоръ, и тамъ королева лично стала просить его съ настойчивостью, какой отъ нея никогда прежде не видали; она

постоянно разстроивалась Леопольдомъ, который съума сходилъ отъ страха и заразилъ ее своей боязнью». Пальмерстонъ уступилъ: договоръ 15 іюля, по его предписанію, приведенъ къ нулю, Мехмедъ-Али сдѣлался, къ удовольствію Франціи, наслѣдственнымъ владѣтелемъ Египта, и Франція получила обратно весь ея желанный престижъ въ анналахъ британской политики, Турція же кончила диспутъ извѣстнымъ Гати-Шерифомъ.

Въ этомъ заключеніи спора упоминается про одно письмо Токвиля, въ которомъ предсказывалась еще въ 1841 году непрочность трона Людовика-Филиппа и приводились доказательства, что сепаратный отъ Франціи договоръ четырехъ державъ 15 іюля 1840 года сильно пошатнулъ безъ того некрѣпкое положеніе этого либеральнаго короля.

Итакъ, всѣ страхи и ужасы королевы, ея министровъ, Тьера, Гизо, Людовика-Филиппа и короля Леопольда оказались напрасными. Даже парламентъ и враги виговъ-тори порадовали кабинетъ изъявленіемъ удовольствія политикѣ Пальмерстона. Она не стоила ни крови, ни денегъ. Кабинетъ ликовалъ, торжествуя, повидимому, въ томъ пунктѣ, который казался самымъ страшнымъ и наиболѣе опаснымъ. Мельбурнъ и Русселъ уже сочинили бюджетъ, заранѣе предвкушая сладость политической побѣды виговъ, но, увы, наступило неожиданное разочарованіе. Вмѣсто Сиріи, Египта, Турціи или Франціи, выступилъ впередъ маленькій вопросъ о налогѣ на иностранный сахаръ и погубилъ министерство. Кабинетъ Мельбурна вышелъ въ отставку изъ-за сахара, какъ недавно кабинетъ Гладстона передалъ свою власть торіямъ изъ-за пива.

А. Молчановъ.

ДАТСКІЙ АРХЕОЛОГЪ.

Года четыре тому назадъ скончался, на 69 году жизни, одинъ изъ усерднѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей такъ называемыхъ доисторическихъ древностей, датскій помѣщикъ и камергеръ Сегестедъ, извѣстный обширными археологическими розысканіями, которыя онъ, втеченіе многихъ лѣтъ, производилъ въ родовомъ имѣніи своемъБрогольмѣ, въ юго-восточной Фіоніи. Результаты своихъ трудовъ онъ изложилъ въ особомъ изданномъ на датскомъ языкѣ сочиненіи: «Fortidsminder og Oldsager frå Egnen om Broholm», о которомъ норвежскій археологъ Ундсетъ сообщилъ интересный рефератъ въ Брауншвейгскомъ «Archiv für Anthropologie» за 1879 годъ. Въ настоящее время, по поводу другого сочиненія Сегестеда, изданнаго уже по смерти автора: «Archäologiske Undersögelser 1878—1881» (Kjöbenhavn, 1884, 4°, съ 5 литогр. картами, 36 гравюрами на мѣди и съ французскимъ указателемъ), г. Ундсетъ въ 16-мъ томѣ того же Archiv'a помѣстилъ очень сочувственную о немъ замѣтку, изъ который мы и заимствуемъ слѣдующія данныя.

Въ послѣдніе три года своей чрезвычайно дѣятельной жизни, Сегестедъ занимался практическо-археологическими изслѣдованіями и опытами. Такъ въ 1879 году онъ, при помощи однихъ только кремневыхъ орудій, построилъ у себя въ имѣніи бревенчатый домъ. Снабдивъ своихъ плотниковъ кремневыми топорами, онъ отправилъ ихъ въ лѣсъ и велѣлъ имъ рубить деревья. Срубка 63 деревъ, имѣвшихъ 20 сантиметр. въ поперечникѣ, и 60 деревъ съ 9 сантиметровымъ діаметромъ произведена однимъ человѣкомъ

всего въ 30 часовъ. При этомъ, по окончаніи работъ, кремневыя орудія оказались почти неповрежденными. Дальнѣйшая обдѣлка бревенъ, равно какъ плотничная и столярная работа произведена также лишь при посредствѣ кремневыхъ орудій. Такимъ образомъ ему удалось построить хорошенькій домикъ, въ которомъ гвозди всѣ деревянные и на постройку котораго не было употреблено ни одного металлическаго инструмента.

Затѣмъ онъ производилъ разные систематическіе опыты: шлифовку каменныхъ орудій, рубку дерева каменными топорами, распилку камня деревянными пилами, просверливаніе каменныхъ молотковъ, обработку костей каменными орудіями, изготовленіе костяныхъ издѣлій. Всѣ эти опыты выполнены и описаны имъ съ замѣчательною точностью; отчеты его по этому предмету содержатъ множество интересныхъ подробностей и остроумныхъ замѣчаній, объясняющихъ намъ способы производства работъ въ древности и сообщающихъ нѣсколько новыхъ данныхъ относительно жизни древнихъ людей и о техническихъ средствахъ, находившихся въ ихъ распоряженіи. Никогда еще въ нашей наукѣ практическіе опыты не производились въ такихъ размѣрахъ, съ такимъ умѣніемъ и съ такою методичностью.

Кромѣ того, сочиненіе Сегестеда содержитъ извѣстія о дальнѣйшихъ раскопкахъ, которыя онъ производилъ въ своемъ помѣстьѣ съ 1878 года съ такою же образцовою тщательностью. Объ усердіи, съ которымъ онъ работалъ, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія цифровыя данныя. Въ 1878 году, музей его насчитывалъ около 10,000 нумеровъ; при смерти Сегестеда одинъ только отдѣлъ каменныхъ (большею частью, кремневыхъ) орудій содержалъ до 54,265 экземпляровъ, которые всѣ собраны на его землѣ, на пространствѣ одной квадратной мили, а вмѣстѣ съ тѣми экземплярами, которые отысканы еще въ двухъ близь лежащихъ пунктахъ, количество каменныхъ предметовъ въ Брогольмскомъ музеѣ простиралось до 72,409 нумеровъ [1]).

Едва ли гдѣ, справедливо замѣчаетъ г. Ундсетъ, найдется мѣстечко, которое въ археологическомъ отношеніи было бы изслѣдовано съ такою любовью и аккуратностью и съ такимъ строгимъ соблюденіемъ научныхъ интересовъ. Нельзя не удивляться крайней осторожности, съ которою онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, на большомъ кладбищѣ съ погребальными урнами, которое содержитъ до 2,000 могилъ, онъ за все время своихъ работъ вскрылъ немногимъ болѣе $^1/_6$ части ихъ. А вѣдь какъ легко

---

[1]) Позволяемъ себѣ надѣяться, что между ними нѣтъ такихъ грудъ простѣйшихъ каменныхъ осколковъ, какими нѣкоторые любители до-историческихъ древностей заваливаютъ точно щебнемъ свои коллекціи и которые, большею частію, смѣло могутъ быть названы древнимъ хламомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго археологическаго значенія.

ему было открыть тутъ въ самое короткое время нѣсколько тысячъ сосудовъ и вещей, и такимъ образомъ быстро создать великолѣпный музей! Но онъ чуждался такого пріема, держась правила: лучше не трогать древняго урочища, чѣмъ разслѣдовать его наскоро и поверхностно, и относился съ полнымъ уваженіемъ къ малѣйшему археологическому памятнику и къ мельчайшему научному факту. Среди спеціалистовъ археологовъ, многимъ приходится преклонить голову передъ этимъ человѣкомъ, который, по истинно ученой скромности своей, довольствовался прозвищемъ археологическаго дилетанта.

Желательно, говоритъ въ заключеніе г. Ундсетъ, чтобы между помѣщиками и дворянами всѣхъ странъ нашлись люди, которые послѣдовали бы доброму примѣру камергера Сегестеда.

Желательно, прибавимъ мы съ своей стороны, чтобы примѣръ Сегестеда побудилъ нашихъ доморощенныхъ археологовъ относиться, между прочимъ, съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ нашимъ доисторическимъ памятникамъ, курганамъ, которые они нерѣдко такъ немилосердно раскапываютъ за одинъ присѣстъ цѣлыми десятками и сотнями, для скорѣйшаго, почти насильственнаго, пополненія своихъ музеевъ, а затѣмъ и съ большею осмотрительностью предлагать свои выводы относительно находимыхъ остатковъ доисторическаго періода, не подрывая довѣрія къ наукѣ такими чудовищными измышленіями, какія намъ недавно привелось узнать изъ газетъ «объ изображеніи созвѣздія Большой Медвѣдицы на каменной точилкѣ неолитическаго періода, найденной на берегу Бологовскаго озера».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ адмирала П. В. Чичагова. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1885.

Фамилія Чичаговыхъ имѣетъ у насъ историческую, хотя и необширную извѣстность. Такая извѣстность пріобрѣтена была двумя адміралами, носившими это родовое прозваніе. Должно, однако, замѣтить слѣдующую разницу: одинъ изъ Чичаговыхъ, Василій Яковлевичъ, сталъ извѣстенъ своею знаменитою побѣдою надъ шведами на морѣ, какъ это и подобало адмиралу. Другой же Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, сѣвъ — выражаясь попростонародному — не въ свои сани, добылъ себѣ прискорбную извѣстность, сдѣлавшись главнокомандующимъ дунайскою арміею, при отступленіи, въ 1812 году французовъ изъ предѣловъ Россіи. Подвигъ перваго изъ нихъ, прославленный еще при его жизни Екатериною, не требуетъ въ настоящее время особыхъ разъясненій, и достаточно было бы изложить его только повѣствовательно. Злоключеніе, постигшее на рѣкѣ Березинѣ другаго Чичагова, сына перваго, остается до сихъ поръ довольно смутною исторіею, и разсказы о немъ до сихъ поръ набрасываютъ неблаговидную тѣнь на адмирала, начальствовавшаго надъ сухопутнымъ войскомъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе неудачно поставленнаго на такое мѣсто.

Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но и тотъ и другой Чичаговъ заслуживаютъ, чтобы наша историческая и въ частности біографическая литература имѣла подробныя и, главное, правдивыя ихъ жизнеописанія, и это послѣднее въ особенности должно быть предъявлено въ отношеніи втораго изъ нихъ, такъ какъ молва, нынѣ за давностью лѣтъ уже стихающая, выставляла младшаго изъ Чичаговыхъ даже предателемъ отечества; такія обстоятель-

ства очень естественно должны были вызывать людей, близкихъ къ упомянутымъ личностямъ, на то, чтобъ заговорить о нихъ въ печати, для приданія одному изъ нихъ большей извѣстности и для оправданія или обѣленія другаго изъ нихъ.

Въ настоящее время такую задачу принялъ на себя представитель ихъ рода, нѣкто г. Леонидъ Чичаговъ, вознамѣрившійся издать свой обширный родовой архивъ, относящійся преимущественно къ временамъ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I. Изданіе это получило названіе «Архивъ адмирала Павла Васильевича Чичагова», на томъ, по словамъ издателя, основаніи, что этотъ адмиралъ «первый изъ предковъ Чичаговыхъ оставилъ послѣ себя «Записки» и заботился о сохраненіи документовъ и писемъ, могущихъ послужить драгоцѣнными матеріалами для русской исторіи. Кромѣ того,—продолжаетъ издатель,—этотъ родовой архивъ богатъ «Записками» современниковъ П. В. Чичагова и историческими работами и изслѣдованіями нѣкоторыхъ ближайшихъ родственниковъ адмирала, которые, какъ коренные русскіе люди, искренно любившіе и высоко цѣнившіе свою родину, трудились на пользу отечественной исторіи».

Въ заключеніе почтенный издатель «Архива» замѣчаетъ, что различныя случайныя причины препятствовали болѣе раннему появленію въ печати этихъ историческихъ работъ и что только нынѣ, собравъ воедино и приведя въ надлежащій порядокъ всѣ документы, записки и изслѣдованія, онъ приступаетъ къ изданію ихъ отдѣльными выпусками, въ видѣ сборника, въ которомъ на ряду съ «Записками» адмирала П. В. Чичагова, служащими основаніемъ «Архива», будутъ помѣщаться и выше упомянутые матеріалы. «Словомъ,—замѣчаетъ г. издатель,—это будетъ сборникъ, въ него войдутъ всѣ историческіе труды какъ самого адмирала П. В. Чичагова, такъ и всего его рода». Такое заявленіе о составѣ сборника или «Архива» мы позволимъ себѣ дополнить замѣчаніемъ, что упомянутое изданіе составитъ весьма любопытный вкладъ въ нашу историческую литературу и, конечно, будетъ встрѣчено любителями русской исторіи съ большимъ вниманіемъ и съ искреннею признательностію.

Первою статьею въ нынѣшнемъ выпускѣ «Архива» являются, какъ это и слѣдовало ожидать, свѣдѣнія о Чичаговыхъ, принадлежащихъ къ одному изъ древнѣйшихъ русско-дворянскихъ родовъ. Извѣстія объ этомъ родѣ восходятъ до 1490 года, но не представляютъ ничего замѣчательнаго, такъ какъ Чичаговы, служа издревле на Костромѣ, не выдвинулись впередъ ни по госусударственной службѣ, ни при царскомъ дворѣ, ни въ кругу какой либо общественной дѣятельности, что̀ и продолжалось до царствованія Екатерины II, т. е. до появленія Василія Яковлевича Чичагова. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что, по словамъ составителя замѣтки о Чичаговыхъ, отецъ перваго прославившагося адмирала былъ «военачальникомъ» при Петрѣ I, участвовалъ въ битвѣ съ Карломъ XII и достигъ высокихъ чиновъ; но какой степени онъ былъ военноначальникъ и какіе имѣлъ высокіе чины, на это вовсе не указывается, такъ что нельзя сказать ничего опредѣленнаго, на сколько могли выдвинуть его заслуги его отца, тѣмъ болѣе, какъ это видно далѣе, ему лично нужно было проложить себѣ дорогу къ служебнымъ отличіямъ.

Василій Яковлевичъ Чичаговъ (родился въ 1725 году, умеръ въ 1809 году) произведенъ былъ въ контръ-адмиралы въ 1770 году и въ 1782 году въ

адмиралы и скончался въ 1809 году, дослужившись до весьма рѣдкой награды, а именно георгіевской ленты. Къ такимъ свѣдѣніямъ прибавляются еще и слѣдующія извѣстія объ его личности: «онъ былъ рѣдкій въ то время истинный типъ русскаго человѣка»; что онъ «свято исполнялъ долгъ службы, никогда за себя не просилъ и никому не кланялся»; что его «многіе не понимали, такъ какъ онъ недостижимо былъ выше ихъ», и что противъ него сочинялись «вымыслы злословія или безсмысленныя сказки». Приводится также слѣдующій отзывъ сына, который говоритъ: «Я имѣлъ передъ глазами прекраснѣйшій образецъ добродѣтелей гражданскихъ, чувствъ благороднѣйшихъ, твердости и независимости характера».

Такого же рода похвалы расточаются и сыну адмирала, Павлу Васильевичу. Объ этомъ адмиралѣ въ упомянутой статьѣ говорится, между прочимъ, что «онъ во время своего долговременнаго служебнаго поприща шелъ неуклонно, никогда не упуская изъ виду благой цѣли пользы отечества, гордо попирая зависть и клевету, шипѣвшія подъ его стопами». Хотя мы съ своей стороны не сомнѣваемся нисколько въ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ адмираловъ Чичаговыхъ, но не можемъ не сказать, что въ настоящее время, при установившемся способѣ разработки біографическихъ свѣдѣній, страннымъ кажется читать такія напыщенныя похвалы кому бы то ни было; должно наглядно, а не въ общихъ словахъ, опредѣлять ту или другую личность. Впрочемъ, такая неумѣстность должна будетъ загладиться болѣе точными и обстоятельными данными, какія мы надѣемся встрѣтить при продолженіи изданія разсматриваемаго нами «Архива», а потому и не будемъ особенно настаивать на приведенныхъ нами замѣчаніяхъ, которыя имѣютъ собственно только оттѣнокъ выдержекъ какого нибудь краснорѣчиваго, похвальнаго слова. Такою же односторонностію отличаются, пожалуй, и приводимыя выписки изъ отзывовъ постороннихъ лицъ объ П. В. Чичаговѣ. Очень можетъ быть, что онѣ сами по себѣ вѣрны, но такъ какъ онѣ дѣлались расположенными къ нему или близкими ему почему либо лицами, то такіе отзывы, приводимые подъ рядъ, могутъ получить историческую достовѣрность лишь тогда, когда они будутъ сопоставлены съ отзывами, имѣющими другое свойство.

Въ виду этого, мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ юности будущаго адмирала, такъ какъ въ этомъ очеркѣ слишкомъ замѣтно сквозитъ благосклонное направленіе къ молодому морскому офицеру, выставленному, быть можетъ, не въ вполнѣ вѣрномъ и, такъ сказать, приторномъ свѣтѣ во всѣхъ частностяхъ его характера. Къ такимъ чертамъ мы относимъ, напримѣръ, разсказы о врагахъ, являвшихся при дворѣ «противъ всей семьи Чичаговыхъ». Мы вполнѣ убѣждены, что у всякаго выдающагося по своимъ достоинствамъ лица являются въ придворномъ кругу враги и завистники, но разсказамъ объ этомъ придавать безусловную достовѣрность никакъ нельзя, если такая вражда и интрига объясняются только одною стороною, въ такомъ смыслѣ, что эта сторона была ни въ чемъ неповинна и не вызывала противъ себя своимъ образомъ дѣйствій никакихъ нападеній. Въ настоящемъ же случаѣ врагами Чичаговыхъ выставляются будущій адмиралъ и министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ и одинъ изъ любимцевъ императора Павла—гатчинскій адмиралъ графъ Кушелевъ, а также и будущій адмиралъ Мордвиновъ. Оба первые,—какъ замѣчаетъ составитель разсматриваемой нами статьи,—

были злѣйшими врагами Чичаговыхъ и возстановили государя противъ нихъ. Оба названныя лица не могутъ вызвать къ себѣ сочувствія русскаго историка, а Мордвиновъ не только извѣстенъ, но отличается еще болѣе, чѣмъ оба Чичагова, честнымъ и прямодушнымъ характеромъ. Кромѣ того, для опредѣленія ихъ дѣйствій, нужно принять въ соображеніе и личныя свойства императора Павла, который очень часто могъ не взлюбить кого нибудь и по личному своему почину, и по своимъ собственнымъ иногда весьма страннымъ соображеніямъ и догадкамъ, и безъ постороннихъ внушеній былъ самъ по себѣ очень перемѣнчивъ въ проявленіи своихъ то крайне благосклонныхъ, то крайне непріязненныхъ къ кому либо чувствъ. Въ данномъ случаѣ императора Павла, и помимо всякихъ постороннихъ подстрекательствъ, могли возбудить противъ Чичаговыхъ «добровольное» удаленіе старика Чичагова отъ службы и желаніе его сына жениться на англичанкѣ въ ту пору, когда императоръ былъ такъ сильно раздраженъ противъ англичанъ вообще, и черезъ князя Безбородко отказалъ въ разрѣшеніи на бракъ молодаго Чичагова, находя, что «въ Россіи на столько достаточно дѣвицъ, что нѣтъ надобности ѣхать искать ихъ въ Англіи». Такой своеобразный отвѣтъ императора лучше всего наводитъ на мысль, что отказъ императора послѣдовалъ не по чьему либо подущенію, но въ силу его личныхъ воззрѣній. Затѣмъ, по разсказу автора замѣтки, озаглавленной «Чичаговы», Кушелевъ доложилъ государю, что молодой Чичаговъ, принятый въ службу контръ-адмираломъ, выставляетъ свою женитьбу въ Англіи только какъ предлогъ, чтобы уѣхать туда и тамъ перейдти въ англійскую службу. Вслѣдствіе этой «клеветы» императоръ потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ новопожалованнаго контръ-адмирала, сталъ упрекать его въ измѣнѣ, кричать, топать ногами, запрещая ему вымолвить что нибудь въ свое оправданіе; приказалъ сорвать съ него орденъ, раздѣть его и провести по дворцу въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ, а затѣмъ посадить въ крѣпость. Изъ этой бѣды Чичаговъ былъ выручевъ расположеннымъ къ нему петербургскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ фонъ-деръ-Паленомъ, увѣрившимъ императора, что Чичаговъ раскаявается. Послѣ этого, Павелъ дозволилъ Чичагову жениться на избранной имъ невѣстѣ. Кромѣ того, Палену удалось еще разъ предотвратить отъ Чичагова угрожавшую ему бѣду.

Въ скоромъ, однако, времени, по словамъ составителя замѣтки, твердость характера, умъ и образованіе Чичагова не могли не быть замѣчены наслѣдникомъ престола, и съ воцареніемъ Александра I онъ былъ тотчасъ приближенъ къ молодому императору, который принялъ на себя громадный трудъ — не только возстановить все, что было разрушено его отцомъ, но и преобразовать Россію, искоренить злоупотребленія и призвать ее къ новому бытію. Для всего этого ему нужны были сотрудники энергичные, умные и образованные, и такъ какъ, по словамъ автора замѣтки, Павелъ Васильевичъ обладалъ всѣми этими качествами и имѣлъ умъ государственнаго человѣка, способнаго обнять не только свой спеціальный кругъ дѣятельности, то отношенія императора Александра I къ адмиралу быстро приняли задушевный, интимный характеръ и, по словамъ автора, ихъ переписка въ высшей степени характеризуетъ ихъ обоихъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ до сихъ поръ историки царствованія императора Александра I не выставляли Чичагова въ числѣ слишкомъ вліятельныхъ и столь близкихъ лицъ къ государю, съ которымъ Чичаговъ работалъ

«какъ съ искреннимъ другомъ и сыномъ, безгранично любившимъ свое отечество». Павла Васильевича не взлюбили, однако, при дворѣ безъ всякаго основанія, но тѣ обвиненія, которымъ онъ подвергался, «не зная за собой вины», оказываются, по словамъ его біографа, голословными. Въ подтвержденіе этого приводятся сдѣланныя объ адмиралѣ отзывы со стороны А. П. Ермолова, графа Ѳ. П. Толстаго, канцлера графа А. Р. и саксонскаго посланника въ Петербургѣ, въ 1804 году, Шумана. Всѣ такого рода ссылки на людей посторонних могутъ, конечно, считаться до нѣкоторой степени подходящими, но едва ли въ виду ихъ будетъ кстати составителю жизнеописанія возносить своего присныго до того, что будто на немъ не было никакой тѣни и что виною всѣхъ его неудачъ были только его враги, завистники и интриганы. Между тѣмъ даже и въ приводимыхъ о немъ похвальныхъ свѣдѣніяхъ мелькаютъ замѣтки объ его рѣзкости на словахъ, но вѣдь извѣстно, что и рѣзкость на словахъ не исключаетъ ни клеветъ, ни наговоровъ, а возбуждаетъ справедливое негодованіе въ тѣхъ, на кого она бываетъ направлена, хотя бы и подъ покровомъ прямодушія. Замѣчаніе наше, разумѣется, не относится исключительно къ автору разсматриваемой нами замѣтки, но вообще ко всѣмъ нашимъ біографамъ, выводящимъ изображаемыя ими личности въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, если къ приданію имъ такого пошиба есть родственныя или хоть дружественныя побужденія.

Обвиняли также Чичагова враги его и въ нелюбви къ отечеству, но разумѣется, что его біографъ опровергаетъ такія обвиненія. Къ сожалѣнію, пропускъ Наполеона Чичаговымъ черезъ рѣку Березину и затѣмъ отъѣздъ адмирала навсегда за границу подали имъ достаточный поводъ къ распространенію о немъ нелестнаго мнѣнія въ Россіи. Эти прискорбныя событія не объяснены пока въ «Архивѣ», какъ слѣдуетъ. По поводу перваго изъ этихъ событій авторъ біографіи говоритъ только: «не будемъ входить здѣсь въ какой либо разборъ, тѣмъ болѣе, что исторія уже сама начинаетъ прозрѣвать истину и, отдавая справедливость адмиралу, разоблачаетъ интриги Кутузова». Что же касается отъѣзда Чичагова за границу навсегда, то и это «произошло опять не по его винѣ». Причинъ же окончательнаго разрыва съ родиной, происшедшаго въ 1834 году, по словамъ автора, «никто въ Россіи не знаетъ, кромѣ его семьи», причемъ добавляется, что причины эти объясняются въ «Запискахъ» и лягутъ темнымъ пятномъ на нѣкоторыхъ дѣятелей царствованія «царя-витязя», т. е. императора Николая.

Далѣе представляются весьма любопытными тѣ страницы разсматриваемой нами статьи, въ которыхъ идетъ рѣчь о долженствующихъ появиться вполнѣ и уже начатыхъ нынѣ печатаніемъ «Запискахъ» знаменитаго адмирала. «Записки» эти онъ началъ писать на итальянскомъ языкѣ, а, послѣдніе годы своей жизни проводя въ Парижѣ, продолжалъ ихъ пофранцузски. Придирчивые люди, пожалуй, увидятъ проявленіе антипатріотическихъ чувствъ въ томъ, что коренной русскій человѣкъ вздумалъ писать о покинутомъ имъ отечествѣ на чужомъ языкѣ, и тѣмъ болѣе, что побудительная къ тому причина пока въ біографіи Чичагова не объясняется, а, говоря объ его «Запискахъ», авторъ біографіи только твердитъ о безпредѣльной любви выходца къ своей родинѣ.

«Записки эти,—замѣчаетъ далѣе авторъ,—не имѣютъ характера оправдательнаго»; и отсутствіе въ нихъ такого характера объясняетъ слѣдующими строками: «Замѣчательно, что сколько ни уговаривали адмирала отвѣчать на всѣ

обвиненія, взводимыя на него за переправу Наполеона черезъ Березину, онъ отказывался наотрѣзъ». «Его,—говорится далѣе,—могло мучить только одно: если бы Александръ I сомнѣвался въ его невинности; но такъ какъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ письма государя и зналъ, что между ними недоразумѣній нѣтъ, то былъ увѣренъ, что время свое возьметъ и потомство и исторія его совершенно оправдаютъ». Такъ какъ до сихъ поръ письма эти остаются неизвѣстными, то и нельзя сказать, на сколько они успокоительно могли воздѣйствовать на Чичагова. Притомъ, если Александръ Павловичъ, по особымъ лично только ему извѣстнымъ обстоятельствамъ, могъ вполнѣ убѣдиться въ невинности Чичагова, то вся Россія была поставлена въ иныя условія, и о ней Чичагову, если онъ такъ сильно любилъ свое отечество, не мѣшало бы подумать. Такая мысль должна была считаться такимъ естественнымъ чувствомъ, подъ которое никакъ не могутъ подходить только личныя отношенія. Положимъ, что оправданіе Чичагова не могло бы появиться на русскомъ языкѣ и вообще проникнуть въ прежнее время, но было бы по тому времени достаточно и то, если бы прежній русскій военноначальникъ — хотя бы только въ Европѣ—опровергъ тѣ разсказы и тѣ клеветы, которыя противъ него ходили въ чужихъ людяхъ и могли несправедливо позорить честное русское имя, но онъ, заглушивъ такой вполнѣ естественный и благородный порывъ, этого не сдѣлалъ, потому только, что у него были какія-то никому неизвѣстныя письма. Онъ заботился только о томъ, какъ думаетъ о немъ Александръ Павловичъ, не обращая вниманія, что говоритъ о немъ Россія.... Забота уже черезчуръ придворнаго свойства.

Странна и злополучна была участь «Записокъ», оставленныхъ адмираломъ его дочери Екатеринѣ Павловнѣ, бывшей въ замужествѣ за французскимъ адмираломъ графомъ де-Бузэ. За него она вышла замужъ, желая доставить своему слѣпому отцу развлеченіе въ бесѣдѣ съ морякомъ-зятемъ. По смерти отца, намѣревавшагося за часъ передъ смертью сжечь свои «Записки», Екатерина Павловна занялась приведеніемъ ихъ, по возможности, въ порядокъ, такъ какъ, кромѣ того, что онѣ были написаны крайне неразборчиво слѣпымъ старикомъ, употреблявшимъ при этомъ особую машинку,—очень многое было написано на особыхъ листахъ безъ указанія, куда ихъ слѣдуетъ отнести. Во время этой работы, вдругъ, въ 1855 году, въ Парижѣ, въ «Revue Comtemporaine» появились выдержки изъ этихъ «Записокъ», сообщенныя графомъ де-Бузэ, дальнимъ родственникомъ мужа Екатерины Павловны. По словамъ автора статьи, этотъ господинъ, желая прослыть литераторомъ и воспользовавшись тѣмъ, что участвовалъ въ разборѣ бумагъ покойнаго адмирала, похитилъ нѣсколько изъ тѣхъ листовъ изъ «Записокъ» Павла Васильевича, которые относились къ 1812 году. Оскорбленная этимъ графиня де-Бузэ немедленно написала письмо ко многимъ редакторамъ, заявляя, что она всегда была и будетъ непричастна къ трудамъ графа де-Бузэ, въ которыхъ говорится о Россіи.

Въ 1858 году, графъ де-Бузэ издалъ въ Берлинѣ брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Мемуары адмирала Чигачова», а затѣмъ быстро разошедшееся первое изданіе этихъ мемуаровъ было повторено въ Лейпцигѣ. Брошюра эта вызвала сильнѣйшее негодованіе русскихъ противъ покойнаго адмирала, будто бы переполнившаго свои «Записки» недостойными отзывами о Россіи и о русскихъ людяхъ, но никто не зналъ, кто былъ авторомъ этого памфлета и какимъ образомъ онъ появился въ печати. Изъ

нѣсколькихъ листовъ, выкраденныхъ графомъ де-Бувэ изъ «Записокъ» Чичагова, нельзя было составить что нибудь цѣльное, но, чтобы придать имъ видъ законченности и бóльшій интересъ, авторъ-самозванецъ вклеилъ коротенькую біографію адмирала, сочиненную Эмилемъ Шалемъ (Emile Shasles), разсказы дипломата-англичанина изъ книги «Eastern Europe and the emperor Nicholus», газетныя статьи, собственныя измышленія, разсказы, слышанные имъ то тамъ, то здѣсь, и все это выдалъ за подлинныя «Записки» адмирала Чичагова. Выходило такъ, что честный адмиралъ оказывался, по его собственнымъ «Запискамъ», самымъ ожесточеннымъ врагомъ своего отечества.

Въ виду всего этого, графиня де-Бувэ начала, надѣлавшій въ Парижѣ много шума, судебный процессъ противъ родственника своего мужа, и процессъ этотъ былъ выигранъ ею. Настоящія «Записки» ея отца не были, однако, изданы при ея жизни. Она изъ-за нихъ потерпѣла слишкомъ много горя и не стала даже дотрогиваться до нихъ, и завѣщала ихъ въ полное распоряженіе своему родственнику, автору той упомянутой статьи о Чичаговыхъ, на которой мы остановились выше. Г. Леонидъ Чичаговъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ правомъ и, передавъ «Записки» адмирала въ подстрочномъ переводѣ на русскомъ языкѣ, помѣстилъ въ первомъ появившемся выпускѣ «Архива», въ черновомъ набброскѣ и вступленіе, написанное самимъ авторомъ «Записокъ». По словамъ издателя, онъ сдѣлалъ это, «дорожа каждой строчкой, которая могла бы служить къ характеристикѣ этого непонятаго современниками человѣка».

«Записки» имѣютъ такое полное, данное имъ ихъ авторомъ, заглавіе: «Записки адмирала Чичагова, заключающія то, чтò онъ видѣлъ и чтò, по его мнѣнію, зналъ». Въ предисловіи онъ говоритъ, между прочимъ: «Трудъ мой не есть созданіе воображенія или вымысла, отличающагося обыкновенно отъ дѣйствительности. Я разскажу факты, за которые могу отвѣтствовать, и отдамъ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня этими фактами».

Разсказъ автора «Записокъ» начинается со свѣдѣній объ его отцѣ съ включеніемъ разсужденій о дворянствѣ вообще и въ частности о русскомъ. Общія замѣчанія его о приниженности нашего дворянства весьма вѣрны. Оно,—по его разсказу,—доходило, между прочимъ, до того, что такъ называемые русскіе вельможи, давая аудіенціи, въ особенности иностранцамъ, обыкновенно старались принимать ихъ во время своего туалета, когда они снимали сорочки, дабы посѣтители видѣли, что на плечахъ знатнаго барина не видно никакихъ рубцовъ отъ тѣлеснаго наказанія, но не всякая знатная особа могла похвалиться такою отличкою, такъ какъ у большинства спины были исполосованы. Затѣмъ, воздавъ хвалу императору Петру III за уничтоженіе Тайной канцеляріи и за пожалованіе дворянству вольностей, которыя должны были облагородить это сословіе, адмиралъ переходитъ къ воспоминаніямъ о царствованіи Екатерины II, къ тому времени, когда протекла бóльшая часть его жизни.

Въ этихъ страницахъ онъ прежде всего и главнымъ образомъ является горячимъ и безусловнымъ защитникомъ сѣверной Семирамиды. Разумѣется, что во всемъ этомъ не можетъ быть ни малѣйшей лести, которая едва ли и была свойственна Чичагову въ подобномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, разсказы его объ Екатеринѣ обращаются въ сплошное похвальное слово. Та-

кое увлеченіе во взглядѣ современника на прославленную царицу было вполнѣ естественно и понятно. Она умѣла окружить себя такимъ блескомъ, что ослѣпляла всѣхъ, которые могли ее видѣть. Разумѣется, безпристрастной исторіи въ ту пору не могло и быть, и потому въ этомъ отношеніи всѣ русскіе были настроены одинаково, въ особенности же близкія къ государынѣ лица, которыя, превознося Екатерину, въ то же время, какъ ея сподвижники, возвышали и самихъ себя въ общественномъ мнѣніи. Допустимъ, впрочемъ, что у Чичагова такой цѣли не имѣлось, и что онъ восхищался Екатериною отъ чистаго сердца, но, тѣмъ не менѣе, въ увлеченіи своемъ онъ доходитъ иногда даже до важныхъ ошибокъ. Онъ прежде всего приписываетъ Екатеринѣ намѣреніе уничтожить крѣпостное сословіе, но едва ли такое желаніе ея можно считать искреннимъ. Она собственно высказывалась такъ въ угоду французскимъ философамъ. Лично же отъ себя Екатерина заявляла, что россіяне живутъ при ней въ «полномъ блаженствѣ» и при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ они при крѣпостномъ правѣ, что они счастливо и мирно воздѣлываютъ свои нивы, и подтверждала это на дѣлѣ, обращая сотни тысячъ душъ въ крѣпостное состояніе въ вознагражденіе не только заслугъ, но и въ ознаменованіе своего фавора приближеннымъ ей людямъ. Неуспѣхъ стремленія ея—отмѣнить крѣпостное состояніе, Чичаговъ приписываетъ духу націи и особенно низкому нравственному уровню тогдашняго нашего дворянства, такъ какъ, по словамъ его, рабство согласовалось съ естественною наклонностію народа, добавляя, что истинною подпорою рабства служитъ дворянство. «Сколькихъ я,—пишетъ онъ,—зналъ изъ этихъ высокомѣрныхъ дворянъ, которые при Екатеринѣ ничѣмъ не были довольны, считая себя недостаточно свободными, и то и дѣло роптали на правительство, а при Павлѣ — только дрожали. То надменные и дерзкіе, то подлые и трусливые, они были всегда невѣжественны и раболѣпны. «Крестьяне, — говорятъ они, — платятъ оброкъ, держатъ себя покорно и смирно, вотъ все, что намъ нужно. Что намъ за дѣло до всего прочаго и до нихъ самихъ»? Таковъ духъ, которымъ живетъ дворянство моего любезнаго отечества. Склонность къ раболѣпству, свойственная всему народонаселенію, гораздо болѣе развита въ господахъ, въ соразмѣрности ихъ интересовъ, нежели въ крѣпостныхъ, интересы, которыхъ имъ противоположны. У другихъ народовъ просвѣщеніе низходитъ свыше, распространяется въ высшихъ слояхъ общества, которымъ нѣтъ выгоды угнетать низшіе классы и которые стараются просвѣщать ихъ относительно общихъ выгодъ».

Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но при односторонности стремленія Чичагова — восхвалить Екатерину за ея намѣренія освободить крестьянъ, онъ забылъ, что она-то именно и утвердила крѣпостное право въ самой свободолюбивой странѣ, какою была Украйна.

Начавшаяся защита Екатерины II прерывается въ «Запискахъ» Чичагова разсужденіями о непреложности такого неравенства въ человѣческомъ родѣ, которое начинается только послѣ смерти. Затѣмъ идутъ разсужденія о женщинахъ вообще и въ частности объ актрисахъ. Конечно, всѣ подобнаго рода разсужденія окажутся для нашего времени отсталыми, но если принять въ соображеніе ту далекую пору, когда они усвоивались Чичаговымъ, то нельзя не сказать, что онъ былъ въ свое время человѣкъ и умный, и начитанный, хотя по современному намъ взгляду, и крайне односторонній.

Затѣмъ, обращаясь снова къ Екатеринѣ, онъ поддерживаетъ историческими доводами право ея на названіе — «Великая», и крайне усердно, а иногда очень толково опровергаетъ тѣ клеветы, которыя распускали противъ нея, и замѣчаетъ: «Больше никто не дерзнулъ воздать Екатеринѣ должную хвалу, потому что страхъ, внушаемый ея сыномъ и преемникомъ Павломъ I, удерживаетъ тѣхъ, которые желали бы оправдать ея память отъ всѣхъ пошлыхъ, безпрерывно расточаемыхъ обвиненій. Но придетъ время, когда непреоборимая сила правды отмститъ за всѣ клеветы».

Съ своей стороны Чичаговъ старается объяснить обстоятельства вступленія Екатерины на престолъ, ссылаясь, между прочимъ, на то, что такой переворотъ былъ подготовленъ безъ всякаго со стороны ея участія, и что она должна была вынужденно исполнить только то, къ чему призывала ее Россія. Онъ говоритъ въ ея пользу и противъ невѣрно выставляемыхъ ея отношеній къ сыну, нравъ котораго, какъ это оказалось впослѣдствіи, не представлялъ никакой возможности ни обуздать его, ни предоставить ему какого либо участія въ дѣлѣ государственнаго управленія. Восхваляя лично Екатерину, Чичаговъ восхищается и всѣми ближайшими ея сотрудниками, упуская изъ виду, что большинство изъ нихъ, пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ государыни, безмѣрно и нечестно живились на счетъ государства и на счетъ частныхъ лицъ, въ силу своего высокаго положенія при дворѣ. Несовсѣмъ вѣрно старается увѣрить Чичаговъ, будто Екатерина награждала только достойныхъ за истинныя заслуги, тогда какъ, напротивъ, едва ли въ какое либо другое время, болѣе чѣмъ въ ея царствованіе, было людей служебныхъ, воспользовавшихся и почестями, и богатствами безъ всякихъ рѣшительно заслугъ. Наконецъ, онъ приписываетъ Екатеринѣ совершенно неосновательно уничтоженіе пытокъ, тогда какъ онѣ существовали во время всего ея царствованія, что́, впрочемъ, оговорилъ въ особой сноскѣ и самъ издатель «Архива».

Если, какъ мы замѣтили, въ отзывахъ Чичагова о Екатеринѣ и ея царствованіи, — въ отзывахъ о «золотомъ вѣкѣ Россіи», по выраженію автора «Записокъ», не могло быть и тѣни лести, то, все же, въ этихъ отзывахъ есть своя особеннаго рода подкладка: Чичаговъ, имѣвшій поводъ негодовать на униженіе, испытанное имъ при Павлѣ I, а потомъ при его недовольствѣ ходомъ дѣлъ въ послѣдніе слишкомъ десять лѣтъ царствованія Александра Павловича, желалъ выставить свѣтлую пору царствованія Екатерины въ слишкомъ рѣзкую противоположность слѣдовавшему за тѣмъ времени. Порою такое намѣреніе не только проглядываетъ весьма замѣтно въ «Запискахъ», но и прямо высказывается ихъ авторомъ.

Не смотря, однако, на то, если только отрѣшиться отъ такого его увлеченія и отнестись къ описываемой имъ порѣ болѣе безпристрастно, то нельзя не признать чрезвычайной пригодности «Записокъ» адмирала для того продолжительнаго времени, которое онъ прожилъ на свѣтѣ, а отчасти впродолженіе его и былъ замѣтнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Такого рода «Записки» должны всегда имѣть огромное значеніе, если бы даже и не въ положительномъ, то, всетаки, въ отрицательномъ смыслѣ, и во многихъ случаяхъ онѣ могутъ способствовать разъясненію того, что безъ нихъ должно было оставаться или неяснымъ, или недосказаннымъ.

К. Н. В.

Адамъ Кисель, воевода кіевскій. 1580—1653 г. Историко-біографическій очеркъ съ портретомъ Киселя. И. П. Новицкаго. Изданіе редакціи „Кіевской Старины". Кіевъ. 1885.

Въ области ученыхъ изслѣдованій, какъ и въ сферѣ свободнаго художественнаго творчества, критика нерѣдко становится на почву отрицанія возможности «новаго слова» тамъ, гдѣ, повидимому, все изслѣдовано и о чемъ будто бы сказано «послѣднее слово науки», или въ такой сферѣ художественнаго творчества, къ которому раньше приложены были творческія силы величайшихъ, геніальныхъ художниковъ. Но едва ли достаточно твердою будетъ эта почва отрицанія въ той и въ другой области.

Со стороны здравой критики едва ли основательно слышать такіе вопросы: что новаго можно сказать объ Адамѣ Киселѣ послѣ того, какъ участіе его въ историческихъ судьбахъ Малороссіи и Польши обстоятельно выяснено прежними историками и сказано послѣднее слово науки такимъ солиднымъ и даровитымъ историкомъ, какъ покойный Н. И. Костомаровъ?—Или какъ можно отважиться прилагать художественное творчество къ событіямъ «двѣнадцатаго года» послѣ того, какъ у насъ есть геніальное созданіе изъ этой эпохи графа Л. Н. Толстаго—«Война и миръ»?

И въ томъ и въ другомъ случаѣ критика поступила бы опромѣтчиво. Европа имѣетъ геніальныя скульптурныя воспроизведенія миѳа о Психеѣ, о Геркулесѣ и т. п.; но это не налагаетъ запрета на творческіе рѣзцы современныхъ и будущихъ мастеровъ рѣзца и мрамора.

Замѣчаніе это примѣнимо и къ историческому изслѣдованію, заглавіе котораго приведено выше.

Монографическая работа г. Новицкаго объ извѣстномъ всѣмъ Адамѣ Киселѣ—вполнѣ самостоятельный трудъ, представляющій немало новаго и оригинальнаго въ характеристикѣ историческаго дѣятеля, котораго всѣ, казалось, одинаково понимали. Г. Новицкій даетъ намъ нѣсколько инаго Адама Киселя. Кіевскій ученый, выступившій въ свѣтъ съ своимъ изслѣдованіемъ, является не продолжателемъ прежнихъ историковъ Малороссіи и совсѣмъ даже не ученикомъ, казалось бы, своего учителя и признаннаго въ данной научной области авторитета—Костомарова. Нѣтъ, г. Новицкій идетъ своею дорогою. Правда, онъ часто обращается къ знаменитому труду — «Богданъ Хмельницкій», нерѣдко цитируетъ его (счетомъ 19 разъ), но чаще — по вопросамъ спорнымъ, гдѣ поправляетъ и весьма доказательно оспариваетъ почтеннаго историка.

Чрезвычайно любопытна и, какъ намъ кажется, необыкновенно вѣрна общая характеристика Киселя, къ которой приходитъ г. Новицкій въ концѣ своего изслѣдованія.

Онъ разсматриваетъ кіевскаго воеводу съ точки зрѣнія государственности. «Девизомъ всей его общественной дѣятельности, — говоритъ онъ,— слѣдуетъ признать: «salus reipublicae — suprema lex», и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлою головою выше не только Пушкаря, но и Вишневецкаго со всею рукоплескавшею ему шляхтою».

Не понимая этой стороны польско-русскаго дѣятеля, прежніе историки, можно сказать, клеветали на Киселя, особенно же по поводу якобы его національныхъ противорѣчій и якобы двуличности.

«Вотъ въ этомъ именно пунктѣ,—говоритъ г. Новицкій,—въ отношеніи вопроса національнаго, и является наибольше путаницы во взглядахъ на Киселя его современниковъ, а равно и нашихъ. Первые находили, что симпатіи Киселя, защитника православія и открыто причисляющаго себя къ Руси, должны всецѣло лежать на сторонѣ схизматическаго плебса, въ пользу котораго онъ измѣняетъ Польскому государству; мы же, перенося современныя намъ понятія въ XVII вѣкъ, затрудняемся понять, какимъ образомъ православный русскій могъ очутиться въ минуту борьбы въ польскомъ лагерѣ, и готовы признать его измѣнникомъ своему народному дѣлу. Но, взглянувъ нѣсколько шире и всестороннѣе, приходится только признать, что у Киселя народность, въ смыслѣ этнографическомъ, не совпадала съ національностью, въ значеніи государственномъ. Патріотически защищая первую, сознательно обособлявшуюся въ то время только въ сферѣ церковной, Кисель, тѣмъ менѣе, склоненъ былъ поступиться второю. Съ этой последней точки зрѣнія онъ былъ не только русскимъ патріотомъ, но еще болѣе патріотомъ Рѣчи Посполитой, внѣ которой онъ не могъ даже помыслить ни самого себя, ни своего русскаго патріотизма. Разрывъ съ нею, съ желаніемъ основать особое самостоятельное государство, а тѣмъ болѣе съ цѣлью подчиниться другому, въ глазахъ Киселя былъ ни чѣмъ другимъ, какъ позорнымъ актомъ государственной измѣны. Чернь и представитель ея Пушкарь не мудрствовали, а прямо переходили подъ московскую державу. Хмельницкій рѣшился на этотъ шагъ только послѣ долгихъ колебаній. Кисель не сдѣлалъ бы его никогда» (стр. 83—84).

Г. Новицкій очень остроумною посылкою подтверждаетъ послѣдніе свои доводы.

«Чтобы лучше пояснить,— говоритъ онъ,— указанное нами различіе въ Киселѣ патріотизма народнаго отъ національнаго (столь часто и столь же неосновательно смѣшиваемыхъ, замѣтимъ, и въ современной мѣстной жизни), попробуемъ показать соотвѣтственную параллель, взявъ за основаніе окружающія насъ обстоятельства. Допустимъ такое предположеніе. Намѣстникомъ Галиціи состоитъ мѣстный русинъ уніатъ, а въ Подольской или Волынской губерніи губернаторъ католикъ польской народности, хотя изъ русскихъ подданныхъ. Допускаемъ далѣе, что, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, среди народа восточной Галиціи возникаетъ движеніе въ пользу перваго государства, среди помѣщиковъ Подолья или Волыни въ пользу втораго. Всякому станетъ ясно, что предположенные нами намѣстникъ и губернаторъ могли бы отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, оставаясь при этомъ вѣрными подданными своего правительства и работая въ его пользу тѣмъ, что каждый изъ нихъ старался бы мирными средствами успокоить и удержать ту часть мѣстнаго населенія, которая готова принять сторону непріятеля. Поступая иначе, потворствуя такому движенію и даже присоединяясь къ нему, каждый изъ нихъ становился бы государственнымъ измѣнникомъ.

«Положеніе Адама Григорьевича во время возстанія Хмельницкаго,— продолжаетъ г. Новицкій,—было совершенно аналогично съ только-что изображеннымъ нами. И за то именно, что онъ не захотѣлъ стать измѣнникомъ ни своей народности, ни своему государству, заклеймили его таковымъ обѣ стороны, да продолжаютъ клеймить историки и доселѣ. Пора же послѣднимъ понять, что для Киселя Русь вовсе не отождествлялась и не должна была

отождествляться ни съ проблематическимъ казацко-русскимъ княженіемъ, ни съ Москвою. Въ послѣдней онъ могъ только видѣть государство единовѣрное и единоплеменное, но во всякомъ случаѣ иностранное; политически она представлялась столь же чуждою его русско-патріотическимъ стремленіямъ, какъ чужда Вѣна для живущаго въ Украйнѣ поляка, какъ чуждъ Петербургъ для русина, положимъ, изъ Тарнополя или Коломыи.

«Только съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать общественную дѣятельность Киселя, только она можетъ представить надлежащее основаніе для нравственной оцѣнки этой дѣятельности. Изслѣдованіе фактовъ показало намъ всю шаткость возводившихся на Киселя со всѣхъ сторонъ обвиненій, такъ какъ онъ высказывалъ и проводилъ свои идеи прямо, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, что не исключаетъ, однако, въ его дѣятельности, тѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которыя вытекали не изъ его личнаго характера, а изъ фальшивости самаго положенія, изъ роковой коллизіи между его стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными».

Нельзя не согласиться съ этой искусной и научно-философской аргументаціей молодаго ученаго.

Заключительныя слова характеристики оклеветаннаго политическаго дѣятеля особенно подкупаютъ своею симпатичностью. Вотъ они. «Что касается политической стороны дѣла, то въ этомъ отношеніи за Киселемъ слѣдуетъ признать глубокое пониманіе потребностей и интересовъ своего государства въ данную эпоху, какимъ обладали развѣ очень немногіе изъ его современниковъ. Видя вещи несравненно яснѣе своихъ сотоварищей по сенату, Кисель имѣлъ полное право плакаться на свою проницательность, которая позволяла ему предвидѣть и заставляла заранѣе предвкушать грядущія бѣдствія отчизны. Но его замѣчательный умъ не принесъ должной пользы, всѣ усилія его и труды не оставили практическихъ послѣдствій. Не станемъ вдаваться въ подробныя объясненія этого факта, а только приведемъ нѣсколько строкъ польскаго писателя (Т. Т. Z. Jeż), въ которыхъ сжато и мѣтко выраженъ общій взглядъ на этотъ предметъ, раздѣляемый и нами въ значительной степени. «Люди, говоритъ онъ, которые не могли сдѣлаться великими въ Польшѣ, были бы таковыми во всякомъ иномъ государствѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, Яна Собѣскаго въ роли турецкаго султана, германскаго императора, или на мѣстѣ Людовика XIV: какимъ онъ показался бы намъ великаномъ! Каждый изъ нашихъ государственныхъ людей вездѣ былъ бы на своемъ мѣстѣ, но только не въ Польшѣ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Польшѣ неправильна была обработка самой почвы, на которой выростали ея политическіе дѣятели.

«Вотъ эта-то неподготовленность почвы и была причиною, что Адамъ Григорьевичъ Кисель, безспорно представлявшій всѣ задатки стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вмѣсто того осужденъ былъ обстоятельствами на горькую участь забытаго еще при жизни политическаго неудачника, а на могилѣ его не растетъ до сихъ поръ никакихъ цвѣтовъ, кромѣ плевелъ злословія»...

Вотъ то «новое», что нашлось сказать объ Адамѣ Киселѣ.

Монографія г. Новицкаго составляетъ такимъ образомъ новый цѣнный вкладъ въ область историческихъ изслѣдованій протекшихъ судебъ Малороссіи и Польши въ эпоху ихъ политическаго разрыва и паденія.

Д. Мордовцевъ.

Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Рудольфа Гнейста, переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1885.

Лучшая книга объ устройствѣ Англіи написана нѣмцемъ, и англичане должны были признать ее классическимъ сочиненіемъ объ ихъ отечествѣ. Профессоръ законовѣдѣнія въ Берлинскомъ университетѣ, членъ прусской палаты депутатовъ, германскаго рейхстага и верховнаго королевскаго суда, Гнейстъ посвятилъ изученію Англіи большую часть своихъ сочиненій и своей долгой трудовой жизни. Ему теперь уже 70 лѣтъ, и онъ съ 1853 года началъ писать объ англійскихъ учрежденіяхъ, постепенно расширяя и пополняя свои изслѣдованія въ послѣдующихъ переработкахъ своихъ книгъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга Гнейста явилась въ 1882 году, почти черезъ 30 лѣтъ послѣ первыхъ работъ его по этому предмету, и вмѣсто обозрѣнія отдѣльныхъ частей англійскаго конституціоннаго права обнимаетъ, подъ названіемъ «Englische Verfassungsgeschichte», весь тысячелѣтній періодъ исторіи этой страны съ точки зрѣнія ея законодательства. Этой точки авторъ никогда не упускаетъ изъ виду въ своемъ изложеніи, и она служитъ исходнымъ и основнымъ пунктомъ его замѣчательнаго труда. Гнейстъ прежде всего юристъ, а потомъ уже историкъ. Этимъ объясняются пробѣлы, встрѣчающіеся въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ періодовъ англійской исторіи, и излишнія подробности въ разсказѣ о другихъ ея эпохахъ. Онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что къ изученію англійской конституціи его побудили недостатки въ государственномъ устройствѣ своего отечества, Пруссіи. Еще въ 1847 году, онъ издалъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ необходимость введенія суда присяжныхъ, а во второмъ своемъ сочиненіи, относящемся уже къ Англіи, представилъ оцѣнку реальныхъ основъ, на которыхъ держатся сословныя отношенія въ средней Европѣ, и разсмотрѣлъ, на примѣрѣ англійскихъ сословій, на сколько правы и неправы, каждый со своей стороны, какъ феодализмъ, такъ и демократія (Adel, Ritterschaft in England, 1853). Въ 1857 году, вышла его «Исторія и настоящее положеніе властей въ Англіи». Здѣсь онъ доказывалъ необходимость строить зданіе управленія, начиная снизу. Затѣмъ, въ 1867 году, вышла его «Исторія англійскаго административнаго права». Представляя въ примѣръ Англію, Гнейстъ выражалъ надежду, что и въ Пруссіи безцѣльнымъ и безформеннымъ стремленіямъ національной политики будутъ противопоставлены ясныя цѣли и опредѣленныя формы. Эта книга вошла почти цѣликомъ въ послѣдній трудъ Гнейста, вмѣстѣ съ «Исторіей общиннаго устройства и самоуправленія Англіи» (1863—1871). Это собственно исторія парламентскаго права въ Англіи, исторія борьбы между государствомъ, обществомъ и церковью, между конституціей и администраціей, между общинными и правительственными интересами. Глубокій знатокъ и поклонникъ государственныхъ учрежденій Англіи, Гнейстъ ставитъ во всемъ эту страну примѣромъ для своего отечества, признавая конституціонные порядки Франціи, Бельгіи и южной Европы непригодными для Германіи. Это придаетъ односторонность его во всѣхъ отношеніяхъ капитальному труду. Такъ онъ признаетъ, что въ современномъ государствѣ общинные и окружные союзы не могутъ быть автономными корпораціями, а могутъ играть лишь роль исполнительныхъ органовъ административнаго права. Онъ основываетъ это положеніе на томъ, что въ Англіи всѣ подробности конституціоннаго устрой-

ства созданы не парламентскимъ законодательствомъ, а органическими законами государственнаго совѣта (Privy Council). Это совершенно вѣрно. Но, требуя для административнаго права такой власти, что даже общинные налоги должны, по его мнѣнію, быть лишь органическою составною частью общаго государственнаго хозяйства, Гнейстъ ставитъ условіемъ, чтобы это право и это хозяйство достигли полнаго своего развитія. А развѣ такое развитіе существуетъ въ Германіи, еще такъ недавно живущей конституціонною жизнью? и могутъ ли англійскіе порядки, выработанные почти тысячелѣтней практикой парламентаризма, служить основаніемъ вовсе не парламентскихъ пріемовъ бисмарковскаго режима?.. На это врядъ ли и Гнейстъ отвѣтитъ утвердительно.—Языкъ русскаго перевода точенъ и правиленъ, но тяжелъ. Этимъ недостаткомъ страдаетъ, впрочемъ, и подлинникъ.

В. З.

Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Варшава. 1885.

Небольшой, но весьма интересный уѣздный городокъ Люблинской губерніи, расположенный близь австрійской границы, давно ожидалъ своей исторіи. Городъ Замостье памятенъ въ исторіи, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ происходилъ съѣздъ латинскаго и уніатскаго духовенства съ цѣлью установленія единообразія въ богослуженіи уніатской церкви, а въ сущности для искаженія православнаго обряда и приближенія уніатскаго богослуженія къ латинскому. На этомъ, такъ называемомъ «Замостьскомъ соборѣ», созванномъ въ 1720 году по совѣту іезуитовъ и состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція, едесскаго архіепископа Іеронима Гримальди, было положено начало тѣмъ измѣненіямъ и искаженіямъ восточнаго богослуженія, которыми унія отличалась, съ обрядовой стороны, отъ православія. Но если дѣятельность этого собора небезъизвѣстна по тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя появлялись въ русской литературѣ, то самый городъ, гдѣ происходилъ Замостьскій соборъ, только теперь дождался своего историка въ лицѣ ученаго и ревностнаго мѣстнаго дѣятеля, магистра А. Будиловича, получившаго уже извѣстность своими трудами по изслѣдованію Холмской старины.

Разсматриваемая монографія прежде печаталась въ «Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ», а теперь появилась въ видѣ отдѣльной книги, изданной холмскимъ Св. Богородицкимъ братствомъ.

Изъ этого труда мы узнаемъ, что городъ Замостье, основанный среди сплошнаго, издревле-православнаго червонорусскаго племени, но въ мѣстности, составляющей до сихъ поръ заповѣдныя владѣнія польскихъ графовъ Замойскихъ, былъ заложенъ въ 1580 году канцлеромъ и усерднымъ слугою Стефана Баторія, графомъ Яномъ Замойскимъ. Это была пора, когда въ Польшѣ шли усиленныя подготовителаныя работы къ искорененію православія и русской народности въ подвѣдомыхъ ей русскихъ областяхъ, и въ видѣ лепты на осуществленіе этихъ цѣлей знаменитый польскій канцлеръ преподнесъ ойчизнѣ созданный имъ городъ. Изданною по этому случаю грамотою, утвержденною польскими королями Стефаномъ (1585 г.) и Сигизмундомъ III (1589 г.), основатель города разрѣшилъ селиться въ немъ исклю-

чительно католикамъ; въ этихъ видахъ первые поселенцы города, удовлетворяющіе этому условію, привлекались не только изъ Польши, но и изъ Западной Европы. Не смотря, однако, на столь откровенно выраженную основателемъ города цѣль и условія его постройки, не смотря на сооруженіе канцлеромъ Замойскимъ на собственныя средства обширнаго католическаго костела, въ новомъ городѣ неожиданно появляется русская православная община, которая воздвигаетъ двѣ православныя церкви и учреждаетъ, для борьбы съ надвигавшимся римскимъ католицизмомъ, Свято-Николаевское братство, остававшееся вѣрнымъ православію болѣе ста лѣтъ и уступившее уніи въ числѣ лишь послѣднихъ братствъ западной Россіи.

Авторъ излагаетъ причины возникновѐнія русской жизни въ городѣ, учрежденномъ съ цѣлью подавленія русской народности и вѣры среди окружающаго населенія, описываетъ исторію Св. Николаевскаго братства, равно братства Покрова Пресвятыя Богородицы, положеніе православнаго городскаго населенія, борьбу его съ уніатами, захваты базиліанами православныхъ церквей и господство уніатовъ надъ русскими святынями и русскимъ народомъ, торжество Николаевскаго братства надъ базиліанами и происшедшее потомъ поглощеніе его послѣдними, базиліанскую систему воспитанія юношества и, какъ новѣйшую исторію, закрытіе уніатскаго монастыря и, наконецъ, недавнее мѣстное торжество православія надъ уніей съ возстановленіемъ древняго Св. Николаевскаго братства.

Благодаря трудамъ почтеннаго мѣстнаго дѣятеля, мы имѣемъ теперь исторію одной изъ интересныхъ мѣстностей Холмщины,—исторію, которая, кромѣ удовлетворенія научнымъ цѣлямъ, сослужитъ несомнѣнную службу дѣлу возрожденія, среди мѣстнаго русскаго населенія, народнаго духа и вѣры ихъ предковъ.

М. Городецкій.

Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Древніе акты XVI—XVIII ст., собранные и изданные секретаремъ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Л. В. Вейнбергомъ. Вып. IV, V и VI. Воронежъ. 1886.

Послѣ долгаго перерыва появились, наконецъ, дальнѣйшіе выпуски воронежскихъ актовъ. Первые три тома, или, правильнѣе сказать, томика, такъ какъ въ нихъ во всѣхъ только 152 странички,—вышли въ 1850—1853 гг., подъ редакціею гг. Второва и Александрова-Дольника. Продолженіе «актовъ» оттянулось такимъ образомъ ни много, ни мало, какъ на 32 года. Теперь это дѣло возобновилось, благодаря энергіи и умѣлости новаго секретаря воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Л. В. Вейнберга. Ему, безъ сомнѣнія, будутъ за это благодарны всѣ занимающіеся бытовой исторіей нашего народа, такъ какъ вновь вышедшіе выпуски древнихъ актовъ представляютъ весьма богатый матеріалъ какъ для мѣстной, такъ и для общерусской исторіи народной жизни и культуры. Такіе сборники у насъ, въ Россіи, рѣдки, и очень немногія губерніи имѣютъ ихъ. Первые три выпуска, составляющіе въ настоящее время уже библіографическую рѣдкость, были въ свое время по достоинству оцѣнены людьми науки; г. Чичеринъ пользовался ими при изслѣдованіи областныхъ учрежденій. Вѣроятно, также будутъ оцѣнены и эти послѣдніе выпуски, составляющіе прямое продолженіе

прежнихъ и ничѣмъ, кромѣ развѣ большей полноты и обстоятельности, не отличающіеся отъ нихъ.

Акты, помѣщенные въ этихъ выпускахъ, относятся къ XVI, XVII и XVIII столѣтіямъ. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены 4 документа, касающіеся Стеньки Разина и его сообщниковъ. Затѣмъ, мы находимъ много документовъ петровскаго времени, относящихся къ «струговому и корабельному дѣлу», т. е. къ постройкѣ судовъ и струговъ, которая производилась въ то время на Воронежской верфи; изъ этихъ документовъ особенно характерны письма датскаго инженера Симона Питересена къ Петру I. Симонъ Питерсенъ, какъ извѣстно, завѣдывалъ кораблестроительными работами въ Воронежѣ; въ письмахъ своихъ, написанныхъ понѣмецки, Питерсенъ жалуется на то, что мѣстныя власти не только не хотятъ исполнять его справедливыхъ требованій, но даже, какъ выражено въ современномъ переводѣ толмача Зах. Бѣлокурова, «ныне по всякимъ нравы и переводы изгоняемъ семь, что дале, то хуже, и нынѣ і до послѣдка по стати и чести унижаемъ есмь» (вып. IV, стр. 183). «Матеріалы» заключаютъ въ себѣ также много любопытныхъ документовъ по четвертному и старозаимочному землевладѣнію (№ 100 — 102, 104, 112, 131, 152, 163, 185 и пр.), пріобрѣтающихъ въ настоящее время особый интересъ, въ виду готовящагося пересмотра этихъ дѣлъ въ законодательномъ порядкѣ. Сверхъ этого, въ новыхъ выпускахъ мы находимъ массу документовъ, имѣющихъ спеціальный бытовой интересъ; таковы, напримѣръ, «Рядная запись XVII в.», «Отчетъ по раздѣлу имущества умершей Анны Лодинъ между наслѣдниками» (1707 г.), «Образчикъ довѣренности на управленіе вотчиной XVII вѣка», «Образецъ частной переписки 17-го вѣка», «Грамота епископа воронежскаго Митрофана къ острогожскому полковнику Куколеву о присылкѣ рыбы ради праздника Благовѣщенія» и т. д.

Мы не сомнѣваемся, что, при такомъ богатствѣ матеріала и его разносторонности, воронежскіе сборники займутъ почтенное мѣсто въ ряду изданій нашихъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ.

Н. Д—скій.

Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собралъ И. С. Ремезовъ. Спб. 1886. Съ четырьмя портретами.

Теорія равенства, такъ давно, такъ усердно и такъ напрасно проповѣдуемая французами, нигдѣ не оказывается столько несостоятельною, какъ въ области умственнаго развитія. Если нельзя даже и на короткое время уровнять матеріальное достояніе нѣсколькихъ лицъ, то возможно ли равенство мыслящихъ способностей даже при одинаковой степени образованія, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ общественной жизни. Исторія нашей школьной жизни, также какъ и семейнаго воспитанія, представляетъ множество примѣровъ выдѣленія изъ среды лицъ, обученіе которыхъ идетъ по одной системѣ, — дарованій совершенно самобытныхъ и оригинальныхъ. Готовятъ математика—выходитъ поэтъ, изъ юриста образуется механикъ. По тому же, еще неизслѣдованному закону самодѣятельности человѣческаго духа, являются и самоучки въ средѣ уже совершенно непричастной никакому культурному развитію и гдѣ, пожалуй, можно допустить равенство невѣжества и грубыхъ инстинктовъ. Г. Ремезовъ находитъ, что самоучки, какъ явленія не-

нормальныя, служатъ живымъ укоромъ обществу въ недостаточной заботливости о народномъ образованіи. Безусловно съ этимъ согласиться нельзя. Вѣдь и геній, выдающійся изъ среды интеллигентной, явленіе ненормальное, и нельзя же, давая народу общее образованіе, въ то же время готовить изъ него философовъ, механиковъ, историковъ, живописцевъ, стихотворцевъ, какими были Посошковъ, Кулибинъ, Семеновъ, Ступинъ, Слѣпушкинъ, жизнь которыхъ описываетъ авторъ. Они развились, конечно, безъ всякаго пособія общества, не получивъ никакого образованія, борясь съ грубой средой, въ которой родились. Но, быть можетъ, эта-то борьба и послужила къ развитію ихъ исключительныхъ способностей? Кто знаетъ, обратились ли бы они къ тому роду дѣятельности, въ которомъ сдѣлались извѣстны, если бы съ дѣтства получили общее образованіе, какое дается въ среднихъ классахъ общества. Это общество было бы виновато въ томъ, если бы, замѣтивъ стремленіе самоучекъ къ избраннымъ ими занятіямъ, не дало имъ возможности развиться въ этомъ направленіи или преслѣдовало ихъ за это. Но такихъ явленій не замѣтно въ жизни названныхъ самоучекъ. Напротивъ, имъ вездѣ давали ходъ, гдѣ могли, а если они и оставляли иногда свои главныя занятія для того, чтобы устраивать иллюминаціи и потѣшные фокусы для своихъ меценатовъ, то вѣдь они дѣйствовали только въ духѣ времени, и требовать отъ нихъ твердости характера, когда устойчивостью его не отличались и сильные міра, было бы несправедливо. Жизнь всѣхъ этихъ лицъ очень интересна и разсказана г. Ремезовымъ просто, безъ увлеченія ихъ дарованіями, на основаніи источниковъ, критически разобранныхъ. Списокъ этихъ источниковъ помѣщенъ при каждой біографіи и до того полонъ, что будущій историкъ этихъ самоучекъ не станетъ нуждаться въ другихъ указаніяхъ, такъ какъ авторъ собралъ все, что только напечатано о каждомъ изъ этихъ лицъ, не исключая мелкихъ газетныхъ статей. Самый обширный очеркъ посвященъ Кулибину; біографія Посошкова могла бы быть обработана подробнѣе, въ особенности по отношенію къ разбору его сочиненій. Особенно любопытна жизнь Семенова, задумавшаго изучить астрономическія явленія, не имѣя понятія о математикѣ и всетаки, достигшаго своей цѣли. Жизнь иконописца Ступина интересна по основанію имъ арзамасской школы живописи. Менѣе всѣхъ возбуждаетъ вниманіе плохой стихотворецъ Слѣпушкинъ, и если авторъ непремѣнно хотѣлъ представить образецъ поэта изъ крестьянъ, то могъ бы взять хотя недавно умершаго, дѣйствительно талантливаго Сурикова, не говоря уже о Кольцовѣ и Никитинѣ. Всѣ эти біографіи являлись уже въ отдѣльныхъ изданіяхъ для народнаго чтенія, но теперь переработаны авторомъ для интеллигентныхъ классовъ общества и, конечно, обратятъ на себя вниманіе.

В—ъ.

Календарь Вятской губерніи на 1886 годъ. Вятка. 1886.

Новый выпускъ календаря Вятской губерніи составленъ также обстоятельно и добросовѣстно, какъ и всѣ прочія изданія вятскаго статистическаго комитета. Здѣсь мы находимъ, кромѣ обычныхъ справочныхъ свѣдѣній по губерніи, весьма много интересныхъ статистическихъ и историческихъ данныхъ о Вятскомъ краѣ, который, не смотря на изслѣдованія многихъ лицъ, работавшихъ надъ нимъ, все еще изученъ очень недостаточно, и представляетъ во многихъ отношеніяхъ неизвѣстную tabulam rasam. Особенно раз-

работанъ въ календарѣ отдѣлъ статистическій. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о движеніи населенія до 1884 года., о распредѣленіи поземельной собственности по главнымъ категоріямъ владѣльцевъ, распредѣленіи земель по угодьямъ и родамъ посѣвовъ, о кустарной промышленности края; о скотоводствѣ, садоводствѣ, огородничествѣ и т. п.

Историческій отдѣлъ въ нынѣшнемъ изданіи занимаетъ, къ сожалѣнію, весьма скромное мѣсто; ему посвящено всего 28 страничекъ. Въ немъ помѣщена только одна статья г. Спицына — «Вотчины Успенскаго Трифонова монастыря», составленная на основаніи мѣстныхъ источниковъ; затѣмъ «Списокъ архимандритовъ и игуменовъ вятскихъ монастырей» и «Списокъ головъ г. Вятки съ 1767—1870 г.». Очеркъ г. Спицына полонъ самаго живаго интереса и прекрасно рисуетъ, какимъ путемъ производилось монастырями «собираніе» земель и вотчинъ. Успенскій монастырь былъ основанъ препод. Трифономъ въ 1580 году и, спустя два года послѣ этого, съ 1582 года, начинается цѣлый рядъ поѣздокъ пр. Трифона въ Москву съ челобитными о новыхъ земляхъ. Каждый разъ всѣ просьбы строителя новаго хлыновскаго монастыря правительство принимаетъ съ большою охотою и жалуетъ ему пустоши и незаписанныя въ тягло земли и даже слагаетъ тягло съ деревень и оброчныхъ земель. Помимо этого, въ монастырь поступало много вотчинъ отъ частныхъ лицъ, отдававшихъ сюда свои земли «на поминъ души». Пріобрѣтеніе монастырскихъ вотчинъ и земельныхъ угодій продолжалось съ неменьшимъ успѣхомъ и при послѣдующихъ игуменахъ и настоятеляхъ, какъ отъ правительства «по царскому жалованію», такъ и изъ частныхъ рукъ. По переписи, произведенной въ 1654 году, т. е. спустя 74 года послѣ основанія монастыря, въ вотчинахъ его уже числилось 811 дворовъ съ населеніемъ въ 874 чел. (можетъ быть, только мужскаго населенія?); въ 1678 году за монастыремъ насчитано 4,065 чел.; въ 1719 году — 14,452 чел., а въ 1764 году, при отобраніи крестьянъ въ казну—23,859 человѣкъ.

Н. Д—скій.

Язвы Петербурга. Опытъ историко-статистическаго изслѣдованія нравственности столичнаго населенія. Вл. Михневича. Спб. 1886.

Обширный трудъ автора, — въ книгѣ его болѣе 570-ти страницъ,—относится къ той области знаній, которую Кетле назвалъ не совсѣмъ удачно «общественною физикою», а теперь въ болѣе широкомъ смыслѣ называютъ, также не вполнѣ точно, просто «соціологіею». Изъ исторіи современнаго общества г. Михневичемъ изслѣдуется только столичная жизнь, въ тѣсныхъ границахъ явленій общественной и индивидуальной нравственности, и притомъ патологическаго порядка. Это не болѣе какъ патологія нравственной болѣзненности столицы, или, пожалуй, ея нравственная статистика, за послѣднія десять лѣтъ, такъ какъ наблюденія автора относятся преимущественно къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ нашего столѣтія. Но и въ этихъ узкихъ рамкахъ г. Михневичъ подмѣтилъ и описалъ много интересныхъ явленій, хотя разработалъ не съ одинаковой полнотой различные виды нравственной порчи. Это зависѣло, конечно, отъ неполноты имѣвшихся у него матеріаловъ. Если у насъ такъ хромаетъ вообще всякая статистика, то чего же можно ждать отъ статистики нравственной, гдѣ даже собираніе голыхъ цифръ сое-

динено съ такими затрудненіями. Основаніемъ его выводовъ послужила систематически обработанная перепись Петербурга 1869 года. Въ это же время являются болѣе полныя и подробныя судебныя и полицейскія свѣдѣнія, которыми авторъ пополнилъ свои личныя наблюденія, воспользовавшись также характеристичными фактами вседневной городской жизни, лѣтописью приключеній, газетною хроникою происшествій и т. п. Такимъ образомъ составилась объемистая книга, распадающаяся на три части: статистика нужды, недовольства и нравственной порчи (изслѣдованіе всѣхъ видовъ столичнаго нищенства, бродягъ, безпаспортныхъ, жертвъ общественнаго темперамента, лицъ, живущихъ неопредѣленными средствами, поднадзорныхъ, арестантовъ и т. п.), міръ преступленій (уголовная статистика убійствъ, кражъ, грабежей, обмановъ, мошенничества всякаго рода, нарушеній общественнаго порядка, личныхъ оскорбленій, святотатствъ, поджоговъ, изнасилованій, поддѣлывателей денегъ и пр.). Въ третьей части, носящей названіе «Картины нравовъ», разсказываются разныя «семейныя дѣла» непригляднаго свойства, ненормальныя отношенія между родителями и дѣтьми, факты внѣбрачной любви, явленія пьянства въ народѣ и въ культурной средѣ, эксплуатація, тупость и пороки, самоубійства и пр. Тутъ есть даже глава о литературномъ шантажѣ. Выводы автора подкрѣпляются, кромѣ офиціальныхъ цифръ, случаями изъ судебно-полицейской офиціальной хроники города. Собственно эта историческая часть книги могла бы быть гораздо полнѣе, но авторъ умалчиваетъ почему-то о многихъ всѣмъ извѣстныхъ фактахъ общественной жизни, сдѣлавшихся достояніемъ суда и печати. Онъ не называетъ также многихъ фамилій, обнародованныхъ судебными протоколами, и это кажется намъ напраснымъ, такъ какъ обнародованіе именъ разныхъ негодяевъ можетъ удержать подобныхъ лицъ отъ грязныхъ дѣлъ. Но неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ книги не лишаетъ ее общаго, значительнаго интереса. Авторъ облекъ серьезныя, научныя данныя въ такую легкую, вполнѣ литературную форму, что ихъ охотно прочтутъ даже лица, не переваривающія никакихъ цифръ и нравоученій. Часть статей, вошедшихъ въ книгу, печаталась втеченіе трехъ лѣтъ въ журналѣ «Наблюдатель», но многія изъ нихъ г. Михневичъ совершенно переработалъ въ этомъ изданіи. Общій выводъ о нравственности Петербурга весьма неутѣшительный, хотя авторъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что опытъ его діагноза свидѣтельствуетъ о здоровьѣ и повысившемся строѣ нашего общественнаго разума.

В. З.

Цвѣтаевъ, Дм. Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. М. 1886.

Книжка г. Цвѣтаева, уже заявившаго себя въ наукѣ изслѣдованіями и изданіями памятниковъ по исторіи протестантства въ Россіи, собственно не представляетъ новости. Это—перепечатка съ очень ничтожными измѣненіями второй части, безъ приложеній, недавней работы того же автора: «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи» (М., 1886, ст. 279—462), хотя авторъ и ссылается на нее какъ на особый трудъ. Непонятна перепечатка спеціальнаго труда на разстояніи 2—3 мѣсяцевъ. Масса архивныхъ свѣдѣній, собранныхъ г. Цвѣтаевымъ, представляетъ неоспоримую важность, но за то и работа

является работой какъ бы подготовительной, безъ единой связующей мысли, тяжелой для чтенія. Этой сухости отчасти способствуетъ и манера пересказывать событія, почти непрерывно словами документовъ, даже безъ особой ихъ критики — манера, взятая у покойнаго С. М. Соловьева. Вопросъ авторомъ поставленъ черезчуръ широко, въ сравненіи съ заглавіемъ: онъ намѣчаетъ всѣ попытки офиціальной пропаганды католиковъ, начиная съ посольства Антонія Поссевина при Грозномъ, и особенно пускается въ подробности о ней въ первые годы царствованія Петра. Конечно, при такой широкой задачѣ, какъ и всегда, можно указать неполноты и пропуски. Изъ главнѣйшихъ отмѣтимъ: пропаганду при первомъ самозванцѣ (изслѣдованіе кс. Пирлинга), условія тушинцевъ при выборѣ Сигизмунда, дѣло Бѣлободскаго, Петра Артемьева и т. п. Жаль особенно, что авторъ не принялъ во вниманіе борьбы южно-русскихъ ученыхъ въ XVII столѣтіи съ великоруссами и отношеній польскихъ и австрійскихъ духовныхъ между собою, тогда бы многое выяснилось въ отношеніяхъ къ католицизму патріарха Іоакима. Разсказывая о выборѣ преемника умершему Іоакиму и неуспѣшности партіи Маркелла митрополита (а не епископа) псковскаго (стр. 81), авторъ повторяетъ ошибочное, по-моему, мнѣніе Соловьева и Брикнера (Ж. М. Н. П., 1879, VIII, стр. 301—302): Маркеллъ былъ обличаемъ не въ склонности къ иновѣрцамъ, а главнымъ образомъ, въ рукоположеніи нѣсколькихъ лицъ, по обычаю *бѣлороссійскихъ* архіереевъ, за одной литургіей (Горскій, II, стр. 479). Слово «*бѣлороссійскихъ*» достаточно объясняетъ выраженіе житія п. Іоакима о «иноплеменникѣ—полякѣ», добивавшемся патріаршескаго престола, и подозрѣвать въ такомъ нелѣпомъ замыслѣ тонкаго іезуита Яконовича невѣроятно. Особый интересъ представляютъ переговоры русскихъ дипломатовъ съ іезуитскимъ посланникомъ Куртцемъ, веденные съ громаднымъ тактомъ и удивительнымъ знаніемъ дѣла и національныхъ нуждъ Россіи. Тутъ можно бы поучиться многому и въ наше время...

И. Ш.

Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеобщая исторія. Пособіе для учителей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Виноградовъ, преподаватель вяземской гимназіи. Вязьма. 1886.

Предлагаемый «Сборникъ»,—говоритъ г. Виноградовъ въ своемъ предисловіи,—есть главнымъ образомъ переводъ Keferstein'a, исторической части его «Fragen aus der Geographie und Geschichte». Впрочемъ, г. Виноградовъ не ограничился однимъ переводомъ: многіе вопросы онъ дополнилъ, а иные передѣлалъ. Дополненіе относится къ исторіи славянъ, Византіи и также ко всеобщей исторіи.

Авторъ - переводчикъ разсматриваемаго нами «Сборника» довольно подробно опредѣляетъ цѣль, которой онъ руководился при изданіи своего труда, но его доводы мало убѣдительны для насъ и именно потому, что упомянутый «Сборникъ» вопросовъ можетъ имѣть только одну цѣль — практическую: служить при повтореніи курса исторіи, что̀ особенно полезно при экзаменахъ, когда предметъ усвоенъ, но, всетаки, представляется необходимымъ время отъ времени повторять пройденный учебникъ. Согласны мы и съ тѣмъ, что

такой «Сборникъ» можетъ до извѣстной степени дать преподавателю матеріалъ для приложенія къ дѣлу, при изученіи исторіи, катехизическаго пріема, какъ очень важнаго для повѣрки познаній учащихся вообще, а главное для повѣрки степени пониманія ими смысла историческихъ событій. Но повторяемъ, что и эти чисто практическія цѣли достижимы лишь при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ пришлось бы слишкомъ долго говорить.

Въ данномъ случаѣ особенно важно то, въ какой степени удовлетворительно составлены самые вопросы, т. е. на сколько они захватываютъ существо, духъ историческихъ событій? Внимательное разсмотрѣніе «Сборника» приводитъ насъ къ заключенію, что съ этой стороны трудъ г. Виноградова выполненъ очень хорошо: видно, что смыслъ подлинника переданъ имъ въ русскомъ переводѣ вѣрно и отчетливо.

Въ заключеніе скажемъ, что какъ нельзя болѣе пріятно сознавать, что и въ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ нашего отечества, въ какой ни на есть Вязьмѣ, славной до сей поры лишь пряниками, начинается умственная работа тѣмъ болѣе отрадная, что этой работѣ отдаются люди, служащіе дѣлу народнаго образованія.

И. В.

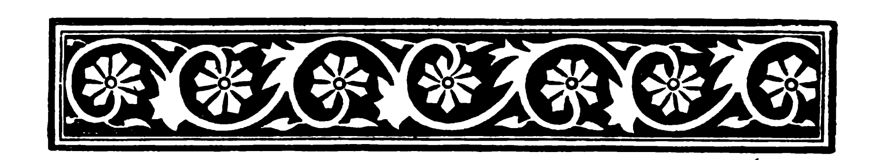
Альбомъ рисунковъ русскихъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 гг. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Голышевка (близь Мстеры). 1886.

Сохранившіеся рукописные синодики съ лицевыми изображеніями представляютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ съ точки зрѣнія художественной археологіи. Эти синодики, или поминальныя книжки объ умершихъ, издавна ведутся въ нашихъ церквяхъ и благочестивыхъ семьяхъ. Церковь записываетъ на вѣчное поминовеніе покойниковъ, если за нихъ внесены какіе либо вклады; каждая православная семья вносила въ свои поминанія всѣхъ умершихъ родственниковъ и даже близкихъ друзей. Начиная съ XVII вѣка явился обычай первыя страницы синодика занимать какими нибудь душеспасительными повѣствованіями, въ большинствѣ случаевъ иллюстрированными соотвѣтственными лицевыми изображеніями.

Синодики Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря (Владимірской губ.), въ настоящее время воспроизведенные г. Голышевымъ съ замѣчательнымъ изяществомъ и безукоризненною точностью, заслуживаютъ особаго вниманія по разнообразію украшающей ихъ орнаментики и заключающемуся въ нихъ оригинальному иконографическому матеріалу.

Въ синодикѣ 1679 года особенно замѣчательны два заглавные листа, писанные золотомъ, киноварью и тушью; другой синодикъ 1686 года отличается столь же богатой орнаментикой; третій же, 1651 года, не поражаетъ особенною художественностью, но замѣчателенъ по находящимся въ немъ изображеніямъ и рисункамъ на сюжеты загробной жизни и превратности человѣческой судьбы. Въ общемъ, новый трудъ г. Голышева представляетъ богатыя данныя для изученія древне-русскаго искусства и, съ этой точки зрѣнія, заслуживаетъ особаго вниманія не только спеціалистовъ, но и всякаго художника и преимущественно иллюстраторовъ, которые, въ свободной фантазіи древне-русскаго орнамента, могутъ найдти для себя много поучительнаго.

Е. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Религіозные трактаты Л. Н. Толстаго въ англійскомъ переводѣ.—Греческія надписи на берегахъ Чернаго моря.—Квакеры въ Петербургѣ въ 1818 году.—Киргизы.—Двѣ книги о Румеліи и Болгаріи.—Готова ли Франція къ войнѣ?—Шотландскіе католики при Маріи Стюартъ.—Ганноверскій король и австрійскій императоръ.—Книги о зулусахъ.—Переписка Биконсфильда съ своей сестрой.—Англійскіе премьеры.—Словарь парижанъ.—Современники.—Двѣ исторіи Англіи во французскомъ переводѣ.—Записки бывшаго министра.—Мемуары княгини Витгенштейнъ.

Мы говорили уже о французскихъ переводахъ религіозныхъ сочиненій графа Л. Н. Толстаго. Теперь эти сочиненія переведены и на англійскій языкъ и являются въ двухъ различныхъ видахъ. Первое «Христіанство Христа» (Christ's Christianity. By count Leo Tolstoi) переведено неизвѣстнымъ лицомъ; другое «Чему я вѣрю» (What I believe) принадлежитъ Константину Попову. Первое состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ трактатовъ, написанныхъ въ послѣднія семь лѣтъ: «Какъ я началъ вѣрить» — автобіографическій, оконченный въ 1879 году; въ немъ изложено развитіе жизни и мыслей автора; «Въ чемъ моя вѣра», оконченный въ 1884-мъ. Въ обоихъ этихъ трактатахъ разсужденія объ отвлеченныхъ религіозныхъ предметахъ выпущены въ переводѣ; третій трактатъ представляетъ только сжатый конспектъ двухъ новыхъ трактатовъ, написанныхъ послѣ автобіографіи, и называется «Духъ Христова ученія». Изданіе К. Попова «Въ чемъ моя вѣра» представляетъ полный переводъ втораго трактата, вошедшаго въ первую книгу, и указываетъ, какіе пропуски сдѣланы въ переводѣ перваго изданія. «Гр. Толстой,—говоритъ критикъ журнала «Academy»,—извѣстенъ давно какъ писатель и воспитатель (educationalist). Эти сочиненія представляютъ намъ его въ новомъ свѣтѣ: они представляютъ сводъ религіозныхъ вѣрованій, быстро, но вполнѣ овладѣвшихъ авторомъ и внушающихъ ему страстное увлеченіе». Для русскаго читателя такое ученіе, конечно, ново, и неудовольствіе нѣкоторыхъ поклонниковъ Л. Н. Толстаго на непоявленіе на русскомъ языкѣ этихъ сочиненій—очень странно. Теперь, когда и русскіе читатели могли въ печати познакомиться съ ученіемъ графа, послѣ, того какъ оно было изложено и коментировано въ нашемъ духовномъ журналѣ, они поняли, что нельзя, при всемъ ува-

женіи къ свободѣ печати, допускать обращаться въ народѣ ученіе лица, принадлежащаго къ господствующей въ Россіи церкви и въ то же время опровергающаго почти всю обрядовую сторону этой церкви, вмѣстѣ со многими ея догматами. Вѣдь въ своихъ мнѣніяхъ гр. Толстой ушелъ гораздо дальше штундистовъ и всѣхъ нашихъ раціоналистовъ-сектантовъ. Такой христіанскій раціонализмъ, понятный у протестантскаго автора, немыслимъ у православнаго. У писателей, принадлежащихъ къ англиканской церкви, есть немало сочиненій, совершенно въ духѣ русскаго автора. Такова «Апологія» кардинала Ньюмана, религіозный трактатъ «Ecce homo» и др. Англійскіе критики находятъ большое сходство въ религіозныхъ мнѣніяхъ гр. Толстаго и Джорджа Эліота. Они восхищаются его откровенностью, благодушіемъ, гуманностью, смиренностью, находятъ естественнымъ переходъ отъ невѣрія къ пессимизму Соломона, Будды, Шопенгауера, потомъ къ христіанству въ формѣ, принимаемой Ренаномъ, раціоналистами, такъ называемыми «неохристіанами». Но, чтобы опровергать обрядовую сторону господствующаго ученія утвержденную сотнями умовъ, надо изучить вѣковую исторію христіанства гораздо ближе и подробнѣе, нежели это могъ сдѣлать писатель, хотя и даровитый, но не спеціалистъ, не подготовленный къ изслѣдованію религіозныхъ вопросовъ. Ставить свой личный взглядъ выше убѣжденія милліоновъ людей возбуждать въ нихъ сомнѣнія, продолжая считать себя членомъ ихъ общины,— не дѣло христіанскаго смиренія.

— Нашъ соотечественникъ Василій Латышевъ издалъ «Древнія надписи сѣверныхъ окраинъ Понта Эвксинскаго, греческія и римскія» (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, graecae et latinae). Извѣстное, классическое изданіе Бёка «Corpus inscriptionum graecarum» заключаетъ въ себѣ не болѣе 80-ти надписей, относящихся къ южной Россіи. Въ послѣднее время изысканіями русскихъ ученыхъ число это возвысилось до 500 нумеровъ. Многія изъ этихъ надписей погребены въ частныхъ музеяхъ, описанія ихъ разсѣяны въ разныхъ періодическихъ и ученыхъ изданіяхъ, путевыхъ замѣткахъ и т. п. Къ тому же, описанныя на русскомъ языкѣ надписи являлись мертвою буквою для западныхъ археологовъ. Поэтому археологическое Общество поручило г. Латышеву собрать и издать всѣ эти надписи на латинскомъ языкѣ. Онѣ расположены сначала въ географическомъ порядкѣ по мѣстностямъ, гдѣ были найдены, потомъ, по содержанію, наконецъ, въ хронологической послѣдовательности, конечно, тамъ гдѣ, это возможно. Каждая надпись сопровождается исторіей этого документа, потомъ приводится текстъ со всею эпиграфическою точностію, коментаріи къ нему и, въ важнѣйшихъ надписяхъ, русскій переводъ. Къ книгѣ приложенъ указатель и два факсимиле. Г. Латышевъ, авторъ замѣчательнаго этюда о Херсонесѣ, не только компилировалъ надписи, но свѣрялъ ихъ съ оригиналами, исправлялъ ошибки въ цитированіи надписей другими лицами. Въ книгѣ не достаетъ только историческихъ и топографическихъ свѣдѣній о мѣстностяхъ малоизвѣстныхъ.

— Въ послѣдней книжкѣ «Deutsche Rundschau», въ статьѣ «Квакеръ Грилье въ Петербургѣ» (Der Quäker Grillet in S.-Petersburg) представлена довольно интересная картина петербургскаго двора и общества въ 1818—1819 году. О пребываніи въ нашей столицѣ этого квакера (собственно Грелю де Мобилье) съ своимъ товарищемъ Вильямомъ Алленомъ въ русской литературѣ имѣются подробныя свѣдѣнія. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 года помѣщена обширная статья А. Н. Пыпина «Александръ I и квакеры», за-

писки самого Грилье переведены, въ извлеченіи, И. Т. Осининымъ въ «Русской Старинѣ» 1874 г. Но нѣмецкій авторъ, приводя разсказъ квакера, дополняетъ его подробностями о петербургской жизни, взятыми и изъ другихъ источниковъ. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, откуда именно заимствованы эти источники, и потому нельзя полагаться на ихъ достовѣрность. Такъ онъ приводитъ свѣдѣніе, не встрѣчавшееся въ русскихъ запискахъ того времени, «о постыдной невѣрности» (schmälliche Untreu) М. А. Нарышкиной; говоритъ, что, начиная съ 1818 года, Александръ I, вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о тайныхъ обществахъ въ Россіи, началъ недовѣрчиво относиться къ русскимъ и съ полною довѣренностью къ полякамъ. Послѣднее мнѣніе авторъ подтверждаетъ цитатою изъ сочиненія Теодора Бернгарда объ этой эпохѣ. О мистическомъ настроеніи императора и приближенныхъ къ нему лицъ, стоящихъ въ главѣ администраціи, сообщается также много подробностей, извѣстныхъ у насъ по статьямъ А. Н. Пыпина о библейскомъ обществѣ. Но и тутъ нѣмецкій авторъ, перечисляя главныхъ членовъ этого общества, начиная съ министра просвѣщенія Голицына, директора его канцеляріи Попова, «ограниченнаго, но честнаго человѣка», Лабзина, Александра Тургенева и пр., называетъ и «высокочтимаго князя Мещерскаго, автора огромнаго числа русскихъ трактатовъ, въ духѣ Эккартсгаузена». Но дѣло въ томъ, что никакой князь Мещерскій не писалъ мистическихъ трактатовъ, а сочиняла ихъ княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, рожденная Всеволожская, жена Ивана Серг. Мещерскаго, брата бывшаго оберъ-прокурора синода, умершая въ 1848 году. Трактаты ея разсылались всюду А. Н. Голицынымъ, и перечислены въ исторіи перевода библіи И. Чистовича, 1873 г. Объ ней говорится въ статьяхъ Пыпина, Осинина, въ запискахъ архимандрита Фотія, въ словарѣ писательницъ кн. Н. Голицына 1865 г., даже въ запискахъ самого квакера Грилье, и любопытно, что нѣмецкій авторъ статей объ этомъ квакерѣ не замѣтилъ этого, и приписалъ сочиненія извѣстной въ то время княгини Мещерской ея мужу. Трудно поэтому полагаться на точность и другихъ его показаній. Троекратное посѣщеніе квакерами Александра I, ихъ совмѣстныя молитвы, подъ «вѣяніемъ духа», описаны, впрочемъ, согласно съ извѣстными намъ данными. Мѣстами встрѣчаются любопытныя замѣтки. Такъ, приводя въ примѣчаніи разсказъ А. И. Герцена о смерти Милорадовича, позволившаго вынуть поразившую его пулю только своему хирургу, сопровождавшему его въ походахъ, авторъ прибавляетъ, что хирургъ этотъ былъ Петрашевскій, отецъ извѣстнаго лица, сосланнаго въ 1848 году въ Сибирь.

— Въ «Revue d'antropologie» была помѣщена статья врачомъ Семирѣченской области Зееландомъ, о киргизахъ, вышедшая и отдѣльно (Les Kirghis par Nicolas Seeland). Живя среди этого племени, авторъ имѣлъ полную возможность изучить его. Послѣ краткаго историческаго обзора о происхожденіи киргизовъ и ихъ названіи, авторъ перечисляетъ мѣстности, населяемыя ими, говоритъ о природѣ и странѣ, объ ихъ образѣ жизни, занятіяхъ, экономическомъ положеніи, семейныхъ отношеніяхъ, административномъ устройствѣ и пр. Послѣднія три главы посвящены исключительно антропологическимъ изслѣдованіямъ типа киргизовъ: физическаго, нравственнаго, физіологическаго, умственнаго. Въ заключеніе авторъ описываетъ особенности ихъ характера и темперамента. Не смотря на строго научную цѣль, изслѣдованіе читается съ большимъ интересомъ.

— Любопытная книга о Болгаріи и Румеліи написана, подъ псевдонимомъ Эрдика, Эмилемъ Кёлье, бывшимъ совѣтникомъ въ болгарскомъ министерствѣ

финансовъ. Лѣтомъ 1884 года, онъ ѣздилъ изъ Софіи въ Филиппополь и плодомъ этой поѣздки вышла теперь книга: «Leon Erdic. En Bulgarie et en Roumélie. Mai-Juin 1884». Въ два мѣсяца, конечно, нельзя изучить эти страны, но оффиціальное положеніе автора облегчило ему знакомство съ ними, тѣмъ болѣе, что на французскомъ языкѣ имѣется уже немало сочиненій о Болгаріи: Леруа-Болье, Луи Леже, Гюгоне, Шарма и Эмиля Лавеле. Послѣдній, въ новомъ изданіи своего сочиненія, лучшаго по этому предмету, изданнаго подъ названіемъ «Черезъ Балканы» (A travers les Balkans), причину всѣхъ безпокойствъ, волнующихъ Балканскій полуостровъ и Австрію, видитъ въ стремленіи племенъ къ признанію ихъ національности. Стремленіе это развилось отъ демократическихъ учрежденій. Гдѣ господствуетъ свободное слово какъ въ представительныхъ собраніяхъ, оно должно раздаваться на родномъ языкѣ. Ни учить народъ, ни судить его нельзя на чуждомъ ему нарѣчіи. Это представляетъ непреодолимыя трудности тамъ, гдѣ живетъ нѣсколько племенъ. Франція не понимаетъ этого, потому что пережила уже этнографическій моментъ. Она уже объединила въ идеѣ общаго отечества такія противоположныя расы, какъ провансальская, на половину итальянская, бретонская—кельтійскаго происхожденія, даже чисто германская въ Альзасѣ. Это доказываетъ, что въ высокообразованныхъ государствахъ идея національности не играетъ такой важной роли, какъ думаютъ многіе: она даже вовсе стушевывается въ странахъ, гдѣ, какъ въ Швейцаріи, единство свободныхъ учрежденій и цивилизаціи стоитъ гораздо выше особенностей языка и религіозныхъ вѣрованій. Но въ Болгаріи національные вопросы стоятъ на первомъ планѣ, и болгарскій чиновникъ, французскаго происхожденія, сильно настаиваетъ на томъ, что болгары держатся за свою національную индивидуальность и твердо должны охранять ее отъ всякой иноземной опеки, хотя бы и «великой сѣверной державы». Потонуть въ русскомъ морѣ они вовсе не расположены. Эрдикъ утверждаетъ даже, что Европа недостаточно знакома съ подвигами болгаръ во время послѣдней войны и что въ геройской оборонѣ Шипки преобладающая роль принадлежитъ болгарскимъ дружинамъ; этого не утверждали никогда даже сами болгары. Авторъ видитъ въ нихъ даже не славянское, а только ославянившееся племя и, сознавая, что во время турецкаго владычества они не обнаруживали особеннаго стремленія къ свободѣ, находитъ, что, получивъ ее, они ни за что не хотятъ разстаться съ нею. Не скрывая того, что Болгарія всѣмъ обязана Россіи, авторъ недоволенъ, однако, той ролью, какую играетъ теперь великая держава по отношенію къ освобожденной ею странѣ, и пророчитъ болгарамъ блестящую будущность при неминуемомъ и близкомъ распаденіи Турецкой имперіи.

— Въ Парижѣ вышла также брошюра, возбудившая въ Берлинѣ гораздо болѣе толковъ, чѣмъ въ мѣстѣ ея происхожденія. Она называется «Передъ сраженіемъ» (Avant la bataille) и принадлежитъ французскому военному министру генералу Буланже, хотя, конечно, не выставившему своего имени. Авторъ доказываетъ оффиціальными цифрами и данными, что французская армія въ настоящее время не только не слабѣе германской, но даже превосходитъ ее. Франція можетъ выставить армію въ 4.100,000, изъ которыхъ болѣе 700,000, однако, поступятъ въ запасъ только при объявленіи войны. Вооруженіе французской арміи не уступаетъ вооруженію другихъ армій; нигдѣ войска не остаются такъ долго въ строю. Авторъ не говоритъ только о духѣ французскаго войска, на который нельзя положиться, и о томъ что у Франціи нѣтъ даже въ виду генераловъ, которые могли бы командовать милліонною

арміею. Для мобилизаціи передвижныя средства страны весьма достаточны, такъ какъ въ ней 200,000 вагоновъ для перевозки людей, артиллеріи и обоза. Авторъ увѣряетъ, что мобилизація можетъ быть окончена въ недѣлю. Войну съ Германіей онъ считаетъ близкой и неизбѣжной, а рейнская граница необходима для Франціи по историческимъ, этнографическимъ и стратегическимъ соображеніямъ.

— Въ Эдинбургѣ вышли «Разсказы шотландскихъ католиковъ при Маріи Стюартъ и Іаковѣ VI» (Narratives of Scottich Catholics under Mary Stuart and James VI) Форбесъ-Лейта. Это — сборникъ писемъ и записокъ іезуитовъ-миссіонеровъ, бывшихъ въ Шотландіи отъ 1560 до 1625 года. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ были уже обнародованы въ другихъ странахъ, но на англійскомъ языкѣ являются въ первый разъ. Въ нихъ почтенные отцы говорятъ больше о себѣ и своихъ приключеніяхъ въ Шотландіи, но, конечно, и о политическихъ событіяхъ, хотя и съ іезуитской точки зрѣнія. Замѣтки ихъ служатъ полезнымъ дополненіемъ книги отца Морриса о томъ же предметѣ: «Волненія нашихъ католическихъ предковъ» (Troubles of our catholics forfathers). Самый любопытный документъ книги Форбса-Лейта разсказъ о посольствѣ Николая Гауды, въ качествѣ папскаго нунція къ шотландской королевѣ въ 1562 году; онъ подробно описываетъ затруднительное положеніе Маріи, и его разсказъ продолжаетъ до 1571 года епископъ Лесли; донесенія этого прелата извлечены впервые изъ ватиканскаго архива. Кромѣ того, въ книгѣ помѣщены извлеченія изъ писемъ къ генераламъ іезуитскаго ордена Аквавива и Вителлески. Продажность и интриги шотландскихъ дворянъ особенно рельефно выдѣляются въ разсказѣ іезуитовъ. Лорды измѣняли королевѣ и мѣняли религію не по убѣжденію, а согласно со своими личными выгодами. Такъ въ сраженіи при Гленлинветѣ вожди католики, графы Гонтли и Эрроль, разбили протестантскаго герцога Аргайля и приписали эту побѣду особенному чуду, посланному небомъ въ награду за ихъ ревность къ религіи. Когда же Аргайль принялъ католицизмъ, графы, враждуя съ нимъ, перешли въ протестантство. Многіе изъ лордовъ въ одно и то же время исполняли обряды обѣихъ религій и увѣряли папу, что слѣдуютъ предписаніямъ кальвинистовъ для того, чтобы обмануть ихъ. Папа милостиво разрѣшилъ имъ это. Въ книгѣ немало любопытныхъ подробностей въ этомъ родѣ.

— «Воспоминанія о дворѣ и времени короля Эрнеста Ганноверскаго» (Reminiscences of che court and times of king Ernst of Hanover) записаны его духовникомъ Вилькинсономъ неумѣло, нелитературнымъ языкомъ, но, тѣмъ не менѣе, интересны и сообщаютъ много новыхъ фактовъ о королевствѣ, проглоченномъ Пруссіею, еще прежде, чѣмъ она стала въ главѣ Германской имперіи. Король Эрнестъ, по выраженію Вильгельма IV, «былъ недурной человѣкъ, но если онъ знаетъ, что у кого нибудь мозоль, то непремѣнно наступитъ на нее». Понятно, что съ такимъ человѣкомъ ужиться было нелегко, и Вилькинсонъ не разъ жалуется на свою судьбу и на грубое обращеніе короля. Грубость была, впрочемъ, всегда въ характерѣ гановерскаго дома, проявлялась даже по отношенію къ женщинамъ и, конечно, увеличивалась отъ низкопоклонничества придворныхъ. Но были люди и въ средѣ приближенныхъ короля, съ которыми онъ сдерживался до извѣстной степени. «Кто не ползалъ передъ нимъ, того онъ не давилъ»,—говоритъ Вилькинсонъ, и приводитъ въ примѣръ дантиста и брадобрея Эрнеста, родомъ чеха, 17 лѣтъ, всякій день являвшагося къ королевскому туалету. Когда король былъ не въ духѣ и обращался къ чеху въ рѣзкихъ выраженіяхъ, тотъ отвѣчалъ ему

въ томъ же тонѣ и тотчасъ уходилъ, а на другое утро являлся какъ ни въ чемъ не бывало, и ни онъ, ни Эрнестъ не вспоминали о вчерашнихъ пререканіяхъ. Однажды король, разсердившись на что-то, сказалъ чеху: «вы настоящій дуракъ, пошлый дуракъ!»—«Совершенно справедливо!—отвѣчалъ спокойно брадобрей:—если бы я не былъ пошлымъ дуракомъ, я бы не служилъ такъ долго при вашемъ величествѣ». Король не терпѣлъ ученыхъ и профессоровъ. Его идеалъ джентльмена былъ: хорошей породы, хорошо одѣтый и умѣренно ученый, «bene natus, bene vestitus et moderate doctus», какъ онъ самъ выражался. У автора есть анекдоты и о другихъ властителяхъ. Такъ онъ разсказываетъ о засѣданіи совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора Франца I. Метернихъ читалъ длинный докладъ о важныхъ реформахъ въ государствѣ, Францъ сидѣлъ у окна Бурга и смотрѣлъ на улицу. Канцлеръ, окончивъ докладъ, спросилъ мнѣніе монарха.—«Совершенно согласенъ,—отвѣчалъ тотъ:—только пока вы читали, подъ окномъ проѣхало 173 экипажа». Въ другой разъ Метернихъ докладывалъ въ совѣтѣ объ измѣненіяхъ границъ, прося императора слѣдить по географическому атласу за объясненіями канцлера. Францъ внимательно глядѣлъ на карту, потомъ вдругъ захлопнулъ толстую книгу, вскричавъ: попался! (ich hob's). Когда всѣ остановились, Францъ очень добродушно объяснилъ свое восклицаніе:—«А тутъ, по корешку и по обрѣзу, все бѣгалъ маленькій паукъ—я ждалъ, пока онъ прибѣжитъ на середину страницы, и захлопнулъ его».—Третій анекдотъ о томъ же Францѣ уже слишкомъ невѣроятенъ. Однажды ему принесли огромнаго орла, застрѣленнаго въ Тиролѣ, сожалѣя, что могли представить только убитую и сильно израненную птицу.—«Да, да, очень сильно израненную,—повторилъ съ сожалѣніемъ монархъ:—вѣрно долго защищалась: одна голова совсѣмъ оторвана».—Кромѣ подобныхъ анекдотовъ, въ книгѣ представлена вѣрная картина придворной и общественной жизни въ Гановерѣ.

— О зулусахъ вышли два замѣчательныя сочиненія: «Паденіе земли Зулу, отчетъ объ англійскихъ дѣлахъ въ землѣ Зулу, со вторженія въ нее въ 1879 году» (The ruin of Zululand, an account of british doings in Zululand since the invasion of 1879) миссъ Елены Коленсо и «Наталь и зулусы» (Natal and the Zulus) полковника Туллока. Въ первой книгѣ разсказана исторія страны со времени занятія ея Уольслеемъ до смерти Сетивайо. Миссъ Коленсо долго жила въ этой странѣ со своимъ отцомъ, извѣстнымъ епископомъ, и научилась даже языку зулусовъ; кромѣ того, у нея были всѣ официальные документы, и книга ея представляетъ поэтому важный источникъ для знакомства съ исторіей страны. Въ книгѣ можно найдти даже много новаго. Такъ причиною войны противъ дикаря Сетивайо считаютъ его дерзкое письмо къ губернатору Генриху Больверу, но оказывается, что онъ ничего не писалъ къ представителю Англіи, и отправилъ къ нему своего приближеннаго, который, желая подорвать довѣріе англичанъ къ Сетивайо и отомстить ему, передалъ вовсе не такъ, какъ слѣдовало, посланіе своего властителя. И на основаніи словъ хитраго дикаря Больверъ счелъ себя оскорбленнымъ и началъ войну съ зулусами. Когда плѣнный король былъ отвезенъ въ Англію, между 13-ю подвластными ему корольками, которыхъ онъ умѣлъ сдерживать въ порядкѣ, началась такая рѣзня, что пришлось вернуть опять Сетивайо, чтобъ прекратить кровопролитіе въ странѣ. Но было уже поздно, и когда Сетивайо возвратили прежнюю власть, онъ не имѣлъ уже прежней силы и былъ разбитъ своимъ врагомъ Зибебу, хотя большинство зу-

лусовъ, требовавшее его возвращенія, стояло за него. Миссъ Коленсо обличаетъ также высокомѣріе и несправедливость Генриха Больвера не только по отношенію къ дикарямъ, но и къ ея отцу, который перевелъ на языкъ зулусовъ часть ветхаго и новаго завѣта и поучалъ дикарей какъ миссіонеръ и епископъ, а между тѣмъ губернаторъ, ни слова не знавшій на ихъ языкѣ, обвинялъ офиціально и Коленсо въ незнаніи этого языка. Другая брошюра полковника Туллока симпатично относится къ зулусамъ и признаетъ ихъ самымъ развитымъ племенемъ изъ всѣхъ чернокожихъ. Способность ихъ къ восприятію европейской цивилизаціи не подвержена сомнѣнію, хотя полковникъ и увлекается, утверждая, что зулусы «храбры, вѣрны своимъ обѣщаніямъ и нравственны больше, чѣмъ многія цивилизованныя племена». У нихъ нѣтъ религіи, хотя нѣкоторые поклоняются змѣямъ, а всѣ вообще вѣрятъ въ колдовство и гаданье.

— Вышла «Переписка лорда Биконсфильда съ своей сестрою съ 1832 по 1852-й годъ» (Lord Beaconsfield correspondence with his sister). Въ прошломъ году мы говорили о появленіи семейныхъ писемъ бывшаго премьера Англіи. Теперь обнародована еще болѣе обширная коллекція подобныхъ писемъ, обнимающихъ двадцатилѣтній періодъ. Это было время литературной извѣстности Дизраели и его первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ. Письма изданы его младшимъ братомъ Ральфомъ Дизраели и отличаются непомѣрнымъ эгоизмомъ и самовосхваленіемъ; предисловіе объясняетъ, что они не назначались къ печати и писаны къ сестрѣ, преклонявшейся передъ дарованіями своего брата. Это, однако, не причина отзываться съ пренебреженіемъ обо всѣхъ окружавшихъ Дизраели и говорить больше всего только о самомъ себѣ. Издатель прибавляетъ еще, что онъ исключилъ всѣ рѣзкія сужденія о живыхъ лицахъ. Что говоритъ объ нихъ Дизраели, можно себѣ представить, читая, какъ онъ отдѣлываетъ мертвыхъ: романиста Бульвера, лордовъ Дургама, Гоуптона, О' Коннеля и др. На вечерѣ у Бульвера онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего критика, Альбани Фонбланка; при выходѣ въ свѣтъ его плохаго романа «Контарини Флемингъ» приводитъ мнѣніе своего издателя Джона Муррея, что этотъ романъ будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ «Чайльдъ-Гарольдъ». Самолюбіе сквозитъ въ каждомъ письмѣ, и, однако, въ нихъ встрѣчаются черты, характеризующія и самого Дизраели и его время. Особенно интересны подробности о женитьбѣ его на богатой вдовѣ и о первыхъ парламентскихъ подвигахъ до вступленія его въ 1862 году въ кабинетъ лорда Дерби.

— Барнетъ Смитъ издалъ біографіи «Первыхъ министровъ королевы Викторіи» (The prime ministers of queen Victoria). Авторъ передаетъ подробно жизнь и политику всѣхъ девяти премьеровъ, управлявшихъ Англіей въ послѣдніе полвѣка, начиная отъ лорда Мельборна и оканчивая маркизомъ Салисбюри. Сужденія объ нихъ безпристрастны. Мельборнъ одаренъ личными пріятными качествами, но не силою интеллигенціи; о политикѣ его Барнетъ говоритъ меньше, чѣмъ о скандальной сторонѣ его управленія и исторіи леди Каролины Ламбъ и мистрисъ Нортонъ. Робертъ Пиль, хотя и не принадлежитъ къ разряду высокодаровитыхъ государственныхъ людей, но принесъ странѣ больше пользы чѣмъ они. Биконсфильдомъ авторъ не восхищается. Къ Росселю, Дерби, Абердину, Пальмерстону относится спокойно и равнодушно, но удивляется дарованіямъ Гладстона и Салисбюри, хотя не принадлежитъ къ приверженцамъ послѣдняго.

— Амбруазъ Тардье, извѣстный многими историческими трудами, издалъ любопытный «Иконографическій словарь парижанъ» (Dictionnaire icono-

graphique des Parisiens), то есть біографіи лицъ, родившихся въ Парижѣ. Такихъ біографій въ словарѣ до 3,000 и при нихъ приложено 20 портретовъ, снятыхъ съ рѣдкихъ оригиналовъ, какъ, напр., портреты Екатерины Бурбонской, сестры Генриха IV, Гильомъ дю Вера, Клода Гопиль (1604). У Тардье теперь единственная колекція портретовъ знаменитыхъ парижанъ, такъ какъ хранившаяся въ парижской ратушѣ сгорѣла во время комуны. Это изданіе назначено только для любителей и стоитъ очень дорого, но авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ «Біографическій словарь парижанъ достойныхъ памяти», куда войдетъ до 7,000 именъ.

— Извѣстный критикъ, Жюль Леметръ, издалъ «Современниковъ,—литературные этюды и портреты» (Les contemporains. Etudes et portraits littéraires). Это сборникъ статей, печатавшихся въ журналѣ «Revue politique et littéraire» и являющихся въ книгѣ въ болѣе обработанной формѣ. Авторъ—теперь профессоръ словесности въ Греноблѣ, но прежде читалъ лекціи въ Гаврѣ, въ Алжирѣ, писалъ недурные стихи, составилъ диссертацію о пьесахъ Мольера и Данкура. Критическія оцѣнки его вѣрны, беспристрастны и написаны прекраснымъ языкомъ. Въ книгѣ помѣщены литературные портреты Теодора Банвиля, Сюлли Прюдома, Коппе, Доде, Ренана, Брюнетьера, Зола, Эдуарда Грелье, г-жи Аданъ, Гюи де-Мопассана, Гюисмана, Жоржа Оне, всѣхъ знаменитостей современной Франціи, которыми, однако, критикъ не увлекается и многимъ изъ нихъ, какъ, напр., Жоржу Оне, говоритъ довольно рѣзкую правду.

— Два одновременно вышедшіе перевода исторіи Англіи доказываютъ, что французы интересуются своими заламаншскими сосѣдями: «Современная исторія Англіи» (Histoire contemporaine d'Angleterre) Мак-Корти вышла въ пяти томахъ. Она обнимаетъ все царствованіе Викторіи отъ 1837 по 1880 годъ. Интересы Франціи такъ близко соприкасаются съ англійскими, что изучить ихъ необходимо для обѣихъ странъ, а Мак-Корти говоритъ подробно не объ однихъ политическихъ событіяхъ, но и о финансахъ, торговлѣ, промышленности Англіи. Переводчикъ Леопольдъ Гуаранъ не держится буквально подлинника, а передаетъ его на французскій языкъ, примѣняясь къ обычнымъ оборотамъ французскаго слога. Онъ передаетъ, между прочимъ, своеобразную точку зрѣнія либеральнаго шотландца какъ Мак-Корти, на положеніе женщины въ англійскомъ обществѣ, на необходимость уничтоженія вліянія духовенства на воспитаніе и т. п., также какъ и на такія событія во Франціи, какъ государственный переворотъ, крымская война, китайская и мексиканская экспедиція, война 1870 года, о которыхъ авторъ отзывается далеко не въ хвалебномъ тонѣ.—Другая «Современная исторія англійскаго народа» (Histoire moderne du peuple anglais) Джона Ричарда Грина переведена Маріею Гонтъ и заключаетъ въ одномъ томѣ краткій обзоръ событій отъ революціи 1688 года по 1878-й годъ. Переводчица имѣетъ званіе профессора англійскаго языка въ Парижѣ, и трудъ ея заслуживаетъ полнаго вниманія.

— Записки бывшаго министра, лорда Мальмесбюри (Mémoires d'un ancien ministre), о которыхъ мы говорили при появленіи ихъ на англійскомъ языкѣ, вышли и въ переводѣ на французскій. Обнимая собою пространство времени отъ 1832-го по 1869-ый годъ, онѣ читаются съ большимъ интересомъ и въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ и анекдотовъ. Въ 1844 году, Мальмесбюри видѣлъ на завтракѣ у герцога Девонширскаго императора Николая I, «величественнаго, съ замѣчательно красивыми чертами лица; но онъ кажется старше своихъ лѣтъ, потому что очень полонъ, и начинаетъ лысѣть; волосы и усы у него бѣлокурые; во взглядѣ замѣтно легкое

уклоненіе отъ прямизны направленія. Манеры его благородны и вѣжливы и напоминаютъ манеры Георга IV, но съ бо́льшимъ достоинствомъ и меньшимъ дендизмомъ». Въ томъ же году авторъ познакомился съ Гладстономъ, «о которомъ говорятъ какъ о человѣкѣ будущаго. Но мы разочаровались,— прибавляетъ Мальмесбюри,—при видѣ его наружности: онъ похожъ на католическаго патера, хота обращеніе его пріятно». О революціи 1848 года не говорится ничего новаго, также какъ и о крымской кампаніи. Авторъ приписываетъ только почему-то планъ Инкерманскаго сраженія самому Николаю I и говоритъ, что императоръ, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, закричалъ посланному съ извѣстіемъ о пораженіи, что онъ лжетъ. При извѣстіи о смерти Николая I отъ «апоплексіи легкихъ», Наполеонъ III спросилъ своего медика, Конно: знаетъ ли онъ эту болѣзнь? Не обошлось также безъ разсказовъ о жестокостяхъ русскихъ подъ Инкерманомъ и въ Гангё, на Балтійскомъ морѣ. Личный другъ Наполеона III, Мальмесбюри отзывается вездѣ объ немъ съ большею симпатіею и увѣряетъ даже, что онъ плакалъ пятнадцать часовъ сряду во время родовъ Евгеніи. Въ то же время онъ не скрываетъ его интимныхъ отношеній къ графинѣ Валевской, неприличныхъ манеръ принцесы Матильды, на которыя жаловалась даже императрица. Только объ итальянской войнѣ 1859 года Мальмесбюри съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что императоръ французовъ проводитъ время въ пріятныхъ бесѣдахъ со своими фаворитками, въ то время когда Викторъ Эмануилъ бросался въ огонь и рисковалъ своею жизнью. Сраженіе при Сольферино было потеряно потому, что̀ планъ его былъ составленъ Францемъ-Іосифомъ, вопреки стратегіи оставившимъ у себя въ тылу рѣку Минчіо. Больше всего въ запискахъ бывшаго министра достается его соперникамъ—Пальмерстону и партіи виговъ. Въ заключеніи Мальмесбюри говоритъ, что къ войнѣ 1870 года Наполеона принудила Евгенія и военный министръ Лебефъ.

— Въ литературномъ и политическомъ мірѣ произвели впечатлѣніе интимные мемуары вдовы князя Лудвига Сайнъ-Витгенштейнъ-Сайнъ, рожденной Амаліи Либенталь, изданные подъ названіемъ: «Княжеское германское семейство» (Une famille princière d'Allemagne). Въ мемуарахъ разсказываются весьма некрасивые поступки свекрови и деверей княгини Витгенштейнъ, обвиняющей и всю страну въ томъ, что тамъ совершаются возмутительныя преслѣдованія ни въ чемъ неповинной женщины и явно нарушаются законы, не возбуждая ни въ комъ негодованія. Но вопросъ въ томъ, вѣрно ли передаетъ княгиня свои злоключенія и не старается ли склонить на свою сторону вѣсы правосудія? Наконецъ, если все, что она говоритъ, справедливо,— слѣдовало ли дѣлать извѣстнымъ публикѣ семейную, интимную драму? Она, конечно, имѣла право защищаться, обличать своихъ враговъ, апелировать на несправедливость нѣмецкихъ судовъ, на равнодушіе властей къ явнымъ несправедливостямъ, но все это можно было бы сдѣлать, не прибѣгая къ громкимъ фразамъ, къ политическимъ возгласамъ, къ тону нисколько не литературному и не отличающемуся ни спокойствіемъ, ни выдержанностію. И потомъ, все дѣло тутъ идетъ о деньгахъ, о какихъ-то спорныхъ имуществахъ и наслѣдствахъ маіоратствъ, выводятся счеты, цитируются дѣловыя бумаги, воззванія къ чувству перемѣшиваются съ столбцами талеровъ. Все это, конечно,— грязное бѣлье, которое, по поговоркѣ, надо мыть у себя дома. И потому, самое посвященіе мемуаровъ — новому жениху княгини — кажется совершенно неумѣстнымъ и дѣлаетъ весьма подозрительными всѣ аргументаціи мемуаровъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи томскаго губернатора Хвостова.

ОДИННАДЦАТАГО августа 1805 года, отъ томскаго гражданскаго губернатора Хвостова послѣдовало къ г. министру внутреннихъ дѣлъ донесеніе слѣдующаго содержанія:

«Въ бытность мою нынѣ въ Туруханскѣ, имѣлъ я случай сдѣлать посильное краю сему добро, въ память искренняго моего усердія къ его благу. Нашедъ въ семъ городѣ у разныхъ людей пять мальчиковъ изъ тунгусовъ и остяковъ, отданныхъ на воскормленіе безъ возврата отъ бѣдныхъ родителей, считавшихъ себѣ отягощеніемъ пропитать несчастныхъ младенцевъ, по случившимся худымъ промысламъ звѣря и рыбы,—рѣшился я взять ихъ на мое содержаніе. Сообразивъ бѣдное состояніе и самихъ воспитателей и не предвидя, кромѣ присвоенія, иной цѣли въ участи сихъ несчастныхъ дѣтей, не трудно мнѣ было убѣдить ихъ, чтобъ они мнѣ ихъ поручили. Я прибѣгнулъ съ просьбою къ игумену Троицкаго Туруханскаго монастыря, въ 35 верстахъ отъ города при устьѣ Тунгуски лежащаго, прося его преподобіе, чтобъ онъ согласился на слѣдующее мое предложеніе: взять въ монастырь для содержанія пищею, одеждою и обувью сихъ пять мальчиковъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обучить читать, писать и начальнымъ основаніямъ закона. Сей поистинѣ достойный званія своего игуменъ на сіе согласился тѣмъ паче, когда получилъ онъ къ сему и архипастырское начальничье ему подтвержденіе, о чемъ и просилъ я его преосвященство архіепископа тобольскаго и сибирскаго. На содержаніе сихъ мальчиковъ дано отъ меня 200 руб. съ тѣмъ, что обязался я письменно начальству сей обители вносить ежегодно къ 12-му числу марта таковую сумму по смерть мою, предоставляя

попеченіи монастыря содержать безпрерывно пять сиротъ изъ ясашныхъ края сего народовъ; причемъ просилъ, чтобъ, по довольномъ наученіи всѣхъ, или приготовя нѣсколькихъ, отнестись въ томскій приказъ общественнаго призрѣнія.

«Я осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать исходатайствованія высочайшаго повелѣнія, чтобъ томскому приказу общественнаго призрѣнія поставлено было обязанностію о устроеніи участи прочной симъ воспитанникамъ; губернскому же начальству, чтобъ къ отысканію подобныхъ несчастныхъ сиротъ изъ ясашныхъ Туруханскаго края къ дополненію впредь вакансій дѣлало оно нужныя распоряженія».

По всеподданнѣйшему докладу объ этомъ императору Александру Павловичу г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовалъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Господину дѣйствительному статскому совѣтнику, томскому гражданскому губернатору Хвостову.

«Изъ представленія вашего къ министру внутреннихъ дѣлъ съ удовольствіемъ я видѣлъ похвальный вашъ поступокъ въ призрѣніи дѣтей изъ тунгусовъ и остяковъ, оставленныхъ въ городѣ Туруханскѣ. Человѣколюбіе есть одно изъ существенныхъ свойствъ вашего званія. Мнѣ пріятно видѣть опыты его во всѣхъ состояніяхъ, но наипаче въ начальникѣ края: примѣръ его есть наилучшее къ добру побужденіе.

«Я одобряю предположеніе ваше, чтобъ дальнѣйшее устроеніе участи дѣтей, благотворительнымъ распоряженіемъ вашимъ въ монастырѣ воспитываемыхъ, состояло на попеченіи и точной обязанности приказа общественнаго призрѣнія, и чтобъ губернское начальство избирало и наполняло число воспитанниковъ, вами опредѣленное, изъ ясашныхъ сиротъ Туруханскаго края».

«АЛЕКСАНДРЪ».

Мѣстечко Пулава,
3-го октября 1805 года.

Сообщено А. Н. Ве[illegible].

СМѢСЬ.

Коммиссія для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ первомъ послѣ пятилѣтняго перерыва засѣданіи названной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ новаго президента, сенатора С. В. Пахмана,—коммиссіи, учрежденной десять лѣтъ тому назадъ, именно въ февралѣ 1876 года, при этнографическомъ Отдѣленіи географическаго Общества по мысли покойнаго Н. В. Калачева, С. В. Пахманъ посвятилъ нѣсколько слово оцѣнкѣ заслугъ своего предшественника въ дѣлѣ изученія нашего обычнаго права. Н. В. Калачевъ одинъ изъ первыхъ вполнѣ серьёзно отнесся къ этому вопросу и, участвуя въ законодательныхъ трудахъ при составленіи какъ Положенія 19 февраля, такъ и судебныхъ уставовъ, отстаивалъ огромное практическое и научное значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Первая серьёзная программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, изданная въ 1864 г. этнографическимъ Отдѣленіемъ географическаго Общества, появилась въ свѣтъ по иниціативѣ и стараніямъ Н. В. Калачева. Коснувшись матеріаловъ, которые поступаютъ въ этнографическое Отдѣленіе, ораторъ высказалъ мнѣніе, что рѣшенія волостныхъ судовъ представляются ему при изученіи обычнаго права источникомъ первостепенной важности.

Возобновленіе дѣятельности коммиссіи по собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ представляется въ высшей степени своевременнымъ и желательнымъ, въ виду работъ комитета по составленію нашего новаго гражданскаго уложенія. Кодификаціонныя работы не только у насъ, но и въ Западной Европѣ двигаются весьма медленно и, конечно, пройдетъ еще не одинъ годъ, прежде чѣмъ будетъ изготовленъ и внесенъ въ государственный совѣтъ новый гражданскій кодексъ.

Исконныя русскія области Сѣверо-Западнаго края, о которыхъ упоминается еще въ лѣтописи Нестора, населенныя кореннымъ русскимъ народомъ, представляютъ пока еще совершенную terra incognita по части ихъ народнаго юридическаго быта. Коммиссія оказала бы большую услугу наукѣ и русскому дѣлу, обративъ вниманіе на эту окраину, такъ часто и во многихъ отношеніяхъ забываемую. Членъ коммиссіи Н. А. Неклюдовъ, присоединяясь къ мнѣнію, высказанному предсѣдателемъ коммиссіи о томъ значе-

ніи, какое имѣютъ въ дѣлѣ изученія обычнаго права рѣшенія волостныхъ судовъ, познакомилъ коммиссію съ результатами изслѣдованій дѣятельности волостныхъ судовъ, которое было предпринято правительствомъ лѣтомъ 1872 года и въ которомъ онъ принималъ участіе. Изъ наблюденій г. Неклюдова видно, что волостные суды представляютъ три типа: самостоятельные суды, полусамостоятельные и, наконецъ, лишенные всякой самостоятельности, т. е. такіе, въ которыхъ судьи—пѣшки въ рукахъ писаря или старшины. Рѣшенія судовъ перваго типа, т. е. вполнѣ самостоятельнаго, которые были встрѣчены Н. А. Неклюдовымъ при его объѣздѣ въ губерніяхъ: Ярославской, Вологодской и отчасти Новгородской, представляютъ огромный интересъ. Въ этихъ губерніяхъ большинство судей люди грамотные, они не позволяютъ писарю даже присутствовать при своихъ совѣщаніяхъ, а рѣшенія пишутся почти всегда самими судьями. Это сообщеніе и характеристика волостныхъ судовъ такого компетентнаго юриста и знатока судебнаго дѣла, какъ Н. А. Неклюдовъ, было выслушано коммиссіей съ живѣйшимъ интересомъ.

Славянское Общество. Изъ прочитаннаго въ общемъ собраніи петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества отчета издательской коммиссіи за 1885 годъ видно, что въ этомъ году изданіе «Извѣстій» Общества имѣло около 900 подписчиковъ, которыми не могло окупиться, и обошлось въ 4,500 руб., потребовавъ отъ Общества субсидіи въ 3,000 р. Кромѣ того, коммиссія подготовляла два большія изданія по славистикѣ: В. И. Ламанскаго—переводъ «Янъ Жижка» Томки, и проф. Будиловича—«Обзоръ областей южнаго и западнаго славянства въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ». Оба изданія скоро появятся въ свѣтъ. Коммиссія оказывала денежныя пособія частнымъ издателямъ сочиненій по славяновѣдѣнію, на сумму 2,600 руб. Затѣмъ, собраніе выслушало докладъ особой коммиссіи по вопросу о чествованіи дня 900-лѣтней годовщины крещенія русскаго народа, долженствующей исполниться въ 1888 году. Рѣшено также обновить въ народѣ память какъ о св. князѣ Владимірѣ, такъ и о самомъ актѣ крещенія русскаго народа, и съ этою цѣлью издать къ юбилейному дню общедоступное популярное жизнеописаніе крестителя Руси, съ приложеніемъ изображенія св. Владиміра и Ольги. Изданіе должно быть не больше одного печатнаго листа и отпечатано въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, для безплатной раздачи и дешевой продажи. Самое торжество чествованія 900-лѣтія крещенія Руси коммиссія проектировала сдѣлать исключительно церковнымъ и сосредоточить, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ гдѣ народъ принялъ крещеніе, и въ Херсонесѣ-Таврическомъ, какъ мѣстѣ крещенія св. князя Владиміра. Собраніе закончилось утвержденіемъ редакціи воззванія къ почитателямъ покойнаго Ивана Сергѣевича Аксакова о пожертвованіи для образованія «аксаковскаго литературнаго фонда».

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ на Афросіабовомъ городищѣ, лѣтомъ прошлаго года. Референтъ перечислилъ тѣ задачи, которыя были возложены на него археологической коммиссіей, предпринявшей во второй уже разъ изслѣдованіе Туркестанскаго края въ археологическомъ отношеніи, сообщилъ о своихъ поѣздкахъ и работахъ, какъ въ русскомъ Туркестанѣ, такъ и внѣ его, въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, по долинѣ Зеравшана, и затѣмъ подробно остановился на раскопкахъ крѣпости Афросіаба—обширнаго городища близъ г. Самарканда. Имя миѳическаго царя Афросіаба пріурочивается къ нѣсколькимъ крѣпостямъ. Описавъ внѣшній видъ городища и указавъ его особенности (подземные ходы, чиль-худжра, т. е. «сорокъ комнатъ», пещеры, назначеніе которыхъ остается пока неизвѣстнымъ, каменныя мостовыя и т. п.), г. Веселовскій высказалъ предположеніе, на основаніи монетныхъ данныхъ, что Афросіабово городище покинуто жителями вскорѣ послѣ паденія династіи Саманидовъ (въ началѣ XI в.). Монетами этой династіи городище усѣяно.

Первый сообщившій о развалинахъ Афросіаба былъ арабскій путешественникъ Ибн-Батута (въ половинѣ XIV столѣтія). Но Афросіабъ, который, быть можетъ, и былъ Мараканда грековъ, разрушался нѣсколько разъ, какъ свидѣтельствуется это новыми постройками, возведенными на развалинахъ древнихъ жилищъ. Затѣмъ референтъ кратко перечислилъ тѣ предметы, которые были добыты раньше при прежнихъ раскопкахъ и земляныхъ работахъ (проведенія почтовой дороги чрезъ городище) и сообщилъ о своихъ находкахъ причемъ обратилъ вниманіе собранія на терракотовыя головки, глиняные саркофаги съ изображеніемъ людей и животныхъ и глиняные буддійскіе идолы, какъ впервые появляющіеся на свѣтъ. Описаніе ихъ г. Веселовскій демонстрировалъ собранною имъ значительною коллекціею этихъ предметовъ. А. М. Позднѣевъ сообщилъ содержаніе прочитанныхъ имъ монгольскихъ надписей, представленныхъ въ отдѣленіе Общества Н. М. Ядринцевымъ въ фотографическихъ снимкахъ. Эти надписи, какъ сообщилъ докладчикъ, относятся къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и были начертаны на надгробныхъ памятникахъ, поставленныхъ признательными потомками своимъ предкамъ, отличившимся въ войнѣ съ мятежникомъ Джангеромъ, поднявшимъ возстаніе противъ китайскаго правительства въ предѣлахъ Восточнаго Туркестана. Графъ А. А. Бобринскій представилъ на разсмотрѣніе членовъ отдѣленія 15 старинныхъ металлическихъ предметовъ домашней утвари съ персидскими и арабскими надписями, пріобрѣтенныхъ имъ въ Дагестанѣ. Кромѣ того, И. К. Сурачановъ предъявилъ рисунокъ металлической вазы, съ орнаментами и арабскою надписью, пріобрѣтенной имъ въ Кишиневѣ, и коллекцію серебряныхъ монетъ генуэзско-татарскаго происхожденія. Графъ И. И. Толстой сдѣлалъ сообщеніе о византійскихъ печатяхъ херсонской ѳемы, т. е. той части Византійской имперіи, которая въ настоящее время входитъ въ составъ Россіи и находится на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Референтъ описалъ 17 печатей византійскихъ правителей херсонской ѳемы и при помощи литографическихъ снимковъ иллюстрировалъ находящіяся на нихъ греческія надписи и изображенія, причемъ обратилъ особенное вниманіе на изображеніе печатей великаго переводчика варяговъ и неизвѣстной русской архонтиссы (княгини) Ѳеофаніи—русской княжны, вышедшей замужъ за византійскаго сановника, принадлежащаго къ знатному роду Муцалоновъ, или, наоборотъ, дѣвицы изъ этого рода, вышедшей за русскаго князя. Описывая эти печати, гр. Толстой воспользовался случаемъ, чтобы обратить вниманіе собранія на сочиненіе «Sigillographie de l'empire Byzantin par Schlumberger», которое имѣетъ важное значеніе для занимающихся русскою археологіею, и охарактеризовалъ содержаніе и планъ этого сочиненія. Какъ печати, изданныя Шлумбергеромъ, такъ и находящіяся въ коллекціи референта, помимо своего прямаго историческаго значенія, представляютъ интересъ и для занимающихся исторіею вооруженія и христіанскою иконографіею. Слѣдующій докладъ проф. Н. В. Покровскаго имѣлъ предметомъ результаты произведенныхъ православнымъ палестинскимъ Обществомъ раскопокъ на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ. Признавая важное значеніе за археологическими находками, которыми увѣнчались эти раскопки, референтъ обратилъ вниманіе на проектъ реставраціи храма Воскресенія при гробѣ Спасителя, составленный іерусалимскимъ архитекторомъ г. Шикомъ. Храмъ этотъ построенъ былъ первоначально Константиномъ Великимъ; во времена нашествія Хоздроя онъ былъ разрушенъ и потомъ построенъ вновь на другомъ мѣстѣ. Но такъ какъ въ недавнее время обнаружены на русскомъ мѣстѣ остатки колоннъ и стѣнъ на восточной сторонѣ отъ пещеры гроба Господня, гдѣ приблизительно долженъ былъ находиться, судя по описанію Евсевія, первый храмъ Воскресенія, то это уже неоднократно давало иностраннымъ археологамъ поводъ къ реставраціи Константинова сооруженія, причемъ названные остатки стѣнъ и колоннъ вводились

въ составъ этого сооруженія. Г. Шикъ поступилъ подобнымъ же образомъ; но, приближая свой проектъ къ проекту Тоблера, допустилъ и отступленія отъ него. Этотъ новый проектъ, по мнѣнію референта, допускаетъ возраженія какъ со стороны своеобразности предполагаемаго плана храма (неправильный четвероугольникъ, постепенно расширяющійся по направленію къ востоку), такъ и по сравненію его съ описаніемъ Евсевія. Князь С. С. Абамеликъ-Лазаревъ сдѣлалъ сообщеніе «о древностяхъ южной Италіи, Сициліи и сѣверо-западной Африки» и иллюстрировалъ свой докладъ богатою коллекціею фотографическихъ видовъ, снятыхъ референтомъ во время его путешествій по этимъ странамъ. Докладчикъ наглядно представилъ состояніе видѣнныхъ имъ памятниковъ эллинской, римской, византійской и арабской цивилизацій. Съ особою подробностью онъ остановился на слѣдующихъ древностяхъ Апеннинскаго полуострова и Сициліи: развалинахъ основаннаго выходцами изъ Сибариса города Пестума (близъ Салерно), среди которыхъ сохранились остатки трехъ большихъ храмовъ дорическаго стиля; развалинахъ перестроеннаго римлянами древне-греческаго театра въ живописномъ сицилійскомъ городкѣ Таорминѣ; греко-римскомъ театрѣ въ Катаньѣ; развалинахъ Сиракузъ, среди которыхъ обращаютъ на себя вниманіе передѣланный нынѣ въ католическую церковь храмъ Минервы, римскій амфитеатръ, поражающій своими размѣрами жертвенникъ Гіерона II—для принесенія гекатомбъ (до 450 быковъ), эллинскій театръ, уступавшій по величинѣ только милетскому и мегалопольскому, латоміи, или древнія каменоломни, служившія въ древности, между прочимъ, мѣстомъ тюремнаго заключенія; греческіе храмы Зевса и Геры, Кастора и Поллукса въ Джирдженти (въ древности Акрагантъ), и тамъ же начатый постройкою, въ XIV вѣкѣ, соборъ, въ которомъ хранится великолѣпный мраморный саркофагъ съ скульптурными изображеніями миѳовъ объ Ипполитѣ. Въ особомъ же подробномъ изложеніи докладчикъ познакомилъ собраніе съ древностями африканскаго побережья, и представилъ общій очеркъ историческихъ судебъ созданныхъ римлянами африканскихъ провинцій (нынѣ Тунисъ и Алжиръ), въ предѣлахъ которыхъ сохранились замѣчательные памятники римской культуры, каковы, напримѣръ, цистерны (среди развалинъ Карѳагена), акведуки и мосты, приближающійся по величинѣ къ Колизею амфитеатръ (въ Эль-Джемѣ), храмы, базилики, тріумфальныя арки и надгробные памятники, какъ, напримѣръ, памятникъ царю Сиффаксу близъ города Батны, на югъ отъ Константины. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о дѣятельности французскихъ офицеровъ по собиранію богатаго въ этой мѣстности эпиграфическаго матеріала, также познакомилъ собраніе съ археологическими предметами, собранными въ мѣстномъ карѳагенскомъ музеѣ (Saint-Louis de Carthage), основанномъ католическими миссіонерами, монастырь которыхъ учрежденъ въ 1842 году, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, умеръ Людовикъ IX и гдѣ стоялъ карѳагенскій храмъ Эскулапа.

Храненіе старинныхъ памятниковъ въ Смоленскѣ. Смоленску что-то не везетъ съ его общественными памятниками, которыхъ, кромѣ остатковъ старины, три: двѣнадцатаго года, Энгельгардту и Глинкѣ. Съ памятникомъ двѣнадцатаго года недавно случился пассажъ совершенно неожиданный: ночью украдены массивныя чугунныя цѣпи, которыми огражденъ былъ этотъ памятникъ. Цѣпи эти на столько толсты и такъ были крѣпко прикрѣплены къ каменнымъ столбамъ, что потребовалось довольно много работы и силы, чтобы ихъ отбить, а затѣмъ унести. Надо замѣтить, что хищеніе остатковъ старины здѣсь практикуется довольно давно и въ значительной степени: такъ, напримѣръ, проломы въ городской стѣнѣ расширились послѣ наполеоновскихъ временъ мѣстами больше чѣмъ втрое: обыватели, нисколько не смущаясь, разбирали стѣну и превосходный ея кирпичъ и известняки употребляли на собственныя нужды. Не смотря на запрещеніе разбирать стѣну, воровство

кирпича и тесаннаго известняку продолжается и до сихъ поръ; такъ, напр., недальше какъ прошлымъ лѣтомъ многіе обыватели стлали тротуары несомнѣнно взятымъ изъ стѣны кирпичемъ и дѣлали ступеньки у подъѣздовъ изъ известняка, пріобрѣтеннаго изъ того же источника. А чего нельзя унести, съ тѣмъ тоже обращаются чуть ли еще не хуже. Напр., въ одной части стѣны есть Королевская крѣпость; это—земляное укрѣпленіе, воздвигнутое Сигизмундомъ для того, чтобы обстрѣливать смоленскія улицы на случай городскаго мятежа; подъ этой крѣпостью есть подземные ходы съ каменными сводами; черезъ это подземелье въ свое время убѣжалъ изъ Смоленска королевичъ Владиславъ. Это-то подземелье обыватели сдѣлали чѣмъ-то въ родѣ той комнаты, какія обыкновенно въ гостиницахъ помѣчаются двумя нулями; стѣны же подземелья покрыли надписями самаго безобразнаго свойства.

Памятникъ Ермаку. Покоритель Сибири, Ермакъ Тимоѳеевичъ считается основателемъ исторической славы донскаго казачества въ періодъ минувшаго трехсотлѣтія (1570—1970 года) и его имя знаетъ тамъ каждый казакъ. Поэтому, въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея войска донскаго въ 1870 году, было положено увѣковѣчить этотъ день сооруженіемъ въ Новочеркасскѣ памятника Ермаку Тимоѳеевичу и тогда же начался съ этою цѣлью сборъ пожертвованій. Въ началѣ прошлаго 1885 года капиталъ, собранный на памятникъ, доходилъ до 40,000 руб., а въ настоящее время онъ возросъ (съ приращеніемъ процентовъ) уже до 46,500 руб. Для сооруженія же монумента, вполнѣ отвѣчающаго своему назначенію, предполагается довести капиталъ до 60,000 руб. Въ этихъ видахъ, въ мартѣ подписка была возобновлена. Многія станицы, въ полномъ сознаніи важности сооруженія памятника, отнеслись съ особеннымъ сочувствіемъ къ скорѣйшему осуществленію мысли о немъ, выраженной пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Всего вновь собрано въ различныхъ станахъ до 3,757 р.

Раскопки въ Египтѣ. Масперо, руководящій теперь раскопками въ Египтѣ, сдѣлалъ интересный докладъ о результатахъ раскопокъ предъидущаго года. Въ этомъ сообщеніи въ особенности замѣчателенъ слѣдующій эпизодъ: жители Алжира и Туниса считаются въ Египтѣ искусными колдунами; одинъ изъ нихъ убѣдилъ двухъ грековъ, что въ Другахѣ, къ югу отъ Сіута на кладбищѣ, спрятано старинное сокровище. Они испросили разрѣшеніе производить тамъ раскопки, подъ наблюденіемъ служащаго въ музеѣ. Колдунъ произнесъ нѣсколько заклинаній, указалъ мѣсто для начала раскопокъ и, на глубинѣ восьми футовъ, каменный блокъ, въ который сильно ударяли ломами, упалъ, и всѣ рабочіе вмѣстѣ съ нимъ упали въ подземное помѣщеніе, въ родѣ комнаты. Тамъ найдены: печь изъ обожженнаго кирпича съ хорошо сохранившейся металлической дверцей, около двухсотъ каменныхъ и бронзовыхъ вазъ довольно разнообразныхъ формъ, много золотыхъ пластинокъ каждая толщиною около четверти миллиметра, и наконецъ въ одномъ изъ угловъ куча порошка, въ родѣ черной земли, свѣтящейся и жирной на ощупь. Потолокъ и стѣны комнаты были покрыты толстымъ слоемъ сажи. Жители Другаха, копты, узнавши о находкѣ золота, количество котораго было преувеличено (золота оказалось по оцѣнкѣ, произведенной въ Каирѣ, на 1,800 франковъ), поспѣшили туда, воображая, что имъ отдадутъ его, какъ наслѣдовавшимъ права древнихъ египтянъ; пришли даже жители ближайшихъ селеній, надѣясь получить хоть небольшую часть находки; но чиновникъ, служившій въ музеѣ, объявилъ, что все найденное составляетъ собственность правительства; туземцы, христіане и магометане спорили между собою изъ-за права обладанія находкой, когда упомянутый чиновникъ привелъ солдатъ и забралъ все найденное въ комнатѣ въ музей. Многихъ очень интересуетъ вопросъ: какъ могли попасть въ эту подземную комнату золото и сосуды? Кирпичная печь доказываетъ, что комната устроена не раньше

VII или VIII вѣка. Масперо считаетъ найденную комнату лабораторіей алхимика, старавшагося найдти «камень мудрости». Основательность этого предположенія доказывается свѣтящеюся массой, проба которой, черезъ раскаленную мѣдь, окрашивается въ бѣлый цвѣтъ. Масперо хотѣлъ было взять часть этого порошка, но не нашелъ уже его: очевидно, арабы, узнавши обо всемъ происходившемъ тамъ, разобрали таинственный порошокъ, сочтя его цѣнной добычей. Сосуды были, безъ сомнѣнія, приданымъ древнихъ египтянъ, такъ какъ подобное приданое и теперь еще часто туземцы находятъ въ Египтѣ.

† 20-го марта, бывшій редакторъ «Варшавскаго Дневника», **Петръ Карловичъ Щебальскій**. Потеря этого опытнаго журнальнаго дѣятеля особенно чувствительна въ царствѣ Польскомъ, гдѣ онъ провелъ послѣднее время своей публицистической дѣятельности. Онъ принадлежалъ той эпохѣ, которая требовала отъ публициста не только умѣнья владѣть перомъ, но и большаго, солиднаго образованія. Рядъ историческихъ монографій покойнаго свидѣтельствуетъ о научной подготовкѣ, съ какою вышелъ онъ на журнальное поприще. До вступленія въ должность редактора «Варшавскаго Дневника» онъ участвовалъ много лѣтъ въ серьёзныхъ изданіяхъ, какъ «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Архивъ» и др., и помѣстилъ въ нихъ много статей научнаго и публицистическаго содержанія. Щебальскій по происхожденію принадлежалъ къ небогатому потомственному дворянству Псковской губерніи, а по образованію — артиллерійскому училищу. Онъ родился въ 1810 году и въ 1829 вступилъ въ службу фейерверкеромъ въ это училище, а въ 1834 году «произведенъ по экзамену прапорщикомъ, съ состояніемъ по артиллеріи» и оставленъ при артиллерійскомъ училищѣ «для окончанія курса наукъ». Въ 1836 г. произведенъ за отличіе подпоручикомъ гвардейской артиллерійской бригады. Но въ 1842 году его постигла катастрофа: онъ дрался на дуэли съ высшимъ себя чиномъ и по приговору суда подвергся разжалованію или лишенію чиновъ, но «безъ лишенія дворянскаго достоинства, съ выдержаніемъ одного года въ казематѣ и съ переводомъ въ полевую артиллерію», и только «въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы» государю угодно было приказать разжаловать его въ канониры, не выдерживая въ казематѣ, и это разжалованіе «не считать препятствіемъ къ преимуществамъ по службѣ». Кавказъ служилъ тогда мѣстомъ исправленія и отличія провинившихся офицеровъ. Щебальскій былъ назначенъ въ полевую артиллерію кавказской гренадерской бригады. Шесть лѣтъ пришлось ему прослужить на Кавказѣ. Въ эти шесть лѣтъ почти дня не проходило, когда онъ не былъ въ походѣ и въ перестрѣлкѣ. За то въ первый же годъ тамошней службы онъ получилъ солдатскаго Георгія. Въ 1848 году онъ возвращенъ въ гвардію. Въ 1851 году, 36-ти лѣтъ, онъ былъ уже произведенъ въ полковники. Женитьба и сложныя нужды семейной жизни заставили его перемѣнить родъ службы. Изъ-за насущнаго хлѣба онъ перепросился въ полицеймейстеры Москвы, куда и былъ перемѣщенъ въ 1854 году, съ назначеніемъ «постоянно присутствовать въ московской управѣ благочинія». Съ этимъ временемъ его службы совпадаютъ и начало постоянныхъ усидчивыхъ его занятій русскою исторіей и литературой и первые его шаги въ публицистической печати. Около четырехъ лѣтъ, въ должности чиновника особыхъ порученій при министерствѣ просвѣщенія, онъ занимался составленіемъ обозрѣнія русской журналистики для представленія государю и по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, составилъ «Исторію цензуры въ Россіи». Въ эти же четыре года онъ успѣлъ приготовить къ печати цѣлую серію выпусковъ, напечатанныхъ имъ подъ названіемъ «Чтеній изъ Русской Исторіи съ начала XVII вѣка». Въ 1863 году появился первый выпускъ, а затѣмъ послѣдовательно еще пять выпусковъ этого изданія. Изъ нихъ четыре первые выпуска при жизни автора успѣли выдержать по четыре и только два послѣдніе выпуска по два

изданія. Кромѣ того, въ 1864 году онъ напечаталъ книжку подъ названіемъ: «Русская политика и русская партія въ Польшѣ до Екатерины II», въ 1865—«Начало и характеръ пугачевщины», въ 1867—«Разсказы о Западной Руси», въ 1870 — «Политическая система Петра III», «Правленіе царевны Софіи», «Начало Руси» и «Русская исторія» для грамотнаго народа и начальныхъ училищъ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ Щебальскій прожилъ въ Привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ былъ начальникомъ Сувалкской, а потомъ Варшавской учебной дирекціи и по оставленіи этой должности вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя редакціи «Варшавскаго Дневника». Этимъ закончилась его публицистическая и научная дѣятельность, начавшаяся съ 1856 года, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» помѣщены были его статьи: «Правленіе царевны Софіи», «О Россіи, какою ее оставилъ Петръ Великій», и въ слѣдующихъ годахъ—«Вступленіе на престолъ императрицы Анны», «Кн. Меньшиковъ и Морицъ Саксонскій въ Курляндіи», «Ядвига и Ягелло», «Католичество въ Россіи», «Польско-русскій вопросъ» и пр. Изъ отдѣльныхъ его изданій болѣе извѣстны «Чтенія по русской исторіи» и популярная исторія Россіи (начало ея), изданная въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, на средства Варшавскаго учебнаго округа. Дѣятельность Щебальскаго непосредственно касалась русско-польскаго вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго покойный работалъ немало. Обширныя познанія и чисто-русское отношеніе къ этому вопросу Щебальскаго проявились особенно наглядно, когда онъ принялъ въ свое завѣдываніе, два съ половиною года назадъ, «Варшавскій Дневникъ»; газета перешла къ покойному безъ всякихъ литературныхъ и матеріальныхъ средствъ, и только путемъ усиленнаго и непрерывнаго труда, покойному удалось поднять эту газету на надлежащую высоту. Къ слову Щебальскаго прислушивались не только въ русской печати, но еще болѣе въ польской и заграничной. Онъ былъ всегда противникъ честный, убѣжденный, знающій и даровитый. Статьи его запечатлѣны умомъ и искренностью.

† Въ Москвѣ профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій **Алексѣй Львовичъ Дюверну**. Принадлежа къ русскимъ славистамъ, онъ занималъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ; онъ былъ ученикъ профессора М. О. Водянскаго. Изъ его ученыхъ трудовъ въ свое время обратила на себя вниманіе магистерская диссертація «О наслоеніи въ славянскомъ языкѣ». Въ послѣднее время покойный приступилъ къ печатанію «Болгарскаго словаря» по матеріаламъ, извлеченнымъ изъ ново-болгарскихъ книгъ, но съ его смертію изданіе, вѣроятно, прекратится, такъ какъ продолжателей-учениковъ у него нѣтъ; единственному его ученику П. А. Кулаковскому приходится читать русскую грамматику въ Варшавскомъ университетѣ. Предокъ покойнаго профессора былъ обрусѣвшій французъ изъ оставшихся въ Россіи въ 1812 году.

† 16-го февраля представитель столичнаго приходскаго духовенства, настоятель Исаакіевскаго собора, протоіерей **Платонъ Ивановичъ Карашевичъ**. Сынъ протоіерея Волынской епархіи, онъ окончилъ въ 1851 году курсъ здѣшней духовной академіи въ числѣ ея первыхъ воспитанниковъ и въ слѣдующемъ году получилъ степень магистра богословія за сочиненіе, занявшее почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: «Исторія православной церкви въ Волыни» (1855 г.). Слѣдующіе 4 года П. И. пробылъ профессоромъ здѣшней семинаріи, а остальные 30 лѣтъ (съ 1856 г.) посвятилъ пастырскому служенію при Исаакіевскомъ соборѣ. Нерѣдко свои пастырскіе досуги обращалъ онъ на занятія учено-литературными трудами (описывалъ лаврскую библіотеку, свѣрялъ изданную профессоромъ Тишендорфомъ синайскую рукопись библіи съ подлинникомъ ея, хранящимся въ государственномъ совѣтѣ и пр., собиралъ матеріалы для исторіи петербургской епархіи за послѣднія 25 лѣтъ). Въ 1884 году, П. И. поставленъ

на высокій постъ настоятеля первенствующаго въ Россіи собора. Настоятельское управленіе П. И. благодѣтельно отозвалось на всѣхъ учрежденіяхъ собора: П. И. выдѣлялся всюду какъ пастырь и какъ общественный дѣятель, прекрасно образованный, начитанный и никогда не перестававшій слѣдить за замѣчательными явленіями отечественной литературы, кроткій, обладавшій мягкимъ и благороднымъ характеромъ, не любившій рисоваться, выставляться и осуждавшій этотъ грѣхъ въ іереѣ.

† Отставной генералъ-лейтенантъ **Михаилъ Яковлевичъ фонъ-деръ-Вейде** 62-хъ лѣтъ. Онъ провелъ значительную часть своей сорокалѣтней службы на военно-учебномъ поприщѣ. Покойный въ особенности выдавался въ средѣ корпусныхъ офицеровъ-воспитателей. Многочисленные его воспитанники сохраняли о немъ добрую память. Начавъ службу офицеромъ путей сообщенія, по окончаніи курса, уже черезъ восемь лѣтъ онъ былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ и всю дальнѣйшую службу продолжалъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, закончивъ ее шестилѣтнимъ завѣдываніемъ приготовительными классами пажескаго корпуса. Онъ посвящалъ, однако, досуги научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Въ 1853 году, получилъ высочайшій подарокъ за свой трудъ «Правила войны Наполеона», а въ 1866 году Владиміра 4-й степени за предложенный имъ аппаратъ для подводнаго освѣщенія. Въ семидесятыхъ годахъ покойный много трудился надъ установленіемъ у насъ правильной организаціи общественной благотворительности, плодомъ чего явились въ столицѣ и въ провинціи церковно-приходскія попечительства.

† Въ Берлинѣ извѣстный историкъ литературы, преимущественно нѣмецкой, **Юліанъ Шмидтъ**. Онъ началъ свою карьеру учителемъ въ берлинскомъ реальномъ училищѣ, потомъ былъ долго журналистомъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ редактировалъ вмѣстѣ съ Густавомъ Фрейтагомъ газету «Grenzboten», въ началѣ шестидесятыхъ—основалъ въ Берлинѣ газету «Berliner Allgemeine Zeitung». Кромѣ исторіи романтической литературы, Шмидтъ написалъ «Исторію германской національной литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи», положившую основаніе его извѣстности. Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ возвратился къ прежнимъ литературнымъ періодамъ. Капитальный трудъ свой «Исторія нѣмецкой литературы отъ Лейбница до настоящаго времени» онъ не успѣлъ окончить.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ воспоминаніямъ г. Заиковскаго.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1886 годъ помѣщены «Воспоминанія объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ» г. Заиковскаго. Почтенный авторъ разсказываетъ въ нихъ, между прочимъ, о печальномъ событіи изъ кадетской жизни, случившемся въ 1843 году, въ Александріи, и въ концѣ проситъ современниковъ этого событія исправить и дополнить его разсказъ. Охотно исполняю желаніе г. Заиковскаго.

Я былъ выпущенъ изъ Московскаго кадетскаго корпуса въ офицеры артиллеріи въ 1843 году. Для производства насъ возили тогда изъ Москвы въ Петербургъ, прикомандировывали къ Дворянскому полку и тамъ размѣщали по всѣмъ ротамъ, въ оба баталіона. Мы стояли въ лагерѣ въ Петергофѣ, и я частію былъ дѣйствующимъ лицомъ, а частію очевидцемъ событій, передаваемыхъ г. Заиковскимъ. Въ злополучное воскресеніе я не былъ въ Александріи, въ саду, потому что за ошибку, сдѣланную на ученьѣ, былъ не въ очередь дежурнымъ въ лагерѣ, во 2-й дворянской ротѣ, къ которой былъ прикомандированъ; здѣсь же находилось и еще нѣсколько мо-

сковскихъ кадетъ. Разумѣется, мы держались всѣ вмѣстѣ и другъ другу во всемъ помогали. По обыкновенію, послѣ обѣда, всѣ кадеты пошли гулять въ Петергофъ и Александрію. За недѣлю до этого, тоже въ воскресенье, выпускные 2-го кадетскаго корпуса давали пирушку нашимъ москвовцамъ, а въ это воскресенье наши должны были тѣмъ же отплатить кадетамъ 2-го корпуса, а я, какъ дежурный, остался въ лагерѣ. Къ вечеру, по окончаніи гулянія, кадеты начали возвращаться въ лагери. Я былъ на передней линейкѣ и, къ удивленію моему, увидалъ многихъ нашихъ кадетовъ очень выпившими. Тѣ, кто были потрезвѣе, или даже и совсѣмъ непьяны, старались принимать мѣры, чтобы пьяные угомонились, не шумѣли и не выказали себя. Когда ихъ уложили и все успокоилось, товарищи мои разсказали о случившемся. Дѣло происходило такъ. Съ одного изъ кадетовъ, проносившихъ корзины съ винами, стоявшій у воротъ изъ Петергофскаго сада въ Александрію, сторожъ снялъ шапку, сказавъ, что представитъ ее плацъ-маіору. Кадетъ, принеся вино, разсказалъ о случившемся товарищамъ, которые тотчасъ послали его съ деньгами выкупить шапку; когда это было исполнено, начался пиръ; пили много безъ разбора всякую дрянь, и водку, и наливки, и столовое, и шипучія вина; выпито было много, кадетъ было около 100 человѣкъ; конечно, выпитыя бутылки вездѣ разбросали и всюду надѣлали страшный безпорядокъ. Когда кадеты собирались уходить, пришелъ сторожъ, началъ собирать посуду и пугать, что онъ все это представитъ начальству. Волѣе благоразумные и трезвые стали было улаживать дѣло и собирать деньги, чтобы ублажить сторожа; но одному изъ пьяныхъ показалось обиднымъ: какъ это—они черезъ недѣлю будутъ офицерами, а тутъ имъ грубитъ солдатъ. Онъ поднялъ брань со сторожемъ, кто поньянѣе — подскочили и двое К. и М. принялись бить этого солдата. Когда и кѣмъ объ этомъ было доложено государю императору, мы не знали, и въ тотъ день, т. е. воскресенье, никакихъ дѣйствій со стороны начальства не было и наши пьяные до утра проспали безмятежно. Государь въ лагерѣ въ воскресенье не былъ, виновныхъ не розыскивалъ, и если и говорилъ приводимыя г. Занковскимъ слова о лямкахъ, то въ другое время. Розыскъ начался на второй день и продолжался до конца лагеря. Соглядатаевъ было множество и, къ несчастію, были и шпіонишки, которые сочли выгоднымъ разсказать начальству все въ подробности. Такимъ образомъ дѣло было раскрыто, и виновнымъ оставалось только подтвердить то, что уже знали слѣдователи. По общему нашему совѣту, виновные, разсчитывая на снисхожденіе, не утаили ничего, сознались и лишь старались замѣшать какъ можно менѣе товарищей. Но вышло, однако, то, что разсказано въ воспоминаніяхъ г. Занковскаго; именно двое, К. и М., угодили въ солдаты, а семь человѣкъ въ унтеръ-офицеры въ армейскіе полки, тогда какъ нѣкоторые были предназначены въ офицеры артиллеріи; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попали въ 6-й корпусъ, стоявшій подъ Москвой, и я видѣлъ двоихъ въ лагерѣ на Ходынкѣ уже въ 1847 году, все еще унтеръ-офицерами: дальнѣйшей судьбы ихъ я не знаю. Изъ сказаннаго мною видно, что на другой день начальнику ходить съ образомъ надобности не было; можетъ быть, кто нибудь и ходилъ по ротамъ другихъ корпусовъ, но въ Дворянскій полкъ, гдѣ были всѣ кадеты Московскаго корпуса, никто не являлся, да притомъ начальство на другой же день знало всѣ подробности до мелочей. 30-го іюля, государь сдѣлалъ тревогу, которую ожидали, потому что намъ дали обѣдать часомъ ранѣе, и былъ приказъ: въ случаѣ тревоги выходить не

въ походной, а въ учебной формѣ, т. е. въ курткахъ и безъ ранцевъ. Государь пропустилъ насъ церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ кадетъ повели въ Ропшу, куда мы и пришли поздно ночью. Насъ остановили въ паркѣ, близъ дворца, скомандовали поставить ружья и стоять вольно; начался говоръ и сильный шумъ, вдругъ слышимъ голосъ государя: «Смирно»! Разумѣется, все притихло, и государь выразилъ намъ неудовольствіе за шумъ во фронтѣ. Затѣмъ въ аллеяхъ сада зажглись фонари, и мы увидѣли накрытые столы. Баталіоны по очереди водили пить чай, потомъ разставили патрули кругомъ бивуаковъ, и все угомонилось. Ночью пошелъ дождь, къ утру привезли намъ мокрыя шинели, новые мундиры для предстоящаго парада 1-го августа и кадетскую кухню, чему мы обрадовались, потому, что не по кадетскимъ желудкамъ было пить чай съ тартинками, съ анчоусами и разной дичью, которыхъ доставалось каждому не болѣе десятка. Цѣлый день мы провели подъ дождемъ; многіе понастроили шалашей изъ досокъ столовъ и изъ разобранныхъ огородовъ въ селѣ Ропшѣ у крестьянъ, рубили и деревья, т. е. сучья, но государь цѣлый день у насъ не былъ и его даже не было въ Ропшѣ. Онъ съ государыней пріѣхалъ уже утромъ 1-го августа передъ парадомъ. Утромъ въ этотъ день взошло солнце, насъ пообсушило и обогрѣло; парадъ прошелъ благополучно, а къ обѣду опять полилъ дождь; на ночь намъ дали дровъ для костровъ, а къ утру пришелъ приказъ вести насъ эшелонами въ Стрѣльну на ночлегъ и оттуда въ Петербургъ. Переночевавъ въ Стрѣльнѣ, 3-го числа утромъ мы выступили въ Петербургъ, пришли на привалъ въ Автово (Красный Кабачекъ). Обыкновенно въ прежніе годы туда пріѣзжалъ кто нибудь изъ царской фамиліи и поздравлялъ выпускныхъ съ производствомъ. Ожидали и мы того же, позавтракали,—никого нѣтъ,—просмотрѣли всѣ глаза, приближалось уже время подыматься, а все нѣтъ никого. Наконецъ, видимъ ѣдетъ экипажъ къ 1-му сводному баталіону. Подъѣхалъ исправлявшій должность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-маіоръ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ [1]. Онъ долго что-то говорилъ 1-му баталіону. Вдругъ слышимъ крики: ура! и шапки полетѣли вверхъ. П. Н. подошелъ къ нашему 2-му баталіону, поздравилъ выпускныхъ и сказалъ, что приказы не готовы, перепечатываются, и мы ихъ получимъ вечеромъ. Такъ и было, мы получили приказы, подписанные вторымъ числомъ; наши несчастные товарищи были выключены изъ приказовъ, и мы узнали, что ихъ изъ лагеря отвезли въ Дворянскій полкъ и разсадили въ пустыхъ классныхъ комнатахъ. Мы никого изъ нихъ болѣе уже не видали и лишь потомъ намъ сообщили, что ихъ ночью вывезли изъ Петербурга.

Были ли пострадавшіе изъ 2-го корпуса, не помню, но тогда объ этомъ не было никакого говора, а изъ нашихъ двое были разжалованы въ солдаты и семь человѣкъ въ унтеръ-офицеры; фамиліи нѣкоторыхъ я уже забылъ. Оговорюсь, также какъ и г. Зайковскій, что многое, можетъ быть, забыто и мною, но въ главномъ вѣрно; желательно было бы, чтобы и другіе современники, а тѣмъ болѣе соучастники, пополнили своими воспоминаніями эти разсказы.

В. А. Шумиловъ.

---

[1] Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ тогда за границей, и ему сопутствовалъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, должность котораго правилъ Игнатьевъ, а должность фельдцехмейстера исполнялъ И. А. Сухозанетъ, которому мы являлись въ его домѣ на Невскомъ.

ГОЛОДА ВЪ РОССІИ.

Историческій очеркъ [1]).

«Обязанность правительства заключается въ спасеніи каждаго человѣка, и окружные чиновники должны заботиться о томъ, чтобы люди не умирали съ голода».

(Report of the Indian Famine Commission. London. 1880).

НЕУРОЖАИ, постигшіе за послѣдніе года нѣкоторыя русскія губерніи, и плохой урожай 1885 года выдвинули на очередь вопросъ о реформѣ нашего продовольственнаго устава.

Этотъ вопросъ былъ поднятъ нашей періодической печатью еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и имъ особенно занялась газета «Русскія Вѣдомости». Почтенная газета (въ № 198), перечисляя всѣ способы, до сего времени предпринимаемые въ продовольственномъ вопросѣ, приходитъ къ необходимости—водворить взаимное страхованіе отъ неурожая хлѣба; указывая на существующую нынѣ систему продовольствія страны, газета говоритъ слѣдующее: «Переустройство этой послѣдней на началахъ страхованія гораздо болѣе соотвѣтствуетъ цѣли, но и оно не разрѣшаетъ вопроса, если дѣятельность страховаго учрежденія будетъ ограни-

[1]) Настоящая статья есть извлеченіе изъ магистерской диссертаціи, составляющей плодъ пятилѣтнихъ трудовъ и имѣющей выйдти въ свѣтъ со временемъ.

чена предѣлами одной губерніи. Въ виду крайняго разнообразія въ размѣрѣ рисковъ по мѣстностямъ, страховыя преміи въ однѣхъ губерніяхъ будутъ ничтожны, тогда какъ въ другихъ, находящихся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, онѣ неминуемо достигнуть такой высоты, что сдѣлаются непосильными для плательщиковъ». Газета приходитъ къ заключенію, что страхованіе должно быть общегосударственнымъ и что существующая система продовольственныхъ ссудъ должна быть замѣнена системой безвозвратныхъ пособій.

Тотъ же вопросъ былъ поднятъ и земскими учрежденіями. Между прочимъ, херсонское земство, въ виду того ненормальнаго положенія, въ какомъ находится дѣло народнаго продовольствія, ходатайствовало передъ правительствомъ объ образованіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи, съ участіемъ представителей отъ земства, для пересмотра устава о народномъ продовольствіи.

Эти явленія указываютъ, что реформа нашего продовольственнаго дѣла является неотложно и безусловно необходимою. Но путеводною нитью въ этой реформѣ можетъ быть лишь исторія голодовъ и вообще всей русской продовольственной политики, очень мало знакомая въ Россіи, а потому небезполезно посвятить ей отдѣльную статью.

I.

Голода въ Россіи съ XI столѣтія до Бориса Годунова.

До самаго позднѣйшаго времени единственною причиной голодовъ въ Россіи были неурожаи.

Древняя Россія не знала современныхъ факторовъ голодовъ, какъ-то: истощенія почвы и искусственной дороговизны. Это явленія позднѣйшаго времени, возникшія подъ вліяніемъ безобразной арендной системы и стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ. Въ древней Россіи встрѣчается только одинъ искусственный факторъ голодовъ — это военныя событія: занятіе непріятелемъ хлѣбородныхъ мѣстностей, осада города или такое положеніе, при которомъ городъ отрѣзывался отъ селъ и деревень. До 1024 года мы не встрѣчаемъ извѣстій о голодахъ въ Россіи, хотя ихъ бывало много на памяти людей, жившихъ до этого года; но лѣтопись не упоминаетъ болѣе раннихъ голодовъ, а потому необходимо счесть первымъ извѣстіемъ о голодахъ — извѣстіе о голодѣ 1024 года. Въ этомъ году голодъ поразилъ сѣверную Суздальскую область и произошелъ, по словамъ лѣтописца, вслѣдствіе неурожая. Существованіе голодовъ въ Россіи ранѣе 1024 года подтверждается съ одной стороны словами лѣтописца, что «жители Суздальской области, во время голода 1024

года, отправились внизъ по Волгѣ и привезоша хлѣба изъ Болгаръ»; съ другой же стороны словами великаго князя Ярослава, что «голодъ есть Божіе наказаніе и что Богъ наводитъ, по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ или моромъ, или вёдромъ». Стало быть, голодъ давно былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ въ Россіи, и суздальцы уже въ 1024 году знали средство и пути противъ голода, знали откуда доставать хлѣбъ. Слова Ярослава, что «голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ вёдра», вполнѣ подтверждаются историческими фактами, такъ какъ и въ послѣдующіе вѣка Россія страдала почти исключительно отъ засухи, жаровъ или морозовъ, вообще отъ вёдра. Не входя въ подробное описаніе голодовъ, бывшихъ въ Россіи съ начала XI до конца XVI вѣка, мы сдѣлаемъ лишь краткій перечень главныхъ изъ нихъ.

За это время въ Россіи было 15 жестокихъ голодовъ:

Въ 1024 году, частный голодъ довелъ голодныхъ до того, что они рѣзали старыхъ женщинъ и прислугу.

Въ 1070 году, частный голодъ довелъ до того, что голодные убивали своихъ родныхъ.

Въ 1092 году, во многихъ областяхъ былъ общій голодъ со всѣми ужасами голодной смерти.

Въ 1128 году—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1215 году—ужасная смертность въ Новгородѣ.

Въ 1230 и 1231 годахъ—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1279 году—голодъ во многихъ областяхъ.

Въ 1309 году—голодъ по всей Россіи.

Въ 1332 году—голодъ и дороговизна.

Въ 1422 году—общій неурожай и голодъ.

Въ 1442 году—общій десятилѣтній неурожай и голодъ.

Въ 1512 году—общій неурожай.

Въ 1553—страшная смертность отъ голода.

Въ 1557—большой голодъ по всей Россіи и смертность.

И въ 1570 году—то же самое явленіе. Среднимъ числомъ на каждое столѣтіе приходилось по 8 неурожаевъ, и повторялись они черезъ каждыя 13 лѣтъ.

Что касается до мѣръ, которыми наши предки боролись съ голодами втеченіе этихъ шести столѣтій, то онѣ заключались въ подвозѣ хлѣба и въ заготовленіи хлѣбныхъ запасовъ, сначала частными лицами, а потомъ и обществами, монастырями и городами.

II.

Голодъ при Борисѣ Годуновѣ.

XVII столѣтіе открылось голодомъ при Борисѣ Годуновѣ въ 1601 и 1602 годахъ. Весна 1601 года была очень дождлива. Втеченіе 10-ти недѣль, почти не переставая, лили дожди: нельзя было ни косить, ни жать, а 15-го августа морозъ побилъ озимые хлѣба и плоды. Народъ пришелъ въ ужасъ. Хотя въ житницахъ и гумнахъ было немало стараго хлѣба, но, къ несчастью, земледѣльцы засѣяли поля новымъ хлѣбомъ, гнилымъ и тощимъ, и не видали всходовъ ни осенью, ни весной: все истлѣло и смѣшалось съ землей. Запасы были истощены, поля не засѣяны. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли: четверть ржи продавалась за 21 рубль по нынѣшнему курсу. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и другихъ городахъ и въ то же время убѣдилъ духовенство и вельможъ, чтобы они продавали свои запасы по низкой цѣнѣ. Въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близь московской деревянной стѣны, лежали кучи серебра для бѣдныхъ, и ежедневно въ 1 часъ по полудни каждому изъ нихъ давали по копѣйкѣ.

«Но, не смотря на всѣ эти мѣры,—пишетъ Карамзинъ,—голодъ продолжалъ свирѣпствовать, потому что барышники обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ и боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и получать безсовѣстные барыши; при этихъ условіяхъ бѣдные, получая въ день только по копѣйкѣ, не могли питаться.

«Само благодѣяніе обратилось въ зло для столицы: изо всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая этимъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей безъ всякой пользы». Голодъ, все усиливаясь и усиливаясь, достигъ наконецъ своего апогея.

Нельзя безъ ужаса читать описаній современниковъ: «Свидѣтельствуюсь истиной и Богомъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ; ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей, оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили и убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ гостинницъ, потому что послѣднія стали вертепами душе-

губства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ, матери глотали трупы своихъ младенцевъ. Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду, но преступленія не уменьшались. И въ это-то время были люди, копившіе хлѣбъ, въ надеждѣ продать его дороже. Множество гибло въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали и издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ на свое иждивеніе хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Пристава ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки, или коты, и сотнями возили за городъ на 3 кладбища, гдѣ втеченіе двухъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ было похоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ благочестивыми людьми у церквей приходскихъ». По словамъ современниковъ, въ одной Москвѣ умерло отъ голода и холода 500,000, а въ селахъ и другихъ областяхъ несравненно болѣе. Зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Неестественная пища также производила болѣзни и смерть, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ, куда царь послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ. Ни одного города въ Россіи царь не оставилъ безъ помощи, и если не спасъ многихъ, то вездѣ уменьшилъ число жертвъ: сокровищница московская казалась неистощимою. Царь скупалъ хлѣбъ въ ближайшихъ мѣстахъ по цѣнѣ, имъ назначенной, у богатыхъ людей, по соглашенію съ ними и противъ ихъ воли; посылалъ въ далекія изобильнѣйшія мѣста свидѣтельствовать гумна, гдѣ еще были огромные скирды, втеченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями. Хлѣбъ молотили тамъ на мѣстѣ и везли въ Москву и другія области. Перевозка хлѣба была сопряжена съ большими затрудненіями: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ, ни корму, ямщики и крестьяне разбѣжались.

«Обозы шли Россіею, какъ бы пустынею африканскою,—говоритъ Карамзинъ,—подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ на улицахъ и рынкахъ силою отнимали съѣстное».

Наконецъ, дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и къ началу 1603 года, исчезли всѣ признаки голода, снова явилось такое изобиліе, что четверть хлѣба упала въ цѣнѣ съ 21 рубля до 70 копѣекъ (по нынѣшнему курсу), къ восхищенію народа и отчаянію перекупщиковъ, имѣвшихъ громадные запасы ржи и пшеницы.

Для борьбы съ голодомъ впервые въ Россіи были устроены Борисомъ общественныя работы—въ 1600, 1601 и 1602 годахъ. Въ 1600 году, была построена колокольня Ивана Великаго, а въ 1601 и 1602 году, на мѣстѣ сломаннаго дворца Іоанна Грознаго,

были построены двѣ большія каменныя палаты: къ Золотой и Грановитой палатамъ были пристроены—Столовая и Панихидная.

Спрашивается теперь: что же произвело голодъ 1601 и 1602 годовъ?

Неурожай и барышничество.

Какія мѣры употребилъ Борисъ для борьбы съ голодомъ?

Продажу хлѣба, раздачу его, равно какъ и денегъ, и общественныя работы.

О послѣднихъ мы, впрочемъ, здѣсь не будемъ говорить подробно, такъ какъ намъ неизвѣстна ни сумма, употребленная на общественныя работы, ни количество народа, занятаго ими. Мы, конечно, можемъ предполагать, что и та и другое были очень велики, потому что на небольшую сумму и съ небольшимъ количествомъ народа нельзя произвести тѣхъ громадныхъ построекъ, какія Борисъ произвелъ съ помощью общественныхъ работъ. Но нѣтъ никакихъ основаній приписывать вліянію послѣднихъ ослабленіе голода, такъ какъ нѣтъ на лицо статистическихъ данныхъ, подтверждающихъ, что общественныя работы были въ данномъ случаѣ полезны. Что касается до раздачи денегъ, то она не принесла никакой пользы, что̀ уже ясно изъ словъ Карамзина, приведенныхъ нами выше: «Бѣдные, получая въ день только по одной копѣйкѣ, не могли питаться. Раздача царской милостыни увеличила только число нищихъ; ежедневно раздавалось нѣсколько тысячъ рублей безъ всякой пользы». Такимъ образомъ, остается только одна помощь хлѣбомъ: раздача его и продажа по дешевой цѣнѣ, какъ изъ царскихъ житницъ, такъ и съ гуменъ богатыхъ людей изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ, скупка хлѣба царемъ и продажа его по дешевой цѣнѣ. Словомъ голодъ былъ ослабленъ подвозомъ хлѣба, сближеніемъ людей съ хлѣбомъ.

Велика была заслуга Бориса въ то тяжелое для Россіи время: своею энергіею и распорядительностью онъ остановилъ небывалый, по своей силѣ, голодъ, вызвавшій людоѣдство и полумилліонную смертность въ одной только Москвѣ.

Болѣе слабые голода, постигавшіе Россію послѣ Бориса и даже въ недавнее время, не вызывали противъ себя такихъ энергическихъ мѣръ, какія принялъ Борисъ. А между тѣмъ, время его царствованія было временемъ неразвитости и дикости въ Россіи; да и въ самой Европѣ въ то время еще не помышляли о мѣрахъ противъ голодовъ. Мѣры, принятыя Борисомъ, можно приписать только его личному генію, энергіи и рѣдкимъ способностямъ управлять государствомъ, воспитаннымъ въ немъ, благодаря его близости къ Іоанну Грозному, въ царствованіе котораго ему приходилось постоянно изучать, какъ не слѣдуетъ управлять людьми. Борисъ впервые употребилъ ту мѣру, которая характеризуетъ собою

соціальную политику русскаго правительства, вплоть до Екатерины II, въ дѣлѣ борьбы съ голодами: это именно обязательство, налагаемое на богатыхъ людей, продавать запасы хлѣба бѣднымъ. Эта мѣра, какъ мы увидимъ далѣе, приняла впослѣдствіи болѣе острый видъ, большую форму насилія. Безъ этого нельзя было обойдтись: общественныхъ и правительственныхъ хлѣбныхъ запасовъ было немного, и въ этой мѣрѣ выражалось, стало быть, тогдашнее безсиліе власти въ борьбѣ съ голодами. Но разница между Борисомъ и позднѣйшими правителями заключается въ томъ, что первый употребилъ эту мѣру лишь какъ одну въ ряду другихъ, между тѣмъ какъ Петръ Великій и его преемники не знали почти никакой другой мѣры, кромѣ насилія надъ богатыми, для помощи бѣднымъ. Во время Бориса, мы также въ первый разъ встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ, незнакомымъ древней Россіи: съ искусственной дороговизной хлѣба, создаваемой перекупщиками; но энергическая дѣятельность Бориса по скупкѣ хлѣба поставила барышниковъ въ затруднительное положеніе: цѣна хлѣба упала съ 21 рубля до 70 копѣекъ (въ 30 разъ), и они, съ ихъ тайными запасами, раззорились совершенно. Дѣятельность Бориса въ борьбѣ съ голодомъ подтверждаетъ истину, на которую мы имѣли случай указывать ранѣе [1]): а именно, что подвозъ хлѣба въ голодающую мѣстность является одною изъ радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ голодами. Тюрго спасъ этимъ Францію, древняя Русь спасала себя этимъ много разъ; мы видимъ, что и Русь временъ Бориса спасла себя этимъ средствомъ отъ небывалаго въ нашей исторіи голода.

III.

Голода съ начала XVII до конца XVIII столѣтія.

Втеченіе всего этого длиннаго историческаго періода, мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о голодахъ, но не видимъ раціональной борьбы съ ними. Слабыя попытки, недоконченныя мѣры, добрыя намѣренія, насилія и регламентація—вотъ характеристическія черты правительственной политики въ описываемое время.

Послѣ страшнаго голода временъ Бориса при Василіи Шуйскомъ въ 1608 году Москву вновь постигъ голодъ.

«Осажденная Лжедимитріемъ (вторымъ самозванцемъ), лишенная подвозовъ,—пишетъ Карамзинъ,—Москва истощила свои запасы; у ней было только одно сообщеніе съ Коломной, но и его она лишилась, потому что рать Лжедимитрія осадила Коломну.

---

[1]) См. нашу статью: «Очеркъ голодовъ въ Западной Европѣ и Остъ-Индіи», въ «Извѣстіяхъ московской городской думы», 1881 года, выпуски XVI и XVIII.

Предвидя недостатокъ, барышники скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и окрестностяхъ и ежедневно возвышали его цѣну, такъ что четверть ржи продавалась по 49 рублей (по нынѣшнему курсу)».

Что же сдѣлалъ Василій Шуйскій для борьбы съ этой дороговизной? Велѣлъ согнать барышниковъ въ церковь для формальнаго увѣщанія, чтобы они не притѣсняли бѣдняковъ; и только тогда, когда увѣщаніе не помогло, убѣдилъ Авраамія отворить житницы Троицкой лавры, въ которыхъ, однако, было такое незначительное количество хлѣба, что продажа его лишь на короткое время понизила цѣну съ 49 до 14 рублей за четверть. Сравнивая мѣры помощи Василія Шуйскаго съ мѣрами Бориса Годунова, нельзя не признать, что послѣдній является геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, ясно понявшимъ потребности своего времени и употребившимъ радикальныя мѣры для исцѣленія зла.

Положеніе Годунова, конечно, было тяжелѣе положенія Шуйскаго. Первый всю жизнь подвергался укорамъ и косымъ взглядамъ, какъ предполагаемый убійца царевича Димитрія, а послѣдній былъ какъ бы спасителемъ Россіи отъ анархіи; первому пришлось бороться и съ естественными, и съ искусственными причинами, вызвавшими голодъ, и голодъ такой, какіе появляются очень рѣдко; послѣднему пришлось бороться съ одними искусственными причинами, и если бъ Шуйскій обладалъ умомъ и энергіей Бориса, онъ, конечно, легко бы справился съ бѣдствіемъ, которое, сравнительно съ голодомъ 1601 и 1602 годовъ, было просто игрушкой. Но, къ несчастью для Россіи, роковое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій дало ей въ тяжелую смутную годину въ правители народа бездарную личность Василія Шуйскаго, ничего не способнаго сдѣлать, для спасенія страдающаго народа.

Послѣ Шуйскаго, мы не встрѣчаемъ никакихъ, даже слабыхъ, попытокъ борьбы съ голодами вплоть до Алексѣя Михайловича.

Его отецъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, ничего не нашелъ лучшаго для борьбы съ голодами въ 1630 и 1636 годахъ, какъ установленіе двухъ-недѣльнаго поста, во время котораго «не пить хмѣльнаго питія и матерно бы не браниться, а кто учнетъ матерно впредь браниться, тѣмъ быть въ наказаніи въ торговой казни, а отъ государя патріарха въ духовномъ запрещеніи».

Изъ множества неурожаевъ, постигшихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, мы остановимся на неурожаѣ 1650 года, вызвавшемъ извѣстныя волненія въ Псковѣ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

По Столбовскому договору съ шведами постановлено было выдавать перебѣжчиковъ изъ обоихъ государствъ. Къ Швеціи, какъ извѣстно, отошли новгородскія земли, населенныя русскими; изъ этихъ земель многіе бѣжали въ русскіе предѣлы. Выдавать ихъ казалось зазорнымъ, тѣмъ болѣе, когда они говорили, что убѣгали

нъ того, что ихъ хотѣли обратить въ лютеранскую вѣру. Московское правительство договорилось съ шведскимъ заплатить за перебѣжчиковъ частью деньгами, а частью хлѣбомъ; но въ это время, какъ мы уже сказали, былъ неурожай. Съ цѣлью выдачи шведамъ хлѣба по договору, правительство поручило скупку хлѣба въ Псковѣ гостю Емельянову. Этотъ гость увидѣлъ возможность воспользоваться даннымъ ему порученіемъ для своей корысти и, подъ предлогомъ соблюденія царской выгоды, не позволялъ покупать хлѣба для вывоза изъ города, иначе какъ только у него. Хлѣбъ, и безъ того вздорожавшій отъ неурожая, еще болѣе поднялся въ цѣнѣ. Псковичи начали роптать; по кабакамъ стали собираться черные люди и толковать, что государствомъ правятъ бояре и главнымъ образомъ Морозовъ, что бояре дружатъ иноземцамъ, выдаютъ казну шведской королевѣ, вывозятъ хлѣбъ за рубежъ, хотятъ оголодить Русскую землю. Пронесся слухъ, что ѣдетъ шведъ и везетъ изъ Москвы деньги.

27-го февраля 1650 года, 30 человѣкъ изъ бѣднаго люда пришли къ архіепископу Макарію толковать, что не надобно пропускать за рубежъ хлѣба. Архіепископъ позвалъ воеводу Собакина. Воевода пригрозилъ крикунамъ, но они не испугались и 28-го числа собрали большую толпу. Она сошлась у всенародной избы и стала кричать, что не надобно вывозить хлѣба. Вдругъ раздался крикъ: «нѣмецъ ѣдетъ, везетъ казну изъ Москвы». Ѣхалъ шведскій агентъ Нумменсъ и везъ до 20,000 рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя были назначены для уплаты шведамъ за перебѣжчиковъ.

Нумменсъ ѣхалъ къ Завеличью, гдѣ тогда стоялъ гостинный дворъ для иноземцевъ.

Народъ бросился на него.

Его потащили ко всенародной избѣ, подняли на два, поставленные одинъ на другой, чана, показали народу, отняли у него казну и бумагу и посадили подъ стражу. Потомъ бросились къ Емельянову, который во время убѣжалъ. У жены его взяли указъ, въ коемъ сказано, чтобы никто этого указа не вѣдалъ. Псковичи кричали, что грамота эта писана боярами, безъ вѣдома царя. Мятежники выбрали свое правленіе изъ посадскихъ, не хотѣли знать воеводы и отправили въ Москву челобитчиковъ. Псковичи жаловались, что воевода беретъ въ лавкахъ насильно товары, заставляетъ ремесленниковъ на себя работать, у служилыхъ людей удерживаетъ жалованье; его сыновья оскорбляютъ псковскихъ женщинъ; воеводскіе писцы неправильно составили писцовыя книги, такъ что посадскимъ тяжелѣе жить, чѣмъ крестьянамъ. Кромѣ этой челобитной, псковичи послали еще особую къ боярину Никитѣ Ивановичу Романову, просили его походатайствовать, чтобы впередъ воеводы и дьяки судили вмѣстѣ съ выборными старостами и цѣловальниками и чтобы псковичей не судили въ Москвѣ. Во главѣ народ-

наго правительства въ Москвѣ стоялъ земскій староста Гаврила Демидовъ, человѣкъ энергическій; онъ долго удерживалъ своихъ товарищей и черный народъ отъ возстанія. Въ концѣ марта, царь прислалъ на смѣну Собакина князя Василія Львова, но псковичи не выпустили Собакина до возвращенія изъ Москвы псковскихъ челобитчиковъ, а 28-го марта, узнавъ, что изъ Москвы посылается на нихъ войско, пришли къ новому воеводѣ и стали требовать выдачи имъ пороху и свинцу; когда имъ не дали, они отбили силой, объявивъ, что тѣ, что̀ придутъ изъ Москвы, будутъ для нихъ все равно что нѣмцы, что псковичи станутъ съ ними биться.

30-го марта, явился въ Псковъ отъ царя производить обыскъ князь Ѳедоръ Волконскій. Народъ избилъ его и отнялъ у него грамоту, въ коей ему приказано казнить виновныхъ. Пронесся слухъ, что бояре въ согласіи съ нѣмцами, что царь бѣжалъ отъ нихъ въ Литву и придетъ въ Псковъ съ литовскимъ войскомъ. Волненія стали разростаться, крестьяне и бѣглые холопы начали жечь помѣщичьи усадьбы и убивать помѣщиковъ.

12-го апрѣля, возвратились изъ Москвы псковскіе челобитчики и привезли слѣдующій отвѣтъ царя: «Бояринъ Романовъ служитъ намъ, какъ и другіе бояре, между ними нѣтъ розни; при нашихъ предкахъ не бывало, чтобы мужики сидѣли у расправныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и воеводами, и впредъ этого не будетъ». Волненія не унимались; боясь, чтобы примѣръ Пскова не повліялъ на другіе города, царь обратился къ содѣйствію русскаго народа; 21-го іюня, былъ созванъ земскій соборъ, пославшій своихъ представителей въ Псковъ: Псковъ склонился предъ волею Русской земли, и царь простилъ псковичей. Такъ кончился страшный бунтъ, благодаря разумнымъ мѣрамъ тишайшаго Алексѣя.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ и первую попытку изданія устава по народному продовольствію. Этотъ зародышный уставъ помѣщенъ отчасти въ «Уложеніи» Алексѣя Михайловича, отчасти въ «Полномъ собраніи законовъ».

Мѣры для обезпеченія народнаго продовольствія раздѣлялись при Алексѣѣ Михайловичѣ на два разряда: мѣры обезпеченія несвободныхъ и свободныхъ людей. Послѣднія, въ свою очередь, дѣлились на два рода: мѣры обезпеченія бѣдныхъ людей и остальнаго народонаселенія. Относительно обезпеченія холопей, мы встрѣчаемъ въ 41 и 42 статьяхъ, XX главы «Уложенія» слѣдующее постановленіе: «Если бояринъ сгонитъ холопа, не желая его кормить въ дорогое и голодное время, то обязуется дать ему отпускную, или холопій приказъ уполномочивается, по жалобѣ холопа, дать ему свободу противъ воли хозяина». Эти статьи уложенія были впослѣдствіи подтверждены отдѣльнымъ указомъ 13-го августа 1663 года, которымъ повелѣвалось «кликать по рынкамъ и торгамъ, что если

бояре откажутся кормить холопей въ голодное время, то лишаются холопей, которые получають свободу». Что касается до обезпеченія свободныхъ, но бѣдныхъ людей, то указомъ 8-го апрѣля 1662 года было постановлено: «Для кормленія служилыхъ и всякихъ скудныхъ людей въ неурожайное время, чтобы митрополиты и власти, дворяне и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынокъ для продажи свои хлѣбные запасы и чтобы мѣстное начальство собирало на счетъ казны хлѣбъ въ житницы и продавало по указной цѣнѣ истинно-бѣднымъ, а если кому нечѣмъ купить, то чтобъ выдавали хлѣбъ въ долгъ, съ поручительствомъ.»

Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ также серьёзную попытку и для созданія общихъ продовольственныхъ мѣръ. Во время дороговизны 1660 года, онъ повелѣлъ боярамъ изслѣдовать ея причины и для этого поговорить съ торговымъ классомъ.

Первые отвѣчали «гости и торговые люди гостинной и суконной сотни». По ихъ мнѣнію, дороговизна произошла «отъ недорода, отъ многаго винокуренія и отъ многихъ закупщиковъ». Они предлагали слѣдующія мѣры: кружечные дворы для винокуренія уничтожить и вино замѣнить пивомъ; выдавать стрѣльцамъ попрежнему хлѣбное жалованье, чтобы они и жены ихъ не увеличивали собой числа покупателей хлѣба; запретить скупщикамъ являться на рынки раньше 6-ти часовъ дня, т. е. полудня, когда харчи закупаются жителями для домашняго обихода, и предписать крестьянамъ возить хлѣбъ въ городъ безъ посредства барышниковъ. Послѣ гостей отвѣчали «сотскіе, старшины черныхъ сотенъ и слободъ и торговые тяглые люди тѣхъ сотенъ и слободъ, лучшіе, середніе и молодшіе». По ихъ мнѣнію, дороговизна произошла отъ бывшихъ моровыхъ повѣтрій и войнъ, истребившихъ много народа. Кромѣ того, цѣну хлѣба подняли скупщики и кулаки барышничествомъ; что же касается винокуренія, то они не знаютъ, будетъ ли хлѣбъ дешевле, если оставить винокуреніе, потому что «хлѣбъ въ Божьей волѣ». Въ заключеніе, они заявили: «пусть будетъ, какъ великому государю Богъ извѣститъ».

Алексѣй Михайловичъ согласился съ мнѣніемъ «гостей» и издалъ одинъ за другимъ слѣдующіе указы:

15-го октября 1660 года — «чтобы крестьяне вывозили хлѣбъ въ города и чтобы купцы не закупали хлѣба по деревнямъ»; 16-го октября — «чтобы крестьяне весь свой хлѣбъ, за исключеніемъ необходимаго для ихъ потребленія, обмолачивали и вывозили на рынокъ для продажи, подъ опасеніемъ уничтоженія хлѣба въ скирдахъ»; 4-го ноября 1661 года — «чтобы изъ всѣхъ мѣстъ везли хлѣбъ въ Москву и продавали мѣрною цѣной, оставляя непомѣрные прибытки, подъ страхомъ пытки и торговой казни безъ пощады».

Но, кажется, эти указы не имѣли никакого вліянія, потому что преемники Алексѣя Михайловича продолжали въ томъ же духѣ

борьбу съ хлѣбнымъ барышничествомъ. Такъ, указомъ 1681 года запрещалось «московскимъ людямъ всякаго чина и скупщикамъ у пріѣзжихъ людей скупать хлѣбъ и всякіе товары большими статьями для своихъ прибылей, подъ страхомъ жестокаго наказанія и вѣчнаго раззоренія». Въ 1682 году, въ Россіи былъ опять голодъ, что̀ видно изъ царской грамоты, отъ 8-го апрѣля 1682 года, посланной въ Великій Новгородъ князю Рѣпнину. Грамота эта «указываетъ бѣднымъ продавать изъ привознаго псковскаго хлѣба по указной цѣнѣ, а которымъ за большой скудостью купить нечѣмъ, тѣмъ и въ долги хлѣба давать съ поруками, смотря по людямъ». Кромѣ того, приказано было устроить житницы и держать въ нихъ хлѣбъ «съ великимъ береженьемъ». Въ 1693 году, вновь повторился указъ, изданный уже въ 1681 году, противъ хлѣбнаго барышничества.

Петръ Великій продолжалъ идти по пути своихъ предшественниковъ, пути регламентацій и предписаній, лишь попутно борясь съ голодами радикальными мѣрами, которыя, кстати сказать, остались только на бумагѣ, какъ и многія распоряженія Петра. Указомъ 16-го февраля 1723 года постановлено: «Чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ голодъ, у зажиточныхъ людей описывали лишній хлѣбъ и, вычисливъ, сколько имъ нужно для нихъ, остальной раздавать неимущимъ подъ росписки, чтобы они возвратили его въ урожайный годъ». Указомъ 27-го февраля того же года установленъ при конторѣ камеръ-коллегіи особый человѣкъ, «который бы занимался и доносилъ конторѣ о магазейнахъ государственныхъ и другихъ дѣлахъ, какъ довольствовать народъ во время недорода; а помѣщикамъ и приказчикамъ велѣно было наблюдать, чтобы крестьяне сѣяли больше хлѣба».

Указами 23-го іюля и 3-го сентября того же года предписано было: «начальникамъ ближайшихъ губерній еженедѣльно, а дальнихъ—ежемѣсячно, отдавать отчетъ камеръ-коллегіи объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи и Западной Европѣ». Это, впрочемъ, никогда не исполнялось, на что̀ жаловался не одинъ только Петръ I, но и его позднѣйшіе преемники. Въ 1724 году, у Петра явилась мысль учредить хлѣбные запасные магазины для продовольствія народа, и 20-го января онъ далъ собственноручный указъ сенату слѣдующаго содержанія: «Учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ и къ тому свое прибавить и предложить». Но Петръ нимало не заботился объ исполненіи этихъ указовъ, его интересовало продовольствіе войскъ, а не народа, и при немъ были учреждены запасные провіантскіе магазины для войскъ. Изъ этихъ магазиновъ, впрочемъ, въ случаѣ крайней нужды, выдавались пособія и неимущимъ обывателямъ.

Послѣднею мѣрой Петра по народному продовольствію былъ указъ, изданный тоже въ 1724 году, которымъ «велѣно доносить, какъ въ недородные годы народъ довольствовать. Когда хлѣбъ съ поля уберутъ и обмолотятъ, то чтобы каждая провинція присылала вѣдомости, въ которыхъ бы значилось: сколько снято копенъ и какой умолотъ; смотрѣть помѣщикамъ и приказчикамъ, дабы подъ хлѣбный посѣвъ крестьяне землю хорошенько снабдѣвали и болѣе всякаго сѣву умножали».

Вслѣдствіе неисполненія Петровскихъ указовъ и его собственнаго равнодушія къ дѣлу народнаго продовольствія, голода и при преемникахъ Петра дѣлали свое страшное дѣло. Его преемники не внесли въ продовольственное дѣло ничего оригинальнаго и копировали съ нѣкоторыми отступленіями Петровскую бюрократическую систему. Въ особенности это относится ко времени владычества въ Россіи жестокаго нѣмецкаго правительства, втеченіе царствованія Анны Ивановны.

Нѣмецкое правительство сдѣлало слѣдующія отступленія отъ политики Петра I: ввело наказанія за разбои, совершенные подъ давленіемъ голода, и уничтожило войсковые провіантскіе магазины, учрежденные Петромъ.

Коснемся по порядку этихъ двухъ мѣръ.

Только втеченіе пяти лѣтъ, съ 1732 по 1736 годъ, было казнено, сослано на вѣчную каторгу и умерло подъ карауломъ — 524 человѣка, за разбои съ голода. Конечно, не одною только жестокостью можно объяснить примѣненіе такой безцѣльной мѣры, какъ наказаніе за разбои съ голода. Примѣненіе ея отчасти зависѣло и отъ незнанія того соціальнаго факта, «что только народъ обезпеченный относится съ уваженіемъ къ чужой собственности и что преступленія противъ собственности возростаютъ прямо пропорціонально силѣ голода». До какой степени тогда еще не понимали этого факта, видно изъ указа 1736 года, которымъ разрѣшалось помѣщикамъ и начальникамъ крестьянъ, бѣгающихъ съ голода, наказывать и кнутомъ, и кошками, и плетями, и батогами! Слѣдствіемъ этого указа было усиленіе разбоевъ. Въ то же самое время правительство, въ 1735 году, велѣло купить хлѣба на 13,000 рублей для прокормленія голодающихъ крестьянъ; а когда усилилось число нищихъ, то было разрѣшено подавать милостыню, что̀ было прежде запрещено. Какъ ни дико было подобное запрещеніе, при отсутствіи помощи нищимъ со стороны правительства, но отмѣна этого запрещенія, взятая вмѣстѣ съ предписаніемъ кормить голодающихъ, показываетъ на пониманіе тѣсной связи между голодомъ и необходимостью питанія. Значитъ, нѣмецкое правительство не поняло только причинной связи между голодомъ и разбоями, между наказаніемъ легальнымъ или произвольнымъ и усиленіемъ разбоевъ. Преданное внѣшней политикѣ, презирающее

русскій народъ и не вникающее въ его нужды, нѣмецкое правительство могло дойдти до такихъ простыхъ представленій, какъ представленіе о необходимости ѣсть, когда желудокъ этого требуетъ. Для этого нужно было испытать только ощущеніе голода и понять, что голодные не будутъ платить податей. Инстинктъ самосохраненія рѣшилъ, въ данномъ случаѣ, все дѣло: заставилъ кормить голодныхъ и разрѣшилъ подавать милостыню. Къ болѣе сложнымъ представленіямъ нѣмецкое правительство не было способно: жестокость мѣшала понять, что указы и наказанія теряютъ свое вліяніе тамъ, гдѣ страдаетъ человѣческое питаніе. Для образованія этихъ представленій нужно было, чтобы мысль была направлена на общественные вопросы, чтобы человѣкъ, хотя бы и преданный въ личной жизни хищничеству, теоретически понялъ громадную связь между страданіемъ массъ и судьбою государства.

Вотъ этимъ-то и отличается время Анны Ивановны отъ времени Елисаветы Петровны, сходясь съ послѣднимъ въ грабежѣ народнаго достоянія. Кромѣ того, продовольственная политика времени Анны Ивановны была слаба еще потому, что въ ея царствованіе совершенно исчезли наши старинныя земскія привычки, создававшія нѣкоторую тѣсную связь между властью и народомъ. Въ этомъ отношеніи въ параллель нѣмецкому правительству можно поставить царя Алексѣя Михайловича. Хотя и онъ былъ не на высотѣ своего призванія въ то тяжелое время, въ которое ему довелось жить; хотя и онъ не отличался государственнымъ умомъ, но все же мы видимъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, старался вникать въ нужды своего времени и не дѣлалъ поэтому тѣхъ страшныхъ ошибокъ, которыя сдѣлала Анна Ивановна и ея фавориты. Алексѣй Михайловичъ не дозволялъ помѣщикамъ сѣчь холоповъ, бѣжавшихъ съ голода, наоборотъ, послѣдніе дѣлались свободными. Это служило помѣщикамъ наказаніемъ за то, что они ихъ не кормили. Затѣмъ, мы знаемъ, что, во время дороговизны 1660 года, Алексѣй Михайловичъ, вмѣсто простаго декретированія мѣръ, безъ всякаго соображенія съ народными желаніями, обратился съ вопросомъ къ крупнымъ и мелкимъ торговцамъ.

Хотя большихъ результатовъ это и не принесло, но послужило доказательствомъ его пониманія, что **нельзя знать причинъ народныхъ страданій, не выслушавъ на этотъ счетъ мнѣній самого народа**. Мы уже не говоримъ о его высокой гуманности во время волненій въ Псковѣ, волненій, въ сравненіи съ которыми разбои при Аннѣ Ивановнѣ были каплею въ морѣ.

Причина этихъ различій въ политикѣ Алексѣя Михайловича и нѣмецкаго правительства заключается въ томъ, что первый держался земскихъ началъ, исчезнувшихъ съ лица Русской земли послѣ его смерти, вплоть до ихъ возникновенія въ минувшее царствованіе. И если Петръ Великій, порвавшій земскія начала, мало

обращалъ вниманія и слишкомъ формально относился къ дѣлу народнаго продовольствія, то это объясняется его стремленіемъ вывести Россію изъ первобытной дикости. За громадностью этой задачи, онъ не видѣлъ народныхъ страданій, но для дѣйствій нѣмецкаго правительства нѣтъ подобныхъ оправданій. Вторымъ отступленіемъ отъ мѣръ Петра было уничтоженіе при Аннѣ Ивановнѣ запасныхъ провіантскихъ магазиновъ для продовольствія войскъ, которыми, однако, правительство пользовалось во время голодовъ, какъ средствомъ для помощи всему вообще голодающему населенію. Они существовали въ обширныхъ размѣрахъ лишь до 1732 года, а потомъ ихъ перестали даже наполнять. Отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ для продовольствія войскъ во время дороговизны было крайне убыточно для казны, такъ какъ подрядчики, пользуясь этою дороговизною, часто ставили въ казну провіантъ по дорогой цѣнѣ. Вотъ почему въ царствованіе Елисаветы Петровны вновь былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи, преимущественно для продовольствія войскъ, но которые бы, въ случаѣ нужды, могли служить пособіемъ и для народа.

24-го марта 1743 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой внесъ въ сенатъ предложеніе объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ и о назначеніи, согласно указу Петра I, «экономіи генеральнаго» и къ нему помощниковъ; магазины должны были имѣть троякую цѣль: равновѣсіе цѣнъ, помощь голодающимъ и отпускъ хлѣба за границу, при существованіи хлѣбныхъ избытковъ. Но участь этого предложенія князя Трубецкаго была такова же, какъ и участь другихъ его предложеній: оно осталось только на бумагѣ.

Потребность въ устройствѣ запасныхъ магазиновъ попрежнему сознавалась правительствомъ, и, какъ бы въ отвѣтъ на эту потребность, сенаторъ, генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ представилъ въ 1754 году сенату подробный проектъ объ устройствѣ провіантскаго управленія въ Россіи.

Проектъ Шувалова раздѣляется на 4 части и заключеніе.

Въ первой части доказывается необходимость устроить трояќаго рода магазины: полковые, капитальные и портовые. Полковые должны были имѣть чисто хозяйственную цѣль—снабженіе войскъ хлѣбомъ; капитальные—служить противовѣсомъ дороговизнѣ внутри государства, поддерживать нормальную цѣну хлѣба, являться, такъ сказать, бассейномъ, куда стекается со всѣхъ сторонъ хлѣбъ при урожаѣ и откуда онъ расходится во всѣ стороны при неурожаѣ, а портовые—складами хлѣба, отпускаемаго за границу въ урожайные годы. Во второй части Шуваловъ толкуетъ о земскихъ коммиссарахъ, для распоряженія по устройству, со-

держанію и другимъ хозяйственнымъ операціямъ запасныхъ магазиновъ. Въ третьей части излагаются правила, которыми должны руководствоваться коммиссары. Въ четвертой части излагается планъ учрежденія конторы для государственной экономіи, на обязанности которой, между прочимъ, должно было лежать завѣдованіе всею государственною неокладною денежною казною, «изъ которой содержать ежегодно опредѣленное число четвертей хлѣба, въ магазинахъ капитальныхъ и перевозить его въ портовые для отпуска за море». Кромѣ того, на ту же контору предполагалось возложить и обязанность собиранія вѣрныхъ свѣдѣній объ урожаѣ, умолотѣ, о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ и, сообразно съ этими данными, установлять на каждый уѣздъ, гдѣ будутъ магазины, такую цѣну за принимаемый хлѣбъ, «коя бы могла крестьянству съ пользою быть», т. е. не заставляла бы ихъ продавать хлѣбъ за ничтожную цѣну для уплаты податей, или сидѣть въ рабочую пору подъ арестомъ за недоимки; а давала бы имъ возможность вносить подати, кормить семью и оставлять хлѣбъ на сѣмена.

Въ заключеніи проекта Шуваловъ указываетъ на учрежденіе государственныхъ магазиновъ, какъ на средство для продовольствія народа во время неурожая: «Сверхъ всего вышеписаннаго,— говоритъ онъ,—великій способъ отъ учрежденія магазейновъ быть можетъ въ томъ, ежели гдѣ (отъ чего Боже сохрани) сдѣлается недородъ хлѣба, то изъ оныхъ безъ нужды продовольствовать людей возможно съ возвратомъ въ оные впредь отъ тѣхъ людей, кому роздано будетъ, какъ довольный родъ хлѣба будетъ».

Проектъ этотъ былъ заслушанъ въ сенатѣ 1 февраля 1755 года и, по выслушаніи его, постановили слѣдующую резолюцію: вопросъ о полковыхъ магазинахъ передать въ коммиссію при военной коллегіи и представить ея мнѣніе въ сенатъ; вопросъ о капитальныхъ магазинахъ передать на разсмотрѣніе лицамъ, назначеннымъ сенатомъ; вопросъ о земскихъ коммиссарахъ передать на разсмотрѣніе коммиссіи, учрежденной для сочиненія уложенія, а вопросъ о конторѣ государственной экономіи передать на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи.

Вслѣдствіе этихъ резолюцій сената началась канцелярская переписка, и до вступленія на престолъ Екатерины II никакихъ запасныхъ магазиновъ устроено не было. Единственнымъ практическимъ результатомъ проекта Шувалова явился лишь указъ 24 сентября 1760 года: «собирать свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и о цѣнахъ на продукты, не безпокоя народа».

Такимъ образомъ, всѣ попытки передовыхъ людей Елисаветинскаго времени внести новыя начала въ продовольственное дѣло остались неосуществленными, благодаря бюрократизму того времени.

Елисавета продумала все свое царствованіе надъ продовольственнымъ вопросомъ и, не сдѣлавъ въ немъ никакихъ видоизмѣ-

ній, копировала лишь давно отжившіе пріемы своего великаго отца, отступивъ отъ нихъ немного только въ концѣ своего царствованія, а именно въ 1761 году. Въ этомъ году былъ изданъ указъ, уничтожавшій прежнія описи хлѣба у богатыхъ для раздачи голодающимъ, но владѣльцамъ имѣній предписывалось имѣть запасный хлѣбъ всегда на цѣлый годъ впередъ.

Задача внесенія болѣе раціональныхъ принциповъ въ законодательство по народному продовольствію выпала на долю Екатерины II.

23 августа 1762 года, она издала собственноручный указъ слѣдующаго содержанія: «Хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». 25 октября того же года, она подтвердила свое желаніе, во время личнаго присутствія въ сенатѣ. Вслѣдствіе этого сенатъ приказалъ сдѣлать выписки изъ прежнихъ указовъ, распоряженій и предположеній по этому предмету. 14 ноября 1762 года, въ присутствіи Екатерины II, была заслушана записка о государственныхъ магазинахъ, и, по выслушаніи ея, императрица велѣла выбрать двухъ надежныхъ лицъ, которыя должны были представить планъ, гдѣ устроить эти магазины, какъ велики они будутъ и во сколько обойдутся.

Этими лицами были генералъ-поручики Веймарнъ и Бекетовъ, составлявшіе изъ себя коммиссію 1763 года объ учрежденіи государственныхъ магазиновъ въ Россіи.

9 января 1763 года, Веймарнъ и Бекетовъ обратились въ сенатъ съ рапортомъ, въ которомъ, признавая необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія высочайшаго порученія основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ всего государства и откровенно сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи этого предмета, просили сенатъ доставить имъ разныя свѣдѣнія изъ его архивовъ. Предвидя, что сенатъ не будетъ въ состояніи доставить имъ этихъ свѣдѣній, они просили предоставить имъ право требовать отъ присутственныхъ мѣстъ всякія извѣстія и подробныя вѣдомости. Бекетовъ и Веймарнъ знали, что не получать этихъ свѣдѣній канцелярскимъ путемъ, и потому рѣшили лично съ помощниками объѣхать всю Россію, для полученія этихъ свѣдѣній. Вдругъ, какъ снѣгъ на голову, 27 марта 1763 года, Екатерина издаетъ указъ, чтобы коммиссія представила свое мнѣніе по продовольственному вопросу. Къ 7-му мая, это мнѣніе уже было готово и представлено въ сенатъ. Оно представляетъ собою обширный докладъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, распадающійся на двѣ части. Первая часть посвящена разбору проектовъ Трубецкаго и Шувалова, а вторая заключаетъ въ себѣ собственное мнѣніе докладчиковъ о наилучшихъ средствахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Докладчики подвергаютъ критикѣ проектированныя Трубецкимъ и Шуваловымъ учрежденія съ точки зрѣнія стоимости, цѣлесо-

образности, полезности, возможности, выгодности и приходятъ къ заключенію, что они стоили бы дорого казнѣ, а между тѣмъ были бы напрасными, безполезными, невозможными и вредными какъ для казны, такъ и для всего общества. Они подробно вычисляютъ расходы на утройство, содержаніе и разныя операціи по хлѣбнымъ магазинамъ. Опираясь на данныя 17 примѣрныхъ вѣдомостей, приложенныхъ къ докладу, они говорятъ, что по умѣреннымъ смѣтамъ предпріятіе это должно стоить 126.056,720 рублей. Собственное мнѣніе коммиссіи распадается на два отдѣла: первый трактуетъ о мѣрахъ противъ голода, второй—противъ дороговизны. Для предупрежденія голода во время неурожая, коммиссія совѣтуетъ завести не только во всѣхъ городахъ, но и въ деревняхъ готовые запасы хлѣба: въ деревняхъ на счетъ помѣщиковъ, а въ городахъ на счетъ магистратовъ. Каждый магазинъ долженъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ продовольствія и обсѣмененія полей окружающаго населенія. За отказъ извѣстнаго помѣщика кормить во время голода своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, послѣдніе передаются въ собственность того, кто ихъ согласится кормить. Помѣщику дозволяется собирать требуемый хлѣбный запасъ постепенно, но не далѣе какъ втеченіе трехъ лѣтъ; причемъ помѣщикъ можетъ лишь въ такомъ случаѣ тратить собранный хлѣбъ на винокуреніе, если вмѣсто истраченнаго засыпетъ новый.

Отсюда ясно, что Бекѐтовъ и Веймарнъ, вмѣсто критики проектовъ Трубецкаго и Шувалова, только нѣсколько ихъ видоизмѣняютъ: они, всетаки, признаютъ необходимымъ собирать хлѣбные запасы на случай голода.

Правда, что Шуваловъ, предлагая устройство хлѣбныхъ магазиновъ, имѣлъ въ виду еще другую цѣль—влiять на цѣну хлѣбу, а Веймарнъ и Бекетовъ этой цѣли не преслѣдовали; но это вліяніе обнаружится само собой, разъ только магазины будутъ устроены. Если въ годы дороговизны у крестьянъ будетъ запасный хлѣбъ, они не станутъ платить хлѣбнымъ торговцамъ безобразныхъ цѣнъ. Разница между проектомъ Шувалова и предложеніемъ Бекетова и Веймарна заключается лишь въ томъ, что Шуваловъ хотѣлъ создать центральные магазины, а Бекетовъ и Веймарнъ—мѣстные, но децентрализація послѣднихъ является или бюрократическою, или помѣщичьею, но отнюдь не земскою, каковая только и желательна взамѣнъ бюрократической централизаціи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Бекетовъ и Веймарнъ не опровергли проекта Шувалова и что послѣдній является осуществленіемъ великаго изрѣченія Екатерины II: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». Противъ дороговизны коммиссія рекомендовала свободную хлѣбную торговлю, конкурренцію и запрещеніе монополій. Въ числѣ спеціальныхъ мѣръ она предложила слѣдующія: улучшеніе сообще-

ній между портами и внутренними рынками; устройство на большихъ судоходныхъ рѣкахъ торговыхъ пристаней для склада товаровъ и продажи ихъ по вольной цѣнѣ; развитіе торговли на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, такъ какъ туда провозъ дешевле и хлѣбныя цѣны тамъ выше, чѣмъ въ Балтійскихъ портахъ; разрѣшеніе вывоза хлѣба съ наложеніемъ во время неурожая вывозной пошлины; запрещеніе купцамъ заниматься земледѣліемъ, такъ какъ отъ этого всѣ дѣла идутъ плохо. Коммиссія полагала, что пристани поднимутъ цѣну хлѣба, продаваемаго земледѣльцами. При невозможности же сбывать хлѣбъ къ портамъ, коммиссія предлагала строить фабрики, заводить конскіе заводы, кошары для овецъ и т. д., чтобы избавить крестьянъ отъ далекихъ путешествій въ городъ, для продажи хлѣба, сѣна и другихъ продуктовъ. Заведеніе казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ коммиссія предоставляла только губернаторамъ, и лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдко бываютъ хорошіе урожаи. Зерновый хлѣбъ для этихъ магазиновъ губернаторы могли покупать лишь на суммы, отпускаемыя имъ на расходы. Черезъ 10. лѣтъ эти суммы должны быть возвращены въ казну, съ каковою цѣлью губернаторы должны ежегодно продавать старый хлѣбъ и наполнять магазины новымъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что коммиссія противорѣчитъ себѣ: рекомендуя конкурренцію какъ панацею, она въ то же время совѣтуетъ учреждать казенные хлѣбные магазины.

Образцовые борцы съ остъ-индскими голодами признавали свободную хлѣбную торговлю одною изъ мѣръ для борьбы съ голодами, но, зная, что она постоянно приводитъ къ хлѣбной спекуляціи, допускали ее лишь въ томъ случаѣ, когда она не противорѣчила общественной пользѣ. Ни они, ни великій борецъ съ голодами Тюрго не думали считать свободной хлѣбной торговли факторомъ равновѣсія цѣнъ: они регулировали ее, не предоставляя безграничной свободы этой стихійной силѣ, основанной на безпринципности и наживѣ [1]). Все сказанное о трудахъ коммиссіи приводитъ къ заключенію, что главная ея забота заключалась въ экономіи государственныхъ расходовъ на дѣло народнаго продовольствія. Докладъ Бекетова и Веймарна былъ послѣднимъ актомъ дѣятельности коммиссіи 1763 года объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Россіи. 8-го мая 1763 года, Екатерина II велѣла сенату распустить коммиссію, а ея докладъ съ заключеніемъ сената представить ей.

19-го августа, сенатъ заслушалъ мнѣніе коммиссіи и опредѣлилъ поднести его съ своимъ мнѣніемъ императрицѣ, но 10-го ноября, при слушаніи этого опредѣленія, постановлено: «Истребовать мнѣніе главной провіантской канцеляріи и для того подпискою выписи-

[1]) См. нашу статью въ «Извѣстіяхъ московской городской думы».

саннаго мнѣнія о государственныхъ магазейнахъ опредѣленія обождать».

Дѣло объ устройствѣ магазиновъ не разсматривалось въ сенатѣ до 1768 года. Въ этомъ же году копія со всего плана, начертаннаго коммиссіей, отослана въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, и больше о проектѣ Бекетова и Веймарна не было ни слуху, ни духу. Екатерина отказалась отъ заведенія во всѣхъ городахъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, «дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была»; обычай описыванія хлѣба у имущихъ, для раздачи неимущимъ, тоже вышелъ изъ употребленія.

Екатерина остановилась на мѣстныхъ магазинахъ, заведенныхъ самими обществами, и стала побуждать помѣщиковъ, сельскія городскія общества и монастыри къ устройству магазиновъ на ихъ счетъ. Но ихъ безпечность и бездѣятельность принуждали правительство заводить казенные магазины во многихъ городахъ и селахъ.

Все это, однако, не спасало Россіи, и голода дѣлали свое дѣло. Въ 1775 году, былъ изданъ указъ о введеніи для помощи голодающимъ казенныхъ и общественныхъ работъ. (См. П. С. З., №№ 14,418 и 14,392).

Пятью годами ранѣе Тюрго спасъ этимъ Францію, а остъ-индское правительство останавливало этимъ средствомъ смертность остъ-индскаго населенія, начиная съ 1837 и до 1878 года[1]). Но, къ несчастью, Екатерина не хотѣла взять себѣ достойныхъ помощниковъ для приведенія въ исполненіе этой великой мѣры, долженствующей быть положенной въ основу всякой продовольственной системы. Со времени Бориса, временно учредившаго общественныя работы, и вплоть до Екатерины мы ничего не слышимъ о нихъ; при Екатеринѣ же онѣ не сходятъ со страницъ ея указовъ.

Въ 1785 году, Екатерина окончательно вступила на новый путь въ дѣлѣ народнаго продовольствія, усвоивъ принципы полнѣйшей свободы торговли. Этотъ годъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи мѣръ по народному продовольствію. Въ указѣ своемъ московскому главнокомандующему, графу Брюсу, отъ 3-го февраля 1785 года, она прямо говоритъ, что «свободная хлѣбная торговля внутри государства есть лучшее средство для обезпеченія народнаго продовольствія». Съ этого времени начинается преслѣдованіе монополистовъ, скупщиковъ, перекупщиковъ и попеченіе о развитіи судоходства. Отмѣняются всѣ стѣсненія внутренней торговли, какъ-то: таксы и запрещенія вывоза хлѣба изъ одной мѣстности въ другую. Но всѣ Екатерининскія мѣры не спасли народа отъ голода, постигшаго Россію, вслѣдствіе дурнаго урожая 1785 и 1786 годовъ. Неурожай былъ такъ великъ, что «люди ѣли листья, сѣно, мохъ и умирали съ голода; сѣять было нечего, потому что вся рожь вы-

---

[1]) См. нашу статью въ «Извѣстіяхъ московской городской думы».

зябла въ зиму 1786—1787 года. Такимъ образомъ и въ будущемъ народу угрожалъ голодъ» [1]). Черезъ годъ, въ 1788 году, мы видимъ то же самое: «Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ,—писалъ князь Щербатовъ,—ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже не достаетъ, ибо, къ несчастью, и лебеда не родилась и оной четверть по четыре рубля покупаютъ. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, мякины и лебеды; онъ меня въ ужасъ привелъ, ибо едва не четверть тутъ четверки овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. А, однако, никакого распоряженія дольше, т. е. до исходу февраля мѣсяца, не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народу, для прокормленія того народу, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться съ врагомъ, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который (народъ) даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣсти себѣ денегъ, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе младенцы среди холоду и вьюги безвинныя руки протягаютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостины просятъ, которой еще и не получаютъ довольно, ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То есть ли истинѣ многихъ глаголовъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?» [2]).

Статья Щербатова имѣетъ для насъ двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ доказательство, что всѣ Екатерининскія мѣры по народному продовольствію не привели ни къ чему, а, во-вторыхъ, какъ характеристика взглядовъ лучшихъ людей Екатерининскаго

---

[1]) Князь Щербатовъ. О повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи. Чт. въ Общ. исторіи и древностей, 1860 г., I, стр. 91.

[2]) Князь Щербатовъ. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года при началѣ турецкой войны. Чт. въ Общ. исторіи и древн., 1860 г., I, стр. 113 и 114.

времени. Не одинъ Щербатовъ принадлежалъ къ нимъ: можно назвать графа Воронцова, князей Голицыныхъ, Нарышкину и многихъ другихъ, устроившихъ въ своихъ имѣніяхъ хлѣбные запасные магазины. Такимъ образомъ мы видимъ, что, не смотря на крайнее развитіе въ Екатерининское время рабовладѣльческихъ началъ, вызвавшихъ кровавую Пугачевщину, въ обществѣ были, всетаки, элементы, понимавшіе необходимость обезпеченія народа. На эти элементы и должна была опереться Екатерина, но громъ военной славы и разработка теоретическихъ принциповъ энциклопедистовъ, рядомъ съ усиленіемъ крѣпостничества и давленіемъ всякаго свободнаго проявленія человѣческой мысли и дѣятельности, мѣшали ей осуществить на практикѣ тѣ раціональные принципы народнаго продовольствія, которые проявлялись въ жизни и которые она сама провозгласила въ 1762 и 1775 годахъ. Яркій образчикъ ея юридическаго доктринерства—наказъ къ составленію уложенія, и не менѣе яркій образчикъ ея неискренняго либерализма—ничѣмъ не кончившееся созваніе депутатовъ для составленія уложенія,—все это затемнило ея ясный и великій умъ. Она ничѣмъ не спасла народа отъ голодовъ и оставила Павлу I въ наслѣдство безплодный хламъ ветхихъ принциповъ на почвѣ крѣпостнической практики. Не обладая государственнымъ умомъ, Павелъ I не справился съ этимъ хламомъ и долженъ былъ остаться при крѣпостнической практикѣ. Попытка, сдѣланная въ его царствованіе, придать хлѣбнымъ запаснымъ магазинамъ болѣе правильную организацію не привела ни къ чему, какъ въ этомъ признавалось само правительство въ нашемъ столѣтіи. Попытка эта состояла въ томъ, что въ 1799 году, по проекту генералъ-провіантмейстера Обольянинова, управленіе сельскими магазинами было поручено губернскому начальству. Предписано было наполнять магазины годовою пропорціею хлѣба, полагая на каждую ревизскую душу по 3 четверти ржи и по 3 четверика яроваго хлѣба. Хлѣбъ долженъ былъ собираться ежегодно, послѣ окончанія жатвы, по $^1/_2$ четверти ржи и по $^1/_2$ гарнца яроваго съ ревизской души. Хотя этотъ проектъ и былъ осуществленъ, но не далъ хорошихъ практическихъ результатовъ, «вслѣдствіе отсутствія правильнаго хозяйственнаго надзора за магазинами», какъ писали губернаторы въ 1817 году. Вотъ съ какимъ продовольственнымъ багажемъ вступили мы въ XIX-е столѣтіе.

Обозрѣвая II и III главы нашего очерка, мы видимъ, что правительство, втеченіе XVII и XVIII вѣковъ, вертѣлось въ дѣлѣ народнаго продовольствія, какъ бѣлка въ колесѣ: голодовки были второю натурой русскаго народа, сроднились съ Русской землей и такъ ее полюбили, что почти года безъ нихъ не проходило. Эта мрачная исторія нашего народа только разъ освѣтилась геніемъ Бориса, да слабыми попытками Алексѣя Михайловича.

И эти печальныя явленія происходили въ государствѣ, гдѣ весь бюджетъ и всѣ расходы привиллегированныхъ классовъ оплачивались принудительнымъ трудомъ крестьянъ. Втеченіе XVII и XVIII вѣковъ лучшія живыя народныя силы приносились въ жертву интересамъ фиска и правящихъ классовъ; народъ погибалъ на войнѣ и дома отъ голода—онъ не имѣлъ экономическаго будущаго. Ни разу государство не подумало о вознагражденіи его за вѣрную службу созданіемъ постоянной и широкой продовольственной организаціи, подобной той, которую хотѣлъ осуществить Шуваловъ. Наоборотъ, по словамъ Щербатова, «самые способы отнимаютъ хотя мякиною жизнь свою продлить». На этомъ замерло и погасло XVIII столѣтіе, предоставивъ XIX столѣтію выработать самостоятельно новую продовольственную систему.

Посмотримъ, на сколько наше столѣтіе приблизилось къ разрѣшенію этой важной задачи.

IV.

Голода съ начала XIX столѣтія до 1885 года.

Мы не будемъ подробно останавливаться на разныхъ голодахъ, бывшихъ въ Россіи втеченіе 85 лѣтъ. Особенно любопытно, что втеченіе нынѣшняго столѣтія продовольственныя системы постоянно мѣнялись. Практика быстро разбивала каждую новую систему, создавалась другая: ни одна изъ нихъ не спасала Россіи отъ голодовъ. Вотъ почему мы обратимъ главное вниманіе на исторію продовольственныхъ системъ, очертивъ лишь вкратцѣ наиболѣе крупные голода.

Неудача мѣръ Обольянинова, описанныхъ нами въ III главѣ, побудила правительство ввести съ 1-го іюля 1822 года въ каждой губерніи коммиссіи народнаго продовольствія. Цѣль и составъ ихъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. «Для наблюденія и опредѣленія, въ какихъ случаяхъ и какія мѣры, судя по состоянію продовольствія, въ неурожайные годы должны быть пріемлемы, учреждается въ каждой губерніи коммиссія народнаго продовольствія». Для обезпеченія продовольствія, въ каждой губерніи установлялись или хлѣбные запасы, или денежные капиталы. Этотъ выборъ рѣшался особымъ собраніемъ, состоящимъ изъ вице-губернатора, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, губернскаго прокурора и управляющаго удѣльною конторой подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора. Изъ этихъ же лицъ состояли и коммиссіи по народному продовольствію, съ участіемъ только еще непремѣннаго члена отъ дворянства. Положеніе о коммиссіяхъ народнаго продвольствія раздѣлялось на 4 отдѣла: о со-

ставѣ и образѣ дѣйствія коммиссій; о составѣ и образѣ употребленія хлѣбныхъ запасовъ; о составѣ и образѣ употребленія запасныхъ капиталовъ и о порядкѣ назначенія и образѣ употребленія ссуды отъ правительства въ чрезвычайныхъ случаяхъ. 2 четверти съ ревизской души были признаны нормою хлѣбныхъ запасовъ. Это количество предписано было собрать при помощи ежегодныхъ взносовъ по 4 гарнца зерномъ или мукой. Устройство и содержаніе магазиновъ предоставлено было помѣщикамъ въ ихъ имѣніяхъ, а въ селеніяхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, казенныхъ и удѣльныхъ — волостнымъ правленіямъ. Количество денежныхъ капиталовъ должно было равняться стоимости одной четверти хлѣба на ревизскую душу (по пятилѣтней сложности). Этотъ капиталъ предписано образовать ежегоднымъ сборомъ по 25 коп. съ ревизской души. Коммиссія могла самостоятельно пользоваться продовольственнымъ капиталомъ лишь заимообразно и въ предѣлахъ 25,000 рублей, объ употребленіи большей суммы она обязывалась, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, испрашивать высочайшее соизволеніе.

При недостаточности губернскаго запаса, коммиссія могла испрашивать ссуду у правительства.

Вслѣдъ за положеніемъ о коммиссіяхъ народнаго продовольствія, были изданы положенія о дѣлопроизводствѣ въ нихъ, объ обязанностяхъ по обезпеченію продовольствія, о собираніи и веденіи статистики урожаевъ, объ устройствѣ и содержаніи запасныхъ магазиновъ и о сборѣ денежныхъ капиталовъ. Эти положенія предписывали заведеніе магазиновъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ было не менѣе 50 дворовъ. Разрѣшалось же ихъ заводить во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ было не менѣе 10 дворовъ, или приписанныхъ 50 ревизскихъ душъ. Въ такихъ небольшихъ селеніяхъ можно было заводить или по одному магазину на каждое село, или одинъ на всю волость. Въ такомъ видѣ дѣйствовали коммиссіи народнаго продовольствія довольно успѣшно до 1834 года.

Бѣдственный исходъ жатвы 1833 года измѣнилъ воззрѣнія правительства на продовольственную систему 1822 года и создалъ новую, представлявшую собой соединеніе двухъ системъ—системы, существовавшей до введенія коммиссій народнаго продовольствія, съ системою, базисомъ которой служили послѣднія.

Новое положеніе 1834 года предписало содержаніе во всѣхъ губерніяхъ хлѣбныхъ магазиновъ совмѣстно съ собираніемъ денежныхъ капиталовъ. Нормою хлѣбныхъ запасовъ была признана четверть ржи или пшеницы и $^1/_2$ четверти овса или ячменя съ ревизской души. Это количество предписано было собрать ежегоднымъ взносомъ по $^1/_2$ мѣры ржи или пшеницы и по $^1/_2$ гарнца овса или ячменя; денежный запасъ долженъ былъ равняться 1 р. 60 к. съ ревизской души и собираться ежегодно по 10 к. Ком-

миссіи народнаго продовольствія остались въ прежнемъ видѣ и составѣ; имъ былъ порученъ главный надзоръ по губерніи.

Новый неурожай 1840 года привелъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Строганова, къ убѣжденію въ неудовлетворительности существовавшей системы народнаго продовольствія. Это убѣжденіе онъ высказалъ слѣдующимъ образомъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ: «Существующая система обезпеченія народнаго продовольствія, какъ доказали опыты, по многимъ причинамъ, весьма неудовлетворительна; зная объ этомъ въ подробности еще во время управленія своего въ званіи генералъ-губернатора, Черниговскою, Полтавскою и Харьковскою губерніями, я, съ самаго вступленія въ министерство, занимался этимъ предметомъ и распорядился составленіемъ болѣе надежныхъ правилъ, которыми предполагалось увеличить сборъ хлѣба, усилить надзоръ за магазинами и облегчить трудную форму отчетности».

Мы этихъ правилъ не станемъ касаться, такъ какъ они не были разработаны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство, втеченіе нынѣшняго столѣтія, перемѣнило двѣ системы, то раздѣляя, то соединяя вмѣстѣ хлѣбные запасы и денежные продовольственные капиталы. Не смотря на это, голода дѣлали свое дѣло и до такой степени испугали въ 1840 году графа Строганова, что онъ измышлялъ новую систему народнаго продовольствія, да такъ и остался, всетаки, при старой системѣ 1834 года. Она просуществовала у насъ до введенія земскихъ учрежденій и смѣнилась этими послѣдними: завѣдованіе хлѣбными запасами и денежными капиталами было передано въ руки земскихъ учрежденій изъ рукъ уничтоженныхъ коммиссій народнаго продовольствія.

Мы не знаемъ, какъ велики были хлѣбные запасы и денежные капиталы, въ 1866 году, при передачѣ ихъ земскимъ учрежденіямъ, а потому можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно. Нашей исходной точкой послужатъ цифры, помѣщенныя въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ. Цифры эти слѣдующія:

Хлѣбъ: Въ магазинахъ и въ ссудахъ.		Капиталъ.
Озимый.	Яровой.	
6.089,229 четв.	12.084,886 четв.	12.359,172 руб.

Земству былъ переданъ не весь капиталъ, а лишь немного болѣе половины. Эта часть капитала получила названіе губернскаго продовольственнаго, остатокъ же, не переданный земству, остался въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ подъ именемъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Послѣдній долженъ былъ служить для выдачи ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей въ крайнихъ случаяхъ. Со

времени передачи въ вѣдѣніе земства продовольственныхъ капиталовъ, прекращенъ былъ сборъ на составленіе продовольственнаго капитала, но земству было предоставлено право увеличивать капиталъ разными сборами. На сколько выигралъ народъ отъ такой передачи одной и той же формы помощи изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ рукъ администраціи въ руки земскихъ учрежденій, показалъ прежде всего ужасный самарскій голодъ 1873 года. Положимъ, что онъ произошелъ отъ чисто искусственныхъ причинъ; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что если общество создало правильную продовольственную систему, то эта послѣдняя спасетъ его отъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Бориса Годунова. Въ данномъ случаѣ было очень легко помочь Самарской губерніи и помочь такъ, какъ помогъ Борисъ Годуновъ—сближеніемъ людей съ хлѣбомъ, а мы этого не сдѣлали.

Голодала только лѣвая сторона Поволжья, Самарско-Оренбургская; на правой же сторонѣ, Саратовской, въ 1873 году, былъ прекрасный урожай, и огромные запасы хлѣба, подвезенные производителями этой половины Поволжья къ линіи Тамбово-Саратовской дороги, особенно же на Бековскую, Покровскую ярмарки и къ другимъ хлѣбнымъ рынкамъ, остались не проданными, не смотря на всѣ усилія производителей сбыть товаръ по значительно пониженнымъ цѣнамъ. Вотъ первый фактъ. Второй заключается въ томъ, что земство, не смотря на свое въ то время семилѣтнее существованіе, просмотрѣло фактъ постепеннаго обѣдненія Самарскаго края и подумало, что голодъ былъ какимъ-то внезапнымъ явленіемъ. Въ этихъ двухъ фактахъ, въ отсутствіи энергіи для перевозки хлѣба съ правой стороны Поволжья на лѣвую и въ отсутствіи интереса къ изученію экономической жизни народа, заключалась причина невозможности бороться съ самарскимъ бѣдствіемъ. Какіе же факторы привели къ постепенному обѣдненію Самарскаго края, этой житницы Россіи, заваливавшей когда-то 80 милліонами пудовъ своего хлѣба Москву, Петербургъ и Лондонъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ, просмотримъ слѣдующія цифры, относящіяся къ 1873 году. Самарское населеніе получило слѣдующіе надѣлы:

	На ревизскую душу.	
Государственные крестьяне	по	9 десят.
Удѣльные	»	7 »
Помѣщичьи	отъ 1—4	»

Первые платили по 52 коп., вторые—по 57 коп., послѣдніе—по 1 р. 80 коп. и до 3 р. 42 коп. съ десятины. Эти цифры представляютъ только подати и выкупные платежи; если же къ нимъ присоединить еще земскіе, волостные, общественные и другіе сборы, то средніе платежи самарскаго населенія представятъ слѣдующія цифры:

	Съ десятины.	Съ души.
Государственные крестьяне	— р. 96,5 к.	8 р. 98 к.
Удѣльные	1 » 16 »	8 » 2 »
Помѣщичьи и оброчные отъ 2 р. 80 к. до	6 » 40 »	13 » 18 »
» собственники	2 » 23 »	10 » 32 »
» дарники	2 » 32 »	3 » 36 »
» издѣльные	— » 83 »	3 » 85 »
Колонисты	— » 74 »	9 » 84 »
Менониты	— » 23 »	9 » 35 »
Частные владѣльцы	— » 10 »	— » — »

По вычисленіямъ земства, валовой доходъ десятины равнялся 4 р. 94 коп., а по разцѣнкамъ земельнаго банка отъ 57 коп. до 2 р. А такъ какъ земля составляетъ единственный источникъ дохода тамошняго крестьянина, то ежегодныя богатства самарскаго крестьянскаго населенія въ урожайный годъ выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Доходъ семьи.
У государственныхъ крестьянъ . . .	44 р. 46 к.
» удѣльныхъ	34 » 58 »
» помѣщичьихъ отъ 4 руб. 94 коп. до	19 » 76 »

Расходы крестьянской семьи по вычисленіямъ земства:

Хлѣбъ и одежда	100 р.
Платежи	32 »
Итого	132 р.

Расходъ 132 р., доходъ 4 р. 94 к.!

Но предположимъ даже, что всѣ семьи получаютъ дохода по 44 р. 46 к., такъ и тогда давленіе дефицита на крестьянскую экономію выразится въ цифрѣ 87 р. 54 к., а гдѣ ихъ взять? Надо арендовать землю. Аренда въ Самарскомъ краѣ построена на ужасныхъ началахъ. Всѣ заволжскія земли, по способу владѣнія ими, раздѣляются на шесть категорій: земли государственныя, удѣльныя, высочайше пожалованныя частнымъ лицамъ, помѣщичьи, крестьянскія и колонистскія. Пользованіе землями первыхъ трехъ категорій носитъ хищническій характеръ; всѣ эти земли захвачены крупными арендаторами въ долгосрочную аренду.

Арендаторское хищничество развито преимущественно въ южной половинѣ Самарскаго Поволжья, которая родитъ «бѣлотурку». Эти хищники снимаютъ землю участками отъ 1,000 до 100,000 десятинъ, отбивая на торгахъ землю у крестьянъ, платя иногда въ годъ за десятину по 10 к. Снимается земля съ условіемъ сѣять въ 5—6—7 лѣтъ два хлѣба, иногда въ 15 лѣтъ четыре хлѣба или въ 8 лѣтъ два хлѣба. Но сами арендаторы засѣваютъ очень немного земли изъ огромныхъ площадей, перебиваемыхъ ими на торгахъ у крестьянъ: они занимаются посѣвомъ преимущественно тамъ, гдѣ

развита хлѣбная торговля и вывозъ пшеницы за границу. Высосавъ изъ земли лучшіе соки, они ее сдаютъ крестьянамъ, но не по 10 к., какъ снимали сами, а по 5, 6, 7, 8 и даже 9 руб. за десятину.

Получаемый хищниками барышъ, по вычисленію департамента земледѣлія, равняется 75% арендной платы. Вотъ условія, постигшія Самарскій край въ періодѣ земскаго самоуправленія, основаннаго на имущественномъ цензѣ. Условія эти созданы нашею непредусмотрительностью и существующею продовольственною системой.

Обратимся къ изслѣдованію нашихъ продовольственныхъ источниковъ, посмотримъ, въ какомъ положеніи находятся наши хлѣбные магазины и продовольственные капиталы. Эти свѣдѣнія, для 1874 года, можно почерпнуть изъ докладовъ членовъ губернской земской рязанской управы (по ревизіи волостей уѣздовъ — Зарайскаго, Данковскаго, Пронскаго, Егорьевскаго и Скопинскаго). Что они говорятъ? Продовольственнаго капитала не существуетъ: «Все дѣло ограничивается одной перепиской; управа напоминаетъ волостному начальству, послѣднее сельскому, а сельскому начальству въ пору заботиться только о сборѣ внесенныхъ въ раскладку платежей. И это-то трудно запомнить и счесть безграмотному сельскому старостѣ. Куда ужъ тутъ высчитывать, почемъ съ души придется продовольственнаго капитала, благо грамотное начальство не считаетъ, а безграмотному и Богъ велѣлъ». Положеніе хлѣбныхъ магазиновъ самое ужасное: «Магазинъ, — говорятъ доклады, — выстроенъ одинъ общій на волость — огромное каменное зданіе, въ 105 аршинъ длины, покоемъ, въ два крыла. Подъѣхали къ одному крылу, бились полчаса и не могли отперетъ совершенно заржавѣвшій замокъ; пригласили кузнеца и сломали замокъ. Огромная стая голубей поднялась съ нашимъ входомъ. Поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку; по обѣимъ сторонамъ ея—глубокіе закрома, устроенные на самыхъ раціональныхъ началахъ, такъ, чтобы воздухъ свободно проходилъ между ними и стѣнами, но въ этихъ закромахъ одинъ голубиный пометъ. Рожь оказалась, по словамъ старосты, раскраденною, да мало того что рожь,—начали красть доски, изъ которыхъ построены закрома. Да и немудрено! магазинъ остается неприступнымъ для старосты, а воры давно уже выбили себѣ слуховое окно и изъ него устроили прекрасную лѣстницу». О всѣхъ волостяхъ Данковскаго уѣзда отзываются слѣдующимъ образомъ: «Во всѣхъ волостяхъ дѣло идетъ такъ, что не знаешь, радоваться или печалиться тому, что хлѣбъ разворовывается: по крайней мѣрѣ, хоть вору въ пользу пойдетъ, а то все равно съѣдятъ мыши да голуби, или еще хуже—сопрѣетъ». Удивительно ли послѣ этого, что мы позднѣе встрѣчаемъ тоже безсиліе въ борьбѣ съ голодами,— безсиліе, зависящее отъ нашего неумѣнья и неудовлетворительной продовольственной системы. И 1883 годъ не составлялъ въ этомъ

отношеніи исключенія. Неурожай обрушился со страшною силой на многія губерніи, и мы, какъ и въ прошломъ столѣтіи, стояли безсильными зрителями съ нашими классическими палліативами— съ ссудой на продовольствіе и обсѣмененіе полей и съ сельскими магазинами, состояніе которыхъ въ одной изъ богатѣйшихъ губерній только-что нами описано.

Въ 1883 году, пострадали отъ неурожая и голода преимущественно слѣдующія губерніи: Курская, Казанская, Харьковская и Вятская.

Курская губернская земская управа, въ своемъ докладѣ по народному продовольствію отъ 9 декабря 1882 года, говоритъ слѣдующее: «Наконецъ, наступилъ критическій моментъ и для плодородной Курской губерніи пережить тяжелый неурожайный годъ, а для губернскаго земства разрѣшить нелегкій и сложный вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія до будущаго урожая въ 11-ти уѣздахъ». Сейчасъ, конечно, схватились за ссуду на продовольствіе, и уѣздныя управы обратились съ ходатайствомъ въ губернскую управу. Небезъинтересно представить здѣсь цифры ссудъ, просимыхъ уѣздными управами предъ уѣздными собраніями, а послѣдними предъ губернской управой и собраніемъ. Сопоставивъ эти цифры, мы замѣтимъ, какъ сильно падаетъ % нужды въ хлѣбѣ, въ строгой и прямой пропорціональности, съ удаленіемъ отъ мѣста нужды или голода разныхъ земскихъ инстанцій. Голодный мужикъ заявляетъ сельскому сходу о настоятельной потребности въ 5 четв. хлѣба, сходъ назначаетъ 2 четв., членъ управы—продовольственный ревизоръ—6 мѣръ, уѣздное собраніе—1 мѣру, губернская управа—1 ф.; губернское же собраніе или отклоняетъ, или утверждаетъ ссуду.

Докажемъ это цифрами:

Названіе уѣздовъ, нуждающихся въ продовольствіи.	Просимая ссуда. Уѣздной земской управой.	Уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.	Губернской земской управой.
Обоянскій	800,000	150,000	29,203
Корочанскій	70,000	70,000	26,964
Ново-Оскольск. . . .	1.319,797	200,000	24,042
Грайворонск.	50,000	50,000	22,241
Тимской	45,000	45,000	19,781
Бѣлгородскій	322,486	150,000	19,319
Старо-Оскольск. . .	1.794,478	50,000	18,666
Щигровскій	100,000	100,000	11,214
Фатежскій	50,000	40,000	12,211
Курскій	75,000	75,000	10,514
Суджанскій	425,000	Сколько можно.	5,845
Льговскій	15,000	15,000	—
Дмитріевскій	6,000	6,000	—
Итого . .	5.072,761	1.376,000	200,000

Ясно, что цифры, представленныя уѣздными управами, уменьшены уѣздными собраніями въ 5 разъ, а губернская управа эти послѣднія уменьшила еще въ 7 разъ. Удивительно ли послѣ этого, что мы и до сихъ поръ не умѣемъ бороться съ голодами. А между тѣмъ они насъ преслѣдуютъ по пятамъ! Изъ Зміева (Харьк. губ.) писали въ концѣ 1883 года слѣдующее въ «Южномъ Краѣ»:

«Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь повѣсился крестьянинъ Гнилицкій, находившійся въ такой крайности, что не имѣлъ средствъ на похороны умершей за день до его смерти жены. Къ кому изъ сосѣдей онъ ни обращался за помощью — дать нѣсколько рублей взаймы на похороны жены, — никто ему не помогъ. Итакъ, осталось ему одно: или украсть, или умереть. Послѣднее онъ предпочелъ, оставивъ безпомощныхъ дѣтей нищенствовать. Вскрытіе несчастнаго констатировало фактъ голоднаго истощенія организма. Говорятъ, семья Гнилицкаго уже много времени не имѣла достаточной пищи и питалась, главнымъ образомъ, картофелемъ, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Вообще здѣсь, не только въ нашемъ городѣ, но и въ большей части уѣзда, немало крестьянъ, питающихся, взамѣнъ чистаго ржанаго хлѣба, смѣсью овса, пшена, мучной пыли и т. д.».

Изъ Рузы писали въ «Русскія Вѣдомости» отъ 20-го марта 1884 года:

«У насъ полный недостатокъ корма для скота. Съ осени сѣно продавалось по 15 коп., теперь 30 коп., солома отъ 60 к. до 1 р. за возъ. Начинаютъ раскрывать крыши для корма скота. Прошлый урожай ржи былъ плохъ, градобитіе нанесло убытка 36,000 руб., многіе не собрали сѣмянъ. Вслѣдствіе этого въ сѣверныхъ волостяхъ крестьяне вступаютъ въ обременительныя сдѣлки съ кулаками».

Изъ Сарапула (Вятской губ.) писали въ ту же газету немного раньше, отъ 22-го января:

«У насъ неурожай и эпизоотія. Многіе крестьяне, оставшись положительно безъ хлѣба и скота, крайне бѣдствуютъ, изыскивая всевозможныя средства какъ нибудь протянуться до будущаго урожая. Въ одномъ Тарасовѣ Мазунинской волости 30 семействъ существуютъ нищенствомъ и 43 семейства перебиваются съ копѣйки на копѣйку, сидя по 3 и болѣе сутокъ безъ куска хлѣба. Въ заработкахъ, которые дали бы населенію возможность кое-какъ просуществовать этотъ тяжелый годъ, ощущается большой недостатокъ, и часть крестьянъ поневолѣ должна просить милостыню».

Изъ Вятки писали отъ 4-го марта въ ту же газету:

«Еще въ декабрѣ на губернскомъ собраніи предсѣдатель губернской управы заявилъ, что въ Елабужскомъ уѣздѣ крестьяне питаются желудями. Это извѣстіе подтвердилось недавно сообщеніемъ губернатора въ губернскую управу. Губернская управа увѣ-

домила елабужскую управу, чтобы она поторопилась съ приговорами обществъ о полученіи ссудъ и провѣркой ихъ, безъ чего управа ихъ не можетъ выдать.

«Сарапульская, малмыжская, уржумская и елабужская управы, уѣзды которыхъ сильнѣе всего пострадали отъ неурожаевъ и требовали ссудъ до 700,000 руб., не доставили никакихъ статистическихъ свѣдѣній о голодающихъ. Такое индифферентное отношеніе земства къ вопіющимъ нуждамъ населенія болѣе чѣмъ преступно, такъ какъ отъ своевременной помощи зависитъ будущность многихъ хозяйствъ и жизнь многихъ человѣческихъ существъ; а можно ли помогать своевременно, не имѣя точныхъ данныхъ?—приходится поступать гадательно, наобумъ. За 16 лѣтъ вятскому земству пришлось пережить много неурожаевъ и голодовокъ населенія, а нынѣ назначить въ ссуду послѣднія 183,000 руб. изъ продовольственнаго капитала, когда-то очень значительнаго (болѣе 650,000 р.); но за все это время намъ пришлось видѣть (въ 1878 г.) только одинъ отрадный починъ орловской уѣздной управы, благодаря которой во время неурожая мы имѣли подворное изслѣдованіе 3-хъ сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ 643 хозяйствъ, что прямо говоритъ за возможность другаго отношенія уѣздныхъ земскихъ управъ и собраній къ такимъ явленіямъ, какъ неурожай и голодъ».

Но самыя ужасныя вѣсти пришли въ 1884 году изъ Казанской губерніи. Докторъ Поповъ писалъ изъ Мамадышскаго уѣзда слѣдующее въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ» отъ 18-го марта:

«Наконецъ, заговорили и, кажется, серьёзно о голодѣ въ Казанской губерніи.

«Заговорили о немъ земство, администрація и частныя лица.

«Заговорили о голодѣ и у насъ.

«Оказалось, что голодъ у насъ даже гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Казанскомъ уѣздѣ.

«Передамъ исключительно то, что я самъ видѣлъ и слышалъ. Преувеличеній здѣсь нѣтъ. Въ настоящее время въ Мамадышскомъ уѣздѣ очень много деревень, которыя охвачены такъ называемымъ «голоднымъ тифомъ», т. е. тифомъ, развившимся на почвѣ крайняго голоданія. Есть деревни, въ которыхъ больныхъ по 48 человѣкъ. Посѣщая дома больныхъ, видишь крайнюю, чисто нищенскую ихъ обстановку. Не преувеличивая, скажу, что половина этихъ домовъ не знаетъ, что она будетъ ѣсть завтра, и вмѣсто всякихъ лекарствъ проситъ хлѣба. Да и въ самомъ дѣлѣ лекарство, здѣсь не было ли бы камнемъ вмѣсто просимаго хлѣба? Есть и такія деревни,—и я въ качествѣ врача ихъ и, если нужно, укажу ихъ,—гдѣ какихъ либо болѣзней—тифа и прочихъ нѣтъ, но есть... опять-таки недостатокъ хлѣба. Люди «лежатъ» больные сильнѣйшими гастритами, развившимися единственно благодаря присутствію въ хлѣбѣ крайне неудобоваримыхъ примѣсей. Но есть, ко-

нечно, и много такого, чего я не знаю. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, притомъ люди, которыхъ нельзя заподозрѣть въ особой чувствительности, передавали мнѣ, что они встрѣчали такія картины голода, отъ которыхъ и у нихъ навертывались слезы. Мякина, желуди, кора и прочее—все это такія обычныя вещи, что о нихъ я не говорю: знаю, что сердце современнаго человѣка ими не проймешь. Сегодня, когда я пишу эти строки, у меня перебывали многіе десятки людей, и это потому, что узнали, что я состою участникомъ при раздачѣ нѣсколькихъ сотъ пудовъ хлѣба, вчера привезеннаго въ нашу деревню и купленнаго на пожертвованныя деньги. И объ этомъ ихъ никто еще не извѣщалъ. А сколько ихъ явится завтра, послѣзавтра—тогда, когда объ этомъ узнаютъ всѣ? Но все это—теперь, а что будетъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, черезъ три? Однимъ словомъ: хлѣба!—вотъ крикъ, который раздается по Мамадышскому уѣзду. И чѣмъ далѣе, тѣмъ этотъ крикъ будетъ раздаваться больше и больше. Скажутъ: что же дѣлаетъ земство? Но продовольственный капиталъ уѣзднаго земства уже давно истощился».

Отъ 25-го марта писали изъ Казани въ «Русскія Вѣдомости»:

«На улицахъ масса нищихъ; большинство изъ голодающихъ селъ Мамадышскаго, Казанскаго и другихъ уѣздовъ; они приходятъ съ грудными дѣтьми и дѣтьми отъ 6 до 12 лѣтъ. Тяжело глядѣть на эти страдающія, изнуренныя лица; ихъ просьбъ даже не слышишь, а видишь только протягиваемыя руки. Скорѣйшая помощь необходима: народъ изнуренъ голодомъ и болѣзнями. Хлѣбъ, которымъ питается это населеніе, просто ужасенъ! Это какая-то сѣро-зеленая твердая масса съ затхлымъ запахомъ и отвратительнымъ вкусомъ». Образецъ этого хлѣба былъ доставленъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».

Баронъ Икскуль, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ для разслѣдованія причинъ и степени голода въ Казанской губерніи, возвратился 25-го марта изъ поѣздки по тѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ гнѣздились нищета и голодъ. Посѣтивъ Мамадышскій, Казанскій и Чистопольскій уѣзды, баронъ Икскуль пришелъ къ заключенію, что хотя экономическій бытъ крестьянъ Казанской губерніи достигъ крайнихъ предѣловъ разрушенія, но при достаточной энергіи этотъ недугъ излѣчимъ. И опять, какъ и во время прежнихъ голодовъ, мы встрѣчаемъ тотъ же фактъ нашего неумѣнья сблизить людей съ хлѣбомъ.

Въ то время, когда Казанская губернія голодала и казанскій мужикъ, вмѣсто хлѣба, ѣлъ какую-то прогорклую гадость, на волжскихъ и камскихъ пристаняхъ Казанской губерніи лежали слѣдующіе склады хлѣба:

На Чистопольской	400,000	четв.
» Мамадышской	200,000	»
Между городомъ Чистополемъ и устьемъ Камы	100,000	»
На Чебоксарской	100,000	»
» Цивильской	100,000	»
» Тетюшской	250,000	»
» Спасской	150,000	»
» Казанской	40,000	»
» Соболевской	30,000	»
» Лобышской	20,000	»
» Козловской	15,000	»
» Козьмодемьянской	15,000	»

Всего же въ Казанской губерніи сконцентрировалось до 1.720,000 четв. хлѣба.

Такимъ образомъ со времени князя Щербатова у насъ ничего не измѣнилось: **тотъ же голодъ, тотъ же ужасный хлѣбъ!**

В. Щепкинъ.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ[1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XXXII.

ПОДНЯЛОСЬ солнце... Позолотило городъ и его храмы православные и мечети мусульманскія. Зачался день... простой, будничный, не праздникъ какой, самый заурядный и рабочій день, по церковному день святыхъ Калиника и Михаила да мученицы Серафимы. Именинники нашлись, конечно, но именинъ не справляли. Не до того было...

День этотъ былъ 29-го іюля 1705 года...

И денекъ этотъ долго помнила полутатарка-Астрахань. Кто прожилъ восемь и девять десятковъ лѣтъ, внукамъ и правнукамъ разсказывалъ про этотъ очумѣлый день. Вѣнчальный день, но и грѣховный... Съ него-то все и пошло... Вѣнцами въ храмахъ начали, до топорами по улицамъ и по площадямъ кончили!.. И военачальника царскаго, фельдмаршала Шереметева съ войсками, въ гости дождались!..

Вотъ какой день это былъ...

Правъ былъ азіатъ, даровитый и незлобивый, но бездомный и безродный, «приписной» къ православному люду и считавшій себя русскимъ—Лучка Партановъ, когда съ легкимъ сердцемъ хвастался, что хорошо надумалъ, какъ вѣрнѣе смутить дикую

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 276.

Астрахань. Отличный выискалъ финтъ, какъ поднять бунтъ. Финтъ удался на славу! Много нашлось народу, который, не дожидаясь подтвержденія новаго слуха указомъ, сталъ швыряться и дурить «во свое спасеніе».

Съ десяти часовъ на улицѣ города былъ уже не то праздникъ, не то смута. Отовсюду ко всѣмъ церквямъ двинулись поѣзда свадебные, какъ быть должно, съ посаженными, дружками и гостями. Только непремѣнные члены, свахи, отсутствовали. На всѣ поѣзда ихъ хватить не могло. Да и свадьбы эти устроились безъ свахъ—быть можетъ, въ первый и послѣдній разъ за всѣ вѣка отъ начала Руси.

Скоро вокругъ всѣхъ церквей города уже гудѣли густыя толпы какъ поѣздовъ съ поѣздными и гостями, такъ и простыхъ зѣвакъ, отовсюду бѣжавшихъ поглазѣть на невиданное еще зрѣлище: не лихое, моровое, а «свадебное повѣтріе». Не всякій день увидишь въ храмѣ паръ двѣнадцать, пятнадцать жениховъ съ невѣстами.

А въ это утро, какъ потомъ оказалось, во всѣхъ церквяхъ Бѣлаго города и слободъ было обвѣнчано сто двадцать три пары молодыхъ. И всюду церкви были полны биткомъ народомъ, а вокругъ нихъ у паперти и въ оградахъ кишѣли и шумѣли волны народныя какъ изъ православныхъ, такъ и изъ инородцевъ, прибѣжавшихъ тоже поглазѣть: «какъ поѣдутъ». Вся Астрахань, казалось, была въ храмахъ или у храмовъ.

Сборы свадебныхъ поѣздовъ, числомъ пять, изъ дома стрѣлецкой вдовы Сковородиной были веселые. Всѣ пять сестрицъ очумѣли отъ счастья, благодарили мысленно Бога и громко величали царя русскаго, пославшаго обозъ съ нѣмцами!

Старшая Машенька была очень довольна, что будетъ княгиней, хотя Затылъ Иванычъ показался ей не очень казистъ.

Пашенька была въ восторгѣ отъ своего жениха долговязаго, но степеннаго, тощаго, добраго Аполлона Спиридоныча. Кроткая и тихая горбушка чуяла, что ея будущій мужъ тоже человѣкъ тихаго нрава и будетъ любить ее. И, всетаки, онъ не простой какой человѣкъ, а начальственный. Хоть и надъ солью, а, всетаки, начальство.

Сашенька, которой Лучка нашелъ въ женихи казака Донскаго войска Зиновьева, была тоже довольна. Это былъ широкоплечій и ражій дѣтина лѣтъ сорока. И не хорошъ и не дуренъ. Рѣчистъ, съ голосищемъ какъ изъ трубы, а бородища чуть не по поясъ. Совсѣмъ не такой, какъ Нечихаренко.

Глашенька была совсѣмъ недовольна. Да что же дѣлать! Мать не неволила ее выходить замужъ. Да время такое, что надо спѣшить. Лучка будто на смѣхъ ей, огромнаго роста дѣвицѣ, выискалъ жениха маленькаго, отъ земли не видать. Звали его Хохлачъ, и былъ онъ изъ богатой прежде посадской семьи, но обѣднѣвшей и не вла-

дѣвшей теперь ничѣмъ, кромѣ кузницы на концѣ Стрѣлецкой слободы. Не смотря на маленькій ростъ, Хохлачъ былъ дерзкій и шустрый парень, 25 отъ роду и страшный забіяка. Лучка Партановъ зналъ, видно, что дѣлалъ, когда подбиралъ такую парочку: Хохлача и Глафиру. Онъ задоръ молодецъ, да малъ, а жена-то — гора горой около него. Коли полѣзетъ браниться и драться съ женой, то одолѣетъ ее также, какъ одна шавка, сказываютъ, колокольню бралась одолѣть, трезвонъ перелаять.

Наконецъ, младшая Дашенька, красавица собой первая въ городѣ, стала еще красивѣе за эти дни сборовъ подъ вѣнецъ. Дѣвушка выходила за того единственнаго человѣка, который когда-то своей красивой фигурой бросился ей въ глаза и надолго застрялъ въ сердцѣ.

Вдобавокъ Лучка Партановъ увѣрялъ невѣсту, что его права на званіе князя Такіева—не хуже правъ Затыла Иваныча. Все дѣло въ деньгахъ да дьякахъ и подьячихъ. Затылъ просто татаринъ, жившій въ городѣ, а онъ аманатъ киргизскаго хана. И всѣмъ это было извѣстно въ Астрахани, да позабыли.

Въ десять часовъ утра большущій поѣздъ выѣхалъ изъ воротъ дома стрѣлецкой вдовы, и много народу побѣжало.

— Сковородихины дочери! Эвона! Всѣмъ пятерымъ нашла суженыхъ. Что значитъ арбузы да дыни!.. говорили кругомъ.—Вотъ гдѣ нынѣ пированье-то будетъ. Пять паръ! Шутка тебѣ!

У ватажника Клима Егорыча Ананьева,—хоть и было много свадебъ въ городѣ и много всякому приглашеній,—однако, поѣздъ строился на дворѣ и на улицѣ съ боярскимъ хвостомъ. Всякій богатый посадскій, купецъ или человѣкъ родовитый, не говоря уже о своемъ братѣ, ватажникахъ—всѣ предпочли быть въ поѣздѣ или на дому у богатаго Ананьева.

Туча народу стояла кругомъ дома и двора, но это былъ все народъ, подвластный Ананьеву и еще недавно повиновавшійся безпрекословно жениху дочери его. Все это были рабочіе и батраки съ учуговъ и рыбнаго промысла. Всѣмъ приказано было еще за ночь бросить работу и бѣжать... быть на лице на свадьбѣ единственной дочери и наслѣдницы Варвары Климовны, будущей ихъ хозяйки и повелительницы.

Звалъ ватажникъ въ гости въ церковь и на пиръ самого воеводу, но Ржевскій не собрался, находя, что въ этой спѣшной свадьбѣ, якобы отъ ожидаемаго обоза съ нѣмцами, «есть малое противодѣйствіе указу царскому, хоть и не истинному, а вымышленному», а, всетаки, противодѣйствіе... Всетаки, ему, воеводѣ, быть на такой свадьбѣ какъ будто не приличествуетъ.

Разумѣется, въ приходской церкви ватажника попъ ждалъ поѣздъ Клима Егорыча и не соглашался вѣнчать никого прежде Варвары Климовны.

Немало было толковъ и о женихѣ.

Былъ у ватажника батракъ Провъ Куликовъ, потомъ живо вышелъ въ приказчики, а тамъ и въ главные управители всей ватаги и всѣхъ учуговъ... А тамъ пропалъ безъ вѣсти. Сказывали, посватался, и Ананьевъ его турнулъ изъ дому. А тамъ дочь бѣгала и топилась отъ неохоты идти за князя Затыла... А тамъ проявился ужъ московскій стрѣлецкій сынъ Степанъ Барчуковъ... А тамъ вдругъ угодилъ въ яму... А вотъ его теперь и свадьба! Разумѣется, все это такъ—опять-таки благодаря нѣмцамъ.

Варюша была на столько внѣ себя... такъ кидалась цѣловаться то и дѣло къ отцу, такъ плакала отъ избытка счастья и восторга, что надо было быть совсѣмъ каменному, чтобы не радоватся ея радости. А Климъ Егоровичъ былъ упрямый, но добрый человѣкъ. Да вѣдь и дочь-то одна вѣдь! Все ея будетъ!

— Чуть не утопла!—разсуждалъ Ананьевъ.—Да и Затылъ—подлецъ и мошенникъ: за двухъ дѣвокъ за разъ сватался, мою оклеветалъ, а на другой женится самъ. Да и Степанъ парень порядливый и смышленый.

Барчуковъ, ожидавшій поѣздъ съ невѣстой въ церкви, трясся какъ въ лихорадкѣ.

— Только повѣнчаться!—думалъ онъ.—А пойду я, вишь, буянить? Полѣзу на смертоубійство... Душа-то у меня не напрокатъ взятая, а своя...

Наканунѣ воевода, встрѣтившись у Пожарскаго въ гостяхъ съ Дашковымъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ толковали о глупствѣ, готовящемся къ утру. Дашковъ посовѣтовалъ воеводѣ принять нѣкоторыя мѣры. Запретить вѣнчаться, конечно, нельзя было, но Дашковъ совѣтовалъ воеводѣ приглядывать за свадебными пированіями. Если, какъ говорили, можетъ набраться до сотни свадебъ и столько же пировъ, кто можетъ предвидѣть, какъ къ ночи человѣкъ тысячи двѣ или три пировавшихъ начнутъ шумѣть подъ хмѣлькомъ.

Въ это утро воевода собирался самъ поѣхать въ городъ, чтобы усовѣщевать обывателей, но кончилъ тѣмъ, что не собрался и послалъ вмѣсто себя полковника Пожарскаго и нѣсколько человѣкъ офицеровъ.

Полковникъ и его помощники поѣхали въ городъ и подъѣзжали къ нѣкоторымъ церквямъ, гдѣ гудѣлъ народъ. Лѣзть въ давку имъ было, конечно, не охота, и они ограничились тѣмъ, что выкрикивали въ толпу съ коней:

— Полно, православные! Чего дурите! Отъ глупаго вранья переполошились! Бросьте!

И каждый посланецъ воеводы получалъ, въ свой чередъ, отъ народа въ отвѣтъ или какое нибудь крѣпкое слово, или прибаутку. Толкъ и польза отъ объѣзда города начальствомъ были тѣ, что

въ нѣкоторыхъ церквахъ при появленіи посланцевъ воеводы начинали только спѣшить всѣ пары поскорѣе вѣнчать. Сталъ ходить слухъ, что начальство хочетъ помѣшать бракосочетаніямъ, и народъ только озлоблялся и кричалъ:

— Небось. Не тронутъ. Не дадимъ...

Пожарскій лично объѣхалъ двѣ, три церкви въ сопровожденіи своего родственника Палаузова, женившагося за день передъ тѣмъ, и еще другаго офицера Варваци. У Никольской церкви, гдѣ случайно было наиболѣе свадебныхъ поѣздовъ, первое же слово Пожарскаго было встрѣчено ропотомъ густой толпы народа.

— Нешто мы по своей охотѣ въ храмъ-то побѣжали?

— Нешто мы вольны?

— Это не свадьба, а позорище!

— Со спѣхомъ, на рысяхъ нешто вѣнчаютъ?

— Ваша вина, а не наша. Ваши неправедные порядки народъ полошатъ.

Пожарскій хотѣлъ говорить, но ему не дали сказать ни одного слова. Гулъ выкрикиваній, ругательствъ и прибаутокъ оглушилъ его самого.

— Дурьи головы!—воскликнулъ, наконецъ, полковникъ.—Ужъ коли повѣрили ушами дурацкому слуху, такъ и обождали бы обозъ, чтобы глазами увидѣть.

— А ты обжидалъ?—крикнулъ изъ толпы голосъ и, расталкивая народъ, полѣзъ къ двумъ всадникамъ молодой парень. — Ты, бояринъ, обжидалъ? Ты своего племянника вотъ уже второй день какъ повѣнчалъ! — показалъ онъ на Палаузова.

— Что же, я по-твоему,—отозвался, смѣясь, Пожарскій:—тоже испугался, что его велятъ за нѣмца замужъ выдать?

Народъ притихъ нѣсколько озадаченный оборотомъ рѣчи; Пожарскій, какъ будто оказывалось, былъ правъ.

— Ты не переставляй словъ, не морочь народъ, — крикнулъ другой голосъ; это былъ стрѣлецъ Быковъ.—Не ты упасалъ родственника, а ты Кисельникову помогалъ дочь упасти, и жениха ему продалъ. И денежки въ тотъ сундучекъ припряталъ, гдѣ наши утянутыя харчевыя денежки у тебя откладываются!..

— Вѣстимо,—загудѣли отовсюду.—Самъ ты повѣнчалъ, а другимъ, вишь, нельзя.

— Уѣзжай лучше. Совѣсти въ тебѣ нѣтъ! Уѣзжай!—крикнули со всѣхъ сторонъ.

Пожарскій махнулъ рукой и выместилъ на лошади свою досаду. Шибко треснувъ коня нагайкой, онъ быстро, въ сопровожденіи офицера, повернулъ въ кремль.

— Ну, ихъ къ чорту!—заговорилъ онъ.—Пущай дѣлаютъ, какъ знаютъ, хоть всѣ завтра начни другъ дружку хоронить заживо. Намъ какое дѣло!

Покуда шло вѣнчанье во всѣхъ церквяхъ, на улицахъ было шумно, но, видимо, непраздничнo, невесело, какъ будто у всякаго было чувство, что праздникъ этотъ навязанъ или указанъ начальствомъ.

Въ числѣ другихъ состоявшихся браковъ были и такіе, гдѣ всѣ были недовольны—и родители обѣихъ сторонъ, и женихъ, и невѣста. Бракъ выходилъ самый нежелательный, не подходящій, изъ-подъ палки. Если на него согласились обѣ стороны, то въ виду лихихъ обстоятельствъ. Такіе свадебные поѣзды были скорѣе похожи на похоронное шествіе. Во время вѣнчанія обѣ стороны вздыхали, стояли насупившись, а бабы ревѣли, какъ на похоронахъ, причитая и поминая властей и лихія времена.

— До чего мы дожили-то? — раздавалось повсюду.

Когда около двухъ часовъ дня поѣзды разъѣхались изъ церкви по дворамъ и во всѣхъ домахъ началось угощенье, то стало какъ будто немного веселѣе. У всякаго хозяина сравнительно гостей было немного, потому что многіе отвѣчали на приглашеніе присутствовать словами:

— Не разорваться же мнѣ!

У всякаго было въ городѣ три, четыре свадьбы у родственниковъ, свойственниковъ или пріятелей. Въ виду малочисленности гостей и обильно наготовленныхъ припасовъ для угощенья, хозяева стали, въ силу древняго обычая, зазывать просто прохожихъ и незнакомыхъ отвѣдать хлѣба-соли, выпить малую толику за здоровье молодыхъ.

Черезъ нѣсколько времени вокругъ всѣхъ домовъ, гдѣ были свадьбы, уже набралось много охотниковъ даромъ закусить и выпить.

XXXIII.

Въ сумерки весь городъ повеселѣлъ отъ угощенья. Всякому гостю было мало заботы до того, по охотѣ или поневолѣ празднуетъ свадьбу хозяинъ. Нѣкоторые опохмѣлившіеся даромъ, разъ отвѣдавши вина, уже сами на свой счетъ продолжали себя угощать.

Въ вечерню пробѣжалъ слухъ въ народѣ, что во всѣхъ кабакахъ городскихъ посадскій Носовъ угощаетъ народъ на свой счетъ по случаю замужества родственницы.

Сначала такому дикому слуху никто не повѣрилъ. На столько разума было у астраханцевъ, чтобы понять нелѣпость такой выдумки. Будетъ человѣкъ, хоть и богатый, на свои кровныя денежки поить виномъ всякаго прохожаго, чуть не весь городъ, изъ-за того, что какая-то у него дальняя родственница замужъ вышла! Однако, слухъ все росъ и какъ будто подтверждался и, наконецъ, въ дѣйствительности подтвердился. Не въ одномъ, а въ цѣломъ десяткѣ

кабаковъ, на разныхъ улицахъ, всѣмъ являвшимся, кто только пожелаетъ, наливали стаканъ вина, а денегъ не брали, говоря, что это про здоровье посадскаго Носова. Удивленію не было конца.

Когда стало смеркаться, почти вечерѣло, извѣстіе о даровомъ угощеніи успѣло, вѣроятно, обѣжать весь городъ. Если на небѣ темнѣло, то на улицахъ становилось какъ бы еще темнѣе или еще чернѣе. У нѣкоторыхъ кабаковъ уже стояли и напирали черныя тучи народа. У всѣхъ на языкѣ и въ головѣ было одно.

— Сказываютъ, что даромъ вино наливаютъ. Посадскій Носовъ даромъ угощаетъ.

И дѣйствительно, во многихъ кабакахъ вино лилось рѣкой и даромъ!

Ближе къ кремлю, около Вознесенскихъ воротъ, была такая же темная туча народа и напирала на большой и красивый домъ, гдѣ помѣщался одинъ изъ главныхъ и лучшихъ кабаковъ города. Замѣтное волненіе, говоръ, толки, крики, споры колыхали всю толпу изъ конца въ конецъ. Въ этомъ кабакѣ всякій получалъ положительный и твердый отказъ выдать хоть бы одинъ шкаликъ даромъ.

— За Носова счетъ! — орали голоса въ толпѣ.

— Посадскій Носовъ указалъ! за его счетъ!

Но въ кабакѣ и знать не хотѣли ни Носова, ни его обѣщанья. Шумъ все усиливался, колыханіе ускорялось. Однѣ разумныя головы убѣждали, что это все враки, что не можетъ одинъ посадскій человѣкъ весь городъ угощать за свой счетъ, другіе являлись, какъ свидѣтели, очевидцы, что дѣйствительно Носовъ угощаетъ. Были люди, которые клялись, что уже выпили по два стакана въ разныхъ кабакахъ и все за счетъ Носова. Въ самый разгаръ недоумѣнья, клятвъ, пересудовъ и споровъ, среди спорящихся появился молодецъ, и въ темнотѣ немногіе лишь признали въ немъ буяна Лучку Партанова.

— Ребята, — крикнулъ онъ: — что же это за ехидство такое! Посадскій Носовъ во всѣ кабаки съ утра деньги внесъ на угощенье православныхъ. Честные люди за эти деньги угощаютъ, а иные криводушные эти деньги взяли, а вина не даютъ. Давай, братцы, сами за счетъ Носова выпьемъ здѣсь съ десятокъ ведеръ. Давай просить честно, а не дадутъ, мы и сами возьмемъ.

— Вѣстимо, сами.

— Не дадутъ, такъ сами! — рявкнули повсюду и трезвые, и пьяные голоса.

Толпа колыхнулась еще разъ, еще сильнѣе и гульливѣе... передніе ряды вломились въ кабакъ, и черезъ нѣсколько минутъ все уже затрещало въ домѣ, уже два-три человѣка валялись на полу и на крыльцѣ, избитые до полусмерти. Большой кабакъ былъ живо разбитъ, замки и двери подвала сорваны и уже не стаканы, а ведра и бочки появились на свѣтъ Божій.

Весело, съ гиками и съ пѣснями выкачивалъ народъ бочки на улицу, ставилъ стойкомъ, сшибалъ макушки и распивалъ вино чѣмъ попало, пригоршнями, черепками и шапками. Половина пролитая грязнила улицы, а половина, всетаки, выпивалась, и скоро у кабака былъ уже не веселящійся, а ошалѣлый народъ.

Что случилось у Вознесенскихъ воротъ, буквально повторилось во многихъ кабакахъ, гдѣ цѣловальники, будто бы получившіе отъ Носова деньги, не хотѣли даромъ угощать народъ.

Скоро среди темноты душной лѣтней ночи городъ начиналъ принимать дикій угрожающій видъ. Сами виновники этого самодѣльнаго праздника въ будни, тѣ, у которыхъ въ домѣ были обвѣнчанные молодые, начинали уже припирать ворота и тушить огонь. Многіе астраханцы, знавшіе хорошо норовъ своего роднаго города, чуяли, что надвигается буря, — буря хуже тѣхъ, что̀ бываютъ на сосѣдѣ Каспіѣ.

— Давай Богъ, чтобы ночь прошла безъ бѣды.

Надежда была напрасная. Буря росла и не сама собой, а раздуваемая невидимой рукой, которой чаялось получить отъ бури этой талантъ и счастіе.

Въ Шипиловой слободѣ около двухъ кабаковъ не самъ народъ разбилъ двери, повытаскалъ бочки на улицу, а самъ хозяинъ приказалъ ихъ выкатить. Невидимая рука точно также во многихъ кабакахъ города не только безъ буйства выкачивала бочки, а даже раздавала ковши и шкалики. У этихъ кабаковъ тщательно только оберегали вино, чтобы зря не поливать улицы, а пить, сколько въ душу влѣзетъ.

На дворѣ дома Носова тоже временно открылся кабакъ, тоже стояли бочки и тоже слышалось:

— Милости просимъ. На здравіе.

Дѣло шло къ полуночи, а городъ все еще гудѣлъ, на улицахъ все еще шатались кучки совсѣмъ опьянѣлаго народа. Во многихъ кабакахъ ужъ не оставалось ни капли вина. Гдѣ и не пролили ничего, то, всетаки, было сухо.

Вдругъ среди полной тьмы южной ночи у одного изъ кабаковъ Шипиловой слободы раздался отчаянный крикъ какого-то молодца.

— Помилосердуйте, православные, заступитесь! Только что повѣнчался, жену отняли, въ кремль потащили къ нѣмцамъ.

— Какъ потащили? Какіе нѣмцы?

Чрезъ нѣсколько мгновеній по всей улицѣ уже перепрыгивало изъ одной пьяной головы въ другую, что обозъ съ нѣмцами пришелъ. Всѣхъ ихъ уже размѣстили по разнымъ домамъ кремля у начальства до завтрашняго утра. Завтра ихъ всѣхъ размѣстятъ по городу, поженивъ вновь на тѣхъ самыхъ дѣвицахъ, которыхъ вѣнчали сегодня. Всѣхъ вновь повѣнчанныхъ дѣвицъ указано за ночь поспѣшить отобрать у молодыхъ мужей, чтобы завтра утромъ на

базарѣ водить на свейскій манеръ съ треугольными вѣнцами вокругъ корыта.

Изъ одной слободы по всѣмъ слободамъ, отъ одного кабака по всѣмъ остальнымъ и по всему городу, по всей доризъ положенія пьяной толпѣ вѣсть о прибытіи обоза ударила какъ молнія. Вѣсть эта не обѣжала городъ, а какъ-то сразу повторилась и сказалась вездѣ, во всѣхъ закоулкахъ. Если во многихъ слободахъ и дворахъ на это извѣстіе отвѣчали только охами и вздохами, и затѣмъ убирались спать, то въ Шипиловой слободѣ загудѣли раскаты грома.

— Не выдавай, ребята, помогите православные!—кричалъ самъ посадскій Носовъ, стоя на пустой бочкѣ среди толпы:—пойдемъ въ кремль, отобьемъ захваченныхъ молодухъ и отдуемъ здорово всѣхъ гостей обозныхъ!

— Да правда ль то? Пришелъ ли обозъ?.. — робко слышалось кой-гдѣ: — не враки ли все?..

— Нѣтъ, не враки... У самыхъ воротъ дома Носова воетъ дѣвка, прозвищемъ Тють... Она сейчасъ силкомъ ушла, вырвалась отъ нѣмцевъ...

— Вали, ребята, вали на сломъ!—отозвалась толпа.

— Какія враки! Вотъ дѣвка Тють сама видѣла ихъ. Вали!..

И среди темноты густая, но небольшая толпа, сотни въ три, неудержимо лихо метнулась по направленію къ кремлю и Пречистенскимъ воротамъ. По дорогѣ толпа все увеличивалась и продолжала двигаться, выкрикивая:

— Вали! Помогите! Не выдавай! Молодыхъ отнимаютъ! Нѣмцы здѣсь! Нѣмцевъ на расправу! Дѣвку Тютьку сейчасъ зарѣзали. Какую? Какую нѣмцы зарѣзали! Подавай Тютьку на расправу. Вали!

Въ самыхъ Пречистенскихъ воротахъ, очевидно, уже ожидали рьяныхъ и пьяныхъ гостей. Ворота были заперты, и нѣсколько солдатъ съ караульнымъ офицеромъ Варваци оберегали маленькую боковую дверку. Но хитрый грекъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ смертью пахнетъ, и распорядился такъ ловко, что бравый офицеръ, которому выпала на долю эта роковая случайность—первому выдержать натискъ бунтарей,—былъ молодой Палаузовъ. Онъ выступилъ впередъ и холодно, твердо пригрозилъ оружіемъ.

— Иди, проспись, ребята. Кто сунется, ляжетъ у меня тутъ до втораго пришествія.

Во многихъ рядахъ толпы стали раздаваться голоса, совѣтовавшіе взять обходомъ и идти въ другія ворота.

— А то брось, братцы, доутрева!

— Теперь ночь. Нешто ночью повадливо... За утро...

— А Тють... ребята, все враки! Я ее, подлую, знаю...

— Кого тутъ роба одолѣла!—крикнулъ голосъ Партанова:—заутро полгорода въ яму сядетъ за разбитые кабаки. Олухи!

— Вали, небось, налегай. Приперлись ужъ мучители, испужались!

— Домай, напри! — крикнулъ вдругъ повелительно и грозно самъ Грохъ.

И, вѣроятно, кой-кто въ переднихъ рядахъ прибѣжалъ къ кремлю не съ пустыми руками. Зазвенѣли бердыши, застучали топоры, завязалась драка оружіемъ. Если бы было свѣтло, то теперь въ самыхъ кремлевскихъ воротахъ засверкали бы и заблестѣли эти бердыши, топоры и ножи. Несчастный Палаузовъ и горсть караульныхъ солдатъ защищались упорно и отчаянно, но быстро и легко перебитые повалились всѣ по очереди на землѣ. Скоро трупы были уже передавлены и перетоптаны сѣрой волной, хлынувшей чрезъ нихъ и ворвавшейся въ кремль, по сорваннымъ и разбитымъ Пречистенскимъ воротамъ. Первая капля крови опьянила пуще цѣлыхъ ведеръ выпитаго вина.

— Подавай нѣмцевъ! — гремѣла уже остервенившаяся толпа, врываясь въ кремль.

Но впереди еще громче кричалъ голосъ уже совсѣмъ другое слово:

— Подавай воеводу! Подавай мучителей!

И задніе ряды повторяли съ тѣмъ же остервененіемъ:

— Подавай мучителя! Воеводова нѣмца давай! Кровопивцу Тютьку подавай!

Когда Пречистенскія ворота были сорваны и не очень большая толпа ворвалась въ кремль, то сразу, мгновенно стала рости и быстро превратилась въ бушующее море. Всѣхъ, что̀ прибѣжали ради любопытства поглазѣть и позѣвать, теперь нежданно-негаданно взмыло и, подхвативъ, тоже понесло въ волнахъ сѣраго гудящаго моря людскаго. Изрѣдка еще выкрикивали отдѣльные голоса:

— Подавай нѣмцевъ!

Но все это море, казалось, забыло или не знало этого перваго возгласа. Коноводы искали и требовали:

— Воеводу! Воеводу!

— Мучителей всѣхъ! Гонителей вѣры истинной!

Домъ воеводскаго правленія былъ давно окруженъ. Сотни двѣ, но не пьяныхъ, а вполнѣ трезвыхъ людей, рвались черезъ сломанныя и разбитыя двери внутрь дома воеводы. Скоро всѣ горницы были обшарены, все переломано и перебито, нѣсколько стрѣльцовъ и одинъ калмыченокъ исколочены въ мертвую. Всей Астрахани извѣстный подьякъ Копыловъ, связанный веревками по рукамъ, уже былъ вытащенъ на крыльцо подъ стражей двухъ стрѣльцовъ изъ своихъ.

Одинъ изъ бунтовщиковъ, стрѣлецъ Быковъ, кричалъ связанному, дрожащему и на смерть перепуганному Копылову:

— Что братъ! На моей улицѣ праздникъ. Я у тебя теперь всѣ косточки перещупаю, всѣ жилки повытяну, всю кожу сниму.

Бѣгающій и шумящій людъ искалъ и уже злобно требовалъ Ржевскаго. Но трусливый и опасливый Тимоѳей Ивановичъ уже давно выбѣжалъ изъ дому и при первыхъ крикахъ въ Пречистенскихъ воротахъ спрятался въ такое мѣсто, гдѣ бы его, по крайней мѣрѣ, до утра никто не могъ найдти.

— Несчастненькихъ, братцы, заключенныхъ забыли,—крикнулъ появившійся на крыльцѣ Лучка. — Пойдемъ, разсудимъ виноватыхъ, отворимъ яму и всѣхъ отъ винъ очистимъ сразу. Они за насъ всѣ будутъ. Кто хошь,—за мной! Изъ ямы несчастныхъ выпускать!

— Въ яму, въ яму!—рявкнуло нѣсколько голосовъ.

Лучка спрыгнулъ съ крыльца и пустился къ хорошо знакомой ему двери того ада кромѣшнаго, въ которомъ онъ еще недавно сидѣлъ.

Не сразу подалась желѣзная дверь, отдѣлявшая заключенныхъ отъ улицы. Но у толпы уже давно появились и дубины, и ломы, и топоры. Загудѣла желѣзная дверь на весь кремль, но долго не хотѣла уступать. Кирпичи, въ которыхъ глубоко засѣли петли, уступили вмѣсто нея. Желѣзная дверь гулко, тяжело бухнулась, и ринувшаяся толпа начала орудовать въ полной тьмѣ.

— Не налѣзай! Что лѣзете!—кричали отсюда.

— Пришли освобождать, а сами пуще двери заперли.

— Уходи! Пропусти! Задавили!

— Сами вылѣземъ! Ну, васъ къ дьяволу!—заоралъ Шелудякъ.

И тутъ въ первый и послѣдній разъ за всю ночь не было злобы, не было пролито крови, а все обошлось только смѣхомъ и прибаутками. Большая половина преступниковъ, острожниковъ, вылѣзла и присоединилась къ бушующей толпѣ. Въ числѣ первыхъ былъ, конечно, и грозный Шелудякъ. Выскочивъ, онъ прямо бросился отыскивать коновода всего дѣла, Якова Носова, чтобы стать около него помощникомъ.

Остальную часть заключенныхъ пришлось ощупью въ темнотѣ вытаскавать на рукахъ изъ ямы на улицу. Въ числѣ прочихъ освободители вынесли и трупы двухъ острожниковъ, умершихъ еще наканунѣ.

И скоро подвалы судной избы, именуемые ямой, представляли диковинный видъ, подобнаго которому не бывало уже давнымъ давно. Яма была пуста, ни единаго несчастненькаго не было въ ней.

Покуда бутовщики расправлялись въ домѣ воеводы и въ ямѣ, на соборной кремлевской колокольнѣ раздался набатъ.

— Молодецъ Бесѣдинъ!—отозвался посадскій Носовъ въ отвѣтъ на гулкій звонъ, гудящій среди ночи.

Всегда мрачный и угрюмый Грохъ теперь сіялъ довольствомъ и счастіемъ и будто выросъ на полголовы.

— Вали, ребята, на архіерейскій дворъ, тамъ, поди, воевода.

— Не уйдеть онъ отъ насъ!

Скоро архіерейскій дворъ и домъ тоже были окружены.

Старикъ архіерей тоже не оказался на лице или спрятался не хуже воеводы. Но за то здѣсь нашелся другой, кого и не искали, о которомъ позабыли на время. Толпа нашла прибѣжавшаго сюда ради спасенія полковника Пожарскаго и нѣсколькихъ офицеровъ.

— Хватай, тащи ихъ на улицу!

— Тащи! Разсудимъ мучителей! — командовалъ кто-то.

Черезъ полчаса Пожарскій и семь человѣкъ офицеровъ уже были на площади, окруженные дикой, злобно грохочущей толпой. Передніе творили судъ и расправу, допрашивали офицеровъ. Крики, вопросы и возгласы перемѣшивались съ ругательствами.

— Зачѣмъ ты велѣлъ бороды обрить?

— Зачѣмъ приказывалъ матушку Россію на четыре части раздрать?

— За что Ѳеклу до смерти высѣкли?

— Почему учуги ханамъ калмыцкимъ продавать указали?

— Зачѣмъ Тихоновъ огородъ стрѣльцу Парѳенову подарилъ?

И про дѣлежъ Россіи, и про бороды, и про Тихоновъ огородъ съ Ѳеклой ни Пожарскій, онѣмѣвшій отъ ужаса, ни офицеры, понявшіе, что пришла ихъ послѣдняя минута, не отзывались ни единымъ звукомъ, только двое изъ нихъ рыдали...

— Что съ ними возжаться! Рѣшай!

И всѣ восемь въ мгновеніе ока были рѣшены. Окровавленные и обезображенные трупы повалились на мостовую.

— Воеводу нашли!

— Подавай воеводу! — гудѣло вдали на площади.

Вплоть до утра съ небольшими перерывами зловѣще завывалъ набатъ, а въ кремлѣ и въ городѣ уже было разграблено съ полсотни домовъ, въ которыхъ все искали воеводу.

XXXIV.

Въ каменномъ городѣ и на слободахъ съ утра толпились и двигались кучки народа, причемъ всякіе инородцы держались вмѣстѣ и особнякомъ. Персы толпились около своего каравансерая, хивинцы и бухарцы около своего мѣноваго двора. Даже юртовскіе татары сбѣжались точно по уговору на одной изъ площадей, около своей главной молельни. Армяне по оповѣщенію собрались близь своего новаго храма. Стрѣльцы точно также толпились около своихъ сотскихъ избъ. Во всѣхъ кучкахъ и на всѣхъ нарѣчіяхъ обсуждалась гроза, разразившаяся ночью.

— Вотъ тебѣ и свадьбы! Вонъ чѣмъ все кончилось! — слышалось повсюду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ толпы обывателей, коренныхъ астраханцевъ двинулись въ кремль ради любопытства, чтобы увидать собственными глазами то, о чемъ уже ходили вѣсти по городу, т. е. поглазѣть на трупы убитыхъ.

Въ Пречистенскихъ воротахъ валялись на тѣхъ же мѣстахъ въ окровавленной пыли нѣсколько труповъ: убитые за ночь офицеръ Палаузовъ съ нѣсколькими караульными рядовыми. Среди кремлевской площади лежали въ кучѣ изрубленные трупы полковника Пожарскаго и нѣсколькихъ офицеровъ, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ.

Отъ снующей густой толпы въ кремлѣ казалось, что въ городѣ сумятица, но въ дѣйствительности было также мирно, какъ и завсегда. Ни одна церковь не была ограблена, только съ дюжину домовъ въ Каменномъ городѣ да десятка три домовъ въ Земляномъ пострадали за ночь отъ бунтовщиковъ, и въ нихъ были видны кой-гдѣ выбитыя окна и кое-какая рухлядь, выброшенная на улицу.

Все, что было властей въ городѣ, исчезло, попряталось переждать бурю. Не только неизвѣстно было мѣстопребываніе митрополита, архимандритовъ, воеводы и его подчиненныхъ, но даже второстепенные приказные и подьячіе, стрѣлецкіе пятидесятники и офицеры гарнизона — всѣ исчезли.

Однако, толпа человѣкъ въ пятьсотъ съ Носовымъ и его ближайшими сподвижниками во главѣ, передохнувъ по утру и закусивъ въ воеводскомъ правленіи, снова начала свой розыскъ воеводы. Грохъ Носовъ, стрѣлецъ Быковъ, Колосъ и Партановъ, раздѣливъ главныхъ бунтарей на четыре кучки, обшарили всѣ дома и зданія кремля и Бѣлаго города. Къ удивленію и счастью многихъ домохозяевъ, ожидавшихъ неминуемой смерти при появленіи у нихъ толпы ради розыска воеводы, дѣло обходилось болѣе или менѣе мирно. Толпа, не нашедшая воеводы, ограничивалась ругательствами и пинками. Нѣкоторые изъ астраханскихъ старожиловъ, явившіеся въ кремль изъ любопытства, протирали глаза отъ изумленія, видя, что ни одинъ храмъ не ограбленъ, домовъ разбитыхъ совсѣмъ мало, перебитыхъ властей и того меньше. Одинъ Пожарскій и нѣсколько офицеровъ да рядовыхъ! И вѣроятно, потому, что сами полѣзли, вмѣсто того, чтобы спрятаться.

Въ городѣ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, въ большихъ домахъ шли быстрые сборы въ дорогу. Нѣкоторые, проснувшіеся утромъ или вовсе не смыкавшіе глазъ за всю ночь, немедленно рѣшились изъ страха покинуть Астрахань, гдѣ должна начаться рѣзня, буйство и грабежъ. Много богатыхъ посадскихъ людей собиралось вонъ изъ города.

На дворѣ дома ватажника Ананьева стояла многолюдная кучка народа, но держалась тихо и почтительно. Это были рабочіе изъ ватаги Ананьева. Ватажникъ вмѣстѣ съ дочерью и молодымъ зя-

темъ тоже собирались въ дорогу. Ватажникъ не испугался смуты въ городѣ. Это была не первая, которую онъ видѣлъ. Особенно опасаться ему было нечего, бунтовщикамъ было мало охоты лѣзть на домъ ватажника, у котораго цѣлая ватага батраковъ, вооруженныхъ чѣмъ ни попало, можетъ защитить его не хуже какого нибудь стрѣлецкаго полка. Весь домъ не стоитъ того, что эта ватага можетъ натворить съ толпой бунтарей, обороняясь отъ ихъ приступа. Климъ Егоровичъ Ананьевъ никогда бы не двинулся изъ города въ путь, если бы на этотъ разъ особенно не настаивалъ на отъѣздѣ его зять, а съ нимъ и дочь. Барчуковъ убѣдилъ молодую жену уговаривать отца, во что бы то ни стало скорѣе покинуть Астрахань и ѣхать на хуторъ, по прозвищу Кичибуръ, принадлежащій Ананьеву, верстъ за пятьдесятъ отъ города. Урочище Кичибурскій Яръ было на дорогѣ во всѣ города россійскіе, иначе говоря, на московскомъ трактѣ. У Ананьева былъ тамъ большой домъ съ садомъ и человѣкъ до пятидесяти рабочихъ. Мѣсто было красивое и тихое, да вдобавокъ и на дорогѣ. Барчуковъ рѣшилъ, что тамъ надо переждать всѣ астраханскія смущенія, въ которыхъ онъ, конечно, не принялъ никакого участія. Въ случаѣ чего, оттуда можно было бы пуститься и далѣе въ путь.

Для Барчукова, много странствовавшаго по всей Руси, путешествіе было не диковиной. Жена его была рада покинуть Астрахань, изъ которой она никогда не выѣзжала. Одинъ Ананьевъ, сиднемъ сидѣвшій всю жизнь въ городѣ, поднялся съ трудомъ.

Однако, часа въ два времени все было готово, а домъ сданъ подъ охрану нѣсколькихъ десятковъ батраковъ изъ ватаги. Ихъ обязали размѣститься кое-какъ, по двору и по огороду, и стеречь имущество по наряду, десятками по очереди. И поѣздъ въ пять часовъ выѣхалъ со двора дома ватажника. На первой подводѣ сидѣлъ самъ Ананьевъ, на второй — молодые, на остальныхъ везли кое-какое имущество. Рабочіе сопровождали поѣздъ пѣшкомъ до заставы, чтобы благополучнѣе миновать волнующійся народъ и выѣхать въ степь.

Въ опустѣвшемъ домѣ ватажника все заперли, и пустой домъ затихъ.

Не менѣе тихо было и въ другомъ домѣ, гдѣ бывало обыкновенно шумно.

У стрѣльчихи, вдовы Сковородиной, было сравнительно съ прежними днями мертво тихо. Сама Сковородиха, измучившись приготовленіями къ вѣнцу дочерей и всякими треволненіями, хворала и лежала въ постели. Айканка, не спавшая всю ночь отъ страха, спала на тюфякѣ въ той же комнатѣ.

На другомъ концѣ дома, въ большой, свѣтлой горницѣ сидѣла красавица Дашенька, пригорюнившись. Ея мужъ былъ все еще для нея какъ бы нарѣченный и суженый. Партановъ послѣ вѣн-

чанья и закуски въ ихъ домѣ еще въ сумерки ушелъ, исчезъ и до сихъ поръ не возвращался домой. Дашенька посылала уже немало народа справляться, гдѣ Партановъ, и узнала, къ своему ужасу, что молодой мужъ въ числѣ бунтовщиковъ, орудующихъ въ кремлѣ. Съ минуты на минуту ожидала она его, чтобы получить объясненіе этого страшнаго и непонятнаго происшествія.

Узнавъ, что ея пріятельница, тоже вышедшая замужъ, Варюша выѣзжаетъ изъ города, Дашенькѣ тоже казалось всего лучше отправиться съ мужемъ на маленькій хуторъ, который принадлежалъ ея матери.

Въ другой комнатѣ спала непробуднымъ сномъ громадная Глашенька. Съ ней приключилось событіе совсѣмъ невѣроятное, а между тѣмъ приключилось очень просто. Цѣлый часъ прогоревала она вчера, вдоволь наплакалась и, наконецъ, заснула крѣпкимъ сномъ.

Вчера утромъ, вмѣстѣ съ сестрами, повѣнчалась она съ своимъ маленькимъ и задорнымъ женихомъ. Хохлачъ послѣ вѣнца на пированьѣ въ домѣ стрѣльчихи выпилъ больше всѣхъ. Сильно пьяный хохлачъ перебранился со многими, въ томъ числѣ съ тещей и съ молодой женой, а затѣмъ ушелъ вмѣстѣ съ Лучкой будто по дѣлу. А на зарѣ кто-то изъ домочадцевъ прибѣжалъ на дворъ стрѣльчихи и объявилъ удивительное приключеніе. Глашенька была уже вдовой.

Когда толпа мятежниковъ бросилась на кремль, то въ первой же схваткѣ съ караульными у Пречистенскихъ воротъ задорный хохлачъ былъ убитъ на поваль. Стрѣлецкій бердышъ раскроилъ ему голову чуть не на двѣ части. Ровно за двѣнадцать часовъ времени Глашенька и замужъ вышла, и овдовѣла.

Остальныя три дочери Сковородихи были у мужей.

Пашенька Нечихаренко, вмѣстѣ съ мужемъ, просидѣла всю ночь, совѣщаясь, какъ быть. Аполлонъ Спиридоновичъ, въ качествѣ властнаго человѣка и начальства, хотя бы только надъ солью, могъ опасаться бунтовщиковъ. Для всякой мятежной толпы онъ долженъ былъ считаться причтеннымъ къ числу «мучителей», къ числу ненавистной волокиты судейской. Нечихаренко, человѣкъ смышленый, успокоивалъ жену, надѣясь на покровительство сильнаго человѣка, а по новому времени «знатнаго и властнаго», т. е. на ихъ свойственника Лукьяна Партанова.

— Коли онъ въ числѣ бунтарей и орудуетъ въ кремлѣ, то мы его просить будемъ,—рѣшилъ Нечихаренко:—онъ не велитъ насъ трогать.

Совершенно на другомъ концѣ города княгиня Марья Еремѣевна Бодукчеева успѣла уже два раза поругаться съ своимъ супругомъ. Затылъ Ивановичъ, всетаки, горевалъ, что поторопился жениться, хотя на богатой, но старой дѣвѣ съ ячменями. Онъ при-

вязывался, бранился, брюзжалъ, грозилъ женѣ судомъ и розгами. Машенька отгрызалась и отвѣчала, что по новымъ временамъ, благодаря смутѣ въ городѣ, она никого не боится. Стоитъ ей лишь попросить извѣстнаго и ей, и князю человѣка, нынѣ знатнаго Лучку, и князя безъ всякихъ околичностей повѣсятъ за продерзости на первыхъ воротахъ.

Наконецъ, Сашенька Зиновьева въ маленькомъ домикѣ около Стрѣлецкой слободы, временно нанятомъ ея мужемъ, лежала въ постели и охала. Она ухитрилась наканунѣ какъ-то шибко двинуться и уже не въ первый разъ въ жизни сломала себѣ руку.

Казакъ Зиновьевъ тоже исчезъ изъ дома и былъ въ числѣ сподвижниковъ Носова. Зиновьевъ въ это время орудовалъ въ судной избѣ съ другими вновь набранными помощниками. Донской казакъ обшарилъ всѣ мышиныя норки, надѣясь найдти казенныя деньги.

— На то судная изба и казенное мѣсто, чтобы въ ней были деньги,—разсуждалъ онъ.

Но, однако, никакихъ денегъ не оказалось, такъ какъ Носовъ ихъ уже захватилъ еще на зарѣ.

Былъ еще одинъ домъ въ Астрахани, гдѣ въ это утро было не тихо и не мирно, но и шумно не было. Было горе! Самъ хозяинъ, приказавъ запереть ворота и калитку, запереть всѣ двери въ домѣ, сидѣлъ въ маленькой горницѣ, угрюмый и тревожный. Онъ ждалъ, что бунтовщики вскорѣ доберутся до него, хотя онъ и не властный человѣкъ, а простой посадскій. Кромѣ того, тоска грызла его отъ несчастія, приключившагося съ его дочерью за ночь.

Почти также, какъ Глашенька Сковородина, его дочь, только-что вышедшая замужъ блестящимъ образомъ, теперь была вдовой. Получивъ извѣстіе, что Палаузовъ убитъ въ кремлевскихъ воротахъ бунтовщиками одинъ изъ первыхъ, молодая женщина лишилась почти мгновенно разсудка, и Кисельниковъ перевезъ ее къ себѣ въ домъ. Мать и родственники ухаживали за несчастной, приводили ее въ чувство, но она или плакала, рыдала, или начинала смѣяться, или спрашивала, скоро ли придетъ мужъ.

Роковая судьба не дала молодому офицеру возможности выѣхать. Назначенный на новую должность, онъ готовъ уже былъ въ путь. Все уже было у него уложено. За нѣсколько часовъ до предполагавшагося выѣзда, онъ случайно зашелъ къ Пречистенскимъ воротамъ только побесѣдовать съ пріятелемъ, грекомъ Варваци. Не будучи караульнымъ, онъ не былъ обязанъ сражаться съ мятежниками и могъ просто убѣжать. Но это сдѣлалъ караульный по наряду грекъ, исчезнувъ тотчасъ же, якобы для предупрежденія и спасенія воеводы. А Палаузовъ остался; что-то толкнуло его, быть можетъ, желаніе отличиться, быть можетъ, задоръ юности, и

онъ одинъ изъ первыхъ сталъ жертвой возмутившихся, а изрубленный трупъ его валялся теперь среди воротъ.

Мятежники, конечно, не думали объ уборкѣ тѣлъ, и изъ дома Кисельникова еще боялись послать за покойникомъ для честныхъ похоронъ. Бунтари могли явиться на похороны и, вмѣсто одного покойника, натворить ихъ нѣсколько.

Около полудня Кисельниковъ не выдержалъ. Злоба, а, быть можетъ, и глубокое горе подняли его на ноги. Онъ одѣлся, велѣлъ отворить двери и калитку и вышелъ на улицу. Онъ собирался идти въ кремль. Что-то такое толкало посадскаго идти прямо къ бунтовщикамъ. Усовѣщевать ихъ теперь значило, конечно, подставлять свою голову. Но хоть душу отвести, хоть обругать душегубовъ хотѣлось Кисельникову. За нѣсколько шаговъ отъ дома, Кисельниковъ повстрѣчался съ пріятелемъ, такимъ же посадскимъ, Санкинымъ, который уже успѣлъ «отстать» отъ Носова и бунтарей.

— Куда?—спросилъ Санкинъ.

— Въ кремль,—мрачно отозвался Кисельниковъ.

— Зачѣмъ?

— Умирать.

— Что такъ?

— Да что же другое дѣлать!

— Нѣтъ, родимый, погоди,—улыбнулся Санкинъ.—Вернемся-ка къ тебѣ, перетолкуемъ. Умирать не надо, рано. Да умереть всегда поспѣешь. А надо, пріятель, намъ въ живыхъ оставаться. Слышалъ я про твое горе. Это дѣло отместки проситъ. Тебѣ надо живымъ быть, все видѣть, все и всѣхъ переглядѣть и на всѣхъ коноводовъ мѣту положить.

— Зачѣмъ? Что ихъ мѣтить?—отозвался Кисельниковъ.

— Перемѣтимъ, пріятель, и вмѣстѣ въ Москву пойдемъ, къ царю. Когда будетъ судъ и расправа, намъ надо знать, какія головы на плечахъ должны оставаться и какія головы царю снимать. Коли ты за смертоубійство своего зятя помѣтишь нѣсколько головъ и снимешь долой, такъ тебѣ, гляди, твое горе-то малую толику слаще будетъ. Иди-ка, перетолкуемъ обо всемъ. Намъ, вишь, придется прикинуться согласниками, такъ поразсудимъ, какъ прикинуться.

XXXV.

Въ кремлѣ около воеводскаго правленія мирно толпилось много народу, въ томъ числѣ кучки простыхъ зѣвакъ и любопытныхъ. Около полудня, сразу, какъ бы отъ вихря, снова сильнѣе заволновалось людское море. Сразу загудѣли сотни голосовъ, и одно слово, одинъ крикъ, перебѣгая отъ одной кучки къ другой, скоро грянулъ по всей площади и побѣжалъ далѣе по всѣмъ улицамъ и слободамъ.

— Нашли! Нашли!—былъ этотъ крикъ.

Всѣ отъ бунтаря-стрѣльца, отъ хивинца, прилѣзшаго поглядѣть, отъ мальчугана, прибѣжавшаго попрыгать около труповъ и попужать ими товарищей, и до самихъ коноводовъ, Быкова, Носова, Колоса и другихъ, всѣ ахнули и повторили:

— Нашли! Нашли!

Всѣ понимали, про кого рѣчь шла.

Дѣйствительно, по площади густая кучка главныхъ зачинщиковъ и воителей съ Лучкой Партановымъ во главѣ вели жертву! Вѣрнѣе сказать, восемь рукъ не то несли, не то волокли тучнаго человѣка, дико, безсмысленно озиравшагося на своихъ палачей. Это былъ воевода Тимоѳей Ивановичъ Ржевскій, котораго накрыли, наконецъ, тамъ, гдѣ онъ спрятался еще съ вечера.

Воеводу нашли подъ печкой звонарихи, въ маленькой пристройкѣ, или будкѣ, около соборной колокольни. Никому и на умъ не приходило за цѣлое утро идти шарить въ маленькой будкѣ, гдѣ жилъ звонарь съ женой. Не наглупи сама звонариха, такъ бы, пожалуй, и проморгали спрятавшагося воеводу.

Около полудня, какой-то стрѣлецъ, набѣгавшись до устали, попросилъ у звонарихи, сидѣвшей на крылечкѣ своей будки, напиться водицы. Баба, немного смущаясь, пошла было вынести ковшикъ, но стрѣлецъ собрался войдти за ней, и женщина сразу яростно кинулась на него, не давая переступить порога своей хибарки. Брань живо перешла въ драку. Кучка зѣвакъ еще живѣе собралась глазѣть на стрѣльца, сражавшагося съ звонарихой. Прибѣжалъ на шумъ еще кто-то изъ болѣе смѣтливыхъ молодцевъ и, разузнавъ въ чемъ дѣло, усомнился.

«Почему бы звонарихѣ не пустить къ себѣ въ горницу стрѣльца напиться воды?» Черезъ какихъ нибудь десять минутъ предупрежденный Партановъ съ отрядомъ своихъ охотниковъ уже явился на мѣсто драки, въ одно мгновеніе обшарилъ всю будку звонаря, и подъ развалившейся на половину печкой оказался запрятавшійся и ошалѣвшій отъ перепуга самъ Тимоѳей Ивановичъ.

— А, а! ваше высокорожденье, мое вамъ почтенье!—воскликнулъ Партановъ.—Имѣю честь низко кланяться, благо вы низко лежите. Пожалуй, сударь, одолжи, вылѣзай-ка на полчаса времени.

И Лучка присѣлъ на корточки, заглядывая подъ печку и искренно радуясь своей находкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ воеводу вытащили и поволокли къ его же дому. Носовъ, узнавъ, что наконецъ розыскъ увѣнчался успѣхомъ, тотчасъ же вышелъ на крыльцо. Когда Ржевскаго притащили къ дому, то Яковъ Носовъ и его сподвижники были уже всѣ въ сборѣ.

Смѣхъ, прибаутки и потѣшная ругань встрѣтили здѣсь воеводу.

— Ну, что же съ нимъ дѣлать?—раздался чей-то голосъ.

Наступила маленькая пауза.

Вчера передъ убійствомъ полковника Пожарскаго вопроса никакого не было и паузы этой не было. Тогда была ночь, тогда все было пьяно, да и руки размахались. Теперь день, свѣтло, солнце ярко блещетъ на синемъ небѣ, теперь размахавшіяся руки уже опустились, да и пьяныхъ тутъ никого нѣту.

Развѣ можно «эдакъ» человѣка, да еще воеводу—убить?!

Носовъ глядѣлъ на толпу, молчалъ, ожидая отвѣта, и смущался уже...

— Ну, что же съ нимъ дѣлать? Отпустить, что ль?—произнесъ Лучка, стоя внизу и обращаясь къ Носову, стоявшему на крыльцѣ.

— Что? Вѣстимо, рѣшать его!—крикнулъ стрѣлецъ Быковъ.—Зачѣмъ разыскивали? Пряниками угощать, что ли? Разсудить его надо. Всѣ его злодѣянія ему вспомнить, кровопивицѣ, да и голову долой.

Ржевскій, поставленный на ноги, не могъ стоять, будучи въ состояніи полуобморока. Онъ уже не сознавалъ, кто и что говоритъ, и только смутно понималъ, что настаетъ смертный часъ.

— Какія его злодѣянія?—угрюмо и глухо произнесъ вдругъ Носовъ.—Вотъ уже тварь безобидная! Одно зло было, что такой человѣкъ, такая колода деревянная, воеводой былъ поставленъ. Такъ и въ томъ онъ не виновенъ. Что жъ ему было отписать, что ли, царю: уволь, молъ, я дурень, глупъ, какъ осина,—гдѣ мнѣ воеводствовать! Злодѣяній за нимъ никакихъ нѣтъ.

— Что же, отпускать, стало быть!—воскликнулъ Партановъ нѣсколько радостно.—По мнѣ онъ не...

Носовъ обернулся быстро къ Быкову и произнесъ:

— Разсуждайте, какъ по-вашему, въ кругу, а кончите—меня позовите.

И Носовъ нетвердой походкой взволнованнаго человѣка вошелъ въ домъ.

Прійдя въ горницу, гдѣ стоялъ столъ и кресло, за которымъ онъ такъ часто бесѣдовалъ съ воеводой, Носовъ сѣлъ въ кресло, оперся локтями на этотъ столъ и вздохнулъ.

— Жизнь эдакая, вѣстимо, гроша не стоитъ. Что живъ онъ, что померъ, все едино. Онъ, кажись, уже давно померъ помыслами человѣчьими. А все, какъ ни толкуй, будто совѣсть мучаетъ. Жаль. Лучше бы ему своей смертью помереть. Ему бы при его тучности еще полгода не выжить. Ну, да что ужъ!—проворчалъ Носовъ и, снова вздохнувъ, сталъ прислушиваться.

У крыльца, среди плотныхъ рядовъ налѣзавшаго народа, который бѣжалъ отовсюду послѣ слова «нашли», четыре человѣка держали Ржевскаго подъ руки, такъ какъ онъ окончательно не могъ стоять на ногахъ.

Быковъ сначала допрашивалъ воеводу объ его злодѣяніяхъ, но полуживой, обезумѣвшій Ржевскій не отвѣчалъ ни слова и только оловянными и безсмысленными глазами взглядывалъ на стрѣльца. Старый Быковъ бросилъ допросъ и сталъ самъ громко перечислять злодѣянія воеводы астраханскаго. Все перечислилъ онъ. И кафтаны нѣмецкіе, и брадобритіе, и казни стрѣльцовъ московскихъ, и дѣлежъ государства Россійскаго, и постриженье царицы Авдотьи Ѳедоровны въ инокини, и отдачу дѣвицъ православныхъ за нѣмцевъ, кои теперь, устрашася, повернули восвояси, не доѣхавъ до города... и много другихъ преступленій Тимоѳея Ивановича Ржевскаго перебралъ Быковъ.

— Ну, а теперь за всѣ оныя многія злодѣйства,—закончилъ Быковъ:—снимай со злыдня голову! Ну, чего жъ таращитесь, олухи!

Державшіе воеводу, а равно и стоявшіе кругомъ, всѣ глядѣли, выпуча глаза на Быкова, и переглядывались между собой, словно спрашивая:

— Кому же это, то-исъ, снимать воеводину голову? Кому этотъ указъ?

Стрѣлецъ тотчасъ сообразилъ, что вотъ эдакъ, просто, взять топоръ да отрубить голову воеводѣ, какъ бы ни съ того, ни съ сего, во всей этой тысячной толпѣ ни единаго охотника не выищешь.

— Отведи его, ребята, подалѣ отсюда, нечего тутъ передъ правленіемъ улицу пачкать. Веди, среди площади поставь на всемъ честномъ народѣ, а мы сейчасъ придемъ съ Грохомъ его рѣшать.

Быковъ вошелъ въ воеводскій домъ, встрѣтился съ Носовымъ и, какъ-то озлобляясь невѣдомо на что, крикнулъ:

— Кому жъ велѣть голову-то рубить?

Носовъ пристально поглядѣлъ въ лицо старому стрѣльцу и усмѣхнулся.

— Да, братъ, въ сей часъ не то, что вотъ за ночь. Пойди-ко теперь, поищи молодца эдакія-то дрова рубить. Кто ночь и троихъ ухлопалъ съ маху, теперь вздыхать да ломаться учнетъ...

Но, видно, судьба хотѣла погибели безобиднаго воеводы Ржевскаго. Пока Носовъ говорилъ, стрѣлецъ неожиданно услышалъ храпъ могучій въ корридорѣ. Тамъ спалъ, набѣгавшись и въ волю надравшись и напившись, самъ богатырь Шелудякъ.

— Во, во!—воскликнулъ Быковъ:—кривая вывезла. Вотъ намъ и палачъ первостатейный. Гляди.

Быковъ, толкнувъ Носова черезъ порогъ, показалъ ему на разбойника, который, раскинувшись, лежалъ на грязномъ полу корридора. Черезъ минуту душегуба подняли на ноги и растолкали, а когда онъ очухался, ему объяснили въ чемъ дѣло и приказали... Впрочемъ, и приказывать было не нужно, ибо очнувшійся Шелудякъ, узнавъ, что нужно топоромъ на народѣ рубить воеводу астраханскаго, просіялъ.

— Сколько разовъ я изъ-за него въ ямѣ сидѣлъ,—выговорилъ онъ:—столько я ему и зарубинъ положу.

Шелудякъ шагнулъ на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ разбойникъ уже былъ на площади, среди толпы. Многіе въ числѣ зѣвакъ попятились отъ того мѣста, гдѣ сталъ извѣстный всѣмъ красноярскій душегубъ. Многимъ онъ былъ извѣстенъ въ лицо. Другіе узнали теперь, кто таковъ этотъ появившійся богатырь. И много нашлось охотниковъ изъ переднихъ рядовъ перебраться подальше въ толпу и отъ душегуба, и отъ крови, которой онъ сейчасъ полыснетъ.

Глубокое молчаніе оковало всю тысячную толпу, когда Шелудякъ, какъ истый палачъ или видавшій государскія казни, началъ орудовать и приготовлять свою жертву.

— Клади на земь!—скомандовалъ онъ.—Эй, одолжи кто топорика!

Ржевскаго опустили на землю, и, положенный на спину, онъ былъ уже почти трупъ вслѣдствіе полнаго отсутствія сознанія всего окружающаго. Однако, въ толпѣ не тотчасъ нашелся охотникъ «одолжить топорика».

— Дай, дьяволъ, чего ему сдѣлается! Получишь обратно!—кричали голоса.

Топорикъ, т. е. большой топорище, новый и блестящій, пошелъ по толпѣ и очутился въ рукѣ Шелудяка. Богатырь помахалъ имъ, отчасти, чтобы расправить руку, отчасти, чтобы побаловаться и поломаться на народѣ... Затѣмъ Шелудякъ взялъ топоръ въ обѣ руки, высоко взмахнулъ имъ и, слегка пригнувъ голову, сталъ мѣтить въ шею лежащаго...

— Гляди, ребята!—зычно крикнулъ богатырь на всю площадь... Былъ воевода, звать Тимоѳей, по отчеству Иванычъ... Былъ!!... А вотъ гляди! А—ахъ!! Нѣту!!!

Топоръ сверкнулъ на солнцѣ и исчезъ въ толпѣ вмѣстѣ съ нагнувшимся богатыремъ... Нѣсколько человѣкъ изъ ближайшихъ рядовъ шарахнулись... Ихъ обрызгало изъ-подъ топора...

— О, Господи!..

— Ишь, дьяволъ!...

И гробовое молчаніе опять оковало всю толпу. Нѣкоторые переглядывались, будто вопрошая другъ дружку, и молчаливые взгляды будто говорили:

— Вишь ты, братецъ ты мой...

— Что жъ, нешто я?.. Всѣ...

— Знамо, не ты, а все жъ таки...

— Ну, да что жъ?! По волосамъ тоже... не плакать!..

И торжественная, таинственная, краснорѣчивая своей нѣмотой и тишиной, пауза понемногу переходила въ шепотъ и говоръ.

— Ну, кончили, что ль?—крикнулъ громко Лучка издали, стоя на крыльцѣ воеводскаго правленія.

— Готова!—крикнулъ Шелудякъ.—Вотъ она!

И онъ высоко поднялъ надъ толпой какой-то шаръ, или круглый кусокъ, висѣвшій на длинныхъ сѣдыхъ волосахъ, которые онъ сгребъ въ руку.

И вся толпа ахнула въ разъ. Будто какой великанъ звѣрь рявкнулъ на весь кремль.

XXXVI.

Конечно, только коноводъ Грохъ и его ближайшіе сподвижники знали, зачѣмъ нуженъ тотчасъ розыскъ воеводы и нужна непремѣнно его казнь.

Для коноводовъ возмутившихся нужно было очистить мѣсто астраханскаго воеводы, чтобы власть надъ всѣмъ краемъ сама собой могла перейдти въ другія руки. Ожидать, чтобы кто нибудь изъ попрятавшихся властей явился теперь предъявить свои права на мѣсто только-что казненнаго, было мудрено.

И теперь въ Астрахани, точно также какъ во всѣ смуты всѣхъ временъ, тотчасъ же въ этой собравшейся разношерстной толпѣ возникъ вопросъ и побѣжалъ изъ устъ въ уста, передаваемый по всему кремлю и Бѣлому городу.

— Какъ же быть теперь безъ воеводы-то? Надо, братцы, воеводу. Кто жъ теперь воеводой-то будетъ?

И затѣмъ черезъ какихъ нибудь полчаса уже гулъ стоялъ. Ревѣли сотни голосовъ:

— Выбирай воеводу!

На крыльцѣ воеводскаго правленія Лучка Партановъ громогласно и краснорѣчиво говорилъ, будто пѣлъ, и частилъ словами, точно соловей заливался. Онъ держалъ рѣчь къ народу, толкуя, что безъ властей порядку не будетъ. Нуженъ и воевода, и помощники къ нему, всякіе дьяки и подьяки. Только нужно выбирать новыхъ, чтобы старыхъ никого не брать, чтобы о прежней волокитѣ судейской и помину не было. Нужны люди добрые, совѣстливые, порядливые, истинные христіане, а не мучители и кровопивицы, лихоимцы и грабители московскіе.

— Кого же выберемъ?—зычно крикнулъ Лучка, оканчивая рѣчь.—Рѣшай, православные! Въ кругъ становись! Всѣмъ міромъ! Выбирай, кому быть воеводой!

Впереди, конечно, стояли все тѣ же главные сподвижники коноводовъ бунта. Нѣкоторые были изъ вчерашнихъ обитателей ямы, нѣкоторые изъ тѣхъ, что̀ вчера разбивали кабаки и первые, нагрузившись виномъ, сорвали кремлевскія ворота и уложили нѣсколько человѣкъ караульныхъ.

— Якова Носова! — раздался чей-то голосъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ наступило молчаніе. Какъ будто бы большинству показалось это предложеніе страннымъ, неподходящимъ. Инымъ, можетъ быть, показалось, что кто-то шутку шутитъ. Другіе же вовсе такого имени еще не слыхали, или слышали мелькомъ.

— Носова! Посадскаго Носова! — раздалось еще нѣсколько голосовъ.

— Вотъ Быкова! Онъ стрѣлецъ.

— Ребята, Панфилова! Панфиловъ староста церковный.

— А то звонаря съ звонарихой! — отозвался громко Лучка. — Тѣхъ, у кого Ржевскаго нашли!

Ближайшіе захохотали, и снова гулъ пошелъ по всей толпѣ.

— Носова, сказываю — Носова! Онъ всему заводчикъ былъ, — крикнулъ одинъ голосъ. — Онъ учёрось весь городъ на свой счетъ виномъ угощалъ. Что денегъ потратилъ!

— Кто угощалъ, ребята?

— Носовъ угощалъ.

— Носова, вѣстимо, Носова! — отозвались сразу повсюды. — Онъ угощалъ, Носовъ.

— Носова, Якова Носова!

— Носову быть воеводой!

И имя посадскаго Якова Носова стало перелетать въ толпѣ какъ мячикъ изъ мѣста въ мѣсто, и скоро, казалось, вся площадь уже ревѣла два слова:

— Якова Носова!

Въ эту минуту посадскій, по прозвищу Грохъ, появился на крыльцѣ. Онъ былъ блѣденъ какъ снѣгъ и руки его слегка подергивались. Онъ, казалось, нетвердо стоитъ на ногахъ. Обернувшійся на него Партановъ даже удивился.

— Что за притча! — подумалъ онъ. — Испужался, что ли, чего?

Но Грохъ не испугался. Грохъ дожилъ до того мгновенья, которое было для Партанова и другихъ случайностью, а для него осуществленіемъ давнишней, завѣтной и совсѣмъ несбыточной мечты.

Не въ такомъ видѣ, не въ такомъ образѣ, не при такихъ условіяхъ, не на крыльцѣ воеводскаго правленія астраханскаго кремля представлялась Носову эта желанная минута. Все пошло иначе. Но то, что случилось, была давнымъ давно имъ желанная минута, обдуманная, и за послѣдніе дни даже ожидаемая.

— Слушай, православные! — проговорилъ посадскій Носовъ, едва слышно, не имѣя силъ овладѣть своимъ языкомъ, который отъ волненія едва двигался. — Спасибо вамъ крѣпко! Я берусь воеводствовать, заведу порядки иные, не чета московскимъ. Будетъ у насъ всѣмъ людямъ судъ справедливый, поравенный, безъ лицепріятія. Лихоимцевъ самый корень выведу. Грабителей и мучите-

лей истреблю до единаго. Обѣщаюсь, что будетъ въ городѣ Астрахани тишь и гладь и Божья благодать, какъ говоритъ пословица. Московскихъ и царскихъ указовъ и даже войсковъ и полковъ я не побоюсь. У насъ свои пушки и пистоли заведутся, свои солдаты и войска будутъ. Была когда-то Астрахань татарскимъ ханствомъ, отчего же намъ опять не быть самимъ по себѣ Астраханскимъ царствомъ! Но одно скажу: попущенія ничему худому отъ меня не будетъ. Ужъ коли я воевода, я буду имъ побожески. Обѣими руками править начну, и за всякіе порядки коли я отвѣтчикъ, такъ и воля моя должна свято соблюдаться всѣми обывателями отъ мала до велика — и православными россійскими людьми, и всѣми гостями, и инородцами. Но вотъ спасибо и спасибо вамъ паки и поклонъ низкій за чествованіе.

Грохъ замолчалъ, оглядѣлъ глазѣющія глупо на него со всѣхъ сторонъ лица, повернулся и вошелъ снова въ домъ воеводскаго правленія. Носовъ отлично понималъ, что рѣчь его къ этому сброду ни на что не нужна, что выборъ этотъ ничего не значитъ. Но надо было съ перваго же дня заставить народъ толковать по всему городу о себѣ. Пускай пойдутъ толки, что новый воевода Носовъ, выбранный на площади въ кремлѣ, обѣщаетъ, что будетъ всѣмъ поравенный судъ, будетъ миръ, будетъ всякая благодать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ строгое и крѣпкое соблюденіе тишины и порядка.

Разсчетъ Носова удался. Обѣщаннымъ строгостямъ повѣрили, новымъ порядкамъ тоже. Носовъ тотчасъ же вызвалъ въ большую горницу воеводства ближайшихъ своихъ сподвижниковъ: Быкова, Колоса, Зиновьева, Партанова и другихъ. Когда они собрались, Носовъ сталъ передъ ними и спросилъ:

— Такъ я воевода, сказывали вы?

— Вѣстимо, ты, Яковъ. Чего спрашиваешь?—раздались голоса его пріятелей.

— Ладно; такъ первый мой приказъ будетъ очистить площадь, запереть всѣ ворота, въ Пречистенскихъ стражу поставить и никого въ кремль не впускать до завтрашняго дня. Второе — убрать убитыхъ и честнымъ порядкомъ похоронить. Тотчасъ же собирать охотниковъ въ новый мой воеводскій полкъ и вписать ихъ поименно. Тотчасъ же выдадимъ всѣмъ за недѣлю впередъ жалованье въ руки, и сколько наберется, сейчасъ же разставимъ караульными по тѣмъ мѣстамъ, которыя я укажу. Завтра по утру объявить, что будетъ въ соборѣ послѣ литургіи молебствіе, а послѣ молебствія кругъ и совѣтъ на счетъ астраханскихъ дѣловъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса времени первыя три приказанія воеводы были уже исполнены, и все совершилось мирно, быстро, какъ по маслу.

Во-первыхъ, толпѣ зря снующаго народа было объявлено, чтобы очистили кремль. Только въ одномъ углу площади сотня подгу-

лявшихъ разношерстныхъ молодцевъ подъ предводительствомъ одного парня, выпущеннаго наканунѣ изъ ямы, стала шумѣть, какъ бы не желая уходить изъ кремля, гдѣ еще были цѣлы церкви и многіе дома. Имъ было объявлено, что за ослушаніе ихъ немедленно примутъ въ топоры.

Въ задорной и подгулявшей кучкѣ нѣсколько голосовъ захохотали въ отвѣтъ.

— Вы вотъ какъ! — крикнулъ Быковъ, взявшій на себя очистку площади. — Бери ихъ чѣмъ попало, ребята. Коли, руби, вали!

И Быковъ вмѣстѣ съ двумя десятками своихъ вооруженныхъ молодцевъ врубился въ кучу озорниковъ и въ одно мгновеніе разогналъ всѣхъ; только двое убитыхъ осталось на мѣстѣ да нѣсколько раненыхъ побѣжало въ разныя стороны.

Затѣмъ тотчасъ всѣ трупы бывшаго начальства были убраны.

Когда смерклось, то около воеводскаго правленія была другая толпа, чинная, порядливая, и тихо ожидала очереди. Всѣ по очереди перебывали въ прихожей воеводскаго правленія и вышли снова на площадь. Но каждый, входившій съ пустыми руками, возвращался съ оружіемъ отъ мушкетона и пистоли до сабли, бердыша или пики. Что нибудь да получалъ онъ. Но вмѣстѣ съ оружьемъ получалъ жалованье изъ «государской казны» за цѣлую недѣлю впередъ.

Большая часть охотниковъ, записавшихся въ новый полкъ, придуманный и сформированный новымъ воеводой, были изъ стрѣльцовъ, старые и молодые. Главное начальство надъ ними было поручено, конечно, старику стрѣльцу Быкову. Онъ получилъ званіе стрѣлецкаго тысяцкаго. Тотчасъ же были выбраны сотники, пятидесятники и десятники. Лучка Партановъ, конечно, попалъ въ сотники.

— Черезъ недѣльку, гляди, мы и кафтаны заведемъ, съ позументомъ, — говорили новобранцы.

Еще солнце не совершенно опустилось на горизонтъ, когда въ кремлѣ у всѣхъ воротъ и зданій казенныхъ стояли часовые и и караульные изъ новобранцевъ, считавшіе начальствомъ и хозяиномъ кремля и всей Астрахани не кого иного, какъ воеводу Якова Матвѣевича Носова.

«Воевода Носовъ» уже звучало въ устахъ многихъ также согласно и законно, какъ за день передъ тѣмъ звучало «воевода Ржевскій».

Но воевода Носовъ былъ иного поля ягода, чѣмъ покойный Тимоѳей Ивановичъ, погибшій жертвой своей лѣности и добродушія. Воевода Носовъ весь вечеръ и часть ночи не спалъ, а сидѣлъ и дѣломъ занимался. Ни разу не побывалъ онъ тамъ, дома у себя, тамъ, гдѣ были жена и дѣти. Хорошій семьянинъ Яковъ

Носовъ, ставшій теперь воеводой, почти позабылъ о существованіи жены и дѣтей.

Поздно ночью, уже засыпая въ горницѣ, гдѣ часто бывалъ онъ у покойника Ржевскаго, онъ вдругъ вспомнилъ о семьѣ своей. Вспомнилъ онъ только потому, что вдругъ ему померещилось, почудилось, что онъ болѣе не увидится съ женой и дѣтьми. Ему пришло на умъ, что, можетъ быть, за эту же ночь кто нибудь, подосланный отъ уцѣлѣвшихъ еще въ кремлѣ и городѣ властей, прирѣжетъ его здѣсь соннаго, какъ малаго младенца.

— Такъ и помрешь, не повидавшись со своими, — подумалось Носову. Но тотчасъ же онъ перекрестился, вздохнулъ, повернулся на бокъ и черезъ мгновеніе спалъ крѣпкимъ сномъ.

XXXVII.

На утро 31-го іюля весь городъ опять волновался, но уже на иной ладъ. Въ городѣ слышался благовѣстъ во всѣхъ церквахъ. Всѣмъ жителямъ было извѣстно, что въ соборѣ будетъ литургія, будетъ молебствіе, будетъ объявленъ указъ воеводы Носова, котораго Богъ вѣсть кто выбралъ и поставилъ въ городѣ начальствомъ. Скоро кремль переполнился, соборъ тоже, и все шло порядливо и тихо, какъ и быть должно. Но только соборный протопопъ былъ въ бѣгахъ, а вмѣсто него служилъ священникъ Никольской церкви, отецъ Холмогоровъ. Только вмѣсто тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно стояли впереди во время всякаго торжества, теперь появились совсѣмъ другія лица и другіе люди, но на видъ степенные, чинные, важные, какъ будто бы они и не бунтовщики.

Послѣ молебствія, отецъ Василій Холмогоровъ сталъ приводить къ присягѣ всѣхъ добровольцевъ новаго полка, какъ стрѣльцовъ, такъ и простыхъ обывателей, записавшихся въ новую рать. Толковали уже о формированіи четырехъ другихъ полковъ на тотъ же ладъ, съ той же выдачей оружія и жалованья впередъ.

Присяга, приносимая теперь въ соборѣ, заключалась въ томъ, чтобы стоять за истинную вѣру, за бороды, за платье, за обычай отцовъ и дѣдовъ и крѣпко стоять другъ за друга противъ всякаго врага и противъ самой Москвы.

И какъ тихо и мирно сошлись сюда толпы народа, точно также мирно и вышли, толкуя и разсуждая по улицамъ, по слободамъ и у себя на дому про новаго воеводу, новый полкъ, новые порядки.

Только нѣкоторые поговаривали, качая головой:

— Вотъ тебѣ и бунтъ! Совсѣмъ не похоже... Чудно что-то. Вѣдь если эдакъ-то, то оно, почитай, будетъ даже лучше, чѣмъ при Тимоѳеѣ Ивановичѣ. Развѣ что отводъ глазамъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и ахнутъ грабить... власти новыя.

Въ сумерки того же дня случилось, однако, маленькое происшествіе, которое окончательно ошеломило всѣхъ астраханцевъ.

На площади, среди слободы юртовскихъ татаръ, была разграблена ихъ молельня, убито нѣсколько человѣкъ юртовцевъ и шумъ привлекъ довольно густую толпу народа. Оказалось, что шайка грабителей дѣйствовала тутъ безъ всякихъ предосторожностей, среди бѣла дня, какъ бы имѣя законное право на грабежъ. Шайкой командовалъ хорошо извѣстный всѣмъ красноярскій душегубъ Шелудякъ. Не прошло получаса, какъ сюда же нагрянули, будто святымъ духомъ прочуявши безпорядокъ, новые стрѣльцы, новобранцы новаго воеводы. Молодцы эти оказались не подъ стать стрѣльцамъ прежняго воеводы. Живо всѣ грабители съ награбленнымъ были перехватаны и перевязаны. Командиръ ихъ, самъ громадный Шелудякъ, изранивъ ножемъ человѣка четыре, былъ скрученъ, поваленъ на телѣгу, и новобранцы-стрѣльцы побѣдоносно двинулись къ воеводскому правленію съ плѣнными.

На утро слѣдующаго дня бѣгалъ слухъ повсюду и смущалъ, и дивилъ всѣхъ обывателей. Никто вѣрить не хотѣлъ. Въ полдень на главной базарной площади должна была совершиться лютая казнь, но справедливая. Должны были казнить пойманныхъ наканунѣ грабителей молельни. Въ числѣ первыхъ долженъ былъ быть обезглавленъ и четвертованъ за всѣ свои злодѣйства и давнишній душегубскій промыселъ самъ знаменитый Шелудякъ.

И туча народа двинулась глазѣть на казнь, не вѣря, что увидитъ ее. Однако всѣ во-очію увидали. Была совершена уставомъ государственнымъ, чинно, порядливо, руками настоящаго палача изъ судной избы, правильная казнь базарная надъ всѣми грабителями вмѣстѣ съ Шелудякомъ, которому отрубили голову и обѣ руки. Послѣ этого было прочитано увѣщеваніе къ жителямъ, которое хорошо всѣ поняли.

«За всякій шумъ, за всякое буйство и причиненіе ущерба и раззоренія обывателямъ будетъ строго взыскиваемо. За грабежъ и бунтованіе будутъ голову снимать съ виновныхъ». Такимъ языкомъ выражался тотъ самый человѣкъ, который за два дня передъ тѣмъ самъ бунтовщикомъ сорвалъ Пречистенскія ворота съ петель и, вломившись въ кремль, изрубилъ его защитниковъ.

За то съ этого же дня, будто по волшебству, будто чудомъ, то, что обѣщалъ съ крыльца новый воевода Носовъ, т. е. тишь и гладь и даже, какъ будто, Божья благодать—снизошли на городъ Астрахань. Оставалось только, по россійскому древнему обычаю, сказать отъ избытка изумленія:

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день.

И съ того дня понемногу многія прежнія власти, приказные и подьячіе, попрятавшіеся по разнымъ конурамъ и шесткамъ отъ страха смерти, повылѣзали на свѣтъ Божій. Сначала только выгля-

дывали, а потомъ и вышли на улицу. Но ни съ кѣмъ изъ нихъ ничего худаго не приключилось.

Понемногу оказались въ Астрахани живы и невредимы въ своихъ домахъ и митрополитъ, и архіереи, и строитель Троицкаго монастыря Георгій Дашковъ, и многіе дьяки, и подьяки, и правители. Всѣмъ имъ было объявлено отъ новаго воеводы, чтобы они ничего не опасались, справляли бы свои должности, но только шли бы къ нему за совѣтомъ и указаніемъ.

И кончилось тѣмъ, что такія лица, какъ митрополитъ Самсонъ и игуменъ Дашковъ пошли поневолѣ за указаніемъ къ прежнему посадскому человѣку и нашли въ немъ человѣка «неспроста», человѣка диковиннаго.

— И волкъ, и лиса, и змій,—отозвался объ немъ Дашковъ послѣ перваго свиданія и бесѣды.—Да, вотъ какіе оборотни диковинные бываютъ въ посадскихъ людяхъ,—часто вздыхалъ онъ.

Прошло около мѣсяца, и въ Астрахани стоялъ все тотъ же порядокъ, та же тишина, какихъ не бывало и при Ржевскомъ. Воевода Носовъ дѣятельно занимался «государскимъ» дѣломъ, почти не ѣлъ и не спалъ, а все орудовалъ, и дѣятельность его уже перешла давно границы города. Имя его уже было извѣстно за сотни верстъ отъ Астрахани, а его посланцы уже давно дѣйствовали въ разныхъ краяхъ Астраханскаго округа.

Грамоты и воззванія его разсылались повсюду: на Донъ, на Терекъ, на Яикъ, на Гребени, и всюду всѣхъ новая астраханская власть уговаривала подниматься противъ Москвы за истинную вѣру, за старое платье, за бороды и дѣдовы норовы и обычаи.

Въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ и грамотахъ, воевода Носовъ объявлялъ, что у нихъ, въ Астрахани, весь бунтъ и избіеніе властей и вся перемѣна правительственная произошла изъ-за того, что астраханцы не хотѣли отрекаться отъ истиннаго христіанскаго Бога и кланяться «болванамъ». Къ терскимъ стрѣльцамъ и гребенскимъ казакамъ были даже посланы наскоро состряпанныя рѣзныя деревянныя куклы съ наклеенными волосами. Посланцы должны были показывать этихъ «болвановъ» и говорить, что былъ указъ изъ Москвы кланяться имъ, какъ Богу.

Черезъ полтора, два мѣсяца послѣ переворота въ Астрахани полымя бунта вспыхнуло во всемъ краѣ. Поднялись и терскіе стрѣльцы, и красноярскіе, и черноярскіе, и гребенскіе казаки. Зашумѣлъ и Яикъ, и Донъ. Черноярскіе стрѣльцы уже посадили головой волжскаго лихаго разбойника, терскіе перебили всѣхъ своихъ начальниковъ. Волненіе разгоралось и расходилось, считая версты сотнями.

— Что Астрахань? — говорилъ Яковъ Носовъ. — Нешто одна Астрахань можетъ что! Надо, чтобы весь край, а тамъ и полъ-Россіи, а тамъ и вся матушка святая Русь, чтобы все всполошилось и

встало какъ единъ человѣкъ. Тогда уже «ему» Русской земли не полатынить и сатанѣ не послужить!

Если весь край Астраханскій взволновался и увлекъ своимъ примѣромъ казацкіе предѣлы, гдѣ всегда все было готово подняться и бушевать, то и далѣе на сѣверъ становилось неспокойно...

Но въ другихъ мѣстахъ чередовались по обычаю смертоубійства властей, воеводъ и военноначальниковъ, грабежи и разгромъ храмовъ или богатыхъ людей, пожары городовъ и посадовъ...

Въ одной Астрахани былъ диковинный бунтъ! Прозвали его «свадебный бунтъ», затѣмъ «бабій бунтъ», а тамъ ужъ стали говорить, что это ужъ совсѣмъ не бунтъ, а просто «чудеса въ рѣшетѣ». Да и какъ же не чудеса... Убили въ первый день дюжину человѣкъ начальства да шесть человѣкъ караульныхъ, разграбили съ десятокъ домовъ въ Бѣломъ городѣ да втрое того въ Земляномъ... и все стало тихо... Да такъ и стоитъ тишина!

Сидятъ чинно и правдолюбиво самозванныя власти. Воевода съ приказными и дьяками изъ самодѣльныхъ чинятъ судъ и расправу по-божьему, взымаютъ подати: таможенный, кабацкій и иные сборы, порядливо, безъ лихоимства и безъ утайки, да жалуютъ свое самодѣльное войско жалованьемъ, какъ положено. Торговля идетъ своимъ чередомъ, и гости иноземные не боятся приходить и уходить караванами.

— Что тамъ такое? Въ Астрахани-то?—Бунтъ иль нѣтъ?—спрашиваютъ повсюду въ сосѣдяхъ.

— Бунтъ. Вѣстимо. Только эдакій значитъ... бабій, что ль!.. Тихій!—отвѣчаютъ побывавшіе въ городѣ.

— И не грабятъ, не смертоубійствуютъ?..

— Зачѣмъ? Малаго ребенка никто не тронь. Строго!

— И порядокъ, стало, какъ быть слѣдуетъ?

— Тихо... Да и какъ, то-ись, это тихо-то... Куда лучше, чѣмъ прежде, при московскомъ воеводѣ.

— Кто же тамъ набольшій?

— Воевода... Носовъ, Яковъ Матвѣевичъ... Душа человѣкъ. Ему хоть бы всей стороной править. Совладалъ бы. Дай ему ты Донъ и Терекъ въ придачу. Управитъ!

И говоръ о диковинномъ, тишайшемъ бунтѣ и диковинномъ, правдолюбивомъ и мудромъ самозванцѣ-воеводѣ далеко пробѣжалъ по Руси.

— Яковъ Носовъ! Кто жъ не знаетъ!

— Сказываютъ, этотъ Носовъ не изъ мужскаго пола. Оттого и тихъ.

— Женскаго пола?

— Нѣтъ, зачѣмъ!..

— Какъ же такъ-то?

— А вотъ!.. Невѣдомо... Все премудрость Божья. Иль ужъ

времена на Руси такія подходятъ—не подходящія! И не разгадать иного дѣла. Вотъ и царь нонѣ, вишь, «обмѣнный», изъ нѣмцевъ.

А царь при извѣстіи о бунтѣ былъ въ Митавѣ съ войной шведской на плечахъ.

— Эхъ, кабы я тамъ былъ!.. вздохнулъ молодой царь и сталъ посылать гонцовъ за гонцами въ Москву къ боярамъ. «Полно, молъ, сидѣть-то». А въ Москвѣ бояре и думные люди сидѣли, сложа руки, и только разсуждали:

— Что подѣлаешь! Татарщина тамъ. Только слава, что Россія... И бунтъ-то потрафился какой-то свадебный!

Графъ Е. Саліасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА[1].

VI.

Мое назначеніе камеръ-юнкеромъ. — Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.— Великая княгиня Марія Николаевна.—Царскіе вечера въ Аничковомъ дворцѣ.— Оригинальная игра въ карты.—Царская семья.—Шалость великаго князя Константина Николаевича. — Придворные балы. — Балъ у графа Воронцова-Дашкова.—Лермонтовъ.—Его ссылка на Кавказъ.—Нѣкоторыя подробности для его характеристики. — Тесть и теща мои. — Образъ ихъ жизни. — Моя первая жена.— Успѣхъ моего «Тарантаса».—Совѣты Гоголя.—Первое представленіе моей пьесы «Петербургское цвѣтобѣсіе». — Неудовольствіе цесаревича Александра Николаевича. — Мнѣніе императора Николая Павловича о моемъ «Тарантасѣ». — Мои вечеринки.—Графъ Д. Н. Блудовъ.—Ѳ. И. Тютчевъ.—Знакомство съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Интересъ, возбуждавшійся въ высшемъ обществѣ моими вечеринками. — Графъ Фредро. — Піанистъ Леви. — Вечеръ въ Мраморномъ дворцѣ, въ честь королевы Нидерландской.—Моя пьеса «à propos» и ея успѣхъ.—Праздникъ въ Петергофѣ.

СЛУЖБА моя въ Харьковѣ ознаменовалась тѣмъ, что я былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ званіе камеръ-юнкера; впрочемъ я широко пользовался отпусками, и зимою, большею частью, жилъ въ Петербургѣ. Я уже сказалъ, что время отъ турецкой кампаніи 1828 года до крымской войны было едва ли не самой блестящей эпохой свѣтской петербургской жизни. При дворѣ празднества смѣнялись празднествами. Во-первыхъ, состоялось бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Герцогъ Лейхтенбергскій былъ не только однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ, но также однимъ изъ просвѣщенныхъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 312.

и образованнѣйшихъ принцевъ. Онъ всегда относился ко мнѣ съ самою благосклонною дружбой, и я могу сказать, что мнѣ не приходилось встрѣтить человѣка съ такимъ обширнымъ и тонкимъ чутьемъ всего благороднаго и прекраснаго. Супруга герцога Лейхтенбергскаго, великая княжна Марія Николаевна, хотя гораздо ниже ростомъ, чѣмъ августѣйшая ея сестра, нынѣ королева Виртембергская, была, тѣмъ не менѣе, красоты замѣчательной. Она болѣе всѣхъ дѣтей походила лицомъ на своего царственнаго родителя государя Николая Павловича. Одаренная умомъ замѣчательнымъ и необыкновенно тонкимъ пониманіемъ въ живописи и скульптурѣ, она много содѣйствовала процвѣтанію роднаго искусства. Въ ея роскошномъ дворцѣ строгій этикетъ соблюдался только во время баловъ и оффиціальныхъ пріемовъ; въ остальное же время великая княгиня являлась скорѣе радушной хозяйкой, остроумной и благосклонной, въ средѣ лицъ, наиболѣе ей приближенныхъ, а также талантливыхъ артистовъ, всегда имѣвшихъ къ ней доступъ и находившихъ въ ней просвѣщенную покровительницу. Затѣмъ наступило бракосочетаніе великой княжны Ольги Николаевны, отпразднованное еще съ большей пышностью, такъ какъ великая княжна вступала въ бракъ съ наслѣдникомъ престола виртембергскаго; впрочемъ бракъ этотъ состоялся гораздо позднѣе. Какъ извѣстно, послѣ пожара Зимняго дворца государь Николай Павловичъ переселился, пока дворецъ отстроивался снова, въ Аничковскій дворецъ. Когда не было баловъ или оффиціальныхъ пріемовъ, къ вечернему чаю императрицы приглашались нѣкоторые сановники и выдающіяся лица петербургскаго большаго свѣта. Государь, обмѣнявшись благосклонными словами съ каждымъ изъ присутствующихъ, садился за карты; но иногда устроивалось слѣдующее развлеченіе, которое государь особенно любилъ и принималъ въ немъ участіе какъ главное дѣйствующее лицо. Изъ англійскаго магазина во дворецъ требовались разнаго рода вещи: золотыя и серебряныя издѣлія, статуетки, малахитовыя чернильницы, разнородные вѣера, пряжки и т. д. Всѣ эти вещи размѣщались камеръ-лакеями на нѣсколькихъ столахъ въ залѣ, примыкавшей къ гостинной императрицы. Послѣ чая государь переходилъ туда и садился передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ лежала игра картъ. Надо сказать, что подъ каждой изъ названныхъ мною выше вещей вмѣсто номера лежало названіе карты: двойка бубенъ, или десятка трефъ, или валетъ червей и проч.

— Господа,—обращался къ окружившимъ его столикъ царедворцамъ государь:—кто изъ васъ желаетъ купить у меня девятку червей?.. Славная карточка!

— Я!.. я!.. я!.. слышались отовсюду возгласы царедворцевъ.

— А что дадите?—добродушно спрашивалъ, улыбаясь, государь.

— Двѣсти рублей,—картавя, басилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ

Віельгорскій. Онъ въ этихъ случаяхъ всегда являлся «запѣвалой», если можно такъ выразиться. Иногда завязывался между гостями споръ, они другъ другу не уступали карты, все набавляя высшую и высшую цѣну; или же иногда самъ государь не соглашался, находя цѣну недостаточною, что̀ его всегда очень забавляло. Когда всѣ карты были распроданы, государь вставалъ и въ сопровожденіи одного изъ дежурныхъ подходилъ къ столамъ, на которыхъ были размѣщены вещи; дежурный камеръ-юнкеръ или флигель-адъютантъ называлъ имена картъ, обозначавшихъ вещи, а государь самъ лично вручалъ ихъ выигравшимъ. Изъ денегъ, вырученныхъ за проданныя карты, выплачивались вещи, взятыя изъ англійскаго магазина; остальныя, —обыкновенно очень порядочная сумма,—раздавались петербургскимъ бѣднымъ; такимъ образомъ отъ развлеченія великихъ міра сего богатыя крохи доставались бѣднякамъ.

Я уже сказалъ, что государь каждый вечеръ игралъ въ карты; партію его составляли приближенные ему сановники или особенно имъ отличаемые дипломаты. Государь, какъ извѣстно, былъ очень нѣжный отецъ и любилъ, чтобы августѣйшія его дѣти окружали его вечеромъ: цесаревичъ, тогда уже замѣчательно красивый юноша, великія княжны Ольга Николаевна и Марія Николаевна и великій князь Константинъ Николаевичъ; младшія дѣти ихъ величествъ, еще младенцы, оставались во внутреннихъ аппартаментахъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ всегда отличался большимъ умомъ и замѣчательными способностями, но былъ нрава очень рѣзваго и любилъ всякаго рода дѣтскія шалости. Однажды, вечеромъ, послѣ того, что государь, отпивъ чай и обойдя по обыкновенію всѣхъ присутствующихъ съ милостивымъ словомъ, сѣлъ за карточный столъ, къ другому такому же столу, невдалекѣ стоявшему, подошли четверо изъ приглашенныхъ государя, намѣреваясь также вступить въ карточный бой. Въ ту минуту, что они, отодвинувъ стулья, собирались сѣсть за столъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, тогда еще отрокъ, проворно подбѣжалъ и выдернулъ стулъ, на который собирался сѣсть Иванъ Матвѣевичъ Толстой (впослѣдствіи графъ и министръ почтъ). Толстой грузно упалъ на коверъ и огорошенный этимъ паденіемъ поднялся съ помощью Михаила Юрьевича Віельгорскаго; великій князь, смѣясь, выбѣжалъ изъ комнаты, но государь замѣтилъ это маленькое происшествіе; онъ положилъ на столъ свои карты и, обращаясь къ императрицѣ, сидѣвшей невдалекѣ:

— Madame, levez-vous! — произнесъ онъ, возвышая голосъ для того, чтобы всѣ присутствующіе могли разслышать то, что онъ говорилъ. Императрица поднялась.

— Allons demander pardon à Иванъ Матвѣевичъ, d'avoir si mal elevé notre fils!..

Великому князю, разумѣется, попеняли за эту шалость, но Иванъ

Матвѣевичъ былъ гораздо болѣе его смущенъ всѣмъ этимъ. Балы при дворѣ императора Николая Павловича отличались не только свойственной русскому дворцу пышностью, но и большимъ оживленіемъ. Императрица, еще прекрасная, участвовала въ танцахъ, потомъ стали появляться красавицы великія княжны и за ними легіонъ хорошенькихъ фрейлинъ и красивыхъ молодыхъ женщинъ. Тогдашній большой петербургскій свѣтъ, не смотря на свою замкнутость, умѣлъ и любилъ веселиться; на него еще не пахнуло ни англійской деревянностью, ни французской распущенностью; правда, мы и тогда перенимали по нашей привычкѣ многое у сосѣдей европейцевъ, но все щегольское, красивое, тонкое. Теперь часто, глядя на худосочную нынѣшнюю петербургскую молодежь, я не могу себѣ представить, что это—преемники красавцевъ Барятинскихъ, Васильчиковыхъ, Исаковыхъ и другихъ. Сколько въ нихъ было, кромѣ красоты, жизни, огня, молодости, задушевности, веселости; не впадая въ обычную всѣмъ старикамъ слабость находить, что все существовавшее въ наше время было лучше, и отдавая справедливость тому, что во многомъ теперешніе люди толковѣе насъ, нельзя не сказать, однако, что въ насъ самые недостатки даже извинялись тѣмъ, что мы умѣли быть молодыми. А женщины? Кто изъ старожиловъ можетъ говорить безъ восторга о графинѣ Воронцовой-Дашковой, о графинѣ Мусиной-Пушкиной, Аврорѣ Карловнѣ Демидовой, княжнахъ Трубецкихъ, Барятинскихъ, женѣ Пушкина?.. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь въ Петербургѣ есть много прелестныхъ и красивыхъ женщинъ, но между ними такъ много замѣшалось другихъ, отъ которыхъ какъ-то тянетъ мѣняльной лавочкой или лабазнымъ товаромъ, что ихъ присутствіе какъ-то невольно отзывается на самыхъ «чистокровныхъ». Самыми блестящими послѣ баловъ придворныхъ были, разумѣется, празднества, даваемыя графомъ Иваномъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Одинъ изъ этихъ баловъ остался мнѣ особенно памятнымъ. Нѣсколько дней передъ этимъ баломъ Лермонтовъ былъ осужденъ на ссылку на Кавказъ. Лермонтовъ, съ которымъ я находился съиздавна въ самыхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя и происходилъ отъ хорошей русской дворянской семьи, не принадлежалъ, однако, по рожденію къ квинтъ-эссенціи петербургскаго общества, но онъ его любилъ, бредилъ имъ, хотя и подсмѣивался надъ нимъ, какъ всѣ мы грѣшные... Къ тому же въ то время онъ страстно былъ влюбленъ въ графиню Мусину-Пушкину и слѣдовалъ за нею всюду, какъ тѣнь. Я зналъ, что онъ, какъ всѣ люди, живущіе воображеніемъ, и въ особенности въ то время, жаждалъ ссылки, притѣсненій, страданій, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему веселиться и танцовать до упаду на всѣхъ балахъ; но я, всетаки, нѣсколько удивился, заставъ его такимъ беззаботно-веселымъ почти наканунѣ его отъѣзда на Кавказъ; вся его будущность поколебалась отъ этой ссылки, а онъ какъ ни въ чемъ

не бывало кружился въ вальсѣ. Раздосадованный я подошелъ къ нему.

— Да что ты тутъ дѣлаешь!—закричалъ я на него:—убирайся ты отсюда, Лермонтовъ, того и гляди тебя арестуютъ! Посмотри, какъ грозно глядитъ на тебя великій князь Михаилъ Павловичъ!

— Не арестуютъ у меня!—щурясь сквозь свой лорнетъ, вскользь проговорилъ графъ Иванъ, проходя мимо насъ.

Впродолженіе всего вечера я наблюдалъ за Лермонтовымъ. Имъ обуяла какая-то лихорадочная веселость; но по временамъ что-то странное точно скользило на его лицѣ; послѣ ужина онъ подошелъ ко мнѣ.

— Сологубъ, ты куда поѣдешь отсюда?—спросилъ онъ меня.

— Куда?.. Домой, братъ, помилуй—половина четвертаго!

— Я пойду къ тебѣ, я хочу съ тобой поговорить!.. Нѣтъ, лучше здѣсь... Послушай, скажи мнѣ правду? Слышишь—правду?.. Какъ добрый товарищъ, какъ честный человѣкъ... Есть у меня талантъ, или нѣтъ?.. говори правду!..

— Помилуй, Лермонтовъ!—закричалъ я внѣ себя:—какъ ты смѣешь меня объ этомъ спрашивать!—человѣкъ, который, какъ ты, написалъ...

— Хорошо,—перебилъ онъ меня:—ну, такъ слушай, государь милостивъ; когда я вернусь, я, вѣроятно, застану тебя женатымъ, ты остепенишься, образумишься, я тоже, и мы вмѣстѣ съ тобой станемъ издавать толстый журналъ.

Я, разумѣется, на все соглашался; но тайное скорбное предчувствіе какъ-то ныло во мнѣ. На другой день я ранѣе обыкновеннаго отправился вечеромъ къ Карамзинымъ. У нихъ каждый вечеръ собирался кружокъ, состоявшій изъ цвѣта тогдашняго литературнаго и художественнаго міра: Глинка, Брюловъ, Даргомыжскій, словомъ, что носило извѣстное въ Россіи имя въ искусствѣ, прилежно посѣщало этотъ радушный, милый, высоко-эстетическій домъ. Едва я взошелъ въ тотъ вечеръ въ гостинную Карамзиныхъ, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мнѣ навстрѣчу, схватила мои обѣ руки и сказала мнѣ взволнованнымъ голосомъ:

— Ахъ, Владиміръ, послушайте, что Лермонтовъ написалъ, какая это прелесть! Заставьте сейчасъ его сказать вамъ эти стихи!

Лермонтовъ сидѣлъ у чайнаго стола; вчерашняя веселость съ него «соскочила», онъ показался мнѣ блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему и выразилъ ему мое желаніе, мое нетерпѣніе услышать тотчасъ вновь сочиненные имъ стихи.

Онъ нехотя поднялся со своего стула.

— Да, я давно написалъ эту вещь,—проговорилъ онъ и подошелъ къ окну.

Софья Карамзина, я и еще двое-трое изъ гостей окружили его; онъ оглянулъ насъ всѣхъ бѣглымъ взглядомъ, потомъ точно задумался и медленно началъ:

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ...

И такъ далѣе. Когда онъ кончилъ, слезы потекли по его щекамъ, а мы, очарованные этимъ едва ли не самымъ поэтическимъ его произведеніемъ и рѣдкой музыкальностью созвучій, стали горячо его хвалить.

— C'est du Pouchkine cela, — сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Non, c'est du Лермонтовъ ce qui vaudra son Pouchkine! — вскричалъ я.

Лермонтовъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, братъ, далеко мнѣ до Александра Сергѣевича,—сказалъ онъ грустно улыбнувшись: — да и времени работать мало остается; убьютъ меня, Владиміръ!

Предчувствіе Лермонтова сбылось; въ Петербургъ онъ больше не вернулся; но не отъ черкесской пули умеръ геніальный юноша, и на русское имя кровавымъ пятномъ легла его смерть.

Двѣ дѣвушки въ то время занимали мое воображеніе: княжна Марія Ивановна Барятинская и графиня Софья Михайловна Віельгорская; княжна Барятинская вышла замужъ за князя Михаила Кочубея[1]), я женился на графинѣ Віельгорской. Впрочемъ, съ женитьбой мой образъ жизни мало измѣнился; я, каюсь, не родился домосѣдомъ и часто злоупотреблялъ слабостью, свойственной всѣмъ пишущимъ людямъ, шататься всюду и вездѣ. Теща моя, графиня Луиза Карловна, какъ это было извѣстно всему Петербургу, сильно ко мнѣ не благоволила, но, такъ какъ я не обращалъ вниманія на ея замѣчанія, она поручила своему добрѣйшему мужу, моему тестю, сдѣлать мнѣ выговоръ по случаю моихъ позднихъ возвращеній домой. Это обстоятельство нѣсколько затрудняло Михаила Юрьевича, такъ какъ онъ самъ, не смотря на свои почтенныя лѣта, широко пользовался всякаго рода пріятными развлеченіями. Тѣмъ не менѣе, графъ Віельгорскій вошелъ ко мнѣ однажды въ кабинетъ и, насупившись, сказалъ мнѣ недовольнымъ голосомъ:

— Послушай, однако, Владиміръ, это ни на что не похоже! Тебя цѣлыми вечерами до поздней ночи не бываетъ дома! Ну, вчера, напримѣръ, въ которомъ часу ты вернулся домой?..

---

[1]) Она вскорѣ умерла, и князь Кучубей женился на дочери извѣстнаго французскаго актера Брессана.

— Да за полчаса, я думаю, до вашего возвращенія, Михаилъ Юрьевичъ,—отвѣчалъ я ему, невольно усмѣхнувшись.

Онъ прикусилъ губы и ничего мнѣ на это не отвѣтилъ, но уже съ тѣхъ поръ никогда болѣе не дѣлалъ мнѣ никакого рода замѣчаній. Я долженъ сказать, что рѣдко кого въ жизни такъ горячо любилъ, какъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, и вначалѣ нашего знакомства (я говорю о своихъ взрослыхъ лѣтахъ, такъ какъ въ дѣтствѣ я часто его видѣлъ) онъ прежде всѣхъ и и болѣе всѣхъ меня къ себѣ привязалъ. Въ ихъ домѣ пріемы раздѣлялись на двѣ совершенно по себѣ различныя стороны. Пріемы графини Луизы Карловны отличались самой изысканной свѣтскостью и соединяли въ ея роскошныхъ покояхъ цвѣтъ придворнаго и большаго свѣта; у графа же Михаила Юрьевича раза два, три въ недѣлю собирались не только извѣстные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры и начинающіе карьеру газетчики (что̀ въ тѣ времена было нелегкой задачей), и даже просто всякаго рода неизвѣстные людишки, которыми Віельгорскій, какъ истый баринъ, никогда не брезгалъ. Всѣ эти господа приходили на собственный Віельгорскаго подъѣздъ (на Михайловской площади, домъ, нынѣ принадлежащій кондитеру Кочкурову), и графиня Віельгорская не только не знала о ихъ присутствіи въ ея домѣ, но даже не вѣдала о существованіи многихъ изъ нихъ. Часто Віельгорскій на короткое время покидалъ своихъ гостей, уѣзжалъ во дворецъ или на какой нибудь пріемъ одного изъ посланниковъ или министровъ, но скоро возвращался, снималъ свой мундиръ, звѣзды, съ особеннымъ удовольствіемъ облекался въ бархатный довольно потертый сюртукъ и принимался играть на билліардѣ съ какимъ нибудь затрапезнымъ Самсоновымъ. Но этотъ образъ жизни — или, скорѣе, рѣзкость пріемовъ — родителей моей жены нѣсколько измѣнился со дня нашей свадьбы. Я уже сказалъ, что мы жили у нихъ же въ домѣ, на особенной, для насъ ими отдѣланной квартирѣ. Мы съ женою завтракали и обѣдали у Віельгорскихъ; въ остальное же время сохраняли совершенную независимость въ нашемъ образѣ жизни, много принимали у себя, и эти два элемента—свѣтскій и артистическій, у насъ соединялись въ одно цѣлое, въ то время рѣдкое и особенно привлекательное. Жена моя, хотя съизмала жила въ свѣтѣ, не любила его; все ея время поглощала ея беззавѣтная, болѣзненная любовь къ дѣтямъ, имѣвшая, увы, горькія послѣдствія. Я всячески старался развлекать ея воображеніе, для котораго міръ замыкался тамъ, гдѣ рѣчь не шла о пеленкахъ и касторовомъ маслѣ, тѣмъ болѣе, что она и понимала, и цѣнила искусства и сама была одарена рѣдкими музыкальными способностями и прекрасно также рисовала. По возвращеніи нашемъ изъ заграничнаго путешествія и появленіи имѣвшаго всего болѣе успѣха моего сочиненія «Та-

рантасъ», мое литературное положеніе выдвинулось на первый планъ; я сдѣлался моднымъ, едва ли не самымъ моднымъ въ Россіи писателемъ. Надо сказать, что тогда (я говорю о второй половинѣ сороковыхъ годовъ), за исключеніемъ геніальнаго Гоголя, въ которомъ, впрочемъ, за исключеніемъ небольшаго круга посвященныхъ, большинство публики еще не цѣнило достойно его огромнаго таланта, и Марлинскаго, бывшаго въ большой модѣ, въ русской литературѣ не было особенно талантливыхъ писателей. Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ только начинали свое блистательное впослѣдствіи поприще; гигантъ русскаго романа Левъ Толстой былъ еще отрокомъ, а его соименникъ, Алексѣй Толстой, блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, и никто тогда не могъ въ немъ предвидѣть вдохновеннаго творца «Іоанна Грознаго». Григоровичъ уже кое-что пописывалъ, но еще мало былъ извѣстенъ и только позже вошелъ въ большую моду. И такъ мой «Тарантасъ» имѣлъ успѣхъ, до тѣхъ поръ не слыханный въ книжномъ дѣлѣ, и имя мое стало популярно въ Россіи. Не могу не сознаться, что этотъ громовый успѣхъ имѣлъ на мою будущую литературную дѣятельность самое пагубное вліяніе. Я сталъ работать небрежно, увлекаться темой дня, или, что̀ всего хуже, лѣниться. Сколько разъ Гоголь сердито укорялъ меня въ моей лѣни!

— Да не пишется что-то, — говорилъ я.

— А вы, всетаки, пишите, — отвѣчалъ онъ мнѣ тѣмъ особеннымъ своимъ добродушнымъ насмѣшливымъ тономъ, который онъ принималъ часто, говоря съ близкими ему людьми: — всетаки, пишите; возьмите хорошенькое перушко, хорошенько его очините, положите передъ собою листъ бумаги и начните такимъ образомъ: «Мнѣ сегодня что-то не пишется». Напишите это много разъ сряду, и вдругъ вамъ придетъ хорошая мысль въ голову! за ней другая, третья, вѣдь иначе никто не пишетъ, и люди, обуреваемые постояннымъ вдохновеніемъ, рѣдки, Владиміръ Александровичъ!

Но я, увы, не совсѣмъ послушался Гоголя, и въ этотъ періодъ времени, то есть отъ 1845 года до начала пятидесятыхъ годовъ, написалъ множество теперь уже совершенно забытыхъ и, впрочемъ, плохихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ и въ особенности театральныя пьесы пользовались хотя временнымъ, но большимъ успѣхомъ; иныя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Букеты, или Петербургское Цвѣтобѣсіе», навлекли на себя послѣ большаго успѣха громы россійской цензуры. Я живо припоминаю первое представленіе этой пьесы. Государь Николай Павловичъ находился въ Италіи, но цесаревичъ Александръ Николаевичъ присутствовалъ на представленіи и очень остался недоволенъ; повстрѣчавшись со мною, цесаревичъ рѣзко выразилъ мнѣ свое удивленіе въ томъ, «что камеръ-юнкеръ графъ Сологубъ можетъ писать сочиненія съ такимъ вреднымъ направленіемъ». Я, разумѣется, согнулся въ три погибели и промол-

чалъ, но въ душѣ не могъ не подумать, что эта совершенно невинная шутка-водевиль не заслуживала августѣйшаго гнѣва. Я долженъ при этомъ сказать, что этотъ случай выговора мнѣ цесаревичемъ былъ единственный во всей моей жизни, и потомъ и всегда, будучи императоромъ, онъ обходился со мною съ особеннымъ благоволеніемъ. Государь Николай Павловичъ пишущихъ людей вообще не долюбливалъ, но мои сочиненія всѣ читалъ, и относился къ нимъ благосклонно; разъ только, глянувъ на меня тѣмъ особеннымъ взглядомъ, отъ котораго самому храброму и увѣренному въ себѣ человѣку становилось жутко, онъ сказалъ мнѣ: «что совѣтуетъ, когда мнѣ еще вздуется описывать губернаторшъ, не выводить представленнаго мною типа въ «Тарантасѣ», который ему сильно не нравится!» Теперь это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что мои собраты шестидесятыхъ годовъ выдавали и выдаютъ меня до сихъ поръ за яраго крѣпостника и консерватора!..

Я уже сказалъ выше, что у меня по вечерамъ собирались самые разнородные гости; въ комнатѣ, находившейся за моимъ кабинетомъ и прозванный мною «звѣринцемъ», такъ какъ въ ней помѣщались люди, не рѣшавшіеся не только сидѣть въ гостинной, но даже входить въ мой кабинетъ, куда, однако, дамы рѣдко заглядывали,—въ этой комнатѣ часто можно было видѣть сидящихъ рядомъ на низенькомъ диванчикѣ председателя государственнаго совѣта графа Блудова и г. Сахарова, одного изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ въ Россіи людей, но постоянно лѣтомъ и зимой облеченнаго въ длиннополый сюртукъ гороховаго цвѣта съ небрежно повязаннымъ на шеѣ галстукомъ, что для модныхъ гостинныхъ являлось не совсѣмъ удобнымъ. Графъ Блудовъ былъ однимъ изъ выдающихся людей царствованій императоровъ Александра I и Николая I; человѣкъ обширнаго ума и непреклонныхъ убѣжденій, патріотъ въ самой высокой степени, преданный престолу, то есть Россіи, родинѣ, онъ имѣлъ то рѣдкое въ тѣ времена преимущество надъ современными ему сановниками, что и понималъ, и видѣлъ пользу прогресса, но прогресса постепеннаго. Слабой стороной графа Блудова былъ его характеръ, раздражительный и желчный; извѣстный острякъ и поэтъ Өедоръ Ивановичъ Тютчевъ говорилъ про него: «Il faut avouer que le comte Bloudow est le modele des chretiens, personne comme lui ne pratique l'oubli des injures... qu'il a fait lui-même!» И дѣйствительно, бывало въ минуту вспыльчивости графъ Блудовъ «разнесетъ» такъ, что хоть «святыхъ вонъ выноси», а потомъ, глядь, уже все позабылъ и съ ласковою улыбкою снова съ вами заговариваетъ. Послѣ графа Блудова осталось трое дѣтей: старшая дочь камеръ-фрейлина графиня Антуанета Дмитріевна, извѣстная всему Петербургу своею набожностью, благотворительностью и ярымъ славянофильствомъ, графъ Вадимъ Блудовъ, человѣкъ очень милый и умный, но наслѣдовавшій до

нѣкоторой степени раздражительность отца, и, наконецъ, другой братъ Андрей, уже много лѣтъ россійскій посланникъ при бельгійскомъ дворѣ. Я назвалъ только-что Ѳедора Ивановича Тютчева; онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей моихъ вечеровъ; онъ сидѣлъ въ гостинной на диванѣ, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мнѣ случалось на моемъ вѣку разговаривать и слушать знаменитыхъ разсказчиковъ, но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого чарующаго впечатлѣнія, какъ Тютчевъ. Остроумныя, нѣжныя, колкія, добрыя слова, точно жемчужины, небрежно скатывались съ его устъ. Онъ былъ едва ли не самымъ свѣтскимъ человѣкомъ въ Россіи, но свѣтскимъ въ полномъ значеніи этого слова. Ему были нужны какъ воздухъ, каждый вечеръ, яркій свѣтъ люстръ и лампъ, веселое шуршанье дорогихъ женскихъ платьевъ, говоръ и смѣхъ хорошенькихъ женщинъ. Между тѣмъ его наружность очень не соотвѣтствовала его вкусамъ; онъ собою былъ дуренъ, небрежно одѣтъ, неуклюжъ и разсѣянъ; но все, все это исчезало, когда онъ начиналъ говорить, разсказывать; всѣ мгновенно умолкали, и во всей комнатѣ только и слышался голосъ Тютчева; я думаю, что главной прелестью Тютчева въ этомъ случаѣ было то, что разсказы его и замѣчанія «coulaient de source», какъ говорятъ французы; въ нихъ не было ничего приготовленнаго, выученнаго, придуманнаго. Соперникъ его по салоннымъ успѣхамъ, князь Вяземскій, хотя обладалъ рѣдкой привлекательностью, но никогда не славился этой простотой обаятельности, которой отличался умъ Тютчева. У меня въ то время собирались всѣ тузы русской литературы. Я уже назвалъ Тютчева, Вяземскаго и Гоголя; кромѣ ихъ, часто посѣщалъ меня добрѣйшій и всѣми любимый князь Одоевскій, Некрасовъ, Панаевъ, котораго повѣсти были въ большой модѣ въ то время, Бенедиктовъ, Писемскій. Изрѣдка въ звѣринцѣ появлялась высокая фигура молодаго Тургенева; сухопарый и юркій Григоровичъ былъ у насъ въ домѣ какъ свой, такъ же и Болеславъ Маркевичъ. Одинъ, всего одинъ разъ, мнѣ удалось затащить къ себѣ Достоевскаго. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился.

Въ 1845 или 1846 году, я прочелъ въ одномъ изъ тогдашнихъ ежемѣсячныхъ изданій повѣсть, озаглавленную «Бѣдные люди». Такой оригинальный талантъ сказывался въ ней, такая простота и сила, что повѣсть эта привела меня въ восторгъ. Прочитавши ее, я тотчасъ же отправился къ издателю журнала, кажется, Андрею Александровичу Краевскому, освѣдомиться объ авторѣ; онъ назвалъ мнѣ Достоевскаго и далъ мнѣ его адресъ. Я сейчасъ же къ нему поѣхалъ и нашелъ въ маленькой квартирѣ на одной изъ отдаленныхъ петербургскихъ улицъ, кажется, на Пескахъ, молодаго человѣка, блѣднаго и болѣзненнаго на видъ. На немъ былъ одѣтъ довольно поношенный домашній сюртукъ съ необыкновенно

короткими, точно не на него сшитыми, рукавами. Когда я себя назвалъ и выразилъ ему въ восторженныхъ словахъ то глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленное впечатлѣніе, которое на меня произвела его повѣсть, такъ мало походившая на все, что въ то время писалось, онъ сконфузился, смѣшался и подалъ мнѣ единственное находившееся въ комнатѣ старенькое, старомодное кресло. Я сѣлъ, и мы разговорились; правду сказать, говорилъ больше я — этимъ я всегда грѣшилъ. Достоевскій скромно отвѣчалъ на мои вопросы, скромно и даже уклончиво. Я тотчасъ увидѣлъ, что это натура застѣнчивая, сдержанная и самолюбивая, но въ высшей степени талантливая и симпатичная. Просидѣвъ у него минутъ двадцать, я поднялся и пригласилъ его поѣхать ко мнѣ запросто пообѣдать.

Достоевскій просто испугался.

— Нѣтъ, графъ, простите меня, — промолвилъ онъ растерянно, потирая одну объ другую свои руки: — но, право, я въ большомъ свѣтѣ отъ роду не бывалъ и не могу никакъ рѣшиться...

— Да кто вамъ говоритъ о большомъ свѣтѣ, любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, — мы съ женой дѣйствительно принадлежимъ къ большому свѣту, ѣздимъ туда, но къ себѣ его не пускаемъ!

Достоевскій разсмѣялся, но остался непреклоннымъ, и только мѣсяца два спустя рѣшился однажды появиться въ моемъ звѣринцѣ. Но скоро наступилъ 1848 годъ, онъ оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ Петрашевскаго и былъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Остальное читатели уже знаютъ.

Я уже сказалъ, что, кромѣ моихъ собратьевъ и другихъ артистовъ, у меня бывало на вечерахъ множество людей сановныхъ, придворныхъ и свѣтскихъ; ихъ привлекало, во-первыхъ, то, что они могли вблизи посмотрѣть на это въ тѣ времена диковинное явленіе «русскихъ литераторовъ», имъ по ихъ воспитанію на иностранный ладъ совершенно чуждое, но въ особенности потому, что я устроилъ эти вечера единственно въ виду того, чтобы собирать у себя именно этихъ писателей, живописцевъ, музыкантовъ, издателей тогдашнихъ газетъ и журналовъ, и вообще людей, близко связанныхъ и съ роднымъ, и съ иностраннымъ искусствомъ, и потому нисколько не желалъ, чтобы люди чисто свѣтскіе бывали на этихъ вечерахъ. Этого, разумѣется, было достаточно, чтобы «весь Петербургъ» стремился ко мнѣ. Теперь мнѣ часто становится смѣшно, когда я вспоминаю всѣ ухищренія, употребляемыя въ то время нѣкоторыми дипломатами, убѣленными сѣдинами сановниками, словомъ цвѣтомъ тогдашняго петербургскаго общества, чтобы попасть ко мнѣ. О женщинахъ нечего и говорить; съ утра до вечера я получалъ раздушенныя записки почти всегда слѣдующаго содержанія: «Милѣйшій графъ, я такъ много наслышалась о вашихъ прелестныхъ вечерахъ, что чрезвычайно интересуюсь и желаю побывать на одномъ изъ нихъ! Прошу, умоляю васъ, если это нужно, на-

значить мнѣ день, въ который я могу пріѣхать къ вамъ и увидѣть вблизи всѣхъ этихъ знаменитыхъ и любопытныхъ для меня людей. Надѣюсь и т. д.» Но женщинамъ самымъ милымъ и высокопоставленнымъ мнѣ приходилось наотрѣзъ отказывать, такъ какъ ихъ появленіе привело бы въ бѣгство не только мой милый звѣринецъ, но и многихъ посѣтителей кабинета. Только четыре женщины, разумѣется, исключая родныхъ и Карамзиныхъ, допускались на мои скромныя сборища, а именно: графиня Ростопчина, извѣстная писательница, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, графиня Мусина-Пушкина и Аврора Карловна Демидова. Надо сказать, что всѣ онѣ держались такъ просто и мило, что нисколько не смущали моихъ гостей. Между нами было условлено, что туалеты на нихъ будутъ самые скромные; онѣ этому, хотя нехотя, подчинялись, и разъ только Аврора Карловна Демидова, которой, ѣдучи на какой-то балъ, вздумалось завернуть къ намъ по дорогѣ, вошла въ гостинную въ бальномъ платьѣ. Правда, платье было темное, бархатное, одноцвѣтное, но на обнаженной шеѣ сіялъ баснословный Демидовскій брилліантъ, стоившій, кажется, болѣе милліона рублей ассигнаціями.

— Аврора Карловна, что вы это надѣли, помилуйте!—да они всѣ разбѣжатся при видѣ васъ! — идя ей навстрѣчу, смѣясь, закричалъ я, указывая на ея брилліантъ.

— Ахъ, это правда! — съ такимъ же смѣхомъ отвѣтила мнѣ Демидова и, поспѣшно отстегнувъ съ шеи свое ожерелье, положила его въ карманъ.

Ровно въ полночь у меня въ столовой подавался ужинъ, состоявшій изъ одного кушанья, какого нибудь гомерическихъ размѣровъ ростбифа или двухъ-трехъ зажаренныхъ индѣекъ; они запивались простымъ краснымъ столовымъ виномъ. Гости мои, наговорившись до сыта, кушали съ большимъ аппетитомъ. Послѣ ужина всѣ разъѣзжались до слѣдующаго вечера. Упоминая нѣкоторыя изъ именъ лицъ, посѣщавшихъ мои вечера, я забылъ назвать двухъ моихъ близкихъ пріятелей: извѣстнаго всему Петербургу комическаго писателя польскаго происхожденія, графа Фредро, и не менѣе его любимаго всѣми пьяниста Лѣви, одно имя котораго объясняетъ его происхожденіе. Графъ Фредро имѣлъ рѣдко талантливую натуру и поражалъ своимъ блестящимъ остроуміемъ, но грѣшилъ тѣмъ же, чѣмъ и я, то есть на пустяки дня и моды тратилъ свое дарованіе. Онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ завсегдатаевъ Михайловскаго дворца, гдѣ, поощряемые рѣдкою благосклонностью и замѣчательнымъ государственнымъ умомъ августѣйшей хозяйки, собирались всѣ выдающіеся люди прошлаго царствованія. Послѣ мятежа 1863 года, онъ нѣкоторое время проживалъ за границею, большею частью, въ Парижѣ, гдѣ вращался много въ кругу своихъ соотечественниковъ. Онъ затащилъ въ него и находившагося въ то время въ Па-

рижѣ нашего общаго пріятеля Лѣви; но этотъ шутъ Лѣви, какъ всегда, не воздержался напроказничать. Однажды, въ домѣ одного изъ самыхъ ярыхъ польскихъ патріотовъ, его попросили что нибудь сыграть. Онъ сѣлъ за фортепіано и съ обычнымъ своимъ талантомъ исполнилъ двѣ Шопеновскія вещи; потомъ грянулъ «Еще Польша не сгинѣла», но въ то время, что лѣвой рукой онъ «валялъ» куплеты «Къ отчизнѣ», — правой на высокихъ нотахъ онъ отчетливо наигрывалъ одну изъ любимѣйшихъ и задушевныхъ русскихъ пѣсенъ. Паны расходились.

— Что это? Что вы это дѣлаете? — гнѣвно обратился къ нему хозяинъ.—Какъ теперь, въ такое тяжелое для насъ время, вы въ моемъ домѣ играете популярныя русскія пѣсни и соединяете ихъ...

— Это, чтобы дать вамъ понятіе о родствѣ славянскихъ мелодій, — вкрадчиво улыбаясь, возразилъ Лѣви.

Живой, какъ огонь, вертлявый, маленькій и безобразный лицомъ, Лѣви пользовался, однако, большими успѣхами у женщинъ, и если онъ, какъ Шопенъ, не умеръ на рукахъ двадцати очарованныхъ имъ женщинъ, то единственно потому, что онъ еще живъ до сихъ поръ. Хотя его нельзя по таланту сравнивать съ полубогами фортепіаннаго искусства, какъ Антонъ Рубинштейнъ и Листъ, но, всетаки, онъ можетъ считаться однимъ изъ первоклассныхъ европейскихъ пьянистовъ, но я полагаю, что ни одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ его собратовъ не можетъ съ такою легкостью и оригинальностью перемѣшивать на своемъ инструментѣ самыя разнородныя мелодіи, придавая имъ, однако, что-то схожее между собою, чуть ли не родственное.

Я сказалъ уже выше, что отъ появленія въ свѣтъ «Тарантаса» я увлекался вопросами дня и, если можно такъ выразиться, «поставлялъ» ко двору и моднымъ гостинымъ разныя пьесы и «à propos» въ стихахъ и прозѣ, теперь не только всѣми, но даже мною забытыя... Одна изъ такихъ импровизацій осталась мнѣ особенно памятна. Дѣло было тотчасъ по окончаніи Крымской кампаніи. Королева Нидерландская Анна Павловна прибыла въ Петербургъ для свиданія съ своимъ царственнымъ племянникомъ. По этому случаю при дворѣ и у великой княгини приготовлялись самыя великолѣпныя празднества. Особенно много въ Петербургѣ говорилось о предполагаемомъ пріемѣ въ Мраморномъ дворцѣ у великаго князя Константина Николаевича. Наканунѣ этого праздника, утромъ, одинъ изъ адъютантовъ великаго князя пріѣхалъ ко мнѣ отъ имени великой княгини Александры Іосифовны съ приглашеніемъ тотчасъ явиться къ ея высочеству. Я поспѣшилъ въ Мраморный дворецъ. Великая княгиня меня сейчасъ же приняла.

— Любезный графъ,—сказала мнѣ великая княгиня съ обычной своей благосклонностью,—вы должны насъ выручить. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы знаете, что назавтра у насъ назначено празднество въ честь королевы Нидерландской. Государь и императрица уже извѣ-

щены объ этомъ, а между тѣмъ у насъ еще ничего не готово... все, что мы придумали, намъ не удается...

— Я, какъ всегда, въ полномъ распоряженіи вашего высочества,—отвѣтилъ я:—но мнѣ приходится сожалѣть о томъ, что осталось до праздника такъ мало времени...

— Это уже ваше дѣло, — смѣясь, прервала меня великая княгиня:—je vous donne carte blanche, mais faites vite et surtout faites bien!..

Я откланялся и прямо изъ Мраморнаго дворца отправился къ Вѣрѣ Самойловой. Петербургскіе старожилы еще помнятъ эту прелестную и высокоталантливую артистку, сестру знаменитаго русскаго актера Василія Васильевича Самойлова. Въ двухъ словахъ я ей объяснилъ, въ чемъ дѣло, и разсказалъ ей о пьесѣ-экспромтѣ, зарождавшейся у меня въ головѣ. Она, разумѣется, обѣщала мнѣ свое содѣйствіе. Въ слѣдующій вечеръ, какъ на грѣхъ, она играла на Александринской сценѣ, тѣмъ не менѣе, зная ея необычайную память и понятливость, я уже нѣсколько успокоенный поѣхалъ къ себѣ домой и принялся за работу. По мѣрѣ того, что я исписывалъ нѣсколько листовъ, я посылалъ ихъ къ Вѣрѣ Васильевнѣ съ простыми помарками, какъ ей одѣться, войдти на сцену и т. д. Разумѣется, въ пьесѣ дѣйствующихъ лицъ было только двое—Самойлова и я; на содѣйствіе другихъ въ такое короткое время нечего было разсчитывать—они бы все перепутали. Въ тотъ же вечеръ, то есть наканунѣ представленія, мнѣ пришлось на нѣсколько часовъ оторваться отъ работы, такъ какъ великая княгиня пожелала, чтобы я присутствовалъ на генеральной репетиціи живыхъ картинъ въ Мраморномъ дворцѣ. Около полуночи я опять вернулся домой и снова засѣлъ за работу. Утромъ, часовъ около десяти я послалъ къ Самойловой послѣднія страницы оконченной мною импровизаціи, а самъ какъ снопъ свалился на диванъ и проспалъ мертвымъ сномъ нѣсколько часовъ. Затѣмъ я одѣлся и поѣхалъ въ Мраморный дворецъ. Принявъ послѣднія приказанія отъ великой княгини и сдѣлавъ съ своей стороны разныя распоряженія на счетъ предстоящаго представленія, я отправился въ отведенную мнѣ комнату и сталъ гримироваться и одѣваться. Нѣсколько времени спустя, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь.

— Кто тамъ еще?—раздраженно крикнулъ я; отъ усиленной работы, суеты, шума, разговоровъ у меня начинала ходить кругомъ голова.

— Я,—отвѣтилъ мнѣ веселый голосъ, дверь отворилась, и въ комнату вошла Самойлова.

Я вскочилъ со стула и отступилъ въ восторгѣ на шагъ. Какъ она все поняла, эта несравненная артистка!.. Все,—одежда, прическа, гримировка,—все не только соотвѣтствовало идеалу ея роли— оно превосходило этотъ идеалъ! И какъ хороша она была въ этомъ кокошникѣ, въ этомъ полурусскомъ, полумиѳическомъ нарядѣ.

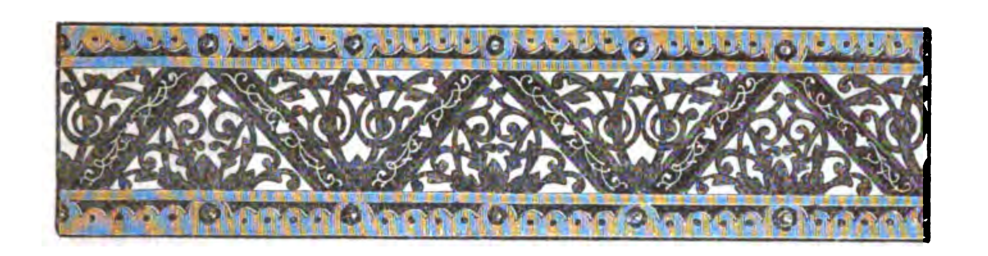
— Роль вы знаете? — спросилъ я ее, оканчивая гримироваться и одѣваться.

— Знаю и свою, и вашу, потому что вы нервный человѣкъ, вѣроятно, уже все перезабыли!..

Насъ пришли увѣдомить, что пора начинать. Читатели не забыли, что праздникъ былъ устроенъ въ честь Нидерландской королевы, и потому нужно было, разумѣется, въ моей наскоро скомканной пьесѣ упомянуть о Голландіи, Саардамѣ, Петрѣ Великомъ и русскомъ флотѣ, такъ какъ пьеса игралась у генералъ-адмирала русскаго флота. Я изобразилъ стараго русскаго моряка (я исполнялъ эту роль), къ которому является геній Россіи, и въ длинномъ монологѣ, потомъ превратившемся въ діалогъ, между двумя дѣйствующими лицами разсказывается славная исторія Великаго Преобразователя и русскаго флота; затѣмъ хоры и живая картина. Пьеса оказалась, я долженъ въ этомъ сознаться, прескверной, хотя успѣхъ имѣла большой, но розыграли мы ее, скромность въ сторону, превосходно; впрочемъ, я всегда игралъ свои пьесы лучше, чѣмъ ихъ писалъ. Но въ этомъ случаѣ это былъ настоящій tour de force, такъ какъ мы не только не репетировали своихъ ролей, но даже ни разу не прочли вмѣстѣ пьесы. Между тѣмъ каждую минуту зрители прерывали насъ аплодисментами, и какіе зрители! — государь, императрица, королева Нидерландская, августѣйшіе хозяева, всѣ великіе князья и великія княгини, иностранные принцы, находившіеся тогда въ Петербургѣ, и цвѣтъ большаго петербургскаго свѣта. По окончаніи представленія, государь соизволилъ меня поздравить съ успѣхомъ и самъ подвелъ меня къ королевѣ Аннѣ Павловнѣ. Порусски, чисто карамзинскимъ слогомъ начала столѣтія, королева благосклонно выразила мнѣ удовольствіе, доставленное ей только-что прослушанной пьесой, потомъ, перемѣнивъ разговоръ уже пофранцузски, королева сказала мнѣ, что живо помнитъ моего отца, который въ дѣтствѣ раздѣлялъ ея игры и игры ея августѣйшихъ братьевъ и сестеръ. Во все время пребыванія королевы праздники смѣнялись праздниками; одинъ изъ нихъ выдался особенно оригинальнымъ. Не помню теперь, гдѣ онъ происходилъ — въ Петербургѣ или въ Петергофѣ, но помню навѣрное, что въ большомъ паркѣ была устроена настоящая голландская «Kermesse»; красивѣйшія и знатнѣйшія петербургскія дамы сидѣли за щегольскими лавочками и продавали всякую дрянь въ нихъ, но, правда, на вѣсъ золота. Самою изящною изъ нихъ была лавочка великой княгини Маріи Николаевны. Великая княгиня облеклась въ голландскій костюмъ по этому случаю, и прическа ея, и головной уборъ, чисто голландскіе, «sentaient le terroir», по французскому выраженію. Этотъ головной уборъ необыкновенно шелъ къ пластически правильнымъ и красивымъ чертамъ великой княгини.

Графъ В. А. Сологубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БОЛГАРІЯ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

(Историческій очеркъ [1]).

III.

Выработанный, въ концѣ осени 1878 года, совѣтомъ управленія нашего императорскаго коммиссара органическій статутъ для Болгаріи, значительно передѣланный въ Петербургѣ вышеуказанной коммиссіей статсъ-секретаря князя С. Н. Урусова, въ январѣ 1879 года, въ исправленномъ видѣ, былъ доставленъ князю А. М. Дондукову-Корсакову, который, согласно постановленію берлинскаго трактата, созвалъ на 10-е февраля 1879 года въ Тырновѣ первое собраніе представителей болгарскаго народа, для разсмотрѣнія этого статута.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію довольно бурныхъ дебатовъ перваго тырновскаго народнаго собранія, я считаю нелишнимъ въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого самаго проекта статута, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предложенъ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ собранію, которое, какъ извѣстно, подвергло его весьма существеннымъ измѣненіямъ.

Этотъ проектъ органическаго статута, по петербургской его редакціи [2]), предполагалъ учрежденіе въ княжествѣ Болгарскомъ на-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 329.

[2]) При составленіи настоящей статьи я, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками подлиннаго текста этого проекта, и мнѣ пришлось довольствоваться тѣми

слѣдственной конституціонной монархіи, съ народнымъ представительствомъ, состоящей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ.

Князь—верховный представитель и глава княжества. Безъ согласія народнаго собранія онъ не можетъ быть правителемъ другаго государства. Власть законодательная принадлежитъ князю совмѣстно съ народнымъ представительствомъ. Исполнительная власть принадлежитъ князю, всѣ органы этой власти дѣйствуютъ его именемъ, подъ его верховнымъ надзоромъ. Онъ же главный начальникъ военныхъ силъ княжества.

Власть судебная принадлежитъ судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, а князю предоставлялось право смягченія наказаній и помилованія осужденныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, министровъ, осужденныхъ за нарушеніе органическаго статута княжества.

Сношенія съ иностранными государствами предоставлялись князю, но всѣ его постановленія и распоряженія имѣли дѣйствительную силу лишь послѣ скрѣпы подлежащими министрами, которые и несутъ на себѣ отвѣтственность за всѣ такія постановленія и распоряженія передъ собраніемъ. Княжеское достоинство наслѣдственно въ потомствѣ по мужской и женской линіи.

Совершеннолѣтіе царствующему князю, княгинѣ, а также наслѣднику престола установлено въ 18 лѣтъ. До достиженія совершеннолѣтія, народное собраніе учреждаетъ регентство. Членами регентства (которое состоитъ изъ трехъ лицъ) могутъ быть министры, члены государственнаго совѣта, предсѣдатель и члены высшаго суда княжества, а равно и лица, безупречно проходившія эти должности; кромѣ того, родственники князя, пребывающіе въ Болгаріи.

Расходы на личное содержаніе князя и его двора отпускаются народнымъ собраніемъ, въ размѣрѣ одного милліона франковъ въ годъ. Эта цыфра не можетъ быть увеличена безъ согласія собранія, ни уменьшена безъ соизволенія князя.

Содержаніе наслѣдника престола опредѣляется особо народнымъ собраніемъ. Народному же собранію предоставляется также дотація князя изъ государственныхъ имуществъ княжества. Господствующая религія въ княжествѣ есть христіанская, православная,

---

указаніями на его содержаніе, которыя находятся въ статьѣ Д. Георгіевскаго, напечатанной въ октябрской книгѣ журнала «Наблюдатель», за 1882 годъ, и отчасти дневникомъ тырновскаго народнаго собранія; котораго у меня имѣется, къ сожалѣнію, не совсѣмъ полный экземпляръ. Пренія этого собранія я излагаю на основаніи какъ протоколовъ собранія, такъ и свѣдѣній, напечатанныхъ въ статьѣ Георгіевскаго и книгѣ г. Драндара (болгарина) на французскомъ языкѣ, изд. въ Парижѣ книгопродавцемъ Дантю, въ 1884 году, подъ заглавіемъ «Cinq ans de Regne. Le Prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie». Г. Драндаръ—мало извѣстный дѣятель, но, при составленіи своей книги, онъ, какъ я слышалъ, пользовался указаніями такихъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, каковы Маркъ Балабановъ, Бурмовъ-Стояновъ и нѣкоторые другіе, участвовавшіе въ качествѣ представителей болгарскаго народа въ тырновскомъ собраніи.

восточнаго исповѣданія. Болгарскій князь и его потомки не могутъ исповѣдывать никакой другой религіи, кромѣ православной; исключеніе сдѣлано лишь для перваго избраннаго князя — если онъ будетъ принадлежать къ иной вѣрѣ, то можетъ неизмѣнно въ ней пребывать.

Всѣ вѣроисповѣданія пользуются полной свободой, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы исполненіе ихъ обрядовъ не нарушало существующихъ въ княжествѣ законовъ. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ или отмѣненъ, иначе какъ путемъ обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, иначе какъ по судебному приговору. Печать свободна, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія печатнымъ словомъ, согласно постановленіямъ особыхъ законовъ о печати. Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ подданныхъ княжества. Жителямъ Болгаріи предоставлено право мирныхъ, безъ оружія, сходокъ, для обсужденія своихъ дѣлъ, но собранія на открытомъ воздухѣ, внѣ зданій, подчиняются общимъ полицейскимъ правиламъ. Представительство страны имѣетъ своимъ органомъ народное собраніе, которое бываетъ обыкновенное и чрезвычайное (великое). Народное собраніе составляется изъ представителей по праву (экзарха, митрополитовъ, предсѣдателей и членовъ судовъ), представителей по выбору — таковые избираются на три года, прямой подачей голосовъ, по одному на каждые 20 жителей обоего пола, и представителей по назначенію князя, въ количествѣ на половину меньшемъ выборныхъ депутатовъ.

Народное собраніе избираетъ изъ своей среды шесть кандидатовъ, изъ которыхъ князь, по своему усмотрѣнію, назначаетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателей собранія.

Членамъ собранія, т. е. депутатамъ, жительствующимъ не въ мѣстѣ засѣданій собранія, выдаются суточныя и прогонныя деньги въ оба пути. Никакого другаго содержанія депутатамъ не полагается.

Высшія привительственныя учрежденія, по этому проекту, составляли: государственный совѣтъ, совѣтъ министровъ и министерства.

Государственный совѣтъ предполагалось учредить изъ членовъ по назначенію князя, числомъ отъ 7 до 11 человѣкъ, и изъ лицъ, выбираемыхъ народнымъ собраніемъ, по два отъ каждой губерніи, срокомъ на два года. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель государственнаго совѣта должны были назначаться княземъ, и при томъ изъ лицъ, имъ самимъ введенныхъ въ составъ совѣта.

Вѣдѣнію государственнаго совѣта должны были подлежать слѣдующіе предметы: 1) предварительное обсужденіе всякаго рода законопроектовъ, 2) разсмотрѣніе пререканій между правительственными мѣстами и должностными лицами и преданіе суду лицъ су-

дебнаго вѣдомства, 3) разрѣшеніе государственныхъ займовъ и сверхбюджетныхъ расходовъ, до созванія народнаго собранія. Министерствъ предполагалось учредить семь: 1) иностранныхъ дѣлъ и вѣроисповѣданій, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) народнаго просвѣщенія, 4) финансовъ, 5) общественныхъ работъ и земледѣлія, 6) юстиціи и 7) военное.

Этотъ органическій статутъ долженъ былъ дѣйствовать втеченіе пяти лѣтъ, по истеченіи же сего срока, согласно указаніямъ опыта, онъ имѣлъ быть пересмотрѣнъ народнымъ собраніемъ.

10-го февраля 1879 года, было созвано въ городѣ Тырновѣ, древней столицѣ Болгарскаго царства, нашимъ императорскимъ коммиссаромъ народное собраніе нотаблей (именитыхъ людей) Болгаріи для разсмотрѣнія предложеннаго собранію княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ вышеизложеннаго проекта органическаго статута.

Собраніе это состояло, во-первыхъ, изъ членовъ по званію, т. е. высшаго православнаго духовенства, въ числѣ 11 митрополитовъ, а равно и двухъ представителей иновѣрческаго духовенства, 2-хъ представителей суда высшей инстанціи и предсѣдателей судовъ и управительныхъ совѣтовъ всѣхъ 5-ти губерній—Софійской, Тырновской, Видинской, Рущукской и Варненской, въ числѣ 103 лицъ, во-вторыхъ, изъ депутатовъ *по выбору* отъ округовъ, въ числѣ 89 лицъ, въ-третьихъ, депутатовъ *отъ учрежденій и обществъ* и, въ-четвертыхъ, изъ 21 лица, *назначенныхъ* въ это собраніе *русскимъ коммиссаромъ*, т. е. княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ видинскій митрополитъ Анѳимъ.

Открывая народное собраніе, князь Дондуковъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Достопочтеннѣйшее собраніе представителей Болгарскаго княжества!

«По волѣ и предначертаніямъ всемилостивѣйшаго моего государя, привѣтствую васъ съ открытіемъ перваго въ освобожденной странѣ вашей народнаго собранія, долженствующаго положить прочное основаніе государственному устройству новаго княжества. По званію императорскаго россійскаго коммиссара и въ силу данныхъ мнѣ высочайшихъ полномочій, представляю на ваше обсужденіе проектъ органическаго устава, опредѣляющаго, въ общихъ основаніяхъ, права будущаго болгарскаго князя и права болгарскаго народа въ дѣлѣ управленія страною. Въ связи съ проектомъ органическаго устава, сообщаю также записку, заключающую въ себѣ общій сводъ правилъ и положеній, послужившихъ основаніемъ настоящаго устройства страны по всѣмъ отраслямъ управленія. Увѣренъ, что, одушевляемые чувствами святаго долга и любовью къ возрождающейся дорогой родинѣ, вы глубоко вдумаетесь и вполнѣ оцѣните все величіе вашей исторической задачи и

всю почесть выпавшаго на вашу долю призванія. Вамъ предстоитъ съ полнымъ безпристрастіемъ, прямотою, правдивостью и преданностью святому дѣлу обсудить представляемый проектъ органическаго устава, устранивъ всякія личныя, случайныя побужденія и предвзятыя цѣли. Вамъ слѣдуетъ имѣть въ виду единственно благо страны и ея прочное государственное устройство, составляющее залогъ будущаго матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія, и, согласно съ симъ, сказать откровенное, добросовѣстное и послѣднее слово. Предлагаемый на обсужденіе ваше проектъ есть не болѣе какъ программа для облегченія трудовъ вашихъ: поставленнымъ въ немъ вопросамъ дано такое направленіе, которое казалось наиболѣе прочнымъ и наиболѣе устойчивымъ для вашего блага и счастія. Но программа не должна стѣснять и связывать вашихъ убѣжденій. Съ полною свободою и независимостью, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ и общихъ преніяхъ, да выскажется каждый изъ васъ, по совѣсти и убѣжденію, памятуя, что въ вашихъ рукахъ находится счастіе, благоденствіе и будущая судьба отечества, призваннаго къ новой политической жизни. Представляемая вамъ о настоящемъ временномъ устройствѣ края записка, — прочитать которую въ первыхъ же засѣданіяхъ поручаю управляющему отдѣломъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, профессору Дринову [1], — познакомитъ васъ ближе съ дѣятельностью русскаго временнаго управленія, имѣвшаго цѣлью призвать къ участію въ общественныхъ дѣлахъ всѣ лучшія силы болгарскаго народа и поднять, по возможности, матеріальный и моральный уровень страны, только-что вышедшей изъ продолжительной кровавой борьбы. Турецкое управленіе вездѣ замѣнилось нынѣ національнымъ, а временныя правила, какъ указываетъ самое ихъ названіе, составляютъ лишь первый, переходный шагъ къ гражданскому устройству и введенію возможнаго порядка въ краѣ. Они несомнѣнно должны подвергнуться измѣненіямъ и дополненіямъ, по указаніямъ времени, опыта и новыхъ общественныхъ потребностей, но эту задачу слѣдуетъ предоставить будущему правительству страны и конституціоннымъ ея органамъ; въ настоящее же время я полагалъ бы необходимымъ оставить ихъ въ дѣйствіи, дабы не колебать только-что установленнаго гражданскаго строя. Мнѣ остается напомнить вамъ, что русская администрація должна была дѣйствовать при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ. Эти обстоятельства, надѣюсь, оправдаютъ въ глазахъ вашихъ незаконченность изданныхъ мною правилъ и положеній: имѣлъ я единственную цѣль — замѣнить существовавшую въ странѣ смуту возможнымъ поряд-

---

[1] М. Дриновъ, болгаринъ по происхожденію, извѣстный своими учеными изслѣдованіями по исторіи болгарскаго народа, профессоръ Харьковскаго университета.

комъ и подготовить населеніе къ болѣе стройной и нормальной политической жизни. Для разъясненія вопросовъ, могущихъ возникнуть при обсужденіи органическаго устава, и для представленія вамъ необходимыхъ объясненій и справокъ, назначаю моимъ уполномоченнымъ, на время настоящаго собранія, управляющаго судебнымъ отдѣломъ Лукьянова. Чисто совѣщательный голосъ его, полагаю, будетъ вамъ полезенъ во всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣніяхъ, при обсужденіи предложеннаго вашему вниманію проекта. Но послѣднее рѣшительное слово принадлежитъ вамъ, и единственно вамъ. Да поможетъ вамъ Всевышній при исполненіи святаго долга; да благословитъ ваши начинанія и труды на счастіе и благоденствіе страны, столь близкой намъ, русскимъ, по крови, по принесеннымъ Россіею жертвамъ и по великодушнымъ къ вамъ чувствамъ нашего царя, освободителя Болгарскаго народа. Объявляю первое собраніе представителей болгарскаго княжества открытымъ и приглашаю васъ, господа, по подписаніи протокола, вмѣстѣ со мною, въ древнемъ тырновскомъ соборѣ, вознести Господу Богу наши молитвы объ успѣшномъ окончаніи предстоящихъ вамъ трудовъ и принести благодареніе Царю-царей, сподобившему насъ соприсутствовать великой исторической минутѣ возрожденія вашего многострадальнаго отечества».

Засѣданія этого перваго собранія представителей болгарскаго народа, освобожденнаго Россіей отъ многовѣковаго рабства, были бурныя.

Прежде всего, конечно, пришлось установить извѣстныя правила для управленія ходомъ дебатовъ. Проектъ такого правильника былъ изготовленъ канцеляріей кн. Дондукова и предложенъ имъ на обсужденіе собранія; однимъ изъ параграфовъ этого правильника предсѣдателю собранія предоставлялось право удалять изъ залы засѣданій депутатовъ, позволившихъ себѣ нарушать порядокъ. Противъ этого правила горячо возстали многіе депутаты, а въ томъ числѣ извѣстный болгарскій патріотъ-агитаторъ и поэтъ Славейковъ, депутаты Стаичевъ, Михайловскій и другіе, заявившіе, что внесеніе въ правильникъ такого постановленія роняетъ достоинство собранія и представляется имъ неумѣстнымъ и постыднымъ для собранія[1]), хотя другіе депутаты, особенно г. Стоиловъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ самаго близкаго друга и интимнаго совѣтника князя Александра Батенберга, старались отстоять такое полномочіе предсѣдателя собранія, объясняя, что во время преній могутъ разыграться страсти и возникнуть личныя нападки и оскорбленія, вслѣдствіе чего удаленіе обидчика станетъ дѣломъ безусловной необходимости и т. д.

---

[1]) Дневникъ тырновскаго народнаго собранія, протоколъ 1-й, стр. 15.

На это Славейковъ и его сторонники возразили, что обиды и даже драки могутъ случиться въ собраніи въ томъ только случаѣ, если кого либо изъ депутатовъ станутъ выводить изъ засѣданія. Когда этотъ параграфъ правильника былъ пущенъ на голоса, собраніе значительнымъ большинствомъ высказалось въ пользу мнѣнія Славейкова и Стаичева, и этотъ пунктъ правильника, задѣвшій самолюбіе болгарскихъ депутатовъ, былъ исключенъ.

Австрійскій и турецкій делегаты (европейскія державы, подписавшія берлинскій трактатъ, прислали въ Тырново своихъ делегатовъ для наблюденія за ходомъ преній собранія) уклонились отъ подписи протокола объ открытіи собранія.

Это обстоятельство нѣсколько встревожило народное собраніе, которое, по предложенію одного изъ депутатовъ [1]), вошло въ сношенія съ европейскими делегатами для разъясненія этого недоразумѣнія, и въ концѣ концовъ собраніе добилось того, что протоколъ объ его открытіи былъ подписанъ австро-венгерскимъ и турецкимъ делегатами.

Тырновское народное собраніе, съ оффиціальной точки зрѣнія, по буквѣ берлинскаго трактата, было собраніемъ представителей одного только княжества, но въ сознаніи какъ самихъ представителей, собравшихся въ этой древней столицѣ Болгарскаго царства въ первый разъ послѣ многовѣковаго рабства, такъ и всего народа, было обще-болгарскимъ народнымъ собраніемъ.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, хотя и внушалъ членамъ собранія передъ его открытіемъ, что они отнюдь не должны уклоняться изъ рамокъ оффиціально установленной программы, для ихъ совѣщаній, т. е. организаціи управленія княжества и одного только княжества, совѣтуя имъ воздержаться отъ всякаго рода протестовъ противъ постановленій конгресса, тѣмъ не менѣе допустилъ избраніе въ депутаты собранія и такихъ болгаръ, которые вовсе не были уроженцами княжества и не имѣли въ послѣднемъ никакой осѣдлости. Болѣе того, въ числѣ лично имъ назначенныхъ членовъ собранія фигурировали П. Каравеловъ [2]) и Славейковъ, родина которыхъ была отрѣзана конгрессомъ отъ княжества.

Война и наша окупація фактически связала въ одно цѣлое Сѣверную Болгарію съ Южной (В. Румеліей), Санъ-Стефанскій договоръ намѣтилъ границы цѣлокупной Болгаріи въ ея этнографическихъ границахъ, созданныхъ исторіей. Нашъ коммиссаръ, также какъ и все болгарское населеніе края, видѣлъ въ разчлененіи Болгаріи актъ политическаго насилія, временную и крайне прискорбную уступку требованіямъ европейской дипломатіи.

---

[1]) Балабанова.

[2]) Петко Каравеловъ уроженецъ мѣстечка Копривщицы въ В. Румеліи.

Такое общее настроеніе, конечно, не могло не высказаться и въ преніяхъ собранія, хотя князь Дондуковъ-Корсаковъ настоятельно совѣтовалъ болгарамъ не подымать этого жгучаго вопроса, что, однако, не удержало многихъ изъ членовъ тырновскаго народнаго собранія отъ протестовъ противъ рѣшеній конгресса [1]).

Но совѣты благоразумія одержали верхъ. Погорячившись и пошумѣвъ по адресу Европы, искалѣчившей цѣлокупную Болгарію, тырновское народное собраніе, тѣмъ не менѣе, перешло къ разсмотрѣнію предстоявшей ему задачи, обсужденію органическаго статута княжества.

Драганъ Цанковъ, глава народной партіи, а въ настоящее время самый серьёзный дѣятель опозиціи князю Александру, весьма остроумно характеризовалъ положеніе, въ которое было поставлено тырновское собраніе, сказавъ: «Мы знаемъ одно только княжество, но границъ его мы не знаемъ. Кромѣ того, намъ запрещено говорить о дѣлахъ, не вошедшихъ въ программу (Дневникъ собранія, прот. № 9, стр. 45), поэтому займемся же пока той задачей, ради которой мы сюда созваны,—исторія сдѣлаетъ свое дѣло». Слѣдуя этому совѣту, собраніе и перешло къ обсужденію органическаго устава, внесеннаго на его разсмотрѣніе.

По предложенію депутата Стоилова, сначала была избрана особая коммиссія, изъ 15 членовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія проекта органическаго статута и представленія о немъ доклада собранію.

Самое же собраніе въ ожиданіи этого доклада занялось разсмотрѣніемъ многочисленныхъ заявленій о народныхъ нуждахъ и потребностяхъ, поступившихъ въ собраніе изъ разныхъ концовъ Болгаріи, вмѣстѣ съ поздравительными телеграммами и заявленіями сочувствія. Особенно сильное впечатлѣніе произвела привѣтственная телеграмма изъ Москвы И. С. Аксакова, въ отвѣтъ на посланную ему собраніемъ въ день открытія этого послѣдняго. Благодаря за память, Аксаковъ отвѣчалъ, что присоединяется къ надеждамъ болгаръ, «вѣруя въ будущность и цѣлокупность Болгаріи».

Между тѣмъ коммиссія изготовила свой докладъ, который и былъ внесенъ на обсужденіе собранія, въ засѣданіе 21-го марта (2 апрѣля н. с.).

Въ первыхъ засѣданіяхъ собранія, партіи не успѣли еще обрисоваться. Этимъ объясняется случайный составъ коммиссіи, въ ко-

---

[1]) Г. Драндаръ говоритъ: «Тырновское собраніе прежде всего задалось мыслей протестовать противъ раздробленія Болгаріи, нѣкоторые депутаты даже предлагали совсѣмъ отказаться отъ выполненія учредительной задачи, возложенной на собраніе (de se former en constituante) и съ протестомъ разойдтисѣ по домамъ, оставляя Европѣ заботу вѣдаться съ этимъ дѣломъ, какъ она знаетъ» (Cinq ans de Regne, стр. 22 и 23).

торую, за исключеніемъ Драгана Цанкова, попали именно тѣ депутаты, которые отнюдь не представляли мнѣній большинства собранія (напримѣръ, Начевичъ, Грековъ, Балабановъ, Вулковичъ, Поменовъ).

Поэтому докладъ коммиссіи, предлагавшей одобрить съ незначительными и притомъ несочувственными большинству измѣненіями проектъ, внесенный княземъ Дондуковымъ, былъ встрѣченъ крайне непріязненно собраніемъ. Докладчикъ коммиссіи г. Поменовъ, по объясненію г. Драндара, кромѣ того, въ своемъ докладѣ затронулъ довольно безтактно самолюбіе депутатовъ неумѣстнымъ напоминаніемъ о политической незрѣлости болгарскаго народа, который де слишкомъ неопытенъ въ политической жизни для пользованія широкой политической свободой, поэтому слишкомъ либеральная конституція непригодна для княжества Болгарскаго. Эта мысль, въ своемъ основаніи безусловно вѣрная, но высказанная въ не совсѣмъ ловкой формѣ и притомъ лицомъ, не пользовавшимся авторитетомъ въ собраніи,—подняла въ немъ бурю.

На этотъ докладъ посыпались рѣзкія возраженія, особенно горячо напалъ на него П. Каравеловъ, сразу выдвинувшійся въ глазахъ собранія своими ярыми нападеніями на докладъ коммиссіи, «въ которомъ, по его словамъ, не было ни политики, ни логики, ни граматики. Вмѣсто принциповъ,—говорилъ Каравеловъ,—мы видимъ въ этомъ докладѣ какія-то четыре начала, подбитыя консервативнымъ вѣтромъ, вмѣсто тезисовъ—пустую болтовню, вмѣсто мотивовъ... о мотивахъ я не буду говорить, приведу только слова Данта: «а на этихъ посмотри и уходи». Одинъ изъ членовъ коммиссіи Др. Цанковъ заявилъ, что раздѣляетъ мнѣніе опозиціи о несостоятельности доклада, представленнаго коммиссіей. Это подало поводъ другому члену коммиссіи г. Грекову упрекнуть Цанкова въ измѣнчивости мнѣній, на что̀ Цанковъ отвѣчалъ весьма рѣзко, отрицая съ своей стороны всякую солидарность съ мнѣніями коммиссіи, вслѣдствіе чего между Цанковымъ и Грековымъ разыгралась весьма бурная сцена.

При обсужденіи доклада коммиссіи по статьямъ, когда дошли до вопроса о второй камерѣ, страсти окончательно разыгрались. Вокругъ Каравелова, Цанкова и Славейкова сгрупировалось большинство, которое рѣшительно отвергло предложенное проектомъ и докладомъ коммиссіи учрежденіе государственнаго совѣта.

Послѣ голосованія вопроса о государственномъ совѣтѣ, отвергнутаго большинствомъ собранія, М. Балабановъ, Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ и нѣкоторые другіе члены собранія оставили зало засѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе признало, что право быть депутатомъ пріобрѣтается исключительно путемъ выборовъ прямой подачей голосовъ.

Послѣ двухмѣсячнаго и весьма горячаго, по сопровождавшимъ

его дебатамъ, обсужденія, органическій статутъ былъ наконецъ разсмотрѣнъ и утвержденъ собраніемъ, но съ весьма значительными измѣненіями.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, — говоритъ вышеозначенный болгарскій писатель, — отнесся весьма политично и со свойственнымъ ему тактомъ къ такому рѣшенію вопроса тырновскимъ народнымъ собраніемъ. Онъ сдѣлалъ даже болѣе — благодаря его предстательству, русскій императоръ одобрилъ болгарскую конституцію, въ томъ видѣ и редакціи, которые были приняты тырновскимъ собраніемъ (см. Drandar, ibid. стр. 25).

Въ общихъ чертахъ эта тырновская конституція создавала слѣдующій порядокъ вещей: власть князя была еще болѣе ограничена, а значеніе представительнаго собранія расширено. Изъ состава народнаго собранія исключены всѣ члены по занимаемымъ ими должностямъ (въ томъ числѣ и высшее духовенство), а также лица по назначенію князя. Обыкновенное народное собраніе было составлено исключительно изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачей голосовъ, по одному на 10,000 жителей обоего пола [1]). Депутаты эти избираются на три года. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и пользующимся гражданскими и политическими правами. Депутатами могутъ быть всѣ не лишенные правъ граждане, буде они достигли 30 лѣтъ отъ роду.

Порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ также измѣненъ, слѣдующимъ образомъ: 1) законодательная инціатива предоставлена князю и народному собранію; 2) законопроекты и предложенія правительства вносятся въ народное собраніе подлежащими министрами, по распоряженію князя. Каждый депутатъ также можетъ внесть въ народное собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутствовавшихъ депутатовъ; и 3) каждый законопроектъ или предложеніе, внесенное въ собраніе, могутъ быть взяты обратно, пока не послѣдовало голосованія собранія. Учрежденіе государственнаго совѣта отвергнуто собраніемъ, какъ несогласное съ духомъ и условіями быта болгарскаго народа. Партія Цанкова, Каравелова и Славейкова, располагавшая, какъ я уже сказалъ, большинствомъ голосовъ въ собраніи, слышать не хотѣла объ учрежденіи государственнаго совѣта въ Болгаріи.

Въ главѣ II конституціи, о существѣ и предѣлахъ княжеской власти, въ статьѣ 1-й сказано, что княжество Болгаріи есть монархія, наслѣдственная, конституціонная съ народнымъ предста-

---

[1]) См. конституцію княжества Болгарскаго, изданную на русскомъ и болгарскомъ языкѣ въ 1879 году въ Тырновѣ. Типографія Л. Каравелова и Н. Жейнова, при народномъ собраніи.

вительствомъ, безъ упоминанія о томъ, что она находится въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ [1]). Въ порядкѣ наслѣдованія княжескаго престола также сдѣланы были измѣненія—наслѣдственное право, за потомствомъ перваго избраннаго князя, признавалось только въ прямой, нисходящей, мужской линіи. Въ текстѣ конституціи исключено всякое упоминаніе о правахъ на престолъ особъ женскаго пола. Представители болгарскаго народа, вслѣдствіе свойственнаго восточнымъ народамъ взгляда на женщину, сочли невозможнымъ допущеніе таковыхъ на княжескій престолъ Болгаріи.

При перечисленіи лицъ, имѣющихъ право на участіе въ регентствѣ, были исключены ближайшіе родственники князя—эти полномочія возлагаются исключительно на подданныхъ княжества, заявившихъ свои способности и преданность народнымъ интересамъ на службѣ княжества. Кромѣ того, въ виду упраздненія проектированнаго государственнаго совѣта, исключена статья о допущеніи въ составъ регентства членовъ этого совѣта.

Далѣе собраніе уменьшило цифру бюджета личныхъ расходовъ князя и на содержаніе его двора, отпустивъ на этотъ предметъ вмѣсто ассигнованнаго, по проекту, милліона франковъ, всего 600 тысячъ франковъ.

Въ отдѣлѣ о гражданскихъ правахъ подданныхъ княжества включены слѣдующія три статьи: 1) титулъ благородства и другія отличія, а равно ордена, въ Болгарскомъ княжествѣ не допускаются; 2) князю предоставляется право учредить только знакъ отличія, исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны; и 3) торговля рабами не допускается въ Болгарскомъ княжествѣ. Всякій рабъ, какого бы ни былъ онъ вѣроисповѣданія, пола, рода и племени, вступая на территорію Болгарскаго княжества, становится свободнымъ.

Въ отдѣлъ о личной неприкосновенности гражданъ княжества включена слѣдующая статья: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, не установленному въ законахъ. Пытки и конфискація имуществъ воспрещаются. Свобода печати формулирована въ новой болѣе широкой редакціи. Тырновское народное собраніе, при обсужденіи этого вопроса, имѣло въ виду исключительно установленіе наибольшихъ гарантій, въ смыслѣ развитія свободнаго выраженія мнѣній въ печати, почти игнорируя при этомъ столь же цѣнныя и нужныя для общества гарантіи отъ злоупотребленія свободой печатнаго слова.

Постановленія болгарской конституціи о печати заключаются въ трехъ статьяхъ (79 — 81). Первая изъ нихъ гласитъ: «Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не

---

[1]) О чемъ, согласно берлинскому трактату, говорилось въ русскомъ проектѣ органическаго статута.

требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Если авторъ извѣстенъ и жительствуетъ въ княжествѣ, издатель и типографщикъ никакой отвѣтственности не подлежатъ».

Слѣдующая 80 статья устанавливаетъ нѣкоторыя ограниченія для изданій, назначенныхъ для богослуженія, какъ-то: книгъ священнаго писанія, богослужебныхъ и сочиненій догматическаго содержанія, а также учебниковъ закона Божія для православныхъ— изданіе таковыхъ допускается лишь съ одобренія святѣйшаго синода. Въ силу 83 статьи конституціи, преступленія по дѣламъ печати судятся, по закону, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ [1]).

Признанная первоначальнымъ проектомъ свобода сходокъ дополнена еще одной статьей, предоставляющей болгарскимъ гражданамъ право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружествъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ.

Въ отношеніи высшихъ государственныхъ учрежденій, тырновское народное собраніе, какъ было выше сказано, упразднило государственный совѣтъ и, кромѣ того, сократило одно изъ предположенныхъ министерствъ, именно общественныхъ работъ и земледѣлія. Вообще въ этомъ первомъ собраніи народныхъ представителей сказалась свойственная національному характеру болгаръ бережливость и стремленіе къ экономіи — ораторскія фразы никогда не увлекутъ болгарина до забвенія денежной стороны дебатируемаго вопроса.

Органическій статутъ, такимъ образомъ передѣланный, былъ названъ конституціей Болгарскаго княжества. Его подписали предсѣдатель собранія высокопреосвященный Анеимъ (митрополитъ видинскій), уполномоченный нашего коммиссара, сенаторъ тайный совѣтникъ С. И. Лукьяновъ и всѣ 208 членовъ собранія.

Вслѣдъ за симъ первое болгарское собраніе было закрыто княземъ Дондуковымъ, который въ произнесенной имъ, при этомъ случаѣ, рѣчи вполнѣ сочувственно привѣтствовалъ окончательныя рѣшенія собранія, поздравивъ болгарскихъ депутатовъ съ успѣшнымъ окончаніемъ, какъ сказано было въ его рѣчи, «сего великаго и перваго національнаго труда». Коснувшись мимоходомъ неизбѣжныхъ и весьма естественныхъ, въ виду новизны дѣла и важности задачи, недоразумѣній, возникшихъ во время обсужденія статута собраніемъ, князь Дондуковъ сказалъ депутатамъ: «Послѣднія и окончательныя рѣшенія ваши устраняютъ всѣ поводы къ обвиненію васъ въ

[1]) Эта болгарская конституція, какъ сказано выше, была немедленно же обнародована на русскомъ и болгарскомъ языкѣ въ Тырновѣ. Французскій переводъ ея Дареста (Dareste) помѣщенъ въ Annuaire de la Société de la legislation comparée, 9-me année. Очеркъ этой конституціи напечатанъ въ 1-мъ томѣ извѣстнаго труда Демомбина «Les Constitutions Européennes», стр. 668—676.

незрѣлости и неподготовкѣ къ предоставленной вамъ свободной политической жизни. Счастливое, правильное и законное довершеніе вами возложеннаго на васъ законодательнаго труда торжественно оправдываетъ довѣріе къ вамъ великаго моего государя» (см. рѣчи кн. Дондукова-Корсакова, въ дневникѣ собранія).

Эта рѣчь князя Дондукова вызвала восторженныя заявленія сочувствія и благодарности со стороны болгарскихъ депутатовъ, которые не находили словъ для восхваленія князя Дондукова: «популярность русскаго императорскаго коммиссара въ Болгаріи,— писали газетные корреспонденты и европейскіе дипломатическіе агенты, — огромная, Болгарія превозноситъ его до небесъ».

Засимъ, на 17-е число того же апрѣля мѣсяца, вновь созвано, избранное уже согласно установленнымъ конституціей правиламъ, новое великое народное собраніе, въ томъ же Тырновѣ, для избранія князя.

Если бы депутатамъ этого собранія была предоставлена полная свобода выбора князя, — говоритъ въ своей книгѣ Драндаръ, — то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княземъ болгарскимъ былъ бы избранъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Къ нему, какъ заявляетъ этотъ болгарскій писатель, депутаты обращались съ настойчивой просьбой принять престолъ Болгаріи, но князь Дондуковъ отвѣчалъ имъ, что признано невозможнымъ, чтобы княземъ Болгаріи былъ избранъ русскій, и при этомъ сказалъ, что ему положительно извѣстно, что государь императоръ желаетъ, чтобы выборъ депутатовъ остановился на принцѣ Александрѣ, который и былъ избранъ въ тотъ же день.

Другіе кандидаты, о которыхъ передъ тѣмъ было немало толковъ въ печати, именно славный своими боевыми подвигами, племянникъ черногорскаго князя, Божидаръ Петровичъ, впрочемъ, отнюдь не домогавшійся этого избранія, и румынскій князь Бибеско, сынъ низвергнутаго въ 1848 году господаря Валахіи, и нѣкоторые другіе, были устранены, какъ только собраніе узнало волю русскаго императора.

Одно время передъ выборами производилась нѣкоторая агитація съ цѣлью провести на княжескій престолъ Болгаріи сербскаго Милана [1]). Эта комбинація съ точки зрѣнія усиленія матеріальнаго и политическаго значенія новаго Болгарскаго княжества имѣла за себя немало шансовъ, хотя едва ли бы она была допущена Европой.

Но эта попытка не имѣла никакого успѣха среди болгаръ, вслѣдствіе крайне непріязненныхъ отношеній, издавна существующихъ между болгарами и ихъ ближайшими сосѣдями сербами. Въ са-

---

[1]) См. статью Д. Георгіевскаго «Гражданское управленіе въ Болгаріи», «Наблюдатель» за 1882 годъ, № 10, стр. 191.

момъ же собраніи о кандидатурѣ Милана никто изъ депутатовъ даже не заикнулся.

Тырновское народное собраніе, избравъ князя, выбрало изъ среды своей депутацію изъ 6-ти представителей, для передачи рѣшенія собранія избраннику болгарскаго народа, который находился въ это время въ Ливадіи, въ гостяхъ у покойнаго императора.

Молодой принцъ Александръ Батенбергъ, второй сынъ дяди великаго герцога Гессенскаго, принца Александра Гессенскаго, отъ морганатическаго брака послѣдняго съ дѣвицей Гастке, лейтенантъ прусской службы, обладавшій весьма скромными финансовыми средствами, широкой натурой и честолюбіемъ, конечно, принялъ весьма охотно предложенный ему княжескій престолъ Болгаріи.

Изъ числа прибывшихъ въ Ливадію депутатовъ народнаго собранія, новый болгарскій князь особенно сблизился съ г. Стоиловымъ, такимъ же молодымъ человѣкомъ, какъ и онъ самъ. Уроженецъ Восточной Румеліи, Стоиловъ получилъ образованіе въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, куда его послали учиться родители, люди довольно зажиточные и притомъ весьма честолюбивые. Стоиловъ хорошо говорилъ понѣмецки и притомъ свободно владѣлъ и другими европейскими языками. Это послѣднее обстоятельство особенно сблизило его съ принцемъ Александромъ Батенбергомъ.

Онъ удержалъ Стоилова при себѣ, предложилъ ему тотчасъ же мѣсто домашняго своего секретаря, обѣщавъ ему многія и великія милости въ будущемъ.

Откланявшись въ Ливадіи, князь Александръ отправился по европейскимъ столицамъ, съ обычными, въ подобныхъ случаяхъ, визитами. Въ Берлинѣ, бесѣдуя съ Бисмаркомъ, Александръ Батенбергъ, какъ разсказываютъ, высказалъ опасеніе за ожидающее его положеніе въ Болгаріи, ссылаясь на шаткое положеніе дѣлъ въ Болгаріи и радикальный характеръ тырновской конституціи и т. д. Бисмаркъ его успокоилъ остроумнымъ замѣчаніемъ: «Ничего, принцъ, — будто бы сказалъ ему желѣзный канцлеръ, — поѣзжайте себѣ въ Болгарію, во всякомъ случаѣ, у васъ останется пріятное воспоминаніе подъ старость» [1]).

Объѣхавъ европейскія столицы, молодой болгарскій князь поспѣшилъ представиться султану въ Константинополѣ, гдѣ Абдулъ-Гамидъ принялъ его съ подобающею случаю любезностью. Старые турки качали головами, смотря на юнаго князя болгарской райи, который держалъ себя весьма независимо и вовсе не походилъ на прежнихъ господарей княжествъ, пріѣзжавшихъ на поклонъ къ падишаху.

Изъ Константинополя князь отправился въ Варну, гдѣ и всту-

---

[1]) Drandar, page 31.

пилъ на болгарскую территорію. Въ Варнѣ князя Александра встрѣтилъ Дондуковъ-Корсаковъ, проводившій его до Тырнова; здѣсь новый князь принесъ присягу на вѣрность конституціи болгарской, въ самыхъ торжественныхъ и категорическихъ выраженіяхъ. Говорятъ, что голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ произносилъ торжественныя слова присяги.

За симъ, пожелавъ новому правителю Болгаріи, принявшему такимъ образомъ бразды правленія, всякаго благополучія и успѣха, А. М. Дондуковъ-Корсаковъ прямо изъ Тырнова уѣхалъ въ Россію, а князь болгарскій отправился въ Софію.

Берлинскій трактатъ и болгарская конституція не предрѣшили вопроса о выборѣ столицы для Болгарскаго княжества. Князю предстояло избрать для этого одинъ изъ двухъ городовъ. Удобства мѣстоположенія и благопріятныя физическія условія, также какъ и историческое прошлое, указывали на Тырново. Тырново обладаетъ превосходнымъ климатомъ, живописными окрестностями, расположено въ самомъ центрѣ княжества. Въ виду всѣхъ этихъ удобствъ, оно и было избрано мѣстомъ созванія народнаго собранія, для разсмотрѣнія органическаго статута и избранія князя.

Но въ пользу Софіи громко говорили другія соображенія — военныя и политическія. Назначая столицей княжества Софію, князь Александръ занималъ весьма удобный сторожевой постъ, для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней Македоніи, на которую неизбѣжно обращались взоры болгарской политики въ будущемъ и которая, какъ то было ясно уже тогда, становилась яблокомъ раздора между Болгаріей и соперничающей съ ней Сербіей.

Софія, какъ столица княжества, служила выраженіемъ твердой рѣшимости правительства болгарскаго преградить стремленіе сербовъ къ расширенію территоріи въ этомъ направленіи. Кромѣ того, дѣлая центромъ управленія и резиденціею князя Софію, болгарское правительство торжественно заявляло, что оно будетъ неуклонно слѣдовать политикѣ соединенія и считаетъ Восточную Румелію неотъемлемой частью княжества. Имѣя столицей Софію, Болгарское княжество всегда было на-готовѣ перешагнуть черезъ постановленіе берлинскаго конгресса, отколовшаго Южную Болгарію отъ Сѣверной.

Князь Дондуковъ, послѣ подписанія берлинскаго трактата, сначала предполагалъ перенести свою резиденцію въ Тырново, но обстоятельства заставили его измѣнить это намѣреніе, и онъ, какъ я говорилъ выше, призналъ необходимымъ послѣ отъѣзда изъ Филиппополя перенести наше гражданское управленіе княжествомъ въ Софію.

Софія (Сердика древнихъ) расположена въ центрѣ Балканъ. Климатическія и физическія условія этого города неособенно благопріятны. Рѣзкіе переходы температуры — лѣтомъ въ знойные дни

термометръ показываетъ до 40° тепла; холодная и суровая зима — въ январѣ ртуть нерѣдко опускается на 20° ниже нуля; кромѣ того, частыя и рѣзкія колебанія суточной температуры дѣлаютъ климатъ Софіи весьма вреднымъ для здоровья. По метеорологическимъ наблюденіямъ одного французскаго ученаго г. Тонара (Thonard), въ Софіи суточныя измѣненія температуры нерѣдко опредѣляются разницей отъ 15-ти до 16-ти градусовъ. Кромѣ того, Софія подвержена землетрясеніямъ.

Но молодой болгарскій князь, мечтавшій съ самаго начала замѣнить княжескую корону турецкаго вассала болѣе блестящею королевской короною наслѣдника Асѣней, конечно, избралъ своей резиденціей Софію.

Въ этомъ случаѣ его не остановила даже отдаленность новой столицы отъ рельсовыхъ путей сообщенія, соединяющихъ княжество съ Европой.

Въ это же время была издана, какъ мнѣ говорили, на счетъ князя Александра, налитографированная гдѣ-то въ Германіи, картинка, изображающая юнаго князя Болгаріи, вокругъ котораго радостно сплетаютъ руки символическія изображенія Мизіи, Ѳракіи и Македоніи.

Политика и образъ дѣйствій князя Александра вызвали немало вполнѣ заслуженныхъ нареканій, но надо сказать, что, не смотря на всю свою лживость, гибкость принциповъ и ненадежность словъ и обѣщаній, Александръ Батенбергъ съ первыхъ же шаговъ своей политической дѣятельности обнаружилъ очевидное намѣреніе служить дѣлу объединенія Болгаріи. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ заявлялъ, что цѣль его политики созданіе исторической, цѣлокупной Болгаріи. Этимъ объясняются симпатіи болгаръ, которыми пользовался князь Александръ до переворота 27-го апрѣля 1881 года, а равно и то, что онъ усидѣлъ на престолѣ послѣ этого переворота.

На упреки, дѣлаемые ему европейскими представителями за отношенія его правительства къ политической пропагандѣ и агитаціи въ Македоніи и Восточной Румеліи, — комитеты соединенія въ Восточной Румеліи довольно открыто сносились съ Софіей,—князь Александръ хотя и въ дипломатическихъ выраженіяхъ, но довольно ясно и твердо давалъ понять, что онъ не можетъ держаться во власти, идя наперекоръ національнымъ стремленіямъ болгарскаго народа, и что для него такая національная политика объединенія въ силу вещей обязательна.

По пріѣздѣ князя въ Софію, гдѣ его ожидалъ рядъ торжественныхъ встрѣчъ, депутацій и всякаго рода овацій, онъ былъ первое время увлеченъ празднествами и выраженіями народнаго энтузіазма. Это были дни общаго ликованія и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Болгаре были въ восторгѣ отъ своего князя—его моло-

дость (ему едва минуло 22 года), красивая наружность и военная выправка произвели на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Правда, нѣкоторые скептики, въ родѣ Драгана Цанкова, уже тогда высказывали опасенія, какъ бы такой молодой, красивый да бойкій князь не сталъ мотать лишнихъ денегъ. Цанкова упрекали за такія слова и требовали отъ него объясненій, почему онъ противъ князя и не раздѣляетъ общаго восторга. Упрямый старикъ отвѣчалъ: «Я не противъ князя, можетъ быть, онъ и хорошій человѣкъ. Я только нахожу, что онъ намъ слишкомъ дорогъ. Мы могли бы устроиться подешевле».

Менѣе разсчетливое большинство, въ эти медовые дни перваго знакомства съ новымъ княземъ, не заходило такъ далеко и не думало задаваться вопросомъ, во что обойдется болгарскому карману молодой и щеголеватый князь. Ради общенароднаго торжества и радости, возбужденной во всемъ болгарскомъ населеніи видомъ молодаго, красиваго и привѣтливаго князя на старомъ престолѣ болгарскихъ царей, болгарскіе политики забыли меркантильные разсчеты и даже осуждали за такого рода соображенія Цанкова. Такое широкое и либеральное отношеніе болгарскихъ политиковъ къ экономической сторонѣ дѣла, впрочемъ, объяснялось наличностью 14.000,000 франковъ, оставленныхъ русскимъ управленіемъ въ кассахъ княжества. Такой солидный фондъ, въ глазахъ болгаръ, гарантировалъ ихъ отъ необходимости прибѣгать къ увеличенію налоговъ. Пока для нихъ этого было довольно.

Болгарскіе селяки и даже шопы[1]) изъ сосѣднихъ деревень приходили въ Софію, чтобы посмотрѣть на своего молодца князя; они радовались, слыша, что это племянникъ царя Александра. Одинъ старикъ изъ Казанлыка, попавъ въ Софію и встрѣтивъ случайно на улицѣ князя Александра, остановилъ его громкимъ выраженіемъ своей наивной симпатіи, говоря, что его болгарское сердце взыграло радостью, при видѣ князя: «Такой ты молодой, да бравый, да хорошій — не то что нашъ старый паша» (т. е. Богориди), — прибавилъ онъ со вздохомъ. Это простое и безцеремонное выраженіе сочувствія и сравненіе съ Алеко-пашой очень понравилось молодому князю. Словоохотливый старикъ получилъ въ подарокъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Но праздники и ликованіе, какъ все на свѣтѣ, прошли, приходилось подумать о будничныхъ и при томъ неотложныхъ заботахъ — объ организаціи управленія. Народное собраніе, согласно конституціи, должно было собраться только осенью, а для управленія княжествомъ необходимо было тотчасъ же составить министерство.

---

[1]) Шопы, составляющіе особое малочисленное племя, нѣсколько отличное отъ настоящихъ болгаръ (по мнѣнію ученыхъ, остатки древнихъ пеласговъ), возбуждаютъ насмѣшки болгаръ своей простотой, доходящей до глупости.

Во время путешествія князя по Европѣ, когда онъ по дорогѣ въ Константинополь прибылъ въ Бриндизи, въ этомъ городѣ его встрѣтилъ полковникъ Шепелевъ, котораго Дондуковъ-Корсаковъ послалъ навстрѣчу болгарскому князю, чтобы познакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи, а такъ же и съ людьми, съ которыми придется вступить въ сношенія для управленія страной.

Полковникъ Шепелевъ представилъ подробный докладъ по этимъ предметамъ болгарскому князю, въ заключеніе котораго сказалъ, что не можетъ скрыть отъ него, что въ Болгаріи ощущается несомнѣнный недостатокъ въ политическихъ людяхъ, стоящихъ на высотѣ положенія, созданнаго обстоятельствами, и вполнѣ способныхъ управлять страной, но что съ этимъ фактомъ волей-неволей надо примириться и взять то, что имѣется подъ руками. Поэтому онъ и рекомендовалъ князю для составленія его перваго кабинета министровъ — Драгана Цанкова, Петко Каравелова и Грекова, какъ наиболѣе выдававшихся и вліятельныхъ представителей двухъ партій, образовавшихся въ тырновскомъ народномъ собраніи.

Князь Александръ, конечно, счелъ долгомъ принять эти указанія, вполнѣ разумныя, къ свѣдѣнію. Онъ это сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что у него не было никакихъ личныхъ антипатій или симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ въ Болгаріи, а его секретарь Стоиловъ на первое время не посмѣлъ рискнуть своимъ положеніемъ, навязывая своихъ пріятелей князю. У Стоилова, понятно, были личные счеты съ болгарскими партіями тырновскаго собранія, но онъ благоразумно рѣшился подождать благопріятнаго времени и обстоятельствъ, чтобы свести эти счеты, а пока его болѣе всего занималъ вопросъ объ упроченіи своего личнаго положенія при князѣ.

По порученію князя, Стоиловъ телеграфировалъ Цанкову въ Варну, гдѣ послѣдній занималъ въ то время должность губернатора, передавая ему предложеніе князя составить кабинетъ съ участіемъ Петко Каравелова и Грекова.

Телеграмма была подписана не княземъ, а Стоиловымъ. Это не понравилось Цанкову, а тѣмъ паче поставленное ему телеграммой условіе пригласить въ составъ министерства Грекова, съ которымъ Цанковъ имѣлъ столько столкновеній въ засѣданіяхъ тырновскаго собранія. Онъ оставилъ цѣлыя сутки телеграмму безъ отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаетъ, отъ кого послана ему телеграмма (фамилія Стоилова была переврана телеграфистомъ), а на вторичную телеграмму Стоилова отвѣчалъ отказомъ.

Въ этомъ случаѣ Цанковъ едва ли поступилъ тактично, потому что задѣлъ самолюбіе князя и далъ карты въ руки своимъ противникамъ, т. е. тому кружку честолюбивыхъ интригановъ, который образовался, подъ эгидой Стоилова, изъ Грекова и Начевича. Этотъ печальной памяти тріумвиратъ надѣлалъ не мало зла Болгаріи.

Петко Каравеловъ, въ виду отказа Цанкова, также отклонилъ предложенный ему министерскій портфель. Князь Александръ принялъ это за личную обиду и, крайне разсерженный этой первой своей неудачей, еще тѣснѣе сблизился съ противниками радикаловъ и совсѣмъ отдался въ руки друзей своего «симпатичнаго секретаря», какъ онъ называлъ Стоилова.

Это обстоятельство, т. е. сближеніе князя съ Стоиловымъ, по мнѣнію г. Драндара, имѣло самыя роковыя послѣдствія: оно послужило зерномъ, изъ котораго выросли всѣ послѣдовавшіе конфликты между княземъ и народнымъ собраніемъ и даже самый переворотъ 27 апрѣля 1881 года.

Такое объясненіе политическихъ кризисовъ, пережитыхъ Болгарскимъ княжествомъ, свидѣтельствуетъ лишь о желаніи отыскать козла отпущенія, щадя по возможности самого князя, но оно погрѣшаетъ противъ логики исторіи и не выдерживаетъ критики, выдавая поводы за причины, а мелкія интриги и людей, служившихъ лишь орудіемъ, за главныхъ факторовъ политическихъ событій. Спору нѣтъ, что Стоиловъ показалъ себя плохимъ патріотомъ своего отечества, мелкимъ интриганомъ и честолюбцемъ, служившимъ не благу страны, а своимъ личнымъ цѣлямъ и лицамъ,— все это вѣрно, но очевидно, что такого сорта люди не руководятъ событіями, а дѣлаются услужливыми орудіями въ чужихъ рукахъ. Такова и была роль Стоилова, котораго князь приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ изъ него довѣреннаго совѣтника, потому что на первыхъ же порахъ разгадалъ въ немъ человѣка, вполнѣ готоваго служить не народу, а личнымъ интересамъ князя.

Часто говорятъ французы: «les grands évênements sont produit par des petits»; въ этомъ остроумномъ изрѣченіи отъ частаго его употребленія стерся настоящій смыслъ—оно подчеркиваетъ наиболѣе наглядную и доступную пониманію публики сторону событій, указывая, что они вызываются нерѣдко мелкими, ничтожными обстоятельствами, именно вызываются, но не создаются.

Болгарскіе же политики и публицисты, въ родѣ Драндара, простодушно считаютъ эти мелкія случайныя обстоятельства и личныя интриги за настоящія коренныя причины разразившихся надъ ихъ страной политическихъ кризисовъ. Слишкомъ долго замкнутый въ тѣсныхъ рамкахъ мелкихъ общинныхъ интересовъ болгарскій умъ пока еще не успѣлъ развить въ себѣ способности къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и серьёзному пониманію историческихъ событій.

Сужденія г. Драндара, въ этомъ случаѣ, не что иное какъ отголосокъ ходячихъ мнѣній, вполнѣ раздѣляемыхъ болѣе авторитетными политическими дѣятелями Болгаріи, твердо убѣжденными, что всѣ бѣды, постигшія княжество за послѣдніе годы, произошли именно оттого, что тырновское народное собраніе въ числѣ дру-

гихъ депутатовъ послало въ Ливадію къ князю г. Стоилова, а Др. Цанковъ отказался отъ предложенія князя составить первый кабинетъ для княжества.

Такое объясненіе какъ этого, такъ и другихъ явленій новѣйшей болгарской исторіи мнѣ не разъ приходилось встрѣчать въ болгарской печати и слышать въ личной бесѣдѣ отъ болгарскихъ политиковъ. Такъ, напримѣръ, болгары пресерьёзно меня увѣряли, что нерасположеніе къ П. Каравелову нашихъ дипломатическихъ сферъ объясняется неловкостью Каравелова, разбившаго чашку съ чаемъ на вечерѣ у русскаго дипломатическаго агента въ Софіи г. Давыдова [1]). «Князь Дондуковъ-Корсаковъ, какъ человѣкъ военный, не обратилъ вниманія на рѣзкость манеръ Каравелова и оказывалъ ему постоянно свое расположеніе, но ваши дипломаты послѣ этого случая съ чашкой чая терпѣть не могутъ нашего Петку». Переворотъ 6-го сентября прошлаго года пріѣзжавшіе въ Петербургъ минувшей зимой болгары старались объяснить по той же мѣркѣ. Переворотъ произошелъ де оттого, что Крестовичъ прогналъ со службы Захарія Стоянова, а маіоръ Николаевъ [2]) былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ русскимъ консульствомъ и военнымъ агентомъ подполковникомъ Чичаговымъ, вслѣдствіе ссоры съ предшественникомъ Чичагова, Э. В. Эккомъ.

Въ первой главѣ настоящаго очерка («Историческій Вѣстникъ», № 5 за этотъ годъ) я указалъ на крайне ненормальное разрѣшеніе болгарскаго вопроса конгрессомъ, которое заключало въ себѣ неизбѣжныя смуты въ будущемъ. Кромѣ того, наше управленіе вслѣдствіе сокращенія срока окупаціи лишено было возможности создать вполнѣ прочный порядокъ политическаго и общественнаго устройства Болгаріи въ томъ духѣ и по той программѣ, которая была задумана княземъ Черкасскимъ. Наконецъ, самый выборъ князя былъ затрудненъ вмѣшательствомъ Европы въ болгарскія дѣла и происками западной дипломатіи, которая приходила въ ужасъ отъ одной мысли видѣть княземъ Болгаріи правителя славянской крови. Угождая европейской дипломатіи, Россія рѣшительно устранила не только русскихъ кандидатовъ, о которыхъ мечтали болгары (Дондукова-Корсакова и Н. П. Игнатьева), но Божидара Петровича, избраніе котораго не нравилось европейской дипломатіи, опасавшейся, что воинственный и даровитый черногорецъ, сдѣлавшись княземъ Болгаріи, будетъ держаться чисто народной политики и высоко подниметъ на Балканскомъ полуостровѣ знамя славянской идеи и историческіе интересы славянской расы.

---

[1]) Г. Давыдовъ, первый нашъ представитель въ Софіи, оставался на этомъ посту весьма недолго, тяготясь своимъ положеніемъ въ Болгаріи; онъ получилъ другое назначеніе и умеръ въ прошломъ году нашимъ посланникомъ въ Японіи.

[2]) Маіоръ Николаевъ, начальникъ дружины въ Филиппополѣ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей переворота 6-го сентября.

Такими отношеніями Европы и былъ обусловленъ выборъ принца Александра Батенберга, пользовавшагося, кромѣ того, личными симпатіями нашего покойнаго императора.

Но, сажая на престолъ Болгарскаго княжества, согласно желанію Европы, молодаго нѣмецкаго принца, офицера прусской службы, хотя и связаннаго узами родства съ нашимъ императорскимъ домомъ, Россія, въ виду его молодости и невозможности заранѣе опредѣлить свойства его характера и направленія, естественно колебалась ввѣрить ему полновластное распоряженіе судьбами болгарскаго народа, искупленнаго нами изъ турецкаго плѣна такой дорогою цѣною. Наши государственные люди, голосъ которыхъ имѣлъ значеніе въ рѣшеніи болгарскихъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе сами представители болгарскаго народа, находили крайне рискованнымъ предоставить широкія прерогативы власти молодому принцу, совершенно чуждому по воспитанію, чувствамъ, вѣрѣ и языку народу, которымъ онъ призванъ былъ управлять. Отсюда весьма естественное и понятное желаніе тырновскаго народнаго собранія ограничить права и полномочія князя широкимъ и властнымъ участіемъ народнаго представительства въ дѣлахъ управленія.

Хотя князь Александръ и пользовался въ началѣ несомнѣнными, вполнѣ искренними симпатіями русской власти, тѣмъ не менѣе рѣшительное желаніе тырновскаго народнаго собранія измѣнить первоначальную, т. е. петербургскую, редакцію конституціи, въ смыслѣ расширенія правъ народнаго представительства, было уважено государемъ императоромъ, согласно представленіямъ князя Дондукова-Корсакова. Въ этомъ случаѣ Россія руководилась совершенно вѣрной мыслью, что ея политика на Балканскомъ полуостровѣ можетъ и должна опираться на народъ, а не на отдѣльныя лица. Европейская дипломатія, съ своей стороны, также не протестовала противъ постановленій тырновской конституціи, хотя нѣкоторые органы европейской печати отмѣтили тогда же слишкомъ радикальный характеръ болгарской конституціи. Мотивы такого благодушнаго отношенія Западной Европы, конечно, вытекали изъ совсѣмъ другихъ соображеній и побужденій: зная по опыту практику конституціоннаго режима, европейскіе дипломаты отлично понимали, что тырновская конституція неизбѣжно приведетъ къ рѣзкимъ столкновеніямъ между княземъ и народнымъ собраніемъ, что̀, конечно, было весьма на руку нашимъ врагамъ тайнымъ и явнымъ, ибо одной изъ главныхъ задачъ конгресса и политики западныхъ державъ было парализировать успѣшное развитіе болгарской народности на Балканскомъ полуостровѣ.

Молодой, самолюбивый князь, желающій во что бы то ни стало играть политическую роль и фигурировать въ глазахъ общественнаго мнѣнія на полуостровѣ и въ Европѣ, и чисто демократическое,

полновластное народное собраніе, руководимое горячими радикалами, людьми, необузданными во мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, и притомъ народное собраніе, опирающееся на одну изъ самыхъ радикальныхъ конституцій въ Европѣ,—такое стеченіе обстоятельствъ не могло представлять достаточной гарантіи для нормальнаго развитія политической жизни новаго княжества.

Послѣдствія были ясны и очевидны. Зимой 1881 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до переворота 27 апрѣля 1881 года, графъ Кевенгюллеръ, оставляя свой дипломатическій постъ въ Софіи, гдѣ онъ близко изучилъ характеръ князя и настроеніе народнаго собранія, потирая руки, говорилъ, что всѣ элементы политической драмы въ Болгаріи на лицо и въ полномъ ходу, и пояснялъ, что эта драма разыграется съ трескомъ и къ немалому ущербу русскаго вліянія въ Болгаріи, причинивъ немало заботъ и огорченій русской дипломатіи.

Эту же мысль, подъ видомъ лукаваго соболѣзнованія къ такой перспективѣ, высказалъ баронъ Каллай, разставаясь съ княземъ А. Н. Цертелевымъ въ Константинополѣ, послѣ изданія въ апрѣлѣ 1879 года органическаго статута Восточной Румеліи, надъ которымъ они оба работали нѣсколько мѣсяцовъ. Въ мартѣ 1881 года, когда я былъ въ Константинополѣ, Макензи Валласъ, спеціальный корреспондентъ «Times», хорошо знакомый Петербургу, посланный послѣ конгресса пресловутымъ органомъ Лондонскаго Сити, не безъ основанія называемымъ 7-ю великою державою, на берега Босфора для спеціальнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ и имѣвшій, благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ, самыя обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Болгаріи, говорилъ мнѣ: «Созданное Россіей положеніе вещей въ Болгаріи представляетъ всѣ элементы неизбѣжныхъ кризисовъ; я полагаю, что ваша дипломатія ихъ не желаетъ, но она находится въ очевидномъ противорѣчіи сама съ собой. Не раздѣляя славянофильскихъ теорій, но, уступивъ этому теченію въ дѣлѣ организаціи княжества и игнорируя указанія политическаго опыта Западной Европы, Россія одобрила радикальные, ультра-демократическіе принципы, положенные въ основу тырновской конституціи. Съ одной стороны — одна палата, и притомъ въ чисто демократическомъ духѣ народнаго суверенитета, руководимая депутатами, воспитанными въ Россіи въ духѣ крайнихъ теорій, близкихъ ко взглядамъ вашихъ нигилистовъ, а съ другой — молодой, властолюбивый князь, воспитанный въ совершенно иныхъ понятіяхъ, и которому порядокъ вещей, узаконенный тырновской конституціей, кажется вопіющей аномаліей. Между княземъ Александромъ и радикальнымъ кабинетомъ Каравелова нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго—это два противоположные полюса, взаимно и глубоко враждебныя начала; столкновеніе между ними и притомъ самое рѣшительное неизбѣжно. Скоро въ Софіи разыграется очень крупная политическая драма, вѣроятно, это произойдетъ даже ско-

рѣе, чѣмъ думаютъ ваши дипломаты, которымъ Софія готовитъ немало заботъ, хлопотъ и огорченій»[1]).

Европейская печать была au courant такого положенія вещей въ княжествѣ, и только за недостаткомъ мѣста я не привожу выписокъ изъ «Times», «Algemeine Zeitung», «Кельнской Газеты», Fremdenblatt» и «Neue Freie Presse» а также «Débats» и другихъ газетъ, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что ожиданіе и даже неизбѣжность крупныхъ политическихъ кризисовъ въ княжествѣ не составляли секрета для европейской печати, слѣдившей за ходомъ дѣлъ въ Болгаріи. Европейскіе дипломаты въ Константинополѣ все это знали еще ближе и, конечно, были весьма довольны такимъ ходомъ дѣлъ. Скажу болѣе: дипломатія, по крайней мѣрѣ, австрійская, старалась даже несомнѣнно обострить болгарскій кризисъ и дѣйствовала въ этомъ духѣ.

Такъ, напримѣръ, австро-венгерское посольство весьма предупредительно обращало вниманіе нашего посла въ Константинополѣ Е. П. Новикова, послѣ 1 марта, на нѣкоторыя безтактныя, чтобы не сказать болѣе, статьи болгарскихъ газетъ по поводу злодѣйскаго преступленія, повергшаго всю Россію въ глубокое горе. Австро-венгерскіе дипломаты искусно пользовались обстоятельствами для возбужденія антипатій почтеннаго Е. П. Новикова, человѣка въ высшей степени впечатлительнаго, къ существовавшему въ Болгаріи порядку вещей, хотя нашъ посолъ отнюдь не погрѣшалъ избыткомъ сочувствія къ болгарамъ. Такіе взгляды Е. П. Новикова прежде всего, конечно, отзывались на сношеніяхъ нашего посла съ г. Балабановымъ, представителемъ княжества въ Константинополѣ. Г. Балабанова въ русскомъ посольствѣ постоянно встрѣчали такіе отзывы объ его соотечественникахъ, отъ которыхъ даже ему прихо-

[1]) Макензи Валласъ имѣлъ въ Константинополѣ совсѣмъ исключительное положеніе, такъ сказать, рангомъ выше обыкновенныхъ корреспондентовъ «Times», хотя таковые, какъ извѣстно, вообще снабжены весьма широко денежными средствами. Г. Валласъ имѣлъ въ разныхъ частяхъ полуострова своихъ собственныхъ корреспондентовъ и даже особыхъ курьеровъ и скорѣе походилъ на сверхштатнаго дипломатическаго агента великой державы, чѣмъ на обыкновеннаго корреспондента. При немъ состоялъ особый секретарь, изъ турецкихъ армянъ, г. Поладъ, своего рода волшебникъ и магъ, проникавшій въ силу своего пронырства и благодаря англійскому золоту въ самые потаенные ящики и наисекретнѣйшіе пакеты, доставляя копіи съ самыхъ секретныхъ документовъ, интересовавшихъ г. Валласа. Припомню для примѣра исторію, случившуюся съ тайными инструкціями чрезвычайнаго посла, отправленнаго султаномъ въ Берлинъ. Эти инструкціи были напечатаны въ «Times» какъ разъ передъ представленіемъ посла Висмарку. Абдулъ-Гамидъ, приведенный въ бѣшенство опубликованіемъ этихъ инструкцій, приказалъ выслать Валласа изъ Константинополя, но корреспондентъ «Times» былъ сила, и, не смотря на все желаніе султана выдворить изъ своей столицы всюду проникающаго корреспондента, г. Валласъ преспокойно прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ. Замѣчу кстати, что этотъ самый г. Поладъ былъ вхожъ и въ наше посольство, въ которомъ онъ бывалъ, давая уроки турецкаго языка одному высокопоставленному лицу.

дилось морщиться, хотя г. Балабановъ по этой части былъ человѣкъ обстрѣленный.

Но,—что̀ гораздо важнѣе,—такое настроеніе нашего посла въ Константинополѣ, конечно, высказывалось и въ его донесеніяхъ и депешахъ въ Петербургъ министерству иностранныхъ дѣлъ, а такіе отзывы о положеніи вещей въ княжествѣ могли имѣть нѣкоторую долю вліянія на отношенія нашего кабинета къ первому coup d'état князя Александра. Правда, пока постъ военнаго министра занималъ гр. Д. А. Милютинъ, принимавшій близкое участіе въ вопросахъ нашей внѣшней политики, относительно Балканскаго полуострова вообще и болгарскаго вопроса въ частности, взгляды и мнѣнія посольства въ Константинополѣ не могли поколебать общихъ руководящихъ началъ нашей политики въ отношеніи Болгаріи. Покойный государь, принимавшій непосредственное личное участіе въ разрѣшеніи болгарскихъ дѣлъ, такъ сказать, самъ руководилъ нашей политикой въ этомъ вопросѣ, постоянно совѣщаясь по болгарскимъ дѣламъ съ военнымъ министромъ, графомъ Милютинымъ. Въ Болгаріи всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе князю Александру, было извѣстно, что и графъ Милютинъ держится вполнѣ установившихся взглядовъ на порядокъ вещей, созданный тырновской конституціей въ княжествѣ, и рѣшительно противится всякимъ комбинаціямъ, направленнымъ къ упраздненію участія народнаго представительства въ дѣлахъ управленія.

Смерть государя и выходъ въ отставку Д. А. Милютина значительно измѣняли положеніе вещей. Вниманіе правительственное было поглощено заботами подавленія крамолы. Россія была глубоко потрясена ужасной катастрофой 1-го марта, и вниманіе ея Державнаго Вождя было исключительно посвящено нашимъ внутреннимъ дѣламъ. Князь Александръ болгарскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ, на погребеніе покойнаго государя, могъ лично убѣдиться, что въ глазахъ императора и всей Россіи болгарскія дѣла отошли на второй планъ. Поэтому онъ могъ разсчитывать, что наша дипломатія будетъ менѣе энергично стоять за неприкосновенность тырновской конституціи. Такимъ образомъ, князь болгарскій уѣхалъ изъ Петербурга съ убѣжденіемъ, что Россія теперь не наложитъ рѣшительнаго veto на давно затѣянный имъ переворотъ, съ цѣлью упраздненія тырновской конституціи. Послѣ 1 марта, разговаривая съ Каравеловымъ, князь Александръ измѣнилъ тонъ и поставилъ ему на видъ, что его партія не можетъ болѣе разсчитывать на поддержку русскаго правительства, что тырновская конституція лишается сильнаго защитника въ лицѣ графа Милютина, голосъ котораго уже не имѣетъ прежняго значенія въ вопросахъ внѣшней политики Россіи по отношенію къ Болгаріи [1]), «а г. Новиковъ вовсе не сочувствуетъ

---

[1]) Объ этомъ разговорѣ кн. Александра съ Каравеловымъ мнѣ передавалъ

вашей партіи и тырновской конституціи»,—прибавилъ иронически князь. Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно повліяли на рѣшеніе князя Александра произвести переворотъ, упразднившій на нѣкоторое время тырновскую конституцію. Согласія Россіи на этотъ переворотъ князь Александръ не получилъ, ибо въ инструкціяхъ М. А. Хитрово, отправившагося изъ Петербурга, черезъ Вѣну, въ Софію, къ мѣсту своего новаго назначенія русскаго дипломатическаго агента въ Болгаріи, не было дано указаній по этому предмету; г. Хитрово, узнавъ въ Вѣнѣ о переворотѣ, долженъ былъ испросить новыхъ инструкцій. Тѣмъ не менѣе, поѣздка въ Петербургъ князя Александра имѣла извѣстное вліяніе на приведеніе въ исполненіе задуманнаго имъ переворота.

Теперь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, установивъ точку зрѣнія на характеръ разразившихся надъ Болгаріей кризисовъ, перехожу къ очерку самихъ фактовъ въ ихъ исторической послѣдовательности. Разсерженный отказомъ Цанкова и Каравелова принять на себя составленіе министерства, князь Александръ круто отвернулся отъ нихъ и совершенно предался въ руки камарильи, образовавшейся при немъ изъ его секретаря Стоилова и друзей послѣдняго Грекова и Начевича, которые и стали излюбленными и довѣренными руководителями князя. Не желая показывать сразу своихъ картъ и обнаруживать, что они теперь полновластные хозяева положенія, сей хитрый тріумвиратъ предложилъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ, составленнаго ихъ кружкомъ, г. Бурмову, человѣку честному и благонамѣреному, но который, по свойствамъ своего характера, не могъ играть выдающейся роли, дать тонъ и направленіе политикѣ этого перваго министерства княжества.

Г. Бурмовъ-Стояновъ получилъ образованіе въ Россіи[1]), по профессіи онъ педагогъ и занималъ мѣсто профессора въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій. Интересуясь болѣе всего церковнымъ вопросомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ горячей полемикѣ, поднятой болгарами вслѣдствіе ихъ пререканій съ константинопольскимъ патріархомъ. Г. Бурмовъ напечаталъ рядъ статей на болгарскомъ и русскомъ языкѣ по этому вопросу. Онъ имѣлъ репутацію хорошаго болгарскаго патріота, человѣка спокойнаго и честнаго, къ тому же онъ пользовался довѣріемъ и расположеніемъ нашего правительства. Вліяніе на князя онъ пріобрѣсть не могъ, какъ человѣкъ вовсе не свѣтскій и не вкрадчивый, что̀ было весьма на руку властолюбивому тріумвирату, полагавшему не безъ основанія, что въ министерствѣ Бурмова, подъ его фирмой,

---

самъ Каравеловъ, поселившись послѣ переворота 27 апрѣля 1881 года въ Филиппополѣ. Правдивость этого разсказа я имѣлъ возможность провѣрить и другими источниками, вполнѣ подтвердившими на этотъ разъ слова Каравелова.

[1]) Въ кіевской духовной семинаріи.

они могутъ свободно заправлять дѣлами. Г. Драндаръ замѣчаетъ, что, вмѣстѣ съ образованіемъ министерства Бурмова, г. Стоиловъ получилъ новое назначеніе: для него была создана особая должность начальника политической канцеляріи князя, дававшая ему право участія въ совѣщаніяхъ совѣта министровъ, и онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлался настоящимъ главой министерства, которымъ и руководилъ съ большимъ апломбомъ, импонируя на другихъ членовъ кабинета своими интимными отношеніями и близкой дружбой съ княземъ. Министерство знало, что оно не пользуется расположеніемъ народнаго собранія и можетъ держаться во власти только поддержкой князя[1]).

Занимавшійся прежде коммерческими дѣлами и сильно запутавшійся передъ войной въ разныхъ не совсѣмъ-то удачныхъ аферахъ въ Вѣнѣ, Начевичъ получилъ портфель министра финансовъ. Адвокатъ, практиковавшій прежде (т. е. до освобожденіи Болгаріи) въ румынскихъ судахъ, г. Грековъ, изучавшій французское право въ городѣ Э (Aix), гдѣ онъ получилъ юридическій дипломъ (licencié), полурумынъ, по языку, характеру и происхожденію, получилъ портфель юстиціи. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ вышепоименованный М. Балабановъ, а народнаго просвѣщенія—д-ръ Атанасевичъ, личность довольно безцвѣтная и мало извѣстная даже между болгарами. Военнымъ министромъ, въ виду того, что инструкторами болгарскаго войска состояли русскіе офицеры и что Россія принимала самое живое участіе въ созданіи и организаціи болгарскаго войска, былъ назначенъ русскій — именно генералъ Паренсовъ.

Это первое министерство князя Александра немедленно и весьма усердно занялось перетасовкой административнаго персонала и всѣхъ вообще чиновниковъ княжества, вслѣдствіе чего десятки и даже сотни лицъ, состоявшихъ на службѣ и заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ вожакамъ такъ называемой радикальной партіи, т. е. Цанкову, Каравелову и Славейкову, лишились мѣста и сдѣлались злѣйшими врагами этого считавшаго себя консервативнымъ министерства. Одно только военное министерство не сочло нужнымъ производить такую сортировку своихъ чиновниковъ, и въ этомъ министерствѣ все шло стройно и своимъ порядкомъ. Въ другихъ же министерствахъ поголовное изгнаніе чиновниковъ вызвало сильный ропотъ и великую кутерьму.

Наживя этой мѣрой немало враговъ, которые отплатили за это министерству при наступившихъ за симъ выборахъ, обратившись въ самыхъ рьяныхъ агентовъ опозиціи, или такъ называемой радикальной партіи, министерство, раздавая мѣста новымъ лицамъ, не пріобрѣло этимъ путемъ надежныхъ чиновниковъ и слугъ. Эти

---

[1]) Jbid., стр. 36.

вновь назначенные чиновники, видя шаткость положенія министерства и понимая, что оно сломитъ шею, какъ только откроется народное собраніе, усерднѣйшимъ образомъ забѣгали къ вожакамъ радикальной партіи, стараясь увѣрить ихъ въ своей преданности. Это вызвало новыя лишенія должностей, что̀ еще болѣе увеличило ряды опозиціи. При такихъ условіяхъ и имѣя явно противъ себя общественное мнѣніе, министерство Бурмова должно было приступить, согласно конституціи, къ выборамъ въ народное собраніе.

Разсчитывая на свое положеніе, престижъ власти, располагающей мѣстами, матеріальными благами и различными средствами для выраженія своего благоволенія, министерство ласкало себя надеждой получить большинство въ собраніи, а въ крайнемъ случаѣ надѣялось сфабриковать таковое, переманивъ на свою сторону депутатовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго направленія и болѣе или менѣе равнодушныхъ въ вопросахъ политики.

Впрочемъ, министерство Бурмова особаго давленія на выборы не производило, такъ какъ самъ Бурмовъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, стоя во главѣ администраціи, не былъ склоненъ къ практикованію слишкомъ энергическихъ и неразборчивыхъ средствъ, для проведенія въ депутаты своихъ кандидатовъ, а другіе министры, въ этомъ отношеніи болѣе отважные, не обладали еще достаточнымъ навыкомъ и опытностью въ искусствѣ склонять выборы въ пользу своихъ кандидатовъ. Это искусство пріобрѣтается постепенно, и орудовать выборами, даже въ такой странѣ, какъ Болгарія, гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется.

Результаты выборовъ ошеломили министерство. Изъ 170 депутатовъ министерство едва могло разсчитывать на голоса 30 депутатовъ, остальные принадлежали депутатамъ радикальной партіи, и притомъ большинство этихъ депутатовъ оказалось людьми мало податливыми на заискиванія со стороны министерства.

Народное собраніе открылось 27 октября 1881 года. Въ произнесенной княземъ, при открытіи собранія, рѣчи, онъ далъ понять, что не одобряетъ тенденцій опозиціи, и старался поддержать авторитетъ министерства личнымъ своимъ вліяніемъ на собраніе.

Въ слѣдующемъ же засѣданіи народное собраніе отвѣтило на такую попытку князя—сохранить свое министерство, принявъ огромнымъ большинствомъ резолюцію, выразившую полное недовѣріе собранія къ министерству. Вопреки здравому смыслу и существующимъ на этотъ предметъ правиламъ и обычаямъ, министерство, однако, не желало и не думало выходить въ отставку. Нѣсколько дней прошло въ довольно оригинальныхъ и комичныхъ пререканіяхъ министерства съ собраніемъ, которое было рѣшительно враждебно министерству. Наконецъ, 3 ноября, черезъ недѣлю послѣ открытія засѣданія, народное собраніе было распущено указомъ князя, въ которомъ говорилось, что народное собраніе распускается,

потому что оно по своему составу не представляетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго разрѣшенія дѣлъ и водворенія надлежащаго порядка въ княжествѣ.

Согласіе Россіи на такую рѣшительную мѣру молодаго князя привело многихъ въ недоумѣніе. Г. Драндаръ, а также и другіе болгары негодуютъ и сильно порицаютъ Россію за ея согласіе на такое рѣшеніе князя. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой образъ дѣйствій представлялся непрактичнымъ и не могъ обѣщать успѣха. Результаты новыхъ выборовъ не возбуждали никакого сомнѣнія, и распущеніе народнаго собранія во всякомъ случаѣ представлялось безцѣльнымъ.

Оффиціальные источники, по которымъ можно было разъяснить мотивы согласія Россіи на такую крутую мѣру молодаго князя, для меня были недоступны. Поэтому мнѣ приходится на этотъ счетъ ограничиться лишь предположеніями.

Г. Драндаръ увѣряетъ въ своей книгѣ, что наши дипломаты, не имѣя точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ княжествѣ, дали себя провести совѣтнику князя и, какъ выражается этотъ болгарскій публицистъ, проспали, т. е. проглядѣли значеніе этого весьма важнаго политическаго акта. Но такое объясненіе во всякомъ случаѣ нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ. Въ то время русское правительство внимательно слѣдило за ходомъ дѣлъ въ княжествѣ и, давая свое согласіе на такое проявленіе самостоятельной воли молодаго князя, конечно, серьезно обсудило положеніе вещей. Нашъ дипломатическій агентъ въ Софіи г. Давыдовъ, какъ извѣстно, не симпатизировалъ Цанкову и «неистовому Каравелову», какъ онъ называлъ теперешняго премьера князя Александра, считая рискованнымъ предоставить управленіе княжествомъ людямъ этой партіи. Стоиловскій тріумвиратъ, а также и самъ премьеръ Бурмовъ, оскорбленный выходками противъ него въ собраніи и печати радикальной партіи, старались, и не безъ успѣха, еще болѣе возстановить нашего дипломатическаго представителя, которому, и независимо отъ ихъ инсинуацій, лично весьма не нравился демагогическій духъ, какъ онъ говорилъ, болгарскихъ народныхъ представителей.

Народные политики, въ родѣ Каравелова, Славейкова и ихъ единомышленниковъ, какъ бы щеголяя своей безтактностью и радикальнымъ задоромъ, привели г. Давыдова къ убѣжденію, что при неограниченной свободѣ, которая была предоставлена болгарской печати, и малой зрѣлости всего общественнаго и политическаго строя въ княжествѣ, при той необузданности въ рѣчахъ и мнѣніяхъ, которая высказалась во время первой борьбы министерства съ собраніемъ, князь поступилъ бы неосторожно, призывая къ управленію страной радикальное министерство. Такое радикальное министерство можетъ привести княжество, объяснялъ г. Давыдовъ, въ

состояніе совершенной анархіи. Кромѣ того, г. Давыдовъ, мало знакомый съ характеромъ болгаръ, полагалъ, что распущеніе собранія послужитъ полезнымъ урокомъ и предостереженіемъ болгарскому народу, какъ выраженіе того, что Россія не одобряетъ избранія слишкомъ радикальныхъ депутатовъ. Полагаясь на вліяніе Россіи, которое было тогда очень сильно, нашъ дипломатическій агентъ думалъ, что распущеніе собранія, одобренное Россіей, подорветъ популярность радикальной партіи въ глазахъ болгарскаго народа, который на новыхъ выборахъ пошлетъ въ собраніе болѣе благоразумныхъ и осторожныхъ депутатовъ.

Однимъ словомъ, онъ поддержалъ заявленіе князя о невозможности управлять княжествомъ съ такимъ радикальнымъ собраніемъ народныхъ представителей. Къ сожалѣнію, г. Давыдовъ, человѣкъ образованный и умный, но совершенно кабинетный, не питавшій большихъ симпатій къ болгарскому народу и относившійся довольно брезгливо къ политическимъ людямъ и борьбѣ партій въ княжествѣ, не далъ себѣ вполнѣ яснаго отчета о характерѣ, желаніяхъ и тенденціяхъ Стоиловскаго кружка, которому онъ оказывалъ покровительство, и который, пользуясь обстоятельствами, рѣшительно забиралъ князя Александра въ свои руки. Графъ Кевенгюллеръ съ своей стороны всѣми средствами поддерживалъ Стоилова и его пріятелей.

Вслѣдъ за распущеніемъ народнаго собранія послѣдовала перемѣна въ составѣ кабинета. Президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ г. Бурмовъ былъ признанъ недостаточно энергичнымъ для управленія администраціей княжества; подчиненные ему губернаторы и вице-губернаторы не съумѣли руководить выборами и ими были крайне недовольны. Князь далъ понять Бурмову, что для управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нужно усилить дисциплину, вслѣдствіе чего князю приходится передать этотъ портфель въ другія руки; Бурмовъ былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ г. Икономовъ, приглашенный на этотъ постъ изъ Восточной Румеліи.

Въ особенности отличились своей рѣзкостью и опозиціоннымъ духомъ учителя—это скомпрометировало положеніе министра народнаго просвѣщенія Атанасевича; ему посовѣтовали возвратиться въ Бухарестъ, откуда онъ былъ вызванъ, при составленіи кабинета Бурмова.

М. Балабановъ не былъ вполнѣ своимъ человѣкомъ въ Стоиловскомъ кружкѣ, хотя въ то время онъ вполнѣ раздѣлялъ озлобленіе кружка къ радикальной партіи, а въ великомъ тырновскомъ собраніи, вкупѣ съ Стоиловымъ, Начевичемъ и Грековымъ, усерднѣйшимъ образомъ препирался съ радикалами. Болѣе того, онъ вмѣстѣ съ ними удалился изъ собранія, когда оно отвергло учрежденіе государственнаго совѣта. Тѣмъ не менѣе, его также рѣшено было

спустить. Придрались къ какому-то ничтожному недоразумѣнію между нимъ и г. Давыдовымъ и посовѣтовали князю отпустить Балабанова. Кружку не нравилось, что онъ не совсѣмъ порвалъ свои отношенія съ Цанковымъ и Каравеловымъ, состоя съ послѣднимъ въ нѣкоторомъ отдаленномъ свойствѣ, а съ первымъ въ отношеніяхъ стараго знакомства.

Для удаленія Балабанова построили золотой мостъ, т. е. ему дали почетное и видное мѣсто представителя князя въ Константинополѣ, при Высокой Портѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ временно было поручено управленію Начевича, а министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ тырновскій епископъ, преосвященный Климентъ, которому, сверхъ того, было предоставлено предсѣдателвствованіе въ совѣтѣ министровъ. Этимъ назначеніемъ думали подѣйствовать на религіозное чувство болгарскаго народа, его благочестіе и заслужить одобреніе Россіи.

Духовный санъ преосвященнаго Климента долженъ былъ санкціонировать въ глазахъ болгарскаго народа этотъ обновленный кабинетъ. Стоиловъ и компанія разсчитывали, что рѣзкія нападки опозиціи на министерство, имѣющее главой уважаемое духовное лицо, скомпрометируютъ радикаловъ въ глазахъ русскихъ славянофиловъ.

Новое министерство, слѣдуя прежней политикѣ, продолжало усердно заниматься очищеніемъ персонала чиновниковъ отъ элементовъ, заподозрѣнныхъ въ радикальномъ образѣ мыслей.

За симъ князь Александръ уѣхалъ въ Россію, чтобы присутствовать на празднованіи 25-тилѣтняго юбилея вступленія на престолъ императора.

Въ Петербургѣ князь Александръ воспользовался возможностью личныхъ и устныхъ объясненій съ своимъ августѣйшимъ дядей, чтобы съ большей настойчивостью повторить ему свои затрудненія относительно управленія страной при дѣйствіи тырновской конституціи.

Покойный русскій императоръ,—говоритъ г. Драндаръ,—старался успокоить своего юнаго племянника, поставивъ ему на видъ, что радикальное измѣненіе конституціи, только-что введенной въ дѣйствіе, представляется крайне неудобнымъ. Оно взволнуетъ еще болѣе умы и поселитъ общее убѣжденіе въ шаткости политическаго положенія княжества Болгарскаго. Надо подождать болѣе продолжительнаго указанія опыта. Если новые выборы,—сказалъ императоръ (привожу этотъ разговоръ со словъ Драндара, въ его книгѣ),—дадутъ въ собраніи большинство опозиціи, слѣдуетъ сдѣлать опытъ сближенія съ этой партіей, образумить ея представителей обращеніемъ къ ихъ патріотизму и выработать программу соглашенія. Этимъ путемъ благоразумнаго соглашенія страна избѣгнетъ опасной политической агитаціи, сопровождающей всякіе кризисы [1]).

[1]) Драндаръ, стр. 48.

Князь Александръ подчинился совѣтамъ императора, но по возвращеніи возобновилъ свои жалобы на невозможность управлять княжествомъ безъ существенныхъ измѣненій въ тырновской конституціи.

Нѣкоторые болгарскіе публицисты, и въ томъ числѣ г. Драндаръ, ссылаясь на циркуляръ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса, отъ 10-го мая 1880 года, къ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, утверждаютъ, что этотъ циркуляръ слѣдуетъ истолковать въ томъ смыслѣ, что Россія, наконецъ, согласилась предоставить свободу дѣйствій болгарскому князю и рѣшилась не противиться болѣе измѣненіямъ въ тырновской конституціи.

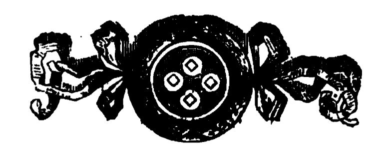
Но такое толкованіе этого циркуляра крайне произвольно и не подтверждается ни его текстомъ, ни послѣдующими событіями, ибо князь почти одновременно съ изданіемъ этого циркуляра сдѣлалъ попытку сближенія съ радикальной партіей. Именно, когда, послѣ возвращенія князя изъ Петербурга, послѣдовали новые выборы, на которыхъ министерство, не смотря на всѣ старанія, имѣло еще менѣе успѣха, и собралось народное собраніе, открытое, также какъ и первое, лично самимъ княземъ 4-го апрѣля 1880 года, огромное большинство собранія, едва только князь оставилъ зало засѣданія, разразилось горячими протестами противъ политики министерства.

На этотъ разъ министерство сочло дальнѣйшее упорство съ своей стороны безполезнымъ и подало въ отставку, а князь, слѣдуя совѣтамъ, даннымъ ему въ Петербургѣ, пригласилъ Драгана Цанкова, П. Каравелова и Славейкова составить новое министерство.

Управленіе этого министерства, надѣлавшаго вслѣдствіе политической незрѣлости молодыхъ сотрудниковъ Цанкова и увлеченій собранія, а также болгарской печати, немало ошибокъ, что̀ и ускорило вмѣстѣ съ нѣкоторыми внѣшними причинами переворотъ,— будетъ изложено въ слѣдующей главѣ вмѣстѣ съ описаніемъ переворота 27-го апрѣля 1881 года и послѣдующихъ событій исторіи Болгарскаго княжества.

П. Матвѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕРАЛЬДИЧЕСКІЙ ТУМАНЪ.

(Замѣтки о родовыхъ прозвищахъ).

«Всякій имя себѣ въ сладостный даръ
получаетъ».
Θеокритъ.

НА СИХЪ ДНЯХЪ вышла книжка покойнаго Карновича о родовыхъ прозвищахъ [1]. Это сочиненіе такъ же интересно, какъ прежнее превосходное изслѣдованіе названнаго автора о замѣчательныхъ богатствахъ частныхъ лицъ въ Россіи. Критиковать настоящимъ образомъ новый трудъ Карновича трудно. Это могъ бы развѣ сдѣлать человѣкъ способный соперничать съ самимъ авторомъ въ удивительномъ трудолюбіи, систематичности и памятливости, но теперь недородъ на такихъ людей, да нѣтъ и мѣста, гдѣ бы можно было печатать обстоятельные и подробные критическіе разборы. Таковы теперь времена и таковы нравы, а потому любопытная книга о прозвищахъ, конечно, не дождется скоро основательнаго критическаго разбора. Другое дѣло — поговорить по поводу ея о томъ же самомъ, что въ этой книгѣ такъ интересно затронуто. Это нынче принято и въ сущности это въ своемъ родѣ небезполезно, потому что, всетаки, восполняетъ общую картину и кое-что иллюстрируетъ и объясняетъ.

Самое характерное въ изображенной Карновичемъ родовитой картинѣ—это недостовѣрность родословій и общее стремленіе такъ

[1]) Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе русскихъ съ иноземцами. Е. Карновича. Спб. 1886.

званной русской знати производить себя отъ иностранцевъ. Такой общей слабости заплатилъ дань даже и самъ царь Иванъ Грозный, который тоже гнушался русской породы и сочинялъ себѣ происхожденіе отъ именитыхъ чужеземцевъ.

Давно чувствовалось и казалось смѣшнымъ вѣрить во многія русскія родословія, но Карновичъ многое въ этомъ родѣ уяснилъ, доказалъ и далъ средства о многомъ догадываться и искать дальнѣйшаго. Безъ сомнѣнія, догадки Карновича для многихъ не получатъ доказательности и нашего геральдическаго тумана не разсѣютъ, но именно по тому самому, кажется, теперь и прилично будетъ вспомнить, кто что знаетъ подходящаго для освѣщенія туманныхъ картинъ русскаго именитства.

Это при томъ же можетъ быть сдѣлано въ простой и самой неутомительной литературной формѣ краткихъ воспоминаній и замѣтокъ.

Кичливость происхожденіемъ «отъ древнихъ родовъ» присуща совсѣмъ не одной родовой знати. «Выскочки» и такъ называвшіеся со введенія откуповъ «прибыльщики» тоже отличались большимъ желаніемъ «сочинять себѣ небывалые роды». И понынѣ множество «разночинцевъ», не прославленныхъ никакими высокими заслугами, любятъ кичиться своимъ сомнительнымъ происхожденіемъ. Это не дивно, но странно и удивительно то, что многія изъ таковыхъ лицъ, кичащихся своимъ прозвищемъ, имѣя уши, не слышатъ, что у нихъ есть множество однофамильцевъ несомнѣнно чисто-русскаго и при томъ самаго простонароднаго происхожденія. Изъ старыхъ знатныхъ родовъ я никогда не встрѣчалъ однофамильцевъ въ простонародіи только у однихъ Щербатовыхъ. Есть Щербаковы, Щербачовы, даже Щербатые, но Щербатовыхъ никогда не встрѣчалъ. Остальные всѣ имѣютъ однофамильцевъ, и потому геральдическія изысканія о томъ, какимъ иностранцемъ занесено ихъ извѣстное родовое прозвище, всегда болѣе или менѣе смѣшны и сомнительны.

Попробуемъ отмѣтить на счетъ этой родовитости то, что многими простыми и наблюдательными людьми было примѣчаемо ранѣе изысканія Карновича. Начнемъ хоть съ родословья Потемкиныхъ, идущаго будто бы изъ Польши. Пусть такъ, допустимъ, что у «князя Тавриды» предокъ былъ «вольный шляхтичъ польскій», а не «битый русскій холопъ», но отъ какого бы чужаго корня ни производили себя князья Потемкины, а въ Россіи какъ будто помимо ихъ прародителя есть очень много мужиковъ, которые тоже носятъ какъ разъ эту самую фамилію. Свѣдѣніе это можно подтвердить даже справкою въ петербургскомъ адресномъ столѣ, такъ какъ у моихъ здѣшнихъ знакомыхъ было двѣ кухарки по фамиліи «Потемкины», и при томъ одна изъ нихъ называлась «Татьяна Борисова», крестьянка Ямбургскаго уѣзда. «Потемкины» улицы и

особенно «Потемкины переулки» есть въ очень многихъ городишкахъ, гдѣ никогда никому не приходило заботы чествовать государственнаго дѣятеля екатерининскаго царствованія наименованіемъ улицъ и переулковъ по его фамиліи. «Потемкины переулки» получили такое названіе отъ того, что въ нихъ темно, потёмки. Также о бѣдныхъ дворахъ, гдѣ иногда зимою «безъ огня сидятъ»,— говорятъ: «что это у васъ потемкинъ дворъ», «это изъ потёмкина двора». А далѣе обитатели этого двора станутъ уже совсѣмъ Потемкины.

Вотъ и вся исторія, а, чтобы ее разцвѣтить въ благородномъ тонѣ, придумывается геральдическая басня, и «пустоплясы зловзятъ перстомъ по герольду».

«Толстые», по мнѣнію многихъ, тоже непремѣнно русскаго и при томъ самаго простонароднаго происхожденія. Это можно видѣть и по усиленно простонароднымъ обличьямъ многихъ почтенныхъ лицъ, носящихъ эту фамилію.

Таковы, напримѣръ, покойный графъ Алексѣй Константиновичъ и особенно нынѣ здравствующій Левъ Николаевичъ [1]). Къ тому же Толстыхъ очень много, и они не только не всѣ графы, но даже не всѣ и дворяне. Есть Толстые торговцы и ремесленники. Кто, напримѣръ, не зналъ въ Москвѣ знаменитаго въ свое время часовщика Толстаго? Въ г. Кромахъ у церкви св. Никитія жилъ отставной солдатъ Толстой и онъ былъ наилучшій набойщикъ, производившій на весь уѣздъ знаменитыя набойки и крашенины, которыя «не боялись ни пару, ни щелоку». Ихъ такъ и звали «толстовскія набойки». Я позволилъ бы себѣ выразиться точнѣе такъ, что Толстые, вѣроятно, пошли изъ тѣхъ мѣстъ Орловской или

[1]) Нерусское обличье изъ Толстыхъ находили у покойнаго музыкальнаго критика Ѳеофила Матв. (Ростислава), но и это несправедливо: вся его шиловатая фигура и особенно выраженіе его лица поразительно напоминали «Моркотуна», крѣпостнаго, господскаго музыканта, типъ котораго и былъ имъ недурно описанъ (см. «Моркотунъ»). Коверкаютъ или неумышленно передѣлываютъ прозвища не одни простолюдины, а и люди высшаго общества. Нѣчто подобное и при томъ очень характерное было съ упомянутымъ сейчасъ псевдонимомъ Ѳеофила М. Толстаго, что̀ и извѣстно многимъ живущимъ людямъ. Псевдонимъ Ѳ. Толстаго былъ «Ростиславъ», но кн. А. Б. совсѣмъ неумышленно его передѣлалъ и разъ въ присутствіи живыхъ понынѣ свидѣтелей сказалъ ему:

— Ты знаешь, — я тебя люблю, и то, что ты пускаешься въ литературу и водишься съ писателями,— Богъ съ тобою, но я не могу тебѣ простить: для чего ты подписываешься «Брындахлыстъ»?

Ѳ. М. этимъ обидѣлся, но искренность кн. А. Б. заставила простить ему это дружеское замѣчаніе, такъ какъ оказалось, что «никогда ничего не читавшій» кн. Б. и подпись «Ростиславъ» полѣнился «прочесть въ подробности», а взглянулъ на нее «поверхностно», и потомъ долго скорбѣлъ: зачѣмъ другъ его и пріятный въ обществѣ человѣкъ подписывается «Брындахлыстъ». Н. Л.

Тульской губерніи, гдѣ люди въ разговорѣ окаютъ, а не акаютъ. Гдѣ окаютъ, тамъ и удареніе переносятъ на о, и потому говорятъ: «онъ такой чистой да такой толстой». Гдѣ же много ребятъ или много дѣвокъ съ одинакими именами (напримѣръ, Ваньки, Таньки), — тамъ сами товарищи или подруги избѣгаютъ кликать другъ друга по крестному имени, потому что много Ванекъ и Танекъ, и «не разобрать, которыхъ надобно». Вотъ, «чтобы лучше разобрать», ребята же сами и даютъ сверстникамъ прозвища: «рябая», «круглая», а парень—«тощой», «толстой». Прозванный такъ по своей внѣшности парень или дѣвка выростаютъ, а кличка остается съ ними и не только сопутствуетъ на всю жизнь тому, кто ее получилъ, но и становится родовою фамиліею идущаго отъ него «новаго отводка». Отводки же эти въ крестьянствѣ дѣлаются черезъ раздѣлы часто и, къ сожалѣнію, кажется, даже слишкомъ часто (объ этомъ хорошо пишетъ Энгельгардтъ). Когда дворъ раздѣляется, часто является и новое прозвище. Былъ, положимъ, дворъ Хлоповыхъ, и всѣхъ изъ этого двора такъ и звали «Хлоповы», но съ тѣмъ какъ происходитъ дѣлежъ, то братъ, остающійся на мѣстѣ, продолжаетъ быть Хлоповъ, а того, который отвелся въ «отводокъ», начинаютъ уже кликать по кличкѣ. Звали этого Ваньку «рябой», «толстой», или «мертвой», — такъ ужъ ему и пойдетъ отъ этого «званіе». И вотъ являются Толстые, Рябые и т. д. Отъ этихъ же отводковъ идутъ и такія фамиліи, какъ Мертваго, Живаго, Веселаго и т. п. Все это послѣ иногда выдается за нерусское происхожденіе, но если добросовѣстно поискать, то откроется кое-что и русское... Есть даже фамиліи или прозвища, повидимому, совсѣмъ не русскаго, а чужеземнаго корня, но какъ поищешь да посравнишь, то и въ этихъ случаяхъ многое переходитъ на русскую долю.

Какъ на анекдотъ въ этомъ родѣ, укажу на довольно распространенную въ Россіи фамилію, звукъ которой таковъ, что всѣ слышатъ въ ней нерусское происхожденіе и даже прямо чувствуютъ въ ней происхожденіе итальянское. Эта фамилія, о которой я говорю, есть Алферьевы. Ихъ очень много вездѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Орлѣ, и въ Кіевѣ. Были изъ Алферьевыхъ писатели, поэты, профессора, генералы, но больше всего чиновники и мелкопомѣстные. Канцелярія стараго московскаго сената считала одно время у себя «цѣлое племя» Алферьевыхъ, хотя нѣкоторые изъ тѣхъ Алферьевыхъ были между собою не родня, а только однофамильцы. Было по Москвѣ много еще и другихъ Алферьевыхъ, и всѣ они были не старые родовитые дворяне, а изъ чиновниковъ и отчасти изъ «колокольныхъ дворянъ», т. е. изъ духовенства. Нѣкоторые изъ Алферьевыхъ, разумѣется, получили «дворянское достоинство» по «ассессорскому чину», но стараго, «родоваго

дворянства», или особенно дворянства «не по грамотѣ»,—въ родахъ Алферьевскихъ нѣтъ. Между линіями же Алферьевыхъ одинъ московскій отводокъ отличался образованностію и другими хорошими качествами, и тутъ были усвоены уже нѣкоторые пріемы родовитой знати. Эти Алферьевы (тоже не дворяне) были по мужской линіи Сергѣи и Иваны, а по изотчеству Ивановичи и Сергѣевичи, а женщины Анастасіи и Елисафепы (такъ: Елисафепы). Одинъ изъ нихъ, Василій Сергѣевичъ, печатавшій стихи и посвящавшій ихъ «своей Гурлинькѣ», слылъ даже за очень ученаго, каковымъ, впрочемъ, кажется, не былъ. Онъ былъ чиновникъ какого-то московскаго отдѣленія, и по русской привычкѣ свое дѣло считалъ за неинтересное, а любилъ заниматься тѣмъ, что до него не касалось. Такъ, напримѣръ, онъ, кромѣ поэзіи, любилъ геральдику и самъ былъ немножко похожъ на геральдическаго льва, но женатъ былъ на своей служанкѣ. Онъ «выводилъ роды» самъ или, кажется, при посредствѣ какого-то московскаго сихъ дѣлъ мастера. Тогда было сильное геральдическое повѣтріе, и «выводить родословныя» составляло занятіе очень благородное и прибыльное.

Тогда были на это и сихъ дѣлъ мастера. Приходитъ бывало какой нибудь «изъ прибыльщиковъ» къ этакому мастеру и говоритъ:

— Вытравь ты изъ меня народное пятно и сведи съ старымъ родомъ и озолочу.

И озолачивали.

Надуть «выводчика» было невозможно, потому что тотъ владѣлъ всѣмъ секретомъ фальшивой родословной и сейчасъ же могъ «пугнуть доносомъ», а тогда все и пропало.

Учеными московскими изысканіями родъ Алферьевыхъ былъ произведенъ отъ «знаменитаго итальянца Альфіери». И это всѣмъ показалось такъ вѣроятно и такъ очевидно, что всякъ этому вѣрилъ и многіе посейчасъ еще вѣрятъ.

Моя матушка происходила изъ этого рода Алферьевыхъ, и мы съ дѣтства привыкли знать, что «Алферьевы итальянскаго происхожденія». О дядѣ моемъ, недавно скончавшемся профессорѣ Кіевскаго университета, С. П. Алферьевѣ, который былъ смолоду недуренъ собою, такъ и говорили, что въ немъ «видна тонкая итальянская порода». (Онъ имѣлъ мелкія черты ярославскаго типа). И вездѣ, гдѣ я ни встрѣчалъ Алферьевыхъ благороднаго званія, всѣ они охотно сказывались «отъ Альфіери», хотя всѣ они между собою не родня и пришли отъ небытія на свѣтѣ въ различныхъ мѣстахъ общероссійскаго разсѣянія. Моихъ московскихъ дѣдовъ: Петра Сергѣевича, Ивана Сергѣевича и ученаго Василья Сергѣевича иногородные Алферьевы и слыхомъ не слыхали... Какъ такъ повсемѣстно размножился въ Россіи италіанецъ Альфіери, словно еврейскій Когенъ, что и не счесть его потомковъ?.. Долго я этого понять не могъ, но случилось мнѣ разъ въ уѣздномъ городкѣ Пен-

зенской губерніи, по названію Городище, встрѣтить на оконной ставнѣ надпись: «портновὸ—Алферьевъ», и тутъ я получилъ вразумленіе. Сначала я былъ смущенъ, за что потомки Альфіери засланы въ такую далекую глушь и стали здѣсь такъ низко, но дѣло разъяснилось совсѣмъ не такъ.

Я думалъ, что на ставнѣ двойная фамилія (есть вѣдь тоже фамилія Портновъ и есть тоже нѣкто изъ этой фамиліи, тоже производящій себя изъ иноземцовъ и подписывающійся «Портновὸ», или даже «Портнуво»). Но оказалось, что «портновὸ» это просто значитъ портной, а фамилія тому портному дѣйствительно Алферьевъ.

Я полюбопытствовалъ узнать: откуда онъ происходитъ, а «портновὸ» отвѣчаетъ:

— Откуда же можетъ быть наше происхожденіе, какъ не просто изъ мужиковъ: господа насъ отъ сохи брали и отдавали въ городъ въ ученье—вотъ и все наше происхожденіе.

— А въ деревнѣ у васъ,—спрашиваю,—развѣ тоже есть Алферьевы?

— Какъ же,—отвѣчаетъ:—нашъ весь дворъ все Алферьевы.

— Кто же васъ такъ прозвалъ?

— Да какъ же насъ иначе прозывать?—это такъ шло по закону.

Что еще, думаю, за законъ! — Разскажите, — говорю, — мнѣ, благодѣтель, меня это занимаетъ. Я вамъ работу буду давать.

— Очень,—говоритъ,—благодаренъ, а что̀ васъ занимаетъ,—не понимаю.

— Да вотъ скажите вы мнѣ, вы коренной русскій?

— Ужъ чего русѣе быть нельзя.

И въ самомъ дѣлѣ лицо у него даже будто не лицо, а скорѣе, что называется, «рожество твое».

— Такъ какъ же, — говорю, — вамъ, чистымъ русскимъ, деревенскимъ людямъ могло прилипнуть такое чужеземное прозвище?

«Портновὸ» удивился.

— Помилуйте, какое же,—говоритъ,—у меня чужеземное прозвище?

— Ваша фамилія—Алферьевъ?

— Алферьевъ. Мнѣ другой фамиліи и быть не могло; у меня фамилія отъ родителя.

— Да родителю-то вашему кто ее далъ?

— Попъ далъ.

— Какъ такъ попъ?—попы крестныя имена нарѣкаютъ, а не фамиліи.

— Да вѣдь это все отъ одного и есть! Сталъ попъ крестить и нарекъ Алфёръ. Какъ отецъ съ дядей раздѣлились, нашъ дворъ и стали «Алферьевъ дворъ» звать.

— Позвольте, — говорю, — да развѣ есть имя Алферъ?

— Какъ же! Дядю звали Вуколъ — отъ него пошли Вуколовы [1]), а отъ нашего отца, отъ Алфёра, стали Алферьевы.

— И что же... вашъ отецъ... именинникъ бывалъ на Алфёра и причащался съ этимъ именемъ?

— Какъ же! — именинникъ бывалъ 4-го августа, за день до Преображенія, и причащался Алфёромъ на свое имя.

Батюшки! сватушки! — думаю. — Выносите святые угодники! За всѣхъ Алферьевыхъ мнѣ теперь вдругъ стало больно и неловко. А что же значатъ всѣ ученыя изысканія моего геральдическаго дѣда?.. Мужикъ Алфёръ такъ словно и проглотилъ итальянца Альфіери, да и размножиться ему по Руси было способнѣе, чѣмъ у себя дома...

Все это напомнило исторію Тригопортовъ и все вдругъ какъ-то осермяжилось и стало совсѣмъ не то, чѣмъ представлялось въ моемъ воображеніи до моей роковой встрѣчи съ господиномъ «портновѣ».

Но что такое самъ Алфёръ? Есть ли такое имя? Я не слыхалъ и не начитывалъ такого имени.

Я началъ спрашивать объ Алфёрѣ у нѣкоторыхъ священниковъ, но они, какъ принято у нихъ, будучи заняты высокими вещами, никакими пустяками не занимаются и объ Алфёрахъ ничего не знали.

Пріѣхавъ въ Москву, я взялъ «полный мѣсяцесловъ» (котораго въ русскихъ церквахъ никогда не видалъ): Алфёра въ мѣсяцесловѣ нѣтъ; а за то есть девять Еливферіевъ и одного изъ нихъ праздникъ живетъ какъ разъ 4-го августа, то есть «за день до Преображенія». Сей Еливферій — византіецъ, усѣкнутый мечёмъ при Максиминѣ, очевидно, и есть для насъ Алфёръ! И Еливферій персіянинъ, и Еливферій парижскій и всѣ прочіе Еливферіи, которымъ даже «особливаго дня нѣтъ», — для насъ это все Алфёры, и во имя ихъ ходятъ мужики Алферьевы.

Вотъ тебѣ и весь секретъ итальянскаго родословія Алферьевыхъ открылся. И съ той поры Алфёръ мнѣ сталъ ясенъ, и прекрасенъ, и право его давать русскимъ людямъ такую звучную фамилію, которой напрасно гордятся италіанцы, — въ моихъ глазахъ неоспоримо.

Мѣсяцесловный Еливферій — это и есть нашъ бытовой Алфёръ. Городищенскій «портновѣ» мнѣ говорилъ умныя и правдивыя рѣчи: ему «не могло быть иной фамиліи». Дѣтей Алфёра нельзя иначе

---

[1]) Я знаю Вуколовыхъ, которые непремѣнно хотятъ производить себя «изъ Сербіи». Вуколовы — должно быть изъ Сербіи.

назвать, какъ «дѣти Алферьевы», а потому они и правильно это имя себѣ навсегда «въ сладостный даръ получаютъ».

Есть на югѣ фамилія Пранцъ. Многіе изъ людей этой фамиліи тоже считаютъ себя за потомковъ иностранныхъ выходцевъ, но, повидимому, не всѣ они, всетаки, довольны своею фамиліею и не прочь ее подправлять. Отсюда являются Принцы и Францевы. Въ существѣ фамилія Пранцъ есть чисто малороссійская, мужичья. Пранцовъ есть довольно въ крестьянской средѣ. Пранецъ — это французская болячка. Пословица сулитъ невѣрному мужу «пранца», т. е. французской заразы. Больной извѣстной болѣзнью называется «пранцоватый» или «пранцовитый». Зложелательство говоритъ: «дай Богъ тебѣ пранца». Больное семейство называется «пранцюватые», или, короче, «пранцы». Вотъ вамъ и «иностранная фамилія», совершенно такого же происхожденія, какъ Шелудяковы, Паршины или Коростовцевы.

Шелудяковы есть по купечеству, а Коростовцевы есть и дворяне, но Паршиныхъ встрѣчаешь только въ крестьянствѣ,—выше сейчасъ же начинается подправка, и являются Паншины и т. п.

Народъ тоже перепpавляетъ фамиліи господъ, но дѣлаетъ это безъ претензій, а по своему «ладу и складу». Изъ Шенигъ онъ дѣлаетъ Шелихъ, изъ Рибопьеръ у него выходитъ или Любопертъ, или Рыбоплясъ, а иныхъ иностранныхъ прозвищъ мужикъ и совсѣмъ не рѣшается произносить; такова, напримѣръ, для него фамилія Пистолькорсъ. Но другія и иностранныя фамиліи нравятся. Такъ, напримѣръ, въ орловской гимназіи во время моего дѣтства былъ инспекторъ изъ иностранцевъ Шопи́нъ, и по дворянству эта фамилія всѣмъ совершенно не нравилась до того, что́ даже кто-то куда-то писалъ объ этомъ, а со стороны господъ офицеровъ квартировавшаго тогда въ Орлѣ Елисаветградскаго гусарскаго полка «были вольности», но добрые орловскіе мужички находили эту фамилію прекрасною.

— Про́стая,—говорили,—и сразу вспомнишь.

Слово иностранное, но пришло по вкусу и по сердцу.

Потомокъ этого Шопина сдѣлалъ поправку и сталъ писаться «Шоринъ».

Есть за то и просто народныя прозвища, надъ происхожденіемъ которыхъ самъ народъ какъ будто удивляется; таково, напримѣръ, странное и очень распространенное прозвище Бабарыкиныхъ. Надъ этимъ прозвищемъ давно подшучиваютъ и наконецъ гдѣ-то выдумали даже байку, будто былъ «однодворецъ Рыкинъ», а жену его или его бабу называли «баба Рыкина». А какъ эта «баба Ры́кина» была очень бойкая и имѣла въ семьѣ значеніе болѣе, чѣмъ ея мужъ, то при всякомъ дѣлѣ ее всѣ и вспоминали: — «Что-то, молъ, скажетъ баба Рыкина». Отъ этого будто и пошло однодворческое прозвище

Бабарыкиныхъ. Шутка шуткою, а «однодворецъ», однако, тутъ въ самомъ дѣлѣ какъ будто присталъ кстати.

Самый большой разсадникъ однодворчества (не изъ западной шляхты, а настоящаго русскаго «владѣлаго» однодворчества) находится въ Орловской губерніи, и тутъ между однодворцами очень много Бабарыкиныхъ. Въ чисто однодворческихъ селеніяхъ бываетъ такъ, что, напримѣръ, въ Труфановѣ еще на моей памяти были всѣ Сотниковы, а насупротивъ, черезъ ручей, въ Ерохинѣ почти каждый дворъ Бабарыкины.

Когда по Орловской губерніи, въ 1847 году, прошла по осени опустошительная холера, то она убрала много молодыхъ и сердовыхъ мужиковъ. Во многихъ дворахъ на хозяйствѣ остались однѣ бабы. Онѣ вдовѣли или совсѣмъ одинокія, или же съ маленькими дѣтьми. Но крестьянской бабѣ въ такомъ положеніи вдовствовать не приходится, потому что ей «не съ кѣмъ дворъ поднять», а нельзя ей тоже выйдти и «за чужаго хозяина», чтобы «свой дворъ не спустить». Въ крѣпостныхъ деревняхъ въ подобныя дѣла бывало вступался помѣщикъ, или управитель, и молодой вдовѣ «давали мужика во дворъ» «за наказаніе» изъ дворовыхъ. Но однодворкѣ надо было самой это устроить,—и она все устроивала вполнѣ самостоятельно, или, какъ нынче говорятъ, «самобытно», а при томъ и просто оригинально, и... въ своемъ родѣ оригинально.

Одинокая однодворка во вдовомъ положеніи съ собственнымъ хозяйствомъ чувствуетъ себя и серьёзно отвѣтственною, и очень важною: она сразу пріобрѣтаетъ большую солидность и разумъ. И все это отъ того, что она чувствуетъ себя самостоятельною. У нея превосходная роль: она будетъ выходить замужъ на особомъ положеніи: не ее будутъ выбирать женихи, а она будетъ «выбирать мужика во дворъ»... Это штука серьёзная, и если баба, отъискивающая себѣ «мужика во дворъ», домовита и держитъ себя нескаредной хозяйкой, такъ она становится чрезвычайно интереснымъ лицомъ и «ей услужаютъ». (Красота тутъ, разумѣется, ни при чемъ: «съ красоты не воду пить», а чтобы угощеніе было хорошее). Всѣ хлѣбосольной однодворкѣ «подъискиваютъ мужика», всѣ ее походя сватаютъ!.. Встрѣчные мужики съ первымъ же поклономъ другъ друга окликаютъ:

— Гдѣ, братъ, выпилъ?

— Въ Ерохинѣ.

— Что тамъ?

— Однодворка, — мужика во дворъ ищетъ.

— Чьихъ ее звать?

— Бабарыкина.

За такой отвѣтъ мужикъ обругается: — Я, скажетъ, тебя спрашиваю, какъ ее спросить? Они тамъ всѣ Бабарыкины, а ты скажи: какъ ей фумелія?

Но какъ однодворкѣ Бабарыкиной «фумелія»,—этого обыкновенно ни одинъ мужикъ не знаетъ, и лучше начинаетъ «вести по примѣтамъ». Либо вспомянетъ, что у нея «пятно на носу», либо «бѣльмо на глазу». Тогда, разумѣется, нетрудно уже ее розыскать и безъ фумеліи.

На постояломъ въ Батавинѣ опять бывало дворникъ кличетъ:

— Братцы! нѣтъ ли у кого охочаго мужика во дворъ? Только охочаго,—въ Ерохинѣ хорошая однодворка мужика во дворъ требуетъ. Кто приведетъ—она угощеніе ставитъ.

Разумѣется, всѣ понимаютъ, что нуженъ человѣкъ рабочій, но не «изъ сиволапыхъ», а изъ вольныхъ однодворцевъ, въ которомъ еще есть остатокъ «дворянской крови и собачьей брови».

И на постояломъ освѣдомляются о невѣстѣ, изъ чьихъ она?

— Бабарыкина.

И опять неудовольствіе. Безъ примѣтъ невозможно бы разобрать, сколько есть однофамильныхъ однодворокъ и сколько ихъ себѣ «мужиковъ во дворъ требуютъ».

Этотъ женскій типъ былъ такъ распространенъ и такъ общеизвѣстенъ въ Орлѣ, что когда какая нибудь состоятельная городская вдова начинала обнаруживать склонность призвать какого либо счастливца къ постоянному исполненію супружескихъ обязанностей съ водвореніемъ на жительство, то ее бывало сейчасъ же называютъ «ерохинскою однодворкою», и говорятъ, что она «ищетъ себѣ мужика во дворъ».

Но только въ высшемъ кругѣ призваніе къ исполненію супружескихъ обязанностей шло хуже: оно никогда не было такъ живо и такъ основательно, какъ пріисканіе мужика во дворъ по однодворчеству.

Многіе у насъ сами не вѣсть что думаютъ и разсказываютъ о происхожденіи своихъ фамилій. У меня былъ знакомый очень храбрый, но, къ сожалѣнію, недалекій человѣкъ, скончавшій, впрочемъ, жизнь свою геройскою смертію. Онъ гордился своимъ мнимо-кавказскимъ происхожденіемъ и тѣмъ, что «такой фамиліи», какъ у него, «нѣтъ болѣе ни у кого на свѣтѣ». Чтобы походить на человѣка кавказскаго происхожденія, онъ коверкалъ свое русское произношеніе, а особенность его рѣдкой фамиліи состояла въ томъ, что она будто бы «начиналась, съ чего все кончается», т. е. съ твердаго знака, или, какъ онъ говорилъ, «съ дверди знакъ»... Я полагаю, что читатель меня не понимаетъ, какъ и я этого сразу понять не могъ, и потому я долженъ это объяснить.

Знакомый мой писался въ бумагахъ Ервасовъ, но начертаніе это признавалъ неправильнымъ. По его понятіямъ, это было «испорчено русскими», по несовершенству русскаго языка, а надо было писать «Ъвасовъ», т. е. ставить еръ, или «дверди знакъ», вна-

чалѣ и его выговаривать за еръ, а потомъ писать «васовъ»,—вотъ и выйдетъ «Еръ-васовъ».

Повторяю, что человѣкъ этотъ былъ не уменъ, но онъ, однако, вѣрно предугадывалъ, что фамилія его дѣйствительно страждетъ отъ неправильнаго начертанія. Въ его метрикѣ, послѣ его смерти, оказалось, что фамилія его была Гервасіевъ, т. е. производное отъ собственнаго крестнаго имени Гервасій. Звукъ этотъ такъ чуждъ русскому уху, что дѣйствительно представляется чѣмъ-то чужестраннымъ. Писаря его и передѣлали ни на что непохоже. Такъ, напримѣръ, извѣстнаго въ свое время эмигранта Кельсіева тоже считали за потомка какого-то именитаго иностранца, тогда какъ фамилія Кельсіевъ тоже «отъименная», т. е. происходитъ отъ имени Кельсій. Извѣстный у поморянъ иконописецъ Денисъ Тертовъ тоже былъ совсѣмъ не Тертовъ, а Тертіевъ, но онъ не писался такъ, «чтобы въ немъ не сомнѣвались» на счетъ чистоты его русскаго происхожденія.

Крестныя имена у насъ часто даютъ безъ вкуса и безъ вниманія къ тому, какъ удобно будетъ съ этимъ именемъ впослѣдствіи обходиться именосцу. (Почитать на этотъ счетъ разсужденія Тристрама Шанди у Стерна русскимъ было бы довольно нелишнее). Множество лицъ обоего пола изъ комнатной прислуги хозяевамъ приходится переименовать, чтобы избавить свой слухъ отъ повторенія того, что отдаетъ или, по крайней мѣрѣ, кажется неблагозвучіемъ. Это нехорошо. Привычка откликаться не на свое имя портитъ серьёзность человѣка. Матрёшка, которую прозвали Матильдой, начинаетъ и сама ненавидѣть и презирать свое имя. Нѣтъ въ этомъ ничего хорошаго, а хорошо было бы не доводить людей до такого искушенія,—но это никому не приходитъ въ голову. Съ именами точно шутятъ или даже иногда какъ будто отмщеваютъ что-то родителямъ въ именахъ ихъ дѣтей. Что бѣднымъ или скупымъ прихожанамъ въ деревняхъ нарѣкаютъ «трудныя имена»,—это было много разъ указано, но иногда это дѣлается и безъ злобы, а дѣлу вредитъ просто особенный педантизмъ. Въ одномъ орловскомъ селѣ былъ дьячекъ, у котораго три сына родились все подъ Васильевъ день.

— Какъ, говоритъ, бывало я пойду касарецкаго поросенка колоть, такъ къ моему возвращенію, дома, у дьячихи новый мальчикъ въ фартукѣ ужъ и плачетъ. А батюшка говоритъ: «я, братецъ мой, этому случаю не виноватъ, что такъ приходится,—я долженъ его по правиламъ нарѣчь». И нарѣчетъ: «имя ему Василій». И стало у меня такъ у одного отца да три Васи: одного позовешь, всѣ оглядываются. И прозвали мы одного «болвшой», другаго—«толстой», а третьяго—«малявка». Какъ нибудь, а отличать надо. А когда ихъ

всѣхъ трехъ въ городъ въ училище отдалъ, въ письмахъ еще труднѣе стало писать: «Вася, скажи Васькѣ, чтобы не обижалъ Васютку». Совсѣмъ нѣсть подобія! А если каждому отдѣльное письмо посылать, то по дьячковскому званію это очень начетисто.

Не скоро дьячекъ но изловчился, и это только потому, что имѣлъ умъ очень находчивый: онъ поставилъ у себя «во своемъ вниманіи» всѣхъ своихъ трехъ Васильевъ «по линіи успѣховъ» и именовалъ ихъ въ общемъ письмѣ раздѣльно: старшаго (философа)—«Василій Іоанновичъ», средняго (ритора)—«Василій Троицкій», а младшаго (синтаксиста)—«Васютка». Письма такъ и начинались: «Любезные мои дѣти: Василій Іоанновичъ, Василій Троицкій и Васютка! Посылаю вамъ мое родительское благословеніе, сухарей и гороху, и лодыжку ветчины, употребляйте оные съ умѣренностію и благоразуміемъ, ибо вы дѣти дьячковскія. А ты, Василій Іоанновичъ, удержи Василья Троицкаго, чтобы Васютку не обдѣлялъ и съ соборныхъ причетниковъ дѣтьми не вступалъ въ равное самолюбіе» и т. д. «Примите сіе мое письмо въ наставленіе, какъ отъ родителя вашего». Такъ же письма и надписывались всѣмъ титуломъ на три лица и доходили къ дѣтямъ дьячковскимъ по назначенію.

У именитыхъ или, по крайней мѣрѣ, у «благородныхъ» людей въ дачѣ именъ была другая удивительная странность. Покойный М. Я. Морошкинъ вывелъ изъ консисторскихъ матеріаловъ, что карьерные люди столицъ при Потемкинѣ любили крестить сыновей «Григорьями», при Разумовскомъ «Кирилами», а при Чернышевѣ «Захарами». О благородномъ Разумовскомъ разсказываютъ, что онъ это зналъ, и что это его «очень сердило».

Еще стоило бы замѣтить о прозвищахъ «поносныхъ» и «гнусныхъ», которыя иногда замѣнялись начальствомъ на лучшія, а иногда хотя и оставались въ своей неприкосновенности, но смыслъ ихъ исчезалъ въ болѣе высокой средѣ общества. Извѣстно, напримѣръ, что фамилія Скобелевыхъ дошла до насъ въ передѣлкѣ, которая была вызвана неблагозвучіемъ первоначальнаго ихъ прозвища. Но есть такія прозвища, которыя сами по себѣ для нашего слуха теперь уже ничего неудобнаго не представляютъ, а между тѣмъ они даны вначалѣ народомъ по причинамъ довольно щекотливаго свойства. Такъ, напримѣръ, есть одна странная фамилія, о которой думаютъ, что она пошла отъ чего-то важнаго и даже много значитъ. Это фамилія Перестанкины. Въ Орловской губерніи я слыхалъ, будто эта фамилія производится «отъ рѣчки Перестанки», но это невозможно, ибо сама пересохшая рѣка Перестанка передѣлана, а въ народѣ она называется иначе... Почтовые чиновники въ Орлѣ могутъ свидѣтельствовать, что орловскіе мѣщане и теперь еще иногда надписываютъ свои письма къ домашнимъ не за «Перестанку», а такъ, что въ печати сказать неудобно.

Совсѣмъ нестаточно, чтобы простолюдинъ сдѣлалъ производное слово совсѣмъ несхоже съ тѣмъ, что онъ самъ именуетъ по-своему совсѣмъ иначе.

Развѣ скорѣе можно допустить, что само прозвище «Перестанкинъ» переправлено ради благозвучія, какъ переправлены прозвища Зезеринъ, Ледаковъ, Перетасуевъ и т. п.

Такъ я и думалъ, но случай заставилъ меня и въ этотъ разубѣдиться.

Одинъ подшлифованный человѣкъ, получившій себѣ въ сладостный даръ фамилію «Перестанкинъ», ободрясь успѣхами въ жизни, ощутилъ слабость къ аристократизму и сталъ считать свою фамилію очень именитою. Онъ родословіе вывелъ и говорилъ: «У насъ только герольдъ въ коробьѣ сопрѣлъ, а то нашъ родъ выше средняго: мы отъ самого болховскаго князя. Въ Болховѣ его родъ пересталъ, а нашъ начался: потому и зовемся теперь Перестанкины».

Странное и даже нелѣпое это было объясненіе, а между тѣмъ въ немъ чувствовалось что-то какъ будто подходящее: возможно, что что-то въ роду было, да перестало, и отъ того пошедшій отводокъ сталъ именоваться въ долготу дній «Перестанкины». «Болховской князь», представляющій что-то героическое во мнѣніи орловскихъ простолюдиновъ, вѣрно припутанъ къ этому родословію зря, но не было ли какого разбойника въ родѣ воспоминаемаго въ Прологѣ Давида, который «губилъ яко же никто инъ болѣ его», а потомъ «преста отъ того» и «понуди игумена нѣкоего страхомъ постричь его въ чинъ ангельскій». Онъ пересталъ разбойничать и «званье ему измѣнили».

Въ этомъ родѣ дѣло и разъяснилось.

Поселяюсь я разъ на зиму у родныхъ въ Пензенской губерніи, при заводахъ, въ с. Райскомъ. Жило насъ много въ разныхъ флигеляхъ, и мнѣ понадобился расторопный мальчикъ для побѣгушекъ.

Попросилъ я объ этомъ знакомаго мужика. Мужикъ подумалъ и говоритъ: «это трудно,—хозяйскаго сына ни одного отцы не отдадутъ, а развѣ, говоритъ, можно попробовать Перестанкина сына».

— Мнѣ,—отвѣчаю,—все равно. Я мальчика обижать не буду.

— Да обижать зачѣмъ. Дитю обидишь—Богъ обидитъ.

— Ну, такъ ты такъ и скажи его отцу.

Собесѣдникъ мой выразилъ недоумѣніе.

— Какой же, говоритъ, у него отецъ?

— Я не знаю, какой онъ.

— У него отца нѣтъ,—перестанкинъ сынъ, такъ какого онъ отца знаетъ.

— Кто же его мать?

— Дѣвка,—она допрежъ къ заводскимъ робятамъ ходила, да перестала.

— Вонъ что!

— Да. А ты не понялъ?

— Сначала не понялъ.

— Просто. За что же ее и перестанкой зовутъ? У нея заболуйный парень есть... Хорошій паренекъ, тебѣ бѣгать очень снадобится.

Вотъ мнѣ и объяснился простой, но вѣрный корень замысловатой фамиліи.

Этотъ «заболуйный перестанкинъ сынъ» былъ у меня «на побѣгушкахъ», чистилъ мнѣ сапоги, обученъ мною грамотѣ и былъ впослѣдствіи опредѣленъ въ контору, гдѣ его прямо такъ и начали кликать: «Перестанкинъ»!

Такимъ образомъ открылся новый родъ, потомки котораго современемъ тоже, пожалуй, станутъ думать о себѣ «выше средняго» и захотятъ разсказывать, что у нихъ «герольдъ сопрѣлъ».

Польская шляхта, не доказавшая своего дворянства, всегда жалуется, что у нихъ «герольдъ спалёнъ», т. е. сгорѣлъ; а у нашихъ онъ всегда «сопрѣлъ».

Отчего бы это? Должно быть—дѣло вкуса и фантазіи.

Разумѣется, все это, что я теперь написалъ, крайне не серьёзно и болѣе похоже на шуточныя воспоминанія, а не на историческіе коррективы къ нашимъ родословіямъ, но что же дѣлать, если такъ бываетъ съ самыми серьёзными вещами, что великое близко соприкасается съ суетнымъ, и отъ этого общаго закона не убѣгаетъ даже и русская геральдика.

Во вкусѣ же народномъ, — если кто хочетъ это провѣрить, — самыми лучшими прозвищами почитаются «прозвища по-страны» (т. е. по странѣ), а «не отъ имени человѣча». Самое лучшее прозваніе у насъ идетъ отъ края, отъ города, даже отъ села, вообще отъ мѣстности: князь «черниговскій», «одоевскій», воевода «сѣвскій», «гадячскій», «ломовецкій» баринъ, «воронецкій» попъ, «ряжевскій» староста. Все «отъ страны». Старому почетному «сѣдуну» на мѣстѣ названіе того мѣста придается, и это есть почетъ. Отъ «ломовецкаго барина» идутъ и дѣти его тоже «ломовецкіе господа». И всѣхъ такихъ прозваній «по странѣ» нѣтъ для народнаго вкуса законнѣе и «степеннѣе». И слухъ народный на этотъ счетъ удивительно разборчивъ. Одно время множество вполнѣ незначительныхъ людей, носящихъ фамилію Валуевы, «выводили себѣ герольда» и усиливались производить свое прозвище отъ города Валуекъ, но простые старовѣры имъ разъясняли, что ихъ ге-

ральдическая претензія неправильна. А прозвище ихъ, по народному соображенію, надо выводить отъ «валуя», т. е. отъ того стариннаго особыхъ дѣлъ мастера, который вилъ воловьи жилы, или билъ людей этими «валуями».

Правы ли старовѣры—не знаю, а только можно пожалѣть, что они и другіе наши простолюдины еще не скоро будутъ читать книгу Карновича. Они бы, можетъ быть, по ней многое, наконецъ, уяснили, что останется непонятнымъ для нѣкоторыхъ нашихъ малоначитанныхъ и почти незнающихъ русской жизни ученыхъ [1]).

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, будто народъ русскій, кромѣ многихъ иныхъ отмѣнныхъ качествъ, которыми онъ превосходитъ иные народы, еще отличается прирожденнымъ «демократизмомъ». Въ печати такъ и необинуясь и говорятъ: «нашъ

---

[1]) Валуй—это, очевидно, что-то тожественное, или близкое къ понятію, выражаемому словомъ «заплечный мастеръ», или палачъ. Въ старыхъ (патріаршихъ) прологахъ все еще упоминаются валуи и били валуями, т. е. жилами воловьими, прототипами кнутовъ и плетей, уничтоженныхъ при Александрѣ II (17-го апрѣля 1863 года). Вспомнивъ здѣсь объ этихъ дѣятеляхъ, невольно вспоминается и то, что многіе изъ палачей, по игрѣ случая, имѣли очень звучныя и пріятныя фамиліи, такъ, напримѣръ, по Петербургу прославили себя Никита Хлѣбосоловъ, Петръ Глазовъ (давшій будто свое имя извѣстному Глазову кабаку), Василій Могучій, Степанъ Сергѣевичъ Карелинъ (профессоръ своего дѣла) и Генрихъ Пасеи. Каждое имя одно звучнѣе другаго, а особенно Хлѣбосоловъ. (См. Русск. Арх., 1867 г.).

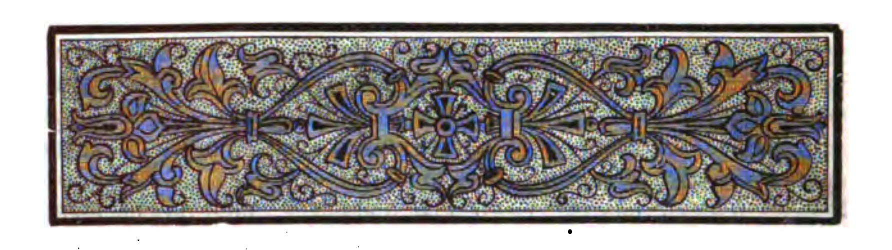
«Обаче горе тому, его же имя полнѣе дѣлъ его».

Какъ чутокъ народъ и какъ смысленна его памятливость, это обнаруживается иногда удивительно. Чаще многихъ, напримѣръ, встрѣчается очень распространенная простонародная фамилія Половцевы. Гдѣ есть «половецкій шляхъ» или «половецкій бродъ», тамъ эту мѣстность непремѣнно кругомъ обсѣли Половцевы. Въ Орлѣ немного повыше такъ называемой «Хвастливой мельницы» (или плотины) былъ, а, можетъ быть, и теперь есть, «Половецкій мостъ» черезъ Оку, а по сторонамъ «дворы», и тѣмъ дворамъ такъ и имя было «половецкіе дворы», а жители этихъ дворовъ всѣ «половцы». (Одинъ изъ нихъ, Спиридонъ Половцевъ, заслуживъ много орденовъ въ военной службѣ, былъ швейцаромъ у князя Трубецкаго, и былъ могущественный своего времени дѣлецъ и замѣчательный взяточникъ). Но какъ ни много Половцевыхъ, а народъ, всетаки, рѣдко кличетъ просто Половцевъ, а всегда «придаетъ»—шелудивый, или «шелудивый половчинъ», или «половецкій шелудякъ». Между тѣмъ жители отъ половецкаго моста народъ очень чистый и видъ ихъ таковъ, что ничѣмъ не напоминаетъ о такой неопрятной, заразной болѣзни, какъ шелуди. Отчего же дается имъ этотъ непремѣнный придатокъ къ фамиліи? Сему есть историческая причина, и она станетъ ясной и понятной всякому, кто когда нибудь со смысломъ и памятливо читалъ въ кіево-печерскомъ патерикѣ благочестивое сказаніе о возведеніи «небеси-подобной» лаврской церкви. Тамъ, между прочимъ, читается, что грабившіе (въ 1096 г.) Русь половцы были «шелудивы» до того, что и самъ ихъ ханъ Бунякъ, «поноситель Бога христіанскаго», тоже былъ весь «въ шелудяхъ». Н. Л.

русскій народъ отъ природы своей — демократическая нація». Другіе этому и не вѣрятъ, и смѣются, указывая на довольно общіе и убѣдительные факты, какъ всякій русскій охотно «лѣзетъ выше своего званія» и отчего у насъ почитаютъ «вышедшими въ люди» только тѣхъ, кто именитъ и отъ прочихъ отличенъ по заслугамъ, или даже и безъ оныхъ. Само простонародье, почитаемое нынче за вѣрнѣйшій коефиціентъ народности въ Россіи, говоритъ: «народъ ломливъ», т. е. любитъ «ломиться въ честь», чтобы «въ чести ломаться». Любитъ поклоны, любитъ чваниться, ищетъ лучшихъ мѣстъ на сборищахъ и пирахъ, любитъ потѣснить слабаго и показать надъ нимъ свое могущество. Словомъ, въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ, кажется, таковъ же, какъ и большинство людей на свѣтѣ, и я никакого своего мнѣнія объ этомъ прибавлять не стану, но укажу только одну смѣшную странность: замѣчательно, что эти самые русскіе люди, которые такъ любятъ получать медали, званія и всякія превозвышающія отличія, сами же не обнаруживаютъ къ этимъ отличіямъ уваженія, и даже очень любятъ издѣваться. А. П. Ермоловъ въ Москвѣ звалъ, напримѣръ, своихъ лакеевъ «совѣтниками», и въ Москвѣ бывало безпрестанно слышишь, какъ въ трактирахъ гость въ сибиркѣ кричитъ пробѣгающему половому: «совѣтникъ», подай кипяточку!» Самаго грязнаго халатника-татарина у насъ всѣ въ одинъ голосъ кличутъ «князь», и всякій татаринъ оборачивается на эту кличку. Теперь опять новый и замѣчательный пріемъ смѣшанной насмѣшки съ притворствомъ: обращается простолюдинъ къ городовому, а въ селѣ къ уряднику, величая его «полковникъ». И это дѣлаютъ не одни простолюдины, а и образованные люди. «Урядникъ за-урядъ полковникъ», а каждый приставъ — «ваше превосходительство». Зачѣмъ это такъ дѣлается безъ всякихъ условій и подговоровъ,—я ужъ этого не знаю; а только дѣйствительно урядниковъ зовутъ полковниками, а приставовъ—генералами. И это дѣлаютъ тѣ самые люди, изъ которыхъ рѣдкій развѣ не хотѣлъ бы быть самъ генераломъ, а иной даже съумѣлъ бы хорошо и погенеральствовать.

Вотъ и судите этотъ народъ, аристократиченъ онъ, или онъ «отъ природы своей—демократическая нація». А если судить по житейскимъ мелочамъ, то, кажется, можно подумать, что у насъ на этотъ счетъ во всѣхъ слояхъ общества стоитъ гораздо большій хаосъ, чѣмъ у другихъ людей, выработавшихъ себѣ изъ своего аристократизма или демократизма что либо опредѣленное и пригодное къ дѣлу.

Николай Лѣсковъ.

НИКИТСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

......................все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствѣ гробовъ...
Таковъ старикъ, подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ...

Лермонтовъ.

ВЪ ТРЕХЪ верстахъ отъ Переяславля-Залѣсскаго, вблизи Московскаго шоссе, на пригоркѣ, окруженномъ болотистою почвою, расположенъ древнѣйшій монастырь преп. Никиты Столпника.

24-го мая 1886 года, исполнилось семь вѣковъ со дня мученической кончины подвижника этой обители преп. Никиты Столпника, жившаго въ XII вѣкѣ. Преп. Никита родился и получилъ воспитаніе въ Переяславлѣ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ сдѣлался сборщикомъ податей и, пользуясь своими связями съ городскими судьями и другими начальниками, дѣлалъ много зла людямъ, бралъ съ нихъ неправедную мзду и тѣмъ содержалъ себя съ женою. Послѣ многихъ лѣтъ такой жизни, Никита зашелъ однажды въ церковь и тамъ услышалъ чтеніе изъ прор. Исаіи: Взыщите суда, избавите обидимаго... и пр. (Исаіи 1, 16—21). Слова эти поразили грѣшника: онъ вспомнилъ свои неправедныя дѣла и, воротившись домой, не могъ заснуть всю ночь. На другой день, чтобы развлечься, онъ отправился къ друзьямъ своимъ, пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ, купилъ все нужное для угощенія и приказалъ женѣ приготовить. Когда жена начала варить и обмывать мясо, ей все ви-

Никитскій монастырь.

дѣлись въ сосудѣ только пѣна и кровь, сколько она ихъ ни снимала, и разные члены человѣческаго тѣла. Жена сказала мужу, который увидѣлъ то же самое своими глазами и пришедъ въ изступленіе. Долго стоялъ онъ въ молчаніи, произнося только: горе мнѣ, великому грѣшнику! Потомъ вышелъ изъ города, пришелъ въ монастырь великомученика Никиты, повергся предъ игуменомъ, открылъ ему свои беззаконія и страшное видѣніе и просилъ себѣ постриженія въ монашество. Тогда игуменъ, чтобы испытать послушаніе Никиты, велѣлъ ему три дня стоять у воротъ монастыря и оплакивать грѣхи свои. Никита сталъ у монастырскихъ воротъ и со слезами исповѣдовалъ грѣхи свои предъ всѣми входившими и исходившими. На другой день, увидѣвъ вблизи монастыря болотистое мѣсто, окруженное камышемъ, гдѣ было множество насѣкомыхъ, Никита подумалъ: тѣломъ грѣшилъ я, тѣломъ долженъ и страдать, и, снявъ съ себя всю одежду, сѣлъ въ тростникѣ и отдалъ тѣло свое на терзаніе насѣкомымъ. Спустя три дня, игуменъ послалъ инока узнать о Никитѣ; инокъ нашелъ его въ тростникѣ, всего израненнаго насѣкомыми и изнемогшаго отъ истеченія крови, и донесъ игумену. Игуменъ, вмѣстѣ съ братіею, поспѣшилъ взять Никиту, постригъ его въ иночество и затворилъ въ тѣсной келіи. Чрезъ нѣсколько времени новый инокъ, съ благословенія игумена, надѣлъ на себя тяжелыя желѣзныя вериги и, проводя день и ночь въ чтеніи псалмовъ и житій святыхъ, исполнялъ и трудъ тѣлесный: своими руками ископалъ два колодца, самъ поставилъ для себя столпъ, въ которомъ, съ благословенія игумена, началъ подвизаться, и вырылъ подъ стѣною узкій проходъ, которымъ ходилъ на молитву. Богъ прославилъ своего угодника даромъ чудесныхъ врачеваній. Много лѣтъ подвизался Никита въ своемъ столпѣ. Однажды пришли къ нему два родственника за благословеніемъ и, принявъ его свѣтлыя вериги за серебряныя, умертвили его ночью, а съ веригами бѣжали къ Ярославлю. Здѣсь увидѣли они свою ошибку и бросили вериги въ Волгу. Далѣе въ житіи преп. Никиты повѣствуется, что тогда (въ концѣ XII вѣка) существовалъ въ Ярославлѣ близь рѣки Волги монастырь св. апостоловъ Петра и Павла, что въ этомъ монастырѣ жилъ благочестивый старецъ Симонъ, которому чудесно указано было мѣсто, гдѣ лежали въ рѣкѣ вериги св. Столпника, и что потомъ онѣ, по распоряженію игумена монастыря, торжественно извлечены были изъ воды [1]).

Послѣ мученической кончины, Никита почитался какъ мѣстный святой, но въ XV вѣкѣ совершилось открытіе его мощей. Изъ рукописныхъ житій преподобнаго, писанныхъ въ XVI вѣкѣ, видно, что митрополитъ Фотій, удивляясь, какъ это до сихъ поръ никто не позаботился открыть мощи такого великаго подвижника, самъ

[1]) Макарій, «Исторія русск. церкви», 3, 4, стр. 56—58.

сдѣлалъ попытку откопать ихъ. Когда разрыли могилу и уже стали открывать бересту, которою вмѣсто гроба обернуто было тѣло Столпника, то совершилось чудо: преподобный не захотѣлъ лежать поверхъ земли, поднялась внезапно сильная буря, и разрытая могила засыпалась сама собою.

Вѣроятно, прежде Никитскій монастырь неособенно богатъ былъ зданіями. Часть каменныхъ построекъ воздвигнута царемъ Иваномъ Грознымъ. Въ 1611 году, поляки подъ предводительствомъ Сапѣги надѣлали этой обители немало зла. Ограбивъ монастырскую казну, они предали огню многія зданія. Впрочемъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича монастырь пришелъ въ еще болѣе цвѣтущеѐ состояніе: до Екатерининской реформы за нимъ числилось 2,038 душъ крестьянъ, и онъ владѣлъ многими селами и деревнями, въ томъ числѣ и знаменитымъ селомъ Городецъ.

Изъ числа уцѣлѣвшихъ монастырскихъ владѣній находится пустошь «Александрова гора», бывшее языческое кладбище и затѣмъ мѣсто уничтоженнаго Александровскаго монастыря. Гора эта, по археологическимъ раскопкамъ, произведеннымъ въ 1853 году покойнымъ П. С. Савельевымъ, представляетъ живую лѣтопись Суздальскаго края. Искусственныя наслоенія скрывали въ себѣ куфическія монеты Абассидовъ и Саманидовъ, слѣды каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка, сожженное капище и христіанскую церковь, слѣды татаръ и монеты Іоанна III и IV и, наконецъ, монастырскія вещи XV и XVI вѣковъ.

Главная соборная церковь Никитскаго монастыря построена Грознымъ въ 1564 году въ память рожденія царевича Іоанна, на мѣстѣ бывшей небольшой каменной церкви, построенной въ началѣ XVI вѣка его отцомъ царемъ Василіемъ. Грозный самъ былъ на освященіи храма съ митрополитомъ Аѳанасіемъ и царицею Маріею Ѳеодоровною.

Архитектура храма немало измѣнилась отъ передѣлокъ. Въ 1759 году, вмѣсто небольшихъ оконъ были пробиты большія, а иконостасъ и многія мѣстныя иконы были сдѣланы новыя; сводъ на паперти уроненъ и сдѣланъ вновь деревянный; живопись до настоящаго времени была весьма плохая и въ послѣдній разъ возобновлялась въ 1876 году; нынѣ, ко дню 700-лѣтняго юбилея, художникомъ Софоновымъ сдѣлана новая въ стилѣ XII вѣка. На сколько стиль живописи XII вѣка идетъ къ стѣнамъ храма, построеннаго въ XVI вѣкѣ, мы судить не беремся; очевидно, мѣстные археологи, извѣстные по своимъ рефератамъ на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ [1]) относительно охраненія церковныхъ древностей, нашли это вполнѣ возможнымъ; мы же думаемъ, что возстановленіе первоначальныхъ слѣдовъ живописи этого храма XVI или даже XVII

[1]) Художественнаго отдѣла VI археол. съѣзда отчетъ Н. В. Султанова, стр. 27.

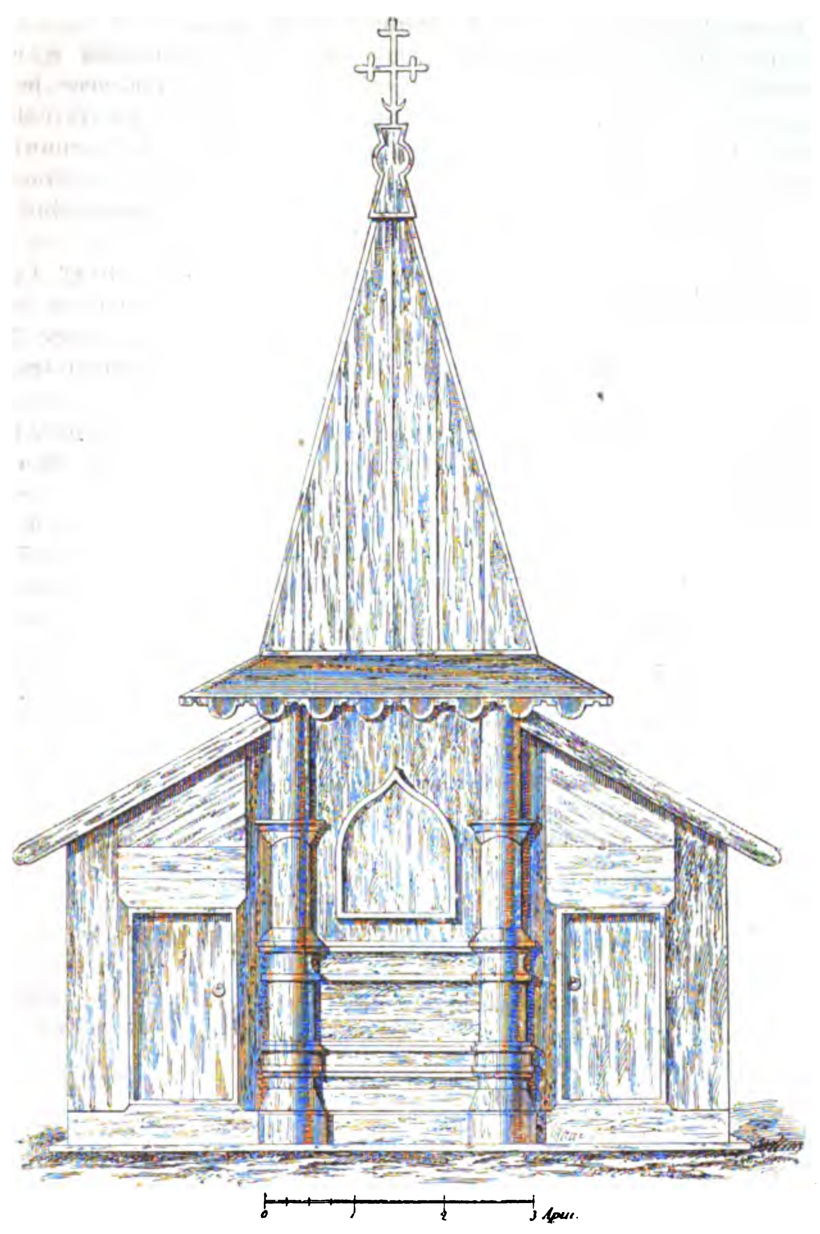
вѣка было бы желательнѣе, тѣмъ болѣе, что, на сколько намъ извѣстно, слѣды эти отчасти сохранились подъ позднѣйшимъ слоемъ стѣннаго письма не столь отдаленнаго времени.

Изъ иконъ замѣчательны: преп. Никиты съ чудесами и изображеніемъ обрѣтенія на рѣкѣ Волгѣ его веригъ и храмовая великомученика Никиты—обѣ относятся къ XVII вѣку; замѣчательны также мѣдное паникадило XVII вѣка съ орлами и двѣ вышитыя золотомъ и шелками хоругви, даръ царицы Анастасіи Романовны, супруги Грознаго. У праваго клироса находится рака надъ мощами преподобнаго, работы XVIII вѣка; тутъ же и его тяжелыя вериги.

Съ правой же стороны алтаря устроенъ тѣмъ же царемъ Грознымъ придѣлъ во имя преп. Никиты; таковой же придѣлъ былъ и съ лѣвой стороны во имя Всѣхъ Святыхъ, но онъ давно уже упраздненъ, и тутъ помѣщается теперь архивъ и монастырская библіотека.

Теплая Благовѣщенская церковь хотя и построена также Грознымъ, но передѣлана совершенно. На мѣстѣ придѣла во имя св. Іоанна, списателя Лѣствицы, на лѣвой сторонѣ алтаря, устроена ризница; другой придѣлъ во имя Θеодора Стратилата нарушенъ; трапеза сокращена на половину, а жившій въ монастырѣ преосвященный Серапіонъ, епископъ переславскій, въ 1758 году устроилъ въ другой половинѣ настоятельскія келіи, украсивъ потолки карнизами, а окна наличниками. Словомъ, вопреки желанію царственнаго основателя храма, очевидно, сдѣлавшаго его въ память своихъ сыновей Іоанна и Θеодора, отцы настоятели совершенно его переустроили. Описатель Никитскаго монастыря, мѣстный протоіерей о. Свирѣлинъ, какъ археологъ, вѣроятно, не безъ горечи сдѣлалъ перечень этихъ передѣлокъ [1]). «Въ 1766 году, для бо́льшаго свѣта,— пишетъ онъ,—окна были пробраны и сдѣланъ новый иконостасъ съ новыми иконами; 1809 года, иконостасъ и иконы были обновлены; 1837 года, вызолоченъ иконостасъ въ придѣлѣ св. Николая; 1851 года, вмѣсто деревянной крыши какъ на церкви, такъ и на настоятельскихъ покояхъ сдѣлана желѣзная крыша за 2,158 р. на монастырскій коштъ; затѣмъ починки и постройки принадлежатъ заботамъ нынѣшняго о. архимандрита Наума: 1873 года, иждивеніемъ г-жъ Гладковыхъ устроена въ церкви духовая печь, передѣлано для большаго свѣта 11 оконъ, а подъ алтаремъ устроены двѣ кельи и пекарня для просфоръ; въ 1875 году, иждивеніемъ г-жъ Гладковыхъ сдѣланъ въ церкви мозаичный полъ, въ придѣлѣ св. Николая устроенъ новый дубовый иконостасъ съ тремя мѣстными образами и стѣны и куполъ украшены живописью; западная дверь изъ этого придѣла заложена наглухо; въ настоятельскихъ келіяхъ отдѣ-

[1]) Описаніе Переславскаго Никитскаго монастыря, свящ. А. Свирѣлина, Москва, 1879, стр. 14.

Столпъ преподобнаго Никиты.

лана въ 1872 году передняя комната. Такъ какъ въ 1766 году былъ сдѣланъ новый иконостасъ съ новыми иконами, а въ 1809 году онъ былъ обновленъ, то иконы не представляютъ особеннаго значенія въ археологическомъ отношеніи. Осталась только храмовая икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, пожертвованная въ 1696 году архимандритомъ Гудова монастыря Арсеніемъ. Но нельзя не обратить вниманія на художественно-шитую икону пр. Никиты Столпника, стоящую у южныхъ дверей иконостаса у праваго клироса». Икона эта вышита шелками и выдается за вкладъ царицы Анастасіи Романовны.

Въ числѣ настоятелей монастыря, между прочими, былъ епископъ Серапіонъ Лятушевичъ (1745—1753), посвященный въ викарнаго епископа Переславской епархіи изъ архимандритовъ Колязина монастыря и въ 1753 году переведенный на Вологодскую епархію, гдѣ и скончался въ 1762 году, бывъ два года въ разслабленіи отъ паралича; онъ погребенъ въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ на правой сторонѣ. Любопытна надпись, вырѣзанная на его гробѣ:

Здѣсь въ гробѣ епископъ тѣломъ почиваетъ
Серапіонъ, но духомъ въ небѣ обитаетъ.
Въ мірѣ званъ былъ Симеонъ, но измѣни имя
Въ Кіевѣ, гдѣ плодъ снискалъ ученій и сѣмя [1]),
Подъ спудомъ свѣтильника не скры добродѣтель,
Но наверху быть ему восхотѣ Содѣтель.
Архимандритъ будучи монастыря славна
Колязина, трудами показа ся (себя) хвальна,
За кои удостоенъ преславна града
Викаріемъ и пастыремъ словесна стада;
Но за благочестіе, чтобъ сіяло болѣ,
На престолъ церкви сея переведенъ оттолѣ.
Паслъ здѣшнее стадо шесть лѣтъ словомъ и дѣломъ,
Но лѣта два и полъ-ахъ-былъ недвижимъ тѣломъ;
Пятьдесятъ и семь лѣтъ имѣвъ отъ своего роду,
Семьсотъ шестьдесятъ и втораго году,
Двадесять во вторый день мѣсяца апрѣля,
Въ болѣзни его душа разлучилась тѣла;
Іюня въ восьмый день покрыся землею,
Провожденъ сукцессоромъ [2]) и паствою своею.

---

[1]) Помалороссійски, а также и по вологодскому простонародному выговору — симя.

[2]) Погребенъ 8 іюня, слѣд. въ 48 день послѣ кончины: удивительно долгій промежутокъ времени. Положимъ, что погребеніе его было замедлено въ ожиданіи прибытія въ Вологду сукцессора (преемника) преосвященнаго Іосифа, но и послѣ его прибытія (25 мая) погребеніе почему-то еще было отложено на двѣ недѣли.

Преосвященный Серапіонъ былъ большой любитель построекъ. Въ одномъ изъ синодскихъ указовъ 1755 года было даже сказано, что онъ, Серапіонъ, «все только ломалъ, а ничего добраго вновь какъ въ Никитскомъ, такъ и въ другихъ монастыряхъ не построилъ».

Бывшій монастырь, нынѣ церковь св. Петра и Павла, въ Ярославлѣ, построенная въ 1691 году.

Рядомъ съ трапезною церковью стояла еще церковь во имя Георгія Милитинскаго, построенная въ 1678 году бояриномъ Юріемъ Барятинскимъ; но приснопамятнымъ для Никитской обители преосвященнымъ Серапіономъ она была сломана по слѣдующей его резолюціи: «Церковь разобрать и строить во имя того же святаго

новую, такъ чтобы у оной церкви передней стѣнѣ быть трапезной церкви Благовѣщенія отъ алтарнаго угла полинейно, а задней стѣнѣ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ означенная церковь нынѣ стоитъ переднею стѣною». Церковь была разобрана, но новая, однако, не построена.

«Въ монастырѣ,—писалъ одинъ изъ недавнихъ посѣтителей обители [1]),—двѣ колокольни. Первая, построенная Грознымъ въ 1570 году и поправленная послѣ польскаго погрома въ 1668 году на средства царицы Маріи Ильиничны и митрополита сарскаго Павла, архимандритомъ Лаврентіемъ была совершенно передѣлана. Симъ старцемъ въ 1831 году для чего-то устроенъ новый куполъ съ восьмигранной главой вмѣсто шатроваго верха. Трудившійся надъ благоукрашеніемъ обители этотъ же о. архимандритъ Лаврентій не удовольствовался передѣлкой колокольни. Онъ выхлопоталъ у владыки разрѣшеніе построить еще новую, мотивируя свое прошеніе тѣмъ, что «во многихъ монастыряхъ, для благолѣпія монастырей, построены колокольни надъ святыми вратами». Не имѣя средствъ для достиженія такого благолѣпія, о. архимандритъ смиренно просилъ разрѣшенія продать старинную серебряную водосвятную чашу, двѣ пивныя серебряныя кружки, три подноса и чарки. Но это не было разрѣшено, а дозволено было сдѣлать другую операцію: сломать старыя постройки и упраздненную надъ святыми вратами церковь, построенную въ 1625 году. Эта-то Лаврентіевская постройка надъ вратами, сдѣланная имъ «для достиженія благолѣпія обители», и есть главная колокольня, а прежняя, неизвѣстно для чего переломанная, стоитъ безъ всякой надобности въ пренебреженіи и всѣ колокола съ нея сняты».

«Близь соборной церкви каменный столпъ, сдѣланный на мѣстѣ столпа, въ которомъ молился и былъ убитъ пр. Никита. И этотъ столпъ не миновалъ рукъ любящихъ благолѣпіе старцевъ. По описи 1701 года, столпъ былъ каменный, а на столпѣ шатеръ и чуланъ, крытый тесомъ. По нарочно составленному архимандритомъ Нифонтомъ [2]) въ 1755 году рисунку уже его преемникомъ о. архимандритомъ Іеронимомъ Левандовскимъ (испортившимъ и теплую Благовѣщенскую церковь расширеніемъ оконъ и уничтоженіемъ древняго иконостаса) вокругъ столпа, вмѣсто деревянныхъ папертей, въ 1763 году сдѣлана была галлерея каменная, а подъ столпомъ, въ землѣ, келья каменная съ окошкомъ. Въ 1777 году, устроенъ каменный рундукъ; въ 1796 году, столпъ былъ расписанъ живописными изображеніями, взятыми изъ житія преподобнаго; около 1809 года,

---

[1]) Отъ Ростово-Ярославскаго до Переславля-Залѣсскаго, А. Каово, Москва, 1884.

[2]) Архимандритъ Нифонтъ Червинскій (1753—1758). На него въ 1755 году, въ іюлѣ, выборные отъ крестьянъ духовной слободки подавали жалобу за неза-

о. архимандритъ Лаврентій столпъ опять передѣлалъ [1]); въ 1845 году, живопись на столпѣ была исправлена. Послѣ этого столпъ преподобнаго, кажется, оставленъ въ покоѣ».

«Весь монастырь,—продолжаетъ А. Каово,—обнесенъ каменною оградою на 238 саженъ, съ 6 башнями; ограда построена въ 1562 году Грознымъ и была во время раззоренія монастыря литовцами мѣстами разрушена, а въ 1643 году была снова возобновлена. Въ 1701 году, на башняхъ стояло 8 чугунныхъ пушекъ, теперь снятыхъ и, въ числѣ семи, поставленныхъ при входѣ въ монастырь. Ризница монастырская особенно богата церковною утварью. Въ ней я видѣлъ и серебряную водосвятную чашу, которую домогался продать о. архимандритъ Лаврентій для постройки новой колокольни; она большая, 13 ф. вѣсомъ, и имѣетъ по краямъ надпись вязью: «Лѣта 7163, мѣсяца сентевріа въ 7 день, дѣлана водосвятная чаша, серебряная, въ домъ чудотворца Никиты, при игуменѣ Моисеѣ Винявитинѣ да при казначеѣ Іосифѣ Калачевѣ съ братіею на казенныя деньги».

«Пробѣгая монастырскія лѣтописи, —говоритъ затѣмъ А. Каово,— скорбя о безчинствахъ и раззореніяхъ, причиненныхъ монастырю въ 1611 году паномъ Сапѣгою, съ литовскими людьми, невольно придешь къ сознанію, что въ смыслѣ разрушенія древнихъ храмовъ буйныя шайки Сапѣги сдѣлали менѣе зла, чѣмъ тѣ лица, которыя были обязаны сохранять память о царственныхъ благотворителяхъ этой обители. То, что пощадили литовскіе лихіе люди, то сломано и разрушено для какого-то монастырскаго благолѣпія. Ломали, а ничего добраго не построили».

То же самое писалъ еще въ 1847 году покойный профессоръ Шевыревъ, при посѣщеніи Переяславля [2]). «Грустью отзывалось мнѣ въ сердцѣ,—говоритъ онъ,—слово поусердствовали, которое я нерѣдко слыхалъ въ монастыряхъ и древнихъ нашихъ храмахъ. Конечно, никто не осмѣлится порочить благочестивыхъ побужденій въ такомъ священномъ дѣлѣ; но если хотите построить или украсить храмъ Богу, то зачѣмъ же непремѣнно вамъ надобно раззорить для того или заново измѣнить какое нибудь зданіе, которое

конные поборы, а въ 1757 году, въ іюнѣ, монашествующіе жаловались на его безчиніе и на то, что онъ не служилъ въ день рожденія государыни. По этимъ жалобамъ было наряжено слѣдствіе, и на время дѣла онъ содержался подъ арестомъ въ Горицкомъ монастырѣ; 18-го декабря 1757 года, дозволено было ему опять жить въ Никитскомъ монастырѣ и, для умоленія Бога о своихъ согрѣшеніяхъ, во всю четыредесятницу служить преждеосвященныя обѣдни. Былъ послѣ членомъ переяславской духовной консисторіи; умеръ въ 1760 году.

(А. Свирѣлинъ, стр. 37).

[1]) Нашъ рисунокъ, сообщенный намъ графомъ М. В. Толстымъ, представляетъ столпъ до Лаврентіевской передѣлки.

[2]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, проф. С. П. Шевырева, стр. 53.

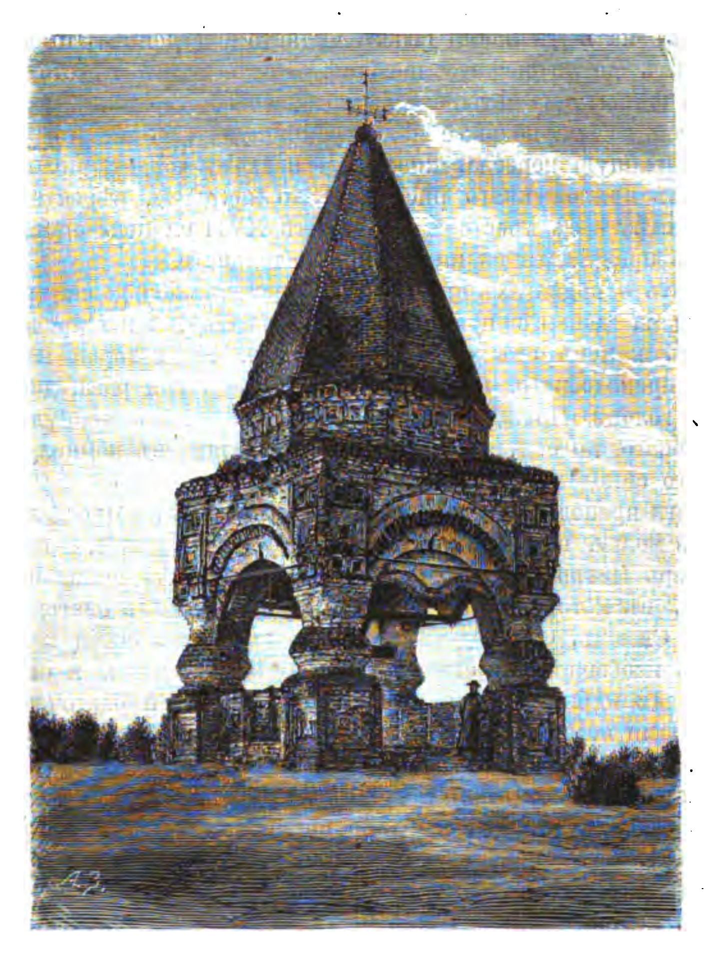
служитъ памятникомъ молитвы вашихъ предковъ и прожило нѣсколько столѣтій? Вы строите въ XIX вѣкѣ: архитектура храма должна отвѣчать новымъ потребностямъ времени. Еще ужасно видѣть, какъ рука новаго живописца размазываетъ на древнихъ иконахъ свои новыя, румяныя и дебелыя изображенія, въ которыхъ

Часовня близь Никитскаго монастыря въ память заключенія мира переяславцевъ съ суздальцами.

самоуслаждается его развитая личность. Да неужели же нѣтъ для того простаго дерева? Зачѣмъ же надобна непремѣнно для такихъ подвиговъ древняя икона, на которой печать вѣковъ? Великій художникъ, конечно, не совершитъ такого святотатства, а совершить его можетъ одинъ невѣжда, съ развитою безусловно личностью».

Кромѣ описанныхъ выше, въ монастырѣ сохранилось немало предметовъ XVI и XVII в. Замѣчательны: вышитый покровъ съ изображеніемъ преподобнаго—даръ Милославскаго (7165) 1657 года; такіе же образа Казанской Божіей Матери и преп. Никиты, XVI в.; воздухи и набедренникъ съ изображеніемъ угодника, того же времени. Въ библіотекѣ особенно цѣнны синодики XVI и XVII вв. съ

Портикъ-часовня близь Переяславля.

записью родовъ Алексѣя Черноризца, митрополита московскаго, дворянъ и дѣтей боярскихъ, побитыхъ подъ Псковомъ въ 1650 году, и т. д.

Вблизи монастыря находятся двѣ часовни: одна у Ростовскаго шоссе, сооруженная переяславцами и суздальцами въ память заключенія между ними навсегда мира; другая, не доходя версты отъ

монастыря, такъ называемая Черниговская, въ память исцѣленія черниговскаго князя Михаила Всеволодовича. Князь, будучи боленъ, услышалъ о чудесахъ преп. Никиты, пріѣхалъ въ Переславль и, на мѣстѣ настоящей часовни раскинувъ шатеръ, послалъ просить преп. Никиту прійдти къ нему. Угодникъ послалъ князю свой посохъ, отъ котораго князь и получилъ исцѣленіе; это было въ 1186 году, 16-го мая. Князь поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ, надписавъ на немъ время своего чуднаго исцѣленія. Этотъ крестъ былъ цѣлъ до литовскаго погрома. Надъ этимъ крестомъ было сдѣлано покрытіе на четырехъ бочкообразныхъ столпахъ, по словамъ рукописей, весьма похожее на сохранившуюся посейчасъ часовню, принадлежащую переславскому Ѳедоровскому монастырю, какъ это видно изъ приложеннаго рисунка. Это покрытіе, вѣроятно, уничтожено вмѣстѣ съ крестомъ въ началѣ XVII в.; нынѣшняя же часовня не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Память о подвигахъ преп. Никиты сохранилась до сего времени. Богомольцы донынѣ продолжаютъ надѣвать вериги преподобнаго и, взявъ камень отъ ступеней часовни, въ которой находится столпъ преподобнаго, обходятъ вокругъ него три раза, держа камень на головѣ. Прежде вмѣсто камня они брали каменную шапку преподобнаго, но она въ 1735 году была взята въ канцелярію московскаго синодальнаго приказа.

Вериги преподобнаго, брошенныя бѣжавшими въ Ярославль убійцами въ Волгу, подплыли,—какъ говорится въ житіи,—къ мѣсту, гдѣ теперь Петропавловская церковь. Тутъ въ то время былъ монастырь, въ которомъ, по словамъ пролога, жилъ благочестивый старецъ Симонъ. Стоя однажды ночью на порогѣ своей кельи, онъ увидѣлъ необычайный свѣтъ, выходящій изъ рѣки, и сказалъ о томъ архимандриту, и они вмѣстѣ съ иноками и благочестивыми ярославцами обрѣли на томъ мѣстѣ три креста съ тяжелыми веригами. Когда ихъ несли въ городъ, то при встрѣчѣ съ ними исцѣлился человѣкъ, имѣвшій сухія ноги; много было затѣмъ и другихъ исцѣленій. Чрезъ нѣсколько времени явившійся старцу Симону пр. Никита повелѣлъ кресты и вериги положить въ Переславлѣ на его гробѣ.

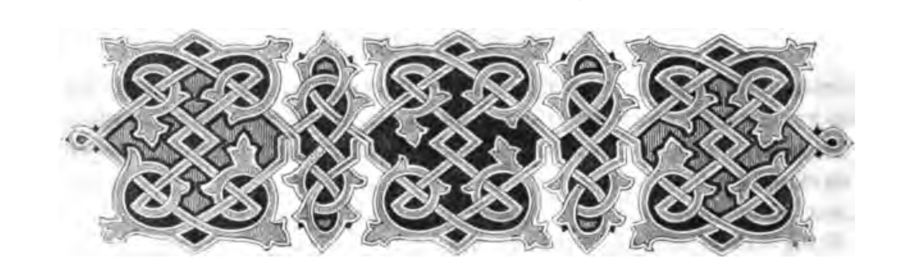
Петропавловскій монастырь былъ упраздненъ, очевидно, послѣ польскаго погрома. Нынѣ существующая церковь чрезвычайно красива. Она снаружи облицована пестрыми кафелями и, не смотря на позднѣйшія попытки къ благоукрашенію, всетаки, составляетъ прекрасный архитектурный памятникъ конца XVII в. Отъ Петропавловской обители сохранилось лишь 5—6 иконъ, находящихся въ иконостасѣ холоднаго храма. Въ Петропавловскомъ монастырѣ была усыпальница князей и княгинь первой ярославской династіи до Ѳеодора Чермнаго. Сохранились записи, что тутъ погре-

бены: кн. Михаилъ, сынъ Θеодора Чермнаго, Марія — его мать, дочь св. князя Василія Всеволодовича, и тетка князя Михаила, Анастасія, но, увы, могильныя плиты и надгробные памятники не уцѣлѣли...

И нѣтъ нигдѣ уже слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала.

А. Титовъ.

ВЪ ГОРАХЪ И ДОЛИНАХЪ РУССКАГО ТЯНЬ-ШАНЯ [1].

ВЪ ПОЛДЕНЬ 28-го іюля, мы выѣхали изъ Каракола, направляясь въ глухія горныя трущобы, мало кому доступныя. Только до первой станціи (до выселка русскихъ Сливкино) пролегаетъ хорошая колесная дорога, дальше же вьется тропинка, по которой можно проѣхать только на привычныхъ горныхъ лошадкахъ.

Благодаря добрымъ совѣтамъ И. А. Колпаковскаго, на этотъ разъ я поступилъ болѣе обдуманно, а именно: написалъ въ Пишпекъ и Намангaнъ письма, прося мѣстное начальство содѣйствовать моему путешествію; было указано направленіе моего пути, приблизительное число верстъ, проходимыхъ каждый день, и, слѣдовательно, являлась возможность заготовить мнѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ проводниковъ и провизію. Кромѣ того, И. А. впередъ отправилъ джигита, чтобы сдѣлать то же самое въ Иссыкъ-Кульскомъ урочищѣ.

Наконецъ, грубый и пьяный переводчикъ Сассыкъ, котораго я нанялъ въ Вѣрномъ, былъ прогнанъ, и его мѣсто занялъ молодой и расторопный туземецъ Деркенъ-бай, превосходно владѣющій русскимъ языкомъ и оказавшій мнѣ дѣйствительно много услугъ.

День нашего отъѣзда изъ Каракола былъ чудесный. Яркое солнце свѣтило и грѣло порядочно, чистый горный воздухъ живительной струей вливался въ грудь, вѣтерокъ пріятно дулъ въ лицо.

Наши лошади отдохнули и бойко шлепали по грязнымъ лужамъ. Налѣво громадной стѣной стояли горы, чуть не до подошвы по-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 360.

крытыя снѣгомъ; въ ущельяхъ висѣли тяжелыя тучи; кое-гдѣ разорванными клочками цѣплялись облака за остроконечныя вершины.

На полдорогѣ до Сливкино, мы заѣзжали къ богатому киргизу Чина-баю и пили тамъ чай вмѣстѣ съ И. А., который любезно взялся проводить насъ до этого мѣста.

Чина-бай принадлежитъ къ числу вліятельныхъ туземцевъ, занималъ какую-то должность довольно важную, и теперь, живя на покоѣ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Особенно интересно то, что живетъ онъ на европейскій ладъ въ выстроенномъ домѣ; домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; намъ показывали кабинетъ, гостинную и проч., но большая часть этихъ пріемныхъ почти пуста; кое-гдѣ стоятъ складные стулья, такой же столъ, висятъ часы, остановившіеся на 6 часахъ, а въ кабинетѣ совсѣмъ не имѣется ни скамейки, ни чего либо другаго.

Впрочемъ, надо замѣтить, что семья Чина-бая въ это время еще не возвращалась изъ горъ, гдѣ она проводитъ лѣто, ютясь въ привычныхъ кибиткахъ, грѣясь около костровъ, слушая шумъ горныхъ рѣчекъ. Отъ этой привычки нескоро отстанутъ киргизы; но, какъ устраиваются обитатели дома на зиму, наполняются ли комнаты въ это время и проч.,—сказать не берусь.

Любезный хозяинъ до сихъ поръ держитъ себя бодро и очень красивъ въ своемъ халатѣ и синей тебетейкѣ, надѣтой на затылокъ. Онъ употреблялъ все отъ него зависящее, чтобы накормить и напоить насъ, и мы выѣхали уже довольно поздно, провожаемые благими пожеланіями И. А., Чина-бая и его многочисленной свиты.

Прямо, безъ всякихъ тропинокъ, слѣдуя за проводникомъ, перерѣзали мы площадь, заросшую степными выгорѣвшими растеніями и версты за три до деревни снова вышли на битую дорогу. Вдали темнѣли деревья, громоздилась куча деревенскихъ построекъ.

Быстро помчались мы, стараясь пораньше добраться до ночлега, но сумерки сгущались, туманъ закрылъ горы и охватилъ насъ влажнымъ холодомъ.

Но вотъ и деревня. На единственной улицѣ стоитъ толпа народа; мужики въ новыхъ кафтанахъ; кое у кого видны медали на груди; на заваленкахъ избъ сидятъ и стоятъ бабы, дѣти, старухи. Провожатый нашъ скачетъ дальше, мы—за нимъ. Шапки снимаются почтительно съ головъ, поселенцы съ любопытствомъ смотрятъ на насъ и любезно раскланиваются. Около одной избы толпа особенно многочисленна, здѣсь стоятъ старшины и прочія власти. Проводникъ остановился, мы—тоже. Десятки рукъ протянулись къ моей лошади, помогаютъ мнѣ слѣзть съ сѣдла. Тутъ только я сообразилъ, что весь этотъ праздникъ устроился самъ собою, по случаю нашего пріѣзда; джигитъ, посланный уѣзднымъ начальникомъ, разсказалъ, вѣроятно, о насъ такія небылицы, что поселяне сочли

меня за что нибудь очень важное. И дѣйствительно, староста постоянно называлъ меня «ваше высокопревосходительство».

Войдя въ комнату, приготовленную для насъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ столъ, накрытый чистой и бѣлой скатертью, блестящій самоваръ, даже сдобныя булки... Затѣмъ слѣдовалъ сытный ужинъ и крѣпкій сонъ на мягкой перинѣ. Всѣмъ этимъ хотѣлось хорошенько воспользоваться, помня, что надолго опять придется забыть всякій намекъ на комфортъ.

На другой день, когда мы проснулись, солнце уже встало. Лучи его цѣлымъ снопомъ ударяли въ маленькое окно и играли на иконахъ, сухихъ цвѣтахъ, которые украшали святой уголъ и на картинкахъ, развѣшанныхъ по стѣнѣ. Надо было разставаться съ гостепріимными поселенцами и выступить по направленію къ ущелью Барскауна, гдѣ заготовлена кибитка.

Мы пересѣкли нѣсколько рѣкъ, еле пробивающихся между громадными гальками, взбираемся на высокіе и длинные холмы и, наконецъ, выѣзжаемъ на берегъ моря Иссыкъ-Куля, который раскинулъ свою зеленую аквамариновую скатерть на необозримое пространство. Горы по ту сторону моря еле-еле синѣютъ; на нихъ стояли тяжелыя темныя тучи; кое-гдѣ сверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ снѣгъ.

Не доѣзжая немного до кибитки, изъ-за темныхъ скалъ выѣхало нѣсколько всадниковъ, слѣзли съ коней, сняли шапки. Это старшины явились встрѣтить меня и проводить на ночлегъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, отправились дальше, и скоро очаровательная долина развернулась передъ нами. Узкой трещиной шла она отъ самыхъ горъ и, расширяясь все больше и больше, спускалась къ морю. Налѣво стояли снѣговые гиганты, на днѣ ущелья журчалъ Барскаунъ, со всѣхъ сторонъ врѣзывались въ голубое небо острыя скалы, краснаго оттѣнка; вездѣ рытвины, вездѣ обвалы. На берегу зеленая высокая и сочная трава ковромъ прикрыла каменистую почву. Здѣсь стояла кибитка, приготовлены были лошади... Нѣсколько поодаль двое киргизовъ возились около зарѣзаннаго барана.

Сама кибитка устлана коврами, украшена пестрыми кошмами. Я пригласилъ старшинъ выпить со мною чая, побесѣдовать и покурить папиросъ, до которыхъ они большіе охотники.

Слуга мой Яковъ, толстый и коренастый казанецъ, соблазнился криками рябчиковъ, взялъ ружье и отправился на охоту. Это случалось каждый день, и каждый день онъ возвращался съ пустыми руками, осыпаемый насмѣшками киргизовъ. Для него, повидимому, нравился собственно процессъ выслѣживанія добычи, стрѣлянія и заряжанія вновь ружья. За все время ему удалось убить только двухъ несчастныхъ сурковъ, да и то въ упоръ (промахнуться было невозможно, такъ какъ животныя забились подъ камень).

Видъ озера Иссыкъ-Куля (на высотѣ 5,400 ф.).

Вечеръ былъ чудный. Въ воздухѣ рѣяла цѣлая стая журавлей, покрикивали бѣлоголовые орлы; о рябчикахъ и говорить нечего, они задавали цѣлый концертъ и точками чернѣли на скатахъ горъ. Такова была обстановка нашего бивуака на Барскаунѣ.

Дальше дорога становится еще интереснѣе. Тропинка бѣжитъ какъ разъ у самаго прибоя морскихъ волнъ. Слѣва то отступаютъ, то приближаются отроги горъ; то они уступами спускаются къ водѣ, то сразу оканчиваются отвѣсными стѣнами, о которыя съ шумомъ и ревомъ разбивается морская пѣна. Все это глинистые наносы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они до такой степени прихотливо размыты дождями, что представляются полуразрушенными замками съ зубчатыми стѣнами, высокими башнями, бойницами, окнами и дверями. Иногда дождевой потокъ, роясь глубоко въ рыхлой почвѣ, продѣлываетъ себѣ настоящій тоннель въ нѣсколько саженъ длины.

Такіе точно осадочные гребни встрѣчаются, по моему мнѣнію, и въ морѣ; одинъ изъ такихъ гребней и послужилъ поводомъ выдумать, что на днѣ Иссыкъ-Куля стоитъ потонувшій городъ съ крѣпостью.

Въ особенности въ одномъ мѣстѣ глиняная стѣна наноса необыкновенно грандіозна: представьте себѣ на берегу, какъ разъ надъ водой, громадную массу, саженъ въ 15 или больше; вся она какъ будто нарочно украшена колоннами, стрѣльчатыми окнами и висящими на воздухѣ балконами. Какія-то маленькія птички съ крикомъ вылетали изъ трещинъ, при нашемъ приближеніи; нависшія глыбы готовы были, кажется, сейчасъ обрушиться. И невольно вскидывалъ я глаза на эту громаду и понукалъ усталую лошадь.

Наконецъ, доѣхали до рѣки Коджи, гдѣ назначенъ былъ второй ночлегъ. Рѣка и здѣсь вымыла себѣ ложе въ красной глинѣ, но, не дойдя до моря нѣсколькихъ десятковъ саженъ, пропала въ галькахъ. Размытые бока ущелья представляютъ оригинальные конусы, которые по нѣскольку вмѣстѣ стоятъ на небольшомъ общемъ фундаментѣ. Около такой семьи располагаются еще и еще. И кажется, будто окруженъ курительными свѣчками громадныхъ размѣровъ, только краснаго, а не чорнаго цвѣта.

Но на этотъ разъ ночлегъ былъ неособенно удаченъ. Не успѣли мы отвѣдать жирной баранины, какъ дождь забарабанилъ по войлоку нашей кибитки, стало холодно, темно... Скоро поднялся вѣтеръ, наше ненадежное жилище гнулось.

Ко всему этому ночью вдругъ грянулъ залпъ изъ ружей, потомъ другой, третій. Неистовые крики прокатились звонкимъ эхомъ по ущелью. Мы съ испугомъ выскочили. Больше всего перетрусилъ храбрый Яковъ, который видѣлъ вездѣ «Китайскую имперію» и ждалъ, что на насъ нападутъ разбойники.

Но дѣло объяснилось очень просто. Оказалось, что здѣсь до такой степени много волковъ, что пастухи, кочующіе со своими стадами, должны безпрестанно стрѣлять и кричать, для огражденія овецъ отъ незванныхъ гостей. Тѣмъ не менѣе, слышать всю ночь стрѣльбу и невообразимый визгъ было очень непріятно, и только одна усталость заставила немного заснуть передъ разсвѣтомъ.

Задолго до восхода солнца я вышелъ изъ кибитки. У костра сидѣло двое «часовыхъ», поставленныхъ Деркенъ-баемъ на всю ночь. Они тотчасъ же подскочили при видѣ меня. Остальные киргизы спали, закутавшись въ кошмы. Дождь пересталъ. Черныя тучи быстро неслись по небу. Море ревѣло ужасно, какъ будто хотѣло разбросать эти скалы, которыя такъ гордо стоятъ, не сокрушимыя ничѣмъ... Остатокъ луны въ ущербѣ нырялъ въ небѣ... Поодаль дремали лошади...

Холодный вѣтеръ загналъ меня опять къ кибитку; я натянулъ на голову шубу и снова задремалъ подъ выстрѣлы и крики.

Выѣздъ изъ долины Коджи очень крутъ. Лошадь съ усиліемъ карабкается по почти отвѣсному скату, камни со стукомъ катятся изъ-подъ ея копытъ. И все выше и выше подымаемся мы на гребень. Но вотъ и на вершинѣ. Чудный видъ невольно поражаетъ. Направо море, все покрытое бѣлыми пѣнящимися волнами, реветъ, еще не успокоенное послѣ вчерашней бури. Изъ-за него, далеко-далеко видны горы всѣ въ снѣгу, тучи легли у самой подошвы, вершины очистились и вырѣзались на синемъ небѣ; обрывы, пропасти. скалы—все это затянуто еще утреннимъ туманомъ. Сотни бѣлыхъ чаекъ кружатся съ крикомъ надъ прибоемъ.

Налѣво, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ идетъ хребетъ сѣрый, угрюмый, кое-гдѣ краснѣетъ отдѣльная гора, точно не принадлежащая къ этой семьѣ темныхъ великановъ.

Солнце холодными и косыми лучами скользитъ по всей картинѣ. Утренній холодокъ пробираетъ даже привычныхъ киргизовъ.

Пересѣкли мы еще нѣсколько рѣчекъ, нѣсколько глубокихъ овраговъ; спугнули трусливаго зайца, за которымъ помчался одинъ изъ джигитовъ, повернули въ долину, всю заросшую высокимъ пожелтѣвшимъ чіемъ.

Прощай, море!.. мы углубляемся въ лабиринтъ горъ и больше тебя не увидимъ. Въ послѣдній разъ окинулъ я взглядомъ шумящую поверхность этого загадочнаго громаднаго бассейна...

Проводникъ давно уже что-то говоритъ мнѣ и указываетъ нагайкой впередъ. Всматриваюсь и вижу широкую долину; съ двухъ сторонъ подымаются утесы, по срединѣ вьется р. Токъ, а поперекъ во всю ширину тянется какое-то сооруженіе. Это крѣпость, нѣкогда громадная, а теперь разрушенная временемъ.

Подъѣзжаемъ. Громадная глинобитная стѣна перегораживаетъ путь. Тропинка идетъ черезъ какую-то трещину, среди обломковъ древнихъ сооруженій. На извѣстномъ разстояніи торчатъ башни; однѣ угрюмо стоятъ во всемъ своемъ величіи, другія распались, растрескались... Кое-гдѣ замѣтны большія отверстія, вѣроятно, ворота. Тамъ замѣтны небольшія щели, быть можетъ, амбразуры. И тянется такая стѣна ломанною линіей направо и налѣво, пока не уперлась обоими концами въ горы.

По всему видно, что кто-то воздвигалъ такое грозное укрѣпленіе, чтобы запереть входъ въ Токскую долину.

Киргизы говорятъ, что крѣпость принадлежала китайцамъ. Этому, пожалуй, можно повѣрить, такъ какъ вывести такую стѣну могли только строители Великой стѣны, которымъ подобныя сооруженія были не почемъ.

Мы свернули вдоль укрѣпленій, перебрели Токъ и остановились въ густой зеленой травѣ, гдѣ поставлена для насъ кибитка. Сзади возвышались два хорошо сохранившіеся редута; одинъ изъ нихъ, четыреугольный, господствовалъ надъ равниной, другой, поменьше, почти сравнялся съ землей.

Я попросилъ старшинъ дать мнѣ свѣжую лошадь и сейчасъ же отправился осматривать мѣстность, пока готовили чай и обѣдъ. Въѣхавъ на редутъ, легко обозрѣть направленіе укрѣпленій. За первой стѣной шелъ второй валъ, когда-то высокій; за нимъ тянутся нѣсколько десятковъ расположенныхъ въ два ряда редутовъ; всѣ они четыреугольной формы и направлены въ сторону моря; позади этихъ сооруженій едва замѣтна задняя стѣна, распаханная и засѣянная киргизами.

Глубокіе рвы и ямы видны на каждомъ шагу.

Кто строилъ, для какой цѣли, противъ какихъ враговъ?—все это вопросы, которые разъяснятся впослѣдствіи, когда исторія края станетъ болѣе изученной и выйдетъ изъ мрака невѣдѣнія... Одно можно сказать, что крѣпость была первокласною и могла вмѣстить нѣсколько тысячъ войска.

Къ сожалѣнію, я не могъ узнать отъ туземцевъ ничего легендарнаго, никакихъ разсказовъ не существуетъ, никакихъ древнихъ остатковъ пока еще здѣсь не было найдено. А безъ такихъ данныхъ можно ли говорить о чемъ нибудь положительномъ?—даже предположеній строить невозможно.

Пока я разъѣзжалъ по укрѣпленіямъ и снималъ видъ, ко мнѣ подскакалъ нашъ Деркенъ-бай и сталъ просить дозволить киргизамъ «немножко козла тащить».

— А что это значитъ?—спросилъ я.

— Старшины хотятъ угостить васъ одной игрой,—отвѣчалъ онъ.—Вы только позвольте, сейчасъ увидите. Выѣзжайте вонъ на ту поляну—тамъ мѣсто ровное.

Едва было высказано согласіе, какъ два киргиза поскакали въ ущелье и въ пять минутъ скрылись изъ вида.

Мы отправились на указанное мѣсто.

Тамъ уже гарцовало человѣкъ пятьдесятъ. Даже старшины сняли съ себя личину важности, подтягивали ремни на сѣдлахъ, осматривали стремена.

Вдругъ все засуетилось. Вдали показались два всадника, въ рукахъ у одного бился черный козелъ. Еще минута, и оба киргиза осадили своихъ взмыленныхъ коней; тотъ, у котораго былъ козелъ, соскочилъ на землю, выхватилъ изъ-за пояса короткій и острый ножъ и, не смотря на крики животнаго, отрѣзалъ ему голову. Еще кровь тонкими струйками свистала въ разныя стороны, еще судорожно подергивались ноги козла, а ужъ киргизъ схватилъ его за шерсть, взбросилъ на воздухъ, ловко поймалъ и съ крикомъ помчался по полянкѣ. Вся ватага кинулась за нимъ. Козелъ безпрестанно взлеталъ на воздухъ и переходилъ отъ одного киргиза къ другому. Поймавшій круто поворачивалъ лошадь и мчался въ другую сторону, преслѣдуемый всей кавалькадой. Часто два сильныхъ и болѣе ловкихъ всадника схватывали животное въ одно время, каждый тащилъ въ свою сторону, визжалъ во всю глотку, понукалъ лошадь; кости и мускулы трещали, шерсть летѣла клочьями. Но вотъ атлетъ Шукуръ вырвалъ козла и, держа его высоко надъ головой, съ крикомъ побѣды погналъ свою пѣганку ко мнѣ, промчался какъ вихрь мимо и успѣлъ бросить свою добычу къ ногамъ моего коня. Побѣда осталась за нимъ. Но киргизы еще не утомились, они еще не размяли хорошенько своихъ желѣзныхъ мускуловъ,—откуда ни возьмись Деркенъ-бай, онъ на всемъ карьерѣ подхватилъ съ земли изуродованное тѣло и... опять игра возобновилась.

Каждый разъ, какъ кавалькада съ гикомъ пролетала мимо меня, моя лошадь готова была также ринуться за ней; она начинала бѣситься, дрожала всѣмъ тѣломъ и грызла удила. Надо было держать ухо востро, чтобы поневолѣ не попасть въ этотъ бурный потокъ коней и людей.

Нѣсколько разъ козелъ падалъ передо мной, и каждый разъ Шукуръ или Деркенъ-бай снова подхватывали его.

Глядя на эту мчавшуюся массу, гдѣ всадники совсѣмъ не управляли лошадьми, гдѣ они все свое вниманіе устремляли на козла, мнѣ приходило въ голову: ну, если лошадь у кого нибудь споткнется?—отъ него не останется ни одного живаго мѣста. И, точно въ отвѣтъ на мою мысль, вдругъ вижу: одна лошадь падаетъ, перевертывается нѣсколько разъ, взмахнувши ногами, и остается на мѣстѣ; всадникъ покатился кубаремъ.

— Убитъ! — закричалъ я, но... всадники промчались дальше, перескакивая черезъ лежачаго; никто не обратилъ на него ни ма-

лѣйшаго вниманія. Съ гикомъ, плотной кучкой, ринулась вся толпа ко мнѣ, козелъ тяжело грохнулся еще разъ передъ моей лошадью...

Никакое перо не въ состояніи описать всѣ перипетіи такой бѣшеной скачки, такой дикой игры, гдѣ всадникъ и конь одинаково щеголяютъ силой, ловкостью и быстротой... Все это надо видѣть, надо самому быть свидѣтелемъ...

Раскраснѣвшіяся потныя лица, изорванные халаты, голыя головы, съ которыхъ послетали шапки и тебетейки, усиленно дышащія груди — вотъ что представлялось глазу наблюдателя. Только блескъ глазъ участниковъ показывалъ готовность ихъ хоть еще пуститься снова въ скачку... Взмыленные кони разгорячились, ихъ съ трудомъ сдерживала сильная рука киргиза; они плясали на мѣстѣ, грызли удила, взмахивали потными мордами и жадно втягивали воздухъ широко раскрытыми ноздрями.

Изъ-за пригорка подъѣхалъ и упавшій всадникъ; онъ такъ же ловко сидѣлъ на изломанномъ сѣдлѣ, какъ и прежде; только на рукѣ выступало кровяное пятно... Лошадь тоже какимъ-то чудомъ осталась цѣла.

Поднялся хохотъ, насмѣшки... Шукуръ изощрялся въ остротахъ и дѣлалъ всевозможныя гримасы, на потѣху товарищей.

Я далъ участникамъ пять рублей, и оказалось, что всѣ ос[illegible]лись довольны, въ особенности, когда прибавлена была къ [illegible] порція водки.

Между тѣмъ тучи спускались все ниже и ниже; онѣ по[illegible] насъ изъ ущелья точно чудовища, клубясь и расправляя дл[illegible] туманные члены... Вѣтеръ крѣпчалъ... Брызнулъ дождь, а [illegible] посыпался довольно крупный градъ... Черезъ пять минутъ вер[illegible] горъ, неособенно высокихъ и окружающихъ нашу кибитку, покрылись бѣлой пеленой.

Надо было поспѣшить въ походное жилище, гдѣ уже стоялъ чайникъ, лежали поджаренные кусочки баранины, нанизанные на длинныя и тонкія палочки (шишкевекъ). Я пригласилъ старшинъ, угостилъ ихъ сигарами... Десятки глазъ смотрѣли сквозь щели кибитки, у дверей образовалась толпа любопытныхъ.

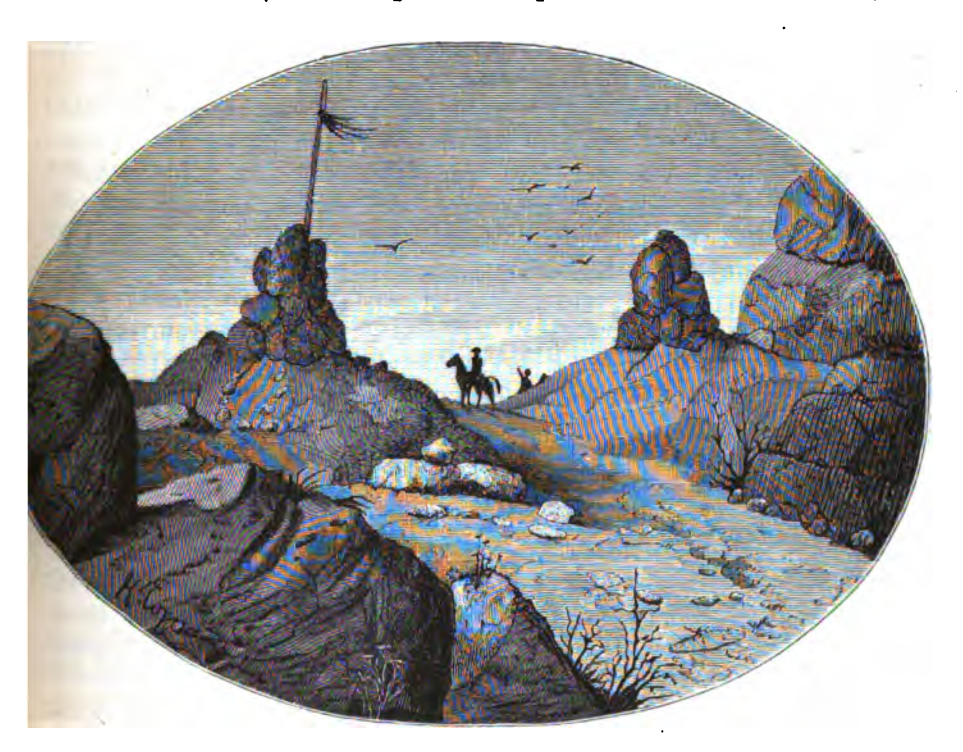
Конечно, бесѣда вертѣлась около «козла»... Деркенъ-бай истомился, переводя разсказы киргизовъ...

Подали свѣчи. Вечеръ, холодный и ненастный, нисколько не помѣшалъ нашей вечеринкѣ.

Отъ «крѣпости» я пошелъ долиной Аксая переправился черезъ р. Алабашъ и сталъ подниматься на перевалъ Алабашъ-бель. Ущелье съуживалось все больше и больше, пока ширина его не достигла саженъ пяти (приблизительно). Камни, скатившіеся съ горъ, затрудняли путь, но, не смотря на это, мы благополучно достигли выс-

шей точки перевала, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тропинки стояли двѣ пирамидальныя кучи искусственно насыпанныхъ камней; на лѣвой водруженъ былъ длинный шестъ съ клочкомъ лошадинаго хвоста.

Спустившись снова въ долину, я не могъ вдоволь налюбоваться красивыми снѣжными вершинами хребта Улаховъ; справа и прямо передъ нами громоздились крупныя скалы урочища Кульджи. Здѣсь на каждомъ шагу попадались древнія могилы, состоящія изъ небольшой насыпи, на которой были расположены камни въ видѣ

Перевалъ Алабашъ-бель (высшая точка).

круга; въ центрѣ подымались одинъ или нѣсколько болѣе крупныхъ гранитныхъ обломковъ. Болѣе новыя могилы часто встрѣчались разрытыми, и проводникъ разсказывалъ мнѣ, что все это проказы горныхъ медвѣдей, которые большіе охотники до мертваго человѣческаго тѣла.

Къ сожалѣнію, за все время моего путешествія я не могъ наткнуться на этихъ хищниковъ и не могъ достать отъ киргизовъ ни одного мѣха.

Наконецъ, черезъ перевалъ Семись-Бель, мы вышли къ бурному Джуванъ-Арыку. Стѣсненный отвѣсными скалами вышиною въ нѣ-

сколько десятковъ саженъ, онъ съ ревомъ мчится по значительному уклону; камни, которые въ большомъ количествѣ попадали въ потокъ, образуютъ величественные пороги; черезъ нихъ низвергаются водопады, бѣлая пѣна клокочетъ и разсыпается въ едва видимую пыль, сверкающую всѣми цвѣтами радуги, когда лучъ солнца скользнетъ на нихъ изъ-за тучъ. Поверхность камней, засоряющихъ русло, отшлифована такъ хорошо водою, какъ будто здѣсь трудился человѣкъ, вооруженный какимъ нибудь оружіемъ.

Дорожка бѣжитъ у самой рѣки, подъ нависшими глыбами гранита, подъ неумолчный ревъ бущующихъ волнъ. Ущелье иногда до такой степени съуживается, что надъ головой ѣдущихъ едва виднѣется узкая полоска голубаго неба. Въ такихъ мѣстахъ становится жутко, брызги обдаютъ холоднымъ туманомъ и лошадь, и всадника. Надъ головой висятъ зеленыя плети ползучихъ растеній, въ трещинахъ пріютился мохъ... Эхо вторитъ на разные лады грохоту водопадовъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ выѣзжаешь изъ такихъ трущобъ навстрѣчу яркому солнцу туда, гдѣ ущелье хоть нѣсколько расширяется.

Такіе виды, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу, слѣдуя по берегу Джуванъ-Арыка, могутъ за поясъ заткнуть любой ландшафтъ горныхъ странъ Европы, и будь только болѣе удобный путь въ этихъ мѣстахъ, ихъ посѣщали бы навѣрно и художники, и туристы. Но... нескоро наступитъ то время, когда живописныя ущелья Тянь-Шаня попадутъ въ портфейль нашихъ пейзажистовъ.

Проѣхавши верстъ 15 вдоль рѣки, мы должны были переправиться черезъ нее вбродъ и пустились по Тюлюку, одному изъ притоковъ Джуванъ-Арыка. Прорывая каменныя громады, Тюлюкъ впадаетъ подъ прямымъ угломъ и только верстъ на десять течетъ между скалъ; затѣмъ горы понижаются, рѣка тихо катитъ свои воды по глинистому грунту и подрываетъ лѣвый берегъ, который все болѣе обваливается. Часто приходилось ѣхать по высокому гребню какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ глубокая щель зіяла съ правой стороны, и казалось, что вотъ-вотъ грохнетъ вся эта масса вмѣстѣ съ моимъ караваномъ въ Тюлюкъ, зловѣще сверкавшій глубоко внизу. Много разъ проводникъ долженъ былъ останавливаться, такъ какъ недавній обвалъ уничтожилъ тропинку — она исчезла вмѣстѣ съ огромнымъ кускомъ берега; впереди виднѣлась отвѣсная стѣна, и надо было подыматься еще выше, предоставляя лошадямъ выбирать новую дорогу, какъ имъ заблагоразсудится.

Налѣво, по ту сторону Тюлюка, раскидывался плоскій берегъ, покрытый выжженной солнцемъ травой, а немного дальше опять громоздились горы, опять виднѣлись снѣговыя пятна. Низкое темное облако полосой пересѣкало дальнія вершины. Надъ головой блестѣлъ раскаленный шаръ солнца... Ничего живаго не было видно, только мы одни копошились между камнями.

Недолго, однако, дорога шла по сравнительно широкой долинѣ, скоро горы какъ будто сами подбѣжали къ намъ и охватили со всѣхъ сторонъ. Тропинка начала подыматься, почва стала болотиста, ноги лошадей вязли, чуть не по колѣна. Пересѣкая нѣсколько разъ Тюлюкъ, мы свернули влѣво. Человѣкъ десять старшинъ встрѣтили насъ по обыкновенію, сдѣлали «большой култукъ» [1]) и повели къ ночлегу. Взобравшись довольно высоко, гдѣ не было ни одного кустика, ни одного деревца, и обогнувъ огромный камень, весь обросшій разноцвѣтными лишайниками, мы увидали свою кибитку. Человѣкъ сто киргизовъ верхомъ и пѣшкомъ суетились около костра. Въ нѣсколькихъ шагахъ журчалъ ручей.

Высота мѣстности дала о себѣ знать, и пришлось надѣть шубы. Изъ открытой двери кибитки виднѣлись только голыя вершины, небо, охваченное румянцемъ заходящаго солнца, да полоса бѣлаго снѣга.

Старшина, сидѣвшій со мною, указалъ на прихотливыя очертанія хребта, который подымался прямо передъ нами.

— Вонъ тамъ—сказалъ онъ:—лежитъ озеро Сонъ-Куль; завтра рано будете на его берегу.

Мы всѣ встрепенулись. Такъ вотъ гдѣ находится конечная цѣль нашего путешествія! какъ близко! (мы еще не знали, чего стоитъ пройдти это недлинное разстояніе).

Ободренные и успокоенные мои спутники весело принялись за чай, баранину и кумысъ.

Рано утромъ мы были уже на лошадяхъ и подымались по крутому откосу. Перевалъ (Кумъ-бель) хотя не длиненъ, но чрезвычайно утомителенъ. Лошадямъ приходится карабкаться по такимъ камнямъ, что недоумѣваешь ловкости животнаго. Иногда лошади надо ставить всѣ четыре ноги на одинъ небольшой осколокъ, чтобы перепрыгнуть на другой черезъ глубокую трещину; иногда она карабкается чуть не на отвѣсную стѣну, и ожидаешь, что вотъ-вотъ опрокинешься.

Холодный вѣтеръ свиститъ въ ушахъ, распахиваетъ шубу, выжимаетъ на глазахъ слезы... По бокамъ едва замѣтной тропинки идетъ снѣговое поле; снѣгъ грязный, рыхлый; множество тонкихъ водяныхъ струекъ журчитъ изъ-подъ ледяной коры, прикрытой обвалившейся землею. Острые камни, пирамидальныя глыбы темнаго гранита, рѣзко вырѣзываются на чистомъ голубомъ небѣ.

Не смотря на то, что со стоянки мы выступили съ восходомъ солнца, на вершину перевала едва удалось попасть только въ полдень. Лошади измучились, мы также... Еще нѣсколько шаговъ, и я

[1]) Т. е. отдали большой поклонъ.

на самомъ гребнѣ хребта, и все озеро Сонъ-Куль развернулось, какъ въ панорамѣ. По ту сторону его синѣетъ въ туманѣ низкій снѣговой хребетъ, направо и налѣво уходятъ горы все дальше и дальше, берега низменны и болотисты. Тамъ вдали у самой воды разбросано нѣсколько десятковъ кибитокъ, бродятъ стада, столбомъ стоитъ черный дымокъ отъ костра. Ближе, у подошвы перевала, чернѣютъ всадники,—это старшины, выѣхавшіе навстрѣчу.

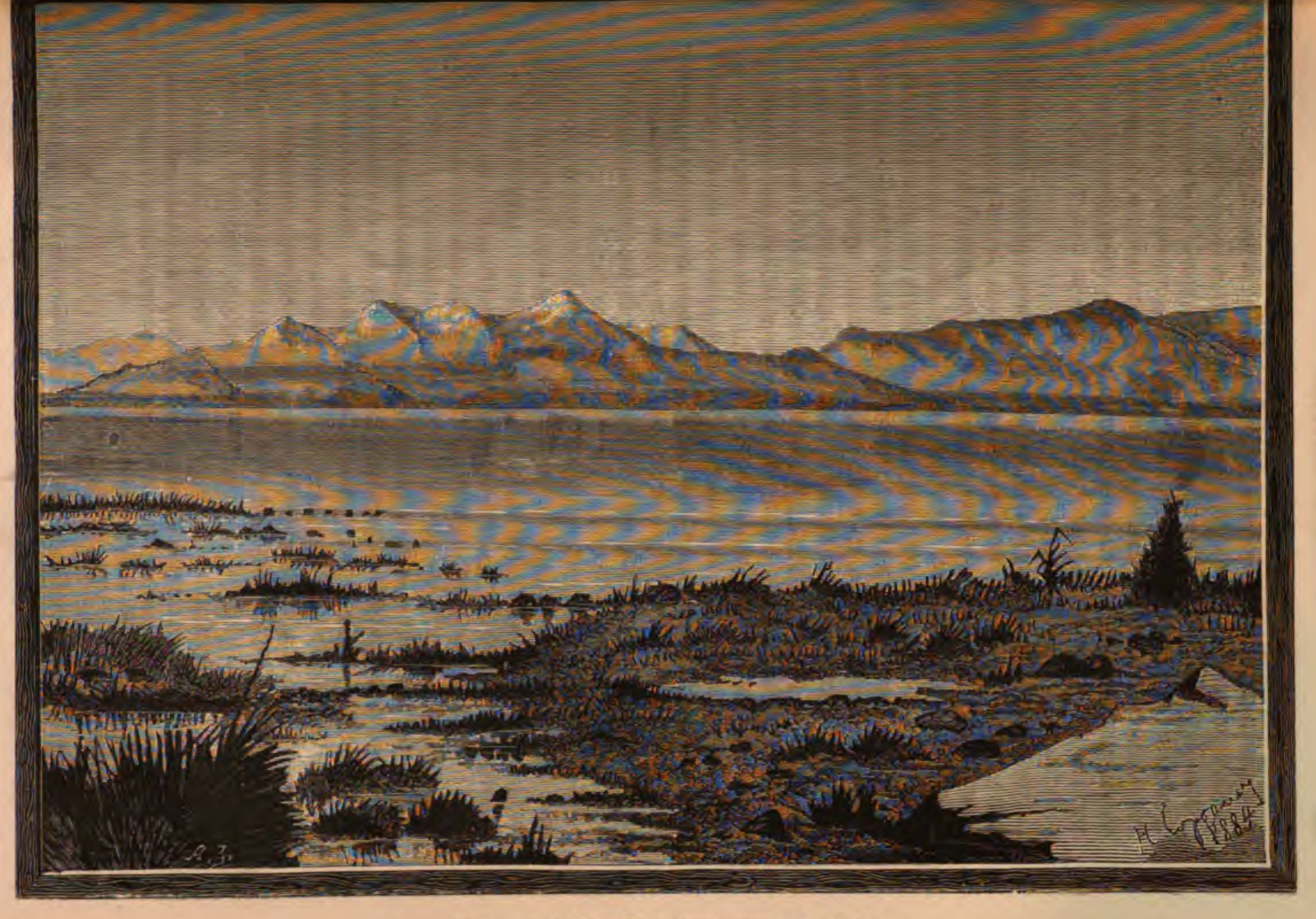
Озеро Сонъ-Куль лежитъ еще выше Иссыкъ-Куля, а именно на 9,400 футахъ надъ уровнемъ океана. Хотя въ длину этотъ бассейнъ (по описаніямъ путешественниковъ, которымъ удавалось побывать здѣсь) имѣетъ 26, а въ ширину 16 верстъ, тѣмъ не менѣе, я думаю, что озеро гораздо меньше, почти вдвое. Даже очертаніе его на картахъ представлено совершенно невѣрно. Сѣверо-восточные берега сплошь состоятъ изъ болотъ (сазовъ), черезъ которые пробраться невозможно, чтѝ указываетъ на усыханіе Сонъ-Куля.

Довольно многочисленные, но небольшіе притоки пересыхаютъ лѣтомъ и наполняются водою только весной и осенью. Хотя у Каульбарса и Костенко говорится о мелкой рыбѣ, будто бы водящейся въ озерѣ, но это совершенно несправедливо, такъ какъ всѣ киргизы единогласно заявили о ея отсутствіи въ здѣшнихъ мѣстахъ. Мало того. Одинъ уважаемый и почтенный акъ-сакалъ вздумалъ нарочно изъ Нарына привезти нѣсколько пудовъ рыбы и пустить ее въ Сонъ-Куль; и что же?—по разсказамъ туземцевъ, вся рыба черезъ полчаса ослѣпла (sic!) и умерла. Все это могло произойдти въ силу крайне поднятаго положенія озера, хотя не думаю, чтобы рыба дѣйствительно ослѣпла.

Въ окрестностяхъ, какъ мнѣ передавали, встрѣчаются медвѣди, волки, забѣгаетъ кровожадный барсъ, а туда дальше, на югъ водятся дикобразы.

Плоскіе берега служатъ убѣжищемъ краснымъ уткамъ, или отайкамъ, и другой птицѣ. За то флора въ высшей степени интересна и носитъ характеръ альпійскій. Деревьевъ и кустарниковъ— напрасно искать въ этихъ мѣстахъ, камыша—также; но мелкія растенія весьма характерны. Особенно бросается въ глаза маленькая голубая Gentiana, чрезвычайно чувствительная: стоитъ только коснуться пальцемъ до ея нѣжнаго вѣнчика, и онъ тотчасъ же свернется, закрутившись въ видѣ спирали, вокругъ своей длинной оси; осторожно подрѣзанный цвѣтокъ тоже сворачивается, но медленнѣе; весь процессъ закрыванія совершается въ двѣ минуты (приблизительно).

Такая чувствительность особенно интересна въ томъ отношеніи, что большинство ростеній, обладающихъ этой способностью, ростутъ, какъ извѣстно, въ разныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, мимоза

Видъ озера Сонъ-Куля (на высотѣ 9,400 ф.).

стыдливая, мухоловка и проч. Если и встрѣчаются у насъ и такіе чувствительные представители флоры, то во всякомъ случаѣ движеніе ихъ листьевъ происходитъ гораздо медленнѣе. Здѣсь же на Сонъ-Кулѣ средняя температура года низкая, и въ бытность нашу по ночамъ вода замерзала въ чайникахъ. Надо вообще замѣтить, что климатъ мѣтности крайне суровъ: въ сентябрѣ озеро покрывается уже льдомъ, а въ началѣ октября все заваливается снѣгомъ и представляется вымершимъ до начала мая или конца апрѣля.

Наконецъ, чтобы кончить бѣглый очеркъ интереснаго Тянь-шанэкаго края, я позволю себѣ упомянуть еще объ ала-куртѣ, или «пестромъ червякѣ», который сталъ извѣстенъ весьма недавно и до сихъ поръ не описанъ учеными[1]).

Ала-куртъ есть не что иное какъ вредная блоха и ничего общаго съ червяками не имѣетъ. Она является исключительно зимою въ нагорныхъ долинахъ хребта Тянь-Шаня и въ горахъ Байсауръ (верховья Чилика), на зимовкахъ киргизовъ-атбановъ.

Киргизы разсказываютъ объ этомъ паразитѣ слѣдующее.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда въ горныхъ долинахъ уже лежитъ снѣгъ, въ туманные морозные дни, ала-куртъ въ видѣ маленькаго чернаго животнаго, похожаго на блоху и прыгающаго такъ же, какъ блоха, «падаетъ съ неба» вмѣстѣ съ изморозью. Если послѣ изморози устанавливаются сильные морозы, то ала-куртъ быстро размножается и съ земли переходитъ на лошадей, барановъ, верблюдовъ и рогатый скотъ.

Поселившись на тѣлѣ животнаго, ала-куртъ постепенно увеличивается въ объемѣ, причемъ черный цвѣтъ его переходитъ въ бѣлый[2]). На скотѣ онъ сидитъ такъ же крѣпко, какъ и лѣсной клещъ, и требуется нѣкоторое усиліе, чтобы отдѣлить его.

У лошади ала-куртъ поражаетъ крупъ и ляжки заднихъ ногъ, а въ тѣ зимы, когда его очень много, и обѣ стороны шеи; у барановъ онъ поражаетъ курдюкъ, грудь и шею; у верблюдовъ прикрѣпляется къ тѣлу подъ лопатками, на шеѣ, бокахъ, крупѣ и ляшкахъ; у коровъ поражаетъ мясистыя части и въ особенности шею.

Вредъ, наносимый ала-куртомъ, очень великъ; поселившись на самой тучной, здоровой лошади, онъ въ два мѣсяца, при самомъ лучшемъ кормѣ, чрезвычайно истощаетъ животное, жеребята же

---

[1]) Сколько мнѣ извѣстно, первые экземпляры ала-курта доставлены въ ташкентскій музей Н. Н. Пантусовымъ (изъ Вѣрнаго). Экземпляры, имѣющіеся у меня, пожертвованы Н. А. Маевымъ. Описаніе заимствую изъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», 1884 г., 17 апрѣля, № 15.

[2]) Сколько мнѣ приходилось разсматривать ала-куртъ, измѣненіе цвѣта замѣчается только у самокъ; тѣло ихъ до такой степени набивается яйцами, что сегменты брюшка расходятся. Отъ этого блоха представляется удлиненною, бѣлаго цвѣта, съ поперечными темными (узкими) полосками.

почти всегда издыхають. На бѣлыхъ лошадяхъ, пораженныхъ паразитомъ, отчетливо виднѣются кровавыя полосы. По стаяніи снѣга, ала-куртъ исчезаетъ и въ рѣдкихъ случаяхъ продолжаетъ жить до того времени, когда лошадь начнетъ линять.

Травы Тянь-Шаня чрезвычайно питательны и не могутъ быть сравниваемы съ травами другихъ мѣстностей, почему скотъ, не смотря на обиліе ала-курта, переживаетъ зиму; но бываютъ зимы на столько обильныя упомянутымъ паразитомъ, что множество скота не доживаетъ до весны и гибнетъ сотнями.

Въ самыя благопріятныя, теплыя зимы ала-куртъ хотя и появляется, но въ незначительномъ количествѣ.

Такимъ образомъ эта вредная блоха отличается отъ другихъ паразитовъ, исключительно появляющихся на исхудаломъ и страдавшемъ накожными болѣзнями скотѣ, тѣмъ, что поражаетъ совершенно здоровый и сытый скотъ.

Кибитка наша стояла на лѣвомъ берегу рѣчки Ташъ-когу, впадающей въ Сонъ-Куль съ сѣверной стороны.

Названіе «рѣки» здѣсь, по правдѣ сказать, въ высшей степени громко, такъ какъ киргизъ Шукуръ, на потѣху всѣхъ, перескочилъ ее однимъ махомъ.

Озеро отстояло отсюда въ полуверстѣ; насъ отдѣляло отъ него обширное болото.

Старшина, встрѣтившій мой караванъ, пригласилъ меня и спутниковъ въ свой аулъ, который раскинулся нѣсколько дальше (на западъ) верстахъ въ трехъ. Тамъ должна была устроиться «байга», или увеселенія, по случаю годовщины смерти его брата.

Само собою разумѣется, что я съ удовольствіемъ согласился посмотрѣть на забавы горныхъ кочевниковъ и, не отдохнувши порядкомъ, опять сѣлъ на лошадь.

Уже издали видны были всадники, скачущіе во всѣхъ направленіяхъ. Человѣкъ около тысячи, если не больше, толпились близъ нѣсколькихъ кибитокъ. Осѣдланныя лошади стояли большими группами.

Нѣсколько десятковъ киргизовъ выѣхали къ намъ навстрѣчу и предложили почетный кусокъ вареной конины, расположенный на деревянномъ блюдѣ. Мясо оказалось тепловатымъ, безъ соли, жесткимъ и невкуснымъ.

Пока мы показывали видъ, что жуемъ съ удовольствіемъ предложенное, сидя на лошадяхъ, импровизаторъ-музыкантъ наигрывалъ нескончаемую и однообразную мелодію на инструментѣ, похожемъ на скрипку; при этомъ онъ очень ловко упиралъ конецъ его въ переднюю луку своего сѣдла и, низко нагнувъ голову, покачивался въ тактъ всѣмъ тѣломъ. Игра сопровождалась пѣніемъ; фистула была сильная, unisono съ высокими нотами инструмента.

Наконецъ, проглотили мясо и двинулись ближе къ аулу. Голодныя, поджарыя собаки, разныхъ цвѣтовъ и величинъ, подняли свирѣпый лай, маленькія дѣти безъ всякаго костюма шныряли между всадниками, съ изумленіемъ смотря на насъ черными большими глазами.

Около одной кибитки стоятъ привязанными нѣсколько лошадей, покрытыхъ богатыми расшитыми золотомъ и серебромъ попонами, краснаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ.

Поверхъ попонъ привѣшаны оружіе и одежды самыя щегольскія. Все это принадлежало покойнику, все это пользовалось его особымъ расположеніемъ.

Недалеко помѣщалась кибитка, вокругъ которой шумитъ большая толпа народа, все больше женщины въ праздничныхъ нарядахъ: въ бѣлыхъ тюрбанахъ на головѣ, пестрыхъ халатахъ, съ косами, разукрашенными монетами и ключами отъ своихъ сундуковъ. Изъ средины кибитки раздавались крикливыя причитанія и хоровое пѣніе похоронное, тоскливое и однообразное. Я попросилъ позволеніе заглянуть туда, на что̀ старшина согласился съ готовностью и пошелъ впередъ, расталкивая народъ. Мы вошли. Правая сторона отгорожена синимъ занавѣсомъ,—это мѣсто, гдѣ скончался усопшій; тамъ теперь сидѣла вдова, покрытая съ головою чернымъ покрываломъ. Она выкрикивала фразы, покачиваясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, и горько плакала. Ей отвѣчалъ хоръ женщинъ, сидящій по сю сторону занавѣса.

Когда мы вошли, одна изъ киргизокъ, высокая, полная и красивая, встала и протянула руку. Вся грудь ея была украшена въ нѣсколько рядовъ золотыми и серебряными монетами, халатъ также коробился отъ золотой вышивки. Лицо нисколько не напоминало восточный типъ и скорѣе походило на лицо нашихъ русскихъ купчихъ, бѣлыхъ и румяныхъ. Это была одна изъ родственницъ умершаго.

У стѣнъ, внутри кибитки, размѣщалось много любопытныхъ, не принимавшихъ, повидимому, никакого участія въ отпѣваніи. Они разговаривали, смѣялись; два мальчика поссорились изъ-за чего-то и, не стѣсняясь, тузили другъ друга по бритымъ головамъ. Воздухъ здѣсь былъ душный, жаркій; пахло какимъ-то ароматическимъ масломъ.

Мы отправились въ кибитку старшины. Человѣкъ двадцать мужчинъ сидѣло кругомъ. Убранство жилища было праздничное. Крашеные сундуки сдвинуты въ одно мѣсто, подушки разложены на коврахъ, чтобы было удобно облокотиться.

Любезный хозяинъ отдалъ приказаніе, и началось угощеніе. Прежде всего оборванный киргизъ поднесъ чашку и сосудъ съ водой, чтобы обмыть руки и губы. Вмѣсто полотенца употреблялся конецъ широкаго полотнянаго пояса. Затѣмъ, когда всѣ оказались

омытыми по закону и обычаю кочевниковъ, внесли нѣсколько громадныхъ деревянныхъ чашекъ съ пловомъ, т. е. вареннымъ рисомъ съ кусочками баранины. Все это поставили посрединѣ, на разостланномъ кускѣ синяго московскаго коленкора.

Но въ то время, какъ киргизы съ жадностью запустили свои пальцы въ горячую кашу, выжавъ изъ нея воду (которая, кстати сказать, потекла грязными ручьями въ ихъ рукава и обратно въ чашу), наше положеніе было весьма критическое, такъ какъ ложекъ съ нами не было. Хозяинъ замѣтилъ недоумѣніе, засмѣялся и велѣлъ принести нѣсколько щепокъ, которыя замѣнили намъ необходимое оружіе.

Затѣмъ слѣдовала вареная баранина, потомъ жареная, потомъ подали опять пловъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока со всѣхъ сторонъ не раздались звуки громкой отрыжки. Услышать это составляетъ удовольствіе и гордость хозяина; это есть лучшее доказательство того, что гости сыты.

Принесли чай, крѣпкій, горячій, но... безъ сахара.

Наконецъ, всѣ были окончательно сыты, обмыты опять руки и губы, и стали выходить изъ кибитки.

Хозяинъ пригласилъ и насъ выйдти посмотрѣть на байгу. Сѣли на лошадей и поѣхали, еле протискиваясь между всадниками.

На большой полянѣ, которая уходила вдаль по берегу озера верстъ на десять, какъ муравьи сновали киргизы. Они махали руками, кричали, гнали лошадей, какъ будто готовясь къ чему-то необыкновенному.

Въ сторонкѣ, на холмѣ, водруженъ длинный шестъ, на верхушкѣ котораго трепещется флюгеръ, сдѣланный изъ синяго и бѣлаго коленкора. Сюда должны направлять своихъ бѣгуновъ скачущіе на призъ. Здѣсь же привязаны: нѣсколько штукъ барановъ, лошадей, жеребятъ, одна корова и высокій верблюдъ; они составляютъ награду лучшему скакуну.

Осмотрѣвъ призы, снова направились на ровное поле, гдѣ большимъ кругомъ стояли верховые. Два всадника помѣстились въ центрѣ; одинъ—представитель одного аула, другой—другаго. Состязаніе должно было происходить между киргизами двухъ урочищъ. Первый всадникъ громко, въ длинныхъ стихахъ, воспѣвалъ быстроту коней, силу мужчинъ и красоту женщинъ своей мѣстности, и едва оканчивалъ, какъ другой опровергалъ его и восхвалялъ достоинства своего аула. Не были забыты даже и мы, потому что глашатай, желая во что бы то ни стало доказать, что его соплеменники фениксы своего рода, добавилъ, что вотъ, дескать, даже русскій «дженаралъ» въ Россіи услышалъ о ихъ доблестяхъ и пріѣхалъ за сотни тысячъ верстъ полюбоваться на байгу. Громкіе крики одобренія послышались въ отвѣтъ на эту находчивость.

Тѣмъ временемъ, пересѣкая кругъ всадниковъ, проѣхала процессія лицъ, желающихъ состязаться. Все это были дѣти не болѣе десяти лѣтъ. Ихъ головы обвязаны плотно кусками матерій, костюмъ самый легкій, чтобы ничто не стѣсняло движеній. У лошадей (очень молодыхъ, не сформировавшихся жеребятъ) хвостъ туго закрученъ жгутомъ, чолка у основанія подвязана тесьмой, такъ что торчитъ между ушами на подобіе султана (чтобы волоса не попадали въ глаза животному), сѣдло очень маленькое и легкое. Въ числѣ участниковъ была и дѣвочка лѣтъ восьми; она бойко погладывала на всѣхъ, помахивая нагайкой.

Медленнымъ шагомъ прошла процессія нѣсколько разъ, чтобы всѣ могли видѣть, и всадниковъ, и коней. Наконецъ, глашатаи замолчали, старшина велѣлъ начинать. Небольшимъ галопомъ пустились желающіе въ противоположную отъ флага сторону, къ берегу Сонъ-Куля. Тамъ они должны были повернуть и уже оттуда мчаться въ карьеръ до мѣста, гдѣ стояли призы. Такимъ образомъ скачка происходила на разстояніи верстъ двадцати (считая взадъ и впередъ).

Вся толпа кинулась по тому же направленію, и только гулъ и столпъ пыли указывали направленіе этой движущейся живой массы.

Мы съ старшиной остались одни.

Мѣсто было ровное, и слѣдить за ходомъ скачки можно было отлично, въ особенности съ помощью бинокля.

Вдругъ, по знаку распорядителя-киргиза, съ длинной палкой въ рукѣ, вся ватага бросилась назадъ. Крики, шумъ, пыль..... Нѣсколько лошадей сразу выдѣлились и поскакали впереди, не отставая другъ отъ друга. Но вотъ сѣрый конекъ забираетъ все сильнѣе и сильнѣе, обогнавъ одного, другаго, третьяго и поднявъ вверхъ острую мордочку, понесся впереди всѣхъ. Маленькій всадникъ награждаетъ его ударами нагайки. Киргизы визжатъ и ревутъ.

Тѣ, у которыхъ лошади побойчѣе, подскакиваютъ къ побѣдителю, схватываютъ подъ уздцы его лошадь и мчатся нѣсколько вмѣстѣ, помогая такимъ образомъ сѣрому скакуну податься еще впередъ; затѣмъ, помогавшій всадникъ отскакиваетъ въ сторону, его мѣсто занимаетъ другой, мимо котораго несется сѣрый и опять тащитъ впередъ, и т. д. Это называется кутерьмить скакуна и допускается по правиламъ скачки.

Такимъ образомъ, каждый изъ участниковъ имѣлъ своихъ помощниковъ, разставленныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы имѣть свѣжихъ лошадей для кутерьмы.

Долго спорили сѣрый и гнѣдой, пока, всетаки, сѣрый не взялъ перваго приза. Остальные кони отстали, одинъ изъ скакавшихъ мальчишекъ свалился гдѣ-то далеко. Описать тотъ шумъ, крикъ, визгъ и толкотню, которые поднялись, когда первый всадникъ подскакалъ къ флагу,—нѣтъ возможности. Тяжело дыша, весь въ мылѣ, покрываемый цѣлымъ градомъ ударовъ, примчался сѣрый конекъ;

мальчикъ, сидѣвшій на немъ, еле держался въ сѣдлѣ, глаза его были красны какъ кровь, потъ струился по запыленному лицу. Коня, однако, не остановили сейчасъ же, а долго водили шагомъ по полю, пока онъ нѣсколько не остылъ.

Начался дѣлежъ призовъ. Кто тащилъ барана, кто лошадь, кто верблюда. Не обошлось и безъ драки, но на это старшины смотрѣли сквозь пальцы, говоря: «сами подерутся, сами и помирятся».

Древнія могилы въ долинѣ рѣки Асу.

Но не прошло и получаса, какъ опять всѣ стали въ кругъ, и опять глашатаи начали выкрикивать, должно быть, что-то очень ужъ смѣшное, потому что толпа много хохотала.

Наконецъ, вышелъ киргизъ въ самомъ легкомъ костюмѣ, вызывая на борьбу кого нибудь. Бронзовое тѣло его могло бы служить прекрасной моделью для Геркулеса.

Нашолся и противникъ.

Оба стали другъ противъ друга, разминая мускулистыя руки.

Толпа замерла. Медленно, какъ кошка, подползающая къ добычѣ, двинулся одинъ изъ борцовъ, согнувшись, шагая тихо и едва слышно. Онъ обошолъ кругомъ своего противника, который не спускалъ съ него глазъ и готовъ былъ предупредить внезапное напа-

деніе. Круги становились все меньше, наконецъ руки сцѣпились, головы уперлись лбами. Оба силача стояли нѣсколько секундъ, стараясь покачнуть другъ друга, но напрасно. Одинъ сдѣлалъ усиліе—руки соскользнули, другой схватилъ за плечи — потное тѣло увернулось. Противники, тяжело дыша, опять разошлись, и опять началось подползаніе (иначе я не могу назвать эти движенія).

Еще разъ стукнулись лбы, еще разъ напряглись мускулы, пошли въ ходъ и ноги, которыми борцы хотѣли свалить другъ друга, но—опять напрасно. Одинъ изъ нихъ вцѣпился въ руки своего противника даже ногтями, но тѣло какъ желѣзо не поддавалось. Вдругъ, совершенно неожиданно, одинъ приподнялъ другаго на воздухъ... крикъ торжества вырвался изъ груди зрителей, но... приподнятый моментально извернулся, схватилъ за голову противника и грохнулъ его о землю. Поднялся хохотъ. Побѣдителя окутали въ тулупъ и увели.

Байга кончилась. Я поблагодарилъ старшинъ и отправился въ свою кибитку.

Такія увеселенія совершаются при всякомъ удобномъ случаѣ; они составляютъ единственное развлеченіе киргизовъ.

Иногда призы на скачкахъ довольно цѣнны. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году 25-го августа, по разсказамъ И. А. Колпаковскаго, состоялось байга, на которой соперничали Каракольскіе и Джаркентскіе киргизы. Первый призъ, взятый извѣстнымъ скакуномъ «Тай-кашка», состоялъ изъ 1,000 руб. серебромъ деньгами, 200 лошадей, 9 верблюдовъ и 9 выдръ. Скачка—на 50 верстъ.

Понятно, что такіе скакуны, какъ Тай-кашка, цѣнятся очень дорого, они составляютъ не только гордость, но и источникъ богатства своего хозяина. Ихъ держатъ въ кибиткѣ, вмѣстѣ съ членами семейства, ихъ берегутъ какъ зѣницу ока.

Гдѣ только появляется Тай-кашка,—тамъ ужъ она навѣрно возьметъ первый призъ; поэтому владѣтель такой лошади боится, чтобы изъ зависти ее не украли или, еще хуже, не испортили: онъ всю жизнь, такъ сказать, посвящаетъ на служеніе благородному животному. Подобные скакуны имѣютъ свою исторію, свои легенды.

На сколько дорого цѣнятъ хорошихъ лошадей, можно судить изъ того, что, по разсказамъ туземцевъ, Тай-кашка куплена за 1,000 р., когда она еще была жеребенкомъ и выведена изъ Кульджи.

Экскурсируя по берегамъ Сонъ-Куля, я имѣлъ случай сдѣлать также интересную находку. На поверхности земли, между корнями засохшей травы, разбросаны въ громадномъ количествѣ сѣроватаго цвѣта шарики, величиною отъ горошины и до орѣха. Поверхность ихъ морщиниста; они ломки и сильно разбухаютъ въ горячей водѣ.

Это не что иное какъ лишайникъ—Lichen esculentus (Chlorangium esculentum), который ростетъ и въ южной Россіи, напримѣръ,

на Дону, можетъ быть употребляемъ въ пищу и называется порусски «земляной хлѣбъ».

Киргизы не знаютъ, что они топчатъ ногами суррогатъ весьма вкусный, который могъ бы имъ пригодиться.

Интересенъ главнымъ образомъ фактъ нахожденія землянаго хлѣба на такихъ различныхъ высотахъ, каковы уровень Дона и Сонъ-Куля.

Было холодное сѣренькое утро, когда мы двинулись дальше по сѣверному берегу озера.

Густыя низкія облака быстро неслись по небу. Вдали на горизонтѣ шолъ дождь. Солнце выглядывало изъ-за тучъ въ видѣ большаго шара безъ лучей и тепла.

Бойко шли наши лошади, шлепая по болоту. Иногда ноги ихъ вязли выше колѣна, и тогда проводникъ спѣшилъ измѣнить направленіе. Кутаясь въ шубы, ежились мы въ сѣдлахъ.

По сухой полянѣ, на которую выбрался караванъ, быстро бѣгали большіе черные пауки, гоняясь за насѣкомыми. Мои спутники устроили за ними цѣлую охоту.

По тихой зеркальной поверхности Сонъ-Куля вереницей плавали красныя крупныя утки. Гдѣ-то въ сторонкѣ свистѣли сурки, эти постоянные жители горныхъ мѣстъ.

Къ полудню было пройдено довольно много. Остановились перекусить холодной бараниной.

Вдругъ впереди поднялось облако пыли; ржаніе лошадей, крикъ киргизовъ звучно отдавались въ холодномъ воздухѣ.

Громадный аулъ перекочевывалъ на другое мѣсто, покидая высокія мѣста. Табуны въ тысячи головъ, бараны и цѣлыя сотни разукрашенныхъ верблюдовъ потянулись безконечною цѣпью. Опять пришлось любоваться на красивыхъ наѣздницъ, на своеобразныя украшенія высокихъ сѣделъ. Опять съ удивленіемъ поглядывали мы на навьюченныхъ коровъ.

Все это принадлежало именитому старцу Шаману, который самъ, собственной персоной и съ богатой свитой, выѣхалъ ко мнѣ «побесѣдовать и узнать о здоровьѣ Бѣлаго Царя».

Старикъ небольшаго роста, довольно крѣпкій на видъ. Онъ прифрантился въ синій суконный халатъ, обшитый позументомъ, и прицѣпилъ даже медаль, полученную за участіе въ кокансномъ походѣ. Богатства его, по разсказамъ, неисчислимы, родъ многочисленъ какъ песокъ морской.

Поговоривши черезъ переводчика, онъ хотѣлъ было проводить меня, но я благодарилъ за любезность и упросилъ ѣхать своею дорогой.

Между киргизами, которые большой кавалькадой тѣснились вокругъ насъ, мое вниманіе обратилъ на себя одинъ молодой парень

совершенно безъ носа; вмѣсто этого необходимаго члена существовало бѣлое гладкое мѣсто (невольно припомнилась исторія Гоголевскаго «Носа»).

Когда мы разстались съ Шаманомъ, парень, всетаки, продолжалъ слѣдовать за мною на своей пѣгой лошадкѣ.

Проѣхали верстъ десять, а безносый не отстаетъ.

— Что ему надо?—спросилъ я черезъ переводчика.

Киргизъ, соскочивъ на ходу съ лошади, снялъ шапку, взялся за животъ и отвѣсилъ низкій култукъ.

— Съ просьбой,—пояснилъ джигитъ.

Хотя я и предувѣдомилъ, что по заявленію просителя врядъ ли могу что нибудь сдѣлать, тѣмъ не менѣе пришлось выслушать слѣдующее.

Два года тому назадъ, братъ безносаго проѣзжалъ одинъ мимо враждебнаго аула. Киргизы напали на него, безъ дальнихъ церемоній убили и закопали. Весною совершенно случайно трупъ былъ найденъ, и злодѣяніе обнаружено. Но... на кого и кому жаловаться?—въ такихъ трущобахъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь оказывается справедливой пословица: «до Бога высоко, до Царя далеко».

Такъ дѣло и кончилось. Родные погоревали и устроили байгу.

Къ сожалѣнію, убитый, во время боя на жизнь и смерть, сильно поранилъ одного изъ нападавшихъ; раны становились все болѣе и болѣе страшными и причиняли большія страданіи. Тогда-то закипѣла досада у всѣхъ участниковъ преступленія, и они рѣшили отмстить кому нибудь изъ родственниковъ убитаго. Долго случай не представлялся, но, наконецъ, злая судьба направила ихъ на роднаго брата погибшаго. Убійцы встрѣтили его гдѣ-то въ глухомъ ущельѣ и, не смотря на сопротивленіе, отрѣзали ему носъ.

Такъ и остался несчастный уродомъ на всю жизнь. Зовутъ его Нуръ-ала.

Успокоивши бѣдняка тѣмъ, что я обѣщалъ разсказать объ этомъ фактѣ кому вѣдать надлежитъ, мнѣ оставалось только возмущаться и... продолжать путь.

Нуръ-ала повернулъ лошадь и пустился догонять Шамана.

Проѣхавши еще верстъ пять, проводникъ указалъ на лежащій на берегу священный камень «тулпаръ-ташъ».

Онъ имѣетъ аршинъ длины и 3 четв. ширины (съ одного конца, 2 четв.—съ другаго). На поверхности его замѣтна глубокая впадина, по очертаніямъ напоминающая слѣдъ лошадинаго копыта.

Киргизы говорятъ, что въ глубокой древности въ этихъ мѣстахъ обитали богатыри-гиганты, разъѣзжающіе на громадныхъ коняхъ, и что слѣдъ на тулпаръ-ташѣ есть доказательство справедливости такой легенды.

Тѣмъ не менѣе, камень валяется прямо на берегу; вокругъ него нѣтъ загородокъ, надъ нимъ не возвышается никакого навѣса.

Изъ долины оз. Сонъ-Куля черезъ перевалъ Шиль-бели мы вышли къ быстрому Джумгалу.

Издали можно подумать, что на берегу его разбросаны цѣлыя деревни, какія-то бѣлыя и сѣрыя зданія съ куполообразными крышами.

Подъѣзжая ближе, скоро убѣждаешься, однако, что это городъ мертвыхъ, что это все мазарки, могильные памятники.

Они построены въ видѣ миніатюрныхъ мечетей, съ фронтономъ, фальшивыми колоннами, минаретами.

Въ срединѣ главной стѣны (фасады) находится низенькая дверь, которая ведетъ въ небольшое помѣщеніе, гдѣ покоятся цѣлыя семьи. Стѣны украшены рисунками, изображающими охоту, путешествіе и различныя сцены изъ семейной жизни и хозяйство. Реальность такихъ сценъ иногда переходитъ границы приличія. Всѣ рисунки, вмѣстѣ взятые, составляютъ, такъ сказать, исторію жизни умершаго кочевника въ иллюстраціяхъ.

Особенно бросается въ глаза на берегахъ Джумгала присутствіе рощицъ березы, тальника и большихъ развѣсистыхъ тополей, чего мы уже давно не видали.

Теплый воздухъ пріятно отогрѣвалъ насъ; не вѣрилось, что можно снять шубы.

Останавливались при впаденіи Сусамыра въ Джумгалъ и поэтому, чтобы продолжать путь, необходимо было переправиться черезъ довольно широкій (сравнительно) и быстрый Сусамыръ. Вьюки положили на высокихъ верблюдовъ, а сами пустились вплавь на лошадяхъ. Вода до такой степени сильна, что надо ѣхать всѣмъ вмѣстѣ, плотно держась другъ около друга, иначе можетъ снести всадника или перевернуть его вмѣстѣ съ лошадью.

Но и на этотъ разъ намъ посчастливилось, и никто не пострадалъ; только одинъ изъ старшинъ окунулся вмѣстѣ съ конемъ, но былъ подхваченъ товарищами.

Затѣмъ пошли по лѣвому берегу Сусамыра. Тропинка поднялась высоко-высоко надъ ущельемъ, становилась все уже и уже и, наконецъ, превратилась въ карнизъ, ширина котораго въ широкихъ мѣстахъ не превышала двухъ четвертей. Голова кружилась, когда заглядывалъ съ страшной высоты туда внизъ, гдѣ ревѣла рѣка, вся бѣлая, какъ молоко, отъ пѣны.

Слѣва поднимались отвѣсныя скалы, правая нога висѣла надъ пропастью. Лошадь осторожно переступаетъ, ощупывая ногою каждый подозрительный камень.

На бѣду обломки скалъ загораживали часто узкую дорожку, и объѣзжать опасное мѣсто можно было только на нашихъ привычныхъ горныхъ коняхъ, предоставляя имъ полную своду взбираться вверхъ или спускаться внизъ.

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ неожиданностей, карнизъ очень часто спускался съ заоблачной высоты внизъ къ самой рѣкѣ и, пройдя нѣсколько шаговъ, снова подымался круто вверхъ... Камни скатывались изъ-подъ ногъ лошади и, прыгая съ уступа на уступъ, исчезали въ темномъ ущельѣ. Невольно закрывались глаза или, наоборотъ, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли впередъ, желая увидѣть: гдѣ же конецъ этимъ пыткамъ? когда же кончится карнизъ?

И такого нути пройдено около 20 верстъ! изъ нихъ ужъ очень сквернаго и опаснаго около 10!

Нельзя описать того восторга, который обуялъ насъ, когда, наконецъ, дѣйствительно карнизы кончились, и мы въѣхали въ цѣлую рощу березы, боярышника и другихъ кустарниковъ и деревьевъ, густо покрывающихъ Сусамыръ; точно нарочно посаженные, они образовали прелестныя аллеи, и по нимъ-то извивалась тропинка.

Кругомъ высились желтоватыя громады хребта, и на одномъ изъ крутыхъ склоновъ мы замѣтили дикую козу съ маленькимъ козленкомъ. Съ недоумѣніемъ посмотрѣла она на насъ и, не спѣша, стала карабкаться на крутизну, прячась за камни.

Взобравшись снова на перевалъ Ковэкъ-бель, мы очутились уже въ Наманганскомъ уѣздѣ, и, увы! снова начались непріятности, такъ какъ письмо мое не дошло во время въ Наманганъ и, слѣдовательно, никакихъ распоряженій о нашемъ проѣздѣ сдѣлано не было.

Имѣя, всетаки, бумагу отъ губернатора, я обратился къ именитому Роскульбеку, который, на мое счастье, кочевалъ здѣсь недалеко.

Меня проводили въ аулъ. Роскульбекъ высокій, худой и черный киргизъ съ довольно непріятнымъ выраженіемъ лица. Особенно его портятъ большіе синіе очки съ сѣтками, плотно закрывающіе маленькіе подслѣповатые глазки. Онъ принялъ насъ очень радушно въ своей кибиткѣ, угостилъ ужиномъ, чаемъ и обѣщался самъ проводить до Кетменьтюбе, гдѣ у него имѣется домъ, или, правильнѣе, цѣлое помѣстье.

И дѣйствительно, на другой день выступили вмѣстѣ. Кое-какъ продолжали подвигаться, взбираясь на кручи, спускаясь въ глубокія ущелья, пересѣкая шумные потоки. Вдругъ въ одномъ узкомъ проходѣ замѣтили цѣлую сотню киргизовъ; они были безъ шапокъ, одѣты въ изорванныя рубища, въ поводьяхъ держали лошадей.

Едва я показался, какъ вся толпа подняла крикъ; каждый что-то говорилъ, старался перекричать своего сосѣда и низко кланялся. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что всѣ эти люди жалуются на Роскульбека, который будто бы насильно взялъ лошадей у нихъ подъ мои вьюки.

Напрасно я убѣждалъ, что заплачу за все, что даромъ никто лошадей не беретъ,—ничего не помогало! Киргизы стояли на дорогѣ, не пропускали впередъ, хватали за стремя; Роскульбекъ какъ-то стушевался.

Тогда нашъ джигитъ еще разъ объявилъ имъ, что деньги будутъ заплачены, и бросился увѣщевать нагайкой. Нѣсколько человѣкъ было опрокинуто, другіе вскочили на лошадей и разбѣжались въ разныя стороны, дорога расчистилась.

Роскульбекъ какъ изъ земли выросъ. Онъ похвалилъ находчивость джигита, заявилъ, что «нагайка — самая первая вещь при убѣжденіяхъ», и мы двинулись дальше.

Черезъ двое сутокъ въѣхали въ долину Нарына и добрались, наконецъ, до помѣстья Роскульбека.

Это цѣлая помѣщичья усадьба, съ садомъ, виноградникомъ, строеніями для прислуги и мазаркой, въ которой покоятся предки богача-киргиза.

Здѣсь мы съ удовольствіемъ расположились въ комнатѣ, пестро раскрашенной въ азіатскомъ вкусѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Каракола, намъ не удавалось провести ни одной ночи подъ крышей, поэтому-то ночлегъ у Роскульбека сулилъ намъ много комфортабельнаго. Поужинавъ плотно и полакомившись душистой дыней и крупнымъ виноградомъ, мы задули сальную свѣчку и разлеглись на коврѣ. Но... назойливый комаръ затрубилъ надъ ухомъ, за нимъ появился другой, третій... наконецъ—цѣлый рой...

Напрасно мы отмахивались съ ожесточеніемъ; невидимый врагъ, сильный своей многочисленностью, нападалъ все съ большимъ и большимъ остервененіемъ. Укрыться не было возможности, потому что ночь стояла теплая, душная...

Такъ всю ночь никто не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту.

Едва солнце блеснуло изъ-за горъ, мы разстались съ Роскульбекомъ. Онъ далъ своего провожатаго и разсчитывалъ на то, что никакихъ задержекъ намъ въ пути не будетъ. Черезъ трудный перевалъ Мартъ прошли благополучно и къ вечеру остановились около небольшаго аула, прося киргизовъ дать лошадей. Въ отвѣтъ услыхали, что лошадей—нѣтъ. Стали просить барана—и барана нѣтъ, а есть козелъ, за который требовали 3 р. с.; помирились на 1 р. 50 к. и съѣли жесткое мясо съ отвратительнымъ запахомъ.

Договорили киргизовъ, которые насъ везли до сихъ поръ, чтобы они продолжали путь съ нами. Еле-еле удалось убѣдить; но, когда на другой день мы наткнулись на нѣсколько кибитокъ, то наши проводники считали себя въ правѣ снять вьюки, сложить все это въ пыль на дорожку и исчезнуть, говоря, что мы теперь можемъ нанять другихъ людей, а что они и безъ того далеко зашли.

Такъ и остались мы среди ущелья. Солнце пекло невыносимо. Деревья, пожелтѣвшія и пыльныя, точно дремали кругомъ. Нигдѣ ни звука.

Недалеко виднѣлись двѣ кибитки, суетилось нѣсколько женщинъ.

Джигитъ пошелъ къ нимъ узнать: можно ли достать лошадей? Въ крайности пришлось бы вьючить своихъ, которыхъ мы берегли на всякій подобный случай. Дикія красавицы отвѣтили, что въ аулѣ остались все женщины, а мужчины уѣхали, что распоряжаться онѣ не имѣютъ права.

По счастію, одинъ изъ нашихъ проводниковъ услышалъ гдѣ-то ржаніе. Онъ быстро скрылся, и черезъ полчаса десятка два испуганныхъ лошадей выскакало прямо на насъ. Ихъ тотчасъ безъ церемоніи поймали и навьючили.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ со всѣхъ сторонъ нагрянули спрятавшіеся мужчины и женщины, съ крикомъ и плачемъ. Одна старуха жаловалась, что у нея только одна лошадь и есть, что она не можетъ ее отдать, потому что мужа нѣтъ дома; другая молодая киргизка въ изорванномъ костюмѣ, съ сверкающими глазами подскочила ко мнѣ и кричала во всю глотку, размахивая руками; отъ злости она была блѣдна какъ полотно, губы дрожали, черныя густыя косы растрепались.

Я опять объяснилъ черезъ переводчика, что за все будетъ заплачено, сѣлъ на лошадь, и среди криковъ и брани нашъ караванъ тронулся въ путь. Со всѣхъ сторонъ шумѣли всадники, бабы, старухи, — мы не обращали никакого вниманія и были рады, что хоть какъ нибудь есть возможность выбраться изъ этой трущобы. Мало-по-малу, однако, киргизы помирились и разъѣхались, бабы отстали, и можно было вздохнуть свободно.

Какъ ни спѣшили мы выбраться поскорѣе изъ лабаринта горъ въ теплую Ферганскую область, но это намъ не скоро удалось.

Особенно труденъ былъ день, когда мы то и дѣло взбирались на высоты, спускались въ ущелья, пересѣкали ручьи и понукали измученныхъ лошадей, на основаніи словъ проводника, что остался всего одинъ перевалъ.

Солнце уже сѣло, туманъ заклубился въ долинахъ, а этого перевала все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ, только на одной снѣговой вершинѣ сверкалъ отдаленный закатъ, становилось совсѣмъ темно и... пришлось остановиться высоко, гдѣ не было ни кустика, ни деревца; даже трава оказалась выгорѣвшею. Кое-какъ пріютились между каменьями, безъ кибитки. Собрали кизякъ, стали разводить огонь. Кизякъ дымился, не горѣлъ, вспыхивалъ и опять погасалъ. А холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Мертвая тишина царитъ въ природѣ.

Угрюмо понуривъ голову, стоятъ и дремлютъ лошади. Киргизы разошлись отыскивать топливо.

Ежась подъ морознымъ ночнымъ небомъ, вспоминали мы, какъ хорошо было бы теперь отогрѣться въ кабинетѣ да поѣсть горячей баранины. И не вѣрилось, что все это было когда-то.

Затѣмъ мы спустились въ интересную долину Кара-су. Въ высокихъ частяхъ этого ущелья лежалъ снѣгъ большими полями, растительность была часто горнаго характера; но по мѣрѣ того, какъ мы спускались, характеръ мѣстности мѣнялся, и, наконецъ, въѣхали въ цѣлыя рощи грецкаго орѣха, акацій и другихъ представителей теплой полосы Средней Азіи.

Но вотъ горы раздвинулись, снѣжные хребты ушли направо и налѣво, на насъ пахнуло точно изъ оранжереи. Кругомъ зазеленѣли плантаціи джугары, клевера, кукурузы. Стали попадаться кишлаки.

Мы въѣхали въ культурную полосу, въ Фергану. Изъ-за глиняныхъ заборовъ выглядывали черные глазки дѣтей. Красивые сарты въ бѣлыхъ чалмахъ и синихъ полосатыхъ халатахъ молодецки сидѣли на кровныхъ аргамакахъ. Арба на высокихъ колесахъ, нагруженная дынями, тяжело тащилась по улицѣ, подымая тучу пыли...

Еще нѣсколько десятковъ верстъ, и мы въ Намаганѣ, городѣ съ крѣпостью, съ гостепріимнымъ домомъ уѣзднаго начальника П. В. Аверьянова и гдѣ есть возможность отдохнуть и снарядиться въ обратный путь.

Переправившись черезъ Сыръ-Дарью, увидѣлъ я опять знакомые пески, весьма характерные по своему наружному виду. Они состоятъ изъ высокихъ и низкихъ холмовъ серповидной формы и перекатываются съ одного конца Ферганы до другаго, засыпая на пути кишлаки съ ихъ садами, плантаціями хлопка и тутовыхъ деревьевъ. Туземцы увѣряютъ, что на то, чтобы серповидный холмъ перекатился черезъ поселокъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ.

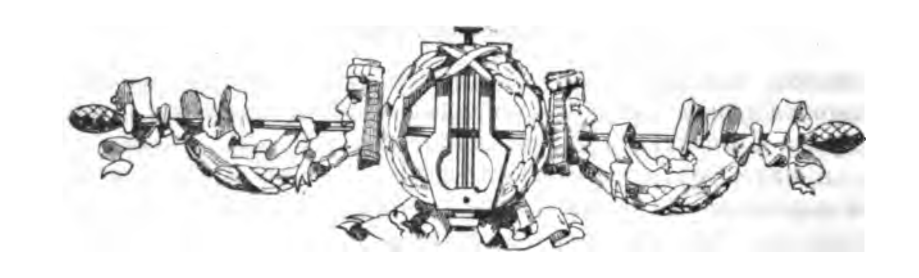
Наконецъ, явилась возможность ѣхать на перекладной. Ночи стояли чудныя, теплыя; луна свѣтила фосфорическимъ свѣтомъ, даль куталась въ голубой туманъ, по темному, бархатному небу чертили падающія звѣзды... И такъ хорошо дремалось подъ звуки колокольчика и покрикиванія ямщика.

Вотъ и Ташкентъ, разросшійся до неузнаваемости за эти послѣднія пять лѣтъ.

А тамъ опять еще болѣе знакомая дорога черезъ Казалу, скучный Иргизъ и Оренбургъ.

Н. Сорокинъ.

ОБЛАСТЬ ОТРОЗНЕННОЙ ЛИЧНОСТИ.

(По поводу 50-лѣтія «Ревизора»[1]).

ЕГО ЧУТЬ не въ Фонвизины суютъ, а піеса просто даже и не достойна быть названа комедіей. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный!... Просто друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру... У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говорить о немъ? Все пріятели кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать».

Такъ говоритъ литераторъ стараго покроя, выведенный Гоголемъ въ своемъ «Театральномъ Разъѣздѣ». Гоголь даже слишкомъ принималъ къ сердцу такіе отзывы о «Ревизорѣ», раздававшіеся какъ съ литературной, такъ и съ совсѣмъ ужъ не литературной стороны, хотя могъ бы, повидимому, еще при жизни убѣдиться въ томъ, что комедія его окончательно заняла у насъ мѣсто наряду и съ Фонвизинскимъ «Недорослемъ», и съ великимъ Грибоѣдовскимъ «Горемъ».

Самъ Гоголь вполнѣ сознавалъ ту психологическую широту обобщеній, въ силу которой его «Ревизоръ», хотя и давно уже устарѣлъ, но никогда окончательно не устарѣетъ, какъ не устарѣетъ Фамусовщина, Репетиловщина и т. д., а въ извѣстномъ смыслѣ не устарѣетъ и Митрофанъ со своей мамашей. Широкимъ взглядомъ на «Ревизора» надѣленъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ» «Очень скромно одѣтый человѣкъ». «Въ комедіи,—говоритъ онъ,—мнѣ

[1]) Читано 19-го апрѣля въ Обществѣ любителей сценическаго искусства.

кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка».

А плутъ этотъ корчитъ ее подчасъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ; не даромъ же не одинъ Маниловъ былъ просто въ восторгѣ отъ Чичикова, но и самъ губернаторъ такъ-таки и объявилъ его именно «благонамѣреннымъ». Согласно со «Скромно одѣтымъ человѣкомъ» судитъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ» и «Молодая дама». Въ комедіи, по ея мнѣнію, выведена наружу та подлость, низость, которая, въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ,—все была бы такая же подлость или низость.

Въ столь же широкомъ, т. е. не только провинціальномъ, смыслѣ выведена въ «Ревизорѣ» и особенно удававшаяся Гоголю пошлость, которой столь блистательнымъ представителемъ является тутъ Хлестаковъ. Извѣстно, какъ широко толковалъ его Гоголь въ своемъ письмѣ къ Пушкину: «Онъ не лгунъ по ремеслу, онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что̀ говоритъ. Онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія». Хлестаковъ—это все наше казовое, не имѣющее подъ собою почвы, все, на себя напускаемое, съ чѣмъ мы такъ часто носимся и чѣмъ превозносимся. Не даромъ же спрашивалъ Гоголь:

«Что такое, если разобрать въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми... Пусть каждый отыщетъ частицу себя въ этой роли... Это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ... И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ»...

Извѣстно, что въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь даже сознался прямо про самого себя: «есть во мнѣ что-то хлестаковское». И что жъ удивительнаго, если Хлестаковщина сказывалась у насъ даже на историческомъ поприщѣ, начиная съ того человѣка удачи, того представителя нашего русскаго «авось» съ самыми широко хватающими видами и задачами, который такъ типически выставленъ Пушкинымъ въ Самозванцѣ.

Однажды, какъ извѣстно, Гоголь захотѣлъ, такъ сказать, морализировать своего «Ревизора». И это зависѣло не отъ тѣхъ лишь

посторонних цѣлей, которыя, къ сожалѣнію, иногда замѣшивались у него, когда онъ находилъ нужнымъ принимать проповѣдническую позу. Не только въ своемъ «Портретѣ», но отчасти, надо думать, и въ «Развязкѣ Ревизора» онъ и безъ всякихъ заднихъ мыслей впадаетъ въ мораль, говоря про свою комедію:

«Что̀ если это нашъ же душевный городъ и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ... «Ревизоръ»—это наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя... Хлестаковъ—вѣтренная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ».

Хлестаковъ въ качествѣ ревизора—это, стало быть, казовая совѣсть, совѣсть, способная на всѣ сдѣлки, въ видѣ какого-то призрака мелькающая въ томъ мірѣ, гдѣ давно уже нѣтъ души, гдѣ все опустѣло и выдохлось, потому что все раздробилось, лишившись своего единящаго, связующаго нутра. Дѣло въ томъ, что для этого захолустнаго міра безслѣдно пропалъ самый смыслъ слова міръ, какъ толковалось оно Хомяковымъ:

«Міръ для русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать легенду на слѣдующую тему: Русскій человѣкъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить»[1]).

Между тѣмъ въ томъ Гоголевскомъ захолустьѣ, которое самъ же онъ велитъ намъ понимать широко, ни порознь взятый человѣкъ, ни цѣлый городъ не могъ бы быть, разумѣется, пущенъ въ рай. Это вѣдь то захолустье, въ которомъ живетъ и столичный чиновничій людъ Грибоѣдова, и помѣщичій людъ Фонвизина; это захолустье, общее всѣмъ тѣмъ сферамъ, которыя остаются внѣ народнаго міра, въ которыхъ за то лафа для отрозненной личности съ ея «своею рукою-владыкой».

Самъ Гоголь вполнѣ понималъ все значеніе міра, той мірской связи, о которой, подъ именемъ товарищества, говоритъ своимъ казакамъ его Вульба:

«Нѣтъ узъ святѣе товарищества ...Породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ... У послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства, и проснется онъ когда нибудь и ударится онъ, го-

---

[1]) См. Соч. Самарина, т. I, стр. 246—247. Статья: Хомяковъ и крестьянскій вопросъ.

ремычный, объ полы руками; схватить себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ всѣ, что̀ такое значитъ въ Русской землѣ товарищество!»

Но и тутъ опять, переходя къ тому широкому захолустью съ отрозненной личностью, которому посвятили свое вниманіе наши сатирики, мы должны будемъ прямо признать, что ни одинъ подлюка изъ этого захолустья такъ и не ударится объ полы руками, такъ и не проклянетъ своей подлой жизни, потому что уже слишкомъ увязъ въ ней въ духовномъ своемъ одиночествѣ. По крайней мѣрѣ, Грибоѣдовъ недаромъ же выставилъ намъ свою Фамусовщину, тотчасъ послѣ Отечественной войны. Онъ хотѣлъ показать, что ото всего возбужденнаго ею «патріотизма» не осталось въ этой наднародной и безнародной средѣ и слѣда, если не считать того, что московскія дамы попрежнему при пріѣздѣ кого нибудь отъ двора готовы кидать въ воздухъ чепчики, а московскія барышни попрежнему льнутъ къ военнымъ. А Гоголь, отъ старыхъ своихъ казаковъ переходя къ ихъ потомкамъ-помѣщикамъ, даетъ намъ почувствовать, до чего пропадаютъ задаромъ въ этой обезсмыслившейся, этой отрозненно-разчеловѣчившейся средѣ тѣ сокровища душевной природы, которыя таятся еще въ Пульхерьѣ Ивановнѣ.

Но загляните только въ душу Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и никакой уже тѣни какого либо духовнаго задатка вы у нихъ не найдете, а найдете одного г у с а к а, неожиданно давшаго, наконецъ, поднявшеюся изъ-за него тяжбою содержаніе ихъ совершенно ничѣмъ не наполненной, въ полномъ смыслѣ лежащей предъ нами въ н а т у р ѣ, дынно-сѣмечной жизни!

Извѣстно, что «Тяжба» дала содержаніе и одной изъ Гоголевскихъ драматическихъ сценъ, сценъ, выводящихъ передъ нами ту же безсмысленную жизнь, во всей широтѣ ея скучающаго, или же готоваго съ жиру всегда взбѣситься, произвола. Впрочемъ, тутъ уже тяжба является не какъ искусство ради искусства, а съ явными поползновеніями на к у с о к ъ. Но Гоголь показываетъ, что люди умѣютъ не только т я г а т ь с я, но и с о ю з н и ч а т ь ради куска. И въ мірѣ отрозненной личности проявляется у него своего рода к о о п е р а ц і я — точно сочиненная чортомъ пародія на то товарищество, о которомъ говоритъ Бульба. Вспомнимъ, что въ «Игрокахъ» Утѣшительный не безъ краснорѣчія говоритъ:

«...Человѣкъ п р и н а д л е ж и т ъ о б щ е с т в у.

«...Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню...

«...Соединяя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣе, чѣмъ порознь».

Конечно, это только до поры до времени, только изъ оппортунизма (существующаго не въ одной же политикѣ), а тамъ... «кто

кого смогà, тотъ того въ рога». Такимъ образомъ Утѣшительный и проводитъ своего новаго союзника Ихарева.

Та же игра (конечно, не въ извѣстномъ азартномъ смыслѣ) ведется съ такимъ же оппортунизмомъ и въ «Ревизорѣ». И тутъ союзничество можетъ неожиданно смѣниться предательствомъ, а неудавшееся предательство — ползающимъ заискиваньемъ новаго союза. «Жаловаться? — кричитъ на купца городничій. — А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на 90,000, тогда какъ его и на сто рублей не было?.. Вотъ ты теперь валяешься у моихъ ногъ. Отчего? — оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь». И городничій въ своемъ смыслѣ правъ, твердо держась завѣтнаго правила: «рука руку моетъ», въ своемъ родѣ гуманно «живя и давая жить другимъ», хотя и соблюдая при этомъ градацію, отклоненіе отъ которой непремѣнно вызоветъ съ его стороны замѣчаніе: «не по чину берешь». Въ своемъ смыслѣ справедливый относительно тѣхъ, которые въ той или другой степени вмѣстѣ съ нимъ берутъ, онъ имѣетъ свой особый взглядъ на тѣхъ, которымъ брать совсѣмъ уже не приходится. Всѣ не берущіе точно будто бы такъ ужъ отъ Бога предназначены на то, чтобы берущіе ими управляли... управляли — не имъ, т. е. дающимъ, въ охрану и на пользу, а только самимъ управляющимъ къ выгодѣ. Городничій, въ своемъ уѣздномъ міркѣ, настоящій представитель той самодовлѣющей власти, которая воображаетъ себѣ при этомъ, что состоящіе подъ нею, платонически къ ней относясь, могутъ отъ всего сердца дѣлить ея радости и болѣть ея горемъ. Оттого-то, когда страхъ передъ ревизоромъ внезапно смѣняется радостью отъ предстоящаго вступленія съ нимъ въ родство, Дмухановскій съ самымъ искреннимъ увлеченіемъ провозглашаетъ съ высоты своего новаго величія: «Объяви всѣмъ, чтобъ знали, что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему... Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми!» Въ эту торжественную минуту онъ, должно быть, увѣренъ, что небо благосклонно обратило вниманіе на тотъ обѣтъ, съ какимъ онъ къ нему обратился при вѣсти о ревизорѣ: «Дай только, Боже, чтобъ сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждаго бестію купца наложу доставить по три пуда воску». Въ пылу увлеченья ниспосылаемымъ ему, какъ онъ полагаетъ, самимъ Богомъ величіемъ, онъ смакуетъ въ немъ именно самое это величіе, когда предчувственно говоритъ: «Вѣдь почему хочется быть генераломъ?.. Случится, поѣдешь куда нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ — лошадей! И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь!»

Вотъ въ этомъ-то и блаженство: ты себѣ въ усъ не дуешь! т. е. съ тебя—ничего, на тебя—все! Но нѣтъ, этого еще мало. «Знаете ли,—довершаетъ онъ, окончательно расходившись,—что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу». Такъ вотъ оно въ чемъ, наконецъ, настоящее, наиблаженнѣйшее «нраву моему не препятствуй!»

Когда же ему приходится вдругъ свалиться съ этой внезапно-почудившейся ему высоты, свалиться, признавъ себя проведеннымъ, да еще кѣмъ?—то онъ уже совершенно чистосердечно видитъ въ этомъ свою вину и готовъ всенародно каяться будто съ лобнаго мѣста... Вотъ тутъ ему въ самомъ дѣлѣ кажется, что онъ виноватъ не только передъ собою, но и передъ всѣми, такъ какъ позоръ его неминуемо ложится и на его городъ. «Тридцать лѣтъ живу на службѣ, мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ... трехъ губернаторовъ обманулъ»,—величается онъ своимъ героическимъ прошлымъ. Но, увы! не таково его настоящее. «Смотрите,—продолжаетъ онъ,—смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій... Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка... Разнесетъ по всему свѣту исторію, чина, званія не пощадитъ... Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь»,—заставляетъ его Гоголь обратиться уже къ самимъ зрителямъ. «У, щелкоперы, либералы проклятые!»—величаетъ онъ ихъ за то, что они не почитаютъ его «развѣнчанной тѣни»... «Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ кого наказать, такъ отниметъ разумъ»,—вырывается у него, наконецъ... Видно, понапрасну его лживая совѣсть шептала ему о пудовой свѣчѣ съ раскладкою на купцовъ, рисуя ему даже высшее существо по образу и подобію того же, дающаго себя ублаготворить, ревизора!

А дѣло въ томъ, что какой-то остатокъ въ немъ, какъ и въ нихъ во всѣхъ, настоящей совѣсти смущалъ ихъ «страхомъ идущаго впереди закона», а «у страха, какъ говорится, глаза велики». Вотъ и вышло такъ, что, обманувъ трехъ губернаторовъ, городничій принялъ за важную персону «какую-то сосульку, тряпку»... Но вѣдь на бѣду же эта «сосулька, тряпка», жилъ въ ихъ городѣ, не платя денегъ... Вотъ изъ ихъ особаго рода логики и выходило, что это съ его стороны только тонкій намекъ на деньги, на надобность ихъ ему... Къ тому же «сосулька», при всей своей пустотѣ, носилъ на себѣ тотъ особый, еще въ дѣтствѣ широко подмалеванный барскій видъ, усиливаемый тонами, пріобрѣтенными въ петербургскомъ полусвѣтѣ, при помощи котораго онъ и не одной только городничихѣ могъ представляться «столичною штучкой». Видъ этотъ связанъ былъ въ немъ съ различными наслѣдственными и благопріобрѣтенными привычками и претензіями. «Я не могу ѣсть дурнаго обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ»,—говоритъ онъ, совершенно искренно обижаясь тѣми двумя незатѣйливыми блюдами, которыми

вздумалъ его ограничить трактирщикъ. «Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже», — негодуетъ онъ столь же искренно. Видъ «столичной штучки», какъ выражается городничиха, или «важной персоны», какъ выражается ея супругъ, связанъ въ немъ съ сѣтованьемъ такого рода: «Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому нибудь чорту помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею». Свой особенный видъ «персоны» сохранилъ бы онъ и въ томъ случаѣ, если бъ его за долги въ самомъ дѣлѣ потащили въ тюрьму. «Что жъ? если благороднымъ образомъ, я пожалуй»... заранѣе утѣшаетъ онъ себя. Онъ до того увлекается представительностью, что опять-таки совершенно искренно увѣряетъ: «Я бы, признаюсь, ничего больше не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженіе, уваженіе и преданность». На дѣлѣ, конечно, ему приходится требовать также и «вещественныхъ доказательствъ невещественныхъ отношеній», когда онъ, вдругъ и на самомъ дѣлѣ дождавшись столь подобавшаго ему уваженія и даже какъ будто бы неособенно удивленный этимъ, спѣшитъ воспользоваться случаемъ поправить свои денежныя обстоятельства. «Не могу жить безъ Петербурга, — не даромъ же разсуждаетъ онъ. — За что жъ въ самомъ дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности, душа моя жаждетъ просвѣщенія». И вотъ ради этой-то «жажды просвѣщенія» онъ и забираетъ съ этихъ уѣздныхъ чудаковъ деньги — взаймы, разумѣется, только взаймы... А если бы ему, посредствомъ какихъ нибудь связей и протекцій, пришлось и въ самомъ дѣлѣ стать ревизоромъ, — онъ бы, и не находясь въ критическихъ обстоятельствахъ, сталъ, вѣроятно, принимать предлагаемое, конечно, опять взаймы... Вѣдь кареты, сервизы, ковры... вообще область «просвѣщенія» широка и необозрима...

Въ ту же область «просвѣщенья» съ его привиллегіями стремится у Гоголя такая выдающаяся изъ ряду персона, какъ Ихаревъ («Игроки»). Потому-то и восторгается онъ такъ глубокомысленно быстрымъ приростомъ своихъ средствъ, окончательно выносящимъ его своею могучей волной на высокій берегъ.

«Еще поутру было только 80,000, а къ вечеру уже 200,000, а? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ — въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ!.. Хорошъ бы я былъ, если бъ сидѣлъ въ деревнѣ да возился съ старостами, да мужиками, собирая по 3,000 ежегодно доходу! А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не отскоблишь... Я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить».

Какъ не вспомнить и тутъ, что Гоголь завѣщалъ намъ принимать его героевъ въ широкомъ смыслѣ, отыскивать въ нихъ и частицу самихъ себя? Какъ не сознаться, что потому-то его герои и не устарѣли;—не отжило, по крайней мѣрѣ, а пожалуй еще и развилось это брезгливое отношеніе къ деревенской и провинціальной глуши, эта столь понятная, благовоспитанная и благонамѣренная потребность «съ образованнымъ человѣкомъ поговорить»!

Но Ихаревъ, какъ и Сквозникъ-Дмухановскій, сразу и сваливается съ того высокаго берега, на который, казалось, поднимала его жизненная волна. Но если городничій винитъ при этомъ самого себя, то Ихаревъ остается самосознательно гордъ въ своемъ вполнѣ незаслуженномъ, какъ онъ увѣренъ, несчастіи. Онъ винитъ не себя, а свою неблагодарную родину, родину, столь нечувствительную къ талантамъ, возникающимъ средь ея пустырей. Не даромъ же онъ негодуетъ:

«Хитри послѣ того! Употребляй тонкость ума, изощряй, изыскивай средства! ...Не стоитъ просто ни благороднаго рвенія, ни трудовъ. Тутъ же подъ бокомъ отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ... Такая ужъ надувательная земля!»

Но Гоголь не оставляетъ насъ въ томъ провинціальномъ захолустьѣ, въ которомъ кишатъ съ одной стороны—служилые игроки, въ родѣ Дмухановскихъ и Земляникъ, съ другой—настоящіе игроки въ родѣ Ихаревыхъ и Утѣшительныхъ. Изъ своей провинціи онъ даетъ намъ заглянуть и въ свою столицу,—въ столицу, которая оказывается у него тѣмъ же захолустьемъ, т. е. тѣмъ же безсмысленнымъ міромъ исключительно личныхъ страстишекъ съ порождаемыми ими дѣлишками. Тутъ только въ нѣсколько приподнятомъ и, пожалуй, облагороженномъ видѣ продолжается та же, если и не столь азартная, т. е. менѣе неразборчивая въ пріемахъ, то едва ли за то не безпроигрышная игра. Это уже, пожалуй, не область взятокъ, передергиваній и подтасовокъ, всякихъ въ буквальномъ смыслѣ мошенничествъ и надувательствъ; но это область интригъ и подставленій другъ другу ножки, область искательствъ и товара лицемъ показательствъ ради широкихъ окладовъ и знаковъ отличія, какъ неизбѣжныхъ этаповъ къ болѣе прибыльнымъ повышеніямъ. Гоголь даетъ намъ заглянуть въ эту область въ своемъ «Утрѣ дѣловаго человѣка». Извѣстно, что на литераторовъ и публику прежняго покроя сцены эти произвели такое впечатлѣніе, что въ нихъ—«ничего нѣтъ». Но вѣдь Гоголь именно такого впечатлѣнія и хотѣлъ. Онъ именно и далъ намъ комическій набросокъ «дѣловаго бездѣлья». Это «дѣловое бездѣлье»—удѣлъ, его же не прейдеши, для той среды, которая, оставаясь наднародною и безнародною, ничѣмъ не связанная съ великимъ цѣлымъ, можетъ только подслуживаться и вовсе не способна служить въ томъ истинномъ смыслѣ, въ какомъ это понято было Чацкимъ. Но Го-

голь вѣдь и не даромъ наслѣдникъ по прямой линіи и сподвижникъ Грибоѣдова. Если Фамусовъ въ свое время обижался словами Чацкаго и былъ чистосердечно увѣренъ, что какъ самъ онъ, такъ и «служащіе при немъ свои и даже чужой, потому что дѣловой», Молчалинъ настоящимъ образомъ служатъ, а не подслуживаются; то вѣдь и «дѣловой человѣкъ» у Гоголя увѣряетъ:

«До всего могу унизиться, но до подлости никогда. Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось—если бъ получить хоть орденокъ на шею».

Объ этомъ-то и долженъ замолвить за него слово другой «дѣловой человѣкъ», пріѣзжающій къ нему съ визитомъ и перебиваемый среди заведеннаго разговора о картахъ намекомъ на орденокъ. Но другой «дѣловой человѣкъ» имѣетъ свои виды, и на уходѣ вотъ какъ аттестуетъ своего сокарточника:

«Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой — и то надѣлалъ, и то поправилъ. А я?... Вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ... Проситъ, чтобъ я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ!... Не получишь! не получишь! не получишь!»

Также ревниво и съ чувствомъ собственнаго перевѣшивающаго достоинства относится къ своимъ соратникамъ на служилой аренѣ и Пролетовъ (въ «Тяжбѣ»): «Бурдюковъ произведенъ? А, каково? Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ-воръ обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ, каково?» Потому-то Пролетовъ такъ и радъ тяжбѣ, которую заводитъ съ Бурдюковымъ родной его братъ. «Вотъ подарокъ!... какъ будто бы... министръ поцѣловалъ тебя при всѣхъ чиновникахъ въ полномъ присутствіи».

Въ связи со многимъ другимъ, особенное значеніе получаетъ у Гоголя и его «Лакейская», съ этими штатами слугъ, при которыхъ барину приходится чуть ли не самому отворять дверь, съ этою особою фонаберіей лакейской дамской аристократіи: «я де только боюсь на счетъ общества»; и: «мнѣ де очень не нравится, что будутъ кучера». Словомъ и «Лакейскую» надобно понимать широко...

Краснорѣчивымъ ораторомъ въ пользу лакейства является у Гоголя очаровательный по своей юркости Кочкаревъ, этотъ сватающій своего пріятеля Подколесина герой «Женитьбы». Извѣстно, что, по его мнѣнію, былъ бы только прокъ отъ выкланиванья, а обида отъ вліятельныхъ лицъ не въ счетъ: «Самое большое, что кто нибудь изъ нихъ плюнетъ въ лицо — вотъ и все... Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу. Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собою мужчина, румянецъ во всю щеку, до тѣхъ поръ егозилъ и приставалъ къ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ, плюнулъ въ са-

мое лицо, ей Богу!.. А жалованья, однако же, всетаки, прибавилъ. Такъ что же изъ этого, что плюнетъ?.. Взялъ да и вытеръ».

Но Кочкаревъ только формулируетъ ту практическую философію, которая исповѣдуется на дѣлѣ всѣми Гоголевскими героями. Это именно и есть философія, подходящая къ жизни въ обществѣ, какъ они ее понимаютъ. Но какова же ихъ жизнь въ семьѣ? Да разумѣется, тоже только на сдѣлкѣ основанная, жизнь вдвоемъ да рядышкомъ, но не жизнь въ настоящемъ союзѣ. Если Гоголь говоритъ про своихъ героевъ-пріятелей, а потомъ враговъ, что ихъ «самъ чортъ связалъ веревочкой», то даже и этого нельзя сказать о той четѣ, которая должна будетъ образоваться изъ купеческой дочки Агаѳьи Тихоновны и любаго изъ ея многочисленныхъ жениховъ. Конечно, каждый изъ нихъ смотритъ на женитьбу также, какъ коротко и ясно высказывающійся на этотъ счетъ Жевакинъ: «А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда». То есть для него былъ бы за невѣстой домъ, а тамъ «тяпъ да ляпъ и будетъ корабъ». Правда, Кочкаревъ за то философствуетъ: «Бракъ—это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика да и поѣхалъ куда нибудь; это обязанность совершенно другаго рода, это обязанность»... А не онъ ли, между тѣмъ, такъ и егозитъ, чтобы поскорѣе сосватать своего пріятеля Подколесина, егозитъ едва ли не потому, что долженъ спросить у свахи: «на кой чортъ ты меня женила»? И Подколесинъ былъ бы, конечно, точно также сосватанъ «на кой чортъ», если бъ его не выручила образцовая его нерѣшительность.

Въ «Отрывкѣ» вопросъ о женитьбѣ рѣшается при участіи родительской власти, рѣшается также скоро, какъ и вопросъ о переходѣ изъ статской въ военную того же тяжеловѣснаго и мясистаго сына Марьи Александровны, — Миши, какъ она его величаетъ. Напрасно онъ рѣшается пикнуть, что «женитьба дѣло сердечное, надо, чтобы душа»... Это вѣдь чистѣйшая ересь въ томъ мірѣ, который раскрывается передъ нами у Гоголя; никогда и ни въ чемъ тутъ вовсе не надо, «чтобы душа»... Души въ этомъ мірѣ даже и не полагается, и Мишѣ, еще не вовсе объ ней позабывшему, приходится плакаться передъ своею мамашей: «Не пройдетъ минуты, чтобъ вы меня не назвали либераломъ».

И это опять какъ убійственно широко! Марья Александровна съ ея рѣшающимъ мнѣніемъ стоитъ Грибоѣдовской Марьи Алексѣевны съ ея мнѣніемъ. Пусть же тѣ, что дорожатъ такимъ мнѣніемъ, и не думаютъ обнаруживать въ чемъ нибудь хотя бы и малѣйшій отсвѣтъ того, что называется искрой Божьей;—сейчасъ же раздадутся встрѣчные крики: «либерализмъ! опасный либерализмъ!» Или совсѣмъ откажись отъ мысли: «надо, чтобы душа», т. е. угождай и преуспѣвай; или же повернись спиной къ успѣху и рѣшись жить всегда побожьи, какъ говоритъ народъ.

Но какъ будто и во мнѣніи Марьи Александровны такъ ужъ ничего и не значитъ Божій законъ? Напротивъ, и она понимаетъ, «чѣмъ люди живы» среди своихъ житейскихъ невзгодъ. А у нея ли ихъ нѣтъ? Чего стоитъ одинъ Собачкинъ, этотъ ужасный Собачкинъ! «Если бъ ты зналъ,—говоритъ она сыну,—что̀ такое разнесъ онъ про меня... Что у меня подаютъ сальные огарки, что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою, что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня».

Ну, и въ этомъ отношеніи какъ не сказать, что у Гоголя все понимается широко,—даже и Марья Александровна съ своей укрѣпляющей вѣрой? Если въ былое время графъ Панинъ сказалъ Фонвизину про его Бригадиршу, что у каждаго непремѣнно отыщется такая же тетушка или сватьюшка, то вѣдь и мы теперь можемъ мало ли гдѣ повстрѣчаться съ Мишиной маменькой, съ этимъ ея приложеніемъ вѣры къ житейскому обиходу.

Вѣра Марьи Александровны также покладиста, какъ и вѣра Сквозника-Дмухановскаго, руководящагося тѣмъ, что «нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ. Это уже такъ,—прибавляетъ онъ,—самимъ Богомъ устроено, и вольтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ».

Въ силу своей религіозной снисходительности къ ближнему, Марья Александровна, наконецъ, мирится съ «ужаснымъ Собачкинымъ». Онъ ей къ тому же и нуженъ, чтобы «немножко размарать» ту, въ кого, не спросясь у нея, влюбленъ ея Миша. И Собачкинъ размараетъ, непремѣнно размараетъ; не даромъ же онъ проситъ ее одолжить ему «на самое короткое время тысячонки двѣ». Онѣ же нужны ему не столько на то, чтобы поуплатить старые должишки, сколько на новую коляску, съ тѣмъ, чтобы «на всемъ гуляньѣ всего и было только одна или двѣ такія коляски». Вѣдь и онъ стоитъ за комфортъ, т. е. за «просвѣщеніе», а просвѣщеніе не лишаетъ его, конечно, и «вѣры», той же обиходной покладистой вѣры, за которую крѣпко держится Марья Александровна.

Такова-то область, отмежеванная себѣ Гоголевскимъ творчествомъ, область, въ которой не оказывается ничего сколько нибудь соотвѣтствующаго нашему народному міру, въ которой все разсыпается какъ безсвязныя песчинки въ степи, а потому-то въ итогѣ и получается настоящая духовная степь. Это—та область, въ которой совершенно логично не полагается души, такъ какъ въ этой области нѣтъ той общественной атмосферы, внѣ которой не мыслима жизнь души. И вотъ въ этой области, вмѣсто давно улетучившейся души,—пустота, ничто, nihil въ какомъ-то принципіаль-

номъ смыслѣ. Наша сатира давно уже открыла, а Гоголь окончательно раскрылъ намъ и объяснилъ эту область житейскаго нигилизма, который служилъ издавнимъ предтечею нигилизма иного уже покроя, открытаго и выясненнаго намъ Тургеневымъ. Какъ расколъ старообрядческій рано или поздно долженъ былъ у насъ зародиться изъ той обрядовой буквы, которою издавна уже заѣдалась наша религіозная жизнь, такъ и убійственно послѣдовательному, протестующему «клинъ-клиномъ» нигилизму Базаровскому нельзя было не родиться отъ того «генеральскаго нигилизма», о которомъ такъ внушительно говорилъ Ю. Ѳ. Самаринъ.

И Гоголь какъ будто предвидѣлъ все то, что̀ еще впереди, когда и въ лирическихъ отступленіяхъ своихъ «Мертвыхъ Душъ», и въ своихъ письмахъ приходилъ въ такой ужасъ отъ оскудѣнья души, оскудѣнья ея не только у насъ, но и на западѣ съ его все болѣе и болѣе развивающимися буржуазными идеалами, съ другой же стороны и съ его религіозно исповѣдуемымъ матеріализмомъ, не подъ сурдинкою только, а прямо провозглашающимъ: «все позволено». Къ несчастію, въ письмахъ Гоголя замѣшано много такого, что̀, вытекая изъ странныхъ особенностей его характера, такъ часто отталкивало и друзей, а тѣмъ болѣе оттолкнуло публику, когда ему пришла злополучная мысль подѣлиться съ нею еще при жизни частію своей «Переписки». Въ выборѣ того, что̀ вошло въ злополучную книгу, сказались такія постороннія цѣли, которыя состояли въ вопіющемъ противорѣчіи съ высокимъ теоретическимъ строемъ Гоголевской морали. Вотъ эта-то насчастная примѣсь отразилась и во II-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» и привела къ его сожженію Гоголемъ, а затѣмъ и къ его преждевременной смерти отъ сознанія своего внутренняго разлада. Отъ той же несчастной примѣси въ «Перепискѣ съ друзьями», до сихъ поръ пропадаетъ тутъ, т. е. остается безплодно зарытымъ, многое, вполнѣ заслуживающее лучшей участи. Такова-то послѣдняя статья «Переписки», носящая заглавіе: «Свѣтлое воскресенье». Гоголь касается тутъ той жизненной сущности христіанства, которая не могла не найдти для себя благодарной почвы тамъ, гдѣ въ основахъ народнаго быта издавна уже существовалъ міръ со всѣмъ, что̀ изъ него вытекаетъ.

«Зачѣмъ этотъ праздникъ?—спрашиваетъ насъ Гоголь про Свѣтлое воскресенье.—Зачѣмъ онъ приходитъ скликать въ одну семью разошедшихся людей? Зачѣмъ еще уцѣлѣли люди, которымъ кажется, какъ будто они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество... то младенчество, которое утратилъ нынѣшній гордый человѣкъ?.. Зачѣмъ все это и къ чему это? Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ... и упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряду другихъ дней,

одинъ бы день только провести не въ обычаяхъ XIX вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка... Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ XIX вѣка... Черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ... Отчего же одному русскому еще кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ, и празднуется такъ въ одной его землѣ?.. Лучше ли мы другихъ народовъ? Нѣтъ... Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное... Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа, — доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово, что есть уже начало братства Христова въ самой нашей славянской природѣ, и побратаніе людей было у насъ роднѣе дома и кровнаго братства...» Все дѣло въ томъ, чтобы тѣ сокровища души, которыя безполезно остаются зарытыми не у одной же Пульхеріи Ивановны, могли, наконецъ, повсемѣстно выйдти на свѣтъ Божій и слиться у насъ въ одинъ братскій, одинъ всенародный кладъ, — чтобы вездѣ, т. е. и въ народной, и безнародной средѣ проявился народный «міръ» и «мірская жизнь». Но Гоголь не даромъ же заключилъ словами: «Знаю я твердо, что не одинъ человѣкъ въ Россіи ...твердо вѣритъ тому и говоритъ: «у насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспразднуется Свѣтлое Христово Воскресенье!»

Ор. Миллеръ.

ОБЩНОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ ВСЕМІРНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

(Слѣды язычества у мордвы).

Всѣ НОВѢЙШІЯ этнографическія изслѣдованія сѣверной и сѣверо-восточной полосы Россіи свидѣтельствують, что еще во многихъ мѣстахъ нашего отечества, въ народномъ быту, сохранились не только доисторическая старина, съ ея легендами, повѣрьями, игрищами, обычаями, обрядами и проч., но и слѣды давно минувшаго язычества. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить недавно изданный трудъ г. Майнова: Очеркъ юридическаго быта мордвы,— племени, раскинутаго на обширномъ пространствѣ десяти губерній Россіи.

Мы еще не такъ богаты сравнительной этнографіей, чтобы могли въ своихъ изслѣдованіяхъ о нашихъ народныхъ обычаяхъ опредѣлить съ достовѣрностью, какаго рода наслоенія въ быту мордвы принадлежатъ собственно мордвѣ, чтò переняла она у русскихъ и чтò у татаръ или другихъ съ ней сосѣднихъ инородцевъ, и какъ переработала она ею перенятое. Въ особенности это трудно бываетъ рѣшить въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемые нами обычаи у народа намъ современнаго восходятъ къ очень отдаленнымъ вѣкамъ и къ народамъ, повидимому, ничего не имѣвшимъ общаго съ племенами, у насъ живущими. Но въ настоящее время, когда возбужденъ вопросъ о всемірномъ языкѣ, масса сохранившихся у насъ, въ нашемъ народѣ, многовѣковыхъ образныхъ на-

meковъ, символовъ и предзнаменованій, заключающихъ въ себѣ глубокій и таинственный смыслъ, представляютъ изслѣдователю богатый матеріалъ для сравнительной этнографіи и филологіи.

Примѣромъ этому можетъ служить нѣсколько обычаевъ мордовскаго племени, подробно и весьма интересно описанныхъ г. Майновымъ въ выше упомянутомъ трудѣ.

Мордвинъ, или мордва, для своего брака выбираетъ преимущественно время, когда весною приходится ихъ праздникъ Ведъявѣ (послѣ радуницы), богинѣ воды и совокупленія. Мордва вѣритъ, что въ это время богиня покоится непробуднымъ сномъ, къ ней является тучный, земной богъ Мастыръ-Пазъ (богъ Мордовской земли) и оплодотворяетъ ее во снѣ. По понятіямъ другаго, родственнаго мордвѣ племени мокши, старуха Ведъява (водяная баба) плететъ посконныя нити человѣческой судьбы въ смыслѣ брака и сватаетъ людей. Это чествованіе Ведъявы напоминаетъ намъ языческое происхожденіе у славянъ Рода и Рожаницы (помордовски Ведынъ-азыръ-авя). По словамъ св. Григорія (см. «Пансіевскій Сборникъ» XIV в.), родъ и рожаница у славянъ значили то же, что у грековъ Артемида (богиня плодородія, покровительница женщинъ и брачныхъ союзовъ). Такое значеніе у славянъ имѣли богиня-громовница, подъ различными наименованіями (Лада, Прія, Сива, Жива)[1], у германцевъ Фрея. Подъ именемъ матери теплоты, божества, покровительствующаго супружеской жизни, сообщающаго женщинамъ плодородіе, извѣстны: у чувашъ — Сюлень, черемисъ—Перкенъ-авя и Шочунъ-авя, у индѣйцевъ—Пуруръвасъ и пр.

Отличительною чертою мордовской жизни являются у нихъ браки увозомъ, самокруткой, какъ называютъ ихъ окрестные русскіе, или лисязь, какъ называетъ ихъ сама мордва (помалороссійски пòкрытка). Подобнаго рода свадьбы сохранились у пермяковъ (наз. бѣлыя свадьбы, свозъ); у чувашъ и черемисъ—или подъ стариннымъ названіемъ умыканье (о чемъ говоритъ Несторъ: «у древнихъ брака не бываше, но умыкаху увòды дѣвицы», или: «славяне схожахуся на игрища межу селы... и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съ вѣщашеся». П. С. Р. Л. I, 105), или подъ названіемъ кучашъ — поймать, или нангаяшъ — утащить. Это не захватъ, о которомъ говорится въ нашихъ былинахъ («Ужъ ты честно не дашь—забоёмъ возьму». Рыбн., I, 198), это побѣгъ невѣсты, напоминающій значеніе брака въ старину (на древне-нѣмецкомъ языкѣ bruth-lauf—побѣгъ невѣсты, чтò соотвѣтствуетъ санскр. сл. vivaha—бракъ, отъ корня vah—везу, или vivaha—увозъ).

---

[1]) Аѳанасьева: Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, I, 137—138; 227—230; III, 49.

Самый обрядъ вѣнчанія, совершаемый по уставамъ православной церкви, не стѣсняетъ мордву исполнять дома языческіе обычаи и совершать такъ называемый молянъ своимъ традиціоннымъ божествамъ, и изъявлять почтеніе домашнимъ очагу и порогу. Такимъ образомъ, по пріѣздѣ изъ церкви въ домъ жениха, молодую встрѣчаетъ свекровь съ образомъ въ рукахъ, а родственники молодой обсыпаютъ ее съ головы до ногъ хлѣбомъ (обычай, существовавшій у насъ въ старину у нашихъ царей и великихъ князей [1]) и у народа). Такой же обычай существуетъ до сихъ поръ не только у насъ, во многихъ губерніяхъ, но и въ Югорской Руси и на Востокѣ. Въ Китаѣ, встрѣчая молодыхъ, обсыпаютъ ихъ рисомъ, пшеницею или просомъ. Послѣ обычнаго угощенія родныхъ и гостей, присутствующихъ на мордовской свадьбѣ, «молодую берутъ подъ руки и ведутъ къ печкѣ (домашнему очагу), съ тѣмъ, чтобы молодая могла войдти съ нею въ добрыя отношенія»; причемъ, въ однихъ мѣстахъ, «молодая кланяется печкѣ и проситъ ее не марать, а любить ее и слушаться», а въ другихъ мѣстахъ «молодую подводятъ къ шестку, кладутъ ея руки на шестокъ, ладонями внизъ, причемъ свекровь кормитъ молодую и приговариваетъ: какъ печь изъ избы не выходитъ, такъ и ты чтобъ не выходила». Все это дѣлается по заведенному старинному обычаю, и трудно предполагать, чтобы почитаніе мордвою семейнаго очага было основано на тѣхъ старинныхъ началахъ, когда очагъ почитался повсюду собирателемъ семьи, охранителемъ жилья, защитникомъ брачныхъ и родственныхъ связей, однимъ словомъ, былъ представителемъ всего (какъ говоритъ г. Никифоровскій, въ его соч. «Русское язычество») нравственнаго міра, заключеннаго въ стѣнахъ дома. Въ нашемъ народѣ сохранились особенныя поговорки и пословицы: «печь намъ мать родная», «кто сидѣлъ на печи, тотъ уже не гость, а свой», «на печи сидѣлъ, кирпичамъ молился»; «сказалъ бы дурное, да пичь у хати» (говорятъ малороссы); печина (перегорѣлая печная глина) идетъ въ снадобья, лекарства, въ заговоры; хорошую хозяйку, стряпуху, у насъ крестьяне называютъ: печнымъ комендантомъ, а въ старину у насъ домовладыка назывался огнищаниномъ, онъ же бывалъ и жрецомъ. Слово жрецъ отъ жрети — горѣть. Это напоминаетъ римское: flaminus отъ flamma, т. е. жрецъ отъ сл. огонь; точно также очагъ назывался focus patrius. У индусовъ семейный огонь считался семейнымъ божествомъ. Подобно тому, какъ у индѣйцевъ было поклоненіе огню, въ цивилизованной Греціи существовало поклоненіе очагу [2]).

---

[1]) Въ одной старинной рукописи, говорится: «...сваха большая осыпала царя и великаго князя и царевну... осыпаломъ, а другое такое же осыпало было готово у сѣнника (спальни), на той же мисѣ».

[2]) Слово Гестія у грековъ означало очагъ, богиня очага, владыка очага, а иногда и весь домъ наз. Гестіей (Hestia). По религіозному преданію,

Подобно очагу, особенное значенiе у мордвы имѣетъ порогъ дома. Такъ, напримѣръ, во время сватовства, когда кончаются у мордвы удачно переговоры (торгъ о выкупѣ, о количествѣ вина, о невѣстиной одеждѣ, о времени сговора и свадьбы и проч.), приступаютъ къ молитвѣ. Сначала молятся Богу, какъ слѣдуетъ при починѣ всякаго дѣла, а затѣмъ молятся постаринному. Это моленье, говоритъ г. Майновъ, носитъ названiе: «молянъ эрвэнянъ симама», т. е. моленье свадебнаго пьянства, по окончанiи котораго, въ видѣ жертвы богамъ-хранителямъ, отецъ невѣсты вырѣзаетъ изъ коровая хлѣба божiй кусокъ (озондамъ-палъ) и, посоливъ его, кладетъ подъ порогъ дома, гдѣ, по воззрѣнiямъ мордвы, пребываютъ домашнiе боги-хранители. Во второмъ актѣ брака у мордвы, во время рукобитья или «пропоя» (проксимэ: Арханг. губ. Шенк. у. и въ Сибири: запоручить, запить), когда начинается угощенье короваемъ, то кусокъ, изъ него вырѣзанный, долженъ быть отнесенъ отцомъ невѣсты подъ порогъ дома, какъ жертва богамъ. Точно то же исполняется у родственнаго племени мордвы, у мокши (нижегородской). Во время рукобитья отецъ жениха справляетъ домашнiй «молянъ» богамъ, охранителямъ семейнаго очага, сбираетъ въ домъ свою родню и, вмѣстѣ съ нею, приносятъ въ жертву богамъ озондамъ-палъ (кладутъ кусокъ коровая подъ порогъ и туда же льютъ немного водки). Въ Арзамасскомъ уѣздѣ (Нижегор. губ.), передъ отъѣздомъ въ церковь отецъ жениха зажигаетъ маленькiя свѣчи передъ образами, а большую свѣчу (наз. кудонь-киштатолъ), притворивши сѣнную дверь, прилѣпляетъ къ порогу. Отецъ сначала обращается съ молитвою къ иконамъ и проситъ Бога благословить брачущихся, а затѣмъ, обращаясь лицомъ къ порогу, говоритъ помордовски: «чимъ-пазъ (богъ солнца, благословляющiй бракъ), отецъ нашъ, освѣти твоего сына! освѣти его глаза, да видитъ хорошее и худое! сдѣлай его жизнь, да будетъ свѣтлая! сдѣлай его сердце, да будетъ горячо къ женѣ! сдѣлай сердцѣ жены, да будетъ горячо къ нему! дай ему много дѣтей и богатство!» Изъ поданнаго хлѣба женихомъ, его отецъ вырѣзаетъ съ трехъ ударовъ ножомъ кусокъ и относитъ его на порогъ и кладетъ подлѣ свѣчи. Затѣмъ, благословляетъ сына иконою и хлѣбомъ, и даетъ знакъ, что пора ѣхать. Въ домѣ невѣсты послѣ благословенiя ея родителями образами и хлѣбомъ, обращаются съ молитвою

богиня Гестiя была изобрѣтательница домостройства и была хранительница живущихъ въ домѣ. Порогъ дома былъ посвященъ ей. Весьма интересное сближенiе понятiй о важности очага и порога встрѣчается у европейцевъ и китайцевъ. У китайцевъ до сихъ поръ лѣтомъ совершаются жертвоприношенiя духу очага. По русскимъ обычаямъ важное значенiе имѣетъ у насъ передній уголъ, а у китайцевъ юго-западный уголъ комнаты. Въ книгѣ Конфуцiя (Лунь-юй, перев. В. П. Васильева) говорится: «Вмѣсто того, чтобы льстить юго-западному углу, лучше льстить очагу».

къ богинѣ Ведъявѣ, кланяются ей и дверной вереѣ. Дѣло въ томъ, говоритъ г. Майновъ, что божокъ, покровитель двора, живетъ, по мнѣнію мордвы, то въ самыхъ воротахъ, то по срединѣ двора. (Изъ этого видно, что у мордвы пантеизма не было). Молитва эта слѣдующая: «Кардась-сярко, кормилецъ! богъ двора! не уходи отъ нея (невѣсты), какъ она уходитъ! будь съ нею и тамъ и здѣсь».

То же символическое значеніе у мордвы имѣетъ порогъ и во время обрядовъ, исполняемыхъ ею при семейныхъ раздѣлахъ. Глава семьи, когда сбирается семья къ столу, на которомъ положена коврига хлѣба, вырѣзаетъ изъ нея, съ трехъ ударовъ ножомъ, божій кусокъ (озандамъ-палъ), поднимаетъ его на голову выдѣляемому изъ семьи, и произноситъ при этомъ слѣдующую молитву: «Богъ кормилецъ! ты далъ счастье мнѣ и моему дому! Дай счастье, богатство, здоровье и ему! пусть будетъ имѣть, что дать дѣтямъ и внукамъ своимъ! Дай ему много дѣтей, столько же дѣтей, сколько муки въ ковригѣ! Помилуй насъ!» Затѣмъ освященный кусокъ передается выдѣляемому на ножѣ и относится имъ въ новое жилище, гдѣ кладется этотъ кусокъ подъ порогъ, на долю кардась-сярко.

Символическое значеніе порога не было бы такъ интересно, если бы оно не принадлежало многимъ вѣкамъ и едва ли не всѣмъ народамъ; оно было извѣстно и людямъ, которыхъ культура находилась на высокой степени развитія, и людямъ первобытнымъ, номадамъ, умственный кругозоръ которыхъ не простирался далѣе монотеизма физическаго или такого же политеизма. Такъ, напримѣръ, у народа, жившаго на юго-востокѣ Азіи и, по словамъ ученыхъ синологовъ, одного изъ древнѣйшихъ народовъ, получившихъ ранѣе Европы высокое культурное развитіе, какъ Китай, порогъ имѣлъ важное символическое значеніе [1]). Конфуціемъ строго запрещалось становиться на порогъ. Значеніе порога было извѣстно и во времена библейскія, что можно видѣть во второй книгѣ Библіи и въ еврейскихъ источникахъ (Lex. Hebraicum etc., стр. 1172: подъ сл. miftan—порогъ). Въ Библіи (Исходъ, XII, 7, 22) говорится: «И пріимутъ отъ крове (жертвенное мясо) и помажутъ на обою подвою (косяки) и на прагѣхъ въ домѣхъ, въ нихъ же снѣдятъ тое». Или: «Возьмите же кисть ѵссопа и омочивше въ кровь, яже близъ дверей, помажите праги». По обряду, установленному въ еврейскомъ народѣ, для закабаленія рабовъ у господъ на вѣчную

---

[1]) Книга Конфуція Лунь-юй (въ переводѣ: афоризмы); тамъ говорится (стр. 52): «когда входилъ (Конфуцій) въ княжескія двери, то... шелъ, не наступая на порогъ». Въ другой китайской книгѣ (по словамъ г. Позднѣева) Юань-чао-ми-ши, или секретная исторія династіи Юань (монгольской), упоминается о притолкѣ и порогѣ дверей. Говорится, что сквозь притолоку дверей, въ видѣ солнечнаго луча, проникъ къ Алань-гоа (прародительницѣ Чингиса) духъ; превратившись въ молодаго человѣка, онъ оплодотворилъ ее и, когда уходилъ черезъ порогъ, то превратился въ собаку.

службу, провертывали рабу ухо шиломъ, «предъ судище Божіе при дверехъ на прагѣ» (Исходъ, XXI, 6; Втор., XV, 17 и др.). У римлянъ и грековъ были боги дверей, дверныхъ крючковъ, воротъ, пороговъ, подъ различными названіями (Deus Forculus, Diva Cardea, Divus Limentinus, Diva Limentina, etc.; также: θεοί ἐφέστιοι, μύχιοι, κτήσιοι, ἕρκιοι, Crates и др.), и всѣ они слыли за домашнихъ пенатовъ.

По словамъ Рубрука (Will, de Rubruquis in Pinkerten, V, VII, 46, 47, 132), у татаръ считалось преступленіемъ наступать на порогъ и даже прикасаться къ связкамъ при входѣ въ палатку. Нашъ извѣстный монголистъ Гассанъ Гамбоевъ говоритъ (Зап. импер. арх. Общ., т. XIII), переводя Плано Карпини, что у монголовъ порогъ пользуется особеннымъ уваженіемъ [1]); монголы говорятъ: «боцогонъ дэгэрэ бусагу нигулъ», или: «боцогоги бу ускилъ нигулъ», т. е. не садись на порогъ—грѣхъ; не пинай порогъ—грѣхъ. Если родится уродливое животное, то его разрубаютъ и зарываютъ подъ порогомъ дома, для отвращенія несчастія. Если кто удостоится чести явиться передъ княземъ или какимъ либо важнымъ лицомъ, то говорится: «хагану алтанъ боцоганъ алхуксанъ кумунъ», т. е. перешагнуть золотой порогъ хана или князя. У римлянъ порогъ дома былъ посвященъ Вестѣ, цѣломудренному божеству, поэтому коснуться этого мѣста считалось святотатствомъ. На этомъ основаніи не дозволялось новобрачной переступать порогъ дома жениха, но ее переносили такъ называемые camilli (названіе, происходящее отъ camillos—слуги юпитерова храма). Сопровождавшіе невѣсту въ припѣвахъ и въ прибауткахъ (см. Леонтьева Пропилеи, IV, 246) выражали желаніе, чтобы невѣста благополучно переступила порогъ (omine cum bono); коснуться порога считалось дурною примѣтою (ominosum). Во времена Цицерона, у римлянъ былъ обычай класть новорожденнаго ребенка на порогъ дома, и если отецъ признавалъ его своимъ, то уносилъ его въ свой домъ, въ противномъ случаѣ, перешагнувъ черезъ него, оставлялъ его на порогѣ.

Въ нашемъ отечествѣ, почти повсемѣстно, порогъ дома имѣетъ особенно важное значеніе. Есть свидѣтельства (Архивъ Н. Калачева, II, ст. Буслаева, 25), что наши крестьяне хоронятъ иногда подъ порогомъ жилища мертворожденныхъ младенцевъ. Черезъ по-

---

[1]) Въ переводѣ Д. И. Языкова: Собраніе путешестій къ татарамъ, Плано Карпини, говорится: «Принявъ подарки, повели они насъ въ его орду, или шатеръ, наказавъ, чтобы передъ дверьми ставки три раза преклонили мы лѣвое колѣно и всячески остерегались наступить ногою на порогъ» (стр. 15). Къ упомянутымъ нами источникамъ о древнихъ языческихъ божествахъ, оберегателяхъ домовъ, воротъ, пороговъ и проч., мы желали прибавить изъ сочиненія Варрона изъ его Antiquitates rerum humanarum et divinarum, Liber XVI, 14—16: de deis certis et deis incertis, а также: de deis precipuis atque selectis, но эти сочиненія утрачены. См. Gesch. der Röm. Liter. v. Teuffel, p. 276.

рогъ не здороваются, не прощаются, не разговариваютъ и ничего не подаютъ другъ другу; въ противномъ случаѣ, по народному повѣрью, произойдетъ ссора или приключится бѣда, такъ какъ подразумѣваемое божество, соблюдающее семейный миръ, всесильно только въ стѣнахъ дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ повѣріе, что опасно садиться на порогъ избы, а не то накличешь себѣ бѣду. (Этногр. Сб., V, Обз. губ. в., 7). Особенно не рекомендуется, говоритъ г. Никифоровскій (Русское язычество, стр. 40), садиться на порогъ, когда затѣвается свадьба, иначе кто нибудь да откажется—или женихъ, или невѣста, и какъ первый не приведетъ жены подъ отеческій кровъ, такъ послѣдняя не переступитъ за порогъ жениховой избы (Арх. Калачева, ст. Кавелина, 11). Въ иныхъ мѣстахъ, больныхъ дѣтей умываютъ отъ сглаза на порогѣ избы, чтобы съ помощію обитающихъ здѣсь духовъ прогнать болѣзнь за двери (Этногр. Сб., V, 20). Въ Литвѣ при закладкѣ новой избы закапываютъ подъ ея порогомъ деревянный крестикъ или какую либо завѣтную вещь, доставшуюся отъ предковъ (Ковенск. губ., Д. Аѳанасьева: Поэтич. воззрѣнія слав. на природу, 570). У пермяковъ («Пермскій Сб.», 1860) соблюдается особенная предосторожность при входѣ въ избу съ какою либо просьбою: входящій въ избу, перенося правую ногу, пристукиваетъ ея пятою о порогъ. У тѣхъ же пермяковъ родильницу сажаютъ на банный порогъ и брызжатъ ей въ лицо заговоренною водою, при этомъ бабка приговариваетъ: «какъ вода на лицѣ не держится, такъ на рабѣ Божіей (говорится «имя») ни уроки, ни призоры не держитесь». Въ Курской губерніи родильницу переводятъ троекратно черезъ порогъ избы, чтобы ребенокъ скорѣе переступилъ порогъ своего заключенія. Въ Симбирской губерніи передъ заклинаніемъ отъ огненнаго змія, летающаго къ женщинѣ, которая по немъ тоскуетъ (по народнымъ повѣріямъ, плодами связи женщины со зміемъ бываютъ: кудесники, кикиморы, богатыри), втыкаютъ въ порогъ и во всѣ щели избы траву мордвиникъ (carduus crispus). По словамъ Сахарова (Сказанія русскаго народа), когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ домъ жениха, тогда знахарь забѣгаетъ впередъ и кладетъ траву прикрытъ[1]) подъ порогъ дома, въ охраненіе молодыхъ. Невѣста при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть черезъ порогъ. Въ этомъ случаѣ, порогъ дома у нашихъ крестьянъ имѣетъ такое же значеніе, какое онъ имѣлъ въ древности у римлянъ. Намъ случалось слышать отъ чухонъ (Петерб.

[1]) Прикрытъ, Христовъ прикрытъ, трава (изъ разряда Aconitum). Также называется прострѣлъ. Существуетъ легенда, что архангелъ Михаилъ сбросилъ съ неба, провинившагося передъ Творцемъ, сатану на землю. Сатана спрятался за прострѣлъ траву. Архангелъ Михаилъ прострѣлилъ и сатану, и всѣхъ демоновъ. По другимъ преданіямъ, говорится, что растеніе Христовъ прикрытъ служило прикрытіемъ для Христа Спасителя отъ воиновъ Ирода.

губ., дер. Луизина), что у нихъ существуетъ обычай, при постройкѣ дома, въ порогѣ (особенно въ банѣ) просверливать отверстіе и вливать туда ртуть, для предохраненія хозяевъ дома отъ всего дурнаго.

Символическое значеніе порога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи идетъ, можетъ быть, съ того времени, когда умершихъ хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, гдѣ, по повѣрьямъ народнымъ, живутъ домашніе боги, покровители, пенаты, которыми становились души предковъ (антропоморфизмъ). Съ порогомъ дома соединяется въ нашемъ народѣ, какъ видно, понятіе о чемъ-то сверхъестественномъ, существуютъ близкія отношенія съ тѣми, которые обитали подъ порогомъ и были (какъ полагаетъ г. Никифоровскій) стражами семьи и роднаго крова, домашними пенатами, душами прежнихъ отшедшихъ предковъ. Словомъ, то же, что было въ глубокой древности.

Не только на востокѣ, но и на западѣ, во многихъ европейскихъ государствахъ, до сихъ поръ на порогахъ домовъ, магазиновъ, лавокъ и проч. прибиваютъ лошадиную подкову, какъ счастливую примѣту, или какъ символъ, отгоняющій злыхъ духовъ. Въ Англіи (по словамъ Тейлора: «Первобытная культура») во многихъ конюшняхъ къ порогамъ прибивается подкова; въ Индіи, въ Бомбейскомъ президентствѣ, можно видѣть прибитыя подковы на фасадахъ домовъ, на стѣнахъ и надъ окнами, какъ средство, предохраняющее отъ злыхъ духовъ («Русскій Вѣстникъ», 1883, № 3). Обыкновеніе охранять жилище при помощи желѣза идетъ съ древнихъ временъ. «Восточные джинны (арабскіе джинны — духи добрые и злые), говоритъ Тейлоръ, такъ смертельно боятся желѣза, что самое названіе его служитъ противъ нихъ заговоромъ; въ европейскихъ повѣрьяхъ точно также желѣзо изгоняетъ волшебницъ и эльфовъ, и уничтожаетъ ихъ силу. Эти созданія, кажется, преимущественно принадлежатъ древнему каменному вѣку, и новый металлъ имъ былъ ненавистенъ и вреденъ. По отношенію къ желѣзу, вѣдьмы принадлежатъ къ той же категоріи, какъ эльфы и домовые» [1]).

Кромѣ цѣлой серіи символическихъ дѣйствій, пріемовъ и манипуляцій, которыми сопровождаются мордовская и мокшинская свадьбы (гдѣ, между прочимъ, дружко, во время свадебнаго поѣзда, чертитъ круги на землѣ или машетъ саблею вокругъ поѣзда и произноситъ заклинанія противъ нечистой силы и сглазу недобраго человѣка и проч.), кромѣ описанныхъ г. Майновымъ молитвъ и жертвоприношеній языческимъ богамъ, совершаемыхъ жрецомъ

---

[1]) Entstehung der Schrift, Wuttke, p. 61. Погребальные обычаи у славянъ, Котляревскаго, стр. 219. Въ Воронежской грберніи (Острогожскаго уѣзда), по выносѣ покойника изъ дома, кладутъ подъ порогъ какую нибудь желѣзную вещь, чаще всего топоръ.

(инятя) или жрицею (имбаба), у мордвы существуютъ общіе моляны. Сущность этихъ моляновъ, какъ видно изъ словъ г. Майнова, имѣетъ сходство со многими языческими жертвоприношеніями (камланіями, чукленіями и проч.) восточныхъ народовъ. У мордвы къ извѣстному дню приготовляется сыченое пиво (пурэ), брага, яичница [1]), блины, пироги и, въ огромномъ количествѣ, лапша; забираются съ собою на мѣсто моляновъ куры и проч., послѣднія убиваются каждою семьей, отдѣльно; а животныя (быки, коровы, бараны и друг.) приносятся въ жертву самими жрецами (пирендяйтами). «Всѣ жертвенныя животныя покупаются заранѣе и стоимость ихъ раскладывается по дворамъ, сообразно количеству душъ въ этихъ послѣднихъ. Ни одна семья не имѣетъ права съѣсть свои припасы, а всѣ должны выложить ихъ, и затѣмъ уже ѣдятъ сообща». Подобнаго рода жертвоприношенія совершаются калмыками, татарами (Бійскаго уѣзда), также приносятъ въ жертву животныхъ вотяки, вогуличи, самоѣды, тунгусы, буряты и другіе, и вездѣ жертвоприношенія оканчиваются общимъ дѣлежомъ убитыхъ животныхъ. Еще недавно, въ Олонецкой губерніи, на р. Мокшѣ, въ нѣкоторыхъ селахъ у православныхъ христіанъ, въ день Ильи пророка (у другихъ въ день Успенія), на площади, гдѣ варилось мясо убитаго животнаго, по случаю праздника, послѣ обѣдни, производилась разборка мяса всѣми присутствующими. Точно также, въ нѣкоторыхъ селахъ, лежащихъ на р. Вагѣ, въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, убиваютъ передъ обѣдней купленнаго на общій счетъ быка; варятъ его мясо, и послѣ обѣдни съѣдаютъ его сообща «міромъ».

Ко всему сказанному нами о слѣдахъ язычества у мордвы, или примѣрамъ общности нѣкоторыхъ всемірныхъ обычаевъ, можемъ прибавить, что многія изъ языческихъ преданій, сохранившіяся не только у нашихъ инородцевъ (мордвы, мокши и друг.), но и у кореннаго русскаго народа, тождественны съ преданіями народовъ индо-европейскаго или арійскаго племени; наконецъ, есть свидѣтельства, что подобныя преданія, образные намеки, символы, обычаи и проч., встрѣчаются у манчжуровъ и китайцевъ [2]) и были

---

[1]) Въ языческія времена яичница и другія кушанья, приготовляемыя на общій счетъ, были жертвою деревьямъ. Сохранилась пѣснь во время семика: «Не радуйтесь, дубья, осинушки, — радуйтесь, бѣлыя березаньки! Идутъ къ вамъ красны дѣвушки, несутъ къ вамъ яишницу». Пиво и брага, приготовляемыя и у кореннаго русскаго народа, на мірскую складчину, къ сельскому празднику, слывутъ въ народѣ молеными. (Русск. въ своихъ послов., II, 11). Точно также пироги и хлѣбы, приготовляемые къ Юрьеву дню, называются моленниками.

[2]) Кромѣ многихъ суевѣрныхъ обычаевъ, извѣстныхъ нашему народу и исполняемыхъ, съ незапамятныхъ временъ, китайцами и манчжурами, у нихъ существуютъ: свахи, сваты (мѣй, му), колдуны, волхвы (ву), знахари; счастливые и несчастные дни (цжи-жи, сюнь-жи), чудотворныя кумирни (линъмяо); талисманы, въ родѣ нашихъ обереговъ, наузовъ, угощеніе родителей

извѣстны во времена библейскія семитическимъ племенамъ. Все это доказываетъ справедливость того общаго мнѣнія, «что языческія вѣрованія и преданія, въ основѣ своей и нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ одинаковыя у всѣхъ народовъ, объясняются только единствомъ законовъ первоначальнаго человѣческаго творчества и тождествомъ первоначальныхъ историческихъ условій культурнаго развитія».

А. И. Савельевъ.

невѣсты въ третій день свадьбы (нонь); у китайцевъ существуютъ гаданія, въ родѣ нашего—заговариваніе воды, способствующей исцѣленію отъ недуговъ, существуетъ также наша такъ называемая соняшница, т. е. приставленіе горячаго горшка къ больному мѣсту (кит. хо-хуань, манчж. гочи-мби), прогнаніе нечистой силы изъ домовъ, въ чемъ принимаетъ участіе, въ Китаѣ, императоръ и его стража и мног. др.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со 2-го изданія, пересмотрѣннаго и нереработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ второй. Исторія эллинскаго народа. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1886.

ПРИЗНАЕМСЯ, мы никакъ не ожидали такого усердія ни со стороны маститаго автора, ни со стороны переводчика (который попрежнему сохраняетъ свое инкогнито: мы уже говорили по поводу перваго тома, что фамиліи, въ родѣ — Ивановъ, Андреевъ, Соколовъ въ печати, какъ и въ жизни, должны сопровождаться какими нибудь болѣе точными признаками), въ особенности со стороны послѣдняго. Очевидно, что г. Андреевъ поступилъ не въ примѣръ другимъ русскимъ переводчикамъ и редакторамъ и приступилъ къ печатанію перваго тома только тогда, когда въ его письменномъ столѣ уже лежалъ второй, а можетъ быть и третій томъ. Наша публика, не избалованная запасливостью и акуратностью, оцѣнитъ столь рѣдкое явленіе по достоинству и съ большей готовностью будетъ покупать этотъ и слѣдующіе томы.

Исторія древней Греціи особенно нужна нашей образованной публикѣ: Гротъ, если не ошибаемся, никогда не былъ переведенъ на русскій языкъ; Курціусъ—превосходная книга, то, что нѣмцы называютъ epochenmachendes Werk, но это сочиненіе не для публики, а для спеціалистовъ, и спеціалистовъ, хорошо подготовленныхъ: во-первыхъ, и объемъ его—три большіе тома—указываетъ на это, а, во-вторыхъ, въ немъ, какъ во всякомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, много парадоксальнаго, проблематическаго, не вполнѣ доказаннаго, много новшествъ, и факты общеизвѣстные скорѣе упоминаются, нежели излагаются, если только авторъ не считаетъ нужнымъ подвергнуть ихъ вновь критикѣ. Между тѣмъ для публики, включая въ нее и студентовъ, и учителей, и даже профессоровъ другой спеціальности, нужна и для справокъ,

и, временами, для чтенія такая исторія Греціи, которая въ одномъ, хотя бы и большомъ, томѣ совмѣщаетъ въ себѣ весь главный фактическій матеріалъ, не такъ, какъ представляетъ его себѣ оригинальный и сильный умъ Курціуса, а такъ, какъ его излагаютъ съ сотней гимназическихъ каѳедръ и предполагаютъ извѣстнымъ съ десятковъ каѳедръ университетскихъ. Такой потребности вполнѣ удовлетворяетъ исторія эллинскаго народа, вновь переработанная Георгомъ Веберомъ.

Авторъ предпосылаетъ своей книгѣ небольшое предисловіе, обращенное имъ къ нѣмецкой націи, но имѣющее такое же близкое отношеніе къ намъ, можетъ быть, даже въ настоящее время къ намъ больше, нежели къ кому нибудь другому.

«Исторія древности, въ особенности греческой, — говоритъ онъ, — менѣе близка большинству образованныхъ людей нашего времени, чѣмъ многія другія части всеобщей исторіи. По преданію сохраняютъ высокое уваженіе къ грекамъ, но мало занимаются ими. Изученіе греческаго языка и древности считаютъ отраслью школьнаго знанія, заниматься которымъ по выходѣ изъ школы нѣтъ надобности. Кто не обязанъ къ тому своей профессіей, обыкновенно чуждается этого занятія. Не будемъ разсматривать здѣсь, на сколько виновны въ этомъ нерасположеніи непріятныя школьныя воспоминанія; но во всякомъ случаѣ жаль, что прекрасный греческій міръ, въ которомъ имѣетъ свои корни вся новая культурная и умственная жизнь, представляется большинству образованныхъ людей въ полумракѣ, что греческая исторія и литература ставятся въ одинъ рядъ съ тѣми предметами школьнаго преподаванія, которыми люди не занимаются въ зрѣлые годы. Исторія греческаго народа болѣе всякой другой можетъ служить учительницею людямъ слѣдующихъ вѣковъ, и въ особенности для нѣмецкой націи можетъ она служитъ зеркаломъ самоизученія, самоизслѣдованія. Всѣ великія задачи и вопросы, волнующіе нынѣшнюю политическую и общественную жизнь, уже являлись въ греческой исторіи, уже двигали мыслями и дѣлами грековъ. Правда, размѣры пространства, на которомъ происходили явленія греческой исторіи, очень малы сравнительно съ міромъ нынѣшней культуры, но человѣческій духъ, человѣческія влеченія и теперь, какъ тогда, движутъ массой. Размѣръ предмета только увеличиваетъ площадь дѣйствія силы, арену умственной дѣятельности; а сама сила, самая дѣятельность духа одинаково остается главнымъ факторомъ исторической жизни, въ маленькомъ ли государствѣ, ограничивающемся окрестностями одного города, или въ обширномъ государствѣ. Неоспоримое достоинство древности то, что она всегда интересна, что всѣ явленія древняго міра, и люди и факты, возбуждаютъ участіе къ себѣ».

Мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что именно для нѣмецкой націи особенно поучительна исторія греческаго народа; по крайней мѣрѣ, съ такимъ же правомъ могутъ претендовать на это и французы, духовное родство которыхъ съ аѳинянами считается общепризнаннымъ, и англичане, распространившіе свою власть и значеніе, благодаря той же длинѣ береговой линіи, которая была причиной величія Греціи, и итальянцы, вла ствующіе надъ міромъ, благодаря своему эстетическому развитію, и т. д.

Но мы не придаемъ особаго значенія этимъ совпаденіямъ и убѣждены, что исторія Греціи въ одинаковой степени интересна и поучительна для всего культурнаго общества по сю и по ту сторону Атлантическаго океана, но мы

полагаемъ, что упрекъ Георга Вебера въ холодности къ исторіи древности, холодности, обусловленной непріятными школьными воспоминаніями, гораздо болѣе заслуженъ нами, нежели нѣмцами, у которыхъ классическая система никогда не вводилась насильственно, и для которыхъ школьныя воспоминанія никогда не были непріятны въ такой степени. Но было бы крайне нелогично отвращаться отъ древняго міра въ силу того, что какіе-то обрывки его успѣли намъ надоѣсть еще въ школѣ, и въ особенности было бы неразумно не признать огромнаго воспитательнаго значенія за исторіей греческаго народа, за исторіей аѳинской республики. Никогда исторія не представляла и никогда не представитъ столь поучительной и исполненной такого духовнаго величія страницы: маленькій народъ, составляющій четверть народонаселенія нынѣшняго Лондона, со своей маленькой столицей, число свободныхъ жителей которой меньше числа жителей средняго губернскаго города, благодаря силѣ духа, энергіи, неустанной изобрѣтательности, подвижности, стремленію къ совершенству, а главное—любви къ свободѣ, не только боролся съ царемъ персидскимъ, который повелѣвалъ сотней милліоновъ и могъ залить золотомъ или кровью десять такихъ городовъ; но этотъ маленькій народъ уже двѣ тысячи лѣтъ послѣ своей политической смерти властвуетъ надъ міромъ, заставляетъ всѣхъ и все преклоняться предъ своимъ искусствомъ, предъ своей поэзіей, предъ своей философіей! Люди, руководившіе общественнымъ мнѣніемъ этого городка, спасавшіе его въ бѣдахъ, враждовавшіе между собою за преобладаніе въ его народномъ собраніи, водившіе къ побѣдамъ и пораженіямъ его маленькое войско, люди, доставлявшіе ему минуты эстетическаго наслажденія или смѣшившіе его на его же собственный счетъ, эти Мильтіады, Кимоны, Ѳемистоклы, Периклы, Фидіи, Аристофаны извѣстны намъ такъ близко, какъ неизвѣстны намъ наши современники; студентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ больше можетъ разсказать про основателя величія Аѳинъ, нежели про освободителя своей родины. Всѣ политическіе дѣятели вѣчно помнятъ ихъ, во многихъ отношеніяхъ руководятся ихъ примѣромъ; нѣтъ и не будетъ ни одного свободно устроеннаго государства, конституція котораго не основывалась бы на конституціи аѳинской или, по крайней мѣрѣ, не имѣла бы въ виду воспитать свой народъ до такой степени развитія, на которой было бы возможно примѣненіе этого историческаго идеала. Мечты человѣчества стремятся впередъ; но высокое развитіе эстетическаго чувства, тождество внутреннихъ потребностей и ихъ осуществленія, наслажденіе жизнью, не оскорблявшее нравственности, полная личная свобода и уваженіе къ свободѣ другихъ, горячая любовь къ отечеству, соединенная съ пониманіемъ общечеловѣческихъ задачъ, безусловно свободная отъ узкости и исключительности того, что называется теперь кваснымъ патріотизмомъ, широкое образованіе безъ малѣйшаго признака педантства, короче сказать, все то, что украшало жизнь аѳинянъ въ вѣкъ Перикла, чуть ли не единственная мечта человѣчества, летящая не впереди его, а сзади, въ прошломъ. И сколько бы сильныхъ умовъ ни трудилось надъ вѣрнымъ воспроизведеніемъ этого свѣтлаго прошлаго, все будетъ мало.

Георгъ Веберъ и въ этой области не принадлежитъ къ числу умовъ творческихъ и не вноситъ въ исторію Греціи никакой оригинальной мысли. Задачу свою онъ ограничилъ изложеніемъ политической исторіи Греціи съ присоединеніемъ къ ней, по общепринятому обычаю, обозрѣнія выдающихся

историко-литературныхъ явленій. У него нѣтъ даже попытки возсоздать картину древне-греческой жизни; онъ очень мало пользуется трудами археологовъ и, очевидно, предполагаетъ необходимымъ рядомъ со своей книгой какой нибудь курсъ древностей и исторіи искусства, такъ какъ у него вся исторія греческой пластики помѣщается на пятнадцати страницахъ (775—790). Но не будемъ отъ него требовать того, чего онъ и не намѣревался дать намъ, а будемъ довольны представленнымъ въ наше пользованіе, т. е. хорошо и ясно изложеннымъ, фактическимъ курсомъ внѣшней исторіи грековъ, до смерти Филиппа. Этотъ курсъ, еще разъ повторяю, одинаково полезенъ и для чтенія, и для справокъ.

Въ виду послѣдней цѣли было бы очень желательно, если бы переводчикъ прибавилъ отъ себя указатель, хотя бы однихъ собственныхъ именъ. Публика тѣмъ болѣе въ правѣ требовать такого указателя при этомъ, какъ и при другихъ томахъ, что каждый изъ нихъ продается отдѣльно, и, слѣдовательно, общій указатель, который, вѣроятно, имѣетъ въ виду издать Георгъ Веберъ въ видѣ заключенія, будетъ полезенъ только немногимъ счастливцамъ, владѣющимъ цѣлымъ сочиненіемъ.

Переводъ также хорошъ, какъ и въ первомъ томѣ, а цѣну издатель назначилъ еще болѣе несоразмѣрную со средствами той публики, которая покупаетъ серьезныя книги.

А. К.

Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи. Д. Иловайскаго. Часть вторая. Средніе вѣка. Выпускъ первый Москва. 1886.

По поводу празднованія двухсотлѣтняго юбилея перваго русскаго историка, журналистика наша сѣтовала, и не безъ основанія, что наша публика, не смотря на появившіеся съ тѣхъ поръ замѣчательные историческіе труды, все еще очень мало знакома съ отечественной исторіею. Что же, послѣ этого, сказать о знакомствѣ съ исторіей чуждыхъ намъ народовъ? Если намъ еще довольно близки общеевропейскія событія нашего столѣтія и конца прошлаго, потому что мы и сами принимали въ нихъ нѣкоторое участіе, то болѣе отдаленные вѣка для насъ «покрыты мракомъ неизвѣстности», какъ давно принято у насъ выражаться. И можно ли удивляться россійскому равнодушію къ явленіямъ въ жизни народовъ запада, когда намъ оставалась чужда, до самаго послѣдняго времени, судьба современныхъ славянъ, и, даже воюя за освобожденіе Болгаріи, многіе только тогда и узнали о ея существованіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ русскомъ обществѣ являлось такое стремленіе къ естественнымъ, политическимъ, историческимъ и всякимъ другимъ знаніямъ, профессоръ М. М. Стасюлевичъ издалъ три объемистыхъ тома, знакомившихъ съ важнѣйшими источниками и писателями по исторіи среднихъ вѣковъ. Но почтенный трудъ этотъ остался не оконченнымъ, вѣроятно, оттого, что вскорѣ же окончились и всѣ научныя стремленія. Теперь профессоръ Д. И. Иловайскій, издавшій три года тому назадъ «Очерки и разсказы изъ древняго міра», продолжаетъ ихъ очерками изъ среднихъ вѣковъ, обращая особенное вниманіе, въ своемъ новомъ трудѣ, на византійскій и славянскій міръ, котораго почти вовсе не коснулся г. Стасюлевичъ. Г. Иловайскій, сдѣлавшій такъ много для русской исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и ревностный славистъ, видящій славянъ не только въ

роксоланахъ и ятвягахъ, но и въ гуннахъ, о которыхъ онъ, одновременно съ своими «Очерками», издалъ отдѣльную брошюру подъ названіемъ «Дополнительная полемика по варяго-русскому и болгаро-гуннскому вопросу». Въ предисловіи къ «Очеркамъ» онъ останавливаетъ вниманіе читателей на той важной и первостепенной роли, какую играли въ переселеніи народовъ славянскія племена наравнѣ съ германскими. Самый толчокъ къ этому великому движенію былъ данъ столкновеніемъ славянскаго племени съ германскимъ, изгнаніемъ послѣдняго изъ восточной Европы и закрѣпленіемъ ея за славянами. «Слѣдовательно, прибавляетъ г. Иловайскій, уже полторы тысячи лѣтъ назадъ, мы видимъ почти то же всемірно-историческое явленіе, какъ и въ наше время: два великія племени—славяне и нѣмцы—враждуютъ другъ съ другомъ и пытаются подчинить одинъ другаго, но силы ихъ почти равны, и борьба происходитъ съ перемѣннымъ успѣхомъ». Историкъ нашъ правъ, говоря, что европейская исторіографія совершенно упускала изъ виду важную роль славянства въ великомъ переселеніи народовъ. Но не впадаетъ ли онъ въ другую крайность, видя славянъ даже въ такихъ племенахъ, о туранскомъ происхожденіи которыхъ говорятъ черты ихъ характера?

Оставляя въ сторонѣ этотъ спорный вопросъ, для разрѣшенія котораго потребуется еще много изслѣдованій, мы должны отдать полную справедливость интересно составленнымъ и прекрасно написаннымъ очеркамъ г. Иловайскаго. Къ эпохѣ переселенія народовъ относятся четыре очерка; въ первомъ «Сарматы, готы и гунны» передается исторія столкновенія этихъ племенъ, начиная съ I вѣка по Р. Х. до появленія варяговъ подъ Константинополемъ. Здѣсь авторъ категорически заявляетъ, что сармато-славянское племя роксоланы, или россы, основали Русское государство, что гунны—несомнѣнные славяне, не смотря на то, что не носили бороды, дѣлали себѣ на лицѣ глубокіе нарѣзы и сдавливали голову клиномъ, приплюснувъ носъ, какъ туранцы. Правда, вождь гунновъ назывался Валаміръ, но на собственныя имена, часто искажаемыя западными историками, трудно полагаться; Валаміромъ же звали короля остготовъ въ войскѣ Аттилы; имена сарматскихъ князей: Узафръ, Зизаисъ, роксаланъ—Сарусъ, Амміусъ, и сестры ихъ Сакелоги, вовсе не славянскія и явно латинизированы. Второй очеркъ «Императоръ Θеодосій и торжество христіанства» рисуетъ эпоху окончательнаго паденія язычества и борьбу съ аріанствомъ. Третій очеркъ «Славяно-гуннскій царь Аттила», представивъ исторію этого «бича Божія», еще болѣе настаиваетъ на его славянствѣ. Послѣдній очеркъ этой эпохи «Северинъ, Одоакръ и Теодорихъ остготскій» представляетъ конецъ Западной Римской имперіи. Два очерка изъ эпохи Юстиніана разсказываютъ исторію императрицы Θеодоры, партій цирка и построеніе св. Софіи. Особенно подробно описанъ страшный бунтъ «голубыхъ и зеленыхъ» 552 года, грозившій низверженіемъ Юстиніану. Къ эпохѣ раздѣленія церквей относятся также два очерка: «Патріархъ Фотій и начало раздѣленія» и «Кириллъ и Меθодій, славянскіе первоучители». Личность Фотія не довольно ясно очерчена авторомъ, и подробности его препирательства съ папами недостаточно опредѣлены для того, чтобы составить себѣ полное понятіе о причинахъ церковной распри. Для характеристики солунскихъ братьевъ мы имѣемъ уже столько источниковъ, что авторъ только сгруппировалъ всѣ извѣстныя данныя въ разсказѣ объ ихъ подвигахъ. Послѣдніе четыре очерка авторъ отнесъ къ эпохѣ борьбы между нѣмецкими императорами и папами, хотя къ ней принадлежатъ два очерка: первый

очеркъ, изображающій «Дѣтство Генриха IV и возвышеніе папства», второй— «Начало борьбы съ Григоріемъ VII за инвеституру». Третій—«Норманны въ Англіи и Гастингская битва», рисуетъ событія на сѣверо-западѣ Европы, а послѣдній переноситъ опять читателя въ Византію и передаетъ исторію императрицы Евдокіи и Романа Діогена. Завоеваніе Англіи разсказано подробно, но подготовленіе его авторъ приписываетъ антинаціональной политикѣ Эдуарда Исповѣдника и его излишней привязанности къ иностранцамъ. И безъ этихъ причинъ, англо-саксонское государство сдѣлалось бы добычею норманскаго герцога, давно уже приготовлявшагося завладѣть англійскимъ престоломъ. Въ послѣднемъ очеркѣ очень живо разсказана романтическая любовь Евдокіи, умной и начитанной, къ необразованному, но красивому полководцу, провозглашенному императоромъ, но погибшему жертвой измѣны и предательства. Борьба Романа съ турками-сельджуками, противъ которыхъ Михаилъ VII Дукъ искалъ помощи у папы Григорія VII, повела, какъ извѣстно, къ крестовымъ походамъ, и къ этому великому явленію среднихъ вѣковъ г. Иловайскій намѣренъ обратиться въ слѣдующемъ выпускѣ своихъ «Очерковъ», представляющихъ такой цѣнный вкладъ въ нашу небогатую историческую литературу.

В. З.

В. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Москва. 1886.

Г. Гольцевъ задался мыслью изслѣдовать степень вліянія законодательства на общественные нравы въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. По его мнѣнію, въ тотъ періодъ «государство имѣло очень крупное вліяніе на видоизмѣненіе общественныхъ нравовъ» (стр. 13); «русское законодательство втеченіе прошлаго вѣка значительно вліяло на высшія сословія, а черезъ нихъ (въ меньшей степени и прямо) на всѣ остальные слои населенія» (стр. 4). Высказывая такія положенія, какъ выводъ изъ своего труда, г. Гольцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ всѣ трудности избранной имъ темы: для него вполнѣ понятно, какъ трудно доказать «историческое» воздѣйствіе закона на нравы и въ особенности опредѣлить мѣру этого воздѣйствія (стр. 8). Въ вопросѣ объ отношеніяхъ жизни и закона исторія пока плохой помощникъ. Самые противоположные взгляды на этотъ вопросъ опираются одинаково на исторію, но нашъ авторъ мѣтко замѣчаетъ, что «сколько бы мы ни громоздили фактовъ, никакого научнаго вывода изъ нихъ мы получить не въ состояніи, вслѣдствіе крайней сложности и перекрестнаго вліянія тѣхъ дѣятелей, которыми обусловливается историческая жизнь» (стр. 5). Исторія (по крайней мѣрѣ, русская) еще не на столько изучена, чтобы могла дать ясный отвѣтъ на всѣ теоретическіе вопросы юридическихъ или иныхъ наукъ. Въ данномъ случаѣ яснаго отвѣта трудно ждать еще и потому, что самый вопросъ, предъявляеный исторіи о взаимодѣйствіи законодательства и нравовъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую неясность. Что разумѣть подъ понятіемъ «нравовъ»?

Надъ этимъ задумывается и г. Гольцевъ въ первой главѣ своего труда, которая занята у него «теоретическими соображеніями, легшими въ основу изслѣдованія». Соображенія приводятъ автора къ тому выводу, что «подъ нравами слѣдуетъ разумѣть такіе общественные обычаи и навыки, которые установились послѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго (?) обсужденія ихъ достоин-

ства». «Каждый разъ, когда какой либо обычай задѣваетъ вопросы о нравственномъ и безнравственномъ, общественно-полезномъ или вредномъ, — мы имѣемъ дѣло съ нравами» (стр. 12). Такимъ образомъ авторъ вводитъ въ опредѣленіе нравовъ этическій элементъ. Не споря съ такимъ опредѣленіемъ не можемъ не спросить только, какою этическою мѣркою слѣдуетъ мѣрить общественные навыки: понятіями ли нашего времени, или понятіями изслѣдуемой эпохи? Въ правѣ ли историкъ нравовъ оставить въ сторонѣ такіе навыки, которые въ свое время не возбуждали этическаго вопроса, но возбуждаютъ его въ насъ? Конечно, нѣтъ, потому что одинаково характерны для опредѣленія нравовъ эпохи и тѣ факты, которые вызывали въ современникахъ сознательное «обсужденіе ихъ достоинства» (говоря словами г. Гольцева), и тѣ безсознательныя общественныя привычки прошлой эпохи, которыя не подверглись этическому анализу современниковъ, но нашему нравственному чувству могутъ казаться странными. Между тѣмъ, г. Гольцевъ, называя такія безсознательныя привычки «обычаями», думаетъ, что можетъ оставить ихъ въ сторонѣ. Въ этомъ заключается его ошибка, обусловившая совершенную неправильность его историческаго пріема. Въ историческомъ обзорѣ русскихъ нравовъ въ XVIII вѣкѣ (главы II—IV труда г. Гольцева) онъ собираетъ такіе факты прошлаго, которые въ громадномъ большинствѣ не характеризуютъ общихъ нравовъ, а являются исключеніями, противными нравственному чувству, вызывавшими осужденіе закона или современниковъ. Такимъ образомъ, читатель находитъ въ книгѣ не описаніе нравовъ XVIII вѣка, а перечень болѣе или менѣе частыхъ правонарушеній. Они, конечно, характеризуютъ время и людей, но неполно и односторонне.

Впрочемъ, и самъ г. Гольцевъ, приступая къ историческому изображенію нравовъ, не претендуетъ на ихъ изслѣдованіе. Онъ говоритъ, что вслѣдствіе отсутствія у насъ изслѣдованій по исторіи нравовъ въ XVIII вѣкѣ ему пришлось «самому группировать факты, характеризующіе эпоху»; но группировку г. Гольцева нельзя признать удачной. Читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ пробѣгаетъ сотни случаевъ изъ общественной жизни XVIII вѣка, собранныхъ изъ разнаго рода источниковъ безъ ихъ критической оцѣнки и мало связанныхъ между собой, и не выноситъ яснаго представленія о бытѣ прошлаго столѣтія. На сколько неполна характеристика общественныхъ нравовъ въ трудѣ г. Гольцева, можно судить уже изъ того, что царствованію Елисаветы, весьма важному въ исторіи измѣненія нравовъ, не отведено и десяти страницъ, а для характеристики Екатерининскаго времени авторъ вовсе не воспользовался документами знаменитой законодательной коммиссіи 1767 года. На сколько несвязна группировка фактовъ, можно судить хотя бы по слѣдующей выдержкѣ: «Формы сношеній высшихъ правительственныхъ лицъ другъ съ другомъ, дѣйствительно, во второй половинѣ вѣка въ особенности, становятся утонченными. Такъ московскій почтъ-директоръ Пестель, вскрывавшій письма мартинистовъ, снималъ съ этихъ писемъ копіи на золотообрѣзной бумагѣ, съ водяными знаками льва и рыцаря, съ надписью: pro patria. А Массонъ сообщаетъ, что нѣкоторыя дамы высшаго круга воспитывали своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ для разврата за выгодную цѣну» (стр. 116—117). Послѣ характеристики нравовъ въ XVIII вѣкѣ, въ которой главное вниманіе удѣлено нравамъ двора, дворянства и духовенства, г. Гольцевъ переходитъ къ историческому обзору законодательства XVIII вѣка о нравахъ, и здѣсь группируетъ данныя, относящіяся къ народной массѣ пре-

мущественно, а далѣе, въ главѣ VI, излагаетъ свои выводы. Но человѣкъ, знакомый съ исторіей XVIII вѣка, и безъ книги г. Гольцева знаетъ, что къ концу XVIII вѣка нравы русскаго общества смягчились, что произошло это вслѣдствіе просвѣтительнаго воздѣйствія правительсвва, что это воздѣйствіе не всегда было одинаково твердо и благодѣтельно. Эти общія впечатлѣнія, выносимыя каждымъ изъ знакомства съ XVIII вѣкомъ, вынесены изъ историческихъ занятій и г. Гольцевымъ, но чтобы они были твердо и научно обоснованы въ его книгѣ, не скажетъ ни одинъ безпристрастный читатель, потому что книга г. Гольцева есть не научное изслѣдованіе, а легкій этюдъ по весьма широкому историческому вопросу. Исторія мало помогла труду г. Гольцева, какъ мало она помогаетъ всякому преждевременному и теоретически нетвердо поставленному запросу.

Р. И.

«Витебская Старина». Томъ IV. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885.

Подъ общимъ заглавіемъ «Витебская Старина», г. Сапуновъ предполагаетъ выпустить шесть томовъ. Въ I-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1883 году, помѣщены главнымъ образомъ документы, касающіеся города Витебска; въ II томѣ будутъ помѣщены документы относительно Полоцка; въ III-мъ—относительно Велижа, Невеля, Динабурга и др. замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстъ Витебской губ.; въ IV томѣ напечатаны матеріалы, касающіеся занятія Полоцкаго воеводства царемъ Іоанномъ Грознымъ (1563—1580) и занятія Полоцкаго и Витебскаго воеводства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1654—1667); въ V томѣ будутъ помѣщены документы, относящіеся къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году и, наконецъ, въ VI томѣ г. Сапуновъ предполагаетъ представить «Историческія судьбы Витебской губерніи», на основаніи документовъ, которые будутъ собраны въ первыхъ пяти томахъ; къ этому же тому будетъ приложенъ особою книгой подробный указатель ко всѣмъ томамъ и нѣкоторыя дополненія и поправки. Настоящій томъ «Витебской Старины», вышедшій по издательскимъ соображеніямъ ранѣе втораго и третьяго томовъ, первоначально не входилъ въ программу г. Сапунова; онъ явился потому, что случайно собрано было довольно много документовъ, обнимающихъ всего 30-лѣтній періодъ времени (17 лѣтъ царствованія Грознаго и 13 лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича). Не желая разрознивать ихъ по отдѣльнымъ томамъ и тѣмъ нарушать цѣльность представленія объ этомъ весьма интересномъ и важномъ времени, авторъ собралъ ихъ въ одинъ томъ. Своему собранію документовъ г. Сапуновъ предпосылаетъ «Краткій очеркъ борьбы Московскаго государства съ Литвою и Польшею въ XIV—XVII в.», представляющій собою перечень главнѣйшихъ событій, преимущественно касающихся Витебскаго края; цѣль этого перечня чисто практическая—служить путеводною нитью въ массѣ часто весьма отрывочныхъ документовъ; въ виду отсутствія въ этомъ очеркѣ серьезнаго научнаго значенія, очень жаль, что авторъ не далъ ему болѣе тщательной литературной обработки, и теперь онъ вышелъ слишкомъ сухимъ. Документовъ въ «Витебской Старинѣ» напечатано очень много, большая часть ихъ извлечена изъ московскихъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, но очень многіе перепечатаны изъ другихъ изданій: изъ актовъ западной Рос-

сіи, актовъ историческихъ, древней россійской вивліоѳики, собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ; такая перепечатка изъ общедоступныхъ изданій представляется излишнею и увеличиваетъ только размѣръ книги; много помѣщено г. Сапуновымъ переводовъ изъ разныхъ польско-латинскихъ хроникъ, переводовъ весьма удовлетворительныхъ. Съ внѣшней стороны изданіе выполнено для провинціи очень хорошо: печать хорошая, рисунки и палеографическіе снимки сдѣланы очень отчетливо. Вообще слѣдуетъ сказать, что изданіе г. Сапунова очень полезное и выполняется имъ добросовѣстно, такъ что нельзя не пожелать ему успѣха.

А. В.

Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II, составилъ А. П. Сафоновъ. Спб. 1886.
О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II. Историческій разсказъ для народнаго чтенія. А. Шумахера. Спб. 1886.

Одновременное появленіе двухъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ жизнеописаніе Царя-Освободителя, не можетъ не порадовать каждаго русскаго человѣка. Нечего и говорить о томъ, какъ наше общество нуждается въ такихъ книгахъ. Вышедшія нынѣ—имѣютъ въ виду интелигенцію и народъ. Очеркъ г. Сафонова расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ, только событія, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ сряду, описаны какъ отдѣльные эпизоды. Въ предисловіи авторъ приводитъ слова записки о построеніи храма на мѣстѣ кончины государя: «Пройдутъ года, уймутся и умиротворятся бушующія страсти, забудется ужасъ и тоска настоящаго времени, на смѣну намъ явятся новыя поколѣнія, но память о царѣ, освободившемъ отъ рабства милліоны, не умретъ въ памяти народной; окруженный ореоломъ славныхъ дѣлъ и вѣнцомъ мученической смерти, его величественный, страдальческій и кроткій образъ будетъ высоко стоять въ исторіи». Г. Сафоновъ говоритъ и отъ себя въ заключеніи: «Пройдутъ года, и, можетъ быть, передъ новыми военными подвигами изгладятся изъ памяти потомства геройскія побѣды русскихъ войскъ на Кавказѣ, въ Севастополѣ, въ Польшѣ, Азіи и за Дунаемъ, но мирныя побѣды, обратившія 22 милліона рабовъ въ гражданъ, не забудутся во вѣки». И разсказу объ уничтоженіи крѣпостнаго права, авторъ посвящаетъ самую обширную главу своего очерка, предпославъ ей изложеніе событій отъ рожденія Александра II до крымской войны и до крестьянской реформы. Затѣмъ, послѣ описанія кавказскихъ войнъ и польскаго мятежа 1863—1864 г., отдѣльныя главы очерка посвящены главнымъ реформамъ царствованія: судебной, земскимъ учрежденіямъ, преобразованію цензуры, отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, городовому положенію и всесословной воинской повинности. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ излагаются завоеванія и пріобрѣтенія въ Азіи, турецкая война за освобожденіе славянъ и покореніе текинцевъ. Послѣдней 16-ой главѣ, описывающей кончину императора, предпосланъ общій обзоръ состоянія государства, довольно краткій. На реформу по народному образованію обращено авторомъ мало вниманія, но въ общемъ очеркъ его даетъ, всетаки, весьма удовлетворительное понятіе о славномъ царствованіи. Къ книгѣ приложенъ очень хорошій хромолитографированный портретъ государя.

Разсказъ г. Шумахера получилъ почетный отзывъ отъ петербургскаго комитета грамотности; онъ нѣсколько сжатѣе предъидущаго, но въ немъ есть и такія подробности, которыя не встрѣчаются у г. Сафонова. Такъ, говоря о воспитаніи Александра II, г. Шумахеръ по запискамъ Мердера приводитъ отзывы воспитателя и о слабыхъ сторонахъ характера царственнаго юноши, при началѣ воспитанія... «Единственный недостатокъ, замѣченный Мердеромъ въ великомъ князѣ, состоялъ въ нѣкоторой невнимательности его во время занятій, въ отсутствіи постоянства въ исполненіи по совѣсти своихъ обязанностей, въ неумѣніи всегда въ должной мѣрѣ владѣть собою, словомъ въ нѣкоторой слабости воли». Мердеръ характеризуетъ также товарищей наслѣдника по воспитанію: Віельгорскаго и Паткуля, а о самомъ Мердерѣ г. Шумахеръ приводитъ лестный отзывъ Жуковскаго, имѣвшаго, вмѣстѣ съ Мердеромъ и Павскимъ, сильное вліяніе на развитіе чувствъ доброты, человѣколюбія, незлобія, снисходительности къ другимъ въ будущемъ государѣ. Историческія событія и реформы его царствованія разсказаны ясно и мѣстами подробнѣе, чѣмъ у г. Сафонова. Такъ г. Шумахеръ перечисляетъ, говоря объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, всѣ случаи, когда сохраняется наказаніе розгами. (Г. Сафоновъ, говоря о «кошкахъ» и «шпицрутенахъ», напрасно называетъ ихъ «сокровищами татарской цивилизаціи» — кошки изобрѣтеніе англійское, а шпицрутены—нѣмецкое). Гораздо подробнѣе изложены также у г. Шумахера «Злодѣйскія посягательства на жизнь государя и его мученическая кончина». Авторъ говоритъ въ заключеніи своей книги: «Искалѣченные умственно, извращенные нравственно, несчастные безумцы убили того царя, который выше всѣхъ. своихъ современниковъ держалъ знамя человѣчества и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для него знаменемъ, который всѣ 26 лѣтъ своего славнаго царствованія, будучи великимъ царемъ, не переставалъ быть въ то же время и благороднѣйшимъ человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова».

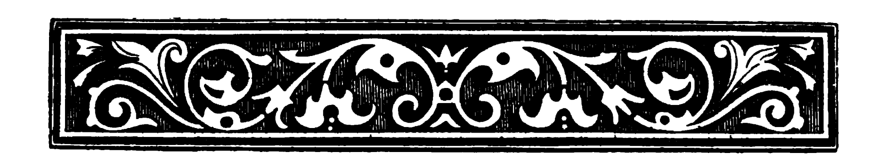
В—ъ.

Указатель къ изданіямъ императорскаго русскаго географическаго Общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 годъ. Спб. 1886.

Это собственно не указатель, а перечень въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ статей, помѣщавшихся въ изданіяхъ Общества. Приложенный ключъ именъ собственныхъ и личныхъ нѣсколько облегчаетъ дѣло, но этнографу, напримѣръ, придется пересмотрѣть весь отдѣлъ физической географіи или статистики, чтобъ найдти нужныя себѣ статьи. И почему указатель ограниченъ 1875, а не 1885 годомъ? Конечно, такая книга и теперь вещь крайне полезная, и надо только пожелать, чтобъ такіе указатели были изданы и другими учеными обществами: историческимъ, археологическимъ и др.

И. Ш.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскія книги о русской экспедиціи въ Среднюю Азію.—Изслѣдованіе о русскихъ финансахъ.—Переводъ русскихъ сказокъ.—Экономистъ въ Канадѣ и въ Россіи.—Бельгійскій и нѣмецкій публицисты на Балканскомъ полуостровѣ.—Англичане и Миклуха-Маклай.—Жидовская Франція.—Каролина неаполитанская и Генріета англійская.—Ораторы временъ республики.—Исторія іюльской монархіи.—Словарь англійскихъ анонимовъ.—Новый трудъ Раулинсона.—Англичане о Бисмаркѣ.—Ирландія при Тюдорахъ.—Англійская леди и французскій дворъ.—Либеральная литература.—Записки секретаря посольства.—Христина шведская въ Тиролѣ.

ИЗЪ КНИГЪ о Россіи, вышедшихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, можно отмѣтить слѣдующія. «Русскіе въ Центральной Азіи» (Les Russes dans l'Asie Centrale par A. Prioux)—авторъ этого труда печаталъ первоначально въ военномъ журналѣ статьи, описывающія постепенное движеніе впередъ русскихъ войскъ въ Средней Азіи, и собралъ ихъ теперь въ одну книгу, составленную по извѣстному сочиненію Гродекова. Главная цѣль ея—ознакомленіе французскихъ офицеровъ съ кампаніею Скобелева, которая сравнивается съ экспедиціями французовъ въ Африкѣ, Тунисѣ, Марокко. Не смотря на спеціальное назначеніе книги Пріу, она интересуетъ не однихъ военныхъ людей, и парижская критика отзывается о ней съ большой похвалою. Ее дополняетъ другая, еще болѣе спеціальная книга, хотя и относящаяся къ тому же предмету: «Дѣйствія русской артиллеріи во время экспедиціи 1880—1881 въ Центральной Азіи» (Operations de l'artillerie russe pendant l'expédition de 1880—1881 dans l'Asie Centrale). Здѣсь говорится о военныхъ операціяхъ только одной части нашихъ войскъ, на основаніи того же русскаго сочиненія, съ дополненіями, взятыми изъ нашего «Артиллерійскаго Журнала». Первоначально это изслѣдованіе явилось въ «Revue d'artillerie». Не заключая въ себѣ ничего новаго для русскихъ читателей, обѣ книги встрѣчены весьма сочувственно французской публикой.

— Деклеркъ издалъ въ Амстердамѣ книгу: «О русскихъ финансахъ». (Les finances de l'empire de Russie par P. H. Declercq). Судя по помѣткѣ предисловія, книга написана въ Петербургѣ «съ цѣлью—пролить свѣтъ на финансовое положеніе Россіи, для котораго данныя не всѣмъ доступны и многія изъ нихъ имѣются только на русскомъ языкѣ, часто не ясны и не даютъ полнаго понятія обо всѣхъ частяхъ финансоваго управленія». Въ виду пополненія этого пробѣла, авторъ и составилъ свою книгу, не обременяя ее

излишними цифрами и подробностями. Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены, впрочемъ, и разные офиціальные отчеты и таблицы. Авторъ строго ограничиваетъ свои изслѣдованія финансовымъ положеніемъ страны, не касаясь ея экономическаго и политическаго устройства и отсылая желающихъ изучить эти стороны государственной жизни къ сочиненіямъ Маттеи и Леруа-Болье объ этомъ предметѣ. Поэтому въ семи главахъ сочиненія разсматриваются только: бюджетъ, долги, вексельный курсъ, желѣзныя дороги, государственный банкъ, выкупная операція и спеціальные фонды. Въ концѣ книги, кромѣ таблицъ, относящихся къ каждой главѣ, помѣщенъ и общій выводъ изъ всего сочиненія, многія стороны котораго, освѣщенныя и изложенныя съ полнымъ знаніемъ дѣла, представляютъ данныя мало извѣстныя и русскимъ читателямъ.

— «Русскія сказки» (Contes russes. Traduits d'après le texte originale et illustrés par Léon Sichler) представляютъ роскошное изданіе съ прекрасными рисунками, сдѣланными самимъ авторомъ. Самыя сказки— не новость для французскихъ читателей, такъ какъ уже были переведены 12 лѣтъ тому назадъ Луи Брюйеромъ (Contes populaires de la Russie par Louis Bruyère). Ихъ всѣхъ въ новомъ переводѣ 28, и, вмѣстѣ съ древне-русскими легендами, помѣщены и произведенія позднѣйшаго народнаго творчества, какъ «Царевна-Лягушка», «Правда и Кривда», «Морозко», «Марко богатый и Василій бещастный», басня «Крестьянинъ и Волкъ» и др. Иностранная критика останавливается въ особенности на созданіяхъ народной фантазіи, чуждыхъ преданіямъ Запада, какъ баба-яга, кащей и т. п. Экипажъ бабы-яги ступа съ пестомъ, ея избушка, поворачивающаяся то задомъ, то передомъ къ лѣсу, служитъ предметомъ коментарій; кащей-безсмертный интересуетъ своими человѣческими сторонами и пр. Переводчикъ хорошо знакомъ съ нашей сказочной литературой, но жаль, что не всѣ свои сказки взялъ изъ сборниковъ Даля и Афанасьева, а нѣкоторыя заимствовалъ изъ передѣлокъ Полеваго, нерѣдко искажавшаго нашъ народный эпосъ.

— Извѣстный экономистъ Молинари издалъ отдѣльною книгою свои статьи, печатавшіяся въ послѣдніе четыре года въ «Journal des Débats», подъ названіемъ: «Въ Канадѣ и въ скалистахъ горахъ Россіи и Корсики» (Au Canada et aux montagnes rocheuses en Russie et en Corse par G. de Molinari). Авторъ находитъ сходство въ горахъ этихъ трехъ странъ и потому соединяетъ ихъ въ своемъ описаніи. Въ Россіи авторъ былъ недолго и посвятилъ ей около ста страницъ. Письма его, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, мѣстами любопытны и вѣрны. Въ нихъ онъ говоритъ о земледѣліи, о промышленности въ польскихъ губерніяхъ, причемъ касается русификаціи края и непримиримости поляковъ. Оттуда онъ поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ описываетъ антиеврейскіе безпорядки, приписывая ихъ не еврейской эксплоатаціи, а политической пропагандѣ. Изъ Кіева авторъ отправился на нижегородскую ярмарку, потомъ въ Москву, на послѣднюю промышленную выставку, которую описываетъ, также какъ Троицкую лавру. Черезъ Петербургъ, онъ проѣхалъ въ Стокгольмъ, откуда вернулся во Францію. Въ помѣщаемомъ письмѣ изъ Россіи онъ сравниваетъ умственное и экономическое состояніе нашего отечества въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ первый разъ увидѣлъ Россію, съ нынѣшнимъ ея положеніемъ въ 1882 году, которое «не лучше прежняго, хотя правительство и не столько виновато въ этомъ, какъ его обвиняютъ; оно сдѣлало много для общества, но получило за это въ награду одну черную неблагодарность».

— Другой экономистъ и бельгійскій публицистъ Лавеле, собравъ въ два

тома свои статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ журналахъ, издалъ: «Балканскій полуостровъ—Вѣна, Кроація, Боснія, Сербія, Болгарія, Румелія, Турція, Румынія» (La péninsule de Balkans: Vienne, Croatie, Bosnie, Serbie, Bulgarie, Roumélie, Turquie, Roumanie). Книга посвящена «знаменитому защитнику угнетенныхъ національностей В. Гладстону». Авторъ съ 1867 года изучалъ эти національности Балканскаго полуострова и писалъ объ нихъ «съ архаическимъ и поэтическимъ энтузіазмомъ», какъ замѣчали объ немъ Леруа-Болье и Морицъ Блокъ. Но съ тѣхъ поръ положеніе полуострова сильно измѣнилось. Лавеле особенно интересовали взгляды на это положеніе австрійскихъ министровъ Таафе, Кальноки, Каллая, и онъ приводитъ свои бесѣды съ ними, относящіяся къ 1883 году. Онъ отзывается объ нихъ съ величайшимъ уваженіемъ. Любопытна бесѣда его съ епископомъ Штросмайеромъ, о характерѣ котораго отзывы, однако, далеко не восторженные. Въ Бѣлградѣ Лавеле возобновилъ знакомство съ королемъ Миланомъ, которымъ также восторгается, какъ и его министрами Міатовичемъ и Христичемъ, въ особенности королевою Наталіею, «съ стройнымъ станомъ богини на облакахъ» (un port de déesse sur les nues). О Болгаріи онъ не высказалъ ничего замѣчательнаго; Филиппополь, гдѣ онъ познакомился съ Гаврило-пашею, считаетъ гораздо болѣе приличнымъ для столицы Болгаріи, чѣмъ Софію. Македоніи онъ не посѣтилъ, опасаясь совершавшихся тамъ разбоевъ, и черезъ Адріанополь прибылъ въ столицу Турціи, откуда отправился въ Бухарестъ къ королю Карлу, «прекрасно понявшему и исполняющему роль конституціоннаго короля». О министрахъ его, какъ и о всѣхъ лицахъ, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, приводятся самые лестные отзывы. Вопросу о національностяхъ на полуостровѣ онъ приписываетъ большое значеніе и настаиваетъ на томъ, чтобы Европа приняла ихъ во вниманіе, также какъ желанія народовъ. Въ Босніи онъ видитъ образцовый порядокъ и спокойствіе, но утверждаетъ, что мусульмане, бывшіе славяне и владѣльцы страны, принявшіе мусульманство, когда «крестъ долженъ былъ покориться лунѣ», должны быть отстранены отъ управленія. За то, по его мнѣнію, первенствующую роль въ провинціи займутъ евреи, уже и теперь владѣющіе всею торговлею. Въ Кроаціи онъ видитъ общее стремленіе къ соединенію всѣхъ племенъ, говорящихъ посербски: хорватовъ, словенцевъ, далматинцевъ, герцеговинцевъ, черногорцевъ и сербовъ, для составленія могучаго союза, который могъ бы уравновѣсить вліяніе Венгріи въ Австрійской имперіи. О панславизмѣ нѣтъ и помину въ этихъ странахъ, но Лавеле увѣренъ въ томъ, что образуется большая южно-славянская конфедерація отъ Константинополя до Лайбаха и отъ Савы до Эгейскаго моря. Россіи достается отъ автора за ея «неинтелигентную» политику въ болгарскомъ вопросѣ. Образъ дѣйствій русскихъ агентовъ въ Болгаріи, по словамъ автора, заставилъ болгаръ позабыть всю благодарность, которою они обязаны Россіи.

— О нравахъ и обычаяхъ южныхъ славянъ говоритъ и нѣмецкій писатель докторъ Краусъ въ сочиненіи «Sitte und Brauch der Südslaven von D-r Friedrich Krauss». Этотъ огромный трудъ въ 680 страницъ заключаетъ въ себѣ тридцать отдѣльныхъ монографій, относящихся преимущественно къ изслѣдованію этнографіи и юридическихъ, народныхъ обычаевъ юго-славянъ. Въ основу его взято сочиненіе о томъ же предметѣ профессора Богишича, изданное въ 1867 году. Въ первыхъ главахъ Краусъ говоритъ объ основахъ семейнаго быта, обычаяхъ родства и свойства (для обозначенія разныхъ степеней родства по мужской и женской линіи у гер-

цеговинцевъ, черногорцевъ и бокезцевъ существуетъ 34 разныхъ названія). Авторъ подробно изслѣдуетъ побратимство, посестріе, кумовство, гостепріимство, славянское братство или «задругу», «жупу», племя, общину, семейную жизнь, отношенія между полами, сватовство, свадьбы, увозъ невѣсты, положеніе женщины, вдовье право, право брать въ семью пріемышей, родство духовное и пр. Во всемъ этомъ много новаго не только для Западной Европы, но и для нашей публики, вообще очень мало знакомой со внутренней, да и съ внѣшней исторіей славянскихъ племенъ.

— Книга Ромильи «Западный Тихій океанъ и Новая Гвинея: замѣтки о туземцахъ христіанахъ и каннибалахъ» (The Western Pacific and New Guinea: notes on the natives, christian and cannibal, by H. Romilly) сообщаетъ свѣдѣнія о нашемъ путешественникѣ г. Миклухѣ-Миклаѣ, недавно вернувшемся въ Россію. Въ первой же главѣ своего труда авторъ, посѣтившій эту часть Тихаго океана съ цѣлью комерческой, говоритъ о первомъ прибытіи на сѣверную сторону Новой Гвинеи русскаго антрополога. Его нашли утромъ сидящимъ на берегу, въ своемъ плащѣ—на горизонтѣ не было слѣдовъ никакого судна. Туземцы повѣрили, что бѣлый человѣкъ явился къ нимъ съ неба. Онъ старался поддержать ихъ въ этомъ мнѣніи. Авторъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній и о другихъ островахъ: Соломоновыхъ, Новой Ирландіи и пр. Книга читается съ большимъ интересомъ.

— Парижскія газеты очень недовольны «нелиберальною» книгою Дрюмона «Жидовская Франція» (La France juive par Edouard Drumond). Авторъ безпощадно разоблачаетъ продѣлки французскихъ жидовъ, служащихъ интересамъ жидовства, въ ущербъ Франціи. За это автору пришлось драться на дуэли съ однимъ изъ редакторовъ «Gaulois» Мейеромъ, а другой жидъ изъ «Фигаро», Альбертъ Вольфъ, осыпалъ его бранью въ своихъ фельетонахъ. А между тѣмъ Дрюмонъ не говоритъ о жидахъ ничего, кромѣ правды. Вотъ какую паралель проводитъ онъ между семитомъ и арійцемъ. «Семитъ—меркантиленъ, жаденъ, хитрый интригантъ, аріецъ—энтузіастъ, склоненъ къ геройству, безкорыстенъ, прямодушенъ, наивенъ и довѣрчивъ. Семитъ заботится только о земныхъ, матеріальныхъ благахъ и дальше ихъ не видитъ ничего, аріецъ мечтаетъ о себѣ, стремится къ идеалу. Семитъ торгашъ по инстинкту, геніаленъ въ изобрѣтеніи случаевъ подкапываться подъ своего ближняго; но онъ не сдѣлалъ ни одного изобрѣтенія: онъ только эксплоатируетъ изобрѣтенія арійца, извлекаетъ изъ него барышъ для себя». По выводамъ автора, жиды принесли много зла Франціи и всѣмъ, кто сближается съ ними. Нервная система ихъ въ вѣчно возбужденномъ состояніи, потому что они живутъ среди постоянныхъ сдѣлокъ и подвоховъ, въ горячкѣ спекуляціи. Отъ этого же между ними такъ много сумасшедшихъ.

— Ганьеръ разсказываетъ жизнь «Королевы Маріи-Каролины неаполитанской» по новымъ источникамъ (La reine Marie-Caroline de Naples par A. Gagnière). И по новымъ документамъ, эта женщина представляется такою же кровожадною, распутною и вѣроломною, какъ ее изображаютъ прежніе историки. Авторъ говоритъ объ ней съ неподдѣльнымъ негодованіемъ, сообщающимся читателю. Нѣсколько новыхъ фактовъ приводится объ ея отношеніяхъ къ Эммѣ Гамильтонъ, любовницѣ Нельсона, и къ этому храброму адмиралу, но грязному и безчестному человѣку. И между тѣмъ эта Марія-Каролина, напоминающая своею постыдною жизнію средневѣковыхъ королевъ, была тещею добродушнаго Луи-Филиппа, бабкою нынѣшнихъ холодныхъ и разсчетливыхъ орлеанскихъ принцевъ.

— Совершенно другой типъ рисуетъ Бальонъ въ своей книгѣ «Генріета-Анна англійская, герцогиня орлеанская, ея жизнь и переписка со своимъ братомъ Карломъ II» (Henriette-Anne d'Angleterre, duchesse d'Orléans, sa vie et sa correspondance avec son frère Charles II, par leconte de Baillon). Авторъ замѣчательныхъ монографій: Луиза Лотарингская, Генріета-Марія французская, г-жа Монморанси и др., набрасываетъ живыми чертами симпатичный портретъ сестры англійскаго короля, переписка съ которымъ, первый разъ обнародоваемая, придаетъ еще болѣе значенія книгѣ. Ничего новаго не сообщаетъ она въ историческомъ отношеніи, но дворъ Людовика XIV и Карла II изображены въ ней характеристичными чертами. Неожиданная смерть молодой принцесы, внушившая Восюэту превосходную надгробную рѣчь, образецъ духовнаго краснорѣчія, передана авторомъ, со всѣми трогательными подробностями. Авторъ не изслѣдуетъ ея причины, не обвиняетъ, но и не оправдываетъ герцога Орлеанскаго, и этотъ драматическій эпизодъ французской исторіи останется, вѣроятно, навсегда неразгаданнымъ, какъ и другіе случаи таинственной смерти многихъ членовъ семейства Людовика XIV.

— Два года тому назадъ профессоръ Оларъ, читающій въ Сорбонѣ исторію французской революціи, издалъ книгу: «Ораторы учредительнаго собранія». Теперь явилось продолженіе этихъ этюдовъ подъ названіемъ «Ораторы законодательнаго собранія и конвента (Les orateurs de la Législative et de la Convention par F. A. Aulard). Авторъ относится съ полнымъ безпристрастіемъ къ дѣятелямъ и событіямъ этой эпохи. Это не простой сборникъ рѣчей, оцѣненный съ ораторской точки зрѣнія, но трудъ историка, добросовѣстно и критически отнесшагося къ своему предмету. Не принадлежа къ панегиристамъ революціи, онъ отдаетъ справедливость и Дантону; отзываясь съ отвращеніемъ о кровавыхъ планахъ Марата, рисуетъ вѣрный портретъ этого фанатика, не признавая его ни героемъ, ни «отвратительной жабой», какъ его называетъ Мишле. Книга написана хорошимъ, но сухимъ языкомъ, далекимъ отъ увлеченія, какимъ были одушевлены всѣ эти ораторы, изображаемые авторомъ. Онъ обѣщаетъ въ концѣ книги издать еще томъ своихъ этюдовъ, конечно, не объ ораторахъ директоріи, когда краснорѣчіе было также плоско и мелко какъ и люди той эпохи, и не объ ораторахъ имперіи, когда молчали всѣ, кто не хотѣлъ унизиться до лести и прислужничества передъ деспотизмомъ, но объ ораторахъ реставраціи, когда снова могъ раздаться независимый голосъ на полусвободной трибунѣ.

— Намъ приходилось уже говорить объ «Исторіи іюльской монархіи Тюро-Данжена» (Histoire de la monarchie de Juillet par Paul Thureau Dangin). Теперь появился третій томъ ея. Первые два получили въ прошломъ году первую премію отъ французской академіи. Нынѣ вышедшій томъ обнимаетъ событія отъ 1836 по 1839 годъ, министерства: (первое) Тьера, Моле и Сульта, парламентскія пренія, религіозную борьбу Лакордера и Монталамбера, войну въ Алжиріи отъ ея начала до взятія Константины. Въ книгѣ много новыхъ документовъ, но она написана въ защиту орлеанскихъ принцевъ и въ духѣ враждебномъ демократіи. Авторъ не измышляетъ и не искажаетъ фактовъ, но не прочь отъ повторенія нелѣпыхъ клеветъ или отъ рѣзкихъ сужденій. Такъ онъ утверждаетъ, что Бланки, заключенный въ тюрьму, «чтобы смягчить строгость приговора, оказалъ нѣкоторыя услуги полиціи Луи-Филиппа». Повтореніе этой пошлой сплетни доказываетъ историческую проницательность и добросовѣстность автора, а вотъ сужденіе его,

объясняющее философскій взглядъ и пониманіе авторомъ соціальныхъ фактовъ: «разслабленіе и приниженность — естественныя послѣдствія демократическихъ идей и матеріалистической цивилизаціи».

— Вышелъ третій, предпослѣдній, томъ замѣчательнаго труда: «Словарь анонимной и псевдонимной литературы Великобританія, заключающій въ себѣ труды иностранцевъ, писавшихъ поанглійски или переведенныхъ на англійскій языкъ» (A dictionary of the anonimous and pseudonnimeus literature of Great Britain, including the works of foreigners written in, or translated into english language, by Samuel Halkett and John Laing). Трудъ этотъ, начатый въ 1881 году, окончится въ нынѣшнемъ и составитъ драгоцѣнное пособіе для всѣхъ занимающихся исторіею литературы. Онъ составленъ также полно и добросовѣстно, какъ словарь французскихъ анонимовъ Барбье, и представляетъ на англійскомъ языкѣ лучшую справочную книгу этого рода.

— Младшій братъ Генриха Раулинсона, ненавистника Россіи и археолога, Джоржъ Раулинсонъ, кентербюрійскій каноникъ и профессоръ древней исторіи въ Оксфордѣ, издалъ книгу о Египтѣ и Вавилонѣ, по священнымъ и свѣтскимъ источникамъ (Egypt and Babylon from Scripture and profane sources by the rev. George Rawlinson). Какъ духовное лицо, онъ беретъ въ основаніе своихъ изслѣдованій библію и, извлекая изъ нея все, что относится къ Египту и Вавилону, дополняетъ эти извѣстія изъ другихъ источниковъ, коментируя и обсуждая ихъ достовѣрность. Такимъ образомъ, сопоставленіемъ различныхъ данныхъ, ему удалось представить въ новомъ свѣтѣ вторженія въ Іудею Шишака или Сеннахериба и политическія волненія въ эпоху пророчества Исаіи и Іереміи. Книга хотя и написана для образованныхъ классовъ, изложена популярно и въ этомъ отношеніи стоитъ выше извѣстнаго сочиненія Шрадера о томъ же предметѣ. Жизнь и обычаи жителей этихъ странъ, подвиги ихъ царей переданы авторомъ ясно и увлекательно. Онъ пользуется теперь указаніями недавно открытыхъ надписей, изъ которыхъ одна совершенно измѣняетъ общепринятый взглядъ на Кира, а другая, 1878 года, говоритъ о походѣ Небукаднецара въ Египетъ. Книга эта служитъ дополненіемъ прежде изданныхъ Раулинсономъ «Исторіи Египта», «Геродота» и «Древнихъ Монархій».

— Совершенно неизвѣстныя подробности сообщаетъ «Исторія эмиграціи гугенотовъ въ Америку» (History of the Huguenot emigration in America by C. W. Baird). Объ этомъ предметѣ писали только: отецъ автора, въ книгѣ «Религія въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ», вышедшей еще въ 1844 году, и Шарль Вейсъ въ «Исторіи французскихъ протестантовъ, оставившихъ отечество», но оба эти сочиненія весьма поверхностныя, тогда какъ Бердъ вполнѣ исчерпалъ свой предметъ, пользуясь многочисленными источниками, добытыми имъ въ церковныхъ и общинныхъ архивахъ Европы и Америки. Начиная съ первыхъ переселеній протестантовъ въ Бразилію и Флориду, въ 1555 году, потомъ въ Акадію, Канаду и на острова Вест-Индіи, авторъ передаетъ исторію всѣхъ этихъ колоній, большею частью, не удавшихся, разсѣянныхъ индѣйцами или враждебнымъ сосѣднимъ населеніемъ. Всѣ эти эмигранты, большею частью, французскаго происхожденія, вскорѣ же слились съ преобладавшимъ въ колоніяхъ англійскимъ элементомъ, и слѣды ихъ остались только въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, да въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и преданіяхъ, чуждыхъ англосаксонскому племени, подчинившему себѣ всѣ разнородные элементы эмиграціи.

— Два тома исторической біографіи «Князь Бисмаркъ» (Prince Bismarck: an historical biography by Charles Lowe) обратили вниманіе англичанъ. Авторъ тщательно изучилъ и подробно излагаетъ всю политическую дѣятельность канцлера за послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни, начиная съ 1847 года, когда онъ былъ выбранъ въ члены прусской палаты и, въ первой же рѣчи своей противъ эмиграціи евреевъ, явился открытымъ врагомъ всякихъ либеральныхъ стремленій. Тогда еще 33-лѣтній юнкеръ явился, по выраженію одного члена палаты, «олицетвореніемъ узкихъ средневѣковыхъ идей». Авторъ слѣдитъ и за дальнѣйшими попытками Бисмарка воплотить эти идеи въ современныя политическія тенденціи. Въ этихъ идеяхъ укрѣпился онъ въ 1859 году, во время своего посольства въ Петербургѣ, и въ 1862 году, въ званіи посланника въ Парижѣ, когда Луи-Наполеонъ сказалъ про него: «ce n'est pas un homme serieux». Бисмаркъ вспомнилъ эти слова, провожая изъ Седана отдавшагося въ плѣнъ императора. Изъ Парижа Бисмаркъ ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ близко сошелся съ Дизраэли, и поддерживалъ его всѣми силами на берлинскомъ конгрессѣ. Авторъ описываетъ не только политическую карьеру канцлера, но и его частную, семейную жизнь, говоритъ о его характерѣ, наклонностяхъ, религіозности, привязанности къ сельской жизни и нелюбви къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Книга написана нѣсколько тяжелымъ и восторженнымъ языкомъ.

— Къ «злобѣ дня» относится исторія «Ирландіи при Тюдорахъ, съ краткимъ очеркомъ древнѣйшей исторіи». (Ireland under the Tudors, with a succint account of the earlied history, by Richard Bagwell). Географическое положеніе острова, по замѣчанію автора, таково, что провинціи, отдѣленныя одна отъ другой горами, рѣками, лѣсами' болотами, жили всегда самостоятельною жизнью и то подпадали подъ власть завоевателя, то пользовались независимостью, и каждая изъ провинцій имѣла свою исторію. Ирландія не разъ, втеченіе своей вѣковой исторіи, была почти совершенно независима отъ Англіи, какъ во время войны Алой и Бѣлой розы. Даже Генрихъ VIII покровительствовалъ ирландской самостоятельности, а при Елисаветѣ провинціи Мюнстеръ и Коннаутъ получили мѣстное самоуправленіе, въ Ульстерѣ же неограниченною властью долгое время пользовался Шан-О'Нейль. Вообще исторія постоянной борьбы этого острова съ Англіею подтверждаетъ необходимость положить прочныя основанія ихъ государственному союзу, чтобы сохранить союзъ династическій, о чемъ теперь такъ заботится Гладстонъ, борясь съ эгоистическими тенденціями консерваторовъ и стремленіями радикаловъ къ независимости острова.

— Леди Джаксонъ въ двухъ томахъ представляетъ картину «французскаго двора въ XVI вѣкѣ» (The court of France in the sixteenth century by lady Jackson). Это довольно любопытная компиляція, составленная по сочиненіямъ Мишле, Мартена-Сисмонди, г-жи Кампанъ, Поля Лакруа и другихъ лицъ, писавшихъ объ этой эпохѣ. Она, конечно, говоритъ и о писателяхъ, современныхъ той эпохѣ: Сен-Желе, Монлюкѣ, Ламаркѣ, но съ сочиненіями ихъ леди, очевидно, знакома только по наслышкѣ, и если прочла кое-что изъ Рабеле, Ронсара, Маро, Маргариты Наварской, то имѣетъ объ нихъ весьма смутное понятіе, высказывающееся въ поверхностныхъ сужденіяхъ о ихъ сочиненіяхъ. Очень странна также система леди, говоря о лицахъ благороднаго происхожденія, прибавлять къ ихъ фамиліямъ французскую частичку de. Такъ она пишетъ: папа Іоаннъ де-Медичи, и даже называетъ извѣстнаго

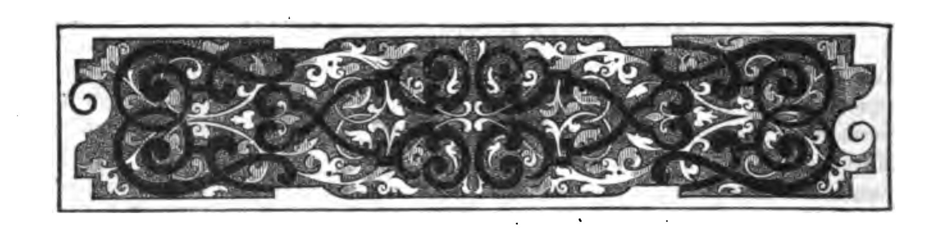
историка — Леопольдъ де-Ранке. Но книга ея, всетаки, читается легко и не безъ удовольствія, хотя обнимаетъ собою далеко не все XVI столѣтіе, а только промежутокъ времени отъ 1514 года по 1559.

— Англичане не меньше французовъ дорожатъ своими писателями и рѣдко позволяютъ себѣ строго критическое отношеніе къ ихъ направленію и произведеніямъ. Поэтому обратила на себя вниманіе рѣзкими приговорами книга: «Либеральное движеніе англійской литературы» (The liberal movement in english literature by William John Courthope). Авторъ отдаетъ предпочтеніе поэтамъ XVIII вѣка передъ Вордсвортомъ, Байрономъ, Шелли, Кольриджемъ, Китсомъ, и, какъ самъ говоритъ, излагаетъ либеральныя стремленія этихъ лицъ съ консервативной точки зрѣнія. Но объ этихъ двухъ сторонахъ литературнаго направленія онъ высказываетъ многое, не отвѣчающее общепринятымъ понятіямъ. «Я употребляю слова либерализмъ и консерватизмъ, — говоритъ онъ, — не въ какомъ либо партійномъ смыслѣ. Подъ либерализмомъ я понимаю стремленіе человѣка, прежде всего, къ расширенію индивидуальной свободы; подъ консерватизмомъ — преимущественно желаніе сохранить послѣдовательность національнаго развитія». Поэтому авторъ не видитъ существеннаго противорѣчія между двумя этими принципами, не исключающими возвможности ихъ соглашенія. Но когда дѣло дойдетъ до оцѣнки писателей, авторъ явно выказываетъ себя консерваторомъ, ставя Попе выше Вордсворта и его послѣдователей. А между тѣмъ, называя либерализмъ борьбою за перемѣну и нововведенія, а консерватизмъ привязанностью къ преданіямъ и авторитету, авторъ осуждаетъ Вордсворта, какъ новатора, тогда какъ онъ былъ приверженецъ древнихъ традицій. Много старанія употребляетъ авторъ для доказательства, что Ботлеръ, Борке и Драйденъ были консервативны въ религіи, политикѣ, поэзіи, что Попе и Драйденъ были прямыми послѣдователями Чосера и пр. Все это мало говоритъ въ пользу дѣленія поэтовъ на либеральныхъ и нелиберальныхъ, и авторъ поступилъ бы гораздо раціональнѣе, если бы просто далъ оцѣнку хорошихъ и слабыхъ сторонъ извѣстныхъ писателей и произведеній.

— Въ Штутгартѣ вышла любопытная книга: «Берлинъ и Вѣна въ 1845—1852 году» (Berlin und Wien in der Jahren 1845—1852). Книга эта написана секретаремъ тогдашняго саксонскаго посольства графомъ Фицтумомъ фон-Экштедтъ. Профессоръ Карлъ Миллеръ сдѣлалъ введеніе къ этимъ политическимъ письмамъ, относящимся къ самымъ бурнымъ временамъ обѣихъ нѣмецкихъ столицъ. Особенно характеристичны подробности о паденіи Метерниха; о Бисмаркѣ приводится слѣдующее сужденіе Фридриха-Вильгельма IV, въ ноябрѣ 1848 года, написанное королемъ на поляхъ доклада о назначеніи министромъ будущаго канцлера: «Красный реакціонеръ, пахнетъ кровью; можетъ быть употребленъ въ послѣдствіи». Въ Берлинѣ авторъ былъ во время открытія перваго прусскаго ландтага въ 1845 году, въ Вѣнѣ—во время революціи 1848 года, когда онъ настаивалъ на томъ, чтобы Робертъ Блумъ не былъ казненъ. Фицтумъ, однако, политикъ австрійской школы, радуется взятію Вѣны Виндишгрецомъ, побѣдамъ Радецкаго въ Италіи, восхищается дипломатіей Шварценберга, вѣритъ въ звѣзду Габсбурговъ и сознается, что только одна Россія можетъ помѣшать Австрійской имперіи распространиться отъ Севера до Салоникъ. Въ концѣ книги авторъ разсказываетъ о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Метернихомъ въ 1858 году. Дипломатъ, управлявшій 33 года европейскою политикою, разсказалъ о послѣднемъ свиданіи сво-

емъ съ Наполеономъ 26-го іюня 1813 года. Видя, что всѣ его убѣжденія склонить на свою сторону Австрію остаются напрасны, императоръ въ сильномъ гнѣвѣ бросилъ на полъ свою шпагу и ждалъ, подниметъ ли ее Метерниxъ. «Но я оставилъ ее лежать,—прибавилъ канцлеръ,—а вынулъ только засунутую въ нее перчатку, такъ какъ Наполеонъ своими словами бросилъ перчатку моему императору.—И такъ, если вы хотите войны—вы ее получите. Я объявлю вамъ войну, но войну истребительную.—Позвольте же мнѣ, государь,—отвѣчалъ спокойно Метерниxъ, — отворить всѣ двери и окна, чтобы всѣ слышали ваши слова: вы сами увидите, какое впечатлѣніе произведутъ они на вашихъ маршаловъ». Тогда Наполеонъ началъ жаловаться на маршаловъ и, упрекая ихъ въ неблагодарности, прибавилъ: «Я всегда щадилъ кровь французовъ, и когда надо было жертвовать людьми, употреблялъ для этого поляковъ и нѣмцевъ».—Благодарю васъ за нѣмцевъ государь,—отвѣчалъ дипломатъ, и когда императоръ вышелъ, прибавилъ, обращаясь къ Вертье: «это погибшій человѣкъ».

— Интересный историческій эпизодъ разсказанъ въ книгѣ «Христина Шведская въ Тиролѣ» (Christine von Schweden in Tirol von Arnold Busson). Это разсказъ о переходѣ королевы въ католицизмъ, характеризующій эту странную женщину. Она тайно отреклась отъ протестантства еще въ 1654 году, въ Брюсселѣ, и написала новоизбранному папѣ Александру VII о своемъ обращеніи, сообщая въ то же время, что пріѣдетъ въ Римъ. Папа потребовалъ, чтобы она предварительно объявила о своемъ вступленіи въ лоно римской церкви открыто и торжественно. Дочь Густава Адольфа отвѣчала, что охотно исполнитъ желаніе папы и въ 1655 году отправилась изъ Бельгіи въ Римъ. Эрцгерцогъ тирольскій Карлъ, зная, что она поѣдетъ чрезъ Инспрукъ, приготовилъ ей торжественную встрѣчу предъ праздникомъ, не смотря на плохое состояніе своихъ финансовъ. Поплатились, впрочемъ, болѣе всего подданные герцога, которымъ было предписано поставить дичь, живность, рыбу, пиво, фрукты, исправить дороги, приготовить приличныя помѣщенія для королевы и ея свиты. Такъ какъ у эрцгерцога не было порядочной серебряной посуды, то ее заняли у сосѣдей. Выстроили даже два театра въ Инспрукѣ для драматическихъ представленій. Одинъ изъ нихъ сохранился до нашего времени и въ немъ теперь—манежъ и берейторская школа. Для встрѣчи королевы на границѣ подняли на ноги весь придворный штатъ эрцгерцога, 132 человѣка, сопровождавшихъ верхомъ августѣйшую гостью во дворецъ, при громѣ пушекъ. Папа отправилъ въ Инспрукъ интернунція. Въ свитѣ Христины было 255 человѣкъ и 247 лошадей. На другой же день своего прибытія она произнесла въ придворномъ соборѣ торжественное исповѣданіе католической религіи, на латинскомъ языкѣ, «совершенно мужскимъ густымъ голосомъ», какъ прибавляетъ лѣтописецъ. Затѣмъ интернунцій далъ ей разрѣшеніе за пребываніе въ протестантствѣ. Причастіе она хотѣла принять лично въ Римѣ отъ самого папы. За этимъ церковнымъ торжествомъ слѣдовали праздники, концерты, спектакли, посѣщенія достопримѣчательностей города. Въ день ея присоедниненія къ католицизму, она смотрѣла въ театрѣ какую-то комедію, но авторъ книги считаетъ злонамѣренной выдумкою слова, приписываемыя королевѣ по этому поводу: «вы угощаете меня вечеромъ комедіей за то, что я вамъ утромъ съиграла фарсъ».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Послѣдняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году.

КРЫМЪ, — эта драгоцѣнная жемчужина въ коронѣ царей русскихъ, какъ называла его императрица Екатерина II, — обезлюдѣлъ, вслѣдствіе неоднократнаго выселенія изъ него татаръ въ Турцію. Въ 1874 году, ему грозила опасность потерять и остальное свое татарское населеніе, если бы правительство принятіемъ нужныхъ мѣръ не предотвратило ея.

Бывшій новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Коцебу, 30-го ноября 1873 года, писалъ военному министру: «При недавнемъ объясненіи нашемъ въ Ливадіи, по случаю возникшаго между крымскими татарами стремленія къ переселенію за границу, въ виду ожидаемаго изданія закона о всеобщей воинской повинности, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ заявилъ мысль свою, что, въ видахъ успокоенія крымскихъ татаръ и облегченія для нихъ воинской повинности, полезно было бы призываемыхъ на службу татаръ назначать въ отдѣльный отрядъ, не распредѣляя новобранцевъ по различнымъ частямъ войскъ. Ваше высокопревосходительство изволили отвѣтить на это, что, при множествѣ у насъ инородческихъ группъ, вводить объясненную мѣру въ законъ неудобно, но что она можетъ быть приведена въ дѣйствіе административнымъ порядкомъ. Вполнѣ сознавая и съ своей стороны неудобство введенія въ законъ объясненной мѣры, я считаю обязанностію сообщить лишь вашему высокопревосходительству, что принятіе ея было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію возбужденнаго между крымскими татарами броженія. Сколько можно судить по собраннымъ мною въ послѣднее время свѣдѣніямъ, они не страшатся воинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы новобранцы ихъ не разсѣевались по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ иначе они стѣснены были бы въ

исполненіи духовныхъ требъ и вообще правилъ ихъ вѣры. Посему, и пользуясь тѣмъ, что крымскіе татары съ малолѣтства пріобыкаютъ къ верховой ѣздѣ, я полагалъ бы возможнымъ: изъ призывныхъ на службу крымскихъ татаръ образовывать особые эскадроны при полкахъ, входящихъ въ раіонъ 7-го корпуса, или назначать ихъ группами въ эскадроны тѣхъ же полковъ. Татаръ мужескаго пола въ Крыму считается нынѣ всего около 60,000 душъ, и процентъ новобранцевъ изъ этого населенія будетъ столь не великъ, что исполненіе объясненной мѣры едва ли представитъ какія либо затрудненія. Назначеніе же ихъ именно въ конницу совершенно совпадало бы съ собственнымъ желаніемъ татаръ. Засимъ, если приведенное предположеніе будетъ окончательно одобрено, то я полагалъ бы полезнымъ, вслѣдъ за изданіемъ устава о всеобщей воинской повинности, объявить крымскимъ татарамъ о принятой относительно ихъ мѣрѣ. Можно надѣяться, что это успокоитъ все татарское въ Крыму населеніе, предупредивъ ложные толки и слухи, которымъ отчасти слѣдуетъ приписать возникшее среди его въ последнее время движеніе».

Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи тоже графъ) Милютинъ, прочитавъ это сообщеніе, отозвался: «Надобно заблаговременно сообразить, какимъ образомъ осуществить это предположеніе. Для этого необходимо прежде всего имѣть въ виду точную цифру ожидаемаго ежегоднаго контингента съ крымскихъ татаръ». Такимъ образомъ дѣло отложили въ долгій ящикъ, и оно затянулось до весны.

Между тѣмъ, 1-го января 1874 года, послѣдовалъ указъ о введеніи всеобщей воинской повинности, а вслѣдъ затѣмъ, съ начала весны, въ средѣ крымскихъ татаръ началось движеніе. Въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщалось, что у береговъ Крыма появились турецкіе фелуки, что съ нихъ спустили лодки, на которыхъ турки плаваютъ вдоль береговъ и, подъ видомъ охоты на дельфиновъ, охотятся попрежнему на татаръ, попрежнему смущаютъ ихъ разными небылицами и, смутивъ, перевозятъ ихъ на фелуки, которыя и отвозятъ ихъ въ Турцію. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ съ южнаго берега вышло до 300 человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые ушли съ женами и дѣтьми.

Необходимо припомнить прежнія переселенія татаръ въ Турцію. En masse татары эмигрировали изъ Крыма въ 1785 — 1788 годахъ, въ 1812 году и въ 1860 — 1863 годахъ. Первое переселеніе обусловливалось волей на то князя Потемкина. Вышло изъ Крыма, по словамъ бывшаго крымскаго судьи Сумарокова, до 300,000 татаръ и ногайцевъ. Второе состоялось на основаніи Бухарестскаго мирнаго трактата, согласно которому Россія обязалась не препятствовать къ переходу въ области Порты Оттоманской буджакскихъ и эдисанскихъ татаръ. Ушло, по оффиціальнымъ источникамъ, 3,199 человѣкъ. Третье имѣло много причинъ: одни, въ томъ числѣ и оффиціальныя донесенія, объясняли его поведеніемъ татаръ во время крымской кампаніи, когда они не только сочувствовали союзникамъ, но и помогали имъ; другіе — религіознымъ ихъ фанатизмомъ; третьи — подстрекательствомъ турецкихъ эмиссаровъ. Сами же бѣжавшіе объясняли его обезземеленіемъ ихъ, притѣсненіями и обремененіемъ налоговъ. Не вдаваясь въ изысканіе причинъ послѣдняго переселенія, такъ какъ это выдвинуло бы насъ изъ границъ предпринятой статьи, мы скажемъ только, что въ 1860 — 1863 годахъ выселилось изъ Крыма, по оффиціальнымъ источникамъ, 192,360 человѣкъ. Это было

какое-то повальное бѣгство. Эмигрировали цѣлыя семьи, поколѣнія и даже орды. Шли всѣ: мужчины, женщины и дѣти, работники и старики. Пустѣли сотни ауловъ и деревень. Имущество продавалось за безцѣнокъ или бросалось задаромъ. Народъ бѣжалъ, не зная куда, не зная зачѣмъ, не зная, что ждетъ его въ чужомъ краю, не зная даже, нужно ли кому нибудь изъ нихъ это бѣгство, но, всетаки, бѣжалъ. Не пріостанови правительство выдачу паспортовъ, Крымъ обезлюдѣлъ бы совершенно: изъ всего татарскаго населенія въ Крыму осталось менѣе 100,000 человѣкъ.

Вотъ почему, когда въ 1874 году среди татаръ началось движеніе, и канцелярію таврическаго губернатора стали заваливать прошеніями о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, правительство взглянуло на эмиграцію татаръ совершенно иначе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Военный министръ, 16-го марта 1874 года, писалъ начальнику главнаго штаба: «Государь императоръ, получивъ извѣстіе, что крымскіе татары, встревоженные новымъ указомъ о воинской повинности, опять намѣреваются покинуть Крымъ, изволилъ признать нужнымъ, для успокоенія этого населенія, командировать въ Крымъ генералъ-адъютанта князя Воронцова [1]), который и отправляется завтра же. Князю Воронцову, между прочимъ, приказано повторить татарамъ отъ высочайшаго имени то, что уже было имъ объявлено и въ прошломъ году, т. е., что они будутъ отбывать воинскую службу не въ разныхъ полкахъ и частяхъ арміи, но будутъ составлять особую часть, на подобіе того, какъ былъ въ прежнее время лейбъ-гвардіи крымско-татарскій эскадронъ. Часть эта въ мирное время будетъ расположена, по возможности, или въ самомъ Крыму, или вообще въ Новороссійскомъ краѣ».

17-го марта, генералъ-адъютантъ Милютинъ представилъ государю императору Александру Николаевичу записку слѣдующаго содержанія: «По случаю командировки генералъ-адъютанта князя Воронцова въ Крымъ, полагалось бы нынѣ же оффиціально объявить, на какихъ главныхъ основаніяхъ вашему императорскому величеству угодно установить для крымскихъ татаръ отбываніе на будущее время воинской повинности. Если ваше величество соизволите одобрить представляемый при семъ проектъ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ, то копіи съ него будутъ вручены сегодня же князю Воронцову, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ онъ могъ немедленно по прибытіи въ Крымъ передать таврическому губернатору».

Въ проектѣ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ было изложено: «Въ высочайшемъ указѣ 1-го января сего года правительствующему сенату о введеніи всеобщей воинской повинности, хотя и не сдѣлано исключенія для крымскихъ татаръ собственно по отбыванію этой повинности, но въ отношеніи самаго порядка ея выполненія постоянно имѣлось въ виду установить для нихъ такія облегченія, которыя соотвѣтствовали бы ихъ образу жизни и понятіямъ, о чемъ государю императору, въ бытность его величества въ Ливадіи, благоугодно было лично объявить представителямъ татарскаго населенія Крыма. Въ настоящее время составляется особое по этому предмету положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: крымскіе татары будутъ

---

[1]) Князя Семена Михайловича, сына фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, бывшаго въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и сдѣлавшаго такъ много для развитія благосостоянія крымскихъ татаръ.

поступать на службу въ особыя части, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ, и на первое время предлагается образовать отдѣльный эскадронъ въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полную возможность исполнять всѣ правила ихъ вѣры и сохранить образъ жизни, соотвѣтственный ихъ религіознымъ требованіямъ. При этомъ имѣется въ виду даже форму обмундированія эскадрона примѣнить къ національной ихъ одеждѣ. Съ высочайшаго государя императора разрѣшенія имѣю честь сообщить о семъ вашему высокопревосходительству для объявленія татарскому населенію Крымскаго полуострова».

Государь соизволилъ одобрить. На запискѣ собственною его величества рукою начертано: «Очень хорошо».

Татарское населеніе Крыма, по своему происхожденію, образу жизни, характеру и языку, раздѣляется на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, а именно: на татаръ-степняковъ и татаръ-горцевъ. Первые — прямые потомки монголовъ, вторые происходятъ преимущественно отъ генуэзцевъ и грековъ, принявшихъ мусульманскую религію во времена владычества въ Крыму татаръ. Степняки населяютъ уѣзды Перекопскій и Евпаторійскій и плоскости уѣздовъ Симферопольскаго и Θеодосійскаго; горцы же занимаютъ весь Ялтинскій уѣздъ и горныя части уѣздовъ Симферопольскаго и Θеодосійскаго. Занятія степняковъ состоятъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Горцы занимаются, большей частью, садоводствомъ, огородничествомъ, табаководствомъ и винодѣліемъ. Послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, отличаются бо̀льшимъ фанатизмомъ, нежели степняки, и не любимы послѣдними, которые зовутъ ихъ «татами» (сокращенно отъ слова «муртатъ», что̀ значитъ: ренегатъ). Поэтому всѣ выселенія татаръ изъ Крыма не были общи. Эмиграція 1860 — 1863 годовъ коснулась въ наиболѣе значительной степени татаръ-степняковъ, а переселеніе 1874 года задумано и развилось преимущественно среди татаръ-горцевъ.

17-го марта, князь Семенъ Михайловичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Объѣзжая горные уѣзды Таврической губерніи, онъ посѣтилъ всѣ наиболѣе значительныя татарскія общества, входилъ съ народомъ въ объясненія, выслушалъ ихъ жалобы, обнадежилъ царскимъ словомъ — и остановилъ переселеніе.

Вотъ что доносилъ государю, по возвращеніи въ Петербургъ, князь Воронцовъ 14-го апрѣля 1874 года.

«Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ: изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе крымскихъ татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи, собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаютъ татары принадлежащія имъ земли и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, какими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержать необходимое для края населеніе.

«Во исполненіе такого высочайшаго вашего величества повелѣнія, посѣтивъ населенные татарами Симферопольскій, Θеодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таврической губерніи, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что волненіе между татарскимъ населеніемъ произошло, главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны.

«Къ этой новой повинности татары отнеслись тѣмъ болѣе несочувственно, что у нихъ составилось убѣжденіе въ чрезмѣрной ея обременительности; такъ, напримѣръ, татары полагали, что всѣ 20-тилѣтніе будутъ ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кромѣ того, все мужское населеніе до 40-лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ надлежащимъ образомъ административными властями, вслѣдствіе чего толкованіе устава попало въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатаевъ, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность поживы и дѣйствительно извлекшихъ изъ населенія болѣе 10,000 рублей за написаніе просьбъ о выселеніи. (Противъ этого пункта государь императоръ положилъ резолюцію: «желательно обнаружить этихъ лицъ»). Съ другой стороны, необъясненіе татарамъ вмѣстѣ съ обнародованіемъ устава о воинской повинности предположенной относительно ихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльныя части, поселило у татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разсѣяны по разнымъ полкамъ и лишатся возможности исполнять свои религіозные обряды.

«Такимъ образомъ возникшее между татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагопріятно подѣйствовавшихъ на умы населенія; какихъ либо внѣшнихъ подстрекательствъ къ выселенію мною не замѣчено.

«Но, независимо этой главной причины, существуютъ еще издавна нѣкоторыя побочныя, которыя въ значительной степени поддерживали у татаръ разъ возникшее намѣреніе оставить предѣлы Россіи. Все татарское населеніе Крыма можно раздѣлить: на степныхъ татаръ населяющихъ сѣверные уѣзды губерніи, горныхъ судакскихъ и южнобережскихъ. Степные татары, въ значительномъ большинствѣ, не имѣютъ собственныхъ земель. Они живутъ десятинщиками на земляхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, отдаваемыхъ въ аренду, и терпятъ большія притѣсненія, въ особенности отъ арендаторовъ казенныхъ земель. Экономическое положеніе этихъ татаръ крайне дурно, а пятилѣтній неурожай и падежъ скота привелъ ихъ въ самое бѣдственное положеніе, такъ что выселеніе изъ предѣловъ Россіи представлялось ихъ воображенію дѣломъ, могущимъ только улучшить ихъ положеніе. Горные татары, проживающіе въ окрестностяхъ Судака, болѣе обезпечены въ средствахъ къ жизни, но, населяя горныя ущелья и не имѣя, по отсутствію путей сообщенія, сношеній съ другими народностями, они представляются народомъ совершенно невѣжественнымъ и полудикимъ, въ которомъ сильно развитъ религіозный фанатизмъ. Намѣреніе выселиться они объясняютъ внушеніемъ, ниспосланнымъ имъ свыше, и никакихъ другихъ мотивовъ къ переселенію не высказываютъ. Что касается татаръ южнобережскихъ, то они пользуются большимъ благосостояніемъ, гораздо развитѣе остальныхъ татаръ, почти всѣ знаютъ русскій языкъ, и между ними были волости, какъ, напримѣръ, Байдарская, изъ которой ни одинъ татаринъ не подавалъ прошенія о дозволеніи выселиться.

«До моего пріѣзда въ Крымъ прошеній о выселеніи было подано губернатору около двухъ тысячъ и во всѣхъ почти прошеніяхъ употреблялась стереотипная фраза: «если со стороны закона нѣтъ къ этому препятствій».

Причемъ указывалось на дозволеніе, данное въ 1861 году татарамъ, выселяться изъ предѣловъ Россіи. Если бы съ самаго начала прошенія были возвращаемы съ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ, какъ это неоднократно совѣтовалъ таврическій муфтій, то это значительно бы ослабило начавшееся волненіе. Невозвращеніе же прошеній поселило у татаръ убѣжденіе въ законности просьбъ и надежду на удовлетвореніе оныхъ, что̀ вынуждало и другихъ просить о томъ же, дабы не отстать отъ своихъ единовѣрцевъ. Хотя губернаторъ, предъ моимъ пріѣздомъ, и предложилъ циркулярно полицейскимъ управленіямъ объявить по городамъ и волостямъ, что прошенія о выселеніи будутъ оставлены безъ послѣдствій, но татары этого не поняли, объясняя, что, если прошенія не возвращены, то, значитъ, надежда на полученіе паспортовъ не потеряна.

«Съ моимъ пріѣздомъ въ Крымъ, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, о чемъ татары, къ сожалѣнію, узнали лишь частнымъ путемъ, дальнѣйшая подача прошеній о выселеніи хотя прекратилась, но, тѣмъ не менѣе, я вездѣ встрѣчалъ въ населеніи безпокойство, недоумѣніе, страхъ и рѣшимость настойчиво продолжать домогательство о дозволеніи выселяться за границу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагали даже, что правительство само желаетъ ухода ихъ на подобіе 1861 года.

«Переданный мною, по высочайшему вашего величества повелѣнію, привѣтъ татарскому населенію и увѣреніе въ неизмѣнной къ нему благосклонности вашей, наравнѣ съ остальными подданными вашего величества, а также всемилостивѣйше дарованныя вами облегченія татарамъ по отбыванію воинской повинности, гарантирующія свободу ихъ религіозныхъ вѣрованій, видимо обрадовали и успокоили народъ, вездѣ вознесшій теплыя молитвы о здравіи и долгоденствіи вашего величества.

«Сдѣланныя мною затѣмъ разъясненія сущности новаго устава о воинской повинности и необременительности ея для населенія, а также указанія на обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ по отношенію къ престолу и отечеству и на всѣ невыгодныя для благосостоянія татаръ послѣдствія отъ переселенія, окончательно разсѣяли безпокоившія ихъ опасенія и примирили татаръ, исключая населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ, съ необходимостью отбыванія воинской повинности.

«Смѣю думать, что такое примиреніе совершенно искренно и чистосердечно, такъ какъ желаніе подчиниться новой воинской повинности почти вездѣ, а особенно въ городахъ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, главныхъ центрахъ волненія, было изъявлено населеніемъ добровольно, послѣ долгихъ размышленій и колебаній и безъ малѣйшаго съ моей стороны давленія. (Противъ этого пункта государь изволилъ отмѣтить: «Дай Богъ»!).

«Составленные обществами благодарственные приговоры имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

«Поданныя татарами прошенія о дозволеніи выселенія, по моему распоряженію, возвращены просителямъ на руки, и каждый, получившій обратно свою просьбу, видимо былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. Вездѣ татарское населеніе принялось за обыкновенныя свои занятія и обработку полей, садовъ и виноградниковъ, такъ что волненіе между татарами можно считать оконченнымъ и населеніе успокоившимся.

«Что касается татаръ, населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ и нѣкоторыя смежныя съ нимъ горныя деревни, принадлежащія къ Алуштинской воло-

сти, Ялтинскаго уѣзда, какъ-то: Туакъ, Искутъ и др., то хотя они остались при прежнемъ своемъ намѣреніи домогаться выселенія, но едва ли они думаютъ теперь объ этомъ серьезно. Съ одной стороны, примѣръ остальнаго татарскаго населенія, особенно городовъ Бахчисарая и Карасубазара, произвелъ на нихъ, какъ я убѣдился, довольно сильное впечатлѣніе, а, съ другой стороны, возвращеніе прошеній о выселеніи показало имъ безполезность ихъ домогательствъ. Подобно прочимъ татарамъ, они также принялись за свои обыкновенныя занятія, и нѣтъ сомнѣнія, что волненіе между ними само собой утихнетъ, если они будутъ оставлены въ покоѣ и дѣло объ ихъ стремленіи къ выселенію будетъ предано забвенію. (Тутъ государь изволилъ написать: «Оно, къ сожалѣнію, не согласуется съ послѣдне-полученными свѣдѣніями).

«Зная довольно близко татарское населеніе, его характеръ и привычки, смѣю выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ мою увѣренность, что служба въ кавалеріи, и при томъ въ особомъ эскадронѣ, весьма полюбится татарамъ, и они съ удовольствіемъ будутъ поступать въ войска, въ особенности, когда на практикѣ убѣдятся въ необременительности этой повинности. Въ настоящемъ случаѣ важны тѣ способы, какими будетъ вводиться между татарами новая повинность; чѣмъ гуманнѣе и примѣнительнѣе къ ихъ нравамъ и обычаямъ будутъ эти способы, тѣмъ прочнѣе и скорѣе привьется къ татарамъ любовь къ военной службѣ. Сообразно дарованнымъ татарамъ облегченіямъ, казалось бы необходимымъ, для сформированія отдѣльнаго эскадрона изъ татаръ, составить для татарскаго населенія Крыма особые отъ прочаго народонаселенія призывные списки; командованіе же будущимъ эскадрономъ было бы полезно поручить русскому офицеру, не изъ татарскихъ мурзъ, о чемъ всѣ безъ исключенія волости и города просили меня ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ, какъ объ особой для нихъ милости. (Государь положилъ революцію: «Это довольно любопытный фактъ, который имѣть въ виду при назначеніи»).

«Слухи о томъ, что татары распродаютъ свои земли, оказались неосновательными, никто изъ татаръ продажъ не совершалъ.

«Для вящаго успокоенія татарскаго населенія Крыма и для того, чтобы привязать его болѣе прочными узами къ своей родинѣ и предотвратить въ будущемъ возможность волненій, подобныхъ настоящему, считаю долгомъ повергнуть на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества воззрѣніе нижеслѣдующія предположенія:

«1) Степнымъ татарамъ отвести изъ казенныхъ земель надѣлы, если не даромъ, то за умѣренную плату съ разсрочкою платежей на продолжительное время. Въ случаѣ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ казенныхъ земель для полевыхъ надѣловъ, дать имъ, по крайней мѣрѣ, землю для ихъ усадебной осѣдлости. (Революція государя: «Передать для соображенія министру государственныхъ имуществъ»).

«2) Горныя поселенія возлѣ Судака соединить шоссейными дорогами съ Алуштою, Ѳеодосіею и Карасубазаромъ. Означенная мѣстность, изобилующая самыми давними въ краѣ виноградниками, производитъ большое количество вина, и удобныя пути сообщенія, поднявъ ея благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать смягченію нравовъ горныхъ жителей посредствомъ сближенія ихъ съ другими болѣе цивилизованными народностями. Устройство указанныхъ путей было предположено и частію началось при-

водиться въ исполненіе еще бывшимъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ, но, за выбытіемъ его изъ края, дальнѣйшія работы оставлены, а произведенныя заброшены. (Резолюція государя: «Сообразить, какъ сіе исполнить»).

«3) Ускорить окончаніемъ спорныхъ дѣлъ о лѣсныхъ дачахъ, отобранныхъ казною отъ южнобережскихъ татаръ въ 1838 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, противъ каковаго завладѣнія казною энергически протестовалъ бывшій генералъ-губернаторъ князь Воронцовъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«4) Подвергнуть справедливому разсмотрѣнію жалобы татаръ на завладѣніе казною принадлежащими имъ землями и домами, а также удовлетворить, если не встрѣтится особыхъ препятствій, ходатайства нѣкоторыхъ обществъ о разрѣшеніи выкупить у казны отдаваемыя въ аренду земли для устраненія разныхъ притѣсненій, испытываемыхъ татарами отъ арендаторовъ. По этому предмету мнѣ подано нѣсколько просьбъ, которыхъ я не счелъ себя вправѣ не принять при настоящихъ обстоятельствахъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«5) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ татарамъ паспортовъ для путешествія въ Мекку и подчинить татарское населеніе въ отношеніи полученія разнаго рода паспортовъ общимъ законамъ наравнѣ со всѣми русскими подданными. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Кромѣ сего, во многихъ мѣстностяхъ Крыма татары заявили мнѣ словесныя жалобы по поводу возбужденнаго бывшимъ губернаторомъ генераломъ Жуковскимъ вопроса о вакуфахъ, который сильно тревожитъ и волнуетъ какъ населеніе, такъ и магометанское духовенство. Вакуфныя земли и капиталы составились втеченіе многихъ лѣтъ изъ пожертвованій по завѣщаніямъ на содержаніе мечетей и духовенства. Населеніе проситъ объ оставленіи этихъ имуществъ и распоряженія оными попрежнему въ вѣдѣніи обществъ. Удовлетвореніе такого ходатайства, въ существѣ своемъ справедливаго, оказало бы благотворное вліяніе на настроеніе умовъ татарскаго населенія. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Взаключеніе считаю долгомъ упомянуть, что во всѣхъ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Таврической губерніи были распространены слухи о томъ, что на праздникъ Воскресенія Христова татары собираются рѣзать христіанъ. При всей очевидной нелѣпости такихъ слуховъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и истекавшихъ изъ сомнительныхъ источниковъ, мѣстное начальство, къ сожалѣнію, принимало по этому поводу нѣкоторыя мѣры и заводило переписку, что́ крайне обидѣло и огорчило татарское населеніе. Оно горячо просило меня снять съ него незаслуженное пятно и оправдать его предъ лицомъ вашего императорскаго величества. Я обѣщалъ это, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлился отъ августѣйшаго вашего имени высказать татарамъ, что вы — первый государь Россіи, счастливящій Крымъ своимъ присутствіемъ, что вамъ извѣстна преданность татарскаго народа и что зная честныя убѣжденія и правила татаръ, ваше величество ни на минуту не повѣрите подобной возведенной на нихъ клеветѣ». (Противъ сего пункта государь написалъ: «Нѣтъ»).

Независимо частныхъ резолюцій, на лицевой сторонѣ доклада императоръ Александръ II собственноручно начерталъ: «Сообщить военному министру то, что касается военной части».

Генералъ-адъютантъ Милютинъ, получивъ высочайшее повелѣніе, 18-го апрѣля представилъ государю слѣдующія главныя основанія отбыванія татарами воинской повинности.

Общая численность крымскихъ татаръ простирается до 60,000 душъ мужескаго пола. Съ этого числа, при наборѣ пяти съ половиною человѣкъ съ тысячи, будетъ причитаться 330 рекрутъ ежегодно, вслѣдствіе чего, при шестилѣтнемъ срокѣ службы, число крымскихъ татаръ въ войскахъ достигло бы, за исключеніемъ % убыли, до 1,900 человѣкъ. Помѣщая весь контингентъ въ особыя части, пришлось бы сформировать особые три кавалерійскіе полка. Но, такъ какъ въ подобномъ увеличеніи кавалеріи въ мирное время надобности не предстоитъ, тѣмъ болѣе, что мѣра эта потребовала бы новаго расхода до 500,000 въ годъ, то и полагалось бы: 1) изъ общаго числа новобранцевъ изъ крымскихъ татаръ ежегодно назначать до 150 человѣкъ, желающихъ служить въ конницѣ на собственномъ конѣ, въ составъ особаго крымскаго эскадрона, нарочно для того формируемаго. 2) Новобранцевъ этихъ содержать въ эскадронѣ до десяти мѣсяцевъ, т. е. съ января по 1-е ноября, отпуская ихъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ лошадьми по домамъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два года собирать ихъ при эскадронѣ на три лѣтнихъ мѣсяца для занятій. 3) Прослужившихъ такимъ образомъ три года зачислять на остальныя 12 лѣтъ въ запасъ, призывая ихъ втеченіе этого времени, два или три раза для занятій при эскадронѣ на срокъ до четырехъ недѣль. 4) Остальныхъ затѣмъ татарскихъ новобранцевъ назначать на службу въ ближайшіе полевые полки на общемъ основаніи. 5) Новобранцы, поступающіе въ крымскій эскадронъ, обязаны являться на собственномъ конѣ и съ собственнымъ сѣдломъ и прочимъ конскимъ уборомъ, но обмундированіе и оружіе имъ выдается отъ казны.

Предположенія эти высочайше одобрены и къ осени 1874 года крымскій эскадронъ учрежденъ. Но подобная мѣра, какъ она ни была гуманна и соотвѣтственна обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, не могла удовлетворить вполнѣ татарскаго населенія. Были довольны люди зажиточные, которые могли являться на службу съ своимъ конемъ и конской сбруей. Но бѣдные, подлежавшіе отправленію въ войска на общемъ основаніи, конечно, не сочувствовали ей, и глухое броженіе среди татаръ не прекращалось.

Правда, общее выселеніе татаръ изъ Крыма усиліями князя Воронцова было остановлено, но одиночный уходъ молодыхъ татаръ, опасавшихся поступленія въ службу, и побѣги усилились. Въ одномъ оффиціальномъ донесеніи говорилось: «Бѣгство татаръ совершается въ Гурзуфѣ, Севастополѣ, Евпаторіи и Судакѣ. Пробираются они по ночамъ, въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ, и турецкіе баркасы, плавающіе около нашихъ береговъ для ловли дельфиновъ, принимаютъ ихъ и перевозятъ въ Турцію».

Осенью 1874 года я жилъ въ Крыму и былъ въ Гурзуфѣ. Это — татарская деревня, на южномъ берегу Крыма, въ 11-ти верстахъ отъ Ялты и 30-ти отъ Алушты, амфитеатръ скалъ, утесовъ и громадныхъ камней, оторванныхъ вулканическимъ изверженіемъ отъ хребта Яйлы и разбросанныхъ на большомъ пространствѣ до самаго моря, съ прилѣпившимися къ нимъ татарскими домиками и хижинами. Вотъ выдается въ море и склоняется надъ его волнами высокій коническій утесъ, на которомъ еще видны слѣды старинной крѣпости, обломки стѣнъ и лѣстницы. Вотъ тихая гурзуфская бухта, закрытая отвѣсной скалой Аю-Дага, у подошвы которой тихо пле-

щутся волны и баюкаютъ, какъ въ колыбели, пріютившіяся въ бухтѣ рыбацкія лодочки съ садками серебристой кефали. Вотъ семья скатившихся въ море, еще во время вулканическаго изверженія, каменныхъ иголъ-пирамидъ, возвышающихся надъ безпредѣльной водной равниной до 170 футовъ. Вотъ само беззаботное и игривое какъ дитя, сѣро-синее какъ дымъ, безбрежное Черное море, спокойно катящее свои исполинскіе валы, подъ яркимъ горячимъ лучомъ полуденнаго солнца, и мѣрнымъ, ровнымъ прибоемъ разстилающее ихъ по берегу, и вотъ вдали на этихъ волнахъ начаются два-три морскихъ судна... Это турецкія фелуки, охотящіяся въ нашихъ водахъ на дельфиновъ, а при случаѣ забирающія и татаръ.

Я видѣлъ, что фелуки эти появлялись, большей частью, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Порой на нихъ какъ будто появлялись условные знаки: днемъ рѣялъ какой-то странный флагъ, ночью выкидывался фонарь съ разноцвѣтными стеклами. Въ отвѣтъ на эти сигналы на плоскихъ крышахъ, двухъ-трехъ домовъ, какъ говорили, служившихъ притонами для бѣглецовъ, раскидывались простыни, на высотахъ горъ зажигались небольшіе костры, въ прибрежныхъ ущельяхъ скалъ раздавались выстрѣлы или протяжный дикій крикъ. Раза два мнѣ приходилось встрѣтить идущихъ съ горъ чабановъ, зашитыхъ въ свои бараньи куртки, съ ножами у пояса и кожаными футлярчиками съ молитвами изъ корана на веревкѣ черезъ плечо, въ буйволовыхъ сандаліяхъ и остроконечныхъ надвинутыхъ на брови бараньихъ шапкахъ, раза два мнѣ приходилось встрѣтить собравшуюся въ дорогу сельскую молодежь, въ сопровожденіи родственниковъ, женщинъ и дѣтей. Съ тѣми и другими шелъ извѣстный ходжа. Я спрашивалъ, кто это? Мнѣ говорили, что это люди, уходящіе на заработки. Между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказывалось, это были бѣглецы, молодежь, уходившая въ Турцію, чтобы не служить въ русскихъ войскахъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, втеченіе 1874 года (съ 1-го января по 1-е ноября) бѣжало татаръ: изъ Ялтинскаго уѣзда — мужчинъ 193, женщинъ и дѣтей 32, изъ Симферопольскаго — мужчинъ 78, изъ Ѳеодосійскаго — мужчинъ 80, Перекопскаго — мужчинъ 9 и Евпаторійскаго — мужчинъ 61, женщина 1, всего 474 человѣка. Бѣглецы были преимущественно призывнаго возраста (21 года).

Съ началомъ призыва, перваго призыва въ 1874 году, мнѣ пришлось быть въ ялтинскомъ и симферопольскомъ воинскихъ присутствіяхъ при вынутіи жеребья и пріемѣ въ службу татаръ. Они являлись въ присутствія безъ понужденій, зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило въ присутствіяхъ. Подлежащіе призыву вынимали жеребій или сами лично, или черезъ стариковъ и волостное начальство, безо всякаго стѣсненія и боязни, за исключеніемъ горныхъ чабановъ, которые со страхомъ и недовѣріемъ подходили къ столу присутствія, понуривъ голову и смотря на всѣхъ изъ-подлобья. При раздѣваніи татаръ для освидѣтельствованія и пріема, нѣкоторые изъ нихъ стѣснялись раздѣваться вслѣдствіе прирожденнаго чувства стыдливости, но выказанное ими при этомъ замѣшательство, кромѣ одного случая, въ сопротивленіе властямъ не переходило. Но, за всѣмъ тѣмъ, общій результатъ перваго пріема новобранцевъ изъ татаръ въ 1874 году нельзя назвать благопріятнымъ. Принято на службу во всѣхъ присутствіяхъ Таврической губерніи 203 молодыхъ татарина, не явившихся же къ освидѣтельствованію, по вынутымъ младшимъ нумерамъ, было

130 человѣкъ, т. е. болѣе 68 процентовъ общаго числа поступившихъ на службу. Неявившіеся къ призыву замѣнены другими не были.

Въ 1875 году, уходъ татаръ продолжался, хотя и не въ такихъ, какъ прежде, значительныхъ размѣрахъ. Это вызвало новую командировку. На этотъ разъ въ Крымъ былъ отправленъ директоръ департамента полиціи исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговскій, которому было поручено независимо отъ мѣръ, необходимыхъ для усиленія надзора за крымскими берегами, найдти средства успокоить татарское населеніе. Г. Косаговскій, по возвращеніи въ Петербургъ, могъ предложить только мѣры, которыя слѣдовало бы принять много и много лѣтъ назадъ, а именно: а) постараться привлечь на свою сторону мусульманское духовенство, т. е. не трогать до времени вопросъ о вакуфныхъ имѣніяхъ; б) порѣшить какъ можно скорѣе вопросъ объ отобранныхъ у татаръ земляхъ; в) постановить, что татары, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, могутъ быть удаляемы не иначе, какъ при существованіи письменныхъ условій; г) издать сборникъ на татарскомъ языкѣ, который ознакомилъ бы татаръ съ ихъ правами и обязанностями, и д) устроить пути сообщенія въ горной части Крыма и по берегу моря отъ Судака до Алушты.

Предложенныя г. Косаговскимъ мѣры оказались буквальнымъ повтореніемъ того, о чемъ ходатайствовалъ князь С. М. Воронцовъ.

Предложеніе г. Косаговскаго передано было на обсужденіе особо учрежденной для того коммиссіи, которая полагала, прежде чѣмъ будутъ приняты какія либо другія мѣры, на первый разъ: 1) даровать помилованіе бѣжавшимъ въ Турцію татарамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые бѣжали, уклоняясь отъ воинской повинности, или совершили, помимо побѣга, другое какое нибудь уголовное преступленіе; 2) отмѣнить сборъ на содержаніе крымско-татарскаго эскадрона; 3) воспретить иностраннымъ судамъ производить рыбный и звѣриный промыслы въ чертѣ нашихъ территоріальныхъ водъ и не дозволять имъ приставать къ крымскимъ берегамъ для жиротопленія и рыболовнаго промысла, и 4) учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой таможенной стражи.

Съ пріѣздомъ государя императора Александра Николаевича въ Крымъ въ 1876 году, именно 30-го августа, крымскимъ татарамъ объявлена монаршая милость о прощеніи тѣхъ бѣжавшихъ въ Турцію татаръ, которые возвратились на родину ко дню объявленія этой милости. Приведеніе же въ исполненіе прочихъ мѣръ, какъ требующихъ болѣе продолжительныхъ соображеній, отложено.

Затѣмъ наступила восточная война. Татары, сознавая долгъ присяги, прекратили эмиграцію, и теперь число побѣговъ совершенно ничтожно. Но накопленныя съ годами жалобы и домогательства до сихъ поръ все еще остаются не разрѣшенными.

П. Мартьяновъ.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ памятника Александру II въ Кишиневѣ. 17-го апрѣля, Кишиневъ торжественно праздновалъ день открытія памятника императору Александру II. Городская дума ассигновала на устройство торжества 500 руб., разныя учрежденія заказали въ Москвѣ, Одессѣ и Кишиневѣ приличные случаю вѣнки, причемъ нѣкоторые изъ нихъ доходили до 900 руб. Вокругъ памятника была устроена эстрада для дамъ со входомъ по билетамъ, мѣстность украсилась флагами и гербами, улицы расчистились и пр. Съ утра городъ совершенно преобразился и принялъ праздничный видъ, всѣ дома были декорированы флагами. Расставленныя вдоль Александровской улицы войска, полиція и шлагбаумы не позволяли народу запружать собою улицу, по которой изъ собора слѣдовало церемоніальное шествіе. Весь бульваръ, улицы, крыши и окна домовъ — все это была одна сплошная масса народа. Въ Александровскій садъ допускалась только публика, имѣвшая входные билеты на эстраду. Потомъ садъ открыли; пятидесяти-тысячная толпа народа ринулась впередъ. Давя другъ друга, она проталкивалась въ садъ и буквально запрудила его. Всѣ скамьи, рѣшетки и деревья были унизаны народомъ. Депутаціи военныхъ и гражданскихъ вѣдомствъ, дума въ полномъ составѣ, управа, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній и вообще лица, принимавшія участіе въ торжествѣ, собрались въ мѣстный каѳедральный соборъ. Архіепископъ кишиневскій и хотинскій и викарій, при участіи всего духовенства, совершали литургію. Послѣ этого церемоніальное шествіе длинной вереницей потянулось изъ собора по Александровской улицѣ по направленію къ памятнику. Впереди несли городской гербъ, изображающій бычачью голову, затѣмъ шли мѣщане Кишинева и цеховые ремесленной управы со значками, преподаватели, воспитанники и воспитанницы всѣхъ учебныхъ заведеній, запрестольные образа и хоругви, пѣвчіе каѳедральнаго собора, духовенство, губернаторъ и почетные чины военнаго, гражданскаго и учебнаго вѣдомствъ, гласные думы въ полномъ составѣ; шествіе замыкалъ городской голова, съ членами городской управы. Послѣ молебствія архіепископъ произнесъ краткую рѣчь, въ кото-

рой объяснилъ значеніе слова «Освободитель» и отношеніе этого слова къ послѣдней русско-турецкой войнѣ, когда, благодаря покойному государю, наши братья славяне были освобождены отъ турецкаго ига. Затѣмъ было возглашено государю императору Александру III и царствующему дому многолѣтіе, а покойному государю Александру II вѣчная память. Городской голова спустилъ покрывало, закрывавшее памятникъ. Начался церковный звонъ; войска отдали честь, музыка заиграла народный гимнъ, съ Петропавловской площади донеслись раскаты салютаціонной пальбы изъ пушекъ. Съ торжествомъ совпалъ день перенесенія Гербовецкой иконы Божіей Матери; шествіе остановилось подлѣ памятника. Войска прошли предъ памятникомъ церемоніальнымъ маршемъ. Когда мѣсто предъ памятникомъ очистилось отъ войскъ, громадное пространство вокругъ памятника, въ одинъ моментъ, запрудилось народомъ. Войска остановились подлѣ городскаго бульвара. Тамъ, на главной аллеѣ, уставлены были столы, подлѣ которыхъ угощали солдатъ. Тостъ за здоровье государя императора Александра III былъ встрѣченъ оглушительнымъ ура. На памятникъ возложено 45 вѣнковъ, по одному отъ каждой депутаціи: отъ одесскаго генералъ-губернатора; отъ города Кишинева; отъ дворянства Бессарабской губ. прекрасной работы вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, отлитый изъ червоннаго золота, съ надписью «Великому Царю Освободителю»; отъ бессарабскаго губернскаго земства—серебряный вызолоченный вѣнокъ, роскошной работы, съ надписью «Царю Великому Преобразователю»; отъ разныхъ полковъ; отъ лицъ судебнаго вѣдомства (окружнаго суда) съ надписью «Незабвенному Монарху»; отъ мировыхъ судей Кишиневскаго округа; отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій; отъ кишиневской пожарной команды, съ надписью «Доброму государю императору Александру II»; отъ первой классической гимназіи, съ надписью «Императору Александру II, указавшему намъ въ образованіи искать путь ко благу родины»; отъ женской гимназіи, съ надписью «Императору Александру II—Ты безсмертенъ въ сердцахъ нашихъ»; отъ всѣхъ другихъ училищъ; отъ редакціи «Одесскаго Вѣстника»; съ надписью «Царю Освободителю»; отъ общества врачей и фармацевтовъ; отъ кишиневскаго мѣщанскаго общества; отъ музыкальнаго общества; отъ кишиневскаго драматическаго общества; отъ кишиневскихъ дамъ; отъ поселянъ Кишиневскаго уѣзда; отъ болгаръ, евреевъ, царанъ; отъ г. Оргѣева; отъ нѣмецкихъ колоній; отъ бессарабскаго нѣмецкаго общества; отъ мѣстной ремесленной управы. На торжество пріѣхали старосты всѣхъ волостей, въ парадныхъ кафтанахъ.

Памятникъ довольно красивъ и изображаетъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ изъ темно-желтаго съ бѣлыми крупинками мрамора, высокую, во весь ростъ, фигуру покойнаго государя, стоящаго съ обнаженной головой и облеченнаго въ длинную, красиво драпирующуюся порфиру, которая спереди распахнута. Лѣвая рука, прикрытая порфирой по самый локоть, держитъ свитокъ, означающій манифестъ объ объявленіи Турціи войны за освобожденіе болгаръ. На распустившемся концѣ свитка надпись: «12 апрѣля 1877 года»—день объявленія въ Кишиневѣ манифеста. Правая рука закрыта до самой ладони порфирой, опирается ладонью на корону, которая покоится на четыреугольной, невысокой колоннѣ. Поразительно похожая голова обращена по направленію къ дому губернатора, гдѣ покойный государь жилъ въ бытность въ Кишиневѣ. На пьедесталѣ на всѣхъ четырехъ углахъ установлено по одному двуглавому орлу, вылитыхъ, какъ и сама фигура, изъ темной, стальнаго цвѣта бронзы. На верхней части пьедестала, съ лицевой стороны, золотыми выпуклыми буквами надпись: «Царю-Освободителю Александру II». На нижней части пьедестала, также съ лицевой стороны, изображена другая надпись, означающая день вступленія на престолъ покойнаго императора и день мученической его смерти: «19-го февраля 1855 года—1-го марта 1881 года». На задней части пьедестала нѣтъ никакихъ надписей. Первоначально пред-

полагалось выбить тамъ слова манифеста, но впослѣдствіи, когда фигура привезена была лично академикомъ Опекушинымъ и установлена на пьедесталъ, оказалось, что длинная порфира закрываетъ часть пьедестала. Поэтому надпись не была сдѣлана. Вокругъ памятника вымощена гранитными кубиками небольшая площадка, огороженная гранитными тумбами, соединенными между собою чугунными цѣпями. По обѣимъ сторонамъ памятника по одному чугунному фонарю о трехъ рожкахъ. Вечеромъ памятникъ былъ роскошно иллюминованъ и освѣщенъ бенгальскимъ огнемъ. Въ саду и подлѣ памятника играли два оркестра военной музыки. Въ театрахъ предъ началомъ спектаклей хоромъ и музыкой исполненъ былъ народный гимнъ. Первоначально думали поставить памятникъ на большой площадкѣ городскаго сада, но потомъ порѣшили поставить его въ скверѣ возлѣ дома архіерея, но такъ какъ преосвященный выразилъ желаніе построить на этомъ мѣстѣ часовню въ память покойнаго государя, то мѣсто для памятника выбрали опять въ саду, для чего главныя ворота перенесены на другое мѣсто, а вмѣсто нихъ поставили памятникъ.

Полувѣковой юбилей «Ревизора». Девятнадцатаго апрѣля Петербургъ, Москва и многіе русскіе города праздновали пятидесятилѣтнюю годовщину перваго представленія «Ревизора», комедіи, имѣвшей громадное значеніе не только литературное, но и общественное. Прежде всего, конечно, русское общество радовалось тому, что комедія эта даже полвѣка тому назадъ могла явиться на сценѣ. Извѣстно, что самъ государь разрѣшилъ къ представленію пьесу, безусловно запрещенную цензурою, какъ запретила она и первую комедію «Горе отъ ума», которою гордится наша литература. Самодержавный повелитель Россіи долженъ самъ читать пьесу и спасать ее отъ подозрительности и недоумѣнія цензоровъ. Стихи Пушкина, комедіи Грибоѣдова и Гоголя еще не скоро сдѣлались бы достояніемъ русскаго общества безъ воли самого государя. А если бы не нашлось лицъ, которыя рѣшились бы ходатайствовать за нихъ передъ трономъ? Да и мыслимо ли обременять владыку полміра чтеніемъ литературныхъ произведеній? Николай I взялъ на себя защиту геніальной комедіи, хотя самъ говорилъ, что въ ней всѣмъ досталось, а больше всѣхъ ему самому. Какая удивительная черта для характеристики покойнаго императора!

«Всѣ противъ меня, — писалъ Гоголь Щепкину:—чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ говорить о служащихъ людяхъ, полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня, литераторы противъ меня». Подобные крики раздавались и ранѣе при появленіи «Горя отъ ума», они раздавались и потомъ еще съ большею силою при всякой реформѣ прошедшаго царствованія. Поэтому «Ревизоръ» имѣетъ значеніе не только по своей художественности, но и какъ выраженіе общественнаго сознанія. Александринскій театръ три дня праздновалъ знаменательный юбилей. Въ первый день зала была переполнена публикою. Тутъ присутствовали и завсегдатаи всѣхъ выдающихся спектаклей, и вполнѣ серьезные люди. Программы спектакля были изящно отпечатаны съ портретомъ Гоголя. Въ одной половинѣ отпечатана афиша перваго представленія «Ревизора», въ другой — афиша 1886 года. Спектакль начался апоѳеозомъ: въ глубинѣ сцены, окруженный живыми растеніями, высился на высокомъ пьедесталѣ бронзовый бюстъ Гоголя. У подножія стояли главныя дѣйствующія лица «Ревизора»; по бокамъ представители литературы и артисты. Многіе держали въ рукахъ лавровые вѣнки. Картина была залита электрическимъ свѣтомъ. Г. Петипа прочелъ слѣдующее стихотвореніе г. Вейнберга:

Въ безстрашной дерзости нахально торжествуя,
Гуляли по свѣту порокъ, уродство, грѣхъ—

И вдругъ встревоженно попрятались, почуя
Опаснаго врага: то былъ всесильный смѣхъ;
Не ядовитый смѣхъ слѣпаго озлобленья,—
Нѣтъ, тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ чиста, свѣтла
Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнувшихъ въ оковахъ духа зла.
Какъ божьи вѣстники, спасительныя грозы,
Сметаютъ прочь съ небесъ ряды зловѣщихъ тучъ,
Такъ этотъ чудный смѣхъ, «всѣмъ видимый сквозь слезы,
Никѣмъ незримыя», понесся смѣлъ, могучъ.
И съ этихъ поръ все то, что не страшится кары
Ни божьей, ни людской, — блѣднѣетъ и дрожитъ,
Когда, неся съ собой смертельные удары,
Вдругъ этотъ мощный смѣхъ побѣдно загремитъ.
Съ нимъ сдѣлокъ никакихъ, не знаетъ онъ пощады,
И смотрятъ на него всѣ эти слуги зла
Съ безсильной злобою, какъ изъ болота гады
На царственный полетъ богатыря-орла.

Слава смѣху благородному,
Слава храброму воителю,
Прямодушному, свободному,
Тьмы и кривды разрушителю!
Слава творческому генію —
Этой силы воплощенію.
Межъ соотчичей своихъ,
Рѣзкимъ «словомъ отрицанія»
Въ царство свѣта, мира, знанія
Призывающему ихъ!

Громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ эти стихи. Затѣмъ г. Потѣхинъ вручилъ лавровый вѣнокъ г. Григоровичу и подвелъ его къ бюсту. Г. Григоровичъ возложилъ вѣнокъ на главу Гоголя. Зала дрожала отъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій. Нѣсколько другихъ вѣнковъ были возложены къ подножію бюста. Послѣ этого началось представленіе «Ревизора», ничѣмъ не отличавшееся отъ обычнаго исполненія этой классической пьесы. На второй и третій день играли другія пьесы Гоголя, на казенной сценѣ и въ клубахъ. Въ Москвѣ юбилей былъ отпразднованъ не менѣе торжественно.

Двухсотлѣтняя годовщина рожденія Татищева. Русское общество и академія наукъ въ тотъ же день праздновали двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія нашего перваго историка В. Н. Татищева. Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» была уже представлена краткая біографія этого замѣчательнаго дѣятеля и оцѣнено значеніе его трудовъ.

19-го апрѣля, академія наукъ въ торжественномъ засѣданіи чествовала также память Василія Никитича Татищева. Въ большомъ залѣ, въ нишѣ между колоннами, надъ каѳедрой, висѣлъ портретъ Татищева, окруженный розами, выдѣляясь на зеленой стѣнѣ декораціонныхъ растеній. Трибуну передъ каѳедрой заняли: вице-президентъ академіи г. Буняковскій, академики Гротъ и Веселовскій (секретарь). Внизу размѣстились прочіе академики. Публики было довольно много, какъ-то: высокопоставленныя лица, начальство учебнаго округа, ректоръ университета, студенты, дамы. Первую рѣчь произнесъ членъ-кореспондентъ академіи Н. А. Поповъ.

Стремленіе къ сближенію съ западной цивилизаціей въ древней Руси появилось уже давно, при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Петръ Великій далъ только большій просторъ этому движенію и самъ сталъ во главѣ его; много серьезныхъ и важныхъ вопросовъ тогда назрѣло въ обществѣ. Татищевъ былъ однимъ изъ выразителей этихъ прогрессивныхъ стремленій. Гдѣ бы ни служилъ и что бы ни дѣлалъ Татищевъ, въ немъ всегда соединялся администраторъ съ ученымъ человѣкомъ. Путемъ самообразованія,

онъ достигъ огромныхъ энциклопедическихъ знаній. Указавъ на первые труды его по артиллеріи и горному дѣлу, лекторъ выяснилъ, какъ, черезъ возложеніе на Татищева, по указанію Брюса, географическихъ работъ въ имперіи, былъ данъ толчокъ занятіямъ Татищева исторіей. Географическое описаніе не могло быть выполнено безъ знакомства съ исторіей. Впрочемъ, и пребываніе Татищева въ Швеціи, сближеніе его съ шведскими учеными и черезъ нихъ ознакомленіе съ славяно-русскими книгами въ упсальской библіотекѣ—все это несомнѣнно вліяло на занятія его русской исторіей. Въ царствованіе Анны Ивановны Татищевъ принялъ участіе въ борьбѣ противъ верховниковъ, ограничившихъ самодержавіе императрицы въ пользу не народа, не дворянства, но исключительно нѣсколькихъ родовитыхъ семей. Татищеву поручено было описать торжество коронаціи императрицы Анны. Это привело его въ сношенія съ академіей наукъ, и дало еще болѣе матеріала его историческимъ и географическимъ работамъ. Татищевъ былъ не только историкъ, но и первый географъ. Его исторія есть не что иное, какъ умѣлый сводъ всѣхъ лѣтописей, снабженный его цѣнными примѣчаніями и объясненіями. Замѣчательны также труды его по русскому праву. Въ этой области онъ не имѣлъ и примѣровъ. Его работы важны были по одному изъ особенно существенныхъ вопросовъ, созданныхъ экономическими условіями тогдашняго общества, по вопросу о бѣглыхъ. Онъ являлся гуманнымъ администраторомъ и, будучи самъ помѣщикомъ, составилъ записку по управленію хозяйствомъ, въ которой рельефно высказывается его заботливость о крестьянахъ. Въ его лицѣ отошелъ въ вѣчность типъ энергичныхъ людей того вѣка, которые отчасти путемъ самообразованія, отчасти увлеченные потокомъ преобразовательныхъ реформъ Петра, достигали высокаго развитія, расширяли кругозоръ своихъ понятій и своихъ практическихъ привычекъ, а, внося въ свою среду свѣтъ науки, результаты иностранной культуры, всегда, всетаки, оставались русскими людьми. Знаніе онъ клалъ въ основу всякаго труда и всей своей дѣятельности, вмѣстѣ съ привычкой самому промышлять о себѣ. Да будетъ же память его почтенна среди русской науки и русскихъ людей!

Академикъ Безобразовъ посвятилъ свою рѣчь выясненію дѣятельности Татищева, какъ устроителя горнаго дѣла въ Россіи. Рѣчь его напечатана въ майской книжкѣ «Наблюдателя». Академикъ защищаетъ историка отъ обвиненія во взяточничествѣ. Вотъ заключительныя мысли оратора.

Уже одна борьба его съ всемогущимъ Бирономъ должна была снять съ него обвиненіе въ лихоимствѣ. Лихоимецъ отличается миролюбіемъ, а не идетъ въ разрѣзъ съ человѣкомъ нужнымъ и сильнымъ временщикомъ. Только личная услуга его Аннѣ Ивановнѣ, при принятіи ею самодержавія, спасла, можетъ быть, Татищева отъ горчайшихъ бѣдъ. Въ немъ мы находимъ рѣдкое соединеніе человѣка науки и дѣла (объ этомъ, какъ извѣстно, мечталъ еще Платонъ), самая возможность чего отрицается многими. Затѣмъ, Татищевъ разрѣшаетъ еще другую задачу. Онъ былъ одновременно вполнѣ европеецъ и въ то же время съ ногъ до головы русскій человѣкъ. Онъ плоды иностраннаго просвѣщенія не зря садилъ, а изучалъ свою родную почву, особенности ея историческихъ слоевъ. Онъ здѣсь ушелъ даже дальше Петра и не позволялъ себѣ, какъ Петръ, ломать русскую жизнь. Затѣмъ надо отмѣтить его особенную черту — любовь къ законности; отсюда его пламенное поклоненіе судебной власти и элементу коллегіальному. И это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что онъ былъ темперамента горячаго, энергичнаго, обладалъ духомъ личнаго почина и талантомъ государственнаго творчества. Татищевъ даетъ намъ примѣръ, что если плодотворная работа возможна была въ ту темную пору, — невѣжества, безправія и владычества Бироновъ, — то только недостатокъ бодрости духа можетъ нагонять страхъ и утверждать, что за нее теперь нельзя взяться.

Въ заключеніе секретарь академіи сообщилъ поздравительную телеграмму академіи, по поводу празднованія 200-лѣтняго юбилея Татищева, отъ одного изъ его потомковъ, архимандрита Пимена, настоятеля русской посольской церкви въ Римѣ.

Столѣтняя годовщина рожденія Шиллинга. 22-го апрѣля, въ Соляномъ городкѣ торжественно праздновалось столѣтіе со дня рожденія изобрѣтателя электромагнитнаго телеграфа барона П. Л. Шиллинга. Большая аудиторія украшена была щитами и флагами. Въ глубинѣ залы, на декорированной матеріями стѣнѣ эстрады, возвышался вверху бюстъ государя а подъ нимъ въ золоченой рамѣ портретъ масляными красками барона Шиллинга. По сторонамъ въ группахъ растеній стояли бюсты Николая I и Александра II. На эстрадѣ, обнесенной цвѣтами, находились всѣ приборы телеграфа Шиллинга. Аудиторія была наполнена публикой. Въ особой комнатѣ на столахъ расположена была выставка всѣхъ предметовъ, касающихся юбилея. Тутъ были портреты Шиллинга, родословная, видъ его могилы, его патенты и всѣ сочиненія иностранныхъ ученыхъ, цитированныхъ въ рѣчи д-ра Хвольсона, которые признали за нимъ первенство изобрѣтенія телеграфа. Въ числѣ гостей были родственники Шиллинга и старушка, дочь его дядьки, которая неотлучно жила 32 года при Шиллингѣ.

Первый г. Славинскій познакомилъ собраніе съ біографіей барона Шиллинга. Фамилія Шиллинговъ принадлежитъ къ очень древнему дворянскому роду, извѣстному съ 1019 года. Она владѣла въ Канштадтѣ замкомъ и многими землями. Отъ одной изъ вѣтвей ея происходилъ отецъ барона Шиллинга, переселившійся въ Россію на 30-мъ году; онъ былъ георгіевскимъ кавалеромъ и командиромъ пѣхотнаго полка. Сынъ его, Павелъ Львовичъ Шиллингъ, родился въ Ревелѣ и на 9-мъ году отъ рожденія былъ уже прапорщикомъ Низовскаго мушкатерскаго полка, которымъ командовалъ его отецъ; по смерти его, Шиллингъ отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ и выпущенъ оттуда въ 1802 г. подпоручикомъ въ свиту, по квартирмейстерской части. Въ 1803 г., Шиллингъ перешелъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ періодъ Отечественной войны снова вступилъ въ военную службу, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, былъ при вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ, получилъ Владиміра и саблю «за храбрость». Затѣмъ опять перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ въ Монголіи и на границахъ Китая, занимался изученіемъ китайскаго языка и собралъ множество интересныхъ китайскихъ, тибетскихъ и монгольскихъ рукописей, находящихся теперь въ музеѣ академіи наукъ. Его практическій, пытливый умъ непрерывно работалъ для общаго блага. Послѣ изобрѣтенія имъ стрѣлочнаго телеграфа, Шиллингъ въ 1836 г. получилъ изъ Англіи письменное предложеніе устроить телеграфъ въ Англіи (документъ этотъ находится на выставкѣ), но отказался отъ этого, желая ввести свое изобрѣтеніе сперва въ Россіи.

Шиллингъ пользовался особымъ расположеніемъ Николая I, а императрица Александра Ѳедоровна посылала за нимъ часто, какъ за партнеромъ въ шахматы. Шахматистъ онъ былъ замѣчательный. Играя съ знаменитымъ ученымъ Амперомъ, онъ съ завязанными глазами въ нѣсколько ходовъ выигралъ партію. Употребляя всѣ средства на пріобрѣтеніе книгъ и приборовъ, покойный Шилингъ не оставилъ послѣ себя денегъ даже на похороны. Родные его хоронили на свой счетъ. Въ отдаленной части лютеранскаго Смоленскаго кладбища стоитъ скромный памятникъ, на которомъ обозначено, что здѣсь погребенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Львовичъ Шиллингъ.

Въ заключеніи біографіи г. Славинскій указалъ, что изобрѣтателю оптическаго телеграфа поставленъ памятникъ; усовершенствователю электрическаго телеграфа, Морзе, одному изъ немногихъ, еще при жизни поставленъ памятникъ въ Нью-Іоркѣ, въ центральной части парка; нашъ же изобрѣ-

татель остался въ сторонѣ и почти неизвѣстенъ цивилизованному міру. «Закончимъ же біографію Шиллинга надеждой, что имя его займетъ, наконецъ, мѣсто среди великихъ изобрѣтателей, и мы будемъ свидѣтелями другаго торжества у памятника въ честь Шиллинга; на сооруженіе его, конечно, внесутъ свою лепту тѣ, которые ежедневно и ежечасно пользуются его геніальнымъ изобрѣтеніемъ».

Инспекторъ телеграфовъ, г. Писаревскій, сообщилъ о ходѣ телеграфнаго дѣла послѣ Шиллинга, который не только далъ первую идею устройства электро-магнитнаго телеграфа, но и изобрѣлъ кабель и далъ мысль вѣшать проволоки на столбахъ, что тогда было осмѣяно въ комитетѣ, разсматривавшемъ его предложеніе. Въ Россіи и при Шиллингѣ, и послѣ него телеграфное дѣло поддерживалось единственно энергіей Николая I. 19-го мая 1837 г. послѣдовало повелѣніе о соединеніи подводнымъ телеграфомъ Кронштадта съ Петербургомъ, но изобрѣтатель уже не могъ осуществить практически свою идею, онъ захворалъ (отъ сидячей жизни у него сдѣлался нарывъ на шеѣ) и послѣ операціи скончался. За 12 дней до его смерти въ Англіи вводился телеграфъ Кука, по системѣ, заимствованной имъ у Шиллинга. Сообщивъ затѣмъ интересныя свѣдѣнія о ходѣ усовершенствованій телеграфныхъ изобрѣтеній, указавъ на великія усовершенствованія Морзе, которому одному изъ немногихъ при жизни удалось пользоваться всѣмъ почетомъ отъ современниковъ и при жизни видѣть свой памятникъ, на геніальную мысль печатающаго телеграфа Юза, г. Писаревскій сообщилъ цифровыя данныя о современномъ состояніи и протяженіи телеграфовъ. Теперь 7 подводныхъ кабелей положены чрезъ Атлантическій океанъ, а на земномъ шарѣ проходятъ 731 кабель, длиной до 200.000,000 верстъ. Въ Россіи, по свѣдѣніямъ 1883 г., телеграфная проволока захватываетъ 100,000 верстъ, болѣе 11,000 занято телеграфной службой, доставившей государству 8,000.000 р. дохода. Приводимъ сущность рѣчи д-ра Хвольсона. Баронъ Павелъ Львовичъ Шиллингъ фон-Канштадтъ — первый изобрѣтатель электро-магнитнаго телеграфа, который напрасно одно время приписывали англичанамъ. Теперь эту честь уже у него не оспариваютъ. Въ нѣмецкомъ изданіи: «Электро-магнитный телеграфъ» 1867 г. говорится: «Необходимо признать не только, что Шиллингъ имѣетъ большія заслуги по телеграфіи, но также, что честь изобрѣтенія телеграфа со стрѣлками принадлежитъ Россіи». Это уже признано въ Германіи, Австріи и Франціи, и выяснена документально вся исторія изобрѣтенія Шиллинга; между тѣмъ у насъ въ Россіи имя русскаго изобрѣтателя далеко не пользуется надлежащимъ почетомъ. Шиллингъ построилъ первый въ мірѣ электромагнитный телеграфъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, свои приборы въ самомъ дѣйствіи онъ показывалъ всѣмъ желающимъ ихъ видѣть. Его посѣтилъ и императоръ Николай Павловичъ, который написалъ на листѣ бумаги: «Je suis charmé d'avoir fait ma visite à Schilling». Это было безошибочно передано телеграфомъ. Къ сожалѣнію, этотъ автографъ, упоминаемый во многихъ заграничныхъ изданіяхъ и который еще въ 1859 году видѣлъ академикъ Гамель, не могъ быть найденъ. Въ 1835 г. Шиллингъ показывалъ свои приборы на съѣздѣ естествоиспытателей. Мунке, профессоръ физики въ Гейдельбергскомъ университетѣ, привезъ одинъ экземпляръ изъ приборовъ Шиллинга къ себѣ и демонстрировалъ его на своихъ лекціяхъ. Отъ одного изъ студентовъ, Гоппера, узналъ объ этомъ замѣчательномъ приборѣ англичанинъ Вильямъ Кукъ, изучавшій изготовленіе анатомическихъ препаратовъ, увлекся его идеей и, бросивъ всѣ свои занятія, построилъ такой же приборъ и отправился съ нимъ въ Англію, гдѣ и пропагандировалъ его. Въ маѣ 1837 г. онъ сошелся съ профессоромъ Витстономъ, и съ этого времени начинается введеніе телеграфа въ Англіи. Во взятой Кукомъ и Витстономъ привиллегіи говорится только объ усовершенствованіи прибора, бывшаго у профессора Мунке. Независимо отъ этого,

Шиллингу принадлежитъ честь изобрѣтенія кабелей, воздушныхъ проводниковъ для телеграфа, примѣненіе гальваническаго тока для взрыва минъ и онъ же былъ первымъ инниціаторомъ введенія въ Россіи литографіи. Не отрицая энергіи и заслугъ въ усовершенствованіи аппарата Кука, все же ясно видно, что идея телеграфа, что первый приборъ, давшій толчокъ всему дѣлу, принадлежитъ Шиллингу.

Двадцатипятилѣтіе комитета грамотности. 7-го апрѣля исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени открытія состоящаго при вольномъ экономическомъ Обществѣ комитета грамотности. Первая мысль объ учрежденіи такого комитета при Обществѣ для содѣйствія распространенію грамотности между крестьянами высказана была общему собранію 26-го мая 1847 года въ предложеніи члена С. С. Лашкарева. Предложеніе это принято было съ сочувствіемъ, но, по случаю наступленія вакаціоннаго времени, оно осталось безъ дальнѣйшаго хода до 1848 года, а въ 1848 году не признано было уже удобнымъ учреждать подобный комитетъ по измѣнившимся обстоятельствамъ. Та же мысль о необходимости содѣйствія грамотности и вообще образованію поселянъ проводима была Лашкаревымъ въ статьяхъ его. Въ 1857 и 1859 г., особенно въ предложеніи о направленіи дѣятельности Общества, читанномъ въ общемъ собраніи 26-го марта, по случаю введенія новаго устава и, наконецъ, въ предложеніи, читанномъ 1-го декабря 1860 г., Общество, принявъ во вниманіе, что грамотность есть главное средство для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и другимъ предметамъ занятій Общества, въ томъ же собраніи, 1-го декабря, согласилось учредить комитетъ грамотности при III отдѣленіи и положило просить С. С. Лашкарева, вмѣстѣ съ другими членами, желающими принять участіе въ занятіяхъ комитета, начертать программу дѣйствій и представить ее на утвержденіе общаго собранія. 6-го апрѣля 1861 г., программа была готова и утверждена, а 7-го апрѣля комитетъ открылъ свои засѣданія.

† 17-го апрѣля скоропостижно скончался **Николай Ивановичъ Свѣдѣнцевъ**, преподававшій въ театральномъ училищѣ теорію драматическаго искусства. Покойный былъ, кромѣ того, преподавателемъ русской словесности во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, романъ и издалъ курсъ драматическаго искусства.

† 31-го марта въ Вилльпрэ, близъ Парижа, одинъ изъ самыхъ выдающихся польскихъ поэтовъ, сверстникъ Мицкевича, авторъ хорошо извѣстныхъ въ Россіи «украинскихъ думъ»—**Іосифъ Богданъ Залѣскій.** Онъ родился въ 1802 г. въ с. Богатырка, Кіевской губерніи, и первые годы провелъ въ убогой деревенской хатѣ, такъ какъ, по совѣту докторовъ, родители мальчика отдали его на воспитаніе въ деревню, къ простымъ украинскимъ крестьянамъ, благодаря уходу которыхъ слабый отъ природы организмъ ребенка скоро поправился. Жизнь среди простаго украинскаго народа не осталась безъ вліянія на развитіе поэтическаго таланта Залѣскаго. Окончивъ гимназію въ Умани, Залѣскій въ 1820 г. перешелъ въ Варшавскій университетъ и, по окончаніи послѣдняго, посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Вышедшій въ это время первый сборникъ его стихотвореній обратилъ уже тогда вниманіе критики. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Залѣскій уѣхалъ за границу и поселился въ Парижѣ, гдѣ получилъ назначеніе директора школы въ Ватиньолѣ; на чужбинѣ, подъ впечатлѣніемъ горькихъ утратъ и тоски по родинѣ, Залѣскій, подобно большинству своихъ сверстниковъ, впалъ въ мистицизмъ и сдѣлался одно время, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Мицкевичемъ, послѣдователемъ религіозной секты Товянскаго, но вскорѣ вернулся къ католицизму. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ написалъ поэму «Духъ степей», въ которой пытался изобразить въ связномъ эпосѣ исторію человѣчества. Первое прославившее имя поэта произведеніе издано имъ въ 1830 г. подъ названіемъ «Русалка». Въ немъ Залѣскій рисуетъ себя самого въ образѣ

казака Цислава Зари и передаетъ всѣ перипетіи своей юношеской любви къ чародѣйкѣ, капризницѣ Зоринѣ. Изъ другихъ произведеній поэта заслуживаютъ особеннаго вниманія его «Dumki», которыя польская критика сравниваетъ съ произведеніями Петрарки. Далѣе поэмы «Княжна Ганка», «Царь Лазарь», «Калиновый мостъ» и др. Во всѣхъ произведеніяхъ Залѣскій воспѣваетъ Украину, которую онъ считаетъ раемъ земли, и судьбу казачества, представляя послѣднее въ самомъ лестномъ видѣ. Даже въ такой поэмѣ, какъ «Святое семейство», Залѣскій, изображая юность Христа, внесъ въ библейское преданіе свою любимую родину, такъ что, по замѣчанію В. Д. Спасовича, въ поэмѣ мало галилейскаго, іорданскаго, и толпы народа, спѣшащія въ Іерусалимъ на праздникъ, похожи на чумаковъ, располагающихся ночлегомъ или на богомольцевъ, странствующихъ къ святымъ мѣстамъ въ Почаевъ или кіево-печерскую лавру. Первое полное собраніе сочиненій Залѣскаго вышло въ Петербургѣ въ 1851 г. (Poezye Józefa B. Zaleskiego), новое же дополненное въ 1877 г. у Габратовича и Шмидта въ Львовѣ. Послѣдніе годы Залѣскій ничего уже не писалъ и жилъ славою прежде завоеваннаго имъ имени «украинскаго соловья», какъ называли поэта его соотечественники.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой удѣлить мѣсто въ редактируемомъ вами журналѣ слѣдующимъ строкамъ по поводу рецензіи на мою лекцію: «Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ.

Я не нахожу умѣстнымъ здѣсь доказывать основательность общепринятаго мнѣнія, раздѣляемаго также и мною, что нѣмецкая исторіографія вообще отличается наиболѣе универсальнымъ характеромъ (пусть г. рецензентъ вспомнитъ хотя бы о трудахъ Ранке); но считаю нужнымъ указать на тѣ неточности и ошибки, которыя встрѣчаются въ изложеніи содержанія моей лекціи и которыя могутъ быть приписаны мнѣ кѣмъ либо изъ читателей «Историческаго Вѣстника», знакомымъ съ нѣмецкою историческою литературой, но не просматривавшимъ моей брошюры, тогда какъ вина тутъ падаетъ всецѣло на г. рецензента. Такъ, въ рецензіи труды Дана отнесены къ разряду документовъ [1], — очевидно, г. рецензентъ имѣетъ неточное понятіе о различіи между документами (источниками) и изслѣдованіями (пособіями); — теорія Вайца о происхожденіи бенефиціальныхъ отношеній искажена; о Вегеле, на ряду съ Грегоровіусомъ, говорится, что онъ написалъ исторію Рима въ средніе вѣка, между тѣмъ какъ такую исторію, кромѣ Грегоровіуса, написалъ не Вегеле, а Реймонтъ (2-й томъ его «Geschichte der Stadt Rom»), Вегеле же

[1] Вотъ подлинныя слова г. рецензента: «Что касается собственно нѣмецкихъ источниковъ, тутъ богатство ихъ дѣйствительно замѣчательно, и одинъ перечень того, что издано объ эпохѣ среднихъ вѣковъ, приводимый авторомъ, поражаетъ если не количествомъ, такъ какъ авторъ многое пропускаетъ, — то качествомъ документовъ. Разбирая ихъ» (т. е. документы), авторъ останавливается только на новѣйшихъ, начиная съ Феликса Дана» и т. д.

принадлежитъ извѣстная монографія о Данте, имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ.

Во-вторыхъ, не могу оставить безъ возраженія заключительныхъ строкъ рецензіи, такъ такъ здѣсь извращенъ смыслъ моихъ словъ и мнѣ приписываются такія мысли и чувства, какихъ я и не думалъ питать. Г. рецензентъ говоритъ, будто я «радуюсь тому, что въ Европѣ гегемонія принадлежитъ теперь Германіи». Объяснять извѣстное явленіе еще не значитъ радоваться ему. Въ концѣ своей брошюры я имѣлъ въ виду указать лишь на то, какимъ могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ объединенія и возвышенія Германіи является научное движеніе и развитіе національнаго самосознанія и что своимъ успѣхомъ Германія обязана не одной только военной силѣ и искусной политикѣ, но и культурному элементу. До сихъ поръ, такъ сказать, нравственное право на гегемонію въ Европѣ Германіи давали просвѣщеніе народной массы и широкое, разностороннее научное развитіе; послѣднее же возможно лишь при сочувствіи и поддержкѣ общества. Таковъ смыслъ заключительныхъ словъ моей лекціи. Значитъ ли это радоваться теперешней германской гегемоніи въ Европѣ, предоставляю судить безпристрастному читателю. Изъ вышесказаннаго, мнѣ кажется, также ясно, что если Германія забудетъ, чѣмъ она обязана культурному началу, если милитаризмъ убьетъ ея науку и умственное движеніе, то Германія лишится одной изъ главнѣйшихъ и лучшихъ опоръ своего нынѣшняго первенствующаго положенія въ Европѣ.

Позвольте надѣяться, что въ интересахъ истины вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ напечатать это письмо.

Вл. Бузескулъ.

СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1886 г.

МОИ ТЕМНИЦЫ

ВОСПОМИНАНІЯ

СИЛЬВІО ПЕЛИКО ДА САЛУЦЦО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

(съ 18 рисунками)

Homo natus de muliere, brevi vivens
tempore, repletur multis miseriis.
Job.

Тамъ была могила.
Гл. LXXVI, стр. 292.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1886

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Писалъ ли я эти „Воспоминанія“ изъ суетнаго желанія поговорить о себѣ? Желаю, чтобы этого не было, и на сколько каждый можетъ быть своимъ судьею, мнѣ кажется, что у меня были лучшія цѣли: содѣйствовать утѣшенію несчастныхъ изложеніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя я перенесъ, и утѣшеній, которыя я испыталъ, доказавъ, что они могутъ быть получены и въ величайшихъ несчастіяхъ;—засвидѣтельствовать, что среди своихъ долгихъ мученій я не нашелъ, однако, человѣчества столь несправедливымъ, столь недостойнымъ снисходительности, столь бѣднымъ людьми, обладающими прекрасной душею, какъ обыкновенно его представляютъ;—побудить благородныя сердца любить, а не питать ненависти ни къ кому изъ людей, непримиримо ненавидѣть только низкую ложь, малодушіе, коварство, всякое нравственное униженіе;—повторить истину, уже извѣстнѣйшую, но часто забываемую: только въ религіи и философіи можно почерпнуть стойкую волю и спокойное сужденіе, а безъ сочетанія этихъ двухъ условій нѣтъ ни справедливости, ни достоинства, ни твердыхъ принциповъ.

I.

ВЪ ПЯТНИЦУ 13-го октября 1820 года, я былъ арестованъ въ Миланѣ и отправленъ въ С. Маргериту. Было три часа дня. Весь этотъ день, какъ и втеченіе слѣдующихъ, меня долго допрашивали. Но объ этомъ я ничего не скажу. Подобно любовнику, оскорбленному своей возлюбленной, я храню обиду про себя и, оставивъ политику, поговорю о другомъ.

Въ девять часовъ вечера, въ эту несчастную пятницу, я былъ переданъ актуаріусомъ тюремному смотрителю, который, отведя меня въ назначенную комнату, любезно предложилъ мнѣ передать ему часы, деньги и все, что только было въ моемъ карманѣ, чтобы въ должное время возвратить мнѣ ихъ, и почтительно пожелалъ доброй ночи.

— Постойте, любезный, — сказалъ я ему: — я сегодня еще не обѣдалъ; принесите-ка мнѣ чего нибудь.

— Сейчасъ,—гостинница здѣсь въ сосѣдствѣ, и вотъ вы увидите что за вино тамъ!

— Вино? Я не пью его.

Услышавъ такой отвѣтъ, синьоръ Анджіолино испуганно взглянулъ на меня, надѣясь, что я шучу. Тюремщики, содержащіе винную лавочку, боятся непьющихъ арестантовъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ не пью.

— Мнѣ жаль васъ: вдвойнѣ тяжелѣе будете чувствовать уединеніе...

Видя, что я не мѣняю своего рѣшенія, онъ ушолъ, и меньше чѣмъ черезъ полчаса мнѣ былъ принесенъ обѣдъ. Я немного закусилъ, выпилъ залпомъ стаканъ воды и остался одинъ.

Комната была въ нижнемъ этажѣ и выходила окнами на дворъ. Камеры здѣсь, камеры тамъ, камеры наверху, камеры напротивъ. Я прислонился къ окну и стоялъ тамъ, прислушиваясь къ шагамъ тюремщиковъ и къ разгульному пѣнію нѣсколькихъ заключенныхъ.

Я думалъ: вѣкъ тому назадъ это былъ монастырь. Вооображали ли когда нибудь кающіяся дѣвы, обитавшія въ немъ, что въ ихъ кельяхъ раздадутся сегодня не женскія мольбы, не благоговѣйные гимны, а богохульства и неприличныя пѣсни, что въ этихъ кельяхъ будутъ люди всякаго рода и, большею частію, предназначенные къ острогу и висѣлицѣ? А черезъ столѣтіе кто будетъ жить здѣсь? О, скоротечность времени и постоянное движеніе вещей! Можетъ ли тотъ, кто знаетъ, кто понимаетъ васъ, печалиться, если счастіе перестаетъ улыбаться ему, если онъ умираетъ въ темницѣ, если ему угрожаетъ висѣлица? Я былъ вчера однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ смертныхъ, а сегодня лишенъ всего, что радовало и поддерживало меня въ жизни; нѣтъ больше свободы, нѣтъ общества друзей, нѣтъ больше надеждъ! Нѣтъ, безумно обманывать себя. Отсюда я не выйду иначе, какъ не будучи брошенъ въ ужаснѣйшій вертепъ или отданъ на расправу палача! И что же? Послѣ моей смерти взойдетъ день и будетъ такой же, какъ если бы я умеръ во дворцѣ и былъ погребенъ съ величайшими почестями.

Размышляя такимъ образомъ о скоротечности времени, я ободрился. Но вспомнились мнѣ отецъ, мать, оба брата, обѣ сестры, другое семейство, которое я люблю, какъ свое, и всѣ философскія разсужденія разлетѣлись въ прахъ. Я упалъ духомъ и зарыдалъ какъ дитя.

II.

Три мѣсяца тому назадъ, я пріѣхалъ въ Туринъ и свидѣлся тамъ послѣ долгой разлуки съ моими дорогими родителями, съ однимъ изъ братьевъ и съ обѣими сестрами. Въ нашемъ семействѣ мы всѣ горячо любили другъ друга! Но никого, кромѣ меня, не осыпали отецъ и мать такъ щедро всевозможными ласками. О, какъ я былъ растроганъ при встрѣчѣ съ ними, найдя ихъ такъ сильно постарѣвшими, чего я и не предполагалъ! Какъ бы я хотѣлъ тогда не покидать ихъ больше, посвятить себя на заботы о нихъ, утѣшать ихъ старость! Какъ мнѣ было горько, что въ короткое время моего пребыванія въ Туринѣ много другихъ обязанностей отрывало меня отъ роднаго крова, какъ грустно мнѣ было, что я не могу посвятить имъ бòльшаго времени. Бѣдная матушка все говорила съ печальною нѣжностью: «Ахъ! Сильвіо нашъ не для насъ пріѣхалъ въ Туринъ»! Я выѣхалъ въ Миланъ утромъ, и разлука съ родными была самая грустная. Отецъ сѣлъ со мной въ коляску и

проводилъ меня съ милю; потомъ возвратился домой одинокій, печальный. Я обернулся, чтобы взглянуть на него, и плакалъ, цѣловалъ кольцо, подаренное матушкой; и никогда я не чувствовалъ, удаляясь отъ родныхъ, такой удручающей тоски. Не вѣря предчувствіямъ, я удивлялся своей безпомощности осилить горе и съ ужасомъ говорилъ себѣ: «что за тоска, что за безпокойство со мною?» И казалось мнѣ, что я провижу грядущее горе.

Теперь въ тюрьмѣ мнѣ припомнились тогдашніе ужасъ и тоска моя; пришли на умъ всѣ слова родителей, слышанныя мною три мѣсяца тому назадъ, и горькая жалоба матушки: «Ахъ, Сильвіо не за тѣмъ пріѣхалъ въ Туринъ, чтобы повидаться съ нами!»—мнѣ вновь пала тяжелымъ камнемъ на сердце. Теперь упрекалъ я себя, зачѣмъ, зачѣмъ я былъ такъ мало съ ними нѣженъ? Я горячо люблю ихъ и такъ мало говорилъ имъ про то! Можетъ быть, я никогда ихъ больше не увижу, а между тѣмъ вдоволь не наглядѣлся на дорогія черты!.. Зачѣмъ былъ я такъ скупъ на доказательства моей сыновней любви? Думы такія разрывали мнѣ сердце.

Я закрылъ окно, съ часъ прохаживался по комнатѣ, думая, что не засну всю ночь. Легъ потомъ на постель, и усталость меня усыпила.

III.

Ужасно въ первый разъ, ночью, пробудиться въ тюрьмѣ. Возможно ли? (говорилъ я себѣ, вспоминая, гдѣ я) возможно ли? Я — здѣсь? И не сонъ это? Вчера арестовали меня? Вчера меня долго допрашивали? и завтра будутъ допрашивать? и кто знаетъ, когда это кончится? И вчера вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ заснуть, я такъ долго плакалъ, думая о родныхъ?

Отдыхъ, совершенная тишина, короткій сонъ, возстановившій мои умственныя силы, казалось, удесятерили силу горя. Горе родныхъ, при полномъ отсутствіи всего, что могло бы развлечь ихъ, въ особенности горе отца и матери, когда они услышатъ о моемъ арестѣ, рисовалось въ моемъ воображеніи съ невѣроятною силою.

— Въ эту минуту,—говорилъ я себѣ:—они спятъ еще спокойно или, можетъ быть, думаютъ съ нѣжностью обо мнѣ, вовсе не предчувствуя, гдѣ я? О, какъ бы они были счастливы, если бы Богъ взялъ ихъ къ себѣ прежде, чѣмъ дойдетъ въ Туринъ извѣстіе о моемъ несчастіи! Кто дастъ имъ силу выдержать подобный ударъ?

Какой-то внутренній голосъ, казалось, отвѣтилъ мнѣ: — Тотъ, Кого призываютъ всѣ несчастные, Кого они любятъ и Чье присутствіе они ощущаютъ въ себѣ! Тотъ, Кто даетъ силу Матери идти за Сыномъ на Голгоѳу и стоять у креста Его! Другъ людей, другъ несчастныхъ!

И впервые тогда восторжествовала въ моемъ сердцѣ религія; и этимъ благомъ я обязанъ сыновней любви.

Прежде, хотя и не былъ я противъ религіи, я мало и дурно ей слѣдовалъ. Возраженія, приводимыя обыкновенно противъ религіи, не казались мнѣ чѣмъ нибудь значительнымъ, и, всетаки, тысячи софистическихъ сомнѣній ослабляли мою вѣру. Но эти сомнѣнія давно уже не касались божественнаго существованія, и я говорилъ себѣ, что если Богъ существуетъ, необходимое слѣдствіе Его правосудія есть загробная жизнь для человѣка, который страдаетъ на землѣ такъ несправедливо; отсюда заключеніе — стремиться къ благамъ этой второй жизни, отсюда культъ любви къ Богу и ближнему, непрестанная жажда самоулучшенія безкорыстными жертвами. Уже давно говорилъ я себѣ все это и прибавлялъ: и что такое христіанство, какъ не вѣчная жажда самоулучшенія?

Не смотря на то, что уже давно такъ думалъ и чувствовалъ, я, всетаки, не рѣшался прійдти къ заключенію: будь же послѣдователенъ! будь христіаниномъ! не смущайся заблужденіями! не истолковывай въ дурную сторону какой нибудь трудный для пониманія пунктъ ученія церкви, такъ какъ главный и самый яркій пунктъ ея есть: люби Бога и ближняго!

Въ тюрьмѣ я рѣшилъ прійдти къ такому заключенію и пришолъ къ нему. Еще колебался нѣсколько, думая, что кто нибудь, узнавъ, что я сталъ религіознѣе прежняго, сочтетъ меня за ханжу, за лицемѣра, униженнаго несчастіемъ. Но чувствуя, что я ни то ни другое, я твердо рѣшилъ не заботиться вовсе о незаслуженныхъ, но возможныхъ порицаніяхъ и быть и объявить себя отнынѣ впредь христіаниномъ.

IV.

На такомъ рѣшеніи я остановился гораздо позже, но думать о немъ и почти желать его я началъ въ первую ночь ареста. Къ утру я успокоился и былъ чрезвычайно тѣмъ удивленъ. Снова сталъ думать о родителяхъ и о другихъ лицахъ, мною любимыхъ, и уже не отчаявался больше въ ихъ душевной силѣ. Меня утѣшило воспоминаніе объ ихъ прекрасныхъ, нравственныхъ качествахъ, издавна извѣстныхъ мнѣ.

Почему же прежде я такъ убивался, представляя себѣ ихъ безпокойство, а теперь такъ увѣренъ въ ихъ мужествѣ? Была ли чудомъ эта счастливая перемѣна? или это совершенно естественно вытекало изъ моей вновь оживившейся вѣры въ Бога? Да и что въ томъ, назовешь ли, или не назовешь чудомъ истинно великую благотворность религіи?

Въ полночь два secondini (такъ называются тюремщики, подчиненные тюремному смотрителю) пришли навѣстить меня и нашли, что я въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. На разсвѣтѣ снова пришли и нашли меня веселымъ и спокойнымъ.

— Эту ночь, синьоръ, у васъ былъ ужасный видъ,—сказалъ Тирола:—теперь совсѣмъ иное, чтò меня радуетъ; это знакъ того, что вы, извините за выраженіе, не мошенникъ (я уже состарѣлся въ этомъ занятіи, и мои замѣчанія имѣютъ нѣкоторый вѣсъ),—тѣ еще болѣе безумствуютъ на второй день ареста, чѣмъ въ первый. Табакъ нюхаете?

— Этой привычки у меня нѣтъ, но я не хочу отказаться отъ вашей любезности. Что касается до вашего замѣчанія, то, извините, скажу, что оно не стòитъ такого мудреца, какимъ вы кажетесь. Если сегодня утромъ у меня нѣтъ ужаснаго вида, то развѣ такая перемѣна не могла бы быть доказательствомъ глупости и легкомысленной надежды на скорую свободу?

— Я боялся бы, что это такъ, если бы вы, синьоръ, по другимъ причинамъ были въ тюрьмѣ; а по тому, чтò привело васъ сюда, въ теперешнее время невозможно и думать, чтобы все это такъ быстро кончилось. Да и не такъ же вы просты, чтобы вообразить себѣ это. Прошу прощенія. Не угодно ли еще щепоточку?

— Дайте-ка. Но какъ это можно жить среди несчастныхъ и быть съ такимъ веселымъ лицемъ, какъ ваше?

— Вы думаете, что это по равнодушію къ несчастію другаго; по правдѣ сказать, я и самъ не знаю хорошенько; но увѣряю васъ, что постоянно видѣть слезы другихъ мнѣ тяжело. Я иногда притворяюсь веселымъ, чтобы и бѣдные арестанты повеселѣли.

— Мнѣ пришла, мой другъ, мысль, которой никогда прежде у меня не было: что можно быть тюремщикомъ и, всетаки, доброй души человѣкомъ.

— Ремесло тутъ не при чемъ, синьоръ. По ту сторону воротъ, чтò вы видите, кромѣ одного двора, есть еще другой дворъ и другія камеры, все для женщинъ. Тамъ... не надо бы и говорить про то... женщины дурной жизни. И, однако, синьоръ, есть между ними чисто ангелы, судя по сердцу. Вотъ если бы вы были секондино...

— Я?—(и я покатился со смѣху).

Мой хохотъ смутилъ Тирола, и онъ замолчалъ. Можетъ, онъ хотѣлъ сказать, что будь я секондино, мнѣ бы трудно было не полюбить кого нибудь изъ этихъ арестантокъ.

Спросивъ меня, чтò я хочу на завтракъ, онъ ушолъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ кофе.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо съ лукавой улыбкой, хотѣвшей сказать: «Не снесешь ли ты моей записочки другому несчастливцу — моему другу Пьеро»? А онъ мнѣ отвѣтилъ другою улыбкою, говорившей: «Нѣтъ, синьоръ; и если вы обратитесь къ кому нибудь изъ моихъ товарищей, который вамъ скажетъ: да,— берегитесь, какъ бы вамъ не измѣнили».

Я не увѣренъ дѣйствительно, понялъ ли онъ меня и я его. Только знаю хорошо, что я разъ десять почти готовъ былъ попросить у него клочекъ бумаги и карандашъ и не смѣлъ: было что-то въ его глазахъ, предупреждавшее, казалось, меня не довѣряться никому или ужъ сказать скорѣе ему, чѣмъ другимъ.

V.

Если бы у Тирола, хотя онъ и казался добрымъ, не было бы этихъ хитрыхъ взглядовъ, если бы у него физіономія была поблагороднѣе, я бы поддался искушенію сдѣлать его своимъ посломъ, и моя записочка, прійдя во время къ моему другу, можетъ быть, дала бы ему силу исправить какую нибудь ошибку и, можетъ быть, это спасло бы не его, бѣдняжку, такъ какъ уже многое было открыто, но многихъ другихъ, въ томъ числѣ и меня!

Терпѣніе! значитъ, такъ надо было.

Я былъ потребованъ къ продолженію допроса, который тянулся весь этотъ день и нѣсколько слѣдующихъ безъ всякаго перерыва, за исключеніемъ обѣда.

Пока длился процессъ, дни для меня быстро летѣли въ этихъ нескончаемыхъ отвѣтахъ на столько разнообразныхъ вопросовъ, а въ часы обѣда и вечеромъ—въ обсужденіи всего того, что спрашивалось у меня, и что я отвѣтилъ, и что еще, по всей вѣроятности, у меня спросятъ.

Въ концѣ первой недѣли со мной случилась большая непріятность. Мой бѣдный Пьеро, желая войдти со мной въ сношеніе, какъ этого желалъ и я, послалъ мнѣ записочку и воспользовался для этого услугами не кого нибудь изъ секондини, а услугами одного несчастнаго арестанта, приходившаго съ секондини убирать наши камеры. Это былъ человѣкъ лѣтъ 60—70, приговоренный, не знаю хорошенько, на сколько-то мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Булавкой, которая была у меня, я прокололъ себѣ палецъ и написалъ кровью въ отвѣтъ нѣсколько строкъ, что̀ и отдалъ посланному. Но, по несчастію, за нимъ подглядѣли, обыскали, нашли при немъ записку и, если не ошибаюсь, наказали его палочными ударами. Я слышалъ громкіе крики, показавшіеся мнѣ принадлежащими несчастному старику, и затѣмъ его уже больше никогда не видалъ.

Будучи призванъ на слѣдствіе, я задрожалъ при видѣ моей бумажонки, исписанной кровью. (Благодареніе небу, что тамъ не было ничего серьёзнаго; моя записочка носила характеръ простаго привѣта). Меня спросили, посредствомъ чего я добылъ крови, отняли у меня булавку и смѣялись надъ тѣмъ, что насъ ловко поддѣли. А мнѣ было не до смѣху! У меня все былъ передъ глазами несчастный старикъ. Я бы охотно вытерпѣлъ какое угодно нака-

заніе, лишь бы простили его, и когда до меня донеслись эти крики, которые, какъ я боялся, были его, сердце облилось у меня кровью.

Напрасно пытался я узнать о немъ у смотрителя и у секондини. Они качали головой, приговаривая: «Онъ дорого поплатился — больше ужъ не будетъ, пусть теперь отдохнетъ хоть немного». Больше я ничего не добился.

Показывало ли это болѣе тяжолое заключеніе, или они говорили такъ потому, что онъ, быть можетъ, умеръ подъ палками или вслѣдствіе ихъ?

Однажды показалось мнѣ, что я увидалъ его по ту сторону двора подъ навѣсомъ со связкой дровъ на плечахъ. Сердце затрепетало у меня, какъ будто бы я увидалъ роднаго брата.

VI.

Когда перестали мучить меня допросами и не стало больше ничего, чтò бы заняло меня впродолженіе дня, тогда-то узналъ я всю горечь и тяжесть одиночества.

Хотя и дозволили мнѣ имѣть Библію и Данта; хотя и дана мнѣ была смотрителемъ въ мое распоряженіе его библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ романовъ Скудери, Пьяцци и хуже, но мой духъ былъ слишкомъ возмущенъ, чтобы я могъ заняться какимъ бы то ни было чтеніемъ. Училъ я наизусть ежедневно по одной пѣснѣ Данта, и это занятіе было, всетаки, такъ машинально, что я выполнялъ его, думая больше о своихъ дѣлахъ, чѣмъ о стихахъ. То же самое было со мной, когда я читалъ и другое что нибудь, за исключеніемъ иногда нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи. Эта божественная книга, которую я всегда сильно любилъ, даже и тогда, когда я, казалось, былъ невѣрующимъ, теперь изучалась мною съ бòльшимъ вниманіемъ, чѣмъ когда бы то ни было. И, всетаки, не смотря на все мое доброе желаніе, я весьма часто читалъ ее и не понималъ, такъ какъ думалъ совершенно о другомъ. Мало-по-малу я сдѣлался способнымъ вдумываться болѣе основательно и все больше и лучше цѣнить ее.

Это чтеніе не давало мнѣ ни малѣйшаго повода къ ханжеству, т. е. къ той дурно понимаемой благоговѣйности, которую имѣетъ трусъ или фанатикъ. Я научился любить Бога и людей, желать всегда больше всего царства справедливости, бѣжать неправды, прощать неправымъ. Христіанство, вмѣсто того, чтобы уничтожить то, что могла сдѣлать во мнѣ хорошаго философія, упрочило, завершило это разсужденіями болѣе высокими, болѣе могучими.

Прочитавъ однажды, что молиться нужно непрестанно, что истинно молиться не значитъ говорить много, какъ язычники, но поклоняться Богу съ простотою какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и дѣлать такъ, чтобы тѣ и другія были исполненіемъ Его

святой воли, я положилъ себѣ начать на самомъ дѣлѣ эту непрестанную молитву, т. е. не допускать въ себѣ ни одной мысли, которая бы не была одушевлена жаждой повиновенія волѣ Божіей.

Церковныхъ молитвъ, произносимыхъ мною, было всегда немного, не потому, чтобы я пренебрегалъ ими (я, напротивъ, считаю ихъ очень полезными, и полезными именно потому, что онѣ удерживаютъ вниманіе молящагося на предметѣ молитвы), а только по той причинѣ, что я чувствовалъ себя неспособнымъ произносить много церковныхъ молитвъ, не развлекаясь и не забывая мысли моей молитвы.

Мое рѣшеніе — быть постоянно въ присутствіи Бога вмѣсто того, чтобы быть мучительнымъ усиліемъ ума и предметомъ страха, было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Не забывая, что Богъ всегда вблизи насъ, что Онъ въ насъ, или, лучше, что мы въ Немъ, одиночество со дня на день становилось менѣе ужаснымъ для меня. «Развѣ я не нахожусь въ самомъ прекрасномъ обществѣ»,— говорилъ я себѣ и развеселялся, и напѣвалъ, и насвистывалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Да развѣ не могла бы быть,—думалось мнѣ:—со мной горячка и развѣ не могла бы она унести меня въ могилу? Всѣ мои близкіе, которые обливались бы горькими слезами, теряя меня, вѣдь получили бы мало-по-малу силу покориться безропотно моей смерти. Вмѣсто могилы меня поглотила тюрьма: можно ли думать, что Богъ не дастъ имъ подобной же силы?

И мое сердце возсылало за нихъ жаркія мольбы, иногда со слезами; но это были тихія, нѣжныя слезы. Я былъ полонъ вѣры въ то, что Богъ поддержитъ и ихъ, и меня. Я не ошибся.

VII.

Жить на свободѣ далеко лучше, чѣмъ жить въ заточеніи,—кто въ этомъ сомнѣвается? Однако, и въ заточеніи можно жить съ удовольствіемъ, когда думаешь, что и тамъ Богъ присутствуетъ, что радости свѣта скоротечны, что истинное благо заключается въ спокойствіи совѣсти, а не во внѣшнихъ предметахъ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ я помирился, не скажу—совершенно, но сноснымъ образомъ, съ своей участью. Не желая допустить недостойнаго поступка — купить свою безнаказанность гибелью другаго, я видѣлъ, что моя участь—или висѣлица, или долгое заточеніе. Было необходимо примириться съ этимъ. Я буду жить до тѣхъ поръ, пока не отнимутъ у меня дыханія,—говорилъ я себѣ,—и когда у меня возьмутъ его, я сдѣлаю то же самое, что дѣлаютъ всѣ больные, достигая своей послѣдней минуты—умру.

Я пріучалъ себя не жаловаться ни на что и доставлять душѣ своей всѣ возможныя наслажденія. Самое обыкновенное наслажде-

ніе было — снова и снова припоминать и перечислять всѣ блага, украшавшія мои дни: прекраснѣйшій отецъ, прекраснѣйшая мать, превосходные братья и сестры, такіе-то и такіе-то друзья, хорошее воспитаніе, любовь къ наукамъ и пр., и пр. Кто больше меня одаренъ былъ счастіемъ? Почему же не быть за него благодарнымъ Господу, если оно и уменьшено теперь несчастіемъ? Иногда, дѣлая это перечисленіе, я умилялся и плакалъ, но скоро присутствіе духа и веселость вновь возвращались.

Съ первыхъ же дней я пріобрѣлъ себѣ друга. Это не былъ смотритель, ни кто нибудь изъ секондини, ни кто нибудь изъ лицъ, ведшихъ процессъ. Говорю, однако, о человѣческомъ созданіи. Кто же это?—Дитя, глухонѣмой, пяти или шести лѣтъ. Отецъ и мать были воры, павшіе подъ ударомъ закона. Бѣдный сиротка былъ задержанъ полиціей со многими другими дѣтьми такого же самаго положенія. Всѣ они жили въ одной комнатѣ, напротивъ моей, и въ извѣстные часы ихъ выпускали на дворъ подышать чистымъ воздухомъ.

Глухонѣмой подбѣгалъ къ моему окну и, улыбаясь, дѣлалъ мнѣ знаки. Я бросалъ ему ломоть хлѣба, онъ схватывалъ его, подпрыгивая отъ радости, подбѣгалъ къ своимъ товарищамъ и раздавалъ каждому по куску; а потомъ приходилъ подъ окно и съѣдалъ свою часть, выражая мнѣ благодарность улыбкою своихъ прекрасныхъ глазъ.

Другія дѣти смотрѣли на меня издали, не смѣя подойдти ближе. Глухонѣмой питалъ ко мнѣ большую симпатію не потому только, что я давалъ ему хлѣба. Иногда онъ не зналъ, что дѣлать ему съ хлѣбомъ, который я кидалъ ему, и дѣлалъ мнѣ знаки, что онъ и его товарищи сыты и не хотятъ больше ѣсть. Если онъ видѣлъ, что идетъ ко мнѣ въ комнату секондино, онъ отдавалъ ему хлѣбъ, чтобы тотъ передалъ его мнѣ. Хотя онъ и ничего не ждалъ тогда отъ меня, онъ, всетаки, продолжалъ мило рѣзвиться передъ моимъ окномъ и радовался, если я смотрѣлъ на него. Какъ-то разъ одинъ изъ секондини позволилъ ребенку войдти ко мнѣ въ камеру: едва войдя, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и обнялъ мои ноги, испуская громкій крикъ радости. Я взялъ его на руки и не могу выразить, съ какимъ жаромъ онъ осыпалъ меня ласками. Сколько любви въ этомъ миломъ созданьицѣ! Какъ бы я желалъ воспитать его и спасти отъ того уничиженія, въ которомъ онъ находился!

Я никогда не зналъ его имени. Онъ и самъ не зналъ, есть ли у него какое. Былъ онъ всегда веселъ, и я никогда не видалъ, чтобы онъ плакалъ, исключая единственный разъ, когда его прибилъ тюремщикъ, ужъ не знаю за что. Странное дѣло! Жить въ подобномъ мѣстѣ, кажется, верхъ несчастія, однако, этотъ ребенокъ былъ навѣрно такъ же счастливъ, какъ могъ бы быть въ его возростѣ княжескій сынъ. Размышляя объ этомъ, я понялъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы расположеніе духа не зависѣло отъ мѣста, въ которомъ находишься. Если мы будемъ управлять своимъ воображеніемъ, мы почти повсюду будемъ чувствовать себя хорошо. День скоро проходитъ, и когда вечеромъ ложишься въ постель, не чувствуя голода, не имѣя сильнаго горя,—что нужды, что эта постель находится въ стѣнахъ, которыя зовутъ тюрьмою, а не въ стѣнахъ, называемыхъ домомъ или дворцомъ?

Прекрасное разсужденіе! Но какъ управлять воображеніемъ? Я пытался управлять имъ и иногда, казалось мнѣ, отлично достигалъ этого; но въ другой разъ воображеніе одерживало верхъ, и я, досадуя, недоумѣвалъ передъ своимъ безсиліемъ.

VIII.

И въ несчастіи я, всетаки, счастливъ,—говорилъ я себѣ,—счастливъ тѣмъ, что мнѣ дали камеру въ нижнемъ этажѣ, на этомъ дворѣ, гдѣ въ четырехъ шагахъ отъ меня находится этотъ милый ребе-

нокъ, съ которымъ мы такъ нѣжно бесѣдуемъ! Удивительна человѣческая понятливость! Чего, чего не говорили мы нашими взглядами и выраженіемъ физіономіи! Сколько прелести было въ его движеніяхъ, когда я улыбался ему! Какъ онъ старался поправить свои движенія, не понравившіяся мнѣ! Какъ онъ понималъ, что я люблю его, когда онъ ласкаетъ или угощаетъ кого нибудь изъ своихъ товарищей! Никто въ свѣтѣ не вообразилъ бы себѣ, что я, стоя у окна, могъ быть чѣмъ-то въ родѣ воспитателя для этого бѣднаго созданьица. Часто упражняясь въ разговорѣ знаками, мы усовершенствуемся въ взаимной передачѣ нашихъ мыслей. Чѣмъ умнѣе и благороднѣе онъ будетъ при моемъ посредствѣ, тѣмъ больше я буду любить его. Я буду для него добрымъ духомъ разума и добра; онъ научится повѣрять мнѣ свои печали, свои радости, свои желанія, я научусь утѣшать его, облагораживать его, направлять всѣ его дѣйствія. Кто знаетъ, можетъ быть, рѣшеніе моей участи будетъ откладываться съ мѣсяца на мѣсяцъ и меня оставятъ состарѣться здѣсь? Кто знаетъ, что это дитя не выростетъ на моихъ глазахъ и не будетъ приставлено къ какому нибудь дѣлу въ этомъ домѣ? Съ такими способностями, какія у него, чего онъ можетъ достичь здѣсь? Увы, ничего больше, какъ будетъ отличнымъ секондино или что нибудь въ этомъ родѣ. Такъ развѣ не сдѣлаю я хорошаго дѣла, если постараюсь возбудить въ немъ желаніе заслужить уваженіе честныхъ людей и уважать себя самого, если постараюсь развить въ немъ прекрасныя чувства?

Этотъ монологъ былъ совершенно естественъ. Я всегда имѣлъ большую склонность къ дѣтямъ, и обязанность воспитателя мнѣ казалась высокой. Я исполнялъ подобную обязанность нѣсколько лѣтъ у Джакомо и Джуліо Порро, двоихъ юношей съ прекрасными надеждами, которыхъ я любилъ и всегда буду любить какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Одинъ Богъ знаетъ, сколько разъ я думалъ о нихъ въ тюрьмѣ! Какъ горевалъ я о томъ, что не могу довершить ихъ воспитанія! Какъ горячо я молился о томъ, чтобы они нашли новаго учителя, который бы ихъ любилъ такъ же, какъ я!

Иногда я восклицалъ про себя: «Какая это жестокая пародія! Вмѣсто Джакомо и Джуліо, дѣтей, одаренныхъ всѣмъ, что только могли дать природа и счастіе, у меня ученикомъ бѣдняжка глухонѣмой, оборванецъ, сынъ вора!.. который много, много что будетъ секондино, а въ обстоятельствахъ немного менѣе благопріятныхъ оказался бы сбирромъ».

Эти размышленія разстраивали меня и приводили въ уныніе. Но едва, бывало, заслышу я громкій голосъ глухонѣмаго, какъ вся кровь приливала мнѣ къ сердцу, точно у отца, услыхавшаго голосъ своего сына. И этотъ крикъ, и видъ его разсѣевали во мнѣ всякую мысль о томъ, что онъ хуже другихъ. И чѣмъ онъ виноватъ, что онъ оборванъ, что онъ глухонѣмой и отрасль вора? Че-

ловѣческое созданіе въ возростѣ невинности всегда достойно уваженія. Такъ говорилъ я, и со дня на день все больше и больше привязывался къ нему. Мнѣ казалось, что онъ становился понятливѣе, и это укрѣпляло меня въ моемъ рѣшеніи — посвятить себя на то, чтобы сдѣлать изъ него благороднаго человѣка. Строя въ умѣ всевозможныя случайности, я думалъ о томъ, что, можетъ быть, въ одинъ прекрасный день, я выйду изъ тюрьмы и найду средство помѣстить этого ребенка въ коллегію глухонѣмыхъ и та-

кимъ образомъ открою ему дорогу къ болѣе лучшей судьбѣ, чѣмъ судьба сбирра.

Среди такихъ размышленій о судьбѣ этого ребенка пришли ко мнѣ двое секондини, чтобы взять меня отсюда.

— Перемѣняется помѣщеніе, синьоръ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Приказано перевести васъ въ другую камеру.

— Почему?

— Другая крупная птица поймана, а такъ какъ это лучшая камера... понимаете...

— Понимаю: это первое помѣщеніе для вновь прибывшихъ.

И меня перевели въ противоположную часть двора, но, увы, уже не въ нижній этажъ, не такъ, чтобы можно было бесѣдовать съ глухонѣмымъ. Проходя черезъ дворъ, я увидалъ этого милаго мальчика: онъ сидѣлъ на землѣ пораженный, печальный; онъ понялъ, что теряетъ меня. Черезъ минуту онъ вскочилъ и подбѣжалъ ко мнѣ, секондини хотѣли отогнать его, но я взялъ его на руки и, какъ онъ былъ, грязнаго я цѣловалъ, цѣловалъ его съ нѣжностью и оторвался отъ него,—долженъ ли говорить?—съ глазами полными слезъ.

IX.

Бѣдное сердце мое! такъ легко тебѣ полюбить и любишь ты такъ горячо, а между тѣмъ, на сколько уже разлукъ ты было осуждено! Послѣдняя разлука была не менѣе грустна, и я чувствовалъ ее тѣмъ болѣе, что мое новое помѣщеніе было наипечальнѣйшее. Темная, грязная каморка съ окошкомъ, въ которомъ вмѣсто стекла была бумага, съ стѣнами, испещренными пятнами цвѣта, не смѣю сказать, какого, или надписями на мѣстахъ, свободныхъ отъ пятенъ. Многія изъ этихъ надписей состояли только изъ имени, фамиліи и обозначенія родины бѣдняка, съ прибавленіемъ числа того дня, въ который онъ былъ арестованъ. Другія, кромѣ этого, состояли изъ восклицаній противъ ложныхъ друзей, противъ себя самого, противъ женщины, противъ судьи и проч. Иныя были краткими автобіографіями. Нѣкоторыя содержали нравственныя изрѣченія. Были, напримѣръ, слѣдующія слова Паскаля:

«Тѣ, которые опровергаютъ религію, узнали бы, по крайней мѣрѣ, какова она, прежде чѣмъ опровергать ее. Если бы эта религія хвалилась тѣмъ, что она даетъ видѣть Бога безъ всякой завѣсы, тогда бы было опроверженіемъ сказать: что въ мірѣ нѣтъ ничего, что̀ бы показывало Бога съ такою очевидностью. Но, такъ какъ, напротивъ, она говоритъ, что люди находятся во тьмѣ и что они далеки отъ Бога, который скрытъ отъ ихъ внѣшняго познанія, и что потому-то и дается Ему въ св. писаніи имя: Deus absconditus... то въ чемъ же преимущество тѣхъ, которые въ небреженіи, оказываемомъ ими къ знанію истины, кричатъ, что истина имъ не показана?»

Ниже было написано (слова того же самаго автора):

«Здѣсь не идетъ дѣло о пустомъ интересѣ кого нибудь посторонняго; здѣсь дѣло идетъ о насъ самихъ, о всемъ нашемъ. Безсмертіе души—такое важное для насъ дѣло, такъ тѣсно касающееся насъ, что нужно потерять всякій смыслъ, чтобы быть равнодушнымъ къ этому».

Другая надпись гласила:

«Благословляю тюрьму потому, что она дала мнѣ возможность

познать людскую неблагодарность, мое ничтожество и благость Господа».

Рядомъ съ этими умиленными словами были самыя неистовыя проклятія, написанныя кѣмъ-то, называвшимъ себя атеистомъ, который разражался противъ Бога, какъ бы забывая свои собственныя слова, что нѣтъ Бога.

За цѣлымъ столбцомъ такихъ богохульствъ слѣдовалъ другой съ ругательствами противъ подлецовъ, какъ онъ называлъ тѣхъ, которыхъ заточеніе въ тюрьмѣ дѣлаетъ религіозными.

Показалъ я эти нечестивыя строки одному изъ секондини и спросилъ, кто ихъ написалъ?

— Наконецъ-таки я нашелъ эту надпись,—сказалъ онъ:—ихъ тутъ такъ много, а разыскать ее мнѣ было некогда.

И, не говоря дурнаго слова, онъ сталъ соскабливать ножомъ со стѣны эту надпись.

— Зачѣмъ это?—сказалъ я.

— Потому что бѣднякъ, написавшій это, былъ приговоренъ къ смерти, за предумышленное убійство, раскаялся въ томъ, что написалъ эти строки и просилъ у меня этой милости.

— Богъ да проститъ ему!—воскликнулъ я.—Какое же убійство совершилъ онъ?

— Не будучи въ состояніи убить своего врага, онъ отмстилъ ему, убивъ его сына, прекраснѣйшаго ребенка, какой только былъ на землѣ.

Я ужаснулся. До чего можетъ дойдти звѣрство! И это чудовище говорило такимъ оскорбительнымъ языкомъ о человѣкѣ, который былъ выше всѣхъ человѣческихъ слабостей! Убить невиннаго ребенка!

X.

Въ моей новой комнатѣ, столь тёмной и грязной, будучи лишенъ общества милаго мальчика, я былъ совершенно подавленъ грустью. По нѣскольку часовъ я стоялъ у окна, выходившаго на галлерею, по ту сторону которой виднѣлся конецъ двора и окно моей первой комнаты. Кто-то тамъ заступилъ меня? Я видѣлъ, что тамъ кто-то быстро и подолгу расхаживаетъ, очевидно, въ сильномъ волненіи. Спустя два или три дня, я увидалъ, что ему дали что-то писать, и онъ весь тотъ день не вставалъ изъ-за столика.

Наконецъ, я узналъ его. Онъ выходилъ изъ своей камеры въ сопровожденіи тюремнаго смотрителя: шолъ онъ на допросъ. Это былъ Мелькіорре Джойа!

У меня сжалось сердце. И ты здѣсь, благородный человѣкъ!—(Онъ былъ счастливѣе меня. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключенія онъ былъ выпущенъ на свободу).

Когда я вижу какое нибудь доброе созданіе, это меня утѣшаетъ, меня привлекаетъ, заставляетъ меня о немъ думать. Какое великое благо — мыслить и любить! Я бы жизнь свою отдалъ за то, чтобы избавить Джойа отъ тюрьмы, и, однако, меня утѣшало то, что онъ здѣсь, что я вижу его.

Когда я смотрѣлъ на него долгое время, когда я соображалъ по его движеніямъ, спокоенъ ли онъ духомъ, или нѣтъ, когда я молился за него, я тогда чувствовалъ въ себѣ бо́льшую силу, бо́льшую способность мыслить, я тогда былъ болѣе доволенъ собою. Я хочу сказать этимъ, что одинъ видъ человѣка, къ которому питаешь любовь, уже достаточенъ для того, чтобы уменьшить тяжесть одиночества. Вначалѣ такое благодѣяніе оказывалъ мнѣ бѣдный нѣмой ребенокъ, а теперь одинъ видъ достойнаго человѣка былъ благодѣтеленъ для меня.

Можетъ быть, кто нибудь изъ секондини сказалъ ему, гдѣ я. Разъ утромъ онъ открылъ свое окно и замахалъ платкомъ въ знакъ привѣта. Я отвѣтилъ ему тѣмъ же. О, какое удовольствіе было для меня въ эту минуту! Мнѣ казалось, что исчезло всякое разстояніе между нами, и что мы находимся вмѣстѣ. Сердце билось у меня, какъ у влюбленнаго, увидавшаго свою возлюбленную.

Жестикулировали, не понимая другъ друга, но съ такимъ же самымъ усердіемъ, какъ будто бы и понимали; или скорѣе мы дѣйствительно понимали другъ друга: эти жесты хотѣли сказать все то, что мы перечувствовали, а вѣдь каждому изъ насъ не безъизвѣстно было то, что чувствовалъ другой.

Какимъ утѣшеніемъ, казалось мнѣ, должны были быть въ будущемъ эти привѣтствія! Но вотъ и пришло будущее, а на мои привѣтствія мнѣ не отвѣчали! Всякій разъ, какъ я замѣчалъ, что Джойа у окна, я махалъ ему платкомъ. Напрасно! Секондини мнѣ сказали, что ему воспрещено вызывать мои жесты и отвѣчать мнѣ на нихъ. За то онъ часто смотрѣлъ на меня, и я смотрѣлъ на него, и такимъ образомъ мы еще многое пересказали другъ другу.

XI.

На галлереѣ, находившейся подъ окномъ, на одномъ уровнѣ съ моей камерой, съ утра и до вечера проходило взадъ и впередъ много другихъ арестантовъ, въ сопровожденіи секондино; шли они на допросы или возвращались съ нихъ. Большею частью, это были люди низшаго класса. Однако, я видѣлъ тутъ и людей интеллигентныхъ. Хотя я и не могъ долго останавливать на нихъ своего взгляда, такъ быстро они проходили, однако, они привлекали къ себѣ мое вниманіе. Всѣ они, кто больше, кто меньше, возбуждали во мнѣ состраданіе къ нимъ.

Это печальное зрѣлище, въ первые дни, увеличивало мою грусть, но мало-по-малу я привыкъ къ этому, и дѣло кончилось тѣмъ, что и это зрѣлище уменьшало ужасъ моего одиночества.

Также передъ моими глазами проходило много арестантокъ. Съ этой галлереи онѣ спускались, подъ аркой, на другой дворъ, гдѣ были женскія камеры и госпиталь для женщинъ—сифилитиковъ. Только одна стѣна, и то довольно тонкая, отдѣляла меня отъ одной изъ женскихъ камеръ. Часто оглушали онѣ меня своими пѣснями или спорами. Позднимъ вечеромъ, когда утихалъ шумъ, я слышалъ ихъ разговоры.

Если бы я захотѣлъ вступить съ ними въ разговоръ, я бы могъ это сдѣлать. Я удержался отъ этого, самъ не знаю почему. По робости ли? изъ гордости ли? или изъ благоразумія, чтобы не свести дружбы съ падшими женщинами? Должно быть, были всѣ эти три причины. Женщина, когда она такова, какою должна быть, для меня есть высокое, прекрасное созданіе. Видѣть ее, слышать ее, говорить съ нею обогащаетъ мой умъ благородными мыслями. Но порочная, внушающая презрѣніе, павшая женщина меня возмущаетъ, огорчаетъ, лишаетъ поэзіи мое сердце.

Однако... (эти однако неизбѣжны для обрисовки человѣка, существа столь сложнаго) между этими женскими голосами были очень пріятные, и они—почему не сказать?—мнѣ нравились. Одинъ изъ этихъ голосовъ былъ пріятнѣе другихъ и слышался гораздо рѣже. Этотъ голосъ никогда не произносилъ ни одного пошлаго слова. Та, кому принадлежалъ этотъ голосъ, пѣла мало и, большею частью, только эти два трогательные стиха:

Chi rende alla meschina
La sua felicità [1])?

Иногда она пѣла литанію. Ея товарки вторили ей, но я всегда различалъ голосъ Маддалены отъ другихъ голосовъ, которые казались слишкомъ дикими, чтобъ смѣшать ихъ съ голосомъ Маддалены.

Да, эту несчастную звали Маддаленой. Когда ея товарки разсказывали свои несчастія, она сочувствовала имъ и вздыхала, повторяя: — Мужайся, моя милая; Господь никого не оставляетъ.

Кто могъ помѣшать мнѣ представлять ее себѣ красивой и болѣе несчастной, чѣмъ преступной, добродѣтельной и способной вернуться къ добродѣтели, если она отъ нея удалилась? Кто могъ бы порицать меня за то, что я умилялся, слыша ее, что я съ уваженіемъ слушалъ ее, что я молился за нее съ особеннымъ жаромъ?

---

[1]) Кто вернетъ бѣдняжкѣ ея счастіе?

Невинность достойна уваженія, а тѣмъ болѣе раскаяніе! Развѣ гнушался грѣшницъ самый лучшій изъ людей — Богочеловѣкъ, развѣ не уважалъ Онъ ихъ стыда, развѣ не причислялъ Онъ ихъ къ тѣмъ, кого Онъ больше уважалъ? Почему же мы такъ презираемъ женщину, впавшую въ безславіе?

Разсуждая такъ, я сотни разъ пытался возвысить голосъ и выразить братскую любовь Маддаленѣ. Разъ уже произнесъ я первый слогъ ея имени: «Мад!..» Странное дѣло! Сердце забилось у меня какъ у влюбленнаго пятнадцатилѣтняго мальчика, а мнѣ уже тридцать одинъ годъ — возростъ, не совсѣмъ подходящій для этихъ ребяческихъ трепетаній сердца.

Дальше перваго слога не могъ идти. Снова началъ: «Мад!.. Мад!..» и безполезно. Я показался самому себѣ смѣшнымъ и вскричалъ въ досадѣ: «глупый! а не Мад!» [1]).

XII.

Тѣмъ и кончился мой романъ съ этой бѣдняжкою. Но я еще долго обязанъ былъ ей добрыми чувствами. Бывало часто хандрилъ я, но голосъ ея меня развеселялъ; часто, думая о порочности и неблагодарности людей, я раздражался противъ нихъ, я переставалъ любить весь міръ, но голосъ Маддалены возвращалъ меня къ состраданію и снисхожденію.

— О, невѣдомая грѣшница! да не будешь ты осуждена на тяжкое наказаніе! Или на какое бы наказаніе ни была ты осуждена, да послужитъ оно тебѣ въ пользу, да облагородишься ты чрезъ него и чрезъ него же да живешь и умрешь ты достойной любви Господа! Да сожалѣютъ и уважаютъ тебя всѣ тѣ, кто знаетъ тебя, какъ сожалѣлъ и уважалъ я тебя, не зная! Да вдохнешь ты въ каждаго, кто бы ни увидѣлъ тебя, терпѣніе, кротость, жажду добродѣтели, вѣру въ Бога, какъ вдохнула ты ихъ въ того, кто, не видавъ, полюбилъ тебя! Мое воображеніе могло ошибаться, представляя тебя красивой тѣломъ, но твоя душа, въ чемъ я убѣжденъ, была прекрасна. Твои подруги говорили грубо, а ты—стыдливо и скромно; онѣ богохульствовали, а ты благословляла Бога; онѣ ссорились, а ты улаживала ихъ ссоры. Если кто нибудь подастъ тебѣ руку, чтобы свести тебя съ дороги безчестія, если кто нибудь осушитъ твои слезы, да снизойдутъ всѣ утѣшенія на него, на дѣтей его и на дѣтей дѣтей его!

Смежно съ моей камерой была другая, въ которой жило нѣсколько мужчинъ. Я слышалъ и ихъ разговоры. Одинъ изъ этихъ мужчинъ заправлялъ другими, можетъ быть, не потому, чтобы

---

[1]) Здѣсь непереводимое созвучіе словъ. Въ подлинникѣ: «Matto, e non Mad»?
Прим. перев.

онъ былъ выше другихъ по своему положенію, а скорѣе въ силу нѣкоторой смѣлости и умѣнья красно говорить. Онъ выдавалъ себя за доктора. Споря, онъ заставлялъ молчать спорящихъ повелительнымъ голосомъ и запальчивостью словъ, предписывалъ имъ то, что они должны думать и чувствовать, и тѣ послѣ нѣкотораго сопротивленія кончали тѣмъ, что признавали его правымъ во всемъ.

Несчастные! ни одинъ изъ нихъ не уменьшалъ непріятностей тюремной жизни, питая хоть какое нибудь нѣжное чувство, хоть сколько нибудь религіозности и любви!

Коноводъ моихъ сосѣдей поздоровался со мной, и я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Спросилъ онъ меня, какъ я провожу эту проклятую жизнь. Я отвѣчалъ ему, что для меня нѣтъ проклятой жизни, какъ бы печальна она ни была, и что до самой смерти нужно стараться пользоваться прекраснымъ даромъ — мыслить и любить.

— Объяснитесь, синьоръ, объяснитесь.

Я объяснился, но меня не поняли. И когда послѣ искусныхъ подготовительныхъ околичностей я рѣшился привести ему въ примѣръ ту кротость, которая пробудилась во мнѣ голосомъ Маддалены, онъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Что такое? что такое? — закричали его товарищи. Коноводъ пересказалъ въ каррикатурѣ мои слова, и всѣ хоромъ захохотали, такъ что я вполнѣ остался въ дуракахъ.

Въ тюрьмѣ бываетъ все то же, что и въ свѣтѣ. Тѣ, которые полагаютъ свою мудрость въ томъ, чтобы на все негодовать, на все жаловаться, все унижать, считаютъ величайшею глупостью — состраданіе, любовь, утѣшеніе, доставляемое прекрасными мыслями, которыя славятъ человѣчество и его Творца.

XIII.

Я оставилъ ихъ смѣяться и не возразилъ ни полслова. Два или три раза сосѣди обращались ко мнѣ, но я молчалъ.

— Нѣтъ его у окна, отошелъ отъ него, прислушивается къ вздохамъ Маддалены, обидѣлся нашимъ смѣхомъ.

Такъ говорили они, пока, наконецъ, коноводъ не приказалъ замолчать тѣмъ, которые прохаживались на мой счетъ.

— Молчите вы, дурачье, коли не знаете, какого дьявола вы тутъ говорите. Не такой большой оселъ нашъ сосѣдъ, какимъ вы его считаете. Вы не способны ни о чемъ поразмыслить. И я помиралъ со смѣху, да одумался. Всѣ бездѣльники умѣютъ неистовствовать, какъ вотъ мы это дѣлаемъ. А вотъ немного побольше кроткаго веселья, немного побольше добросердечія, немного побольше вѣры въ благодѣянія Неба, — все это, какъ вы думаете, что обозначаетъ? Скажите-ка искренно!

— Вотъ и я теперь о томъ думаю,—отвѣчалъ одинъ:—мнѣ кажется, что все это есть признакъ того, что нѣсколько получше бездѣльничества.

— Вѣрно! —громко вскричалъ вожакъ: —на этотъ разъ я опять начинаю питать уваженіе къ твоей башкѣ.

Не особенно возгордился я тѣмъ, что былъ признанъ ими только нѣсколько лучшимъ бездѣльникомъ, чѣмъ они; однако я почувствовалъ нѣкоторую радость, что эти несчастные поняли значеніе добрыхъ чувствъ.

Я двинулъ рамой окна, какъ будто бы только что вернулся. Меня окликнулъ ихъ коноводъ... Я отвѣтилъ ему въ надеждѣ, что онъ хочетъ серьёзно побесѣдовать со мной. Я ошибся. Пошлые умы избѣгаютъ серьёзныхъ разсужденій: если истина иногда и освѣтитъ ихъ, они способны съ минуту рукоплескать ей, но скоро послѣ того они отворачиваются отъ нея и, желая похвастаться здравымъ смысломъ, сомнѣваются въ истинѣ и шутятъ надъ ней.

Затѣмъ онъ спросилъ меня, не за долги ли я въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, обвиняетесь въ мошенничествѣ? Разумѣется, ложно обвиняетесь?

— Я обвиняюсь совершенно въ другомъ.

— Въ какой нибудь любовной исторіи?

— Нѣтъ.

— Въ убійствѣ?

— Нѣтъ.

— Въ карбонарствѣ?

— Именно.

— А что это за карбонари?

— Я ихъ такъ мало знаю, что не умѣю сказать вамъ про то.

Одинъ изъ секондино съ гнѣвомъ прервалъ насъ и, осыпавъ ругательствами моихъ сосѣдей, обратился ко мнѣ съ строгостью не полицейскаго, а скорѣе учителя, и сказалъ: — Стыдитесь, синьоръ, позволять себѣ разговоры съ подобными людьми! Знаете ли, что это — воры?

Я покраснѣлъ, а потомъ устыдился того, что покраснѣлъ, что позволять себѣ разговоры съ такими людьми скорѣе хорошій попоступокъ, чѣмъ проступокъ.

XIV.

На слѣдующее утро я подошолъ къ окну, чтобы увидать Мелькіорре Джойа, но уже больше не вступалъ въ разговоръ съ ворами. Я отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе и сказалъ, что мнѣ запрещено разговаривать.

Пришолъ актуаріусъ, снимавшій съ меня допросъ, и объявилъ мнѣ таинственно, что пришли ко мнѣ и что это посѣщеніе доставитъ мнѣ большое удовольствіе. И когда ему показалось, что онъ уже достаточно подготовилъ меня, онъ сказалъ: — Однимъ словомъ, это — вашъ отецъ; если угодно, пожалуйте за мной.

Я послѣдовалъ за нимъ внизъ, замирая отъ радости и усиливаясь придать себѣ ясный и спокойный видъ, который бы успокоилъ моего бѣднаго отца.

Узнавъ о моемъ арестѣ, онъ надѣялся, что меня задержали по пустому подозрѣнію, и что я скоро выйду. Но видя, что арестъ

все еще продолжается, онъ пріѣхалъ ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ о моемъ освобожденіи. Жалкая иллюзія отцовской любви! Онъ не могъ считать меня столь безразсуднымъ, чтобы я подвергъ себя всей строгости законовъ, а напускная веселость, съ какою я говорилъ съ нимъ, убѣдила его, что мнѣ нечего бояться какого бы то ни было несчастія.

Краткая бесѣда, какую дозволили намъ, взволновала меня невыразимо, тѣмъ болѣе, что я и виду не подавалъ, что я взволнованъ. Всего труднѣе было не выказать этого при разставаніи.

При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Италія, я былъ твердо увѣренъ, что Австрія дастъ примѣръ чрезвычайной строгости, и что я буду осужденъ или на смерть, или

на долгіе годы заточенія. И скрывать это отъ отца! Обманывать его, высказывая ему основательныя надежды на скорое освобожденіе! Не залиться слезами, обнимая его и говоря ему о матери, о братьяхъ и сестрахъ, которыхъ уже больше, я думалъ, не увижу на землѣ! Просить его голосомъ, въ которомъ бы не слышалось горькой тоски, чтобы онъ еще разъ, если можетъ, пришолъ повидаться со мной! Ничто никогда не стоило мнѣ такихъ усилій.

Онъ ушолъ совершенно успокоенный мною, а я вернулся въ въ свою камеру съ разбитымъ сердцемъ. Лишь только я остался одинъ, я надѣялся облегчить себя слезами. Но не было для меня и этого облегченія. Я разразился рыданьями и не могъ пролить ни слезинки. Невозможность выплакать свое горе слезами есть одно изъ самыхъ жестокихъ страданій, и о, сколько разъ я испыталъ его!

Меня схватила жестокая лихорадка съ сильнѣйшей головной болью. Во весь день я не проглотилъ одной ложки супу. Пусть эта болѣзнь будетъ смертельна, — говорилъ я, — хоть бы она сократила мои муки!

Глупое малодушное желаніе! Богъ не внялъ ему, и я благодарю Его за это не только потому, что послѣ десятилѣтняго заточенія, я снова увидалъ мою дорогую семью и могу назвать себя счастливымъ, но также и потому, что страданія придаютъ достоинство человѣку, а я хочу надѣяться, что они не были безполезны и для меня.

XV.

Спустя два дня вернулся отецъ. Всю ночь передъ тѣмъ я спалъ хорошо, и лихорадки не было и слѣда. Непринужденно и весело встрѣтилъ я отца, и никто бы не узналъ, что̀ перестрадалъ я и что еще теперь разрываетъ мнѣ сердце.

— Думаю,—сказалъ мнѣ отецъ:—что черезъ нѣсколько дней тебя отправятъ въ Туринъ. Мы уже приготовили для тебя комнату и будемъ ждать тебя съ большимъ нетерпѣніемъ. Служебныя обязанности принуждаютъ меня ѣхать домой. Постарайся, прошу тебя, постарайся поскорѣй присоединиться ко мнѣ.

Его нѣжная и грустная ласковость убивала меня. Мнѣ казалось, что изъ любви къ нему я долженъ притворяться, хотя это притворство мнѣ было не по душѣ и совѣсть была неспокойна. Не лучше ли, не достойнѣе ли бы было моего отца и меня самого, если бы я сказалъ ему: — вѣроятно, мы ужъ больше не свидимся въ этомъ мірѣ! Простимся другъ съ другомъ безъ ропота, безъ стоновъ и благослови меня въ послѣдній разъ!

Это было бы для меня въ тысячу разъ лучше притворства. Но взглянулъ я на его добрые глаза, на дорогія черты его милаго

лица, на его посѣдѣлую голову и мнѣ стало ясно, что услышать подобную рѣчь было выше силъ его.

А если бы, не пожелавъ его обмануть, я увидалъ его полнымъ отчаянія, можетъ быть, потерявшимъ сознаніе или (страшная мысль!) пораженнымъ смертью въ моихъ объятіяхъ?

Нѣтъ, я не могъ ни сказать ему истину, ни дать ему проникнуть въ нее! Мое наружное спокойствіе его вполнѣ обмануло. Мы разстались безъ слезъ. Но, вернувшись въ камеру, мной овладѣла еще бóльшая прежней тоска, я молилъ о слезахъ и напрасно!

Покориться безъ ропота всему ужасу долгаго заточенія, спокойно отдаться въ руки палача—было въ моей власти; но безропотно покориться безъисходному гóрю, которое овладѣетъ отцомъ, матерью, братьями, сестрами... это было сверхъ моихъ силъ!

Я бросился на землю съ горячей мольбой, какой никогда еще не произносилъ:—Боже мой! я пріиму все отъ руки Твоей, но укрѣпи Твоей божественной мощью сердцà тѣхъ, кому я необходимъ, чудной властью Твоей содѣлай такъ, чтобы они не нуждались во мнѣ, пощади жизнь каждаго изъ нихъ и не сократи ее ни на одинъ день!

О, какъ благодѣтельна молитва! Я долго стоялъ, вознося мольбы къ Богу, и моя вѣра росла по мѣрѣ того, какъ я размышлялъ о божественной благости, по мѣрѣ того, какъ я размышлялъ о величіи души человѣческой, когда она, отрѣшаясь отъ эгоизма, усиливается достичь цѣли — имѣть одну волю съ волей безконечнаго Промысла.

Да, это возможно! это долгъ человѣка! Разумъ,—который есть гласъ божества, — разумъ говоритъ, что все должно быть принесено въ жертву добродѣтели. И развѣ это будетъ жертва, какую бы мы должны были принести для добродѣтели, если въ самыхъ горестныхъ случаяхъ мы будемъ бороться противъ воли Того, Кто есть начало всякой добродѣтели?

Если висѣлица или другое какое нибудь мученіе неизбѣжно,— бояться его, не умѣть идти къ нему, благословляя Всемогущаго Господа, есть знакъ жалкаго упадка духа или невѣжества. И нужно не только согласиться на свою собственную смерть, но и на то горе, которое испытываютъ наши родные. Можно только просить Милосерднаго Творца, чтобы Онъ умѣрилъ это горе, чтобы Онъ поддержалъ насъ всѣхъ Своею десницею; такая молитва всегда будетъ услышана.

XVI.

Прошло нѣсколько дней, и я былъ все въ томъ же положеніи, т. е. въ кроткой грусти, полной мира и религіозныхъ мыслей. Мнѣ казалось, что я восторжествовалъ надъ всякой слабостью и болѣе недоступенъ никакой тревогѣ. Безумное заблужденіе! Человѣкъ долженъ стремиться къ совершенному постоянству и твер-

дости духа, но этого никогда не достигаетъ на землѣ. Что же смутило меня?—Видъ несчастнаго друга, видъ моего добраго Пьеро, который прошолъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня по галлереѣ, въ то время, какъ я былъ у окна. Его взяли изъ его логовища, чтобы отвести въ тюрьму для уголовныхъ.

Онъ и сопровождавшіе его прошли такъ быстро, что я едва успѣлъ узнать его, замѣтить его поклонъ и, въ свою очередь, поклониться ему.

Бѣдный юноша! Въ цвѣтѣ лѣтъ, съ умомъ полнымъ блестящихъ надеждъ, съ характеромъ честнымъ, скромнымъ, достойнымъ всякаго уваженія и любви, созданный для высокихъ наслажденій жизнью — и брошенъ въ тюрьму по политическимъ дѣламъ, и въ такое время, когда навѣрное не избѣжишь самыхъ страшныхъ перуновъ закона!

Мнѣ та̀къ стало жаль его, та̀къ стало горько, что я не могу освободить его, не могу даже поддержать его своимъ присутствіемъ и словомъ, что успокоить меня, хоть немного, ничто не могло. Я зналъ, какъ онъ любилъ свою мать, брата, сестеръ, зятя, племянниковъ; какъ онъ страстно желалъ сдѣлать ихъ счастливыми и какъ его всѣ они любили. Я зналъ, каково будетъ горе каждаго изъ нихъ при такомъ несчастіи. Нѣтъ словъ, чтобы выразить то бѣшенство, которымъ былъ я охваченъ тогда. И это бѣшенство длилось такъ долго, что я отчаявался побѣдить его.

И этотъ страхъ былъ иллюзіей. О, несчастные, думающіе, что вы — достояніе непреодолимаго, страшнаго, все увеличивающагося горя, потерпите немного и вы разубѣдитесь въ томъ! Ни величайшій миръ, ни величайшая тревога не могутъ долго длиться на землѣ. Нужно убѣдить себя въ этой истинѣ, чтобы не возноситься въ счастливые дни и не упадать духомъ въ дни несчастія.

За долгимъ бѣшенствомъ послѣдовало утомленіе и апатія. Но апатія вовсе не была продолжительна, и я боялся того, что буду потомъ безъ пристанища переходить отъ одной крайности къ другой. Я ужаснулся такой перспективы въ будущемъ и опять прибѣгъ и на этотъ разъ къ горячей молитвѣ. Я просилъ у Бога, чтобы Онъ помогъ и бѣдному Пьеро, какъ и мнѣ, и его семьѣ, какъ и моей. Только повторяя эти мольбы, я могъ дѣйствительно успокоиться.

XVII.

Когда я сталъ спокоенъ духомъ, я предался размышленію о выстраданной душевной бурѣ и, негодуя на свою слабость, сталъ изыскивать способъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ подобныхъ бурь. И вотъ какое средство мнѣ въ томъ помогло: каждое утро моимъ первымъ занятіемъ, послѣ краткой молитвы Создателю, было—дѣлать тщательное и смѣлое представленіе себѣ всякаго возможнаго

случая, способнаго взволновать меня. На каждомъ я живо останавливалъ свое воображеніе и приготовлялъ себя къ этому случаю; начиная отъ посѣщеній моихъ близкихъ до посѣщенія палача, я всѣ ихъ представлялъ себѣ. Это грустное занятіе казалось невыносимымъ въ первые дни, но я желалъ быть стойкимъ, и въ скоромъ времени былъ этимъ доволенъ.

Въ началѣ 1821 года, графъ Луиджи Порро получилъ дозволеніе посѣтить меня. Нѣжная и горячая дружба, которая была между нами, необходимость о многомъ сказать другъ другу, препятствіе къ этому изліянію, поставленное присутствіемъ актуаріума, слишкомъ короткое время, данное намъ для пребыванія вмѣстѣ, грустныя предчувствія, наполнявшія меня тоской, усиліе, дѣлаемое мной и имъ, чтобы казаться спокойными, — все это, казалось, должно было поднять въ моемъ сердцѣ одну изъ самыхъ страшныхъ бурь. Распростившись съ этимъ дорогимъ другомъ, я чувствовалъ себя спокойнымъ — умиленнымъ, но спокойнымъ.

Таково дѣйствіе подготовки себя къ сильнымъ душевнымъ волненіямъ.

Принятая на себя обязанность—достичь твердаго, постояннаго спокойствія духа, обусловливалась не столько желаніемъ уменьшить свое горе, сколько тѣмъ, что тревога казалась мнѣ грубою, недостойною человѣка. Взволнованный умъ уже не разсуждаетъ больше: онъ вращается въ непреодолимомъ водоворотѣ преувеличенныхъ мыслей; создается логика безумная, бѣшеная, злобная; такое состояніе есть абсолютно антифилософское, антихристіанское.

Если бы я былъ проповѣдникомъ, я бы часто настаивалъ на необходимости не поддаваться душевной тревогѣ: ни при какомъ условіи не можетъ быть она хороша. Какъ былъ спокоенъ въ Себѣ и миренъ съ другими Тотъ, Кому всѣ мы должны подражать! Нѣтъ ни величія души, ни справедливости, если нѣтъ кротости, если не стремишься къ тому, чтобы улыбаться, а стремишься раздражаться случайностями этой кратковременной жизни. Гнѣвъ не имѣетъ за собой никакого достоинства, развѣ только въ одномъ чрезвычайно рѣдкомъ случаѣ, когда предполагается смирить имъ злобствующаго и отвлечь его отъ несправедливости.

Можетъ быть, есть гнѣвъ другаго рода, чѣмъ какой знаю я, и менѣе достойный осужденія. Но тотъ неистовый гнѣвъ, рабомъ котораго я былъ въ то время, не былъ выраженіемъ одного гòря: сюда примѣшивалось всегда много ненависти, много нестерпимаго зуда къ злословію и проклятію, къ разрисовкѣ общества или тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ личностей красками самыми мерзкими. Эпидемическая болѣзнь въ мірѣ! Человѣкъ полагаетъ, что онъ становится лучше, унижая другихъ. Кажется, всѣ друзья шепчутъ другъ другу на ухо: «будемъ любить только другъ друга; крича, что всѣ канальи, мы покажемся полубогами».

Курьезный фактъ, что жить въ такомъ раздраженіи намъ такъ нравится! Здѣсь даже полагаютъ что-то въ родѣ героизма. Если тотъ, противъ котораго я вчера такъ неистовствовалъ, умеръ, немедленно же ищется другой. На кого мнѣ жаловаться сегодня? кого ненавидѣть? пусть бы хоть чудовище какое было!.. О, радость! я нашелъ его! Идите, друзья, разорвемъ его!

Все такъ идетъ въ свѣтѣ и безъ ненависти могу сказать, что идетъ плохо.

XVIII.

Нечего было мнѣ такъ сильно досадовать на скверную комнату, куда меня помѣстили. По счастливой случайности освободилась лучшая комната, которую и дали мнѣ, что̀ было для меня пріятною неожиданностью.

Не долженъ ли былъ я быть чрезвычайно довольнымъ при этомъ извѣстіи? И однако — я не былъ. Я не могъ думать безъ сожалѣнія о Маддаленѣ. Какое ребячество! хоть къ кому нибудь да получить привязанность и по причинамъ, по истинѣ, не особенно сильнымъ! Выходя изъ этой грязной каморки, я обернулся назадъ и кинулъ взглядъ на стѣну, къ которой я, бывало, такъ часто прислонялся въ то время, какъ, можетъ быть, съ противоположной стороны нѣсколькими вершками дальше, прислонялась и бѣдная Маддалена. Я хотѣлъ бы еще разъ услыхать эти два трогательныхъ стиха:

Chi rende alla meschina
La sua felicitá!

Напрасное желаніе! Вотъ еще одной разлукой больше въ моей несчастной жизни. Не хочу долго говорить объ этомъ, чтобы не дать повода смѣяться надо мной, но я былъ бы лицемѣромъ, если бы не признался въ томъ, что я еще долго грустилъ по ней.

Уходя, я поклонился двумъ изъ моихъ бѣдныхъ сосѣдей, бывшихъ у окна. Коновода ихъ не было тутъ; извѣщенный товарищами, онъ подбѣжалъ къ о̀кну и также поклонился мнѣ. А потомъ началъ напѣвать этотъ куплетъ: chi rende alla meschina. Хотѣлось ли ему подсмѣяться надо мной? — Бьюсь объ закладъ, что если бы сдѣлать этотъ вопросъ пятидесяти лицамъ, сорокъ девять отвѣтили бы: «да». Однако, не смотря на такое большинство голосовъ, я склоненъ думать, что добрый воръ хотѣлъ мнѣ этимъ сдѣлать любезность. Я такъ это и принялъ, и былъ ему за то благодаренъ. Я еще разъ взглянулъ на него: онъ высунулъ сквозь желѣзную рѣшетку руку, держа въ ней беретъ, и махалъ мнѣ имъ въ знакъ прощанія, когда я поворачивался, чтобы спуститься съ лѣстницы.

Во дворѣ, подъ навѣсомъ, я увидалъ глухонѣмаго, что было для меня большимъ утѣшеніемъ. Онъ замѣтилъ меня, узналъ и хотѣлъ бѣжать навстрѣчу. Жена смотрителя, кто ее знаетъ зачѣмъ, схватила его за воротъ и прогнала домой. Мнѣ было очень непріятно, что я не могъ обнять его, но меня тронула его радость, съ какою онъ побѣжалъ было ко мнѣ. Вѣдь такъ пріятно быть любимымъ!

Это былъ день большихъ происшествій. Пройдя два шага, я поровнялся съ окномъ моей прежней комнаты, въ которой жилъ теперь Джойа.

— Добрый день, Мелькіорре! — сказалъ я ему, проходя. Онъ поднялъ голову и, кидаясь по направленію ко мнѣ, вскричалъ:

— Добрый день, Сильвіо.

Увы, мнѣ не дали остановиться ни на одну минуту. Я повернулъ подъ большія ворота, поднялся по лѣсенкѣ и очутился въ чистенькой комнаткѣ, какъ разъ надъ комнатой Джойа.

Когда мнѣ внесли постель и оставили меня одного, моимъ первымъ дѣломъ было осмотрѣть стѣны. Было на нихъ написано нѣсколько замѣтокъ карандашемъ, углемъ, или просто чѣмъ-то острымъ. Я нашелъ двѣ прелестныхъ французскихъ строфы, о которыхъ теперь сожалѣю, что не выучилъ ихъ наизусть. Онѣ были подписаны герцогъ Нормандскій. Я сталъ напѣвать ихъ, примѣняясь, какъ умѣлъ, къ мотиву пѣсенки моей бѣдной Маддалены; но вотъ чей-то голосъ, близко, близко такъ, запѣлъ ихъ на другой мотивъ. Когда онъ кончилъ, я закричалъ: «браво!» Онъ любезно привѣтствовалъ меня, спрашивая, не французъ ли я?

— Нѣтъ, я итальянецъ, а зовутъ меня Сильвіо Пелико.

— Авторъ «Franceska da Rimini»?

— Именно.

За этимъ отвѣтомъ послѣдовали любезности и соболѣзнованія по поводу того, что я въ тюрьмѣ.

Онъ спросилъ меня, изъ какой части Италіи я родомъ.

— Изъ Пьемонта, — отвѣчалъ я: — я салуццезецъ.

Здѣсь слѣдовали новыя любезности относительно характера и ума пьемонтцевъ, отдѣльное упоминаніе о выдающихся лицахъ Салуццо и въ особенности о Бодони.

Эти немногія похвалы были тонки, изящны, какъ бы сдѣланныя человѣкомъ хорошаго воспитанія.

— Теперь позвольте мнѣ, — сказалъ я ему: — спросить васъ, синьоръ, кто вы?

— Вы пѣли мою пѣсенку.

— Эти двѣ прекрасныхъ строфы, что на стѣнѣ, ваши?

— Да, синьоръ.

— Такъ вы...

— Несчастный герцогъ Нормандскій.

XIX.

Проходилъ подъ нашими окнами смотритель и заставилъ насъ замолчать.

Какой это герцогъ Нормандскій?—раздумывалъ я. Не тотъ ли это титулъ, который давался сыну Людовика XVI? Да вѣдь, безъ всякаго же сомнѣнія, умеръ этотъ бѣдный ребенокъ. Ну, такъ мой

сосѣдъ, должно быть, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые пытались воскресить его.

Многіе выдавали себя за Людовика XVII и всѣ они были признаны самозванцами: какія же у этого-то данныя, чтобы повѣрили ему?

Хотя я и пытался еще сомнѣваться, но какое-то непреодолимое убѣжденіе въ ложности его словъ вкоренилось во мнѣ. Тѣмъ не

менѣе, я рѣшилъ не оскорблять несчастнаго, какую бы басню ни разсказалъ онъ мнѣ.

Спустя нѣсколько времени, онъ снова запѣлъ; я воспользовался этимъ, и мы возобновили нашу бесѣду.

На мой вопросъ о томъ, кто онъ, онъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно Людовикъ XVII, и разразился упреками противъ Людовика XVIII, его дяди, похитителя его правъ.

— Но почему же вы эти права не предъявили во время Реставраціи?

— Я лежалъ тогда при смерти въ Болоньѣ. Какъ только стало мнѣ лучше, я полетѣлъ въ Парижъ, явился къ высшимъ властямъ, но что сдѣлано, того не воротишь: мой дядя по своей неправотѣ, не хотѣлъ меня признавать; моя сестра была съ нимъ заодно противъ меня. Одинъ только добрый принцъ Кондѐ принялъ меня съ распростертыми объятіями, но его дружба ничего не могла сдѣлать. Въ одинъ прекрасный вечеръ, на улицахъ Парижа, напали на меня наемные убійцы, вооруженные кинжалами, и я едва-едва спасся отъ ихъ ударовъ. Поскитавшись нѣкоторое время въ Нормандіи, я вернулся въ Италію и остановился въ Моденѣ. Отсюда я не переставалъ писать къ монархамъ Европы и въ особенности къ императору Александру, который отвѣчалъ мнѣ съ величайшей любезностью, и я все еще не отчаявался добиться правосудія или, если уже должны были принестись въ жертву политикѣ мои права на тронъ Франціи, по крайней мѣрѣ, добиться того, чтобы мнѣ дали приличное содержаніе. Я былъ арестованъ, отправленъ за границы Моденскаго герцогства и переданъ австрійскому правительству. И вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я заживо погребенъ здѣсь, и Богъ знаетъ, когда я выйду отсюда!

Я не повѣрилъ ни одному его слову. Но что онъ заживо погребенъ здѣсь — была истина, и это возбудило во мнѣ живѣйшее состраданіе къ нему.

Я просилъ его разсказать вкратцѣ свою жизнь. Онъ передалъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей все, что я уже зналъ относительно жизни Людовика XVII: какъ его посадили съ башмачникомъ, злодѣемъ Симòнъ; какъ подъучили его свидѣтельствовать противъ королевы, его матери, и поддержать безсовѣстную клевету на нее и пр., и пр. И, наконецъ, какъ пришли за нимъ ночью въ тюрьму, гдѣ онъ находился; слабоумный ребенокъ, по имени Матюрэнъ, былъ оставленъ вмѣсто него, а онъ былъ похищенъ. На улицѣ стояла коляска, запряженная четверней, причемъ одна изъ лошадей была деревянная машина, въ которую и скрыли его. Счастливо добрались до Рейна и перешли границу; генералъ... (онъ говорилъ мнѣ его имя, но я не помню его), который освободилъ его, нѣкоторое время выдавалъ себя за его воспитателя, отца; затѣмъ отправилъ или увезъ его въ Америку. Тамъ съ молодымъ королемъ

безъ королевства были разныя перипетіи: терпѣлъ голодъ въ пустыняхъ, поступилъ въ военную службу, счастливо жилъ, всѣми уважаемый, при бразильскомъ дворѣ, былъ оклеветанъ, преслѣдованъ и принужденъ бѣжать. Вернулся въ Европу къ концу правленія Наполеона и былъ арестованъ въ Неаполѣ Іоакимомъ Мюратомъ; а когда вновь увидалъ себя свободнымъ и близкимъ къ ступенямъ трона Франціи, его поразила въ Болоньѣ эта несчастная болѣзнь, втеченіе которой Людовикъ XVIII и короновался.

XX.

Онъ разсказалъ эту исторію съ поразительнымъ видомъ истины. Вѣрить ему я не могъ, а, всетаки, удивлялся ему. Всѣ факты французской революціи были ему извѣстны въ совершенствѣ; онъ говорилъ о нихъ словоохотливо и краснорѣчиво, приводя къ каждому случаю любопытнѣйшіе анекдоты. Въ его рѣчахъ было что-то солдатское, но не безъ изящества, пріобрѣтаемаго въ кругу утонченнаго общества.

— Вы мнѣ позволите,—сказалъ я ему:—попросту обходиться съ вами, не употребляя титуловъ?

— Это и мое желаніе,—отвѣчалъ онъ:—я извлекъ хоть ту выгоду изъ несчастія, что умѣю смѣяться надъ всякимъ тщеславіемъ. Увѣряю васъ, что я горжусь больше тѣмъ, что я человѣкъ, а не тѣмъ, что я король.

Утромъ и вечеромъ мы подолгу вмѣстѣ разговаривали и, не смотря на то, что я считалъ его комедіантомъ, душа его казалась мнѣ доброю, чистою, жаждущей всякаго нравственнаго блага. Нѣсколько разъ я порывался сказать ему:—извините, я желалъ бы повѣрить вамъ, что вы—Людовикъ XVII, но откровенно вамъ признаюсь, что я убѣжденъ въ противномъ; будьте и вы на столько искренни, перестаньте притворяться предо мной.—И я передумывалъ про себя прекрасное слово, какое я скажу ему относительно тщеты всякой лжи, въ томъ числѣ и той лжи, которая кажется невинной.

Со дня на день я это откладывалъ: все выжидалъ, не станетъ ли тѣснѣе наша дружба, и такъ и не рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Когда я размышляю объ этомъ недостаткѣ смѣлости, я извиняю его иногда, какъ необходимую вѣжливость, какъ благородную боязнь опечалить человѣка и многимъ другимъ. Но эти извиненія не удовлетворяютъ меня, и я не могу скрыть того обстоятельства, что я былъ бы болѣе доволенъ собою, если бы не засѣла у меня въ горлѣ придуманная маленькая рѣчь. Показывать видъ, что вѣришь об-

ману, это малодушіе: мнѣ кажется, что я не сдѣлалъ бы этого больше.

Да, малодушіе! Вѣрно, что какими бы я ни обставлялъ деликатными околичностями своихъ словъ, всетаки, жестоко сказать другому: «я вамъ не вѣрю». Онъ разсердится, мы лишимся того удовольствія, которое намъ доставляла его дружба; онъ осыплетъ насъ, можетъ быть, обидными словами. Но, всетаки, гораздо лучше, честнѣе потерять все, чѣмъ допустить ложь. И, можетъ быть, несчастный, который осыпалъ бы насъ обидными словами, видя, что мы не вѣримъ его обману, удивился бы потомъ въ тайнѣ нашей откровенности и получилъ бы поводъ къ такимъ размышленіямъ, которыя бы вывели его на лучшую дорогу.

Секондини склонны были вѣрить тому, что онъ дѣйствительно былъ Людовикъ XVII, и, видавъ уже столько перемѣнъ судьбы, не отчаявались, что въ одинъ прекрасный день онъ взойдетъ на тронъ Франціи и вспомнитъ объ ихъ преданнѣйшей службѣ. За исключеніемъ того, чтобы благопріятствовать его побѣгу, ему дѣлалось все, что только онъ желалъ.

Этому и я былъ обязанъ честью видѣть великую особу. Онъ былъ средняго роста, отъ сорока до сорока пяти лѣтъ, нѣсколько толстый и лицомъ настоящій бурбонъ. Вѣроятно, что случайное сходство съ бурбонами и ввело его въ искушеніе сыграть эту печальную роль.

XXI.

Въ другой недостойной боязни людскаго мнѣнія я долженъ обвинить себя. Мой сосѣдъ не былъ атеистомъ, а, напротивъ, говорилъ иногда о религіозныхъ чувствахъ, какъ человѣкъ, цѣнящій ихъ и не чуждый ихъ; но у него, всетаки, было много безразсудныхъ предубѣжденій противъ христіанства, на которое онъ смотрѣлъ не столько съ точки зрѣнія его истинной сущности, сколько съ точки зрѣнія его злоупотребленій. Его прельстила поверхностная философія, предшествовавшая французской революціи и слѣдовавшая за ней. Ему казалось, что можно почитать Бога съ бо́льшею правильностію, чѣмъ учитъ евангеліе. Не ознакомившись хорошо съ Кондильякомъ и Праси́, онъ почиталъ ихъ величайшими мыслителями и воображалъ, что этотъ послѣдній далъ законченность всѣмъ возможнымъ метафизическимъ изысканіямъ.

Я, который довелъ гораздо дальше свое философское образованіе; я, который чувствовалъ слабость экспериментальной доктрины; я, который зналъ грубыя ошибки критики, какою былъ охваченъ вѣкъ Вольтера, съ цѣлью порочить христіанство; я, прочитавшій Гене́ и другихъ благородныхъ обличителей этой ложной критики; я, убѣжденный въ томъ, что нельзя логикою вещей допускать

Бога и отрицать евангеліе; я, считавшій такимъ пошлымъ дѣломъ слѣдовать за теченіемъ антихристіанскихъ мнѣній и не умѣть возвыситься до пониманія того, на сколько простъ и высокъ католицизмъ, не въ каррикатурномъ своемъ видѣ,—я имѣлъ низость принесть все это въ жертву боязни людскаго мнѣнія. Меня смущали шутки моего сосѣда, хотя и не могла отъ меня скрыться ихъ пустота. Я скрывалъ свою вѣру, колебался, раздумывалъ, будетъ ли удобно или неудобно противорѣчить ему, говорилъ себѣ, что это безполезно, и хотѣлъ убѣдить себя, что я оправданъ.

Низость! Трусость! Что нужды въ кичливой силѣ прославленныхъ мнѣній, но безъ всякаго основанія? Правда, что неумѣстное рвеніе есть безразсудство и можетъ еще больше раздражить того, кто не вѣритъ. Но признаваться откровенно и въ то же время скромно въ томъ, что̀ ты твердо считаешь важною истиной, и признаваться въ этомъ даже и тамъ, гдѣ не ожидаешь одобренія, гдѣ ты предполагаешь, что не избѣгнешь небольшаго презрѣнія или насмѣшки,—вотъ это есть истинный нашъ долгъ. И это благородное признаніе всегда можетъ быть выполнено такъ, чтобы здѣсь не было неумѣстнаго характера миссіонерства.

Должно признаваться въ важной истинѣ во всякое время, потому что, если нельзя надѣяться, что немедленно познаютъ эту истину, можно, однако же, этимъ дать такой толчокъ душѣ другаго, который произведетъ бо̀льшее безпристрастіе сужденій, а за этимъ послѣдуетъ побѣда свѣта.

XXII.

Въ этой комнатѣ я прожилъ мѣсяцъ и нѣсколько дней. Въ ночь съ 18 на 19 февраля 1821 года я былъ разбуженъ шумомъ засововъ и замко̀въ; вижу, что входитъ нѣсколько человѣкъ съ фонаремъ: первая представившаяся мнѣ мысль была та, что пришли задушить меня. Но, пока я, недоумѣвая, смотрѣлъ на эти фигуры, подходитъ ко мнѣ съ любезнымъ видомъ графъ Б. и говоритъ мнѣ, чтобы я былъ такъ добръ, одѣлся бы поскорѣе для выхода отсюда.

Я былъ пораженъ этими неожиданными словами, и у меня явилась безумная надежда, что меня отправятъ къ границамъ Пьемонта.—Возможно ли, чтобы такая буря и улеглась такимъ образомъ? Неужели я вновь получу желанную свободу? Неужели я снова увижу моихъ дорогихъ родителей, братьевъ, сестеръ?

Но недолго волновали меня эти обманчивыя мечты. Я быстро одѣлся и послѣдовалъ за своими спутниками, не попрощавшись съ своимъ сосѣдомъ. Мнѣ показалось, что я слышалъ его голосъ, и мнѣ было жаль того, что я не могъ отвѣчать ему.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ я у графа, садясь въ коляску съ нимъ и съ жандармскимъ офицеромъ.

— Я не могу вамъ сказать этого, пока мы не будемъ въ милѣ разстоянія отъ Милана.

Я видѣлъ, что коляска не поѣхала къ Верчельскимъ воротамъ, и мои надежды разлетѣлись въ прахъ!

Я замолчалъ. Была прелестнѣйшая лунная ночь. Я смотрѣлъ на эти милыя улицы, по которымъ столько лѣтъ ходилъ такимъ счастливымъ,—на эти дома, на эти церкви. Все пробуждало во мнѣ тысячи сладкихъ воспоминаній.

О, бульваръ Восточныхъ Воротъ! О, вы, общественные сады, гдѣ я столько разъ гулялъ съ Фосколо, съ Монти, съ Людовико ди-Бреме, съ Пьетро Борсьери, съ Порро и съ его дѣтьми, съ столькими другими милыми людьми, бесѣдуя съ ними въ полномъ разцвѣтѣ жизни и надеждъ! О, какъ, говоря себѣ, что я вижу васъ въ послѣдній разъ, о, какъ, при вашемъ быстромъ исчезновеніи изъ моихъ глазъ, я чувствовалъ, что я любилъ и люблю васъ! Когда мы выѣхали изъ воротъ, я надвинулъ шляпу на глаза и плакалъ незамѣтно.

Давъ проѣхать больше чѣмъ съ милю, я сказалъ графу Б.: — Я полагаю, что мы ѣдемъ въ Верону.

— Ѣдемъ дальше,—отвѣчалъ онъ:—мы ѣдемъ въ Венецію, гдѣ я долженъ передать васъ спеціальной коммиссіи.

Мы ѣхали на почтовыхъ, не останавливаясь, и прибыли 20 февраля въ Венецію.

Въ сентябрѣ предыдущаго года, за мѣсяцъ до моего ареста, я былъ въ Венеціи и обѣдалъ въ многочисленной и веселой компаніи въ гостинницѣ Луны. Странное дѣло! Графъ Б. и жандармскій офицеръ привезли меня именно въ эту гостинницу Луны.

Слуга чрезвычайно былъ изумленъ, увидавъ меня и замѣтивъ, (хотя жандармъ и двое конвойныхъ, принявшихъ видъ прислуги, были переодѣты), что я въ рукахъ власти. Я обрадовался этой встрѣчѣ, будучи убѣжденъ, что слуга разскажетъ не одному о моемъ прибытіи.

Пообѣдали, а потомъ я былъ отведенъ въ палаццо дожа, гдѣ находился судъ. Проходя подъ этими дорогими портиками delle Procuratie [1]) и передъ кафе Флоріана, гдѣ я въ прошлую осень наслаждался столь прекрасными вечерами, я не встрѣтился ни съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ.

Прошли небольшую площадь... и на этой площади, въ прошломъ сентябрѣ, какой-то нищій сказалъ мнѣ эти странныя слова: — Видно, что вы чужестранецъ, синьоръ; но я не понимаю, какъ это вы и всѣ чужестранцы любуются этимъ мѣстомъ: для меня это — мѣсто несчастія, и я прохожу здѣсь единственно по необходимости.

---

[1]) Такъ называлось помѣщеніе прокураторовъ св. Марка во время Венеціанской республики. Прим. перев.

— Не случилось ли здѣсь какого нибудь съ вами несчастія?

— Да, синьоръ, страшное несчастіе, и не со мной однимъ. Богъ да сохранитъ васъ, синьоръ, Богъ да сохранитъ васъ!

И онъ поспѣшно удалился отсюда.

Проходя теперь снова по этой площади, нельзя было не вспомнить словъ нищаго. И опять на этой же площади, въ слѣдующемъ году, я всходилъ на эшафотъ, гдѣ слушалъ чтеніе моего смертнаго

приговора и замѣну этого наказанія пятнадцатилѣтнимъ тяжолымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ!

Если бы моя голова немножко бредила мистицизмомъ, я бы счёлъ великимъ этого нищаго, предсказавшаго мнѣ столь вѣрно, что это мѣсто несчастія. Я отмѣчаю этотъ фактъ единственно, какъ странную случайность.

Поднялись въ палаццо; графъ Б. переговорилъ съ судьями, затѣмъ передалъ меня тюремщику и, прощаясь со мной, растроганный, обнялъ меня.

XXIII.

Я молча послѣдовалъ за тюремщикомъ. Пройдя нѣсколько коридоровъ и залъ, мы пришли къ небольшой лѣстницѣ, которая привела насъ въ Свинцовыя тюрьмы, знаменитыя государственныя тюрьмы со времени Венеціанской республики.

Здѣсь тюремщикъ внесъ въ регистръ мое имя и затѣмъ заперъ меня въ назначенную мнѣ камеру. Такъ называемыя Свинцовыя тюрьмы (i Piombi) суть верхняя часть палаццо, бывшаго прежде дворцомъ дожа, вся крытая свинцомъ.

Въ моей камерѣ находилось большое окно съ огромной рѣшеткой, которое выходило на кровлю церкви св. Марка, крытую также свинцомъ. По ту сторону церкви я видѣлъ вдали конецъ площади и повсюду безконечное число куполовъ и колоколенъ. Гигантская колокольня св. Марка отдѣлялась отъ меня только церковью, и я слышалъ тѣхъ, кто нѣсколько громче говорилъ на верху ея. Съ лѣвой стороны церкви виднѣлась также большая часть огромнаго двора палаццо и одинъ изъ его входовъ. Въ этой части двора находился общественный колодезь, и туда безпрестанно приходили брать воду. Но тюрьма была такъ высока, что люди казались мнѣ тамъ внизу маленькими дѣтьми, и я различалъ ихъ слова только тогда, когда они кричали. Я находился здѣсь въ гораздо большемъ уединеніи, чѣмъ въ Миланской тюрьмѣ.

Въ первые дни заботы объ уголовномъ процессѣ, который былъ начатъ спеціальной коммиссіей относительно меня, печалили меня, и сюда присоединялось, можетъ быть, и это мучительное чувство одиночества. Кромѣ этого, я былъ еще дальше отъ своей семьи, и у меня не было больше извѣстій о ней. Новыя лица, которыя я видѣлъ, не были антипатичны мнѣ, но они были серьезны и какъ будто страшились меня. Молва преувеличила имъ заговоръ, составленный миланцами и остальной Италіей, съ цѣлью получить независимость, и они боялись, не былъ ли я одинъ изъ самыхъ непростительныхъ зачинщиковъ этого безумнаго дѣла. Моя небольшая литературная знаменитость была извѣстна тюремному смотрителю, его женѣ, дочери, двумъ его сыновьямъ и даже двумъ секонднни: кто ихъ знаетъ, не воображали ли всѣ они того, что авторъ трагедій есть что-то въ родѣ волшебника!

Были они серьезны, недовѣрчивы, но вполнѣ вѣжливы, и желали, чтобы я позволилъ имъ поближе познакомиться со мной.

Съ первыхъ же дней всѣ стали дружелюбнѣе, и я нашолъ ихъ добрыми. Жена смотрителя больше его обладала осанкой и характеромъ тюремщика. Эта была женщина съ чрезвычайно сухимъ лицомъ, лѣтъ сорока, съ чрезвычайно сухою рѣчью, безъ малѣй-

шаго слѣда того, чтобы она была способна любить кого нибудь другаго, кромѣ своихъ дѣтей.

Она приносила мнѣ кофе утромъ и послѣ обѣда, воду, бѣлье и пр. Съ нею приходили обыкновенно дочь, дѣвушка пятнадцати лѣтъ, некрасивая, но съ добрыми глазами, и два сына: одинъ тринадцати лѣтъ, другой—десяти. Потомъ они уходили вмѣстѣ съ матерью и, запирая за собою дверь, оборачивались, чтобы нѣжно взглянуть на меня. Тюремный смотритель не приходилъ ко мнѣ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда онъ долженъ былъ отвести меня въ залу, гдѣ собиралась коммиссія для разбора моего дѣла. Секондини приходили рѣдко, потому что заняты были въ полицейскихъ тюрьмахъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ, гдѣ было всегда много воровъ. Одинъ изъ этихъ секондини былъ старикъ, лѣтъ семидесяти слишкомъ, но еще годный для этой утомительной бѣготни вверхъ и внизъ по лѣстницамъ въ разныя камеры. Другой былъ молодой человѣкъ лѣтъ 24 или 25, болѣе склонный разсказывать свои любовныя похожденія, чѣмъ заниматься своей службой.

XXIV.

Да! страшны заботы объ уголовномъ процессѣ для подсудимаго, обвиняющагося во враждѣ къ государству! Какая боязнь, какъ бы не повредить другому! Какая трудность—бороться противъ столькихъ обвиненій, противъ столькихъ подозрѣній! Какая вѣроятность того, что все это не запутается еще ужаснѣе, если процессъ скоро не кончится, если будутъ сдѣланы новые аресты, если откроются новыя безразсудства не такихъ лицъ, которыя еще неизвѣстны, но тѣхъ же самыхъ, о которыхъ теперь идетъ дѣло!

Я рѣшился не говорить о политикѣ, и потому нужно, чтобы я удержался отъ всякаго разсужденія относительно процесса. Скажу только, что я часто, послѣ долгихъ часовъ въ залѣ засѣданій, возвращался въ свою камеру столь ожесточеннымъ, столь пылающимъ страшнымъ гнѣвомъ, что убилъ бы себя, если бы голосъ религіи и память о дорогихъ родителяхъ не удержали меня.

Спокойствіе духа, котораго, казалось мнѣ, я достигъ въ Миланѣ, теперь совершенно исчезло. Втеченіе нѣсколькихъ дней я отчаявался вновь достичь этого спокойствія, и то были адскіе дни. Я пересталъ тогда молиться, сомнѣвался въ справедливости Бога, проклиналъ людей и весь міръ и перебиралъ въ умѣ своемъ всѣ возможные софизмы относительно тщеты добродѣтели.

Несчастный и раздраженный человѣкъ страшно изобрѣтателенъ въ томъ, чтобы клеветать на себѣ подобныхъ и даже на самого Бога. Гнѣвъ болѣе безнравственъ, болѣе преступенъ, чѣмъ это во-

обще думаютъ. Такъ какъ невозможно неистовствовать съ утра до вечера, цѣлыми недѣлями, и душа, обуреваемая яростью, нуждается же въ промежуткахъ отдыха, то въ эти промежутки обыкновенно сознаётся вся безнравственность предъидущаго. Кажется тогда, что ты спокоенъ, но это спокойствіе — злобное, нечестивое; на губахъ дикая усмѣшка, безъ доброты, безъ достоинства; любовь къ безпорядку, къ опьяненію, къ насмѣхательству.

Въ подобномъ состояніи я пѣвалъ по цѣлымъ часамъ съ нѣкотораго рода веселостью, но въ этой веселости на самомъ дѣлѣ не было ни малѣйшаго признака добрыхъ чувствъ; я шутилъ со всѣми, кто входилъ въ мою камеру; я принуждалъ себя смотрѣть на все съ пòшлой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія циника.

Это постыдное время недолго тянулось: шесть или семь дней.

Моя Библія покрылась пылью. Одинъ изъ мальчиковъ смотрителя, лаская меня, сказалъ мнѣ: — Съ тѣхъ поръ, какъ вы больше не читаете этой книжонки, мнѣ кажется, что вы менѣе грустны.

— Кажется тебѣ? — сказалъ я ему.

И, взявъ Библію, я смахнулъ платкомъ пыль съ нея и окрылъ её на удачу; на глаза мнѣ попались вотъ эти слова: Et ait ad discipulos suos: impossibile est, ut non veniant scandala; vae autem illi, per quem venient! Utilius est illi si lapis molaris imponatur circa collum ejus et projiciatur in mare, quam ut scandalizet unum de pusillis istis [1]).

Я былъ пораженъ тѣмъ, что мнѣ попались именно эти слова, и покраснѣлъ при мысли, что этотъ мальчикъ былъ такъ проницателенъ: увидавъ пыль на Библіи, онъ рѣшилъ, что я не читаю ее больше, и потому-то я и сдѣлался добрѣе, что перестал заботиться о Богѣ.

— Ахъ ты, маленькій вольнодумецъ! (сказалъ я ему съ нѣжнымъ упрекомъ и сожалѣя о томъ, что я ввелъ его въ соблазнъ). Это—не книжонка; съ того времени, какъ я не читаю ее, я сдѣлался гораздо хуже. Когда твоя мать позволяетъ тебѣ побыть немного со мною, я пользуюсь этимъ, чтобы прогнать свое дурное расположеніе духа; но если бы ты зналъ, какъ оно одолѣваетъ меня, когда я одинъ, когда ты слышишь, что я пою, какъ безумный!

XXV.

Мальчикъ ушолъ, и я испытывалъ какую-то радость, что взялъ снова Библію и признался въ томъ, что я сталъ хуже безъ

---

[1]) И говоритъ своимъ ученикамъ: непремѣнно придутъ соблазны; но горе тому, чрезъ кого придутъ! Лучше ему, привязавъ къ своей выѣ мельничный камень, ввергнуться въ пучину морскую, чѣмъ ввести въ соблазнъ одного изъ этихъ малодушныхъ.

нея. Мнѣ казалось, что я удовлетворилъ великодушнаго друга, несправедливо оскорбленнаго мной, что я примирился съ нимъ.

— И я покинулъ Тебя, мой Боже?—воскликнулъ я.—И я совратился? И я могъ думать, что постыдный смѣхъ цинизма соотвѣтствуетъ моему безнадежному положенію?

Я произнесъ эти слова съ несказаннымъ волненіемъ, положилъ на стулъ Библію, всталъ на колѣни читать ее и я, которому такъ трудно плакать, залился слезами.

Эти слезы были въ тысячу разъ пріятнѣе всякаго веселья. Я вновь познавалъ Бога! я любилъ Его! я раскаявался въ томъ, что оскорбилъ Его, допустилъ себя упасть до такой степени! и я обѣщалъ никогда больше не разлучаться съ Нимъ, никогда!

О, какъ утѣшается и возвышается духъ искреннимъ возвратомъ въ религіи.

Я читалъ и плакалъ больше часу, и всталъ полнымъ вѣры въ то, что Богъ со мною, что Богъ простилъ мнѣ всякое заблужденіе. Тогда и мои несчастія, и муки процесса, и вѣроятная висѣлица мнѣ казались незначительнымъ дѣломъ. Я радовался страданію, такъ какъ оно давало мнѣ случай къ выполненію нѣкотораго долга, такъ какъ, страдая безропотно, съ духомъ покорнымъ Провидѣнію, я повиновался волѣ Господа.

Библію, благодареніе небу, я умѣлъ читать. Уже не судилъ я теперь о ней съ жалкой критикой Вольтера, насмѣхаясь надъ выраженіями, которыя смѣшны или неправильны только въ томъ случаѣ, когда, по истинному ли невѣжеству, или по ехидству, не проникаютъ въ ихъ смыслъ.

Мнѣ было ясно, какимъ собраніемъ святости, и отсюда истины, была Библія; я видѣлъ ясно, какая это не философская вещь оскорбляться нѣкоторыми несовершенствами ея слога, и на сколько это похоже на то высокомѣріе, съ какимъ презираютъ все то, что не имѣетъ элегантныхъ формъ; я видѣлъ ясно, какъ нелѣпо думать, что такое собраніе религіозно чтимыхъ книгъ не имѣетъ достовѣрнаго происхожденія; мнѣ было ясно, на сколько неоспоримо превосходство такого писанія надъ Кораномъ и надъ теологіей индѣйцевъ.

Многіе злоупотребляли этимъ писаніемъ, многіе хотѣли сдѣлать изъ него кодексъ несправедливости, санкцію ихъ преступныхъ страстей. Это правда; но у насъ все такъ: всѣмъ могутъ злоупотреблять; а развѣ можно когда сказать про что нибудь прекрасное, чѣмъ злоупотребляютъ, что это прекрасное само по себѣ зло?

Іисусъ Христосъ сказалъ: весь законъ и пророки, все это собраніе священныхъ книгъ, сводится къ заповѣди: любить Бога и людей. И такое писаніе развѣ не есть истина, приложимая ко всѣмъ вѣкамъ? развѣ не есть оно всегда живое слово Св. Духа.

Когда вновь пробудились во мнѣ эти размышленія, я опять вернулся къ своему рѣшенію — сообразовать съ религіей всѣ мои мысли относительно дѣлъ человѣческихъ, всѣ мои думы о прогрессѣ цивилизаціи, мою филантропію, мою любовь къ отечеству, всѣ склонности души моей.

Тѣ нѣсколько дней, которые я провелъ такъ недостойно, надолго меня запятнали. Послѣдствія ихъ я чувствовалъ долгое время и долженъ былъ много трудиться, чтобы уничтожить слѣды этихъ дней. Всякій разъ, какъ человѣкъ поддается нѣсколько искушенію, унижающему его разумъ, искушенію — смотрѣть на творенія Господа сквозь адское увеличительное стекло насмѣшки, когда человѣкъ прекращаетъ благодѣтельную молитву, — вредъ, который онъ производитъ всѣмъ этимъ въ собственномъ разумѣ, способствуетъ скорому и легкому паденію человѣка вновь въ это искушеніе. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль, почти всякій день, я подпадалъ подъ тяжелое вліяніе мыслей невѣрія: я употреблялъ всѣ силы моего духа, чтобы отогнать отъ себя эти мысли.

XXVI.

Когда эта борьба кончилась и когда я вновь, какъ мнѣ казалось, сталъ твердымъ въ вѣрѣ въ Бога, я наслаждался нѣкоторое время самымъ сладкимъ миромъ. Допросы, которымъ подвергала меня коммиссія каждые два или три дня, какъ они ни были мучительны, уже не причиняли мнѣ больше продолжительнаго безпокойства. Я старался, въ этомъ трудномъ положеніи, не измѣнить долгу чести и дружбы и затѣмъ говорилъ себѣ: а въ остальномъ да будетъ воля Божія.

Я опять вернулся къ точному выполненію ежедневной подготовки себя ко всякой нечаянности, ко всякой тревогѣ, ко всякому предполагаемому несчастію, и это занятіе вновь принесло мнѣ много пользы.

Мое одиночество между тѣмъ увеличилось. Оба сына тюремнаго смотрителя, иногда приходившіе, бывало, ко мнѣ не надолго, были отправлены въ школу и, бывая теперь чрезвычайно мало дома, больше уже не приходили ко мнѣ. Мать и сестра, когда бывали тутъ мальчики, также часто останавливались поболтать со мной, а теперь появлялись только за тѣмъ, чтобы подать кофе, и сейчасъ же оставляли меня. Что касается матери, я мало сожалѣлъ о томъ, потому что она не выказывала ни малѣйшаго состраданія. Но у дочери, хотя и некрасивой, была нѣкоторая нѣжность взгляда и рѣчи, которыя не остались не замѣченными мной. Если она приносила мнѣ кофе и говорила: «это я его дѣлала», кофе казался мнѣ всегда превосходнымъ. Если же говорила: «его мама дѣлала», вода была горяча.

Видя такъ рѣдко людей, я занялся муравьями, которые появлялись на моемъ окнѣ, роскошно кормилъ ихъ; эти уже призывали съ собой цѣлое войско товарищей, и окно кишѣло этими насѣкомыми. Я занялся также красивымъ паукомъ, который сплёлъ паутину на одной изъ моихъ стѣнъ. Кормилъ я его мушками и комарами, и онъ такъ подружился со мной, что спускался на кровать и на руку и бралъ добычу съ моего пальца.

Только и были одни насѣкомыя моими посѣтителями! Была еще весна, а комары уже размножились въ страшномъ количествѣ. Зима была чрезвычайно мягкая, и послѣ небольшихъ мартовскихъ вѣтровъ наступила жара. Трудно выразить, какъ накаливался воздухъ берлоги, въ которой я жилъ. Находясь подъ лучами южнаго солнца, живя подъ свинцовою крышей, имѣя окно, выходящее на крышу св. Марка, также крытую свинцомъ, отраженіе отъ которой было ужасное, я задыхался. Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о такомъ страшномъ, подавляющемъ жарѣ. Къ этому мученію присоединились еще комары въ такомъ количествѣ, что, сколько я ни метался, сколько ни убивалъ ихъ, я былъ покрытъ ими; постель, столикъ, стулъ, полъ, стѣны, потолокъ — все было ими покрыто; вся комната кишѣла ими: они безпрестанно прилетали и вылетали въ окно, производя адское жужжанье. Жалили эти твари чрезвычайно больно; и когда тебя жалятъ съ утра и до вечера и съ вечера до утра, да притомъ долженъ еще постоянно безпокоиться, придумывая, какъ бы уменьшить ихъ число,—такъ истинно страдаешь и тѣломъ, и духомъ.

Тогда-то, испытавъ подобный бичъ, я позналъ его тяжесть; просилъ и не могъ добиться, чтобы мнѣ перемѣнили комнату, и тогда мной овладѣло искушеніе—покончить съ жизнью самоубійствомъ, и я боялся, что сойду съ ума. Но, благодареніе небу, это безуміе было кратковременно, и религія продолжала поддерживать меня. Она убѣдила меня, что человѣкъ долженъ страдать и страдать съ твердостью; она дала мнѣ познать сладость горя, дала познать ту радость, когда не падаешь подъ тяжестью его, когда все одолѣваешь.

Я говорилъ себѣ: чѣмъ горше будетъ жизнь моя, тѣмъ менѣе страшно мнѣ будетъ увидѣть себя въ такіе молодые года, какъ мои, приговореннымъ къ казни. Безъ этихъ предварительныхъ страданій я умеръ бы, можетъ быть, трусомъ. Да и такія ли у меня добродѣтели, чтобы я достоинъ былъ счастія? Гдѣ онѣ?

И, съ справедливою строгостью спрашивая себя, я нашолъ въ прожитыхъ мной годахъ немного поступковъ, заслуживающихъ нѣкоторой похвалы: все остальное были глупыя страсти, служеніе кумирамъ, гордая и ложная добродѣтель.—Такъ и страдай, недостойный!—заключилъ я.—Если люди (и комары) убьютъ тебя, хотя бы по злобѣ и безъ всякаго права, познай въ нихъ орудія Божественной справедливости и молчи!

XXVII.

Нужна ли человѣку сила для искренняго смиренія? для признанія себя грѣшникомъ? Развѣ не правда то, что мы вообще тратимъ молодость по-пустому и вмѣсто того, чтобы употреблять наши силы на движеніе впередъ по пути къ благу, мы употребляемъ ихъ, большею частію, на собственное разрушеніе. Есть здѣсь исключенія; но признаюсь, что они не касаются моей бѣдной персоны. И нѣтъ никакой заслуги въ томъ, что я признаюсь въ недовольствѣ собою: если видишь, что лампа даетъ больше дыму, чѣмъ свѣту, не будетъ большой искренностью сказать, что она горитъ не какъ слѣдуетъ.

Да, безъ самоуниженія, безъ лицемѣрной совѣстливости, смотря на себя со всѣмъ возможнымъ спокойствіемъ мысли, я нашолъ себя достойнымъ кары Бога. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: подобныя наказанія должны быть тебѣ, если не за это, такъ за другое; они дали тебѣ возможность опять прійдти къ Тому, Кто совершенъ, и подражать Которому призваны всѣ смертные по мѣрѣ ихъ ограниченныхъ силъ.

На какомъ же основаніи сталъ бы я жаловаться, если одни люди явились по отношенію ко мнѣ подлыми, другіе — несправедливыми, если мірскія радости у меня были отняты, если я долженъ былъ зачахнуть въ тюрьмѣ или погибнуть насильственной смертью, когда я самъ принужденъ обвинить себя въ тысячѣ проступковъ противъ Бога?

Я старался твердо запечатлѣть въ своемъ сердцѣ эти столь справедливыя разсужденія: и, сдѣлавъ это, я увидѣлъ, что нужно быть послѣдовательнымъ и что имъ нельзя быть иначе, какъ благославляя правый судъ Божій, любя его и подавляя въ себѣ всякое желаніе, несогласное съ нимъ.

Чтобы возможно болѣе стать твердымъ въ этомъ рѣшеніи, я задумалъ отнынѣ впредь тщательно излагать письменно всѣ мои чувства. Плохо было то, что коммиссія, позволяя мнѣ имѣть письменныя принадлежности и бумагу, перенумеровала листы этой бумаги, съ воспрещеніемъ уничтожить хоть одинъ, и оставила за собой право изслѣдованія, на что я употребилъ эту бумагу. Чтобы замѣнить бумагу, я прибѣгъ къ невинной хитрости — полировалъ кусочкомъ стекла грубый столикъ, стоявшій у меня, и на немъ потомъ писалъ всякій день длинныя размышленія объ обязанностяхъ человѣка и въ особенности о моихъ обязанностяхъ.

Я не преувеличиваю, говоря, что для меня часы, употребленные такъ, были иногда полны наслажденія, не смотря на трудность дыханія, которую я испытывалъ отъ чрезмѣрнаго жара и мучительнѣйшихъ ужаленій комаровъ. Чтобы уменьшить количество

этихъ послѣднихъ, я былъ вынужденъ, не смотря на жаръ, завертывать себѣ голову и ноги и писать не только въ перчаткахъ, но и обвязавъ себѣ запястье, чтобы комары не попали за рукава.

Эти мои разсужденія носили характеръ скорѣе біографическій. Я разсказывалъ про все хорошее и дурное, что было во мнѣ съ дѣтства до сихъ поръ, разсуждая самъ съ собою, стараясь разрѣшить всякое сомнѣніе, приводя въ порядокъ, на сколько умѣлъ, всѣ мои понятія, всѣ мои мысли относительно всего.

Когда вся поверхность стола, годная для употребленія, становилась исписанной, я читалъ и перечитывалъ написанное, размышлялъ надъ тѣмъ, что уже было обдумано, и наконецъ рѣшался (часто съ сожалѣніемъ) соскоблить все это стекломъ, чтобы снова имѣть эту поверхность годной къ воспріятію моихъ мыслей.

Затѣмъ опять продолжалъ свою исторію; часто замедлялась она отступленіями всякаго рода, анализомъ то того, то этого метафизическаго пункта, или моральнаго, политическаго, религіознаго; и когда все было исписано, я опять читалъ и перечитывалъ, а потомъ соскабливалъ.

Не желая имѣть никакого повода къ препятствію въ пересказѣ самому себѣ, съ самой свободной довѣрчивостью, фактовъ, вспоминавшихся мнѣ, и моихъ мнѣній, и предвидя возможность чьего нибудь посѣщенія съ цѣлью обыска, я писалъ на жаргонѣ, т. е. переставанвливалъ буквы и дѣлалъ различныя сокращенія, къ чему я чрезвычайно привыкъ. Такого посѣщенія, однако, не случилось, и никто не замѣчалъ, что я такъ прекрасно провожу мое печальное время. Когда я, бывало, заслышу, что смотритель или другой кто открываетъ мою дверь, я покрываю столикъ скатертью и кладу на нее письменныя принадлежности и законную тетрадку бумаги.

XXVIII.

Также и этой тетрадкѣ посвящалъ я по нѣскольку часовъ, а иногда и цѣлый день или цѣлую ночь. Писалъ я тамъ литературныя вещи. Въ то время мной были написаны: «Ester d'Engaddi» и «Iginia d'asti» и слѣдующія пѣсни, озаглавленныя: «Tancreda», «Rosilde», «Eligi e Valafrido», «Adello», сверхъ того много набросковъ трагедій и другихъ произведеній, и, между прочимъ, набросокъ поэмы: «Lega Lombarda», и другой поэмы: «Cristoforo Colombo».

Такъ какъ допроситься новой тетради, когда старая кончилась, не всегда было легко и скоро, то я сначала набрасывалъ сочиненіе на столикѣ или на бумажонкѣ, въ которой мнѣ приносили сухія винныя ягоды или другіе фрукты. Иногда я отдавалъ свой обѣдъ одному изъ секондини, увѣряя его, что у меня вовсе нѣтъ аппетита, и тѣмъ подбивалъ его подарить мнѣ листокъ бумаги. Это

случалось только въ извѣстныхъ случаяхъ, когда столикъ былъ весь записанъ, и я еще не могъ рѣшиться соскоблить съ него то, что было написано. Въ такомъ случаѣ я терпѣлъ голодъ, и хотя тюремный смотритель имѣлъ въ распоряженіи мои деньги, я во весь день не просилъ у него чего нибудь поѣсть, частію потому, чтобы онъ не заподозрѣлъ, что я отдалъ свой обѣдъ, частію потому, чтобы секондино не увидалъ, что я обманулъ его, увѣряя, что я не въ аппетитѣ. Вечеромъ я поддерживалъ себя крѣпкимъ кофе и упрашивалъ, чтобы его приготовила сьора[1]) Цанце[2]). Это была дочь смотрителя; она, если могла сдѣлать кофе тайкомъ отъ матери, дѣлала его чрезвычайно крѣпкимъ, такимъ, что, при пустомъ желудкѣ, этотъ кофе причинялъ мнѣ нѣчто въ родѣ судорогъ, правда, не болѣзненныхъ, которыя и держали меня бодрствующимъ всю ночь.

Въ такомъ состояніи мягкаго опьяненія я чувствовалъ, что мои умственныя силы удвоивались; я поэтизировалъ, философствовалъ, молился до зари съ величайшимъ наслажденіемъ. Затѣмъ внезапное утомленіе охватывало меня: я бросался тогда на кровать и, не смотря на комаровъ, которымъ, сколько я ни завертывался, все-таки, удавалось жалить меня, я спалъ глубокимъ сномъ часъ или два.

Эти ночи, когда меня такъ возбуждалъ крѣпкій кофе, принятый на тощій желудокъ, эти ночи, проводимыя мною въ такой сладкой экзальтаціи, казались мнѣ слишкомъ благодѣтельными, чтобы я не старался часто доставлять ихъ себѣ. Почему, и не нуждаясь въ бумагѣ отъ секондино, я нерѣдко рѣшалъ не дотрогиваться ни до куска за обѣдомъ, чтобы получить вечеромъ желанныя чары магическаго напитка. И счастливъ я былъ, когда достигалъ этой цѣли! Нѣсколько разъ случалось, что кофе дѣлался не доброю Цанце и представлялъ изъ себя недѣйствительную кипяченую воду. Такая неудача нѣсколько сердила меня. Вмѣсто того, чтобы быть наэлектризованнымъ, я томился, зѣвалъ, чувствовалъ голодъ, бросался на кровать и не былъ въ состояніи заснуть.

Потомъ жаловался на это Цанце, и она жалѣла меня. Какъ-то разъ я сурово прикрикнулъ на нее за то, что она, будто бы, меня обманула. Бѣдняжка заплакала и говоритъ мнѣ: — Синьоръ, я никогда никого не обманывала, а всѣ зовутъ меня обманщицей.

— Всѣ! о, такъ значитъ, не я одинъ сержусь на эту бурду.

— Я не то хочу сказать, синьоръ. Ахъ, если бы вы знали!.. Если бъ я могла раскрыть вамъ свою душу!..

— Да не плачьте такъ. Что съ вами? Ну, простите, если я на-

---

[1]) Въ просторѣчіи венеціанцы говорятъ siora вм. signora и sior вм. signor. Прим. перев.

[2]) Анджіола.

прасно закричалъ на васъ. Вѣрю, вполнѣ вѣрю, что не по вашей винѣ у меня такой скверный кофе.

— Ахъ, да не о томъ я плàчу, синьоръ!

Мое самолюбіе было немного задѣто, но я улыбнулся.

— И такъ вы плачете не по случáю моего выговора, но совсѣмъ по другому поводу?

— Да, такъ.

— Кто же назвалъ васъ обманщицей?

— Мой милый.

И лице ея все покрылось краскою. И въ своей простодушной довѣрчивости она разсказала мнѣ комико-серьезную идиллію, которая растрогала меня.

XXIX.

Съ этого дня, не знаю уже почему, я сдѣлался наперсникомъ дѣвушки, и она стала подолгу бесѣдовать со мной.

Между прочимъ, она говорила мнѣ:—Синьоръ, вы такой добрый, что я смотрю на васъ такъ, какъ могла бы смотрѣть дочь на отца.

— Ну, это плохой комплименть,—отвѣчалъ я, отталкивая ея руку:—мнѣ едва тридцать два года, а вы уже смотрите на меня, какъ на отца.

— Такъ я скажу, синьоръ: какъ брата.

И, насильно взявъ мою руку, она съ чувствомъ пожала ее. И все это было наиневиннѣйшимъ образомъ.

Послѣ я говорилъ самъ съ собою:—Счастье, что она не красавица! а то въ другой разъ меня могла бы смутить эта невинная фамильярность.

Въ другой разъ я говорилъ себѣ:—Счастье, что она такъ молода! Нечего и бояться, чтобы я влюбился въ дѣвушку такихъ лѣтъ.

Иногда нападало на меня нѣкоторое безпокойство: мнѣ казалось, что я ошибался, считая ее некрасивой, и я долженъ былъ согласиться, что контуры и формы ея не были неправильны.

— Не будь она такой блѣдной,—говорилъ я:—и не будь у нея этихъ веснушекъ на лицѣ, она могла бы считаться хорошенькой.

Правда, что невозможно не находить нѣкотораго очарованія въ присутствіи, во взглядахъ, въ болтовнѣ милой, живой, молодой дѣвушки. Я и потомъ не старался пріобрѣсти ея благосклонность, и былъ ей милымъ, какъ отецъ или какъ братъ, на мой выборъ. А почему? Потому что она читала «Francesca da Rimini» и «Eufemio», и мои стихи такъ разжалобили ее! и затѣмъ еще потому, что я былъ арестантомъ, не убивъ, не ограбивъ никого, какъ она говорила.

И въ концѣ концовъ, я, который полюбилъ Маддалену, не видавъ ея, какъ я могъ быть равнодушнымъ къ сестринскимъ попеченіямъ, къ граціозно льстивымъ похваламъ, къ превосходнымъ кофеямъ этой.

Veneziananina adolescente sbirra? [1])

Я былъ бы лжецомъ, если бы приписалъ своему благоразумію то, что я не влюбился въ нее. Я не влюбился въ нее единственно потому, что у нея былъ возлюбленный, отъ котораго она была безъ ума. Горе бы мнѣ, если бы это было иначе!

Но если чувство, пробудившееся во мнѣ, было не то, которое называется любовью, то, признаюсь, что оно приближалось къ послѣдней. Я пламенно желалъ, чтобы она была счастлива, чтобы ей удалось выйдти замужъ за того, кто ей нравился; у меня не было ни малѣйшей ревности, ни малѣйшей мысли о томъ, что она могла бы меня избрать предметомъ своей любви. Но когда, бывало, заслышу я, что отворяется дверь, сердце бьется у меня отъ надежды, что это—Цанце; и если это была не она, я не былъ доволенъ; если

---

[1]) Молодой венеціанки — тюремщицы.

же это была она, сердце забьётся еще сильнѣе, и я радъ и счастливъ.

Ея родители, которые уже были хорошаго мнѣнія обо мнѣ и знали, что она влюблена до безумія въ другаго, безъ малѣйшаго опасенія позволяли почти всякій разъ ей самой приносить мнѣ мой утренній, а иногда и вечерній кофе.

Она обладала плѣнительною простотою и ласковостью. Какъ-то разъ она говорила мнѣ: — Я такъ сильно влюблена въ другаго, а между тѣмъ я столь охотно бываю съ вами. Когда я не вижу своего милаго, я только здѣсь и не скучаю.

— Ты не знаешь, почему это?

— Не знаю.

— Я тебѣ скажу—почему. Потому что я не мѣшаю говорить тебѣ о твоемъ возлюбленномъ.

— Это такъ; но мнѣ кажется и потому еще, что я васъ очень, очень уважаю!

Бѣдная дѣвушка! она часто брала меня за руку, пожимала мнѣ ее и не замѣчала, что это, въ одно время, и было пріятно мнѣ, и волновало меня.

Благодареніе Небу, я могу вспомнить безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти объ этомъ миломъ созданіи.

XXX.

Эти страницы были бы навѣрное гораздо пріятнѣе, если бы Цанце была влюблена въ меня, или, по крайней мѣрѣ, я бы бредилъ о ней. Однако, эта простая привязанность, которая насъ соединяла, мнѣ была дороже любви. И если я когда боялся, что мнѣ сердце могло измѣнить, меня это серьезно огорчало.

Какъ-то разъ, боясь, чтобы этого не случилось, въ отчаяніи отъ того, что нашелъ ее (уже не знаю, въ силу какого очарованія) въ сто разъ прекраснѣе, чѣмъ она показалась мнѣ сначала, будучи охваченъ грустью, которую я иногда испытывалъ вдали отъ нея, и радостью, которую причиняло мнѣ ея присутствіе, я рѣшился дня два быть угрюмымъ, воображая, что она нѣсколько отвыкнетъ отъ короткости со мною. Средство это мало помогло: эта дѣвушка была такъ терпѣлива, такъ сострадательна! Обопрется локтемъ на окно и все смотритъ на меня молчаливо. А потомъ и говоритъ мнѣ:

— Синьоръ, вамъ, кажется, наскучило мое присутствіе, а, все-таки, я, если бы могла, проводила бы здѣсь весь день, и именно потому, что вижу, что вамъ необходимо развлеченіе. Это скверное расположеніе духа есть естественный результатъ одиночества. А вотъ попытайтесь поболтать хоть немного, и скверное расположеніе духа исчезнетъ. А если вы не хотите поболтать, поболтаю я.

— О вашемъ возлюбленномъ, да?

— Ахъ, нѣтъ! не все же о немъ; я и о чемъ нибудь другомъ умѣю поговорить.

И она начинала дѣйствительно разсказывать мнѣ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о суровости матери, о добродушіи отца, о ребячествѣ братьевъ; и разсказы ея были полны простоты и прелести. Но, для себя самой незамѣтно, она попадала опять на излюбленную тему, на свою несчастную любовь.

Я не переставалъ быть угрюмымъ и надѣялся, что она разсердится на это. Она же, было ли это неумышленно или съ хитростью, не обращала вниманія на мою угрюмость, и пришлось мнѣ кончить тѣмъ, что я вновь повеселѣлъ, вновь улыбался, тронувшись ея нѣжнымъ терпѣніемъ со мной и благодаря ее за него.

Я откинулъ неблагодарную мысль — разсердить ее, и мало-помалу мои страхи оставили меня. Въ самомъ дѣлѣ я уже не находился подъ вліяніемъ ихъ. Долгое время изслѣдовалъ свою совѣсть; писалъ свои размышленія по этому вопросу, и подробное изложеніе ихъ мнѣ помогло.

Человѣкъ иногда пугается пустыхъ призраковъ. Чтобы не бояться ихъ, нужно разсмотрѣть ихъ поближе и съ бо̀льшимъ вниманіемъ.

И есть ли вина въ томъ, что я желалъ, съ нѣжнымъ безпокойствомъ, ея посѣщеній, что я дорожилъ тѣмъ удовольствіемъ, которое они доставляли мнѣ, что мнѣ пріятно было ея состраданіе ко мнѣ, пріятно было платить ей привязанностью за привязанность; вѣдь наши мысли, которыя мы передавали другъ другу, были чисты, какъ самыя чистыя мысли дѣтства; вѣдь самыя ея пожатія руки и ея ласковые взгляды, меня волнуя, наполняли меня спасительнымъ уваженіемъ.

Разъ вечеромъ, дѣлясь со мною сильнымъ огорченіемъ, испытаннымъ ею, несчастная бросилась ко мнѣ на шею и оросила лице мое слезами. Въ этомъ объятіи не было ни малѣйшей дурной мысли. Дочь не могла бы съ бо̀льшимъ почтеніемъ обнять своего отца.

А, всетаки, послѣ этого, мое воображеніе было слишкомъ потрясено. Это объятіе мнѣ часто приходило на умъ, и тогда я не могъ больше ни о чемъ другомъ думать.

Въ другой разъ, при подобномъ же порывѣ дочерней довѣрчивости, я быстро высвободился изъ ея милыхъ рукъ, не прижимая ее къ себѣ, не цѣлуя ее, и сказалъ ей:

— Прошу васъ, Цанце, не обнимайте меня никогда; это нехорошо.

Она пристально посмотрѣла на меня, потупила глаза, покраснѣла, и вѣрно впервые прочитала въ душѣ моей возможность любви къ ней.

Она и послѣ не переставала быть короткой со мной, но эта короткость сдѣлалась болѣе почтительной, болѣе соотвѣтствующей моему желанію, и за это я былъ ей благодаренъ.

XXXI.

Я не могу говорить о бѣдствіяхъ другихъ людей, но что касается моихъ, съ тѣхъ поръ, какъ я живу, нужно признаться, что, изслѣдовавъ ихъ хорошо, я всегда находилъ ихъ приносящими нѣкоторую пользу для меня. Да, кончая этимъ страшнымъ жаромъ, который меня угнеталъ, и этими арміями комаровъ, которыя вели со мной такую жестокую войну! Я тысячу разъ размышлялъ объ этомъ. Безъ этого безпрерывнаго, мучительнаго состоянія, былъ ли бы я постоянно на сторожѣ противъ угрожавшей мнѣ любви? и какъ было бы трудно быть любви достаточно почтительной съ такою веселою, привѣтливой натурой, какъ эта дѣвушка! Если я и въ такомъ положеніи боялся себя, то какъ бы я могъ управлять собою, при нѣсколько лучшемъ воздухѣ, при воздухѣ, располагающемъ къ веселости?

Въ виду неблагоразумія родителей Цанце, столько довѣрявшихся мнѣ, въ виду опрометчивости ея самой, что она не предусмотрѣла возможности стать для меня причиной преступнаго опьяненія, въ виду малой твердости моей добродѣтели, нѣтъ сомнѣнія, что удушающій жаръ этой печи и жестокіе комары были спасительны для меня.

Эта мысль нѣсколько примиряла меня съ этими бичами. И тогда я спрашивалъ себя:

— Хотѣлъ ли бы ты быть свободнымъ отъ нихъ и жить въ хорошей комнатѣ, въ которой бы дышалось легко, и больше не видѣть этого милаго созданія?

Я долженъ сказать правду! У меня не хватало духу отвѣтить на этотъ вопросъ.

Когда немного хоть любишь кого нибудь, нельзя выразить того удовольствія, которое доставляютъ, повидимому, чистые пустяки. Часто одно слово Цанце, ея улыбка, ея слезы, прелесть ея венеціанскаго говора, ловкость руки, съ какою она отмахивала платкомъ или вѣеромъ комаровъ отъ себя и отъ меня, наполняли мою душу дѣтскимъ довольствомъ, которое длилось весь день. Въ особенности мнѣ отрадно было видѣть, что ея печали уменьшались въ разговорѣ со мною, что ей нравилась моя набожность, что мои совѣты убѣждали ее, и что сердце ея воспламенялось, когда мы разсуждали о добродѣтели и о Богѣ.

— Когда мы поговоримъ вмѣстѣ о религіи, — говорила она: — я молюсь охотнѣе и съ бо̀льшею вѣрой.

Иногда разомъ обрывая какое нибудь пустое разсужденіе, она брала Библію, открывала ее, цѣловала на удачу какой нибудь стихъ и высказывала желаніе, чтобы я перевелъ ей и объяснилъ его. И при этомъ она говорила: хотѣла бы я, чтобы вы всякій разъ, какъ станете перечитывать этотъ стихъ, вспоминали, что я цѣловала его.

Не всегда, правда, приходились кстати ея поцѣлуи, въ особенности, если случалось открыть Библію на «Пѣснѣ пѣсней». Тогда, чтобы не заставлять краснѣть ее, я пользовался ея незнаніемъ латинскаго языка и останавливался только на такихъ фразахъ, гдѣ и святость книги, и невинность Цанце были бы неприкосновенны, такъ какъ и то и другое внушало мнѣ высокое къ нимъ уваженіе. Въ такихъ случаяхъ я никогда не позволялъ себѣ улыбаться. Для меня, однако, бывало немалое затрудненіе, когда она, не понимая хорошо моего лжеперевода, просила перевести ей періодъ слово въ слово и не позволяла мнѣ быстро переходить къ другому предмету.

XXXII.

Ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ! Цанце захворала. Въ первые дни своей болѣзни она приходила ко мнѣ, все жалуясь на сильную головную боль. Плакала и не объясняла причины своихъ слезъ. Только пробормотала какую-то жалобу на своего возлюбленнаго.

— Это злодѣй,—говорила она:—но да проститъ ему Богъ!

Сколько я ни упрашивалъ ее облегчить, какъ бывало прежде, свое сердце, я не могъ узнать, чтѐ огорчило ее до такой степени.

— Я завтра утромъ вернусь,—сказала она мнѣ какъ-то вечеромъ.

Но на слѣдующій день кофе принесла мнѣ ея мать, въ другіе дни—секондини, а Цанце тяжело занемогла.

Секондини говорили мнѣ двусмысленности на счетъ любви этой дѣвушки, которыя поднимали мои волосы дыбомъ. Обольщеніе? Но, можетъ быть, это клевета. Пряэнаюсь, что я повѣрилъ этому, и былъ страшно потрясенъ такимъ несчастіемъ. Но, всетаки, я еще надѣялся, что они лгутъ.

Черезъ мѣсяцъ слишкомъ ея болѣзни, бѣдняжка была отправлена въ деревню, и я уже больше не видалъ ее.

Не могу выразить, какъ я горевалъ объ этой потерѣ. О, на сколько болѣе страшнымъ сдѣлалось мое одиночество! Мысль, что это доброе созданіе несчастно, во сто разъ была для меня тяжелѣе ея отсутствія! Она такъ много утѣшала меня въ моихъ бѣдствіяхъ своимъ нѣжнымъ состраданіемъ ко мнѣ; а мое состраданіе было безплодно для нея! Но навѣрное она будетъ убѣждена, что я пла-

калъ по ней, что я всѣмъ бы пожертвовалъ, лишь бы принести ей, если бы это было возможно, какое нибудь утѣшеніе, что я не перестану никогда благословлять ее и молиться о ея счастіи.

Когда была Цанце, ея посѣщенія, хотя и были всегда слишкомъ коротки, но, прерывая однообразіе моей жизни, проходившей въ постоянномъ размышленіи и молчаливомъ изученіи, вплетая въ мои мысли другія мысли, возбуждая во мнѣ какое-то сладкое чувство, истинно скрашивали мое несчастіе и прибавляли мнѣ жизни.

Послѣ же нея тюрьма для меня вновь стала могилой. Впродолженіе многихъ дней я былъ подавленъ грустью до такой степени, что даже въ писаньѣ не находилъ ни малѣйшаго удовольствія. Грусть моя была, впрочемъ, спокойна, въ сравненіи съ прежде испытанными безумствами. Значило ли это, что я уже болѣе свыкся съ своимъ несчастіемъ? что я сталъ болѣе философомъ, болѣе христіаниномъ? или только то, что жаръ, отъ котораго я задыхался въ своей комнатѣ, ослабилъ до такой степени силу моего горя? Ахъ! не силу горя! Мнѣ помнится, что я сильно чувствовалъ его въ глубинѣ души моей, и, можетъ быть, далеко сильнѣе, такъ какъ я таилъ свое горе, не изливалъ его ни крикомъ, ни волненіемъ.

Конечно, долгій искусъ уже сдѣлалъ меня болѣе способнымъ терпѣть новыя огорченія, и я терпѣлъ ихъ, поручая себя волѣ Божіей. Я такъ часто говорилъ себѣ: жаловаться, это — малодушіе, — что, наконецъ, умѣлъ сдержать жалобы, готовыя обнаружиться; стыдился того, что онѣ были близки къ обнаруженію.

Занятіе излагать письменно свои мысли — содѣйствовало укрѣпленію моего духа, познанію тщеты всего; это занятіе содѣйствовало мнѣ привести большую часть моихъ разсужденій къ такимъ заключеніямъ:

— Богъ существуетъ; отсюда непогрѣшимая справедливость; отсюда все, что̀ происходитъ, предназначено для самыхъ лучшихъ цѣлей; отсюда страданіе человѣка на землѣ есть благо для него.

И знакомство съ Цанце для меня было благодѣтельно: оно смягчило мой характеръ. Ея нѣжное одобреніе было для меня импульсомъ — не измѣнять долгу, который, какъ я сознавалъ, лежитъ на каждомъ человѣкѣ: быть выше судьбы и потому быть терпѣливымъ; и я не измѣнялъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этому долгу. И эти нѣсколько мѣсяцевъ постоянства пріучили меня покоряться безропотно Провидѣнію.

Цанце видѣла меня гнѣвнымъ только два раза. Одинъ разъ былъ тотъ, о которомъ я уже упоминалъ, по поводу сквернаго кофе; другой разъ былъ по слѣдующему поводу.

Каждыя двѣ или три недѣли приносилъ мнѣ смотритель письмо отъ моего семейства, письмо, прошедшее сначала черезъ руки коммиссіи и жестоко обезображенное помарками самыхъ черныхъ чернилъ. Какъ-то разъ случилось, что, вмѣсто помарокъ нѣсколькихъ

фразъ, была проведена страшная полоса черезъ все такое письмо, за исключеніемъ словъ: «Carissimo Silvio», которыя стояли въ началѣ и привѣтствія въ концѣ: «t'abbracciamo tutti di cuore» [1]).

Я былъ такъ взбѣшенъ этимъ, что въ присутствіи Цанце разразился грубымъ крикомъ и проклиналъ самъ не знаю кого. Бѣдная дѣвушка жалѣла меня, но въ то же самое время меня упрекала въ противорѣчіи моимъ принципамъ. Я видѣлъ, что она права, и не проклиналъ уже больше никого.

XXXIII.

Какъ-то разъ одинъ изъ секондини вошелъ съ таинственнымъ видомъ въ мою камеру и сказалъ мнѣ:

— Когда была здѣсь сьора Цанце... такъ какъ она приносила вамъ кофе... и долго оставалась разговаривать... и я боюсь, какъ бы она, негодная, не разболтала всѣ ваши секреты, синьоръ...

— Не разболтаетъ ни одного,—сказалъ я ему гнѣвно:—и я, если бы у меня и были секреты, не былъ бы такъ глупъ, чтобы обнаруживать ихъ. Продолжайте.

— Извините, я вѣдь, знаете ли, и не говорю, что вы неблагоразумны, но я не довѣряю сьорѣ Цанце. А теперь, синьоръ, такъ какъ у васъ нѣтъ больше никого, кто бы приходилъ бесѣдовать съ вами... довѣряюсь... въ...

— Въ чемъ? Объяснитесь вы разомъ.

— Но вы сначала поклянитесь, что не измѣните мнѣ.

— Э! поклясться, что я ни измѣню вамъ, это я могу: я никогда никому не измѣнялъ.

— Скажите же на самомъ дѣлѣ, что клянетесь.

— Да, я клянусь, что не измѣню вамъ. Но знаете ли, глупый вы человѣкъ, что тотъ, кто способенъ измѣнить, способенъ и нарушить данную клятву.

Онъ вытащилъ изъ кармана письмо и передалъ мнѣ его, дрожа и заклиная меня, чтобы я уничтожилъ его, когда прочитаю.

— Постойте,—сказалъ я ему, развертывая письмо:—лишь только я прочту, я разорву въ вашемъ присутствіи.

— Но, синьоръ, нужно бы, чтобы вы отвѣтили, а я ждать не могу. Дѣлайте, когда хотите. Только условимся вотъ въ чемъ: когда вы услышите, что кто нибудь идетъ, знайте, что, если это я, то я все буду напѣвать пѣсенку: «Sognai, mi gera un gato». Въ такомъ случаѣ вамъ нечего бояться, что васъ застанутъ врасплохъ, и вы можете держать какую угодно бумагу въ карманѣ. Но если вы не услышите этой пѣсенки, то это будетъ значить,

[1]) Всѣ обнимаемъ тебя отъ всего сердца.

что или это не я, или я иду не одинъ. Въ такомъ случаѣ вы не держите никакой тайной бумаги, потому что можетъ быть обыскъ, и если у васъ есть какая нибудь бумажка, вы какъ можно тщательнѣе разорвите ее и бросьте въ окно.

— Будьте спокойны; я вижу, что вы предусмотрительны, и я буду такимъ же.

— Однако, вы назвали меня глупцомъ.

— Побраните меня за это,—сказалъ я ему, пожимая его руку.— Простите.

Онъ ушелъ, и я прочелъ:

«Я... (здѣсь говорилось имя) одинъ изъ вашихъ почитателей: я знаю наизусть всю вашу «Francesca du Rimini». Меня арестовали за... (здѣсь былъ обозначенъ день ареста и причина его); я бы далъ не знаю сколько фунтовъ своей крови, чтобы доставить себѣ удовольствіе—быть съ вами, или, по крайней мѣрѣ, получить камеру, смежную съ вашей, съ той цѣлью, чтобы мы могли говорить другъ съ другомъ. Когда я узналъ отъ Тремерелло,—такъ назовемъ мы нашего повѣреннаго,—что вы, синьоръ, схвачены, и причину этого, у меня явилось пламенное желаніе сказать вамъ, что никто не сожалѣетъ о васъ болѣе меня, что никто не любитъ васъ болѣе меня. Не будете ли вы столь добры, не примете ли вы слѣдующаго предложенія: будемъ облегчать тяжесть нашего одиночества, переписываясь другъ съ другомъ? Я вамъ обѣщаю, какъ честный человѣкъ, что ни одна живая душа никогда ничего не узнаетъ отъ меня объ этомъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что того же самаго я могу надѣяться и отъ васъ, если вы примете мое предложеніе. А пока, чтобы вы хоть сколько нибудь ознакомились со мной, я даю вамъ очеркъ моей жизни, и пр.»...

Слѣдовалъ самый очеркъ.

XXXIV.

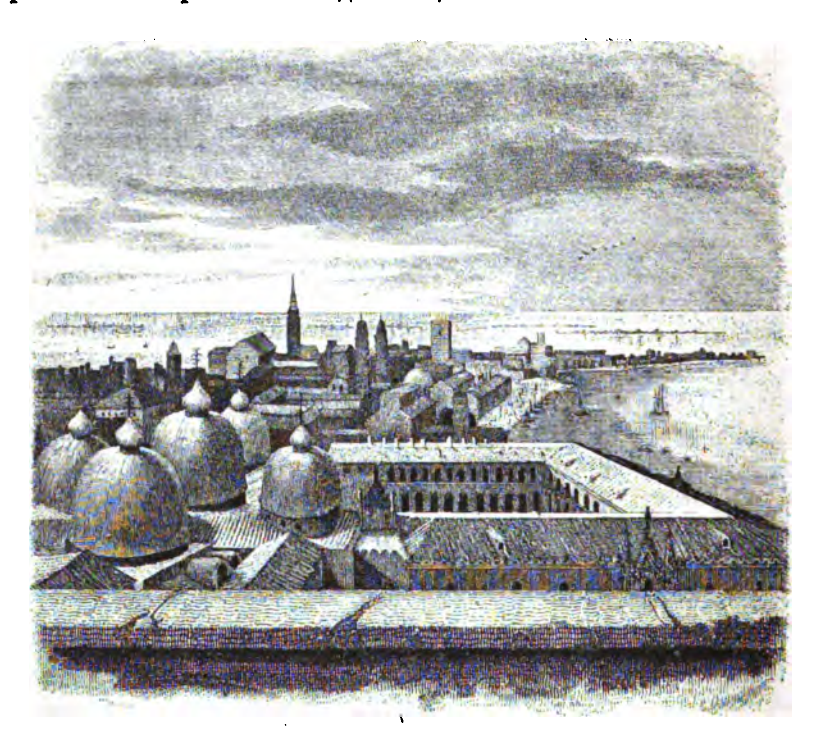
Всякій читатель, у котораго есть хоть немного воображенія, легко пойметъ, какимъ электрическимъ должно было быть подобное письмо для бѣднаго арестанта, въ особенности для арестанта съ характеромъ вовсе не нелюдимымъ и съ любящимъ сердцемъ. Первымъ моимъ чувствомъ было—полюбить этого неизвѣстнаго, тронуться его несчастіями и быть полнымъ благодарности за ту благосклонность, которую онъ оказалъ мнѣ. Да!—воскликнулъ я:— я принимаю твое предложеніе, великодушный! Да принесутъ и тебѣ мои письма утѣшеніе равное тому, какое принесутъ мнѣ твои, когда уже я извлекъ изъ твоего перваго письма!

И читалъ, и перечитывалъ я это письмо съ ребяческимъ ликованіемъ, и сотни разъ благословлялъ написавшаго его, и мнѣ ка-

залось, что всякое его выраженіе показывало душу чистую, искреннюю, благородную.

Заходило солнце: это былъ часъ моей молитвы. О, какъ я чувствовалъ присутствіе Божества! какъ я благодарилъ Его за то, что Оно не оставляетъ меня, а находитъ все новыя средства къ тому, чтобъ не дать истомиться силамъ моего ума и сердца! Какъ оживлялись во мнѣ воспоминанія о всѣхъ драгоцѣнныхъ благахъ Его!

Я стоялъ у окна, скрестивъ руки, просунутыя сквозь рѣшетку: церковь Св. Марка была подо мной, безчисленное множество воль-

ныхъ голубей ворковали, порхали и гнѣздились на ея свинцовой крышѣ; великолѣпное небо стояло надо мной; я царилъ надъ всей этой частью Венеціи, виднѣвшейся изъ моей тюрьмы; далекій гулъ человѣческихъ голосовъ пріятно поражалъ мой слухъ. Въ этомъ мѣстѣ несчастномъ, но прекрасномъ для взоровъ, я бесѣдовалъ съ Тѣмъ, только Чьи очи видѣли меня, я поручалъ Ему моего отца, мою мать и одного по одному всѣхъ, кто мнѣ дорогъ, и мнѣ казалось, что Онъ отвѣчалъ мнѣ: «довѣрься моей благости!» и я восклицалъ: «да, я довѣряюсь Твоей благости!»

И я окончилъ свою молитву, умиленный, успокоенный, и мало обращалъ вниманія на ужаленія, которыми между тѣмъ весело надѣляли меня комары.

Въ этотъ вечеръ, когда стало успокоиваться, послѣ такого возбужденія, мое воображеніе, а комары начали становиться невыносимыми, и я почувствовалъ необходимость закрыть себѣ лицо и руки, внезапно пришла мнѣ въ голову злая и низкая мысль, кинувшая меня въ дрожь; я желалъ прогнать эту мысль и не могъ.

Тремерелло высказалъ мнѣ гнусное подозрѣніе относительно Цанце: что она вывѣдывала отъ меня мои секреты; она! эта чистая душа! которая ничего не знала въ политикѣ! которая ничего и не желала знать о ней!

Въ ней невозможно мнѣ было сомнѣваться; но я спросилъ себя, а имѣю ли такую же самую увѣренность въ Тремерелло? А если этотъ плутъ есть орудіе подлыхъ розысковъ? Если это письмо сочинено Богъ знаетъ кѣмъ, чтобы подтолкнуть меня сдѣлать важныя сообщенія новому другу? Можетъ быть, предполагаемый арестантъ, который мнѣ пишетъ, и не существуетъ вовсе; — можетъ быть, и существуетъ, да только какой нибудь безчестный человѣкъ, который добивается секретовъ, разсчитывая спасти себя раскрытіемъ ихъ;—а можетъ быть, и онъ благородный человѣкъ, тàкъ, но безчестенъ Тремерелло, который хочетъ погубить двоихъ, чтобы выиграть этимъ прибавку къ своему жалованью.

О, какъ это гадко, но и какъ естественно бояться повсюду вражды и козней тому, кто страдаетъ въ темницѣ!

Такая боязнь, такія сомнѣнія меня угнетали, меня принижали. Нѣтъ, въ Цанце я никогда не могъ ихъ имѣть ни на минуту! Всетаки, когда Тремерелло сболтнулъ эти слова по поводу Цанце, у меня явилось полусомнѣніе—не въ ней, а въ тѣхъ, кто допускалъ ее приходить ко мнѣ въ камеру. Неужели возлагали на нее, по своему ли тò усердію, или по приказанію свыше, тяжелую обязанность развѣдчицы? О, если это такъ, то какъ имъ плохо услужили!

Но что мнѣ дѣлать съ письмомъ неизвѣстнаго? Послѣдовать, что ли, суровымъ и скареднымъ совѣтамъ страха, который величаютъ благоразуміемъ? Возвратить письмо Тремерелло и сказать ему:—я не хочу рисковать своимъ спокойствіемъ? — А если здѣсь вовсе нѣтъ никакого обмана? А если неизвѣстный есть человѣкъ весьма достойный моей дружбы, заслуживающій того, чтобы я рискнулъ чѣмъ бы то ни было, лишь бы умѣрить ему тоску одиночества? Трусъ! вѣдь ты стоишь, можетъ быть, въ двухъ шагахъ отъ смерти, вѣдь тебѣ со дня на день могутъ произнести смертный приговоръ, и неужели ты откажешься сдѣлать еще разъ дѣло любви? Отвѣчать я долженъ, отвѣчать! Но если, по несчастью, узнаютъ объ этой перепискѣ и никто не могъ бы по совѣсти вмѣнить намъ ее въ преступленіе, то развѣ не вѣроятно, всетаки, что бѣднаго Тремерелло постигнетъ жестокое наказаніе? Недостаточно ли этого соображенія для того, чтобы не предпринимать тайной переписки, считая подобное рѣшеніе своимъ безусловнымъ долгомъ?

XXXV.

Я волновался весь вечеръ, не смыкалъ глазъ всю ночь и среди столькихъ неизвѣстностей не зналъ, на что рѣшиться.

Я поднялся съ постели до зари, всталъ на окно и молился. Въ такихъ трудныхъ случаяхъ нужно съ вѣрой просить совѣта у Бога, внимать Его внушеніямъ и слѣдовать имъ.

Я такъ и сдѣлалъ, и послѣ долгой молитвы спустился съ окна, стряхнулъ комаровъ, потеръ руками искусанныя щеки, и рѣшеніе было принято: высказать Тремерелло мой страхъ, что опасность этой переписки можетъ пасть на него; отказаться отъ нея, если онъ поколеблется; — принять, если онъ не поддастся страху.

Я прохаживался по комнатѣ, пока не услыхалъ, какъ напѣваютъ: «Sognai, mi gera un gato, E ti me carezzevi». Это Тремерелло несъ мнѣ кофе.

Я высказалъ ему свое безпокойство и не пожалѣлъ словъ, чтобы навести на него страхъ. Но онъ остался твердымъ въ желаніи служить, какъ сказалъ онъ, двумъ такимъ прекраснымъ господамъ. Такое заявленіе довольно-таки не шло къ его трусливому, какъ у зайца, лицу и къ имени Тремерелло, какое мы ему дали[1]). А въ такомъ случаѣ твердъ былъ и я.

— Я вамъ оставлю свое вино, — сказалъ я ему: — только снабдите меня бумагой, необходимой для этой корреспонденціи, и вѣрьте тому, что, если я услышу звонъ ключей безъ вашей пѣсенки, я всегда уничтожу въ одну минуту какой бы то ни было тайный предметъ.

— А вотъ вамъ и бумага. Я вамъ всегда буду давать ее, какъ только пожелаете, и полагаюсь совершенно на вашу аккуратность.

Я обжегъ себѣ нёбо, глотая поскорѣе кофе. Тремерелло ушелъ, и я расположился писать.

Хорошо ли я дѣлалъ? Было ли принятое мною рѣшеніе внушено дѣйствительно Богомъ? Не восторжествовало ли здѣсь скорѣе мое собственное желаніе, мое предпочтеніе тягостнымъ жертвамъ того, что мнѣ нравится? Не было ли это рѣшеніе слѣдствіемъ совокупности гордаго самодовольства изъ-за того уваженія, которое засвидѣтельствовалъ мнѣ неизвѣстный, и боязни, какъ бы я не показался трусомъ, если я предпочту благоразумное молчаніе нѣсколько рискованной перепискѣ?

Какъ разрѣшить эти сомнѣнія? Я откровенно ихъ высказалъ товарищу по заключенію, отвѣчая ему, и, тѣмъ не менѣе, прибавилъ, что мое мнѣніе таково: когда кому нибудь кажется, что онъ поступаетъ по хорошимъ причинамъ и безъ явнаго отвращенія со-

---

[1]) Tremerello — трусъ.

вѣсти, онъ больше не долженъ страшиться вины. Пусть и онъ, всетаки, обдумаетъ точно также со всею должною серьёзностью то дѣло, которое мы предпринимаемъ, и скажетъ мнѣ откровенно, съ какой степенью спокойствія или безпокойства онъ рѣшается на это. И если по новому размышленію онъ счелъ бы это предпріятіе слишкомъ неблагоразумнымъ, мы постарались бы отказаться отъ того утѣшенія, которое доставляла бы намъ переписка, и удовлетворились бы тѣмъ, что мы познакомились другъ съ другомъ, перекинувшись немногими словами, но неизгладимыми и стоющими высокой дружбы.

Я написалъ четыре горячихъ страницы, одушевленныхъ самымъ искреннимъ чувствомъ, объяснилъ вкратцѣ причины моего ареста, говорилъ съ изліяніемъ сердца о своемъ семействѣ и о нѣкоторыхъ другихъ своихъ обстоятельствахъ, имѣя цѣлью дать ему узнать меня во всѣхъ сокровенныхъ изгибахъ души моей.

Вечеромъ мое письмо было отнесено. Не спавъ предъидущую ночь, я былъ страшно утомленъ; сонъ не заставилъ себя призывать, и я пробудился слѣдующимъ утромъ укрѣпившимся, веселымъ, замирающимъ отъ сладкой мысли, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ я получу отвѣтъ друга.

XXXVI.

Отвѣтъ пришелъ вмѣстѣ съ кофе. Я бросился на шею къ Тремерелло и сказалъ ему съ нѣжностью:—«Богъ да вознаградитъ тебя за твою доброту!» Всѣ мои подозрѣнія относительно его и неизвѣстнаго разлетѣлись, не умѣю даже и сказать—почему; потому что они были мнѣ ненавистны; потому что, остерегаясь когда бы то ни было безъ толку говорить о политикѣ, они казались мнѣ безполезными; потому что, хотя я и почитатель таланта Тацита, я, всетаки, очень мало вѣрю въ правильность тацитствованія, т. е. того, чтобы видѣть всѣ вещи въ черномъ цвѣтѣ.

Джуліано (такъ угодно было пишущему назвать себя) начиналъ письмо съ предварительныхъ любезностей и говорилъ, что у него нѣтъ никакого безпокойства относительно предпринятой корреспонденціи. Потомъ подшучивалъ, вначалѣ умѣренно, надъ моими колебаніями, а затѣмъ подшучиваніе становилось нѣсколько колкимъ. Наконецъ, послѣ краснорѣчивой похвалы моей искренности, просилъ у меня извиненія, если онъ не могъ скрыть отъ меня неудовольствія, которое онъ испыталъ, замѣтивъ во мнѣ,—говорилъ онъ,— какую-то совѣстливую нерѣшительность, какую-то христіанскую тонкость совѣсти, что̀ не можетъ согласоваться съ истинной философіей.

«Я всегда буду васъ уважать, — присовокуплялъ онъ: — если даже мы и не можемъ быть согласными въ этомъ; но искренность, которой я держусь, обязываетъ меня сказать вамъ, что у меня нѣтъ религіи, что я всѣми ими гнушаюсь, что я только изъ скромности принимаю имя Джуліано, потому что этотъ добрый императоръ [1]) былъ врагомъ христіанъ, но что на самомъ дѣлѣ я гораздо дальше его иду въ этомъ. Коронованный Юліанъ вѣрилъ въ Бога и имѣлъ въ себѣ много ханжескаго. У меня нѣтъ ничего, я не вѣрю въ Бога, всю добродѣтель полагаю въ любви истины и того, кто ее ищетъ, и въ ненависти къ тому, кто мнѣ не нравится».

И, продолжая такимъ образомъ, не приводилъ никакихъ доказательствъ, поносилъ направо и налѣво христіанство, восхвалялъ съ напыщенной энергіей высоту нерелигіозной добродѣтели и писалъ панегирикъ императору Юліану, частью въ серьёзномъ, частью въ шутливомъ духѣ, за его вѣроотступничество и за его человѣколюбивую попытку стереть съ лица земли всѣ слѣды Евангелія.

Боясь затѣмъ, что слишкомъ задѣлъ мои мнѣнія, онъ снова просилъ у меня извиненія и говорилъ противъ столь частаго недостатка искренности. Повторялъ свое величайшее желаніе войдти со мной въ сношеніе и привѣтствовалъ меня.

Приписка гласила: «У меня нѣтъ иного безпокойства совѣсти, кромѣ того, что я недостаточно откровененъ. Поэтому я не могу умолчать о своемъ подозрѣніи, что христіанскій языкъ, которымъ вы со мной говорите, есть притворство. Я горячо желаю этого. Въ такомъ случаѣ бросьте маску: я вамъ подалъ примѣръ».

Не умѣю выразить страннаго дѣйствія, произведеннаго на меня этимъ письмомъ. Я дрожалъ, какъ влюбленный въ первые періоды: ледяная рука, казалось, сжала мнѣ сердце. Этотъ сарказмъ надъ моей совѣстливостью меня оскорбилъ. Я раскаявался, что открылъ сношеніе съ такимъ человѣкомъ: я, который такъ презираю цинизмъ! я, который считаю его самой нефилософской, самой грубой изъ всѣхъ тенденцій! я, на котораго такъ мало дѣйствуетъ высокомѣріе!

Прочитавъ послѣднее слово, я взялъ письмо между большимъ и указательнымъ пальцемъ одной руки и большимъ и указательнымъ пальцемъ другой руки и, поднявъ лѣвую руку, быстро дернулъ правую, такъ что въ каждой рукѣ осталось по половинкѣ письма.

[1]) Императоръ Юліанъ — богоотступникъ. Прим. перев.

XXXVII.

Я смотрѣлъ на эти два лоскутка и съ минуту размышлялъ о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ и о ложности ихъ наружнаго вида. Немного времени тому назадъ такая жажда этого письма, а теперь я разрываю его въ негодованіи! Немного времени тому назадъ такое предвкушеніе будущей дружбы съ этимъ товарищемъ по несчастію; такая увѣренность во взаимной поддержкѣ; такое желаніе явить себя ему полнымъ горячей любви, а теперь я называю его наглецомъ!

Я положилъ эти оба куска одинъ на другой, снова взялъ ихъ попрежнему между большимъ и указательнымъ пальцемъ одной руки и большимъ и указательнымъ пальцемъ другой и опять поднялъ лѣвую руку и быстро дернулъ правой рукой.

Готовъ былъ опять повторить то же самое, но одинъ изъ лоскуточковъ выпалъ у меня изъ рукъ; я наклонился поднять его, и въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда я наклонялся и поднимался, я перемѣнилъ рѣшеніе и захотѣлъ вновь прочесть это гордое писаніе.

Сажусь, составляю другъ съ другомъ эти четыре куска на Библіи и перечитываю. Оставляю ихъ такъ лежать, прохаживаюсь, еще разъ перечитываю и въ это время думаю:

— Если я ему не отвѣчу, онъ разсудитъ, что я страшно смущенъ, что я не осмѣливаюсь снова явиться передъ такимъ Геркулесомъ. Отвѣтимъ ему, покажемъ ему, что мы не боимся очной ставки доктринъ. Покажемъ ему путемъ, что нѣтъ никакой трусости въ зрѣломъ взвѣшиваніи совѣтовъ, въ колебаніи, если идетъ дѣло о рѣшеніи нѣсколько опасномъ и притомъ болѣе опасномъ для другихъ, чѣмъ для насъ. Пусть онъ узнаетъ, что истинное мужество не въ насмѣхательствѣ надъ совѣстью, что истинное достоинство не въ гордости. Объяснимъ ему разумность христіанства и несостоятельность безвѣрія. И наконецъ, если этотъ Джуліано высказываетъ мнѣнія, столь противоположныя моимъ, если онъ не щадитъ меня отъ колкихъ сарказмовъ, если онъ такъ мало старается снискать мое расположеніе къ нему, не служитъ ли это, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ того, что онъ не шпіонъ? Развѣ только вотъ что: можетъ быть, эти грубые удары, наносимые имъ моему самолюбію, есть тонкая хитрость? Однако, нѣтъ; я не могу этому вѣрить. Я золъ на то, что меня оскорбили дерзкими насмѣшками, и потому-то мнѣ и хочется убѣдить себя, что тотъ, кто бросаетъ эти насмѣшки, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ самымъ презрѣннымъ изъ людей. Низкая злоба, которую я тысячи разъ осуждалъ въ другихъ, прочь изъ моего сердца! Нѣтъ, Джу-

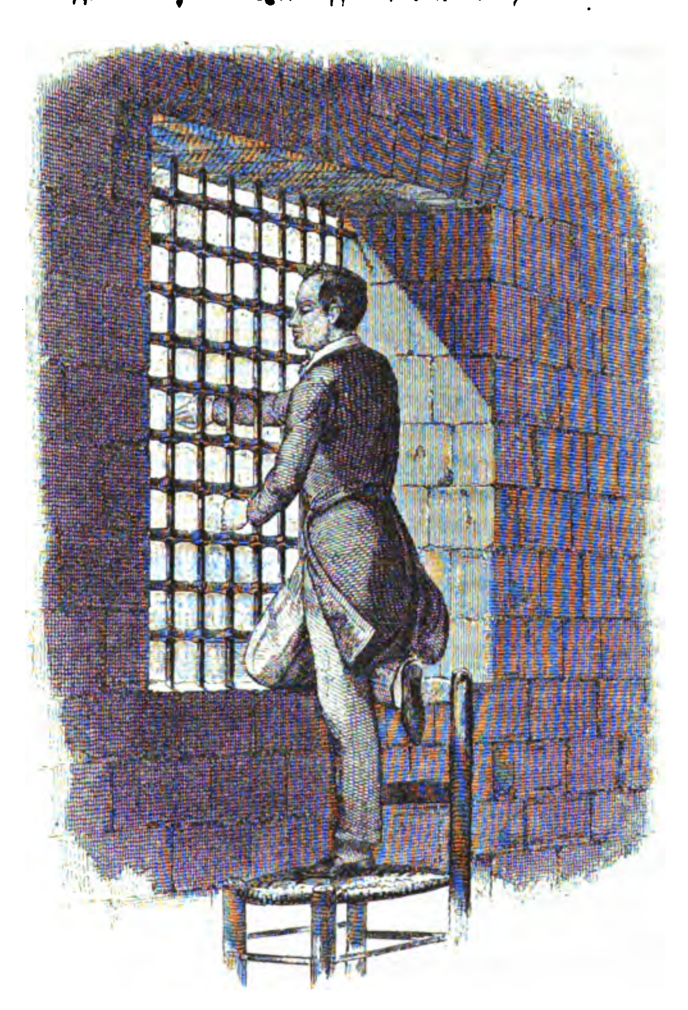
ліано есть то, что онъ есть, и ничего больше; онъ наглецъ, а не шпіонъ. Да и имѣю ли я въ самомъ дѣлѣ право давать ненавистное имя наглости тому, что онъ считаетъ искренностью? Вотъ какое твое смиреніе, о, лицемѣръ! Стоитъ только кому нибудь, по заблужденію ума, держаться ложныхъ мнѣній и насмѣяться надъ твоей вѣрой, ты тотчасъ берешь на себя право порицать и унижать его. Богъ знаетъ, не хуже ли это ярое смиреніе и зложелательное рвеніе въ моей груди, въ груди христіанина, не хуже ли дерзкой откровенности этого невѣрующаго? Можетъ быть, ему не достаетъ только луча милосердія, чтобы его твердая любовь къ истинѣ измѣнилась въ религію болѣе стойкую, чѣмъ моя. Не сдѣлаю ли я лучше, если буду молиться за него, чѣмъ негодовать на него и считать себя лучшимъ? Кто знаетъ, можетъ быть, въ то время, какъ я гнѣвно разрывалъ его письмо, онъ перечитывалъ съ нѣжною любовью мое и столько вѣрилъ въ мою доброту, что считалъ меня неспособнымъ обидѣться его откровеннымъ словомъ? Который изъ двухъ самый неправый: тотъ ли, кто любитъ и говоритъ: «я не христіанинъ», или тотъ, кто говоритъ: «я христіанинъ», и не любитъ? Трудное дѣло узнать человѣка, даромъ, что прожилъ съ нимъ долгіе годы, а я хочу судить о немъ по одному письму. Между столькими возможностями нѣтъ ли такой, что, не признаваясь въ томъ самому себѣ, онъ вовсе не спокоенъ въ своемъ атеизмѣ, и поэтому возбуждаетъ меня къ борьбѣ съ нимъ, втайнѣ надѣясь, что онъ долженъ будетъ мнѣ уступить? О, пусть бы это было такъ! О, великій Боже, въ Чьихъ рукахъ самыя недостойныя орудія могутъ быть дѣйствительными, избери меня, избери меня на это дѣло! Внуши мнѣ тѣ сильные, могущественные и святые доводы, которые побѣдили бы этого несчастнаго! которые привели бы его къ благословенію Тебя и къ познанію того, что вдали отъ Тебя нѣтъ такой добродѣтели, которая не была бы противорѣчіемъ!

XXXVIII.

Я разорвалъ на мельчайшіе кусочки, но безъ всякихъ слѣдовъ гнѣва, четыре лоскутка письма; подошелъ къ окну, протянулъ руку и остановился посмотрѣть на участь различныхъ кусочковъ бумаги на волѣ вѣтра. Нѣкоторые легли на свинцовую крышу церкви, другіе долго кружились въ воздухѣ и упали на землю. Я увидѣлъ, что всѣ они разлетѣлись въ разныя стороны, и нѣтъ никакой опасности, что кто нибудь ихъ соберетъ и проникнетъ въ ихъ тайну.

Потомъ я написалъ Джуліано и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы я не былъ и не показался раздосадованнымъ.

Шутилъ надъ его боязнью, что я довелъ тонкость совѣсти до степени несогласимой съ философіей, и сказалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, на счетъ этого отложилъ свои сужденія. Хвалилъ его за то, что онъ такъ искрененъ; увѣрялъ его, что онъ найдетъ меня равнымъ себѣ въ этомъ отношеніи, и прибавлялъ, что для того, чтобы дать ему въ томъ доказательство, я опоясываюсь на

защиту христіанства, будучи твердо убѣжденъ,—говорилъ я,—что, какъ я буду всегда готовъ къ тому, чтобы дружески выслушать всѣ ваши мнѣнія, такъ и вы будете великодушны и выслушаете спокойно мои.

Эту защиту я предполагалъ вести исподволь и пока началъ ее точнымъ анализомъ сущности христіанства: богопочитаніе, разоблаченіе суевѣрій, братство между людьми, вѣчное стремленіе къ

добродѣтели, смиреніе безъ униженія, достоинство безъ гордости, образецъ: Богочеловѣкъ! Что еще болѣе философскаго, болѣе великаго?

Я намѣренъ былъ затѣмъ показать, какъ проявлялось болѣе или менѣе слабо такое знаніе во всѣхъ тѣхъ, кто со свѣтомъ разума искалъ истины, но никогда не было распространено во всей вселенной, и какъ Божественный Учитель, прійдя на землю, далъ намъ поразительный примѣръ Самого Себя, распространяя это знаніе съ средствами человѣчески болѣе слабыми. То, чего никогда не могли сдѣлать величайшіе философы: уничтоженіе идолопоклонства и общее проповѣданіе братства,—выполнено было нѣсколькими грубыми провозвѣстниками. Тогда освобожденіе рабовъ производилось все чаще и, наконецъ, явилось государство безъ рабовъ, такое общественное устройство, какое древнимъ философамъ казалось невозможнымъ.

Обозрѣніе исторіи, начиная отъ Іисуса Христа до нашего времени, должно было, въ концѣ концовъ, показать, какъ религія, основанная Іисусомъ Христомъ, всегда была пригодна для всѣхъ возможныхъ степеней цивилизаціи. А потому ложно то, что если цивилизація продолжаетъ идти впередъ, такъ Евангеліе перестаетъ быть согласимымъ съ ней.

Я писалъ мельчайшимъ шрифтомъ и довольно долго; но, все-таки, я не могъ сказать больше, такъ какъ мнѣ не достало бумаги. Я прочиталъ и перечиталъ свое введеніе, и мнѣ показалось, что оно написано было хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одной фразы, показывавшей злопамятство относительно сарказмовъ Джуліано, и письмо изобиловало выраженіями доброты, продиктованными сердцемъ, уже вполнѣ примиреннымъ.

Я послалъ письмо и на слѣдующее утро съ душевной тревогой ждалъ на него отвѣта.

Пришелъ Тремерелло и говоритъ мнѣ:

— Тотъ господинъ не могъ писать, но проситъ васъ продолжать вашу шутку.

— Шутку?—воскликнулъ я.—Неужели онъ сказалъ: шутку? Можетъ быть, вы плохо поняли?

Тремерелло пожалъ плечами:—Можетъ быть, плохо понялъ.

— Но, можетъ, вамъ только кажется, что онъ сказалъ: шутку?

— Какъ мнѣ кажется въ эту минуту, что я слышу звонъ на колокольнѣ св. Марка. (Дѣйствительно въ это время гудѣлъ колоколъ).

Я выпилъ кофе и молчалъ.

— Но скажите мнѣ: все ли мое письмо прочиталъ этотъ господинъ?

— Думаю, что прочиталъ, такъ какъ хохоталъ онъ, хохоталъ, какъ съумасшедшій, и, скатавъ изъ этого письма шарикъ, онъ ки-

далъ имъ въ воздухъ; а когда я ему сказалъ, чтобы онъ не забылъ послѣ уничтожить его, онъ тотчасъ же его разорвалъ.

— Отлично!

И я возвратилъ Тремерелло чашку, говоря, что уже видно, что кофе приготовляла сьора Беттина.

— А что, развѣ плохъ?

— Отвратителенъ.

— А, однако, дѣлалъ его я и увѣряю васъ, что я сдѣлалъ его крѣпкимъ; и нѣтъ причинъ къ тому, чтобы онъ былъ плохъ.

— Ну, можетъ быть, у меня скверный вкусъ во рту.

XXXIX.

Я цѣлое утро ходилъ взадъ и впередъ, дрожа отъ негодованія. Что за человѣкъ этотъ Джуліано? Зачѣмъ называть мое письмо шуткой? зачѣмъ смѣяться и играть имъ какъ мячикомъ? зачѣмъ не отвѣтить мнѣ ни строчки? Всѣ невѣрующіе таковы! Чувствуя слабость своихъ мнѣній, они, если кто нибудь берется опровергнуть эти мнѣнія, не слушаютъ, смѣются, хвастаются превосходствомъ ума, которому уже больше нечего изслѣдовать. Несчастные! И была ли когда философія безъ изслѣдованія, безъ серьёзности? Если правда, что Демокритъ всегда смѣялся, такъ онъ былъ буффонъ. Но по-дѣломъ мнѣ, зачѣмъ я предпринималъ эту корреспонденцію? Что я обманывалъ себя на одинъ моментъ, это еще простительно. Но когда я увидалъ, что онъ наглецъ, не глупо ли было то, что я опять писалъ ему?

Я рѣшился больше не писать ему. За обѣдомъ Тремерелло взялъ мое вино, вылилъ его въ бутылку и, кладя ее къ себѣ въ карманъ, сказалъ:—О, да, вѣдь у меня бумага здѣсь есть для васъ.

И подалъ мнѣ ее.

Онъ ушелъ; а я, смотря на эту бѣлую бумагу, почувствовалъ искушеніе написать въ послѣдній разъ Джуліано и распроститься съ нимъ, преподавъ ему хорошій урокъ по поводу того, что наглость гнусна.

— Прекрасное искушеніе!—сказалъ я потомъ:—воздать ему презрѣніемъ за презрѣніе! заставить его еще больше возненавидѣть христіанство, являя ему въ себѣ, христіанинѣ, нетерпѣніе и гордость! Нѣтъ, это не годится; прекратимъ на самомъ дѣлѣ переписку. А если я прекращу ее такъ сухо, развѣ не скажетъ онъ равнымъ образомъ, что нетерпѣніе и гордость одолѣли меня? Слѣдуетъ еще разъ написать ему и безъ желчи. Но если можно писать безъ желчи, то не лучше ли будетъ умолчать о его хохотѣ и о томъ, что онъ удостоилъ назвать письмо мое шуткою? Не лучше ли будетъ про-

должать попросту свое письмо? Не лучше ли будетъ искренно продолжать мою апологію христіанства?

Я подумалъ немного объ этомъ и затѣмъ принялъ это рѣшеніе.

Вечеромъ отправилъ письмо и на слѣдующее утро получилъ нѣсколько строкъ благодарности, строкъ очень холодныхъ, однако, безъ колкихъ выраженій, но и безъ малѣйшаго слѣда одобренія или приглашенія продолжать мое письмо.

Такая записка мнѣ не понравилась. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился не отказываться до конца.

Мой тезисъ не могъ быть трактуемъ вкратцѣ, и потому онъ былъ предметомъ пяти или шести другихъ длинныхъ писемъ, на каждое изъ которыхъ мнѣ отвѣчали лаконической благодарностью съ прибавленіемъ какихъ нибудь изъявленій, не идущихъ къ дѣлу: то онъ проклиналъ своихъ враговъ, то смѣялся надъ тѣмъ, что проклиналъ ихъ, и говорилъ, что естественно сильнымъ притѣснять слабыхъ и что онъ сожалѣетъ только о томъ, зачѣмъ онъ не сильный, то повѣрялъ мнѣ свои любовныя похожденія и то вліяніе, которое они оказывали на его измученное воображеніе.

Тѣмъ не менѣе, на послѣднее мое письмо относительно христіанства, онъ сказалъ, что готовитъ мнѣ длинный отвѣтъ. Я ждалъ больше недѣли, а между тѣмъ, онъ всякій день писалъ мнѣ совсѣмъ о другомъ и, бо̀льшею частью, разныя непристойности.

Я просилъ его вспомнить объ отвѣтѣ, должникомъ котораго онъ состоитъ мнѣ, и совѣтовалъ ему приложить всѣ старанія къ правильному взвѣшенію всѣхъ доводовъ, которые я привелъ ему.

Онъ мнѣ отвѣтилъ нѣсколько раздраженно, надѣляя себя именами философа, человѣка, которому нечего бояться, человѣка, не нуждающагося въ такомъ взвѣшиваніи, чтобы понять, что черное не бѣло. И затѣмъ онъ занялся веселымъ разсказомъ о своихъ скандальныхъ приключеніяхъ.

XL.

Я все еще терпѣливо сносилъ, чтобы не дать ему повода назвать меня ханжей и нетерпимымъ, и не отчаявался еще, что послѣ этой горячки эротическихъ буффонствъ наступитъ періодъ серьёзности. Между тѣмъ, я высказывалъ ему свое неодобреніе его неуваженія къ женщинамъ, его профанаціи любви, и сожалѣлъ о тѣхъ несчастныхъ, которыя, какъ онъ мнѣ говорилъ, были его жертвами.

Онъ притворялся, что плохо вѣритъ моему неодобренію, и повторялъ: что̀ бы вы тамъ ни бормотали сквозь зубы по поводу безнравственности, я увѣренъ, что васъ занимаютъ мои разсказы; всѣ люди любятъ это удовольствіе, какъ я,

но у нихъ не хватаетъ откровенности явно говорить о томъ; я вамъ разскажу теперь такое, что очарую васъ, и вы по чистой совѣсти сочтете себя обязаннымъ апплодировать мнѣ.

Но изъ недѣли въ недѣлю онъ вовсе не переставалъ писать эти безстыдства, и я (все надѣясь въ каждомъ письмѣ найдти что нибудь иное и будучи привлекаемъ любопытствомъ) читалъ все, и моя душа становилась не то что развращенной, но смущенной; она отдалилась отъ благородныхъ и святыхъ мыслей. Общеніе съ испорченными людьми портитъ самого, если только не обладаешь добродѣтелью гораздо бо̀льшею обычной, гораздо бо̀льшею, чѣмъ та, какою обладалъ я.

— Вотъ и наказанъ ты,—говорилъ я самому себѣ:—за твою самонадѣянность! Вотъ что выигрывается, когда пускаешься въ миссіонерство, не имѣя должныхъ качествъ для этого!

Въ одинъ прекрасный день я рѣшился написать ему эти слова: «Я до сихъ поръ всѣми силами старался вызвать васъ на другія темы, а вы все мнѣ посылаете разсказы, которые, какъ я откровенно вамъ говорилъ, мнѣ не нравятся. Если угодно вамъ, чтобы мы говорили о болѣе достойныхъ вещахъ, тогда продолжимъ нашу переписку; въ противномъ случаѣ пожмемъ другъ другу руку, и пусть каждый изъ насъ останется при своемъ».

Два дня не было отвѣта, и я вначалѣ радовался тому. О, благословенное одиночество!—восклицалъ я:—сколь менѣе тягостно ты нестройнаго, унижающаго сообщества! Вмѣсто того, чтобы сердиться, читая тѣ безстыдства; вмѣсто того, чтобы напрасно стараться противопоставить имъ благородныя мысли, которыя прославляли бы человѣка, я буду опять бесѣдовать съ Богомъ, я вернусь къ своимъ дорогимъ воспоминаніямъ о своемъ семействѣ, о своихъ истинныхъ друзьяхъ. Я буду снова больше прежняго читать Библію, писать на столикѣ свои мысли, изучая свое сердце и стараясь улучшить его, я вернусь снова къ тихой, невинной грусти, въ тысячу разъ предпочтительной всякихъ игривыхъ и скверныхъ картинъ.

Всякій разъ, какъ Тремерелло входилъ въ мою камеру, онъ говорилъ мнѣ:—Отвѣта еще нѣтъ.—Хорошо,—отвѣчалъ я.

На третій день онъ сказалъ мнѣ:—Синьоръ N. N. лежитъ полубольной.

— Что съ нимъ?

— Онъ не говоритъ ничего; но все время въ постели, не ѣстъ, не пьетъ и въ скверномъ расположеніи духа.

Я былъ сильно опечаленъ тѣмъ, что онъ страдаетъ, и что у него нѣтъ никого, кто бы утѣшилъ его.

У меня сорвалось съ языка, или, лучше сказать, вырвалось изъ сердца:—Я напишу ему двѣ строчки.

— Я ихъ отнесу сегодня вечеромъ,—сказалъ Тремерелло и ушолъ.

Я былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, садясь за столикъ. Хорошо ли я дѣлаю, что снова берусь за перо? Не я ли благословлялъ недавно свое одиночество, какъ вновь отысканное сокровище? Какъ же я непостояненъ! Однако, этотъ несчастный не ѣстъ, не пьетъ; навѣрное онъ боленъ. И время ли теперь покидатъ его? Послѣдняя моя записка была жестока: не помогла ли она огорчить его? Можетъ быть, не смотря на различіе нашего образа мыслей, онъ никогда бы не разорвалъ нашей дружбы. Моя записка, можетъ быть, показалась ему суровѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; онъ и принялъ ее за безусловное, пренебрежительное прости.

XLI.

Я написалъ слѣдующее:

«Я слышу, что вы нездоровы, и это сильно меня огорчаетъ. Отъ всего сердца я желалъ бы быть возлѣ васъ и оказать вамъ всѣ услуги друга. Я надѣюсь, что единственной причиной вашего молчанія за эти три дня было ваше плохое здоровье. Не оскорбились, вѣдь, вы моей запиской того дня? Я написалъ ее, увѣряю васъ въ этомъ, безъ малѣйшаго недоброжелательства и съ единственной цѣлью привлечь васъ къ болѣе серьезнымъ предметамъ разсужденія. Если писать вамъ болѣзнь не позволяетъ, посылайте мнѣ только точныя извѣстія о вашемъ здоровьѣ; я буду вамъ писать всякій день что нибудь, чтобы развлечь васъ и чтобы вы помнили, что я хочу вамъ добра».

Я никогда не ожидалъ такого письма, какимъ онъ мнѣ отвѣтилъ. Оно началось такъ: «Я отказываю тебѣ въ дружбѣ: если ты не знаешь, что дѣлать съ моей, то и я не знаю, что мнѣ дѣлать съ твоей. Я не такой человѣкъ, который прощалъ бы оскорбленія; я не такой человѣкъ, который вернулся бы, разъ онъ отринутъ. Потому что ты знаешь, что я боленъ, ты пристаешь лицемѣрно ко мнѣ въ надеждѣ, что болѣзнь ослабитъ мой духъ и допуститъ меня слушать твои проповѣди»... И онъ продолжалъ дальше все въ такомъ же родѣ, жестоко порицая меня, насмѣхаясь надо мной, выставляя въ каррикатурномъ видѣ все, что я говорилъ ему о религіи и о нравственности, обѣщая жить и умереть всегда однимъ и тѣмъ же, т. е. съ величайшею ненавистью и съ величайшимъ презрѣніемъ ко всѣмъ философіямъ, отличнымъ отъ его.

Я былъ ошеломленъ.

— Хорошихъ дѣлъ надѣлалъ я,—говорилъ я себѣ съ горемъ и ужасомъ.—Богъ мнѣ свидѣтель, что мои намѣренія были чисты! Нѣтъ, я не заслужилъ этихъ оскорбленій! Терпѣніе! однимъ образумленіемъ больше. Да образумится и тотъ, если онъ выдумываетъ

себѣ обиды, чтобы имѣть удовольствіе не прощать ихъ! Больше того, что я сдѣлалъ, я не обязанъ дѣлать.

Всетаки, спустя нѣсколько дней, мое негодованіе улеглось, и я подумалъ, что такое бѣшеное письмо могло быть результатомъ непродолжительной возбужденности.—Можетъ быть, онъ и стыдился его,—говорилъ я:—но слишкомъ гордъ, чтобы признаться въ томъ, что онъ не правъ. Не великодушно ли будетъ теперь, когда у него было время успокоиться, еще разъ написать ему?

Мнѣ многаго стоило принести въ такую жертву мое самолюбіе, но я это сдѣлалъ. Кто смиряется, не имѣя въ виду низкихъ цѣлей, тотъ не унижается, какое бы несправедливое презрѣніе ни пало на него.

Я получилъ въ отвѣтъ письмо менѣе жестокое, но не менѣе оскорбительное. Онъ, непримиренный, говорилъ мнѣ, что удивляется моей евангельской кротости.

«Ну, хорошо, примемся,—продолжалъ онъ:—опять за переписку; но будемъ говорить прямо. Мы не любимъ другъ друга. Мы будемъ писать съ той цѣлью, чтобы каждому позабавить самого себя, свободно излагая на бумагѣ все, что приходитъ намъ въ голову: вы—ваши серафимскія мысли и образы, а я—свои богохульства; вы—ваши восторги по поводу достоинства мужчины и женщины, а я—простой разсказъ о своихъ нечестіяхъ, въ надеждѣ, что я обращу васъ, а вы обратите меня. Отвѣчайте мнѣ, нравится ли вамъ такой договоръ».

Я отвѣчалъ: «Это не договоръ, а насмѣшка. Я искренно желалъ вамъ добра. Совѣсть не обязываетъ меня больше ни къ чему иному, какъ къ пожеланію вамъ всякаго счастія и въ этой и будущей жизни».

Такъ кончились мои тайныя сношенія съ этимъ человѣкомъ,— кто знаетъ!—можетъ быть, болѣе ожесточеннымъ несчастіемъ и безумствующимъ съ отчаянія, чѣмъ дурнымъ по натурѣ.

XLII.

И опять я истинно благословлялъ свое одиночество, и мои дни втеченіе нѣкотораго времени вновь потекли безъ всякихъ перемѣнъ.

Кончилось лѣто; въ послѣдней половинѣ сентября жаръ спалъ. Наступилъ октябрь; я радовался теперь, что у меня комната будетъ хороша для зимняго времени. Но вотъ разъ утромъ приходитъ тюремный смотритель и говоритъ мнѣ, что ему приказано перемѣнить мою камеру.

— Куда же переводятъ меня?

— Да вотъ тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, въ болѣе прохладную камеру.

— А почему же не подумали объ этомъ въ то время, когда я умиралъ отъ жары и когда воздухъ кишѣлъ комарами, а постель— клопами?

— Приказа раньше не было.

— Ну, хорошо!—идемъ.

Хотя я и многое вытерпѣлъ въ этой камерѣ, мнѣ, всетаки, грустно было покидать ее; и не только потому, что она была прекрасной въ холодное время года, но и по многимъ другимъ причинамъ. Тамъ у меня были муравьи, которыхъ я любилъ и кормилъ съ заботливостью, я сказалъ бы, почти отеческой, если бы это не было смѣшнымъ выраженіемъ. За нѣсколько дней передъ этимъ мой милый паучокъ, о которомъ я говорилъ, эмигрировалъ куда-то, уже не знаю, по какой причинѣ; но я говорилъ себѣ: кто знаетъ, не вспомнитъ ли онъ обо мнѣ и не вернется ли? И теперь, когда я ухожу, можетъ быть, вернется онъ и найдетъ эту камеру пустой; а если и будетъ здѣсь другой какой нибудь гость, можетъ, будетъ онъ врагомъ пауковъ и смететъ туфлей эту красивую паутину и раздавитъ бѣдную тварь! Сверхъ того, не скрашивалось ли мое печальное пребываніе въ этой камерѣ добротою Цанце? Бывало, такъ часто прислонялась она къ этому окну и великодушно кидала моимъ муравьямъ крошки буццолан[1]). Тамъ, бывало, сидѣла обыкновенно; здѣсь вотъ разсказывала мнѣ про это; тутъ разсказывала про то; тамъ вонъ наклонялась она надъ моимъ столикомъ и обливала его своими слезами!

Помѣщеніе, куда перевели меня, находилось также въ свинцовыхъ тюрьмахъ[2]), но на сѣверъ и западъ, съ двумя окнами,—одно здѣсь, другое тамъ; мѣстопребываніе постоянныхъ простудъ и страшнаго холода въ суровые мѣсяцы.

Окно, выходившее на западъ, было огромное; окно, выходившее на сѣверъ, было маленькое и находилось высоко надъ моею кроватью.

Я высунулся сначала въ то окно и увидѣлъ, что оно выходитъ напротивъ палаццо патріарха. Вблизи моей тюрьмы находились другія въ небольшомъ флигелѣ направо и въ каменномъ строеніи напротивъ меня. Въ этомъ строеніи было двѣ камеры, одна надъ другой. Въ нижней было громадное окно, и въ него видно мнѣ было, что тамъ ходитъ по комнатѣ человѣкъ, прилично одѣтый. Это былъ синьоръ Капорали ди Чезена. Онъ увидалъ меня, сдѣлалъ мнѣ какой-то знакъ, и мы сказали другъ другу наши имена.

---

[1]) Buzzolai—венеціанское печенье, нѣчто въ родѣ пирожковъ.
Прим. перев.

[2]) Sotto i piombi. Собственно «подъ свинцами», т. е. въ самомъ верхнемъ этажѣ, подъ свинцовою крышей. Тюрьмы въ этомъ этажѣ потому и называются просто: i piombi—свинцы. Прим. перев.

Потомъ захотѣлъ я взглянуть, куда выходитъ мое другое окно. Я поставилъ на кровать столикъ, на столикъ стулъ, вскарабкался на него и увидѣлъ себя на одномъ уровнѣ съ крышей палаццо. По ту сторону палаццо представился мнѣ прекрасный видъ на городъ и на лагуну.

Я стоялъ и любовался этимъ прекраснымъ видомъ и, слыша, что отворяется дверь, я не тронулся съ мѣста. Это былъ тюремный смотритель, который, увидавъ меня взобравшимся туда наверхъ, забылъ, что я не могу, какъ крыса, уйдти черезъ рѣшетку, вообразилъ, что я пытаюсь бѣжать, и, страшно испугавшись, быстро вскочилъ на кровать, не смотря на ломоту въ бедрахъ, которая мучила его, и схватилъ меня за ногу, пронзительно крича.

— Да развѣ вы не видите,—сказалъ я ему:—что нельзя бѣжать— вѣдь тутъ рѣшетка? Неужели вы не можете сообразить, что я взлѣзъ только изъ одного любопытства?

— Вижу, сьоръ, вижу, понимаю; но слѣзайте, говорю я вамъ, слѣзайте; еще соблазнитесь, пожалуй, улепетнуть.

И мнѣ пришлось слѣзть, и я разсмѣялся.

XLIII.

Въ окна боковыхъ камеръ я познакомился съ шестью другими политическими заключенными.

И вотъ я, предполагая, что буду находиться въ бо̀льшемъ одиночествѣ, чѣмъ прежде, попадаю въ нѣкоторомъ родѣ въ общество. Въ началѣ я досадовалъ на это, то ли потому, что долгая затворническая жизнь сдѣлала меня нелюдимымъ, то ли потому, что непріятный исходъ моего знакомства съ Джуліано меня сдѣлалъ недовѣрчивымъ.

Тѣмъ не менѣе, тѣ небольшіе разговоры, которые мы вели, частію словами, частію знаками, въ короткое время сдѣлались для меня благодѣяніемъ, если не потому, что эти разговоры развеселяли меня, такъ, по крайней мѣрѣ, потому, что они служили развлеченіемъ для меня. О своемъ сношеніи съ Джуліано я не сказалъ ни съ кѣмъ ни слова. Мы дали другъ другу честное слово, что схоронимъ въ себѣ эту тайну. Если я и говорю о томъ на этихъ страницахъ, такъ это потому, что кому бы ни попались онѣ на глаза, тому невозможно будетъ догадаться, кто изъ всѣхъ, находившихся въ этой тюрьмѣ, былъ Джуліано.

Къ новымъ вышеупомянутымъ знакомствамъ съ товарищами по заключенію присоединилось еще одно̀, которое было для меня самымъ пріятнымъ.

Изъ большаго окна мнѣ виднѣлся, кромѣ тюремъ, бывшихъ насупротивъ меня, цѣлый рядъ крышъ, украшенный трубами,

террасками, колокольнями, куполами, который сливался въ перспективѣ съ моремъ и небомъ. Въ ближайшемъ ко мнѣ домѣ,— это былъ флигель патріархатства,—жило одно доброе семейство, которое получило права на мою признательность, выказывая мнѣ своими поклонами состраданіе и жалость, которую я внушалъ имъ. Одинъ поклонъ, одно слово любви несчастнымъ,—какая это великая милость!

Началось это съ того, что тамъ изъ окна выглянулъ мальчикъ, лѣтъ девяти или десяти, поднялъ ко мнѣ свои рученки, и я услыхалъ, что онъ кричитъ:

— Мама, мама, вонъ тамъ вверху, въ свинцовой тюрьмѣ, посадили кого-то. О, бѣдный арестантъ, кто ты?

— Я Сильвіо Пелико,—отвѣчалъ я.

Подбѣжалъ къ окну и другой мальчикъ, постарше, и закричалъ:

— Ты Сильвіо Пелико?

— Да; а вы, милыя дѣти?

— Меня зовутъ Антоніо С..., а моего брата—Джузеппе.

Потомъ онъ обернулся назадъ и сказалъ:—Что еще надо спросить у него?

И какая-то женщина, въ половину скрытая отъ меня, думаю, что это была ихъ мать, подсказала этимъ милымъ дѣтямъ нѣсколько ласковыхъ словъ, которыя они мнѣ и сказали, и я съ нѣжностью поблагодарилъ ихъ за то.

Эти разговоры были непродолжительны, и не нужно было злоупотреблять ими, чтобы не заставить тюремнаго смотрителя браниться; но всякій день повторялись эти разговоры, къ великому моему утѣшенію, на разсвѣтѣ, въ полдень и вечеромъ. Когда зажигали огонь, эта женщина запирала окно, и дѣти кричали мнѣ:— Доброй ночи, Сильвіо!—и она, дѣлавшись въ темнотѣ посмѣлѣе, повторяла растроганнымъ голосомъ:—Доброй ночи, Сильвіо! мужайся!

Когда дѣти, бывало, завтракали или закусывали, они говорили мнѣ:—Ахъ, если бы мы могли дать тебѣ нашего кофе съ молокомъ! если бы мы могли дать тебѣ нашихъ буццолаи! Въ тотъ день, когда ты будешь на свободѣ, вспомни о насъ и приходи къ намъ! Мы дадимъ тебѣ славныхъ, горячихъ буццолаи и много, много поцѣлуевъ!

XLIV.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ стекались для меня годовщины самыхъ печальныхъ происшествій. Я былъ арестованъ 13 числа этого мѣсяца въ предъидущемъ году. Кромѣ этого, много другихъ печальныхъ воспоминаній выпадали на этотъ мѣсяцъ. За два года пе-

редъ этимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по несчастной случайности, утонулъ въ Тичино одинъ прекрасный человѣкъ, человѣкъ съ большими достоинствами, котораго я очень уважалъ. За три года передъ тѣмъ, въ октябрѣ, нечаянно застрѣлился изъ ружья Одоардо Брике, юноша, котораго я любилъ, какъ своего сына. Во времена моей первой юности, въ октябрѣ, поразило меня другое тяжелое горе.

Хотя я и не суевѣренъ, но меня приводило въ уныніе роковое стеченіе въ этомъ мѣсяцѣ столь несчастныхъ воспоминаній.

Разговаривая въ окно съ этими дѣтьми и съ своими товарищами по заключенію, я притворялся веселымъ, но едва я входилъ въ свое логово, невыразимая тяжесть горя камнемъ падала на сердце.

Я брался за перо, чтобы написать какіе нибудь стихи или что нибудь другое въ литературномъ родѣ, и непреодолимая сила, казалось, принуждала меня писать совсѣмъ другое. Что?—длинныя письма, которыя я не могъ отсылать, длинныя письма къ моему дорогому семейству, въ которыхъ я изливалъ все мое сердце. Я писалъ ихъ на столикѣ и потомъ соскабливалъ ихъ. Они были наполнены выраженіями горячей любви, нѣжности, воспоминаніями о томъ счастіи, какимъ я наслаждался въ родной семьѣ, окруженный отцомъ, матерью, братьями и сестрами, столь снисходительными, столь любящими. Тоска по родной семьѣ, пламенное желаніе повидать ее внушали мнѣ тысячи прочувствованныхъ, страстныхъ выраженій. Я писалъ цѣлыми часами, и все еще многое оставалось невысказаннымъ, все еще много другихъ мыслей, другихъ чувствъ просилось на бумагу.

Это было повтореніемъ моей біографіи, повтореніемъ, только въ новой формѣ, морочившимъ меня картинами прошлаго; это заставляло меня обращать мои взоры къ тому счастливому времени, котораго уже не было больше. Но, Боже мой! сколько разъ, представивъ себѣ на бумагѣ, самымъ живѣйшимъ образомъ, какой нибудь моментъ моей наисчастливѣйшей жизни, унесшись опьяненной фантазіей до того, что мнѣ казалось—я нахожусь съ тѣми лицами, которымъ пишу,—сколько разъ внезапно вспоминалось мнѣ настоящее, перо выпадало изъ рукъ, и меня охватывалъ ужасъ! Это были по истинѣ страшныя минуты! Я и прежде иногда испытывалъ ихъ, но никогда въ такія минуты не содрогался такъ, какъ теперь.

Я приписывалъ эти содроганія, эту столь страшную тоску слишкомъ большой возбужденности чувствъ, вызванной эпистолярною формой, какую я придавалъ своему писанію, и тѣмъ еще, что я обращалъ эти письма къ лицамъ, столь дорогимъ для меня.

Я хотѣлъ заняться другимъ и не могъ; я хотѣлъ бросить, по крайней мѣрѣ, эпистолярную форму—и не могъ. Я бралъ перо,

садился писать—и въ результатѣ всегда оказывалось письмо, полное нѣжной любви и полное горя.

— Неужели уже больше не свободна моя воля?—говорилъ я себѣ.—Эта необходимость дѣлать то, чего я вовсе не хотѣлъ бы, не есть ли помѣшательство моего мозга? Вѣдь этого прежде со мной не случалось. Еще было бы это объяснимо въ первые дни заточенія; но теперь, когда я свыкся съ тюремной жизнью, теперь, когда моя фантазія должна бы успокоиться относительно всего; теперь, когда я взростилъ въ себѣ столько философскихъ и религіозныхъ мыслей, какъ это я сдѣлался рабомъ слѣпыхъ желаній сердца, и ребячусь такъ? Займемся тогда другимъ.

Я старался тогда молиться; или принуждалъ себя къ изученію нѣмецкаго языка. Тщетное усиліе! Я замѣчалъ, что опять я писалъ другое письмо.

XLV.

Сущая болѣзнь было подобное состояніе; не знаю, не долженъ ли я сказать, что это было нѣчто въ родѣ сомнамбулизма. Безъ сомнѣнія, это было результатомъ чрезмѣрной усталости, вызванной постояннымъ бодрствованіемъ и размышленіемъ.

Пошлó еще дальше. Постоянная безсонница овладѣла мною, и ночи, бóльшею частью, сдѣлались лихорадочными. Тщетно переставалъ я пить по вечерамъ кофе; безсонница была та же самая.

Мнѣ казалось, что во мнѣ было два человѣка: одинъ все хотѣлъ писать письма, другой хотѣлъ дѣлать что нибудь иное. Хорошо,—говорилъ я:—помиримся на томъ: пиши письма, но пиши ихъ понѣмецки; вотъ мы, такимъ образомъ, и будемъ учиться этому языку.

Съ этихъ поръ я писалъ все на дурномъ нѣмецкомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ, такимъ образомъ, нѣкоторый успѣхъ въ этомъ занятіи.

Утромъ, послѣ долгаго бодрствованія, истомленный мозгъ впадалъ въ какой-то тяжелый сонъ. И снилось мнѣ, или, скорѣе, бредилъ я тогда, что будто бы вижу я, какъ тоскуетъ и убивается по мнѣ отецъ, мать или кто нибудь изъ близкихъ. Я слышалъ ихъ жалобныя рыданья и скоро, самъ рыдая, просыпался я, содрогаясь отъ ужаса.

Иногда, въ эти короткіе сны, казалось мнѣ, что я слышу, какъ матушка утѣшаетъ другихъ, входя съ ними въ мою камеру, и обращается ко мнѣ со священнѣйшими словами относительно долга безропотной покорности Всемогущему; и когда я все болѣе и болѣе ободрялся и веселѣлъ, видя мужество ея и другихъ, она вдругъ заливалась слезами, и всѣ плакали. Никто не можетъ знать, какъ надрывалось тогда мое сердце.

Чтобы избавиться отъ такого бѣдственнаго положенія, я пробовалъ вовсе не ложиться въ постель. Всю ночь не гасилъ огня и сидѣлъ у стола за письмомъ или чтеніемъ. Но что? Бывали моменты, когда я читалъ, будучи совершенно бодръ, но читалъ, ничего не понимая, и моя голова не была въ состояніи связать ни одной мысли. Тогда я переписывалъ что нибудь, но переписывалъ, думая совершенно о другомъ, чѣмъ то, что я писалъ, думая только о своихъ несчастіяхъ.

А если ложился въ постель, было еще хуже. Никакое положеніе не было сноснымъ; я ворочался съ боку на бокъ, и дѣло кончалось тѣмъ, что мнѣ приходилось вставать. А если я и засыпалъ, то эти повергавшіе меня въ отчаяніе сны причиняли мнѣ больше зла, чѣмъ бодрствованіе.

Мои молитвы были безплодны; тѣмъ не менѣе, я часто повторялъ ихъ, не произнося много словъ, а только взывая къ Богу. Боже, Ты близокъ къ человѣку, ты знаешь всѣ человѣческія печали!

Въ эти страшныя ночи до того разыгрывалось мое воображеніе, что, хотя я и не спалъ, казалось мнѣ, что я слышу то стоны въ моей камерѣ, то чей-то сдавленный хохотъ. Я съ дѣтства никогда не вѣрилъ ни въ домовыхъ, ни въ вѣдьмъ, а теперь этотъ смѣхъ, эти стоны меня ужасали, и я не зналъ, какъ объяснить себѣ это, и противъ воли думалъ, что не служу ли я посмѣшищемъ для неизвѣстныхъ мнѣ злобныхъ существъ?

Много разъ, дрожа отъ страху, я хваталъ свѣчу и смотрѣлъ, нѣтъ ли кого подъ кроватью, кто бы дразнилъ меня? Много разъ западало мнѣ въ голову сомнѣніе, что меня перевели въ эту камеру изъ прежней потому, что здѣсь есть какая-то ловушка, что, можетъ быть, въ стѣнахъ сдѣлано потайное отверстіе, откуда шпіоны слѣдятъ за всѣмъ, что я дѣлаю, и безсердечно забавляются моими страхами.

Если стою у стола, кажется мнѣ, что кто-то тянетъ меня за платье, то кто-то толкаетъ мою книгу, которая падаетъ на полъ, то кто-то дуетъ на огонь свѣчи, чтобы затушить ее. Я вскакивалъ тогда на ноги, озирался кругомъ, ходилъ по комнатѣ съ какою-то недовѣрчивостью, мнительностію, и спрашивалъ самъ себя: въ разсудкѣ ли я? не сошолъ ли я съ ума? И не различалъ больше, дѣйствительность ли то, что я вижу и чувствую, или все это сонъ, иллюзія? И тогда я взывалъ съ тоскою:

«Deus meus, Deus meus, ut quid dereliquisti me?» [1]).

---

[1]) Боже мой, Боже мой, ужели Ты оставилъ меня?

XLVI.

Какъ-то разъ я легъ въ постель, не задолго до разсвѣта, будучи твердо увѣренъ, что я положилъ свой платокъ подъ изголовье. Послѣ недолгаго тяжелаго сна я проснулся, какъ обыкновенно, и мнѣ показалось, что меня душили. Я чувствовалъ, что у меня сильно сдавлено горло. Странное дѣло. Шея у меня была обвернута моимъ платкомъ, крѣпко связаннымъ въ нѣсколько узловъ. Я поклялся бы, что не дѣлалъ этихъ узловъ, что я не дотрогивался до платка съ той поры, какъ положилъ его подъ подушку. Приходится думать, что я сдѣлалъ это во снѣ или въ бреду, не сохранивъ о томъ ни малѣйшей памяти; но я не могъ этому вѣрить; и съ той поры я всякую ночь подозрѣвалъ, что меня задушатъ.

Я понимаю, на сколько эти безумства должны быть смѣшны для другихъ, но мнѣ, который испытывалъ ихъ, они причиняли такое страданіе, что я все еще дрожу при одной мысли о нихъ.

Всякое утро мои страхи исчезали, — и пока длился дневной свѣтъ, я чувствовалъ себя столь оправившимся отъ этихъ ужасовъ, что мнѣ казалось невозможнымъ когда нибудь снова страдать отъ нихъ. Но при закатѣ солнца я начиналъ опять дрожать, какъ въ лихорадкѣ, и каждая ночь приводила за собой нелѣпыя безумства предъидущей.

Чѣмъ больше я падалъ духомъ во мракѣ, тѣмъ больше прилагалъ усилій втеченіе дня, чтобы показаться веселымъ въ разговорахъ съ товарищами, съ обоими мальчиками патріархатства и съ своими тюремщиками. Слыша, какъ я шучу, никто бы не вообразилъ себѣ того жалкаго недуга, которымъ я страдалъ. Я надѣялся этими усиліями укрѣпить себя, но они ни къ чему не вели. Эти ночные призраки, которые днемъ я называлъ глупостью, вечеромъ вновь становились для меня страшной дѣйствительностью.

Если бы я смѣлъ, я бы упросилъ коммиссію перемѣнить мнѣ комнату, но я не рѣшился на это, боясь показаться смѣшнымъ.

Всѣ разсужденія, всѣ размышленія, всѣ старанія, всѣ молитвы были тщетны: мной овладѣла страшная мысль, что я совершенно и навсегда покинутъ Богомъ.

Всѣ эти лукавые софизмы противъ Провидѣнія, казавшіеся мнѣ за нѣсколько недѣль передъ этимъ, когда еще я былъ способенъ разсуждать, столь глупыми, теперь не выходили у меня изъ головы, и мнѣ казалось, что ихъ нужно принять во вниманіе. Нѣсколько дней я боролся противъ этого искушенія и, наконецъ, уступилъ ему.

Я пересталъ признавать благо религіи; я говорилъ такъ же, какъ говорятъ безумные атеисты, какъ Джуліано, недавно писавшій

мнѣ: религія не служитъ ни къ чему иному, какъ къ ослабленію способностей ума. Я рѣшился, въ своемъ высокомѣріи, повѣрить тому, что, отказавшись отъ Бога, я придамъ силы моему уму. Безумная увѣренность! Я отрицалъ Бога и не умѣлъ отречься отъ невидимыхъ злобныхъ существъ, которыя, казалось, окружали меня и питались моими скорбями.

Какъ назвать это мученіе? Достаточно ли сказать, что это была болѣзнь? или это было въ то же самое время божеской карой, побуждавшей меня отбросить мою гордость и познать, что, безъ особеннаго свѣта, я могъ сдѣлаться невѣрующимъ, какъ Джуліано, и болѣе безумнымъ, чѣмъ онъ?

Что̀ бы это ни было, Господь избавилъ меня отъ такого зла, когда я всего менѣе этого ожидалъ.

Разъ какъ-то утромъ, послѣ того, какъ я выпилъ кофе, со мной случилась страшная рвота и колики. Я думалъ, что меня отравили. Послѣ мучительной рвоты, я былъ весь въ поту и легъ на кровать. Къ полудню я заснулъ и спалъ спокойно до вечера.

Я проснулся, удивляясь такому нежданному спокойствію; сонъ, казалось, прошелъ, и я всталъ. Если я встану, говорилъ я себѣ, у меня будетъ больше силъ къ борьбѣ съ обычными страхами.

Но страхи не явились. Я ликовалъ и, будучи полонъ благодарности, снова чувствуя присутствіе Господа, бросился на землю, чтобы помолиться Ему и испросить у Него прощенія въ томъ, что я втеченіе многихъ дней отрицалъ Его. Это изліяніе радости истощило мои силы; и, оставшись нѣсколько времени на колѣняхъ, прислонившись къ стулу, я былъ вновь застигнутъ сномъ и въ этомъ положеніи заснулъ.

Послѣ этого, не знаю, черезъ часъ или черезъ нѣсколько часовъ, я проснулся на половину и бросился, какъ былъ, одѣтый, на постелю и проспалъ до зари. Я чувствовалъ себя все еще соннымъ втеченіе цѣлаго дня; вечеромъ я быстро легъ и проспалъ всю ночь. Какой кризисъ произошелъ во мнѣ? Я его не знаю, но я выздоровѣлъ.

XLVII.

Тошнота, которою давно уже страдалъ мой желудокъ, прекратилась, прекратились и головныя боли, и на меня напалъ страшный аппетитъ. Желудокъ варилъ превосходно, и мои силы увеличивались. Дивное Провидѣніе! оно отняло у меня силы, чтобы смирить меня; оно возвратило мнѣ ихъ потому, что приближалось время произнесенія приговоровъ, и Провидѣніе хотѣло, чтобы я не палъ духомъ при ихъ объявленіи.

24-го ноября, одинъ изъ нашихъ товарищей, докторъ Форести, былъ взятъ изъ свинцовыхъ тюремъ и переведенъ, мы не знали,

куда. Тюремный смотритель, его жена и секондини были перепуганы; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пролить свѣту на эту тайну.

— И что это хочется вамъ знать,—говорилъ мнѣ Тремерелло:— если тутъ нѣтъ ничего хорошаго знать? Я и такъ уже слишкомъ много сказалъ вамъ.

— Ну, да къ чему же послужитъ молчаніе?—воскликнулъ я, весь дрожа:—развѣ я не понялъ васъ? Вѣдь онъ осужденъ на смерть?

— Кто?.. онъ?.. докторъ Форести?..

Тремерелло находился въ нерѣшимости; но страсть къ болтовнѣ была изъ его добродѣтелей.

— Не скажите потомъ, что я болтунъ. Собственно я не хотѣлъ разинуть рта относительно этого. Помните, что вы меня вынудили.

— Да, да, я вынудилъ, но смѣлѣй! скажите мнѣ все! Что съ бѣднымъ Форести?

— Ахъ, синьоръ! Его заставили пройдти мостъ Вздоховъ! Онъ въ камерахъ для уголовныхъ! Смертный приговоръ произнесенъ надъ нимъ и еще надъ двоими.

— И его казнятъ?.. когда?.. О, несчастные! А кто тѣ двое?

— Я ничего не знаю, я ничего не знаю. Приговоръ еще не обнародованъ. По всей Венеціи говорятъ, что будетъ много смягченій наказанія. Дай Богъ, чтобы никого изъ нихъ не казнили смертію! Дай Богъ, если не всѣ будутъ спасены отъ смерти, дай Богъ, чтобы вы, по крайней мѣрѣ, избѣгли ея! Я такъ къ вамъ привязанъ... извините за вольность... какъ къ своему брату!

Онъ ушелъ отъ меня растроганный. Читатель можетъ себѣ представить, въ какомъ волненіи я находился весь этотъ день и потомъ всю ночь и еще много дней, такъ какъ я больше ничего не могъ узнать.

Неизвѣстность длилась съ мѣсяцъ; наконецъ, приговоръ относительно подсудимыхъ перваго процесса былъ обнародованъ. Приговорено было много лицъ; изъ нихъ девять было осуждено на смерть, но императоръ помиловалъ ихъ, и смертная казнь была замѣнена тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ—кому на двадцать лѣтъ, кому на пятнадцать (въ этихъ двухъ случаяхъ осужденные должны были вынести наказаніе въ крѣпости Шпильбергъ около города Брюнна въ Моравіи), кому на десять лѣтъ и менѣе (и тогда шли въ крѣпость Лайбахъ).

Если смягчили наказаніе всѣмъ подсудимымъ перваго процесса, то не служитъ ли это доказательствомъ того, что смерть должна пощадить подсудимыхъ и втораго процесса? Или такое снисхожденіе было оказано только первымъ, потому что они были арестованы до тѣхъ еще постановленій, которыя были послѣ обнародованы противъ тайныхъ обществъ, и вся строгость падетъ на вторыхъ?

— До разрѣшенія моихъ сомнѣній не можетъ быть далеко,—говорилъ я:—слава Богу, что у меня есть время предвидѣть смерть и приготовиться къ ней.

XLVIII.

Моей единственной мыслью было — умереть похристіански и съ должнымъ мужествомъ. Было у меня искушеніе избавиться отъ висѣлицы самоубійствомъ, но это искушеніе исчезло. Какое преимущество въ томъ, что я не дамся убить себя палачу, а буду самъ своимъ палачемъ? Что! я спасаю честь этимъ? И не ребячество ли думать, что больше чести подшутить надъ палачемъ, чѣмъ не дѣлать этого, когда все равно неизбѣжно умереть? И не будь я христіаниномъ, самоубійство, если поразсудить о томъ, кажется мнѣ глупою забавою, безполезностью.

— Если пришелъ конецъ моей жизни,— говорилъ я себѣ, — то не счастливъ ли я тѣмъ, что мнѣ есть время собраться съ мыслями и очистить свою совѣсть желаніями и раскаяніями, достойными человѣка? Разсуждая заурядно—идти на висѣлицу, это есть самая худшая изъ смертей; разсуждая мудро, не есть ли это лучшая изъ стольких смертей, которыя приходятъ чрезъ болѣзни, болѣзни, ослабляющія разумъ, не допускающія душѣ оторваться отъ пошлыхъ, низкихъ мыслей?

Я такъ проникся справедливостью этого разсужденія, что страхъ смерти, и смерти такого рода, какъ висѣлица, совсѣмъ исчезъ у меня. Я много размышлялъ о Святыхъ Дарахъ, которые должны были дать мнѣ силъ къ этому торжественному шагу, и мнѣ казалось, что я могу принять эти Дары съ такимъ настроеніемъ, что они не замедлили бы оказать свое дѣйствіе. Сохраню ли я эту высоту духа, которую я, какъ думалъ, имѣю, этотъ миръ, это чувство снисхожденія къ тѣмъ, кто меня ненавидѣлъ, эту радость, что я могу свою жизнь принесть въ жертву волѣ Божіей,—сохраню ли я ихъ, когда поведутъ меня на казнь? Увы! человѣкъ полонъ противорѣчій; и когда тебѣ кажется, что ты сталъ болѣе сильнымъ, болѣе безгрѣшнымъ, черезъ минуту послѣ этого ты можешь впасть въ слабость и прегрѣшеніе! Одинъ Господь знаетъ, умру ли я тогда достойно. Я еще недовольно высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы утверждать это.

Мое воображеніе, между тѣмъ, остановилось на мысли—вѣроятной близости смерти—такимъ образомъ, что умереть мнѣ казалось не только возможнымъ, но я даже предчувствовалъ, что я навѣрное умру. Всякая надежда на то, что я избѣгну этого опредѣленія судьбы, все больше и больше покидала меня, и при каждомъ звукѣ шаговъ и ключей, всякій разъ, какъ растворяли мою дверь, я говорилъ себѣ: мужайся! можетъ быть, пришли за тобой, чтобы вести тебя къ выслушанію приговора. Выслушаемъ его съ полнымъ достоинства спокойствіемъ и благословимъ Господа.

Я размышлялъ о томъ, что̀ я долженъ былъ написать въ послѣдній разъ своимъ роднымъ и въ отдѣльности отцу, матери,

каждому изъ братьевъ и каждой изъ сестеръ; и, перебирая въ своемъ умѣ выраженія чувствъ, столь глубокихъ и столь священныхъ, я умилялся и плакалъ, и эти слезы не ослабляли моего желанія безропотно подчиниться Верховному промыслу.

Какъ было не вернуться безсонницѣ? Но какая была разница между этой безсонницей и прежней! Я не слышалъ ни стоновъ, ни смѣху въ комнатѣ; не бредилъ ни духами, ни спрятавшимися людьми. Ночь была для меня желаннѣе дня, потому что ночью я больше сосредоточивался въ молитвѣ. Къ четыремъ часамъ я обы-

кновенно ложился въ постель и спалъ мирнымъ сномъ около двухъ часовъ. Проснувшись, я еще долго лежалъ въ постели. Вставалъ къ одиннадцати.

Однажды ночью легъ я нѣсколько раньше обыкновеннаго; не прошло еще четверти часа, какъ я заснулъ, — просыпаюсь, и мнѣ бросается въ глаза сильный свѣтъ на стѣнѣ. Я испугался, что не впалъ ли я снова въ прежній бредъ; но то, что я видѣлъ, не было иллюзіей. Этотъ свѣтъ падалъ изъ выходившаго на сѣверъ окошечка, подъ которымъ я лежалъ.

Я соскакиваю на полъ, беру столикъ, ставлю его на кровать, сверху кладу стулъ, взлѣзаю на него — и вижу одно изъ прекрас-

